ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ПЯТЬДЕСЯТЪ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

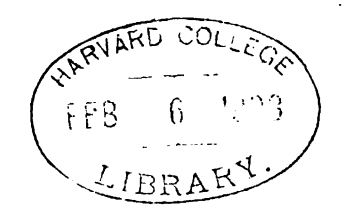
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1893

ИППОЛИТЪ

Трагедія Эврипида.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АФРОДИТА.
ИППОЛИТЪ.
СЛУГИ.
ХОРЪ трезенскихъ женъ.
КОРМИЛИЦА.
ФЕДРА.
ВѢСТНИКЪ.
ТЕЗЕИ.
РАБЪ.
АРТЕМИДА.

Дѣйствіе происходитъ предъ дворцомъ Тезея. У входа—двѣ статуи,—богини любви, Афродиты, и дѣвственной Артемиды.

Афродита.

Я—грозная богиня Афродита,
Царящая на небѣ и землѣ.
Народы всѣ, что видятъ свѣтъ небесный,
Отъ береговъ Понтійскихъ и до волнъ
Атлантики—моей подвластны волѣ.
Я милую покорныхъ, но къ сердцамъ,
Исполненнымъ гордыни,—безпощадна:
Правдивость словъ моихъ я докажу.
Тезеевъ сынъ, рожденный Амазонкой,
Воспитанный Питѳеемъ, Ипполитъ,—
Одинъ изъ всѣхъ мужей Эллады—злѣйшей
Богинею зоветъ меня, любви
Чуждается и женщинъ презираетъ.
Онъ гордую и дѣвственную чтитъ
Дочь Зевсову, ее одну считаетъ
Великою, въ тѣни зеленыхъ рощъ
Охотится съ надменной Артемидой,
И болѣе, чѣмъ смертный заслужилъ,
Къ себѣ его приблизила богиня.
Не чувствую къ ней зависти: чему
Завидовать? Но нынѣ Ипполита
За все, въ чемъ онъ виновенъ предо мной,
Я накажу. И трудъ мнѣ будетъ легокъ.
Я месть мою готовила давно.
Въ тотъ день, когда его вторая мать,
Жена отца, узрѣла Ипполита,
Грядущаго къ святынѣ Элевзинской,
Я страсть къ нему преступную зажгла
Въ ея груди. Тамъ, на скалѣ Паллады,
Гдѣ съ высоты трезенскія поля
Виднѣются, она мнѣ храмъ воздвигла.
И слухъ пройдетъ до будущихъ вѣковъ,
Что Федрою во славу Ипполита
Основанъ храмъ. И пожелалъ Тезей
Очиститься отъ крови Паллантидовъ,
Въ изгнаніе къ трезенскимъ берегамъ
Приплылъ, и здѣсь, увидѣвъ Ипполита,
Страдаетъ Федра, любитъ и молчитъ.
Причины мукъ ея никто не знаетъ.
Но предъ царемъ я Федру обличу:

Онъ проклянетъ возлюбленнаго сына,
А Посейдонъ Тезею обѣщалъ
Исполнить три желанья: сынъ погибнетъ.
И пусть она невинная умретъ!
Не откажусь я для нея отъ мщенья:
Чтò бъ ни было, мой гнѣвъ я утолю!

Доносятся радостные крики и пѣсни.

Но вотъ въ кругу друзей своихъ безпечныхъ
Идетъ домой съ охоты Ипполитъ.
Я слышу—гимнъ во славу Артемиды
Они поютъ. Не знаетъ сынъ царя,
Что передъ нимъ отверзты двери гроба,
Что видитъ солнце онъ въ послѣдній разъ.

Богиня исчезаетъ. Ипполитъ, въ сопровожденіи слугъ и товарищей, входитъ и возлагаетъ вѣнокъ у подножія статуи Артемиды.

Ипполитъ.

Пойте, пойте гимнъ хвалебный
Покровительницѣ нашей
Дщери Зевса, Артемидѣ!

Слуги.

Слава, слава Артемидѣ,
Дщери Зевса и Латоны,
Честь богинѣ величайшей
И прекраснѣйшей изъ дѣвъ,
Чтò на небѣ безпредѣльномъ,
Въ золотыхъ чертогахъ Зевса
Обитаетъ; честь—богинѣ
И прекраснѣйшей изъ дѣвъ!

Ипполитъ—*преклоняя колѣни.*

Къ твоимъ стопамъ, владычица, вѣнокъ
Я приношу изъ дѣвственной долины,
Куда овецъ не смѣетъ гнать пастухъ,
Куда и серпъ желѣзный не заходитъ,
Гдѣ лишь пчела въ нескошенныхъ лугахъ
Надъ травами душистыми летаетъ,
И свѣтлыми струями нимфа рѣкъ
Стыдливыя деревья орошаетъ.
Цвѣты срывать тамъ могутъ только тѣ,
Кто въ мудрости природою взлелѣянъ,

А людямъ злымъ и грѣшнымъ не дано.
Изъ тѣхъ цвѣтовъ вѣнокъ, сплетенный мною
Для золотыхъ кудрей твоихъ,—прими!
Межъ смертными одинъ я удостоенъ
Съ богинею бесѣдовать, какъ другъ,
Ея лица не видя, слышать голосъ...
О, если бы, у ногъ твоихъ, любя,
Окончить могъ я жизнь мою, какъ началъ!

Слуга.

Мой господинъ,—царями должно звать
Однихъ боговъ,—позволь мнѣ молвить слово.

Ипполитъ.

Я слушаю.

Слуга.

Ты знаешь ли законъ,
Надъ смертными царящій?

Ипполитъ.

Я не знаю,
Какой законъ ты разумѣешь.

Слуга.

Тотъ,
Что люди злыхъ и гордыхъ ненавидятъ.

Ипполитъ.

Ты правъ, старикъ.

Слуга.

И всѣ мы любимъ кроткихъ.

Ипполитъ.

Сердца людей плѣняетъ доброта.

Слуга.

Но къ доброму и боги благосклонны.

Ипполитъ.

Коль также боги чувствуютъ, какъ мы.

Слуга.

Зачѣмъ же ты великую богиню
Презрѣлъ?

Ипполитъ.

Скажи, какую? Но смотри,
Чтобы твои уста не погрѣшили.

Слуга—*указывая на статую Афродиты.*

Здѣсь, предъ тобой стоящую Киприду.

Ипполитъ—*съ презрѣніемъ.*

Я сердцемъ чистъ и цѣломудренъ: чтить
Такихъ боговъ могу лишь издалёка...

Слуга.

Но власть ея недаромъ признаютъ
Всѣ племена.

Ипполитъ.

Пусть каждый избираетъ
Себѣ друзей межъ смертныхъ и боговъ.

Слуга.

О, еслибы совѣтъ благой ты принялъ!

Ипполитъ.

Повѣрь, служить не буду я богамъ,
Которыхъ чтутъ во мракѣ ночи, тайно!..

Слуга.

Не должно ль всѣхъ боговъ Олимпа чтить?

Ипполитъ.

Скорѣй домой, товарищи, идите,
Устройте пиръ: съ охоты воротясь,
Мы въ трапезѣ нуждаемся обильной.
И накормивъ и гривы расчесавъ
Скребницами, коней вы приготовьте:
Я запрягу ихъ въ колесницу вновь.—*Слугѣ.*
А ты оставь меня съ твоей Кипридой!

Ипполитъ съ товарищами уходитъ.

Слуга.

Я не хочу безумцу подражать
И съ тихою молитвой преклоняюсь,
Смиренный рабъ, къ подножью твоему,
Владычица! Не гнѣвайся, Киприда,
На отрока: не вѣдаетъ онъ самъ,
Чтò говоритъ; пустыхъ рѣчей не слушай:
Мудрѣе смертныхъ должно быть богамъ...

Слуга уходитъ.

Хоръ.

Строфа первая.

Бьетъ родникъ сверкающій
Изъ утеса мрачнаго.
Звонкую струю
Черпаютъ въ немъ урною.

Тамъ—вчера я видѣла—
Какъ одна у берега
Изъ моихъ подругъ
Мыла ткань пурпурную,
И подъ солнцемъ полуденнымъ влажный покровъ
Разстилала, сушила на знойныхъ камняхъ.
Отъ нея услыхала я первую вѣсть
О владычицѣ.

Антистрофа первая.

Федра на страдальческомъ
Ложѣ одинокая
Во дворцѣ лежитъ
И прозрачно-легкою
Дымкой бѣлокурую
Покрываетъ голову.
Вотъ ужъ третій день
Не вкушаетъ, бѣдная,
Отъ твоихъ, о Демѐтра, плодовъ, третій день
Не подноситъ она къ амброзійнымъ устамъ
Сладкихъ брашнъ, призывая въ отчаяньѣ смерть
Добровольную.

Строфа вторая.

Можетъ быть, Панъ иль Геката,
Страшные боги, безумьемъ
Душу твою поразили,
Или за то, что ей въ жертву
Мало хлѣбовъ
Ты принесла,—Артемида
Мститъ безпощадная: всюду
Бродитъ она—и въ болотахъ,
И надъ соленой пучиной
Темныхъ валовъ.

Антистрофа вторая.

Или соперницу въ домѣ
Нынѣ Тезей благородный,
Царственный вождь Эректидовъ,
Мужъ твой, на брачное ложе
Тайно возвелъ.
Можетъ быть, къ намъ издалёка
Въ гостепріимную гавань

Прибылъ морякъ, и о милыхъ
Ты отъ него услыхала
Горькую вѣсть.

Эподосъ.

Но отъ вѣка нравъ у женщинъ
Непокорный, прихотливый—
И въ беременности тяжкой,
И въ порывахъ сладострастья.
Эту слабость, эти муки
Испытала я не разъ.
И тогда мольбой усердной
Дѣву съ лукомъ серебристымъ
Артемиду призывала
Я помощницу родовъ:
Намъ богиня, бѣднымъ женамъ,
Облегчаетъ муки чрева.

Изъ дворца выходитъ Федра. Ее поддерживаетъ кормилица. Слуги выносятъ ложе, и Федра опускается на него въ изнеможеніи.

Хоръ.

Вотъ старуха-кормилица Федру ведетъ
Къ намъ въ преддверье чертоговъ изъ спальни.
О, царица, въ очахъ твоихъ—смертная тѣнь.
Я хотѣла бы знать, что за горе,
Что за тайный недугъ мучитъ душу твою
И сжигаетъ цвѣтущее тѣло.

Кормилица.

О, мученья людей, безконечный недугъ!
Чтò мнѣ скрыть, чтò сказать, я не знаю...
Вотъ онъ—радостный день, вотъ—просторъ голубой,
Все, чего ты ждала и молила.
Изъ чертоговъ мы вынесли ложе твое.
Но, ничѣмъ недовольна, желанье
Ты измѣнишь и скоро захочешь назадъ
Въ твою темную, тихую спальню:
Сердцу бѣдному мило лишь то, чего нѣтъ;
Все, чтò есть, для него ненавистно...
Лучше тяжкій недугъ самому испытать,
Чѣмъ бояться за друга больного:
Это—скорбь за двоихъ и мучительный трудъ.
Такъ вся жизнь человѣка—страданье.

А межъ тѣмъ, если есть что-то выше, чѣмъ жизнь,
Отъ людей оно скрыто навѣки.
И мы любимъ нашъ міръ, потому что нельзя
Намъ постигнуть загробнаго міра.
Лишь баюкаютъ лживыя сказки о немъ,
Но душѣ не даютъ утоленья.

ФЕДРА.

Милыя подруги, дайте мнѣ подняться,
За̀ руки возьмите. Поддержи, родная,
Голову: всѣ члены у меня болятъ.
Тяжела мнѣ дымка легкаго покрова:
Снявъ его, разсыпьте кудри по плечамъ.

КОРМИЛИЦА.

Успокойся, дитя мое, дай отдохнуть
Утомленному тѣлу. Мужайся
И богамъ покорись: будетъ легче недугъ.
Помни: скорбь для людей—неизбѣжна.

ФЕДРА.

Какъ бы я приникла къ роднику устами,
Чтобъ студеной влагой жажду утолить,
Какъ бы отдохнула на травѣ шелко̀вой
Подъ зеленой тѣнью стройныхъ тополей!..

КОРМИЛИЦА.

Что̀ съ тобою, родная? Опомнись! Толпа
Эти рѣчи безумныя слышитъ...

ФЕДРА.

Въ лѣсъ меня на волю отведите, въ горы,
Къ благовоннымъ соснамъ, гдѣ въ смолистой чащѣ
Пестраго оленя затравили псы!
Тамъ я буду гончихъ звать, сжимая стрѣлы
Легкія во длани,—дротикъ ѳессалійскій
Мимо златокудрой головы метать!..

КОРМИЛИЦА.

Гдѣ твои мысли блуждаютъ, царица?
Что̀ тебѣ въ дикихъ звѣряхъ и въ охотѣ?
Что̀ тебѣ въ горныхъ студеныхъ ключахъ?
Чистый родникъ бьетъ у самаго дома:
Можешь въ немъ жажду свою утолить.

ФЕДРА.

Еслибъ, Артемида, на твоемъ прибрежьѣ,
Тамъ, гдѣ конскій топотъ потрясаетъ землю,

Вѣтеръ пахнетъ моремъ,—я могла уздою
Укрощать венетскихъ молодыхъ коней!

Кормилица.

Вновь ты немудрое молвила слово:
Только-что въ лѣсъ на охоту стремилась,
Нынѣ же хочешь смирять въ ипподромѣ
Буйныхъ коней на песчаномъ прибрежьѣ,
Не орошаемомъ пѣною волнъ.
Если бы знать, что̀ за демонъ безумьемъ
Скорбную душу твою поразилъ!

Федра—*приходя въ себя.*

Что̀ я сдѣлала, несчастная?..
Это боги мстятъ!.. Я бредила...
Я схожу съума!.. Родимая,
Спрячь, скорѣе спрячь мнѣ голову!..
Стыдно... Очи мнѣ покрой...
Отвращаю взоръ въ смятеніи,
Вспомнивъ рѣчь мою безумную,
Видишь—плачу отъ стыда!..
Больно—думать, больно—чувствовать...
Легче было бы въ забвеніи
И въ бреду мнѣ умереть!..

Кормилица.

Такъ же, какъ ризой тебя покрываю,
Скоро ли очи покроетъ мнѣ смерть?..
Долгая жизнь меня многому учитъ:
Надо спокойно и въ мѣру любить,
Не безпредѣльно, не всею душою.
Новую дружбу легко заключать,
Цѣпи любви порывая безпечно:
Слишкомъ тяжелое бремя нести
Тотъ навсегда обреченъ,—кто полюбитъ—
Сердцемъ единымъ страдать за двоихъ,
Какъ за тебя я страдаю, о, Федра!..
Чувство безмѣрное губитъ людей;
Вѣрь мнѣ, и мудрые будутъ согласны:
Лучше намъ въ мѣру, чѣмъ слишкомъ любить.

Хоръ.

Я вижу скорбь, не вѣдая причины.
Кормилица, какой недугъ томитъ
Несчастную, открой мнѣ, если можешь.

КОРМИЛИЦА.

На всѣ мои вопросы и мольбы
Уже давно не отвѣчаетъ Федра.

ХОРЪ.

Не вѣдаешь и ты причины мукъ?

КОРМИЛИЦА.

Она хранитъ ее въ глубокой тайнѣ.

ХОРЪ.

Какъ бѣдная страдаетъ!

КОРМИЛИЦА.

Третій день,
Какъ не вкушала хлѣба...

ХОРЪ.

Отъ болѣзни,
Иль для того, чтобъ умереть скорѣй?

КОРМИЛИЦА.

Чтобъ умереть.

ХОРЪ.

Но мужъ?..

КОРМИЛИЦА.

Она скрываетъ
Свою болѣзнь отъ мужа.

ХОРЪ.

По лицу
Онъ долженъ бы увидѣть муки Федры...

КОРМИЛИЦА.

Его здѣсь нѣтъ: Тезей въ чужихъ краяхъ.

ХОРЪ.

Признаніе исторгнуть у царицы
Не можешь ли ты силой?

КОРМИЛИЦА.

Чтò могла,
Я сдѣлала, но тщетно. Все же буду
Пытаться вновь и вновь ее молить.
Увидите, какъ я люблю царицу!.. —*Федрѣ*.
О, милое дитя мое, прости,
Не гнѣвайся, забудь мои упреки,
И не смотри такъ скорбно, улыбнись...
Помиримся, поговоримъ спокойно!
Зачѣмъ отъ насъ таить свою болѣзнь?

Вотъ—вѣрныя подруги: съ ними вмѣстѣ
Ухаживать мы будемъ за тобой.
Чѣмъ ты больна? Открой намъ. Если можно
Помочь тебѣ, мы призовемъ врачей...
Зачѣмъ же ты молчишь? Промолви слово.
Коль въ чемъ-нибудь я неправа,—скажи,
Иль сдѣлай то, о чемъ молю. Родная,
Отвѣть, взгляни хоть на меня...—*Хору.*
Увы!
Напрасно все. Вы видите: не внемлетъ.
Ее мольбы не трогаютъ...—*Федрѣ, гнѣвно.*
Такъ знай,
Жестокая: убивъ себя, позору
Дѣтей своихъ любимыхъ предаешь!
Ихъ сдѣлаетъ рабами—Амазонки,
Соперницы твоей, побочный сынъ!..
Ужели ты забыла Ипполита?

ФЕДРА.

О, горе мнѣ!..

КОРМИЛИЦА.

Я вижу, наконецъ,
Въ твоемъ лицѣ—тревога!..

ФЕДРА.

Заклинаю—
Не говори, не говори о немъ!..

КОРМИЛИЦА.

Такъ, значитъ, ты въ своемъ умѣ... Зачѣмъ же
Спасти себя не хочешь и дѣтей?

ФЕДРА.

Я ихъ люблю, но не за нихъ страдаю...

КОРМИЛИЦА—*шопотомъ, въ ужасѣ.*

Руки твоей не запятнала кровь?..

ФЕДРА.

Не руки я, а душу осквернила...

КОРМИЛИЦА.

Быть можетъ, врагъ оклеветалъ?...

ФЕДРА.

Увы!..
Не врагъ меня, а другъ любовью губитъ,
И самъ того не знаетъ...

КОРМИЛИЦА.

Чѣмъ-нибудь
Обидѣлъ мужъ?..

ФЕДРА.

О, еслибъ мнѣ предъ мужемъ
Самой не быть виновной никогда!..

КОРМИЛИЦА.

Но чтò съ тобой?.. Зачѣмъ ты ищешь смерти?..

ФЕДРА.

Молю, оставь меня: моя вина—
Не предъ тобой...

КОРМИЛИЦА.

Ты предо мной невинна,
Но отъ тебя зависитъ жизнь моя...

ФЕДРА.

Уйди!.. Зачѣмъ насильно держишь руки...

КОРМИЛИЦА.

Я не уйду и буду день и ночь
Тебя молить, обнявъ твои колѣни!..

ФЕДРА.

Великое несчастье для тебя—
Узнать про все...

КОРМИЛИЦА.

Не жить съ тобой, родная,—
Нѣтъ бòльшаго несчастья для меня!..

ФЕДРА.

Узнавъ,—умрешь. А между тѣмъ безмолвье
И тайна честь мнѣ могутъ принести.

КОРМИЛИЦА.

Зачѣмъ же то, чтò честь тебѣ приноситъ,
Таить отъ насъ?..

ФЕДРА.

Чтобъ прекратить позоръ,
Найду себѣ конецъ достойный чести!..

КОРМИЛИЦА.

Найдешь ее, открывъ мнѣ тайну...

ФЕДРА.

Нѣтъ!
Не спрашивай, богами заклинаю—
Уйди!..

Кормилица.

Мольбу исполни!..

Федра.

Жаль тебя...

Исполню все, о чемъ меня ты просишь...

Кормилица.

Я слушаю...

Федра.

О, матери моей

Преступная любовь!..

Кормилица.

Зачѣмъ, царица,

Ты вспомнила о матери?..

Федра.

Сестра,

Покинутая всѣми Аріадна!..

И ты, любя, погибла!..

Кормилица.

Что̀ съ тобой?..

Зачѣмъ, дитя, тревожить прахъ усопшихъ?..

Федра.

И вотъ, теперь, я третьей жертвой гибну!..

Кормилица.

Смятеніе—въ душѣ моей... Къ чему

Ты рѣчь ведешь?..

Федра.

Вотъ онъ, источникъ древній,

Вотъ первое начало бѣдъ моихъ!..

Кормилица.

Ты все еще мнѣ тайны не открыла...

Федра.

О, если бы ты угадать могла

Сама!..

Кормилица.

Увы, я не владѣю даромъ

Пророчицы...

Федра.

Но что̀ это,—скажи,—

Что̀ смертные любовью называютъ?

КОРМИЛИЦА.

Сладчайшая изъ радостей земныхъ
И самое великое страданье!

ФЕДРА.

Одно, одно страданье—для меня!

КОРМИЛИЦА.

Что̀ говоришь, дитя мое?.. ты любишь!..

ФЕДРА.

Сынъ Амазонки...

КОРМИЛИЦА.

Ипполитъ!..

ФЕДРА.

Не я,—
Его сама ты назвала!..

КОРМИЛИЦА.

О, боги!..
Не вынесу такой бѣды... умру...
Все кончено... я плоть свою покину...
На свѣтъ дневной смотрѣть я не хочу...
Простите же, друзья мои, навѣки!..
Я вижу: зло невольно любятъ всѣ—
И добрые, и чистые душою!
Не божество,—но больше всѣхъ боговъ—
Безумная Любовь, что нынѣ губитъ
Весь этотъ домъ и Федру, и меня!..

ХОРЪ.

Слышали, слышали всѣ мы, какъ Федра
Страшную тайну открыла...
Лучше не жить,
Чѣмъ испытать эту страсть и безумье.
Горе намъ, горе! Вотъ участь
Жалкихъ людей...
Тайну открывъ, ты погибла навѣки:
Солнце зайти не успѣетъ,
Какъ посѣтятъ
Новыя бѣды чертоги Тезея.
Знаемъ, готовитъ Киприда
Грозную месть!

ФЕДРА.

О, женщины изъ города Трезенъ,
Живущія у вратъ Пелопоннеса!

Уже не разъ въ безмолвіи ночей
Я думала о томъ, что̀ губитъ смертныхъ.
И поняла я, наконецъ, что зло
Мы дѣлаемъ не по своей природѣ:
У многихъ есть и умъ, и доброта,
Но горе въ томъ, что видимъ мы и знаемъ,
И чувствуемъ добро, но не творимъ:
Мѣшаетъ лѣнь однимъ, другимъ—соблазны
Порочные,—бесѣды на пирахъ
Полуночныхъ, изнѣженная праздность
И все, что̀ стыдъ внушаетъ. А межъ тѣмъ
Стыдимся мы и добраго нерѣдко,
Какъ злого: стыдъ бываетъ двухъ родовъ,
Но именемъ единымъ называемъ
Мы истинный и ложный, отличить
Ни на словахъ, ни въ жизни не умѣя
Добро отъ зла. Такъ я смотрю на жизнь,
Такъ думаю, и никакія грёзы
Моей души не могутъ ослѣпить.
И вотъ, какимъ путемъ я шла,—внимайте:
Когда въ груди моей зажглась любовь,
Чтобъ легче страсть перенести, пыталась
Я, отъ людей сокрывъ ее, молчать:
Кто языку ввѣряетъ тайны сердца,
Другимъ вредитъ и самому себѣ.
Преодолѣть я разумомъ хотѣла
Любовь мою. Но тщетно. И теперь
Я умереть рѣшила. И не можетъ
Послѣдняго исхода у меня
Отнять никто! Дѣяній благородныхъ
Я не таю, но не хочу имѣть
Свидѣтелей постыднаго. Считаю
Мою болѣзнь, любовь мою позоромъ,—
Презрѣнія уже достойна тѣмъ,
Что родилась я женщиной—созданьемъ
Отверженнымъ. Проклятье той изъ насъ,
Кто первая супругу измѣнила
И домъ его позору предала!
Но это зло въ жилищѣ сильныхъ міра
И въ роскоши впервые родилось:
Коль знатными оправдано злодѣйство,—
Святымъ его считаетъ весь народъ.

Я не люблю и тѣхъ, кто скрыть подъ рѣчью
Невинною старается дѣла
Безстыдныя. Ужели, Афродита,
Ночная тьма, сообщница грѣховъ—
Имъ не страшна? Ужели не боятся
Измѣнницы, что стѣны ихъ домовъ
Когда-нибудь возопіють о мщеньѣ?
Пускай умру,—но въ томъ меня во вѣкъ
Не обличатъ, что я позорю мужа
И сыновей, которыхъ родила
Въ страданіяхъ. Чтобъ въ очи людямъ прямо
Они могли смотрѣть и, не стыдясь,
Въ прославленныхъ Аѳинахъ предъ народомъ
На площади свободно говорить,—
Я доброе оставлю имя дѣтямъ.
И вольный мужъ становится рабомъ,
Когда за мать иль за отца стыдится.
Намъ дорого сознанье правоты,
Какъ жизнь, затѣмъ, что мстительное время
Всегда казнитъ и обличаетъ злыхъ,
Всѣ темныя дѣла ихъ отражая,
Какъ зеркало—черты лица. О, нѣтъ,
Скорѣй умру, чѣмъ буду къ нимъ причастна!

Хоръ.

О, не было-ль во вѣкъ святое сердце
И мудрое прекраснѣйшимъ изъ благъ?

Кормилица.

Признаніе твое великимъ страхомъ
Наполнило мнѣ душу. Но потомъ,
Я скоро страхъ безумный побѣдила,
Обдумавъ все: вторая мысль умнѣй,
Чѣмъ первая. Нѣтъ, не такой великой
Мнѣ кажется бѣда... Киприды гнѣвъ
Тебя постигъ, дитя мое: ты любишь.
Таковъ удѣлъ живущихъ: любятъ всѣ!
Но умирать изъ-за любви—безумно.
И кто бы сталъ любить, когда бы смерть
Всѣмъ любящимъ грозила! Афродиты
Преодолѣть нельзя: она разитъ
Безжалостно и милуетъ лишь кроткихъ,
Покорныхъ ей; но унижаетъ тѣхъ,

Кто слишкомъ гордъ. Она царитъ повсюду—
И въ небесахъ, и въ глубинѣ морей,
И сѣмена любви въ природѣ сѣетъ:
Отъ нихъ, дитя, произошли мы всѣ.
И вѣдаютъ, кто древнія читали
Сказанія, кто съ музами вели
Прилежную и тихую бесѣду,
Какъ нѣкогда Семелу Зевсъ любилъ,
Какъ отъ боговъ Авророй золотою
Влюбленною Кефалъ былъ унесенъ.
А между тѣмъ они живутъ на небѣ,
Безсмертные и равные во всемъ
Другимъ богамъ,—но любятъ, покоряясь
Одной судьбѣ, царящей надо всѣмъ.
А ты любви противишься!.. Дитя,
Чтобъ побѣдить могла ты Афродиту,
Должна бы мать родить тебя подъ властью
Иныхъ боговъ, въ иной природѣ... Вѣрь,
Что многіе мужья измѣну видятъ
Невѣрныхъ женъ и все-таки молчатъ;
Что многіе отцы прощаютъ дѣтямъ
Преступную любовь. Порокъ скрывать—
Таковъ людей обычай неизмѣнный.
Имъ требовать отъ жизни совершенства
Не должно, нѣтъ! и кровель на домахъ
Не дѣлаютъ прямыми по отвѣсу.
Какъ избѣжать могла бы ты сѣтей,
Опутавшихъ тебя? Но если въ жизни
Добро надъ зломъ преобладаетъ,—знай,
Ты счастлива, насколько людямъ счастье
Возможно. О, дитя мое, забудь
Свою печаль и гордое безумье!
Могуществомъ мечтая превзойти,
Самихъ боговъ, ты прогнѣвишь безсмертныхъ.
Отдайся же любви: она тебѣ
Ниспослана блаженными. Къ исходу
Счастливому несчастье приведетъ.
Цѣлебныхъ травъ и заговоровъ много:
Надѣйся же,—мы вылечимъ тебя.
Чтò и на умъ мужамъ не приходило,
Тò женщины придумали давно!

Хоръ.

Хотя полны слова ея надежды,
Я все-таки, владычица, скажу,
Что не она—въ надеждѣ неразумной,
А ты въ своемъ отчаяньѣ права!

Федра.

Я знаю. Вотъ—что̀ и очагъ семейный
И цѣлые народы губитъ—лесть!
Не вкрадчивымъ и сладкимъ довѣряю,
А мужества исполненнымъ рѣчамъ.

Кормилица.

Въ торжественныхъ рѣчахъ намъ пользы мало:
Не говорить, а дѣлать нужно такъ,
Чтобъ Ипполитъ любилъ тебя. Родная,
Будь искренней и чувства не тай...
О, еслибы тобою не владѣло
Безуміе, и не была бы жизнь
Въ опасности, ужель тебя рѣчами
Лукавыми дерзнула бы я влечь
На ложе нѣгъ преступныхъ? Но предвижу
Послѣднюю борьбу на жизнь и смерть,
И чтобъ тебя спасти, на все дерзаю!..

Федра.

Вотъ страшныя, позорныя слова!..
Молчи, сомкни уста твои, довольно!..

Кормилица.

Позорныя слова тебя спасутъ:
Не лучше ль жить, чѣмъ въ гордости безплодной
И съ громкими словами умереть?

Федра.

Остановись, молю тебя, и больше
Не говори! Моя любовь—чиста...
Когда жъ тебя я слушаю,—невиннымъ
Мнѣ кажется преступное... Боюсь,
Что я тебѣ повѣрю и погибну...

Кормилица.

Ты, все равно, не можешь искупить
Такой вины. О, пожалѣй старуху,
Внемли, дитя, совѣту моему:
Есть у меня лекарства и напитки

Любовные. Я исцѣлю тебя,
Не повредивъ ни разуму, ни чести:
Отъ милаго мнѣ нужно слово, знакъ,
Кусокъ одеждъ, и чарами моими
Надменнаго заставлю я любить.

ФЕДРА.

Чтò хочешь дать? Питье иль притиранье
Волшебное?..

КОРМИЛИЦА.

Тебѣ не должно знать...

ФЕДРА.

Увы! Боюсь...

КОРМИЛИЦА.

Скажи, чего?..

ФЕДРА.

Откроешь
Любовь мою...

КОРМИЛИЦА.

Я исцѣлю тебя.
Довѣрься мнѣ, и съ помощью Киприды
Владычицы устрою все. Теперь
Я во дворецъ иду.—*Про себя.*
Сама ужъ знаю,
О чемъ и съ кѣмъ мнѣ должно говорить.

Уходитъ.

ХОРЪ.

Строфа первая.

Эросъ! Эросъ! Желанья
Ты вливаешь чрезъ очи
Въ душу тѣхъ, кого губишь,
Проникая въ сердца
Упоительной нѣгой...
Не являйся мнѣ, Эросъ,
Разрушающей силой,
Безпощаднымъ врагомъ!
Нѣтъ, слабѣй огонь пожара
И свѣтилъ враждебныхъ людямъ
Смертоносные лучи,
Чѣмъ изъ рукъ твоихъ любезныхъ
Стрѣлы нѣжной Афродиты,
Олимпійское дитя!

Антистрофа первая.

Тщетно, тщетно Эллада
Тамъ, во храмѣ Пиѳійскомъ,
На прибрежьяхъ Алфея,
Всѣмъ великимъ богамъ
Гекатомбы приносить,
Если богъ величайшій
Не почтенъ будетъ Эросъ,
Повелитель мужей!
Онъ хранитъ ключи отъ брачныхъ
Упоительныхъ чертоговъ
Афродиты золотой,—
Онъ же, все уничтожая,
Къ людямъ съ муками и смертью,
Торжествующій, грядетъ!

Строфа вторая.

Въ Эвхаліи дѣва
Жила, расцвѣтая
Красой непорочной,
Не зная мужей.
Но пришла къ ней безпощадная
Афродита, все разрушила,
И блуждающую, дикую
Посреди убійствъ и пламени,
Какъ вакханку сладострастную,
Какъ Эриннію, въ объятія
Алкмениду предала!

Антистрофа вторая.

Диркейскій колодезь,
Священныя Ѳивы,
Вы помните ярость
Богини любви:
Тамъ Семелу, Діонисія
Отъ Кроніона зачавшую,
Не на радость полюбившую,
Ты сожгла, Киприда, молніей:
Губишь все своимъ дыханіемъ,
А потомъ, золотокудрая,
Улетаешь, какъ пчела!

Федра.

О, женщины! Молчите... Я погибла!..

ХОРЪ.

Скажи, какой, царица, страшный звукъ
Изъ глубины дворца ты услыхала?

ФЕДРА.

Умолкните, чтобъ различить могла
Я голоса изъ внутреннихъ покоевъ.

ХОРЪ.

Умолкли мы, но тишина зловѣщая—
Недобрый знакъ...

ФЕДРА.

Чтò слышу!.. Горе, горе мнѣ!..

ХОРЪ.

Чтò съ тобою?.. Зачѣмъ эти стоны и крикъ?
Чтò за вѣсть твою душу наполнила ужасомъ?

ФЕДРА.

Все кончено!.. Сюда, сюда, на лѣстницу!..
Приблизившись къ дверямъ, вы крикъ услышите...

ХОРЪ.

Ты ужъ слышала все, ты стоишь у дверей...
Говори, говори, чтò случилось,—не медли же!..

ФЕДРА.

То Ипполитъ, сынъ Амазонки, въ ярости,
Кормилицѣ грозитъ словами страшными!..

ХОРЪ.

Слышу крикъ, только словъ не могу различить,
Голоса, голоса черезъ двери доносятся...

ФЕДРА.

Теперь старуху онъ зоветъ безстыдною,
Измѣнницей, предавшей ложе царское...

ХОРЪ.

Федра, Федра, она погубила тебя!
Твою страшную тайну кормилица...

ФЕДРА.

Увы! Увы!

ХОРЪ.

...Изъ дружбы выдала!..

ФЕДРА.

Хотѣла страсть мою признаньемъ вылечить
И предала меня изъ рабской вѣрности!

Хоръ.

О, что̀ же, что̀ теперь намъ дѣлать, милая?..

Федра.

Что̀ бъ ни было,—лишь скорой смерти жажду я:
Изъ этихъ мукъ она—исходъ единственный!..

Ипполитъ выбѣгаетъ изъ дворца, негодующій.
Онъ не замѣчаетъ Федры. За нимъ Кормилица.

Ипполитъ.

О, мать-земля, и ты, о, свѣтъ небесный,
Какимъ рѣчамъ безстыднымъ я внималъ!..

Кормилица.

Молчи! Молчи!.. Тебя услышать могутъ...

Ипполитъ.

Я не хочу, не долженъ я молчать!..

Кормилица.

Молю, припавъ къ рукѣ твоей, желанный!..

Ипполитъ—*оттолкнувъ ее.*

Не приближай ко мнѣ твоей руки,
Не смѣй къ моимъ одеждамъ прикасаться!..

Кормилица.

Во прахѣ я, у ногъ твоихъ молю...

Ипполитъ—*съ насмѣшкой.*

О чемъ? Меня сама ты увѣряла,
Что рѣчь твоя безгрѣшна...

Кормилица.

О, дитя,
Слова мои—не для народа...

Ипполитъ.

Рѣчи
Прекрасныя становятся еще
Прекраснѣе, когда народъ ихъ слышитъ...

Кормилица.

Не говори!.. Ты поклялся молчать...

Ипполитъ.

Уста клялись, не сердце!..

Кормилица.

Неужели
Друзей своихъ ты хочешь погубить?..

Ипполитъ.

Безчестные не будутъ мнѣ друзьями!..

Кормилица.

Дитя, дитя мое, мы всѣ грѣшимъ:
Таковъ удѣлъ живущихъ въ этомъ мірѣ!..

Ипполитъ.

Зачѣмъ, Зевесъ, ты женщинъ произвелъ
На свѣтъ дневной,—губительное племя?
О, если бы ты міръ устроилъ такъ,
Чтобъ смертные рождались не отъ женщинъ,
Чтобъ люди въ даръ тебѣ желѣзо, мѣдь
Иль золото во храмы приносили,
А ты дѣтей давалъ бы всѣмъ по мѣрѣ
Того, что въ жертву каждый принесетъ,
И жили бы въ домахъ свободныхъ люди,
Не зная женъ... А нынѣ, разоривъ
Имѣніе, должны такую язву,
Какъ женщина, мы въ домъ къ себѣ вводить.
Ужъ изъ того не видно ли, какое
Для всѣхъ онѣ проклятье:—вѣдь отецъ,
Взлелѣявшій дитя свое родное,
Чтобъ взяли въ домъ ее чужіе люди,
Приданое за дочерью даетъ.
А бѣдный мужъ, принявъ ее, ликуетъ
И радъ свою богиню украшать
Нарядами, камнями дорогими,
Весь домъ женѣ на платья разорить!
И такова судьба его: съ богатой
И знатною—строптивый нравъ жены
Терпѣть, какъ рабъ, онъ долженъ, молча;—съ кроткой
И нищею—онъ обреченъ всю жизнь
Въ несчастіяхъ блаженнымъ притворяться.
И лишь тому всѣхъ лучше, у кого—
Неумная жена. Но ненавижу
Я мудрую. Да не войдетъ въ мой домъ
Во-вѣки та изъ нихъ, что знаетъ больше,
Чѣмъ должно знать: оружьемъ противъ насъ
Всѣ хитрости даетъ Киприда мудрымъ.
Лишь глупыя—безвредны для мужей.
Вотъ почему, рабами безсловесныхъ
Приставивъ къ нимъ животныхъ, допускать

Не должно въ домъ услужливыхъ наперсницъ,
Чтобъ не могли ни сами говорить,
Ни слушать ихъ болтливыя супруги.
А нынѣ зло, что̀ женщина въ дому
Задумала, рабынями изъ дома
Выносится. Не такъ ли ты пришла,
Чтобъ мнѣ продать отца святое ложе?
Омылся бы я въ ключевой водѣ,
Чтобы отъ словъ твоихъ очистить уши.
Я оскверненъ и тѣмъ, что слышалъ рѣчь
Нечистую, а ты могла подумать,
Что омрачу злодѣйствомъ душу!.. Знай:
Ты спасена лишь клятвой, данной мною.
Не то про все сказалъ бы я отцу.
Теперь уйти я долженъ. Но съ Тезеемъ
Я къ вамъ вернусь и посмотрю тогда,
Съ какимъ лицомъ принять его дерзнете
Вы обѣ—ты...

Онъ замѣчаетъ царицу и указываетъ на нее.

...И Федра! Горе вамъ,
О, женщины! Всегда васъ ненавидѣть,
Всегда одно я буду повторять:
Или стыду вы женщинъ научите,
Или мой долгъ—ихъ вѣчно проклинать!

Ипполитъ уходитъ.

Хоръ.

О, несчастныя женщины, вотъ вашъ удѣлъ!..
Какъ распутаемъ нити мы горькихъ судебъ,
Роковой этотъ узелъ развяжемъ?

Федра.

Заслужила я все, что̀ терплю... О, земля,
Свѣтъ небесный! куда отъ позора бѣжать?
Гдѣ укрыться? Проклятую всѣми
Кто изъ вѣчныхъ боговъ, изъ людей, защититъ,
Не гнушаясь грѣхомъ моимъ, приметъ меня
И за муки любви пожалѣетъ?
Обступила меня безъисходная скорбь
Отъ нея никуда, никуда не уйти,
Не распутать узла рокового!..

Хоръ.

Свершается судьба твоя. Увы!
Всѣ хитрости служанки были тщетны.

ФЕДРА — *Кормилицѣ.*

О, для чего меня ты погубила,
Измѣнница?.. Да поразитъ тебя
Зевесовъ громъ!.. Я все предугадала
И объ одномъ молила — тайну скрыть.
Ты выдала, — и вотъ я умираю
Въ позорѣ... Чтѝ мнѣ дѣлать?... Ипполитъ
Откроетъ все отцу, Питеею скажетъ,
И весь народъ услышитъ обо мнѣ,
Стыдомъ моимъ они наполнятъ землю
Трезенскую!.. О, да погибнутъ всѣ,
Кто съ радостью, какъ ты, въ дѣлахъ безчестныхъ
Друзьямъ своимъ торопится помочь?..

КОРМИЛИЦА.

Дитя мое, бранить меня ты можешь:
Отчаянье превозмогло твой умъ,
Но возражать и я бъ имѣла право,
Вскормившая, отдавшая тебѣ
Всю жизнь мою. Теперь я виновата,
Но если бы мой замыселъ удался,
Разумною меня сочли бы всѣ,
Затѣмъ, что умъ успѣхомъ люди мѣрятъ.

ФЕДРА.

О, да, теперь ты сознаешь вину,
Но чтѝ мнѣ въ томъ? Я, все равно, погибла!..

КОРМИЛИЦА.

О, милая, не будемъ тратить словъ:
Еще спасти, еще поправить можно...

ФЕДРА.

Оставь, молчи!.. Ужъ видѣли мы всѣ,
Къ чему ведутъ твои совѣты. Думай
Лишь о себѣ... Уйди, уйди ты прочь!..
Теперь сама я знаю, чтѝ мнѣ дѣлать! — *Къ Хору.*
Исполните послѣднюю мольбу,
О, дочери земли трезенской: тайну
Не выдайте, молчите обо всемъ!

ХОРЪ.

Клянусь тебѣ великой Артемидой,
Чтѝ бъ ни было, мы тайну сохранимъ.

ФЕДРА.

Да будетъ такъ! Я вижу, мнѣ остался

Одинъ исходъ, чтобъ не предать дѣтей
Безславію, чтобъ кончить эту муку.
Нѣтъ, никогда не постыжу родныхъ,
Возлюбленныхъ моихъ на Критѣ дальнемъ!
Чтобъ жизнь спасти,—въ позорѣ никогда
Я предъ лицомъ Тезея не предстану!

Хоръ.

Ты сдѣлаешь непоправимый шагъ?..

Федра.

Я думаю, какую смерть мнѣ выбрать...

Хоръ.

Не говори такихъ зловѣщихъ словъ!

Федра.

Поймите же—другого нѣтъ исхода:
Хочу я гнѣвъ Киприды утолить,
Порадовать жестокую богиню!
Пускай же я отвергнутой умру,—
Но смерть моя погубитъ и другого!
Я научу его не презирать
Чужой бѣды, и гордаго заставлю
Моей любви мученья раздѣлить!

Федра уходитъ.

Хоръ.

Строфа первая.

Прочь отсюда въ пещеры глубокія,
Гдѣ живутъ только стаи пернатыя!
Далеко, далеко я помчалась бы
Вольной птицей морской
Чрезъ валы Адріатики
На прибрежье пустынное
Эридановыхъ водъ,
Гдѣ оплакиваютъ брата,
Фаэтона, сестры-дѣвы
И къ отцу рѣчному богу
Въ темно-синюю волну
Превращенныя въ деревья
Точатъ слезъ янтарно-свѣтлыхъ
Благовонныя струи.

Антистрофа первая.

Дальше, дальше—въ края плодоносные
Гесперидъ, тихимъ пѣньемъ чарующихъ,

Гдѣ владыка пучины лазуревой
Преграждаетъ пути
Кораблямъ, гдѣ небесная
Твердь, подъятая Атласомъ,
Съ океаномъ слилась,
Гдѣ за радостью блаженнымъ
Радость новую приноситъ
Жизнедательницы вѣчной
Лоно щедрое Земли,
И волной неистощимой
Льются въ Зевсовыхъ чертогахъ,
Рядомъ съ пиршественнымъ ложемъ,
Амброзійные ключи.

Строфа вторая.

Корабль бѣлокрылый
Изъ дальняго Крита,
По влагѣ соленой
Шумящихъ валовъ
Къ священной Аѳинѣ
Изъ милаго дома
Для свадьбы несчастной
Царицу примчалъ:
Федру въ пути провожали недобрыя знаменья,
Бросивъ канатъ насмолёный причалили,
Вышли въ Мунихіи нà берегъ.

Антистрофа вторая.

Предвѣстье свершилось,
И бурное пламя
Любви беззаконной
Киприда зажгла,
И петлю накинетъ
На бѣлую шею,
Привяжетъ веревку
Къ стропиламъ дворца.
Федра надъ брачной постелью, Кипридѣ покорствуя,
Освобождаясь отъ мукъ и желанья,
Жизнью для славы пожертвуетъ.

Рабъ—*внутри дворца.*

Сюда, сюда, скорѣе!.. Помогите!..
Повѣсилась царица!..

Хоръ.

Горе намъ!
Свершилося... Страдалица погибла...

Рабъ—*внутри дворца.*

Не медлите, подайте острый мечъ!..
Я разсѣку на шеѣ крѣпкій узелъ.

Одна половина Хора.

Что̀ дѣлать намъ?.. Бѣжать ли во дворецъ
Несчастную освободить изъ петли?..

Другая половина Хора.

Зачѣмъ?.. Тамъ есть рабы. Въ чужихъ дѣлахъ
Излишнее участіе—опасно.

Рабъ—*внутри дворца.*

Кладите же на землю жалкій трупъ,
И пусть лежитъ въ покоѣ брачномъ Федра
И тихо ждетъ супруга своего.

Хоръ.

Все кончено: я слышала, какъ трупъ
Служители на землю положили.

Въ торжественной процессіи, при трубномъ звукѣ, входитъ царь Тезей. Онъ въ праздничныхъ одеждахъ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, какъ подобаетъ приходящимъ отъ Оракула.

Тезей—*къ Хору.*

О, женщины! что̀ значитъ этотъ шумъ
Въ моемъ дворцѣ, и крики, и смятенье?..
Зачѣмъ никто не вышелъ изъ воротъ
Встрѣчать меня, грядущаго съ отвѣтомъ
Оракула, зачѣмъ передо мной
Торжественно дверей не отворяютъ?..
Случилось ли съ Питѳеемъ что-нибудь?
Лѣта его преклонны... Все же горько
Мнѣ было бы не видѣть старика
Въ моемъ дворцѣ...

Хоръ.

Увы, не стариковъ,
А молодыхъ оплакивать ты долженъ...

Тезей.

Что̀ говоришь?.. Съ дѣтьми несчастье?..

Хоръ.

Нѣтъ,
Не дѣти,—мать ихъ бѣдная погибла...

Тезей.

Жена моя!.. Но что случилось съ ней?..

Хоръ.

Повѣсилась...

Тезей.

Отъ горя?..

Хоръ.

Ничего
Не вѣдаемъ: оплакивать Федру сами
Мы только-что пришли сюда...

Тезей.

Увы!
Зачѣмъ главу вѣнчаютъ эти лавры?..

Сбрасываетъ вѣнокъ.

Не радостно вернулся я домой!..
Запоры снявъ, откройте двери дома,
Служители, чтобъ мнѣ увидѣть трупъ
Жены моей возлюбленной. Погибнувъ,
О, милая, ты губишь и меня!..

Рабы отворяютъ двери. Внутри чертоговъ виденъ трупъ Федры.

Хоръ.

Роковая судьба!.. Безнадежная скорбь!..
Федра, Федра! и жизнью, и смертью твоей
Этотъ домъ ты навѣки разрушила,
И нельзя злодѣянья ничѣмъ искупить;
Не узнаетъ никто, почему на себя
Наложила ты руки преступныя...

Тезей.

Это въ жизни моей—величайшая скорбь!..
Всею тяжестью рокъ на меня
И на домъ мой обрушился.
Съ того дня, какъ злой геній въ обитель мою
Смертоноснымъ дыханьемъ проникъ,—
Мое счастье отравлено...
И такой на меня надвигается мракъ,
Что судьбѣ предаюсь безъ борьбы
Я, охваченный ужасомъ.

Даже скорби твоей не могу угадать...
Почему ты покинула жизнь,
Что̀ съ тобой, моя милая?..
О, зачѣмъ, какъ пугливая птичка, вспорхнувъ,
Улетѣла въ холодный Аидъ
Ты, изъ рукъ моихъ вырвавшись?..
Это—страшная кара боговъ!.. За вину
Моихъ предковъ—Эринній слѣпыхъ
Это мщеніе позднее!..

Хоръ.

О, царь! Не ты одинъ страдаешь: многіе
Теряли женъ своихъ, подругъ возлюбленныхъ...

Тезей.

Какъ хотѣлъ бы теперь я лежать подъ землей,
Подъ землей, въ тишинѣ, ближе къ милой моей,
Тамъ, подъ сѣнью могильною!..
Умирая, меня ты убила!.. Но кто,
Кто откроетъ, какая смертельная боль
Твое сердце измучила?..
Что̀ здѣсь было? Скажите!.. Иль въ домѣ моемъ
Я ужъ больше не царь?.. Отвѣчайте, рабы!..
Но чертоги безмолвствуютъ...
Я напрасно зову: здѣсь царитъ только смерть,
И очагъ мой потухъ, и дворецъ опустѣлъ...
Мои дѣти покинуты!..

Хоръ.

Ты ушла отъ насъ навѣки,
Федра, лучшая изъ женщинъ,
Надъ которыми сіяло
Въ полдень Геліоса пламя,
Ночью—тихій лучъ Селены.
О, Тезей, я горько плачу,
Содрогаюсь, чуя сердцемъ
Приближенье новыхъ бѣдъ...

Тезей—*приближаясь къ тѣлу Федры.*

Что̀ вижу я? Дощечка восковая,
Письмо—въ рукѣ любимой?.. Можетъ быть,
Я, наконецъ, про смерть ея узнаю.
Или о томъ, чтобы хранилъ дѣтей,
Чтобъ не вводилъ другой жены въ обитель,

Начертанъ здѣсь ея завѣтъ предсмертный?..
Не бойся же, о, милая, ни съ кѣмъ
Не раздѣлю твоей постели брачной...
Увы, кольца съ возлюбленной руки
Я узнаю печать на мягкомъ воскѣ.
Скорѣй, сломавъ ее, прочту письмо.—*Читаетъ*

Хоръ.

Боги новыя страданья
Намъ готовятъ... Горе! Горе!
И зачѣмъ дано мнѣ мыслить,
Знать и видѣть муки смертныхъ?
Лучше бъ я во тьмѣ влачила
Долю тварей безсловесныхъ,—
Жизнь безъ жизни и безъ мукъ...
Вѣковѣчный домъ Тезея
Низвергается, низвергнутъ,
Палъ,—и больше нѣтъ его!..
Мольбѣ моей внемлите, Силы Вышнія!
И домъ царя великаго помилуйте.
Но поздно, поздно: часъ пришелъ... Исполнятся
Предвѣстія бѣды неотвратимыя!

Тезей.

О, что̀ это?.. За мукой—мука новая,
Неизреченная, невыносимая!..

Хоръ.

Скажи, владыко, если знать позволено...

Тезей.

Кричитъ, кричитъ письмо о злодѣяніи,
Разоблачаетъ тайны несказанныя!..
Я слышу Федры жалобу предсмертную...

Хоръ.

Слова твои—великихъ бѣдъ предвѣстники...

Тезей.

Нѣтъ! Скрывать не могу
Больше муки моей!..
О, внемлите мнѣ, граждане:
Узнай, народъ, что обезчестилъ ложе
Отцовское насильемъ Ипполитъ,
Не постыдясь всевидящаго ока
Зевесова! О, Посейдонъ-отецъ,
Святыня клятвъ твоихъ—ненарушима!

Исполни же теперь одну изъ трехъ
Мнѣ данныхъ клятвъ,—и сынъ мой да погибнетъ.
Сей день ему да будетъ днемъ суда!

Хоръ.

Возьми назадъ, назадъ свои проклятья:
Когда-нибудь поймешь, что ты неправъ.

Тезей.

Все кончено! Я изгоняю сына!
Да поразитъ одна изъ двухъ судебъ
Преступнаго: иль, совершивъ проклятье,
Въ Аидъ его низвергнетъ Поссейдонъ,
Или влачить онъ будетъ на чужбинѣ
Изгнанникомъ нерадостные дни!

Хоръ.

Идетъ, идетъ сюда твой сынъ, владыко;
Смири, Тезей, неукротимый гнѣвъ,
Не обрекай семьи твоей на гибель!

Входитъ Ипполитъ.

Ипполитъ.

Я издали твой голосъ услыхалъ
И поспѣшилъ сюда. О чемъ ты плакалъ?
Я все узнать хочу изъ устъ твоихъ.
Но чтò это? О, боги!.. Трупъ царицы...
Я только-что покинулъ Федру здѣсь,
Ее за мигъ я видѣлъ полной жизни...
О, говори, не медли же, отецъ,
Какъ умерла царица, чтò случилось?..

Тезей, полный ненависти, отвращаетъ лицо отъ него и не отвѣчаетъ.

Ипполитъ.

Молчишь?.. Нѣтъ, нѣтъ, не слѣдуетъ молчать
Въ страданіяхъ, затѣмъ, что сердце жаждетъ
Съ возлюбленнымъ и муки раздѣлить:
Бѣды скрывать ты отъ меня не долженъ,—
Я другъ тебѣ, и болѣе, чѣмъ другъ!..

Тезей—*съ презрѣніемъ, какъ будто не видя сына.*

О, человѣкъ, блуждающій безцѣльно,
Какихъ твой умъ познаній не открылъ,
Какихъ искусствъ не изобрѣлъ онъ тщетно,—

И все-таки не знаетъ одного:
Какъ мудрости учить людей безумныхъ!..

Ипполитъ.

Во истину мудрецъ великій тотъ,
Кто мудрости безумнаго научитъ...
Но намъ о томъ не время говорить...
Боюсь, отецъ, что скорбь твой умъ затмила.

Тезей—*по прежнему, не отвѣчая сыну.*

О, еслибы имѣли признакъ люди
Всѣхъ тайныхъ чувствъ, чтобъ въ жизни отличать
Могли друзей мы истинныхъ отъ ложныхъ!
О, еслибы дала природа всѣмъ
Два голоса—одинъ изъ нихъ правдивый,
Другой—какимъ теперь привыкли лгать,—
Чтобъ искреннимъ изобличался лживый,
И ужъ никто бъ обманывать не могъ!..

Ипполитъ—*въ недоумѣніи.*

Иль предъ тобой меня оклеветали
Враги мои, и безъ вины терплю
Твой гнѣвъ, отецъ?.. Не знаю, что̀ подумать;
Я странными рѣчами пораженъ...

Тезей—*по прежнему.*

Куда, куда стремитесь вы, о, люди?
Преступному ужели нѣтъ границъ?
Коль на землѣ рости неправда будетъ
Изъ рода въ родъ, и каждый новый вѣкъ
Всѣ прошлые лишь дерзостью пороковъ
Превосходить,—то новый міръ богамъ
Не должно ли создать, чтобъ беззаконныхъ
Онъ могъ вмѣстить!..

Гражданамъ, указывая на Ипполита.

Смотрите на него:
Рожденный мной, мое святое ложе
Онъ осквернилъ, и этотъ жалкій трупъ
Теперь его безмолвно обличаетъ!—*Ипполиту.*
Здѣсь, предъ отцомъ, безстыдный, подыми
Чело свое и посмотри мнѣ въ очи!
Вы видите—вотъ—непорочный мужъ,
Вотъ дѣвственный любимецъ Артемиды!
Поди прочь, прочь! не хвастай мнѣ, не лги:

Такимъ, какъ ты, развратнымъ боги чужды!..
Обманывай другихъ, а не меня;
Довольствуйся растительною пищей
Безкровною; Орфея признавай
Учителемъ, восторгамъ предаваясь
Молитвеннымъ, плѣняя праздный умъ
И чтеніемъ, и грёзами, но помни:
Ты уличенъ! Остерегаю всѣхъ—
Такимъ, какъ онъ, не довѣряйте: лестью
Баюкая, они творятъ дѣла
Жестокія. Ты думалъ—Федры смерть
Тебя спасетъ. Но видишь: мертвымъ тѣломъ,
Свидѣтелемъ нѣмымъ ты обличенъ.
Что̀ значатъ всѣ слова твои, всѣ клятвы—
Предъ тѣмъ, что̀ здѣсь, въ письмѣ, ея рукой
Начертано! Иль, можетъ быть, мнѣ скажешь,
Что мачихѣ ты, какъ побочный сынъ,
Какъ врагъ ея дѣтей, былъ ненавистенъ?
Но неужель изъ злобы на тебя
Царица жизнь могла покинуть—благо
Сладчайшее?.. Иль назовешь, мудрецъ,
Ты женщинъ всѣхъ безумными?.. Но вижу,
Что въ похотяхъ безстыдныхъ иногда
И юноши бываютъ такъ же слабы,
Какъ женщины, а мужественный нравъ
Ихъ дѣлаетъ отважнѣе—въ порокахъ!..
Но тратить словъ не буду: за меня
Пусть этотъ трупъ злодѣя обвиняетъ...
Теперь иди и по землѣ блуждай
Изгнанникомъ и въ градъ Аѳины вѣчной
Не приходи ты больше никогда,
Не преступай границъ моихъ владѣній!
О, если бы, униженный тобой,
Я потерпѣлъ такой позоръ, то Синисъ
Возсталъ бы вновь и обличилъ меня
И мрачные утесы Скерониды,
Гдѣ лютаго я Скироса убилъ,
Народамъ бы грядущимъ не сказали
О томъ, какъ царь Тезей караетъ злыхъ!

Хоръ.

Кого назвать счастливымъ, если лучшихъ
Такія ждутъ страданья на землѣ?

Ипполитъ.

Великъ твой гнѣвъ, твое негодованье,
А если бы я тайну могъ открыть,—
Ты понялъ бы, что все это не стоитъ,
Отецъ, такихъ возвышенныхъ рѣчей.
Но говорить я не люблю съ толпою:
Среди друзей немногихъ рѣчь моя—
Свободнѣе. И то сказать: порою,
Кто черни слухъ плѣнитъ, тотъ мудрецамъ
Покажется достойнымъ осмѣянья.
Но волю дать словамъ теперь я долженъ,
Чтобъ оправдать себя. Начну съ того:
За что, отецъ, надъ всей моею жизнью
Ты произнесъ столь тяжкій приговоръ?!
О, посмотри на небеса, на землю,
Скажи, кого невиннѣе, чѣмъ я,
И дѣвственнѣй встрѣчалъ ты въ этомъ мірѣ?
Я чту боговъ, люблю такихъ друзей,
Которые боятся даже словомъ
Сердечную нарушить чистоту.
И вѣрь, отецъ, еще ни разу въ жизни
Не измѣнялъ я тѣмъ, кого люблю.
Въ одномъ я святъ, въ одномъ я непороченъ,—
Въ чемъ думаешь ты уличить меня:
Я сохранилъ донынѣ чистымъ тѣло
Отъ женскихъ ласкъ и только иногда
Слыхалъ о нихъ и видѣлъ на картинахъ,
Но не любилъ ни слушать, ни смотрѣть,
Имѣя душу дѣвственную. Если жъ
Не вѣришь ты невинности моей,
Подумай, чѣмъ я могъ быть обольщеннымъ...
Была ль она прекраснѣе всѣхъ женъ,
Или мечталъ я сдѣлаться владыкой
Въ твоемъ дворцѣ, съ ней ложе раздѣливъ?
Нѣтъ! Разума я долженъ бы лишиться,
Чтобъ помышлять о томъ! Иль скажешь—власть
Плѣнительной бываетъ и для мудрыхъ?
Но знаешь самъ: она, лишь развративъ
Сердца людей, становится желанной.
А я хочу быть первымъ изъ мужей
На эллинскихъ свободныхъ состязаньяхъ,
Но въ городѣ—вторымъ, чтобъ тихо жить

Межъ избранныхъ людей: и миръ сердечный,
И трудъ святой—отраднѣе, чѣмъ власть.
Я все сказалъ. И еслибы предстали
Свидѣтели правдивые, какъ я,
И еслибы жива была царица,
Виновнаго ты скоро бы узналъ!..
Клянусь тебѣ Хранителемъ обѣтовъ,
Отцомъ боговъ, и Матерью-Землей,—
Не согрѣшилъ ни помысломъ, ни волей,—
Не осквернилъ я ложа твоего!
И пусть умру безъ имени, безъ крова,
Пусть мертваго, отвергнутаго всѣми
Не пріютитъ ни море, ни земля,—
Коль въ чемъ-нибудь я предъ отцомъ виновенъ!
Изъ страха ли себя убила Федра,—
О томъ молчу. Но вотъ она—чиста,—
И согрѣшивъ; а я, безгрѣшный сердцемъ,
Не могъ избѣгнуть клеветы людской!

Хоръ.

Тебѣ во всемъ мы вѣримъ, и оправданъ
Ты клятвою великою боговъ.

Тезей.

Тотъ лицемѣръ и лжецъ неисправимый,
Кто, совершивъ злодѣйство, обмануть
Надѣется спокойствіемъ притворнымъ.

Ипполитъ.

Я удивленъ, отецъ: когда бъ я былъ
Родителемъ твоимъ, а ты—мнѣ сыномъ,
И осквернилъ бы ложе ты мое,—
Не изгналъ бы, а собственной рукою
Убилъ бы я тебя...

Тезей.

Какъ справедливъ
Твой приговоръ! Но знай: погибнуть смертью
Мгновенною несчастному легко.
Нѣтъ, медленно влачить вдали отъ милыхъ
Безцѣльные томительные дни
Изгнанникомъ—вотъ кара нечестивыхъ!

Ипполитъ.

И неужель, отецъ, не подождавъ,

Чтобъ временемъ оправданъ былъ невинный,
На эту казнь ты сына обречешь?

Тезей.

О, еслибъ могъ, повѣрь, и за предѣлы
Атлантики изгналъ бы я тебя:
Очамъ моимъ ты ненавистенъ!..

Ипполитъ.

Хочешь
Изгнать меня, лишеннаго суда,
Не слушая ни клятвъ, ни оправданій,
Ни вѣщихъ словъ гадателей?

Тезей.

О, да,
Вѣрнѣе клятвъ и вѣщихъ прорицаній—
Ея письмо! а до полета птицъ
И знаменій мнѣ дѣла нѣтъ!

Ипполитъ.

О, боги!
Невиннаго вы губите... Зачѣмъ,
Зачѣмъ боюсь святыню клятвъ нарушить?
Не буду же молчать, открою все!..
Но нѣтъ! Никто—я знаю—не повѣритъ,
И тщетно я нарушу мой обѣтъ!

Тезей.

Видъ святости притворной—ненавистенъ!..
Прочь съ глазъ моихъ ты скоро ли уйдешь?..

Ипполитъ.

Куда идти несчастному? Кто приметъ
Изгнанника, проклятаго отцомъ?

Тезей.

Пусть примутъ тѣ, въ чьемъ домѣ гость желанный—
Безстыдный лжецъ и соблазнитель женъ!

Ипполитъ.

Чтò говоришь, отецъ? О, горько, горько,
Что думать такъ ты можешь обо мнѣ!..

Тезей.

А не было тебѣ въ то время горько,
Когда жену отца ты оскорблялъ?

Ипполитъ.

О, еслибы имѣли стѣны голосъ,
Чтобъ оправдать меня передъ тобой!

Тезей.

Къ свидѣтелямъ безмолвнымъ прибѣгаешь...
Смотри, тебя и камни обличать!..

Ипполитъ.

Когда бъ теперь я самъ себя увидѣлъ
Со стороны, какъ стало бы мнѣ жаль,
Какъ плакалъ бы я надъ собой!..

Тезей.

Я знаю:
Ты самого себя привыкъ жалѣть,
Но ни любви—въ душѣ твоей,—ни правды!

Ипполитъ.

Зачѣмъ меня ты родила, о, мать
Несчастная! Быть незаконнымъ сыномъ
Я и врагу не пожелаю...

Тезей.

Прочь—
Схвативъ его, отсюда уведите:
Мой приговоръ вы слышали, рабы!

Ипполитъ.

Рабы ко мнѣ дотронуться не смѣютъ:
Ты долженъ самъ исполнить приговоръ.

Тезей.

Да будетъ такъ: увидишь, что отнынѣ
Въ груди моей нѣтъ жалости къ тебѣ!

Тезей уходитъ.

Ипполитъ.

Нельзя спастись!.. Увы! я знаю все
И не могу сказать того, что̀ знаю.

Обращаясь къ статуѣ Артемиды.

Ты, свѣтлая подруга свѣтлыхъ дней,
Участница охотъ моихъ безпечныхъ,
Ты—изъ богинь любимѣйшая, дочь
Латоны!—вотъ, я покидаю городъ
Прославленной Аѳины навсегда...
Простите же, твердыни Эрехтея
И тихія трезенскія поля,
Вы, юности моей пріютъ счастливый!
Послѣдній взглядъ я обращаю къ вамъ...
О, милые товарищи, простите!
Вы въ край чужой проводите меня...

Не слушайте враговъ и вѣрьте, други,
Что смертнаго невиннѣе, чѣмъ я,
Вы на землѣ не встрѣтите вовѣки!

Уходитъ.

Хоръ.

Строфа первая.

Если о мудрости вѣчныхъ боговъ помышляю,—
Въ сердцѣ моемъ утихаетъ тревога,
И понимать начинаю
Волю безсмертныхъ
Въ мірѣ земномъ.
Но посмотрю я на жалкій удѣлъ человѣка—
Вновь потухаетъ въ душѣ моей вѣра:
Все на землѣ такъ ничтожно,
Все такъ случайно—
Въ жизни людской!

Антистрофа первая.

Да ниспошлетъ мнѣ судьба, исполняя молитву,
Долю счастливую, духъ беззаботный,
Не омрачаемый скорбью,—
Такъ, чтобы слишкомъ
Ни возносить,
Ни презирать не могли меня люди, чтобъ вѣчно,
Легкія въ сердцѣ мѣняя желанья,
День ото дня наслаждаться
Тѣмъ, что̀ мгновенный
Случай даетъ!

Строфа вторая.

Но думы мои омрачились
Съ тѣхъ поръ, какъ любимца народа
Тезей Ипполита изгналъ:
Погибла надежда Эллады,
Аѳинъ лучезарное солнце
Навѣки, навѣки зашло!
О, берегъ песчаный
Родимаго моря,
О, темный кустарникъ
Надъ кручами горъ,
Гдѣ рядомъ съ богиней,
Охотницей-дѣвой
Проворными псами
Травилъ онъ звѣрей!

Антистрофа вторая.

Не будешь ты быстрыхъ, какъ вѣтеръ,
Кругомъ по ристалищу Лимны
Венетскихъ коней объѣзжать;
Ужъ больше въ чертогахъ отцовскихъ
Когда-то немолчныя струны
Не будутъ на цитрѣ звенѣть!
И некому въ рощахъ
Къ ногамъ Артемиды
Въ глубокую зелень
Вѣнки приносить,
И спорить не будутъ
Трезенскія дѣвы,
Плѣнительный отрокъ,
О ложѣ твоемъ!

Эподосъ.

Плачьте, сестры, неутѣшно!
Мать несчастная, ты тщетно
Въ мукахъ сына родила!
Возмущаюсь, негодую
На боговъ несправедливыхъ:
Почему невинный гибнетъ,
И любимца своего,
О, стыдливыя Хариты,
Вѣчной прелести богини,
Даже вы не защитите
Отъ безжалостныхъ боговъ?

Приближается Вѣстникъ.

Хоръ.

Смотрите: вотъ товарищъ Ипполита...
Сюда бѣжитъ... Увы! какая скорбь
Въ его очахъ!..

Вѣстникъ.

О, женщины, скажите,
Гдѣ царь Тезей?

Хоръ.

Вотъ онъ идетъ сюда.

Входитъ Тезей.

Вѣстникъ.

Я вѣсть несу печальную, владыко,
И для тебя, и для родныхъ Аѳинъ,
И для всего трезенскаго народа...

Тезей.

Какую вѣсть? Иль новая бѣда
Обрушилась на городъ?

Вѣстникъ.

Сынъ твой умеръ,
А если живъ,—то только на одно
Мгновеніе онъ видитъ свѣтъ небесный...

Тезей.

Отъ чьей руки онъ палъ? Кто отомстилъ?
Или злодѣй убитъ врагомъ, чье ложе,
Какъ и мое, онъ обезчестилъ?

Вѣстникъ.

Нѣтъ,
Онъ собственной раздавленъ колесницей:
Ты клятвою обрекъ его на смерть,
И Посейдонъ твою мольбу услышалъ.

Тезей.

Благодарю васъ, боги!.. Посейдонъ,
О, мой отецъ, ты внялъ молитвѣ сына!
Но какъ—скажи намъ, вѣстникъ,—на главу
Преступную сѣкира Немезиды
Обрушилась, какъ умеръ Ипполитъ?

Вѣстникъ.

У берега, гдѣ волны ударяютъ,
Стояли мы и плакали, конямъ
Скребницами расчесывая гривы,
И слушали, какъ вѣстникъ говорилъ,
Что, изгнанный тобой, въ чужую землю
Уйдетъ отъ насъ навѣки Ипполитъ.
И подошелъ онъ самъ и тоже плакалъ,
Толпой друзей печальныхъ окруженъ,
Потомъ сказалъ, удерживая слезы:
„Да будетъ такъ: отцу я покорюсь.
„Друзья мои, готовьте колесницу,
„Родимый край покину я навѣкъ!"
Онъ не успѣлъ произнести велѣнья,
Какъ мы коней подъ иго привели
И подали владыкѣ колесницу.
Вошелъ въ нее, и ноги утвердивъ
Надъ выпуклымъ переднимъ краемъ, возжи
Онъ укрѣпилъ и такъ сказалъ богамъ,

Къ нимъ простирая длани: „Да погибну,
„Коль въ чемъ-нибудь я согрѣшилъ, Зевесъ!
„Но суждено ль мнѣ видѣть свѣтъ небесный,
„Иль умереть,—узнаетъ мой отецъ
„Когда-нибудь, какъ онъ меня обидѣлъ!"
Къ хребту коней притронувшись бичомъ,
Онъ полетѣлъ, и слѣдомъ мы бѣжали
Вдоль по большой дорогѣ въ Эпидавръ
И Аргосъ... Тамъ, гдѣ волны Сароники
Виднѣются, въ пустынѣ мрачной путь
По берегу ведетъ, и лишь вступили
Мы на него, какъ подъ землей раскатъ
Загрохоталъ, подобный грому Зевса...
И головы и уши приподнявъ,
Пугливые насторожились кони.
И не могли понять, откуда шумъ
Происходилъ, мы, ужасомъ объяты.
Но, нà море взглянувъ, узрѣли валъ
Чудовищный вдали, такой высокій,
Что заслонилъ онъ отъ моихъ очей
Асклепія утесъ, хребетъ Истмійскій
И Скирона обрывъ. И закипѣлъ
Онъ, съ грохотомъ разбрасывая пѣну,
Надвинулся и на прибрежье палъ,
Гдѣ съ четырьмя конями колесница
Стрѣлой неслась, и вдругъ изъ темныхъ нѣдръ.
Изъ омута онъ выбросилъ на берегъ
Свирѣпое чудовище—быка,
И отъ его мычанья содрогнулась
Земля кругомъ. Потупили мы взоръ,
И ужаса такого очи смертныхъ
Перенести не въ силахъ были. Страхъ
Объялъ коней. Но опытный наѣздникъ
Обѣими руками ухватилъ
И крѣпко сжалъ концы возжей, и, тѣломъ
Откинувшись назадъ, ихъ притянулъ,
Какъ мореходъ—весло. Затрепетали
И, въ челюстяхъ кусая удила
Звенящія, вдругъ захрипѣли кони
И понесли, не чуя ни возжей,
Ни правящей руки, ни колесницы.
И каждый разъ, какъ, натянувъ бразды,

На гладкій путь онъ ихъ хотѣлъ направить,—
Чудовище являлось впереди,
И въ сторону бросались снова кони
Дрожащіе. Когда жъ, разсвирѣпѣвъ,
Они къ скаламъ неслись, бѣжало рядомъ
Чудовище. Вдругъ шина колеса
Ударилась о камень, колесницу
Поворотивъ и опрокинувъ. Все
Смѣшалося, и вылетѣли съ громомъ
Чека изъ оси, спицы—изъ колесъ.
Онъ самъ, упавъ, опутанный возжами,
Безпомощный о скалы головой
Ударился. Влачили кони тѣло
Кровавое по остріямъ камней,
И онъ кричалъ: „Остановитесь, кони,
Любимые, взлелѣянные мной!..
Отецъ! Отецъ!.. Исполнилось проклятье...
О, кто спасетъ невиннаго?“... И всѣ
Помочь ему хотѣли, но напрасно:
Уже никто не могъ догнать коней.
И наконецъ, на землю полумертвый
Онъ падаетъ, освободясь отъ узъ.
И скрылось вдругъ чудовище и кони
Межъ скалъ, вдали, не вѣдаю—куда...
Я—лишь слуга въ твоемъ дворцѣ, владыко,
Но знай: тому, что Ипполитъ—злодѣй,
Меня никто повѣрить не заставитъ,
Хотя бы, царь, всѣ жены предо мной
Повѣсились, срубили бъ лѣсъ на Идѣ,
Чтобъ изъ него дощечекъ наколоть
И лживыми наполнить письменами,—
Я знаю: святъ и праведенъ твой сынъ!

Хоръ.

Вотъ новое страданье, новый ужасъ...
Никто, никто во вѣкъ не побѣдитъ
Могущества Судьбы неотвратимой!..

Тезей.

Сперва меня обрадовала вѣсть
О гибели врага. Но чту безсмертныхъ,
И памяти того, кто былъ мнѣ сыномъ,
Не оскорблю: теперь въ моей душѣ
Ни радости, ни горя нѣтъ.

ВѢСТНИКЪ.

Владыко!
Что̀ дѣлать намъ? Сюда ли принести
Несчастнаго, иль что-нибудь иное
Тебѣ, нашъ царь, угодно повелѣть?
Молю тебя: не будь къ нему жестокимъ.

ТЕЗЕЙ.

Сюда его несите: можетъ быть,
Онъ, посмотрѣвъ мнѣ въ очи передъ смертью,
Вину свою признаетъ наконецъ.

Вѣстникъ уходитъ.

ХОРЪ.

Гордое сердце боговъ и людей
Ты, Афродита, смиряешь.
Вѣетъ надъ ними, порхая, твой сынъ
Легкій, на радужныхъ крыльяхъ,
И надъ пѣвучей соленой волной,
И надъ землею летаетъ...
Укрощаетъ Эросъ
И звѣрей свирѣпыхъ,
На горахъ живущихъ,—
Только-что въ ихъ душу
Темную проникнетъ
Золотымъ лучомъ;—
И морскихъ чудовищъ,
И несмѣтныхъ тварей,
Вскормленныхъ землею,
Озаренной окомъ
Солнца,—и людей!
Всѣмъ повелѣваетъ.
Надо всѣмъ, Киприда,
Ты одна царишь!

Богиня Артемида является.

АРТЕМИДА.

Слушай меня, о, наслѣдникъ Эгеевой отрасли!
Я—Артемида, Латоной рожденная.
Вижу побѣду твою,
Какъ веселишься ты, сына убивъ непорочнаго;
Въ темную ложь ты повѣрилъ, но истина
Скоро тебя поразитъ.
Скройся же въ Тартаръ, бѣги отъ людей, опозоренный,
Ибо отвергнутъ ты всѣми, кто праведенъ:

Повѣсти горькой внимай:
Раскаяньемъ тебѣ наполню душу
И покажу, какъ праведенъ твой сынъ,
Да будетъ смерть героя полной славы,
И обличу, о, смертный, предъ тобой
Безумiе и благородство Федры.
Сожженная огнемъ богини той,
Что дѣвственнымъ я сердцемъ ненавижу,
Она любила сына твоего,
И все ему кормилица открыла.
Онъ клятву далъ молчать. Межъ тѣмъ, любви
Не побѣдивъ, жена твоя погибла:
Отвергъ ее безгрѣшный Ипполитъ.
Когда же ты обрекъ его на гибель,
Святыню клятвъ нарушить не дерзнувъ,—
Онъ до конца безмолвствовалъ. А Федра
Хотѣла скрыть позоръ, оклеветавъ
Невиннаго,—и ты всему повѣрилъ!

Тезей.

О, горе мнѣ!..

Артемида.

Нѣтъ, слушай до конца
И лишь тогда поймешь свое несчастье.
Властитель волнъ тебѣ три клятвы далъ.
Одну изъ нихъ, о, человѣкъ безумный,
Не на врага,—на сына твоего
Ты обратилъ, и на главу святую
Обрушилъ богъ проклятiе твое!
Ты въ томъ предъ нимъ виновенъ, нечестивый,
И предо мной, что, гнѣва не смиривъ,
Не выслушавъ ни клятвъ, ни порицанiй,
Дитя свое ты проклялъ и убилъ.

Тезей.

О, пощади, богиня!..

Артемида.

Совершилъ ты
Ужасное. Но можешь искупить
Свой тяжкiй грѣхъ: Киприда эти бѣды
Послала вамъ, чтобъ гнѣвъ свой утолить.
А есть такой обычай у блаженныхъ,
Что на своихъ въ семьѣ боговъ никто

Не возстаетъ, но каждый уступаетъ.
Не то, повѣрь, не стала бы терпѣть
Я, гордая, такого униженья,
Чтобъ изъ людей того, кто для меня
Дороже всѣхъ, невиннаго казнили.
Незнаніемъ оправданъ, человѣкъ,
Ты предо мной,—затѣмъ, что тайну Федра,
Убивъ себя, навѣкъ хотѣла скрыть.
Но кàкъ надъ нимъ ты долженъ плакать, смертный,
Когда и мнѣ его, богинѣ, жаль!
Не радуютъ боговъ несчастья добрыхъ,
И только злыхъ мы любимъ низвергать.

Хоръ.

Вотъ приближается самъ Ипполитъ!.. Посмотрите—
Кровью омочены кудри его золотыя,
Раны на тѣлѣ прекрасномъ...
Горе!.. Въ сей день роковой на чертоги Тезея
Боги обрушили два смертоносныхъ удара!..
Умирающаго Ипполита вносятъ на рукахъ слуги и товарищи.

Ипполитъ.

Проклялъ, проклялъ меня безпощадный отецъ!
Умираю... О, тяжко мнѣ, тяжко, друзья...
Положите на землю, хочу отдохнуть...
Умоляю васъ, милые, тише
Прикасайтесь ко мнѣ: мои раны болятъ...
Я изъ собственныхъ рукъ васъ поилъ и кормилъ,—
Кони, кони, за чтò вы убили меня?..
Кто стоитъ надо мною?.. Тихонько
Подымите еще, положите ровнѣй...
Зевсъ, взгляни на меня! я такъ вѣрилъ въ боговъ,
Я былъ чистой душой цѣломудреннѣй всѣхъ...
О, за чтò жъ умираю, невинный?
Я напрасно трудился для блага людей,
И напрасно я чтилъ, Всемогущій, тебя!..
Отойдите, друзья!.. Жажду смерти... Скорѣй...
Не могу я терпѣть этой муки...
О, молю васъ, убейте, убейте меня!..
Дайте мечъ, чтобы кончить ударомъ однимъ!..
За вину моихъ предковъ проклятье на мнѣ
Тяготѣетъ... Бѣда собиралась,

Подошла,—и ударъ на невиннаго палъ...
О, когда же наступитъ конецъ и покой?
Обними меня, черная, тихая смерть,
И закрой мои очи навѣки!..

Артемида.

О, милый мой, для мукъ ты былъ рожденъ
И жить съ людьми не могъ, затѣмъ, что слишкомъ
Была для нихъ душа твоя чиста.

Ипполитъ.

Ты—здѣсь!.. Тебя почувствовалъ я въ мукахъ.
О, вѣянье благоуханныхъ устъ!..
Мнѣ легче... Здѣсь, со мной—моя богиня!

Артемида.

Здѣсь та, кого любилъ, мой бѣдный сынъ,
Ты больше всѣхъ боговъ!

Ипполитъ.

О, Артемида,
Взгляни, какъ я страдаю!..

Артемида.

Вижу все.
Но слезы лить не должно намъ, блаженнымъ.

Ипполитъ.

Твой вѣрный жрецъ, охотникъ твой погибъ!..

Артемида.

Погибъ, кто былъ мнѣ всѣхъ людей дороже...

Ипполитъ.

Твоихъ коней, твоихъ кумировъ стражъ...

Артемида.

И злобная Киприда торжествуетъ!

Ипполитъ.

Киприда!.. Вотъ кто погубилъ меня!..

Артемида.

За то, что былъ ты сердцемъ непороченъ...

Ипполитъ.

Всѣхъ, всѣхъ троихъ на гибель обрекла...

Артемида.

Тебѣ, отцу и Федрѣ отомстила.

Ипполитъ.

Отецъ... Увы! я плачу и надъ нимъ....

Артемида.

Онъ хитрою богиней былъ обманутъ.

Ипполитъ—*Тезею.*

Несчастный!..

Тезей.

О, дитя мое, дитя,
Погибъ я!.. Нѣтъ мнѣ больше въ жизни счастья...

Ипполитъ.

Тебя сильнѣй, чѣмъ самого себя,
За все, за все, родимый мой, жалѣю!..

Тезей.

О, еслибъ смерть мнѣ за тебя принять!..

Ипполитъ.

Ты горькій даръ отъ Посейдона принялъ!

Тезей.

Когда бъ мои уста не изрекли...

Ипполитъ.

Ты, все равно, меня убилъ бы въ гнѣвѣ...

Тезей.

Богами былъ мой разумъ омраченъ!..

Ипполитъ.

Зачѣмъ проклясть боговъ не могутъ люди!..

Артемида.

Утѣшься же и вѣрь, когда сойдешь
Въ подземный мракъ, безжалостной Кипридѣ
Я отомщу за сына моего,
За чистое и любящее сердце!
Кто для нея дороже всѣхъ людей,
Того убью стрѣлой неотвратимой,
И дамъ тебѣ я славу на землѣ
Великую въ награду за мученья.
И локоны на память отрѣзать,
Надъ мраморомъ твоей могилы тихой,
И слезы долго, долго будутъ лить
О юношѣ прекрасномъ дѣвы, пѣсни
Унылыя слагая въ честь твою,
И о любви къ тебѣ несчастной Федры
Узнаютъ всѣ грядущіе вѣка!—*Тезею.*
Теперь возьми его, отецъ, въ объятья,
Чтобъ онъ уснулъ на любящей груди.

ИППОЛИТЪ.

Ты сдѣлалъ зло невольно: если боги
Того хотятъ,—не можетъ человѣкъ
Не согрѣшить.—*Ипполиту.*
Забудь и ты обиду,
Дитя мое, не обвиняй отца:
Не онъ,—тебя Судьба лишь погубила.
Но видѣть смерть и очи осквернять
Мученьями не должно намъ, безсмертнымъ.
Я вижу—близокъ твой конецъ,—прости!

Ипполитъ.

Блаженная, разстанемся навѣки!
Плѣнительный и долгій нашъ союзъ
Безъ горечи покинь ты съ легкимъ сердцемъ.
Прощаю все отцу, какъ ты велишь:
Я былъ всю жизнь тебѣ одной послушенъ!
Артемида исчезает

Ипполитъ.

Мнѣ темнота ужъ застилаетъ очи...—*Тезею.*
Дитя свое, родимый, обними!

Тезей—*наклоняясь и обнима*
Ипполита.

О, что со мной ты сдѣлалъ!..

Ипполитъ.

Умираю...
Уже врата Аида—предо мной...

Тезей.

Одинъ, одинъ я на землѣ покинутъ,
И кровь на мнѣ родного сына...

Ипполитъ.

Нѣтъ!
Тебѣ я все прощаю...

Тезей.

О, дитя!
Ужель простишь убійцѣ?..

Ипполитъ.

Артемидой
Безгрѣшною клянусь, что я простилъ...

Тезей.

Увы! Теперь твою любовь я понялъ!..

Ипполитъ.

Прости... прости... навѣки...

Тезей.

Горе мнѣ!

О, кроткое, незлобивое сердце!..

Ипполитъ.

Молись, отецъ, чтобъ и другія дѣти
Любили такъ тебя, какъ я любилъ...

Тезей.

Не покидай меня, еще помедли!..

Ипполитъ.

Я не могу... Все кончено... Скорѣй...
Скорѣй... покрой лицо мое одеждой...

Тезей—*покрывъ лицо умирающаго.*

Плачь, плачь, народъ!.. Священный градъ Паллады,
Какой, какой погибъ великій мужъ!

Къ изваянію Афродиты.

Жестокая! твой гнѣвъ я буду помнить!

Хоръ.

Гражданъ постигла нежданная скорбь.
Долго о немъ будутъ плакать:
Въ сердцѣ людей никогда не умретъ
Память о мужѣ великомъ.

Д. Мережковскій.

1892 г.

ТЬ ЛѢТЪ ВЪ АМЕРИКѢ

Изъ личныхъ воспоминаній.

I.

31 года, съ учебникомъ Олендорфа въ рукахъ
езначительными средствами въ карманѣ, я выса-
-Іоркѣ съ атлантическаго парохода; знакомыхъ
о ни души, если не считать двухъ или трехъ рус-
нныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Подготовки къ практи-
ности не было никакой; на родинѣ я занимался
или ничѣмъ не занимался, подобно большинству
лэндлордовъ. Существовало во мнѣ тяготѣніе къ
ойственное каждому русскому—все кажется, что
ли, безъ усадьбы и не прожить на бѣломъ свѣтѣ,—
мѣревался сдѣлаться фермеромъ, гдѣ и какъ—не-
ко мнѣ все казалось, что необходимо „сѣсть на
гать, работать, работать... Я и не помышлялъ о
тельности, кромѣ земледѣльческой — о землѣ я
по опыту; о промышленности же и торговлѣ вообще
леніе и предразсудки русскаго помѣщика, никогда
акихъ заводовъ, кромѣ винокуренныхъ, и хотя и
рѣхомъ пополамъ по-французски и по-нѣмецки,—
ыка не зналъ совсѣмъ. Порядочная семья должна
ть за мной черезъ 2—3 мѣсяца; капиталовъ было
ехъ тысячъ долларовъ: какъ видите, положеніе не
ое, и потому я разсчитывалъ непремѣнно заняться
быть хоть сыту и не голодать. Въ Нью-Іоркѣ я
то на одинъ день, и какъ и почему очутился во

Флоридѣ—и до сихъ поръ не могу отдать себѣ яснаго отчета—можетъ быть, потому, что, еще будучи въ Россіи, переписывался съ одной русской дамой, съ которой познакомился во время парижской выставки 1878 года, а жила она съ семьей во Флоридѣ. Какъ бы то ни было, я прямо изъ Нью-Іорка проѣхалъ по желѣзной дорогѣ Джаксонвилль, самый значительный городъ Флориды, на большой рѣкѣ Сентъ-Джонсъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ впаденія ея въ Атлантическій океанъ. Въ этомъ городѣ я пробылъ 3—4 дня, и, убѣдившись, что съ моими крошечными средствами я не могу купить ничего подходящаго въ его окрестностяхъ, такъ какъ цѣна на землю оказалась очень высокой—отъ 50 до 200 долларовъ за акръ,—я рѣшилъ ѣхать въ глушь, въ новыя мѣста, и потому однимъ прекраснымъ утромъ очутился на маленькомъ пароходѣ, который ходилъ регулярно между Джаксонвиллемъ и верховьями рѣки С.-Джонса, около 300 миль прямо на югъ.

Жара въ теченіе дня стояла невыносимая, но къ вечеру на водѣ стало сносно, и я усѣлся на носу парохода, любуясь тропической, никогда мною прежде невиданной растительностью и удивляясь той массѣ рыбы, черепахъ и аллигаторовъ, которые все время играли вокругъ парохода. Единственнымъ другимъ пассажиромъ былъ самъ владѣлецъ парохода, какъ оказалось впослѣдствіи, крупный джаксонвилльскій купецъ, который ѣхалъ на югъ осматривать новыя земли; сейчасъ же послѣ ужина онъ подсѣлъ ко мнѣ, и между нами завязался презабавный, для посторонняго слушателя, я полагаю, разговоръ. Онъ оказался ирландцемъ, уже лѣтъ двадцать жившимъ въ Америкѣ и составившимъ крупное состояніе; когда-то онъ учился по-французски, и вотъ, съ помощью Оллендорфа, съ которымъ я не разлучался, и съ помощью нѣсколькихъ французскихъ словъ, которыя порой съ трудомъ выуживалъ изъ своей памяти мой собесѣдникъ, мы умудрились разговориться и проговорить до глубокой ночи. Отъ него я узналъ, что ни земледѣлія, ни скотоводства, въ томъ смыслѣ, какъ я ихъ понималъ, во Флоридѣ, особенно въ южной ея части, куда мы ѣхали, совершенно не существуетъ; что единственное растеніе, которое тамъ воздѣлывается съ перемѣннымъ успѣхомъ, есть апельсинное дерево, и что хотя кое-гдѣ и производятся опыты съ сахарнымъ тростникомъ, бананами, ананасами и другими тропическими плодами,—нельзя еще сказать ничего положительнаго объ ихъ успѣхѣ, такъ какъ южная Флорида только-что начинаетъ заселяться, ничего вѣрнаго никто не знаетъ, и необходимо относиться съ крайней осторожностью ко всему, что

ни услышишь и ни увидишь. Перспектива для меня, стремившагося обезпечить семью земледѣліемъ, была не особенно завидная: если даже апельсины и бананы и будутъ рости съ успѣхомъ, ими одними не прокормишься. Зато, съ другой стороны, зимы не бываетъ совсѣмъ—тепло круглый годъ; и не замерзнешь, и платья не особенно много нужно. Мой новый знакомецъ самымъ обстоятельнымъ и добросовѣстнымъ образомъ излагалъ мнѣ всѣ эти соображенія — очевидно, онъ принималъ безкорыстное участіе въ новомъ переселенцѣ, да еще такомъ „зеленомъ“: моя непрактичность ему несомнѣнно бросилась въ глаза съ самаго начала нашего разговора. Между прочимъ, онъ упомянулъ, что въ южной Флоридѣ существуетъ весьма выгодное занятіе — это лѣсопильное дѣло, которое притомъ не требуетъ ни особенныхъ познаній, ни значительнаго капитала, а само платитъ хорошо, особенно тѣмъ, кто „stick to it“ —выраженіе чисто американское, не переводимое на русскій языкъ, и означающее настойчивость и даже упорство въ достиженіи цѣли. Я отъ роду никогда не видалъ ни одного лѣсопильнаго завода, не имѣлъ даже самаго отдаленнаго понятія о томъ, какъ подобный заводъ дѣйствуетъ,—весь тесъ, который употреблялся въ той мѣстности Россіи, гдѣ я жилъ, производился ручными пилами и каторжной работой пильщиковъ,-- но я почему-то заинтересовался этимъ производствомъ и заставилъ моего ирландца подробно передать мнѣ все, что онъ самъ зналъ о немъ.

На слѣдующее утро мы проѣхали мимо нѣсколькихъ лѣсопильныхъ заводовъ, работавшихъ на самомъ берегу рѣки, и на одной станціи, гдѣ пароходъ останавливался часа на два, мы вышли и подробно осмотрѣли одинъ изъ нихъ. Маленькая паровая машина пыхтѣла и шипѣла; большая круглая пила пронзительно визжала и рѣзала огромныя бревна, какъ рѣпу; рабочіе, негры, полунагіе и всѣ въ поту, такъ и бѣгали кругомъ, а единственный бѣлый на всемъ заводѣ, пильщикъ, ворочалъ различные рычаги, бывшіе у него подъ руками, и бойко покрикивалъ на рабочихъ. Завода собственно никакого не было—на нѣсколькихъ столбахъ была кое-какъ накидана досчатая крыша; на двухъ, трехъ тяжелыхъ брусьяхъ стояла крошечная, весьма несложная пильная машина; все было сколочено и скрѣплено на скорую руку, а доски и брусья такъ и валились отъ пилы, и бревна быстро исчезали одно за другимъ—въ какія-нибудь 10 минутъ огромное бревно, въ 3 фута въ діаметрѣ, превращалось въ прекрасный, ровный тесъ, какого я никогда не видывалъ. Шесть или семь человѣкъ, очевидно, могли произвести больше теса и

несравненно лучшаго качества въ одинъ день, чѣмъ больше число русскихъ пильщиковъ въ мѣсяцъ. Когда пароходъ опять отчалилъ, я принялся разспрашивать моего спутника о разныхъ деталяхъ производства, и когда высадился, рѣшилъ, что помимо куска земли непремѣнно постараюсь заняться и лѣсопильнымъ дѣломъ. Всѣ разсчеты указывали на это дѣло, какъ на очень прибыльное; особенныхъ техническихъ познаній не требовалось, и я могъ надѣяться, что моихъ денегъ хватитъ и на то, чтобъ купить себѣ уголъ и кровлю, и завести пильную мельницу.

Съ мѣсяцъ послѣ того, какъ я высадился, я странствовалъ по южной Флоридѣ, то пѣшкомъ, то верхомъ, то на волахъ. Населеніе было очень рѣдкое—графство Орэнжъ (Orange County), расположенное на верховьяхъ рѣки С.-Джонса, было только-что организовано, имѣло всего 800 жителей на пространствѣ многихъ тысячъ квадратныхъ миль, но несомнѣнно было, что пустыни эти быстро заселялись, и что притокъ эмигрантовъ только-что начался—часто попадались новыя расчистки, и дымъ стоялъ во многихъ мѣстахъ—жгли лѣса, для того, чтобы засаживать апельсинныя рощи. Мѣстность была вообще крайне однообразна, а почва несомнѣнно бѣдна; какъ только берега рѣки и ея долина съ ихъ роскошной растительностью на богатомъ черноземѣ оставались назади, начинались ровные, на многія мили тянувшіеся сосновые лѣса съ длинными иглами на рѣдкихъ сучьяхъ, кое-гдѣ перемѣшанные съ мелкимъ корявымъ дубомъ, очень некрасивой, сухой, жидкой породы. Кустарнику не было совсѣмъ; деревья стояли одиноко, довольно далеко одно отъ другого, и всюду въ лѣсу можно было проѣхать безъ всякой дороги и безъ всякаго затрудненія, въ любомъ экипажѣ. Почва—голый сыпучій песокъ, покрытый крайне жесткой, ползучей „проволочной" травой, которую не можетъ ѣсть ни одно жвачное животное. Монотонность этого непривлекательнаго пейзажа только отчасти скрашивали многочисленные озера и пруды—не знаю, какъ иначе назвать тѣ маленькія, часто совершенно круглыя, какъ котелъ, не болѣе 25 саженъ въ поперечникѣ, хранилища воды, которыя разбросаны всюду по южной Флоридѣ. Озера эти двухъ родовъ: или съ черноземнымъ дномъ и берегами — и тогда они глубоки, грязны, съ черной водой и сплошь затянуты густой растительностью; или же съ чистымъ песчанымъ дномъ, прозрачной, какъ хрусталь, водой и твердыми голыми берегами. Почти каждая ферма, каждый участокъ въ 160 акровъ или четверть сэкціи, имѣетъ свое озерко; въ нихъ много рыбы, но она мелка и невкусна. Для того, чтобы развести апельсинную плантацію, вырубаютъ лѣсъ,

сжигають его на мѣстѣ, если вблизи нѣтъ лѣсопильнаго завода, который покупаетъ бревна; пашутъ одинъ разъ, затѣмъ разсаживаютъ двухъ или трехлѣтніе саженцы, правильными рядами, на разстояніи 20 или 25 футовъ одно отъ другого, и роща, повидимому, готова. Пни, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, остаются торчать изъ земли до тѣхъ поръ, пока не сгніютъ; только весьма немногіе богатые люди выкорчевываютъ ихъ. Такая чистка земли стоитъ около двадцати долларовъ за акръ; саженцы стоютъ отъ полудоллара до двухъ долларовъ за штуку, смотря по возрасту и качеству, и пересадка—около полудоллара за штуку; такимъ образомъ, акръ апельсинной плантаціи, на которомъ ростетъ около пятидесяти деревьевъ, обходится среднимъ числомъ въ семьдесятъ-пять или сто долларовъ.

Какъ я уже замѣтилъ выше, южная Флорида была въ это время страна новая, только-что начинавшая заселяться; ничего положительнаго объ успѣхѣ апельсиннаго дерева не было, а ужъ спекуляція ревностно занялась имъ, и всякаго рода чудеса объ его выгодности и вѣрности печатались и распространялись не только по Флоридѣ, но и по всему союзу. Въ теченіе того мѣсяца, что я бродилъ по графству Орэнжъ, мнѣ пришлось столкнуться съ дюжиной или болѣе поземельныхъ агентовъ, которые всячески старались продать мнѣ что-нибудь—и чего-чего только они мнѣ не разсказывали! Эти поземельные агенты составляютъ въ Америкѣ особый классъ, нѣчто совершенно неизвѣстное у насъ на Руси: все это народъ тертый, бывалый, искусные говоруны, которые ни въ какомъ случаѣ за словомъ въ карманъ не полѣзутъ—на все у нихъ найдется готовый отвѣтъ, и ихъ совершенно справедливо прозвали земляными акулами. Нигдѣ въ мірѣ коммиссіонерство и посредничество разнаго рода не развито въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какъ въ Америкѣ; ни одна сдѣлка здѣсь не дѣлается безъ посредства коммиссіонера, который обыкновенно умудряется содрать плату съ обѣихъ сторонъ, а въ мѣстахъ новыхъ, только-что заселяющихся, гдѣ не могло еще установиться опредѣленнаго мѣрила для оцѣнки собственности, которая очень часто переходитъ изъ рукъ въ руки, этимъ господамъ—чистый рай: они чутьемъ слышать, гдѣ начинается такой поземельный „boom", и слетаются туда со всѣхъ сторонъ, какъ коршунъ на трупъ. Южная Флорида, и въ особенности ея центръ, графство Орэнжъ, со времени его образованія въ 1881 году до желтой лихорадки 1888 года, наслаждались такимъ boom'омъ; эмигранты тысячами стекались со всѣхъ концовъ союза, собственность всякаго рода росла въ цѣнѣ не по днямъ, а по часамъ,

города росли, какъ грибы, и населеніе графства Орэнжъ съ 800 человѣкъ въ 1881 году выросло до 40.000—въ 1888 г., и въ теченіе этого времени поземельные агенты и спекуляторы разнаго рода нажили громадныя деньги. Многіе изъ нихъ приплелись сюда пѣшкомъ, безъ цента въ карманѣ, а затѣмъ разъѣзжали въ колясках, жили на широкую ногу и кидали тысячи на вѣтеръ—и за все это платили „зеленые" переселенцы изъ другихъ штатовъ и изъ Англіи, которые такъ или иначе попадались имъ въ лапы. Прекрасно изданныя брошюры съ превосходными картами и картинами наводняли сѣверные города въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ; въ нихъ сулились новопришельцамъ золотыя горы, разсказывалось, что стоитъ только ткнуть въ землю апельсинный саженецъ, и что черезъ два, много черезъ три года безъ всякаго ухода такой саженецъ будетъ давать чуть ли не сто долларовъ чистаго ежегоднаго дохода. Года смѣло обращались въ мѣсяцы въ этихъ брошюрахъ и описаніяхъ, и въ устахъ краснорѣчивыхъ поземельныхъ агентовъ расходы сводились къ нулю, а баснословные доходы обѣщались въ самомъ близкомъ будущемъ. При этомъ климатъ оказывался верхомъ совершенства, ровнымъ, безъ чрезмѣрныхъ жаровъ, здоровымъ во всѣхъ отношеніяхъ и особенно полезнымъ для людей, здоровье которыхъ было расшатано работой на сѣверѣ. Не разъ краснорѣчивый агентъ, обливаясь пòтомъ и положительно сгорая подъ прямыми лучами тропическаго солнца, увѣрялъ меня самымъ хладнокровнымъ образомъ, что лѣто во Флоридѣ гораздо пріятнѣе и здоровѣе зимы.

Американцы, вообще крайне осторожные и разсчетливые во всѣхъ обыденныхъ дѣлахъ, въ то же время чрезвычайно падки на всякую новизну; спекулятивный духъ въ нихъ сильнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ народѣ, и все новое, еще невыясненное, имѣетъ для нихъ особенную прелесть. Сѣдые старики, весь свой вѣкъ успѣшно работавшіе на извѣстномъ поприщѣ, легко поддаются на удочку, какъ только является что-либо новое, обѣщающее быстрое обогащеніе,—и многія тысячи схватили „апельсинную горячку", бросили насиженныя мѣста и прибыльныя занятія на сѣверѣ и перебрались съ семействами во Флориду—поселялись въ глуши, разводили апельсинныя плантаціи и ждали у моря погоды. Въ 1883 и 1884 годахъ этотъ приливъ былъ такъ великъ, что невозможно было ни за какія деньги достать апельсинныхъ саженцовъ; цѣна на нихъ дошла до 5 долларовъ за штуку, и вагоны за вагонами привозили ихъ десятками тысячъ изъ Луизіаны и Калифорніи; цѣны на землю поднялись съ 3 и 5 долларовъ за акръ въ 1881 году до 100, 150 и даже

250 долларовъ за акръ—въ 1887 году; крошечные поселки, основанные въ 1880 году, какъ, напр., главный городъ графства Оренжъ, Орландо, выросли въ города съ десяти-тысячнымъ населеніемъ, въ которыхъ угловыя мѣста на бойкихъ улицахъ приносили баснословную цѣну. Когда, въ іюнѣ 1881 года, я впервые посѣтилъ Орландо, въ немъ было всего не болѣе дюжины домовъ, и зданіе суда новообразованнаго графства только-что начинало строиться. Мнѣ предлагали купить 160 акровъ, примыкавшихъ какъ разъ къ этому зданію, за 1.500 долларовъ; земля была сплошь покрыта лѣсомъ, и вѣхи и лыски только-что оконченнаго изысканія новопроектированной желѣзной дороги были единственными признаками цивилизаціи. Я, конечно, отказался, а въ 1887 году земля эта стоила болѣе милліона долларовъ, и угловыя мѣста 25×75 футовъ площади продавались по десяти тысячъ долларовъ за штуку. Зато, съ другой стороны, когда въ 1887 году желтая лихорадка опустошила Тампу, а въ 1888 году разорила Джаксонвилль, Орландо пострадалъ, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ эти города: половина его домовъ стояла пустая; страховыя общества отказались страховать постройки, и продать что-либо за какую-либо цѣну оказалось совершенно невозможнымъ—сегодняшніе богачи обратились въ нищихъ, а громадное большинство спекуляторовъ разорилось въ конецъ; только весьма немногіе, во-время очнувшіеся отъ спекулятивной лихорадки, остались цѣлы.

Послѣ долгихъ и упорныхъ розысковъ, я, наконецъ, наткнулся на нѣчто, что показалось мнѣ подходящимъ и вполнѣ по карману, и я купилъ 80 акровъ земли съ молодой апельсинной рощей и маленькимъ домикомъ въ двѣ крошечныя комнатки, и третью долю въ небольшомъ лѣсопильномъ заводѣ, работавшемъ въ одной милѣ отъ моего мѣста. Никогда не забуду той простоты дѣловыхъ сношеній и формъ, которая меня поразила въ этой моей первой куплѣ—съ тѣхъ поръ я покупалъ и продавалъ всякаго рода собственность очень часто, и, конечно, освоился съ ними, но эта первая купля навсегда врѣзалась въ мою память. Никому не было никакого дѣла, кто я такой, откуда, зачѣмъ и почему—все дѣло было устроено въ десять минутъ, нужныя бумаги написаны, подписаны и засвидѣтельствованы мѣстнымъ мировымъ судьей,—за что онъ взыскалъ съ насъ двадцать-пять центовъ,—а на слѣдующій день одинъ изъ сосѣдей, ѣхавшій въ городъ, засвидѣтельствовалъ бумаги въ судѣ,—за что взыскали одинъ долларъ,—и все было покончено, крѣпко и законно во всѣхъ отношеніяхъ. Я немедленно занялся приведеніемъ въ порядокъ ново-

купленнаго мѣста, расчисткой лѣса и посадкой 500 молодыхъ апельсиновъ, а между тѣмъ ежедневно ходилъ на заводъ и присматривался къ его порядкамъ и устройству. Компаніонами моими оказались разорившійся въ Джорджіи фермеръ, только за два года передъ этимъ переселившійся во Флориду и занявшій участокъ правительственной земли,—флегматичный старикъ съ большими претензіями, хотя безъ всякаго образованія и дѣловой умѣлости,—и довольно живой кентукіецъ, хорошій машинистъ и большой пьяница. Дѣло у нихъ шло не особенно успѣшно—они постоянно ссорились, обвиняли другъ друга въ ничегонедѣланіи и совсѣмъ не занимались заводомъ, который шелъ плохо и еле-еле оплачивалъ расходы—доходу не было никакого, хотя работы было вдоволь и дѣло само по себѣ было несомнѣнно прибыльное.

Черезъ мѣсяцъ пріѣхало мое семейство, и когда, послѣ уплаты за мѣсто, за заводъ и всѣхъ тѣхъ расходовъ, которые были необходимы для того, чтобы завести хозяйство, мы сосчитали свои деньги, у меня оставалось ровно сорокъ долларовъ. Къ этому времени я ужъ зналъ навѣрное, что всѣ разсказы о быстромъ обогащеніи отъ апельсиннаго дѣла—не что̀ иное, какъ разсказы,—зналъ, что роща потребуетъ, по крайней мѣрѣ, десять лѣтъ упорнаго труда и значительныхъ ежегодныхъ расходовъ, прежде чѣмъ дастъ какой-нибудь доходъ,—зналъ, что на проволочной травѣ и апельсинныхъ листьяхъ семьи не прокормишь,—и потому въ одно прекрасное утро пригласилъ своихъ компаніоновъ по заводу на совѣтъ и потребовалъ отчета въ дѣлахъ. Еще наканунѣ кентукіецъ былъ сильно пьянъ, и компаньоны крѣпко поссорились между собою—начались взаимные упреки и жалобы другъ на друга; я видѣлъ, что дѣло ведется неладно, хотя и не зналъ положительно, почему и какъ,—и хотя только-что начиналъ лепетать по-англійски и понятія не имѣлъ ни о производствѣ, ни о внѣшней, торговой сторонѣ дѣла—требовалъ немедленной перемѣны въ управленіи, такъ какъ заводъ представлялся мнѣ единственнымъ средствомъ къ существованію. Ни одинъ изъ моимъ компаніоновъ не желалъ уступить другому—до сихъ поръ они оба управляли заводомъ и всегда сваливали другъ на друга его неудачи. Мы долго спорили; наконецъ, одинъ изъ нихъ согласился уступить, если и другой тоже откажется отъ управленія. Оставался одинъ только исходъ—поручить дѣло мнѣ, и они оба согласились на это съ радостью. На другое же утро я взялся за работу—и черезъ полгода былъ уже въ состояніи выкупить дѣло у кентукійца, а черезъ годъ—и у второго партнера; работы было вдоволь, цѣны на тесъ стояли высокія; я расширилъ дѣло, при-

бавилъ новыя машины, выстроилъ другой заводъ, затѣмъ деревообработывающую фабрику, завелъ обширную торговлю, потомъ пустился въ подряды, взялся за постройку желѣзныхъ дорогъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ очутился во главѣ не только обширнаго лѣсного и подрядно-строительнаго дѣла, съ годовымъ оборотомъ свыше милліона долларовъ, но и частію владѣльцемъ и главноуправляющимъ значительной желѣзно-дорожной системы. Лѣсопильный заводъ, деревообработывающій заводъ, огромный магазинъ разныхъ товаровъ, заводъ для постройки желѣзно-дорожныхъ вагоновъ, желѣзная дорога съ нѣсколькими вѣтвями, нѣсколько морскихъ пароходовъ, которые пришлось завести съ развитіемъ желѣзно-дорожнаго дѣла, около милліона акровъ полученной отъ штата и частныхъ лицъ земли съ нѣсколькими городами, основанными мною на линіи желѣзной дороги—все это явилось какъ результатъ восьмилѣтней работы съ третьей долей крошечнаго завода, за которую я заплатилъ всего 600 долларовъ. Основанный мною въ 1886 году на мексиканскомъ заливѣ городъ С.-Петербургъ насчитываетъ уже около 2.000 жителей, и считается единственнымъ портомъ западнаго берега Флориды, къ которому могутъ приставать океанскіе пароходы—всѣ данныя въ пользу того, что со временемъ онъ сдѣлается средоточіемъ торговли между Антильскими островами и республиками центральной Америки съ Соединенными-Штатами.

Въ 1887 и 1888 годахъ желтая лихорадка (yellow fever) свирѣпствовала на югѣ Соединенныхъ-Штатовъ, и Флорида, особенно сѣверная ея часть, сильно пострадала отъ нея. Здоровье мое было надорвано непривычной восьмилѣтней работой, безъ всякаго перерыва и отдыха — тропическій климатъ дѣйствуетъ весьма сильно, хотя и медленно, на сѣверянъ вообще — всякое дѣло было въ застоѣ, и я продалъ всѣ мои интересы во Флоридѣ и переселился далѣе на сѣверъ, гдѣ и веду свое дѣло — опять-таки лѣсопильный заводъ, деревообработывающая фабрика и различные подряды—и до сихъ поръ. Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ я довольно основательно, на практикѣ, ознакомился съ лѣснымъ и строительнымъ дѣломъ, торговлей, желѣзнодорожнымъ дѣломъ, политикой и общественной жизнью Соединенныхъ-Штатовъ, и объ этихъ-то предметахъ я и собираюсь теперь побесѣдовать съ читателями.

II.

Лѣсное дѣло и обработка дерева во всѣхъ его видахъ составляютъ самый важный, послѣ земледѣлія, предметъ производства въ Соединенныхъ-Штатахъ. Многія сотни милліоновъ долларовъ капитала и многіе милліоны рабочихъ заняты этимъ промысломъ. Огромное количество лѣса—частію въ бревнѣ, частію въ тесѣ и брусьяхъ, частію въ видѣ различныхъ деревянныхъ издѣлій, особенно машинъ и мебели—ежегодно вывозится въ Великобританію, Германію, Францію и страны центральной и южной Америки; еще бо̀льшее количество потребляется дома, благодаря феноменальному росту страны и потребительнымъ ея силамъ, зависящимъ отъ колоссальнаго богатства жителей. Приозерные штаты, Мичиганъ, Висконсинъ и Миннесота, до самаго послѣдняго времени составляли центръ лѣсного дѣла Америки; бѣлая сосна и ея разновидность, норвежская сосна, были главнымъ продуктомъ этого дѣла. На крайнемъ сѣверо-востокѣ, въ штатахъ Мэнѣ, Вермонтѣ и Нью-Гамшайрѣ, ихъ замѣняетъ другая разновидность сосны, гемлокъ; на крайнемъ западѣ, въ штатахъ Вашингтонѣ, Орегонѣ и Калифорніи — красное дерево (redwood) и ель (fir). Дубъ и его многочисленныя разновидности ростутъ по всѣмъ штатамъ, съ крайняго сѣвера до крайняго юга — въ центральныхъ штатахъ, Иллинойсѣ, Охайо, Кентуки; онъ употребляется не только на всѣ подѣлки, но и на постройку зданій. Въ горахъ западной Вирджиніи, Вирджиніи, Сѣверной Каролинѣ, Кентуки и Тенесси ростутъ: орѣхъ, вишня, тополь, каштанъ, ясень; всѣ эти дорогія твердыя породы вывозятся въ Европу ежегодно въ огромныхъ количествахъ; въ настоящее время у меня большой лѣсопильный заводъ и деревообработывающая фабрика въ горахъ Сѣверной Каролины, — мы пилимъ, сушимъ и обработываемъ орѣхъ, вишню, тополь, ясень, каштанъ, кленъ и многія другія породы лѣса, названія которыхъ порусски мнѣ неизвѣстны. Наконецъ, на самомъ югѣ, въ восточной части Сѣверной Каролины, въ Южной Каролинѣ, Джорджіи, Флоридѣ, Алабамѣ, Луизіанѣ, Миссисипи и восточной части Техаса, ростутъ: желтая сосна съ длинными иглами (yellow long leaf fine), кипарисъ (cypress), красный кедръ (redcedar) и камедь (gum). Уже съ давнихъ поръ желтая сосна извѣстна на всемірномъ рынкѣ по своимъ превосходнымъ строительнымъ качествамъ, и болѣе пятидесяти лѣтъ ее вывозятъ въ Европу и въ сѣверные штаты изъ приморскихъ портовъ Мексиканскаго за-

лива — но только въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ дѣло это развилось до громадныхъ размѣровъ, и многіе лѣсопромышленники приозерныхъ штатовъ перевезли и перевозятъ въ настоящее время свои заводы съ сѣвера на югъ—и принялись за пилку вплотную; рабочій трудъ здѣсь дешевле, и заводы, благодаря теплому климату, могутъ работать круглый годъ. Кромѣ того, сообщеніе съ главными рынками—Великобританіей и центральной Америкой—дешево и относительно быстро. Желтая сосна и въ особенности кипарисъ ростутъ въ такихъ громадныхъ количествахъ и достигаютъ такихъ огромныхъ размѣровъ, что ихъ запасъ считается неистощимымъ; впрочемъ, то же говорилось двадцать лѣтъ тому назадъ и о лѣсахъ бѣлой сосны на сѣверѣ, хотя теперь и признаютъ за истину, что запаса этой послѣдней породы едва ли хватитъ на слѣдующія двадцать лѣтъ, даже не разсчитывая на увеличеніе производства. Несомнѣнно то, что паровая лѣсопилка въ рукахъ энергическаго лѣсопромышленника очищаетъ лѣса изумительно быстро: въ 1885 году, когда мнѣ пришлось, за множествомъ заказовъ, пилить день и ночь съ двумя смѣнами рабочихъ, я уничтожилъ 160 акровъ въ недѣлю, т.-е. квадратную милю въ мѣсяцъ.

Пиленые брусья и тесъ всѣхъ сортовъ вычисляются и продаются въ Америкѣ на квадратный футъ. Доска въ одинъ дюймъ толщины, 12 дюймовъ ширины и 12 дюймовъ длины составляетъ одинъ квадратный футъ (square foot board measure). Свыше одного дюйма толщины—считается сообразно съ толщиной: напр., доска въ $1^1/_2$ дюйма толщины, 12 дюймовъ ширины и длины, содержитъ полтора фута теса; въ 2 дюйма толщины — 2 фута теса и т. д. Всѣ толщины ниже одного дюйма считаются за дюймъ. Такимъ образомъ доска въ 1 дюймъ толщины, 6 дюймовъ ширины и 12 футовъ длины содержитъ 6 футовъ теса; доска въ 2 дюйма толщины, 10 дюймовъ ширины и 12 футовъ длины содержитъ 20 футовъ тесу. При составленіи счетовъ сначала ставится число досокъ, затѣмъ толщина и ширина въ дюймахъ и наконецъ длина въ футахъ—напр. 10—2″ × 6 × 12′ значитъ 10 досокъ 2 дюйма въ толщину, 6 дюймовъ въ ширину и 12 футовъ въ длину. Такимъ образомъ разсчеты упрощаются до чрезвычайности, и всякій понимаетъ и можетъ провѣрить какой угодно счетъ. При разсчетахъ строганаго теса берутъ за единицу размѣръ до строганія — такимъ образомъ, если шестидюймовыя доски употреблены были до строганія половыхъ досокъ, говорятъ и вычисляютъ шести-дюймовыя половыя доски, хотя вслѣдствіе сушки и строганія онѣ и уменьшились до пяти дюймовъ.

Тесъ каждой породы лѣса подлежитъ извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ правиламъ инспекціи, которыя имѣютъ силу во всѣхъ штатахъ союза. Многіе штаты содержатъ правительственныхъ присяжныхъ инспекторовъ, которые держатъ экзаменъ и получаютъ опредѣленное жалованье; расходы на ихъ содержаніе вполнѣ покрываются извѣстнымъ налогомъ на каждую тысячу футовъ, которую они инспектируютъ по просьбѣ торговцевъ лѣсомъ. Ихъ инспекція безапелляціонна, и ихъ измѣреніе и сортировка принимаются судьями за базисъ, достовѣрность котораго не можетъ быть оспариваема тяжущимися. Такимъ образомъ, всякій споръ, какъ относительно качества, такъ и количества, между отправителемъ и получателемъ—рѣшается ими, и это рѣшеніе служитъ основаніемъ для окончательныхъ разсчетовъ; даже Великобританія и центральная и южная Америка принимаютъ измѣреніе и сортировку этихъ инспекторовъ за неоспоримое основаніе для разсчетовъ. Гальвестонъ, Нью-Орлинсъ, Мобиль и Пенсакола на Мексиканскомъ заливѣ; Фернандина, Саванна, Чарльстонъ и Вильмингтонъ на южномъ, и Балтиморъ, Филадельфія, Нью-Іоркъ и Бостонъ на сѣверномъ Атлантическомъ океанѣ; Сагинау, Мильвоки и Чикаго на Великихъ озерахъ и портà Нью-джетъ-Соунди на Тихомъ океанѣ—вотъ центры внутренней торговли тесомъ и главные пункты экспорта за границу теса и древесныхъ издѣлій всѣхъ родовъ. Всѣ они имѣютъ достаточное число присяжныхъ инспекторовъ, а отправители изъ внутреннихъ штатовъ содержатъ своихъ, и обыкновенно крайне осторожны въ отправкѣ; недоразумѣнія и споры по этому предмету крайне рѣдки и обыкновенно бываютъ послѣдствіемъ какой-либо случайности—или задержки въ дорогѣ, или крыша вагона течетъ и испортила тесъ, или вагонъ попалъ въ крушеніе поѣзда. Хорошій инспекторъ, умѣющій инспектировать различныя породы лѣса, обыкновенно получаетъ хорошее жалованье — 3, 4, 5 долларовъ въ день; зато, онъ отвѣтственъ за измѣреніе и сортировку; если содержимое вагона по инспекціи присяжнаго инспектора въ мѣстѣ разгрузки оказывается несогласнымъ съ накладной отправителя, всякая разница заносится на счетъ отправившаго инспектора; а такъ какъ фрахтъ на различные сорта различенъ и зависитъ отъ качества теса, показаннаго въ накладной, то эта разница можетъ быть весьма значительна, и отправляющій инспекторъ, конечно, долженъ быть крайне остороженъ. Въ теченіе моей десятилѣтней дѣятельности, какъ лѣсопромышленника, я отправилъ многіе десятки милліоновъ футовъ теса, а на моей памяти нѣтъ

юора или разногласія съ моими покупателями по этому поводу.

Цѣна на тесъ въ Америкѣ крайне разнообразна. Бѣлая сосна 1-го сорта стоитъ въ Чикаго около 40 долларовъ за тысячу футовъ; низшіе сорта́—отъ 12 долларовъ. Желтая сосна 1-го сорта въ Нью-Орлинсѣ, Пенсаколѣ или Саваннѣ стоитъ 15 долларовъ за тысячу, низшаго сорта—около 8; въ Нью-Іоркѣ или Бостонѣ —22 и 15 долларовъ, такъ какъ фрахтъ и издержки обходятся приблизительно въ 7 долларовъ на тысячу. Кипарисъ 1-го сорта въ Нью-Іоркѣ стоитъ 50 долларовъ; тополь и бѣлый дубъ—35; каштанъ и ясень—около 40; орѣхъ и вишня—около 110. Перевозка теса по желѣзнымъ дорогамъ стоитъ довольно дорого, такъ что производители, напр. въ горахъ Сѣверной Каролины и Тенесси, получаютъ на мѣстѣ за высшіе сорта́ тополя и бѣлаго дуба около 25 долларовъ, за кипарисъ и ясень—около того же; они тяжелы и перевозка ихъ обходится дороже.

Лѣсопильные заводы рѣзко раздѣляются на два рода: одни работаютъ исключительно для мѣстнаго потребленія; другіе—исключительно для отправки въ центры лѣсной торговли, для распредѣленія по потребностямъ большихъ городовъ и безлѣсныхъ мѣстностей и для экспорта за границу. Первые чрезвычайно многочисленны—каждое мѣстечко имѣетъ свой заводъ для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ. Эти мѣстные заводы обыкновенно переносные, съ очень легкими и дешевыми машинами; паровикъ съ машиной на колесахъ и двѣ пары муловъ свободно могутъ перевозить ихъ съ мѣста на мѣсто. Въ полъ-дня заводъ установленъ и въ полномъ ходу; пила у него всегда круглая и все обзаведеніе стоитъ отъ полуторы до двухъ тысячъ долларовъ. Бревна обыкновенно доставляются мѣстными жителями, и заводъ, при четырехъ или пяти рабочихъ, можетъ произвести до четырехъ или пяти тысячъ футовъ въ день. Какъ только лѣсъ на полъ-мили кругомъ изрѣзанъ, заводъ переводятъ на другое мѣсто—и такой лѣсопромышленникъ вѣчно кочуетъ съ мѣста на мѣсто, смотря по тому, гдѣ есть потребность въ тесѣ; очень часто заводъ переводится для того только, чтобы нарѣзать 10 или 15 тысячъ футовъ теса для фермерскаго дома, и затѣмъ отправляютъ дальше. Расходъ на такихъ заводахъ доведенъ до minimum'а во всѣхъ отношеніяхъ: самъ владѣлецъ обыкновенно—и главный пильщикъ, и машинистъ, и главноуправляющій,—все въ одномъ лицѣ. Заводъ обыкновенно—старый, работавшій 20 или 30 лѣтъ; машины всѣ, такъ сказать, въ заплатахъ, деревянныя самодѣльныя части замѣняютъ поломанныя желѣзныя, а между тѣмъ работаютъ онѣ,

въ большинствѣ случаевъ, безъ запинки, превосходно во всѣхъ отношеніяхъ. Происходитъ это частію потому, что всѣ машины этого сорта упрощены до-нельзя — все на виду, можно слѣдить внимательно за тѣмъ, какъ части работаютъ и, въ случаѣ поломки, легко исправить или замѣнить поломанную часть; но, главнымъ образомъ, потому, что американцы, такъ сказать, прирожденные машинисты и крайне находчивы и искусны въ этомъ дѣлѣ. Нѣтъ такого угла въ Америкѣ, нѣтъ такого захолустья, гдѣ бы не было опытныхъ и искусныхъ машинистовъ всякаго рода; они постоянно странствуютъ, постоянно передвигаются съ мѣста на мѣсто, и я очень часто открывалъ въ оборванномъ странникѣ, работавшемъ какъ простой поденщикъ, чрезвычайно искуснаго спеціалиста. Тотъ лѣсопильный заводъ, третью часть котораго я купилъ по моемъ прибытіи въ Америку, работалъ 30 лѣтъ до тѣхъ поръ, пока я его купилъ, что̀ было видно по году отливки машины на самой машинѣ, былъ въ двухъ пожарахъ, а все-таки работалъ 8 лѣтъ безостановочно для меня, причемъ два или три года я пилилъ на немъ день и ночь, и онъ работаетъ и до настоящей минуты; главные пильщики и рабочіе мѣнялись довольно часто, а я не помню ни одного случая, чтобы пришлось остановиться для починокъ или передѣлокъ — все это дѣлалось какъ-то само собой, и всегда оказывался подъ рукой кто-нибудь, кто могъ исправить безъ всякихъ задержекъ или хлопотъ случайную поломку или неисправность.

Переходною ступенью отъ этихъ маленькихъ переносныхъ заводовъ къ большимъ служатъ такіе заводы для мѣстнаго потребленія, которые присоединили къ себѣ двѣ или три строгальныя машины, машины для выдѣлки кровельной и штукатурной лучины и т. д. Такіе заводы осѣдлы — не они ѣдутъ къ лѣсу, а лѣсъ ѣдетъ къ нимъ. Тогда какъ первые рѣдко имѣютъ болѣе 15—20 лошадиныхъ силъ, вторые часто имѣютъ 40 и 50, даже 100, машины ихъ болѣе цѣнны и сложны, и они могутъ пилить 10, 15, даже 20 тысячъ футовъ въ день. Пила опять-таки круглая, но большого діаметра, до 72 дюймовъ и обыкновенно съ вставными зубьями, которые дороже сами по себѣ, но требуютъ меньше ухода. Такіе заводы встрѣчаются въ каждомъ городѣ съ 3—5 тысячами жителей, гдѣ существуетъ обезпеченный рынокъ для ихъ производства; стоютъ они часто до 20 тысячъ долларовъ и требуютъ значительнаго капитала, такъ какъ, по мѣрѣ роста мѣстечка или городка, потребности въ качествѣ матеріала увеличиваются и усложняются — приходится имѣть сухой тесъ разныхъ размѣровъ и качествъ, часто въ большомъ количествѣ,

ıводъ держитъ не менѣе 3-хъ, иногда даже
ъ теса въ запасѣ. Въ графствѣ Орэнжъ, гдѣ
риканскую работу, въ 1881 году было всего
эносныхъ лѣсопильныхъ завода и ни одной
ı, а въ 1888 году было уже около 30 ма-
ıхъ и 6 среднихъ, изъ которыхъ два имѣли
00 долларовъ каждый.
ртныхъ лѣсопильныхъ заводовъ особенно много
ıнѣ, Висконсинѣ, Мэнѣ, Алабамѣ, Луизіанѣ
немногіе, всего два или три во всемъ союзѣ,
ıьнымъ личностямъ; они ведутся, какъ и всѣ
я въ Америкѣ, акціонерными компаніями,
ьшимъ капиталомъ. Двѣсти или триста тысячъ
ящее время считаются недостаточнымъ капи-
гобы вести большое лѣсное дѣло—многія ком-
іонъ и болѣе капитала, а около десяти ком-
талъ въ пять милліоновъ долларовъ каждая.
жупаютъ прежде всего огромныя пространства
многія владѣютъ милліонами акровъ. Затѣмъ,
ı сплава бревенъ, строятъ короткія желѣзно-
разныхъ направленіяхъ отъ завода для под-
ı компанія въ Мичигэнѣ имѣетъ до 80 миль,
рстъ, такихъ желѣзно-дорожныхъ вѣтвей, съ
, до десяти локомотивовъ и до 200 платформъ
Эти заводы обыкновенно строятся прочно и
ашины встрѣчаются въ 500 лошадиныхъ силъ;
ти совершенно вышли изъ употребленія и
чнымъ пиламъ (band-saw), которыя устроены
ıая лента пилы, около 6 дюймовъ ширины и
тонкая, вращается на двухъ колесахъ, распо-
чной стальной рамѣ одно надъ другимъ. Эти
оставляютъ одно изъ новѣйшихъ изобрѣтеній
иннаго дѣла и быстро вытѣсняютъ круглую
слѣднее время ихъ стали дѣлать и небольшого
и средней руки заводы начинаютъ вводить
щества такъ значительны, что не подлежитъ
самомъ близкомъ будущемъ онѣ совершенно
пилу и будутъ употребляться вездѣ и всюду
ı маленькихъ переносныхъ заводахъ. Главное
— ихъ тонкость; онѣ дѣлаютъ на двѣ трети
чѣмъ круглыя пилы, и довольно аккуратное
аетъ, что при пилкѣ дюймового теса сохра-

няется около 10 процентовъ лѣса. Устройство ихъ таково, что онѣ могутъ рѣзать всякую толщину бревна—тогда какъ круглая пила не можетъ быть сдѣлана болѣе 72 дюймовъ въ діаметрѣ, такъ какъ при бо̀льшемъ діаметрѣ, для сохраненія необходимой устойчивости, ей пришлось бы придать совершенно невозможную толщину. Правда, на многихъ заводахъ съ круглыми пилами отчасти устраняютъ это послѣднее неудобство тѣмъ, что сверху и спереди главной пилы прикрѣпляютъ вторую, мѐньшаго діаметра, которая разрѣзаетъ верхнюю часть бревна на одной линіи съ главной пилой, и такимъ образомъ дѣлается возможной распиловка бо̀льшаго діаметра бревенъ—но такого устройства машину очень трудно содержать въ порядкѣ: пилы часто попадаются неодинаковой устойчивости и неодинаковаго закала, работаютъ неровно и портятъ тесъ; кромѣ того, требуется довольно сложный и дорого стоющій механизмъ. При распиловкѣ кипариса, орѣха, вишни, тополя, и въ особенности краснаго дерева (особая порода кедра) на берегахъ Тихаго Океана, ленточная пила незамѣнима—эти породы часто достигаютъ 7, 8, 10 и даже 12 футовъ въ діаметрѣ, и круглая пила была не въ состояніи рѣзать ихъ съ какимъ-либо успѣхомъ; работа стоила дорого, и тесъ часто получался плохого качества.

Кромѣ главной пилы, которая на большихъ заводахъ, въ видахъ экономіи времени, употребляется исключительно для разрѣзки бревна, какъ дѣлаютъ ручные пильщики въ Россіи, приспособляется цѣлая система продольныхъ и поперечныхъ меньшихъ пилъ, которыя обработываютъ тесъ и брусья со всѣхъ концовъ и сдаютъ ихъ въ складъ обрѣзанными подъ прямымъ угломъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Устроиваютъ весьма сложныя и остроумныя приспособленія для быстраго передвиженія теса въ самомъ заводѣ, отъ одной машины къ другой; всякая секунда рабочаго времени уэкономлена по возможности. За послѣднее время эти большіе заводы стали достигать изумительной производительности — самый большой изъ нихъ, въ штатѣ Мичигэнѣ, разрѣзаетъ до 110 тысячъ футовъ теса въ рабочій день въ 10 часовъ, причемъ тесъ—вполнѣ совершенный во всѣхъ отношеніяхъ, а стоимость производства доведена до minimum'а.

Само собой разумѣется, что доставка бревенъ для такого завода составляетъ одну изъ главныхъ заботъ лѣсопромышленника. Заводъ работаетъ безостановочно, каждый день и цѣлый день, а въ лѣсу часто нельзя работать изъ-за дождя, бури, грязи и т. д.; требуется постоянно большой запасъ бревенъ, такъ какъ погода во всякое время можетъ остановить подвозку. Я уже упоминалъ,

і имѣютъ свою собственную желѣзнодорожную бревенъ,—а для подвозки къ этой сѣти упо-въ ровныхъ и волы въ гористыхъ мѣстностяхъ. тахъ обыкновенно выпадаетъ достаточно снѣга,)е время, для того, чтобы успѣть подвезти массу ь, но въ среднихъ штатахъ и на югѣ снѣга бревна подвозятъ круглый годъ на колесахъ. приспособленій для дешевой и скорой доставки бревенъ; на югѣ преимущественно употребляютъ у, съ колесами въ 8 и даже 10 футовъ въ посредствомъ длиннаго рычага и системы бло-ь бревно желѣзными крючьями; причемъ все удобно, что одинъ человѣкъ свободно можетъ эти къ заводу самое большое бревно. Я упо-нно 4, а иногда 6 даже 8 муловъ съ однимъ двухколеску — и такая подвода подвозила тридцать бревенъ въ день, иногда въ 3 и даже метрѣ и до 60 футовъ длины. Въ горахъ упо-безъ всякаго экипажа—заостриваютъ вершину, желѣзными крючьями и цѣпями и тащатъ бревно у. Тополь, и въ особенности орѣхъ и вишня, лючительно по крутымъ склонамъ горъ, и до-)дъ къ заводамъ составляетъ главный расходъ как онa не только дорогá и затруднительна, на — нерѣдко сорвавшееся на крутомъ склонѣ е только воловъ, но и погонщиковъ, и только рискомъ и большой затратой труда и времени ть на ихъ доставку; одно хорошее орѣховое ево стоитъ часто 300 и даже 500 долларовъ, случаи, когда цѣлый мѣсяцъ употреблялся на ерева къ заводу.

) распиловкѣ тесъ складывается въ правильныя ъ, длинамъ и качеству, и просушивается, смотря до 6 мѣсяцевъ, затѣмъ отправляется или за строгальные и обработывающіе дерево заводы

аводы (planing mills) очень однообразны,—раз-только въ числѣ машинъ и размѣрахъ произ-э заводы для мѣстнаго потребленія обыкновенно)пилками, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть ь исключительно для мѣстныхъ заказовъ; боль-въ центрахъ лѣсной торговли и дѣйствуютъ

какъ оптовые склады строганаго теса для внутренней и экспортной торговли. Оба рода производятъ половыя доски (flooring) доски для наружной (siding) и внутренней (ceiling) обшивки домовъ, доски разныхъ сортовъ и видовъ для внутренней и наружной отдѣлки, карнизовъ, дверныхъ и оконныхъ наличниковъ, лѣстницъ и т. д. Названія многихъ сортовъ совершенно непереводимы на русскій языкъ, такъ какъ и архитектура, и система постройки зданій въ Америкѣ совершенно различны отъ русскихъ (ниже я буду имѣть случай подробнѣе говорить объ этомъ). Кромѣ этихъ, одинаковыхъ по всему союзу, сортовъ строганаго теса, заводы эти дѣлаютъ двери, окна, и всякого рода токарную и выпильную ажурную работу изъ дерева; оба эти рода въ большомъ употребленіи въ Америкѣ, и самый дешевый домъ непремѣнно снабженъ въ бо̀льшей или мѐньшей степени точеными колоннами и баллюстрадами и выпильными украшеніями разнаго сорта.

Машины для строганія теса усовершенствованы до чрезвычайности и крайне разнообразны. Нѣтъ ни одной отрасли деревяннаго производства, для которой не существовало бы десятка или болѣе самыхъ разнообразныхъ машинъ, стремящихся облегчить и удешевить ручную работу человѣка. На моемъ настоящемъ заводѣ до 60 различныхъ машинъ, начиная отъ крошечной (pony) строгальной машины, строгающей короткія доски въ родѣ дверныхъ панелей и стоющей всего 100 долларовъ, до гиганта, строгающаго сразу всѣ четыре стороны бруса въ 12 дюймовъ толщины и ширины, вѣсящей 57 тоннъ и стоющей 3.500 долларовъ. Чтобы сдѣлать простую панельную дверь,—дерево, ее составляющее, проходитъ черезъ 12 различныхъ машинъ, и все-таки производство такъ удешевлено, что такая дверь приноситъ хорошій барышъ, хотя и продается въ розницу за одинъ долларъ. Съ цѣлью уяснить хоть нѣсколько эту машинную работу, я прослѣжу процессъ производства этой двери. Прежде всего тесъ, получаемый съ лѣсопильныхъ заводовъ, проходитъ черезъ искусственную сушильню; сушильни эти работаютъ или посредствомъ пара, или посредствомъ горячаго воздуха; онѣ доведены до высокой степени совершенства и послѣ трехъ или четырехъ дней выпускаютъ тесъ абсолютно сухимъ. Доски изъ сушильни поступаютъ сначала на продольную и поперечную круглыя небольшія пилы, которыя разрѣзаютъ ихъ на нужные размѣры; затѣмъ ихъ строгаютъ на машинѣ, которая строгаетъ обѣ стороны сразу до извѣстной, необходимой толщины, послѣ чего онѣ поступаютъ на сверлильную и долбильную машины, которыя долбятъ сквозныя дыры, гдѣ онѣ

необходимы для скрѣпы рамы; затѣмъ особая пазовая маш дѣлаетъ пазы въ продольныхъ брусьяхъ для пріема поперечн и панелей, тогда какъ другая нарѣзаетъ шины на поперечн брускахъ съ обѣихъ сторонъ сразу, и притомъ совершенно т же размѣра, какъ дыры для ихъ принятія въ продольныхъ б скахъ. Между тѣмъ двѣ другія машины обработываютъ панел одна нарѣзаетъ съ обѣихъ сторонъ сразу рельефныя выпукл для красоты, тогда какъ другая дѣлаетъ толщину краевъ к разъ для пазовъ въ брусьяхъ рамы. Послѣ этого всѣ части по паютъ на песко-бумажную машину, которая съ изумительной стротой очищаетъ всѣ шероховатости и неровности углублені частей; затѣмъ части соединяются руками въ дверь, которая ступаетъ въ прессъ, охватывающій ее со всѣхъ сторонъ и п гоняющій каждую часть плотно и точно одну къ другой. ленькая сверлильная машина, расположенная сверху надъ п сомъ, сверлитъ дырочки по всѣмъ швамъ, и клинья вколачива въ эти дырочки для скрѣпы двери, которая поступаетъ зат на діагональную строгальную машину, строгающую обѣ стор сразу до требуемой толщины, и наконецъ, на другую песко- мажную машину, которая отполировываетъ всѣ неровност шероховатости на выдающихся частяхъ двери—и она готова. самъ дѣлалъ опыты на моемъ заводѣ нѣсколько разъ—и кончали дверь въ 40 минутъ, послѣ того какъ тесъ для нея ходилъ изъ сушильни.

Половыя доски и тесъ для наружной и внутренней обши также какъ и нестроганый тесъ, раздѣляются на извѣстные со по качеству и подлежатъ той же инспекціи. Половыя доски лаются изъ дуба, клена, бѣлой и преимущественно желтой со — этотъ послѣдній родъ считается лучшимъ. Обшивочный т дѣлается изъ бѣлой и желтой сосны и тополя. Толщина и рина, также какъ и качество, весьма различны: чѣмъ уже по выя и обшивочныя доски, тѣмъ онѣ считаются лучше и цѣня дороже—высшіе сорта въ Нью-Iоркѣ стоютъ 60 и даже 80 д ларовъ за тысячу футовъ; дубовыя и кленовыя вывозятся въ з чительныхъ количествахъ въ Великобританію, для настилки ко бельныхъ дековъ, и стоютъ до 100 долларовъ за тысячу фут Обшивочный тесъ стоитъ дешевле, и качество его обыкнове ниже половыхъ досокъ; на эти послѣднія обращается особен вниманіе, и хорошій, плотный полъ, никогда не разсыхающій можетъ считаться отличительной чертой громаднаго большинс американскихъ построекъ.

Кромѣ строгальныхъ заводовъ вышеописаннаго типа, по вс

союзу разбросаны спеціальные деревообработывающіе заводы самаго разнообразнаго характера. Каждый изъ нихъ имѣетъ какую-нибудь спеціальность; за послѣднее время спеціальности эти съуживаются все больше и больше—и возникаютъ заводы для выдѣлки, напр., исключительно топорищъ, или метельныхъ ручекъ, или раздвижныхъ столовъ, и т. д. Дѣло въ томъ, что машинное дѣло безостановочно подвигается впередъ—постоянно изобрѣтаются новыя машины, упрощающія и удешевляющія извѣстную сторону производства; заводы общаго характера не въ состояніи слѣдить за всѣми этими нововведеніями, не въ состояніи вводить ихъ, такъ какъ они обыкновенно очень дороги сначала, и хотя и удешевляютъ производство, требуютъ для этого постоянной работы. Мебельные заводы, которые десять лѣтъ тому назадъ производили всякаго рода мебель, начиная съ дешеваго стула, цѣна котораго не превышаетъ трехъ долларовъ за дюжину, и кончая великолѣпнымъ буфетомъ, стоющимъ 3 или 4 тысячи, за послѣднее время разбились на спеціальности и производятъ только мебель извѣстнаго рода: одни дѣлаютъ исключительно стулья, другіе—кровати, третьи—столы, четвертые—шкафы, и т. д. Каждая отрасль мебельнаго дѣла обратилась въ спеціальность, требуетъ особыхъ машинъ и особыхъ рабочихъ. Число этихъ машинъ до того увеличилось, и новыя изобрѣтенія слѣдуютъ такъ быстро одно за другимъ, что несообразно громадное помѣщеніе и слишкомъ большой капиталъ потребовались бы для того, чтобы вмѣстить ихъ всѣ подъ одною кровлей; кромѣ того, одному лицу было бы физически невозможно наблюдать за такимъ обширнымъ дѣломъ и въ то же время быть au courant всѣхъ его подробностей,—а конкурренція такъ сильна и цѣны такъ чутки ко всякому новому удешевленію производства, что только самые совершенные во всѣхъ отношеніяхъ заводы могутъ разсчитывать на успѣхъ. Чтобы иллюстрировать вышесказанное, укажу на слѣдующій фактъ: заводъ швейныхъ машинъ Зингера, производящій до полутора милліона машинъ въ годъ, имѣетъ три отдѣльныхъ деревянныхъ завода: на одномъ приготовляютъ исключительно крышки машинъ, на другомъ—ящики, а на третьемъ дѣлаютъ изъ нихъ одно цѣлое; управляющіе этимъ дѣломъ разсчитали, что имъ выгоднѣе спеціализировать такимъ образомъ производство швейныхъ столовъ.

То же самое явленіе замѣчается и во всѣхъ другихъ отрасляхъ деревяннаго производства. Заводы желѣзно-дорожныхъ вагоновъ, экипажные, органные и фортепіанные, школьной и церковной мебели и принадлежностей—всѣ они имѣютъ спеціальныя машины, спеціальныхъ рабочихъ, и мало того—часто производятъ только

іего больше. Напр., въ экипажн
)дятся на особыхъ заводахъ, і
:ури, Арканзасѣ и Тенесси, ко
йо; ступицы—опять-таки на (
ки и Иллинойсѣ. Всѣ эти отд
ныя части покупаются особыми заводами, которыхъ спеціальн
—цѣлыя колеса; такимъ образомъ, цѣлый десятокъ заводовъ
ствуетъ въ работѣ какого-нибудь дешеваго экипажа, прич
каждая часть произведена самымъ дешевымъ образомъ, и прит
имѣется всякое основаніе предполагать, что части эти несомнѣ
хорошаго качества, такъ какъ все вниманіе и энергія за
обращены на производство именно одной этой части.

III.

За послѣднія двадцать-пять лѣтъ строительное дѣло сдѣ
въ Америкѣ гигантскіе успѣхи. Даже машинное дѣло, въ к
ромъ Америка безспорно занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ, (
ли можетъ претендовать на превосходство, хотя, конечно,
болѣе извѣстно въ другихъ частяхъ свѣта, такъ какъ маш
можно перевезти куда угодно, а для того, чтобы видѣть аме
канскія постройки, нужно переѣхать океанъ. Само собой р
мѣется, что общественныя зданія разнаго рода, какъ федер
наго правительства и отдѣльныхъ штатовъ, такъ и частныхъ і
порацій общественнаго характера, занимаютъ первое мѣсто в
по величинѣ, такъ и по стоимости. Напр., Капитолій штата Н
Іоркъ въ городѣ Ольбани стоитъ свыше десяти милліоновъ ,
ларовъ; американскіе архитекторы единогласно признаютъ,
это—самое величественное и самое дорогое зданіе во всемъ м
Новое зданіе федеральнаго суда и почтамта въ Санъ-Франци
стоитъ около 4 милліоновъ, и строится исключительно изъ ст
мрамора и стекла; недавно оконченное въ томъ же городѣ зд
для адвокатскихъ конторъ, въ 16 этажей вышины, занимаетъ о
3 десятинъ земли и стоитъ свыше 8 милліоновъ долларовъ.
вый храмъ соединенныхъ масоновъ въ Чикаго—болѣе 500
товъ вышины, т.-е. почти равенъ собору св. Петра въ Р
имѣетъ 34 этажа и стоитъ около 15 милліоновъ долларовъ.
вая соединенная станція всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ г. Канз
Сити, штатѣ Миссури, городѣ, идущемъ по стопамъ Чикаго о
сительно изумительно быстраго роста населенія и богатства, имѣ
1.800 футовъ длины, т.-е. около полуверсты, отъ 2-хъ до 1

этажей въ вышину, и будетъ стоить свыше 6 милліоновъ долларовъ.

Всѣ эти и многое множество другихъ, имъ подобныхъ, зданій абсолютно несгараемы и построены собственно изъ стали, съ каменной или кирпичной облицовкой; въ каждомъ простѣнкѣ между окнами помѣщается стальная колонна, идущая съ самаго основанія зданія до его крыши и облицованная снаружи, на высотѣ первыхъ двухъ или трехъ этажей, дорогимъ мраморомъ, а затѣмъ песчаникомъ, краснымъ или бурымъ, или прессованнымъ кирпичемъ, или терра-коттой. Этажи раздѣляются плоскими и широкими стальными брусьями, между которыми выводятся пологія арки изъ трубчатой терра-котты, скрѣпленной гидравлическимъ цементомъ, покрытыя изразцами или мозаикой изъ мрамора, замѣняющаго чистые полы. Окна и двери громадныхъ размѣровъ; первыя обыкновенно изъ цѣльнаго зеркальнаго стекла, часто больше полудюйма толщины, и иногда въ 10, даже въ 14 футовъ вышины и ширины; мнѣ самому однажды пришлось вставить цѣльное стекло въ 12 футовъ вышины и 14 футовъ длины для выставочнаго окна богатаго банка. Да не подумаетъ читатель, что эти громадныя дорогія зданія встрѣчаются только въ самыхъ большихъ городахъ—постройки въ двѣсти, триста и пятьсотъ тысячъ долларовъ встрѣчаются всюду, даже въ только-что заселяющейся южной Флоридѣ, или на крайнемъ западѣ, въ пустыняхъ южной Калифорніи и на берегахъ Пюджетъ-Соунда. Только около трехъ лѣтъ тому назадъ оконченъ постройкой отель Понсе де-Ліонъ, въ г. С.-Аугустинъ, въ южной Флоридѣ, который стоитъ свыше шести милліоновъ долларовъ; выстроено это зданіе въ мавританскомъ стилѣ, и нѣсколько артистовъ прожили свыше года въ Испаніи и Алжирѣ, изучая древнія постройки на мѣстѣ и собирая матеріалъ для воспроизведенія чудесъ мавританскихъ зодчихъ прошлаго тысячелѣтія. Въ городѣ Лосъ-Анджелесъ, центрѣ спекулятивной горячки съ землями южной Калифорніи, выросшемъ въ три года съ двухъ до семидесяти-пяти тысячъ жителей, въ теченіе одного 1887 года было возведено разныхъ построекъ на сумму свыше двадцати милліоновъ долларовъ, причемъ нѣсколько зданій стоили свыше милліона каждое. Лѣтомъ 1889 года только-что основанный на Пюджетъ-Соундѣ городъ Сіэттль (Siattle), обѣщающій по быстрому росту перещеголять Чикаго, выгорѣлъ до основанія; изъ составлявшихъ его 700 зданій разнаго рода осталось не болѣе 50—по самымъ окраинамъ, а черезъ два года, лѣтомъ 1891 года, стоимость построекъ вычислялась уже въ 60 милліоновъ долларовъ, причемъ около полудюжины стоили около

милліона каждое. Наконецъ, въ томъ небольшомъ, незначительномъ городкѣ, затерянномъ въ горахъ Сѣверной Каролины, гдѣ я живу въ настоящее время, и въ которомъ по цензу 1890 года насчитывалось всего десять тысячъ жителей, въ теченіе нынѣшняго лѣта производилась переоцѣнка городскихъ построекъ таксаторами штата, и хотя оцѣнка эта представляетъ приблизительно только 30% дѣйствительной стоимости, она дала сумму свыше 9 милліоновъ долларовъ, т.-е. около 30 милліоновъ дѣйствительной стоимости, причемъ два отеля оцѣнены въ 300.000 каждый, многія другія зданія — въ 100 и 200 тысячъ каждое; а зданіе федеральнаго суда и почтамта, которое я строю по контракту съ правительствомъ Соединенныхъ-Штатовъ, будетъ стоить около 150 тысячъ долларовъ; въ настоящее время, кромѣ этого, находятся въ процессѣ постройки до 10 зданій, стоимость которыхъ до 30 тысячъ каждое, два будутъ стоить около 100 тысячъ каждое и одно около 300 тысячъ; а дворецъ одного изъ молодыхъ Вандербильтовъ, строящійся въ двухъ миляхъ отъ города, будетъ стоить до 6 милліоновъ долларовъ; этотъ дворецъ строился изъ тенессійскаго мрамора, и одинъ фундаментъ стоитъ уже свыше четырехъ сотъ тысячъ—за одни лѣса къ нему, мною поставленные, я получилъ уже около десяти тысячъ долларовъ.

Церкви различныхъ религіозныхъ сектъ, которыхъ такое множество въ Америкѣ, тоже, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ собою хорошо выстроенныя и приспособленныя, часто очень дорогія, зданія. Религіозное ханжество, часто самаго дурного характера, чрезвычайно распространено въ Америкѣ, особенно въ южныхъ штатахъ. Чѣмъ отчаяннѣе спекуляторъ, чѣмъ краснорѣчивѣе земельный агентъ, чѣмъ жестокосерднѣе заводовладѣлецъ, чѣмъ лукавѣе адвокатъ,—тѣмъ болѣе принимаетъ каждый изъ нихъ наружнаго участія въ церковныхъ дѣлахъ, и тѣмъ болѣе жертвуетъ онъ на разныя церковныя нужды. Многіе приходы чрезвычайно богаты, и церковныя зданія и ихъ устройство соотвѣтствуютъ этому богатству. Не говоря уже о большихъ центрахъ, какъ городъ Нью-Іоркъ, гдѣ только-что оконченный изъ сѣраго мрамора католическій каѳедральный соборъ строился цѣлыхъ десять лѣтъ и стоитъ свыше пяти милліоновъ, каждый небольшой городъ, въ родѣ того, гдѣ я живу теперь, имѣетъ непремѣнно 10, 15 церквей, часто стоющихъ 30, 40 и даже 100 и болѣе тысячъ долларовъ. Я только-что окончилъ на моемъ заводѣ богатѣйшую внутреннюю отдѣлку для церкви, въ одномъ изъ маленькихъ городковъ Вирджиніи, которая будетъ стоить около 70 тысячъ; а пока жилъ во Флоридѣ—выстроилъ по контракту около

дюжины, причемъ одна изъ нихъ, въ г. С.-Аугустинѣ, стоила свыше ста тысячъ, хотя была самыхъ незначительныхъ. сравнительно, размѣровъ; богатство отдѣлки требовалось чрезвычайное, каждая часть—по оригинальнымъ рисункамъ, и деньги на всю эту роскошь ловкій пасторъ весьма умѣло выуживалъ изъ кармановъ самыхъ закоснѣлыхъ изъ своихъ прихожанъ. Наружная архитектура этихъ церквей довольно однообразна, большею частью въ старинномъ готическомъ стилѣ, съ большими конусообразными окнами, высокими башнями надъ главнымъ входомъ и крутыми крышами; но внутреннее убранство обыкновенно весьма роскошно и удобно, и стоитъ большихъ денегъ.

Только въ самыхъ большихъ восточныхъ городахъ, Нью-Іоркѣ, Филадельфіи и Балтиморѣ, существуютъ, и то въ самомъ незначительномъ числѣ, многоэтажные дома съ квартирами; по всему остальному союзу, даже въ Чикаго, гдѣ строительныя мѣста стоютъ даже дороже Нью-Іорка, каждое семейство непремѣнно живетъ въ отдѣльномъ домѣ, какъ бы малы ни были его средства къ жизни. Эти частные дома, резиденціи (residences), какъ они повсемѣстно называются въ Америкѣ, конечно бываютъ самой разнообразной стоимости и устройства, начиная съ лачужки поденщика-негра, стоющей 50 долларовъ, до палатъ Астора и Вандербильта на 5-й авеню Нью-Іорка, стоющихъ милліоны; говорятъ, что новый домъ старика Вандербильта, выстроенный имъ незадолго до смерти, обошелся ему въ семнадцать милліоновъ, а дворецъ Фэра, калифорнійскаго спекулятора серебряными рудниками, стоитъ ему и того больше.

Какъ бы бѣдна ни была лачужка, въ ней непремѣнно не менѣе двухъ комнатъ. Американецъ, какъ бы бѣденъ онъ ни былъ, ни за что не обратитъ жилой комнаты въ кухню — эта послѣдняя всегда отдѣльно. Впрочемъ, даже такихъ двухъ-комнатныхъ домовъ очень, очень немного — можетъ быть, не болѣе одного процента — непремѣнно три или четыре комнаты, одна чистая, одна или двѣ спальни и кухня. Только самые бѣдные, захудалые поденщики да рабочіе хлопчато-бумажныхъ фабрикъ—занятіе, оплачивающееся ниже всякаго другого въ Америкѣ,—живутъ въ такихъ домахъ. Мастеровые и приказчики разнаго рода живутъ всегда въ весьма приличныхъ коттэджахъ, въ 5—6 комнатъ, обыкновенно двухъ-этажныхъ, съ разными наружными украшеніями, выкрашенныхъ и оштукатуренныхъ, часто со всѣми удобствами цивилизаціи — водой, газомъ, ваннами и ватерклозетами. Такіе коттэджи стоютъ отъ 500 до 1.500 долларовъ; они весьма удобны, и если выстроены спекуляторами—приносятъ отъ

ренты въ мѣсяцъ; мастеровой, получающій
доллара въ день, свободно можетъ платить
эджи эти почти всегда деревянные, покрыты
гся каменами.
съ профессій, адвокаты, доктора, спекулянты
которымъ въ каждомъ городѣ—легіонъ, купцы
цчики, банкиры, составляющіе дѣловую часть
ія, живутъ обыкновенно на отдѣльныхъ отъ
ода улицахъ, въ хорошихъ и часто роскош-
ощихъ отъ 5-ти до 30, 40 и даже 100 ты-
энь красивыхъ снаружи и чрезвычайно удоб-
ь, въ которомъ я живу въ настоящее время,
30 тысячъ; теплая и холодная вода прове-
ажа, въ каждомъ имѣется ванная; элеваторъ
ройства ходитъ сверху до низу, и даже ребе-
скаться и подниматься изъ одного этажа въ
весь домъ электричествомъ; отопляется онъ
ячимъ воздухомъ изъ аппарата, помѣщеннаго
нъ соединяетъ его съ центральной станціей
со всѣмъ городомъ. Даже самые большіе губернскіе города въ Россіи не могутъ дать частному лицу тѣхъ удобствъ и за ту ничтожную плату, которыми пользуются въ Америкѣ самые незначительные поселки; я не думаю, чтобы во всемъ союзѣ нашелся городъ съ двумя-тремя тысячами жителей, въ которомъ не было бы полной системы сточныхъ трубъ, водопроводовъ, электрическаго освѣщенія, телефонной системы и т. д.

Дома этого сорта часто выстроены изъ тесанаго камня, прессованнаго кирпича, или же деревянные изъ пиленаго теса; покрыты они жестью или графитомъ и отдѣланы внутри изысканно и даже роскошно — орѣхъ, дубъ, вишня самой дорогой работы, роскошные ковры и дорогая мебель. Строительныя мѣста—обыкновенно весьма большого размѣра, съ большимъ заднимъ дворомъ и часто прекраснымъ цвѣтникомъ передъ фасадомъ дома.

Самая постройка зданій всѣхъ этихъ родовъ и стоимостей доведена до изумительнаго совершенства относительно простоты и скорости. Архитекторскіе планы обыкновенно чрезвычайно точны и аккуратны — подрядчикъ можетъ вычислить весь необходимый матеріалъ до послѣдняго гвоздя въ точности. Благодаря этому, дѣлается возможной пересылка цѣлыхъ зданій по желѣзной дорогѣ или водой; мнѣ часто приходится отправлять цѣлые дома, отъ основанія до крыши, по желѣзной дорогѣ за 100, 200 и 300 миль отъ моего завода; а въ 1885 году я выстроилъ гро-

мадный 8-ми-этажный отель, съ 800 комнатами, самый большой по помѣщенію во всемъ штатѣ Флоридѣ, за двадцать миль отъ моего завода, на которомъ была выпилена и обработана всякая доска; цѣлые поѣзда были нагружены этимъ матеріаломъ, и хотя отель этотъ стоилъ свыше милліона долларовъ, контрактъ на его постройку былъ подписанъ мною 1-го мая, а 15-го декабря того же года онъ былъ вполнѣ оконченъ и открытъ для публики. То федеральное зданіе, которое я строю въ нашемъ городѣ въ настоящее время, и о которомъ я имѣлъ уже случай упомянуть выше, строится частью изъ бураго песчаника, доставляемаго изъ каменоломенъ Южной Каролины, и прессованнаго кирпича изъ Филадельфіи; стальныя колонны и матицы изготовлены въ Питсбургѣ, мѣдная работа—въ Чикаго, кровельный графитъ привезенъ изъ Вирджиніи, желтая сосна—изъ Алабамы, бѣлая сосна—изъ Мичигэна, мраморные полы—изъ Вермонта, терра-котта—изъ Индіаны, желѣзная работа—изъ Массачусетса, стекло—изъ Детройта и т. д., и т. д.; словомъ, матеріалъ для зданія собранъ со всѣхъ концовъ союза, гдѣ я могъ выгоднѣе купить его, и все это обращено въ стройное, красивое зданіе въ горахъ Сѣверной Каролины.

Упомянувъ объ общественныхъ зданіяхъ, церквахъ и частныхъ домахъ, нельзя пройти молчаніемъ и зданія учебныхъ заведеній. Эти зданія составляютъ особую категорію, и во многихъ штатахъ ихъ стоимость достигаетъ десятковъ милліоновъ долларовъ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ руками докладовъ школьныхъ совѣтовъ за прошлый годъ — цифры этихъ докладовъ изумительны для русскаго человѣка, и я не сомнѣваюсь, что многіе читатели сочли бы ихъ невѣроятными. Какъ бы то ни было, напр. въ городѣ Нью-Іоркѣ насчитывается до 210 общественныхъ школьныхъ зданій, стоимостью отъ 40 до 400 тысячъ долларовъ; если память мнѣ не измѣняетъ, общая ихъ стоимость превышаетъ громадную сумму въ 30 милліоновъ. Всѣ эти зданія стоятъ непремѣнно особнякомъ, всегда очень красивой внѣшней архитектуры и чрезвычайно удобны и помѣстительны внутри: классныя комнаты не ниже 15 футовъ въ вышину, съ наилучшими, новѣйшими системами отопленія и вентиляціи.

Съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ Америкѣ, мнѣ пришлось по разнымъ дѣламъ побывать почти во всѣхъ значительныхъ городахъ союза, и всегда и вездѣ школьныя зданія обыкновенно бросались въ глаза. Особенно вѣрно это относительно тѣхъ большихъ университетовъ и спеціальныхъ школъ, которыми такъ богаты сѣверные и западные штаты: Харвардъ, Иэль, Принсетонъ, Колумбія, Корнелль—все это университеты, не общественные въ

полномъ смыслѣ этого слова, а частные, построенные и содержимые на частныя пожертвованія и на доходы съ тѣхъ имѣній и капиталовъ, которые были въ разное время оставлены въ ихъ пользу частными лицами. Такъ какъ нѣсколько выше мнѣ пришлось, въ интересахъ истины, упомянуть въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ объ американскомъ религіозномъ ханжествѣ, то, въ тѣхъ же интересахъ, необходимо упомянуть и о томъ, что настолько же, и даже въ большей степени, развита здѣсь и вѣра во всемогущество образованія, и что пожертвованія на школы и университеты даже значительнѣе церковныхъ—и, что̀ всего лучше, часто огромныя суммы жертвуются безъ публикованія имени жертвователя. Такъ, только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ неизвѣстный датель завѣщалъ болѣе милліона долларовъ на новыя зданія для университета Корнелля въ Итакѣ; пожертвованіе это подало поводъ къ курьезному процессу, въ который пришлось вмѣшаться легислатурѣ штата Нью-Іоркъ, такъ какъ оказалось необходимымъ измѣнить основную хартію этого университета, не позволявшую ему имѣть капитала свыше одного милліона—а такой капиталъ уже принадлежалъ ему издавна. Въ настоящее время въ Калифорніи строится новый Тихо-Океанскій университетъ на средства, пожертвованныя на этотъ предметъ сенаторомъ этого штата, Стэнфордомъ; издержано уже болѣе пяти милліоновъ, и, по всѣмъ признакамъ, университетъ этотъ будетъ чѣмъ-то еще небывалымъ въ лѣтописяхъ школьнаго дѣла, по удобству и роскоши помѣщеній и богатству и полнотѣ коллекцій и научныхъ кабинетовъ.

На югѣ нѣтъ такихъ общественно-частныхъ университетовъ, если не считать устроиваемаго теперь въ Нэшвиллѣ, въ штатѣ Теннеси, университета для негровъ, на пожертвованныя Вандербильтами средства; зато на югѣ очень многочисленны университеты различныхъ религіозныхъ сектъ. Въ 1886 году я выстроилъ по подряду зданія для университета конгрегаціоналистовъ, въ городѣ Винтеръ-Паркѣ,—зданія, стоившія около ста тысячъ долларовъ. Университетъ этотъ устроенъ по барачной системѣ, и планы для него, весьма остроумные и подходящіе къ климату и условіямъ жизни во Флоридѣ, были изготовлены извѣстнымъ бостонскимъ спеціалистомъ по предмету школьнаго дѣла.

Мой очеркъ строительнаго дѣла въ Америкѣ былъ бы далеко неполонъ и неточенъ, еслибы я не отмѣтилъ того участія, которое принимаютъ въ немъ различныя земельныя компаніи и спекуляторы разныхъ сортовъ. Несомнѣнно, что по числу—половина, а по стоимости—по крайней мѣрѣ три четверти всѣхъ зданій въ Америкѣ возводятся ими. Какъ только какое-либо поселеніе или

городъ почему-либо начинаетъ подавать признаки жизни и обѣщаетъ быстрый ростъ, такъ немедленно образуются поземельныя компаніи, чтобы по возможности воспользоваться этимъ ростомъ и нажить деньги. Иногда частныя лица, а чаще всего акціонерныя компаніи, образованныя изъ мѣстныхъ дѣльцовъ разнаго рода, въ союзѣ съ капиталистами большихъ городовъ сѣверо-востока, скупаютъ земли кругомъ такого подающаго надежды пункта, обыкновенно по дешевой цѣнѣ,—иногда но десяти, пятнадцати долларовъ за акръ,—и начинаютъ „boom the place". Выраженіе это не переводимо на русскій языкъ, такъ какъ самаго понятія, имъ выраженнаго, не существуетъ въ Россіи, насколько мнѣ извѣстно. Значитъ оно—всякими правдами и неправдами, путемъ обѣщаній, предсказаній и предположеній, зародить въ публикѣ спекулятивную лихорадку и поднять цѣнность. Купленныя наканунѣ за безцѣнокъ земли разбиваются на строительные участки, часто самаго мизернаго размѣра, пролагаются будущія улицы, проспекты и площади, строится конка или электрическая желѣзная дорога къ новому „прибавленію" къ городу, печатаются циркуляры и брошюры самаго занимательнаго свойства—и публика начинаетъ клевать; компанія обыкновенно строитъ отель, нѣсколько коттэджей, магазины и т. д., продаетъ ихъ, покупаетъ опять назадъ по возвышенной цѣнѣ, перепродаетъ и работаетъ изо всѣхъ силъ и во всѣхъ направленіяхъ, чтобы начать правильное заселеніе новаго „добавленія"; затѣмъ, по мѣрѣ этого заселенія, возвышаетъ цѣны на мѣста, возводитъ новыя постройки и такимъ образомъ чисто спекулятивными способами иногда наживаетъ огромныя деньги. Знаменитая Илайтонская поземельная компанія въ г. Бирмингэмѣ, въ штатѣ Алабамѣ, на первоначальный капиталъ въ двѣсти тысячъ долларовъ, представлявшій собою земельную покупку, за которую было заплачено всего десять тысячъ наличными деньгами, съ 1883 года, года основанія, до 1889, въ пять лѣтъ, выплатила уже 5.570.000 долларовъ дивидендами,—и довольно аккуратное вычисленіе показываетъ, что оставшіяся въ ея владѣніи мѣста стоютъ по теперешнимъ цѣнамъ многіе милліоны долларовъ, такъ что есть всякое основаніе предполагать, что дивиденды эти будутъ продолжаться и въ будущемъ.

Само собой разумѣется, что на одну такую успѣшную компанію насчитываются десятки неудачныхъ, не только не приносящихъ никакого дохода, но и часто теряющихъ весь первоначально затраченный капиталъ. Въ штатахъ Сѣверо-Востока и Центра, гдѣ населеніе болѣе или менѣе осѣдлое, такого boom'а не устроишь,

не будь дѣйствительно на-лицо чего-нибудь изъ ряда вонъ выходящаго, въ родѣ открытія натуральнаго газа, керосина и т. д. Тутъ цѣнности вполнѣ установившіяся и спекулировать ими неудобно. Въ мѣстахъ новыхъ, только-что заселяющихся—дѣло другое: тамъ все можетъ случиться; вѣдь выросъ же Чикаго въ 50 лѣтъ изъ болота въ городъ съ 1.200.000 жителей; Омаха въ 30 лѣтъ—въ 350.000 жителей; Канзасъ-Сити въ 20 лѣтъ—въ 300.000 жителей; Лосъ-Анджелесъ въ 5 лѣтъ—въ 75.000, и Бирмингэмъ въ 8 лѣтъ—въ 40.000 жителей; вѣдь поднялись же цѣнности въ нихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ сто тысячъ разъ! Вотъ эти-то примѣры, съ надлежащими нравоученіями, и приводятся поземельными спекуляторами—и всегда почти успѣшно. И какіе-какіе только резоны не услышишь отъ нихъ! Покупай сейчасъ, немедленно — черезъ мѣсяцъ цѣны непремѣнно удвоятся, утроятся, удесятерятся — и часто значительныя деньги платятся простаками за мѣста, не только нестоющія, но и никогда не могущія стоить ни одного цента. Много было такихъ случаевъ, что проданныя мѣста оказывались—по землемѣрному изысканію—или въ непроходимомъ болотѣ, или посреди озера, или въ рѣкѣ; нѣсколько особенно ловкихъ мошенниковъ умудрились продавать мѣста даже въ Тихомъ океанѣ, за 5 миль отъ берега, на многія сотни футовъ подъ водою. Сначала главной ареной всѣхъ этихъ продѣлокъ былъ дальній Западъ; теперь спекуляція занялась „новымъ Югомъ", и есть всякое основаніе предполагать, что въ близкомъ будущемъ какой-нибудь ловкій аферистъ оснуетъ городъ и въ водахъ Мексиканскаго залива. Жертвами обыкновенно являются зажиточные классы богатыхъ сѣверныхъ городовъ: всякая работа тамъ хорошо оплачивается, и разсчетливые люди легко дѣлаютъ сбереженія—является стремленіе повыгоднѣе помѣстить эти сбереженія, чтобы поскорѣе нажить средства, которыя бы обезпечили безбѣдное существованіе безъ обязательной работы. На сѣверѣ капиталъ безъ конца, проценты низкіе и цѣнности установившіяся—нельзя даже и мечтать, что сбереженные 500 или тысяча долларовъ въ одинъ годъ обратятся въ 20 или 30 тысячъ,—а почта всякій день приноситъ краснорѣчивыя описанія такихъ возможностей гдѣ-то тамъ, далеко; эти возможности описываются не только вѣроятными, но чѣмъ-то несомнѣнно вѣрнымъ—и вотъ съ трудомъ сбереженныя деньги посылаются какому-нибудь ловкому проходимцу и въ громадномъ большинствѣ случаевъ исчезаютъ безъ слѣда. Собственно говоря, нѣтъ предѣла дерзости и нахальству этихъ земельныхъ спекуляцій: почти всегда къ рекламѣ, описывающей какой-нибудь новый городъ, прило-

жена карта окрестностей съ подробнымъ планомъ самаго города; географическіе факты искажены самымъ безсовѣстнымъ образомъ, физическая наружность страны измѣнена, и часто приложены фотографіи великолѣпныхъ зданій, будто бы стоящихъ въ городѣ, тогда какъ въ дѣйствительности на мѣстѣ, можетъ быть, нѣтъ ни одной лачужки.

IV.

Когда, въ 1883 году, мое лѣсное дѣло развилось настолько, что я вынужденъ былъ присоединить къ моей лѣсопилкѣ и значительный деревообработывающій заводъ, число рабочихъ въ нашемъ мѣстечкѣ сильно увеличилось, при томъ такихъ рабочихъ, которые прибыли съ сѣвера и получали хорошее жалованье, $2^1/_2$, 3 и $3^1/_2$ доллара въ день. Мѣстныя лавки не могли удовлетворить ихъ потребностямъ, и вотъ мнѣ самому пришлось открыть торговлю всякимъ товаромъ, чтобы удержать этихъ рабочихъ на мѣстѣ.

Въ каждомъ небольшомъ мѣстечкѣ Америки существуютъ лавки, торгующія всякимъ товаромъ (general merchandise), и съѣстными припасами, и краснымъ товаромъ, и мебелью, и желѣзомъ, а во Флоридѣ, которая сама абсолютно ничего не производитъ, приходится получать съ сѣвера и муку, и масло, и красный товаръ, и рѣшительно все, что̀ необходимо для жизни. Само собой разумѣется, что я понятія не имѣлъ о торговомъ дѣлѣ, а это дѣло при такихъ условіяхъ требовало спеціальныхъ знаній; необходимо было знать всѣ цѣны и знать, гдѣ и какъ купить; и вотъ я опять взялъ партнера, совершенно незнакомаго мнѣ человѣка, который былъ спеціально знакомъ именно съ общей торговлей. Не могу при этомъ не замѣтить, что компаніи и партнерства образуются въ Америкѣ изумительно быстро и часто, особенно въ новыхъ мѣстахъ. Люди, только поутру встрѣтившіе другъ друга въ первый разъ въ жизни, къ полудню дѣлаются уже компаньонами въ какомъ-нибудь предпріятіи; никому нѣтъ никакого дѣла до вашего прошлаго, кто вы такой, откуда, почему и зачѣмъ вамъ нужна помощь въ вашемъ дѣлѣ, активная или денежная, и вы сходитесь съ первымъ встрѣчнымъ, ни мало не заботясь, кто онъ такой и что̀ изъ этого выйдетъ. На сѣверѣ для самой незначительной сдѣлки у васъ потребуютъ рекомендацій, references; на западѣ и на югѣ вамъ вѣрятъ на̀ слово. Чужого человѣка считаютъ честнымъ гражданиномъ до тѣхъ поръ, пока онъ не окажется противнымъ.

Мой новый партнеръ былъ человѣкъ безъ всякихъ средствъ, только-что потерявшій все свое состояніе въ несчастной спекуляціи въ Вирджиніи; онъ былъ вдовецъ, съ большимъ семействомъ, очень симпатичный и добродушный человѣкъ и въ то же время весьма смышлёный купецъ. Мы сошлись съ нимъ въ четверть часа и согласились внести по полторы тысячи на открытіе торговли. У меня былъ уже къ этому времени неограниченный кредитъ, благодаря моему лѣсному и подрядному дѣлу, я давно уже вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Сѣверомъ, покупая прямо въ Нью-Іоркѣ, Филадельфіи, Бостонѣ, все, что̀ мнѣ было нужно; мое имя значилось во всѣхъ торговыхъ агентствахъ, отчеты которыхъ, исправляемые и пополняемые каждый мѣсяцъ, заключаютъ въ себѣ какъ имена, такъ и финансовую и, такъ сказать, нравственную характеристику каждаго самостоятельнаго торговца или заводчика по всему союзу. Благодаря этому кредиту, мы съ своими тремя тысячами купили товара на десять и взялись за работу. Этотъ компанейскій магазинъ мы содержали до 1888 года, когда я продалъ все, что̀ имѣлъ во Флоридѣ, и въ теченіе этихъ пяти лѣтъ мнѣ пришлось основательно познакомиться съ системой торговли почти всякимъ товаромъ въ Америкѣ.

Девять-десятыхъ, если не больше, всей американской торговли находятся въ рукахъ разныхъ коммиссіонеровъ и брукеровъ, middlemen, посредниковъ, какъ ихъ зовутъ здѣсь. Почти совершенно невозможно купить что-либо изъ первыхъ рукъ: каждый заводъ, каждая фабрика обыкновенно запродаетъ весь свой продуктъ какому-нибудь фактору, который и перепродаетъ его розничнымъ торговцамъ по всему союзу. Мало того: такой факторъ, какъ только ему удалось до извѣстной степени монополизировать извѣстную отрасль производства, назначаетъ второстепенныхъ факторовъ, которые завѣдуютъ извѣстной территоріей—иногда штатомъ, иногда нѣсколькими графствами, иногда однимъ большимъ городомъ, и въ такомъ случаѣ совершенно безполезно стараться купить что-либо изъ первыхъ рукъ,—приходится покупать изъ третьихъ, черезъ мѣстнаго фактора, и такимъ образомъ платить двѣ коммиссіи. Торговля всякимъ, почему-либо выдающимся товаромъ организована именно такимъ образомъ: миннеполисская мука, калифорнійскіе фрукты въ жестянкахъ, всѣ лучшіе сорта мыла или сухихъ дрожжей, лучшія конфекты, спеціальныя сельско-хозяйственныя или другія машины, стекло, рояли и органы, сыры, лучшіе башмаки и галоши, лучшія шляпы,—на всемъ приходится платить лишки, иногда чуть

не вдвое противъ дѣйствительной стоимости,—и лишки эти идутъ на содержаніе этихъ факторовъ. Даже торговля такими товарами, какъ хлопчато-бумажныя и шерстяныя издѣлія всѣхъ родовъ, — несмотря на то, что производящія ихъ фабрики разбросаны рѣшительно по всему союзу,—находится въ рукахъ коммиссіонеровъ; весь продуктъ какой-нибудь хлопчато-бумажной фабрики въ Сѣверной Каролинѣ или шерстяной фабрики въ Охайо отсылается въ Нью-Іоркъ или Бостонъ, и уже оттуда ѣдетъ опять назадъ, иногда въ тотъ самый городъ, гдѣ былъ сработанъ, для того, чтобы поступить въ розничную лавку мѣстнаго торговца краснымъ товаромъ. Такое, повидимому, ненормальное положеніе торговли легко объясняется многочисленными причинами. Американскій народъ чрезвычайно богатъ; масса свободнаго капитала постоянно ищетъ помѣщенія, и потому конкурренція по всѣмъ предметамъ фабричнаго производства чрезвычайная. То въ одной, то въ другой отрасли постоянно происходитъ перепроизводство; товаръ не можетъ найти сбыта, такъ какъ спросъ не соотвѣтствуетъ производству. Главной заботой каждаго заводчика является вопросъ, какъ и гдѣ сбыть продуктъ завода; рабочій трудъ дорогъ; платить ему нужно наличными деньгами, непремѣнно каждую субботу; въ настоящее время нѣтъ почти ни одного штата во всемъ союзѣ, гдѣ бы не было закона, обязывающаго фабриканта платить сполна всѣмъ рабочимъ, по крайней мѣрѣ два раза въ мѣсяцъ, и если нѣтъ немедленнаго сбыта, необходимо имѣть двойной, часто тройной капиталъ для того, чтобы быть въ состояніи вести дѣло. Тутъ-то коммиссіонеръ и является спасителемъ заводчика. Всѣ они—люди съ большимъ капиталомъ, могущіе выручить заводчика въ трудную минуту; сдѣлки эти обыкновенно завершаются въ моменты застоя, когда деньги дороги и промышленность въ нихъ особенно нуждается. Такой коммиссіонеръ обыкновенно скупаетъ весь продуктъ завода, скупаетъ его по своей цѣнѣ и затѣмъ уже держитъ заводчика въ своихъ рукахъ на долгое время, диктуетъ ему, что̀ дѣлать, когда усилить, когда уменьшить производство, а когда и совсѣмъ прекратить его на время. Какой-нибудь мельникъ въ Миннеполисѣ, или шерстяной фабрикантъ въ Охайо, или лѣсопромышленникъ въ Алабамѣ вполнѣ и безусловно зависитъ отъ сдѣлокъ своего коммиссіонера въ Англіи или Австраліи или южной Америкѣ, и дѣлается рабомъ пертурбацій всемірнаго рынка и его главныхъ воротилъ. Коммиссіонеръ, съ своей стороны, само собой разумѣется, всячески старается расширить свое дѣло—средства у него обыкновенно большія,—и вотъ начинаются всевозможныя

ухищренія для того, чтобы поскорѣе и повыгоднѣе распродать дешево пріобрѣтенный товаръ. Громадныя деньги тратятся на объявленія всякаго рода; нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такой массы газетъ, которыя, въ большинствѣ случаевъ, не что иное, какъ листки объявленій, подписка на нихъ почти ничего не стоитъ, и добрая половина, а иногда и двѣ трети экземпляровъ, просто разсылается даромъ,—весь расходъ оплачивается объявленіями. Кромѣ газетныхъ объявленій, существуетъ масса другихъ способовъ: всѣ заборы, всѣ заднія стѣны зданій, часто крыши—расписаны саженными буквами рекламы. Многіе торговые дома имѣютъ спеціально организованные департаменты объявленій, стоющіе ежегодно десятки тысячъ долларовъ; правительственная почта завалена циркулярами, рекламами и брошюрами этихъ предпріимчивыхъ литераторовъ. Въ особенно часто посѣщаемыхъ публичныхъ мѣстахъ ставятся большія доски, и мѣста на нихъ продаются по дорогой цѣнѣ; въ омнибусахъ, конно-желѣзныхъ и электрическихъ вагонахъ, на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ и т. д. всѣ потолки и стѣны расписаны этими объявленіями, часто въ богатыхъ рамахъ, съ роскошными картинами, громадными буквами, и т. д. и т. д. Мѣсяца два тому назадъ, за продававшееся съ аукціона право написать объявленіе на одинъ годъ на стѣнѣ главнаго входа въ нью-іоркскую станцію висячаго моста черезъ Истъ-Риверъ одинъ предпріимчивый мыльный факторъ заплатилъ семнадцать тысячъ долларовъ; нью-іоркскія возвышенныя желѣзныя дороги получаютъ свыше ста тысячъ долларовъ въ годъ дохода за право помѣщать объявленія на ихъ станціяхъ въ городѣ. Наконецъ, въ послѣднее время особенно остроумные спекуляторы дошли до того, что нанимаютъ особые вагоны, расписываютъ ихъ наружныя стѣны хвалами своему товару и отправляютъ ихъ странствовать по всему союзу.

Но самый дорогой, самый распространенный и самый непріятный способъ объявленія—это разсылка особыхъ людей, которыхъ здѣсь называютъ обыкновенно барабанщиками (drummer). Это всегда ловкіе, толковые, бойкіе на языкъ молодые джентльмены, обыкновенно щегольски одѣтые, съ развязными манерами и снабженные неисчерпаемымъ запасомъ остроумія и, главное, нахальства. Такой барабанщикъ снабженъ обыкновенно огромными сундуками съ образчиками продаваемыхъ имъ товаровъ, иногда онъ работаетъ на коммиссію, но чаще всего за опредѣленное жалованье, причемъ его патронъ оплачиваетъ всѣ расходы. Такой вѣчно-странствующій юноша обходится торговому дому не менѣе трехъ тысячъ въ годъ; бойкіе стоютъ и всѣ пять,

а особенно выдающіеся и до пятнадцати тысячъ. Я знаю самъ многіе дома, которые содержатъ по 10, даже по 15 такихъ вояжеровъ, и знаю до десятка учрежденій, которымъ объявленія всякаго рода, включая барабанщиковъ, обходятся въ годъ свыше ста тысячъ долларовъ каждому.

Само собой разумѣется, что всѣ эти расходы сполна оплачиваются потребителями. Эти несчастные потребители и не подозрѣваютъ, какую ужасную армію, стоющую вдвое или втрое больше любой военной европейской арміи, они содержатъ на свой счетъ, и не подозрѣваютъ, что платятъ зачастую въ десять, въ пятнадцать разъ больше того, что̀ бы слѣдовало.

Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, и особенно за самое последнее время, весьма многія отрасли промышленности и торговли стремятся къ общей организаціи, къ обобщенію своихъ спеціальныхъ интересовъ и къ образованію громадныхъ монополій. Знаменитая Standard Oil Company, въ настоящее время безусловно контролирующая не только торговлю, но и все производство всякаго рода маслъ по всему союзу, своимъ баснословнымъ успѣхомъ положила начало этому стремленію, принимающему все болѣе и болѣе опасные размѣры, и противъ котораго напрасно, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, борются законодательства почти всѣхъ штатовъ. Эти такъ называемые trust'ы заключаются въ томъ, что всѣ заводы извѣстнаго рода, напр. мукомольные, овсяной крупы, зеркальнаго стекла, рафинированнаго сахара, и т. д., капитализируются въ извѣстную цѣну каждый, по оцѣнкѣ спеціальной коммиссіи изъ среды самихъ заводчиковъ, затѣмъ продаются trust'у, который платитъ за нихъ паями въ общемъ дѣлѣ, и затѣмъ изъ среды пайщиковъ избирается центральная администрація, которая и завѣдуетъ всѣми внѣшними дѣлами trust'а, опредѣляетъ размѣры производства, покупаетъ сырье, назначаетъ продажныя цѣны, завѣдуетъ общими складами товара и т. д. Внутреннее управленіе каждымъ отдѣльнымъ заводомъ и мелочами производства остается въ рукахъ дѣйствительнаго владѣльца, доходы котораго, какъ пайщика общаго дѣла, зависятъ отъ общихъ успѣховъ trust'а, такъ какъ всѣ барыши и убытки несутся этимъ послѣднимъ, а не отдѣльными пайщиками. Вышеупомянутая S. O. Co., благодаря желѣзной энергіи и предпріимчивости распорядителей, Роксфеллера и Флаглера, достигла изумительныхъ результатовъ. Всякая конкурренція подавляется самымъ безжалостнымъ образомъ; года два тому назадъ розничная цѣна на керосинъ, напр., была спущена до 2-хъ центовъ за фунтъ (нормально 10 и 11 центовъ) для того, чтобы убить воз-

никшее помимо этого trust'а новое общество въ Охайо, и основатели этого послѣдняго, потерявъ милліонъ въ неравной борьбѣ, были уничтожены въ какихъ-нибудь двѣ недѣли, а Роксфеллеръ и Флаглеръ считаются въ числѣ самыхъ богатыхъ, если не самыми богатыми людьми въ Америкѣ: ежегодный доходъ перваго вычисляется въ 25 милліоновъ долларовъ. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ образовались trust'ы сахара, свинца, овсяной крупы, стекла, какъ зеркальнаго, такъ и простого, пшеничной муки, бѣлилъ, и т. д., и т. д. Громадная борьба происходитъ въ настоящую минуту между сахарнымъ trust'омъ и законодательствомъ и судами штата Нью-Іоркъ. Trust до сихъ поръ остается побѣдителемъ во всѣхъ пунктахъ, хотя судамъ и удалось сдѣлать публичными многіе факты, относящіеся къ внутреннимъ порядкамъ и, главное, барышамъ этого trust'а,—факты до сихъ поръ тщательно скрытые отъ публики. Оказалось, между прочимъ, что желѣзная дисциплина практикуется во всѣхъ мелочахъ дѣла, и что главный воротило, Гавемейеръ, заработалъ въ теченіе одного года больше 12 милліоновъ долларовъ. Какъ законодательствамъ, такъ и судамъ весьма трудно бороться съ этими монополіями, которыя, благодаря своимъ средствамъ и дисциплинѣ, поддерживаемой баснословными барышами, съ успѣхомъ обходятъ не только букву, но и духъ закона. Такъ напр., сахарный trust, какъ только законодательство штата Нью-Іоркъ объявило его незаконнымъ, по наружности немедленно распался, а въ то же время новая организація, съ тѣми же членами и на тѣхъ же основаніяхъ, была основана въ штатѣ Нью-Джерси, который, по своему географическому положенію, не что̀ иное, какъ подгородная слобода города Нью-Іоркъ, и оплачиваетъ главную долю всѣхъ своихъ расходовъ налогами съ компаній, которымъ почему-либо невыгодно или неудобно жить оффиціальною жизнью въ предѣлахъ штата Нью-Іорка. Юрисдикція штата Нью-Іоркъ не распространяется на штатъ Нью-Джерси, или какой-либо иной штатъ, они всѣ совершенно самостоятельны,—и вотъ сахарный trust продолжаетъ процвѣтать, ведя все свое дѣло въ городѣ Нью-Іоркѣ и содержа только маленькую контору съ однимъ писцомъ по другую сторону рѣки Гудзона. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, пока общественное мнѣніе штата Нью-Джерси побѣдитъ корыстолюбіе его законодателей,—трудно добровольно отказаться отъ тѣхъ милліоновъ дохода, который является послѣдствіемъ налоговъ съ этихъ компаній, платящихъ безнедоимочно и безъ всякихъ разговоровъ.

Эти trust'ы распространяются все больше и больше, съ изу-

мительною быстротою; почти каждый день газеты приносятъ извѣстія объ образованіи новыхъ комбинацій, во всѣхъ частяхъ союза и по всѣмъ отраслямъ производства и торговли. Самая безжалостная, безпощадная война объявляется ими тѣмъ фирмамъ, которыя почему-либо остаются самостоятельными: такъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, водочный trust штата Иллинойсъ, посредствомъ нанятыхъ агентовъ, взорвалъ динамитомъ водочный заводъ въ Чикаго, который противился вступленію въ этотъ trust, секретарь и главный воротило котораго обвиняется какъ главный зачинщикъ заговора, хотя врядъ ли судамъ удастся доказать что-либо противъ него и особенно противъ trust'а.

Какъ въ торговлѣ лѣсомъ и тесомъ, такъ и въ торговлѣ всякимъ другимъ товаромъ, существуетъ строгая классификація товара по качеству. Товаръ продается или по этой классификаціи и подлежитъ въ такомъ случаѣ правительственной инспекціи, или по образчикамъ (кружева, башмаки, шляпы), или по рисункамъ и фотографіямъ (мебель, машины, музыкальные инструменты). Американская торговля въ этомъ отношеніи абсолютно безупречна; товаръ неизмѣнно является тѣмъ, за что онъ продавался, и качество и количество его гарантируются продавцомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь не найдешь песку или камней въ кулѣ муки, кузнечныхъ ошварковъ — въ бочкѣ, гвоздей или картофелю—въ чухонскомъ маслѣ; каждый розничный торговецъ знаетъ, что ему придется взять назадъ и возвратить деньги за все, что̀ не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, за что онъ продавалъ. Я не хочу сказать этимъ, что въ Америкѣ не существуетъ фальсификаціи товаровъ,— и здѣсь подкрашиваютъ вино и масло, продаютъ плохо очищенный керосинъ и линючіе ситцы, но во всякомъ подобномъ случаѣ и продавецъ и покупатель знаютъ, что̀ это за товары, и вполнѣ согласны насчетъ его качества.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о торговлѣ въ Америкѣ стоитъ кредитъ, какъ частный, такъ и общественный. Какъ въ оптовой, такъ и въ розничной торговлѣ, сдѣлки на наличныя деньги чрезвычайно рѣдки—все продается на срокъ, на 30, 60 дней, на 3, 4, иногда 6 и даже 12 мѣсяцевъ. Каждый родъ торговли имѣетъ свои обычаи, свои правила. Съѣстные припасы всякаго рода обыкновенно покупаются розничными торговцами у коммиссіонеровъ или оптовыхъ торговцевъ на сроки отъ 30 до 60 дней; красный товаръ, башмаки, шляпы, готовое платье—на 4 и 6 мѣсяцевъ; машины и сельско-хозяйственныя орудія—на 12 мѣсяцевъ. Въ розничной торговлѣ стараются разсчитываться разъ въ мѣсяцъ; на сѣверѣ и на западѣ это соблюдается довольно

строго, но на югѣ большинство все еще не можетъ освоиться съ обязательными сроками разсчета, и система кредита находится въ довольно разстроенномъ состояніи.

Конечно, нигдѣ въ мірѣ личный кредитъ не развитъ до такой степени, какъ въ Америкѣ. Разъ человѣкъ, стоящій во главѣ какого-либо заводскаго или торговаго дѣла, съумѣлъ заслужить общественное довѣріе, его кредитъ дѣлается, собственно говоря, неограниченнымъ. Разъ его нравственный характеръ и дѣловая умѣлость отмѣчены высоко въ отчетахъ коммерческихъ агентствъ —онъ можетъ покупать въ кредитъ, на обычныхъ условіяхъ, что бы то ни было и гдѣ бы то ни было. Благодаря этому и возможны въ Америкѣ обширныя дѣла и большіе обороты съ незначительными, сравнительно, наличными средствами; благодаря этому и составляются такъ часто и такъ быстро изъ ничего громадныя состоянія. Всѣ богатѣйшіе люди настоящаго времени, за исключеніемъ Вандербильтовъ и Асторовъ, не наслѣдовали свое богатство, а сдѣлали его сами, благодаря кредиту и удачнымъ спекуляціямъ. Джэй Гульдъ, Эндрю Корнэги, Роксфеллеръ, Флаглеръ, Арморы, Фэръ, Станфордъ, Пульманы—всѣ они начали съ грошей, а теперь считаютъ свой ежегодный доходъ десятками милліоновъ. Уже выше я имѣлъ однажды случай замѣтить, что американцы, въ общемъ, чрезвычайно заражены спекулятивнымъ духомъ. Къ сожалѣнію, спекуляція не ограничивается нью-іоркскимъ Wall-street, акціями, облигаціями и поземельной собственностью,—ею заражены и отъ нея періодически страдаютъ всѣ отрасли торговли и промышленности. Цѣны на различные продукты земледѣлія и фабричнаго производства постоянно мѣняются, и мѣняются чаще отъ неожиданныхъ и необъяснимыхъ для массъ манипуляцій спекуляторовъ, чѣмъ отъ естественныхъ законовъ политической экономіи. Это повышеніе или пониженіе цѣнъ подготовляется обыкновенно чрезвычайно искусно; громадныя средства, часто десятки милліоновъ долларовъ, концентрируются въ извѣстныхъ пунктахъ, и извѣстный продуктъ въ одно прекрасное утро совершенно неожиданно исчезаетъ съ рынка, или наоборотъ, запруживаетъ его громадными количествами,—цѣны мгновенно поднимаются или понижаются,—большія деньги дѣлаются съ одной стороны и теряются съ другой въ центрахъ торговли, и эти пертурбаціи отзываются въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ союза. Пшеница, мука, гвозди, желѣзо, стекло, свинецъ, кофе, сахаръ, консервы всякаго рода, словомъ, всевозможные роды товара служатъ одинъ за другимъ пищею для этихъ манипуляцій, обогащая однихъ, разоряя другихъ и требуя

отъ всякаго торговца во всѣхъ концахъ союза напряженнаго вниманія и постоянной осторожности въ выборѣ товара, такъ какъ, благодаря мѣстнымъ газетамъ, телеграфамъ и желѣзнымъ дорогамъ, и розничный рынокъ чрезвычайно чутокъ и отзывчивъ къ колебаніямъ цѣнъ въ главныхъ центрахъ. Самъ я неоднократно наживалъ и терялъ значительныя суммы, благодаря этимъ неожиданнымъ и необъяснимымъ для провинціала колебаніямъ. Такъ напр., съ годъ тому назадъ комми-вояжеръ одного большого нью-іоркскаго дома прямо съ поѣзда зашелъ въ мою контору и продалъ мнѣ два вагона оконнаго стекла, на сумму около 3-хъ тысячъ долларовъ; стекло было мнѣ нужно, и цѣна оказалась подходящею. Прямо изъ моей конторы онъ проѣхалъ на телеграфную станцію и отправилъ заказъ, а вернувшись оттуда въ отель—нашелъ телеграмму отъ своего дома, поднимающую цѣну именно на этого рода стекло на цѣлыхъ 20%. Сдѣлка была заключена однако, и на слѣдующій день торговый домъ предложилъ мнѣ пятьсотъ долларовъ наличными, если я соглашусь отказаться отъ нея, хотя сдѣлка была на словахъ и между нами не было никакого письменнаго договора.

Закончу эту главу нѣсколькими статистическими данными, которыя дадутъ ясное понятіе о развитіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Америкѣ вообще.

Въ 1880 г., наканунѣ моего переселенія, въ Соединенныхъ-Штатахъ было 82.146 миль протяженія желѣзныхъ дорогъ, заложенныхъ въ 2.319.489 долл., принесшихъ 525.620.577 валового дохода и выплатившихъ 61.681.470 д. въ видѣ дивиденда акціонерамъ. А въ 1890 г., десять лѣтъ спустя, было уже 163.420 миль, заложенныхъ въ 5.105.902.025 долл., принесшихъ 1.097.847.428 валового дохода, и только 83.863.632 чистаго дохода, въ видѣ дивиденда.

П. Тверской.

ВЫДАЛСЯ ДЕНЁКЪ!

ЛѢТНІЙ ЭСКИЗЪ.

Милочка сидѣла въ прелестной дачной комнаткѣ; окно было открыто, и легкій вѣтерокъ, полный лѣтнихъ ароматовъ, тихонько поднималъ тюлевыя занавѣси, маня дѣвушку къ себѣ на волю. Но Милочка не могла сойти съ мѣста; она сидѣла около дѣтской коляски, а въ ней лежалъ маленькій ребенокъ, чмокая губами гуттаперчевую соску; соска часто выскальзывала изъ его ротика, и тогда онъ кряхтѣлъ, а Милочка должна была снова вложить ее въ мокрыя, расползавшіяся губки. Каждый разъ, когда она своими бѣленькими, изящными пальчиками брала замусленную соску, лицо ея, очень хорошенькое, всегда съ такимъ яснымъ сознаніемъ своего превосходства надъ всѣми, по-дѣтски страдальчески морщилось и выражало такое горячее негодованіе, точно въ томъ, что̀ она дѣлала, было что-то лично оскорблявшее ее до слезъ... Да, и съ точки зрѣнія самой Милочки, въ сущности, стоило даже заплакать!..

Во-первыхъ, всѣ—мамочка, Коля, Анета Александровна—гувернантка двухъ младшихъ сестеръ—Люба, Соня, эта несносная Катерина Ивановна и Тасовъ—товарищъ Коли по университету — только-что напились чаю, ушли въ лѣсъ и будутъ тамъ наслаждаться вплоть до обѣда, а ее оставили дома съ ребенкомъ Катерины Ивановны!... Мамочка увѣряла, что у нея, Милочки, впереди еще цѣлое лѣто, а Катерина Ивановна пріѣхала въ кои вѣки подышать чистымъ воздухомъ,—грѣхъ будетъ не погулять съ нею, благо выдался денекъ! Оставить малютку на людей страшно—мало ли что̀ можетъ случиться, Боже сохрани, не доглядятъ какъ-нибудь! Анету Александровну просить остаться

тоже неудобно, разъ дѣвочки идутъ,—а самое лучшее, если дома останется Милочка и поняньчится съ малюткой! И вотъ Милочка осталась дома и должна няньчиться съ малюткой, пока Катерина Ивановна въ кои вѣки дышетъ чистымъ воздухомъ!.. Во-вторыхъ, она была въ очаровательномъ голубомъ фуляровомъ платьѣ, отдѣланномъ кружевами и лентами,—такое очаровательное платье, что она его поцѣловала, когда одѣвала; она чувствовала, что будетъ въ немъ... да, даже Коля, который никогда не замѣчаетъ, какъ она одѣта, сегодня вдругъ улыбнулся и сказалъ, что она въ этомъ платьѣ „немножко опасна для нѣкоторыхъ!..“ А какъ это много, много значитъ!.. Она мечтала идти въ немъ гулять съ Колей и Тасовымъ... Все были дожди, сегодня первый день—восхитительная погода, и еще воскресенье! Небо ярко-голубое; солнце точно обрадовалось, что можетъ любоваться своимъ царствомъ, и всюду протягиваетъ золотые лучи,—и вездѣ такое сіяніе, что даже на зелень деревьевъ больно смотрѣть! А воздухъ! это ароматъ какихъ-то волшебныхъ духовъ, отъ которыхъ такъ весело, сладко на сердцѣ, хочется смѣяться, говорить что-то милое, такъ хочется счастья!.. Ну, можно ли въ такой чудный день, въ такомъ многообѣщающемъ платьѣ, вмѣсто того, чтобы идти гулять съ Колей и Тасовымъ, смѣяться, болтать, чувствовать гдѣ-то въ завѣтномъ уголочкѣ своего сердца, что „нѣкоторые“ восхищаются не только чуднымъ днемъ, поклоняются не только красотѣ природы... чувствовать и въ себѣ что-то властно-покоряющее, восхитительное — и вмѣсто всего этого возиться съ ребенкомъ, смотрѣть на эти дутыя щеки, слюнявыя губы, въ которыя нужно безпрестанно вкладывать отвратительную соску, кормить изъ рожка, а сначала еще попробовать—„не холодное ли, не горячее ли, не кислое ли молоко“... молоко! когда она его такъ ненавидитъ, что никогда не беретъ въ ротъ! Слушать визгъ, унимать капризы, укачивать и, наконецъ,—о, это ужаснѣе всего,—можетъ быть, даже... мѣнять бѣлье!! Она, Милочка, которую Коля и Тасовъ зовутъ „наша барышня-аристократка“, она въ такомъ очаровательномъ платьѣ и... мѣнять бѣлье!! Она совсѣмъ забыла переодѣться, въ полной увѣренности, что все устроится какъ-нибудь иначе, она пойдетъ съ ними, и вотъ только теперь, сидя уже около коляски, она вдругъ вспомнила, какъ рискованно няньчится съ маленькими дѣтьми, и какъ ужасно, что она забыла переодѣться въ самое простое, нелюбимое платье. Теперь, конечно, ничего нельзя сдѣлать; хоть мамочка и говорила Дуняшѣ, чтобы она помогла барышнѣ, но какъ только всѣ ушли, Дуняша убѣжала купаться; звать Мавру—не дозовешься; оставить малютку одну—„мало ли

что можетъ случиться!..“ Надо ждать Дуняшу, а Богъ знаетъ, сколько она прокупается! И вотъ ей, конечно, придется самой все дѣлать!.. Какъ тутъ быть спокойной, кроткой, какъ же не хотѣть заплакать!! И Милочкѣ очень хотѣлось заплакать, но ее удерживала мысль, что̀ подумали бы про нее „нѣкоторые“, еслибъ увидѣли, что она плачетъ!..

„Нечего сказать, выдался денекъ, сиди тутъ!“—раздраженно думала Милочка, смотря съ непримиримой враждебностью на плетеную рѣшетку коляски, сквозь которую виднѣлся синій полосатый тикъ обивки.—„Прогуляютъ до обѣда, а тамъ на охоту или въ шахматы!.. Въ кои вѣки пріѣхала! Каждое лѣто наѣзжаетъ!.. Наняла бы себѣ дачу и дышала бы сколько угодно!.. Удивительно, воздухъ! вовсе не воздухъ, а что-нибудь другое!.. Пожалуй еще продышетъ до 15-го! Господи, Господи! Безъ того никогда не приходится поговорить серьезно,—то Коля, то сестрицы, то Анета Александровна со своими идилліями, а теперь еще и эта!!“ Глаза Милочки торопливо забѣгали по комнатѣ, ища предметъ, на которомъ можно было бы успокоиться, но теперь въ комнатѣ рѣшительно все раздражало ее: и свѣтлые обои съ букетиками незабудокъ, и уютная оттоманка, низенькія кресла, обитыя красивой пестрой матеріей; но особенно раздражали три совершенно невинныхъ предмета: столикъ рядомъ съ коляской, на которомъ стояли большая гранёная кружка съ молокомъ и рожокъ; на половину раскрытый чемоданъ, изъ котораго виднѣлись разныя принадлежности дѣтскаго гардероба, краснорѣчиво напоминавшія о той тяжелой обязанности, которой Милочка боялась больше всего, и, наконецъ, портретъ мамочки, висѣвшій надъ оттоманкой и еще сохранившій свѣжесть давно положенныхъ красокъ; мамочка смотрѣла прелестной молодой дѣвушкой, алыя губки радостно улыбались, а прекрасные глаза свѣтились гордымъ счастьемъ... Милочка обожала этотъ портретъ; любуясь имъ, она всегда тайно мечтала о своемъ будущемъ счастьѣ и представляла его такимъ яркимъ, чуднымъ, какого не могло быть даже у мамочки. Теперь, взглянувъ на портретъ, Милочка, вмѣсто всегдашняго восхищенія и мечты о своемъ счастьѣ, почувствовала такое несчастіе, и вся мамочка показалась ей такой непріятной, что она поскорѣе опустила глаза на свое платье, боясь сознаться, что она теперь просто ненавидитъ этотъ портретъ и ни за что не будетъ на него смотрѣть... Видъ изящно сложенныхъ плиссэ, обшитыхъ тонкими кружевами, изъ-подъ которыхъ падали красивыя петли голубыхъ лентъ, немножко успокоилъ глаза.

„Ну, пусть пріѣхала, пусть чистый воздухъ, но зачѣмъ же не

самой возиться со своимъ ребенкомъ, зачѣмъ мучить другихъ, отнимать у нихъ золотое время!? Еслибъ еще, на самомъ дѣлѣ, впереди было цѣлое лѣто, а то теперь ужъ іюнь! Коля съ Тасовымъ всего недѣля какъ пріѣхали и 15-го опять уѣдутъ,—Коля къ дядѣ, Тасовъ къ матери,—и вернутся только въ августѣ, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ университетъ!.. Гдѣ же тутъ цѣлое лѣто!? Всего какихъ-нибудь двѣ недѣли,—а тамъ опять одна Анета Александровна, да сестрицы — удивительное лѣто!.. Кому-то надо *такое* цѣлое лѣто!!..

Ребенокъ закряхтѣлъ и зашевелился.

Милочка сердито нагнулась къ коляскѣ—такъ и есть, соска опять выпала изъ ротика!.. Она брезгливо, двумя пальчиками, взяла отвратительную соску и, едва удерживаясь, чтобы не швырнуть ее, снова вложила въ губки ребенка. Тотъ приподнялъ нависшія вѣки, изъ-подъ которыхъ выглянули кругленькіе свѣтленькіе глазки, протянулъ обѣ ручки къ лицу, потеръ переносицу, зачмокалъ и, повернувъ головку, сжалъ свои пухлыя вѣки.

— Боже мой, какая уродица! щеки точно висятъ на лицѣ, вмѣсто бровей—красныя полоски, губы расползываются... любуйся! —Милочка съ негодованіемъ отвернулась и стала смотрѣть въ окно.

Изъ окна былъ чудный видъ. Прекрасный садъ, весь въ молодой зелени, казавшейся на солнцѣ особенно яркою, спускался къ рѣкѣ красивой широкой аллеей, на которую такъ и тянуло сбѣжать къ рѣкѣ; за рѣчкой, налѣво, поднималась гора съ раскинутой деревней наверху; прямо зеленѣло, колыхалось ржаное поле; правую сторону, до самой дали, захватывалъ лѣсъ. Вездѣ было красиво, но красивѣе всего была темно-синяя рѣка, блиставшая въ своихъ изгибахъ ярко-звѣздной пеленой.

О, какой влюбленной во все это почувствовала себя Милочка! Какъ ей захотѣлось очутиться у рѣки, любоваться ея красотой, наслаждаться въ зелени ароматомъ и солнцемъ! Какъ ей стало больно, что такой день пропадаетъ у нея даромъ, она должна сидѣть въ комнатѣ! Однако, вспомнивъ, что у „нѣкоторыхъ“ онъ не пропадаетъ, она такъ обидѣлась, что сразу забыла всю свою любовь къ природѣ, и еслибъ передъ ней, какъ въ сказкѣ, явилась добрая волшебница и спросила, чего Милочка желаетъ, Милочка, пожалуй, не захотѣла бы очутиться у рѣки, любоваться ея красотой, а сказала бы, что желаетъ посмотрѣть невидимкой, что̀ дѣлаетъ... мамочка, Коля, сестрицы, и еслибъ добрая волшебница превратила ее въ невидимку, а сама осталась вмѣсто нея у ко-

ляски,—о, съ какимъ нетерпѣніемъ полетѣла бы она посмотрѣть, что̀ дѣлаетъ... но только не мамочка, не Коля и не сестрицы...

„...Говоритъ, что такъ „уважаетъ" женщинъ, что даже никогда съ ними не разговариваетъ!.. А самъ пошелъ съ цѣлыми пятью женщинами! положимъ, мамочка не считается; а эта прелестная Анета Александровна, со своими идилліями, а эта прелестная Катерина Ивановна съ воркованіемъ нѣжной голубки, а прелестныя сестрицы — слова не могутъ сказать безъ гримасъ и жеманства, всегда съ такими улыбками: „m-ieur Тасовъ, m-ieur Тасовъ!" — Противныя дѣвчонки: въ 13-ть лѣтъ одно кокетство на умѣ! И кто ихъ научилъ съ этихъ поръ кокетничать!? Вертятся теперь около m-ieur Тасова и воображаютъ, что онъ очарованъ ими!.. И Анета Александровна, и Катерина Ивановна тоже воображаютъ..."

Въ колясочкѣ снова раздалось кряхтѣніе.

Разстроенная своими мыслями, Милочка не могла тотчасъ нагнуться къ ребенку; она невольно подождала, чтобы онъ запищалъ сильнѣе.

Ребенокъ визгнулъ; тоненькій, пронзительный голосокъ больно отозвался въ сердцѣ Милочки; онъ точно подтверждалъ всѣ ея бѣдствія и пугалъ новыми.

Принудивъ себя нагнуться къ коляскѣ, Милочка очень недружелюбно посмотрѣла на ребенка. Маленькіе глазки съ надвинутыми бровями изъ красныхъ полосокъ угрожали немедленно залиться слезами, если тотчасъ не будутъ приняты всевозможныя мѣры для ихъ успокоенія.

— Заплачь, заплачь, только этого и не хватаетъ!.. Ну, шш, шш, на̀ свою соску, засыпай, Христа ради!—Милочка немного быстрѣе, чѣмъ прежде, пихнула соску въ ротикъ малюткѣ; та сначала взяла, зачмокала, но сейчасъ снова выронила и завертѣла головой. „Начинается!"—безнадежно подумала Милочка и принялась усердно двигать коляску. Однако усердное катаніе не произвело того дѣйствія, какого ей хотѣлось: малютка не только не спѣшила заснуть, а, вытаращивъ свои глазки, капризно барахталась во всѣ стороны; наконецъ красныя полоски сдвинулись, губки сморщились, она снова громко визгнула и залилась крикливымъ плачемъ.

Боже, какое озлобленіе поднялось въ сердцѣ Милочки, хотя она и сознавала, что глупо сердиться на такое крошечное, безсмысленное существо! Но какъ было не сердиться, когда она видѣла, что она, Милочка, въ полной его власти!.. Конечно, это были капризы, а она, все равно, должна унимать, успокоивать,

успокаивать! когда ей прежде всего хочется самой успокоиться!.. Она, скрѣпя сердце, взяла бубенчики изъ уголка коляски и стала вертѣть ихъ передъ глазами ребенка.

— Посмотри, какіе хорошенькіе, какіе миленькіе! Ну, перестань, перестань! Посмотри, какіе миленькіе, какіе хорошенькіе! —говорила она, не находя въ себѣ большаго краснорѣчія и стараясь говорить какъ можно веселѣе. — Видишь, какъ звенятъ хорошо! Перестань же, послушайся тетю; тетя, бѣдная, сидитъ тутъ, мучится съ тобой, а ты еще ее сердишь! Ну, шш, шш, шш! Да перестанешь ли ты, противная плакса!—крикнула Милочка, разомъ потерявъ терпѣніе при видѣ полнаго безучастія къ своему горестному положенію. Малютка залилась самымъ пронзительнымъ визгомъ, не обращая на тетю ни малѣйшаго вниманія. Милочка бросила бубенчики на полъ и отвернулась отъ коляски. „Она у меня немножко капризненькая, любитъ поплакать, а вы, душечка, Людмила Николаевна, не обращайте вниманія, поплачетъ и перестанетъ!"—вспомнила она любезную предупредительность Катерины Ивановны и вся переполнилась негодованіемъ. „Немножко капризненькая! не обращать вниманія! поплачетъ и перестанетъ!.. Никогда не перестанетъ!!.. возмутительно капризная!!.. не обратишь вниманія, когда сразу оглохнешь!!" Милочка съ ненавистью посмотрѣла на кричавшую малютку, пихнула ногой отскочившіе бубенчики и нѣкоторое время простояла въ раздумьѣ... Вдругъ страшная мысль мелькнула у нея въ головѣ: „что̀ если надо!?.." Она не могла даже мысленно договорить ее; брезгливое отвращеніе охватило ее такъ сильно, что она сама чуть не заплакала... Надо, надо было осмотрѣть ребенка!.. Милочка долго мучительно колебалась, прежде чѣмъ рѣшилась нагнуться къ малюткѣ... Съ мученическимъ самопожертвованіемъ отвернула она свой рукавъ, приподняла сбоку простыньку и подсунула похолодѣвшую ручку... О, счастье, ребенокъ былъ сухъ!.. Это обстоятельство такъ умиротворило раздраженное сердце Милочки, что она почувствовала даже нѣкоторую жалость къ малюткѣ; она погладила ее по грудкѣ, поправила подушечку, завернула въ одѣяльце и принялась терпѣливо „унимать капризы". Она снова двигала коляску, махала концами своихъ лентъ, дѣлала агу, даже смѣялась для развлеченія ребенка; но тотъ продолжалъ кричать съ неутомимымъ усердіемъ, мало того—когда она наклонилась, чтобы своимъ лицомъ привлечь вниманіе малютки, малютка ударила ее кулачкомъ по щекѣ... Какъ трудно было Милочкѣ стерпѣть такое незаслуженное оскорбленіе!.. Положимъ, она топнула даже ногой въ порывѣ негодованія, крикнула чуть не на всю комнату:

— Будетъ ли этому конецъ, гадкая дѣвчонка! сейчасъ перестать!—и сдѣлала злорадную гримаску, когда замѣтила, что малютка протягиваетъ кверху сжатыя ручки. — А, ты хочешь на руки?.. Нѣтъ, душечка, визжите, кричите, какъ вы тамъ хотите, а на руки ко мнѣ не попадете!!.—Но что же это было въ сравненіи съ тѣмъ ощущеніемъ горькой „награды“ за свои страданія, какое она чувствовала!!..

Не зная, что дѣлать, Милочка рѣшила, наконецъ, дать молока, хотя давать было немного рано. Она взяла со столика кружку и приготовилась перелить молоко въ рожокъ. Она попробовала медленно наклонить кружку къ отверстію рожка, чтобы молоко не пролилось мимо; но чѣмъ осторожнѣе она нагибала, тѣмъ труднѣе было лить; она чувствовала, что прольетъ мимо; она попробовала сразу наклонить кружку, но только-что хотѣла приставить ее къ отверстію рожка, ей такъ живо представилось, что молоко непремѣнно брызнетъ на платье, что рука ея невольно удержалась. Скоро Милочка убѣдилась, что ей ни за что не перелить молока прямо въ рожокъ, наклонитъ ли она кружку быстро или медленно; никогда она не думала раньше, что такое простое дѣло такъ трудно!.. Оставалось только положиться на свое счастье, и Милочка загадала одну вещь. „Если да не попадетъ на платье!“ —подумала она, тайно сознавая, что молоко, кажется, *можетъ* не попасть на платье... Она храбро наклонила кружку къ отверстію рожка.. Увы, молоко потекло и въ рожокъ, и внизъ по кружкѣ на прелестный бантъ, а оттуда закапало на изящно сложенное плиссэ!.. Это новое горе жестоко поразило Милочку. Она смотрѣла на свое платье съ такимъ отчаяніемъ, точно увидѣла его горѣвшимъ. „Господи, Господи, за что такое несчастье! первый разъ надѣла!..“ Она съ трудомъ удержалась, чтобы не заплакать громко. Поставивъ кружку и рожокъ обратно на столикъ, она схватила первое, что попало подъ руку, и принялась оттирать пятна; несмотря на все ея стараніе, пятно все-таки осталось. Милочка горько вздохнула и почти яростно взглянула на кричавшую малютку. „Все ты виновата, отвратительная пискунья, вотъ не получишь молока, выплю за окно, будешь помнить!!..“ Милочка не обладала ангельскимъ характеромъ; выбросить за окно кружку и рожокъ было бы для нея теперь единственнымъ сладостнымъ утѣшеніемъ; но такъ какъ этого нельзя было сдѣлать, она старалась успокоить себя, воображая, по крайней мѣрѣ, съ какимъ бы наслажденіемъ она это сдѣлала!.. Представившаяся картина полнаго уничтоженія ненавистныхъ предметовъ дѣйствительно нѣсколько облегчила ея горе... Визгливый плачъ ребенка

перешелъ, между тѣмъ, въ такой пронзительный, что Милочкѣ поневолѣ пришлось снова подумать объ его успокоеніи. Скрѣпя сердце, она снова взяла ненавистный рожокъ, въ которомъ, къ счастью, было достаточно молока, вытерла и хотѣла-было дать малюткѣ, какъ вдругъ вспомнила, что она еще не попробовала молока!.. Милочка инстинктивно стиснула зубы; мысль о молокѣ всегда вызывала у нея мучительное ощущеніе тошноты.. Стоя около коляски съ рожкомъ въ рукахъ, она безпомощно оглядывалась по сторонамъ; какъ тутъ было попробовать молоко, когда одинъ его видъ возбуждалъ въ ней органическое отвращеніе!.. Она морщилась, отплевывалась, кусала губы, клялась себѣ никогда въ жизни не оставаться одной ни съ какимъ ребенкомъ на свѣтѣ, но чѣмъ сильнѣе поднималось въ ней возмущеніе, тѣмъ яснѣе она понимала, что попробовать—„ея долгъ", и она должна его исполнить. „Еслибъ еще кто-нибудь оцѣнилъ, что̀ я для нея дѣлаю, какой это подвигъ, никому вѣдь не разскажешь!"—вздыхала она съ отчаяніемъ, принуждая себя совершить свой подвигъ... И Милочка совершила свой подвигъ, хотя не совсѣмъ по-геройски. Съ нервной дрожью по всему тѣлу, предварительно зажмуривъ глаза, она очень медленно взяла кружку и еще медленнѣе поднесла ее ко рту... „Боже мой, меня будетъ тошнить!"—безнадежно мелькнуло въ ея головѣ, когда губы ея прикоснулись къ влажному краю кружки; рука ея невольно дрогнула и молоко попало въ ротъ... Молоко было не кислое, но „тепленькое"... У Милочки помутилось въ глазахъ. Отъ страха, что съ ней сдѣлается нехорошо, она почти безсознательно сунула рожокъ въ ротикъ ребенку и совсѣмъ обезсиленная опустилась на свое мѣсто, вытирая до боли себѣ губы... Ребенокъ пересталъ плакать и усердно зачмокалъ... Въ комнатѣ стало тихо...

Сначала Милочка ни о чемъ не могла думать; въ вискахъ у нея стучало, и неуспокоившіеся нервы сжимали ей горло подступавшими слезами; но мало-по-малу отрадная тишина, наполнившая опять комнату, незамѣтно вошла и въ ея сердце, а чудный ароматъ изъ сада изгладилъ впечатлѣніе молока... Она стала разглядывать роковыя пятна на рукавѣ, и мысли снова забѣгали въ ея головѣ.

„Надо снять, дать Дуняшѣ вывести... А если не выйдутъ?!.. Милое, какъ прелестно сшито, какъ сидитъ хорошо!.. Придется одѣть сѣренькое, вкусъ мамочки!.. а кому могутъ нравиться эти сѣренькія, темненькія, „старушечьи"? Надо же такое несчастье!".. Тутъ Милочка вспомнила, о чемъ недавно загадывала, и ей стало

совсѣмъ больно... ей вдругъ показалось, что у нея никогда не будетъ счастья!.. А какъ она давно мечтала!

И передъ Милочкой цѣлой вереницей чудныхъ картинъ потянулись ея старыя мечты о своемъ счастьѣ, о томъ, что̀ было бы, еслибъ она пошла съ ними!.. Щеки Милочки ярко краснѣютъ...

Прежде всего она, Коля и Тасовъ уйдутъ впередъ,—идти компаніей всегда скучно: всѣ—или говорятъ разомъ, или молчатъ послѣ каждой фразы. Она попроситъ Колю и Тасова нарвать ей ея любимой высокой травы съ ярко-зелеными шелковистыми стеблями, цвѣтовъ земляники и др. Колѣ, конечно, все это скоро надоѣстъ, и онъ незамѣтно отстанетъ; они, конечно, пойдутъ дальше. И вотъ будетъ ли онъ тогда „уважать" ее, т.-е. не говорить съ нею?.. О чемъ онъ тогда заговоритъ?.. Можетъ быть, опять про женщинъ, что онъ не любитъ женщинъ! Онъ часто объ этомъ говоритъ и ждетъ, что̀ она скажетъ, точно ему хочется, чтобы она спросила, за что онъ ихъ не любитъ... Она еще ни разу не спрашивала, чтобы онъ думалъ, что ей рѣшительно все равно, любитъ ли онъ, или не любитъ женщинъ... Теперь она непремѣнно спроситъ и посмотритъ ему прямо въ глаза, конечно не съ такимъ глупымъ кокетствомъ, какъ у Любы и Сони, а съ маленькимъ, маленькимъ, но чтобы онъ это замѣтилъ... Тогда онъ, можетъ быть, скажетъ: „Ахъ, что онѣ за злыя кокетки!"—Чѣмъ же онѣ злыя, что̀ же онѣ такого дѣлаютъ?—Онъ навѣрное посмотритъ на ея нарядное платье и скажетъ: „Да хоть то, что наряжаются, какъ вотъ вы, напримѣръ!"—Что̀ же тутъ худого наряжаться! женщинамъ идетъ наряжаться, какъ цвѣтку благоухать (это она гдѣ-то читала). Значитъ, и она—кокетка?.. А чѣмъ же она злая? Онъ не можетъ сказать, что она злая,—она еще недавно жалѣла, что у него голова болитъ, принесла ему одеколонъ и хотѣла даже побрызгать на голову; онъ долженъ сказать, что она не злая!.. А если она не злая и ничего—что кокетка,—за что онъ ее ненавидитъ, дразнитъ „барышней-аристократкой", не дѣлаетъ, что̀ она хочетъ, и, значитъ, даже не уважаетъ, если теперь разговариваетъ съ нею?! Что-то онъ на это скажетъ?! Онъ смотритъ на нее, кажется, гораздо больше, чѣмъ на Анету Александровну, и хоть мало съ ней говоритъ, а когда говоритъ, точно хочетъ всегда говорить!.. Можетъ быть, тутъ онъ вдругъ скажетъ то, что̀ ей такъ хочется, чтобы онъ сказалъ: что она—не то, что всѣ! Какое тогда будетъ счастье!.. Ахъ, какое чудное будетъ лѣто!.. Тогда-то онъ непремѣнно сдѣлаетъ плотъ!.. Она недавно просила, а мамочка сказала: „какія ты все глупости затѣваешь!" онъ и не сдѣ-

лалъ! теперь долженъ сдѣлать!.. Большой плотъ съ весломъ; она сама будетъ управлять, съ утра будутъ кататься на рѣкѣ! Потомъ лошадь, непремѣнно лошадь, достанетъ лошадь, сѣдло и будутъ кататься, такъ скакать, чтобы духъ захватило!.. А вечеромъ, когда всѣ улягутся, она выйдетъ и сядетъ на заваленку у амбара, онъ тоже, и будутъ говорить; вездѣ тихо, только звенятъ колокольцы у лошадей въ полѣ, далеко гдѣ-нибудь лаютъ собаки, перекликаются пѣтухи, небо свѣтлое, безъ звѣздочекъ, тепло, пахнетъ сѣномъ, а онъ будетъ разсказывать про себя, про свои планы; она тоже, у нея много плановъ!.. А когда дождикъ — будетъ читать вслухъ, будутъ спорить!.. Конечно, онъ не поѣдетъ къ матери—что̀ ему тамъ дѣлать? Ну, если и поѣдетъ—не больше, какъ на четыре дня!.. И вотъ все лѣто вмѣстѣ, никакой охоты, никакихъ шахматовъ, все съ ней!.. Мамочка говоритъ, отчего она не пригласитъ какой-нибудь подруги?.. Удивительно, подруга! Нигдѣ не ходи, все страшно, собака, корова, разбойники!.. Съ нимъ ничего не страшно, онъ такой милый!.. Господи, какое райское было бы лѣто!..

Въ коляскѣ раздался громкій визгъ; ребенокъ нетерпѣливо забарахтался, покряхтѣлъ и снова залился крикливымъ плачемъ.

Милочка двинула свой стулъ, но не обернулась; у нея просто не было силъ такъ скоро оторваться отъ своихъ сладкихъ мечтаній и опять возиться съ ребенкомъ. Ей стало нестерпимо обидно. „Сами тамъ наслаждаются, а тутъ терзайся!.. А вотъ не обращу вниманія, визжи сколько угодно, поплачешь и перестанешь! выростешь съ одними капризами, будешь мучить всѣхъ!“ Милочка почувствовала такое непреодолимое желаніе отвести на чемъ-нибудь свое сердце, что рѣшила тотчасъ же отъучать отъ капризовъ избалованнаго ребенка. Она совсѣмъ повернулась къ нему спиной съ твердымъ намѣреніемъ не обращать на его плачъ ни малѣйшаго вниманія... Однако педагогическій опытъ Милочки продолжался не долго: ребенокъ заплакалъ вдругъ такъ жалобно, что Милочка забыла свое воспитательное намѣреніе и торопливо нагнулась къ коляскѣ. „Зрѣлище“, какое она увидѣла, поразило ее новымъ ударомъ: рожокъ лежалъ на боку, на грудкѣ ребенка, пробки не было и изъ открытаго отверстія молоко вылилось на грудку ребенка... Милочкѣ захотѣлось кричать, что это вовсе не она виновата, вовсе не она, она не можетъ отвѣчать за каждое движеніе ребенка,—можетъ быть, онъ какъ-нибудь самъ вытащилъ пробку... Но кричать было некому, и Милочка должна была „чувствовать“, что она виновата!.. Возмущенная такой несправедливостью, она схватила отвратительный рожокъ, чтобы поло-

жить его на столъ, но когда мокрое стекло липко коснулось ея пальчиковъ, неудержимая злость въ рожку такъ горячо закипѣла въ ея сердцѣ, что она не выдержала, швырнула рожокъ на полъ; стекло, звеня, разбилось на куски. „Такъ тебѣ и надо!“ — съ облегченіемъ выговорила она вслухъ, и тотчасъ покраснѣла до ушей. А что̀ подумали бы про нее „нѣкоторые“, еслибъ это увидѣли... она, „большая“ барышня!.. Милочка поскорѣе бросилась къ чемодану; перерывъ все, что̀ тамъ было и доставъ рубашечку и пеленку, она снова вернулась къ коляскѣ. Красное личико морщилось въ слезахъ, выглядывая жалобнымъ укоромъ, ручки цѣплялись о края коляски и, не находя опоры, безпомощно падали на одѣяльце... Сознаніе своей вины на этотъ разъ искренно пристыдило Милочку. Она вытерла, переодѣла малютку, завернула въ пеленку и даже взяла на руки, позабывъ про свое очаровательное платье. Малютка очевидно обрадовалась, что ее, наконецъ-то, взяли на руки—она сразу затихла, и это еще больше смягчило Милочку. Ей вдругъ понравилось, что ребенокъ такой маленькій, такъ безпомощно прижимается къ ней, понравилось держать такое нѣжное тепленькое тѣльце и чувствовать, что ему дѣйствительно нужна ея забота, ея ласка... Ей захотѣлось даже, чтобы онъ заснулъ у нея на рукахъ. Она стала ходить по комнатѣ, укачивая и тихонько поглаживая малютку по спинкѣ. Та сначала недовѣрчиво разглядывала лицо Милочки, но скоро совсѣмъ уютно прижалась головой къ ея плечу и замигала сонными глазками.

Странное чувство овладѣло теперь Милочкой. Она вдругъ почувствовала себя совсѣмъ другой, серьезной дѣвушкой, которой стыдно думать о разныхъ глупостяхъ; ей стало какъ-то все равно; чудесный видъ изъ окна пересталъ ее манить; не раздражалъ больше и портретъ счастливой молодой мамочки; даже „нѣкоторые“ казались ей теперь чѣмъ-то совсѣмъ неинтереснымъ, неумѣстнымъ, ненужнымъ... Ей сдѣлалось грустно-спокойно... Увидѣвъ, что малютка задремала, она снова сѣла на прежнее мѣсто, положила голову на мягкій отогнутый верхъ стула и закрыла глаза, продолжая гладить малютку. Ей не хотѣлось ни о чемъ думать, а только отдохнуть отъ всѣхъ своихъ волненій...

Въ саду подъ окномъ раздался тихій шорохъ: кто-то осторожно подкрался, ухватился за подоконникъ, всталъ на отливину и заглянулъ въ комнату. Это былъ премилый, стройный юноша. Онъ смотрѣлъ на дремавшую Милочку, и въ его взглядѣ не было ни малѣйшей „ненависти“,—напротивъ, онъ смотрѣлъ на нее съ

восторгомъ, восхищеніемъ. Замѣтивъ весь порядокъ въ комнатѣ, онъ не могъ удержаться отъ смѣха.

Милочка испуганно открыла глаза. Боже мой, какъ вспыхнули ея щеки, лобъ, уши, даже все кругомъ показалось ей краснымъ, когда она увидѣла, кто смѣялся! У нея такъ забило сердце, что она едва выговорила—Вы?!..

— Въ лѣсу жарко, надоѣло ходить... Пришелъ посмотрѣть, какъ справляется наша барышня-аристократка!

Милочка вспомнила разбитый рожокъ, облитую грудку ребенка, отскочившіе бубенчики, и ей стало очень неловко, но она преодолѣла себя и довольно храбро сказала:

— Очень хорошо!..

— Можно къ вамъ?

— Подождите...

Милочкѣ вовсе не хотѣлось явиться передъ „нѣкоторыми" въ образѣ доброй нянюшки, и она рѣшила положить малютку въ коляску. Она тихонько поднялась съ мѣста, нагнулась... и вдругъ почувствовала то ужасное, чего боялась больше всего!.. Малюткѣ надо было „мѣнять бѣлье". Какъ она могла объ этомъ забыть, оставить ребенка у себя?! „Господи, Господи, какой ужасъ!!" Милочка въ отчаяніи опустилась на свое мѣсто и боялась даже пошевельнуться. Вдругъ мысль, что это при немъ, онъ все это видитъ, поразила ее въ самое сердце; она почувствовала себя до того обиженной, униженной, что не могла этого вынести... Она закрыла лицо рукой и заплакала такъ горько, какъ плачутъ безъ вины наказанныя дѣти.

— Людмила Николаевна, что̀ случилось, что̀ съ вами? — испугался Тасовъ, не понимая причины ея слезъ.

Милочка не отвѣчала.

Тасовъ, не долго думая, перелѣзъ черезъ окно въ комнату и, должно быть совсѣмъ позабывъ о своемъ необыкновенномъ уваженіи къ женщинамъ, не только заговорилъ, но даже заботливо коснулся рукава Милочки.

— О чемъ вы, Людмила Николаевна? успокойтесь, ради Бога!..

Гдѣ тутъ было такъ скоро успокоиться, когда Милочка, вдобавокъ, еще вспомнила свое очаровательное платье, которое было теперь въ конецъ испорчено!..

— Да скажите же, ради Бога, что̀ съ вами? Право, я самъ заплачу!..

Послѣднія слова, однако, подѣйствовали на Милочку; ей даже захотѣлось улыбнуться.

— Ну, о чемъ же вы, милая Людмила Николаевна, какое у васъ горе?

Слово „милая“ произвело совсѣмъ магическое дѣйствіе—слезы остановились, и Милочка съ облегченіемъ вздохнула.

— Такъ!..—шепнула она, не отнимая руки отъ лица.

Понялъ ли Тасовъ, въ чемъ дѣло, или понялъ только одно, что не было ничего серьезнаго—онъ снова засмѣялся, и никогда еще Милочка не слыхала раньше, что „нѣкоторые“ могутъ такъ отъ души смѣяться!.. Но это ей не понравилось; она отвернулась, достала платокъ, вытерла лицо и съ уничтожающей серьезностью сказала:

— Ничего нѣтъ смѣшного.

— А я думалъ, у васъ дѣйствительно какое-нибудь горе!

Въ этихъ словахъ было такъ ясно, какъ бы онъ испугался, еслибъ у нея дѣйствительно было горе, что Милочка осталась довольна.

Между тѣмъ малютка кряхтѣла, вертѣла головой и собиралась заплакать. Милочка невольно оглядѣлась по сторонамъ, не зная, какъ выпутаться изъ ужаснаго положенія; не могла же она сказать, чтобы онъ уходилъ, когда онъ только-что пришелъ!.. Къ счастью, Тасовъ замѣтилъ ея безпокойство и тотчасъ спросилъ, не можетъ ли онъ чѣмъ-нибудь помочь ей.

Милочка подумала и, краснѣя, сказала:

— Пойдите пока въ залу...

— А когда будетъ можно, позовете?

— Можетъ быть!—Маленькая улыбка скользнула по губамъ Милочки. Она вдругъ почувствовала, что къ ней возвращается обычная самоувѣренность, маленькое, маленькое кокетство и вообще что-то такое очаровательное, чтò уничтожаетъ всѣ ея горести...

Тасовъ вышелъ.

Милочка торопливо положила малютку въ коляску, достала необходимое бѣлье и стала переодѣвать ее. Но теперь она совсѣмъ не думала и не боялась этой тяжелой обязанности; сердце у нея стучало; она сейчасъ только поняла, поняла, что онъ вернулся, онъ здѣсь, съ ней, тотъ самый Тасовъ, о которомъ она мечтала! Сейчасъ опять придетъ, будутъ говорить—и никого, никого, ни сестрицъ, ни Анеты Александровны, ни Катерины Ивановны! Ей стало такъ весело, что она не могла удержаться, чтобы не заговорить громко.

— Ну вотъ, сейчасъ будемъ готовы, будемъ умницы, перестанемъ пищать!...

— Не позвать ли Дуняшу?—раздалось за дверью.

— Не надо, не надо!

Теперь одна мысль о Дунашѣ, которая могла явиться свидѣтельницей не только ея неудачнаго нянченія, но еще чего-то другого, просто испугала Милочку. Убравъ малютку, она посмотрѣла на свое платье, и сердце ея сжалось—увы, надо было его снять! А какъ кстати могла бы она быть теперь хоть „немного опасной для нѣкоторыхъ"! Но вдругъ она невольно улыбнулась—она вспомнила чудный шотландскій атласный кушакъ, который могъ очень и очень скрасить „сѣренькое, темненькое, старушечье" платье!.. Она встала за кузовокъ коляски, чтобы ее не такъ было видно, и, стараясь не смутиться, громко позвала Тасова.

Тасовъ немедленно вошелъ.

— Не хотите ли понянчиться съ ней немножко? Я сейчасъ приду, надо сказать про молоко...

— Съ удовольствіемъ... А какъ она вообще, очень васъ мучила?

— Нисколько! такой спокойный ребенокъ, пріятно было сидѣть! Я и не замѣтила, какъ прошло время.

Милочка инстинктивно сознавала уже свою власть и лгала съ величайшимъ удовольствіемъ.

— А что мнѣ съ ней дѣлать, если она заплачетъ?

— Постарайтесь унять... дайте вотъ это!—И Милочка, улыбаясь своей самой прелестной улыбкой, кокетливо протянула Тасову отвратительную соску.

Тасовъ взялъ ее изъ маленькой, бѣленькой ручки съ такимъ видомъ, точно бралъ восхитительный цвѣтокъ.

Милочка, смѣясь, выбѣжала изъ комнаты.

Когда она вернулась, переодѣтая въ сѣренькое батистовое платье, очень и очень скрашенное шотландскимъ кушакомъ, такая же хорошенькая, какъ и въ голубомъ, Тасовъ поднималъ малютку надъ головой и, опуская внизъ, показывалъ ей страшныя гримасы.

— Что вы дѣлаете!?—испугалась Милочка.—Она заплачетъ!

— Пріучаю смотрѣть прямо въ глаза опасности! Не подумаетъ! видите?

Малютка, мигая, глядѣла на Тасова довольными глазами и миролюбиво улыбалась.

— Не давать тетѣ, дядя лучше, да? Конечно, лучше!

Тасовъ отвернулся отъ Милочки. Милочка обошла его съ другой стороны и протянула руки.

— Нѣтъ, тетя лучше, иди къ тетѣ!—съ маленькимъ, маленькимъ кокетствомъ сказала она.

Тасовъ взглянулъ на нее и тотчасъ отвелъ глаза. Очевидно, пріучая другихъ смотрѣть прямо въ глаза опасности, самъ онъ не обладалъ этой прекрасной способностью. Во взглядѣ его Милочка успѣла замѣтить „боязнь смотрѣть на нее", и это вернуло къ ней очаровательное сознаніе своей „опасности" для „нѣкоторыхъ", даже въ этомъ сѣренькомъ платьѣ.

— Я не знала, что вы такая хорошая няня; теперь, какъ только она закапризничаетъ у Катерины Ивановны, я васъ буду посылать къ ней на подмогу!—сказала она, и сама удивилась тому тону, съ какимъ сказала: „я васъ буду посылать"—*такъ* она еще никогда не говорила съ нимъ.

— То-есть, помогать капризничать, съ удовольствіемъ!—засмѣялся Тасовъ. — Кажется, она совсѣмъ не капризная, а премилая дѣвчурка!

— Премилая!—согласилась Милочка, и тоже засмѣялась.— А вы не поѣдете сегодня въ городъ.

— А что?

— Надо бы купить рожокъ... упалъ и разбился... и еще бубенчики...

— Сами сломались?

— Сами!—И опять Тасовъ и милочка весело расхохотались.

— Ну, теперь ступай къ тетѣ!..—сказалъ Тасовъ, передавая малютку; онъ хотѣлъ что-то еще прибавить, но остановился. Милочка невольно посмотрѣла на него. Глаза его прибавляли: „О, тетя гораздо, гораздо лучше!"—И Милочка, покраснѣвъ, отвернулась.—Я пойду къ хозяйкѣ: у нея, должно быть, есть рожокъ, она навѣрное дастъ, а потомъ съѣзжу въ городъ! — Тасовъ еще разъ мелькомъ взглянулъ на Милочку, не могъ сдержать улыбки и, торопясь скорѣе вернуться, почти бѣгомъ побѣжалъ къ хозяйкѣ.

Милочка держала „премилую дѣвчурку" и теперь даже не понимала, какъ могли ей не нравиться эти свѣтленькіе глазки, пухлыя нѣжныя щечки, этотъ крошечный забавный ротикъ, вся эта чудная дѣточка! О, какимъ счастьемъ обязана она ей! Какъ хорошо, что она осталась дома и дала возможность подышать чистымъ воздухомъ милѣйшей Катеринѣ Ивановнѣ!.. Сердце Милочки переполнилось горячей любовью рѣшительно ко всему міру!

Она закутала малютку, теперь совсѣмъ благонамѣренную, въ пикейное одѣяльце, подложила еще лишнюю пеленку на случай новой бѣды, и подошла къ окну. Вся прежняя красота засіяла передъ ней еще ярче, радостнѣе, усиливая обаяніе того счастья, которое казалось ей теперь близкимъ. „Выростешь большая, — шептала она, цѣлуя головку малютки,—будешь тоже „немножко

опасна для нѣкоторыхъ", дай Богъ, чтобы и у тебя выдался такой милый денекъ!" Милочка горячо вздохнула... А какъ хорошо, что она чувствуетъ себя совсѣмъ просто и легко, можетъ такъ смѣло говорить съ нимъ, точно онъ вдругъ сталъ младше ея и долженъ ее слушаться и бояться!..

Тасовъ вернулся очень скоро съ рожкомъ въ рукахъ. Онъ долженъ былъ разсказать, какъ онъ просилъ, чтѣ сказала хозяйка. Тасовъ завѣрилъ, что онъ упомянулъ о томъ, что рожокъ самъ соскочилъ на полъ, поскользнулся, упалъ и разбился, а хозяйка вздохнула и сказала: „бываетъ!" Потомъ Тасовъ изъявилъ желаніе подобрать и забросить осколки рожка, спрятать бубенчики, привести въ порядокъ чемоданъ; потомъ онъ былъ посланъ въ кухню перемѣнить молоко на горячее. Исполнивъ это съ величайшей готовностью, онъ спросилъ, не помѣшаетъ ли, если посидитъ у окна. Милочка разрѣшила, и Тасовъ сѣлъ къ окну. Милочка сѣла на свое прежнее мѣсто.

Нѣсколько времени оба молчали. Тасовъ смотрѣлъ въ окно, Милочка—на малютку. Увы, не прошло и минуты въ молчаніи съ „нѣкоторыми", какъ ей стало совсѣмъ не легко и не просто; вся ея самоувѣренность, смѣлость, исчезла, и вмѣсто близости счастья, она почувствовала близость чего-то страшнаго, неопредѣленное безпокойство охватило ее. Она боялась заговорить, поднять голову. Одно, чтѣ ее немного успокоивало — она была не одна съ Тасовымъ; теперь она ни за что не отдала бы малютку, безъ нея она просто убѣжала бы изъ комнаты.

— Я не ожидалъ, что вы останетесь! — началъ, наконецъ, Тасовъ, стараясь говорить непринужденно.

Милочка внутренно затрепетала.

— Отчего?

— Не похоже на васъ... Вы сами остались, то-есть захотѣли остаться?

Милочка покраснѣла и ниже опустила голову.

— А наши скоро придутъ?

— Должно быть... они зашли къ лѣсничихѣ напиться молока.

— Отчего же вы не пошли? вы такъ любите молоко!

— У меня голова разболѣлась, не могу ходить по жарѣ...— Тасовъ тоже смутился.

— Хотите одеколону?

— Благодарю васъ, и такъ пройдетъ.

Оба помолчали.

Но теперь сама Милочка не могла долго молчать; молчать

было еще страшнѣе, и она поскорѣе спросила, что̀ первое пришло въ голову. — Ну, что̀ мамочка?

— Ничего... — по обыкновенію вздыхаетъ надъ каждымъ кусточкомъ.

— А остальные?..

— Катерина Ивановна съ умиленіемъ разсказываетъ, какъ вотъ эта ея героиня зимой совсѣмъ умирала по милости одного извѣстнаго доктора, какъ ее спасло совсѣмъ простое средство, и, должно быть, Вѣра Андреевна не первый разъ это слышитъ, потому что подсказываетъ на каждомъ словѣ!.. Анета Александровна развиваетъ въ Колѣ наклонности къ деревенской жизни.

При имени Анеты Александровны, Милочка почувствовала непріятный уколъ въ сердце.

— Не правда ли, какъ она надоѣдаетъ со своими вѣчными идилліями?

— Ужасно!.. Софья Николаевна и Любовь Николаевна щебечутъ, какъ птицы!

Милочка нервно закачала малютку, которая и безъ того сладко дремала, чмокая соску. Ей понравилось про Анету Александровну, но совсѣмъ не понравилось про сестрицъ... Еще бы не щебетать при „m-ieur Тасовѣ"!.. Любовь Николаевна и Софья Николаевна такъ умѣютъ „щебетать", такъ похожи на большихъ— ничего нѣтъ удивительнаго, если производятъ неотразимое впечатлѣніе.

— Вы, конечно, тоже щебетали, даже ваше рѣдкостное уваженіе къ женщинамъ не помѣшало?—не стерпѣвъ, сказала она со всевозможной ядовитостью.

Тасовъ засмѣялся.

— Я вообще не люблю щебетаніе, а тѣмъ болѣе женское!

— Скажите пожалуйста!.. А я люблю всякое щебетаніе, тѣмъ болѣе женское, — еще лучше, чѣмъ у птицъ!

— Ну, нѣтъ, у птицъ все-таки лучше!

Милочка помолчала; вдругъ она покраснѣла и горячо проговорила:

— Не люблю такихъ юношей.

— За что?

— Ничего не понимаютъ хорошаго! роются въ своихъ наукахъ, какъ кроты въ своихъ норахъ, и кромѣ норъ своихъ ничего не видятъ.

— Не буду защищать юношей, но кроты, насколько мнѣ помнится изъ естественной исторіи, и норъ своихъ не видятъ!

Милочка нахмурилась и замолчала.

Тасовъ подождалъ немного и рѣшилъ начать о томъ, что̀ ему хотѣлось сказать, и для чего онъ собственно вернулся. Замѣчаніе Милочки о юношахъ какъ разъ давало ему возможность начать это, но начать было очень трудно: надо было шутя, чтобы не испугать ее сразу, и потомъ ужъ сказать серьезно; а могъ ли онъ шутить, когда самъ боялся отъ всего сердца? Онъ посмотрѣлъ на небо, на разстилавшійся видъ изъ окна, оглянулъ комнату, какъ ученикъ, ожидая подсказыванія, и остановилъ, наконецъ, глаза на собственной рукѣ, которая усердно барабанила по подоконнику.

— А я, представьте, совершенно такъ же отношусь къ женщинамъ! — началъ онъ неестественно весело. — Любить можно только науку, только науку; все остальное заслуживаетъ одного... сожалѣнія, въ особенности женщины!.. Впрочемъ, если хотите, я ихъ достаточно уважаю, я ихъ слишкомъ уважаю, я ихъ такъ уважаю, что даже не разговариваю съ ними...—Тутъ онъ не выдержалъ и произнесъ послѣднія слова съ такимъ страхомъ, что самъ растерялся и поскорѣе замолчалъ. Онъ мучительно ждалъ, что̀ скажетъ Милочка. О, еслибъ она разсердилась, оскорбилась, еслибъ спросила, почему же онъ съ ней разговариваетъ,—значитъ, совсѣмъ не уважаетъ,—какъ онъ смѣетъ!?.. Можетъ быть, потомъ онъ откусилъ бы свой языкъ, а теперь онъ непремѣнно скажетъ, что она—исключеніе, единственная женщина, которую онъ любитъ и уважаетъ больше всѣхъ и всего на свѣтѣ!!

Милочка ничего не спросила. Она вспомнила свой воображаемый разговоръ съ Тасовымъ и вся онѣмѣла отъ ужаса. Вотъ онъ и заговорилъ—о чемъ она такъ хотѣла, а теперь она не то что „кокетливо", совсѣмъ никакъ не можетъ на него взглянуть. Ей кажется, что она въ чемъ-то очень виновата, и ей такъ стыдно, какъ еще никогда не было. Еслибъ она раньше не воображала этого разговора, можетъ быть она и спросила бы очень просто, почему онъ такъ не любитъ женщинъ, и про себя,—теперь же ей не выговорить ни одного слова естественно. Она уныло опустила голову. Ахъ, какъ ей не хотѣлось молчать, и какъ страшно было сказать что-нибудь!..

Тасовъ былъ убѣжденъ, что Милочка молчитъ только потому, что ей не понравилось то, что̀ онъ сказалъ, считаетъ даже лишнимъ сердиться на такую глупость и вообще его презираетъ,—иначе отвѣтила бы хоть что-нибудь. Во всемъ этомъ онъ увидѣлъ должное себѣ наказаніе и рѣшилъ тотчасъ уйти. Онъ всталъ и, чтобы не уйти молча, сказалъ почти про себя:

— Однако, пойти приготовить патроны.

Милочка быстро подняла голову.

— Развѣ вы... развѣ Коля сбирается сегодня на охоту?

Ни Коля, ни Тасовъ не сбирались сегодня на охоту, но Тасовъ утвердительно кивнулъ головой.

— Уговорите, пожалуйста, Колю остаться, Алексѣй Сергѣевичъ! Мамочкѣ навѣрное будетъ непріятно,—она его такъ мало видитъ, онъ безъ того скоро уѣдетъ къ дядѣ...

У Милочки дрожалъ голосъ. Но Тасовъ былъ такъ золъ на себя, что не могъ этого замѣтить, и отвѣчалъ довольно грубо.

— Трудно уговаривать другого не дѣлать того, что̀ самъ хочешь, а я желаю идти, Людмила Николаевна.

Сердце замерло у Милочки отъ такого отвѣта. Неужели все кончено?.. всѣ ея мечты, близкое счастье, точно никогда этого не было и никогда не будетъ!?.. Можетъ быть, онъ давеча говорилъ только шутя, ей просто показалось, что онъ... и все ей только, можетъ быть, казалось!.. Неужели такъ оставить, не узнать. Господи, Господи, вѣдь это, можетъ быть, послѣдній разъ они одни! сестрицы съ Анетой всегда будутъ торчать около... такъ онъ и уѣдетъ!.. А какое ужасное будетъ лѣто!.. И передъ Милочкой мелькнуло такое нерадостное лѣто съ одной Анетой Александровной и сестрицами, что на глазахъ у нея выступили слезы...

Для поправленія здоровья мамочки, они каждое лѣто уѣзжаютъ сюда, и къ нимъ никто не пріѣзжаетъ, кромѣ Катерины Ивановны; мамочка никого не зоветъ, хочетъ отдыхать... И вотъ онѣ всегда однѣ, даже Коля съ тоски уѣзжаетъ къ дядѣ. Нынче зимой онъ привелъ къ нимъ Тасова. Мамочкѣ онъ такъ понравился, что она пригласила его пріѣхать какъ-нибудь лѣтомъ. Онъ обѣщалъ заѣхать по дорогѣ къ матери, и вотъ пріѣхалъ... Первое лѣто! Господи, неужели и оно будетъ такое же, какъ прошлое, даже еще ужаснѣе, потому что... Неужели всѣ очаровательные дни на всю эту красоту смотрѣть только съ сестрицами, гулять только съ мамочкой!.. Господи, неужели не сказать, не спросить! Гордость подсказывала Милочкѣ ничего не говорить,— пусть уходитъ на свою охоту,—но ей было невыносимо жаль разстаться со своими мечтами... Она собрала всю свою храбрость.

— Алексѣй Сергѣевичъ!—позвала она тихонько, когда Тасовъ, немного прождавъ, взялся за ручку двери.

Тасовъ остановился.

— Вотъ что... отчего вы... отчего вы...—Милочка такъ покраснѣла, что едва договорила совсѣмъ другое:—не закроете окна,—ей надуетъ...

— Чтò вы, Людмила Николаевна, никакого вѣтра, такая жара!

— Посмотрите, нѣтъ ли тучъ! — Милочка безсознательно глядѣла на Тасова, чувствуя одно, что она не выдержитъ и заплачетъ, если онъ не отвернется.

Тасовъ подошелъ къ окну, внутренно радуясь промедленію, и высунулся добросовѣстно осмотрѣть небо со всѣхъ сторонъ.

Милочка похолодѣла... Теперь онъ ее не видитъ—неужели не спроситъ, не узнать, допуститъ, что онъ такъ и уйдетъ!!... Она насильно открыла ротъ, съ тѣмъ, что не закроетъ его, пока не скажетъ, сосчитала про себя до десяти, пробуя съ каждой цифры начать говорить, и все-таки не могла ничего сказать... Наконецъ, Тасовъ сдѣлалъ движеніе. Милочка подумала, что сейчасъ онъ уйдетъ, и такъ испугалась, что невольно окликнула его.

Тасовъ обернулся. Оба съ секунду молча смотрѣли другъ на друга.

— Который часъ?—не совладавъ съ собой, шепнула Милочка и въ отчаяніи опустила голову. Нѣтъ, ей не спасти своего счастья! легче умереть, чѣмъ выговорить завѣтную фразу, отъ которой такъ много зависѣло... Теперь онъ уйдетъ, и ужъ, конечно, никогда больше не придется говорить такъ!..

— Сейчасъ вамъ скажу.

Милочка безнадежно взглянула на Тасова; глазки ея умоляли понять, что ей нѣтъ дѣла ни до какого часа на свѣтѣ, а тутъ совсѣмъ, совсѣмъ другое.

Но Тасовъ, озадаченный ея вопросомъ, не могъ понять ничего другого, кромѣ того, что она не знаетъ, какъ отъ него отдѣлаться, и самое лучшее, если онъ не только уйдетъ, а сегодня же совсѣмъ уѣдетъ отъ нихъ. Онъ мрачно посмотрѣлъ на часы.

— Половина перваго. А не правда ли, какая прекрасная погода!

Милочка горько вздохнула. Удивительно надо знать ей теперь, какая погода! Дождь, буря, или по прежнему яркое солнце,—не все ли равно!.. Она тоскливо посмотрѣла въ окно. Чудное небо, зелень, ароматный воздухъ точно навсегда прощались съ нею...

— Можетъ быть, вамъ угодно поговорить со мной о погодѣ? — продолжалъ Тасовъ съ упрекомъ.

Милочка молчала.

— Однако, прощайте, Людмила Николаевна! будьте спокойны, я сегодня же уѣду отъ васъ!

Эту мучившую его мысль Тасовъ произнесъ такъ горячо и съ такимъ горемъ, что у Милочки дрогнуло сердце и... Боже мой,

какое неожиданное и радостное торжество охватило ее, какую сладкую власть почувствовала она надъ собой, надъ нимъ, надъ цѣлымъ міромъ!.. И вдругъ губки ея невольно раскрылись въ нѣжной улыбкѣ, голосъ зазвенѣлъ и сказалъ такъ просто, легко, что она сама удивилась:

— А за что, почему вы такъ не любите женщинъ, такъ ихъ „уважаете", что даже не разговариваете съ ними?

Тасовъ вытаращилъ глаза. Спросить объ этомъ теперь, когда онъ потерялъ всякую надежду!.. У него голова пошла кругомъ. Но, несмотря на все свое нетерпѣливое желаніе сейчасъ же сказать: „потому что я люблю одну васъ", онъ не могъ выговорить ни слова. Теперь онъ, въ свою очередь, со страхомъ смотрѣлъ на Милочку, умолялъ взглядомъ понять, что̀ онъ ей хочетъ сказать...

И Милочка поняла, Она вскочила съ мѣста, забывъ, что можетъ испугать малютку, положила ее въ коляску и стала торопливо катать; ей надо было чѣмъ-нибудь заглушить, умѣрить свой восторгъ... Счастье, о которомъ она мечта̀ла, было такъ близко!.. А что, если ей только такъ показалось!.. Сердце сжалось у нея отъ такой мысли. Тихонько, тихонько, крайчикомъ глаза посмотрѣла она на Тасова. Тасовъ стоялъ совсѣмъ смущенный, но все лицо его ясно говорило то, чего онъ боялся сказать.

„Ахъ, милый!"—съ восхищеніемъ подумала Милочка, и опять ея губки раскрылись въ нѣжной улыбкѣ и трепещущій голосъ сказалъ мягко, ласково:

— А вотъ со мной говорите!.. значитъ, меня вы совсѣмъ не уважаете?—Милочка поскорѣе нагнулась къ малюткѣ, которая приготовлялась снова запищать, и крѣпко зажмурила глаза... Ей не долго пришлось ждать отвѣта.

— Людмила Николаевна, вы, ради Бога, не сердитесь, простите, но я... но васъ я люблю и уважаю, какъ никого и никогда не буду такъ любить и уважать, какъ васъ!!—Проговоривъ это съ отчаянной рѣшимостью, Тасовъ бросился изъ комнаты.

Милочка подняла голову. Ахъ, какой красотой, какимъ счастьемъ засіяло передъ ней небо, солнце, „цѣлое" лѣто!..

Она съ восторгомъ стала цѣловать малютку...

Н. Иртеньевъ.

НЕУРОЖАИ
и
НАШЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

I.

Едва ли нужно доказывать, что при условіяхъ нашего хозяйства, какъ и при всякой экстенсивной системѣ, силамъ природы предоставленъ полный просторъ, и что климатическія условія въ двухъ крайнихъ своихъ проявленіяхъ—въ видѣ засухи на югѣ и излишка влаги и недостатка тепла на западѣ—въ значительной степени опредѣляютъ собою исходъ земледѣльческой дѣятельности.

Стоитъ только прислушаться къ мнѣніямъ, которыя высказываются о причинахъ недавняго голода, чтобы убѣдиться въ томъ, что у насъ значеніе физическихъ факторовъ скорѣе преувеличивается, чѣмъ недостаточно оцѣнивается. Какъ въ печати, такъ и въ публикѣ, говорятъ о рѣзкой перемѣнѣ климатическихъ условій, о томъ, что влаги выпадаетъ меньше, рѣки мелѣютъ, озера высыхаютъ—и вести хозяйство становится невозможнымъ; всѣ эти бѣдствія ставятся въ связи съ уничтоженіемъ лѣсовъ, осушеніемъ болотъ Полѣсья и другими мѣстными причинами. Голоса эти особенно усилились въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда было доказано, что уровень водъ въ большей части рѣкъ и озеръ средней Европы замѣтно понизился, и что отъ этого начинаетъ серьезно страдать рѣчное судоходство и техническое примѣненіе силы текучей воды. Черезъ нѣсколько лѣтъ, между тѣмъ, оказалось, что

з понижаются и озера наполняются вод
звѣстнымъ, что уровень Каспійскаго м
правильныя періодическія колебанія,
подобное же явленіе замѣчается и на западно-сибирскихъ озера
Такъ, въ одномъ Ишимскомъ округѣ тобольской губерніи, ок
1841 года, насчитывалось до 360 усохшихъ озеръ, между ко
рыми находились и такія, которыя имѣли до 20 и даже до
верстъ въ окружности, при глубинѣ до 8 аршинъ. Днища и
гихъ озеръ поросли травою и превратились въ луга, на ко
рыхъ косили сѣно, а иные даже сѣяли хлѣба. Но съ 1854 г
многіе высохшіе озерные водоемы стали снова наполняться вод
и къ 1859 году снова превратились въ озера. Замѣчательно,
описанное явленіе было предсказано старожилами, слышавш
о періодичности обсыханія озеръ. Подобныя же извѣстія о ко
баніяхъ въ уровнѣ воды получались также и изъ другихъ об
стей земной поверхности. Такъ, стало извѣстнымъ, что боль
сѣверо-американское озеро Юта увеличилось въ своихъ размѣра
и вообще климатъ въ среднихъ частяхъ Сѣверной Америки с
лался болѣе влажнымъ. Въ послѣднее время сдѣлана была да
попытка доказать, что въ Австраліи истребленіе лѣсовъ пове
наоборотъ, къ замѣтному увеличенію количества осадковъ и
повышенію уровня рѣкъ.

То обстоятельство, что климатическія измѣненія происход
не вездѣ и не всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ, а ино
въ противоположномъ, навело въ послѣднее время на мысль,
мы имѣемъ дѣло не съ перемѣной климата, а только какими
колебаніями его, и что причину этого явленія нужно искать
въ мѣстныхъ вліяніяхъ, а въ болѣе общихъ, быть можетъ да
космическихъ, условіяхъ нашей планеты. Такъ именно взгляд
на это бернскій профессоръ Брикнеръ, доложившій послѣдн
географическому конгрессу свои, въ высшей степени важн
изслѣдованія надъ колебаніями климата съ 1700 года. Въ эт
солидномъ трудѣ авторъ сопоставилъ массу статистическихъ
метеорологическихъ наблюденій, представивъ вѣскія доказательс
тому, что приблизительно въ тридцатипятилѣтній промежут
времени болѣе влажные и холодные періоды чередуются съ бо
теплыми и сухими. Мы не станемъ излагать здѣсь сущность изс
дованій профессора Брикнера, отсылая читателей къ „Метео
логическому Вѣстнику“ за прошлый годъ, въ которомъ помѣщ
обстоятельныя замѣтки объ этомъ трудѣ, и къ изданной барон
Врангелемъ публичной лекціи о колебаніи климата, а скаж

только, что по выводамъ Брикнера сухіе и влажные періоды за послѣднія два столѣтія чередовались такимъ образомъ:

Влажные и холодные періоды:
1691—1715, 1730—1750, 1766—1775, 1806—1820, 1836—1855, 1871—1885 гг.
Сухіе и теплые періоды:
1716—1729, 1751—1765, 1776—1805, 1821—1835, 1856—1870, 1890—189? гг.

Съ девяностыхъ годовъ, по мнѣнію Брикнера, мы вступаемъ въ болѣе или менѣе продолжительный засушливый періодъ, что несомнѣнно представляетъ мало утѣшительнаго для нашего хозяйства. Германскій метеорологъ Кремстенъ, давая рецензію о трудѣ Брикнера, говоритъ, что выводы, помѣщенные въ этомъ изслѣдованіи, основаны на обширномъ матеріалѣ и многолѣтнихъ наблюденіяхъ, охватившихъ весь земной шаръ, и что этотъ матеріалъ былъ критически разобранъ авторомъ и выводы сведены имъ такъ отчетливо, что трудъ Брикнера можетъ быть названъ исторіей погоды всего земного шара съ 1700 года, а въ извѣстномъ смыслѣ даже съ начала нашего тысячелѣтія.

Одновременно съ Брикнеромъ, но совершенно независимо отъ него, къ такимъ же результатамъ пришли Трайпъ (Trip), въ своемъ изслѣдованіи о колебаніи количества осадковъ въ многолѣтніе періоды, и Рихтеръ, занявшійся изслѣдованіемъ о движеніи альпійскихъ глётчеровъ.

Такимъ образомъ, фактъ климатическихъ колебаній, повидимому, вполнѣ доказанъ. Эти колебанія повторяются въ періодахъ, длина которыхъ колеблется между 25 и 40 годами. Въ среднемъ, каждый періодъ обнимаетъ около 35 лѣтъ. Само собою разумѣется, что это не слѣдуетъ понимать такимъ образомъ, что въ сырые періоды проходятъ только дождливые и холодные годы, а въ сухіе—только теплые и бездождные. Въ каждомъ періодѣ наблюдается лишь преобладаніе соотвѣтствующихъ ему годовъ. Причины этого явленія заключаются, очевидно, въ главномъ источникѣ силъ на земной поверхности, въ тепловомъ излученіи солнца. Если интенсивность солнечнаго излученія колеблется періодически, то этимъ объясняется какъ измѣненіе въ атмосферномъ давленіи, въ температурѣ, въ осадкахъ, такъ и въ колебаніи уровня рѣкъ, озеръ и глётчеровъ.

Въ сельско-хозяйственномъ отношеніи для западной Европы благопріятны сухіе періоды, а для Россіи, Сибири, С. Америки и Индіи, наоборотъ,—влажные годы. Зная, какое вліяніе оказываетъ климатъ на сельское хозяйство, мы заранѣе можемъ ожидать, что и неурожаи должны располагаться съ извѣстной періо-

дичностью; но такъ какъ неурожаи на югѣ обусловливаются не одними засухами, а на западѣ не однимъ избыткомъ влаги, то періодичность эта не всегда правильна и не сразу замѣтна.

Самый бѣглый обзоръ исторіи неурожаевъ показываетъ, что дѣйствительно они располагаются въ извѣстномъ порядкѣ, который выражается въ томъ, что одни десятилѣтія по преимуществу поражаются неурожаями, тогда какъ въ другія, наоборотъ, преобладаютъ обильныя жатвы.

Такъ, напримѣръ, послѣднее десятилѣтіе XI-го вѣка было во всей Европѣ крайне неурожайнымъ; неурожаи непрерывно слѣдовали другъ за другомъ въ 1092, 1093, 1094 и 1095 годахъ. Такъ же неблагополучны были у насъ послѣдніе годы XIII-го вѣка, а именно: 1297, 1298 и 1299 года, за которыми послѣдовали урожайные годы. Въ западной Европѣ, въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го, вѣка послѣдовательность урожайныхъ и неурожайныхъ лѣтъ напоминаетъ собою, по словамъ Рошера, библейское сказаніе. Такъ, семилѣтіе съ 1684 по 1691 г. было весьма урожайнымъ, а слѣдующія затѣмъ семь лѣтъ съ 1692 по 1699 годъ, наоборотъ, были сплошь неурожайными. Такимъ же образомъ, съ 1730 по 1764 годъ, въ теченіе 39 лѣтъ, въ западной Европѣ было всего только два неурожайныхъ года, между тѣмъ какъ съ 1765 по 1776 годъ слѣдовалъ рядъ неурожаевъ, смѣнившихся въ 1777 году нормальными жатвами, которыя продолжались до 1792 года. Съ 1793 года послѣдовалъ новый рядъ неурожаевъ; въ Англіи съ 1793 по 1812 г. было 11 неурожайныхъ лѣтъ.

То же представляетъ намъ и исторія неурожаевъ въ Россіи. Первыя 19-ть лѣтъ XV-го вѣка были у насъ если не особенно урожайными, то, во всякомъ случаѣ, нормальными; за ними слѣдуютъ другія 18 лѣтъ, въ теченіе которыхъ случилось 7 значительныхъ неурожаевъ, и при томъ 4 изъ нихъ непрерывно слѣдовали другъ за другомъ, а именно: въ 1419, 1420, 1421 и 1422 годахъ. Съ 1437 по 1442 г. неурожаевъ не было, и затѣмъ начинается новый десятилѣтній неурожайный періодъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ десять неурожайныхъ лѣтъ группируются въ два періода: 1512—1533 и 1557—1570 года. XVII-ый вѣкъ открывается ужаснымъ голодомъ при Борисѣ Годуновѣ и неурожаями 1601, 1602, 1603 и 1604 годовъ; за этими голодными годами послѣдовалъ продолжительный 44-хъ-лѣтній нормальный періодъ, и затѣмъ годы 1658, 1659, 1661 и 1662 снова оказались неурожайными. То же самое повторилось въ 1673 и 1674 гг., послѣ которыхъ снова наступилъ продолжительный, пятнадцатилѣтній нормальный періодъ, смѣнившійся въ девяностыхъ

годахъ неурожаями 1690, 1696 и 1697 гг. Въ XVIII-мъ вѣкѣ рѣзко выдѣляется шестилѣтіе съ 1721 по 1727 годъ, въ теченіе котораго неурожаи были въ 1721, 22, 23, 24 и 26 годахъ; за ними послѣдовало пять урожайныхъ лѣтъ, смѣнившихся неурожаями 1731, 32, 33, 34 и 35 годовъ. Во второй половинѣ столѣтія неурожаи располагаются безъ всякой правильности, и только съ особенной настойчивостью поражаютъ девяностые годы, въ теченіе которыхъ они были въ 1792, 93, 94, 95, 96 и 97 годахъ.

Первыя двадцать лѣтъ нашего столѣтія были, вообще говоря, урожайными. Сильные неурожаи и голодъ наступили только съ 1821 г. и продолжались три года подъ-рядъ. За ними послѣдовалъ девятилѣтній нормальный періодъ, смѣнившійся въ 1833 г. новой серіей неурожаевъ, поражавшихъ Россію до 1850 года. Въ этомъ періодѣ за 18 лѣтъ было 9 голодныхъ годовъ. Съ 1850 по 1864 г. былъ только одинъ неурожай 1859 года, а затѣмъ, послѣ неурожаевъ 1865 и 1867 годовъ, было нѣсколько частныхъ неурожаевъ и недородовъ, поражавшихъ ту или иную губернію, но такого значительнаго неурожая, какъ въ 1891 году, не было ни разу.

Обращаясь къ климатическимъ вліяніямъ, порождавшимъ неурожай, мы находимъ, что сильная и продолжительная засуха, отъ которой высыхали пруды и болота, трескалась почва и горѣли лѣса, была непосредственной причиной неурожаевъ 1092, 1124, 1223, 1297—99 и 1366 годовъ.

Неурожаи второй половины XV вѣка и начала XVI-го, наоборотъ, произошли отъ продолжительныхъ дождей въ періодѣ цвѣтенія хлѣбовъ, отъ излишней сырости во время уборки, отъ бурь и т. д. (1454, 1463, 1501 и 1518). Съ 1525 года урожаи снова страдаютъ отъ засухъ. Съ конца XVI и начала XVII вѣка начинается, какъ это показалъ Брикнеръ, влажный періодъ, и урожаи снова страдаютъ отъ избытка влаги и недостатка тепла. Такъ, непосредственной причиной страшнаго голода при Борисѣ Годуновѣ были дожди, непрерывно шедшіе въ теченіе 10 недѣль, и затѣмъ морозы, грянувшіе уже въ августѣ мѣсяцѣ. Въ XVIII вѣкѣ неурожаи двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ произошли отъ засухъ, что̀ вполнѣ согласуется съ данными Брикнера. Что̀ было причиною неурожаевъ сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ—намъ неизвѣстно, но несомнѣнно, что въ восьмидесятыхъ годахъ хлѣба̀ страдали отъ избытка влаги, а въ девяностыхъ—отъ засухи.

Текущее столѣтіе открывается влажнымъ періодомъ, благопрі-

ятно повліявшимъ на наши урожаи и невыгодно отразившимся на урожаяхъ Англіи. Неурожаи двадцатыхъ, тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ произошли отъ засухъ, а неурожай 1844 года явился слѣдствіемъ непрерывныхъ дождей, не давшихъ дозрѣть хлѣбамъ и сгноившихъ сѣно. Такимъ же образомъ урожаи 1846, 1848 и 1850 годовъ пострадали главнымъ образомъ отъ несвоевременнаго выпаденія влаги: въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ хлѣбà страдали отъ засухъ, а въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ частые дожди мѣшали уборкѣ и гноили хлѣбà. По словамъ академика Веселовскаго, съ 1843 по 1852 г. ни одинъ годъ не обходился безъ значительныхъ градобитій, въ особенности нанесшихъ ущербъ урожаямъ 1844, 1850 и 1852 годовъ. Въ 1859, 1865 и 1867 гг. урожаи снова пострадали отъ засухъ, что̀ повторилось въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и въ семидесятыхъ годахъ.

Съ начала семидесятыхъ и до средины восьмидесятыхъ годовъ мы переживали пятнадцатилѣтній влажный періодъ, отразившійся, вообще говоря, благопріятно на континентальныхъ странахъ, но породившій въ западной Европѣ восемь непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ неурожаевъ, послужившихъ для Соединенныхъ-Штатовъ толчкомъ къ усиленному ввозу хлѣба въ Европу.

Въ общемъ, для всей Россіи восьмидесятые года оказались довольно благопріятными, и, благодаря корреспондентамъ департамента земледѣлія, мы знаемъ, что за прошлое десятилѣтіе хлѣбà чаще страдали отъ избытка влаги и недостатка тепла, чѣмъ отъ засухи. Такъ, въ 1880 году, во многихъ мѣстахъ европейской Россіи, озимые хлѣбà пострадали отъ сильныхъ зимнихъ морозовъ, а лѣтомъ посѣвы повреждались градобитіями, причинившими до $6^1/_2$ милліоновъ убытка. Въ 1882 году, во второй половинѣ лѣта наступилъ дождливый періодъ, продолжавшійся полтора мѣсяца и сильно повредившій хлѣбà въ сѣверо-западномъ краѣ. Въ 1884 году градобитія снова причинили убытку на 4 милліона рублей. Въ 1885 году, послѣ сильной засухи, начались непрерывные дожди, продолжавшіеся до октября мѣсяца. Отъ постоянныхъ дождей хлѣбà мѣстами не дозрѣли, мѣстами поросли въ снопахъ, а мѣстами осыпались, оставаясь неубранными до ноября мѣсяца. Въ Курляндіи отъ постоянныхъ дождей произошли настоящія наводненія, ручьи и рѣки вышли изъ береговъ, затопляя поля и унося съ нихъ хлѣбà и сѣно. Въ 1888 г. дожди выпали въ періодъ цвѣтенія хлѣбовъ, что̀, въ связи съ холодной погодой, мѣшало правильному развитію зерна, а въ сѣверныхъ, сѣверо-восточныхъ и подмосковныхъ гу-

берніяхъ хлѣба были повреждены утренниками, ненормально поздними или ранними, іюльскими заморозками. Наконецъ, въ 1889 году въ августѣ и сентябрѣ шли непрерывные дожди въ большей части черноземной полосы, отъ чего проса и греча оказались на 50—70% проросшими. Уборка ихъ, по причинѣ дождей, затянулась до того, что въ сѣверной окраинѣ черноземной полосы просо оставалось на корню до конца сентября и начала октября, а убранное раньше сопрѣло въ снопахъ. Съ настоящаго десятилѣтія, по Брикнеру, мы вступили въ засушливый періодъ, и вступленіе это уже ознаменовалось значительнымъ неурожаемъ прошлаго года.

Если ко всему сказанному мы прибавимъ, что устойчивость нашихъ урожаевъ, въ особенности въ такъ называемыхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ, крайне невелика, что въ самарской губерніи, напримѣръ, по докладу Валуевской коммиссіи, пшеница даетъ отъ 0 до 300 пудовъ съ десятины, и что въ Новороссіи одинъ урожайный годъ выручаетъ хозяина изъ убытковъ шести неурожайныхъ лѣтъ, то нельзя не признать, что наши урожаи самымъ рабскимъ образомъ слѣдуютъ за мельчайшими колебаніями климата.

При современномъ состояніи агрономической техники, обладающей уже различнаго рода удобреніями, машинами, градоотводами, электричествомъ и мечтающей объ искусственномъ вызываніи дождя, такая рабская зависимость—явленіе ненормальное. Происходитъ это съ одной стороны отъ того, что мы не научились еще смотрѣть на почву, какъ на механизмъ, имѣющій цѣлью производство пищевыхъ продуктовъ, а продолжаемъ твердить, что „не нива родитъ, а небо“, а съ другой стороны и главнымъ образомъ отъ того, что экономическія условія, въ которыя поставлено наше земледѣліе, не даютъ ему возможности бороться съ природою при помощи тѣхъ средствъ, которыми уже обладаютъ наши сосѣди.

II.

Если бы хлѣбный экспортъ, составляющій основу нашего заграничнаго отпуска, могъ служить мѣриломъ успѣховъ земледѣлія, то слѣдовало бы признать, что за послѣднія тридцать лѣтъ наше хозяйство сдѣлало громадный шагъ впередъ. Нашъ заграничный отпускъ хлѣба, по пятилѣтіямъ и въ милліонахъ пудовъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Вывез. за границу хлѣбовъ миллiоновъ пудовъ:	
Въ 1861—65 . .	92 милл. . . .	100
„ 1866—70 . .	129 „ . . .	140
„ 1871—75 . .	197 „ . . .	212
„ 1876—80 . .	286 „ . . .	312
„ 1881—85 . .	302 „ . . .	326
„ 1886—90 . .	405 „ . . .	440

Вывозъ, слѣдовательно, послѣ 1860 года возросъ на 440% и достигъ почтенной цифры 405 миллiоновъ пудовъ, въ среднiй за пятилѣтiе годъ; въ 1888 г. онъ достигъ даже 531,4 миллiоновъ пудовъ. Если это есть результатъ лучшаго удобренiя земли, болѣе совершенной обработки почвы, улучшенныхъ сѣвооборотовъ, то несомнѣнно, что хозяйство наше стало интенсивнѣе и въ этомъ отношенiи сдѣлало замѣтный шагъ впередъ. Къ сожалѣнiю, факты говорятъ противное.

Удобренiе не могло улучшиться уже потому, что количество скота хотя абсолютно и возросло, но относительно уменьшилось.

Такъ, въ 1857	году	на	100	душъ	приходилось	37,7	гол. кр. скота
„ 1870	„	„	„	„	„	31,0	„ „ „
„ 1883	„	„	„	„	„	30,1	„ „ „

По отношенiю же къ пашнѣ его стало еще меньше, потому что количество пашни, какъ это мы сейчасъ увидимъ, возросло съ неимовѣрной быстротой.

Въ тверской губернiи, по разсчету мѣстныхъ статистиковъ, на паровую десятину приходится всего отъ 608 до 763 пудовъ навоза, и это при 35,1 гол. крупнаго скота на 100 десятинъ удобной земли, а между тѣмъ въ среднемъ для 50 губернiй европейской Россiи приходится на ту же площадь всего 30 головъ, а во многихъ губернiяхъ 25, 23 и даже 20 головъ.

Удобренiе не могло улучшиться и потому, что кормовъ стало меньше. Мы сейчасъ увидимъ, что выгоны и сѣнокосы распаханы подъ пашни, что за границу съ каждымъ годомъ вывозится все больше и больше овса, отрубей и жмыховъ.

Обработка земли тоже не могла стать лучше; во-первыхъ потому, что относительное количество скота уменьшилось, а во-вторыхъ и потому, что количество безлошадныхъ домохозяевъ, т.-е. такихъ, которые обработываютъ свои надѣлы наймомъ, значительно увеличилось, сравнительно съ шестидесятыми годами. Все это относится, правда, къ крестьянскому хозяйству; но всѣмъ извѣстно, что центромъ тяжести въ владѣльческихъ имѣнiяхъ является не экономическая обработка земель, а сдача ихъ въ

аренду крестьянамъ, и что преобладающей системой обработки является не батрачная, а та же крестьянская. Возьмемъ для примѣра курскую губернію, расположенную въ центрѣ черноземной полосы, губернію, въ которой землевладѣльцы основали цѣлыхъ три общества сельскаго хозяйства. Въ этой губерніи, изъ 3.500 крупныхъ имѣній, мѣстные статистики осмотрѣли болѣе половины, а именно 1.757 хозяйствъ, число достаточно большое для правильности статистическихъ выводовъ. Изслѣдованіе показало, что въ этихъ имѣніяхъ бо̀льшая часть земли отдается въ аренду, и что экономическая запашка ведется не батраками и плужнымъ инвентаремъ, а окрестными крестьянами. Такъ, въ 871 имѣніяхъ, располагающихъ 367 тысячами десятинъ, оказалось всего 4.672 сроковыхъ работника или по одному на 68 десятинъ. Въ 662 имѣніяхъ рыльскаго, путивльскаго, щигровскаго и грайворонскаго уѣздовъ на 227 тысячъ десятинъ имѣется 1.433 плуга, 1.535 сохъ, 2.011 боронъ, 229 сѣялокъ и 305 молотилокъ, или на одно имѣніе, для обработки 340 десятинъ имѣется 2 плуга, 2 сохи, 3 бороны, $^1/_3$ сѣялки и $^1/_2$ молотилки. Къ этому необходимо прибавить, что въ 22 лучшихъ имѣніяхъ (изъ 662) оказалось 880 плуговъ, такъ что на остальныя 640 имѣній приходится всего 553 плуга, или менѣе одного плуга на каждое. Имѣнія, въ которыхъ нѣтъ ни одного плуга и сохи и обработка которыхъ производится исключительно крестьянами, составляютъ:

Въ щигровскомъ уѣздѣ . .	23,6%	всѣхъ	имѣній
„ грайворонскомъ . . .	34,5%	„	„
„ рыльскомъ	50,5%	„	„
„ путивльскомъ	53,7%	„	„
Въ среднемъ, по 4 уѣздамъ .	36,3%	„	„

Далѣе изслѣдованіе показало, что имѣнія безъ рабочаго скота составляютъ 15,7%. На одно имѣніе въ 448 десятинъ приходится, въ среднемъ, 9 лошадей, 6 воловъ и 8 коровъ. На одну лошадь приходится 37 десятинъ пахотной земли; на пару воловъ приходится 106 дес. пашни. На десятину толоки приходится $^1/_3$ головы крупнаго скота; изъ 100 десятинъ пахотной земли ежегодно удобряется 3,3 десятины, или вся площадь удобряется въ 30 лѣтъ одинъ разъ. На одну удобряемую десятину приходится всего 2,8 головъ крупнаго скота, или 280 пуд. навоза на десятину.

Для курской губерніи мы имѣемъ и другую работу, произведенную бывшимъ членомъ губернской земской управы г. Тимофѣевымъ, опубликовавшимъ свое изслѣдованіе обоянскаго уѣзда. Г. Тимофѣевъ, самъ курскій землевладѣлецъ и членъ губернской земской управы,

говоритъ, что въ обоянскомъ уѣздѣ изъ 248 крупныхъ имѣній только въ 37 ведется батрачная обработка земли, въ 74 земля обработывается крестьянами и въ остальныхъ 137 — помѣщики сами не ведутъ хозяйства, а всю землю сдаютъ въ аренду крестьянамъ.

Въ другихъ губерніяхъ дѣло обстоитъ не лучше. Впрочемъ, мы не отрицаемъ того, что среди нашихъ владѣльческихъ имѣній встрѣчаются уже хорошія хозяйства; мы лишь утверждаемъ, что не только образцовыя хозяйства, но даже имѣнія, сколько-нибудь сносно обставленныя инвентаремъ, составляютъ у насъ не типичное явленіе, а только счастливое исключеніе. Наконецъ, какъ бы хорошо ни велось хозяйство въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ, мы не можемъ приписать ему успѣха нашего хлѣбнаго экспорта уже потому, что только $^1/_{10}$ часть земледѣльческой площади находится подъ владѣльческими посѣвами [1]).

Но, быть можетъ, плодородіе нашихъ земель обезпечивается не удобреніемъ, не тщательной обработкой, а надлежащимъ плодосмѣномъ, не допускающимъ односторонняго истощенія почвы. И на этотъ вопросъ статистика даетъ намъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. Въ среднемъ выводѣ, для всей черноземной полосы и Поволжья, т.-е. для такъ называемой житницы Россіи, на 100 дес. пашни приходится:

Зерновыхъ хлѣбовъ.	91,51%
Стручковыхъ, корнеплодныхъ и торговыхъ.	7,59 „
Кормовыхъ травъ	0,89 „
	100,00%

Пахотныя земли производятъ, слѣдовательно, почти исключительно одни зерновые хлѣба и о какомъ бы то ни было плодосмѣнѣ не можетъ быть и рѣчи.

Гдѣ же, спрашивается, секретъ, при помощи котораго наше хозяйство умудряется изъ году въ годъ увеличивать количество отпускаемыхъ продуктовъ? Секретъ оказывается очень простымъ. Вмѣсто того, чтобы заботиться о производительности земель, наше хозяйство старается захватить подъ плугъ все бо́льшее и бо́льшее количество пашни и постепенно расширяетъ ее на счетъ другихъ

[1]) Къ началу восьмидесятыхъ годовъ изъ общей площади земледѣльческаго производства, равной 112.289.000 десятинъ, приходилось: 1) подъ народной культурой на собственной землѣ 75.765.000 или 71%; 2) въ арендѣ у крестьянъ 24.908.000 или 18,3%; 3) подъ капиталистическимъ производствомъ 12.000.000 или 10%. Есть полное основаніе предполагать, какъ мы это увидимъ ниже, что за послѣднее десятилѣтіе владѣльческія запашки не увеличились, а сократились.

угодій. Къ началу восьмидесятыхъ годовъ дѣло дошло до того, что въ крестьянскомъ хозяйствѣ пашни и усадьбы составляли:

Въ курской	губерніи	отъ	80	до 84%	всѣхъ	удобн.	земель.	
„ симбирской	„	„	82,5	„	„	„	„	„
„ тульской	„	„	81,5	„	„	„	„	„
„ орловской	„	„	81,2	„	„	„	„	„
„ тамбовской	„	„	79,3	„	„	„	„	„

По отдѣльнымъ волостямъ % пашни доходитъ до 91%. Даже въ такой губерніи, какъ вятская, мѣстные статистики насчитали въ уржумскомъ уѣздѣ 14 раіоновъ, въ которыхъ подъ пашни обращено уже отъ 80 до 90% всей надѣльной земли. То же самое повторяется и на владѣльческихъ земляхъ. Въ борисоглѣбскомъ уѣздѣ въ 1880 году пространство пахотныхъ земель было доведено въ крупныхъ имѣніяхъ до 77,2% и въ среднихъ — до 84,5% всей площади.

Въ курской губерніи до 74%, а по отдѣльнымъ имѣніямъ —до 80 и даже до 88%; въ орловской губерніи до 73%, а въ одномъ имѣніи елецкаго уѣзда изъ 276 дес. всей земли распахано уже 269 десятинъ, т.-е. подъ пашней было 97% всей площади имѣнія. Это ли не экстенсивное полеводство?

Все, чтò можно было распахать, поступило уже подъ плугъ еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Извѣстный статистикъ, покойный Василій Ивановичъ Орловъ, возвратившись въ 1880 г. изъ борисоглѣбскаго уѣзда, писалъ: „проходя по крестьянскимъ владѣніямъ, приходилось удивляться тому, что даже неудобные для обработки косогоры, узенькія полоски около дорогъ, отдѣльные клочки земли въ оврагахъ, буераки — все это обработано и засѣяно хлѣбомъ". Позднѣе, когда земскія статистическія изслѣдованія охватили бòльшую площадь, удивляться такому явленію болѣе не приходилось—оно было признано типичнымъ. Но ростъ нашего хлѣбнаго экспорта за послѣднее десятилѣтіе не прекратился, и такъ какъ въ то же время не замѣчено никакихъ симптомовъ улучшенія хозяйства, то остается только предположить, что подъ плугъ снова стали поступать новыя площади земель. Прямыхъ изслѣдованій по этому вопросу мы подъ руками не имѣемъ, но зато у насъ множество косвенныхъ указаній на то, что предположеніе наше справедливо.

Мы знаемъ, напримѣръ, и изслѣдованіе г. Грасса подтверждаетъ, что урожайность хлѣбовъ въ центральной черноземной полосѣ замѣтно понизилась. Данныя, публикуемыя таможеннымъ департаментомъ, убѣждаютъ насъ въ томъ, что относительное значеніе западной границы (балтійской и сухопутной) умаляется какъ

цы, такъ и по отпуску сѣрыхъ хлѣбовъ, ко-
орскихъ и азовскихъ портовъ стали направляться
и, лежащія значительно ближе къ балтійскимъ
ь Сѣверную Германію, Норвегію и т. д. Далѣе,
департамента земледѣлія, оказалось, что съ
гно цѣнность земель поднялась и при томъ весьма
ъ 1883 по 1889 г. мы замѣчаемъ рѣзкое по-
земли въ центральной земледѣльческой полосѣ
ъ цѣнъ на окраинахъ.
3 по 1889 г. цѣны понизились:

рязанской губерніи	на . . .	13%
орловской „	на . . .	17 „
тульской „	на . . .	18 „
пензенской „	на . . .	23 „

какъ за тотъ же промежутокъ времени онѣ

уфимской губерніи на . . .	33%
донской области на	42 „
таврической губ. на	50 „
екатеринославской губ. на. .	57 „
херсонской губ. на	68 „

казъ, еще сравнительно недавно бывшій цен-
табуннаго скотоводства, въ нынѣшнемъ году
айнымъ губерніямъ громадное количество хлѣба.
ъ этихъ данныхъ очень ясно намекаетъ на то,
земледѣльческихъ продуктовъ не удовлетворяется
цадью, а стремится къ захвату новыхъ, не исто-
ьтурой земель на югѣ и юго-востокѣ Россіи.
таніе нашего хлѣбнаго экспорта никакимъ обра-
ыть результатомъ улучшеній въ системахъ на-
Напротивъ, въ литературѣ имѣется не мало ука-
наше хозяйство мѣстами становится еще азарт-
даже хваленые нѣмецкіе колонисты ведутъ уже
ое хозяйство, что даже крестьяне таврической
ютъ до невозможности свои посѣвы, замѣняя
букеромъ", при помощи котораго вспахиваютъ
день.
ь хлѣбнаго экспорта, не находящій для себя
тоянія нашего хозяйства, давно уже возбудилъ
зрѣніе въ томъ, что онъ идетъ въ ущербъ вну-
нію. Статистическія данныя показываютъ, что
производства, такъ:

Годи.	Валовой сборъ въ милліонахъ четв.		Заграничный отпускъ хлѣбовъ въ милліон. четвертей.	
$\frac{1870-74}{5}$	270,6	100	21,7	100
$\frac{1875-79}{5}$	267,8	98,9	32,0	147,4
$\frac{1880,\ 1883-85}{4}$	285,7	105,5	34,2	157,6
$\frac{1886-90}{5}$	321,0	118,6	47,9	220,7

Если принять за 100 валовой сборъ хлѣбовъ и заграничный отпускъ пятилѣтія 1870—74 г., то окажется, что за 20 лѣтъ производство зерна возросло только на 18,6%, тогда какъ заграничный отпускъ хлѣба возросъ на 120,7%. Такъ какъ въ семидесятыхъ годахъ у насъ далеко не было хлѣбныхъ избытковъ и населеніе съ тѣхъ поръ несомнѣнно значительно увеличилось, то ростъ хлѣбнаго экспорта не только не представляетъ ничего утѣшительнаго, но, напротивъ, долженъ возбуждать весьма серьезныя опасенія. Еще въ семидесятыхъ годахъ профессоръ Янсонъ убѣдительно доказывалъ, что вывозъ хлѣба не соотвѣтствуетъ производительности страны и несомнѣнно идетъ на счетъ того хлѣба, который долженъ былъ бы оставаться на продовольствіи.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ оффиціальномъ изданіи [1]) было высчитано, что, въ среднемъ, за десятилѣтіе 1870—1879 года населенію не хватаетъ до нормы приблизительно $^1/_4$ части четверти на душу, или около 14,3% чистаго сбора. Къ такому же заключенію пришелъ и М. П. Ѳедоровъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о хлѣбной конкурренціи Россіи съ Америкой. Онъ нашелъ, что, въ среднемъ, для десятилѣтія съ 1870 по 1879 г. наличнаго количества остающагося у насъ хлѣба далеко не хватаетъ на продовольствіе. За это десятилѣтіе было три такихъ года, когда продовольствіе народа было обезпечено только на $^2/_3$; въ другія шесть лѣтъ хлѣба не хватило въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ и объ избыткахъ можно было говорить только въ 1870 году. Несмотря на это, экспортъ шелъ совершенно независимо отъ количества хлѣба, остающагося на продовольствіе.

Такъ, въ 1870 году, когда остатокъ на душу былъ наибольшій и равнялся 1,9 четв., вывозъ составлялъ только 16,8 милліоновъ четв., а въ 1875 г., когда остатокъ на душу упалъ до

---

[1]) Историко-стат. обзоръ промышленности Россіи, изд. подъ редакц. Тимирязева, т. I, стр. 58.

1,2 четв., вывозъ возросъ до 17,2 милліоновъ, и если брать, что будетъ правильнѣе, вывозъ слѣдующаго года, то онъ даетъ еще большую цифру въ 20 милліоновъ четвертей, т.-е. остатокъ на продовольствіе, до этого уже недостаточный, понизился на 36%, а вывозъ зерна возросъ на 16%.

Г. Неручевъ, произведя учетъ хлѣбной производительности одной изъ богатѣйшихъ въ почвенномъ отношеніи губерній, екатеринославской, нашелъ, что за десятилѣтіе съ 1881—1890 года [1]) практика этой губерніи даетъ безусловное оправданіе выводу, что ростъ нашего хлѣбнаго вывоза совершается въ ущербъ внутреннему потребленію. Нельзя не согласиться съ нимъ, что, отпуская хлѣбъ при такихъ условіяхъ, мы поддерживаемъ этимъ въ народѣ *хроническое недоѣданіе*, гораздо болѣе опасное, нежели какой бы то ни было неурожай единичнаго года. Такіе порядки подготовляютъ самымъ опредѣленнымъ образомъ голодъ, а въ моментъ, когда онъ наступитъ—и всѣ трудности бороться съ нимъ. Немудрено, что при такихъ условіяхъ производительность земледѣльческаго труда ничтожна.

Г. Портеръ, спеціальный агентъ по производству десятой переписи Соединенныхъ-Штатовъ, приводитъ слѣдующую табличку Мюльгаля, показывающую размѣръ производства въ различныхъ странахъ:

	Урожай съ десятины въ четвертяхъ.	Четвер. на взросл. сельско-хозяйств. раб. муж. пола.
Англія	16,6	87,7
Соед.-Штаты	10,6	81,7
Германія	10,6	39,8
Франція	9,7	33,2
Австрія	6,9	29,2
Испанія	9,2	26,0
Россія	4,6	24,1
Италія	6,9	22,7

Россія, несмотря на свой прекрасный черноземъ, занимаетъ послѣднее мѣсто по урожайности своихъ полей и предпослѣднее по количеству зерновыхъ продуктовъ на одного сельскаго рабочаго. Несмотря на такую низкую продуктивность нашего хозяйства, мы уступаемъ изъ своихъ урожаевъ иностраннымъ потребностямъ столь значительный процентъ, какъ ни одно изъ другихъ государствъ. Въ послѣднемъ отношеніи съ нами не могутъ сравняться даже Соединенные-Штаты Сѣверной Америки, зани-

[1]) Труды общ. сельск. хоз. южн. Россіи, 1892, № 1.

мающіе, по размѣрамъ вывозной хлѣбной торговли, первое мѣсто во всемъ мірѣ. Такъ, въ среднемъ, за 1883—1887 гг. эта страна вывозила за границу около 8% всего чистаго сбора (т.-е. сбора за исключеніемъ сѣмянъ), а Россія—около 17%. По отдѣльнымъ главнымъ хлѣбамъ процентное отношеніе вывоза къ чистому сбору было:

	Въ Соед.-Шт. Америки.	Въ Россіи.
Пшеница	34,0 %	43,08
Рожь	13,0 „	8,26
Овесъ	0,4 „	13,61
Ячмень	1,4 „	26,34
Кукуруза	3,9 „	60,26

Эти данныя показываютъ, что Соединенные-Штаты не только вывозятъ меньшій % своихъ хлѣбовъ, но что они оставляютъ у себя дома, для продовольствія своего скота, почти весь овесъ, ячмень и громадный процентъ кукурузы, тогда какъ мы сбываемъ эти продукты въ ущербъ своему скотоводству. Но этого мало. Изъ данныхъ, публикуемыхъ таможеннымъ департаментомъ, видно, что съ каждымъ годомъ мы стали сбывать за границу все больше и больше отрубей и жмыховъ, такъ:

	Вывезено въ милліонахъ пудовъ:		
	Отрубей	Жмыховъ	Всего
1867—71	0,5	0,5	1,0
1872—76	0,9	1,1	2,0
1877—81	2,3	1,6	3,9
1882—86	4,7	4,6	9,3
1887—91	9,3	6,3	15,6

Послѣ этого, конечно, неудивительно, что нашъ скотъ мельчаетъ, несмотря на всѣ мѣропріятія, принимаемыя правительствомъ, земствомъ и спеціальными обществами. Крестьянскія лошади мѣстами никогда не видали овса, и по сборнику о военноконской повинности за 1885 годъ на 100 лошадей рабочаго возраста насчитывалось годныхъ къ тяжелымъ работамъ въ волынской губерніи 6,2 лош., въ могилевской—8,4 лош., въ черниговской—8,6 лош. и въ харьковской—12,0 лошадей.

Вотъ при какихъ условіяхъ происходитъ у насъ быстрый ростъ хлѣбнаго экспорта. Все это не доказываетъ, что у насъ накапливаются избытки хлѣба, и вовсе не свидѣтельствуетъ о необыкновенныхъ успѣхахъ нашего сельскаго хозяйства.

Съ 1879 года у насъ заговорили о сельско-хозяйственномъ кризисѣ, но это грозное явленіе маскировалось временнымъ подъемомъ дѣлъ, явившимся результатомъ неурожаевъ въ западной

омъ же дѣлѣ кризисъ подготовлялся съ начала довъ, когда въ Соединенныхъ-Штатахъ, вслѣд- состоянія промышленности, громадные капиталы на земледѣлie. Западно-европейскіе урожаи по-олчкомъ къ быстрому развитію земледѣльческаго ту сторону океана. Съ лихорадочною поспѣш-ись въ Америкѣ новые участки, прилагались къ твованныя орудія, строились желѣзныя дороги и о земледѣльческое производство возросло до того, 5 г. мы были вытѣснены американцами сначала въ 1879 г. съ французскаго рынковъ, и если е видное мѣсто въ міровой хлѣбной торговлѣ, агодаря экспорту сѣрыхъ хлѣбовъ, которые почти ними конкуррентами. Что же касается до пше-о количеству занимаетъ болѣе половины торго-и въ цѣнности не менѣе двухъ третей, то она мъ доставляется нашими конкуррентами все въ шемъ количествѣ, и съ каждымъ годомъ на міро-ынкѣ у насъ появляются новые конкурренты.

тъ ни мѣста, ни времени, чтобы достаточно по-ь эту конкурренцію, а потому покажемъ только, англійскомъ рынкѣ, не только самомъ круп-мъ прочномъ, въ виду постояннаго возростанія повъ и отсутствія тѣхъ стѣсненій, которыя въ созданы введеніемъ таможенныхъ пошлинъ. По цему ввозу пшеницы въ Англію было доставлено:

сіи	Изъ Соед.-Штатовъ	Изъ Ость-Индіи	Изъ Австраліи
/о	29,3	0,2	0,7
»	45,4	5,0	3,0
»	60,2	7,4	4,6
»	46,4	18,6	5,5

и мы имѣемъ уже довольно грознаго соперника, соединяется Австралія, и въ самое послѣднее и Южной Америки и французскія владѣнія въ е два конкуррента, впрочемъ, тѣснятъ насъ болѣе рынкѣ.

этой конкурренціи было прежде всего паденіе хозяйственные продукты. Настоящее движеніе ъ Россіи маскируется колебаніемъ курса кредит-ереложеніи на металлическую валюту, измѣненіе ъ цѣнъ за пудъ пшеницы и ржи въ портовыхъ я приблизительно такимъ:

	Пшеница.	Рожь.
1852—56	67,3 мет. коп. пуд.	52,1 метал. коп. пуд.
1857—61	82,4 " " "	54,5 " " "
1862—66	73,8 " " "	53,1 " " "
1867—71	90,7 " " "	69,3 " " "
1872—76	97,9 " " "	64,0 " " "
1877—81	89,7 " " "	65,6 " " "
1882—85	71,9 " " "	57,0 " " "
1886—88	62,6 " " "	44,1 " " "

Слѣдовательно, до второй половины семидесятыхъ годовъ хлѣбныя цѣны у насъ возростали, и затѣмъ стали падать и оказались, за пятилѣтіе 1884—88 гг., по пшеницѣ на 4,7 мет. коп., а по ржи на 8 коп. съ пуда ниже, чѣмъ въ среднемъ за 1852—1856 годы. Паденіе цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты невыгодно отразилось на экономическомъ положеніи той части земледѣльческаго населенія, которая сбываетъ хлѣбные продукты, т.-е. на всей земледѣльческой полосѣ Россіи, и вызвало у насъ учрежденіе особой коммиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для изслѣдованія причинъ, производящихъ паденіе цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ.

Изслѣдованіе этого вопроса въ высшей степени важно, а потому мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе. Прежде всего замѣтимъ, что упадокъ цѣнъ—явленіе не мѣстное, а общее и притомъ свойственное не однимъ земледѣльческимъ продуктамъ, но и другимъ товарамъ.

На лондонскомъ рынкѣ ни разу въ теченіе полутора столѣтій, именно со второй четверти XVIII вѣка, не было столь низкихъ цѣнъ, какъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Средняя цѣна англійской пшеницы на лондонскомъ рынкѣ, въ пятидесятилѣтіе съ 1828 по 1877 годъ, была 54 шиллинга за квартеръ. Въ періодъ съ 1878 по 1884 годъ цѣна пшеницы спустилась до 42 шиллинговъ. Но это пониженіе незначительно по сравненію съ тѣмъ, какое произошло въ послѣдніе годы: въ 1885 г. средняя цѣна пшеницы была 33 шиллинга; къ концу года она упала до 30½ шил. Въ 1886 г. послѣдовало новое пониженіе: въ концѣ 86 г. и началѣ 87 г. пшеница продавалась на лондонскомъ рынкѣ по 29 шил. за квартеръ, что̀ составляетъ около 73 мет. коп. за пудъ. Подобной цѣны въ Англіи не было съ 1745 года.

Но такое пониженіе касается отнюдь не однихъ хлѣбныхъ продуктовъ; оно распространяется на всѣ роды товаровъ, за рѣдкими исключеніями. Въ послѣдніе годы былъ произведенъ по статистикѣ цѣнъ цѣлый рядъ превосходныхъ работъ въ различныхъ странахъ Европы, и всѣ онѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что

упадокъ цѣнъ былъ всеобщій и непрерывный, начиная съ промышленнаго кризиса и краховъ 1873 года. Такъ, Пельгрэвъ находитъ, что 22 главныхъ товара, обращавшихся въ англійской торговлѣ, въ общей суммѣ понизились въ цѣнѣ по сравненію со средней ихъ стоимостью въ 1865—70 годахъ:

въ пятилѣтіе		1870—74	на	4%
"	"	1875—79	"	11 "
"	"	1880—84	"	19 "
"	"	1885—	"	30 "
"	"	1886—	"	31 "

Почти сходится съ вышеприведеннымъ вычисленіе Зауэрбека, которое выполнено для 45 товаровъ, имѣющихъ особенно важное значеніе въ англійской ввозной и вывозной торговлѣ. Если принять за исходный пунктъ среднія цѣны 1866—77 гг., то для всѣхъ товаровъ пониженіе будетъ равняться:

въ періодъ		1878—83	18%
"	"	1884—	25 "
"	"	1885—	28 "
"	"	1886—	31 "
"	"	1887—	32 "

Просматривая отдѣльные товары, раздѣленные у Зауэрбека по классамъ, мы видимъ, что пониженіе цѣнъ въ 1886 г., по сравненію со средними цѣнами 1867—77 годовъ, составляло:

Для зерновыхъ товаровъ	35%
Мяса и масла.	13 "
Сахара, чаю и кофе	40 "
Минераловъ и металловъ	33 "
Тканей всякаго рода	37 "
Разнаго рода сырыхъ матеріаловъ . . .	31 "

Въ другихъ странахъ колебаніе цѣнъ почти такое же. Тотъ же Пельгрэвъ вычислилъ, что во Франціи цѣны 22 главныхъ товаровъ упали съ 1873 по 1884 г. на 22%, т.-е. почти на столько же, какъ и въ Англіи.

Для Германіи имѣются образцовыя таблицы Зётбера, въ которыхъ обработаны цѣны 114 товаровъ, обращавшихся на гамбургской биржѣ. Изъ сводной графы его таблицъ видно, что паденіе цѣнъ началось опять-таки съ 1873 года и равнялось въ 1885 г., по сравненію съ 1873 г., 23%, а для 1886—28%. Если принять за 100 гамбургскія цѣны продуктовъ земледѣлія въ 1871—75 годахъ, то движеніе цѣнъ представится въ такомъ видѣ:

9*

	Пшеница	Рожь	Спиртъ	Сахаръ-сырецъ	Хмель
Въ 1847—50 г.	82	70	71	84	30
„ 1871—75 „	100	100	100	100	100
„ 1885— „	65	70	75	49	72
„ 1886— „	64	63	55	44	63

Къ 1886 году, слѣдовательно, пшеница сравнительно съ началомъ семидесятыхъ годовъ понизилась на 36%, рожь—на 37%, спиртъ—45%, сахаръ—56% и хмѣль—на 37%.

Казалось бы, при такихъ небывало низкихъ цѣнахъ должно вырости потребленіе; между тѣмъ дѣйствительность показываетъ, что спросъ на всѣ предметы находится въ полномъ застоѣ. Земледѣльцы не въ состояніи сбыть хлѣба, промышленники—своихъ издѣлій; рынки переполнены товарами, которые, несмотря на уступки, не идутъ съ рукъ.

Какая же причина столь общаго и непрерывнаго паденія цѣнъ? Надъ этимъ вопросомъ работало въ послѣдніе годы много ученыхъ, изъ которыхъ въ особенности выдаются въ Англіи—Джиффенъ, Зауэрбекъ, Гансардъ, Гошенъ; въ Америкѣ—Аткинсонъ; въ Германіи—Зётберъ, Нассе, Лексисъ, Отто, Арендъ; во Франціи—Леруа Больё, въ Бельгіи—Лавеле́ [1]).

Надъ этимъ же вопросомъ пришлось всего болѣе подумать „Англійской Королевской Коммиссіи", назначенной парламентомъ осенью 1885 г. для изслѣдованія угнетеннаго состоянія торговли и промышленности, и такъ называемому бюро труда, организованному въ 1884 г. конгрессомъ Соединенныхъ-Штатовъ для собиранія и разработки свѣденій о положеніи труда въ различныхъ частяхъ союза.

По вопросу о причинахъ упадка цѣнъ у названныхъ авторовъ и въ англійской коммиссіи обнаружились два теченія.

Джиффенъ, Гошенъ, Зауэрбекъ и меньшинство членовъ коммиссіи, въ числѣ которыхъ были Пельгрэвъ и Кэрдъ, приписываютъ это не обезцѣненію товаровъ, а поднятію цѣнъ на золото, которое теперь является единственнымъ мѣриломъ цѣнности.

Золото же поднялось въ цѣнѣ благодаря тому, что добыча его годъ отъ году падаетъ, а спросъ на него ростетъ.

Нѣмецкіе экономисты и большинство коммиссіи, наоборотъ, считаютъ, что товары обезцѣниваются, и причину этого ищутъ въ условіяхъ производства и потребленія.

---

[1]) Въ нашей литературѣ имѣется по этому вопросу изслѣдованіе пр. А. И. Чупрова „О характерѣ и причинахъ современнаго промышленнаго кризиса въ западной Европѣ", выдержками изъ котораго мы и воспользовались при составленіи настоящей статьи.

На первомъ изъ этихъ взглядовъ мы не станемъ долго останавливаться, такъ какъ это отвлекло бы насъ отъ цѣлей настоящей статьи. Скажемъ только, что недочетъ въ добычѣ золота не такъ великъ, чтобы столь рѣзко уронить цѣну большинства товаровъ. По исчисленію Зётбера, во всѣхъ странахъ міра къ концу 1885 года имѣлся колоссальный запасъ золота въ 13 милліардовъ 364 милліоновъ марокъ, тогда какъ недочетъ въ добычѣ этого металла не превышаетъ, по разсчету того же автора, 150—160 милліоновъ марокъ въ годъ, т.-е. равняется съ небольшимъ 1% общаго запаса. Такой недочетъ для рынка не можетъ быть чувствителенъ въ виду того, что теперь годъ отъ году драгоцѣнные металлы все больше и больше замѣняются кредитомъ въ различныхъ формахъ. Что на всемірномъ рынкѣ не чувствуется недостатка въ золотѣ—видно уже изъ характера денежнаго обращенія. Если бы на рынкѣ дѣйствительно ощущался недостатокъ денегъ, то это явленіе непремѣнно отразилось бы на уменьшеніи запасовъ въ банкахъ, являющихся нынѣ общими резервуарами для свободныхъ денегъ. Когда денегъ мало, то банковыя средства отливаютъ изъ кассъ и уходятъ въ публику, и, наоборотъ, они увеличиваются, если по какимъ-либо причинамъ въ странѣ возростаетъ сумма свободныхъ капиталовъ. Такъ какъ кредитные банки устанавливаютъ дисконтный процентъ въ соотвѣтствіи съ приливомъ денегъ въ свои кассы и отливомъ отъ нихъ, то кромѣ движенія банковыхъ запасовъ, объ изобиліи или недостаткѣ денегъ можно судить по размѣру учетнаго процента. Прямое наблюденіе намъ показываетъ, что въ главнѣйшихъ банкахъ происходитъ огромное накопленіе золота, и что дисконтный процентъ понижается. Говорить поэтому о недостаткѣ денегъ, о вздорожаніи золота не приходится. Наконецъ, и это самое главное, пониженіе цѣнъ на разные предметы, которые ставятся въ параллель съ перемѣнами въ добычѣ золота, отнюдь не является столь всеобщимъ и однообразнымъ, какъ это требуется упомянутой теоріей. Всего сильнѣе упали цѣны на тѣ товары, въ которыхъ расходы по перевозкѣ подверглись наибольшему сокращенію: изъ земледѣльческихъ продуктовъ наиболѣе пострадала пшеница, идущая изъ отдаленныхъ странъ Америки, Индіи, Австраліи. Овесъ же и ячмень сравнительно менѣе подверглись обезцѣненію, а мясо и коровье масло даже подорожали. По гамбургскимъ таблицамъ земледѣльческіе продукты упали въ цѣнѣ въ 1886 г. сравнительно съ семидесятыми годами на 31%, колоніальные товары—всего на 12%, а южные фрукты—только на 7%. Все это, конечно, было бы невозможно, если бы упадокъ

цѣнъ являлся слѣдствіемъ вздорожанія золота, какъ мѣрила цѣнности.

Остается, слѣдовательно, искать причину пониженія товарныхъ цѣнъ въ измѣнившихся условіяхъ производства и потребленія товаровъ. Въ этомъ отношенiи за послѣднее время произошли большія перемѣны.

Однимъ изъ важныхъ факторовъ нашего времени является огромное сокращеніе издержекъ производства товаровъ. Это преобразованіе особенно коснулось послѣдней стадіи производства—доставки на рынокъ. Въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ столько сдѣлано для удешевленія перевозки грузовъ, сколько не было совершено въ теченіе всѣхъ предшествующихъ поколѣній. Въ области сухопутнаго транспорта произошло, въ указанный періодъ, громадное расширеніе желѣзно-дорожной сѣти, въ особенности въ странахъ новой культуры. Протяженіе желѣзныхъ дорогъ въ Соединенныхъ-Штатахъ, не превышавшее, въ концѣ 1867 года, 39.250 англ. миль, увеличилось за десятилѣтіе 1867—1877 г. на 39.838 мил., т.-е. болѣе чѣмъ удвоилось, а въ слѣдующія десять лѣтъ, съ 1877 по 1888—на 71.514 мил., при чемъ въ 1886 г. сооружено 9.000, а въ 1887—12.725 миль новыхъ дорогъ. За послѣднее десятилѣтіе выстроено въ Америкѣ почти столько же рельсовыхъ путей, сколько за пятьдесятъ лѣтъ, протекшихъ со времени появленія первыхъ желѣзныхъ дорогъ. Подобнымъ же образомъ въ Британской Индiи въ 1871 г. считалось 4.775 англ. миль рельсовыхъ путей, а въ 1887 г.—уже 13.390 миль. Въ Канадѣ, Мексикѣ, Чили, Бразиліи, Австраліи—всюду въ этотъ періодъ съ лихорадочной поспѣшностью сооружалась и рельсовая сѣть. Неудивительно, поэтому, что провозная плата по рельсовымъ и воднымъ путямъ въ Сѣверной Америкѣ за послѣднее время такъ сильно упала. Такъ напр., средняя стоимость доставки пуда пшеницы изъ Чикаго въ Нью-Iоркъ (1.505 вер.) тремя главными путями была:

	Воднымъ путемъ.	Водою и желѣзн. дорогами.	Однѣми желѣзн. дорогами.
Въ 1868 г.	13,3 мет. коп.	22,4 мет. коп.	32,7 мет. коп.
„ 1884 „	4,9 „ „	7,5 „ „	10,0 „ „

т.-е. она понизилась въ три раза, и теперь въ Америкѣ доставка пуда пшеницы изъ складочныхъ пунктовъ Запада въ гавани Атлантическаго океана увеличиваетъ его цѣну на 5—10 коп. металлическихъ, или 7—14 коп. кредитныхъ. Между тѣмъ какъ у насъ провозъ пуда пшеницы изъ Самары или Саратова въ С.-Петербургъ стоитъ отъ 19 до 31 коп., т.-е. болѣе чѣмъ вдвое до-

роже, при разстояніяхъ почти равныхъ разстоянію отъ Чикаго до Нью-Іорка.

Еще крупнѣе усовершенствованія и удешевленія, происшедшія въ морской перевозкѣ. Открытіе Суэзскаго канала, вытѣсненіе деревянныхъ судовъ желѣзными, парусныхъ—паровыми, огромное увеличеніе вмѣстимости судовъ, все это соединилось для того, чтобы вызвать небывалое пониженіе морскихъ фрахтовъ. Такъ, фрахтъ за зерновые хлѣба отъ Нью-Іорка до Великобританіи, равнявшійся въ 1874 г. 2 р. 38 к. на четверть, упалъ къ 1884 г. до 90 коп.; отъ Одессы до Великобританіи съ 20 коп. на пудъ въ 1874 г. до 8 коп. въ 1884 г. и даже до $7^1/_2$ въ 1885 г.

Одновременное усовершенствованіе и сухопутной и морской доставки, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, такъ велико, что имъ однимъ можно объяснить значительную часть происшедшаго пониженія цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ. Такъ, съ 1873 на 1883 г. цѣна пшеницы въ Лондонѣ упала на 5 р. 14 коп. съ четверти, а между тѣмъ за это же время доставка четверти хлѣба изъ внутреннихъ областей Соединенныхъ-Штатовъ до Лондона упала на 2 р. 4 к. съ четверти, такъ что на одну эту причину приходится отнести до 40% удешевленія въ стоимости пшеницы. Вмѣстѣ со стоимостью перевозки сокращеніе коснулось и прочихъ торговыхъ издержекъ. Огромные накладные расходы, которые еще недавно падали на товары въ портахъ и на рѣчныхъ пристаняхъ, постепенно отходятъ въ область преданій. Улучшаются гавани, устроиваются каналы, вводятся механическія приспособленія для нагрузки и выгрузки. Наконецъ, производители начинаютъ входить въ прямыя сношенія съ потребителями, какъ напр. сѣверо-американскіе мукомолы съ лондонскими пекарями, отъ чего роль посредниковъ торговцевъ сокращается до крайняго предѣла. Мудрено выразить въ точныхъ цифрахъ экономію отъ всѣхъ этихъ усовершенствованій и измѣненій; но, судя по нѣкоторымъ примѣрамъ, она должна быть громадна. Одно устройство элеваторовъ, примѣненное въ самыхъ широкихъ размѣрахъ въ Сѣверной Америкѣ, создало въ доставкѣ хлѣба такія сбереженія, которыя оцѣниваются десятками милліоновъ долларовъ.

Мы указали на удешевленіе перемѣщенія товаровъ, но и въ области самаго производства вводится немало усовершенствованій, понижающихъ расходы производства. Въ земледѣліи съ каждымъ годомъ машины и усовершенствованныя орудія получаютъ все бо́льшее и бо́льшее примѣненіе. Максъ Виртъ говоритъ, что въ Америкѣ въ 1850 г. выработывалось земледѣльческихъ орудій на 28 милліоновъ марокъ, въ 1860—на 70 милліоновъ, а въ

1880—уже на 216 милліоновъ. По словамъ г. Орбинскаго, пріобрѣтеніе новыхъ машинъ обратилось у американскихъ фермеровъ въ настоящую манію, поощряемую сильно развитымъ обычаемъ отпускать машины въ кредитъ.

Профессоръ М. Вилькенсъ, посѣтившій сѣверо-американскіе штаты въ 1889 г., говоритъ, что замѣна ручного труда машиннымъ является особенностью американскаго сельскаго хозяйства, наиболѣе бросающеюся въ глаза. „За все время, съ начала апрѣля и до средины сентября,—говоритъ онъ,—я нигдѣ на посѣщаемыхъ мною фермахъ не видѣлъ, чтобы кто-либо разбрасывалъ удобрительные туки, сѣялъ, косилъ или молотилъ хлѣбъ отъ руки. Косу я видѣлъ всего одинъ разъ, на маленькой фермѣ въ Нью-Гемпширѣ, гдѣ ею скашивали овесъ, посѣянный вокругъ плодовыхъ деревьевъ. Цѣпа я не видѣлъ ни на одной изъ многочисленныхъ фермъ, осмотрѣнныхъ мною, и болѣе молодые хозяева даже не имѣютъ понятія, что̀ это за орудіе“ [1]).

Для мелкихъ фермеровъ, не имѣющихъ возможности пріобрѣсти жатвенную машину, заводчики и особыя товарищества посылаютъ, за извѣстную плату, конныя жнеи съ одной фермы на другую; сѣно убирается также машинами и его складываютъ широкими полосами при помощи особыхъ приборовъ — сѣнокручивателей и укладываютъ на телѣги при помощи сѣноподъемниковъ. Съ возовъ оно снимается также при помощи особаго механизма и доставляется на сѣновалъ при помощи особаго вагончика, катящагося по рельсу.

Почти въ каждомъ нумерѣ любого земледѣльческаго журнала можно найти указанія на какую-либо новинку въ области земледѣльческаго машиностроенія, и лучшія изъ нихъ тотчасъ же находятъ для себя примѣненіе въ американскомъ хозяйствѣ, что̀ и составляетъ характерную особенность нашего времени. Въ былое время нерѣдко цѣлыя человѣческія поколѣнія проходили, прежде нежели изобрѣтателю удавалось добиться, чтобы кто-либо рискнулъ испробовать его открытіе; теперь же не успѣетъ появиться сколько-нибудь важное улучшеніе, какъ оно становится общимъ достояніемъ: ожесточенная конкурренція заставляетъ производителей съ лихорадочной поспѣшностью вводить у себя все, что̀ обѣщаетъ хотя нѣкоторое сокращеніе расходовъ.

Изъ сказаннаго видно, что въ земледѣліи, какъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности, произошло въ наши дни огромное сокращеніе издержекъ производства, громадная экономія въ коли-

---

[1]) Сельское хозяйство и лѣсоводство, 1892 г. № 2 стр. 70—71.

чествѣ труда, потребнаго на снабженіе человѣческаго общества необходимыми для него продуктами и товарами. Естественно, что подъ вліяніемъ этой причины, въ силу общаго экономическаго закона, падаютъ цѣны. Такъ, европейскому земледѣлію приходится теперь считаться съ сельско-хозяйственнымъ производствомъ Америки и Остъ-Индіи, у которыхъ издержки производства слагаются значительно благопріятныя. Нашему земледѣлію въ этой конкурренціи приходится испытывать критическое положеніе въ той же степени и по тѣмъ же причинамъ, по которымъ голодали мелкіе ткачи въ началѣ нынѣшняго вѣка въ Англіи, а въ серединѣ столѣтія—въ Германіи: подъ вліяніемъ соперничества фабрикъ и здѣсь и тамъ товаръ, производимый дороже, вытѣсняется товаромъ, создаваемымъ съ меньшими издержками.

Пониженіе цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты [1]), слѣдовательно, явленіе не случайное и не временное. Въ силу перемѣнъ въ обстановкѣ производства измѣнилась сумма рабочаго времени, необходимая для производства и доставки земледѣльческихъ продуктовъ. Поэтому, въ соотвѣтствіи съ общимъ экономическимъ закономъ, должна упасть цѣна продуктовъ. И это паденіе не въ состояніи предупредить никакія силы, никакія коммиссіи. Оно можетъ на нѣкоторое время заслониться или отсрочиться вліяніемъ разныхъ случайныхъ причинъ, но рано или поздно все-таки дастъ себя знать. Какъ скоро уменьшилось количество труда, потребнаго для производства, всѣмъ хозяйствамъ или предпріятіямъ, работавшимъ при прежнихъ условіяхъ, приходится или приспособляться къ новой формѣ, или, если они не съумѣютъ сдѣлать этого, оставить хозяйственную арену. Наши земледѣльцы стоятъ теперь предъ этой альтернативой; какой путь изберутъ частные владѣльцы—покажетъ будущее, но судя по тому, что было до сихъ поръ, надо думать, что они предпочтутъ второй путь, т.-е. оставятъ сельско-хозяйственную арену.

На это ясно указываютъ и наблюденія, и оффиціальныя данныя. Такъ напр., въ екатеринославской губ. двѣнадцать лѣтъ

---

[1]) Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ на цѣны нашихъ хлѣбовъ въ заграничномъ отпускѣ и дифференціальныя пошлины, созданныя недавними торговыми трактатами нашихъ сосѣдей. Русскій экспортеръ обязанъ теперь уплатить за овесъ пошлину въ 40 марокъ съ тонны, тогда какъ американскій или австрійскій уплачиваетъ лишь 28 м. Когда будетъ разрѣшенъ отпускъ пшеницы, относительно которой конкуренція съ Соединенными-Штатами представляется наиболѣе затруднительной, намъ придется платить 50 марокъ съ тонны, а американцамъ—лишь 35, что́ составитъ разницу въ пользу Америки почти въ 10 коп. на пудъ. При подобныхъ условіяхъ соперничество почти невозможно.

тому назадъ дворянской земли было 2.359.419 десятинъ, а въ надлежащее время осталось только 1.711.354 дес., т.-е. дворянское землевладѣніе сократилось на 648.064 дес., уменьшаясь ежегодно на 54 тысячи десятинъ. Убыль въ дворянскомъ землевладѣніи екатеринославской губерніи пополняется количествомъ земель, пріобрѣтаемыхъ нѣмцами-колонистами, быстро и увѣренно созидающими свое хозяйство на совершенно новыхъ началахъ. Въ с.-петербургскомъ собраніи экономистовъ г. Мусницкій представилъ любопытную выборку изъ дѣлъ общества взаимнаго поземельнаго кредита о 487 имѣніяхъ, по которымъ были произведены переоцѣнки. Такъ какъ въ докладъ г. Мусницкаго попали имѣнія не по выбору, то нѣтъ никакого основанія полагать, что въ нихъ дѣло идетъ много хуже, чѣмъ въ остальныхъ заложенныхъ имѣніяхъ.

Въ 1873 году изъ этихъ 487 имѣній сдавалось въ аренду только 63, а въ остальныхъ 424 имѣніяхъ велось собственное хозяйство съ общей запашкой въ 200 тыс. десятинъ, причемъ имѣлся живой и мертвый инвентарь, представлявшій значительную цѣнность. Въ 1882 г., по новой переоцѣнкѣ, оказалось, что число имѣній, сдаваемыхъ въ аренду, возросло до 119, а общая запашка уменьшилась до 191 тысячи десятинъ. Еще черезъ пять лѣтъ, въ 1887, переоцѣнка показала, что въ аренду сдается уже большинство имѣній, а именно 394, и изъ нихъ уже исчезъ инвентарь и скотъ. Число имѣній, прекратившихъ собственную запашку, составляло въ 1873 г.—12,9%, въ 1883—35,1% и въ 1887—80,9%.

Крестьяне до сихъ поръ были стойче. Они упорно боролись съ тяжелыми экономическими условіями, но боролись своеобразно, отказывая себѣ во всемъ, низводя свой заработокъ до минимума, обработывая земли, не дающія предпринимательской прибыли и сбывая продукты хозяйства въ ущербъ своему питанію и своему скоту. Только тамъ, гдѣ условія стали невозможными, они бросали земледѣліе и переходили въ разрядъ *безхозяйныхъ*. Земская статистика показала, что такихъ безхозяйныхъ, т.-е. выбитыхъ изъ хозяйственной колеи, оказалось уже въ нѣкоторыхъ уѣздахъ очень много. Такъ, они составляютъ:

Въ царицынскомъ уѣздѣ. . . .	22%
Полтавскомъ	21,0
Ростовскомъ-на-Дону. . . .	20,8
Зеньковскомъ . . . . . , .	18,4
Саратовскомъ	18,0
Курскомъ.	17,1
Бахмутскомъ	15,4 и т. д.

Но цѣны на земледѣльческіе продукты продолжали падать, вести хозяйство на старыхъ основаніяхъ становилось все труднѣе, кризисъ обострялся, и тутъ-то изъ Россіи хлынула переселенческая волна...

III.

Мы убѣдились, что урожайность нашихъ полей находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ мельчайшихъ колебаній климата, что наше хозяйство до крайности экстенсивно, что земледѣльческій трудъ у насъ менѣе производителенъ, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Что же сковываетъ наше народное хозяйство, парализуетъ его силы, заставляетъ работника такъ непроизводительно затрачивать свой трудъ?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, сравнимъ условія, въ которыхъ приходится работать нашему главному конкурренту на международномъ рынкѣ—американцамъ и нашимъ сельскимъ хозяевамъ.

Первымъ факторомъ, подлежащимъ сравненію, является земля. Что она дешевле въ Соединенныхъ-Штатахъ, чѣмъ у насъ—это фактъ общеизвѣстный. Государственныя земли, т.-е. все пространство, не принадлежащее частнымъ собственникамъ, уступается всякому гражданину Соединенныхъ-Штатовъ, по разъ установленной для всего союза таксѣ въ 1 долларъ 25 цент. за акръ, или на наши деньги по 4 р. 44 коп. металлическихъ за десятину. Кромѣ того, съ 1862 г. государственная земля на западѣ выдѣляется поселенцамъ безплатно, съ обязательствомъ покрыть лишь расходы по межеванію, огородить участокъ, построить домъ и фактически воздѣлывать почву. Такимъ даровымъ способомъ къ восьмидесятымъ годамъ было роздано 55 милліоновъ акровъ, или 20.350.000 десятинъ. Желѣзнодорожныя общества, главные продавцы земель въ Америкѣ, по свидѣтельству г. Федорова, продавали ее въ 1879 году не дороже 16 р. 36 коп. за десятину, и это въ такомъ штатѣ, какъ Миннесота, и около желѣзной дороги. Въ степныхъ штатахъ при частныхъ продажахъ цѣна на землю колеблется отъ 10 р. 15 к. до 28 р. 75 к. металлическихъ за десятину.

При такой дешевизнѣ земли всякій эмигрантъ съ незначительными сравнительно средствами имѣетъ возможность пріобрѣсти себѣ участокъ въ собственность, благодаря чему въ Америкѣ развился самый распространенный видъ землепользованія—

фермерство на собственной землѣ. У насъ земля значительно дороже. По актамъ и въ актахъ цѣнность покупки въ большинствѣ случаевъ уменьшается; въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ она колебалась отъ 40 до 80 руб. за десятину въ земледѣльческой полосѣ; къ концу восьмидесятыхъ годовъ она повысилась даже до 112 р. за десятину. Сверхъ того, наши земли обременены страшными долгами. Такъ, частнымъ земледѣльцамъ приходится ежегодно платить поземельнымъ банкамъ однихъ процентовъ и погашенія до 41 милліона рублей, а крестьянамъ — свыше 105 милліоновъ выкупныхъ платежей, всего, слѣдовательно, земля должна выплатить однихъ процентовъ и погашенія до 146 милл. въ годъ. Распредѣленіе земли въ Соединенныхъ-Штатахъ также выгоднѣе, чѣмъ у насъ.

По переписи 1880 года, изъ 3.619.694 сѣверо-американскихъ фермеровъ 3.187.273, или 88%, владѣли участками земли отъ 7½ дес. до 185 десятинъ. Фермъ болѣе мелкихъ было 9,5%, а крупнѣе 185 десятинъ—всего только 2,4%. Средній размѣръ фермы, по переписи 1870 года, оказался въ 55 десятинъ; такой размѣръ поземельнаго участка даетъ возможность фермеру вполнѣ использовать силы своей семьи, не прибѣгая ни къ найму рабочихъ, ни къ стороннимъ заработкамъ.

У насъ дѣло обстоитъ иначе. Въ настоящее время извѣстно, что при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости болѣе 40% изъ нихъ получили недостаточные надѣлы. Со времени крестьянской реформы, благодаря приросту, численность населенія возросла на ⅓, а потому и степень нужды въ землѣ возросла еще больше. Въ семидесятыхъ годахъ, по оффиціальнымъ даннымъ, въ 15 губерніяхъ европейской Россіи насчитывалось 1½ милліона ревизскихъ душъ, получившихъ надѣлы отъ 1 до 2 десятинъ на душу; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ общее число крестьянъ съ такимъ надѣломъ составляло значительный процентъ нѣкогда крѣпостного населенія: въ пензенской губерніи 30,8%, въ симбирской—32,5, казанской—37,8%, самарской 38,2, саратовской—41,5 и т. д. Тѣ же изслѣдованія показали, какъ велико число крестьянъ съ надѣломъ въ 1 дес. на ревизскую душу и менѣе. Такихъ было насчитано ½ милліона ревизскихъ душъ. Если присоединить сюда и тѣхъ государственныхъ крестьянъ, надѣлы которыхъ не превышаютъ 2 дес. на ревизскую душу, то получимъ, по крайней мѣрѣ, 4 милліона ревизскихъ душъ съ надѣломъ не только недостаточнымъ по условіямъ русскаго сельскаго хозяйства, но прямо-таки съ слишкомъ скуднымъ надѣломъ.

Еще князь Васильчиковъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, доказывалъ, что у насъ имѣется уже среди крестьянскаго населенія значительный контингентъ безземельныхъ. Теперь, благодаря земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, мы знаемъ, что численность ихъ по нѣкоторымъ уѣздамъ доходитъ до 23% сельскаго населенія, а если присоединить къ нимъ и тѣхъ крестьянъ, которые хотя и имѣютъ усадьбы, но не имѣютъ ни клочка пахотной земли, то процентъ домохозяевъ, не имѣющихъ собственной пашни, поднимется въ полтавской губерніи до 31,5 % (зеньковскій уѣздъ).

Но кромѣ того у насъ имѣется громадное число лицъ, юридически не считающихся безземельными, но фактически не имѣющихъ земли. Сюда относится значительная часть молодого поколѣнія, родившагося послѣ Х-ой ревизіи и принадлежащаго къ общинамъ, дѣлящимъ землю по ревизскимъ душамъ. Число ихъ достаточно точно не регестрировано, но несомнѣнно, что оно довольно значительно.

Совокупность всѣхъ этихъ лицъ составитъ внушительную цифру въ нѣсколько милліоновъ душъ, не обезпеченныхъ достаточнымъ образомъ собственной землею, а потому нуждающихся въ стороннихъ заработкахъ. Вотъ почему, съ наступленіемъ весны, многія сотни тысячъ рабочихъ передвигаются съ центральной черноземной полосы на окраины, непроизводительно тратя на такіе переѣзды и время, и средства, и все-таки зачастую оставаясь безъ работы и куска хлѣба. Если бы можно было подсчитать, какая масса труда тратится при этомъ понапрасну, то мы не удивлялись бы тому обстоятельству, что трудъ въ русскомъ хозяйствѣ такъ неполно утилизируется и такъ непроизводителенъ. Другимъ способомъ для приложенія своего труда, не занятаго на собственномъ надѣлѣ, является для крестьянъ арендованіе владѣльческихъ и казенныхъ земель.

До какой степени велики нужды въ арендуемой землѣ, видно изъ того, что:

на 100 десятинъ надѣльной земли приходится арендованной:

Въ херсонской	81
„ самарской	75
„ екатеринославской	68
„ саратовской	66 и т. д.

Каковы условія этой вынужденной аренды, достаточно ясно рисуютъ разсчеты г. Янсона и кн. Васильчикова, пришедшихъ къ печаль-

ному выводу, что въ результатѣ крестьянамъ, арендующимъ землю, остается одна только заработная плата, безъ всякой предпринимательской прибыли. Арендная плата ростетъ непрерывно, и теперь въ наиболѣе населенной полосѣ она достигла уже до 28—30 руб. за озимую и 18 — 25 за яровую десятину. Чтобы выплатить такую аренду, при понижающихся цѣнахъ на хлѣбъ, крестьянинъ долженъ поступиться даже частью своей заработной платы, т.-е. опять-таки урѣзать отъ своего потребленія.

Такіе именно порядки существовали въ Англіи въ XVII вѣкѣ, когда, по свидѣтельству Роджерса, фермы должны были платить такъ называемую „голодную ренту", т.-е. такую, которая, за скуднымъ пропитаніемъ, не оставляетъ арендатору ничего, ни на улучшенія, ни на сбереженія.

Итакъ, въ аграрномъ отношеніи русскіе земледѣльцы несравненно хуже поставлены, чѣмъ американцы; земля у насъ дороже, обременена долгами и въ ней чувствуется больше нужды, чѣмъ въ Америкѣ.

Второй факторъ производства, который мы должны были бы сравнить—это трудъ; но мы не станемъ утомлять вниманіе читателей доказательствами того, что трудъ въ Америкѣ дороже, чѣмъ у насъ,—это фактъ слишкомъ общеизвѣстный.

Въ процессѣ производства валового дохода земля, трудъ и капиталъ могутъ до извѣстной степени замѣщать другъ друга.

Такъ, одинъ и тотъ же урожай можетъ быть добытъ затратой 1.000 десятинъ земли и 100 единицъ труда и капитала, или же, наоборотъ, 100 десятинъ земли и 1.000 единицъ труда и капитала. Прямой разсчетъ заставляетъ хозяина затрачивать въ большемъ количествѣ тотъ изъ факторовъ производства, который обходится ему дешевле. Чѣмъ больше затрачивается земли при одномъ и томъ же количествѣ труда и капитала, тѣмъ хозяйство *экстенсивнѣе*, и наоборотъ, чѣмъ больше затрачивается труда и капитала при одной и той же площади земли, тѣмъ хозяйство *интенсивнѣе*.

Дорогая земля и дешевый трудъ составляютъ именно условія наиболѣе благопріятныя для веденія интенсивнаго, а никакъ не экстенсивнаго хозяйства. При наличности этихъ условій простой ариѳметическій разсчетъ долженъ былъ бы подсказать нашимъ хозяевамъ, что для нихъ выгоднѣе затрачивать какъ можно меньше дорогой земли и какъ можно больше труда, т.-е. хозяйство должно было бы стремиться къ переходу въ болѣе интенсивныя формы, чего мы вовсе не замѣчаемъ даже по сравненію съ такимъ экстен-

какъ американское. Объясненія этого явле-
искать въ тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ,
тся у насъ третій факторъ производства—
при нынѣшнемъ хозяйственномъ строѣ при-
значеніе.
же странѣ капиталъ не можетъ долго да-
ыль въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышлен-
какъ вода не можетъ стоять на различномъ
хся сосудахъ, и капиталы не удержатся въ
і и станутъ отливать къ болѣе доходной
годаря покровительственному тарифу и всей
і политикѣ послѣдняго времени, капиталы
ь земледѣлія. Оффиціальныя данныя, соби-
я 3-хъ-процентнаго сбора, доказываютъ, что
которыя усиленно охраняются таможенными
едпріятія даютъ огромные барыши, вовсе
европейскимъ предпринимателямъ. За 1887
умагопрядильни дали отъ 21,3 до 38% чи-
овной капиталъ; товарищество шерстяныхъ
% и т. д. Такъ какъ промышленники очень
ѣйствительные барыши во всѣхъ оффиціаль-
ть полное основаніе предполагать, что эти
ительныхъ. Спрашивается, какъ быть при
ому сельскому хозяину, чистый доходъ кото-
ревышаетъ 4—5% и лишь въ рѣдкихъ слу-
0%, если промышленника съ 30—40% ба-
о затруднительности своего положенія и о
болѣе высокой таможенной стѣны, которая
соперничества иноземцевъ, и если эти вопли
признаются справедливыми?!!.. При такихъ условіяхъ люди, умѣющіе выгодно пользоваться капиталами, сторонятся сельско-хозяйственной промышленности, оставляя ее въ удѣлъ элементамъ, быть можетъ и болѣе симпатичнымъ, но менѣе приспособленнымъ къ условіямъ капиталистическаго хозяйства. Немудрено, поэтому, что капиталы, полученные за послѣднія 30 лѣтъ нашими землевладѣльцами въ видѣ выкупныхъ платежей и банковыхъ ссудъ и достигшіе колоссальной суммы въ 1.400 милліоновъ рублей, т.-е. почти равной контрибуціи, которую Франція заплатила Германіи, прошли безслѣдно мимо нашего частно-владѣльческаго хозяйства. Очевидно также, что при неизмѣнности нашей экономической политики такъ же безслѣдно пройдутъ и новыя ссуды, выдаваемыя на льготныхъ условіяхъ.

Люди оборотливые, понимающіе всю силу капитала при данныхъ условіяхъ, направятъ эти льготныя ссуды туда, гдѣ капиталы лучше вознаграждаются, а неспособные къ этому растратятъ ихъ по примѣрамъ добраго стараго времени.

При наличности всѣхъ этихъ условій говорить объ улучшеніяхъ въ сельско-хозяйственной техникѣ не приходится...

К. Featured Вернеръ.

г. Омскъ.

ИКАРКА

вѣсть Эл. Оржешко.

Съ польскаго.

„— Я принадлежу къ роду ангеловъ; хочешь ли сдѣлаться на меня похожимъ?

„— Вижу могущество твое и твою красу, но ты приказываешь мнѣ нѣчто превосходящее мои силы, хотя оно не превосходитъ моего понятія".

Лордъ Байронъ, „Каинъ".

I.

ıешь, голубчикъ, что человѣкъ, который дикій... Какъ ты это сказалъ?... Бушмэнъ!.. Да, бушмэнъ,—потому что онъ одѣлся въ сюртукъ, напоминающій эпоху нашихъ прадѣдовъ, да и откровенно признался, что во всю свою жизнь не посѣтилъ ни одного раута, никогда не ѣлъ устрицъ и не танцовалъ кадрили-монстръ. Конечно, не посѣщать раутовъ, не имѣть ни малѣйшаго понятія о вкусѣ моллюсковъ, да еще не обладать никакими свѣденіями о кадрили-монстръ,—все это вмѣстѣ взятое составляетъ нѣчто невозможное, нѣчто такое, что ясно доказываетъ, что такой человѣкъ—дикій человѣкъ, настоящій дикарь, а это въ свою очередь невольно заставляетъ призадуматься надъ вопросомъ, какъ это онъ съумѣлъ припутаться къ намъ, цивилизованнымъ, такъ превосходно цивилизованнымъ, что, оставляя въ сторонѣ сюртуки, рауты, кадрили и

моллюсковъ, мы вѣдь, кромѣ того, большіе знатоки по части китайщины, разныхъ японскихъ бездѣлушекъ, флирта, кокотокъ, желчныхъ камней, стараго фарфора, спорта, винта, катарровъ всякаго рода и вида, fin de siècle'я, пессимизма и теоріи всеобщаго самоуничтоженія человѣчества... Да, да, какъ это могло случиться, что такая ходячая наивность и самобытность съумѣла впутаться въ нашу премудрость и утонченность?..

Однако, знаешь ли, голубчикъ, мнѣ пришло въ голову нѣкоторое сомнѣніе, а именно такое—нѣсколько странное сомнѣніе: не происходитъ ли человѣкъ, котораго ты такъ мѣтко назвалъ бушмэномъ—изъ пустынныхъ лѣсовъ? Потому что если онъ дѣйствительно оттуда происходитъ... то, видишь ли.... кто это знаетъ? —не обладаетъ ли онъ какою-нибудь своеобразною цивилизаціею, такъ сказать, цивилизаціею пущи, цивилизаціею лѣсныхъ дебрей; а поэтому не слѣдуетъ ли, хотя бы любопытства ради, поближе его разузнать? Иногда случается, что лѣса присылаютъ большимъ городамъ какъ бы въ подарокъ особенныхъ, своеобразныхъ представителей рода человѣческаго, которые бываютъ чрезвычайно интересны, хотя и оставляютъ послѣ себя запахъ древесной смолы и вызываютъ тоску о млечномъ пути. Древесная смола, какъ тебѣ прекрасно извѣстно, лечитъ и расширяетъ легкія, а млечный путь, какъ утверждаютъ поэты, это путь надежды, расположенный надъ темною бездною затѣмъ, чтобы люди не вѣрили, что темнота будетъ царствовать вѣчно, и чтобы они съумѣли находить въ себѣ достаточно мужества для того, чтобы дождаться разсвѣта... Однако я началъ сантиментальничать!.. Это со мною всегда случается, какъ только вспомню одну женщину... Ахъ, она тоже была бушмэнкою!.. Но не поражаетъ ли и тебя теперь запахъ сосноваго лѣса, мяты, богородичной травы, запахъ поля, по которому только-что прошелся плугъ землепашца? Не кажется ли и тебѣ, другъ мой, что въ темномъ пространствѣ надъ нами поясъ дрожащаго свѣта несется гдѣ-то высоко, высоко?..

Все это, помню я, происходило и очень недавно, и очень давно вмѣстѣ съ тѣмъ, потому что время—совершенно относительная величина: двадцати лѣтъ съ небольшимъ не хватитъ, чтобы при обыкновенномъ теченіи человѣческой жизни свести юношу въ могилу; но этихъ же двадцати лѣтъ вполнѣ достаточно для того, чтобы дать ему почувствовать, что онъ приближается къ могилѣ, что не минуетъ она и его; а разъ это сознаніе укоренится въ умѣ— Боже мой, сколько предметовъ представится намъ въ совершенно новомъ свѣтѣ, о которомъ до сего времени мы даже и понятія не имѣли! Ты не повѣришь, голубчикъ, какія чудеса творитъ лучъ свѣта,

ъ жизненнаго опыта и приближающейся мо-
производитъ удивительные перевороты не
, но и въ жизни человѣчества: онъ, какъ въ
принцессъ въ горничныя, замарашекъ—въ

сходило лѣтъ двадцать съ небольшимъ тому
который вотъ теперь сидитъ передъ тобою,
тяжеловатаго господина, съ сѣдѣющими во-
свой разсказъ,—тогда, двадцать лѣтъ тому
, который только-что эмансипировался отъ
ыхъ и не-школьныхъ вѣяній и вліяній, но
сознаться, что уже и тогда онъ не былъ но-
изни. Oh, loin de là! Я тогда уже насчи-
итовъ въ искусствѣ услажденія жизненнаго
да, да, именно—не исключительно себѣ, но
го лишь съ другими раздѣляемое удовольствіе
овольствіе. Надѣюсь, что и въ настоящей
не трудно подмѣтить слѣды прежней моей красоты; но ты представить себѣ не можешь—теперь ты слишкомъ для этого еще молодъ!—какое громадное значеніе имѣютъ въ извѣстномъ возрастѣ всевозможные слѣды!.. Они имѣютъ до того громадное значеніе, другъ мой, что мы бы охотно отдали остатокъ жизни за то, чтобы они, эти слѣды, стали—другими... Я, конечно, былъ превосходно цивилизованъ, что никакъ не позволяло мнѣ зажить въ деревнѣ и возбуждало во мнѣ цѣлый легіонъ самыхъ необходимыхъ потребностей, которыя можно было удовлетворить лишь въ большомъ городѣ, при условіи пребыванія въ немъ ежегодно хотя по нѣскольку мѣсяцевъ. Остальное время я проводилъ въ имѣніи, котораго былъ единственнымъ владѣльцемъ, и въ путешествіяхъ. Не стану тебя убѣждать, что стремленіе къ путешествіямъ принадлежитъ къ числу главныхъ признаковъ и необходимѣйшихъ потребностей вполнѣ цивилизован-
ѣка.

я были друзья и товарищи, какъ водится, одаренные
знообразными характерами и, конечно, разнымъ скла-
но все-же, долженъ я сказать, что во многихъ отно-
ы были другъ на друга похожи, что, впрочемъ, не
етъ ничего удивительнаго, такъ какъ мы всѣ принад-
людямъ одного круга, по рожденію, по происхожденію,
питанію. Ты не будешь сомнѣваться въ томъ, что мы не
общества, сплотившагося изъ негодяевъ или глупцовъ; напротивъ, мы всѣ были вполнѣ приличные молодые люди, а на-

счетъ того, что мы умѣли быть пріятными въ обществѣ—двухъ мнѣній быть не можетъ. Наши сердца не были слишкомъ глухи или равнодушны къ страданіямъ ближнихъ, которыхъ мы жалѣли, пассивно бо̀льшею частью, но иногда и активно, потому что вѣдь вынуть кошелекъ изъ кармана — вѣдь это также дѣйствіе; значитъ, мы и дѣятельно, активно, относились къ ближнимъ. Въ нашихъ головахъ помѣщалось изрядное количество такъ называемаго просвѣщенія, которое мы пріобрѣли на школьной скамьѣ и усвоили его идеи изъ нѣсколькихъ литературъ, которыхъ мы были знатоками, какъ дилеттанты, довольно компетентными. Не слѣдуетъ также заключать, что мы дни и ночи проводили въ удовольствіяхъ, принадлежащихъ къ разряду зоологическихъ... Случалось, конечно, иногда и то, и сё, въ этомъ родѣ, но такія удовольствія поселяли въ насъ всегда чувство неудовлетворенности и стыда. Вообще говоря, всякіе инстинкты зоологическаго характера притуплялъ въ насъ врожденный, быть можетъ, идеализмъ, да и выработанный вкусъ, явившійся послѣдствіемъ среды, въ которой мы вращались, и артистическаго влеченія. Оно и понятно: человѣкъ, находящій удовольствіе въ прекрасныхъ картинахъ, неохотно изъ самого себя создастъ скверную картину. А мы вѣдь понимали толкъ въ картинахъ, поэзіи, романахъ, да отчасти и въ архитектурѣ; но первое мѣсто въ ряду всѣхъ удовольствій такого рода занимала музыка. Мы просто-на̀-просто съ ума сходили отъ прекрасныхъ сценическихъ представительницъ этого искусства и сродныхъ съ нимъ, что̀—съ этимъ ты согласишься — по своему происхожденію принадлежитъ къ благороднѣйшимъ разновидностямъ эротизма. Мы читали газеты и журналы, и они-то были главнымъ источникомъ нашихъ философскихъ, общественныхъ, научныхъ и всякихъ другихъ понятій. Изъ этого можешь заключить, что и въ этомъ отношеніи никто не могъ намъ сдѣлать упрека въ обскурантизмѣ. Напротивъ, мы весьма дѣльно умѣли поддержать серьезную, а смотря по обстоятельствамъ и остроумную бесѣду о такихъ предметахъ, которые тогда считались модными, какъ, напримѣръ, разжигавшая въ то время умы теорія Дарвина о происхожденіи видовъ, женскій вопросъ, и т. п. Особенно на канвѣ этого послѣдняго мы съ удовольствіемъ вышивали самые причудливые узоры. Этотъ вопросъ былъ настоящею ареною нашихъ подвиговъ въ мірѣ остроумія, старающагося занимать общество изящными насмѣшками надъ этою идеею, а равно и нашего великодушія, подъ вліяніемъ котораго, съ истинно рыцарскою предупредительностью мы обѣщались исполнить всѣ рѣшительно желанія прекраснаго пола. Что

стремленій не общечеловѣческихъ, а такихъ, къ нашему собственному обществу, мы знали принадлежали къ поколѣнію, вступившему въ день, и нѣтъ сомнѣнія, что это обстоятельство збуждало въ сердцахъ нашихъ чувство самосожалѣнія; но намъ и въ голову не приходило, чтобы всѣ эти обстоятельства, и тяжелый день, и чувство жалости, могли такъ или иначе воздѣйствовать на личныя наши дѣла, чтобы они возлагали на насъ обязанность какой бы то ни было внутренней переработки.

Вообще мы во всѣхъ отношеніяхъ были похожи на молодыхъ людей всѣхъ цивилизованныхъ странъ, которые получили схожее съ нашимъ воспитаніе и образованіе; еслибы кто-нибудь сказалъ намъ тогда, что мы обязаны быть другими, а если и не обязаны, то, по крайней мѣрѣ, можемъ быть другими, мы бы искренно надъ нимъ посмѣялись. Конечно, мы бы желали, чтобы погода была еще свѣтлѣе; мы бы даже охотно согласились, ради ея исправленія, понести тяжелую, да, пожалуй, даже и геройскую жертву, еслибы нашъ энтузіазмъ былъ чѣмъ-либо возбужденъ въ этомъ направленіи... Не позволю ни себѣ, ни кому бы то ни было сомнѣваться въ томъ, что мы обладали унаслѣдованною съ кровью предковъ способностью къ святому и готовому на геройскія жертвы энтузіазму. Но энтузіазмы тѣмъ именно и отличаются, что ихъ необходимо возбуждать, а такъ какъ въ то время нашего энтузіазма ничто не призывало къ жизни, онъ и дремалъ себѣ преспокойно; мы же, понятно, не были вовсе вынуждены соглашаться съ волею судьбы въ томъ, о чемъ въ нормальныхъ условіяхъ, въ продолженіе цѣлыхъ дней и недѣль, мы совершенно забывали. Что же тутъ удивительнаго? Молодость, извѣстная степень зажиточности, человѣческая природа, большой превосходная цивилизація и т. п. и т. п.—все это вмѣстѣ и было причиною того, что мы составляли группу молодыхъ людей, пріятныхъ въ обществѣ, просвѣщенныхъ, до извѣстной степени нравственныхъ, совершенно изящныхъ, во внѣшнемъ и внутреннемъ значеніи этого слова; въ началѣ тяжелаго дня не думали всматриваться въ его тайную глубь и проводили время весело и пріятно... Ахъ, голубчикъ мой, когда молодость пройдетъ,—изъ всего, чѣмъ она насъ одаряла, при содѣйствіи просвѣщенія и нѣкоторыхъ матеріальныхъ средствъ, самымъ тѣмъ, тѣмъ, что до извѣстной степени нравственный и вполнѣ й человѣкъ вспоминаетъ охотнѣе всего, — это „флиртъ“. Флиртъ вспоминаешь всегда съ неподдѣльною тоскою. И я былъ тоже

ревностнымъ поклонникомъ и дѣятелемъ на поприщѣ этой разновидности эротизма, которую, откуда на нее ни смотри, ни въ чемъ упрекнуть нельзя, потому что она заключаетъ въ себѣ начала красоты, невинности и пользы. Ты вѣдь хорошо знаешь, что̀ такое флиртъ; но я, какъ старшій опытомъ, могу все-таки къ знанію твоему кое-что прибавить. Прежде всего необходимо замѣтить, что флиртъ въ нашемъ обществѣ является тѣмъ же, чѣмъ являются трюфели для соусовъ или ваниль для кремовъ. Не будь флирта, наши собранія преобразовались бы въ собранія педантовъ, бесѣдующихъ съ „синими чулками" объ антидиллювіальныхъ формаціяхъ и старыхъ монетахъ временъ короля Ассурдалабеля. Сознаюсь откровенно, что я даже представить себѣ не могу, какъ съумѣли бы проводить время пріятные молодые люди и прелестныя дамы, еслибы не существовало флирта? Затѣмъ, и то надо сказать,—у флирта есть и хорошая сторона: онъ не только не распространяетъ по бѣлу свѣту пожаровъ любви, но, напротивъ, раздробляя на минимальныя дозы всякое чувство, стремится къ полному уничтоженію вліянія любви на человѣческій организмъ. А вѣдь всякій со мною будетъ согласенъ, что исчезновеніе съ лица земли воркованія голубковъ и опаснаго пламени пожара является настоящимъ благодѣяніемъ! Наконецъ, флиртъ учитъ насъ примѣнять въ жизни одно изъ величайшихъ предписаній цивилизаціи, которое гласитъ, что все дѣлать можно, лишь бы дѣлать изящно, и создаетъ такимъ образомъ значительное количество наслажденій, свободныхъ даже отъ малѣйшей тѣни отвѣтственности; если въ извѣстныхъ случаяхъ флиртъ насыщаетъ душу элементами подозрительнаго свойства, зато тѣло всегда и вездѣ оставляетъ невиннымъ, — а вѣдь объ этомъ только мы и заботимся!

Въ эпоху, изъ которой я тебѣ разсказываю, въ томъ кружкѣ, къ которому я принадлежалъ, настоящею жрицею флирта была моя кузина Идалія, въ домѣ которой я и встрѣтилъ эту дикарку...

Дѣло было у кузины Идаліи, или, какъ я привыкъ называть ее съ дѣтства, у Дали... У Дали былъ jour-fixe, болѣе или менѣе похожій на всѣ jour-fix'ы прошедшаго и настоящаго времени, но все же очень интересный. Еще одно маленькое отступленіе... Эти jour-fix'ы являются чрезвычайно полезными и пріятными, особенно если устроиваетъ ихъ женщина во всѣхъ отношеніяхъ способная исполнить трудную задачу, требующую весьма большого количества соотвѣтственныхъ качествъ ума и характера, à savoir: остроумія, живого воображенія, неутомимаго трудолюбія, геройской выносливости, когда придется испытывать

физическія и нравственныя страданія, которыя могутъ совпадать какъ разъ съ jour-fix'ами и т. д., и т. д. Если хозяйки обладаютъ этими качествами въ достаточной степени, устроиваемые ими jour-fix'ы могутъ быть чрезвычайно полезны, а именно въ томъ отношеніи, что, запасшись извѣстнымъ числомъ приглашеній на эти jour-fix'ы, нѣтъ никакой необходимости ломать себѣ голову надъ вопросомъ, какимъ образомъ убить время; да оно освобождаетъ и отъ убиванія лишняго времени по способу бенедиктинцевъ или по зоологическому способу: оба эти способа являются двумя крайностями, а этихъ послѣднихъ, какъ и вообще всѣхъ крайностей, благовоспитанный человѣкъ, принадлежащій къ извѣстной общественной средѣ, долженъ старательно избѣгать. На jour-fix'ахъ ты находишь все: немного музыки, немного декламаціи, немного флирта, иногда une petite sauterie, иногда появленіе d'un grand или d'une grande artiste, главнымъ же образомъ—бесѣда, но такая бесѣда, которая даже въ малѣйшей степени не отягчаетъ ума, и въ серьезныхъ вопросахъ не перестаетъ быть остроумною, легкою и игривою, и—Боже сохрани, —не должна прерываться даже на три минуты. Это послѣднее обстоятельство чрезвычайно важно. Одна секунда перерыва въ общей бесѣдѣ, и царящее въ продолженіе этой секунды общее молчаніе—еще хоть куда, сойдетъ; одна минута—это ужъ большая непріятность для хозяйки, являющаяся причиною весьма неловкаго положенія гостей; но три минуты перерыва—это настоящій ударъ, о которомъ хозяйка говоритъ съ краскою стыда на лицѣ, а гости—съ саркастическою улыбкою. Такія три минуты долго не забываются. На jour-fix'ахъ надо непремѣнно говорить, говорить и говорить, необходимо прясть тоненькую, блестящую, цѣпляющуюся за все, что̀ существуетъ на землѣ и на небесахъ, нить разговора, и старательно избѣгать того, чтобы, Боже упаси, нить эта не прицѣпилась къ чему-нибудь слишкомъ крѣпко или слишкомъ долго. Туалеты дамъ и мужчинъ обязательно должны соотвѣтствовать всѣмъ требованіямъ моды, а если всевластная мода требуетъ, чтобы на jour-fix'ахъ былъ сервированъ холодный ужинъ—ужинъ долженъ быть обязательно такимъ; если въ модѣ холодная закуска, обязательно нужно подавать холодныя блюда. Иногда обязательны petit-four'ы, иногда бутерброды,—все зависитъ отъ моды. Вотъ и все. На первый взглядъ все это пустякъ; но, голубчикъ, это сложная работа, поглощающая много силъ! Конечно, въ данномъ случаѣ нельзя утверждать, чтобы эти силы были особенно хорошо употреблены, но тутъ разсужденія не играютъ ровно никакой роли,—мода такъ мода.

Въ этотъ вечеръ я нѣсколько опоздалъ, а сдѣлалъ я это нарочно, чтобы подразнить Далю, съ которою мы уже нѣсколько недѣль флиртовали усиленно, по всѣмъ правиламъ этого искусства. Мы знали другъ друга еще съ дѣтства и были связаны узами самой невинной дружбы,—но тогда именно, неожиданно, я почувствовалъ къ ней что-то такое... Какъ бы тебѣ сказать?.. ну, что-то такое... что будь мы люди тѣхъ временъ, когда предки наши проживали въ пещерахъ, я бы охотно прижалъ ее къ своей груди и такъ же охотно возвратилъ бы ее законному ея обладателю... Этотъ послѣдній, впрочемъ, уже недѣли двѣ-три былъ въ отсутствіи. Онъ уѣхалъ куда-то на охоту. Такъ какъ мы находимся отъ той эпохи пещерныхъ жилищъ въ безконечно большомъ разстояніи, то и неудивительно, что я вышесказанное намѣреніе раздробилъ на такіе мелкіе атомы, и не только мелкіе, но и изящные, что, несмотря на все, что̀ творилось въ области нашихъ словъ, взглядовъ, нервовъ и воображенія, мы имѣли полное право считать себя вполнѣ безупречно невинными и гордиться этою невинностью.

Гостиная была какъ и всѣ гостиныя,—не стану занимать тебя ея описаніемъ, во-первыхъ, потому, что ты видѣлъ такія гостиныя у своей матери, сестры, кузины и т. п., а во-вторыхъ и потому, что если возьмешь въ руки любой французскій романъ, найдешь въ немъ такія описанія гостиныхъ, что я и не берусь даже имъ подражать. Много свѣта и цвѣтовъ; въ умѣренномъ количествѣ картины и золотыя украшенія, кое-гдѣ тяжелыя драпри, а затѣмъ мебель, ширмы и ширмочки, экраны, альбомы, бездѣлки всякаго рода и вида, que sais-je?—все что̀ угодно, но изящное и составляющее въ общемъ гармоническое цѣлое. А затѣмъ, вокругъ лампы на китайской подставкѣ,—rond, состоящій изъ пятнадцати, двадцати дамъ и кавалеровъ, сидящихъ на табуретахъ, пуфахъ, стульяхъ; по серединѣ—Даля, вся въ волчьихъ головахъ, прядущая на волшебной прялкѣ нить общей бесѣды... Ты готовъ спросить, что̀ за сонъ такой—эти волчьи головы? Видишь ли—въ эту зиму были въ большой модѣ свѣтлыя матеріи; по бросающемуся въ глаза ихъ фону были разрисованы волчьи головы. На пунцовомъ фонѣ платья Дали красовались такія волчьи головы, точно живыя: казалось, онѣ угрожали взглядомъ и зубами каждому, кто посмѣлъ бы до нихъ дотронуться или подойти поближе. Платье это придавало Далѣ нѣкоторую оригинальность, которой ей именно недоставало въ извѣстной степени; конечно, желаніе выдѣлиться изъ среды себѣ подобныхъ не особенно похвально, напротивъ,—такое желаніе должно всегда непріятно дѣй-

ствовать на людей, обладающихъ развитымъ эстетически вкусомъ, да и чаще всего бываетъ shoking; но извѣстная доза оригинальности, чего-то отличнаго отъ другихъ — никогда не вредитъ, а лично на меня всегда производила хорошее впечатлѣніе. Даля же была до-нельзя похожа на всѣхъ женщинъ ея круга, поэтому неудивительно, что мнѣ нравилось, когда она одѣвала хотя бы оригинальное платье. Эти волчьи пасти, которыя были у нея на груди, на плечахъ, на рукавахъ, казалось, защищали ее отъ всякихъ поползновеній подойти къ ней ближе, а вмѣстѣ съ тѣмъ напоминали лѣсныя дебри, поля, тишину, одиночество, словомъ — все то, о чемъ культурный человѣкъ, благодаря какому-то атавизму, любитъ иногда мечтать. Я, лично, всегда восхищался всѣмъ подобнымъ, когда мнѣ случалось видѣть картины такого содержанія или читать такія описанія въ книгахъ. Всѣ эти впечатлѣнія возбуждали во мнѣ всегда меланхолическія думы. Входя въ гостиную Дали, я подумалъ: „волчьи головы! все обстоитъ прекрасно! она въ меланхолическомъ настроеніи и, одѣваясь, думала обо мнѣ!" Вотъ потому-то именно, что у меня было доказательство, что она обо мнѣ думала, я, здороваясь съ ней, пожалъ ея пальчики притворно холодно и взглянулъ на ея розовенькое личико не менѣе притворно равнодушно. Замѣченное мною выраженіе неудовольствія, которое на одно мгновеніе сверкнуло въ ея глазахъ, доставило мнѣ вовсе не притворное удовольствіе. Ея кокетство было уязвлено, зато мое самолюбіе удовлетворено. Я тогда же рѣшилъ досаждать ей моимъ равнодушіемъ въ продолженіе цѣлаго вечера, чтобы такимъ образомъ за цѣну примиренія въ концѣ вечера купить у нея болѣе продолжительное рукопожатіе или что-нибудь въ этомъ родѣ... впрочемъ, ты знаешь вѣдь, какъ это происходитъ. Съ этою цѣлью я отошелъ совершенно въ сторону, и съ нѣсколькими друзьями мы стали разговаривать почти по серединѣ гостиной, разглядывая собравшееся около лампы общество.

Все—знакомыя лица. Юзіо, оперпшись рукою на спинку изящнаго стула, и мадамъ Октавй ведутъ оживленную бесѣду на тему, въ сотый разъ ими уже разбираемую, почему мужчины изъясняются въ любви женщинамъ, а не женщины—мужчинамъ. Стефанъ живо, бойко и остроумно разсказываетъ двумъ барынямъ, Еленѣ и Маріи, содержаніе новаго французскаго романа. Леонъ, Карлъ, мадемоазель Софй и еще кто-то спорятъ о томъ, который танецъ пріятнѣе—вальсъ или кадриль, и о томъ еще: скоро ли перестанутъ танцовать лансье́; нѣсколько дальше, хорошо знакомая мнѣ парочка разговариваетъ о чемъ-то на англійскомъ языкѣ.

Даля царитъ по крайней мѣрѣ въ обществѣ десяти дамъ и кавалеровъ, которымъ разсказываетъ о томъ, какое на нее произвела впечатлѣніе выставка картинъ, которую она сегодня посѣтила. Даля вплетаетъ въ свой разсказъ самыя чудовищныя воззрѣнія на живопись и скульптуру, лишь бы оживить бесѣду и заставить другихъ принять въ ней участіе. Она прекрасно знаетъ, что несетъ ужасную чушь, но другіе не соглашаются съ нею, кто-то утверждаетъ, что она парадоксальна,—это, впрочемъ, ей очень нравится,—и такимъ образомъ Даля достигаетъ цѣли, завязывается оживленный споръ, бесѣда не прерывается ни на минуту, а этого-то именно она и желаетъ, къ этому клонились всѣ ея парадоксы. Несмотря на оживленіе, съ какимъ Даля провозглашаетъ очевидныя нелѣпости о картинахъ и статуяхъ, она обезпокоена тѣмъ, что я отошелъ въ сторону и не обращаю вовсе на нее вниманія; каждый разъ, когда она бросаетъ свой молніеносный взглядъ въ мою сторону, всегда въ ея глазахъ на минутку вспыхнетъ искорка гнѣва, а на ея груди вздрогнутъ волчьи головы. Это повторялось нѣсколько разъ и, казалось бы, должно было мѣшать ей вести такую оживленную бесѣду, а между тѣмъ она ни на одну секунду не выпускала изъ своихъ пальчиковъ волшебной нити бесѣды и пряла ее еще живѣе, и еще болѣе воодушевляясь, переходила отъ живописи и скульптуры къ поэзіи, словно порхающая бабочка съ одного цвѣтка на другой. Впрочемъ, въ самомъ началѣ раута никто еще не успѣлъ соскучиться, и всѣмъ пока весело, глаза блестятъ, губы улыбаются или откровенно смѣются; остроумныя слова, точно блестящія ракеты, скрещиваются въ атмосферѣ гостиной, пропитанной ароматомъ цвѣтовъ и модныхъ духовъ; иногда болѣе глубокое и тщательно скрываемое чувство блеснетъ въ задумчивыхъ глазахъ того или другого гостя, а иногда прозвучитъ въ характерной интонаціи голоса бесѣдующихъ. Въ бесѣду, которую всѣ ведутъ на родномъ языкѣ, время отъ времени, точно мухи въ паутину, попадаются французскія слова; отъ нѣсколько удалившейся отъ другихъ парочки долетаютъ иногда и англійскія слова; Юзіо, для двухъ своихъ собесѣдницъ, декламируетъ по-итальянски какую-то строфу Петрарки... А между тѣмъ я, стоя со своей складною шляпою подъ мышкою въ кругу близкихъ друзей, забавляюсь какъ нельзя лучше явственнымъ, но явственнымъ лишь для меня одного, раздраженіемъ Дали, которая понемногу начинаетъ сердиться... Ахъ, какое славное будетъ примиреніе! Какое божественное примиреніе!

Вдругъ, между волчьими головами Дали и ея золотыми кудрями и,

съ другой стороны, лиловымъ платьемъ и кружевною бабочкою, украшающею голову мадамъ Октавіи, я увидѣлъ какую-то темную точку, которой до сихъ поръ не замѣчалъ или же принималъ за пустое пространство; а эта точка, какъ я теперь замѣтилъ, была вполнѣ достойна вниманія. Точкою этою оказалась молодая особа. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что я ея не замѣтилъ, потому что ея сосѣдки затмили ее такъ, какъ блестящее солнце затмѣваетъ обыкновенную лампу. Молодая особа сидѣла на низенькомъ стулѣ у самой стѣны и никакого участія не принимала въ общей бесѣдѣ; она казалась чуждою всему, что̀ ее окружало, и можно было принять ее за украшеніе гостиной, перенесенное сюда изъ другого міра. Она до того не походила на всѣхъ окружающихъ ее, что это-то именно и приковало къ ней мое вниманіе. Молода, въ этомъ нельзя сомнѣваться, двадцать-три или двадцать-четыре года, никакъ не больше,—но хороша ли собою? Скорѣе да, чѣмъ нѣтъ, потому что хотя ея цѣлое не совершенно во всѣхъ отношеніяхъ, но зато детали прекрасны; а еслибы эти детали украшалъ модный нарядъ, еслибы ихъ что-нибудь расшевелило и воодушевило,--нѣтъ сомнѣнія, она была бы очень и очень красива. Моя незнакомка представляла изъ себя прекрасный типъ худощавой брюнетки; бѣлое ея лицо безъ румянца на щекахъ; низкій, но широкій лобъ, подъ которымъ красовались чудные глаза и прекрасныя губки—вотъ ея портретъ. Но она не была наряжена; да, надо сказать, до такой степени не была наряжена, что я никакъ не могъ опредѣлить, къ какому обществу слѣдовало ее причислить, какую роль она могла играть не только въ нашемъ обществѣ, но вообще въ жизни. Въ эту зиму мода заставила женщинъ носить коротенькіе лифы, свѣтлыя платья, чрезвычайно притомъ узкія. Прическа, согласно предписаніямъ моды, должна была состоять изъ цѣлаго лѣса завитыхъ волосъ и придѣланнаго сзади шиньона. Незнакомка, казалось, даже и не знала о существованіи какой бы то ни было моды. Темно-каштановые ея волосы, гладко причесанные и, точно у гимназистки, собранные въ одну косу, взвивались на ея темени въ видѣ природнаго вѣнца, сливаясь въ одно цѣлое съ ея темнымъ платьемъ, котораго лифъ, совершенно гладкій, безъ всякихъ украшеній, былъ такъ сшитъ, какъ Богъ велѣлъ, потому что доходилъ до ея бедръ, тогда какъ у другихъ лифы кончались немного ниже плечъ. Бѣлый край воротничка, какая-то большая брошь, бѣлые края манжетъ, спокойно сложенныя на колѣняхъ руки—вотъ и все. Коралловыя ея губки, казалось, были на вѣки скрѣплены печатью абсолют-

наго молчанія, а большіе ея глаза смотрѣли на гостей Дали, въ томъ числѣ и на меня, какъ-то особенно, глубоко задумчиво, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко удивленно. Не было никакого сомнѣнія, что она многому удивлялась. Это сразу бросилось мнѣ въ глаза и невольно приковало къ ней мое вниманіе. Ея странное удивленіе и не менѣе странный нарядъ заставили меня даже улыбнуться. Вотъ эта такъ ужъ совсѣмъ—даже, пожалуй, и черезъ-чуръ—оригинальна! Откуда же Даля выписала это престранное существо? Кто она такая? Я наклонился къ сидящему вблизи меня Станиславу и, указывая на нее глазами, полюбопытствовалъ:

— Не знаешь ли, кто это?

Станиславъ шопотомъ отвѣтилъ:

— Какая-то мадемоазель Северинъ... Фамиліи не помню...

— Гувернантка?

— Нѣтъ, наслѣдница—une héritière.

— Добродѣтелей прабабушекъ?

— И прекраснаго имѣнія... гдѣ-то тамъ...

— У!.. Значитъ, квакерша?

— Можетъ быть.

— Откуда же Даля ее взяла?

— Изъ дремучихъ лѣсовъ.

Мы расхохотались, а въ эту же самую минуту на лицѣ незнакомой красавицы, съ большимъ вниманіемъ слушавшей бесѣдующихъ, отразилось такое искреннее внутреннее удивленіе, что, казалось, она глазамъ и ушамъ своимъ не вѣритъ, и вотъ сейчасъ уколетъ себѣ руку булавкою, чтобы убѣдиться, не спитъ ли она, не сонъ ли все это, что̀ происходитъ передъ нею.

— Чему она такъ, повидимому, удивляется?—обратился я снова къ Станиславу.

— Странный вопросъ! Еслибы тебя такъ вдругъ взяли отсюда да и переселили среди зубровъ? Подумай-ка хорошенько!

Мы снова захохотали.

Въ эту минуту въ гостиную явились новыя лица: Брониславъ Видзкій, талантливый поэтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ редакторъ „Разсвѣта“, хорошій малый, съ Адамомъ Ильскимъ, котораго имя по сіе время занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ среди живописцевъ. Ильскій уже тогда былъ и старше, и полнѣе насъ, да и много опытнѣе въ искусствѣ прожиганія жизни. Даля любила собирать въ своей гостиной, entre autres, писателей и артистовъ. Она копировала госпожу Тальенъ, и ей казалось, что, подобно той, она обязана, послѣ пережитой обществомъ бурной эпохи, на

родной почвѣ прививать эпоху и духъ французской директ
Впрочемъ Видзкій и Ильскій сами по себѣ всецѣло принадле
къ нашему обществу. Свои близкія отношенія къ музамъ
запирали въ Sacrosanctum своихъ сердецъ и мастерскихъ,
время жизни являлись совершенно приличными людьми, р
тельно похожими на всѣхъ. Въ эту минуту подавали чай.
какъ подобаетъ хозяйкѣ, сочла своимъ долгомъ въ нѣсколь
словахъ указать прибывшимъ направленіе, слѣдуя которому
очень легко могли попасть въ тонъ общей бесѣды, но соверш
забыла представить ихъ Северинѣ, или, можетъ быть, предст
ніе это считала совершенно излишнимъ. Бываютъ вѣдь въ о
ствахъ такіе странные экземпляры, или эфемерныя существа
торыхъ никто не принимаетъ во вниманіе, и которымъ никто
кого не представляетъ. Наслѣдница, une héritière, впрочем
можетъ быть такимъ существомъ,—если только дѣйствите
правда, что она наслѣдница,—но мимолетною гостьей она
премѣнно будетъ, потому что среди людей она до того счит
dépaysée, что сама сейчасъ же захочетъ вернуться къ св
зубрамъ... Мадамъ Мари позвала поэта.

— Monsieur Видзкій, разскажите же мнѣ все, что вы ви
на вчерашнемъ раутѣ... Я рѣшительно умираю съ горя отъ
что не могла быть вчера...

Едва розовыя губки одной изъ самыхъ пріятныхъ под
Дали успѣли произнести фамилію поэта и редактора, какъ я
мѣтилъ на лицѣ Северины совершенно новое выраженіе, отли
отъ всего замѣченнаго мною прежде. До сихъ поръ она и
удивлялась; теперь вдругъ она чему-то обрадовалась весьма
ственно. Коралловыя ея губки дрогнули, а въ глазахъ засвер
свѣтъ. Ma foi! въ эту минуту, я, долженъ признаться, вд
увидѣлъ въ ней красавицу. Я взглянулъ по направленію ея взг
и—вообрази только!—я убѣдился, что тотъ, кто съумѣлъ выз
на ея лицѣ такой неподдѣльный восторгъ, не кто иной,
только нашъ пухленькій, розовенькій другъ—Видзкій!.. Э
человѣкъ—и эти женскіе глазки, восторженные, удивленные!.. Б
мой!.. Я сказалъ это Станиславу.

— Эхъ, голубчикъ, — отвѣтилъ Станиславъ: — эти поэ
идали...

— Особенно для жительницъ пустыни!.. Охъ, еслибъ она
увидѣла въ ресторанѣ...

— Или за кулисами...

— Олимпа...

Мы снова захохотали, а тѣмъ временемъ Северина подня

наконецъ, со своего мѣста, слишкомъ торопливо поставила чашку на столъ и, наклоняясь къ Далѣ, настолько громко, что мы все слышали, сказала:

— Даля, представь меня, пожалуйста, господину Видзкому!

Мы ахнули. Намъ въ эту минуту казалось, что стѣны гостиной упали на насъ, не только на меня и на Станислава, но и на всѣхъ, кто слышалъ это удивительное желаніе. Эта госпожа пожелала, чтобы ее представили мужчинѣ! C'était renversant! Нѣсколько лицъ улыбнулось; мадамъ Октави захохотала даже довольно громко, чего при другихъ обстоятельствахъ я не счелъ бы похвальнымъ, но теперь я долженъ былъ ей простить этотъ проступокъ противъ самыхъ простыхъ правилъ приличія, такъ какъ я самъ принужденъ былъ бороться съ одолѣвающимъ меня смѣхомъ. На лицѣ Дали тоже показалась улыбочка, но Даля была слишкомъ опытною хозяйкою, чтобы не скрыть улыбки и не поправить неловкости своей гостьи.

— Господинъ Брониславъ Видзкій, мадемоазель Северинъ Здроіовская, моя кузина! — сказала Даля, представляя Видзкаго Северинѣ.

Брониславъ, граціозно вставъ съ мѣста, поклонился Северинѣ и, бросивъ на нее чрезвычайно бѣглый взглядъ, вернулся къ разговору со своею собесѣдницею о раутѣ, въ особенности же о чужестранкѣ-артисткѣ, которая была приглашена для исполненія нѣскольких нумеровъ пѣнія. Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на женщину, которой Даля его сейчасъ представила, принявъ ее, по всей вѣроятности, за гувернантку. Для меня, однако, ея фамилія и то обстоятельство, что она была кузиною Дали, явилось въ нѣкоторомъ родѣ лучомъ свѣта. Я что-то слышалъ о семьѣ Здроіовскихъ. Здроіовскіе были богатые люди и жили гдѣ-то въ провинціальной глуши. Я когда-то зналъ про нихъ кое-что, но что̀ именно—теперь я никакъ не могъ вспомнить... Что-то въ родѣ печальной исторіи, но, должно быть, не выходящей изъ ряда вонъ, потому что я успѣлъ ее забыть совершенно. Северина, такимъ образомъ, была кузиною не одной только Дали, но и моею, можетъ быть и дальнею кузиною, но все же мы состояли въ родствѣ. Что же тутъ удивительнаго, что не знаешь о родственникахъ, живущих гдѣ-то въ отдаленной глуши?.. Во всякомъ случаѣ, нѣчто общее, родственное, между людьми имѣетъ свое значеніе! Не даромъ же я наблюдалъ ее съ такимъ вниманіемъ, и хотя смѣялся надъ нею, все-же она показалась мнѣ весьма интересною барышнею. Голосъ крови! Теперь я повѣрилъ, что она — богатая наслѣдница, даже вспомнилъ что-то о ея братѣ,

который какъ-то погибъ во цвѣтѣ лѣтъ... Вдругъ, благо,
удивительной игрѣ воображенія, я увидѣлъ явственно неболі
пламя, которое откуда-то съ вышины упало на снѣговое
странство и исчезло... Теперь я вспомнилъ совершенно ясно,
кая судьба постигла ея брата. Я снова взглянулъ на Север
Она все смотрѣла на Видзкаго, и легко можно было догада
что она каждое его слово ловила ухомъ и взвѣшивала въ кр
вой своей головкѣ. Чего же она хотѣла, что надѣялась
узнать отъ этого автора звучныхъ стишковъ? Въ своихъ лѣ
она по всей вѣроятности мечтала объ идеалѣ поэта, жреца и
и теперь удивляется, что находящійся передъ нею поэтъ
бирюзовыми глазами невиннаго мальчика и мягкими движен
полнѣющаго гурмана, не безъ остроумія насмѣхается надъ
синимъ вопросомъ и стремленіями прекраснаго пола, котор
къ слову будь сказано, редактируемый имъ „Разсвѣтъ" явля
краснорѣчивымъ адвокатомъ. Но развѣ это такъ трудно пон
Журналъ надо редактировать въ извѣстномъ направленіи съ
цѣлью, чтобы такимъ образомъ собрать нѣкоторымъ образом
одно цѣлое вокругъ него подписчиковъ такого именно направл
а можетъ быть отчасти и потому, что въ сущности и самъ держи
дѣйствительно такого направленія, и вполнѣ его раздѣляешь
во всякомъ случаѣ не до такой уже степени, чтобы ради св
убѣжденій отказать себѣ въ удовольствіи съострить лишній ра
заинтересовать этими остротами нѣсколько премилыхъ дамъ.
ниславъ отличался остроуміемъ, да и зналъ онъ объ этомъ
красно, а потому что же тутъ удивительнаго, если онъ
думалъ отказывать себѣ въ удовольствіи побесѣдовать съ да
и острилъ насчетъ своего собственнаго журнала?

„Разсвѣтъ"—одно, а удовольствія и общество—другое.
квакерша понять этого не можетъ и своимъ поведеніемъ
болѣе напоминаетъ дикарку. Брониславъ приводитъ как
отрывокъ изъ комедіи Фредро: „Караулъ! что творится!" и
зываетъ, какъ онъ будетъ убаюкивать ребенка и вязать чул
тѣмъ временемъ его благовѣрная будетъ защищать передъ су
какого-нибудь Синальдо, въ котораго въ концѣ концовъ влюб
потому что у него черные, какъ смоль, волосы и жестокіе гл

— И плечи Атласа,—прибавляетъ толстякъ Ильскій;
не отличается такою разборчивостью, какъ Брониславъ, чуть
коснется остроумнаго словца.

— Monsieur Ильскій! — вскрикиваютъ барыни, а Север
услышавъ эту фамилію, снова повернула свои широко откр
глаза, отъ которыхъ, казалось, расходились свѣтлые лучи во

стороны, къ знаменитому живописцу. Eh, ma foi! жаль этихъ глазъ для этого несомнѣннаго артиста, который однако добрую половину своего таланта растратилъ по ресторанамъ... Пусть же эти прекрасные, дикіе глаза хоть немножко посмотрятъ и на меня!..

Я подошелъ къ Далѣ и попросилъ ее, чтобы она и меня представила Северинѣ. Даля исполнила мое желаніе съ поддѣльною разсѣянностью, притворяясь, что она всецѣло поглощена разсужденіемъ своего собесѣдника о тлетворномъ вліяніи на Францію ея тогдашняго славнаго императора Наполеона III. Въ сущности, всѣ благотворныя и тлетворныя вліянія интересовали ее столько, сколько могъ бы ее заинтересовать прошлогодній снѣгъ, но она все же старалась поддержать бесѣду всѣми средствами, какія только попадались ей въ руки,—это разъ,—а затѣмъ, бесѣдуя о политикѣ, которую я искренно ненавидѣлъ, она желала сдѣлать мнѣ непріятность въ отместку за мое поведеніе. Даля не достигла предполагаемой ею цѣли. Напротивъ, какъ истый любитель, я восхищался виртуозностью, съ какою она въ продолженіе часа съумѣла перевести тему бесѣды на пятнадцать различныхъ предметовъ. Въ концѣ концовъ, однако, это разнообразіе наскучило мнѣ порядкомъ; не первый же разъ встрѣчался я съ нимъ. Я занялъ мѣсто рядомъ съ Севериною. Вотъ она такъ по крайней мѣрѣ нѣчто новое! Въ то время, когда Даля меня представляла, мадемуазель Здроіовская слегка лишь наклонила голову въ мою сторону и точно такъ взглянула на меня, какъ за нѣсколько минутъ до этого взглянулъ на нее Видзкій. Мнѣ стало досадно. Да вѣдь если онъ ее принялъ за гувернантку, то она меня не могла принять за полотера? Я рѣшилъ, что употреблю всѣ старанія для того, чтобы ей понравиться, а если и не понравлюсь, такъ по крайней мѣрѣ постараюсь быть пріятнымъ собесѣдникомъ; но, признаюсь, я никакъ не могъ догадаться, о чемъ съ ней говорить, что̀ могло быть вполнѣ доступно этой примитивной интеллигенціи? Несомнѣнно, бесѣда наша, если должна была занять ее,—должна бы быть также до извѣстной степени примитивна, и по сюжету, и по способу передачи даже самыхъ общихъ понятій; а такъ какъ въ лѣсахъ всякія родственныя связи имѣютъ вѣсъ и значеніе, то я съ самаго же начала заявилъ ей, что имѣю честь и счастіе состоять съ нею въ родствѣ. Северина на одну секунду остановила свои глаза на моемъ лицѣ и съ едва замѣтною улыбкою, которая сейчасъ же куда-то улетучилась, отвѣтила, что она фамилію мою знаетъ, такъ какъ ей приходилось слышать не обо мнѣ лично, но о моихъ однофамильцахъ, какъ о дальнихъ и гдѣ-

то далеко живущихъ родственникахъ Здроіовскихъ. Заявленіе это надлежало принять къ свѣденію, чтò я и сдѣлалъ, но на этомъ и оборвалась наша бесѣда. Северина снова уставилась глазами въ Видзкаго и пристально всматривалась въ его лицо, вплоть до той минуты, когда онъ, взобравшись удивительно легко и ловко на самую вершину остроумія, расшевелилъ все общество, заставивъ его слѣдовать за собою; но въ эту-то именно минуту я замѣтилъ на лицѣ Северины странную перемѣну: брови ея сдвинулись надъ закрывающимися понемногу глазами, а ея лицо приняло выраженіе печальнаго раздумья. Желая возобновить съ нею разговоръ, я обратился къ ней съ вопросомъ, давно ли она своимъ присутствіемъ украшаетъ нашу столицу? Этотъ вопросъ я высказалъ возможно пріятнымъ и мелодичнымъ голосомъ. Северина отвѣтила коротко, что она уже нѣсколько дней гоститъ у Дали, и снова принялась всматриваться въ окружающихъ ее людей, какъ бы желая изучить душу этого новаго для нея общества. Теперь я имѣлъ полную возможность убѣдиться, что она не особенно охотно бесѣдовала со мною, но никакъ не могъ сообразить—потому ли, что она вообще неразговорчива, или же потому, что въ эту минуту все ея вниманіе поглощали всецѣло какія-то странныя мысли. Nolens volens, мнѣ пришлось разыграть роль наблюдателя, и послѣ молчаливаго осмотра ея до-историческаго чернаго платья и большой брошки, которую слѣдовало бы давно причислить къ историческимъ рѣдкостямъ, я долженъ былъ признать, что въ этомъ костюмѣ моя кузина была похожа на портреты молодыхъ женщинъ прежняго времени. Главнымъ ея украшеніемъ была прелестная головка и гармоническія очертанія ея стана. Еслибы всѣ наши дамы вздумали такъ одѣться, да и еслибы при этомъ вздумали еще погрузиться въ молчаливыя думы, —нѣтъ сомнѣнія, что свѣтъ сталъ бы ужаснымъ, но среди другихъ она одна,—такая, какою была Северина,—являлась бы предметомъ, возбуждающимъ любопытство и всеобщее вниманіе. Даже наблюдатель, не обладающій особенными способностями, и тотъ могъ бы замѣтить безъ особаго труда, что ея спокойствіе только наружное, кажущееся. На самомъ дѣлѣ, что-то кипѣло въ этой головѣ, украшенной вѣнцомъ волосъ, и въ этой груди, замкнутой въ гладкій лифъ, какъ будто нарочно лишенный всякихъ прикрасъ.

Я рѣшился еще разъ убѣдиться, способна ли Северина вообще разговаривать такъ, какъ принято въ обществѣ.

— Какъ вамъ нравится нашъ городъ?

— Стѣны или люди?—вмѣсто отвѣта, задала она мнѣ вопросъ.

— И то, и другое.

— Стѣны я знаю уже давно, а людей теперь только узнаю и—не понимаю.

— Развѣ въ вашихъ краяхъ господствуютъ такія невѣрныя и нелестныя о насъ, бѣдныхъ, понятія?

Северина теперь только посмотрѣла на меня нѣсколько пристальнѣе и отвѣтила:

— Въ моихъ краяхъ господствуютъ разныя понятія... Но я воображала себѣ здѣшнее общество совершенно... инымъ...

Глядя на меня своими большими, удивленными глазами, Северина покраснѣла и прибавила:

— Почему вы говорите: „о насъ бѣдныхъ“?.. Всѣ тутъ въ такомъ веселомъ настроеніи, что и подозрѣвать существованія какой бы то ни было бѣдности невозможно!

Станиславъ и Леонъ, которые сѣли около насъ, вмѣшались въ разговоръ.

— Мудрецы утверждаютъ,—сказалъ Станиславъ,—что веселое настроеніе—лучшее доказательство хорошаго и любвеобильнаго сердца.

— А развѣ вы не принадлежите къ числу тѣхъ, которые цѣнятъ веселость?—спросилъ Леонъ.

— Напротивъ,—отвѣтила Северина, и послѣ нѣкотораго колебанія прибавила:—но я никакъ не думала, чтобы здѣсь могло быть такъ много этой веселости.

Северина изъяснялась на прекрасномъ литературномъ языкѣ; она выговаривала слова съ нѣкоторою пѣвучестью, свойственною мѣстности, гдѣ она до сихъ поръ жила почти постоянно, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея голосѣ звучалъ главнымъ образомъ мягкій, чрезвычайно пріятный тонъ. Кромѣ того, Северина являлась живымъ олицетвореніемъ удивительнаго сочетанія: застѣнчивости и бойкой смѣлости, которая не смущалась безъ причины, и двухъ обаятельныхъ качествъ — скромности и блестящаго ума. Нѣсколько дамъ и кавалеровъ приблизились къ нашей группѣ. Молодая особа, пріѣхавшая изъ дальней провинціи, богатая, красавица собою, всегда возбуждаетъ любопытство, особенно же, какъ именно въ данномъ случаѣ, если она вмѣстѣ съ тѣмъ непохожа на другихъ, оригинальна, своеобразна и нѣсколько дика. Путемъ свойственной собраніямъ благовоспитанныхъ людей невидимой телеграфной проволоки теперь уже всѣмъ стало извѣстно, что Северина гдѣ-то на краю свѣта обладаетъ прекраснымъ и прекрасно устроеннымъ имѣніемъ. Какая-то дама спросила, гдѣ именно расположено это имѣніе?—Нужно путешествовать цѣлыя сутки, сперва по желѣзной

на лошадяхъ!—Ахъ, на лошадяхъ! Значитъ, имѣ-
.е вдали отъ желѣзной дороги! Боже мой, какая

асно сдѣлали, что пріѣхали къ намъ нѣсколько
ечься!
[далй ознакомить васъ со всѣми прелестями на-

: постараемся показать вамъ всѣ лучшія сто-
)да, оставивъ въ тѣни всѣ его недостатки...
зрены, что съумѣемъ наполнить вашу дорожную
запасомъ той веселости, которую вы изволяли
ь ..
долго пробудете?
въ этомъ году опера будетъ у насъ гораздо
ей...
въ этомъ году, безъ сомнѣнія, представитъ
желающимъ ознакомиться съ нашею жизнью...
олите, я сейчасъ же прошу у васъ разрѣшенія
ами первую кадриль на первомъ балу, на ко-
ь честь находиться вмѣстѣ съ вами...
ычайно любезны. Впрочемъ кому же неизвѣстно,
тъ быть любезнѣе и гостепріимнѣе насъ! Маде-
а была нашею гостьей, а мы, какъ хозяева въ
прекрасно знали наши обязанности относительно Северины, принадлежавшей къ нашему обществу — несмотря на странную прическу и до-историческое платье. Наша любезность и гостепріимство, впрочемъ, нисколько не растрогивали Северины, но все-же располагали ее въ нашу пользу. Любезно улыбаясь, какъ приличествуетъ благовоспитанной барышнѣ, Северина выслушала всѣ приглашенія и предложенія и, видимо освоившись съ обществомъ доселѣ почти незнакомыхъ ей людей, нѣсколько краснѣя, отвѣтила:

— У меня есть разныя дѣла, которыя я должна здѣсь непремѣнно покончить, но главною причиною, которая заставила меня пріѣхать въ этотъ центръ нашего просвѣщенія и общаго труда, было искреннее желаніе вывезти отсюда возможно больше указаній, свѣта, науки и ея предположеній... Провинція, откуда я пріѣхала, въ послѣднее время лишилась людей, которые могли бы помочь мнѣ, посовѣтовать...

Северина высказала все это такъ мило, безъ тѣни даже какого-либо желанія порисоваться, что ея искренность не могла подлежать никакому сомнѣнію, а между тѣмъ эта именно искрен-

ность вызвала въ насъ желаніе пошутить, посмѣяться. Видзкій первый, въ качествѣ редактора, спросилъ Северину:

— Не намѣрены ли вы подвизаться въ печати?

Видзкій придалъ своему вопросу серьезное значеніе и вѣжливую форму, однако многіе улыбнулись, а Станиславъ шепнулъ мнѣ:

— Не нужны ли ей переселенцы для расчистки непроходимыхъ дебрей?..

Северина не замѣтила ни улыбокъ, ни веселаго настроенія общества, которое вызвало ея искреннее признаніе, и довольная тѣмъ, что Видзкій обратился непосредственно къ ней, сейчасъ же, съ нѣкоторою торопливостью, отвѣтила ему:

— О, нѣтъ!.. Я никогда не думала о томъ, чтобы писать для печати... У меня совсѣмъ другая цѣль... Три года тому назадъ меня постигло несчастіе: я лишилась брата... вскорѣ затѣмъ и отецъ мой умеръ... и я осталась единственною владѣлицею большого имѣнія, которое я желала бы устроить возможно лучше, тѣмъ болѣе... что я не считаю его своей собственностью, но лишь... даннымъ мнѣ на храненіе депозитнымъ вкладомъ...

Не берусь описать тебѣ, голубчикъ, какое впечатлѣніе произвели на насъ слова Северины: любопытство, изумленіе, даже негодованіе сразу показались на лицахъ всѣхъ присутствующихъ. У нея было большое имѣніе! Хотѣла его устроить возможно лучше! Считала его не своей собственностью, а депозитнымъ вкладомъ! Помилуйте, развѣ это прилично?.. Кто посмѣлъ бы объявить во всеуслышаніе что нибудь подобное?!. Даля хотѣла-было перемѣнить предметъ разговора, но гости не хотѣли лишить себя удовольствія, по истинѣ чрезвычайно оригинальнаго. Довести эту оригинальную, новую въ обществѣ особу до того, чтобы она публично исповѣдалась—таково было желаніе многихъ изъ присутствующихъ. Юзіо, сынъ извѣстнаго юриста, вмѣстѣ со мною посѣщавшій, хотя и не особенно часто, университетскія лекціи, съ дѣланною торжественностью спросилъ:

— Вы еще не введены во владѣніе?

Северина, замѣтивъ, что всѣ стали гораздо серьезнѣе, оживилась и сейчасъ же охотно отвѣтила:

— Напротивъ, въ юридическомъ отношеніи я уже давно введена во владѣніе.

— Откуда же въ такомъ случаѣ является мысль о... депозитномъ вкладѣ?

— Потому что владѣльцемъ этого имѣнія былъ бы братъ мой, еслибы онъ не умеръ.

— Но такъ какъ онъ умеръ...—замѣтилъ Видзкій, перемѣняя позу.

— Я и обязана употребить всѣ доходы съ этого имѣнія на то, что̀ онъ любилъ больше всего на свѣтѣ...

Сказанное Севериною было до того возвышенно, что мы не знали, что̀ ей и отвѣтить. Мы до того изумились, что забыли о нашемъ намѣреніи посмѣяться надъ дикаркою. Дамы, закрывъ лица вѣерами, улыбались; онѣ даже стали потихоньку шептаться и пожимать плечами, но Северина стояла теперь на такомъ грунтѣ и подъ такимъ вліяніемъ, которые разсѣяли ея застѣнчивость, и во что бы то ни стало желала высказать все, что̀ у нея было на душѣ. Теперь она уже вовсе не краснѣла, она даже нѣсколько поблѣднѣла и сказала какимъ-то восторженнымъ голосомъ:

— Я такъ мечтала, такъ задушевно желала узнать тѣхъ, которые ведутъ наше общество по пути прогресса!.. Я желала пріѣхать сюда, чтобы узнать ихъ мнѣнія, ихъ цѣли, посовѣтоваться у нихъ...

Нѣкоторые кавалеры, послѣ этихъ словъ, низко поклонились.

— О, будьте увѣрены, что мы готовы служить всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, что̀ только въ нашей власти...—сказалъ кто-то.

— Какихъ вы потребуете совѣтовъ?—сказалъ другой.

Северина вдругъ засіяла. Казалось, отъ ея лица начали вдругъ расходиться во всѣ стороны какіе-то свѣтлые лучи... Мнѣ показалось, что она дрожала, начиная свою исповѣдь.

— Я хотѣла бы знать,—сказала Северина,—не сдѣлала ли я какой-либо ошибки въ самомъ пониманіи этой задачи. Мнѣ кажется, что для тѣхъ, которые владѣютъ землею и живутъ среди народа, нѣтъ ничего важнѣе, какъ именно совершенствовать во всѣхъ направленіяхъ и эту землю, и этотъ народъ. Трудъ надъ землею, съ цѣлью улучшенія ея, и надъ народомъ, который мы обязаны просвѣщать... вотъ главные контуры великой задачи... но детали, способы...

— Возвышенныя цѣли!—послышались восклицанія нѣсколькихъ кавалеровъ, а какой-то женскій голосокъ тихо замѣтилъ:

— Да вѣдь все это должно быть ужасно трудно и скучно!

Видзкій, придавая своему голосу нѣжный оттѣнокъ, добавилъ тономъ сострađанія:

— Не слишкомъ ли трудная задача для васъ, какъ представительницы прекраснаго пола?

Северина взглянула на него не то съ упрекомъ, не то съ грустью.

— „Разсвѣтъ“ совершенно другого мнѣнія о представительницахъ прекраснаго пола,—сказала она.

Видзкій на одно мгновеніе смутился и не зналъ, что̀ отвѣтить.

— О, позвольте,—сказалъ онъ наконецъ:—теорія и практика... это двѣ вещи... разныя...

Северина теперь только впервые на него, да и вообще впервые на все общество посмотрѣла какъ-то свысока.

— Да, я начинаю замѣчать, что это бываетъ...

Мнѣ показалось,—Северина только теперь поняла, что серьезный тонъ бесѣды съ нею былъ дѣланный, притворный, что подъ звучными фразами ея собесѣдники укрывали свое шутливое настроеніе и желаніе позабавиться на ея счетъ. Она догадывалась, но не была въ этомъ вполнѣ увѣрена.

— Съ моей стороны,—началъ Юзіо,—я смѣю замѣтить, что такой взглядъ на жизнь считаю слишкомъ строгимъ... слишкомъ удалившимся, такъ сказать, отъ источниковъ и первообразовъ цивилизаціи, чтобы можно было его раздѣлять, если нѣтъ какихъ-либо причинъ высшаго порядка, неотложной необходимости.

Эти слова снова оживили Северину, которая на минуту опять позабыла о результатахъ своихъ наблюденій.

— Мнѣ же казалось,—отвѣтила она,—я была даже увѣрена, что мы должны всѣ одинаково строго смотрѣть на жизнь и ея цѣли; что здѣсь именно, въ центрѣ просвѣщенія, такое именно понятіе о жизни является господствующимъ... Впрочемъ, я не могу понять, возможно ли наслаждаться жизнью, счастіемъ, не создавъ себѣ какой-либо цѣли жизни, какой-либо задачи, особенно же такой естественной и необходимой...

Все, что̀ она говорила, казалось ей такъ естественнымъ и необходимымъ, какъ и самая объ этомъ бесѣда и желаніе обратить на это наше вниманіе,—особенно же вниманіе тѣхъ, которыхъ она считала руководителями общественнаго прогресса. Впрочемъ, въ принципѣ мы всѣ раздѣляли ея убѣжденія, но мы вовсе не испытывали жгучей необходимости примѣнять ихъ лично къ себѣ, да и отталкивала насъ форма, въ которую она облекла свои убѣжденія. Особенно Ильскій удивлялся ей, всматриваясь въ нее широко открытыми глазами. Онъ первый спросилъ ее:

— Такъ чего же вы собственно требуете?

Ильскій въ эту минуту былъ олицетвореніемъ истиннаго комизма.

— Я желаю услышать мнѣніе людей, стоящихъ во главѣ общества, о тѣхъ обязанностяхъ, которыя мы, владѣльцы большихъ имѣній, должны считать въ настоящую минуту главными... и о

томъ, какіе способы и средства считаются лучшими, которые изъ нихъ скорѣе достигаютъ намѣченной цѣли...

Теперь воцарилось среди насъ полнѣйшее молчаніе. Нѣкоторые обмѣнялись взглядами, и всѣ старались придать своимъ физіономіямъ возможно строгій видъ. Всѣ были убѣждены, что въ сказанномъ Севериною нѣтъ рѣшительно никакого матеріала для шутокъ и насмѣшекъ, а тѣмъ не менѣе всѣмъ очень хотѣлось и шутить, и смѣяться... На каѳедрѣ, въ книгѣ, все это было бы умѣстно, но на раутѣ такіе вопросы были и неумѣстны, и смѣшны. Все-же, пожалованное намъ Севериною достоинство людей, стоящихъ во главѣ общественнаго прогресса, такъ или иначе обязывало къ нѣкоторому decorum, и никто изъ присутствующихъ не хотѣлъ показать этой новой дамѣ, молодой и богатой (а это имѣетъ весьма важное значеніе), что пожалованіемъ этого чина она сдѣлала ему слишкомъ большую честь. Видзкій рѣшился первый нарушить тяготившее всѣхъ молчаніе.

— Для того, чтобы усовершенствовать пашню и способы ея обработки,—сказалъ онъ,—у насъ есть нѣсколько спеціальныхъ журналовъ, которыхъ заглавія и адреса я съ удовольствіемъ могу вамъ сказать.

— Вы желаете просвѣщать крестьянъ,—замѣтилъ Юзіо,—но сомнѣваюсь, удастся ли вамъ что-нибудь сдѣлать; нашъ простой народъ слишкомъ примитивенъ, слишкомъ грубъ для того, чтобы между нимъ и нами возможно было найти что-нибудь общее, какую-нибудь общую точку соприкосновенія.

— Мнѣ кажется,—сказала Марія,—что для живущихъ въ деревнѣ самою важною задачею должно бы быть стараніе оживить мѣстное общество, усиліе расшевелить живущихъ тамъ теперь въ какой-то необъяснимой стихіи...

— Совершенно вѣрно!—воскликнулъ Леонъ. — Необходимо украсить свой домъ произведеніями искусства, открыть настежъ его двери для сосѣдей, сдѣлать его святыней настоящаго хорошаго вкуса и облагораживающихъ впечатлѣній....

— Ты такъ говоришь,—замѣтилъ одинъ изъ друзей Леона,— какъ будто бы ты состоишь маклеромъ господина Ильскаго и стараешься продать нѣсколько картинъ его прекрасной кисти.

Это была первая шутка, за которой посыпались другія.

— Прежде всего,—улыбаясь, замѣтила Даля,—не надо стараться создавать изъ себя монахини!

— Боже сохрани! Во-первыхъ, это полнѣйшій анахронизмъ, а во-вторыхъ—самоубійство.

— Женщина-красавица и образованная, да это такое чудесное

и благотворное созданіе, что уже тѣмъ, что она среди насъ существуетъ, она уже выполняетъ предначертанную ей природою задачу.

— Если же вопросъ въ томъ: какъ непосредственно женщина должна служить обществу, то и здѣсь путь ясно указанъ: мужъ, семья!

— Счастіе одного изъ сыновъ общества...

— Воспитаніе для общества новыхъ устоевъ...

Стефанъ, отъявленный пессимистъ, утверждалъ, что не стоитъ и думать даже о какихъ бы то ни было путяхъ и цѣляхъ, потому что всѣ никуда не годятся и никуда не ведутъ. Человѣчество по природѣ своей всегда ставитъ преграды всякому усовершенствованію, всякому прогрессу, а уменъ лишь тотъ, кто никому не довѣряетъ и ничего не ждетъ ни отъ себя, ни отъ другихъ.

Леонъ спросилъ: знаетъ ли Северина книгу Дежерана о нравственномъ воспитаніи самого себя, которую его матушка очень хвалитъ и постоянно читаетъ.

Одна дама съ искреннимъ убѣжденіемъ сказала:

— Будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы, не задумываясь, отдала имѣніе въ аренду и переселилась бы въ большой городъ. Здѣсь гораздо болѣе обширное поле для интеллигентной и богатой женщины. Вотъ, напримѣръ, здѣсь можно основать читальню для женщинъ...

— Чтобы существующія читальни обанкротились,—замѣтилъ Видзкій.

— Ну, тогда что-нибудь другое... напримѣръ... женскій журналъ...

— Во имя „Разсвѣта", протестую...

— Но съ этимъ вы, по крайней мѣрѣ, согласитесь, что богатая и интеллигентная женщина однимъ своимъ присутствіемъ въ большомъ городѣ и своимъ эстетическимъ вліяніемъ можетъ оказать громадныя услуги обществу...

— Съ этимъ мы вполнѣ согласны, всѣ до единаго! Не правда ли?

— Нѣтъ, не всѣ,—послышался голосъ Станислава.—Я протестую. Не слѣдуетъ доливать полныя чаши. Городъ всегда обладаетъ изрядною суммою вліяній, и общественныхъ, и эстетическихъ. Эти-то вліянія слѣдуетъ переносить туда, гдѣ ихъ почти совсѣмъ нѣтъ... въ пустыни и лѣсную глушь!..

Пусть же мнѣ кто-нибудь теперь растолкуетъ, по какой причинѣ я во все время этой бесѣды не сказалъ ни одного слова! И

не только я ничего не сказалъ, но вдобавокъ во мнѣ все явственнѣе выступало наружу желаніе выразить свое неудовольствіе всѣмъ ея оппонентамъ. Я вѣдь прекрасно понималъ всю неумѣстность отзывовъ, мнѣній и всего вообще поведенія молодой барышни въ новомъ для нея обществѣ; а несмотря на это всѣ отвѣты, которыми удостоивали ее мои друзья и знакомые, показались мнѣ банальными, эстетически некрасивыми, да, откровенно говоря, просто глупыми. Когда же Станиславъ сказалъ о пустыни и лѣсной глуши, я чуть не вскрикнулъ отъ негодованія. Не берусь судить,—не потому ли, что я замѣтилъ въ ту же минуту особый блескъ въ ея глазахъ и выступившій на ея щеки румянецъ.

Сначала Северина внимательно прислушивалась къ тому, что̀ говорили произведенные ею въ „руководители общества“, но вскорѣ она убѣдилась, что результаты ея наблюденій не ошибочны, и, опустивъ глаза, она словно окаменѣла и не произнесла ни одного слова. Северина была наивна—это такъ, но она не была глупа. Объ этомъ-то всѣ и позабыли. Северина поняла, что она явилась для всѣхъ предметомъ того, что называется: водить кого-нибудь за носъ, а въ словахъ Станислава ей не трудно было подмѣтить злую насмѣшку. Я вознегодовалъ... Чортъ возьми! Одно изъ двухъ: или я потомокъ рыцарей, или нѣтъ... Въ настоящемъ случаѣ мои пріятели хватили черезъ край.

— Господа,—сказалъ я, наконецъ,—и повторяю еще разъ: господа! съ покорнѣйшею просьбою, чтобы дамы не принимали на себя того, что̀ я скажу, потому что къ дамамъ слѣдуетъ примѣнять извѣстную пословицу объ умершихъ, о которыхъ надо говорить или хорошо, или же краснорѣчиво молчать. Итакъ, господа, мнѣ кажется, что мы сдѣлали бы въ сто кратъ лучше, если бы вмѣсто того, чтобы ломать себѣ голову надъ рѣшеніемъ задачъ, которыя изволила высказать мадемоазель Здроіовская,—если бы мы, повторяю, прямо и откровенно сознались, что тутъ произошла ошибка въ адресѣ; что мы составляемъ извѣстное общество людей, одаренныхъ весьма милыми качествами,—это внѣ всякаго сомнѣнія,—но въ то же время такихъ людей, которыхъ мысли и стремленія развились въ другомъ совершенно направленіи, съ которыми по этому поводу не слѣдуетъ, да и не стоитъ говорить о возвышенныхъ предметахъ и цѣляхъ. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего предосудительнаго,—всякому вѣдь вольно жить согласно врожденнымъ стремленіямъ и способностямъ.. Если же въ этомъ есть что-нибудь предосудительное, то я первый каюсь и съ чув-

ствомъ искренняго убѣжденія, которое меня самого трогаетъ, бью себя въ грудь: mea culpa! mea culpa! mea maxima culpa!

Я старался съ начала до конца длинной моей рѣчи скрыть чувство досады подъ покровомъ веселаго тона, но я чувствовалъ, что, несмотря на всѣ мои старанія, въ голосѣ моемъ звучало какое-то раздраженіе, съ которымъ я никакъ не могъ совладать, хотя и понималъ прекрасно всю его неумѣстность. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, по какой причинѣ и съ какой стати я сердился на всѣхъ и на самого себя, я сдавливалъ въ рукѣ перчатку и на нее старался излить всю одолѣвающую меня злобу. Вдругъ глаза мои встрѣтились съ блескомъ двухъ лучезарныхъ звѣздъ, двухъ прелестныхъ голубыхъ звѣздъ, которыя всматривались въ мое лицо такъ внимательно, такъ глубокомысленно, такъ спокойно вмѣстѣ съ тѣмъ, что я окончательно растерялся. Слыханное ли дѣло, чтобы молоденькая барышня всматривалась такъ долго и такъ проницательно въ лицо молодого и почти незнакомаго ей мужчины! Это меня поразило, да и всѣмъ должно было показаться и страннымъ, и неумѣстнымъ. Несмотря, однако, на все это, во мнѣ, рядомъ съ человѣкомъ, сознающимъ вполнѣ всю неумѣстность ея поведенія, въ то же время явился другой какой-то человѣкъ, который, низко склоняясь предъ нею, спросилъ ее:

— Удостоюсь ли я отъ васъ разрѣшенія отъ грѣховъ?

Северина отвернула голову и отвѣтила коротко:

— Нѣтъ!

„Ну, совершенная дикарка!“ подумалъ я и отошелъ въ сторону къ Брониславу и Іосифу, которые совсѣмъ были недовольны моимъ покаяніемъ и съ нѣкоторою обидчивостью утверждали, что все сказанное Севериною, а именно все касающееся увеличенія доходности имѣній, просвѣщенія простолюдья, необходимости какой-нибудь опредѣленной цѣли въ жизни, что все это имъ вполнѣ и всесторонне знакомо, — они этими вопросами интересовались всегда и изучаютъ ихъ всесторонне, но дѣло въ томъ, что нельзя такихъ предметовъ обсуждать и серьезно касаться въ бесѣдѣ на раутѣ, да и кромѣ того на каждый предметъ можно смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнія. Къ намъ присоединились еще другіе, и мы стали разсуждать о разныхъ теоріяхъ, касающихся понятія о жизни и ея задачъ, какъ-то: органическаго труда, утилитаризма, оппортунизма, пессимизма и т. д. Множество *измовъ* раздавалось въ воздухѣ хорошенькой гостиной Дали, и, по правдѣ сказать, въ данную минуту знаніе могло похвалиться, что у него были представители и краснорѣчивые, и

блестящіе. Въ самомъ дѣлѣ, мы знали сравнительно очень много и говорить о разныхъ научныхъ предметахъ были большіе мастера. Это умѣніе болтать обо всемъ удовлетворяло насъ вполнѣ, за исключеніемъ одного только Стефана, который съ нѣкотораго времени, отчасти вслѣдствіе причинъ имущественнаго свойства, отчасти же вслѣдствіе сердечныхъ разочарованій, сталъ яростнымъ и ревностнымъ поборникомъ пессимизма. И теперь онъ утверждалъ, что не стоитъ ни любить, ни дѣйствовать, а тѣмъ болѣе жить какими бы то ни было миражными надеждами; что изъ всѣхъ міровыхъ геніевъ одинъ только Горацій да другой Гартманъ—съумѣли смѣло посмотрѣть въ глаза настоящей истинѣ, и человѣкъ, который, по выраженію Ренана, не хочетъ быть предметомъ громаднѣйшаго обмана, долженъ или „жить минутою“, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, какъ требуетъ Горацій, или же, согласно совѣту Гартмана, пустить себѣ пулю въ лобъ. Полная отчаянной рѣшимости отказаться отъ жизни, эта теорія Стефана встрѣтила горячій отпоръ со стороны тѣхъ изъ насъ, которымъ жизнь не давала особенно обильнаго матеріала для слезъ и отчаянія. Споръ, разукрашенный всей ученой номенклатурою, философскими терминами и цитатами изъ всевозможныхъ сочиненій, можетъ быть, и привелъ бы къ какой-нибудь болѣе или менѣе опредѣленной цѣли, но помѣхою явилась Даля. Въ то самое время, когда оживленіе дошло до крайнихъ предѣловъ, она вдругъ сочла неприличнымъ такого рода споръ. Ея вкусъ, ея правила хорошаго тона и ея значеніе въ салонномъ свѣтѣ были задѣты тѣмъ, что мы такъ долго спорили все объ одномъ и томъ же. Это была не бесѣда, а настоящій споръ. Прекрасный фейерверкъ, который подожгла дикарка, продолжалъ дѣйствовать слишкомъ долго и угрожалъ настоящимъ пожаромъ. Даля считала необходимымъ прекратить такой споръ, но такъ какъ въ этотъ вечеръ ни grand, ни даже petit artiste не были у нея въ гостяхъ, она сама рѣшилась сѣсть за рояль, пригласивъ меня въ помощники. Роль моя ограничилась, впрочемъ, перевертываніемъ нотъ.

У рояля усѣлась эта красивая блондинка, вся въ волчьихъ головахъ, освѣщенная двумя свѣчами, стоявшими на роялѣ; она играла какую то трудную композицію; тутъ же стоялъ и я, вѣрный ея адъютантъ, и время отъ времени перевертывалъ ноты; по срединѣ гостиной, вокругъ китайской лампы, на стульяхъ, пуфахъ, креслахъ и всевозможныхъ сидѣніяхъ размѣстились дамы и кавалеры, составляя эффектную, живописную группу. Дамы въ хорошенькихъ лифахъ, кавалеры въ безупречно скроенныхъ фракахъ прислушивались

внимательно къ тому, что̀ играла Даля. Иногда подъ вѣеромъ или подъ рукою, ловкимъ движеніемъ поднятою къ лицу, можно было замѣтить, какъ кто-нибудь изъ дамъ и кавалеровъ зѣвнулъ, но это продолжалось всего одинъ мигъ и не нарушало общей гармоніи. Большинство присутствующихъ съ удовольствіемъ и со вниманіемъ слѣдило за звуковыми переливами, во-первыхъ, потому, что наше общество дѣйствительно любило музыку, а во-вторыхъ, и потому тоже, что игра Дали была одною изъ самыхъ прекрасныхъ деталей ея туалета. Дѣло объясняется очень просто. Однѣ только крестьянки да вообще женщины, принадлежащія къ низшимъ слоямъ общества, стараются украсить одеждою только внѣшность и, конечно, съ этою цѣлью употребляютъ разныя матеріи и части одежды, какъ-то: юбки, лифы, банты, чепчики и т. п.; но женщина, или, вѣрнѣе, дама изъ общества, которой суждено жить и цвѣсти въ литературной средѣ, такая дама съ самыхъ раннихъ лѣтъ и въ продолженіе всего жизненнаго пути дѣлаетъ, если такъ можно выразиться, нравственный туалетъ, который состоитъ изъ кое-какихъ отрывковъ и свѣденій изъ литературы и искусства, знанія чужестранныхъ языковъ и т. п. Если бы мы пожелали представить дѣло символически, то вотъ какую бы мы получили картину: литература и искусство—это платье; иностранные языки—бантики; игра на роялѣ, пѣніе, живопись и т. п.—брилліантовыя и золотыя украшенія. И то надо сказать, что отъ болѣе или менѣе высокой степени развитія этого внутренняго туалета зависитъ гораздо бо̀льшее вліяніе женщины въ свѣтѣ, нежели отъ туалета внѣшняго, матеріальнаго, состоящаго изъ юбокъ, лифовъ, бантовъ и т. п. составныхъ частей. У Дали музыка играла роль большой брилліантовой брошки, а потому нисколько не удивительно, что она занималась музыкою больше, чѣмъ какимъ-либо инымъ внутреннимъ нравственнымъ украшеніемъ. Она занималась музыкой и одна, и подъ руководствомъ лучшихъ мастеровъ, которые давали ей безконечные уроки. Даля была нервная женщина, вдобавокъ страдающая нервами, а потому игра ея отличалась своеобразностью: тутъ проявлялась и ея нервозность, и сила, и причудливость. Что же удивительнаго, что и мною снова овладѣло желаніе флиртовать съ нею? Я стоялъ возлѣ нея, прислушивался къ тому, что̀ она желала выразить посредствомъ музыки, видѣлъ ея прелестныя ручки—ну, вотъ, и не удивляйся, мой милый, что мною овладѣло желаніе расцѣловать эти ручки. Такъ или иначе—разсказывать во всякомъ случаѣ не стоитъ, потому что всякій знаетъ это прекрасно,—но посредствомъ музыки, посредствомъ полу-словъ, взглядовъ, даже съ помощью рукавовъ,

мы флиртовали съ большимъ удовольствіемъ. Но, согласно закону природы, гласящему, что̀ всему долженъ быть конецъ, и Даля должна была наконецъ кончить трудную и длинную пьесу: въ то время, когда въ воздухѣ носились еще послѣдніе аккорды, всѣ присутствующіе почли долгомъ своимъ благодарить ее за мастерское исполненіе и самый выборъ прекрасной композиціи. Вопреки принятому въ такихъ случаяхъ обычаю, Даля не встала съ мѣста; напротивъ, она откинулась на спинку стула и молчала. За это коротенькое время она обдумала и сейчасъ же привела въ исполненіе нѣчто небывалое: она граціознымъ движеніемъ поднялась со стула, отодвинула его нѣсколько въ сторону и обратилась съ просьбою къ Северинѣ спѣть что-нибудь. Даля искренно любила свою кузину и желала, какъ я потомъ узналъ объ этомъ, хоть нѣсколько исправить невыгодное впечатлѣніе, которое она произвела.

— У нея прекрасный голосъ и она поетъ премило,—сказала Даля мнѣ и нѣсколькимъ кавалерамъ, которые стояли возлѣ насъ.

Северина, услышавъ прямо къ ней обращенное воззваніе, какъ бываетъ у дикихъ, первобытныхъ натуръ, сперва смутилась и намѣревалась отказать на-отрѣзъ въ этой просьбѣ, но, видно, сразу возъимѣла новую, странную какую-то мысль, потому что она весело улыбнулась, поднялась съ мѣста, подошла къ роялю и, конечно, обратила живѣйшее на себя вниманіе. Въ гостиной, среди царствующей тишины раздался сперва аккордъ, затѣмъ другой, потомъ изъ-подъ пальцевъ Северины полились струи прекрасныхъ звуковъ, которые становились все тише и тише... Это была многообѣщающая прелюдія... Всѣ слушали внимательно... Еще мгновеніе—и Северина начала пѣть какой-то странный, заунывный мотивъ... Къ великому моему ужасу, я различалъ каждое слово; вотъ что̀ пѣла дикарка:

„Ду-у-у, — ду-у-у,
Ко-о-зелъ бо-о-ро-датый, —
Ду-у-у, — ду-у-у,
Про-о-далъ две-ри ха-ты,
Ду-у-у, — ду-у-у,
Ку-пилъ се-бѣ ко-су.
Ду-у-у, — ду-у-у,
На что е-му ко-о-са?
Ду-у-у, — ду-у-у,
Сѣ-но бу-детъ ко-о-сить.
Ду-у-у, — ду-у-у,
На что-жъ е-му сѣ-но?

Ду-у-у, — ду-у-у,
Ко-о-ров-окъ кор-мить.
Ду-у-у, — ду-у-у,
А ко-ров-ки на что?
Ду-у-у, — ду-у-у,
Па-а-стуш-ковъ по-ить.
Ду-у-у, — ду-у-у,
На что же па-стуш-ки?
Ду-у-у, — ду-у-у...“

И такъ далѣе, и такъ далѣе, —длинною, казалось, безконечною цѣпью продолжалось это пѣніе, прибавляя къ прежнимъ все новыя звенья, самыя неожиданныя, самыя причудливыя, скажу откровенно — дикія, какъ-то: гору, золотыя зерна, пѣтуха, море, тростникъ, дѣвушекъ, и т. п. Да, голубчикъ, были даже — свиньи!

Не берусь передать впечатлѣнія, какое все это произвело на присутствующихъ! Вообрази мученія Дали, вообрази, что̀ дѣлалось со мною! Даля говорила мнѣ послѣ, — ей казалось, что потолокъ рушится. Другими овладѣвалъ гнѣвъ; были и такіе, которые искренно хохотали; но вообще всѣ испытывали то странное чувство, какое всегда испытываетъ порядочный человѣкъ, когда ему приходится быть свидѣтелемъ скандала. Мы вынуждены были, однако, слушать и молчать. Что же намъ оставалось дѣлать? Женщину, да вдобавокъ богатую женщину, нельзя же было взять за руку и заставить ее замолчать. Да и правду сказать, чѣмъ же она-то виновата? Каждый поетъ, какъ умѣетъ. Если кого винить, такъ одну только Далю, которая, должно быть, имѣла лишь смутное понятіе о пѣніи Северины. Впрочемъ, какъ на зло, въ пѣніи Северины легко можно было подмѣтить и умѣніе пѣть, и прекрасный голосъ, — но какой жалкій у нея репертуаръ! Къ счастью, всему на свѣтѣ есть конецъ, и эта нескончаемая цѣпь кончилась тоже. Послѣ нѣсколькихъ трудныхъ и сложныхъ аккордовъ, послѣ нѣсколькихъ тоновъ de crescendo до самыхъ нѣжныхъ pianissimo, мадемоазель Здроіовская поднялась со стула и, обращаясь къ присутствующимъ, съ улыбкою объяснила:

— Это народная колыбельная пѣсня... Когда я была ребенкомъ, милая моя Богуся всегда пѣла ее мнѣ... въ лѣсной глуши!

Сказавъ эти удивительныя слова и поклонившись всѣмъ, какъ это дѣлаютъ концертанты, Северина спокойно вышла изъ гостиной и—исчезла.

Въ лѣсной глуши! Эти слова были лучомъ свѣта, который

объяснялъ ея поступокъ! Значитъ, она это сдѣлала нарочно? Спѣть этакое „ду-ду-у“ — и для кого же? Для насъ, которые были вѣдь знатоками музыки! И это она изволила намъ пѣть о бородатомъ козлѣ!.. Ахъ, какая злая барышня, какъ она посмѣялась надъ нами! Вотъ своеобразная месть! Она отомстила намъ за всѣ насмѣшки, которыя поняла, за „лѣсную глушь“, которую ей часто приходилось слышать. Все это подѣйствовало на меня такъ, какъ будто бы я выпилъ рюмку чрезвычайно крѣпкаго вина: въ груди и въ головѣ я почувствовалъ жаръ, а глаза мои, которые въ эту минуту, должно быть, были вытаращены безсмысленно, устремились на двери, въ которыхъ она исчезла... Мною овладѣло непреодолимое желаніе бѣжать за нею, извиниться, посмотрѣть ей въ глаза, въ эти чудные голубые глаза, въ эти звѣздочки, которыя за нѣсколько минутъ были такъ веселы. Несмотря на такое желаніе, я все же не двигался съ мѣста. Это было бы крайне неприлично. Не прошло и четверти часа, какъ весь мой восторгъ куда-то исчезъ; съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ нѣсколько разъ я повторялъ себѣ: „быть можетъ, она вернется?“... Но она больше не появлялась въ этотъ вечеръ. Не желая раздражать хозяйки, которая была огорчена поведеніемъ своей кузины, никто не сказалъ ни слова о Северинѣ. За ужиномъ (въ эту зиму, согласно требованіямъ моды, необходимо было подавать горячія блюда) я скучалъ ужасно: мнѣ не хотѣлось ни ѣсть, ни болтать. Наконецъ, въ то время, какъ передъ разъѣздомъ гости и хозяйка, по принятому обычаю, разсыпаются во взаимныхъ любезностяхъ, я вошелъ въ будуаръ Дали и въ небольшую щель пріотворенной двери, ведущей въ комнату, въ которой ростили новый „устой“, подаренный недавно Далей обществу, я полюбопытствовалъ узнать, не тамъ ли Северина... Я имѣлъ право сдѣлать эту petite indiscrétion, какъ близкій родственникъ Дали и ея давнишній другъ. Въ качествѣ друга и родственника, я имѣлъ полное право войти въ ея будуаръ и посмотрѣть, что̀ творится въ комнатѣ ея сына. Въ комнаткѣ, въ которую я заглянулъ, при свѣтѣ лампы, покрытой абажуромъ, маленькій „устой“ спалъ въ кроваткѣ, похожей на игрушку, а въ углу на небольшомъ диванчикѣ сидѣла мадемоазель Здроіовская и, судя по выраженію ея лица, весьма дружелюбно разговаривала съ его бонной. Эта бонна, какъ водится, происходила изъ Швейцаріи, не отличалась ни красотою, ни умомъ, — и однимъ словомъ, она была настоящее rien du tout. Никому никогда и въ голову не приходило бесѣдовать съ нею или вообще обращать на нее какое-либо вниманіе. Всякія съ нею отношенія

ограничивались чѣмъ-то въ родѣ поклона, которому мы всѣ старались придать возможно меньше значенія. Вообрази мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что наша дикарка съ большимъ вниманіемъ выслушивала какой-то разсказъ бонны!.. Она оставила наше общество затѣмъ, чтобы слушать какіе-то разсказы этой дочки швейцарскаго трактирщика!.. Туда и дорога! Есть люди, которые, несмотря ни на свое происхожденіе, ни средства, какъ-то находятся болѣе у мѣста въ прихожей, чѣмъ въ гостиной. Одно только меня удивило, а именно то, что мадемоазель Здроіовская, какъ видно, нашедшая себѣ собесѣдницу по вкусу, была, однако, невесела, и не только не весела, а просто печальна. Я не могъ на ея лицѣ замѣтить даже малѣйшихъ слѣдовъ той веселости, съ которою она, послѣ пѣнія своего „ду-ду“, вышла изъ гостиной. Дикарка сидѣла недвижно со сложенными на колѣняхъ руками и слушала разсказъ бонны со вниманіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ на ея лицѣ я замѣтилъ выраженіе задумчивости и печали. Не желая прерывать этого страннаго tête-à-tête, я тихонько отошелъ отъ пріотворенной двери и вышелъ изъ будуара. Странно, что у Дали хватило храбрости показывать гостямъ эту настоящую дикарку! Не лучше ли было оставить ее со своимъ „устоемъ“! Тамъ, по крайней мѣрѣ, никто бы и не зналъ о ея существованіи, и не вышло бы этого скандала.

Съ лѣстницы мы спускались довольно большимъ обществомъ, весело болтая. Еще у подъѣзда въ моей головѣ мелькнула мысль: чѣмъ Северина такъ огорчена? почему она такъ печальна? Юзіо и Видзкій предложили отправиться на чашку чернаго кофе съ коньякомъ. Jours-fix'ы, какъ извѣстно, оканчиваются сравнительно рано. И теперь едва пробило полночь; слишкомъ рано еще для того, чтобы ложиться спать. Въ отдѣльномъ кабинетѣ моднаго ресторана, куда мы отправились,—стоялъ рояль. За чернымъ кофе мы болтали о разныхъ предметахъ, какъ вдругъ, для меня совершенно неожиданно, Станиславъ ударилъ нѣсколько разъ по клавишамъ и началъ пѣть:

„Ду-у-у,—ду-у-у,
Ко-о-зелъ бо-ро-да-тый —
Ду-у-у,—ду-у-у,
Про-о-далъ двери хаты...“

Онъ запомнилъ только эти слова. Всѣ, конечно, хохотали.

— Какая она прелесть, въ самомъ дѣлѣ! —подходя къ намъ, сказалъ Станиславъ:—замѣтили ли вы, господа, какъ она поклонилась Брониславу, какъ она на него смотрѣла... Да, ей-Богу, она себѣ воображаетъ, что онъ—какой-то архи-жрецъ!

...а, въ ея глазахъ, какіе-то жрецы! Вотъ по- ...ебо!..—добавилъ Юзіо.

— А туалетъ?.. А?

— А „депозитный вкладъ"?

— Да, всѣ эти „задачи жизни"...

— Вотъ гдѣ гнѣздятся деньги!

— И красота!

— Ну, братъ, тутъ нечего шутить! Относительно красоты, скажу вамъ откровенно, что она очень мила. Помните, какъ она, послѣ своего „ду-ду", съ такою странною улыбкою намъ поклонилась... А?

— Этотъ ея поклонъ ясно говорилъ:—вы болваны, и я знать васъ не хочу!

— Voilà une baba, comme il n'y a pas d'autre!

— Какъ это, однако, деньги умѣютъ дѣлать наглыми даже дикарей!

— Знаете что̀, господа, вѣдь стоило бы ее нѣсколько цивилизовать...

— Хотя бы ради... наслѣдства... Приданница вѣдь!..

— Нѣтъ, ради прекрасныхъ глазъ и хорошенькой фигурки...

— Въ самомъ дѣлѣ, одѣнься она прилично,—вѣдь была бы на женщину похожа...

— Итакъ, господа, попытаемся исполнить великую задачу: обогатимъ цивилизацію одной чуждой ей доселѣ единицею!

— Пусть это станетъ... задачею нашей жизни!

— ...Безъ которой вообще никто счастливымъ быть не можетъ...

— Прекрасно, но ка̀къ и какими средствами?

Мои друзья начали перебирать и придумывать средства и способы, какими лучше всего можно бы достигнуть желанной цѣли. Одинъ предложилъ, чтобы эту „дочь лѣсовъ", какъ ее называлъ Станиславъ, свезти во всѣ модные магазины; другой былъ за то, чтобы въ честь дикарки устроить нѣсколько веселыхъ ужиновъ,—съ нею, конечно; третій хотѣлъ ввести ее въ разные салоны; между прочимъ, предлагали и чтеніе книгъ извѣстнаго сорта, и—это считалось главнымъ—любовь. Они желали устроить такъ, чтобы дочь лѣсовъ влюбилась всенепремѣнно, но, конечно, самою идиллическою любовью нашихъ прабабушекъ.

Сначала и я принималъ участіе въ этихъ шуткахъ, но вскорѣ мною овладѣло чувство досады: мнѣ вдругъ стало и больно, и обидно, что мои товарищи такъ зло и безсердечно насмѣхаются надъ моею кузиной. И мнѣ она, конечно, казалась не только странною, но про-

сто смѣшною, плохо да и, пожалуй, совсѣмъ невоспитанною, дикою, но все-же она приходилась мнѣ родственницей, и я обязанъ былъ не допускать, чтобы въ моемъ присутствіи такъ зло можно было надъ нею шутить. Овладѣвшая мною досада возростала съ каждою минутою, но я упорно молчалъ, не желая внезапнымъ и горячимъ словомъ, чего добраго, и себя самого, и ее, бѣдную, отдать въ жертву остроумію моихъ друзей. Я прислушивался еще нѣкоторое время къ разнымъ шуткамъ, но въ концѣ концовъ не вытерпѣлъ и, выпрямившись, заявилъ всѣмъ присутствующимъ, холодно, на англійскій манеръ, слѣдующее:

— Я считаю долгомъ предупредить васъ, господа, что мадемоазель Здроіовская—моя родственница, что ее постигло семейное горе, которое... enfin, pour cent raisons et autres, я вамъ запрещаю, господа, шутить надъ нею и вообще такъ или иначе оскорблять мою кузину; а если кто-нибудь изъ васъ, господа, несмотря на настоящее мое предостереженіе, позволитъ себѣ шутки или насмѣшки оскорбительныя для мадемоазель Здроіовской, тотъ будетъ имѣть дѣло со мною. Ainsi soit-il! Спокойной ночи, господа.

Сказавъ это и исполнивъ тѣмъ родственный долгъ, я взялъ шляпу и вышелъ изъ кабинета.

II.

Во весь день, слѣдовавшій непосредственно за описанными мною событіями, жизнь казалась мнѣ тяжелымъ крестомъ и даже ничего не стоющимъ отребьемъ. Это, впрочемъ, случалось со мною и раньше...

Вотъ ты говоришь, голубчикъ, что это и съ тобою случается... Что̀ и говорить; оно случается со всѣми, которыхъ люди, судя по одной лишь наружности, считаютъ счастливыми. А это потому, что, видишь ли, веселье и пріятное времяпрепровожденіе—одно, а счастье—совершенно другое. И я, и мои товарищи, мы вѣдь были веселы и очень часто провожали время очень пріятно, но еслибы кто-нибудь сказалъ намъ, что мы счастливы, мы были бы вынуждены протестовать противъ этого самымъ энергичнымъ образомъ, а затѣмъ мы бы долго раздумывали надъ вопросомъ: въ чемъ же состоитъ счастье?

Мы искали бы его опредѣленій и въ книгахъ поэтовъ и философовъ, и въ самой жизни, а въ концѣ концовъ мы пришли бы къ убѣжденію, что счастья вовсе нѣтъ на землѣ, что оно вовсе

и же что оно—мыльный пузырь, способный въ
ькихъ секундъ казаться радугой. До такой
е было чувства, сознанія счастья! Я говорю
числѣ, потому что это было въ нѣкоторомъ
щимъ качествомъ, свойственнымъ намъ всѣмъ,
присущимъ каждому изъ насъ въ бо́льшей или ме́ньшей степени. У нѣкоторыхъ были на то кое-какія причины, у иныхъ не было ровно никакихъ. Нѣкоторые испытывали вполнѣ реальныя непріятности или по семейнымъ причинамъ, или же по поводу долговъ, превышающихъ размѣры ихъ доходовъ. Случалось тоже, что и сердечныя влеченія бывали тому причиною. Были среди насъ и такіе, которые постоянно и, конечно, напрасно искали въ жизни идеальную женщину и идеальную любовь. Но были тоже и такіе, которые въ испытываемыхъ ими очень часто непріятностяхъ и неудовольствіяхъ не могли сослаться ни на одну изъ указанныхъ причинъ, да и не могли бы ни себѣ, ни другимъ сказать, чего собственно они требуютъ отъ жизни. Я принадлежалъ къ числу этихъ послѣднихъ. Та или другая страсть—а ихъ вѣдь довольно много—не нарушала равновѣсія моихъ матеріальныхъ средствъ; сердечныхъ катастрофъ въ жизни моей не случалось; ни туберкулёзная, ни какая-либо другая бацилла не поселялась въ моемъ организмѣ. Я былъ сравнительно богатъ, не увлекался слишкомъ легко женщинами и, что̀ главное, былъ физически здоровъ. У меня были почтенные доходы, которые почти безъ моего содѣйствія извлекалъ изъ наслѣдственнаго моего имѣнія добросовѣстный и опытный управляющій; здоровье, если не считать нѣсколько разстроенное состояніе нервовъ, какъ нельзя лучше исполняло свои обязанности; жизнь, какую мнѣ приходилось вести, доставляла мнѣ большое количество самыхъ разнообразныхъ удовольствій. Несмотря, однако, на это, бывали дни и цѣлыя недѣли, когда я предавался съ особеннымъ усердіемъ постройкѣ воздушныхъ за̀мковъ, которыми я всѣми силами старался закрыть щели той пустоты, отъ которой въ душу мою дулъ пренепріятный вѣтеръ меланхоліи. Съ этою цѣлью я употреблялъ всевозможные матеріалы. Къ нимъ принадлежали весьма обширныя связи и знакомства, которыя разростались до невѣроятныхъ размѣровъ. Это были всякаго рода знакомства, и близкія, такъ сказать, естественныя, и дальнія, проистекающія изъ начала взаимнаго обмѣна услугъ... Къ такимъ знакомымъ принадлежали самыя блестящія представительницы хореографіи и ипподрома, съ которыми я состоялъ въ отношеніяхъ нѣсколько болѣе близкихъ, чѣмъ то разрѣшаетъ простой, классическій флиртъ... Я былъ знакомъ и съ представительницами

самаго цвѣта салонной цивилизаціи. Къ этому же разряду моихъ отношеній, доставлявшихъ или долженствовавшихъ мнѣ доставлять всевозможныя удовольствія, принадлежалъ спортъ всякаго рода...

Я прилежно игралъ на роялѣ, читалъ всевозможныя поэмы, и читалъ такъ ревностно, что заучивалъ наизусть цѣлыя страницы... Даже завелъ учителей такихъ предметовъ, какъ гимнастика, фехтованіе, игра на инструментахъ, на которыхъ почти никто не играетъ, изученіе языковъ, распространенныхъ менѣе другихъ... Тогда-то я кое-какъ ознакомился и съ испанскимъ языкомъ, и хотѣлъ-было приняться за изученіе турецкаго языка, предаваясь мечтамъ о путешествіи на Востокъ; оно было однимъ изъ недостроенныхъ еще воздушныхъ зàмковъ. Я долженъ замѣтить, что всѣ эти разностороннія занятія въ нѣкоторыхъ случаяхъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Благодаря этимъ знакомствамъ, спорту, изученію того или другого матеріала для будущихъ удовольствій, я весело проводилъ дни, недѣли и даже цѣлые мѣсяцы. Одного только обстоятельства я никакъ не могъ устранить, а именно того, чтобы построенные мною воздушные зàмки не распадались раньше или позже,—обыкновенно же весьма рано. А затѣмъ снова въ чашу жизни просачивались капли горькаго разочарованія,—вплоть до той минуты, когда являлся откуда-нибудь новый матеріалъ для воздушныхъ строеній, или соломинка и мыльная вода, изъ которой я выдувалъ мыльные пузыри. Главнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого настроенія являлась способность весьма быстраго разочарованія безъ всякой причины: достаточно было, чтобы малѣйшее обстоятельство, въ минимальной степени непріятное, или хотя бы почему-нибудь неудобное, слегка лишь толкнуло жизненную чашу, и я готовъ былъ предаться самому ужасному отчаянію. Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго! Люди, въ душѣ которыхъ жизнь помѣщаетъ чудотворный цвѣтъ счастья, легко могутъ переносить мелкія невзгоды этой же добродѣтельницы-жизни; но кому она такого цвѣтка не подарила, тотъ въ правѣ требовать, чтобы его не царапали даже мелкіе шипы и терніи. Если ложе изъ фіялокъ составляетъ все мое достояніе,—пусть же никто не кладетъ въ него крапиву!

Это самое главное, а затѣмъ постоянное пребываніе на парнасскихъ высотахъ дѣлаетъ невыносимыми всякія юдоли плача и зубовнаго скрежета.

Кому приходится имѣть постоянно дѣло съ интеллигенціею, элегантностью, остроуміемъ, музыкою, поэзіею и тому подобными райскими птицами, тому не слѣдуетъ сажать на голову воробья или класть въ руку лягушку: это было бы самою наглою неспра-

ведливостью. Одно изъ двухъ: или вовсе не надо было помѣщать меня среди райскихъ птицъ, или не тревожить меня воробьями и лягушками. А вотъ именно нѣтъ! жизнь ужъ такова, что какъ бы мы ни стряхивали съ нашихъ крыльевъ ея подлую глину, все же хоть маленькій кусочекъ долженъ на нихъ упасть. Въ нравственномъ мірѣ, точно также какъ и въ физическомъ, сила всеобщаго тяготѣнія въ своихъ проявленіяхъ непреоборима. Камень, брошенный Богъ вѣсть какъ высоко, долженъ упасть на землю; человѣческій духъ, возносящійся на самую вершину поэзіи жизни, долженъ упасть въ ея прозу. Всякаго рода проза жизни, въ родѣ дѣлъ по имуществу, всевозможные о нихъ разговоры съ людьми другихъ понятій и стремленій, счетà, тяжбы, всякія сношенія съ тѣми слоями общества, которые не такъ утонченны, какъ я, то-есть всѣ мы,—всегда возбуждали во мнѣ отвращеніе и скуку, которыя я преодолѣвалъ лишь по необходимости и съ чувствомъ законнаго бунта.

Если всѣ такія непріятности случались тогда, когда я былъ въ розовомъ настроеніи, я не обращалъ на нихъ вниманія и переносилъ ихъ безъ особаго труда; но если онѣ случались въ сѣрыя минуты жизни, то обращали такія минуты въ совершенно черныя. Тогда-то начинали мучить меня осаждавшіе мысль мою вопросы: зачѣмъ я живу? какимъ будетъ продолженіе моей жизни?.. Чтò и говорить,—я не встрѣчалъ ничего, чего бы я не зналъ, или по собственному опыту, или по опыту моихъ ближнихъ; нѣкоторое, сравнительно долгое время я не зналъ, чтò дѣлать и со свободнымъ, вполнѣ въ моемъ распоряженіи находящимся временемъ, и съ осаждавшей меня скукою, и съ собственною особою.

Такой-то именно выпалъ день, слѣдовавшій непосредственно послѣ моего знакомства съ дикаркою. Едва я успѣлъ проснуться, какъ разсердилъ меня слуга тѣмъ, что подалъ мнѣ, вмѣсто кофе, котораго я требовалъ—шоколадъ; едва успѣлъ я исправить эту ошибку, какъ изволилъ пожаловать...—Кто?—мой управляющій, съ совершенно свѣжимъ и обстоятельнымъ докладомъ по какому-то возникшему сервитутному дѣлу. Управляющій требовалъ, чтобы я этимъ дѣломъ занялся прилежно и не откладывалъ его въ долгій ящикъ, потому что если я не займусь имъ какъ слѣдуетъ,—крестьяне окончательно разорятъ значительное пространство земли! Да чортъ возьми и сервитуты, и крестьянъ, и землю! Я бы охотно присоединилъ къ этимъ жертвамъ дьявола и самого управляющаго, но я уважалъ этого человѣка за его добросовѣстное исполненіе обязанностей.

Я вообще уважалъ всѣхъ людей, добросовѣстно исполнявшихъ

свои обязанности, а моего управляющаго я уважалъ тѣмъ болѣе, что онъ исполнялъ эти обязанности въ мою пользу. Но дѣло въ томъ, что онъ наводилъ на меня ужасную скуку. Не думай, однако, голубчикъ, чтобы я не съумѣлъ справиться и со скукою, и съ лѣнью, если это было необходимо; въ данномъ именно случаѣ это и было необходимо, а потому я постарался, согласно желанію моего благодѣтеля и палача, заняться съ нимъ этимъ важнымъ дѣломъ. Богъ-вѣсть сколько времени я разсматривалъ планы имѣнія, читалъ какія-то дѣловыя бумаги и совѣтовался съ адвокатомъ, отъ котораго и вернулся въ самомъ угнетенномъ настроеніи. За завтракомъ я сидѣлъ одинъ въ собственной моей столовой, стѣны которой были украшены дюжиною старыхъ фарфоровыхъ тарелокъ, и раздумывалъ о томъ, что мнѣ просто необходимо отказать моему Викентію, потому что онъ никакъ не можетъ пріучиться закрывать двери безъ шума. Викентій уже три года состоитъ у меня въ качествѣ камердинера, и я его съ перваго же дня началъ учить, какъ онъ долженъ закрывать двери—и никакъ научить не могу. Иногда это ему кое-какъ удается, но зато иногда, какъ хлопнетъ онъ дверью, всѣ мои нервы приходятъ въ такое сотрясеніе, какъ если бы къ нимъ прикоснулась цѣлая электрическая батарея. Если я въ хорошемъ настроеніи, я не обращаю на это никакого вниманія, но въ „минуту жизни трудную" это хлопанье является причиною крайняго моего неудовольствія. Викентій, вдобавокъ, имѣетъ еще обыкновеніе корчить такую некрасивую гримасу, которая мнѣ не нравится, именно потому, что она некрасива. Я уже нѣсколько разъ собирался его прогнать за хлопанье дверью и за эту некрасивую гримасу, но всегда принималъ во вниманіе и то, что онъ старъ и бѣденъ, а семья у него большая, и то, что ничего больше противъ него не имѣлъ, такъ какъ онъ былъ вообще хорошій малый, и потому я не отказывалъ ему отъ мѣста. Въ этотъ день, однако, когда я сидѣлъ за завтракомъ, а онъ нѣсколько разъ хлопнулъ дверью, я рѣшилъ окончательно распроститься съ нимъ навсегда. Быть можетъ, я и дамъ ему жалованье за годъ впередъ, въ видѣ пособія; быть можетъ, постараюсь отдать его сына въ обученіе какому-нибудь ремесленнику, а дочку помѣщу на свой счетъ въ швейную мастерскую,—все это возможно,—но Викентія держать больше не хочу; впрочемъ, раньше чѣмъ принять новаго лакея, я разузнаю хорошенько, умѣетъ ли онъ закрывать какъ слѣдуетъ двери и не корчитъ ли некрасивой гримасы?

А что̀ дѣлать, позавтракавъ? Я призадумался надъ этимъ вопросомъ нѣкоторое время, прохаживаясь вдоль и поперекъ гостиной и разбирая разные способы, посредствомъ которыхъ

Ни одинъ изъ нихъ не приходился мнѣ по
ибудь—неохота; играть, читать, заняться фило-
тать газету—все это старо и скучно. Такое
, конечно, не сегодня, такъ завтра, можетъ быть
часовъ, а можетъ быть только черезъ нѣ-
ка оно существуетъ,—что и говорить,—оно не-
о! Единственное противъ него средство, лучше
ей мѣрѣ, не знаю, это гашишъ, имѣющій самую
—книги; и знай, другъ мой, существуютъ на
ниги: книга-хлѣбъ, книга-крыло, книга-вино,
взялъ изъ библіотеки повѣсть Поля Феваля—
ринадлежу къ тому поколѣнію, которое въ свои
ывалось произведеніями Поля Феваля,—и усѣв-
оманѣ, съ сигарою во рту, я принялся читать
з jours'ы" или „Belles des nuits'ы"; пока я
зомъ нѣсколько часовъ скучнаго времени, меня
Скажу откровенно, что ихъ появленіе ни-
ыло меня въ эту минуту, потому что мнѣ не
въ такой же точно степени, какъ не хо-
нибудь, играть или читать что-нибудь, кромѣ
jours'овъ". Волей-неволей пришлось, однако, болтать обо всемъ и ни о чемъ, и во время этой бесѣды я пришелъ къ заключенію, что Юзіо и Леонъ находятся въ такомъ же точно мрачномъ настроеніи, какъ и я. Мнѣ отравили жизнь эти несчастные сервитуты, имъ—что-нибудь другое. Юзіо особенно былъ мраченъ и вскорѣ свелъ разговоръ на тему объ основахъ семейныхъ отношеній, которыя считалъ несоотвѣтствующими духу времени, и требовалъ ихъ реформы. Мнѣ не трудно было догадаться, что это значитъ и откуда происходитъ. Папенька-сановникъ, должно быть, прочелъ ему пространную и обстоятельную лекцію о томъ, что не слѣдуетъ тратить денегъ по пусту и т. п. Леонъ въ этотъ день—а случалось съ нимъ нѣчто въ этомъ родѣ, съ разными видоизмѣненіями, довольно часто—находился подъ вліяніемъ эротическаго пароксизма, состоящаго изъ специфической смѣси такихъ мечтаній и такой тоски, которыя не позволяли ему смотрѣть на женщинъ настоящими глазами: въ такія минуты ему казалось, что лишь созданный въ его воображеніи идеалъ—настоящая женщина, всѣ же остальныя—какія-то негритянки. Онѣ казались ему такими мрачными, что онъ лишалъ ихъ даже бѣлизны зубовъ, свойственной негритянкамъ. На мое замѣчаніе Леонъ отвѣтилъ, что только крестьянки имѣютъ бѣлые зубы—и притомъ собственные; у нашихъ же дамъ мы на-

прасно старались бы ихъ найти; у нихъ все искусственно—искусственные зубы, искусственные волосы и искусственная душа.

Вотъ такимъ образомъ у насъ завязалась бесѣда сперва о семьѣ, затѣмъ о женщинахъ, а въ концѣ концовъ—вообще о людяхъ и жизни. Мы бесѣдовали довольно оживленно, хотя въ минорномъ тонѣ. У каждаго изъ насъ были причины, по которымъ мы возставали и противъ семьи, и противъ женщинъ; мы приводили примѣры изъ жизни и цитировали разныхъ авторовъ съ тою лишь цѣлью, чтобы выказать всѣ недостатки и семьи, и женщинъ. Юзіо долго говорилъ о трудахъ Лёббока и Уолеса, которые описали происхожденіе и разныя эволюціи семейныхъ отношеній, и главнымъ образомъ—правъ отца на сына; Леонъ привелъ съ чувствомъ глубокаго убѣжденія нѣсколько ядовитыхъ афоризмовъ Шопенгауэра о женщинахъ и нѣсколько отрывковъ изъ комедіи Мольера „L'école des femmes“ и еще что-то въ этомъ родѣ. Вообще мы были въ мрачномъ настроеніи и критиковали рѣшительно все, о чемъ ни говорили. Дымъ, наполнявшій мой кабинетъ, и сравниться не могъ съ тѣмъ ѣдкимъ чувствомъ, которое глубоко внѣдрилось въ наши сердца, вооружая ихъ не только противъ всѣхъ, но и противъ насъ самихъ. Бесѣда наша то оживлялась, то вдругъ притихала; тогда наступали минуты общаго молчанія, и мы, сидя въ креслахъ à la Louis XV, водили глазами по стѣнамъ гостиной, разукрашеннымъ акварелями и рисунками, вполнѣ достойными вниманія, которые, однако, нисколько насъ не интересовали.

Послѣ одного такого промежутка въ нашей бесѣдѣ, Юзіо выразилъ намѣреніе основать большую политическую газету.

— Такая газета съумѣла бы во мнѣ возбудить интересъ къ жизни, вернула бы ей потерянную въ моихъ глазахъ всякую прелесть, всякій смыслъ жизни,—сказалъ Юзіо.

Я ужъ давно зналъ, что эта газета была тѣмъ конькомъ, на котораго Юзіо садился всегда, какъ только жизнь почему-либо казалась ему черепахою.

Юзіо вѣрилъ въ свои публицистическія способности; онъ даже въ извѣстной степени и обладалъ ими, даже изрѣдка, par ci, par là, печаталъ статейки въ разныхъ изданіяхъ. Будь у него собственная газета, онъ писалъ бы съ увлеченіемъ и вообще работалъ бы систематически. Проектъ этотъ былъ изъ числа сравнительно легко осуществимыхъ, потому что папенька-сановникъ, человѣкъ образованный и высоко цѣнившій трудъ, литературу, общественную пользу и т. п., готовъ былъ предоставить сыну необходимыя для этого средства, лишь бы дать этому сыну возможность трудиться на аренѣ общественной дѣятельности, подвизаться на по-

прищѣ литературы и т. д. Но бѣда была въ томъ, что Юзіо былъ похожъ на фейерверкъ: онъ чрезвычайно легко восторгался и съ такою же неимовѣрною легкостью впадалъ въ полнѣйшую апатію. Сегодня онъ совсѣмъ готовъ былъ основать свою газету, а завтра уже отказывался отъ нея, потому что интересъ къ жизни и ея прелесть нашелъ въ чемъ-нибудь другомъ. И то надо сказать, что Юзіо трусилъ, какъ самъ въ томъ сознавался, передъ возможностью попасть въ полнѣйшее рабство. Онъ зналъ прекрасно, что журнальная работа похожа на возъ, который надо каждый день подвигать впередъ, а что съ нимъ станется, если вдругъ въ одно прекрасное утро у Юзіо не хватитъ желанія подвинуть его впередъ?.. Вотъ и выбирай: съ одной стороны, рабство, съ другой—значительные и матеріальные, и нравственные убытки.

И я тоже имѣлъ нѣкоторое вліяніе на его сомнѣніе—основать ли газету, или нѣтъ. Я старался доказать ему, что политической газеты намъ вовсе не нужно, а, напротивъ, чувствуется большая необходимость въ журналѣ, который занимался бы исключительно литературою и изящными искусствами; я былъ убѣжденъ, что у нашей публики эстетическій вкусъ не только вовсе не развитъ, но что онъ находится въ самомъ плачевномъ состояніи,—въ такомъ именно, въ какомъ находился у какихъ-нибудь средневѣковыхъ варваровъ. Чуть дѣло коснулось бы созданія такого журнала, я бы охотно принялъ участіе въ его изданіи, во-первыхъ, потому, что я былъ убѣжденъ въ его пользѣ и настоятельной необходимости, а во-вторыхъ, и по той причинѣ, что всегда, когда мы говорили объ этомъ журналѣ, я невольно глазами души видѣлъ покоившійся въ ящикѣ моего письменнаго стола переводъ Байроновскаго „Каина“. Вотъ въ такомъ журналѣ, о которомъ я мечталъ, я бы охотно помѣстилъ этотъ переводъ, да и, смѣю надѣяться, я бы пріохотился къ дальнѣйшему труду въ этомъ направленіи. Леонъ былъ другого мнѣнія. Онъ утверждалъ, что деньги, потраченныя на изданіе газетъ, надо считать потерянными, все равно какъ еслибы ихъ выбросить зря, потому что печатной бумаги у насъ и безъ того много, но чего недостаетъ и въ чемъ ощущается потребность,—такъ это въ музеѣ или храмѣ искусствъ. Общество должно бы стыдиться, что произведенія родного его искусства должны ютиться въ наемныхъ помѣщеніяхъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ спеціально имъ посвященнаго хранилища. Леонъ не ставилъ никакихъ преградъ своему воображенію въ этомъ отношеніи, желая въ одномъ храмѣ искусства помѣстить живопись, скульптуру, музыку, драму и эстетическія теоріи. Онъ уже заранѣе распредѣлялъ такія-то залы

для картинъ и скульптурныхъ произведеній, такія-то для концертовъ, и т. д. Въ этомъ воображаемомъ храмѣ были спеціальныя любительскія сцены, залы для публичныхъ чтеній, исключительно посвященныхъ эстетикѣ. Еслибы кто-нибудь дѣйствительно вздумалъ построить такое зданіе, Леонъ не только деньгами, но и личнымъ трудомъ охотно помогалъ бы ему въ этомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое именно дѣло съумѣло бы вывести его изъ того состоянія апатіи, въ которомъ онъ находился. Даже теперь, бесѣдуя лишь объ излюбленномъ предметѣ, онъ не могъ спокойно сидѣть, а всталъ и началъ расхаживать по комнатѣ.

Жаль, что тогда тутъ не было еще и Станислава, который мечталъ о постройкѣ такого зданія, въ которомъ можно бы помѣстить гимнастическія залы, со всѣми новѣйшими приспособленіями, да ёще и манежъ для верховой ѣзды. Но и безъ Станислава мы втроемъ по крайней мѣрѣ часъ цѣлый спорили о томъ, чтò намъ всего нужнѣе, а затѣмъ, уже нѣсколько спокойнѣе, мы разбирали, какъ и откуда добыть громадныя средства, необходимыя для созданія нашихъ трехъ проектовъ. Издержки и затраты въ извѣстной степени доставили бы намъ удовольствіе; впрочемъ, для меня и для Леона это было бы лишь относительное удовольствіе, такъ какъ у насъ не было такихъ богатыхъ отцовъ, какъ папенька Юзя, который съ каждымъ днемъ увеличивалъ свои капиталы, а наши собственные доходы удовлетворяли только нашимъ потребностямъ. Нечего и говорить, что малѣйшій изъянъ уже не располагалъ насъ въ пользу какой бы то ни было фактической благотворительности. Но всякая съ нашей стороны жертва на общественное дѣло все-же казалась ничтожною въ сравненіи съ необходимостью систематической и упорной работы, которой требовали всѣ наши проекты. Эта-то необходимость главнымъ образомъ тормазила самыя благія наши намѣренія; она-то и являлась своего рода китайскою стѣною, которою мы были отдѣлены отъ малѣйшихъ даже попытокъ осуществить наши мечты и желанія.

Судьбѣ угодно, чтобы человѣкъ даже въ самыхъ благородныхъ своихъ стремленіяхъ всегда и вездѣ ударялся головою объ стѣну!.. Такая стѣна иногда возвышается внѣ его, иногда въ немъ самомъ—это безразлично: но öна является чѣмъ-то, чтò причиняетъ боль и тормазитъ всѣ дѣйствія. Я могу сколько угодно упрекать себя въ томъ, что я—такой, какой есть, а не лучше, или умнѣе; эти упреки нисколько мнѣ не помогутъ стать другимъ, а только лишь прольютъ въ душу мою лишнюю каплю горечи. Зачѣмъ же въ человѣкѣ живутъ эти самыя противоположныя по-

требности и желанія, или, вѣрнѣе, ихъ всесторонность, которая, однако, всесторонняго ихъ удовлетворенія никакъ не можетъ достичь? Я желаю обладать и тѣмъ, и другимъ; если съумѣю пріобрѣсти одно,—другое потеряю; если удастся мнѣ получить это другое,—первое сейчасъ сдѣлается для меня недоступнымъ. Есть люди, — вотъ, напримѣръ, Станиславъ, единственный въ нашемъ кружкѣ искренно веселый человѣкъ, — которые не сознаютъ такого рода диссонансовъ, которые умѣютъ рѣшительно все видѣть лишь подъ угломъ собственнаго веселаго настроенія и живутъ изо дня въ день, не подозрѣвая даже, что за предѣлами ихъ личной пріятной жизни существуетъ жизнь другая, возвышенная, жизнь полная огня и неосуществимыхъ желаній. Такіе люди не испытываютъ недостатка того счастія, которое на первый взглядъ кажется чѣмъ-то существующимъ лишь въ нашемъ воображеніи; этимъ людямъ оно является пустотою, расположенной въ одной половинѣ нашей души, но такою пустотою, въ которую время отъ времени уходитъ именно вся радость жизни. Такіе люди одарены отъ природы не особенно богатыми качествами души и сердца, но такіе только люди и могутъ найти въ жизни спокойствіе и— полную гармонію. Вотъ и новый диссонансъ! Природѣ угодно было подарить кому-нибудь возвышенную душу, и вотъ потому именно онъ и долженъ страдать! Потому что кто-нибудь— не простая глина, а изящный фарфоръ, потому-то именно природѣ угодно было помѣстить въ немъ приборъ для выдѣлки самыхъ злыхъ ядовъ!

Я раздумывалъ именно о той жалкой роли, которую играетъ въ жизни способный и богато отъ природы одаренный человѣкъ, и забылъ не только о гостяхъ, но даже не замѣтилъ, что моя сигара потухла. И гости мои тоже призадумались кто о чемъ, и мы бы Богъ знаетъ сколько времени молчали, еслибы Юзіо не взялъ шляпы въ руки и не объявилъ намъ, что правъ былъ тотъ нѣмецъ-ремесленникъ, который вдоль и поперекъ обошелъ свое отечество и пришелъ къ заключенію, что, какъ извѣстно, Богъ создалъ свѣтъ въ продолженіе шести дней, но зато и замѣтно, что міръ созданъ слишкомъ скоро...

— Еслибы хоть жизненный путь, который суждено каждому пройти, былъ намѣченъ явственнѣе!—прибавилъ я въ духѣ моихъ размышленій.

— Съ моей стороны,—замѣтилъ Леонъ,—я сожалѣю о томъ, что вмѣсто Евы не была создана изъ Адамова ребра Маргарита Готье... Это—единственная женщина въ жизни и въ литературѣ, которая умѣла любить...

Послѣ этихъ шуточныхъ замѣчаній всѣ снова задумались, стоя со шляпами въ рукахъ,—я тоже машинально протянулъ руку за шляпою. Юзіо первый заговорилъ:

— Жалкая жизнь!

— Гадкая жизнь! — добавилъ Леонъ.

Я готовъ былъ пари держать, что Леонъ въ эту минуту думалъ о миленькой Мими изъ балета, которая годъ тому назадъ бросила его, потому что ей представилась лучшая связь съ однимъ изъ нашихъ набобовъ, и о красавицѣ дѣвицѣ Радванъ, въ которую онъ уже начиналъ влюбляться, какъ вдругъ замѣтилъ, что у красавицы рука крайне непропорціональна: въ сравненіи съ шириною ладони, у нея были слишкомъ длинные пальцы, а этого было вполнѣ достаточно, чтобы Леонъ въ ней окончательно разочаровался.

Я одинъ только удержался отъ осужденія жизни, и, правду сказать, друзья мои показались мнѣ смѣшными въ эту минуту. Подходя къ двери, я крикнулъ такимъ голосомъ, какимъ во время оно римскіе герольды должны были объявлять народу: „Кай Флавій умеръ! Квириты, идите на похороны Кая Флавія!“:

— Друзья! Пойдемте обѣдать! Такъ или иначе, а все-же надо пообѣдать!

Столовая ресторана, въ которомъ мы обыкновенно собирались, уже въ то время была обставлена вполнѣ прилично, комфортабельно. Богатое освѣщеніе, шумъ, почти адская жара, которая въ ней царила — все это подѣйствовало на насъ такъ, какъ на обыкновенныхъ людей дѣйствуетъ пріятный, свѣжій воздухъ: мы повеселѣли, мы ожили. Сидѣли мы втроемъ за небольшимъ столикомъ, точно въ раскаленной печи, въ которой носились пары всякаго рода напитковъ, запахъ всевозможныхъ яствъ, соусовъ, и—вообрази!—мы чувствовали себя все лучше и веселѣе! Конечно, все это надо отнести къ такъ называемому возбужденію нервовъ, но послѣ полнаго ихъ бездѣйствія въ продолженіе цѣлаго дня — новое ощущеніе пришлось намъ по вкусу. Вдобавокъ, точно Провидѣнію угодно было веселить насъ въ этотъ вечеръ новыми ощущеніями, судьба привела въ нашъ ресторанъ цѣлую семью изъ породы допотопныхъ представителей человѣчества. У сосѣдняго столика усѣлись папаша, мамаша и двѣ ихъ взрослыя дочки. Достаточно было лишь взглянуть на нихъ, чтобы придти къ заключенію, что постоянное ихъ мѣстопребываніе находится гдѣ-то очень далеко отъ мѣста ихъ настоящаго нахожденія. Дамы имѣли на головахъ новенькія шляпы, только-что купленныя въ лучшемъ модномъ магазинѣ, но, Боже мой, какую

онѣ представляли фигуру! Дамы разговаривали чрезвычайно громко, нисколько не стѣсняясь сосѣдями, разглядывали все и вся кругомъ себя, и отъ удивленія забывали даже объ ѣдѣ. Папаша спросилъ даже у гарсона, нельзя ли гдѣ-нибудь открыть форточку, потому что невыносимая жара обливала его горячимъ пѣтомъ, и онъ боялся простудиться. Едва рѣшенъ былъ этотъ вопросъ, папаша снова подозвалъ гарсона и нѣсколько тише, но все-же такъ громко, что мы все слышали, просилъ объяснить ему, чтѐ такое vol au vent? Оригинальная семья доставила намъ большое удовольствіе, и мы смѣялись втихомолку надъ ея костюмами, возгласами, жестами и вопросами, не задаваясь даже вопросомъ, замѣчаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ наши насмѣшки, или нѣтъ. Среди этихъ наблюденій, Юзіо вдругъ наклонился въ мою сторону и, едва удерживаясь отъ громкаго хохота, сказалъ мнѣ шопотомъ:

— Смотри, смотри... Ножи употребляютъ вмѣсто вилокъ!.. Comme j'aime papa!.. Даже не тронули вилокъ!..

Я взглянулъ на допотопную семью какъ разъ въ ту минуту, когда папаша положилъ большой кусокъ мяса въ ротъ при помощи ножа, чуть не по самую ручку помѣстивъ этотъ послѣдній въ обширной его полости. Мамаша и дочки тоже посредствомъ ножей подносили во рты соусъ и гарниръ. Мы теперь ужъ никакъ не могли удержаться отъ громкаго почти хохота, но Юзіо вдругъ сталъ серьезенъ и обратился ко мнѣ со страннымъ извиненіемъ:

— Не буду, не буду больше... а то ты снова разсердишься...

— Я?.. Да за что же?

— А вчера?

— Да, да,—сказалъ Леонъ, — вчера ты насъ здорово пробралъ...

— Но, видишь ли,—продолжалъ Юзіо,—вчера мы дѣйствительно были несправедливы... Мадемоазель Здроіовская, конечно, немножко... оригинальна, но зато въ ней есть что-то такое особенное, грація, благозвучіе...

— О, да,—подтвердилъ Леонъ,—и среброзвучіе...

— Ну, Богъ съ нимъ,—продолжалъ Юзіо,—но по разнымъ причинамъ намъ пе слѣдовало о ней такъ выражаться, и Здзиславъ былъ правъ.

Я не отвѣчалъ и хранилъ полное молчаніе, потому что со мною случилось что-то странное. Со вчерашняго вечера,—я немножко думалъ вчера о ней, лежа въ постели, — мадемоазель Здроіовская ни разу не воскресла въ моихъ воспоминаніяхъ. Я

думалъ о чемъ угодно, только не о ней. Я такъ забылъ о существованіи Северины, что, казалось, будто и не зналъ ее никогда. Причиною такой полной забывчивости были, конечно, непріятности и дѣловыя хлопоты, которыя сулилъ мнѣ этотъ день. И то сказать, когда приходится почти ежедневно встрѣчаться и знакомиться съ новыми людьми, невозможно думать обо всѣхъ... Но лишь Юзіо произнесъ ея фамилію, она вдругъ ожила, точно воскресла въ моей памяти: я ее увидѣлъ вдругъ передъ собою, точно живую, со всѣми ей одной свойственными особенностями: съ ея до-историческимъ платьемъ, съ ея археологическою брошкою, ея коралловыми губками, голубыми глазами, которые внимательно и серьезно глядѣли на меня. Да, я ее увидѣлъ, точно она стояла передо мною, и обрадовался ей, какъ маленькій ребенокъ. Казалось, что этого только мнѣ недоставало, чтобы я могъ считать себя счастливымъ. Но чего же именно? Да вотъ того, чтобы я ближе познакомился съ нею, и чтобы она была здѣсь, возлѣ меня. Несмотря на шутки и насмѣшки надъ допотопною семьею, я чувствовалъ внутренній холодъ. Теперь вдругъ во мнѣ поселилась какая-то неопредѣленная надежда, подстрекаемая еще любопытствомъ, которое въ умѣ моемъ ставило цѣлый рядъ вопросовъ: кто она? какова она? что же будетъ? что изъ этого выйдетъ? Можетъ быть, не повѣришь, другъ мой, но увѣряю тебя, что даже сердце нѣсколько живѣе забилось у меня въ груди подъ вліяніемъ безсознательной почти мысли: тутъ что-то новое! что-то новое!

Юзіо между тѣмъ разсказывалъ, какъ Станиславъ около полудня былъ у Дали (онъ обязался ей принести какую-то книгу или что-то другое), но Северины не видѣлъ,—она ушла изъ дому по своимъ дѣламъ.

— Какъ такъ: изъ дому? Значитъ, она живетъ у Дали?

— Да. Она поселилась въ гостинницѣ, но мадамъ Идалй почти насильно заставила ее переѣхать къ ней; несмотря на все, она ее очень любитъ...

— Несмотря на что?—спросилъ я.

— Да, видишь ли,—началъ Юзіо, не зная, какъ высказать свою мысль,—видишь ли... Ну, хотя бы: несмотря на „ду-ду"...

Юзіо не могъ удержаться отъ смѣха.

Но я былъ въ такомъ прекрасномъ настроеніи, что не только не разсердился, но и самъ расхохотался при воспоминаніи о вчерашнемъ казусѣ. Мнѣ вдругъ чрезвычайно понравилось то, что Северина поселилась у Дали. Это извѣстіе просто обрадовало меня. Даля вообще—чрезвычайно симпатичная женщина...

Завтра же отправлюсь къ ней непремѣнно, всенепремѣнно... Къ концу обѣда я былъ уже такъ веселъ, что съумѣлъ разогнать даже послѣднія тучки неудовольствія, которыя еще носились въ воздухѣ. Мои друзья, какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, сейчасъ же составили проектъ идти куда-нибудь, въ театръ, въ клубъ или къ Стефану—поиграть въ карты. Я никуда не хотѣлъ идти въ этотъ вечеръ. Мнѣ почему-то вдругъ захотѣлось провести его дома.

Они отправились куда-то, а я пошелъ домой; но едва очутился въ своей квартирѣ, какъ мое расположеніе духа измѣнилось. Въ то время меня жестоко мучила какая-то странная способность переходить изъ одного состоянія моего внутренняго „я“ въ совершенно противоположное. Самая ничтожная причина могла меня развеселить или же повергнуть въ уныніе и апатію. Въ такихъ случаяхъ мнѣ очень часто трудно было бы опредѣлить, что̀ именно обрадовало меня или обезпокоило; самое ничтожное обстоятельство, быть можетъ, просто игра свѣтовыхъ лучей, быть можетъ, температура воздуха, звукъ какой-нибудь, словомъ—все и ничто. Я бы не съумѣлъ отдать себѣ въ этомъ отчета, но мои чувства, доведенныя до крайнихъ предѣловъ чувствительности, дѣйствовали на мою душу съ такою непреодолимою силою, что она готова была, при малѣйшемъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью, кувыркаться, точно бѣшеная.

Въ этотъ вечеръ я вернулся домой ни въ веселомъ, ни въ грустномъ настроеніи; мною овладѣло вполнѣ чувство не то досады, не то печали. Все-же, это состояніе казалось мнѣ гораздо лучше того состоянія апатіи, которымъ я страдалъ съ самаго утра, потому что я по крайней мѣрѣ жилъ и чего-то желалъ, хотя бы не съумѣлъ объяснить не только другимъ, но даже и себѣ, чего я именно желалъ, къ чему мнѣ хотѣлось стремиться. Впрочемъ, такое незнаніе, зачѣмъ именно человѣкъ груститъ, а все-таки груститъ и носитъ эту грусть съ собою вдоль и поперекъ собственнаго кабинета, равно какъ желаніе узнать ея причины—все это составляетъ своего рода особенное времяпрепровожденіе, не хуже всякаго другого; иногда же, пожалуй, и лучше другого, потому что приводитъ насъ къ неожиданнымъ, но все-же весьма вѣскимъ и почтеннымъ результатамъ. Вотъ, напримѣръ, въ этотъ вечеръ, послѣ продолжительной прогулки по всѣмъ направленіямъ по гостиной, я почувствовалъ непреодолимое желаніе излить всю грусть на бумагу и написалъ сестрѣ длинное, предлинное письмо, которое она, какъ и всѣ вообще письма своего брата, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любимаго своего воспитанника, сочла шедёвромъ прекрас-

наго слога и возвышеннаго сердца. Написавъ это письмо, я все-таки не могъ еще успокоиться. Я еще до трехъ часовъ ночи работалъ надъ переводомъ „Каина“.

На слѣдующій день около полудня я былъ уже у Дали. Я никогда не соблюдалъ общепринятой формы доклада, даже и не спрашивалъ, дома ли она, потому что если Дали и не было дома, я все-таки входилъ въ ея гостиную и дожидался ея возвращенія, если у меня была къ тому охота. Кромѣ родства, насъ связывали узы искренней дружбы съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣтства. Я вошелъ и теперь въ гостиную безъ доклада. Въ гостиной никого не было, но изъ сосѣднихъ комнатъ слышенъ было веселый, оживленный разговоръ и хохотъ. Въ будуарѣ тоже никого не было, но за закрытою дверью, которая вела въ слѣдующія комнаты, раздавался хохотъ и отдѣльныя восклицанія среди оживленной бесѣды. Я различилъ три женскіе голоса: Далю я узналъ, конечно,—но кто другая и третья? По какой же причинѣ всѣ три вдругъ такъ весело, неудержимо-весело хохотали?

Едва успѣлъ я призадуматься надъ этимъ вопросомъ, какъ вдругъ раскрылись двери и въ будуаръ вбѣжала Северина съ крикомъ, прерываемымъ громкимъ хохотомъ:

— Не хочу! не хочу! Ни за что не хочу! Не удастся вамъ сдѣлать изъ меня чудачку... Нѣтъ!

За ней вбѣжала Даля, одной рукой стараясь поймать Северину, а въ другой держа гребенку, и въ свою очередь кричала:

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Ты должна, должна!..

За Далей бѣжала бонна съ ея платьемъ съ волчьими головами и кричала:

— Essayez, mademoiselle! Ce n'est que pour essayer! Vous allez voir, comme c'est joli!

А за бонной бѣжалъ четырехлѣтній сынъ Дали и кричалъ во все горло:

— Чудачка! Чудачка! Тётя будетъ чудачка!

Когда онѣ меня замѣтили въ гостиной, то сразу бросились въ будуаръ; отъ изумленія и испуга всѣ три женщины такъ смѣшно столпились въ дверяхъ, что никакъ не могли убѣжать изъ гостиной. Одинъ только будущій устой общества, подаренный ему Далей, увидя меня, взвизгнулъ весело, прибѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями и дѣлалъ большія усилія, чтобы завертѣть меня, подобно тому, какъ взрослые забавляютъ дѣтей.

— Тетя переодѣла мамашу въ свое платье, а мамаша хочетъ теперь тетю переодѣть въ свое, но тетя не хочетъ и гово-

ритъ, что она будетъ чудачка!—такъ сразу объяснилъ, въ чемъ дѣло, сынъ Дали.

Я взглянулъ на Далю, и мы, я и она, не могли удержаться отъ искренняго хохота. Боже, на что она была похожа!

Даля одѣла чужое платье; сразу можно было узнать, что оно принадлежало мадемоазель Здроіовской: длинный лифъ, темнаго цвѣта юбка, широкими складками спадающая съ бедръ Дали до самаго пола, едва замѣтныя бѣлыя кружева у рукавовъ и у воротника и гладко причесанные волосы — вотъ странный костюмъ, въ какомъ я, въ первый разъ въ жизни, увидѣлъ Далю. Казалось бы, что такая перемѣна костюма не должна бы измѣнить хорошенькой женщины, а между тѣмъ Даля теперь была похожа не на шикарную даму, какою она всегда была, а на мокрую курицу. Переодѣтая и какъ бы въ роли тети Северины, Даля была неузнаваема и—что всего хуже—смѣшна. Она смѣялась надъ собою и надъ затѣею мадемоазель Здроіовской, хотя ей было досадно, что я ее видѣлъ въ этомъ некрасивомъ и не идущемъ ей къ лицу костюмѣ.

— Вотъ видишь!—сказала Даля:—я стала жертвою большой несправедливости!.. Цѣлое утро мы спорили съ Севериною о томъ, какъ слѣдуетъ одѣваться, и она заставила меня одѣть свое платье; я исполнила ея желаніе, а теперь она ни за что не хочетъ одѣться по моему. Гдѣ же тутъ справедливость?.. Сколько мы ужъ съ мадемоазель Клэръ намучились, но ничего не можемъ сдѣлать: Северина ни за что не хочетъ переодѣться, да и говоритъ еще, что не позволитъ сдѣлать изъ себя чудачки! Будь нашимъ судьей. Скажи, пожалуйста, чудачки ли мы, или нѣтъ? Чудачка я? Можетъ ли быть чудачкою женщина, которая одѣвается у Герзе?

Северина между тѣмъ, послѣ небольшого смущенія, вскорѣ начала хохотать, какъ будто бы мое присутствіе нисколько ее не стѣсняло. Я поклонился ей и ей же отвѣтилъ на вопросъ Дали:

— Въ качествѣ судьи, я вынужденъ произнести приговоръ: вы совершили преступленіе—вы оскорбили царицу.

— Какую царицу? — спросила Северина, оглядывая меня своими прекрасными, не то удивленными, не то улыбающимися глазами.

— Царицу моды!—отвѣтилъ я.

Северина покачала головою, надула губки и послѣ нѣкотораго раздумья сказала:

— Я не признаю этой царицы, во-первыхъ, потому, что она каждый годъ вынуждена оставлять свой престолъ...

— Le roi est mort, vive le roi!

— Да, но частыя перемѣны правителей не могутъ вселять въ подданныхъ увѣренности въ ихъ способности править другими... А во-вторыхъ,—продолжала Северина,—потому, что мода дѣлаетъ цивилизованныхъ людей дикарями...

Вотъ это неожиданная новость!

— Какъ же она можетъ это сдѣлать?

— О, очень просто... Взгляните только на женщину, одѣтую по послѣдней модѣ, и вы убѣдитесь, что она какъ двѣ капли воды похожа на женщину изъ племени зулусовъ... Не всѣ, конечно, но многія, очень многія...

— Боже мой!—произнесъ я въ удивленіи, не зная, какъ ей отвѣтить.

— Увидишь, Sévérine, что я тебя за это приколочу!—вскрикнула Даля, угрожая кузинѣ двумя маленькими бѣлыми кулаками.

— Въ качествѣ судьи,—сказалъ я,—покорнѣйше прошу представить мнѣ доказательства!

— Сейчасъ!

Северина побѣжала въ будуаръ. Эта странная женщина имѣла чрезвычайно граціозныя движенія, а ея платье и прическа, можетъ быть, отчасти и характеръ ея лица—дѣлали ее похожею на портреты дамъ совершенно другой эпохи.

Она почти мгновенно явилась снова, съ большою, изящно переплетенною книгою, которая въ числѣ другихъ лежала на столѣ въ будуарѣ, составляя его модное и обязательное украшеніе. Северина положила книгу на столъ, у котораго мы стояли втроемъ (бонна со своимъ воспитанникомъ уже исчезли изъ гостиной) и начала перелистывать страницы, наклонившись надъ книгою, съ которою, видимо, она была хорошо знакома.

— Путешествіе по Африкѣ,—говорила она.—Вотъ здѣсь есть типы... Королевы... Сейчасъ, сейчасъ!.. Вотъ онѣ... Зулуски!.. Смотри, Даля, какіе у нихъ волосы, какая прическа... точь въ точь, какъ теперь носятъ по волѣ „царицы модъ"... А эта вотъ!.. Развѣ ея платье, узкое-преузкое, не похоже на ваши платья? Но я видѣла тутъ еще одну картинку... Эта лучше всѣхъ... Подождите, сейчасъ!

Северина находила картины, показывала ихъ намъ, дѣлая при этомъ чрезвычайно остроумныя сравненія. Забавнѣе всего было то, что эта дикарка вздумала именно насъ сравнивать съ дикарями! При этихъ сравненіяхъ, я нѣсколько разъ смотрѣлъ на Далю, и не могъ удержаться отъ искренняго хохота. Въ новомъ, чуждомъ ей одѣяніи она была похожа Богъ знаетъ на что.

— Даля,—проговорилъ я, наконецъ,—совѣтую тебѣ поскорѣе стать... зулускою!

— Это къ чему?—поднимая голову и глядя на меня съ оттѣнкомъ удивленія, спросила Северина.

— Въ этомъ костюмѣ вы производите, если могу такъ выразиться, художественное впечатлѣніе, а Даля—забавное...

— Это почему?—снова спросила Северина.

Я не былъ въ состояніи отвѣтить ей сейчасъ по той простой причинѣ, что я только сознавалъ указанную мною разницу, но не съумѣлъ бы ее ясно и опредѣленно высказать. Я долженъ былъ обдумать отвѣтъ, чтобы избѣжать новаго съ ея стороны вопроса. Когда я взглянулъ на Северину, эта истая дикарка всматривалась въ мое лицо съ такимъ вниманіемъ, что у меня явилось невольное желаніе ощупать свою собственную голову, чтобы убѣдиться, не образовались ли на ней шишки. Северина доказываетъ, что наши дамы иногда бываютъ похожи на дикихъ женщинъ; но это странное, неприличное всматриваніе въ лицо мало знакомыхъ мужчинъ развѣ не диво, que le diable m'emporte!.. Я еще не успѣлъ придумать отвѣта, какъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, Северина протянула мнѣ руку и торопливо, не то стыдливо, не то съ оттѣнкомъ грусти, произнесла скороговоркою:

— Быть можетъ, Даля и теперь скажетъ, что я дѣлаю нѣчто непринятое въ порядочномъ обществѣ, но я должна васъ поблагодарить...

Я взялъ протянутую мнѣ ручку, не отличавшуюся особенною бѣлизною, напротивъ, загорѣвшую порядкомъ, но длинную, мягкую и гибкую, и, пожавъ ее, съ искреннимъ удивленіемъ долженъ былъ спросить:

— Судьба очень часто любитъ дарить людей совершенно неожиданными подарками... Настоящій ея подарокъ, повѣрьте, я принимаю съ благодарностью, но все-же я бы желалъ знать...

— Ахъ, Sévérine! Какъ же можно!.. Развѣ это прилично!.. Не слѣдуетъ откровенничать въ такихъ случаяхъ! Боже, Боже, что она дѣлаетъ!—говорила Даля, искренно обезпокоенная поведеніемъ своей кузины.

— Дорогая Даля,—отвѣтила Северина, которую слова Дали нисколько не смутили:—мнѣ кажется, что каждый человѣкъ имѣетъ полное право быть откровеннымъ... на свой счетъ, конечно. Я уже знаю, что за откровенность приходится платить; но ты знаешь, что я этого нисколько не боюсь.

— О, Боже! Знаю, знаю...

— Милостивыя государыни,—произнесъ и я въ свою очередь,

желая, наконецъ, узнать, въ чемъ дѣло:—я не могу сказать, что присутствую на нѣмецкой проповѣди, потому что я понимаю по-нѣмецки. Будьте любезны и объясните вашему покорному слугѣ, на какомъ языкѣ вы изволите разговаривать...

Даля, отчасти сердясь, отчасти смѣясь, а все же съ нѣкоторою досадою, разсказала, что вчера Станиславъ былъ у нея и разсказалъ ей со всѣми мельчайшими подробностями все, что произошло въ ресторанѣ послѣ раута, а Даля, въ свою очередь, съ тѣми же подробностями, разсказала все Северинѣ... Даля, конечно, хотѣла ей на дѣлѣ доказать, какъ нехорошо не держаться въ обществѣ какъ всѣ другіе, и къ какимъ прискорбнымъ послѣдствіямъ можетъ это повести.

— И вообрази только,—продолжала Даля:—Северина, вмѣсто того, чтобы сознаться въ своей ошибкѣ, чтобы опечалиться, какъ слѣдовало бы ожидать... она, вообрази только, напротивъ того, искренно радовалась, что ты поступилъ такъ благородно! Ну, а теперь еще она благодаритъ тебя за твое благородство! Разъигрывай дальше самъ роль героя безъ моей помощи, а я пойду переодѣться: въ этомъ костюмѣ у меня каждую минуту является желаніе поклониться себѣ и спросить: „съ кѣмъ имѣю честь?"...

Даля взглянула еще разъ въ зеркало и исчезла за дверью, которая вела въ комнаты, составляющія домашній очагъ. Северина осталась. Она стояла съ опущенными глазами и молчала. Я подошелъ къ ней.

— L'appétit vient en mangeant,—сказалъ я.—Удостоенный одной незаслуженной милости, осмѣливаюсь просить васъ удостоить меня еще одной.—Северина вопросительно взглянула на меня.

— Мы вѣдь, насколько мнѣ извѣстно, состоимъ въ родствѣ,—пояснилъ я.—Пока я еще не знаю степени нашего родства, но раньше, чѣмъ объяснитъ намъ это генеалогическое древо, позвольте просить у васъ разрѣшенія называть васъ кузиною и такъ же быть называемымъ вами.

— Съ удовольствіемъ, я очень рада,—отвѣтила Северина.

— Вы, кузина, цѣните родственныя связи?

— Да.

— Могу ли узнать причину?

— Причина незамысловатая. Родство даетъ людямъ предлогъ и право къ болѣе близкому знакомству, къ дружескимъ отношеніямъ, а въ жизни каждый предлогъ, ведущій къ этой цѣли, надо цѣнить.

Мы сѣли рядомъ.

— Вы, вѣрно, находите, кузина, что люди вообще находятся на слишкомъ большихъ другъ отъ друга разстояніяхъ,—да?

— Въ этомъ нельзя сомнѣваться—отвѣтила она, и глаза ея загорѣлись.—Мнѣ кажется, что будь на землѣ въ человѣческихъ отношеніяхъ побольше взаимнаго уваженія и расположенія другъ къ другу, это было бы для всѣхъ гораздо лучше; но бываютъ случаи, бываютъ такія положенія, въ которыхъ людей должно соединять въ одно цѣлое не только взаимное уваженіе, но и сознаваемая всѣми общность интересовъ, просто — единство полное... ненарушимое...

Северина говорила съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ, что мною овладѣло искреннее желаніе узнать, на что собственно она намекаетъ.

— Какіе же это случаи, какія положенія?—спросилъ я. Я замѣтилъ, что на ея лицѣ опять отразилось то крайнее удивленіе, которое я замѣтилъ и третьяго дня на раутѣ, и которое именно обратило на нее мое вниманіе.

— Вы не знаете, кузенъ?..

Я теперь только понялъ! Ахъ, да!.. Но развѣ можно всегда и вездѣ помнить и думать объ этихъ случаяхъ и исключительныхъ положеніяхъ?.. Педантка—вотъ и все тутъ!—подумалъ я, но въ то же самое время какой-то другой „я", точно другой человѣкъ, а все-же я самъ, а не кто другой, какъ будто сказалъ мнѣ на ухо: „Жалкій же ты человѣчекъ!"

— Боюсь,—началъ я послѣ нѣкотораго молчанія,—что ваше мнѣніе, кузина, о нашемъ обществѣ не будетъ слишкомъ для насъ лестно, пожалуй даже--отрицательное. Не такъ ли?

Северина на одно мгновеніе точно смутилась.

— Я убѣдилась,—ошибокъ, какъ вамъ извѣстно, я уже сдѣлала очень много,—что я совсѣмъ еще не умѣю произносить ни справедливыхъ приговоровъ, ни даже выражать мнѣній, согласныхъ съ дѣйствительностью.

Мы еще слишкомъ мало были знакомы для того, чтобы я могъ говорить съ ней такъ же свободно, какъ, напримѣръ, съ Далей, а потому неудивительно, что я нѣсколько нерѣшительно и шопотомъ сказалъ:

— Напримѣръ: Брониславъ Видзкій...

Северина сдвинула брови, и на ея молодомъ лбу образовалась маленькая морщинка, которую впослѣдствіи не разъ приходилось мнѣ наблюдать. Но эта морщинка быстро исчезла; Северина улыбнулась и начала разсказывать, съ какимъ чувствомъ страха и уваженія она ѣхала сюда, надѣясь встрѣтить людей болѣе или менѣе извѣстныхъ даже въ отдаленныхъ захолустьяхъ; какъ она желала этой встрѣчи, ожидая отъ нея многаго, очень многаго.

Она была увѣрена, что они-то именно съумѣютъ разрѣшить ей многіе неясные для нея вопросы, укажутъ настоящій путь, посовѣтуютъ, обнадежать. Эти думы и ожиданія и явились причиною того, что, увидя одного изъ такихъ людей, она забыла о всѣхъ условіяхъ приличія и сама же просила, чтобы ее ему представили!

— Даля говоритъ,—продолжала Северина,—что я свершила чуть ли не преступленіе, а во всякомъ случаѣ ересь, да я и сама знаю объ этомъ, но не могу согласиться съ такимъ правиломъ приличія. Что-жъ изъ этого, что я женщина? Это вовсе не возвышаетъ меня надъ человѣкомъ, который несомнѣнно выше меня, мужчина ли онъ, или женщина?

— Есть короли,—отвѣтилъ я,—которые въ каждую страстную пятницу сходятъ съ трона и моютъ ноги двѣнадцати своимъ подданнымъ...

Брови Северины снова сдвинулись и образовали морщинку: явный знакъ неудовольствія.

— Вы шутите, кузенъ!—а послѣ непродолжительнаго молчанія, прибавила:—вообще, здѣсь многіе шутятъ и смѣются надо всѣмъ.

— А больше другихъ Брониславъ Видзкій,—замѣтилъ я.

Северина не отвѣтила и даже не улыбнулась.

— Однакоже, — началъ я снова, не дождавшись отвѣта:— Брониславъ—и хорошій малый, и талантливый поэтъ.

— Что онъ хорошій человѣкъ,—съ видимымъ оживленіемъ отвѣтила Северина,—я охотно вамъ вѣрю, а что онъ талантливый поэтъ, я и сама давно такого мнѣнія. Но... разъ человѣкъ занимаетъ въ обществѣ исключительное положеніе, разъ онъ во главѣ и на него устремлены глаза общества, которое вѣритъ ему и ждетъ отъ него многаго — разъ это такъ, тогда нельзя быть лишь хорошимъ малымъ и талантливымъ поэтомъ...

Это „общество“, эти обязанности понемногу начали злить меня.

— Видите ли, кузина,—замѣтилъ я:—какъ же тутъ быть, если шутки и насмѣшки надъ всѣмъ, да и вообще взглядъ на жизнь съ шутливой точки зрѣнія—доставляютъ большое удовольствіе?.. Быть можетъ, жизнь ничего больше и не стоитъ!..

— О, нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула она такъ горячо, такъ искренно, что я съ удовольствіемъ всматривался въ ея лицо и въ ея прекрасные глаза. Северина вскорѣ успокоилась и снова погрузилась въ мечты и думы о чемъ-то. Мы довольно долго молчали.

— Мнѣ кажется,—тихимъ голосомъ сказала она, наконецъ,— что люди, которые такъ думаютъ, должны быть... очень несчастны.

— А тѣ,—спросилъ я,—которые думаютъ, что жизнь стóитъ труда, стараній и всего въ этомъ родѣ,—развѣ счастливы?

Северина задумалась надъ этимъ вопросомъ, глаза ея устремились въ невѣдомую даль, и послѣ нѣкотораго молчанія она отвѣтила:

— Въ нѣкоторомъ смыслѣ: да.

— А грусть? А печали?—спросилъ я снова, любуясь ея лицомъ, отражающимъ всякія, даже малѣйшія движенія ея души.— А ошибки?.. а потеря дорогихъ лицъ... родственниковъ... друзей?

Северина опустила голову.

— Потеря дорогихъ лицъ... ахъ, да!

Северина произнесла эти слова съ такимъ искреннимъ чувствомъ грусти, что изъ этого не трудно было вывести заключеніе, что она, несмотря на свою молодость, выстрадала много. Едва успѣлъ я это подмѣтить, раньше даже, чѣмъ съумѣлъ растрогаться возможностью ея страданій въ такіе молодые годы, Северина подняла голову, посмотрѣла на меня и спокойно, серьезно сказала:

— Да, это правда; но есть извѣстный планъ, извѣстная программа жизни, которая должна насъ интересовать; у жизни есть цѣль, которая приковываетъ къ себѣ все наше вниманіе, есть принципы, на которые можно опереться, и обязанности, исполненіе которыхъ ободряетъ...

Этотъ перечень всевозможныхъ достоинствъ жизни ошеломилъ меня. Казалось, что въ нашей бесѣдѣ начала уже звучать лирическая струна; мы уже добирались до той границы, за которой начинается обмѣнъ личныхъ чувствъ двухъ сердецъ, какъ вдругъ: трахъ!—послѣ „общества" выступили на сцену: планъ и цѣль жизни, принципы, обязанности! Я выпрямился, умолкъ и раздумывалъ, не зная, что и какъ сказать, чтобы удержаться на той выси, куда волей-неволей мнѣ пришлось взобраться за Севериною.

Кто она?—думалъ я.—Синій чулокъ? Нѣтъ, она вѣдь о книгахъ не болтаетъ и не старается доказать всѣмъ и каждому, сколько она знаетъ. Кандидатка въ монахини? Нѣтъ, нѣтъ! Какое же значеніе въ такомъ случаѣ имѣли бы въ ея устахъ: общество, обязанности, принципы и т. п. прекрасныя слова, о которыхъ въ монастыряхъ ничего не знаютъ?! А ея глаза, ея лицо— да вѣдь ничего въ нихъ нѣтъ, что хотя бы намекало на монастырь. Провинціалочка? О, нѣтъ! Ни у одной провинціалки нѣтъ той храбрости, какою она отличается: она смѣла почти до дерзости; да и интересна же она, ахъ, какъ интересна! Правда, иногда изъ какого-то волшебнаго сосуда преспокойно льетъ человѣку на голову очень холодную воду, но это вовсе не такая вода, по которой плаваютъ гусята. Во всякомъ случаѣ, она— дикарка!..

Вдругъ что-то зашуршало, въ воздухѣ послышался запахъ модныхъ духовъ и раздался салонный лепетъ хорошенькой женщины: въ гостиную вошла Даля въ самомъ модномъ нарядѣ. Вотъ это такъ—à la bonne heure! Капотъ цвѣта saumon съ длиннымъ шлейфомъ; спереди, отъ шейки вплоть до красивыхъ ножекъ, волны тюля и кружевъ, прическа по всѣмъ правиламъ искусства: цѣлый лѣсъ мелкихъ локончиковъ, среди которыхъ блестѣлъ крошечный золотой кинжалъ.

— Поздравляю тебя, Даля, съ такимъ туалетомъ! — сказалъ я, любуясь на хорошенькую женщину.

— Да, туалетъ очень изящный,—согласилась и мадемоазель Здроіовская, и въ ея взглядѣ я замѣтилъ истинно женское любопытство.

— Кто же тебѣ мѣшаетъ сшить себѣ такой же точно капотъ и причесаться какъ угодно?—отвѣтила Даля, подбѣжала къ ней и схватила ее за обѣ руки.

— Хочешь?.. Поѣдемъ сейчасъ къ Герзе! Хорошо?.. Увидишь, какія тамъ чудеса въ этомъ родѣ... Я увѣрена, что ты вернешься на путь истины... Здзиславъ,—обратилась она ко мнѣ:—ты вѣдь поѣдешь съ нами, да?.. Ты хорошій совѣтникъ въ такихъ случаяхъ. Ну, ѣдемъ?.. Что-жъ, Sévérine, ѣдемъ?.. Ахъ, какъ мнѣ бы хотѣлось разодѣть тебя, показать знакомымъ, оставить у себя на всю зиму...

Даля дѣйствительно любила свою кузину, съ которою онѣ провели вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ еще до замужства Дали. Теперь она просила, умоляла ее, цѣловала такъ, что, казалось, камень долженъ бы былъ ей уступить. Но мадемоазель Здроіовская уступить не хотѣла. Она цѣловала Далю и отвѣчала:

— Не могу, не могу, Даля... Повѣрь мнѣ, что не могу! Я же тебѣ говорила, по какой причинѣ...

— Э, что̀ ты тамъ болтала!.. Мало ли что̀ можно говорить!..

Даля повела плечами, и, обращаясь ко мнѣ, продолжала:

— Вообрази только: она говоритъ, что у нея нѣтъ средствъ на наряды!..

„Вотъ оно какъ!—подумалъ я:—значитъ, она унаслѣдовала отцовскіе или братнины долги!“ Но Даля, точно угадавъ мои мысли, продолжала:

— Но не вѣрь, не вѣрь ей! У нея по крайней мѣрѣ тысячъ десять годового дохода, и съ каждымъ годомъ доходъ этотъ будетъ увеличиваться, потому что господинъ Богурскій хозяйничаетъ великолѣпно, да и она тоже...

Какой такой еще господинъ снова появился на сцену?

— Ну, Даля,—сказалъ я, улыбаясь:—будь такъ любезна и представь Богурскому людей, которыхъ принимаешь у себя...

— Э, не стоитъ!.. Это такой господинъ Богурскій... онъ управляетъ ея имѣніемъ...

Северина, которой Даля не позволяла даже говорить, объясняя все за нее, не вытерпѣла и сказала громко и внятно:

— Не какой-нибудь, вовсе не какой-то, а другъ моего брата...

— Другъ ея брата,—подтвердила Даля.—Потому, видишь ли, у нея все, что̀ есть, все это—брата... Имѣніе тоже принадлежитъ брату, котораго нѣтъ уже въ живыхъ... Да и кромѣ того, это имѣніе, какъ она увѣряетъ, не ея собственность... Ну, а что касается ея монастырскаго костюма, такъ она одѣвается та̀къ изъ принципа... а какой это принципъ—этого я тебѣ сказать не могу, потому что въ моей головѣ такія вещи никакъ не хотятъ долго существовать... Ну, не знаю, какой такой принципъ; знаю только, что принципъ — и все тутъ. А теперь, господа, пожалуйте завтракать...

Я былъ радъ тому, что Даля пригласила меня завтракать, потому что мнѣ хотѣлось присмотрѣться нѣсколько къ мадемоазель Здроіовской, которая съ распростертыми руками загородила дорогу вбѣжавшему мальчугану, подняла его кверху и понесла въ столовую. Маленькій Артюръ между тѣмъ громко цѣловалъ ея лицо, что̀ доставляло ей большое удовольствіе. Тутъ же около нея шла бонна, разговаривая съ нею безцеремонно, точно со своею подругою. Все это происходило такъ, какъ будто въ гостиной не было молодого человѣка pur sang, который хотя и зачислился въ родственники безцеремонной барышни, но все-же былъ—чужой. Северина даже и не думала оправдываться въ томъ, въ чемъ ее обвиняла Даля; она всецѣло отдалась теперь маленькому Артюру: посадила его за столъ, завязала ему салфетку на шеѣ и болтала съ бонною по-французски. Мнѣ хотѣлось узнать, какъ она говоритъ по-французски, но это мнѣ не удалось, потому что Даля пространно разсказывала мнѣ о какомъ-то иностранцѣ, который пріѣхалъ къ намъ недавно. Этотъ иностранецъ происходилъ изъ какого-то мало у насъ извѣстнаго государства, а потому и возбуждалъ особенное любопытство. Румынъ какой-то, далматинецъ, кроатъ, или что-то въ этомъ родѣ; господинъ сей имѣлъ счастіе понравиться многимъ. Видѣвшіе его—увѣряла Даля—разсказывали о немъ чудеса. Говорили, что онъ богатъ какъ Аль-Рашидъ, знатнаго происхожденія, но какія-то несчастія заставили его скитаться по бѣлу свѣту; словомъ, нѣчто въ родѣ отрывка „изъ тысячи и одной ночи“! Кто-то обѣщался представить

его Далѣ, и она радовалась этому, точно ребенокъ. Даля вообще любила знакомиться съ иностранцами, и чѣмъ менѣе популярна была у насъ народность котораго-нибудь изъ нихъ, тѣмъ бо̀льшее любопытство возбуждалъ въ ней такой субъектъ. Это была страсть —родственная моей страсти къ китайскимъ и японскимъ издѣліямъ, или же ко всякаго рода древностямъ. Происхожденіе нашихъ страстей было одно и то же. Но „toujours des perdrix", во всякомъ случаѣ, лишаетъ аппетита, а экзотическія впечатлѣнія являются тою пикантною приправою, которая возбуждаетъ вкусъ, притупленный всякими куропатками. Даля говорила о своемъ иностранцѣ пространно и долго; я же, дѣлая видъ, что слушаю ее внимательно, забавлялся хорошенькимъ мальчикомъ Дали, и время отъ времени бросалъ взгляды на Северину, которая хотя и не была иностранкою, но для меня въ эту минуту представляла нѣчто экзотическое.

Я замѣтилъ, что всѣ подробности, относящіяся къ румыну или далматинцу, почти вовсе не интересовали Северину, которая изрѣдка отвѣчала на вопросы бонны, вообще же молчала; улыбнулась она, впрочемъ, нѣсколько разъ, а это случалось тогда, когда маленькій Артюръ остроумно отвѣчалъ на мои поддразниванія. При каждой такой улыбкѣ Северина показывала два ряда бѣлыхъ и собственныхъ зубовъ. Леонъ ошибся вчера, утверждая, что только у крестьянокъ можно еще встрѣтить бѣлые и собственные зубы.

Губы Северины во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ коралловаго ихъ цвѣта и кончая совершенно правильнымъ рисункомъ, были прекрасны. Губы ея и глаза были такъ красивы, что можно было вовсе не замѣчать остальныхъ деталей лица, глядя на ея уста. Я замѣтилъ, что мнѣ трудно оторвать отъ нихъ глаза, разъ они на нихъ остановились, и въ третій разъ я поддразнилъ маленькаго Артюра—нарочно, чтобы вызвать премилую улыбку на уста Северины. Я нарочно отнялъ у мальчугана тарелку съ кремомъ какъ разъ въ ту минуту, когда онъ собирался приняться за него, но Артюръ не обидѣлся, не крикнулъ, а лишь отодвинулся нѣсколько отъ стола и преспокойно сказалъ:

— Пусть дядя скушаетъ этотъ кремъ, вѣдь дядя гость...

Столь раннее въ такомъ маленькомъ существѣ доказательство гостепріимства и умѣнія отказываться даже отъ личныхъ удовольствій невольно возбудило общую радость. Даля подбѣжала къ своему сыну и расцѣловала его, а я, грѣшный человѣкъ, съ рѣдкимъ эстетическимъ наслажденіемъ всматривался въ прекрасныя, улыбающіяся губки. Сколько искренности, сколько правды,

сколько удивительной граціи было въ этой улыбкѣ!.. Вдругъ на щекахъ Северины показалось блѣдно-розовое зарево, которое разлилось по всему ея личику, покрывая его сплошнымъ румянцемъ... Глаза ея не глядѣли на меня, они даже не глядѣли въ даль, какъ это часто случалось у Северины. Какимъ же образомъ она могла замѣтить, что я всматривался въ ея губки? Да, я и тогда былъ увѣренъ, и теперь думаю, что она скорѣе догадалась, что я на нее смотрю, чѣмъ видѣла устремленные въ ея сторону глаза.

— Изъ семейства недотроги!—подумалъ я и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалъ, что по моему тѣлу пробѣжала дрожь.

Послѣ завтрака Даля еще разъ предложила намъ съѣздить съ нею въ магазинъ и къ портному.

Северина посмотрѣла на часы.

— Я поѣхала бы съ тобою,—сказала она,—но вѣдь ты знаешь, гдѣ я обѣщалась быть черезъ часъ. Я вѣдь могу такъ опоздать.

— Странное удовольствіе!—зѣвнувъ слегка, отвѣтила Даля.—Вмѣсто того, чтобы поѣхать въ магазины и къ Герзе, отправляться къ жрецамъ!

— Къ кому?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Къ жрецамъ!—повторила Даля.—Конечно, къ жрецамъ науки, идеи, общественной дѣятельности и тому подобныхъ святынь... Séverine была у нихъ вчера, и утверждаетъ теперь, что всѣ остались взаимно довольны собою и пригласили ее еще заѣхать сегодня.

— Ахъ, Даля!—замѣтила Здроіовская.—У тебя такая странная манера представлять въ смѣшномъ видѣ даже самыя простыя вещи...

Послѣ этого и Даля, и Северина, каждая по-своему, разсказали мнѣ, какъ Северина познакомилась съ нѣсколькими представителями нашей интеллигенціи, извѣстными своей дѣятельностью на поприщѣ общественной жизни; фамиліи ихъ были мнѣ хорошо знакомы, и я, конечно, глубоко уважалъ ихъ, но не считалъ особенно заманчивымъ заводить съ ними знакомство. Северина познакомилась съ ними потому, что она нуждалась въ какихъ-то указаніяхъ и совѣтахъ по двумъ предметамъ, поглотившимъ всецѣло ея вниманіе: возвышеніе уровня культуры въ своемъ имѣніи и просвѣщеніе простого народа. Она и отправилась къ одному извѣстному сельскому хозяину и къ одному не менѣе извѣстному педагогу. Она съ ними совѣтовалась; они оба, и тотъ и другой, дали ей массу весьма цѣнныхъ указаній, совѣ-

товъ и т. п., и просили ее зайти къ нимъ еще разъ съ тѣмъ, чтобы получить еще болѣе точныя и опредѣленныя указанія. Кажется, что въ этотъ день должно было состояться нѣчто въ родѣ совѣщанія, которое должно было рѣшить вопросъ: какъ и какимъ образомъ, обладая извѣстнымъ богатствомъ, можно принести обществу самую большую долю пользы?

Северина ошиблась въ насъ третьяго дня, но теперь она нашла людей, которые охотно исполнили ея желаніе. Она была этимъ чрезвычайно довольна.

Что-жъ! Это въ порядкѣ вещей. Северина вѣдь пріѣхала къ намъ исключительно за тѣмъ, чтобы вынести отъ насъ побольше свѣта. Вотъ она и на пути къ своему идеалу! Да, Боже мой, какой же это такой идеалъ молодой барышни, богатой, да и съ такими прелестными губками!?.. Но всѣ эти размышленія нисколько не помѣшали мнѣ слушать съ истиннымъ удовольствіемъ ея разсказы о громадныхъ лѣсахъ, прилегающихъ къ огромнѣйшей пустынѣ, о которыхъ до сихъ поръ никто не заботился какъ слѣдуетъ, потому что тамъ нѣтъ рѣшительно никакого заведеннаго порядка, никакого лѣсного хозяйства. Это-то хозяйство она и заведетъ при помощи своего управляющаго (друга ея брата). Северина съ двухъ точекъ зрѣнія смотрѣла на свои лѣса: во-первыхъ, она считала ихъ не исключительно своею, а общественною собственностью, которой нельзя портить и не заботиться о ней, потому что это равнялось бы уничтоженію чужой собственности; а во-вторыхъ, лѣса въ ея глазахъ были украшеніемъ земли. Прелестны должны были быть эти лѣса, въ которыхъ точно въ зеленомъ гнѣздышкѣ лѣтомъ, а въ алебастровомъ зимою, ютился ея родной домъ! Не трудно было замѣтить, что она любила свои лѣса. Когда Северина начала описывать ихъ безмѣрную глубь, все новыя, на каждомъ шагу открывающіяся перспективы, ихъ таинственныя дорожки, окаймленныя лѣсными цвѣтами, ихъ долины, ихъ запахъ, таинственный шопотъ и пѣвучій гулъ, мы съ Далей прислушивались къ ея разсказу, точно Северина читала отрывокъ какой-то прекрасной поэмы. Но послѣ лѣсовъ пришла очередь лугамъ, которые слѣдовало осушить, желая увеличить качество и численность скота, а такимъ образомъ значительно увеличить доходъ съ имѣнія и доказать сосѣдямъ, особенно же крестьянамъ, что это именно нововведеніе, котораго они ни за что не хотятъ признавать, и есть самое необходимое, самое важное.

Когда, слѣдуя за разсказомъ и объясненіями Северины, я очутился мысленно на этихъ лугахъ, мнѣ показалось, что мнѣ вдругъ стало холодно, что я просто озябъ, а Даля, нисколько не

стѣсняясь, медленно зѣвнула и протягиваясь на диванѣ воскликнула:

— Sévérine, спой что-нибудь!

Здроіовская искоса взглянула на меня. Я догадался, о чемъ она подумала, и, наклонившись къ ней, я тихонько запѣлъ:

— „Ду-ду-ду,—козелъ бородатый"...

Мы всѣ трое искренно засмѣялись.

— Скажи, пожалуйста, почему тебѣ пришло тогда въ голову, спѣть такую чепуху?—спросила Даля, подымаясь нѣсколько на диванѣ.—Мнѣ показалось, что домъ рушился, и что стѣны на насъ падаютъ!

— Потому,—отвѣтила Северина,—что мнѣ тогда было досадно и грустно, да и потому еще, что я обидѣлась. За шутки... шутка!..

— Въ такомъ случаѣ спойте теперь, кузина,—просилъ я,—для того, кто не шутилъ... потому что вы знаете, что я не шутилъ...

— Да, знаю,—отвѣтила она.

Но пѣть она не хотѣла, ссылаясь на недостатокъ времени.

— Я сейчасъ должна ѣхать!—сказала она.

— Въ санхедринъ!—пошутилъ я и закаялся, потому что сейчасъ же замѣтилъ, что эта шутка ей не понравилась... Северина взглянула на меня, улыбка исчезла съ ея лица, а вскорѣ затѣмъ она вышла изъ гостиной.

Когда при прощаніи Северина вѣжливо, но холодно подала мнѣ руку и торопливыми шагами удалилась изъ гостиной, мнѣ вдругъ стало почему-то больно и досадно. Я не хотѣлъ, я вовсе не думалъ ее обижать. Можетъ быть, она и не обидѣлась, но только шутка моя произвела на нее такое впечатлѣніе, какое я испыталъ тогда, когда подъ вліяніемъ ея разсказа очутился на осушаемыхъ лугахъ, на которыхъ разгуливалъ скотъ лучшаго качества и въ увеличенномъ количествѣ. Я протянулъ руку за шляпою, собираясь уйти, но сейчасъ же сѣлъ снова, такъ какъ Даля, все лежа на диванѣ, начала говорить о Северинѣ. Даля замѣтила, что не надо обращать вниманія на чудачества Северины, потому что, въ сущности, она предобрая и премилая дѣвушка, только въ томъ бѣда, что она людей не знаетъ, да и испытала въ жизни не мало горя. Даля провела съ нею вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ, когда онѣ еще были молоденькими дѣвушками, а затѣмъ онѣ часто встрѣчались. Нѣсколько лѣтъ, впрочемъ, она ея не видѣла, но изъ разсказовъ родныхъ она знала, что̀ дѣлала Северина. Въ тѣхъ краяхъ, гдѣ жила Северина, происходили грозныя событія, которыхъ Даля не была уже свидѣтельницею,

потому что еще прежде вышла замужъ и уѣхала оттуда! Но Северина осталась тамъ и видѣла все. При этомъ погибъ и ея братъ. Северина обожала своего брата, который былъ чрезвычайно экзальтированъ и, кажется, имѣлъ на Северину большое вліяніе. Ея отецъ былъ тоже въ нѣкоторомъ родѣ чудакъ. Вотъ хотя бы, напримѣръ, это: единственнаго сына, а слѣдовательно, богатаго человѣка, онъ воспитывалъ такъ, какъ будто бы у него никогда не должно было быть никакихъ средствъ, не только-что богатства. Адамъ Здроіовскій, братъ Северины, погибъ вскорѣ послѣ окончанія имъ университетскаго курса. Онъ умеръ гдѣ-то очень, очень далеко, отъ какой-то ужасной болѣзни. Северина оплакивала его долго. Когда онъ уѣзжалъ, она хотѣла ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, но тогда еще отецъ жилъ и, по всей вѣроятности, не пустилъ ее, а можетъ быть, и она не хотѣла его оставить одного... Но и отецъ умеръ вскорѣ послѣ смерти сына, и Северина, мать которой давно уже умерла, осталась единственной наслѣдницей громаднаго имѣнія. По мнѣнію Дали, и это послѣднее обстоятельство могло отчасти повліять на Северину... Вліяніе экзальтированнаго брата, семейныя несчастія, исключительное положеніе богатой дѣвушки—вотъ причины, которыя совмѣстно вліяли на характеръ Северины.

— А главнымъ образомъ и прежде всего,—говорила Даля,—по моему, на Северину скверное вліяніе имѣетъ это вѣчное, почти безвыѣздное пребываніе въ деревнѣ... да еще въ какой деревнѣ!.. Это захолустье самое глухое, монастырь, пустыня!.. Тамъ можно съума сойти!

— Но разъ она здѣсь, постарайся устроить такъ, чтобы она осталась подольше!

— Должно быть! Останется!.. Послѣ завтра уѣзжаетъ!

Я поднялся съ мѣста.

— Куда же она такъ торопится? Зачѣмъ? Не закупать ли скотъ для новаго хозяйства?

Со шляпою въ рукахъ я подошелъ къ Далѣ, чтобы проститься съ нею и уйти. Даля лежала на диванѣ; одной рукою она играла своими волосами, а въ другой, опущенной внизъ, держала книгу, которую и не думала читать. Широкій рукавъ капота saumon упалъ съ ея плеча, которое въ волнахъ желтоватыхъ кружевъ выдѣлялось съ рѣзкостью алебастроваго, изваяннаго рукою самаго искуснаго ваятеля женскаго плеча. Я наклонился и дотронулся губами до ея руки, нѣсколько ниже локтя и почувствовалъ, что какая-то чрезвычайно пріятная электрическая струя пробѣжала по всему моему тѣлу. Даля же бросила книгу на полъ

и, не обращая вниманія ни на меня, ни на мое смущеніе, проговорила, точно меня тутъ не было:

— Ахъ, еслибъ Даровскій скорѣе привелъ этого далматинца!.. Я очень хотѣла бы поскорѣе его увидѣть!..

Ну, вотъ! Вѣрь тутъ женскому сердцу! Далматинецъ!.. Въ прошломъ году ей нравился какой-то мексиканецъ, и я подозрѣвалъ, что онъ привезъ съ собою свои тропическіе жары и упоилъ ее, какъ въ сказкахъ опаиваютъ предметъ своей страсти. Но я напрасно опасался; все прошло у нея—какъ съ гуся вода... Да, и въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ отношеніи она была совершенно похожа на бѣлаго лебедя. Едва успѣлъ уѣхать мексиканецъ, Даля начала флиртовать со мною, а теперь вдругъ раздумала, и не по какой-либо другой причинѣ, какъ единственно только потому, что на горизонтѣ появился какой-то южный славянинъ. Впрочемъ Богъ съ нимъ! Восхищайся Даля хоть пятью чужестранцами, тѣмъ не менѣе она не перестанетъ питать ко мнѣ чувства искренней дружбы,—а чего же могу я отъ нея больше требовать?..

При прощаніи, Даля сказала мнѣ, что она намѣрена вмѣстѣ съ Севериною отправиться на слѣдующій день на выставку картинъ.

Мнѣ было досадно, что Здроіовская отправилась въ собраніе этого санхедрина; а бѣсило меня собственно то, что ей вздумалось совсѣмъ уѣхать послѣ-завтра, и я бы ни за что и не подумалъ о ней теперь, но какой-то другой человѣкъ, котораго я всегда всюду съ собою вожу, вдругъ воскликнулъ по адресу Дали:

— Возьмите и меня съ собою!

— Конечно!.. Съ большимъ удовольствіемъ... Приходи завтракать, а затѣмъ отправимся,—отвѣчала Даля.

Спускаясь съ лѣстницы, я встрѣтилъ Юзя, а затѣмъ у воротъ увидѣлъ Стефана и Станислава. Мы обмѣнялись нѣсколькими словами. Всѣ они трое шли къ Далѣ.

Ну, подумалъ я, начинается торжественное шествіе, а вскорѣ откроется и формальный походъ. Еще бы! У Дали вѣдь гоститъ богатая невѣста. Конечно, одѣться не умѣетъ прилично, чудачка, дикарка, но... богатая наслѣдница! Имѣніе, лѣса, луга, которые надо осушить, чтобы улучшить качество и увеличить количество скота, и—будущій женихъ! Эти друзья мои возбудили во мнѣ нѣчто въ родѣ презрѣнія. Такое чувство особенно непріятно, когда его вызываютъ люди во всѣхъ другихъ отношеніяхъ и приличные, и милые, да вдобавокъ точь-въ-точь на насъ похожіе. Я даже съ удовольствіемъ подумалъ, разставшись съ ними, что они

жестоко обманутся, потому, во-первыхъ, что она и смотрѣть на нихъ теперь не будетъ, а во-вторыхѣ, она уѣдетъ послѣ-завтра. Напрасныя хлопоты! Меня же все это нисколько не интересуетъ, какъ потому, что я вовсе не намѣренъ стараться возбудить въ ней чувства болѣе нѣжнаго свойства, такъ и потому, что ея осушенные луга меня вовсе не прельщаютъ...

Но мало ли чтò мнѣ могло тогда показаться! Чтò ни говори, а все это меня интересовало. Слуга мой, Викентій, котораго я въ этотъ день чуть было не прогналъ, могъ бы засвидѣтельствовать, что все это меня интересовало! Викентій провинился только тѣмъ, что у него скрипѣли сапоги. Кое-что могла бы сказать объ этомъ и хорошенькая женщина, жившая за кулисами большого свѣта, съ которою время отъ времени я проводилъ нѣсколько болѣе или менѣе пріятныхъ минутъ. Въ этотъ вечеръ эта хорошенькая женщина, несмотря на шикарное свое платье и молодость, казалась мнѣ увядшею и старою. Я не могъ въ этотъ вечеръ просидѣть у нея больше четверти часа и отправился въ клубъ на партію безига. Въ карты я игралъ вообще очень мало и не особенно охотно, но въ этотъ именно памятный мнѣ вечеръ я игралъ съ такимъ увлеченіемъ, что долженъ былъ мысленно благодарить большіе города за ту дифференцировку чувствъ и впечатлѣній, какую въ нихъ творитъ цивилизація. Не то, такъ другое, а въ большомъ городѣ всегда человѣкъ найдетъ непремѣнно что-нибудь, чтò его развлечетъ и займетъ.

На слѣдующій день, въ условленный часъ, я пришелъ къ Далѣ, но Здроіовской не было дома; она очень рано отправилась въ городъ за покупками и еще не вернулась. Едва, однако, успѣли мы съ Далей обмѣняться нѣсколькими словами, какъ распахнулась дверь столовой, и Северина вбѣжала къ намъ въ шубѣ и въ шляпкѣ, вся розовая отъ холода, который покрылъ ея щечки прелестнымъ румянцемъ. За нею лакей несъ нѣсколько большихъ коробокъ, завернутыхъ въ бумагу, которыя заняли довольно много мѣста на столѣ.

— Это чтò?—съ любопытствомъ спросила Даля и бросилась къ столу, чтобы посмотрѣть покупки Северины.

— Книги!—отвѣтила Северина, снимая шляпу и шубку.—Много, много книгъ... Чего тутъ только нѣтъ!.. едва помѣстились на извозчикѣ!.. Знаешь, Даля, прохожіе даже останавливались на улицѣ, когда я проѣзжала... Вообрази, такъ мало мѣста осталось для меня на извозчикѣ, что я чуть-чуть не упала!

Я замѣтилъ, что Северина была довольна тѣмъ, что я пришелъ. Едва она вошла въ дверь, какъ взоры наши встрѣтились,

и я замѣтилъ, что она довольна. Да, я это видѣлъ по ея глазамъ; не говоря уже о томъ, что я кое-что понималъ въ искусствѣ разгадывать значеніе чужихъ взглядовъ, но эти глазки Северины были до того искренни, прозрачны, что они неспособны были скрыть что-нибудь или притворяться. По всей вѣроятности, теперь ей было досадно, что она такъ непривѣтливо разсталась съ своимъ кузеномъ, за то, что онъ пошутилъ безъ малѣйшаго даже желанія обидѣть ее: когда я помогалъ ей снять шубку, она поздоровалась со мною искреннимъ, добрымъ пожатіемъ руки и сейчасъ же побѣжала къ своимъ книгамъ. Даля развязала уже всѣ веревки. Она любила читать всякія новинки, и библіотека Северины ее интересовала. Впрочемъ, это не былъ интересъ, возбужденный любопытствомъ, имѣющимъ цѣлью Северину и то, чѣмъ могла интересоваться эта дикарка, а просто желаніе поскорѣе узнать, какія книги такъ внезапно вторглись въ столовую женщины, привыкшей интересоваться произведеніями искусства. А такъ какъ я тоже любилъ читать и тоже хотѣлъ узнать, что̀ выбрала Северина, то вскорѣ мы всѣ трое развертывали пакеты. Северина тутъ же объясняла, какія это книги и для кого предназначались:

— Это для дѣтей... Эти книги для взрослыхъ... Это для управляющаго... Эти для меня... Эти—и для него, и для меня... Это вотъ для тети Леонтины... а это вотъ только для управляющаго...

Библіотека, пріобрѣтенная Севериною, состояла изъ громаднаго количества букварей и дѣтскихъ книгъ, изъ цѣлыхъ изданій для народа, книгъ и брошюръ, трактующихъ о сельскомъ хозяйствѣ и разныхъ его отрасляхъ; были тутъ и повѣсти оригинальныя и иностранныя, сборники пѣсенъ, поэтическія произведенія, все, однимъ словомъ, что̀ только могли пожелать люди разныхъ лѣтъ и разнаго умственнаго развитія.

— А здѣсь ноты!

И не то чтобы передъ нами лежала небольшая связка нотъ, а цѣлыя кипы.

— А вотъ и шляпка!

Северина вынула изъ картонки самую простую шляпу, какія только существовали въ текущемъ столѣтіи, и показала ее Далѣ, которая сейчасъ надѣла ее на голову Северинѣ и, осмотрѣвъ ее со всѣхъ сторонъ, согласилась, что она „сойдетъ“. Северина же утверждала, что шляпка во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная и лучше быть не можетъ. Онѣ долго спорили и не могли ни-

какъ согласиться. Наконецъ, Даля попросила меня принять на себя роль судьи въ этомъ спорѣ.

— Скажу откровенно,—сказалъ я,—что шляпкѣ, которую вы, кузина, находите прекрасною, не могу присудить этого качества, но зато вамъ въ ней прекрасно, какъ, впрочемъ, во всемъ, чтò бы вы ни одѣли.

Это было мое искреннее мнѣніе.

Лакей подошелъ къ Далѣ и шопотомъ спросилъ, гдѣ прикажутъ подавать завтракъ, такъ какъ книги занимали весь столъ.

— Все это надо перенести въ комнату мадемоазель Клэръ! —распорядилась Даля, но не успѣла она еще сказать послѣдняго слова, какъ Северина взяла со стола столько книгъ, сколько могла ихъ удержать въ рукахъ, и унесла ихъ изъ столовой. Я послѣдовалъ ея примѣру, Даля—тоже; а такъ какъ намъ пришлось совершить эту прогулку нѣсколько разъ, то къ намъ присоединились и мадемоазель Клэръ, и маленькій Артюръ. Нечего и говорить, что намъ было весело. Артюръ мѣшалъ намъ постоянно, разбрасывалъ книги, которыя мы укладывали старательно, хохоталъ при этомъ и весело кричалъ, точно ничего лучше и занимательнѣе нельзя было придумать, чтобы его развлечь. Я тогда понималъ и вполнѣ раздѣлялъ его настроеніе; да, больше того, я былъ тогда совсѣмъ похожъ на него; я былъ такъ веселъ, какъ будто бы перекладываніе книгъ съ одного мѣста на другое было моимъ настоящимъ призваніемъ, которое я, наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ нашелъ.

— Заказали ли вы, кузина, отдѣльный поѣздъ для этихъ книгъ?

— Мнѣ кажется, что я съумѣю помѣститься въ одномъ вагонѣ вмѣстѣ съ ними.

— Какъ бы вы, кузина, не выпали изъ вагона. Для васъ вѣдь останется такъ же мало мѣста, какъ на извозчикѣ сегодня... Эти буквари для кого же?

— Для мальчиковъ и для дѣвочекъ.

— Развѣ у васъ такъ много сосѣдей?

— Очень много! Едва ли хватитъ...

— А у этихъ сосѣдей такъ много дѣтей?

— Масса!

— Да не вѣрь ей,—замѣтила Даля.—У нея почти нѣтъ сосѣдей... Кругомъ лѣса, безлюдье...

Я удивился.

— Откуда же масса дѣтей и для кого эти буквари?

Северина, которая только-что вошла въ комнату и положила

на столѣ цѣлую ношу книгъ, посмотрѣла на меня, на Далю и расхохоталась.

— Не угодно ли тебѣ объяснить,—сказала Даля,—причину твоего хохота?

Северина, отправляясь за новой ношей, отвѣтила:

— Я вспомнила анекдотъ, который дѣдушка любитъ еще и теперь иногда разсказывать. Жилъ-былъ во Франціи такой господинъ, который утверждалъ, что, начиная лишь съ ви-конта человѣкъ достоинъ названія человѣка; а когда разъ кто-то спросилъ его: „а баронъ?“ — онъ думалъ, думалъ и, наконецъ, отвѣтилъ: „баронъ—это вице-человѣкъ“.

Даля повела плечами; она не поняла смысла и значенія этого анекдота, но я сразу его понялъ. Да, да, конечно! Даля совершенно забыла—о мужикахъ.

Когда Северина ушла, я спросилъ Далю:

— Кто такой этотъ дѣдушка?

— Ахъ, это старый... очень старый человѣкъ—Адамъ Здроіовскій... Во время-óно онъ былъ офицеромъ въ войскахъ Наполеона... Древность!

— И живетъ еще, и внучкѣ все еще разсказываетъ демократическо-сатирическіе анекдоты?

— Да, живетъ и разсказываетъ...

Погода стояла прекрасная; морозъ слегка лишь пощипывалъ щечки представительницъ прекраснаго пола. Даля не велѣла закладывать лошадей; намъ хотѣлось немного прогуляться пѣшкомъ. На тротуарѣ, по которому толпились прохожіе, первый разъ въ этотъ день съ той минуты, какъ я увидѣлъ Северину, я почувствовалъ, что мною овладѣваетъ непріятное чувство: я замѣтилъ, что Здроіовская какъ-то странно ходитъ по улицѣ, что она всѣмъ и всѣ ей, въ свою очередь, мѣшаютъ идти прямо, что въ движеніяхъ ея нѣтъ той ловкости и граціи, которыя я замѣтилъ въ ней въ комнатѣ, однимъ словомъ, я убѣдился, что Северина не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое chic. Ея шубка была сшита не по требованіямъ моды, да еще порядкомъ изношена. Въ гостиной Северина могла восхитить даже самаго взыскательнаго знатока и любителя именно тѣмъ, чего полное отсутствіе въ ней я замѣтилъ на улицѣ! И куда же дѣвался ея шикъ, ея граціозность?.. Отсутствіе этихъ качествъ я замѣтилъ и въ прихожей зданія, въ которомъ помѣщалась выставка. Здѣсь она слишкомъ торопилась, нáскоро сняла и сбросила шубку, разглядывала съ какимъ-то страннымъ без-

покойствомъ и съ любопытствомъ осматривала снимающихъ шубы и покупающихъ входные билеты.

Вотъ это-то мнѣ и не нравилось. Она слишкомъ откровенно показывала всѣмъ и каждому свое любопытство, желаніе увидѣть еще невиданное: все это являлось негармоническимъ звукомъ въ томъ аккордѣ, который звучалъ о ней и для нея въ моей душѣ. Слѣдуя за ней по лѣстницѣ, я съ грустью раздумывалъ о бѣдности природныхъ силъ нашей старушки-земли, которая неспособна создать ничего вполнѣ цѣльнаго, законченнаго и прелестнаго во всѣхъ отношеніяхъ, въ чемъ не было бы зародышей дисгармоніи и разочарованія?.. Вскорѣ, однако, я и объ этомъ забылъ, подъ впечатлѣніемъ произведеній искусства, которое я любилъ больше другихъ и, наравнѣ съ музыкой, умѣлъ оцѣнивать лучше другихъ. Ни талантомъ, ни даже способностями, которыя позволили бы мнѣ подвизаться на поприщѣ живописи, природа меня не надѣлила, чего я ей во всю жизнь мою простить не могу, но зато она поселила въ душѣ моей такую горячую любовь къ произведеніямъ живописи, что именно эта любовь и была причиною моей начитанности въ произведеніяхъ великихъ мастеровъ и моихъ частыхъ поѣздокъ за границу, съ единственною цѣлью посѣтить тотъ или другой музей, ту или другую мастерскую всякаго разряда художниковъ.

Въ залы, освѣщенныя страннымъ, стекляннымъ какимъ-то свѣтомъ, я входилъ всегда точно въ святой храмъ. Въ эти минуты я испытывалъ всегда неподдѣльное чувство радости, которое хоть на время позволяло мнѣ забыть обо всемъ, чтò могло меня, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, огорчать или казаться непріятнымъ. Мысли мои стремились въ высь; какая-то невидимая сила возносила ихъ къ небесамъ... Мнѣ было легко, дышалось свободно, а сердце радостно билось въ груди... Эта невидимая сила раскрывала передъ моими глазами невидимыя завѣсы, указывая глубокую даль и новыя тайны прекраснаго. Подъ впечатлѣніемъ такихъ чувствъ я вскорѣ забылъ о той царапинѣ, которая на нѣсколько минутъ испортила мнѣ чудный образъ Северины. Мы останавливались передъ картинами, и я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ высказывалъ ей впечатлѣніе, которое онѣ на меня производили. Даля встрѣтила нѣсколько знакомыхъ и осталась съ ними, а мы съ Севериною, благодаря тому, что мнѣ не пришлось ни съ кѣмъ здороваться, ни разговаривать, а у нея здѣсь не было ни одного знакомаго человѣка,—мы вскорѣ въ этомъ обществѣ любопытныхъ образовали вполнѣ согласный дуэтъ. Я замѣтилъ, что и Здроіовская была увѣрена, что она—въ святомъ

храмѣ, и что она тоже въ какомъ-то особомъ, торжественномъ настроеніи. Положимъ, у нея былъ нѣсколько наивный взглядъ на искусство, но зато какое вѣрное, какое художественное чутье! Она была искренна въ своей наивности, которой она вовсе и не думала скрывать. Северина высказывала свои впечатлѣнія прямо и откровенно, сознаваясь, что она не съумѣла бы объяснить ихъ основаній, и лишь высказываетъ то, что̀ чувствуетъ, не разсуждая о причинахъ. Но я былъ съ нею и, благодаря нѣкоторому теоретическому образованію, съумѣлъ выяснить ей все, что̀ она предугадывала, хотя и не понимала. Стараясь растолковать ей разныя отвлеченныя теоріи и понятія, я вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ объ этомъ не зная, уяснялъ ей ея же собственныя мысли, думы и стремленія.

Какъ разъ въ то время было на выставкѣ нѣсколько прекрасныхъ картинъ и два три ше-дёвра. Мы по нѣскольку разъ осматривали эти картины и пространно разсуждали о живописи, о разныхъ школахъ и манерахъ. Я имѣлъ обыкновеніе ходить на всѣхъ выставкахъ на цыпочкахъ, потому что каждый сильный звукъ или стукъ казался мнѣ дисгармоніею и профанаціею храма искусства. Шаги Северины, тихіе и ровные, ея плавныя движенія, мягкій голосъ—какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали мѣсту и моему настроенію. Мнѣ казалось, что въ толпѣ незнакомыхъ намъ лицъ мы составляли отдѣльный мірокъ и походили на два гармоническіе звука, стремящіеся въ міръ красоты. Разница была лишь та, что мои крылья взлетали вверхъ увѣреннѣе и сильнѣе; она же слѣдовала за мною чрезвычайно легко и охотно. Я распространялся о законахъ композиціи, о перспективѣ, о колоритѣ, указывалъ ей достоинства и недостатки разныхъ живописцевъ, а Северина съ возростающимъ любопытствомъ слушала мои разсужденія и отвѣчала иногда коротко, но удивительно толково и ясно; чаще же всего она отвѣчала глазами, въ которыхъ отражались съ удивительною быстротою движенія ея мысли и воображенія. Мы долго стояли передъ одною картиною и разсуждали о ней и не о ней, когда вдругъ я взглянулъ на Северину и со мной случилось что-то необыкновенное: во мнѣ отозвались тысячи голосовъ истиннаго откровенія, правды и счастья! Северина стояла передъ картиною въ такомъ восхищеніи, что я замолкъ, любуясь на нее. Коралловыя ея губки осѣнила улыбка счастья, а глаза ея, чудные, прозрачные глаза, горѣли пламенемъ восторга. Северина въ эту минуту была настоящею красавицею, но вовсе не похожею на видѣнныхъ мною до сихъ поръ красивыхъ женщинъ. Я не могъ оторвать глазъ отъ

ея чуднаго личика, я чувствовалъ, что ея прозрачные глаза и восхитительная улыбка поселяютъ въ душѣ моей счастье, настоящее счастье, не имѣющее ничего общаго съ тѣмъ, чтò я когда-либо чувствовалъ въ присутствіи женщины. Это было чувство, котораго я еще никогда не испытывалъ, хотя не разъ въ жизни случалось мнѣ любить и влюбляться. Теперь, въ этомъ новомъ чувствѣ не было и тѣни матеріальной чувственности, не было и тѣни даже веселаго настроенія. Мнѣ казалось, что я нахожусь въ присутствіи неземного духа, съ которымъ я возношусь въ чистую сферу небесныхъ звуковъ, свѣта и невѣдомыхъ до сего ощущеній. За этимъ заломъ, въ которомъ царила тишина, мнѣ казалось, не было суеты міра, его печалей... Мнѣ казалось, что мы—въ храмѣ, построенномъ надъ землею, въ облакахъ, что мы съ Севериною возносимъ въ немъ молитвы Господу. Я стоялъ возлѣ нея и, всматриваясь въ ея лицо, замѣтилъ, что она спокойно и ровно дышала, и невольно я сталъ дышать точно такъ, какъ она. Мнѣ казалось, что мы пьемъ счастье изъ одной чаши, и тогда-то я понялъ то душевное состояніе, которое люди называютъ соединеніемъ двухъ сердецъ, двухъ душъ, въ одно нераздѣльное цѣлое. Не разъ случалось мнѣ смѣяться надъ этимъ соединеніемъ, и до этого счастливаго дня, и послѣ него, но тогда я сознавалъ вполнѣ его возможность, и тогда оно именно было источникомъ счастья, какое не легко и не всегда дается человѣку.

Но, увы! на землѣ всему бываетъ конецъ; кончилось тоже и мое путешествіе въ странѣ идеала и счастья. Даля, которую мы, наконецъ, отыскали въ одной изъ залъ выставки въ кругу знакомыхъ, очутившись на улицѣ, побѣжала впередъ, жалуясь на пробирающій ее холодъ, а я предложилъ руку Северинѣ и по пути разсказывалъ ей о музеяхъ, картинныхъ галереяхъ и обо всѣхъ храмахъ искусства, которые я не только посѣтилъ, но съ любовью изучилъ до мельчайшихъ подробностей. Северина знала о нихъ кое-что единственно изъ книгъ, какія ей случалось читать. Северина ни разу еще не была за границей. Когда она мнѣ сказала объ этомъ, въ первую минуту мною овладѣло чувство жалости, но вслѣдъ затѣмъ оно смѣнилось удивленіемъ. Почему? По какой причинѣ? Я всегда думалъ, что лишь бѣдные люди вынуждены отказываться отъ путешествій, и лишь варвары не чувствуютъ ихъ необходимости. Но Северина сказала мнѣ, что до двадцати лѣтъ никто обыкновенно не думаетъ и не можетъ думать о путешествіяхъ, а послѣ — семейныя несчастія не могли поселить въ ней мысли о путешествіи не только за границу, но даже и въ ближайшій городъ. Вотъ уже три года

прошло, какъ она вполнѣ самостоятельно распоряжается собою и своимъ временемъ, но этого послѣдняго у нея никогда еще не оказывалось слишкомъ много. До сихъ поръ были, да и теперь все еще есть много, очень много разныхъ неотложныхъ дѣлъ, которыя гораздо важнѣе всякихъ путешествій. Путешествіе, по мнѣнію Северины, для нея (она вѣдь и не артистка, и не ученая) было бы лишь весьма пріятнымъ препровожденіемъ времени; а еслибы она и съумѣла даже извлечь изъ него извѣстную пользу, то все-же это была бы, сравнительно говоря, польза второстепенная и, въ ея положеніи, слишкомъ роскошная. Когда-нибудь, по всей вѣроятности, она посвятитъ немного времени и этому удовольствію, но лишь тогда, когда она сдѣлаетъ то, что̀ считаетъ своимъ долгомъ.—Что же это такое?! Богатая женщина, зависящая исключительно только отъ себя, должна заслужить право путешествовать, исполнить раньше какой-то долгъ и купить такимъ образомъ это право?.. Я никакъ не могъ понять, чтобы эта женщина, до-нельзя реальная, была тою же самою, которая, четверть часа тому назадъ, стояла передъ картинами, восхищалась ими, — тою женщиною, съ которою я пилъ вмѣстѣ изъ общей чаши счастья?! Я не выразилъ, однако, моего удивленія ни словомъ, ни даже выраженіемъ лица, а Северина, послѣ непродолжительнаго молчанія, опять начала говорить объ искусствѣ и его произведеніяхъ, о музеяхъ. Подъ впечатлѣніемъ ея разговора, я снова переселился изъ міра реальнаго бытія въ міръ грёзъ и охотно, съ увлеченіемъ разсказывалъ ей все, что̀ только мнѣ было извѣстно даже и тогда, когда мы уже сидѣли въ гостиной Дали. Северина сидѣла на маленькомъ диванчикѣ, а я—тутъ же на небольшомъ пуфѣ. Я сидѣлъ такъ, что, разговаривая съ нею, могъ глядѣть на нее, и я не лишалъ себя этого удовольствія: мнѣ было крайне пріятно смотрѣть ей въ лицо, которое съ каждою минутою казалось мнѣ все болѣе и болѣе привлекательнымъ. Я былъ увѣренъ, что первые шаги въ мірѣ искусства Северина дѣлала подъ моимъ руководствомъ съ истиннымъ удовольствіемъ, именно съ такимъ же, съ какимъ я ее вводилъ въ этотъ поэтическій міръ. Она до сихъ поръ только издали любила его; она рада была теперь проникнуть въ его тайны. Северина мечтала о чемъ-то возвышенномъ; она все рѣже и тише отвѣчала на мои вопросы и недвижно сидѣла со сложенными на колѣняхъ руками, очень похожая въ эту минуту на древнихъ христіанскихъ дѣвъ, которыхъ чувства и мысли стремились къ небу. Тихонько и нѣжно я взялъ ея руку, поднесъ къ губамъ и поцѣловалъ.

— И вы, кузина, вы такая, какою я васъ теперь знаю, вы хотите жить въ деревнѣ?—спросилъ я почти шопотомъ.

Северина посмотрѣла на меня удивленными глазами.

— Конечно!—отвѣтила она.—Развѣ могло бы быть иначе?

— Боже мой, даже должно быть иначе!—воскликнулъ я.—Я согласенъ, что свѣтская жизнь отчасти грѣшна, но зато и у нея есть свои прелести, есть идеалы и хорошія стороны... Я убѣдился сегодня, что вы любите искусство.

— Да, это правда,—отвѣтила Северина:—но искусство не можетъ замѣнить намъ всего остального.

— Счастливы тѣ, для которыхъ искусство не только главное въ жизни но и все, все рѣшительно!

— И съ этимъ я согласна, но такіе люди—это артисты, творцы прекрасныхъ твореній!.. Для другихъ искусство—это отдаленный рай, который лишь изрѣдка можно посѣщать.

— Но не для васъ, кузина. Чтò же можетъ помѣшать вамъ жить въ немъ какъ угодно и сколько угодно?.. Вы можете и не отвѣчать на этотъ вопросъ: я предугадываю вашъ отвѣтъ. Депозитный вкладъ, просвѣщеніе, народъ, цѣль жизни, улучшеніе культуры, общество... Не правда ли?

Я сказалъ все это въ шутливомъ тонѣ, но въ немъ звучала все-таки досада, а Северина отвѣтила совершенно спокойно:

— Да, именно все это, чтò вы перечислили, кузенъ, да еще кое-что, о чемъ я и говорить не хочу, потому что это васъ не интересуетъ.

Несмотря на ея спокойствіе, я замѣтилъ, что опять я былъ причиною ея неудовольствія. Послѣднія слова она произнесла съ видимымъ укоромъ, направленнымъ противъ меня въ наказаніе за мою непонятливость и несогласіе съ ея мечтами, стремленіями и идеалами. Но развѣ она сама не бывала причиною моихъ непріятныхъ ощущеній, создавая постоянно диссонансы, которыхъ могла избѣжать? развѣ она не оскорбила меня этимъ ужаснымъ намѣреніемъ уѣхать завтра же? Въ эту минуту проектъ этотъ показался мнѣ совсѣмъ дикимъ и невозможнымъ.

— Но если вы, кузина, ни за что не хотите внять моей просьбѣ,—началъ я,—и не хотите остаться здѣсь, такъ по крайней мѣрѣ не уѣзжайте такъ скоро, такъ ужасно скоро!.. Зачѣмъ же вамъ понадобилось уѣзжать непремѣнно завтра? Какая причина?.. Земля, особенно тамъ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть землетрясеній, не измѣнится въ продолженіе долгихъ и долгихъ лѣтъ. Лѣса тоже долговѣчны. . живутъ сотни сотенъ лѣтъ и никогда не исчезаютъ сами собою...

Северина улыбнулась, а я продолжалъ:

— Да, все тамъ останется, какъ и было до вашего отъѣзда, кузина... даже господинъ... господинъ Босацкій...

— Богурскій,—сказала Северина.

— Господинъ Богурскій, который хозяйничаетъ отлично. Останьтесь же, кузина, нѣсколько дольше среди насъ, грѣшныхъ, которые, несмотря на все, что̀ бы вы о насъ ни думали, умѣютъ иногда любить и восхищаться всѣми прекрасными явленіями не только нашего міра, но и... пустыни!.. Вѣдь вы останетесь еще, кузина?.. Да?.. Вы не уѣдете ни завтра, ни послѣ-завтра?.. Ни даже черезъ три дня?.. Да?

Северина долго не отвѣчала на мои вопросы: она была смущена, зная, что отвѣтъ ея можетъ вызвать мое искреннее неудовольствіе. Послѣ нѣкотораго молчанія, она, однако, отвѣтила съ улыбкою, которою старалась покрыть свое смущеніе:

— Ну, хорошо... Я завтра не уѣду.

Эти простыя слова такъ обрадовали, такъ тронули меня, что ужъ не тихонько, какъ прежде, но быстро я схватилъ ея руку и горячо поцѣловалъ.

— Благодарю васъ, кузина! Вы и не знаете, какъ вы меня обрадовали! А вѣдь и это тоже принадлежитъ къ добрымъ дѣламъ; вѣдь и я тоже составляю маленькую частицу общества, маленькую, ничтожную—это правда, но все же достойную вашего вниманія на ряду съ другими... Вѣдь вы останетесь не на одинъ же день или два, но гораздо больше... Не такъ ли?

Северина опять улыбнулась.

— Не знаю еще... Ничего не могу сказать... Одно только могу вамъ обѣщать, кузенъ, что завтра не уѣду...

— Ни послѣ-завтра?

— Ни послѣ-завтра,—прибавила Северина все съ тою же улыбкою.

Даля, которая успѣла уже переодѣться, вошла въ гостиную, ведя за ручку маленькаго Артюра; она хотѣла намъ представить его, потому что на немъ былъ только-что сшитый матросскій костюмъ, а ей казалось, что ея сынъ въ этомъ костюмѣ былъ похожъ на маленькаго адмирала. Артюръ, дѣйствительно, въ новомъ костюмѣ смотрѣлъ пузатенькимъ, смѣшнымъ матросомъ. Даля присѣла на полъ, чтобы расцѣловать своего сынка; но когда я ей передалъ новость о томъ, что Северина не ѣдетъ, она бросила своего мальчугана, побѣжала къ своей гостьѣ и искренно поцѣловала ее нѣсколько разъ. Даля была въ прекрасномъ настроеніи; она сейчасъ только-что получила письмо, которымъ ее

извѣщали, что завтра явится къ ней далматинецъ. Кромѣ того, у нея явился проектъ насчетъ сегодняшняго вечера, а это вѣдь тоже имѣетъ свое значенiе.

— Здзиславъ,—обратилась она ко мнѣ,—будешь ли ты сегодня на раутѣ у Октавiи?

— Буду, непремѣнно буду,—отвѣтилъ я, и въ свою очередь спросилъ:—не разрѣшишь ли мнѣ придти къ тебѣ завтра въ такое же время, какъ и сегодня?

— Съ большимъ удовольствiемъ, но съ однимъ условiемъ.

— А именно?..

— Останешься и обѣдать у насъ.

Я шелъ домой, довольный Далей, собою, морозомъ, всѣмъ и всѣми; но когда я, наконецъ, очутился въ своемъ кабинетѣ и задалъ себѣ вопросъ: какая собственно причина вызвала мое удивительно веселое настроенiе?—я вынужденъ былъ сознаться, что я не особенно... уменъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую такую особенную цѣнность представляло для меня рѣшенiе мадемоазель Здроiовской остаться еще у Дали нѣкоторое время? Правда, что нѣкоторыя частности ея наружности нравились мнѣ; правда, что даже ея чудачества представляли для меня извѣстный интересъ: это я вполнѣ сознавалъ и не думалъ скрывать отъ себя. Но многое въ ней поражало меня крайне непрiятно; и это-то многое воскресало въ моей памяти именно тогда, когда я о ней думалъ. Вотъ, напримѣръ, отсутствiе—но полное отсутствiе—какого бы то ни было шика на улицѣ! Да вѣдь даже та красотка, съ которою я встрѣчался за кулисами общественной жизни, хотя не Богъ вѣсть какого происхожденiя, и она даже, въ сравненiи съ Севериною, показалась бы княжною на улицѣ или въ передней выставочныхъ залъ. Рука мадемоазель Здроiовской тоже не отвѣчала вполнѣ идеалу женской ручки. Положимъ, что относительно формы она отвѣчала всѣмъ требованiямъ, но зато кожа на ней не была достаточно выхоленная. Я зналъ прекрасно, что это мелочь, не имѣющая влiянiя на наружность Северины, но все же и эта мелочь смущала меня и мѣшала полному спокойствiю духа. Одинъ только разъ, на выставкѣ, когда она всматривалась въ какую-то картину, я восхищался ею вполнѣ, а до того и послѣ того факта что-нибудь да поражало меня въ ней... Та же исторiя, что съ гримасою на лицѣ Викентiя!.. Природа подарила мнѣ какое-то деспотическое желанiе полной, совершенной красоты, а такое желанiе всегда является зародышемъ внутренняго недовольства самимъ собою, которымъ я, однако, имѣлъ право гордиться, такъ какъ оно вытекало изъ самаго благороднаго источника.

Но все же и теперь мнѣ нечего было радоваться, по что вѣдь не мадемоазель Здроіовская являлась моею феею долго думалъ и передумывалъ, а все-таки въ концѣ концовъ шелъ къ заключенію, что возможность провести завтрашній у Дали въ обществѣ Северины чрезвычайно пріятно дѣйств на меня. Я лишь тогда только снова опечалился, когда, отп ляясь къ мадамъ Октавіи, я вспомнилъ, что на раутѣ у не: будетъ ея—Северины. Но вмѣстѣ съ тѣмъ рядомъ съ этимъ ствомъ у меня явилось опять невольное чувство раздражен досады. Мадемоазель Здроіовская—на раутѣ!! Мыслимо ли Во-первыхъ, раутъ—это вѣдь не санхедринъ какой-нибудь, совѣщаются по поводу міровыхъ вопросовъ и всякихъ культ просвѣщеній народа и тому подобныхъ высокихъ предме: а во-вторыхъ, для того, чтобы успѣшно принять участіе въ ра точно также какъ и для того, чтобы совершить хоть мал кое заграничное путешествіе—нужно предварительно пораб(надъ собою!

Гл.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПАМЯТИ ШЕНШИНА-ФЕТА.

Онъ пѣлъ, какъ въ сумракѣ ночей
Поетъ влюбленный соловей.
Онъ гимны пѣлъ родной природѣ;
Онъ изливалъ всю душу ей
Въ строкахъ риѳмованныхъ мелодій.

Онъ въ мірѣ грёзы и мечты,
Любя игру лучей и тѣни,
Подмѣтилъ бѣглыя черты
Неуловимыхъ ощущеній,
Невоплотимой красоты...

И пусть онъ въ старческія лѣта
Мѣнялъ капризно имена
То публициста, то поэта,—
Искупятъ прозу Шеншина
Стихи плѣнительные Фета.

II.

ИЗЪ ЖИЗНИ ВЪ МОСКВѢ.

1.—Лошадка.

Богомолки плетутся толпою,
Всѣ удобно привѣсивши къ шеямъ
Много стклянокъ съ святою водою,
Пузыречковъ съ цѣлебнымъ елеемъ.

Но межъ ними одна отличалась
Ужъ согбенная жизнью старушка;
Вмѣсто стклянокъ у ней колебалась
Вверхъ ногами лошадка-игрушка.

Богомолка съ игрушкой... Какъ это
Умилительно зрѣлище было!
Уходить ужъ готова со свѣта,
А про радость дѣтей не забыла.

Вся предастся старушка разсказу,
Возвратившись къ глуши деревенской:
„Тамъ соборы... Не вспомнить всѣхъ сразу...
Есть Архангельскій, есть и Успенскій...

„Красоты мнѣ такой и не снилось;
А ужъ пѣніе... Господи-Боже!..
Тамъ за всѣхъ я за васъ помолилась;
За себя, многогрѣшную, тоже...

„Цѣловала угодника ручку
И, припавши, такъ плакала сладко...
Вотъ вамъ всѣмъ по просвиркѣ; а внучку—
И, на нашу похожа, лошадка“.

2.—У всенощной.

На улицѣ шумной—вечерняя служба во храмѣ.
Вхожу въ этотъ тихій, манящій къ раздумью пріютъ.
Лампады и свѣчи мерцаютъ въ сѣдомъ ѳиміамѣ,
И пѣвчіе въ сумракѣ грустнымъ напѣвомъ поютъ:
„Чертогъ Твой я вижу въ лучахъ красоты и сіянья;
„Одежды же нѣтъ у меня, чтобы въ оный войти...
„Убогое, темное грѣшной души одѣянье—
„О, Ты, Свѣтодатель! молюся Тебѣ: просвѣти!“

Алексѣй Жемчужниковъ.

QUASI UNA FANTASIA.

Отвѣтъ—въ разсказѣ.

Въ уютномъ, небольшомъ кабинетѣ скромнаго литератора сидѣло вечеркомъ человѣкъ пять его собратьевъ. Сидѣли смирно, въ карты не играли, ближнихъ не осуждали, а такъ,—хандрили, молча покуривая папиросы... Наконецъ, хозяинъ прервалъ молчаніе:

— Чтò это мы все только свою „совѣсть заглушаемъ“, какъ сказалъ почтенный графъ Левъ Николаевичъ?! Ишь, цѣлую комнату задымили, а путнаго слова никто не вымолвилъ! Въ доброе старое время тутъ бы ужъ какихъ только „жгучихъ вопросовъ“ не перебрали!..

— Да что-жъ?! Намъ именно впору теперь совѣсть заглушать!—прервалъ одинъ гость, маленькій нервный человѣчекъ въ золотыхъ очкахъ:—мы вѣдь, нужно признаться, тово... не очень-то нынче...

— Ну ужъ, пошелъ обличать! Мы не хуже людей!.. У насъ-то еще хоть вѣра въ добро, хоть искренность...

— Вѣра въ добро! Искренность! А чего ради собственно пишемъ!? И всѣхъ боимся, всего боимся! И примутъ ли, и пропустятъ ли, и чтò критика!.. Искренность!..

— И все-таки она есть...

— Въ видѣ исключенія-съ!.. У насъ, какъ у прежнихъ, дивидендовъ-то нѣтъ,—ну, и маемся, дурѣемъ отъ будничныхъ заботъ!.. Борьба за существованіе—не шутка!.. А тутъ и самолюбіе, и нервность, и пятое-десятое!.. Чтобы быть искреннимъ, нужно отрѣшиться отъ мелкихъ заботъ и страстишекъ! Чтобы сказать правду, настоящую правду, нужно, насколько возможно, забыть

свое *я*, или, вѣрнѣе, отойти отъ него, взглянуть на него и на окружающую жизнь со стороны, объективно, какъ взглянулъ бы безплотный духъ на...

— Ну, ужъ это спиритизмъ какой-то!—прервалъ его хозяинъ.

— Чтò за вздоръ! Ты знаешь, что я въ спиритизмѣ неповиненъ, и притворяешься, будто не понимаешь меня! Я хочу сказать, что...

Тутъ я прервалъ нервнаго господина, видя, что онъ начинаетъ сердиться:

— Вы отчасти правы, или, вѣрнѣе, правы въ принципѣ. Нужна, конечно, искренность, прежде всего искренность; но возможно ли довести ее до той безусловной чистоты, которой вы ищете? Возможна ли вообще безусловная объективность по отношенію къ себѣ и къ окружающему! Возьмите „Mémoires d'outre-tombe", или хотя бы „Исповѣдь" Руссò: геніально, художественно, а все-таки...

— Ну, эти-то геніальные французы, кажется, и умирая рисовались! На тò они французы!.. А мы бы могли...

— Пусть такъ! Но въ какую форму облечь такое...

— Ну, ужъ это послѣднее дѣло-съ!.. Вы еще молоды и не всѣ формы знаете! это—дѣло техники!.. Фантазія какъ-то меркнетъ въ „нашъ матеріальный вѣкъ"!.. Однако, меня радуетъ, что вы угадали мою мысль и хоть отчасти согласны со мной!.. Когда-нибудь объяснюсь подробнѣе...

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого разговора получаю рукопись безъ подписи и съ заглавіемъ, которое сначала мнѣ показалось страннымъ. Я сталъ читать и съ первыхъ же словъ догадался—кто авторъ: нельзя было не узнать того нервнаго господина въ золотыхъ очкахъ. Для удобства читателя я уже самъ потомъ раздѣлилъ текстъ рукописи на главы.

I.

Итакъ, я умеръ... Всѣ около меня твердятъ, что я умеръ. Мои родные заявили уже объ этомъ полиціи и, заручившись ея дозволеніемъ, отправили въ редакцію большой газеты коротенькое объявленіе, въ которомъ „съ глубокимъ прискорбіемъ" извѣщали они о моей кончинѣ, „послѣдовавшей послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни"...

Ахъ, чтò это была за болѣзнь! Медицинскаго термина ея я не помню, да и нечего тамъ помнить: докторà сами ни на какомъ опредѣленномъ понятіи остановиться не могли, сыпали мудреными

словами, прописывали мнѣ какія-то дорогія мерзости, отъ которыхъ на мѣсто одной болѣзни появлялось три, многозначительно и въ то же время малосмысленно покачивали головой и, получивъ „зелененькую“ или „синенькую“ (смотря по степени своей авторитетности), отправлялись продѣлывать то же самое надъ другими страдальцами. Но ни одинъ не зналъ, что̀ собственно было у меня такое; и самъ я, конечно, этого не зналъ и только подъ конецъ сталъ кое-что про себя соображать.

Теперь-то я опредѣленно знаю, что̀ это было такое: невѣдомая сила вынимала меня или, вѣрнѣе, отдирала меня отъ моего, такъ сказать, футляра.

Я, какъ и прочіе мои коллеги по бренному существованію, съ тѣхъ поръ, какъ помню себя, находился именно въ футлярѣ. Моментомъ рожденія даже принято считать моментъ заключенія человѣка въ футляръ. Ахъ, какъ онъ былъ неудобенъ, особенно вначалѣ: чтобы двигаться, думать, чувствовать,—надо было расшевеливать, разминать, оживлять этотъ неуклюжій, безсильный, нелѣпый, тяжелый футляръ!.. Бывало, тянешься, рвешься, кричишь—и ни съ мѣста! И никто тебя не понимаетъ!.. Это была пытка, настоящая пытка!..

Потомъ, черезъ годъ или два, судьба сжалилась: футляръ мой сталъ рости, приспособляться къ моимъ требованіямъ и служить мнѣ. Въ это время каждый день казался мнѣ днемъ культурной побѣды, если можно такъ выразиться.

Да, недаромъ всѣ поэты воспѣваютъ молодость, то-есть то время, когда футляръ становится особенно живымъ и предпріимчивымъ, когда онъ „ретивъ и смиренъ“, когда кажется, что духъ не заключенъ въ футляръ, а окрыленъ имъ!..

Какая наивность! Какъ ничтоженъ, по крайней мѣрѣ, во время бреннаго существованія, духъ человѣка, если, опьяненный первыми побѣдами надъ инертностью футляра, онъ уже считаетъ себя окрыленнымъ! Крылья только тамъ, гдѣ нѣтъ футляра!..

Еще если бы онъ былъ дѣйствительно инертнымъ, не живымъ, какъ обыкновенный кожаный или бумажный футляръ,—оно бы не бѣда! А то вѣдь онъ *живой*, у него есть своя мысль, свои уловки, хитрости, свой какъ бы духовный міръ!..

Онъ—врагъ человѣка, лютый врагъ!.. Я въ этомъ теперь убѣдился, именно теперь, когда я могу вполнѣ критически относиться къ своему прошлому. Да-съ, это не пустая тюрьма, а тюрьма съ тюремщикомъ. По мѣрѣ того, какъ она становится удобною и привычною, въ ней, откуда ни возьмись, появляется невидимый тюремщикъ. До послѣдней минуты я не зналъ о его существо-

ваніи, и даже голосъ его, очень громкій и авторитетный, принималъ за свой собственный голосъ. Господи, Боже мой! Чего онъ только мнѣ не внушалъ, то ласково-вкрадчиво, то повелительно, безапелляціонно!.. И я повиновался, почти всегда повиновался! А когда думалъ, что поступалъ самостоятельно, я тоже ему повиновался. Напримѣръ, гляжу я, бывало, на хорошенькую женщину, любуюсь ею самымъ чистымъ, самымъ возвышеннымъ образомъ, въ голубыхъ глазкахъ ищу душевной чистоты, на мраморномъ лобикѣ—слѣда мысли,—родной сестры моей мысли, а съ губокъ румяныхъ жду родного мнѣ слова!.. Вздоръ!.. Просто мой футляръ желаетъ временно овладѣть ея футляромъ—и мнимовозвышенныя мысли и чувства навѣяны мнѣ лукавымъ тюремщикомъ: онъ мнѣ приготовилъ этотъ моральный соусъ, зная, что я человѣкъ „съ принципами"!..

Но это еще цвѣточки! Тюремщикъ мой гораздо дальше пускался въ отвлеченности. Я, какъ и всѣ люди моего закала, имѣлъ, между прочимъ, высокія общественныя стремленія: служилъ добросовѣстно, писалъ горячо, высказывалъ трогательныя вещи,—словомъ, стремился къ добру, какъ только могъ. И что же? Во всякомъ моемъ стремленіи и поступкѣ была непремѣнно задняя мысль, иногда, и даже большею частью, невидимая мнѣ самому,—несомнѣнно внушенная мнѣ тюремщикомъ. Приведу два чудовищныхъ факта.

Любилъ я одного друга своего безкорыстнѣйшимъ образомъ и желалъ ему доказать это. И что-жъ? Однажды я поймалъ у себя слѣдующее смутное-пресмутное желаніе, гдѣ-то на самомъ днѣ души: мнѣ страстно захотѣлось, чтобы друга моего постигло какое-нибудь ужасное, роковое несчастіе, и чтобы *я*, именно я имѣлъ возможность, если не совсѣмъ выручить его, то, главное, доказать ему, что я *одинъ*, одинъ изъ всего человѣчества преданъ ему! А что̀ это значило бы?—Что я *лучше другихъ*! Да что же мнѣ съ этого сознанія?! А то, что при такомъ сознаніи и пищевареніе какъ-то пріятнѣе совершается, и нервы пріятно возбуждены, и весь футляръ легче носится на приспособленныхъ къ тому оконечностяхъ. А вотъ другой фактъ. Я безмѣрно любилъ свое обширное отечество, такъ любилъ, что мнѣ иногда хотѣлось если не пожертвовать, то рискнуть для него жизнью.

Да, не пожертвовать, а именно рискнуть.

Если бы это было въ моей власти, я бы въ такую минуту вовлекъ его въ кровопролитную, убійственную, доводящую до крайности войну: тутъ бы я во̀-время подоспѣлъ, проявилъ бы и административныя способности, и воинскую доблесть. Другими

словами, мой тюремщикъ желалъ бы, чтобы я разбилъ нѣсколько иноплеменныхъ футляровъ, украсилъ бы цвѣтные, шитые золотомъ покровы своего футляра знаками отличія и вообще прославился бы. Это все для него очень желательно, такъ какъ прославленный футляръ пользуется не только пріятной пищей и квартирой, но имѣетъ право разсчитывать на благосклонность гораздо бо̀льшаго количества сочувственныхъ женскихъ футляровъ, т.-е. на высшее изъ бренныхъ благъ.

Фу, какая гадость! И въ какой радужной дымкѣ подвига!..

Особенно деспотичнымъ становится тюремщикъ, когда тюрьма начинаетъ требовать ремонта. Девизомъ всей жизни являются тогда слова: *Все для ремонта!* Проявилъ бы я иногда гражданское мужество, громко уличилъ бы начальство свое въ нелюбви къ отечеству и въ служеніи мамонѣ,—да вѣдь тогда не на что будетъ въ Карлсбадѣ или Эссентукахъ ремонтировать свой футляръ; просидѣлъ бы ночку-другую за любимымъ литературнымъ трудомъ,—да футляру моему спать угодно, а докторъ велѣлъ мнѣ беречь здоровье; измѣняетъ мнѣ „любимая женщина“—и я знаю это, но вида не подаю, потому что избѣгаю вреднаго для моего футляра безпокойства!..

Конца нѣтъ униженіямъ и компромиссамъ. Я до того привыкаю жить для футляра, что душа моя проникается непостижимымъ матеріализмомъ и, если можно такъ выразиться, *„футляроцентрализмомъ“*.

Даже высокая область религіозныхъ вѣрованій получаетъ соотвѣтственную окраску. Опасаясь, что невидимая, роковая сила разлучитъ меня съ футляромъ, я полубезсознательно молюсь почти исключительно о его благополучіи. Тюремщикъ мой—эгоистъ и ростовщикъ въ душѣ, и я за послѣднее время ни разу не подалъ нищему безъ пріятной задней мысли о томъ, что мнѣ за это воздастся сторицей. Замѣтьте: не въ мірѣ лишній разъ добро восторжествуетъ, а *мнѣ* сторицей воздастся! Хорошій процентъ! Футлярное понятіе!..

Въ минуты особеннаго футлярнаго піэтизма, кажется, взялъ бы я себѣ цѣликомъ райское блаженство, да такъ бы никому ни кусочка и не далъ!..

Видите сами, какъ я органически сросся со своимъ футляромъ! Тутъ и любовь, и привычка, и все, что̀ хотите!..

И вдругъ... приходитъ кто-то и говоритъ мнѣ: „Пожалуйте!“..

Это съ какой стати? Не намѣренъ!

Онъ меня сначала за волосы—волосы стали лѣзть; потомъ по

зубамъ—зубы ноютъ и падаютъ; бацъ по животу—и все нутро приходитъ въ разстройство!..

И чѣмъ больше ветшаетъ футляръ, тѣмъ онъ становится мнѣ дороже: я его ремонтирую искусственнымъ способомъ, ношу суррогаты на челѣ и во рту, готовъ даже, въ случаѣ особеннаго несчастія, серебряный носъ надѣть, скорѣе, чѣмъ вылѣзть изъ футляра.

Я прекрасно знаю, что это низко, глупо и безцѣльно: все равно, вѣдь, въ одинъ прекрасный день... Ахъ, оставьте!.. Я и умныя книги объ этомъ читалъ, и въ церкви слышалъ, и краснорѣчивыхъ примѣровъ достаточно видѣлъ, а все не помогало: уничтоженіе чужого футляра каждый разъ только усугубляло во мнѣ сознаніе наличности моей оболочки и искреннюю радость по поводу ея относительной цѣлости.

Это совсѣмъ глупо: вѣдь если квартира становится неудобною,—всякій стремится изъ нея выѣхать,—а тутъ наоборотъ!

Страшно очутиться подъ открытымъ небомъ! Ужасно страшно! Меня ведутъ, а я упираюсь!..

Упирался я этакъ безъ малаго пять мѣсяцевъ, боролся съ остервенѣніемъ, надѣялся фанатически и взывалъ къ небесамъ: „Какъ?! Развѣ вы не видите, что это *мой*, мой футляръ въ опасности?..“

А боль какая была, или, вѣрнѣе, какія боли!.. Описывать ихъ не стоитъ, да и никому не нужно знать это. Важно то, что все это кончилось.

Передъ концомъ я и самъ это понялъ, вспомнилъ и умныя книги, и то, что̀ въ церкви слышалъ—и сдался на капитуляцію: хоть подъ открытое небо, лишь бы не въ этой квартирѣ оставаться! Ну ее!..

Это уже былъ шагъ впередъ, но совсѣмъ отрѣшиться отъ футлярныхъ понятій я не могъ: я вспомнилъ всѣ свои добрыя или мнимо-добрыя дѣла и подумалъ: „когда *это* совершится,—сейчасъ пойду и предъявлю счетецъ: нельзя ли, молъ“...

Но это утѣшительное размышленіе было неожиданно прервано: что-то сдавило мнѣ горло, налегло на грудь, затуманило глаза... я бѣшено рванулся—и *умеръ*...

II.

Казалось бы, умеръ—и шабашъ! Нѣтъ, извините! Тутъ только мой настоящій разсказъ и начинается!... Когда наступила такъ называемая смерть, я сперва потерялъ сознаніе: въ мозгу молніей сверкнули слова: „все кончено“—и наступилъ безпросвѣтный мракъ.

Сколько времени продолжалось это небытіе,—я не знаю, но знаю только, что пробужденіе мое сопровождалось весьма непріятными ощущеніями.

Во-первыхъ, я почувствовалъ себя въ положеніи рыбы, вытащенной удочкою изъ родной стихіи на твердую землю; затѣмъ я почувствовалъ себя какъ-то сразу оголеннымъ, и мнѣ стало, неизвѣстно почему, ужасно стыдно и вмѣстѣ холодно-прехолодно.

Оно понятно: еслибы въ то время, когда я щеголялъ еще въ своей бренной оболочкѣ, съ меня сорвали одежду, мнѣ также стало бы стыдно и холодно. Земныя привычки не покидали моего духа, подобно рубцамъ отъ оковъ и бичей на тѣлѣ освобожденнаго раба,—и долго еще я не могъ отдѣлаться отъ множества „благопріобрѣтенныхъ“ умственныхъ и нравственныхъ мозолей!..

Подъ вліяніемъ холода и стыда, я поспѣшилъ укрыться за экраномъ у топившагося камина.

Къ моему великому удивленію, чтобъ не сказать ужасу,—я, не взирая на полное отсутствіе какихъ-либо органовъ, слышалъ, видѣлъ и понималъ все, происходившее вокругъ меня. Немедля, однако, я сообразилъ, что бояться нечего, а можно только радоваться этой способности; я затрепеталъ отъ восторга и весь предался любопытству.

Прежде всего я сталъ всматриваться въ свой утраченный футляръ, чинно лежавшій на обѣденномъ столѣ, со сложенными на-крестъ руками. Какая это была некрасивая штука! Длинный носъ, какъ-то особенно вытянувшійся и принявшій восковой оттѣнокъ; большіе „мѣшки“ подъ глазами; обрюзглое, искаженное послѣдними страданіями лицо непріятно буроватаго цвѣта; ногти на рукахъ не вычищены; волосы мертвые, какъ мочалка...

Подумать только, что это былъ *я*, что я такъ недавно еще считалъ этотъ некрасивый предметъ самимъ собою, отождествлялъ его съ самимъ собою!.. До чего можетъ дойти подчиненіе „тюремщику“!..

Надо мною, то-бишь, надъ моимъ футляромъ стоялъ причетникъ, въ потертомъ черномъ сюртукѣ, и читалъ псалтырь у большой свѣчи надъ моимъ изголовьемъ. Чтеніе, видимо, его мало

интересовало: онъ позѣвывалъ, почесывался, а по временамъ останавливался, озирался и, видя что никого больше въ комнатѣ нѣтъ, смолкалъ—и зѣвалъ, не стѣсняясь, во всю.

Я понялъ, что онъ никакого значенія не придавалъ ни своему чтенію, ни моей смерти, и желалъ только получить деньги, выпить и заснуть.

Мнѣ стало противно.

Однако же, куда подѣвались они, мои присные?..

Я двинулся на розыски и пробрался на цыпочкахъ мимо чтеца, стѣсняясь своей наготы и не привыкнувъ еще къ сознанію своей невидимости. Вслѣдствіе этой же непривычки я поспѣшилъ спрятаться за дверь, завидя на порогѣ комнаты моихъ двухъ братьевъ и сестру.

Сестра была въ глубокомъ траурѣ, а братья—въ обыкновенномъ платьѣ, но съ вытянутыми лицами. Посторонній наблюдатель, снабженный физическими глазами, могъ бы, пожалуй, прочесть на этихъ лицахъ печаль,—но я глядѣлъ духовными глазами и прочелъ, главнымъ образомъ, утомленіе отъ похоронныхъ хлопотъ, которыя, впрочемъ, тогда еще только начинались,—да, пожалуй, еще выраженіе нѣкоторой брезгливости.

За это послѣднее чувство я на нихъ не претендую: мои останки, дѣйствительно, были непривлекательны, и вся похоронная процедура не обѣщала ничего аппетитнаго,—но все-таки это безсердечіе!..

А впрочемъ, было бы странно ждать иного! Я со своими родными не враждовалъ, но и не сходился, любви между нами не было. Мы были совсѣмъ различные люди.

Старшій братъ, Алексѣй, въ душѣ всегда презиралъ меня... за слабый желудокъ.

Не вѣрите? А между тѣмъ это правда и многолѣтняя правда. Это еще съ дѣтства началось.

Я чуть не съ пеленокъ страдалъ желудкомъ, и родители мои имѣли безтактность выражать мнѣ по этому поводу свое неудовольствіе въ присутствіи брата Алексѣя, который былъ розовымъ, жизнерадостнымъ кадетомъ, и могъ съѣсть чего угодно и сколько угодно. Главное, сколько угодно! Мамашѣ это доставляло громадное удовольствіе: она была такъ добра и радушна, что не могла терпѣть не только-что людей, а даже собачекъ со слабымъ аппетитомъ.

Когда братъ подросъ настолько, что могъ пощипывать пушокъ на верхней губѣ, онъ оказался еще обладателемъ способности выпить сколько угодно и быть послѣ этого „вполнѣ приличнымъ".

Полковые товарищи отца моего находили за это Алешу просто геніальнымъ, и все семейство, кромѣ меня, было съ ними солидарно. Алеша рѣшилъ, что онъ „молодецъ“, возгордился—и такъ пошло на всю жизнь. Когда онъ, бывало, разсказываетъ о какомъ-нибудь ужинѣ и, покручивая воинскій усъ, говоритъ:—„Ну и выпили же мы!“...—у него такой видъ, какъ будто бы онъ спасъ отечество. Мнѣ всегда казалось, что онъ—съумасшедшій. Можно ли взрослому человѣку, „начальнику отдѣльной части“ (это его военное выраженіе), гордиться... желудкомъ?!..

Второй братъ, Пьеръ, или Пьеринька, тоже презиралъ меня, а самъ избѣгъ презрѣнія своихъ присныхъ, хотя обладалъ не „геніальнымъ“, а общечеловѣческимъ желудкомъ. Ему вообще везло. Онъ родился въ сорочкѣ... Впрочемъ, что̀ я глупости говорю?!.. Рождающіеся въ сорочкѣ,—все-таки,—исключеніе, а онъ былъ „правиломъ“: это былъ самый обыкновенный, даже пошлый человѣкъ. Его оригинальность даже заключалась въ томъ, что онъ вовсе былъ лишенъ какихъ бы то ни было физическихъ и духовныхъ оригинальныхъ чертъ: въ немъ все было чужое, привычное, видѣнное-перевидѣнное, его „я“; личность его ничѣмъ не была отграничена. Ростъ средній, сложеніе пропорціональное, лицо чистое, носъ и ротъ умѣренные, и особыхъ примѣтъ не было. Не было и убѣжденій, а царила деликатная объективность. Его всѣ любили; не безумно любили,—но непрерывно. Оно и понятно: онъ никого не стѣснялъ, и каждый отчасти узнавалъ въ немъ самого себя, свои гаденькіе недостатки и страстишки, такъ какъ Пьеринька былъ весь „чужой“ и для всякаго „свой“. Скажутъ или сдѣлаютъ при немъ мерзость,—о, не безпокойтесь! Онъ не смутится, даже не покраснѣетъ и брови не приподниметъ: для такихъ рѣзкихъ поступковъ онъ слишкомъ хорошо воспитанъ и недостаточно оригиналенъ. Совершатъ добрый или, что̀ чаще, мнимо-добрый поступокъ,—онъ похвалитъ, но похвалитъ умѣренно, пошло, именно какъ воспитанный человѣкъ.

Я его просто не переваривалъ, — но это потому, что и въ духовномъ отношеніи у меня былъ исключительно плохой желудокъ.

Мнѣ всегда были противны люди, не нажившіе себѣ ни одного врага и „пользующіеся всеобщею любовью“. Подобная доля въ исключительныхъ случаяхъ выпадаетъ подвижникамъ любви, — а по большей части такіе люди, какъ Пьеринька,—слякоть, мразь, а не люди. Я скорѣй могу простить Равашолю, Емельяну Пугачеву или другой откровенной анаѳемѣ, нежели сойтись съ такимъ хорошо воспитаннымъ человѣкомъ!..

Пьеринька за это на меня не сердился; онъ не хотѣлъ, да

и не могъ себѣ гнѣвомъ здоровья разстроивать,—и платилъ мнѣ снисходительнымъ презрѣніемъ, думая не безъ самодовольства, что мои недобрыя чувства къ нему порождены завистью. Онъ полагалъ, что я неизбѣжно долженъ былъ ему завидовать: во-первыхъ, я во многихъ отношеніяхъ былъ „ненормаленъ“, а онъ „нормаленъ“; во-вторыхъ, я къ службѣ относился добросовѣстно, вникалъ въ каждое дѣло и направлялъ его по убѣжденію, неосновательно предполагая, что не обыватель существуетъ для учрежденія, а учрежденіе для обывателя,—и при всемъ томъ я не особенно подвинулся по іерархической лѣстницѣ, — а Пьеринька служилъ какъ дилеттантъ, не проявлялъ ни особаго рыцарства въ трудѣ, ни особыхъ лакейскихъ способностей, — а поднялся словно на дрожжахъ и недавно еще получилъ какое-то важное украшеніе на шею или не помню куда; въ-третьихъ, его всѣ безъ исключенія любили, а меня почти никто, и, главное, въ-четвертыхъ,—онъ пользовался необычайнымъ, невиданнымъ успѣхомъ у женщинъ, — такимъ успѣхомъ, какого я и во снѣ не видалъ!

Иной мнѣ, пожалуй, возразитъ: „Чтò вы тамъ разсказываете?! Вашъ Пьеринька—совсѣмъ неинтересный, даже пошлый человѣкъ, безъ всякихъ особыхъ примѣтъ—и вдругъ такой успѣхъ! Странно что-то!.. Понятно, если Донъ-Жуанъ: красавецъ, умница, чтò ни слово, чтò ни жестъ,—то оригинально, ново!.. Вотъ это соблазнитель!.. А тò—Пьеринька!.. Вотъ нашли!“...

А я на это возражу вотъ чтò: въ качественномъ отношеніи у Донъ-Жуана, пожалуй, дѣла получше шли, но въ количественномъ несомнѣнно перевѣсъ у Пьериньки!.. Женщины не любятъ, боятся оригинальныхъ, умныхъ, интересныхъ людей: въ такихъ влюбляются только исключительно-возвышенныя женскія натуры, сантиментальныя институтки да психопатки; и дарятъ онѣ въ подобныхъ случаяхъ такою любовью, что упаси Господи: и ревнуютъ, и мучатъ, и стараются унизить высокаго, а умнаго обратить въ дурака, и вообще „играютъ на пониженіе“... А разлюбитъ ихъ человѣкъ раньше, чѣмъ имъ это удобно,—онъ и негодяй, и пятое, и десятое, и сейчасъ—„бацъ“ въ него изъ револьвера, потому что вѣдь судъ въ такихъ случаяхъ хорошенькихъ женщинъ можетъ оправдать: да и какъ не оправдать аффекта „истинной страсти“?!.. Нѣтъ-съ, милостивые государыни и государи! Въ амурныхъ дѣлахъ истинные счастливцы—именно пошлые люди безъ особыхъ примѣтъ, въ родѣ Пьериньки: имъ все легко, до глупости легко достается; ихъ не боятся и не стыдятся, а въ случаѣ измѣны въ нихъ не стрѣляютъ, потому

что они легко замѣнимы! И на мѣстѣ исчерпанной любви появляется спокойная дружба!.. И Пьериньку дамы не считаютъ пошлякомъ: прежде, чѣмъ „полюбить“ его, онѣ приписываютъ ему качества, вычитанныя въ разныхъ недобросовѣстныхъ романахъ!.. Умирать не надо!.. Это, кстати, любимая фраза Пьериньки, моего счастливаго „спортсмэна по амурной части“...

Уму непостижимо, до какихъ размѣровъ онъ расширялъ эту „общественную“ свою дѣятельность!.. Раннюю молодость свою, отъ 17-ти до 28-ми лѣтъ, онъ провелъ въ губернскомъ городѣ К.—Я помню, тамъ не было, буквально, ни одной „порядочной женщины изъ общества“, которая бы хоть помышленіемъ не согрѣшила съ Пьеринькой. Нѣкоторыя матроны, не зашедшія далѣе помышленія, потомъ, въ минуты супружескаго усердія и откровенности, каялись мужьямъ въ этомъ роковомъ увлеченіи—и мало-по-малу весь городъ заговорилъ о томъ, что Пьеринька—„опасный человѣкъ“!.. Изъ заинтересованныхъ лицъ былъ даже образованъ негласный импровизированный „бракоохранительный комитетъ“, члены коего жаловались на Пьериньку даже губернатору и гораздо болѣе высокимъ лицамъ, а также нанимали какихъ-то „патріотовъ“, чтобы поколотить спортсмэна. Но Пьеринька отъ патріотовъ счастливо ускользалъ, а высокія лица, охотно отверзая слухъ скандалёзной хроникѣ, все-же находили ее себѣ неподвѣдомственною... Изъ всего этого щекотливаго положенія мой братецъ вышелъ съ большимъ успѣхомъ: онъ самъ распустилъ слухъ о своей невольной безвредности, результатѣ нѣсколькихъ лѣтъ грѣховнаго счастья; соперники съ радостью ухватились за этотъ слухъ, чтобы унизить Пьериньку своими насмѣшками; дамы поняли, что это имъ на̀-руку, дабы усыпить собственные и чужіе „scrupules“,—и горячо содѣйствовали распространенію удобнаго слуха; почтенныя старушки и отвергнутыя перезрѣлыя дѣвы увидѣли въ этомъ печальномъ фактѣ достойную кару, мужья съ облегченіемъ вздохнули,—а Пьеринька мой... какъ сыръ въ маслѣ катался.

Никакія нравственныя соображенія его не останавливали: онъ шутя готовъ былъ отнять жену у самаго близкаго друга, разрушить покой и счастье самой порядочной и мирной семьи. Вначалѣ я пробовалъ усовѣщивать его:—Пьеринька! вѣдь ты хуже вора!

— Это почему-съ, почтеннѣйшій метафизикъ?!

— Вѣдь если ты украдешь у человѣка портъ-монэ или сигарочницу, то всякій сочтетъ тебя воромъ! И ты самъ бы не одобрилъ такого поступка!

— Ну-съ?!

— А тутъ ты крадешь, какъ воръ, драгоцѣннѣйшее достояніе человѣка!...

— Во-первыхъ, я не краду, а получаю отъ одушевленнаго предмета, женщины, то, что ей угодно добровольно дать мнѣ; а во-вторыхъ... во-вторыхъ, никто меня воромъ не считаетъ, кромѣ такихъ глубокомысленныхъ моралистовъ, какъ...

— Да, ты воръ и больше ничего!

— Съ братьями на дуэли не дерутся, да и метафизикъ оскорбить никого не можетъ! — презрительно заканчивалъ Пьеринька и закуривалъ папироску...

III.

Увидавъ теперь Пьериньку, я мысленно сжалъ кулаки и пожалѣлъ, горько пожалѣлъ о томъ, что я умеръ. То ли дѣло было бы, еслибы умеръ счастливецъ Пьеринька и мои знакомые выражали бы мнѣ соболѣзнованіе по поводу его смерти, а я бы, какъ человѣкъ прежде всего искренній и справедливый,—я бы сказалъ имъ нѣсколько презрительнымъ тономъ: „Да, конечно, какъ братъ, я не могу не сожалѣть... но мы съ покойнымъ никогда не были особенно близки!.. Мы были совершенно разными людьми: различные принципы, различныя стремленія“... Знакомые мои хотя продолжали бы, въ нѣсколько иномъ тонѣ, все-таки выражать свое огорченіе, однако, пожалуй, подумали бы, что Пьеринька и въ самомъ дѣлѣ пустой былъ человѣкъ!..

А тутъ вотъ выходитъ наоборотъ: Пьеринька кому угодно можетъ сказать въ приличной формѣ, что я былъ, въ сущности, вздорнымъ мечтателемъ, и съ нимъ, навѣрное,—не „*можетъ быть*“, а *навѣрное* согласятся всѣ его собесѣдники, всѣ такіе же филистеры, такая же безличная тля, какъ и онъ самъ!.. Нѣтъ, выйдетъ еще хуже, еще оскорбительнѣе для меня! Онъ имъ никакой безтактности не скажетъ, а просто всѣ—и онъ, и пріятели его—хоромъ подумаютъ обо мнѣ съ презрѣніемъ, — а я, благодаря своему новому положенію, прочту ихъ мысли и почувствую обиду, или, вѣрнѣе, тошноту...

Я вѣдь теперь могу читать человѣческія мысли; я все, или почти все *понимаю*, какъ никогда прежде не могъ понимать. И никакихъ усилій не нужно, умъ тутъ ни при чемъ: душа понимаетъ, потому что не глядитъ сквозь матеріальныя оболочки.

И тутъ, взглянувъ на братьевъ, я сразу прочелъ на ихъ лицахъ нелестную для меня мысль: „И какъ это онъ не дога-

дался умереть гдѣ-нибудь подальше отъ насъ, напримѣръ, за границей?! Теперь возись съ этимъ чучеломъ!

Чело же моей сестры, украшенное торжественною траурною вуалью, выражало нѣчто менѣе враждебное, нѣчто даже пріятное, если не для сердца моего, то для самолюбія. На этомъ блѣдномъ, худосочномъ личикѣ были написаны слова изъ X тома свода законовъ: „Сестра при братѣ не наслѣдница". А такъ какъ сестра при братьяхъ не наслѣдница, то нечего, значитъ, и радоваться смерти одного изъ нихъ, а можно даже огорчиться: все-таки это будетъ высокое чувство, красивое чувство, которое очень идетъ томнымъ лицамъ, особенно при траурѣ. На похоронахъ моихъ, или, еще лучше, на панихидахъ, мужъ моей сестры встрѣтится со своимъ начальствомъ и вообще съ людьми, которые могутъ ему пригодиться. Они увидятъ ея горе, ея глубокое горе, и ихъ это, вѣроятно, тронетъ... Вѣдь когда этимъ горемъ полно такое сердце, „un coeur bien né", то, знаете, даже камни...

И сестра все болѣе предавалась огорченію, все болѣе настроивала себя въ этомъ направленіи, такъ что черезъ нѣсколько минутъ была искренно, неподдѣльно опечалена, какъ заправская сестра, единокровная и единоутробная...

Мнѣ становилось рѣшительно лестно. Отчасти лестно было мнѣ и ея смутное неудовольствіе противъ братьевъ, этихъ пошлыхъ людей, за то, что ей не достанется послѣ меня наслѣдства: вѣдь это наслѣдство почти исключительно состояло изъ книгъ, изъ тѣхъ самыхъ „глупыхъ книгъ", увлеченіе которыми она такъ часто осмѣивала во мнѣ, считая, что „порядочный человѣкъ", un homme bien né", долженъ принадлежать обществу, „свѣту", наконецъ семьѣ, а не книгамъ... Еще еслибы я былъ знаменитымъ профессоромъ, предсѣдателемъ ученаго комитета въ какомъ-нибудь доходномъ учрежденіи,—ну, тогда пускай бы! А то такъ, средней руки литераторъ и невидный чиновникъ! Для чего же тогда книги?..

Ну, а теперь, когда я умеръ,—другое дѣло: теперь, еслибы библіотека моя досталась ей, она бы заказала для моихъ книгъ полки во всю стѣну въ кабинетѣ мужа и со вздохомъ говорила бы такимъ же невѣжественнымъ дамамъ, какъ она сама: „Эти книги остались мнѣ послѣ моего покойнаго брата! Онъ, знаете, былъ человѣкъ со странностями, но очень образованный, даже ученый! Еслибы не рѣзкій характеръ, онъ навѣрно сдѣлалъ бы большую карьеру! Да, жаль его!.." И послѣ нѣкотораго раздумья, она перевела бы разговоръ на болѣе интересныя и живыя темы: о магазинѣ Аравина, или Шутова и Кольцова... И все-таки до-

садно, что книги не ей достанутся: она бы ихъ сберегла, а эти джентльмены продадутъ все букинистамъ за грошъ... Впрочемъ, нѣтъ! Лучше пусть продадутъ: у букиниста ихъ порознь купятъ настоящіе любители, люди съ искрой Божіей, мои настоящіе, а не случайные, не природой навязанные братья и сестры!..

Да и о чемъ это я задумался, чѣмъ занялся? Развѣ прилично духу такъ долго останавливать свое вниманіе на томъ, что̀ онъ покинулъ?! Проклятая привычка ко всему бренному! Душа какъ будто еще несвободна, какъ будто находится еще во второмъ футлярѣ,—не такомъ, какъ тотъ, покинутый, а въ невидимомъ и неосязаемомъ футлярѣ привычекъ, страстей, воспоминаній, стремленій, которыя хотя и стали анахронизмами, а все-таки не исчезли. Таковъ, видимо, законъ природы: далеко не все то исчезаетъ, что̀ стало анахронизмомъ; формы безъ содержанія, учрежденія безъ смысла гніютъ и тлѣютъ, а все-таки упорно, нахально продолжаютъ существовать, покуда какая-нибудь новая сила ихъ не разрушитъ...

Едва успѣлъ я подумать объ этой новой силѣ, какъ кто-то меня окликнулъ. Нѣтъ, я выражаюсь такъ еще по старой привычкѣ: меня, въ сущности, никто не окликнулъ, а я почувствовалъ, что кто-то желаетъ мысленно говорить со мною. Я обернулся и увидѣлъ... нѣтъ, я никого и ничего не увидѣлъ, потому что желавшій вступить со мною въ мысленную бесѣду былъ такой же безплотный духъ, какъ я; даже болѣе безплотный, если тутъ возможна сравнительная степень,—а я думаю, что она возможна, потому что мой собесѣдникъ былъ несомнѣнно духовнѣе меня, объективнѣе, свободнѣе отъ окраски земныхъ, плотскихъ впечатлѣній, какъ это немедля и обнаружилось...

— Ага! новичокъ!—началъ онъ—и между нами завязался разговоръ. Впрочемъ, разговоромъ въ земномъ смыслѣ этого назвать нельзя: у насъ не было о̀рлановъ рѣчи, и мы молча обмѣнивались мыслями и отлично все понимали, подобно молча обнюхивающимъ другъ друга животнымъ, которыя несомнѣнно въ такихъ случаяхъ обмѣниваются мыслями.

Но къ дѣлу. Нужно признаться, что я въ жизни былъ очень обидчивымъ; обижался даже тогда, когда мнѣ казалось, что въ тонѣ моего собесѣдника звучала намекомъ на возможность насмѣшки хоть одна нотка, хотя бы произнесенная pianissimo. Эту неудобную черту характера я занесъ съ собою и въ лучшій міръ, и потому поспѣшилъ нахмуриться по поводу непонравившагося мнѣ привѣтствія: „ага, новичокъ“. Незримый коллега мой, видимо, внимательно наблюдалъ за мною, потому что немедленно добавилъ:

— Да, совсѣмъ новичокъ! чисто-физическая обидчивость еще не выдохлась!

— Какой вы, однако, дерзкій!—не утерпѣлъ я.

— Здѣсь нѣтъ дерзкихъ, а есть одна только Правда! — отвѣчалъ онъ серьезно.

— Какая правда?

— Міровая, объективная правда, значительно разнящаяся отъ той, которая существуетъ въ различныхъ воображеніяхъ разныхъ народовъ.

— Чтò вы тутъ философію разводите! Скажите мнѣ лучше, куда я попалъ, чтò со мною будетъ и чтò вообще все это значитъ?

— Вы про что это?

— Да про перемѣну...

— А, понимаю!.. Мнѣ нечего вамъ объяснять, да и неприлично было бы: вы сами должны все постичь и постигнете, какъ только отрѣшитесь настоящимъ образомъ отъ праха.

— Помилуйте, да развѣ я не отрѣшился отъ праха? Чего ужъ тутъ больше! Страданія какія при этомъ были! Однѣ физіономіи окружавшихъ, съ ихъ мнимымъ участіемъ, какъ измучили меня!

— Видите! вотъ вы и ожесточены, и страданія живо помните! Значитъ, вы отъ праха еще не отрѣшились. Отрѣшиться отъ праха значитъ понять, что онъ яйца выѣденнаго не стоитъ, и что всѣ наши радости и печали—сущій вздоръ, не стоющій даже воспоминанья, а не то что сожалѣнья или ожесточенья...

— Да я и не сожалѣю, и не ожесточаюсь! Я даже радъ, что...

— Ну, это, положимъ, не совсѣмъ вѣрно!.. Вы еще не очень-то рады!.. Конечно, вы чувствуете себя значительно свободнѣе безъ стѣснительной оболочки и сопряженныхъ съ нею страданій,— подобно чиновнику, отпущенному на покой. Это такъ, но васъ таки тянетъ взглянуть на то, чтò вы покинули, ваши мысли—*тамъ*, а не *здѣсь*. Оно и естественно. Сперва вы должны *понять*, настоящимъ образомъ понять то, чтò вы покинули, а затѣмъ ужъ, если вы эту задачу выполните, наступитъ для васъ иное бытіе.

— А если я не все пойму?

— Тогда придется вамъ снова влѣзть въ маленькую, неудобную дѣтскую оболочку—и снова продѣлать всю исторію...

— Какъ?! Все прошлое на смарку и начинать съизнова?

— Ну, не совсѣмъ на смарку! вы въ новую оболочку внесете много установившихся понятій, добытыхъ вами за прежнее время. Эти понятія будутъ, конечно, не очень опредѣленны и по

смутности своей будутъ подходить скорѣе къ категоріи инстинктовъ, но...

— Да о чемъ мы толкуемъ? Я, слава Богу, все понимаю, такъ что...

— Не много ли на себя берете? Вы самоувѣренны, какъ настоящій новичокъ! Вотъ я, напримѣръ, умеръ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, а все-таки кой-чего еще понять не могу...

— Чего же вы понять не можете? Да мнѣ, новичку, теперь стоитъ взглянуть на любое лицо, и я сразу вижу всю нравственную сущность его собственника...

— Мы, кажется, прежде всего, говоримъ на разныхъ языкахъ. На здѣшнемъ языкѣ „понять" значитъ безъ сожалѣнія отринуть, все отринуть...

— А! вотъ что̀! Ну, на это нужно все-таки время, — замѣтилъ я.

— Не только время, но и нѣкоторое нравственное усиліе!..

— А чего же вы не можете еще безъ сожалѣнія отринуть и забыть?

— Фу, что̀ за физическое любопытство! Да вы о себѣ прежде подумайте! Вы вѣдь сами-то теперь еще ничего, или почти ничего отринуть настоящимъ образомъ не можете! Какой-нибудь вопросикъ самолюбія или какое-нибудь смазливенькое личико до сихъ поръ...

Тутъ я не знаю, что̀ со мною вдругъ сдѣлалось: я весь заволновался, опрометью бросился на улицу и побѣжалъ по направленію къ Литейному проспекту. Я бѣжалъ и думалъ: „Ахъ, какъ это неприлично! безъ пальто, безъ шапки, точно съумасшедшій или пьяница какой-нибудь!" Къ счастью, меня никто не видѣлъ. Но что̀ же побудило меня бѣжать туда, на Литейную, прервавъ интересный разговоръ, въ которомъ я могъ бы почерпнуть цѣнныя свѣденія не только о своемъ будущемъ, но и вообще о многихъ тайнахъ бытія, которыя меня, въ теченіе всей моей земной жизни, озабочивали чрезвычайно? А вотъ что̀ побудило меня такъ поступить: собесѣдникъ мой не безъ нѣкотораго цинизма упомянулъ о женщинѣ и тѣмъ напомнилъ, что и—

„У меня была
Тоже ласточка,
Сизокрылая,
Бѣлогрудая!"

Словомъ, онъ напомнилъ мнѣ о моей любви къ Еленѣ Константиновнѣ Скаргельской, которая нѣсколько лѣтъ платила мнѣ взаимностью и открывала мнѣ „земной рай" въ небольшой, но изящно

отдѣланной квартиркѣ одного изъ красивѣйшихъ домовъ на Литейной.

Dahin, dahin! Скорѣе къ ней! Что-то она теперь дѣлаетъ?!..

IV.

Когда я бѣжалъ къ Еленѣ Константиновнѣ, было уже темно на улицахъ, но я издали увидѣлъ и узналъ сквозь густую вуаль жену своего сослуживца, мадамъ Иванову, ѣхавшую на извозчикѣ съ какимъ-то молодымъ офицеромъ банально-писарскаго образца; онъ крѣпко держалъ ее и, близко, близко къ ней склоняясь, нашептывалъ ей что-то; она же, то придвигаясь къ нему съ кошачьими ужимками, то вдругъ нервно и кокетливо откидывая голову въ сторону, вызывающе улыбаясь, глядѣла на него сбоку, какъ будто хотѣла, чтобъ онъ насильно схватилъ ее за голову и поцѣловалъ ее, несмотря на мнимое сопротивленіе... Онъ, какъ человѣкъ съ чутьемъ, и поспѣшилъ это продѣлать, не стѣсняясь тѣмъ, что они были на улицѣ и ихъ могли увидѣть... Черезъ минуту однако они спохватились, испуганно стали озираться и затѣмъ уже въ чинной позѣ скрылись въ вечерней дымкѣ...

Я сперва почему-то обрадовался. Во-первыхъ, Ивановъ былъ мнѣ безконечно противенъ, какъ бездушная, дрянная канцелярская крыса, и меня забавляло сознаніе, что чело этой крысы сегодня несомнѣнно украсится...

Крыса съ рогами! Я мысленно фыркнулъ, вообразивъ себѣ такую картину... Но вскорѣ пріятное чувство мое смѣнилось непріятнымъ, очень смутнымъ, но несомнѣнно непріятнымъ; я подумалъ: экіе счастливцы, право! Вѣдь этотъ офицеръ, должно быть, въ родѣ Пьериньки, пошлякъ, пустельга, а вотъ какъ ему, небось, везетъ въ дамскомъ отношеніи! Года полтора назадъ, эта самая мадамъ Иванова дѣлала мнѣ авансы, а я какъ-то проворонилъ! Не то что проворонилъ, а просто побоялся, что выйдетъ изъ этого цѣлая интрига, потомъ не развяжешься, а тутъ еще Елена Константиновна узнаетъ, и можетъ выйти Богъ знаетъ что! Она была очень ревнива, до глупости ревнива и самолюбива! Она бы не поняла, что это такъ, пустяки съ моей стороны—и, пожалуй, еще руки на себя наложила бы! А если и не сдѣлала бы этого, то во всякомъ случаѣ наши отношенія съ нею порвались бы навсегда! А этого я не хотѣлъ допустить и въ своемъ воображеніи...

Все-таки однако досадно, завидно какъ-то... Право, въ такія

минуты, кабы моя власть, я бы всѣхъ, рѣшительно всѣхъ женщинъ забралъ себѣ!..

Скоро это дрянное обще-мужское чувство осложнилось лично моимъ, еще болѣе ядовитымъ чувствомъ: во мнѣ проснулось то, что̀ я испытывалъ буквально каждый разъ, когда, бывало, шелъ коротать вечерокъ къ Еленѣ Константиновнѣ. Это была, конечно, ревность, — но не та ревность, которая наступаетъ вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, хотя бы мнимыхъ! Нѣтъ, это была безпричинная и оттого безграничная ревность, порожденная безсознательно-презрительнымъ отношеніемъ ко всѣмъ женщинамъ вообще. При жизни я только мучился, проклиналъ предметъ моихъ мученій, но самъ еще не понималъ, откуда они происходятъ. Теперь мнѣ это ясно. Это презрительно-враждебное отношеніе ко всѣмъ женщинамъ вообще было несомнѣнно навязано мнѣ и самою природою, не съумѣвшею установить нормальныхъ отношеній между полами, и моею народностью, долго продержавшею женщинъ въ положеніи рабыни, и окружавшею меня средою, особенно моимъ покойнымъ отцомъ, который считался „рыцаремъ“ въ николаевскомъ смыслѣ этого слова, утонченно ухаживалъ за дамами, но въ душѣ глубоко презиралъ ихъ.

Ужасная вещь—такое презрѣніе. Это, строго говоря, даже не самостоятельное, не опредѣленное чувство, а скорѣе фонъ для гнуснѣйшихъ картинъ, почва для самыхъ мерзкихъ чувствъ! Человѣкъ, у котораго въ душѣ есть эта почва, долженъ былъ бы избѣгать женщинъ, потому что при малѣйшемъ поводѣ, а часто и безъ всякаго повода онъ можетъ прямо отравить жизнь самой добросовѣстной, самой высокой женщинѣ! Особенно если у этого человѣка сильнѣе другихъ способностей работаетъ воображеніе. Въ иныя минуты, когда оно во мнѣ работало, я помню, не было гадости, которой бы я не швырнулъ въ лицо моей безвинной, моей прекрасной подругѣ! А она была прекрасна, прекрасна, какъ вешній день. И въ тяжкія минуты оскорбленій я, быть можетъ, больше всего любилъ ее, больше всего сознавалъ, что она прекрасна... Это сумасшествіе какое-то!..

И теперь, когда я направлялся къ ней, забывъ, что я умеръ, все сильнѣе разгоралась моя любовь къ ней, но еще сильнѣй разгоралась эта принципіально-мужская ревность, дошедшая до невѣроятныхъ предѣловъ, когда я вспомнилъ, что я—только духъ, что пѣсня моя спѣта!.. Какой ужасъ! я умеръ! А все-таки я люблю ее, больше люблю, чѣмъ когда-либо, люблю, какъ безсильное дитя, какъ сумасшедшій старикъ, какъ всякій, не имѣющій ни права, ни возможности любить!

А она? Она теперь можетъ полюбить кого угодно, и это не будетъ измѣной! Она ничѣмъ не связана со мной! Меня нѣтъ! Она еще молода, полна жизни, чувственна а я даже не старикъ, я умеръ! О, конечно, она стѣсняться не будетъ! Чего ей стѣсняться?! Да, всѣ онѣ, эти женщины...

И все мучительнѣе становилась во мнѣ эта пытка... Судорожно схватилъ я за ручку звонка, но увы! ничего не могъ сдѣлать: матерія мнѣ не подчинялась! Но, къ счастью, она не могла быть и препятствіемъ мнѣ, какъ духу,—и я свободно проникъ въ гнѣздышко моей Леночки. Къ ней подойти, однако, не рѣшался. Я чувствовалъ, что она сидитъ въ своемъ будуарѣ, я почти слышалъ ея дыханье,—но подойти къ ней боялся.

Не знаю, чего собственно я боялся: того ли, что она слишкомъ убита горемъ и вся посѣдѣла за одну ночь? того ли, что она слишкомъ мало убита горемъ, и что на нѣжномъ, слегка опечаленномъ личикѣ ея я увижу выраженіе, такъ часто видѣнное мною у разныхъ вдовъ: „уфъ, я свободна!..“ Кажется, я сразу боялся того и другого... Невольно остановился я въ темной гостиной и сталъ лихорадочно припоминать прошлое, чтобы рѣшить, чего именно мнѣ бояться. И въ одну секунду все прошлое, словно цѣлый пейзажъ, внезапно озаренный молніей въ глухую ночь, предстало предо мною, какъ передъ человѣкомъ, который тонетъ и сейчасъ, сейчасъ пойдетъ ко дну...

Встрѣтился я съ Еленой Константиновной лѣтъ шесть тому назадъ, при довольно странныхъ обстоятельствахъ. Это былъ прекрасный, свѣтлый день въ концѣ сентября. Мнѣ захотѣлось насладиться видомъ умирающей природы. Это зрѣлище очень оживляетъ человѣка: во время умиранія природы онъ сильнѣе чувствуетъ свое бытіе, а кромѣ того, сама природа только въ эту пору становится особенно близкою къ человѣку, принимаетъ сама почти человѣческій характеръ; въ ней проявляется тогда сознательное страданіе, а сверхъ того, отдѣльныя „индивидуальности“ ея очерчены рѣзче: трепетная, пожелтѣвшая листва плакучей березы производитъ впечатлѣніе золотого водомета, водомета изъ слезъ юности, скорѣе отрадныхъ, чѣмъ печальныхъ; побурѣвшій плащъ дуба выражаетъ ненависть къ зимнимъ вьюгамъ, упорство и твердую рѣшимость энергичнаго, сильнаго человѣка, увѣреннаго въ себѣ; въ алѣющей осенней листвѣ клена трепещетъ отблескъ вешней зари, говорящій о радостяхъ новой жизни; видъ такого клена такъ же отрадно-живительно дѣйствуетъ на душу, какъ бесѣда съ человѣкомъ идеи, дожившимъ до старости, до

рубежа смерти и особенно прекраснымъ въ сознаніи неумирающей Правды и неувядаемаго Добра!..

Итакъ, мнѣ захотѣлось бѣжать отъ людей,—не такихъ, какъ этотъ кленъ,—и очутиться наединѣ съ природой. Но природа особенно близка человѣку только тогда, когда отвѣчаетъ на его *человѣческіе запросы,* когда она населена мечтами. Пустыня сама по себѣ отвратительна для большинства людей, и не будь разсказовъ Майнъ-Рида и арабскихъ сказокъ, — въ пустыню не удалялись бы даже тѣ, кто себя считаетъ любителями уединенія... Полнаго уединенія, я думаю, никто не въ состояніи вынести,— по крайней мѣрѣ, никто изъ современныхъ людей, всосавшихъ съ молокомъ матери понятія „журъ-фикса", „коммиссіи", „общественнаго мнѣнія", „гласности", „ресторана" и другихъ элементовъ, изъ которыхъ сотканъ „zoon politicon"...

Я и избралъ для своей прогулки уголокъ природы, преисполненный человѣческими впечатлѣніями,—то-есть, одно изъ тѣхъ кладбищъ, на которыхъ любятъ быть погребенными русскіе литераторы.

Я не знаю, ссорятся ли они и тамъ между собою, — думаю, что нѣтъ: по крайней мѣрѣ, это наружу не проявляется, и въ литературномъ кладбищѣ я всегда находилъ больше поэзіи и добрыхъ чувствъ, чѣмъ въ литературныхъ кружкахъ и „лавочкахъ".

Я въ ту пору хотя уже и не былъ молодъ, но числился въ разрядѣ „молодыхъ, начинающихъ писателей" и былъ очень суевѣренъ: думалъ, что посѣщеніе славныхъ покойниковъ придастъ мнѣ таланта и вообще поможетъ мнѣ въ моей литературной „карьерѣ", если можно такъ выразиться...

Признаться, и до сихъ поръ я думаю, что это полезно: мелкія стороны крупныхъ писателей въ такія минуты забываются, а воспоминаніе о настоящихъ подвигахъ—само по себѣ источникъ вдохновенья... Но къ дѣлу. Я собрался на кладбище, когда уже вечерѣло, и когда я могъ надѣяться не встрѣтить ни похоронной толпы, ни отдѣльныхъ „посѣтителей".

Флегматичный привратникъ, старый отставной солдатъ, хорошо знавшій въ лицо и меня, и мои двугривеннички, и въ душѣ, вѣроятно, презиравшій меня за непрактичность, встрѣтилъ меня съ обычной ласково-насмѣшливой улыбкой, и на вопросъ, много ли было сегодня похоронъ и есть ли кто-нибудь на кладбищѣ, отвѣчалъ, что „въ саду" нѣтъ никого, а „свѣженькихъ" уже два дня не привозили: „погода стоитъ очинно прекрасная, оттого и

плохо торгуемъ",—заключилъ онъ не безъ цинизма и пропустилъ меня „въ садъ".

Чтобы скорѣе разсѣять тяжелое впечатлѣніе, произведенное его словами, я направился къ могилѣ одного изъ наиболѣе дорогихъ мнѣ „классиковъ" сороковыхъ годовъ. Усѣвшись тамъ, я, противъ ожиданія, почувствовалъ себя еще болѣе печальнымъ, чѣмъ въ своемъ кабинетѣ, гдѣ меня раздражаютъ постоянныя напоминанія о современныхъ „реалистахъ" уличнаго пошиба. Задумавшись о судьбѣ великаго писателя, я съ ужасомъ вспомнилъ, что его теперь *никто* у насъ не читаетъ,—не читаютъ даже люди, посвятившіе себя спеціально литературѣ. Мысленно экзаменовалъ я всѣхъ своихъ знакомыхъ, почти всѣхъ собратьевъ—никто! У меня волосы дыбомъ встали... Умеръ, совсѣмъ умеръ! За что?! Стоило ли ему писать кровью сердца, чтобы потомъ... Я съ настоящимъ состраданіемъ глядѣлъ на безмолвный бюстъ, воздвигнутый надъ могилой великаго мыслителя-страдальца. Онъ какъ будто понималъ меня, но не раздѣлялъ моего горестнаго чувства: его бронзовые глаза были устремлены въ даль, вдумчиво-сосредоточенное лицо дышало спокойнымъ величіемъ...

Я понялъ глубокую мысль ваятеля, съумѣвшаго вдохнуть пламенную душу въ холодную бронзу; это была мысль о томъ, что настоящее величіе даже выше забвенія...

Но все-таки я былъ мраченъ, потому что субъективное настроеніе всегда сильнѣе объективныхъ, какъ бы они ни были проникнуты истиной. Сверхъ того, меня... потянуло въ сторону. До сихъ поръ я не знаю какъ это случилось, но въ первый разъ въ жизни меня потянуло въ незнакомую мнѣ католическую часть кладбища, гдѣ литераторовъ почти не было. Помню, во мнѣ при этомъ пробѣжала молніей мысль, довольно обычная русскому мозгу: „Вотъ мы забываемъ все, не цѣнимъ, а *тамъ*, за границей, люди благороднѣе, или хотя бы приличнѣе!.." И я пошелъ къ приличнымъ чужеземнымъ покойникамъ, не вынесшимъ здѣшняго климата... До сихъ поръ не берусь рѣшить, насколько моя мысль была основательна,—да и теперь это уже меня мало интересуетъ, но тогда я былъ глубоко потрясенъ, увидѣвъ картину, которая какъ бы подтверждала эту мысль.

У подножія скромнаго чернаго чугуннаго креста лежала ничкомъ на дорожкѣ молодая женщина, вся въ черномъ. Лица ея мнѣ не было видно, даже волосы ея были совершенно скрыты траурной вуалью,—но я *зналъ*, что это была молодая женщина и что съ этой минуты мы были *не чужіе* другъ для друга. По-

чему я это зналъ — Богъ вѣсть, — но тутъ не было для меня тогда ни малѣйшаго вопроса...

V.

Сознавая, что мы не „чужіе“ другъ для друга, я, однако, довольно долго не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать, какъ проявить свою „близость“. Во-первыхъ, неизвѣстно почему, я внимательно посмотрѣлъ во всѣ стороны, чтобы убѣдиться въ отсутствіи постороннихъ свидѣтелей, словно не желалъ, чтобы „насъ“ увидѣли. Затѣмъ я вновь взглянулъ на свою незнакомку, и сразу былъ охваченъ двумя разнородными чувствами: во-первыхъ, я пришелъ въ эстетическій восторгъ при видѣ такого глубокаго горя, не нуждающагося въ зрителяхъ, чтобы проявиться въ яркой формѣ; во-вторыхъ, я ревновалъ уже къ „покойнику“, хозяину могилы, предчувствуя, что въ могилѣ былъ „хозяинъ“, а не хозяйка.

Послѣднее чувство пересилило, и я подошелъ къ кресту, чтобы на маленькой бронзовой дощечкѣ прочесть имя мертваго счастливца. Тамъ было написано: „Ромуальдъ Скаргельскій“. .

Въ ту минуту я и не подумалъ, что безцеремоннымъ любопытствомъ могъ оскорбить неутѣшную женщину, но вскорѣ спохватился и опять взглянулъ на нее. Она, видимо, не оскорбилась, потому что была неподвижна.

Сперва я подумалъ, что она просто-на̀-просто спитъ, и эта мысль исполнила меня злобною радостью. Но мгновенно затѣмъ возникъ вопросъ, не покончила ли она съ собой? Тутъ я не на шутку струсилъ, и не только передъ перспективой „привлеченія“ въ участокъ, въ камеру слѣдователя и т. п., но суевѣрно струсилъ: на кладбищѣ, гдѣ столько было зарытыхъ мертвецовъ, мнѣ показалась особенно страшною встрѣча съ мертвецомъ *незарытымъ*. Это было бы и не въ обычной обстановкѣ, какъ-то не въ порядкѣ вещей, какъ-то дико!..

Я струсилъ дѣтскимъ, глупымъ страхомъ и даже отошелъ на нѣсколько шаговъ.

Оглянулся—она все лежитъ.

Тутъ мнѣ стало совѣстно; я рѣшилъ, что нельзя же „такъ оставлять“ ее, собралъ все свое мужество и подошелъ къ ней. Она была въ глубокомъ обморокѣ. У меня оказался въ карманѣ флаконъ съ нюхательной солью. Я приподнялъ мою незнакомку, далъ ей понюхать соли и мало-по-малу привелъ ее въ чувство.

Въ сердцѣ моемъ шевельнулось что-то какъ будто отече-

свое, когда я увидѣлъ это блѣдное, измученное личико съ полураскрытымъ ртомъ, большими дѣтскими сѣро-голубыми глазами, съ энергичными тонкими черными бровями, окаймленное волнами золотисто-русыхъ волосъ, выбившихся изъ-подъ траурной шляпки.

Я чуть не обнялъ и не расцѣловалъ ее—и въ этой ласкѣ не было бы ни малѣйшаго дурного оттѣнка. Ей было на видъ лѣтъ двадцать пять, но я въ ту минуту смотрѣлъ на нее какъ на больное, несчастное дитя и былъ далекъ отъ какихъ-нибудь иныхъ чувствъ.

Она была въ какомъ-то туманѣ: тупо глядя въ „пространство", она не спросила, кто я, почему я здѣсь, а только слабымъ, умирающимъ голосомъ произнесла: „устала"... Я бережно усадилъ ее на сосѣднюю скамейку, поднялъ валявшійся на травѣ платокъ, поднесъ къ ея нервно вздрагивавшимъ ноздрямъ свой спасительный флаконъ и вообще весь обратился въ сестру милосердія, или, вѣрнѣе, въ няню.

Не помню, что̀ именно я говорилъ ей, но черезъ минуту она истерически рыдала, склонясь ко мнѣ на плечо, а я все приговаривалъ и гладилъ ее дрожащей рукой по русой головкѣ, съ которой свалилась шляпка... Неприличіе такой интимности съ совершенно постороннимъ человѣкомъ ей ни на минуту не приходило въ голову, потому ли, что слезы застилали понятіе о приличіи, или она чувствовала, что имѣла дѣло съ *человѣкомъ*, а не съ мужчиной. Я же былъ такъ растроганъ, что готовъ былъ жизнью пожертвовать, лишь бы облегчить ея страданія...

Вдругъ послышался гдѣ-то далеко бой часовъ: половина восьмого. Кругомъ было почти совершенно темно, вѣяло сыростью и холодомъ.

Тутъ только я спохватился и почувствовалъ, что у меня зубъ на зубъ не попадаетъ отъ холода, да и она тоже видимо продрогла. И она какъ будто опомнилась, сперва отодвинулась немножко отъ меня, а затѣмъ по-дѣтски проговорила: „домой".

Идя подъ-руку со мной по звонкимъросткамъ пустынныхъ кладбищенскихъ дорожекъ, она то-и-дѣло нервно вздрагивала, пугливо озиралась и прижималась ко мнѣ.

На наше счастье, мы сейчасъ же нашли извозчика, привезшаго какую-то гостью къ настоятелю кладбищенской церкви,—и я, не спросивъ адреса моей спутницы, сказалъ, куда везти.

Я зналъ, гдѣ она живетъ; мѣсяца за два передъ тѣмъ, я даже какъ-то былъ мелькомъ у Скаргельскаго, по порученію одного моего земляка, ученаго энтомолога.

Молча ѣдучи на извозчикѣ, считая неумѣстнымъ говорить

со своей спутницей о чемъ-либо банальномъ, а тѣмъ болѣе о ея прошломъ, я только крѣпко держалъ ее и думалъ о ней, о ея горѣ, о ея странномъ замужствѣ; живо припомнились мнѣ лицо и личность покойнаго. Лицо удивительно некрасивое, непріятное, отталкивающее: блестящая, красная лысина, зеленовато-сѣрые глаза съ неискреннимъ, лукавымъ взглядомъ исподлобья, большой ротъ съ кривою улыбкой, надъ верхнею губой отвислые усы неопредѣленнаго цвѣта, а изъ-подъ вѣчно небритаго подбородка выглядывалъ какой-то клокъ нечесаной шерсти. Одѣтъ онъ былъ крайне неряшливо, ходилъ прихрамывая и подозрительно озираясь, и вообще имѣлъ видъ скареднаго гродненскаго или витебскаго шляхтича средней руки.

Наружность Ромуальда Скаргельскаго говорила противъ него и доставляла ему не мало враговъ, или, по крайней мѣрѣ, людей, относившихся къ нему съ непобѣдимымъ предубѣжденіемъ. На дѣлѣ же это былъ человѣкъ прекрасной души и глубокаго, недюжиннаго ума. Имѣя небольшой достатокъ, онъ рано порвалъ всѣ сношенія съ „казенною“ наукой и посвятилъ себя свободному труду съ такимъ успѣхомъ, что каждая строка его произведеній цѣнилась настоящими учеными выше многихъ академическихъ „вкладовъ“ въ кладезь отечественной премудрости.

Жилъ онъ прежде, говорятъ, бѣдно и нелюдимо, былъ, казалось, неисправимымъ холостякомъ-эгоистомъ и только лѣтъ за пять до смерти женился на красивой, небогатой дѣвушкѣ, служившей въ какой-то библіотекѣ или въ книжномъ магазинѣ,—въ точности не помню. Говорили, что онъ ее держалъ взаперти, мучилъ и т. п. Но если такъ, откуда взялось у нея это глубокое, страшное горе? Чтò она вообще за существо?

Чтò ее побудило выйти замужъ за этого некрасиваго старика? Разсчетъ, какъ вездѣ и всегда? Продажа?! Гадость какая!..

А впрочемъ, мнѣ-то что за дѣло? Довезу ее до дому, раскланяюсь—и finita la comedia!.. Нѣтъ, не finita!..

Я чувствовалъ, что *такъ* кончиться не можетъ!

Ей нужна была помощь, опора, и я, встрѣтившись съ нею по волѣ судьбы, не могъ ее такъ бросить... Я долженъ былъ оставаться ея опорой...

И не только долженъ былъ, но хотѣлъ, страстно хотѣлъ, до того, что когда мы подъѣхали къ ея дому, я просто умиралъ отъ опасенія не быть приглашеннымъ. Сердце молотомъ стучало въ моей груди, когда я довелъ свою спутницу по узенькой, но чистой парадной лѣстницѣ до третьяго этажа, гдѣ увидѣлъ на

двери дощечку съ фамиліей, становившейся мнѣ мало-по-малу ненавистною.

Съ минуту мы молча простояли на площадкѣ: *она* какъ будто забыла, что нужно позвонить, а у меня какъ-то рука не поднималась.

Наконецъ, я пересилилъ себя, позвонилъ, и дверь отворила намъ высокая, усатая женщина среднихъ лѣтъ, въ траурномъ платьѣ и чепцѣ, съ пытливымъ недоброжелательствомъ быстро оглядѣвшая меня съ головы до ногъ. Я тутъ окончательно растерялся, снялъ шляпу и хотѣлъ что-то сказать, но голосъ мой оборвался, и я молча сталъ кланяться. Должно быть, у меня былъ довольно жалкій видъ, потому что спутница моя вдругъ особенно участливо взглянула на меня и ласковымъ, мягкимъ контральто произнесла:

— Войдите же, я васъ безъ чаю не отпущу! На васъ лица нѣтъ! вы продрогли, вы нездоровы!..

— Нѣтъ... я... merci!.. безпокоить васъ... а впрочемъ!..— пролепеталъ я и вошелъ.

Усатая женщина снова пристально взглянула на меня, на этотъ разъ уже съ настоящею враждою, и хотя, очевидно, была горничною въ этомъ домѣ, но не захотѣла исполнить своей обязанности: не помогла мнѣ снять пальто, да я и самъ, признаться, не хотѣлъ пользоваться ея услугами: я чувствовалъ, что она— убѣжденная представительница того „прошлаго", о которомъ я почему-то уже инстинктивно старался не думать, словно имѣлъ какія-нибудь права на настоящее или будущее. Я уже успѣлъ повѣсить свое пальто, когда моя хозяйка съ укоромъ обратилась къ своей служанкѣ:

— Ахъ, Флорентина! Что-жъ вы?!

— „Вотъ ужъ совсѣмъ неподходящее имя"!—подумалъ я, вступая за Еленой Константиновной въ столовую и глядя вслѣдъ уходившей Флорентинѣ, которую тутъ же мысленно окрестилъ Эсклармондой: мнѣ казалось, что это новое имя содержитъ въ себѣ насмѣшку и вмѣстѣ идетъ къ ея большому росту.

Въ очень большой и неуютной столовой уже кипѣлъ самоваръ. Мы съ хозяйкой дома сѣли другъ противъ друга и нѣсколько минутъ молчали: она еще была въ своемъ удрученномъ состояніи, а я хотѣлъ много, слишкомъ много сказать ей, но сознавалъ, что не могу, не смѣю. Наконецъ, она вздохнула, быстро вскинула на меня своими темно-сѣрыми глазами, которымъ необыкновенную прелесть придавали длинныя черныя рѣсницы, и торопливо заговорила:

— Ахъ я безтолковая! И не поблагодарила васъ еще! Простите!.. Однако, объясните мнѣ, пожалуйста, какъ это вы нашли мой адресъ? Вѣдь мы съ вами не были знакомы!

— Очень просто: я немножко зналъ и, конечно, искренно уважалъ вашего покойнаго мужа. Незадолго до его смерти мнѣ даже пришлось побывать у него по чужому дѣлу въ этой самой квартирѣ. Вашъ мужъ...

Но она уже не слушала меня: она закрыла лицо руками и нервно вздрагивала. Это была настоящая пытка для меня; мнѣ хотѣлось уйти оттуда, уйти отъ самого себя, отъ нахлынувшаго на душу сложнаго чувства досады, обиды и вмѣстѣ глубокой, жгучей симпатіи...

Вскорѣ она оправилась, отерла глаза и, принявъ искусственно-спокойное выраженіе, ласковымъ, но все-же дрожащимъ голосомъ произнесла:

— Я все еще не могу... Извините меня! Простите! Мы даже незнакомы, а я вамъ надоѣдаю всѣмъ этимъ! Позвольте узнать...

Я назвалъ себя и при этомъ, по привычкѣ, всталъ и церемонно расшаркался, крѣпко пожимая протянутую мнѣ ручку. Каково же было мое пріятное изумленіе, почти гордость, когда лицо ея вдругъ оживилось, просіяло!

— Какъ?! Вы—авторъ повѣсти: „*Судьба натѣшилась*“? Эта замѣчательная вещь меня всю...

— Да... это я написалъ... но помилуйте... мнѣ очень лестно... Но что же тамъ... такого... очень?.. Это былъ мой первый опытъ; эта повѣсть, помѣщенная въ одномъ мало извѣстномъ иллюстрированномъ журналѣ, прошла незамѣченною никѣмъ! Я не думалъ... вѣдь критика...

— Критика! Развѣ она *ищетъ* то, что̀ прекрасно?! Знаете ли, это для меня просто родное произведеніе! Сколько радостныхъ, цѣлебныхъ слезъ оно мнѣ дало! Боже мой! Словно кто-нибудь мнѣ въ сердце заглянулъ, все увидѣлъ, все понялъ, всему нашелъ отвѣтъ и утѣшеніе!.. Даже самый разсказъ какъ будто изъ моей жизни былъ взятъ! Такое же начало, почти такой же конецъ. Конецъ не совсѣмъ такой, потому что ваша героиня нашла счастье только въ дѣтяхъ, тогда какъ у меня дѣтей не было, но зато я, все-таки...

Тутъ она собиралась, видимо, опять заплакать, но я не допустилъ ее до этого, поспѣшивъ заговорить о томъ, какъ трудно мнѣ было найти помѣщеніе для своей повѣсти, какъ высокомѣрно со мной обращались въ маленькихъ повременныхъ изданіяхъ и т. п.

Ледъ растаялъ мгновенно. Мы разговорились, и бесѣда моя съ этой незнакомой женщиной сразу приняла характеръ такой необычайной задушевности, необычайной дружеской искренности, какъ будто сто лѣтъ уже мы знали другъ друга.

Повѣсть „*Судьба натѣшилась*", сразу такъ сблизившая насъ, разумѣется, отнюдь не была „замѣчательнымъ" произведеніемъ; построенная неумѣло, растянутая и слегка сантиментальная, а потому справедливо незамѣченная критикой, эта вещь могла понравиться только благодаря тому, что была написана, такъ сказать, „кровью сердца". Моей же новой знакомой она могла показаться прекрасною лишь потому, что дѣйствительно, какъ я узналъ тогда отчасти, а подробнѣе впослѣдствіи, она была какъ будто прямо взята изъ жизни Елены Константиновны.

Какъ и моя героиня, Елена Константиновна была единственною, любимою и балованною дочерью богатыхъ родителей, по смерти которыхъ она, двѣнадцати лѣтъ отъ роду, была совершенно ограблена своимъ опекуномъ и обречена на тяжкое житье изъ милости у какихъ-то отдаленныхъ родственниковъ, многимъ обязанныхъ ея отцу и мстившихъ дочери за свою неспособность къ обидному для нихъ чувству благодарности. Цѣлыхъ шесть лѣтъ выносила она пытку обидныхъ намековъ, несправедливыхъ укоровъ, мелочной скаредности и безцеремоннаго помыканія... Молодое растеніе, привычное къ ласкамъ солнца, умирало въ этой холодной тьмѣ и погибло бы, еслибы не счастливый случай, имѣвшій въ началѣ видъ несчастнаго случая. Часто бывавшій у ея „благодѣтелей" какой-то молодой карьеристъ, котораго прочили въ женихи ихъ дочери, долговязой, прыщавой дѣвицѣ съ зелеными зубами, вздумалъ поухаживать за Леночкой. Бѣдная дѣвушка была этимъ вначалѣ испугана, но молодое, изстрадавшееся сердце ея затрепетало отъ благодарности, которую она сама приняла за любовь. Она отдалась этому новому для нея чувству, позволила себѣ даже отвѣчать на нѣкоторыя записочки заигрывавшаго съ нею „рыцаря",— но все это не ускользнуло отъ бдительности ея родственниковъ, которые, конечно, поторопились ее опозорить, разславить интриганткою и развратницею, и выгнали изъ дому. Молодой бюрократъ, разумѣется, не принялъ въ ней никакого участія и, наоборотъ, постарался поскорѣе загладить вину свою передъ зеленозубымъ предметомъ настоящихъ своихъ искательствъ,—а Леночка очутилась, что называется, на мостовой.

Куда дѣваться? Кто поможетъ ей изъ всѣхъ тѣхъ „чужихъ" людей, которые бывали съ нею любезны въ домѣ ея благодѣтелей?!.. Конечно, никто: она уже это *знала*, несмотря на молодость.

Тутъ ей вспомнились два совершенно чужихъ ей, почти незнакомыхъ лица, поразившія ее недавно своею, если такъ можно выразиться, духовною красотой. Это были госпожи Гакенъ, пожилая владѣтельница одной частной библіотеки, и ея дочь. Леночка въ послѣднее время усердно читала, хотя, впрочемъ, больше несерьезныя книги, и, часто заглядывая въ библіотеку, гдѣ сидѣли эти двѣ дамы, сразу почувствовала къ нимъ симпатію. Туда приходили за книгами читатели двухъ родовъ: праздныя дамы, по большей части за романами неизбѣжныхъ Жоржа Онэ, Бурже и т. п., и люди занятые—за солидными книгами. И нужно было видѣть, съ какою предусмотрительностью и любовью мать и дочь относились къ читателямъ такого рода и особенно къ молодежи: онѣ готовы были все перерыть, нарочно купить нужную книгу, лишь бы какой-нибудь небогатый юноша могъ ею воспользоваться для своей работы. Съ нѣкоторыми онѣ нарочно заговаривали, наводили разговоръ на такія темы, которыя могли бы побудить юнаго читателя къ новому труду. Это было истинное, безкорыстное служеніе знанію для знанія, добру для добра.

Леночку инстинктивно потянуло къ нимъ, когда она осталась безъ крова. Инстинктъ не обманулъ ее, и результатъ превзошелъ ея ожиданія; она надѣялась, что ее куда-нибудь порекомендуютъ, а добрыя дамы просто предложили ей остаться у нихъ и работать съ ними. За два года онѣ обратили заурядную барышню въ человѣка. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ она также успѣла невольно обратить на себя вниманіе чудака-ученаго, который и сталъ ея мужемъ. Какимъ онъ былъ мужемъ, она мнѣ, конечно, въ этой первой нашей бесѣдѣ подробно не выяснила, но я понялъ изъ ея словъ, что это былъ и въ семейной жизни человѣкъ замѣчательно рѣдкой души, чуткій, деликатный, предупредительный и т. д. Я, конечно, не рѣшился спросить ее, была ли она счастлива: она бы искренно отвѣчала, что „да“, но я-то сознавалъ все-таки, что подобный отвѣтъ былъ бы самообманомъ или обманомъ. Я былъ увѣренъ въ этомъ, а она словно угадала мою мысль и вдругъ, ни къ селу, ни къ городу, вставила:

— А знаете, онъ былъ иногда даже не прочь пошкольничать,—напримѣръ, отправиться со мной покутить на Острова и затѣмъ на зарѣ кататься по взморью на лодкѣ!..

Мнѣ было и тяжело, и пріятно это слушать; пріятно потому, что я думалъ: „ну, а все-таки...“ Она опять, должно быть, поняла меня, и мы замолчали.

Вдругъ пробило одиннадцать часовъ. Я поспѣшно всталъ, чтобы откланяться, но она удержала меня за руку.

— Не торопитесь, прошу васъ! Мнѣ какъ-то жутко... А васъ самъ Богъ послалъ ко мнѣ! Будьте же добры до конца! Перейдемъ въ гостиную!..

Я даже не сталъ возражать.

— Однако, тамъ темно! Флорентина! Флорентина!.. Спитъ, бѣдная! умаялась за эти дни!.. Ну, да я сама зажгу лампу!.. Впрочемъ, пойдемъ отсюда, я не люблю этой комнаты, такъ здѣсь неуютно.

И она внезапно покосилась на обѣденный столъ, у котораго мы стояли. Я угадалъ ея мысль: на этомъ же столѣ недавно еще лежалъ покойникъ! Какой это въ самомъ дѣлѣ непріятный обычай!..

Она подошла вдругъ къ большимъ англійскимъ часамъ, стоявшимъ на мраморной колонкѣ, и поставила стрѣлку на silent. Я подошелъ къ ней, и хотя гостиная помѣщалась рядомъ со столовой, мы пошли туда подъ-руку; это было ненужно и нелѣпо, но почему-то такъ вышло, безъ всякаго уговора, безъ всякаго умысла...

Боже мой! Я теперь безплотное существо, передо мною, не знаю когда, но непремѣнно откроется вѣчность, я охвачу своимъ духовнымъ взглядомъ безконечное пространство, въ которомъ цѣлые міры кажутся песчинками, искорками, а меня все еще тянетъ назадъ, къ этому прошлому, къ этому „маленькому“, жалкому существованію, и особенно рельефно встаютъ предо мной именно мелочи, съ виду ничтожныя мелочи и минутки этого мелкаго полубытія?! Почему это? Не потому ли, что время и пространство—понятія, выдуманныя людьми для удобства, что мелочей, собственно говоря, нѣтъ и что мигъ—властелинъ жизни?!..

Да, въ этой гостиной, слабо освѣщенной то угасавшимъ, то вдругъ вспыхивавшимъ каминомъ, ждалъ насъ этотъ „властелинъ жизни“...

Вначалѣ разговоръ нашъ не клеился. Мы все еще говорили невольно о ея прошломъ, хотя намъ обоимъ было тяжело и не хотѣлось говорить объ этомъ. Затѣмъ разговоръ какъ-то самъ собой перешелъ на литературу. Оказалось, между прочимъ, что она почти совершенно не знала гр. Алексѣя Толстого: мужъ ея (опять мужъ!), какъ человѣкъ съ реальнымъ направленіемъ, не признавалъ или, вѣрнѣе, не понималъ этого поэта. Я же всегда страстно любилъ его нѣжныя, музыкальныя строфы и тутъ горячо вступился за него, иллюстрируя свою рѣчь стихами. Она слушала меня, облокотясь на столикъ, склонивъ голову на руку

и глядя на меня влажными, грустно задумчивыми глазами, которые то разгорались, то угасали въ трепетной тѣни рѣсницъ...

Зачѣмъ же сердце такъ сжимается невольно,
Когда *твой* встрѣчу взоръ,—и такъ тебя мнѣ жаль!
И каждая твоя мгновенная печаль
Звучитъ въ душѣ моей такъ долго и такъ больно?!..

Она закрыла лицо руками... Поняла ли она, что эти слова говорилъ не поэтъ, а *я*, незнакомый, но близкій человѣкъ, говорилъ *ей*?.. Почувствовала ли она въ этотъ мигъ, что ей нужны, какъ воздухъ, нужны такія слова, *эти* слова?.. Не знаю! И тогда уже я объ этомъ не думалъ. Я ни о чемъ не думалъ. Я только чувствовалъ, что она должна быть моею, что она будетъ моею, что она—моя. Когда я, въ какомъ-то бреду, подошелъ къ ней, взялъ ее за руку, сталъ цѣловать, горячо цѣловать эту блѣдную, холодную руку, она не сопротивлялась... Каминъ вдругъ вспыхнулъ и красноватымъ огнемъ озарилъ ея прекрасное, томноболѣзненное лицо: эти впалыя, блѣдныя щеки, по которымъ струились тихія, свѣтлыя слезы, эти полураскрытыя, дрожащія уста... Я прильнулъ къ нимъ, и мы слились въ безконечномъ поцѣлуѣ... Да, мигъ—властелинъ жизни!..

М. Ратищевъ.

ПРІЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

— *Опытъ русской исторіографіи.* В. С. *Иконникова.* Томъ первый, въ двухъ книгахъ. Кіевъ, 1891—92.

О книгѣ г. Иконникова было упомянуто въ литературномъ обозрѣніи „Вѣстника Европы“ [1]), гдѣ указанъ ея составъ и внѣшній объемъ. Здѣсь мы хотѣли бы остановиться на тѣхъ нѣсколькихъ главахъ этого сочиненія, которыя служатъ введеніемъ къ изложенію русской исторіографіи и ставятъ общіе вопросы историческаго знанія и историческаго труда.

Предметъ чрезвычайно интересенъ—не только для спеціалистовъ, но могъ бы быть интересенъ и для всякаго образованнаго человѣка: историческая литература въ разныхъ формахъ необычайно распространяется въ послѣднее время, и свѣденія о матеріалѣ и пріемахъ историческаго изслѣдованія весьма нелишни для правильнаго пониманія этой литературы.

Нельзя сказать, чтобы объясненія этого рода совсѣмъ отсутствовали въ нашей литературѣ, но во всякомъ случаѣ ихъ дано было немного, и новое систематическое изложеніе ихъ можетъ быть весьма полезно. Въ одномъ мѣстѣ своей книги авторъ указываетъ то, чтò есть въ русской литературѣ по этому предмету [2]): это нѣсколько статей—Грановскаго, Кудрявцева, Надеждина, Куторги, Трачевскаго, Забѣлина, Костомарова, Бестужева-Рюмина,

---

[1]) 1892, декабрь.
[2]) Т. I, кн. I, стр. 89.

П. Павлова и отдѣльныя сочиненія М. Петрова, Герье, Карѣева. За исключеніемъ трехъ послѣднихъ книгъ, всѣ названныя статьи представляютъ лишь весьма общія указанія о смыслѣ исторической науки, или же частные вопросы собственно по русской исторіи; книжка М. Петрова (1861), для своего времени прекрасно составленная, представляетъ только обзоръ новѣйшей національной исторіографіи въ Германіи, Франціи и Англіи; книга г. Карѣева излагаетъ „Основные вопросы философіи исторіи", и только книга г. Герье (1866) ставитъ цѣльный вопросъ о развитіи исторической науки. Могло требоваться новое изложеніе предмета, во-первыхъ, въ виду многихъ новыхъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ въ западной литературѣ, во-вторыхъ, въ ближайшемъ примѣненіи къ фактамъ русской исторіографіи. Это послѣднее и предположилъ сдѣлать авторъ настоящей книги.

Главы, посвященныя г. Иконниковымъ этому предмету, останавливаются на трехъ главныхъ вопросахъ: на самомъ предметѣ исторіи, на общемъ ходѣ исторической критики и положеніи исторіи въ ряду другихъ наукъ; далѣе, на ея вспомогательныхъ знаніяхъ и, наконецъ, на вопросахъ внутренней исторической критики. Способъ изложенія г. Иконникова можно назвать эклектическимъ: авторъ не излагаетъ предмета въ послѣдовательномъ догматическомъ порядкѣ, но обыкновенно, указавъ вопросъ, собираетъ разнообразныя мнѣнія о немъ древнихъ и новыхъ писателей и потомъ дѣлаетъ свой выборъ или отыскиваетъ примиряющую середину. Этотъ способъ имѣетъ свои большія неудобства, особенно для обыкновеннаго читателя: вмѣсто прямого объясненія дѣла получается масса чужихъ разнорѣчивыхъ мнѣній, принадлежащихъ писателямъ, значеніе которыхъ читателю не всегда знакомо, и мнѣній, иногда привлеченныхъ изъ разнородныхъ областей литературы. Правда, этимъ путемъ читатель можетъ ознакомиться съ извѣстными фактами исторіографической литературы; но цѣльность и послѣдовательность изложенія отъ этого не выигрываетъ.

Указавъ на пониманіе исторіи въ античномъ мірѣ, гдѣ она была не наукой, а скорѣе искусствомъ и нравоученіемъ, авторъ переходитъ къ среднимъ вѣкамъ, когда преобладали „религіозные интересы и легковѣріе", и, наконецъ, ко временамъ новѣйшимъ, когда исторія впервые становится на чисто научную почву. Это случилось, впрочемъ, не ранѣе второй половины XVIII-го вѣка. Нельзя сказать, чтобы возникновеніе этой строгой исторической науки было объяснено у автора съ достаточнымъ опредѣленіемъ его условій. Даже въ университетахъ исторія долго не имѣла

своего отдѣльнаго преподаванія, присоединяясь (въ Германіи) то къ каѳедрѣ краснорѣчія, то къ государственному праву. „Съ другой стороны,—говоритъ авторъ,—широкое развитіе философіи въ этотъ періодъ вноситъ постепенно въ историческое знаніе общія начала, старается придать смыслъ отдѣльнымъ фактамъ и значительно способствуетъ возникновенію научной обработки исторіи, хотя въ самомъ обращеніи писателей этого направленія съ матеріаломъ было весьма много субъективнаго и произвольнаго. Направленіе это имѣло рядъ блестящихъ представителей во всѣхъ странахъ (Вико, Вольтеръ, Гердеръ, Болингброкъ, Юмъ, Гиббонъ и др.) и въ свое время оказало существенное вліяніе на возникновеніе исторической критики. Переходъ отъ религіознаго и философскаго скептицизма къ скептицизму въ области политики и исторіи былъ вполнѣ естественъ“ [1]). Дальше говорится, что „даже Шлёцеръ, которому современная критика приписываетъ значеніе *реформатора* въ области исторіографіи, признаетъ, что Вольтеръ оказалъ на его историческія воззрѣнія просвѣтительное вліяніе“. Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ, что на Шлёцера имѣли вліяніе не только широкое развитіе философіи, сейчасъ упомянутое, но также „современные историческіе и политическіе писатели Англіи и Франціи“, и указывается, напримѣръ, Мабли, книгу котораго „о способѣ писать исторію“ онъ перевелъ даже на нѣмецкій языкъ съ своимъ предисловіемъ. Затѣмъ мы узнаёмъ еще, что Шлёцеръ, который, какъ извѣстно, придавалъ первостепенное значеніе критикѣ текста древнихъ памятниковъ (и въ вопросахъ русской исторіи имъ впервые была примѣнена эта критика), былъ въ этомъ отношеніи ученикомъ Михаэлиса и Гесснера, т. е. классическихъ филологовъ (стр. 9, 14). Такимъ образомъ, для опредѣленія особенностей Шлёцера, какъ историческаго критика, надо было искать источниковъ его научнаго характера (кромѣ свойствъ его личнаго ума) въ весьма разнообразныхъ вліяніяхъ предшествовавшей ему и современной науки—философіи, исторіи, политики, классической филологіи. Все это въ разныхъ мѣстахъ и указано нашимъ авторомъ, но, къ сожалѣнію, отрывочно и безъ указанія относительнаго значенія всѣхъ этихъ вліяній. Между тѣмъ значеніе Шлёцера, какъ ученаго писателя, въ томъ числѣ и въ области русской исторіографіи, опредѣляется всѣми этими данными его образованія: онъ былъ не только критикомъ текстовъ, но и широкимъ ученымъ, у котораго рядомъ съ археологической ученостью шла также и ученость политическая: вслѣдствіе этого

---

[1]) Книга I, стр. 7.

соединенія разнообразныхъ познаній и опредѣленнаго политическаго взгляда, онъ и явился тѣмъ авторитетомъ, какимъ онъ надолго остался и въ германской, и въ частности и въ русской исторіографіи. Какъ извѣстно, тѣнь Шлёцера и до послѣдняго времени не давала покоя нѣкоторымъ нашимъ ученымъ, которые думаютъ, что извѣстный археологическій взглядъ, извѣстное мнѣніе о томъ, что̀ происходило въ исторіи лѣтъ тысяча тому назадъ, не есть только дѣло исторической критики, но прежде всего дѣло патріотизма; они не могутъ до сихъ поръ понять, что, напримѣръ, такъ называемая норманская теорія о происхожденіи Руси прежде и выше всего опиралась на свидѣтельствахъ древнихъ источниковъ, гдѣ для подтвержденія ея давалъ сильную опору самъ достопочтенный Несторъ. Этимъ историкамъ непремѣнно хочется доказать, что норманская теорія была порожденіемъ нѣмецкаго недоброжелательства къ Россіи; но Несторъ одинаково или почти одинаково былъ понятъ и Шлёцеромъ, и Карамзинымъ, и Погодинымъ, и Соловьевымъ,—а противоположная точка зрѣнія (признаваемая упомянутыми учеными за единственную, подобающую патріоту), хотя, быть можетъ, со временемъ и исправитъ нѣсколько наши представленія о началѣ Руси, но до сихъ поръ не была еще доказана вполнѣ убѣдительными доводами [1]. Г. Иконниковъ относится къ этому вопросу на первый разъ довольно объективно (впослѣдствіи, въ самомъ изложеніи разработки русской исторіи онъ, конечно, объ этомъ будетъ говорить подробно) и между прочимъ приводитъ извѣстныя слова Шлёцера, гдѣ онъ говоритъ о своей точкѣ зрѣнія, что первый законъ исторіи есть удаленіе лжи и исканіе истины, и тѣ слова, которыя совершенно забываются его противниками: ничей авторитетъ самъ по себѣ не служитъ ручательствомъ истины—„не вѣрь вообще ничьему слову, слѣдовательно, и *моему*. Ненадобно совершенно ни на комъ утверждаться, а необходимо *испытывать и доказывать*... Истинный историкъ долженъ все *самъ изслѣдовать, самъ разыскивать*". Упомянувъ то, что̀ было сдѣлано Шлёцеромъ для исторической критики въ примѣненіи къ нашей древности, авторъ

[1]) Исторія этой борьбы противъ норманской теоріи съ мнимо патріотической точки зрѣнія довольно извѣстна. Любопытно, что даже г. Бильбасовъ, недавно вмѣшавшійся въ эту борьбу, не усомнился повторять некрасивую фразеологію противниковъ норманства, не замѣчая, что защита послѣднихъ (какъ она имъ дѣлается) становится нѣсколько забавной: они представляются какими-то обиженными казанскими сиротами, когда въ вопросахъ науки можетъ имѣть силу только цѣнность доказательствъ, а что касается обидъ, то едва ли не больше расточалось ихъ именно противъ норманства.

прибавляетъ: „заслуга Шлёцера въ дѣлѣ обработки исторіи еще болѣе возростаетъ, если прибавить къ этому, что онъ постоянно обращаетъ вниманіе на культурную сторону народной жизни, на значеніе языкознанія, этнографическаго элемента, сравнительнаго метода". Все это было для русской исторіографіи прошлаго вѣка первой правильной школой, послѣдній ученикъ которой еще недавно дѣйствовалъ въ нашей литературѣ въ лицѣ Погодина.

Указавъ далѣе, какъ новый шагъ въ развитіи исторической критики сдѣланъ былъ Нибуромъ и далѣе трудами Ранке, авторъ объясняетъ, какъ самое понятіе исторіи развилось въ представленіе о движеніи и развитіи и какъ историческіе источники были расширены введеніемъ разработки архивнаго матеріала. Авторъ полагаетъ, что воззрѣнія Шлёцера и Нибура нашли у насъ полное сочувствіе въ такъ называемой скептической школѣ; но въ то время, какъ эта школа преувеличила требованія критическаго сомнѣнія, въ дѣйствительности вліянія западной критики были несомнѣнно шире. „Историческій скептицизмъ привелъ къ извѣстнымъ положительнымъ результатамъ. Современная историческая критика ведетъ свое начало отъ его представителей; а въ исторической наукѣ все болѣе утверждается мнѣніе, что исторія должна стремиться къ тому, чтобы стать точнымъ знаніемъ, и что прочность ея выводовъ, какъ и всякой другой науки, находится въ зависимости отъ признанія въ ходѣ историческаго развитія—общихъ, постоянно дѣйствующихъ законовъ" [1]). Мы сказали бы только, что расширеніе историческаго горизонта и болѣе тонкіе пріемы исторической критики, какъ въ западной наукѣ, такъ и у насъ, приводились гораздо болѣе сложными научными вліяніями: авторъ только далѣе упоминаетъ подобныя вліянія, напримѣръ, въ системахъ философіи исторіи, особливо нѣмецкихъ, въ изученіяхъ права, въ развитіи сравнительнаго языкознанія и этнографіи и т. д.

Переходя затѣмъ къ вопросу о содержаніи исторіи, какъ науки, и о мѣстѣ ея среди другихъ наукъ, г. Иконниковъ опять говоритъ словами авторитетовъ, не всегда, впрочемъ, ставя ихъ въ должную послѣдовательность. Кантъ недоумѣвалъ уже о томъ, съумѣетъ ли потомство справиться съ тѣмъ громаднымъ матеріаломъ, который накопляется въ историческомъ знаніи. Авторъ замѣчаетъ, что историческій матеріалъ возростаетъ не только отъ накопленія новыхъ данныхъ, но и отъ расширенія самой идеи исторіи, и приводитъ слова Маколея, сказанныя еще въ 1824 году,

[1]) Тамъ же, стр. 25—26.

гдѣ онъ возставалъ противъ еще распространеннаго въ то время взгляда, что исторія имѣетъ дѣло только съ внѣшнею судьбою государства. Въ словахъ Маколея, — который былъ однимъ изъ первыхъ бытовыхъ историковъ,—была уже мысль объ исторіи съ точки зрѣнія соціальной и народной, на что еще въ прошломъ столѣтіи могла наводить извѣстная книга Вольтера. „Большинство людей думаетъ, — писалъ Маколей,—что перечисленіе общественныхъ дѣлъ—осадъ, измѣненій въ администраціи, трактатовъ, заговоровъ, возстаній—составляетъ всю исторію... Почти всѣ безъ исключенія историки ограничились общественными дѣлами и предоставили область, по крайней мѣрѣ столь же обширную и важную, небрежному вѣденію беллетристики... Вообще, нижній слой потока жизни человѣческой течетъ своимъ порядкомъ, не нарушаемый бурями, волнующими поверхность. Довольство большинства всегда почти зависитъ отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ побѣдами и пораженіями, съ революціями и реставраціями,—отъ причинъ, которыхъ нельзя регулировать никакими законами и которыхъ никакъ не сдать въ архивъ. Знаніе этихъ-то причинъ и составляетъ для насъ предметъ особенной важности, а не новость о томъ, какъ была разбита лакедемонская фаланга при Левктрахъ, или изслѣдованіе о томъ, отчего умеръ Александръ —отъ яду или отъ болѣзни. Безъ этого, исторія—скорлупа безъ ядра, и такова она почти всюду. Жалкія стычки и заговоры передаются съ нелѣпой и безполезной мелочностью; но самыя важныя улучшенія въ удобствахъ жизни человѣческой успѣваютъ распространиться по всему свѣту, проникнуть въ каждую хижину прежде, нежели лѣтописецъ позволитъ себѣ снизойти отъ толковъ о генералахъ и посланникахъ до простого указанія на эти усовершенствованія... Исторія націи въ томъ смыслѣ, въ какомъ я принимаю это слово, часто лучше всего изучается въ сочиненіяхъ, не считающихъ себя историческими“ [1]).

Собирая опять отзывы различныхъ новѣйшихъ историковъ, авторъ указываетъ, какимъ образомъ все болѣе и болѣе расширялось содержаніе исторической науки: она обнимаетъ теперь множество предметовъ, которые въ прежнее время были ей совсѣмъ чужды. Авторъ находитъ, что громадное расширеніе предмета уравновѣшивается распространеніемъ спеціальной разработки его отдѣльныхъ частей... Онъ не объясняетъ, однако, откуда идетъ это громадное расширеніе стремленій историческаго знанія. Размноженіе самаго матеріала, съ которымъ приходится теперь

[1]) Тамъ же, стр. 27—28.

имѣть дѣло историку, есть, очевидно, явленіе вторичное: матеріалъ собирается и издается потому, что существуетъ уже готовое на него требованіе. Сначала искали только матеріаловъ, служившихъ для исторіи государственной; затѣмъ распространили интересъ на матеріалъ характера бытового, все въ болѣе и болѣе разнообразныхъ отношеніяхъ; въ концѣ концовъ считается важнымъ собирать даже минимальныя подробности изъ жизни тѣхъ временъ, за которыми признается историческая давность, и рядомъ съ этимъ никогда до сихъ поръ не было такъ распространено изученіе современной исторіи, воспоминанія и настоящія изслѣдованія о событіяхъ вчерашняго дня. Гдѣ же источникъ этой усиленной любознательности, этого почти лихорадочнаго интереса къ историческому изысканію во всѣхъ направленіяхъ политической и общественной жизни? Очевидно, современное историческое знаніе какъ никогда прежде подпадаетъ вліянію всей научной дѣятельности эпохи и всѣхъ новѣйшихъ волненій въ жизни народовъ и обществъ...

Авторъ указываетъ [1]), что, по мнѣнію одного нѣмецкаго ученаго, при этомъ поводѣ ни одна наука не склонна такъ впадать въ дилеттантизмъ, какъ исторія — вслѣдствіе ея доступности. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, г. Иконниковъ замѣчаетъ самъ: „Благодаря своимъ качествамъ, исторія то-и-дѣло что становится предметомъ всевозможныхъ *экспериментовъ* со стороны представителей разныхъ наукъ и даже просто любителей. Одни хотѣли бы свести ее на простую часть зоологіи (Fouillée); а другіе обратить въ чистую статистику (Бурдо). И несмотря на то, что всѣ философскія построенія исторіи оказались неудачными, все-таки является увѣренность въ возможности установить содержаніе исторіи путемъ діалектическимъ", и т. д. Мы думаемъ, напротивъ, что то, что кажется нашему автору „экспериментомъ", и притомъ экспериментомъ „любителей", то-есть произвольной фантазіей и пустяками, на дѣлѣ отражаетъ глубокую реформу, которой предстоитъ совершиться въ историческомъ знаніи. Можетъ показаться страннымъ на первый разъ желаніе превратить исторію въ „часть зоологіи", — но въ основѣ этой странности лежитъ самая реальная и, конечно, тѣсно связанная съ исторіей задача, надъ которой работаетъ антропологическая наука, а эта въ свою очередь сводится къ біологіи, т.-е. прямо къ естествознанію. Предметъ исторіи, конечно, есть все, совершившееся въ судьбахъ человѣчества; современная наука не дѣлаетъ

¹) Тамъ же, стр. 33-34.

прежняго различія между народами „историческими“ и „не-историческими“; послѣдніе могутъ быть только или тѣ, о которыхъ не дошло къ намъ никакихъ данныхъ, кромѣ ихъ имени, или тѣ, которымъ еще предстоитъ въ будущемъ вступить на ту же арену исторіи; во всякомъ случаѣ исторія должна сказать и объ ихъ судьбѣ, и здѣсь она встрѣчается прямо съ данными антропологическаго характера. Излагая судьбу и тѣхъ племенъ, которыя въ различномъ смыслѣ сильно дѣйствовали въ исторіи, наука должна опредѣлять свойства ихъ расы, — она не могла не чувствовать глубокаго различія племенъ семитическихъ, монгольскихъ, индо-европейскихъ и, слѣдовательно, исторія опять сближается съ антропологіей... Подобнымъ образомъ нисколько не произвольна мысль о связи исторіи съ статистикой: эта новая наука, по самому существу дѣла, могла разработывать только тѣ предметы, на которые простирались ея лишь недавно начатыя изслѣдованія; она имѣетъ дѣло поэтому лишь съ современностью и недавнимъ прошлымъ, но здѣсь она успѣла придти къ замѣчательнымъ выводамъ, имѣющимъ важное значеніе въ соціологіи, раскрывая характеръ внутреннихъ процессовъ народной и общественной жизни въ связи съ ея условіями, — а этому не можетъ остаться чужда и исторія.

Такимъ образомъ, уже на этихъ примѣрахъ можно видѣть, какъ расширяются предѣлы исторической науки подъ вліяніемъ того, что рядомъ съ нею другія науки дѣлаютъ все болѣе глубокія изысканія какъ въ самой природѣ человѣка и народовъ, такъ и въ законахъ общественнаго и государственнаго бытія. Эти науки,—какъ антропологія, политическая экономія, сравнительное языкознаніе, изученіе права и т. д.,—развившіяся или даже впервые основанныя въ самое послѣднее время, несомнѣнно уже теперь повліяли на опредѣленіе содержанія исторической науки. Необычайныя пріобрѣтенія восточной археологіи и филологіи, какъ изученіе литературъ Египта, Ассиріи и Вавилоніи, расширили неожиданнымъ образомъ предѣлы историческаго знанія на такія страны, которыя еще недавно представлялись историкамъ только въ самыхъ туманныхъ очертаніяхъ. Сравнительное языкознаніе опять только въ самое послѣднее время дало возможность заглянуть въ первобытныя времена образованія первыхъ зачатковъ культуры, поэзіи, права и т. д. Науки общественныя, опять въ особенности въ послѣднее время, открываютъ процессы внутренняго развитія обществъ, учрежденій, быта, вообще явленій, которыя еще въ недавнее время исторія наблюдала только крайне отрывочно, видя въ нихъ готовый фактъ и не оцѣняя

въ нихъ реальныхъ и народно-психологическихъ зачатковъ будущей исторіи... Очевидно, что „предметъ исторіи" будетъ опредѣляться не взглядами современныхъ теоретиковъ спеціальной исторіи, по прежнему ея содержанію и прежней школьной программѣ, а широкимъ развитіемъ цѣлаго ряда наукъ, посвящаемыхъ изученію человѣческой природы и природы общества, и пріобрѣтенія которыхъ исторія по неволѣ должна будетъ включать въ свое содержаніе.

Съ другой стороны развитіе объема исторической науки находится въ несомнѣнной связи съ непосредственнымъ движеніемъ современныхъ обществъ и народовъ. Совершавшіяся событія выдвигали новые вопросы, требовавшіе, между прочимъ, и объясненія историческаго. Европейскія событія съ конца прошлаго вѣка выдвигали, такимъ образомъ, вопросъ объ исторіи политическихъ учрежденій; Наполеоновскія войны и возбужденіе національныхъ вопросовъ отразились въ исторіографіи особеннымъ вниманіемъ къ судьбамъ племенъ и народностей; такъ, между прочимъ, въ близкой намъ области исторической науки явилась почти вновь отрасль славяновѣденія; у насъ постановка и рѣшеніе крестьянскаго вопроса породили цѣлую массу историческихъ изысканій о народной жизни, которыя прежде почти не существовали, и въ то же время породили массу изслѣдованій политико-экономическихъ и соціальныхъ, также неизвѣстныхъ въ прежнее время, и которыя уже вытребовали себѣ мѣсто и въ исторической наукѣ... Словомъ, рѣчь идетъ вовсе не объ „экспериментахъ", а объ необходимомъ расширеніи предмета исторіи въ связи съ тѣмъ, какъ расширяется сознаніе человѣческихъ обществъ о самихъ себѣ.

Въ связи съ этимъ стоитъ вопросъ, который уже давно представлялся историкамъ, вопросъ объ исторической достовѣрности. Въ концѣ концовъ онъ можетъ быть сведенъ къ вопросу о самой возможности въ будущемъ цѣльной исторіи. „Вполнѣ вѣрно,— говоритъ г. Иконниковъ, ссылаясь на замѣчанія г. Карѣева,— что изученіе исторіи во всѣхъ мелочахъ совершенно невозможно; это значило бы возсоздать всю дѣятельность всѣхъ людей со всѣми ея причинами и слѣдствіями. Историку приходится поэтому ограничиться господствующими линіями, существенными направленіями, наиболѣе важными узлами, подобно тому, какъ географъ изучаетъ не всѣ неровности на земной поверхности, а только тѣ, которыя достигаютъ извѣстныхъ размѣровъ". И затѣмъ онъ приводитъ разсужденія на ту же тему у Маколея: „Совершенно и абсолютно истинной исторіи нельзя быть—говоритъ Маколей.—

Для того, чтобы быть абсолютно истинной, она должна записывать всѣ мельчайшія подробности незначительныхъ происшествій, всѣ дѣла, всѣ слова, сказанныя въ теченіе времени, о которомъ она ведетъ рѣчь. Пропускъ одного обстоятельства, какъ бы ничтожно оно ни было, будетъ уже недостаткомъ. Еслибъ исторія писалась такимъ образомъ, то и Бодлеянской библіотеки было бы недостаточно для описанія событій одной недѣли. То, что̀ сказано въ позднѣйшихъ и самыхъ точныхъ лѣтописяхъ, безконечно мало въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ осталось незаписаннымъ. Различіе между обширнымъ трудомъ Кларендона и описаніемъ гражданскихъ войнъ въ сокращеніи Гольдсмита исчезаетъ, когда сопоставимъ ихъ съ громадной массой фактовъ, о которыхъ они оба одинаково умалчиваютъ. Слѣдовательно, ни картина, ни исторія, не могутъ представить намъ полной истины: лучшія картины и лучшія исторіи изображаютъ тѣ части истины, которыя возможно ближе передаютъ намъ цѣлое" [1]). Въ другомъ мѣстѣ авторъ приводитъ относящіяся къ тому же вопросу заключенія Шопенгауэра: „Одна исторія не можетъ войти въ рядъ наукъ, ибо ей недостаетъ основного характера науки, субординаціи познаннаго, вмѣсто которой она ограничивается простой его координаціей. Потому и нѣтъ системы исторіи, какъ другихъ наукъ. Это—знаніе, а не наука. Науки, какъ системы понятій, говорятъ постоянно о родахъ, исторія — объ индивидуумахъ; науки имѣютъ въ виду то, что̀ есть всегда, исторія — то, что̀ было разъ и чего болѣе уже нѣтъ. Все общее въ исторіи только субъективно, а не объективно; даже историческіе періоды и главныя событія вполнѣ индивидуальны: отдѣльное относится къ нимъ, какъ часть къ цѣлому, а не какъ случай къ правилу". Онъ сѣтуетъ на то, что историки все еще пресмыкаются въ области фактовъ, и историческія изслѣдованія больше расползаются въ длину и ширину, нежели углубляются [2]).

Нашъ авторъ не совсѣмъ разрѣшаетъ эти трудности. Въ приведенныхъ словахъ есть доля недоразумѣній и доля преувеличеній. Исторія никогда, конечно, не достигнетъ такой достовѣрной подробности, о которой говоритъ Маколей, но она никогда къ этому не стремилась, да и не можетъ стремиться. Теоретически ея область безгранична, но она всегда была ограничена, какъ всякая антропологическая наука, количествомъ возможныхъ для наблюденія фактовъ. Ея задача—собрать эти факты и

[1]) Тамъ же, стр. 30—31.
[2]) Тамъ же, стр 34.

сдѣлать изъ нихъ свой выводъ. Безъ сомнѣнія, въ историческихъ явленіяхъ есть та доля индивидуальности, о которой говорилъ Шопенгауэръ: данныя явленія—единичны и никогда не повторятся; самые народы имѣютъ свою индивидуальную особенность, но такова и всякая жизнь, которая подвергается научному изслѣдованію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ исторія исполнена явленіями общаго характера. Не подлежитъ сомнѣнію, что если не повторяются историческіе факты въ ихъ индивидуальной особенности, то повторяются извѣстныя явленія развитія—въ судьбахъ религіи, учрежденій, культуры, поэзіи, права и т. д.; извѣстныя явленія имѣютъ свою преемственность, изъ массы примѣровъ которой состоитъ вся исторія культуры и науки; индивидуально сложившійся народъ состоитъ изъ массы единицъ, объединяемыхъ при всемъ личномъ разнообразіи общими качествами и т. д. Если исторія, какъ мы видѣли, ограничена въ своемъ матеріалѣ, это не значитъ, чтобы изъ него не могли быть извлекаемы теоретическіе, то-есть логическіе выводы. Исторія вовсе не обязана подробнѣйшимъ образомъ „описывать событія одной недѣли", точно также, какъ зоологія не обязана описывать каждаго воробья.

Очевидно, что дальнѣйшая задача историческаго изслѣдованія должна будетъ состоять въ обобщеніи тѣхъ частичныхъ выводовъ, какіе будутъ доставляемы ея отдѣльными областями—изученіемъ отдѣльныхъ процессовъ народной жизни и изученіемъ отдѣльныхъ народовъ и эпохъ. Это стремленіе къ обобщенію сказалось уже очень давно: евреи сосредоточивали всю судьбу человѣчества на исторіи своего избраннаго народа; греки ставили во главѣ человѣчества себя, не удостоивая вниманія презираемыхъ ими „варваровъ"; средніе вѣка поставляли всю судьбу человѣчества въ исторіи церкви, а внѣшнюю исторію народовъ исчерпывали въ исторіи „четырехъ монархій". Все это были уже слабыя попытки историческаго обобщенія. Понятно, что болѣе серьезно оно могло быть поставлено только съ первыми опытами научнаго пониманія исторіи, начиная въ особенности съ Вико, продолжая французскими, англійскими и нѣмецкими философами прошлаго вѣка и кончая новѣйшими построеніями „философіи исторіи". Для науки, въ широкомъ смыслѣ слова, нѣтъ никакой бѣды въ томъ, что эти философіи исторіи оказывались неудачны, что ихъ опровергалъ новый послѣдующій успѣхъ историческаго знанія: это вовсе не означало того, что философія исторіи не нужна, а означало только, что прежнія обобщенія оказывались недостаточными и требовались обобщенія болѣе широкія, сообразно съ новыми запросами историческаго изслѣдова-

нія, а эти запросы, какъ мы видѣли, въ послѣднее время чрезвычайно выростаютъ съ необычайнымъ расширеніемъ сосѣднихъ областей знанія... Очевидно при этомъ, что самый складъ науки долженъ образовываться соотвѣтственно тѣмъ требованіямъ, какія будутъ предъявляемы исторіи жизнью и другими отраслями знанія, наконецъ ея собственнымъ развитіемъ. Въ то время, какъ широкій историческій взглядъ, направленный на судьбы цѣлаго человѣчества, будетъ вызывать философскія обобщенія, рядомъ съ этимъ будетъ идти работа исторіи спеціальной, племенной, хронологической, затѣмъ политической, культурной, соціологической и т. д. Оба рода изслѣдованій будутъ взаимно поддерживать другъ друга, и въ настоящее время мы уже присутствуемъ при сильномъ развитии такъ называемыхъ сравнительныхъ изученій, которыя объединяютъ изученіе явленій въ жизни различныхъ народовъ въ предположеніи ихъ психологическаго единства: существуютъ уже сравнительныя изученія языка, поэзіи, самыхъ учрежденій. Естественно предположить, что эти сравненія будутъ продолжены впослѣдствіи еще далѣе, а въ нихъ и будетъ лежать основаніе для новыхъ философско-историческихъ обобщеній. Нечего пугаться также чрезвычайнаго размноженія частныхъ подробностей, которое еще недавно такъ пугало многихъ, наводя даже на мысль о невозможности для человѣческаго ума обнять всю эту массу частностей. Мы видимъ уже теперь, что рядомъ съ этой громадной массой вновь издаваемыхъ матеріаловъ развивается и спеціальная ихъ разработка: эти массы сводятся къ одному знаменателю, и впослѣдствіи овладѣвать ими будетъ, безъ сомнѣнія, не такъ трудно, какъ это можетъ казаться теперь, когда еще многое въ этихъ матеріалахъ является передъ нами въ сыромъ, необработанномъ видѣ.

Авторъ останавливается, далѣе, на томъ матеріалѣ, которымъ дѣйствуетъ историческая наука, на историческихъ свидѣтельствахъ, составляющихъ основаніе ея заключеній. Авторъ собираетъ изъ разныхъ авторитетовъ указанія о томъ, какъ долженъ историкъ относиться къ историческимъ свидѣтельствамъ, на которыхъ долженъ основываться его разсказъ. Скептики не разъ ссылались на разнорѣчія въ свидѣтельствахъ объ историческихъ событіяхъ даже у современниковъ и очевидцевъ, выводя отсюда даже полную невозможность для историка знать, какъ въ дѣйствительности происходили событія. Авторъ приводитъ даже старинный разсказъ о случаѣ съ знаменитымъ Вальтеромъ Ралеемъ. „Запертый въ Тоуэрѣ, онъ, чтобы чѣмъ-нибудь наполнить скуку тюремнаго заключенія, началъ писать всеобщую исторію. Однажды

ему помѣшала ссора, происшедшая между его товарищами-узниками. Онъ сталъ разспрашивать о причинахъ ссоры и о томъ, что произошло, у ея участниковъ и постороннихъ зрителей, но получилъ совершенно противоположные свѣденія и отвѣты. „И я собираюсь,—сказалъ онъ,—представить вѣрное описаніе того, что дѣлали тысячу лѣтъ тому назадъ люди, которыхъ я не зналъ и не видалъ, когда не могу добиться правдивой передачи знакомыми мнѣ лицами того, что случилось на моихъ глазахъ". И онъ бросилъ свою рукопись въ огонь" [1]). Онъ, конечно, преувеличилъ. Историческія свидѣтельства далеко не всѣ похожи на разнорѣчивыя показанія его тюремныхъ сотоварищей, и есть множество фактовъ, и именно крупныхъ фактовъ, о которыхъ не было никакого разнорѣчія. Запутанныхъ событій, въ которыхъ трудно разобраться, какъ въ ссорѣ тюремныхъ товарищей Вальтера Ралея, также бывало не мало въ исторіи, но онѣ во всякомъ случаѣ не рѣшаютъ ея общаго хода, и въ послѣднее время наука вообще стремится къ объясненію не такихъ единичныхъ событій, а именно общихъ явленій, представляемыхъ цѣлыми рядами фактовъ. Самымъ лучшимъ совѣтомъ является тотъ, который извлекаетъ нашъ авторъ изъ словъ Джона Гершеля: главные пріемы, отчасти общіе всѣмъ сроднымъ исторіи политическимъ наукамъ, вообще просты и элементарны; въ основѣ ихъ лежитъ *здравый смыслъ*, который составляетъ основаніе критики и во всякой другой наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ смыслъ остается нашимъ главнымъ руководствомъ въ обычномъ теченіи жизни; такимъ же образомъ онъ долженъ составить основу и нашихъ историческихъ сужденій: понятно только, что какъ въ современной жизни для правильнаго сужденія здравый смыслъ долженъ принимать въ соображеніе различныя обстоятельства дѣла, такъ то же самое должно быть и въ сужденіяхъ историческихъ, и, слѣдовательно, здѣсь здравый смыслъ долженъ быть вооруженъ знаніемъ этихъ обстоятельствъ, т.-е. историческою ученостью. „Руководясь исключительно здравымъ смысломъ, не имѣя понятія о правилахъ исторической критики, составляли свои труды знаменитые историки древности и среднихъ вѣковъ". Вслѣдъ за этимъ замѣчаніемъ авторъ прибавляетъ другія замѣчанія о томъ, что нужно соблюдать историческому изслѣдователю. „Историческій смыслъ и инстинктъ свойственъ сравнительно очень немногимъ; лица же, обладающія обыкновенными способностями, могутъ принесть пользу своими историческими изысканіями въ томъ лишь

[1]) Тамъ же, стр. 49.

случаѣ, если имъ будутъ указаны пути и пріемы исторической критики; иначе онѣ или будутъ увлекаться каждымъ новымъ мнѣніемъ и отбрасывать старыя, какъ ненужныя, или же, сталкиваясь съ противорѣчивыми воззрѣніями историковъ и не умѣя разобраться въ нихъ, придутъ къ убѣжденію въ безсиліи самой исторіи, какъ науки. Для того, чтобы придти въ подобныхъ случаяхъ къ какому-нибудь положительному заключенію, историкъ прежде всего долженъ настойчиво стремиться къ открытію истины, и все подвергать критической оцѣнкѣ, не останавливаясь ни предъ какими препятствіями, опасеніями и предубѣжденіями. Онъ долженъ отрѣшиться отъ предвзятыхъ идей и заключеній à priori и основываться въ своихъ выводахъ исключительно на фактахъ, почерпнутыхъ, по возможности, изъ первоначальныхъ источниковъ. Изученіе трудовъ предшественниковъ помогаетъ историку избѣгать ошибокъ, давно опровергнутыхъ, и предохраняетъ его отъ увлеченія видѣть въ себѣ человѣка, открывшаго новый міръ. При изученіи чужихъ работъ "не слѣдуетъ, однако, ничего принимать въ нихъ на вѣру" и т. д. Очевидно, что эти и иныя „правила исторической критики" состоятъ опять не болѣе, какъ въ примѣненіи здраваго смысла и требованій простой логики. Если древніе „не имѣли понятія" о новѣйшихъ подробно разработываемыхъ пріемахъ историческаго изслѣдованія, они, очевидно, въ сущности выполняли ихъ какъ требованія обыкновеннаго логическаго вывода. Разница въ томъ, что новѣйшее изслѣдованіе обыкновенно имѣетъ дѣло съ гораздо болѣе сложными историческими задачами и логическое разсужденіе должно обставлять себя бо̀льшими предосторожностями и въ цѣломъ, и въ частностяхъ.

Нашъ авторъ приводитъ далѣе, — по обыкновенію ссылаясь на множество авторитетовъ по исторической теоріи,—цѣлый рядъ наставленій, которыми долженъ руководиться изслѣдователь, и которыя сводятся къ этимъ предосторожностямъ. Онъ указываетъ на различные разряды историческихъ памятниковъ (письменные, устные, вещественные) и различные пріемы ихъ оцѣнки: критику текстовъ и критику фактовъ, критику внѣшнюю и внутреннюю, напр. изслѣдованіе показаній свидѣтелей, достоинства письменныхъ документовъ и изустныхъ преданій; употребленіе вспомогательныхъ средствъ изслѣдованія, состоящихъ въ аналогіи, догадкѣ и т. п.; говоритъ о томъ, какъ должны быть принимаемы свидѣтельства оффиціальныя, біографіи и мемуары и т. п., гдѣ изслѣдователь встрѣчается иногда даже съ категорическими про-

творѣчіями, исходящими изъ одного и того же лица [1]); указываетъ значеніе писемъ, житій святыхъ, памятниковъ вещественныхъ и т. д., и даетъ совѣты о томъ, какія предосторожности надо принимать къ тому, чтобы не быть введену въ заблужденіе иными, повидимому, совершенно достовѣрными данными. Наконецъ авторъ говоритъ о значеніи преданій.

Изложеніе этого предмета, по обычаю обставленное у автора многочисленными цитатами, начинаетъ прямо съ преданій позднѣйшаго происхожденія или также книжнаго свойства. „Часто,— говоритъ авторъ, — преданіе получаетъ политическій характеръ, который санкціонируетъ его историческое значеніе. Такъ, сага о Вильгельмѣ Теллѣ до того утвердилась въ сознаніи швейцарцевъ, что сдѣлалось опаснымъ отрицать ее, а между тѣмъ она занесена туда съ сѣвера Германіи, спустя 150 лѣтъ послѣ самаго событія и вопреки документальнымъ даннымъ, и такихъ олицетвореній въ исторіи немало. Даже тамъ, гдѣ нѣтъ надобности въ герояхъ, объясненіе фактовъ, подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, надолго утверждается въ наукѣ“ [2]). Но указавши это позднѣйшее преданіе, а затѣмъ и совсѣмъ новыя, уже не только преданія, или даже вовсе не преданія, а невѣрныя историческія свѣденія, авторъ дѣлаетъ ссылки на Лёбелля въ его книгѣ объ исторіографіи (о развитіи миѳовъ въ исторіи), на Бокля, на замѣчанія Сократа о миѳахъ, и по этому поводу на Макса Миллера и т. д. Цитаты видимо не отвѣчаютъ тексту. Если авторъ хотѣлъ говорить о значеніи миѳовъ въ исторіи, ему надо было начинать не съ преданія о Вильгельмѣ Теллѣ, сравнительно поздняго, и никакъ не съ тѣхъ спорныхъ мнѣній, какія существовали относительно французскихъ революціонныхъ войнъ и даже не съ тѣхъ „народныхъ и церковныхъ легендъ, старающихся связать узами родства позднѣйшіе народы съ древними богами, царями и героями (каково происхожденіе франковъ отъ троян-

---

[1]) Между прочимъ по поводу документовъ дипломатическихъ онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Извѣстно, какой восторженный отзывъ сдѣлалъ въ свое время Ранке объ иностранныхъ донесеніяхъ, особенно о венеціанскихъ, римскихъ и вообще итальянскихъ реляціяхъ XVI и XVII стол., касающихся даже отдаленныхъ странъ, какъ Московія, Персія, Англія и Португалія. Шлоссеръ, *напротивъ*, совершенно обратно относится къ дипломатическимъ сообщеніямъ, и къ этому мнѣнію вполнѣ склоняются Соловьевъ и такой опытный изъ современныхъ дипломатовъ, какъ Бисмаркъ“ (стр. 57). Но здѣсь говорится о совершенно различныхъ вещахъ. Тѣ реляціи, о которыхъ говоритъ Ранке, заключали въ себѣ иногда прямыя описанія мало извѣстныхъ странъ и имѣютъ цѣну по важнымъ фактическимъ даннымъ; дипломатія, о которой говорили Шлоссеръ и Бисмаркъ, есть нѣчто совершенно иное.

[2]) Тамъ же, стр. 73.

цевъ, датчанъ отъ Одина, Рюрика отъ Августа и т. п.) и хорошо извѣстныя имена съ важнѣйшими событіями (какъ участіе Карла В. въ крестовыхъ походахъ, Владиміра св. въ борьбѣ съ татарами), или возвысить значеніе близкаго имъ монастыря и почитаніе мѣстнаго патрона",—о чемъ авторъ говоритъ еще далѣе. Указывать значеніе преданій и миѳовъ въ исторіи слѣдовало бы совсѣмъ въ обратномъ порядкѣ. Авторъ говоритъ дальше, что „для изслѣдованія миѳовъ и сказаній существуютъ извѣстные методы: этнографическій, лингвистическій, сравнительно-историческій"; дѣлаетъ опять рядъ ссылокъ на Вильгельма Гумбольдта, на Вебера и пр.,—но всѣмъ этимъ только намекается на дѣйствительное значеніе миѳа, который въ сущности долженъ былъ быть поставленъ не какъ случайная черта историческаго содержанія, но какъ первый элементарный источникъ самой исторіи. Миѳъ и миѳологія были первою ступенью въ сознаніи народовъ, и религіозное преданіе было какъ первымъ проявленіемъ народнаго міровоззрѣнія, такъ и первымъ опытомъ сознанія историческаго. Гдѣ писанная исторія близко подходитъ къ первобытному періоду народной мысли, тамъ она неизмѣнно начинается съ миѳа; и миѳъ служитъ не только украшеніемъ „сада жизни всеобщей исторіи" (какъ говорится въ одной цитатѣ г. Иконникова), а неизбѣжнымъ ея началомъ: кромѣ значенія его для этнографа и лингвиста, которые пытаются разъяснить его происхожденіе, онъ имѣетъ въ своемъ цѣломъ извѣстное документальное значеніе и для историка. Непосредственный смыслъ миѳа (религіознаго или историческаго) можетъ быть чистою басней, невѣроятностью и исторической нелѣпостью (какъ напр., происхожденіе народовъ отъ боговъ, войны боговъ изъ-за людей, похожденія боговъ на землѣ и т. п.), которыя историкъ отвергнетъ, какъ только поставитъ вопросъ о фактахъ; но самый миѳъ остается, однако, важнымъ историческимъ свидѣтельствомъ, какъ созданіе, проистекающее изъ цѣлаго народнаго міровоззрѣнія, какъ памятникъ народнаго творчества, имѣющій свою поэтическую и символическую основу. Достаточно вспомнить древнюю греческую литературу, одну изъ самыхъ цѣльныхъ въ исторіи, чтобы видѣть, какъ глубоко внѣдрялся миѳъ въ національное самосознаніе, въ которомъ послѣ своего перваго зарожденія онъ испытывалъ длинный рядъ видоизмѣненій, проходя ступени религіи, суевѣрія, исторіи, наконецъ высокаго искусства. Въ дѣйствительности, миѳъ никогда не исчезалъ изъ представленій народныхъ массъ; измѣняется только его содержаніе и объемъ, и тѣ примѣры, какіе приводитъ нашъ авторъ, являются только его отдѣльными отрывочными образчиками,

кончаясь тѣми, очень часто фантастическими, слухами, какими сопровождается всякое событіе, которое возбуждаетъ толки, и о которомъ нѣтъ точныхъ свѣденій.

Останавливаясь на значеніи историческаго скептицизма, авторъ объясняетъ, что онъ былъ именно потребностью извѣстнаго состоянія науки и въ своихъ лучшихъ проявленіяхъ далеко не имѣлъ только отрицательнаго характера. Въ нашей исторіографіи онъ съ одной стороны былъ результатомъ недостаточности изданій старыхъ памятниковъ, а съ другой побуждалъ къ болѣе внимательному изслѣдованію. Еще до такъ называемой скептической школы Карамзинъ высказывалъ не мало сомнѣній относительно нѣкоторыхъ памятниковъ нашей старины, именно потому, что онъ встрѣчалъ ихъ въ позднихъ спискахъ и не находилъ имъ подтвержденій, которыя иногда отыскивались впослѣдствіи. „Скептическая школа“ упала сама собой, когда началось обширное изданіе старыхъ памятниковъ и когда вмѣстѣ съ тѣмъ возросли средства исторической критики. „Само собою понятно, что только при широкомъ развитіи исторической литературы и ея вспомогательныхъ средствъ является возможность и болѣе вѣрнаго пониманія исторіи. Къ сожалѣнію, русская литература все еще не богата монографическими работами, спеціальными изслѣдованіями, хотя число ихъ съ каждымъ годомъ ростетъ. Многое уже намѣчено въ наукѣ и предвидится обширное поле для ея разработки... Конечно, было много условій въ прошедшей исторіи нашей науки, препятствовавшихъ ея нормальному развитію и изученію. Въ значительной степени это зависѣло отъ политическихъ и церковныхъ воззрѣній прежняго времени на науку“ [1]. Авторъ приводитъ рядъ примѣровъ, какъ воззрѣнія „прежняго времени“ препятствовали нормальному изученію русской исторіи. Извѣстнаго Волынскаго обвиняли въ томъ, что онъ, въ своемъ обозрѣніи прошедшаго времени, назвалъ Іоанна Грознаго тираномъ. Въ 1734 г. синодъ сдѣлалъ препятствіе академіи наукъ въ печатаніи лѣтописей, а въ 1749 г. — акад. Миллеру, пожелавшему напечатать сибирскія лѣтописи, такъ какъ въ нихъ находится „не малое число лже-басней, чудесъ и церковныхъ вещей, которыя никакого имовѣрства не токмо недостойны, но и противны регламенту академическому, въ которомъ именно запрещается академикамъ и профессорамъ не мѣшаться никоимъ образомъ въ дѣла, касающіяся *до закона*“, и потому изданіе этихъ памятниковъ было остановлено. Въ 1761 г. тому же Миллеру воспре-

---

[1]) Стр. 83.

щено было продолжать его „Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи“, замѣчательный по своему времени. Шлёцеръ разсказываетъ, что въ царствованіе Елизаветы Миллеръ началъ составлять изъ актовъ родословныя таблицы и отыскалъ нѣкоторые роды, которые по прямой линіи происходили отъ Рюрика: „это узнали при дворѣ и Миллеръ подвергся-было опасности“. Потомъ съ царствованія Екатерины II изданіе лѣтописей и родословныхъ было найдено возможнымъ, но препятствія все-таки продолжались. „Полевой, въ 1836 г., не могъ получить доступа въ государственный архивъ, чтобы воспользоваться матеріалами для исторіи Петра В.; а изъ замѣчаній Пушкина видно, какъ неудобоисполнима была для него обработка матеріаловъ, относящихся къ исторіи пугачевщины. Съ другой стороны, многіе вопросы и матеріалы не подлежали научной критикѣ и изданію по очевидному недоразумѣнію о правахъ, цѣли и предѣлахъ научнаго изслѣдованія. Такъ, сочиненія Максима Грека, взятыя изъ Софійской библіотеки, 10 лѣтъ оставались въ московской духовной цензурѣ и все-таки не были тогда напечатаны. Румянцевъ и Археогр. Коммиссія постоянно встрѣчали препятствія со стороны дух. цензуры при печатаніи памятниковъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ церковной исторіи (какъ Стоглавъ, переписка русскихъ государей съ папами и т. п.), или по другимъ соображеніямъ. Устряловъ испытывалъ упреки и затрудненія по поводу изданія сочиненій Курбскаго и сказаній о Димитріѣ Самозванцѣ; изложеніе времени этого послѣдняго въ его учебникѣ признано было неудобнымъ для руководства, а его исторія Петра В. пролежала нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ увидѣла свѣтъ (1858). Исторія цар. Екатерины I, приготовленная къ изданію К. И. Арсеньевымъ въ 1839 г., могла появиться въ свѣтъ лишь въ 1856 г., и это обстоятельство, въ связи съ другими подобными, вполнѣ охладило его къ историческимъ занятіямъ. Ученыя изданія Арцыбашева, Сахарова и статьи Соловьева не считались вполнѣ безупречными. Второвъ встрѣчалъ затрудненія при изданіи воронежскихъ актовъ, а Бодянскій, какъ извѣстно, испыталъ непріятности за изданіе Флетчера“. Въ 1850-хъ годахъ, въ пѣсняхъ, пословицахъ и народныхъ сказкахъ видѣли иногда оскорбленіе національнаго достоинства и потому считали ихъ неприличными для ученаго общества (Географическаго) или для спеціальнаго изданія (напр., для Архива историко-юридическихъ свѣденій, Калачова). Къ концу означеннаго періода печатаніе ученыхъ диссертацій почти прекращается [1]. Исторія цензуры сообщаетъ еще

[1]) Стр. 83—86.

много фактовъ подобнаго рода, которые въ сущности дѣлали изученіе новѣйшихъ періодовъ нашей исторіи совершенно невозможнымъ. „Въ послѣднія 30 лѣтъ,—говоритъ г. Иконниковъ,—многое и весьма существенно измѣнилось къ лучшему, хотя историческая наука у насъ по прежнему продолжаетъ существовать учеными диссертаціями и трудами университетовъ, вопреки нерѣдкимъ навѣтамъ на эти послѣдніе. Это тридцатилѣтіе по всей справедливости можно назвать *эпохою* въ нашемъ историческомъ сознаніи и развитіи, въ области изданія матеріаловъ и исторической обработки ихъ. Вотъ почему въ настоящее время трудно даже представить себѣ о тѣхъ затрудненіяхъ, какія еще такъ недавно испытывала на своемъ пути историческая наука въ Россіи". Но рядомъ, въ сноскѣ, авторъ сообщаетъ, что и донынѣ, напр., по вопросамъ церковно-историческимъ „нѣкоторые отдѣлы далеки еще отъ возможной полноты изслѣдованія, и такое положеніе дѣла представляется какъ бы неизмѣннымъ", такъ что, наконецъ, и „въ ученой духовной литературѣ высказывается иногда мнѣніе, что отсутствіе обсужденія ведетъ къ индифферентизму относительно изученія подобныхъ вопросовъ". Справедливость этого мнѣнія, къ сожалѣнію, кажется безспорною.

Печальнымъ результатомъ этого прошлаго, по словамъ г. Иконникова, оставалось до послѣдняго времени поверхностное знаніе новѣйшей русской исторіи. Соловьевъ писалъ въ 1874 году въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ своей исторіи:—благодаря обширнымъ историческимъ трудамъ, посвященнымъ древней русской исторіи, мы хорошо знали ея подробности, но „оставались въ совершенномъ мракѣ относительно лицъ и событій XVIII в. Здѣсь главными источниками служили, во-первыхъ, анекдоты, постоянно искажавшіеся при переходѣ изъ устъ въ уста и дававшіе неправильное представленіе о лицѣ и о дѣйствіи по отрывочности, односторонности, какой бы стороны ни касались, хорошей или дурной; во-вторыхъ—извѣстія иностранцевъ, которыя читались съ жадностію, именно *за отсутствіемъ своихъ*, и особенно донесенія пословъ". Г. Бартеневъ писалъ: „Память Екатерины II преслѣдовалась и сыномъ, и вторымъ изъ царственныхъ внуковъ ея. Самое имя ея было почти запретнымъ; изъ печатныхъ сборниковъ выбирались неугодныя узаконенія ея... Поэтому немудрено, что цѣлое поколѣніе русскихъ людей почти вовсе не знало про лучшее время новой русской исторіи". Самъ авторъ справедливо замѣчаетъ: „Откуда же было взяться въ обществѣ уваженію къ старинѣ, если эта послѣдняя не чтилась даже надлежащимъ образомъ или становилась почти недоступною, а лѣтописи археологіи

и искусства отмѣчають, какъ обычное явленіе, равнодушіе и даже пренебреженіе со стороны нашего общества къ памятникамъ той же старины". „Съ теченіемъ времени, — продолжаетъ авторъ,— подъ вліяніемъ указанныхъ условій, выработался своеобразный стиль историческаго изложенія, который представляется западному историку „холоднымъ и сухимъ", а современному литературному эстетику—лишеннымъ главнаго движущаго нерва—свободы изслѣдованія. Съ другой стороны, это даетъ право утверждать отсутствіе въ нашихъ историческихъ и философскихъ теоріяхъ оригинальности, этого необходимаго элемента самостоятельной научной критики. Такимъ образомъ, русскому ученому все еще приходится напоминать элементарныя истины на тему о значеніи, цѣли и правахъ науки" [1]).

По обыкновенію, авторъ сопровождаетъ эти замѣчанія многочисленными цитатами, весьма разнородными и любопытными, но все-таки недостаточно выясняющими сущность положенія. Онъ приводитъ, напр., старинный отзывъ Погодина о диссертаціи Грановскаго: „Аббатъ Сугерій", которую онъ сопоставлялъ съ явившейся въ томъ же 1849 г. книгой о св. Димитріѣ Ростовскомъ. Онъ говоритъ о послѣдней: „Это—превосходное изслѣдованіе о незабвенномъ авторѣ „Четьи-Миней" ,но не его біографія... Въ Сужерѣ виденъ болѣе или менѣе живой человѣкъ, а здѣсь какъ будто видишь только святыя мощи! Авторъ всегда боится какъ будто сказать лишнее, и не говоритъ нужнаго, безпрестанно думаетъ о приличіи, какъ будто бы всякая строка должна была имѣть характеръ догматическій или каноническій, оттого многое сжато, стѣснено, сухо". Въ другой цитатѣ авторъ приводитъ мнѣніе г. Милославскаго о томъ, что у насъ „господствуетъ необычайный индифферентизмъ къ судьбѣ идей и стремленій" (и здѣсь же рядомъ, весьма некстати, приводитъ замѣчаніе иностраннаго обозрѣвателя, изъ „Deutsche Rundschau", о „подавляющемъ вліяніи журнала надъ книгою"). А затѣмъ приводитъ слова г. Дмитріевскаго („Путешествіе по Востоку и его научные результаты", 1889): „Только незавидное положеніе русскихъ ученыхъ, ихъ матеріальная необезпеченность, а еще болѣе незавидное состояніе русской науки вообще и ея какъ бы *ненужностное* положеніе въ государственно политической жизни русскаго народа дѣлаютъ то, что наше дѣлается достояніемъ чужихъ, и мы изъ странъ далекихъ получаемъ, какъ особенную милость, жалкія крупицы" и пр. Эти частныя замѣчанія сводятся, конечно, къ общему положенію рус-

---

[1]) Стр. 87—88.

ской науки: при первой нѣсколько широкой постановкѣ критическихъ требованій, своимъ и чужимъ наблюдателямъ бросается въ глаза холодность и сухость, недостатокъ оригинальности—между прочимъ въ той области, которая должна бы отражать цѣлую историческую судьбу громаднаго народа—въ его исторіи. Съ одной стороны наука, при всѣхъ ея видимыхъ успѣхахъ, не бросила прочнаго корня въ обществѣ; съ другой, старая бытовая традиція не даетъ ей того простора, на которомъ только и можетъ возрости самостоятельная и свободная научная мысль. Нашимъ историкамъ дѣйствительно слѣдуетъ напоминать элементарныя понятія о задачахъ и правахъ науки: большинство ихъ, особливо въ послѣднее время, все больше впадаютъ въ односторонность мелочнаго спеціальнаго изслѣдованія, полагая, что будто бы въ такихъ изысканіяхъ, составляющихъ только первую ступень критики, и заключается „строгое" служеніе наукѣ.

Слѣдующая глава посвящена вспомогательнымъ знаніямъ, необходимымъ при изученіи исторіи. Авторъ даетъ понятіе о палеографіи, дающей возможность болѣе или менѣе точнаго опредѣленія хронологіи и особенностей древнихъ памятниковъ; о близко связанной съ нею дипломатикѣ, опредѣляющей внѣшнія черты и признаки достовѣрности древнихъ актовъ; о сфрагистикѣ, изучающей старыя печати, которыми также можетъ опредѣляться время и подлинность актовъ; о способахъ изданія старыхъ памятниковъ, гдѣ научные образцы еще съ XVII вѣка даны были въ грандіозныхъ трудахъ западныхъ ученыхъ (болландисты, Мабильонъ, Дюканжъ, Монфоконъ и пр.). Авторъ дѣлаетъ краткій обзоръ русскихъ трудовъ по этимъ предметамъ отъ первыхъ опытовъ до новѣйшаго времени и останавливается, между прочимъ, на подделкѣ старыхъ актовъ, житій и другихъ подобныхъ документовъ, въ числѣ которыхъ были даже мнимыя соборныя постановленія. Далѣе, отъ источниковъ документальныхъ авторъ переходитъ къ источникамъ монументальнымъ; переходомъ отъ однихъ къ другимъ служатъ прежде всего монеты, изученіемъ которыхъ занимается нумизматика. Далѣе, авторъ останавливается на общихъ указаніяхъ объ археологіи, приводитъ главныя данныя объ изученіи хронологіи, излагаетъ новые пріемы практическаго изученія памятниковъ (фотографія, снимки бумажные, металлическіе, гипсовые и т. д.). И въ этомъ послѣднемъ отношеніи европейская наука давно уже представила образцы, которые прививаются у насъ только теперь. „Въ послѣднее время,—говоритъ г. Иконниковъ, — изученіе (если не всегда научное, то по крайней мѣрѣ практическое) палеографіи и археологіи получаетъ все большее

распространеніе и со временемъ, конечно, оно создастъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ болѣе или менѣе опытныхъ сотрудниковъ въ дѣлѣ сохраненія древностей. Въ Британскомъ музеѣ сами чиновники подготовлены настолько, что могутъ безупречно разбирать рукописи даже отдаленныхъ вѣковъ и тѣмъ облегчать трудъ посѣтителей. Въ парижской Ecole des Chartes (задуманной въ 1809, учрежденной въ 1821 г., а вполнѣ организованной въ министерство Гизо) ученики пріучаются различать истинныя грамоты отъ ложныхъ и узнавать время написанія ихъ по внѣшнему виду памятниковъ. Въ Германіи изученіе историческихъ матеріаловъ обязано главнымъ образомъ школѣ Ранке. И у насъ отъ времени до времени заявлялась потребность спеціальнаго преподаванія археологіи какъ науки. Но наиболѣе содѣйствовали распространенію этого убѣжденія наши ученыя общества и археологическіе съѣзды. Наконецъ, въ 1877 году, по иниціативѣ Н. В. Калачова, одного изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ ихъ, состоялось учрежденіе Археологическаго института въ Петербургѣ, также по образцу французской Ecole des Chartes, въ которомъ изученіе письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ старины, съ цѣлью подготовленія опытныхъ архивистовъ, ставится какъ прямое назначеніе учащихся" [1].

Исполнена интереса третья глава, посвященная вопросамъ внутренней историческоѣ критики и самаго изложенія. Къ сожалѣнію, какъ мы не разъ замѣчали, авторъ не даетъ цѣльнаго послѣдовательнаго развитія теоріи и, напротивъ, излагаетъ предметъ сопоставленіемъ разнородныхъ мнѣній ученыхъ, между которыми выбираетъ тѣ, какія представляются ему наиболѣе справедливыми. Получается своего рода хрестоматія по различнымъ частностямъ предмета, безъ сомнѣнія полезная и въ этой формѣ, потому что знакомитъ читателя со взглядами многихъ первостепенныхъ писателей; но русскій читатель едва ли не нуждался бы въ болѣе послѣдовательномъ и положительномъ изложеніи. Авторъ начинаетъ цитатой изъ Гизо, по взгляду котораго на историкѣ по самой сущности дѣла лежитъ тройкая обязанность. Онъ долженъ собрать факты, составляющіе матеріалъ исторіи, и ихъ описаніе можно назвать *анатоміей* исторіи. Но факты связаны между собой дѣйствіемъ извѣстныхъ силъ, и указаніе этихъ силъ, создающихъ организацію общества, будетъ *физіологіей* исторіи. Наконецъ, когда факты собраны и открыты порождающіе ихъ законы, остается

---

[1]) Стр. 156—157.

возстановить это прошедшее, изобразить его живую дѣятельность: это принадлежитъ историческому *искусству*... Авторъ вспоминаетъ при этомъ, что съ подобнымъ пониманіемъ задачъ исторіи находится въ прямомъ противорѣчіи (вѣрнѣе, является полною нелѣпостью) тотъ механическій способъ изслѣдованія исторіи, который давно уже былъ замѣчаемъ въ нашихъ историческихъ трудахъ и котораго самымъ яркимъ образчикомъ былъ знаменитый „математическій методъ“ Погодина. Понятно само собою, что настоящая научная работа историка начинается только послѣ собранія и провѣрки всего матеріала историческихъ свидѣтельствъ, т.-е. только послѣ „математическаго метода“.

„Исторія,—говоритъ авторъ,—отличается отъ другихъ наукъ преимущественно тѣмъ, что не имѣетъ дѣла непосредственно съ матеріаломъ, а видитъ передъ собою лишь отраженіе впечатлѣній, произведенныхъ на очевидцевъ и ближайшихъ свидѣтелей. Личность разсказчика представляетъ какъ бы среду, чрезъ которую достигаетъ глаза изслѣдователя лучъ, исходящій отъ факта, и которая никогда не пропускаетъ его безъ затемнѣнія и преломленія, а для того, чтобы опредѣлить эти послѣднія, необходимо точное знаніе самой природы разсказчика. Хотя такое изученіе не можетъ быть достигнуто вполнѣ, но все-таки оно возможно, такъ какъ, несмотря на все разнообразіе отдѣльныхъ личностей и частныхъ условій, связанныхъ съ ними, сущность человѣческой природы всегда и вездѣ одна и та же, а потому одинаково для всѣхъ понятна“ [1]). Но выше (стр. 165) авторъ объяснялъ уже, что оцѣнка и повѣрка историческихъ свидѣтельствъ возможна въ силу единства человѣческой природы и что для этого должны быть приняты во вниманіе духъ эпохи, личность писателя, вліяніе общихъ условій (физическихъ, психическихъ, соціальныхъ, культурныхъ), которыя оказываютъ свое воздѣйствіе какъ на ходъ историческихъ событій, такъ и на воззрѣнія и представленія писателей. Для возсозданія прошедшаго историку нужна наконецъ фантазія, необходимость которой была признана въ извѣстной рѣчи Тиндаля даже для естественныхъ наукъ. „Различнымъ путемъ,—говоритъ авторъ,—но точно также какъ и поэтъ, историкъ обязанъ то, что является въ дѣйствительности разсѣяннымъ и отрывочнымъ, переработать въ себѣ въ одно цѣлое... а для достиженія такой цѣли историку, какъ и поэту, нужно воображеніе. Но такъ какъ историкъ свое воображеніе подчиняетъ опыту и изслѣдованію истины, то въ этомъ заключается его отличіе отъ поэта, паралл-

[1]) Стр. 166—167, первой пагинаціи.

зующее всякую опасность". Тамъ, гдѣ обыкновенныя данныя недостаточны, историкъ имѣетъ средства дѣлать заключенія отъ одной достовѣрной частности къ другой, еще неясной. „Вѣроятность подобнаго заключенія основывается на томъ, что ни одинъ историческій фактъ не стоитъ отдѣльно, а напротивъ, каждый связанъ съ другими по времени и пространству, по причинѣ и дѣйствію, вліяетъ на него по извѣстнымъ законамъ и въ свою очередь зависитъ отъ нихъ". Здѣсь мимоходомъ брошена мысль о томъ, что въ концѣ концовъ историкъ обязанъ постигнуть внутренній смыслъ фактовъ на основаніи ихъ внѣшняго проявленія, открыть ихъ духовную связь и перейти къ ихъ *нравственной оцѣнкѣ*. Объ этомъ важномъ вопросѣ мы не находимъ потомъ ближайшихъ объясненій.

Главная задача, къ которой сводятся изслѣдованія историка, состоитъ въ анализѣ причинъ, вызывающихъ извѣстныя событія. Причина есть сумма всѣхъ условій, производящихъ извѣстное дѣйствіе. Ссылаясь на „Логику" Милля, авторъ замѣчаетъ, что въ наукѣ о человѣческихъ дѣйствіяхъ простой эмпиризмъ или невозможенъ, или безплоденъ; въ виду сложности соціальныхъ явленій, здѣсь нельзя довѣриться ни индуктивному, ни дедуктивному методу и необходимо ихъ взаимное согласіе. Ссылаясь на Шопенгауэра, авторъ пишетъ, что причинность, руководящая дѣйствіями всѣхъ живыхъ существъ, есть мотивъ, познаніе котораго въ области человѣческихъ дѣйствій, какъ руководимыхъ разумнымъ сознаніемъ, становится очень трудно, хотя не невозможно въ силу общности человѣческой природы. Ссылаясь на Гервинуса, авторъ говоритъ о необходимости открывать для вѣрности историческаго изображенія даже отдаленные мотивы, слѣдить по самымъ темнымъ и сокровеннымъ путямъ каждое дѣйствіе до его первоисточника, словомъ, знать всѣ человѣческія побужденія. Но вопросъ объ исторической причинности еще мало разработанъ, какъ вообще мало разработана логика такъ называемыхъ нравственныхъ и общественныхъ наукъ.

Давно понято, что наблюденіе историческихъ и политическихъ явленій никогда не можетъ давать такихъ точныхъ результатовъ, какіе достигаются въ наукахъ опытныхъ (выше авторъ уже говорилъ объ этомъ). „Поэтому важную услугу въ освѣщеніи историческихъ фактовъ оказываетъ сравнительное наблюденіе явленій исторической жизни человѣка, подъ которымъ разумѣются: 1) сличеніе различныхъ формъ человѣческаго общежитія, при возможно разнообразныхъ условіяхъ; но такъ какъ этотъ пріемъ сравненія вовсе не обращаетъ вниманія на послѣдовательность явленій,

разсматривая ихъ только съ точки зрѣнія существованія, то во избѣжаніе ошибочныхъ заключеній необходимо присоединить къ означенному пріему 2) сравненіе историческое, т.-е. сопоставленіе различныхъ ступеней послѣдовательнаго измѣненія одного и того же общества. Сопоставленіе разныхъ послѣдовательныхъ состояній общества должно повести къ раскрытію законовъ послѣдовательности одного состоянія за другимъ. Историческое сравненіе должно идти здѣсь рука объ руку съ сравненіемъ предъидущаго порядка". Само собою разумѣется, что подобные законы будутъ дѣйствительны только въ границахъ сдѣланнаго наблюденія, потому что въ жизни обществъ можетъ быть безконечное разнообразіе условій, которыя должны видоизмѣнять и самый выводъ. „При всемъ томъ, —продолжаетъ авторъ,—сравнительный методъ оказалъ неоцѣненныя услуги въ различныхъ областяхъ человѣческаго знанія: въ лингвистикѣ, миѳологіи, исторіи религій, юриспруденціи, политикѣ, исторіи, исторіи культуры и т. д. Вообще, скажемъ словами Фримана, установленіе сравнительнаго метода изученія было величайшимъ интеллектуальнымъ успѣхомъ нашего времени;.... примѣненіе сравнительнаго метода къ филологіи, миѳологіи, къ политикѣ и ко всей области человѣческой мысли знаменуетъ собою въ развитіи человѣческаго ума, по меньшей мѣрѣ, столь же великую и памятную эпоху, какъ и возрожденіе классическаго изученія".

По поводу сравнительнаго метода авторъ говоритъ, или точнѣе приводитъ мнѣнія различныхъ ученыхъ, о тѣхъ пособіяхъ, какія даетъ изслѣдованію аналогія и гипотеза; потомъ цитируетъ мнѣніе Дройзена, одного изъ самыхъ видныхъ представителей политической исторіи, который признаетъ необходимость расширенія рамокъ историческаго изученія, — и затѣмъ авторъ говоритъ о все бо̀льшемъ распространеніи исторіи культурной въ отличіе отъ политической, и снова говоритъ о философіи исторіи, о которой была уже рѣчь прежде. Сколько можно замѣтить, эти новыя направленія историческаго знанія, если и кажутся автору естественными и даже неизбѣжными, по условіямъ времени, то вмѣстѣ съ тѣмъ представляются ему какъ бы угрожающими правильной постановкѣ исторіи съ точки зрѣнія ея привычной, такъ сказать, учебной формы. „Само собою понятно,—говоритъ онъ, напр.,—что сравнительный методъ не можетъ вытѣснить историческаго; сравнительный методъ долженъ опираться на историческій и, съ помощью его, достигать болѣе существенныхъ результатовъ. Онъ есть только развитіе историческаго метода, тотъ же историческій методъ, только учащенный, повторенный въ па-

раллельныхъ рядахъ, въ видахъ достиженія возможно полнаго обобщенія" [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ какъ будто имѣетъ опасенія, что эту цѣлость исторіи нарушитъ ея направленіе въ сторону культурныхъ изученій. Авторъ самъ находитъ, что споры о „предѣлахъ обѣихъ наукъ" (собственно о выборѣ того или другого отдѣла одной науки для болѣе спеціальной обработки) сами по себѣ не имѣютъ серьезнаго значенія; тѣмъ не менѣе, онъ какъ будто желаетъ выставить „первенство" исторіи политической [2]). Далѣе, онъ повторяетъ, по Веберу, предостереженія, что если историкъ вступаетъ въ область философа, пополняя соображеніями пробѣлы и перерывы историческаго преданія, то онъ „не долженъ давать слишкомъ много воли фантазіи, не долженъ слѣдовать какой-нибудь произвольной, хотя бы и талантливо придуманной системѣ" и т. д. [3])

Намъ кажется, во всѣхъ этихъ попеченіяхъ о правильной постановкѣ исторической работы и сохраненіи цѣльности науки, авторъ недостаточно раздѣляетъ общій вопросъ о содержаніи и направленіи науки отъ тѣхъ, такъ сказать, педагогическихъ совѣтовъ, какіе могутъ быть даны начинающему историку, еще не осмотрѣвшемуся въ цѣломъ объемѣ предмета. Въ сущности, эти заботы о желательномъ распредѣленіи историческихъ изысканій, о „первенствѣ" того или другого ихъ отдѣла или направленія, довольно напрасны: еслибы кто и желалъ, то было бы невозможно ввести какую-либо опредѣленную дисциплину въ обширной массѣ современныхъ дѣятелей этой науки; складъ и направленіе ихъ работъ опредѣляются цѣлымъ громаднымъ движеніемъ науки, которая все дальше раскидываетъ свои вѣтви, вводитъ все новые и все болѣе сложные вопросы, привлекая умы новыхъ дѣятелей къ самымъ разнообразнымъ задачамъ. Въ теоретическомъ смыслѣ эти задачи, за немногими исключеніями, имѣютъ обыкновенно полное право на вниманіе науки; если на первый разъ въ ихъ исполненіи могутъ встрѣчаться неполноты и ошибки или слишкомъ поспѣшные выводы, это вовсе не осуждаетъ самыхъ задачъ и не даетъ повода говорить о какомъ-нибудь первенствѣ... Выше мы уже указывали нѣкоторое нерасположеніе автора къ тѣмъ новымъ направленіямъ, какія намѣчаетъ новѣйшая исторіографія во взаимодѣйствіи съ современнымъ развитіемъ другихъ наукъ. Теперь авторъ снова возвращается къ тому же предмету. Сказавъ

[1]) Стр. 171
[2]) Стр. 175, первой пагинаціи.
[3]) Тамъ же, стр. 171.

о взаимныхъ отношеніяхъ исторіи бытовой и политической, онъ продолжаетъ:

„Иного рода *притязанія* идутъ со стороны ученыхъ, пытающихся обновить содержаніе исторіи посредствомъ приложенія статистики, политической экономіи и даже естественныхъ наукъ, исходящія менѣе всего отъ самихъ историковъ и потому естественно вызывающія упреки со стороны послѣднихъ то въ парадоксальности, то въ химеричности этихъ требованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, высказываются даже опасенія, что, съ подчиненіемъ исторіи экономическимъ началамъ, возобладаютъ въ ней матеріалистическія воззрѣнія. Но если, въ противоположность исключительно политическому элементу исторіи, вполнѣ естественно было выдвинуть на первый планъ элементъ реальный (культурный), то, съ другой стороны, рано проявилось и обратное стремленіе — объяснить историческіе факты и явленія посредствомъ обобщеній или общихъ идей, руководящихъ этими явленіями. И если даже естествознаніе имѣетъ право гордиться тѣмъ, что оно обязано со времени воскресенія философіи столь великими и блестящими успѣхами (?), то и исторія обязана признать внесеніе въ ея разработку общихъ руководящихъ началъ за философскимъ движеніемъ новаго времени; но въ этомъ вліяніи были также свои слабыя стороны, вслѣдствіе преобладанія въ означенномъ направленіи метафизики, недостаточнаго знакомства съ фактами и вліянія личности философовъ въ объясненіи историческихъ явленій. Поэтому широко задуманныя попытки въ области философіи исторіи вообще не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ. Тѣмъ не менѣе, *въ пользу* и *противъ* философіи исторіи можно назвать цѣлый рядъ именъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются и весьма выдающіеся писатели въ обѣихъ областяхъ знанія“ [1]).

Мы уже говорили о томъ, что неумѣстно говорить въ этомъ случаѣ о „притязаніяхъ“ какихъ-либо отдѣльныхъ ученыхъ, когда дѣло состоитъ въ возростающихъ потребностяхъ самой науки. Очень можетъ быть, что попытки приложенія статистики, политической экономіи, даже естественныхъ наукъ къ историческому изслѣдованію, могли быть неудачны—въ особенности какъ первый опытъ въ чрезвычайно трудномъ дѣлѣ, когда, между прочимъ, статистика и политическая экономія, какъ мы упоминали, не могутъ имѣть для прошедшихъ временъ достаточнаго матеріала. Но это не касается самой сущности вопросовъ: можно признать неудовлетворительность подобныхъ работъ по недостаточности дан-

[1]) Тамъ же, стр. 176—177.

ныхъ *за прошлое* время, но едва ли можно отвергать, чтобы статистическія данныя вообще не были чрезвычайно важнымъ историческимъ матеріаломъ: нѣтъ сомнѣнія, что будущіе историки *нашего* времени, когда статистика и политическая экономія доставляютъ такъ много матеріала для опредѣленія экономическихъ и бытовыхъ отношеній, — что эти будущіе историки будутъ въ полной мѣрѣ вооружены для примѣненія статистики и политической экономіи къ исторіи. Точно также безполезно приходить въ недоумѣніе о томъ, можетъ ли и имѣетъ ли право существовать философія исторіи и производить объ этомъ сборъ голосовъ. Какъ бы ни бывали неудовлетворительны до сихъ поръ философскія попытки построенія исторіи, это вовсе не говоритъ о невозможности болѣе или менѣе успѣшныхъ работъ въ этомъ направленіи въ будущемъ; и можно съ полной увѣренностью сказать, что эти попытки будутъ повторяться все снова. Нерасположеніе или прямо вражду къ философіи исторіи въ особенности возбудили, конечно, послѣднія, слишкомъ метафизическія попытки этого рода у Гегеля и его школы; но очевидно, что вообще эти философскія попытки происходили изъ естественной потребности обобщенія, которая неизбѣжно будетъ возвращаться въ извѣстные періоды исторіографіи. Въ самомъ дѣлѣ, немыслимо, чтобы громады пріобрѣтенныхъ результатовъ такъ называемой прагматической исторіи не вызывали для широкихъ умовъ стремленія осмотрѣться въ этихъ массахъ фактовъ человѣческой жизни и извлечь изъ нихъ то общее, основное, внутреннее, что̀ въ нихъ несомнѣнно заключается. Понятно, что эти обобщенія будутъ опираться именно на томъ матеріалѣ, который въ данную минуту доставитъ прагматическая исторія, и недостатки прежнихъ опытовъ „философіи исторіи" прежде всего коренятся въ тогдашнемъ положеніи самой исторіографіи, на которой онѣ опирались. Но исторіографія находится въ постоянномъ и въ настоящее время особенно быстромъ развитіи; тѣ ея направленія, которыя въ данную минуту были еще въ зародышѣ и могли ускользать отъ вниманія, въ слѣдующемъ моментѣ являются съ новымъ богатымъ содержаніемъ и этотъ вкладъ уже опровергаетъ ту недавнюю философскую систему, гдѣ онъ не могъ быть принятъ въ разсчетъ. Въ нѣмецкихъ системахъ тридцатыхъ годовъ это и оказывалось, когда притомъ онѣ слишкомъ отражали на себѣ спеціально нѣмецкій складъ тогдашней науки: уже въ ту минуту эти системы должны были казаться чѣмъ-то чуждымъ и одностороннимъ для другихъ литературъ, напр. французской и англійской, гдѣ этого склада науки не знали. И съ этой стороны въ будущемъ можно ожи-

дать гораздо меньшаго присутствія національной односторонности и исключительности: однимъ изъ важныхъ пріобрѣтеній новѣйшаго времени является все болѣе возростающее общеніе европейскихъ литературъ и самыхъ научныхъ движеній: съ обобщеніемъ изслѣдованій надо будетъ ожидать и болѣе широкихъ построеній исторіи. Вообще нельзя думать, какъ дѣлаетъ нашъ авторъ, чтобы въ настоящую минуту историческая наука уже прочно сложилась въ свои программы и рубрики, чтобы можно было порѣшить споры объ отношеніяхъ исторія политической и культурной, политико-экономической и философской и т. д.: все это—только ростки одного безконечно-развивающагося знанія, и мы присутствуемъ только при одномъ моментѣ этого развитія.

Большіе историки чувствовали эту возможность далекаго развитія исторіи, и въ одной цитатѣ, приводимой нашимъ авторомъ, Дройзенъ писалъ: „не одно то, что̀ можно найти *въ источникахъ* или въ старинныхъ актахъ, разъясняетъ намъ то, что̀ происходило. Явленія нравственнаго міра совершались при извѣстныхъ условіяхъ, по особымъ поводамъ и побужденіямъ, какъ дальнѣйшія послѣдствія предшествовавшихъ событій, по идеаламъ или конечнымъ цѣлямъ, къ которымъ стремились тѣ или другія поколѣнія, *и все это*, насколько можетъ быть открыто путемъ изслѣдованія, служитъ также матеріаломъ для историческаго знанія. Только принимая во вниманіе всю совокупность этихъ моментовъ, историческое разумѣніе можетъ получить полное свое значеніе, а историческое изученіе стать вполнѣ плодотворнымъ". И у современныхъ ученыхъ, несмотря на всѣ прежнія неудачи философскихъ построеній исторіи, все-таки твердо держится убѣжденіе, что историческая наука должна именно стремиться къ раскрытію той идеи, которая лежитъ въ основѣ исторической жизни народовъ [1]).

Авторъ останавливается дальше на свойствахъ исторической формы. Выше были упомянуты слова Гизо, что вершиной историческаго труда должно быть историческое искусство, т.-е. художественное изложеніе. Подобнымъ образомъ говоритъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ историковъ—Тэнъ. Онъ думаетъ, что въ историкѣ нельзя даже отдѣлить художника отъ ученаго; оба таланта взаимно помогаютъ другъ другу или, лучше сказать, образуютъ одно цѣлое. „Если вы лишите факты непосредственной страсти, вызвавшей ихъ, и живой окраски, ихъ освѣщающей, они проникнутъ въ нашъ умъ неполные и неточные. Пусть исторія,

---

[1]) Тамъ же, стр. 173, 177—178.

подобно природѣ, дѣйствуетъ на сердце и на чувство такъ же, какъ и на мысль... Если историкъ ясно представляетъ себѣ факты, если онъ обдумалъ всѣ отдѣльныя части своей идеи, если онъ въ точности постигъ ея силу, свойства и примѣненіе,— онъ найдетъ слова и надлежащее выраженіе, непремѣнно встрѣтится съ точнымъ понятіемъ, *потому что искусство писать— есть искусство мыслить*, и для того, чтобы умѣть хорошо выражаться, надо много размышлять. Такимъ образомъ изображеніе лицъ, повѣствованіе, слогъ выраженія, всѣ отдѣльныя стороны искусства, въ сущности—*произведеніе науки*, и чѣмъ она полнѣе, тѣмъ совершеннѣе искусство; искусство завершаетъ науку, какъ цвѣтъ растеніе... Въ историкѣ есть *критикъ*, который провѣряетъ факты, *ученый*, который собираетъ ихъ, *философъ*, который ихъ поясняетъ; но всѣ они должны быть скрыты за *художникомъ*, который повѣствуетъ. Они должны только подсказывать ему всѣ его слова, но не говорить сами. Исторія не должна сохранять слѣдовъ ни препирательствъ критики, ни компиляцій ученаго, ни отвлеченностей философа. Отвлеченности, компиляція, препирательства должны слиться въ одно произведеніе искусства подъ натіемъ художественнаго воображенія, подобно тому, какъ въ формѣ итальянскаго скульптора серебро, олово, мѣдь и драгоцѣнные сосуды расплавились, чтобы превратиться въ статую божества... Слѣдовательно для того, чтобы быть историкомъ, надо быть великимъ писателемъ" [1]).

Авторъ опять пересматриваетъ мнѣнія историковъ и критиковъ: одни подтверждаютъ необходимость художества въ историческомъ изложеніи; другіе считаютъ его почти или совсѣмъ ненужнымъ, такъ какъ наука не есть поэзія и т. п.; но очевидно, что Тэнъ совершенно правъ въ томъ смыслѣ, что историческое художество должно быть идеаломъ законченнаго историческаго труда. Понятно, что это требованіе не можетъ относиться къ тѣмъ предварительнымъ работамъ, которыя необходимы для исторіи. Смѣшно говорить о художествѣ, когда рѣчь идетъ о первой разработкѣ источниковъ, о хронологіи или нумизматикѣ; но требованіе или идеалъ совершенно законны и естественны, когда историкъ, закончивъ свою подготовительную работу, приступаетъ къ изложенію, гдѣ должны явиться на сцену историческіе характеры, картины нравовъ, драматическія событія. Разумѣется, рѣдко историкъ бываетъ такимъ „великимъ писателемъ", о какомъ говоритъ Тэнъ, но несомнѣнно, что совпаденіе возможно, и историческая литература

[1]) Тамъ же, стр. 179—180

древняя и новая представляетъ рядъ именъ, которыя близки къ этому идеалу. Разница съ настоящимъ художествомъ заключается, однако, въ томъ, что въ то время, какъ великое поэтическое произведеніе, какъ говорится, вѣчно сохраняетъ свое значеніе силою своихъ образовъ, хотя остается вмѣстѣ и памятникомъ времени, художественная исторія съ теченіемъ времени необходимо теряетъ свое значеніе, потому что можетъ стать совсѣмъ ошибочнымъ ея *теоретическое* содержаніе. Болѣе полную художественную цѣну можетъ скорѣе сохранить исторія современная, гдѣ писатель самъ сливается съ эпохой.

Въ связи съ этимъ вопросомъ находится вопросъ о значеніи историческаго романа, или также исторической драмы, исторической поэмы и т. п. По этому поводу нашъ авторъ приводитъ прежде всего слова Маколея: „Кто можетъ выдумать исторію и хорошо разсказать ее, способенъ будетъ увлекательно передать и исторію, которой не выдумалъ. Если на практикѣ нѣкоторые изъ лучшихъ романистовъ оказались самыми плохими историками, то это происходило только потому, что одинъ родъ таланта сливался съ другимъ до такой степени, что не могъ быть отъ него отдѣленъ; привыкнувъ съ давняго времени сочинять и разсказывать вмѣстѣ, они нашли невозможнымъ разсказывать не сочиняя“. Извѣстнымъ образцомъ, на которомъ въ особенности опредѣлялось значеніе историческаго романа, былъ Вальтеръ-Скоттъ, вліянія котораго не превзошелъ съ тѣхъ поръ и донынѣ никакой другой историческій романистъ. Съ давнихъ поръ высказывались мнѣнія за и противъ, и, кажется, чѣмъ дальше, тѣмъ больше распространялись мнѣнія противъ. Нашъ авторъ также, повидимому, не расположенъ къ Вальтеръ-Скотту. „Хотя тотъ же Маколей высказывается за внесеніе прелестей романа въ исторію и самъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ Вальтеръ-Скотта, однако никто столько не способствовалъ искаженію настоящаго смысла эпохи Стюартовъ, революціи и послѣдовавшихъ за нею событій, какъ Вальтеръ-Скоттъ своими романами, имѣвшими огромное вліяніе на образъ мыслей его соотечественниковъ, а главное значеніе исторіи Маколея состояло именно въ томъ, что онъ разсѣялъ эту ткань поэтической фантазіи и возвратилъ умы своихъ согражданъ къ здравому и національному взгляду на великій кризисъ ихъ отечественной исторіи“. Строгіе историки приходили отъ Вальтеръ-Скотта въ истинное негодованіе. Знаменитый Ранке, который самъ испыталъ вліяніе англійскаго романиста, пришелъ, однако, въ ужасъ, когда убѣдился въ противорѣчіи его романа съ достовѣрной исторіей. „Я былъ,—говоритъ онъ,—такъ сказать, оскорбленъ за

старыхъ государей, которымъ онъ приписываетъ другія чувства, чѣмъ они имѣли. Я почувствовалъ отвращеніе къ *историческому роману*, именно къ такому отношенію къ событіямъ, и пришелъ къ рѣшенію, что въ исторіи должно избѣгать всего, *что существенно уклоняется отъ достовѣрной традиціи о фактахъ.* Я не отрицаю, что эти соображенія укрѣпили меня въ критическомъ методѣ, который потомъ считался отличительнымъ признакомъ моихъ сочиненій, т.-е. стоялъ на томъ, *что̀ буквально передано или что̀ изъ этого можетъ быть выведено съ извѣстной достовѣрностью*". Еще ранѣе очень строго относились къ историческому элементу въ романахъ Вальтеръ-Скотта другіе знаменитые нѣмецкіе историки, Шлоссеръ и Гервинусъ [1]). Нашъ авторъ, разсматривая подобныя отношенія исторіи къ той художественной окраскѣ, какую получаетъ она въ романическомъ или иномъ поэтическомъ освѣщеніи, также вступается за требованія строгой достовѣрности и осуждаетъ „порчу исторіи"... Намъ кажется, однако, что тутъ есть значительное недоразумѣніе. Прежде всего, критиками романиста, осуждающими его ошибки, являются спеціалисты науки болѣе поздніе, гораздо сильнѣе вооруженные исторической критикой, совершенно чуждые тому поэтическому настроенію, которое влекло романиста къ картинамъ старой жизни. Едва ли было у Вальтеръ-Скотта завѣдомое желаніе „портить исторію", какъ навѣрное не было такого желанія у автора „Юрія Милославскаго". Историческій романъ (у Вальтеръ-Скотта и его первыхъ подражателей) былъ вообще результатомъ совершенно законной потребности поэтическаго и патріотическаго чувства перенестись въ далекія времена, пережить ихъ бытъ, настроеніе, внутреннюю жизнь, поставить себя въ живую связь съ тѣмъ, о чемъ говорило неясное преданіе. Историческій романъ возникъ въ новѣйшей литературѣ совершенно естественно изъ этой потребности, которая давалась болѣе сознательною жизнью общества,—и въ этомъ его первое оправданіе. Недостатки достовѣрности, быть можетъ, падутъ прежде всего на самую исторіографію: романистъ не могъ быть строгимъ ученымъ, не могъ разслѣдовать всѣхъ источниковъ, какіе находятся въ распоряженіи спеціалиста; его знаніе исторіи могло равняться знанію обыкновеннаго образованнаго человѣка, гдѣ спеціальная исторіографія еще не успѣла распространить достаточно ясныхъ и точныхъ свѣденій о данныхъ лицахъ и эпохахъ. У насъ Загоскинъ былъ дѣтищемъ Карамзина и только для послѣдующаго времени стали бросаться

---

[1]) Стр. 185—186.

въ глаза вопіющіе недостатки его изображеній XVII-го вѣка. Необычайный успѣхъ романа Вальтеръ-Скотта во всей европейской литературѣ указываетъ именно, какъ глубока была та поэтическая потребность, о которой мы упоминали; почти странно сказать, что у насъ „Юріемъ Милославскимъ" восхищался Пушкинъ: и сколько бы ни заключалъ историческій романъ ошибокъ противъ строгой исторіи, онъ приносилъ свою пользу. Его значеніе теперь только перемѣстилось, онъ сталъ книгой для юношества Но была и другая сторона его вліянія: это возсозданіе старины имѣло обширное значеніе въ распространеніи того вкуса къ старому поэтическому преданію, съ которымъ связано богатое современное развитіе тѣхъ изученій, какія соединяются теперь подъ названіемъ фольклора, и тотъ видимый произволъ, который столь строго осуждаютъ хранители исторической истины, вознаградился богатыми, хотя косвенными, пріобрѣтеніями для той же науки.

Далѣе, авторъ останавливается на цѣломъ рядѣ теоретическихъ вопросовъ историческаго изслѣдованія, представляющихъ большой интересъ и излагаемыхъ имъ опять преимущественно цитатами изъ авторитетныхъ писателей. Таковъ, во-первыхъ, вопросъ о значеніи личности въ исторіи. Съ древнихъ временъ историки привыкли разсказывать судьбу народовъ такимъ образомъ, что во главѣ событій стояли всегда отдѣльныя личности — монархи, законодатели, нолководцы, демагоги и т. д., за которыми пассивно слѣдовала послушная толпа. Только новѣйшее развитіе исторіографіи обратило вниманіе на самую толпу, на народы, общества, а вмѣстѣ на общія причины явленій, подчинявшія и самихъ представителей народовъ. Историки приходили къ убѣжденію, что событія опредѣляются не отдѣльнымъ лицомъ, а цѣлыми массами или тѣми внутренними мотивами, которые ими владѣютъ. Но, съ другой стороны, извѣстныя выдающіяся личности несомнѣнно оказывали вліяніе на ходъ событій: какимъ же образомъ опредѣляется роль личности?

Нѣтъ сомнѣнія, что историческое значеніе личности измѣнялось въ различные періоды человѣческой исторіи и въ различныхъ состояніяхъ общества. Во времена первобытныя личность вѣроятно играла гораздо болѣе значительную роль и древность не даромъ ставила во главѣ своей исторіи героевъ-полубоговъ; но условія личныхъ вліяній измѣняются по мѣрѣ того, какъ возростаетъ внутреннее развитіе обществъ, усиливается обмѣнъ мыслей и это взаимодѣйствіе распространяется на бо́льшія массы народовъ. Поприще дѣятельности для отдѣльной личности увели-

чивается, но вѣроятная величина вліянія уменьшается относительно всего, что̀ не составляетъ прямого продолженія общественныхъ движеній; личному произволу будетъ противодѣйствовать совокупная сила общественнаго настроенія. Таковы именно, по словамъ Гервинуса, явленія позднѣйшей эпохи. „Выдающійся рядъ великихъ дарованій уменьшился, но число дарованій среднихъ тѣмъ болѣе возросло; слава нашего вѣка не въ качествахъ и высотѣ образованія нѣкоторыхъ личностей, а въ количествѣ, въ распространеніи образованія между многими. Если это не время глубокой культуры, способной улучшить внутреннюю природу человѣка, то по крайней мѣрѣ время цивилизаціи, способствующей улучшенію внѣшняго положенія человѣчества. Исторіи настоящаго времени недостаетъ того величія, которое могли бы сообщить ей избранные люди. Поэтому исторія нашего времени не можетъ представлять однѣ біографіи и исторіи государей, но должна представлять исторію народовъ“ [1]).

Вопросъ о значеніи личности приводилъ къ весьма разнообразнымъ взглядамъ на ея роль въ исторіи. Извѣстная теорія Карлейля о значеніи героевъ или великихъ людей, въ противоположность которой инымъ кажется, что настоящее значеніе исторіи явится только тогда, когда она будетъ исторіею *всѣхъ* принимавшихъ участіе въ событіяхъ, а не привилегіей однихъ героевъ (историческая философія гр. Л. Н. Толстого); другіе требуютъ, чтобы она была исторіею по крайней мѣрѣ значительныхъ группъ; третьи — чтобы она была совсѣмъ безлична. Нашъ авторъ находитъ, что, напротивъ, исторія именно и отличается отъ другихъ наукъ ея личнымъ элементомъ, будемъ ли мы придавать значеніе отдѣльному лицу, занявшему роль въ исторіи, или той средѣ, которая подготовляла великаго человѣка, доставляла благопріятную почву для его дѣятельности и т. д. Авторъ считаетъ вполнѣ справедливымъ взглядъ Милля: „Теорія подчиненія общественнаго прогресса неизмѣннымъ законамъ часто соединяется съ ученіемъ, что на соціальный прогрессъ не могутъ имѣть существеннаго вліянія отдѣльныя лица или дѣйствія правительства. Что̀ бы ни случилось, все будетъ дѣйствіемъ причинъ, включая сюда и человѣческія желанія; но отсюда не слѣдуетъ, что желанія, даже желанія частныхъ лицъ, не имѣютъ большой силы, какъ причины... Даже люди, которые, за недостаткомъ благопріятныхъ обстоятельствъ, не производили никакого впечатлѣнія на свой собственный вѣкъ, часто имѣли величайшую важность

[1]) Стр. 196.

для потомства... Общія причины много значатъ; но индивидуумы также производятъ великія перемѣны въ исторіи и даютъ цвѣтъ всему ея составу долго спустя послѣ своей смерти". Кудрявцевъ замѣчалъ по поводу взгляда, который подчинялъ ходъ исторіи общимъ условіямъ и считалъ роль личности совершенно ничтожной: „Намъ очень любопытно было бы видѣть, какъ, напр., объяснили бы намъ исторію быстраго возвышенія Пруссіи въ XVIII в. безъ той великой роли, которая принадлежала лично Фридриху II; намъ любопытно было бы знать, какъ физическія условія могли произвести такія явленія, какъ крестовые походы, или такія учрежденія, какъ рыцарство" [1]) и пр.

Но такъ какъ человѣкъ, единичный и коллективный, является основнымъ исполнителемъ исторіи и такъ какъ дѣйствія человѣка опредѣляются его характеромъ, то исторія становится въ связь съ психологіей. Тэнъ говорилъ, что „истинный предметъ исторіи есть душа человѣческая". Авторъ приводитъ мнѣнія различныхъ историческихъ авторитетовъ о той роли, какую играютъ въ событіяхъ характеры и нравственная сила, и какъ сами они подпадаютъ вліянію событій. „Въ житейскихъ дѣлахъ энергія, послѣдовательность и безпощадность всегда одерживаютъ побѣду, а нравственные принципы и душевное благородство часто стѣсняютъ людей въ практической жизни. Въ нравственной революціи, какъ и въ политической,—только очень энергическіе реформаторы или страшные шарлатаны могутъ увлекать массы",—говоритъ Шлоссеръ. „Люди, играющіе видную роль въ событіяхъ смутныхъ временъ, обыкновенно обладаютъ мужествомъ и силою характера, но нѣтъ необходимости, чтобы они обладали высокими умственными дарованіями. Мало того: въ этомъ случаѣ оказывается часто, что ихъ умъ отличается узкостью и односторонностью, а характеръ—угрюмостью и ожесточенностью. А это не такія качества, которыя въ обыкновенное время могли бы сдѣлать человѣка выдающимся", — замѣчаетъ Гальтонъ. Съ другой стороны, по словамъ Карпентера, „какъ характеръ расы, такъ и отдѣльной личности зависитъ отъ привычнаго преобладанія (врожденнаго или пріобрѣтеннаго) того или другого ряда мыслей и чувствъ". Вильгельмъ Гумбольдтъ говорилъ, что стѣсненіе свободы совѣсти и мысли не только искажаетъ и съуживаетъ взгляды людей, но имѣетъ печальное вліяніе и на самый ихъ характеръ. По словамъ Гервинуса, въ эпохи, сопровождаемыя политическими переворотами и общимъ утомленіемъ націи (какъ было въ эпоху воз-

[1]) Стр. 194.

становленія Стюартовъ въ Англіи и реставраціи во Франціи), замѣчается шаткость совѣсти. Политическое разслабленіе ломаетъ даже сильнѣйшіе умы, а характеры слабые окончательно мельчаютъ. Въ такія эпохи возникаютъ идеалистическія системы и фантастическія построенія дѣйствительности [1]).

Любопытныя замѣчанія, между прочимъ изъ новѣйшей литературы, собраны авторомъ по вопросу о единствѣ исторіи, которая основывается на единствѣ законовъ природы и законовъ природы человѣческой. Въ настоящее время наука приходитъ къ убѣжденію, что нѣтъ различія по внутренней природѣ между расами „культурными“ и „не-культурными“, какъ полагалось прежде. Различное состояніе ихъ въ данное время есть различіе не по существу, а по ступени развитія. Съ другой стороны, тѣ разнообразныя черты національной культуры, какія были плодомъ разныхъ условій развитія въ прошлые вѣка, подъ вліяніемъ успѣховъ культуры все болѣе сглаживаются и объединяются: какъ ни велика до сихъ поръ разница между европейскими народами, мы уже теперь можемъ говорить объ европейской культурѣ. Нашъ историкъ, Соловьевъ, замѣчалъ, что „законы развитія одни и тѣ же на Востокѣ и на Западѣ; разница происходитъ отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ условій, ускоряющихъ или замедляющихъ развитіе“. Гервинусъ указывалъ „необходимость изученія всякой частной, національной исторіи въ связи со всеобщею, безъ чего историкъ рискуетъ впасть въ крупныя ошибки и непониманіе историческихъ явленій“. Оцѣнивая и изображая индивидуальное и частное, историкъ долженъ постоянно имѣть въ виду всеобщее; онъ никогда не долженъ забывать изъ-за разнообразія *о единствѣ*. Въ ту и другую эпоху въ ходѣ внутренняго развитія обнаруживается одинаковый порядокъ и одинъ и тотъ же законъ. И этотъ законъ есть тотъ самый, который мы видимъ въ цѣлой исторіи человѣчества [2]). Можно пожалѣть, что авторъ не развилъ подробнѣе этихъ указаній въ примѣненіи къ нашей собственной литературѣ, гдѣ въ послѣднее время снова распространяется ученіе противоположнаго рода—что единства исторіи нѣтъ, что, напротивъ, въ исторіи складываются совершенно особые „культурно-историческіе типы“, что культура одного народа нисколько не обязательна для другого, что поэтому, напр., европейская наука для насъ чужда и нимало не обязательна, словомъ, что если мы желаемъ быть обскурантами, то имѣемъ на это всѣ исто-

---

[1]) Стр. 203—204.

[2]) Стр. 207.

рическія полномочія. Любопытно, однако, что писатель, съ которымъ, по недавнему объясненію Вл. С. Соловьева, оказалась въ странно близкомъ родствѣ теорія „культурно-историческихъ типовъ“ Н. Данилевскаго, Рюккертъ, замѣчаетъ: „Вообще сліяніе малыхъ культурно-историческихъ организмовъ въ одно болѣе обширное цѣлое есть постоянный фактъ. Что̀ возможно въ сравнительно тѣсныхъ предѣлахъ, будетъ возможно и въ болѣе широкихъ, и съ этой стороны вопросъ о предстоящемъ соединеніи всѣхъ человѣческихъ культуръ въ одинъ великій организмъ остается открытымъ“ [1]).

Авторъ указываетъ, что въ послѣднее время эта мысль о великой важности психологическаго начала въ исторіи повела къ основанію отдѣльнаго полу-психологическаго, полу-историческаго и этнографическаго изученія, къ такъ называемой „народной психологіи“.

Еще разъ авторъ возвращается къ той точкѣ зрѣнія, которая въ исторіи старается дать роль статистикѣ, и оспариваетъ приверженцевъ послѣдней. Само собою разумѣется, что построить исторію сполна на статистикѣ нѣтъ никакой возможности, съ одной стороны потому, что за прежнія времена у насъ совсѣмъ нѣтъ цифръ и за настоящее время цифры существуютъ далеко не по всѣмъ требуемымъ отношеніямъ; съ другой потому, что статистика не можетъ изобразить психологическихъ явленій; но какъ матеріалъ для исторіи статистика несомнѣнно окажетъ исторіи великія услуги.

Далѣе, авторъ говоритъ о томъ, что̀ понимаютъ подъ историческимъ закономъ. Попытки отыскать законъ историческихъ явленій занимали многихъ ученыхъ и естественно представлялись тамъ, гдѣ въ событіяхъ можно было подмѣчать несомнѣнное присутствіе и связь причинъ и слѣдствій; но установленіе „закона“ всегда встрѣчало неодолимыя трудности, потому что исторія имѣла дѣло именно съ массою вѣчно новыхъ и никогда вполнѣ одинаково не повторяющихся явленій. Историческій законъ не можетъ быть поэтому тождественъ съ закономъ физическимъ: еслибы мы и пришли къ какимъ либо общимъ положеніямъ о развитіи и судьбахъ народовъ, эти положенія каждый разъ должны видоизмѣняться по тѣмъ частнымъ особенностямъ, какія представитъ каждый отдѣльный народъ и каждая эпоха. Тѣмъ не менѣе, извѣстная послѣдовательность явленій не подлежитъ сомнѣнію, но, принимая въ соображеніе безконечную массу историческихъ варіацій, необходимо для общаго заключенія сравнивать положеніе дѣлъ за возможно

[1]) Тамъ же, стр. 206, прим.

большіе періоды времени... Однимъ изъ тѣхъ общихъ явленій, которыя принимаются за историческій законъ, является представленіе о прогрессивномъ развитіи человѣчества. Въ новѣйшее время это представленіе становится общимъ убѣжденіемъ историковъ. Прогрессъ есть стремленіе къ высшему идеалу и только съ точки зрѣнія этого идеала мы можемъ разсматривать исторію человѣчества, какъ процессъ, имѣющій цѣлью осуществленіе блага. „Въ стремленіи къ высокому и чистому идеалу, — говоритъ Карпентеръ, — заключается самый существенный рычагъ прогресса; въ немъ лежитъ источникъ всѣхъ отвлеченныхъ понятій о правдѣ, добрѣ и красотѣ, которыя составляютъ отличительную черту высшихъ типовъ человѣческаго рода". [1]). Первую мысль объ историческомъ прогрессѣ авторъ приписываетъ Канту; но это можно сказать развѣ только о философской постановкѣ этого вопроса, потому что это представленіе высказывалось и раньше и особливо по поводу успѣховъ человѣческаго знанія. Понятно, что представленіе о прогрессѣ не предполагаетъ непрерывнаго и правильнаго движенія впередъ, потому что бываютъ времена движенія болѣе медленнаго и даже застоя, наконецъ упадка, но въ цѣломъ движеніе все-таки не прекращается, хотя бы даже переходя отъ одного народа къ другому. Въ одинъ данный періодъ движеніе представляется однообразнымъ и мало замѣтнымъ; въ большихъ періодахъ исторія представляетъ картину постоянныхъ колебаній между противоположными вліяніями, не дающихъ перевѣса какой-либо одной руководящей силѣ; но „созерцаемая въ цѣломъ, въ обширномъ теченіи вѣковъ, исторія,—говоритъ Гервинусъ, — снова въ томъ же приливѣ и отливѣ представляетъ постоянное стремленіе по одному опредѣленному направленію, совершенно несомнѣнный прогрессъ господствующей идеи". Вотъ почему настоящимъ образомъ *сохранять* можно только тамъ, гдѣ не перестаютъ созидать. Такъ какъ событія не повторяются и общественныя условія не остаются неподвижны, то оказываются напрасными старанія возвратить прошедшее въ той или другой формѣ, и такъ называемыя реакціи становятся хотя печальнымъ, но преходящимъ явленіемъ. „Производя реставраціи,—говоритъ Дж. Брайсъ,—люди всегда обманываются, воображая, что они только возстановляютъ старое. Надежда остановить непрерывное измѣненіе и движеніе въ человѣческихъ дѣлахъ, не позволяющія старому учрежденію, внезапно перенесенному въ новый порядокъ вещей, занять свое старое мѣсто и служить своимъ прежнимъ цѣлямъ, такъ же ли-

[1]) Стр. 222.

шена основанія, какъ и надежда остановить вращеніе земли въ ея орбитѣ". Историки соглашаются, однако, что возможно совершенно разстроить и замедлить дальнѣйшій ходъ прогресса. „Это тяжелое чувство, охватывающее мирное созерцаніе историка, — говоритъ нашъ авторъ, ссылаясь на Гартмана, — хотя и вызываемое общечеловѣческимъ несовершенствомъ, съ трудомъ примиряется однимъ метафизическимъ утѣшеніемъ, что даже и тотъ, кто хочетъ зла, все-таки дѣлаетъ добро, такъ что *результаты* многихъ различныхъ своекорыстныхъ помысловъ черезъ ихъ взаимную комбинацію становятся совершенно иными, чѣмъ то думалъ каждый въ отдѣльности" [1]). Авторъ могъ бы прибавить, что въ особенности зловредными послѣдствіями сопровождаются преслѣдованія просвѣщенія и естественно нарождающихся умственныхъ и нравственныхъ стремленій. Общій ходъ европейскаго прогресса не измѣнялся замѣтно отъ реакціонныхъ движеній въ средѣ отдѣльныхъ народовъ, но сами эти народы терпѣли несомнѣнный ущербъ: усердіе испанской инквизиціи играло не малую роль въ послѣдовавшемъ политическомъ и культурномъ упадкѣ цѣлаго народа; преслѣдованіе протестантовъ во Франціи несомнѣнно участвовало въ послѣдовавшемъ накопленіи элементовъ броженія, разрушавшихъ старый порядокъ; упорная борьба противъ просвѣщенія тамъ, гдѣ оно не успѣло еще укрѣпиться въ сознаніи массъ, можетъ вести къ опасному ослабленію самаго государства, — какъ мы были тому свидѣтелями въ эпоху крымской войны.

Авторъ переходитъ затѣмъ къ личнымъ свойствамъ историка, къ тѣмъ обязанностямъ, которыя лежатъ на писателѣ, предпринимающемъ разсказъ и сужденіе о судьбахъ народовъ и обществъ. Эти обязанности двояки, но должны сливаться воедино: обязанности собственно научныя и нравственныя — владѣніе матеріаломъ и правдивость. Свой разборъ мнѣній историковъ объ этомъ предметѣ авторъ начинаетъ словами нашего исторіографа прошлаго вѣка, Миллера: „обязанность историка трудно выполнить: вы знаете, что онъ долженъ казаться безъ отечества, безъ вѣры, безъ государя". Въ наше время поднятъ былъ вопросъ о томъ, насколько въ изложеніи исторіи имѣетъ право личность самого писателя. Одни стояли за строгую объективность: историкъ долженъ совершенно объективно передавать факты, — въ нѣмецкой литературѣ главнымъ представителемъ этой объективной точки зрѣнія и „дипломатически-архивнаго метода" былъ Ранке и затѣмъ его школа. Другіе утверждали, что историкъ, искренно и глубоко изучавшій

[1]) Стр 223—224.

событія, составившій себѣ извѣстныя прочныя убѣжденія, преданный интересамъ общественнаго и народнаго блага, въ полномъ правѣ высказывать эти убѣжденія и дѣйствовать въ этомъ смыслѣ на читателя для успѣха лучшихъ стремленій общества; это — нравственно-философское направленіе Шлоссера, защищаемое и его послѣдователемъ Гервинусомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ послѣднемъ взглядѣ есть своя истина. Историку, если онъ не захочетъ быть чистымъ лѣтописцемъ и заниматься одной хронологіей, невозможно остаться вполнѣ безучастнымъ повѣствователемъ. Само собою разумѣется, что соединеніе историка съ публицистомъ имѣетъ свои немалыя неудобства: публицистъ будетъ склоненъ впадать въ одностороннюю оцѣнку событій и только большая нравственная высота писателя, не говоря о широкомъ изученіи, можетъ предохранить его отъ крупной односторонности. Съ другой стороны, пристрастіе къ архивной и дипломатической учености вызывало осужденія со стороны Гервинуса. Изслѣдователи этого рода главную прелесть историческихъ занятій находятъ въ разысканіи архивныхъ документовъ и считаютъ свои занятія необходимыми даже въ томъ случаѣ, еслибы ихъ открытія и не имѣли особенной важности. „Въ этомъ случаѣ,—замѣчаетъ Гервинусъ,—историкъ легко можетъ впасть въ ошибку, преувеличивая значеніе неизданныхъ источниковъ только потому, что они *новы*, и значеніе дипломатическихъ свидѣтелей потому, что они, какъ лица, посвященныя въ дипломатическія тайны, могутъ вѣрно разсуждать о случившихся событіяхъ; но положеніе дипломата *не можетъ* сообщить его свидѣтельству никакого особеннаго значенія больше того, какое бы оно имѣло въ устахъ и не-дипломатическаго лица; само по себѣ извѣстіе дипломата имѣетъ такую же важность, какъ и сказаніе всякаго современнаго и способнаго наблюдателя, который относительно собственно фактической стороны событій гораздо меньше можетъ ошибаться, чѣмъ даже дипломатъ, который пишетъ и говоритъ часто для искаженія истины, который всегда старается угодить и властителямъ, для которыхъ пишетъ, и тѣмъ, за которыми наблюдаетъ“ [1]).

Отсюда авторъ переходитъ къ близкому вопросу о зависимости историческаго изложенія отъ духа времени, литературныхъ требованій, общественныхъ и политическихъ условій, въ какія историкъ поставленъ. Авторъ снова приводитъ рядъ фактовъ и цитатъ для объясненія этихъ вліяній. Древніе историки были въ особенности ораторами. Послѣ эпохи Возрожденія они имѣли обширное вліяніе въ XVI вѣкѣ; затѣмъ полагаютъ несомнѣннымъ ве-

[1]) Стр. 227.

ликое вліяніе древнихъ на событія французской революціи; Тацитъ и Плутархъ сильно содѣйствовали возбужденію умовъ въ Италіи во второмъ десятилѣтіи нашего вѣка. Понятно, что подобныя произведенія и самыя событія дѣйствовали и на историковъ. Авторъ указываетъ, какое сильное впечатлѣніе производили современныя событія на Нибура и Ранке, которые признавали, что эти событія отражались и на ихъ историческомъ пониманіи, напр. у Нибура на пониманіи Катилины и Августа. Какъ вліяетъ духъ времени на писателя, это довольно понятно. Таково и вліяніе національныхъ идей. Авторъ дѣлаетъ рядъ сопоставленій, весьма поучительныхъ въ этомъ отношеніи. „Не только для Фихте и Гегеля германскій міръ представляется тождественнымъ съ христіанской цивилизаціей и выраженіемъ послѣдняго момента въ развитіи „всемірнаго духа", но даже для либеральнаго историка Гервинуса и гуманнаго историка-эклектика Вебера высшимъ историческимъ типомъ, совмѣщающимъ въ себѣ лучшія черты исторической народности, представляются все тѣ же нѣмцы. По мнѣнію Гизо, напротивъ, пальма первенства въ исторіи цивилизаціи несомнѣнно принадлежитъ Франціи, какъ обладающей притомъ общечеловѣческимъ характеромъ. Для англичанина Бокля высшій типъ культуры осуществляется въ исторіи Англіи; для итальянца Джіоберти—въ Италіи; для Мицкевича — въ Польшѣ. Для русскихъ славянофиловъ идеальныя черты ея совмѣщаются въ теченіяхъ русской исторіи; а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи онѣ достигнутъ высшей своей точки — въ заключительномъ періодѣ философской мысли" [1]). Авторъ приводитъ еще рядъ интересныхъ примѣровъ различныхъ отраженій духа національности на пониманіи исторіи и, кажется намъ, могъ бы болѣе остановиться на самыхъ результатахъ этого воздѣйствія, которое съ одной стороны весьма естественно и можетъ быть благотворно, возбуждая усердные труды въ наукѣ и заботы объ образовательномъ подъемѣ своего общества, а съ другой бываетъ фальшиво и зловредно, потому что питаетъ крайнюю нетерпимость и самомнѣніе, затмѣвающее здравый смыслъ и, наконецъ, увеличиваетъ извращеніе исторіи. Національность и не въ смыслѣ такой прямой тенденціи вліяетъ на историка самыми свойствами національнаго характера, вліяніемъ учрежденій и тѣхъ событій, какія совершаются въ средѣ націи: у англійскихъ историковъ въ особенности проявляется высокое развитіе политическаго пониманія; въ римской исторіи Моммсена очевидно вліяніе прусской парламентской борьбы

[1]) Стр. 236—237.

и т. д. Различныя отрасли наукъ въ ихъ соприкосновеніи съ исторіей отражаются на самой постановкѣ историческихъ вопросовъ. „Такъ Тэнъ, прежде преимущественно посвящавшій свои труды исторіи искусствъ, и въ своихъ историческихъ произведеніяхъ интересуется болѣе всего нравственною средою общества и рѣзкими очертаніями характеровъ; Вайцъ, по своимъ трудамъ прежде всего юристъ, ограничиваетъ и исторію преимущественно правовыми отношеніями; Дюбуа-Реймонъ исторію человѣчества видитъ въ исторіи естествознанія; Шлейхеръ думаетъ, что исторія развитія языка составляетъ и главную сторону исторіи развитія человѣка; а извѣстный химикъ Либихъ причину паденія римской имперіи находитъ исключительно въ неблагоразумномъ веденіи сельскаго хозяйства и истощеніи полей“.

Наконецъ, важныя и любопытныя мнѣнія собраны авторомъ по вопросу о значеніи исторіи. Самая исторіографія возникаетъ только тогда, когда есть для того благопріятныя условія и можетъ достигнуть высокаго достоинства только тамъ, гдѣ есть для этого достаточно высокая ступень общественнаго развитія. „Исторіографія,—говоритъ Амперъ,—всегда зарождается, когда къ тому представляется поводъ; когда сильно бьетъ жизнь, она всегда находитъ себѣ отраженіе... Если никто не пишетъ исторіи, то это значитъ, что ея нѣтъ, если же бы она была, то нашелся бы для нея и историкъ“. Понятно,—продолжаетъ нашъ авторъ,—что положеніе исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и историка, будетъ иное въ Турціи и Китаѣ, и иное во Франціи, Англіи или Германіи... „Нѣмецкій ученый можетъ гордиться даже, въ сравненіи съ положеніемъ его собратій въ другихъ, не менѣе цивилизованныхъ странахъ, тѣмъ, что въ настоящее время въ германскихъ университетахъ можно съ каѳедры столь же безпрепятственно говорить какъ о самыхъ крайнихъ результатахъ матеріалистической метафизики, такъ и о крайнихъ предѣлахъ обоготворенія папской непогрѣшимости. Такъ широко понимается *свобода преподаванія* въ германскихъ университетахъ“ [1]).

По давнему вопросу о практическихъ поводахъ и цѣляхъ въ наукѣ, вопросу, который обыкновенно остается мало понятенъ необразованнымъ людямъ и необразованнымъ обществамъ, авторъ приводитъ рядъ мыслей, указывающихъ великую важность здраво веденныхъ изслѣдованій даже въ томъ случаѣ, когда бы отъ нихъ не предвидѣлось никакой видимой практической пользы. „Какъ много нужно было изслѣдованій въ математикѣ, химіи и др. отрасляхъ

---

[1]) Стр. 249—250.

естествознанія для ихъ пополненія и улучшенія,—говорилъ Мальтусъ,—изслѣдованій, которыя, разсматриваемыя въ отдѣльности, повидимому, не вели ни къ какой полезной цѣли! Какъ много полезныхъ изобрѣтеній и важныхъ свѣденій утратилось бы, если бы любопытство и любовь къ знанію не считались, вообще, достаточнымъ мотивомъ къ преслѣдованію истины".

Авторъ приводитъ слова натуралиста, для котораго самые мелкіе вопросы изслѣдованія доставляли „великій источникъ наслажденія", и слова историка, для котораго его занятія также были „источникомъ радостныхъ и возвышающихъ душу ощущеній". Наперекоръ тѣмъ, кто готовъ былъ унижать значеніе исторіи, какъ знанія, которому недоступенъ строгій методъ точныхъ наукъ, одинъ богатый опытомъ историкъ (Веберъ) видѣлъ въ ней, напротивъ, „широкое поле, которое принадлежитъ всѣмъ образованнымъ людямъ, на которомъ все мыслящее человѣчество находитъ знаніе и пониманіе общественной жизни, возникновенія и развитія идей и стремленій, владычествующихъ надъ міромъ, на которомъ видитъ оно, какъ боролись, стремились и блуждали прежнія поколѣнія людей на путяхъ своего движенія къ свободѣ, къ благосостоянію, къ достойному человѣка образу жизни, къ нравственному порядку. Исторія—общее умственное достояніе всѣхъ людей, воспріимчивыхъ душою къ благамъ и успѣхамъ цивилизаціи". По словамъ другого историка, это—царица знаній: „Ей предназначено выработать важнѣйшія данныя для новой философіи, которая возникнетъ изъ научныхъ переворотовъ нашего времени. Таково ея призваніе потому, что она стоитъ выше огромнаго большинства другихъ наукъ" [1]).

Въ прежнее время исторіи прямо приписывалось дидактическая цѣль; по примѣру древнихъ ее называли наставницею жизни; до сихъ поръ говорятъ объ „урокахъ исторіи". Новѣйшая наука уже не говоритъ объ этомъ, быть можетъ и потому, что уроки исторіи слишкомъ часто пренебрегаются, но и современные историки убѣждены въ великомъ воспитательномъ значеніи исторической науки. Авторъ приводитъ слова Кудрявцева: „Примѣры непосредственнаго примѣненія уроковъ исторіи въ самой жизни встрѣчаются очень рѣдко, но общее сознаніе—разумѣется въ образованныхъ классахъ—проникнуто ихъ важностью болѣе чѣмъ когда-нибудь. Не всегда можно указать, какимъ образомъ оно переходитъ въ самое дѣйствіе; но рѣдко нельзя не почувствовать его скрытаго присутствія при всѣхъ почти важнѣйшихъ событіяхъ". Извѣстный нѣмецкій историкъ Дройзенъ писалъ:

[1]) Стр. 252.

„Историческое изученіе имѣетъ не одинъ только научный интересъ. Если есть науки, которыя дѣлаютъ людей не только болѣе разумными, но и лучшими, то къ ихъ числу принадлежитъ именно исторія“ [1]).

Таково содержаніе вводныхъ главъ въ книгѣ г. Иконникова. Какъ мы видѣли, здѣсь разсѣяно множество любопытныхъ и поучительныхъ указаній о значеніи исторіи, которыя являются очень кстати въ нашей литературѣ, слишкомъ небогатой подобнаго рода трудами. Можно было бы пожелать бóльшей цѣльности изложенія, а также и болѣе близкихъ примѣненій къ тѣмъ ходячимъ историческимъ понятіямъ, какія господствуютъ въ нашей литературѣ и которыя, къ сожалѣнію, далеко не всегда могутъ назваться удовлетворительными. Авторъ обыкновенно только намеками и краткими указаніями касается этихъ теоретическихъ понятій нашей исторіографіи; между тѣмъ болѣе подробныя объясненія были бы здѣсь весьма нужны и полезны. Только вкратцѣ онъ коснулся также одной слабой стороны нашей исторической литературы, именно учебниковъ, которые вообще съ большимъ трудомъ усвоиваютъ результаты новыхъ изслѣдованій; это, по его словамъ, нерѣдко—послѣднее убѣжище давно уже опровергнутыхъ наукою взглядовъ и заблужденій. Если такъ случается даже въ литературѣ европейской, то у насъ и тѣмъ болѣе.

О спеціальной части книги г. Иконникова уже было упомянуто въ „Вѣстникѣ Европы“ (Литер. Обозр., 1892, декабрь): это—обширный сборникъ указаній, драгоцѣнный для тѣхъ, кто имѣетъ дѣло съ источниками исторіи. Мы упоминали выше о тѣхъ недоумѣніяхъ, къ какимъ приходили многіе изслѣдователи, пугавшіеся громаднаго развитія историческаго матеріала, который грозилъ, наконецъ, стать необозримымъ. Одно изъ энергическихъ средствъ, какими уже теперь борется наука противъ этого потопа историческихъ матеріаловъ, составляютъ труды, подобные книгѣ г. Иконникова. Эти труды именно ставятъ задачей обобщеніе массы историческихъ источниковъ и изслѣдованій и служатъ великимъ сбереженіемъ труда для послѣдующихъ работниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они бываютъ чрезвычайно любопытной картиной самаго развитія исторіографіи. Безъ сомнѣнія, общимъ желаніемъ нашихъ историковъ будетъ—видѣть доконченнымъ это замѣчательное предпріятіе.

А. В—нъ.

---

[1]) Стр. 253.

ВЪ СОРОЧКѢ РОДИЛСЯ

Романъ, соч. Фр. Шпильгагена.

Sonntagskind, Roman in sechs Büchern. Berlin, 1893 [1]).

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

По лѣсу лѣниво бродилъ стройненькій мальчикъ. Было уже десять часовъ утра, и лѣтнее солнце высоко стояло въ небѣ; но тамъ, гдѣ шелъ мальчикъ, ели росли такъ густо, что рѣдкій красноватый лучъ пробивался сквозь мощныя вѣтви и падалъ на землю, отражаясь въ капляхъ росы, еще не вездѣ обсохшей на густомъ коврѣ изъ мху. Въ лѣсной чащи царствовала тишина, прерываемая лишь неустаннымъ жужжаніемъ шмелей; порою слышался торжественный глухой шелестъ вѣтра въ вершинахъ деревъ, да трещалъ валежникъ подъ ногами путника.

Даже олени, попадавшіеся ему на дорогѣ, безшумно скрывались, при его приближеніи, въ чащи лѣса, а потому мальчикъ слегка вздрогнулъ, когда неожиданно около него въ кустахъ послышалось сиплое хрюканье, и изъ куста показалась большая голова дикой свиньи.

Но животное испугалось больше его самого, и онъ услышалъ

[1]) Доставленъ редакціи авторомъ въ особомъ изданіи, еще не выпущенномъ въ продажу; первыя его части появились въ фельетонѣ одной изъ берлинскихъ газетъ, въ концѣ истекшаго года.

какъ кабаниха поспѣшно продиралась сквозь кусты, а за ней слѣдомъ понеслись кабанята.

Мальчикъ удивился—какимъ образомъ очутилось тутъ это животное. Оно, очевидно, вырвалось изъ кабаньяго парка, удаленнаго отъ того мѣста, гдѣ онъ теперь находился, на добрый часъ пути. Не позабыть бы сказать объ этомъ отцу — какъ только онъ вернется домой. Если другой лѣсникъ увидитъ кабана и скажетъ графу, отцу будетъ непремѣнно выговоръ. Да и кто знаетъ! ему могутъ отказать отъ мѣста! Отцу-то, пожалуй, и горя мало, но бѣдная матушка! Она и безъ того всегда такъ печальна. Ну, а дальше-то что? дальше будетъ то же, что̀ и тогда, когда они должны были перебраться изъ тюрингенскаго лѣсничества сюда, въ эту полу-польскую землю, на границѣ съ Россіей.

Когда-то онъ зналъ названія нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ имъ приходилось дѣлать привалъ на безконечномъ пути, но теперь позабылъ. Только ужасные трактиры... тѣхъ онъ не позабылъ! Тамъ сиживалъ отецъ среди шума и гвалта распивочной, между тѣмъ какъ онъ съ матерью дрожалъ отъ холода на чердакѣ, куда сквозь стѣны врывался съ дикимъ воемъ зимній вѣтеръ... дрожалъ и ждалъ, пока отецъ...

Мальчикъ остановился, тяжело вздохнулъ и провелъ рукою по лбу, съ котораго снялъ фуражку.

Но воспоминаніе о худшихъ временахъ его юныхъ лѣтъ занимало его не долго, и лѣсъ снова покорилъ его своей волшебной прелестью. Все было такъ, какъ въ сказкахъ, которыя онъ читалъ въ книжкахъ, но только гораздо прекраснѣе. Онъ дивился, какъ могли ему нравиться прежде—а ему казалось, что это было цѣлую вѣчность тому назадъ, хотя въ дѣйствительности прошло съ тѣхъ поръ какихъ-нибудь годъ или два — картинки въ тѣхъ книжкахъ: аляповатые, желтые солнечные лучи, трава нелѣпо зеленая, деревья, какихъ нигдѣ въ лѣсу не росло, а люди и звѣри... О! онъ знаетъ теперь получше, каковы бываютъ люди и звѣри. А лѣшіе... ба! ихъ совсѣмъ не существуетъ, хотя глупые деревенскіе люди и вѣрятъ въ нихъ, а старуха Кубичка и въ самомъ дѣлѣ похожа на вѣдьму съ своими слезящимися, красными глазами и растрепанными сѣдыми космами волосъ. Конечно, если нѣтъ вѣдьмъ, то нѣтъ и фей. А это жаль. Феи дѣлаютъ такъ много добра бѣднымъ, заброшеннымъ дѣтямъ, заблудившимся въ лѣсу или вообще попавшимъ въ бѣду. И при томъ феи такъ прекрасны! У нихъ чудные волосы, и когда онѣ распустятъ ихъ по плечамъ, то эти волосы походятъ на мантію и блестятъ на солнцѣ точно золото. А большіе темные глаза, въ которыхъ собственное

лицо отражается такимъ маленькимъ, но такъ же отчетливо, какъ въ зеркалѣ... и ручки, и ножки у нихъ такія же хорошенькія... какъ у Изабеллы.

И на серьезномъ лицѣ мальчика пробѣжала улыбка. Да, въ самомъ дѣлѣ, какъ у Изабеллы! Если когда-либо существовали или могли существовать феи, то онѣ должны быть похожи на Изабеллу. Какъ жаль, что сегодня она опять отправилась въ за̀мокъ! Неужели же графиня не можетъ обойтись безъ Изабеллы! У нея вѣдь есть братъ, а у него... у него никого нѣтъ, съ кѣмъ бы побѣгать по лѣсу, кромѣ Изабеллы. И какъ нарочно сегодня, въ воскресенье. Она опять пробудетъ въ за̀мкѣ до вечера и важно проѣдетъ въ каретѣ по шоссе, въ то время какъ пѣшкомъ по парку и черезъ лѣсъ дорога гораздо ближе. Конечно, строгая тетя Анна будетъ при ней, а тогда совсѣмъ не такъ весело, какъ когда они остаются вдвоемъ въ лѣсу. Или въ классной! Свои уроки къ завтрашнему дню она, конечно, не приготовила. Ну, онъ ихъ приготовитъ за нее... какъ водится. А завтра—понедѣльникъ. Это тоже на̀ руку: по понедѣльникамъ господинъ пасторъ встаетъ всегда позднѣе съ постели... а иногда и совсѣмъ не встаетъ. Но что же будетъ, когда его отправятъ въ школу Михаэлиса? Кто будетъ работать за Изабеллу?

Мальчикъ такъ былъ погруженъ въ эти мысли, что весь встрепенулся съ удивленіемъ, когда вдругъ очутился на опушкѣ лѣса. Широкая, вымощенная разбитымъ каменноугольнымъ щебнемъ и укатанная дорога вела отсюда черезъ лѣсъ въ кабаній паркъ и оленью засѣку... По этой дорогѣ ѣздили только графъ и его гости. По ту сторону дороги высился большой четырехугольникъ двадцатилѣтнихъ елей; но добрая треть ихъ уже была вырублена. Тѣ, что оставались, скоро послѣдуютъ той же дорогой, а именно на фабрику, громадная печь которой дерзко высилась въ двухъ тысячахъ шаговъ отсюда. Это мѣсто имѣло непригядный видъ. Кое-гдѣ уже начали вырывать пни поваленныхъ деревьевъ. Земля, покрывавшая и питавшая ихъ, была вывернута, и корни торчали жалкіе и обнаженные въ горячемъ, сухомъ воздухѣ. Гдѣ пни еще стояли—было не лучше. Каждый пень былъ когда-то стройной, прямой, какъ свѣчка, елью, какъ и тѣ, которыя еще росли здѣсь, ожидая смерти. Къ осени весь четырехугольникъ будетъ вырубленъ, говорилъ отецъ и страшно ругалъ фабрику. Положимъ, онъ ругалъ все и всѣхъ; но фабрика того стоила. Она злѣе самаго злого людоѣда въ сказкѣ; вѣчно пыхтитъ и свиститъ:—скорѣй! скорѣй! всѣхъ васъ пожру! пожру весь лѣсъ! скорѣй! скорѣй!

И тутъ мальчикъ, только-что презрительно смѣявшійся надъ

дѣтскими картинками въ книжкахъ со сказками, весь ушелъ въ сказочный міръ. Фабрика стала зáмкомъ, гдѣ жилъ злой, старый колдунъ, и съ утра до ночи пожиралъ ели на зло молодому принцу, которому принадлежалъ лѣсъ; и онъ такъ любилъ лѣсъ за то, что днемъ солнце свѣтило въ немъ такъ прекрасно, а ночью при свѣтѣ мѣсяца на лужайкахъ кружились феи. И изъ нихъ одна—принцесса съ золотистыми волосами и темными глазами — была его невѣста. Она могла жить только въ лѣсу, и когда людоѣдъ сожретъ лѣсъ, она должна будетъ умереть. А что тогда и онъ умретъ отъ гнѣва и печали—это онъ хорошо зналъ. Вотъ потому для него не было другого исхода. Онъ долженъ пробраться въ замокъ и убить людоѣда. Но это не легкое дѣло. Потому...

И дальше, дальше фантазировалъ блѣдненькій мальчикъ, все глубже уходя въ свои волшебныя грёзы, гдѣ все принимало осязаемыя формы: людоѣдъ, принцъ и фея,—въ особенности послѣдняя, такъ какъ въ ней онъ всегда представлялъ себѣ Изабеллу.

Что онъ тѣмъ временемъ перешелъ черезъ поляну съ вырубленными деревьями и давно уже очутился по ту сторону, гдѣ снова высился лѣсъ, и улегся въ густомъ мху у подошвы столѣтней гигантской ели—этого онъ не зналъ. Онъ зналъ только, что принцъ въ лѣсу умолялъ фею, чтобы она показалась ему въ видѣ исключенія днемъ, такъ какъ онъ не можетъ дождаться вечера и мѣсячнаго свѣта. А вѣдь долженъ же онъ ей сказать, что если онъ будетъ убитъ при штурмѣ замка, то умретъ за нее, и его послѣдней мыслью будетъ она. Но какъ жарко ни молилъ принцъ красавицу съ сладкими, ласковыми глазами, и сколько онъ ни призывалъ ее, протягивая къ ней руки, она не появлялась, хотя онъ зналъ, что она слышитъ каждое его слово, какъ и онъ—ея своенравный, тихій лепетъ. И вдругъ двѣ мягкихъ ручки закрыли ему глаза и сладкій, хорошо знакомый голосокъ насмѣшливо спросилъ:—Какъ меня зовутъ?

II.

Онъ нисколько не испугался; вѣдь это входило въ рамки сказки. Онъ спокойно сказалъ:—Ты фея Изабелла и, право же, пришла вó-время, потому что сегодня ночью все должно свершиться.

— А ты недаромъ въ сорочкѣ родился, что грезишь среди бѣлаго дня,—отвѣчалъ смѣющійся голосокъ за его спиной.

И тутъ ручки отнялись отъ его глазъ, и онъ обернулся.

— Я не грежу,—сказалъ онъ.

И дѣйствительно, онъ самъ не зналъ: грезитъ онъ или нѣтъ. Такою точно, какъ она стояла передъ нимъ въ дѣйствительности, она являлась ему и въ воображеніи: тѣ же темные, сверкающіе глаза, тѣ же золотистые волосы, точно окруженные сіяніемъ отъ покоившагося на нихъ солнечнаго луча. Только бѣлое платье и красный поясъ не совсѣмъ были умѣстны: феи носятъ голубыя, какъ лунное сіяніе, и широкія одежды, безъ всякихъ поясовъ. Это отрезвило его. Да вдобавокъ и желтая соломенная шляпа, которую она бросила на мохъ, чтобы закрыть ему руками глаза. Желтыя соломенныя шляпы совсѣмъ, совсѣмъ не пристали феямъ. Одно ясно: онъ опять грезилъ на-яву.

Въ сорочкѣ родился! Ну да, вѣрно... матушка какъ-то проболталась объ этомъ не безъ гордости. Съ тѣхъ поръ Изабелла постоянно дразнила его этимъ, когда онъ, какъ теперь, скажетъ или сдѣлаетъ что-нибудь, что̀ ей покажется страннымъ и возбудитъ ея насмѣшки; на нихъ она вообще не скупилась, а онъ такъ добродушно, ахъ, такъ добродушно ихъ переносилъ! Но сегодня, въ томъ полу-торжественномъ, полу-ревнивомъ настроеніи духа, въ какомъ онъ находился, насмѣшка показалась ему обидной. И онъ отвѣчалъ, пытаясь принять строгую мину:

— Ты, однако, не съ распущенными же волосами ѣздила въ за̀мокъ?

Онъ отодвинулся немножко въ сторону, чтобы очистить ей мѣсто въ тѣни дерева. Но она продолжала стоять, и въ углахъ красиваго ротика сверкнула улыбка. Какъ, однако, мальчики глупы! Неужели онъ не догадывается, что она распустила волосы только въ ту минуту, какъ завидѣла его лежащимъ подъ елью, и вслѣдствіе того, что ей вдругъ припомнилось одно воскресное утро прошлаго лѣта. Онъ пришелъ звать ее въ лѣсъ гулять. Тетя Анна какъ разъ въ это время расчесывала и заплетала ей волосы, а онъ стоялъ при этомъ сконфуженный, не зная, какъ быть и куда уставить большіе голубые глаза, постоянно украдкой глядѣвшіе на нее.

Еслибы она знала, какою прекрасной находитъ ее мальчикъ, ея тщеславное сердце было бы довольно. Но онъ глядѣлъ въ сторону, поглаживая рукой то мѣсто, гдѣ ему хотѣлось, чтобы она сѣла, и повторилъ вопросъ. Она сдѣлала гримаску, присѣла около него, провела указательнымъ пальцемъ по волосамъ, раздѣливъ ихъ такимъ образомъ на двѣ половины, и принялась заплетать

правую половину. Когда толстая коса была готова, она бросилась навзничь, открыто улыбнулась товарищу и сказала:

— Ай, какъ славно! Мнѣ было такъ жарко! Ну, теперь ты заплетай вторую косу!

Мальчикъ густо покраснѣлъ.

— Я думаю, что не съумѣю, — отвѣчалъ онъ смущенно.

— Ну, такъ попробуй.

Онъ попробовалъ, какъ ему было велѣно; но дрожащія руки его не слушались.

— Ты, значитъ, ровно-таки ни на что неспособенъ, — сказала она, отнимая у него волосы. И въ то время, какъ ея маленькіе бѣлые пальчики ловко управлялись съ волосами, а онъ печально глядѣлъ въ землю, продолжала:

— Господа уѣхали... въ гости къ графу Рейхенбаху... на цѣлый день. Мы сейчасъ же вернулись назадъ; я только покормила черныхъ лебедей на пруду. Мы уже цѣлый часъ какъ здѣсь. Я спрашивала про тебя у васъ въ домѣ. Матушка твоя сказала: „онъ въ лѣсу". Ну, вотъ, я и пошла на удачу.

Теперь и вторая коса была заплетена, и она слегка ударила его по рукѣ кончикомъ волосъ.

— Я бы должна была на тебя разсердиться за то, что ты считалъ меня способной поѣхать въ зáмокъ съ распущенными волосами. Къ тому же сегодня ты совсѣмъ не любезенъ со мной. Приготовь, по крайней мѣрѣ, за меня уроки на завтра: сочиненіе и глупую задачу?

Онъ хотѣлъ отвѣтить: „я вѣдь всегда за тебя ихъ готовлю", но ему показалось это невеликодушнымъ. И онъ сказалъ только:

— Охотно; но...

— Что такое?

— Я только-что думалъ...

— О чемъ? говори же; чтò это, изъ тебя надо вытягивать слова!

— Какъ будетъ, когда я уѣду въ школу Михаэлиса?.. Чему ты смѣешься?

— У тебя такое смѣшное лицо! Вѣдь это не худо—уѣхать въ школу! Тамъ, должно быть, весело. А здѣсь такъ скучно! ну, да вѣдь и я не всегда здѣсь останусь.

— Ты хочешь сказать, что переѣдешь въ зáмокъ? Развѣ они дѣйствительно хотятъ этого?

— Хотятъ ли они? Натурально, они это хотятъ, но вопросъ въ томъ: хочу ли я.

Она прислонилась къ пню и, полузакрывъ глаза, стукала кон-

чиками пальцевъ другъ о дружку. Онъ искоса поглядывалъ на нее тревожно и съ ожиданіемъ.

— Видишь ли, — продолжала она наставительнымъ тономъ, довольно забавнымъ для четырнадцатилѣтней дѣвочки: — не все то золото, что̀ блеститъ. Натурально, у меня будутъ новыя платья и я буду ѣздить въ коляскѣ, запряженной пони, вмѣстѣ съ графиней, и вообще очень веселиться. И при этомъ отдѣлаюсь отъ тетушки Анны, а она съ каждымъ днемъ становится все несноснѣе, да и дядя тоже ведетъ себя все хуже и хуже. Мужчины — пьяницы — отвратительны; у нихъ слезятся глаза и они пахнутъ виномъ и сигарами. Въ за̀мкѣ никто не напивается. И ты представить себѣ не можешь, какъ тамъ хорошо... Ты тамъ еще никогда не бывалъ, бѣдняжка, и никогда не будешь, и все это долженъ представлять себѣ только въ мечтахъ. Это-то ты умѣешь. Но какъ тамъ хорошо, какъ тамъ хорошо, этого ты себѣ и представить не можешь, говорю тебѣ: тамъ большія такія, высокія залы съ чудесными картинами въ широкихъ золотыхъ рамахъ по стѣнамъ! а обои изъ шолка... право, хочешь вѣрь, хочешь нѣтъ: изъ пестраго шелка, а по немъ вышиты картины! И у меня будетъ отдѣльная спальня рядомъ съ комнатой графини Сивиллы, а Арманъ будетъ учить меня ѣздить верхомъ...

Она болтала такъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, все болѣе и болѣе оживляясь, а глаза ея сверкали все ярче и ярче. Но Юстъ слушалъ ее невнимательно и лишь ловилъ одно какое-нибудь слово. Арманъ будетъ учить ее ѣздить верхомъ! Арманъ... это молодой графъ! Еще ни разу въ жизни онъ не слышалъ, чтобы его звали иначе, какъ „молодой господинъ графъ", или „молодой графъ". А она называетъ его безъ всякихъ церемоній: Арманъ, какъ его назвала бы Юстомъ. Сердце у него заныло: онъ самъ не зналъ, почему ему стало вдругъ такъ грустно, такъ грустно. Можетъ быть потому, что, расписывая прелести жизни въ за̀мкѣ, она ни разу о немъ не подумала, и о томъ, что̀ будетъ съ нимъ, если онъ дѣйствительно ни разу не попадетъ въ за̀мокъ. А онъ только-что собирался умереть за нее въ ночной битвѣ съ страшнымъ людоѣдомъ при красномъ свѣтѣ факеловъ во дворѣ заколдованнаго за̀мка! Странное ощущеніе поднялось у него въ груди и сжало горло; глазамъ стало жарко; но онъ храбро стиснулъ губы и проговорилъ сквозь зубы голосомъ, который самъ не узнавалъ, точно онъ былъ чей-то чужой:

— Тебѣ не придется меня стыдиться. Я тоже уѣду изъ этой полячины въ страну, гдѣ живутъ одни только нѣмцы и откуда мы родомъ. Тамъ я непремѣнно стану...

— Чѣмъ же ты станешь?

Минуту тому назадъ вопросъ этотъ поставилъ бы его въ сильное затрудненіе. Но въ отчаянномъ настроеніи, овладѣвшимъ имъ, онъ ничего не боялся.

— Кѣмъ-нибудь великимъ! — вскричалъ онъ: — знаменитымъ человѣкомъ, какъ, какъ... Шиллеръ. Такую пьесу, какъ „Разбойники“, и я могу написать. Я даже и началъ... два акта готовы, а теперь я пишу третій...

Она не засмѣялась, какъ онъ ожидалъ. Она пристально поглядѣла на него большими, сверкающими глазами.

— Правда?

— Правда истинная. Я не хотѣлъ только тебѣ говорить, пока не кончу.

— Но тогда ты мнѣ прочитаешь?

— Конечно. Я для того только и пишу.

— Ахъ ты, милый, милый мальчикъ!

Онъ было всталъ, но она схватила его за обѣ руки и снова усадила около себя на мху.

— Ахъ! это великолѣпно! — вскричала она. — Ты будешь, значитъ, поэтомъ. А знаешь, чѣмъ я буду? Актрисой! Это вовсе не такъ трудно, когда ужъ родишься такой. Я тебѣ этого, кажется, еще не разсказывала: прошлое воскресенье въ зȧмкѣ... мы играли шараду... знаешь, чтȯ это такое... нѣтъ? ну, не бѣда... И тутъ графиня сказала миссъ Броунъ — это новая учительница-англичанка — тихонько, но я отлично разслышала: „она прирожденная актриса“. Да и тетя Анна каждую минуту говоритъ: „ты настоящая комедіантка“. А ты знаешь: комедіантка и актриса — это одно и то же. Она хочетъ меня этимъ разсердить; но я на это не сержусь; я нахожу чудеснымъ, когда родишься комедіанткой и можешь играть принцессъ и носить шолковыя платья.

Юстъ не былъ вполнѣ увѣренъ, что актрисы играютъ только принцессъ и всегда носятъ шолковыя платья; но темные глаза свѣтились такъ весело, красныя губки улыбались такъ гордо, какъ бы въ предвкушеніи будущаго тріумфа, и у него не хватило духа выразить сомнѣніе. И ужъ, разумѣется, если онъ станетъ поэтомъ, а она актрисой, то они будутъ неразлучны. Сразу у него отлегло отъ души и прошла боль, поднявшаяся-было, когда она разсказывала о зȧмкѣ, куда скоро уѣдетъ.

— Лишь бы только они тебя не бросили! — сказалъ онъ.

Она тотчасъ поняла, чтȯ онъ хотѣлъ сказать.

— Ну, — отвѣтила она, благосклонно улыбаясь: — врядъ ли это случится. Я имъ всѣмъ такъ понравилась! Но дѣло не такъ

скоро дѣлается... Я говорю про роль актрисы. Я вѣдь должна еще прежде вырости... немножко, конечно. Какъ ты думаешь?

Она вскочила на ноги,—онъ тоже поднялся съ земли,—и они взаимно оглядывали другъ друга. Онъ былъ невеликъ для шестнадцатилѣтняго мальчика и, однако, головой выше ея. И притомъ: феи могутъ и должны быть миніатюрными; ну, а актрисы...

— Ну, да, немножко,—проговорилъ онъ нерѣшительно.

— Но вѣдь немножко! — настаивала она.

— Да, немножко! — рабски повторилъ онъ.

— Значитъ рѣшено!—вскричала она: — ты въ сорочкѣ родился и будешь поэтомъ,—а я актрисой. По рукамъ, не правда ли?

И она протянула ему маленькую ручку, которую онъ ухватилъ обѣими руками.

— Ты самый хорошій мальчикъ на свѣтѣ, — сказала она, приближая къ нему личико, — и сегодня будетъ для тебя самый хорошій день въ жизни. Ну?!.. Боже, какъ вы, мальчики, глупы!

Она, смѣясь, поцѣловала его; а онъ стоялъ счастливый, раскраснѣвшійся и растерянный.

— Ну, вотъ, теперь пойдемъ домой. А сегодня послѣ полудня ты придешь къ намъ и приготовишь за меня мои уроки: сочиненіе и глупую задачу.

III.

Въ то время, какъ эта парочка мечтала о будущемъ, жена лѣсничаго Арнольда хлопотала по хозяйству и при этомъ углубилась въ воспоминанія, а они унесли ее далеко, далеко назадъ. Она не знала, почему эти воспоминанія такъ назойливо лѣзутъ въ голову именно въ воскресенье по утрамъ. Тишина, царствующая кругомъ, тутъ не при чемъ; въ эти часы бываетъ тихо и въ будни. Четыре курицы на маленькомъ дворикѣ орали во всю глотку; пчелы въ обоихъ ульяхъ гудѣли и съ жужжаніемъ вылетали изъ улья въ крохотный садикъ и обратно, а изъ большихъ буковъ, росшихъ передъ домомъ, доносился птичій гамъ... все какъ и сегодня. И Арнольда не бывало дома по утрамъ, съ тою только разницей, что въ будни онъ ходилъ по лѣсу, а въ воскресенье сидѣлъ въ трактирѣ. Юстъ, правда, сидѣлъ иногда дома, когда не успѣвалъ приготовить уроковъ, которые задавалъ ему господинъ пасторъ, учившій его вмѣстѣ съ Изабеллой, но тогда онъ сидѣлъ въ своей комнаткѣ за работой и не мѣшалъ. Онъ не мѣшалъ ей и тогда, когда былъ при ней, милый мальчикъ, един-

ственный сынокъ и къ тому родившійся въ сорочкѣ. Но все-таки она любила, когда по воскресеньямъ онъ, какъ сегодня, напримѣръ, уходилъ въ лѣсъ, и она оставалась одна-одинешенька.

Быть можетъ, все это потому, что ей тогда приходили такія мысли въ голову, какія она не считала приличными для материнскаго сердца, и при томъ приходили такъ настойчиво, что она не въ силахъ была ихъ отогнать.

Такъ было и сегодня. Ею овладѣло неудержимое желаніе сдѣлать то, чего она давно, давно уже не дѣлала. Торопливо, отъ чего дрожали ея тонкія, слабыя руки, окончила она въ кухнѣ приготовленія къ обѣду, отодвинула кострюли отъ огня, но такъ, чтобы когда Арнольдъ вернется домой, кушанье могло поспѣть въ нѣсколько минутъ, оглядѣла въ послѣдній разъ столъ, накрытый въ горницѣ, и на цыпочкахъ прокралась въ комнату Юста, гдѣ окошко выходило въ садъ. Тамъ стоялъ старый шкафъ и въ немъ хранился всякій хламъ. И тамъ, гдѣ его меньше всего стали бы искать, подъ моткомъ нитокъ, которыя служили ей для штопанья, она спрятала свое сокровище: маленькую черную и некрасивую шкатулочку. Ключикъ лежалъ въ другомъ мѣстѣ: на самой нижней полкѣ шкафа въ темномъ уголку. Нащупывавшіе его пальцы не могли сразу найти, и сердце ея сильно забилось. Но нѣтъ, вотъ онъ... Слава Богу!

Она поставила шкатулочку на письменный столикъ Юста у окошка, сѣла передъ нимъ на стулъ, глубоко вздохнула и отперла шкатулку. Тамъ лежало ея сокровище: тринадцать писемъ въ конвертахъ, на которыхъ стоялъ адресъ: „Фрейлейнъ Луизѣ Пфейферъ въ X.“. Кромѣ того, небольшого размѣра фотографическая карточка и маленькая сложенная бумажка, которую она развернула и вынула оттуда прядь бѣлокурыхъ волосъ. Отъ долгаго лежанья въ сверткѣ, перевязанномъ голубой ленточкой, волосы завивались локономъ, между тѣмъ какъ на головѣ молодого человѣка, изображеннаго на карточкѣ, они падали ровными, гладкими прядями до самыхъ плечъ. Молодой человѣкъ на карточкѣ былъ въ очкахъ, съ безбородымъ тонкимъ лицомъ, выражавшимъ большую доброту. И онъ былъ добрый, необыкновенно добрый человѣкъ, и такъ крѣпко полюбилъ младшую дочь престарѣлаго, больного пастора, которому служилъ викаріемъ въ продолженіе полугода! Объ этомъ говорили письма, написанныя молодымъ пасторомъ изъ дальняго городка красивымъ, ровнымъ почеркомъ, не измѣнившимъ ему даже и въ послѣднемъ письмѣ, несмотря на его унылое содержаніе. Не совсѣмъ, впрочемъ, унылое. Онъ зналъ вѣдь, что Божій промыслъ насылаетъ на

него такое страшное испытаніе съ тѣмъ, чтобы очистить его душу.

Затѣмъ шло тринадцатое письмо. Почеркъ уже не былъ такимъ твердымъ, какъ прежде, въ особенности въ постскриптумѣ, написанномъ почти неразборчиво.

Онъ былъ кратокъ и гласилъ:

„Господь Богъ призываетъ меня къ Себѣ, въ Свое вѣчное царство. Да будетъ воля Его! Въ эти дни сильныхъ страданій я молилъ только объ одномъ Бога, чтобы когда наступитъ твой послѣдній часъ—да продлитъ Господь твою жизнь,—мы бы свидѣлись тамъ, гдѣ не заключается больше браковъ. Да будетъ надъ тобой миръ и благословеніе Господне!

„Твой до гроба вѣрный—Германъ-Августъ Бюргеръ“.

Она приложила послѣднее письмо къ остальнымъ, связала всю пачку смятой черной ленточкой и, заперевъ въ шкатулочку, опять поставила ее въ шкафъ, а ключикъ положила на прежнее мѣсто въ темномъ уголкѣ. Послѣ того медленно вернулась къ столику у окна, устало опустилась на стулъ, закрыла ладонями лицо и долго горько плакала. Нѣтъ, не она причинила смерть этому доброму юношѣ! Онъ всегда былъ болѣзненный человѣкъ, и не долго прожилъ бы, еслибы она и сдержала свое обѣщаніе. Но она его не сдержала? Проститъ ли ей Богъ за то, что она такъ бездушно презрѣла такую великую любовь, такъ жестоко цѣлыхъ полгода обманывала довѣрчиваго жениха ласковыми словами, между тѣмъ какъ ея сердце уже принадлежало другому, и только за мѣсяцъ до свадьбы сообщила ему истину. Богъ уже вѣдь здѣсь на землѣ покаралъ ее! такъ сильно покаралъ! Во что обратилось счастіе, которое она воображала себѣ рука объ руку съ красавцемъ, въ котораго всѣ дѣвушки на двѣ мили въ округѣ были влюблены! И хотя бы она дала ему счастье! Можетъ быть, оставайся она здоровой и красивой, вмѣсто того, чтобы захирѣть послѣ рожденія Юста и состарѣться на тридцатипятилѣтнемъ году жизни... можетъ быть, онъ и былъ бы счастливъ съ нею. Но врядъ ли какая женщина дастъ счастіе необузданному человѣку, который ссорится съ цѣлымъ свѣтомъ и пуще всего съ начальниками, считая ихъ неизмѣримо ниже себя, точно они—подчиненные, а онъ—графъ. Да и что ему самъ графъ, когда онъ и герцога ни во что не ставилъ!—герцога, котораго считалъ своимъ отцомъ!

Вотъ гдѣ причина всѣхъ его бѣдъ: это—мысль, что герцогъ—его отецъ, хотя это ничѣмъ не доказано и не можетъ быть доказано, никѣмъ не признано и вѣроятно одна только пустая бол-

товня, сказка, которою одурачили бѣдняка, или онъ самъ себя одурачилъ. Онъ былъ похожъ на герцога—это правда, всѣ это находили, а иные утверждали, будто бы герцогъ во время охоты особенно часто заѣзжалъ къ хорошенькой лѣсничихѣ въ Ноненкопфъ. Но что же это доказывало? Лѣсничій отлично жилъ съ женой, никогда на нее не жаловался, и жена не иначе отзывалась о мужѣ, какъ съ почтеніемъ и любовью. А самымъ лучшимъ доказательствомъ для каждаго непредубѣжденнаго человѣка могло служить то, что хотя герцогъ и предоставилъ по смерти Арнольда мѣсто лѣсничаго его сыну, но никогда не проявлялъ особенныхъ знаковъ своей благосклонности. Напротивъ того, нѣсколько разъ рѣзко осаживалъ его за дерзкое поведеніе, и когда Арнольдъ поссорился съ старшимъ лѣсничимъ, герцогъ принялъ сторону послѣдняго и отказалъ Арнольду отъ мѣста, неумолимо постановивъ, чтобы его не принимали больше ни подъ какимъ видомъ на герцогскую службу.

Нѣтъ! такъ не поступаетъ отецъ съ сыномъ, хотя бы сынъ былъ ему неудобенъ или даже ненавистенъ! Арнольдъ, конечно, увидѣлъ въ этомъ новое и непреложное доказательство, что герцогъ—ему отецъ.

И если до того людямъ трудно было съ нимъ водиться, то теперь стало почти невозможно. Послушать его, такъ, по его мнѣнію, ни одного человѣка въ мірѣ такъ не обидѣли, какъ его! Сынъ богатаго человѣка, онъ долженъ былъ питаться изъ одной колоды съ его свиньями, онъ долженъ быть тунеядцемъ! что̀ онъ сдѣлалъ? Чѣмъ онъ заслужилъ такую судьбу?

Что̀ онъ сдѣлалъ? что̀ онъ каждый день дѣлаетъ...

Она отняла обѣ руки отъ лица, и горькая улыбка пробѣжала по немъ. Въ домѣ ея отца пастора было, конечно, очень просто, да и лѣсничій домикъ въ Ноненкопфѣ тоже былъ, конечно, не герцогскій дворецъ. Но какой нищенскій видъ у этого жилища, больше похожаго на лачугу, нежели на домъ, и во всякомъ случаѣ представлявшаго собой развалины, готовыя обрушиться на голову его обитателей.

Графъ былъ жесткій господинъ и нисколько не заботился о благосостояніи своихъ людей. И каково дожить до того, чтобы считать службу у жесткаго господина за милость отъ Бога, не допустившаго несчастныхъ безпріютныхъ людей умереть подъ заборомъ на улицѣ! Да и долго ли еще они пробудутъ здѣсь?

Она вскочила со стула и, ломая руки, забѣгала по комнатѣ.

Что̀ съ ней будетъ—не все ли равно! Она долго не протянетъ, хотя старикъ-докторъ и старается успокоить ее! Она,

однако, знаетъ, что дни ея сочтены. Но что̀ будетъ съ Юстомъ! что будетъ съ ея бѣднымъ Юстомъ! Отецъ ненавидитъ его за то, что̀ онъ добръ и кротокъ, и любитъ свою несчастную мать! Ахъ! какъ онъ ее любитъ! и какъ она его любитъ! Онъ для нея—все, ея единственное счастіе въ этомъ большомъ, пустынномъ мірѣ! Еслибы онъ только попалъ въ школу! тогда бы все обошлось! ужъ онъ бы пробилъ себѣ дорогу въ жизни! Она вѣдь слышала отъ своего отца, что онъ безъ гроша въ карманѣ поступилъ въ университетъ, и Богъ, Который даетъ пропитаніе молодымъ птенцамъ, не покинулъ его! Но какъ быть до тѣхъ поръ! Если Арнольдъ останется на мѣстѣ и она сможетъ копить и дальше... но сколько собственно она накопила?

Опять старый шкафъ долженъ былъ выдать свои тайны. На этотъ разъ кладъ помѣщался на верхней полкѣ и хранилищемъ его служилъ шерстяной чулокъ: сто-пятьдесятъ марокъ! вѣрно! она присоединила уже тѣ пять, которыя получила въ прошлое воскресенье отъ купца Лёба за послѣднюю вышивку. А за двѣсти марокъ ежегодно Лёбъ соглашался взять къ себѣ мальчика въ домъ. Но чтобы скопить это сокровище, она работала четыре года; и притомъ она была сильнѣе тогда и могла просиживать полъ-ночи за работой, пока Арнольдъ не вернется изъ трактира! А если она не въ силахъ будетъ больше работать! Арнольдъ не дастъ мальчику ни гроша. Нѣсколько талеровъ прибавки, обѣщанныхъ главнымъ лѣсничимъ, пойдутъ туда же, куда уходятъ всѣ остальные. А заложить или продать ей больше нѣчего; объ этомъ также позаботился Арнольдъ.

Неужели же Богъ на небѣ не сжалится надъ ней въ этой бѣдѣ? Неужели она все еще не искупила своей вины неизреченнымъ горемъ, какое терпѣла всѣ эти годы? Неужели милосердный Богъ вымещаетъ на невинныхъ дѣтяхъ грѣхи матери? Она молила не за себя, а только за ребенка! только за ребенка!

Она стала на колѣни на стулъ, охватила руками спинку и, спрятавъ лицо, жарко молилась.

Тутъ вдругъ „Вальдманъ", собака изъ породы таксъ, залаяла на дворѣ. Она встала. Арнольдъ или Юстъ не могли еще вернуться. Тогда бы собака не стала лаять. Но также и не чужой, иначе лай былъ бы яростный. Кто-нибудь изъ пастората: Изабелла или ея тетка, или же онѣ обѣ.

— Тутъ никого, кажется, нѣтъ? — раздался громкій голосъ въ горницѣ.

Она угадала: то была тетка Анна изъ пасторскаго дома.

IV.

Небольшого роста, кругленькая особа стояла посреди комнаты и точно обшаривала маленькими, круглыми, блестящими черными глазками углы, хотя сразу было видно, что въ пустой комнатѣ никого нѣтъ?

— Ея здѣсь нѣтъ?

— Она была здѣсь, — отвѣчала фрау Арнольдъ, — съ часъ тому назадъ. Она приходила за Юстомъ. Но тотъ ушелъ въ лѣсъ. Я отослала ее обратно домой.

— И воображаете, что она вернулась домой? Она?—вернется домой, когда можетъ идти въ лѣсъ искать своего друга?..

— Да, дѣти любятъ другъ друга,—отвѣчала фрау Арнольдъ. —Но не угодно ли сѣсть?

— Если позволите.

Тетушка Анна немедленно воспользовалась приглашеніемъ и пробралась мимо накрытаго стола въ уголъ тощаго, обитаго черной кожей дивана.

— Сегодня мы обѣ свободны. Онъ проспится не раньше какъ черезъ два часа, а господинъ лѣсничій по воскресеньямъ особенно долго остается... въ лѣсу. Ну, ну, не сердись, добрая душа! Я не въ обиду говорю, но, право же, и жить не стоитъ, если нельзя пошутить... А вы сегодня не хороши на видъ, дражайшая. Не случилось ли чего особеннаго? Скажите мнѣ! Для сердца большое облегченіе, когда выскажешься. А мнѣ можно все сказать, какъ на духу. Іезусъ-Марія! какъ бы вамъ хорошо было, будь вы католичка! Вотъ настоящая религія для несчастныхъ.

— Вы знаете, мой отецъ былъ протестантскій пасторъ, — отвѣчала фрау Арнольдъ съ грустной улыбкой.

— Да, да, въ извѣстныхъ отношеніяхъ хорошо тоже быть пасторомъ; но, сокровище мое, я пришла вамъ кое-что разсказать: я такъ рада, что у насъ есть часокъ свободный поболтать. Есть важныя вѣсти, очень важныя и для васъ интересныя.

— Развѣ уже рѣшено?—спросила лѣсничиха.

— Я думала, сегодня рѣшится; но когда мы пріѣхали, въ замкѣ-то оказалось пусто, хоть шаромъ покати; и мы обратный-то весь длинный путь промахали на своихъ на двоихъ. И можете себѣ представить, вдругъ эта капризница объявляетъ: я не поѣду къ людямъ, которыхъ нѣтъ дома, когда я къ нимъ пріѣхала въ гости.

— Она это сказала?

— Вы думаете, она разсердилась за то, что некому было любоваться ея нарядным платьемъ? Это, конечно, на нее похоже. Но подумайте, почему она не хочетъ въ зáмокъ: потому что не хочетъ разставаться съ Юстомъ, не можетъ безъ Юста жить! Слыхали вы такой вздоръ?

Блѣдныя щеки лѣсничихи вдругъ покраснѣли; большіе голубые глаза увлажнились.

— Милое дитя!—пробормотала она.

— Глупости!—закричала тетушка Анна.—Когда Юстъ уѣдетъ въ школу, вѣдь имъ придется же разстаться. И кромѣ того, повторяю: дѣтская любовь—да вѣдь это такой вздоръ! Вѣдь не можете же вы относиться къ этому серьезно.

— Я и не отношусь серьезно, — отвѣчала фрау Арнольдъ, щеки которой снова поблѣднѣли, но глаза оставались влажными; — мнѣ только пріятно слышать, что кто-нибудь любитъ моего мальчика. А затѣмъ...

— Чтò затѣмъ?

— Говоря откровенно: я не считаю счастіемъ для дѣвочки, если она попадетъ въ зàмокъ.

— Я просто ушамъ своимъ не вѣрю!

Тетушка Анна сказала это по-польски, такъ какъ она, когда бывала возбуждена, охотно прибѣгала къ польскому языку; лѣсничиха не поняла ея фразы, но выраженіе черныхъ круглыхъ глазъ и высоко поднятыхъ бровей понять было не трудно.

Фрау Арнольдъ тяжело перевела духъ, прижимая руку къ сердцу. Оно всегда такъ страшно стучало, когда она собиралась сказать или сдѣлать что-нибудь необыкновенное. И къ тому же она отвыкла высказывать то, чтò думаетъ и чувствуетъ, кому-либо, кромѣ Юста. Но она любила хорошенькую дѣвочку и считала себя не въ правѣ молчать послѣ того, чтò услышала.

— Не правда ли, это странно слышать; казалось бы, вѣдь это такое счастіе для ребенка! И въ извѣстномъ смыслѣ оно такъ и есть. Она научится французскому и англійскому языку и многому такому, чего въ домѣ у дядюшки никогда не узнаетъ. И житье ей будетъ отличное въ зàмкѣ, пока она въ немъ будетъ находиться. Но этого-то я и боюсь для Изабеллы. Невозможно почти ее не баловать; и въ зàмкѣ ее будутъ баловать, пока она тамъ проживетъ... ну, скажемъ, три, четыре года. Но когда ей придется оставить зàмокъ и вернуться къ прежней жизни? Что она будетъ дѣлать тогда? Для другихъ это было бы ничего, но за нее я боюсь.

— Но почему же? она совсѣмъ не глупа, повѣрьте мнѣ.

Фрау Арнольдъ молчала; она чувствовала, что собесѣдница не пойметъ ее. Послѣ извѣстной паузы она произнесла больше какъ бы про себя:

— Нищета — ужасная вещь; вдвое ужаснѣе для тѣхъ, кто жилъ въ довольствѣ.

— Но, ради Христа, кто вамъ толкуетъ про нищету! — вскричала тетушка Анна. — Я именно изъ нищеты и желаю ее вывести. Нищета! да! если она останется тамъ, гдѣ она теперь, то ее навѣрное ждетъ нищета! Ея отецъ, конечно, долго не протянетъ...

— Ея отецъ!—съ удивленіемъ воскликнула фрау Арнольдъ.

Черные глазки тетушки Анны засверкали отъ радости, что шутка удалась. Такъ весело испугать благочестивую, невинную душу. А эту шутку она такъ часто повторяла, что почти сама повѣрила въ нее.

— Почему же ему не быть ея отцомъ? —дерзко сказала она.

Фрау Арнольдъ густо покраснѣла.

— Я считаю горькой несправедливостью дурно думать о своемъ ближнемъ, пока можно думать о немъ хорошо. И въ особенности когда и основаній нѣтъ никакихъ, какъ относительно господина патера, такого на рѣдкость хорошаго человѣка.

— Хорошъ—дуренъ! дуренъ—хорошъ!—вскричала тетушка Анна.—Какъ вы по-дѣтски разсуждаете! Не сердитесь на меня, но вы въ самомъ дѣлѣ точно ребенокъ. Чтò худого въ томъ, если человѣку приглянется хорошенькая дѣвушка, а онъ ей, а жениться ему на ней нельзя; ну вотъ и родится ребеночекъ, а папаша возьметъ его къ себѣ, когда мамаша умретъ и схоронится въ могилкѣ. Что же вы думаете, что католическіе патеры— не такіе же люди, какъ мы-грѣшные?

Фрау Арнольдъ охотно прекратила бы разговоръ, становившійся для нея съ каждою минутой тягостнѣе, но тогда она показала бы, что вѣритъ гадкой сплетнѣ, сочиненной ея собесѣдницей, а этого она не хотѣла допустить. Поэтому съ несвойственной ей энергіей сказала:

— Вамъ бы не слѣдовало такъ говорить, будь у васъ въ рукахъ всѣ доказательства, а тѣмъ болѣе—когда нѣтъ никакого повода къ вашимъ увѣреніямъ. Напротивъ того, всѣмъ извѣстно, что у господина патера былъ братъ въ Галиціи, зажиточный человѣкъ, но разоренный своимъ компаньономъ и съ горя лишившійся ума, такъ что и умеръ въ сумасшедшемъ домѣ, гдѣ его долгіе годы содержалъ господинъ патеръ. А затѣмъ умерла и

жена. А тогда господинъ патеръ поѣхалъ туда и взялъ ихъ единственнаго ребенка на свое попеченіе.

— А откуда вы все это знаете?—насмѣшливо спросила тетушка Анна.

— Отъ самого господина патера... онъ самъ мнѣ это разсказалъ.

— Ну, можетъ быть и правда,—отвѣчала собесѣдница, вертя большой палецъ жирной руки вокругъ другого большого пальца.— Можетъ быть, такая же правда, какъ и то, что я ей тетка.

— А развѣ вы ей не тетка?—спросила фрау Арнольдъ неувѣреннымъ тономъ.

— И не думаю быть! — отвѣчала ей гостья: — но патеръ думалъ, когда я пріѣхала къ нему, семь лѣтъ тому назадъ, что дѣвочка скорѣе ко мнѣ привяжется, если будетъ думать, что я ей родственница. Чтò вы теперь скажете?

— Я скажу, что, быть можетъ, напрасно это сдѣлалъ господинъ патеръ, потому что надо всегда говорить правду; но сдѣлалъ онъ это изъ простительной любви къ ребенку, чтобы бѣдная сиротка не считала себя такой одинокой въ мірѣ.

— Прекрасно! Ну, а если онъ сажаетъ ее къ себѣ на колѣни и цѣлуетъ, и ласкаетъ, и приговариваетъ: „дитя мое, мое бѣдное, милое дитятко!“—это тоже не доказательство по вашему?

— По моему, нѣтъ! да и ни для кого не будетъ это доказательствомъ, кто знаетъ, какъ добръ и ласковъ господинъ патеръ со всѣми въ мірѣ. И почему же ему не быть ласковымъ и нѣжнымъ съ ребенкомъ своего брата, когда онъ одинъ на свѣтѣ и ему некого любить и баловать? Ахъ, тетушка Анна, тетушка Анна! Богъ проститъ вамъ, что вы питаете такія мысли! Но если вы... если вы когда-либо самой дѣвочкѣ...

— И какъ это вамъ въ голову приходитъ! да я скорѣе языкъ проглочу!.. Ну, душечка, не сердитесь! Отчего же и не позволить себѣ пошутить съ добрымъ человѣкомъ. Если онъ зоветъ дѣвочку своимъ ребенкомъ, то потому, что чувствуетъ—ему не долго съ нею быть, а вѣдь тогда дѣвочка останется одна-одинешенька на бѣломъ свѣтѣ. Ну, это ему тѣснитъ душу, онъ и самъ не знаетъ, чтò говоритъ.

— Бѣдное, бѣдное дитя!—прошептала фрау Арнольдъ.

— Ну, вотъ видите, сами говорите, душечка: „бѣдное дитя“. Чтò съ нею будетъ, когда господинъ епископъ, перемѣстившій его изъ прекраснаго прихода въ Бреславлѣ въ это дрянное гнѣздо на русской границѣ, совсѣмъ выгонитъ его изъ должности, какъ уже не разъ грозился это сдѣлать? И ужъ кончится этимъ, если

онъ не броситъ пить, а онъ все больше и больше втягивается. И что̀ тогда со мной будетъ, если ребенокъ останется у меня на шеѣ? Нужно также и о себѣ подумать. Ну, понимаете вы теперь, душечка, почему я ее непремѣнно хочу пристроить въ за̀мкѣ?

— Понимаю,—смиренно отвѣтила фрау Арнольдъ.

— Видите!—вскричала торжествующая тетушка.—Разъ она попадетъ въ за̀мокъ... ну, я не я,—если она не съумѣетъ свить тамъ себѣ теплаго гнѣздышка. А затѣмъ... ну, тогда видно будетъ... Насчетъ этого я спокойна. И вотъ что̀ я хотѣла сказать и зачѣмъ, собственно говоря, пришла: я пришлю къ вамъ дѣвочку и намыльте-ка вы ей хорошенько упрямую головку. Это просто одно вѣдь упрямство; но иногда она такъ упрется, что всякое терпѣніе лопнетъ. А знатные господа не привыкли ждать. Мнѣ ужъ и то не понравилось, что они насъ сегодня заставили даромъ протрепаться въ за̀мокъ. Но, Іисусе! я-то болтаю тутъ, а тѣмъ временемъ бѣдный Питрекъ съ голода помираетъ. Ну, къ пищѣ-то его все еще тянетъ. И слава Богу, а то люди говорятъ: коли отъ пищи его отобьетъ, ну, тогда совсѣмъ плохо.

Она протиснулась изъ уголка дивана опять къ столу, поцѣловала фрау Арнольдъ въ обѣ щеки и исчезла изъ горницы, а затѣмъ и изъ дома.

Фрау Арнольдъ хотѣла пойти въ кухню присмотрѣть за кушаньемъ, но ей точно свинцомъ придавили тѣло, а на сердцѣ было тяжело, тяжело. Она снова опустилась на соломенный стулъ у открытаго окна. О! какъ безгранично гадокъ міръ! Чего она только не наслушалась изъ устъ этой особы! Да! хорошо, если Изабелла выйдетъ изъ-подъ ея опеки прежде, нежели она успѣетъ отравить ея невинное сердце злыми мыслями!

Но смѣетъ ли она бросать камнемъ въ другого, нося на душѣ смертный грѣхъ?! И даже когда она совѣтовала не отпускать Изабеллу въ за̀мокъ, дѣйствительно ли она заботилась о дѣвочкѣ, — не руководило ли ею скорѣе тайное желаніе: ахъ! еслибы Юстъ былъ на ея мѣстѣ.

— Мамочка! милая мамочка!

Онъ стоялъ передъ раскрытымъ окномъ и перескочилъ черезъ низкій подоконникъ къ ней въ комнату. Она притянула къ себѣ на колѣни большого мальчика, точно онъ былъ ребенокъ, и съ страстной нѣжностью прижимала его къ груди.

— Не правда ли, ты не бросишь свою бѣдную маму? Ты не отправишься къ знатнымъ господамъ въ за̀мокъ?

— Мамочка, да они меня вовсе не зовутъ. Они зовутъ только Изабеллу.

— А она тоже не поѣдетъ, потому что не хочетъ разставаться съ тобой.

Мальчикъ ничего не отвѣчалъ; его большіе голубые глаза омрачились и глядѣли въ пространство. Немыслимо, чтобы фея вышла замужъ за сына людоѣда, такъ какъ она любитъ молодого принца, которому принадлежитъ лѣсъ. Но если она поѣдетъ къ людоѣду въ зáмокъ... И къ тому же лѣсъ вѣдь принадлежитъ не принцу, а людоѣду и его сыну. А онъ, онъ-то хоть ее и любитъ, но совсѣмъ не принцъ, а сынъ бѣднаго лѣсничаго, и...

— Что̀ ты говоришь, милый?—спросила мать, откидывая мягкіе темные волосы съ задумчиваго лба своего любимца.

— Нескладно выходитъ,—прошепталъ мальчикъ.

— Что̀ нескладно выходитъ?

— Постой, мамочка.

Онъ соскочилъ съ ея колѣнъ... но поздно. Высокій, широкоплечій человѣкъ, въ мундирѣ лѣсничаго, безшумно подошедшій по песчанистой дорогѣ къ дому, уже увидѣлъ группу въ окно. Презрительная усмѣшка показалась на его краси́вомъ, но испитомъ лицѣ.

— Не стѣсняйтесь!—насмѣшливо закричалъ онъ.

Бѣдная женщина поблѣднѣла.

— Успокойся, мамочка!—шепнулъ ей мальчикъ.—Я никого не боюсь, и его также.

V.

Вышло такъ, какъ предвидѣлъ Юстъ: фея перебралась изъ своего лѣса въ зáмокъ людоѣда. Уже въ понедѣльникъ послѣ полудня за нею пріѣхала молодая графиня Сивилла съ новой гувернанткой англичанкой въ хорошенькой, открытой колясочкѣ. Для сундучка Изабеллы, давно уже приготовленнаго тетушкой Анной, не нашлось мѣста, но маленькая графиня говорила, что и не стоитъ его брать съ собой,—графиня-мать объявила, что все нужное найдется въ зáмкѣ. Графиня Сивилла нѣсколько разъ поцѣловала Изабеллу,—она такъ рада, что у нея есть теперь сестра.

Все это узналъ Юстъ отъ своей матери, а той разсказала тетушка Анна. Отъѣздъ совершился очень поспѣшно; сама Иза-

белла, должно быть, ничего о немъ еще не знала, потому что иначе сообщила бы за урокомъ.

Да и патеръ Щончалла тоже никакихъ намековъ не дѣлалъ, хотя и не умѣлъ держать языкъ за зубами. Онъ былъ, однако, очень тихъ и разсѣянъ, а глаза у него были совсѣмъ красные, но это съ нимъ не рѣдкость, особенно по утрамъ.

Ну, какъ бы то ни было, а Изабелла вѣрно пріѣдетъ надняхъ за пожитками и чтобы проститься съ нимъ и его мамой. Но дни проходили за днями; протекли двѣ недѣли, а Изабелла не пріѣзжала. И никакихъ извѣстій изъ зáмка. Странное дѣло, тетушка Анна ни разу за все это время тамъ не побывала; Юстъ и даже его мать не знали, что графиня разъ и навсегда запретила ей туда являться. Патеръ побывалъ тамъ разокъ, и съ тѣхъ поръ какъ Изабелла его оставила, онъ очень грустилъ, и противъ обыкновенія сталъ молчаливъ. Зато пилъ больше прежняго, и въ концѣ концовъ объявилъ, что боленъ. Да онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ нездоровъ, и Юстъ, которому онъ давалъ теперь лишь изрѣдка уроки, могъ надосугѣ предаваться горести.

То было не единственное горе въ его жизни; онъ уже раньше частенько проливалъ слезы вмѣстѣ съ матерью, а еще чаще горько плакалъ тихонько отъ нея, когда отецъ бывалъ съ нимъ особенно грубъ. Но тогда онъ всегда зналъ, отчего плачетъ.

Теперь же, когда, прибѣгая въ лѣсъ и падая на землю, какъ раненый звѣрь, заливался горючими слезами, онъ самъ не зналъ, отчего онъ плачетъ. Возможное, вѣроятное, наконецъ, достовѣрное переселеніе Изабеллы въ зáмокъ служило уже въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ постоянной темой разговоровъ между нимъ и матерью, а также между нимъ и Изабеллой. Въ серьезность ея увѣреній,—что она откажется отъ приглашенія въ зáмокъ,—онъ никогда вполнѣ не вѣрилъ, а то, что она съ нимъ не простилась—объясняется, конечно, поспѣшностью, съ какой ее увезли; если же она теперь не пріѣзжала, то, конечно, потому, что не могла. Все это было въ порядкѣ вещей, и не было никакихъ причинъ ему плакать; да онъ бы и не плакалъ, еслибы могъ ясно себѣ все это представить. Прежде онъ объ этомъ и не думалъ. Да и къ чему: вѣдь онъ видалъ ее ежедневно, и часто проводилъ съ нею полъ-дня. Теперь же для него было бы такимъ утѣшеніемъ, еслибы онъ могъ ее видѣть мысленно; но сколько бы онъ ни закрывалъ глаза, милое личико ея не рисовалось ему въ воображеніи и оставалось темнымъ пятномъ. При этомъ странно то, что всякаго другого человѣка онъ отчетливо видѣлъ, стоило только ему закрыть глаза; не только тѣхъ, съ

кѣмъ ежедневно сталкивался, но и тѣхъ, съ которыми по недѣлямъ, по мѣсяцамъ не встрѣчался. Онъ хотѣлъ припомнить хотя бы звукъ ея голоса и смѣхъ; но и этого не могъ. Онъ не зналъ, чѣмъ это объяснить, и хотѣлъ бы спросить мать. Хотя онъ все ей говорилъ, но этого сказать не могъ. И опять не зналъ — почему. Но рѣшительно не могъ, какъ не могъ отдѣлаться отъ страстнаго желанія ее увидѣть: оно подвинуло его на шагъ, котораго онъ стыдился, и который ни къ чему не привелъ.

Разъ, послѣ полудня, онъ пробрался черезъ лѣсъ до опушки графскаго парка. На этотъ путь требовалось часъ времени, и онъ часто его предпринималъ въ обществѣ Изабеллы. Вѣроятность встрѣтиться съ нею на этомъ пути была очень ничтожна. Паркъ съ его большими лужайками, тамъ и сямъ прерываемыми молодыми боскетами или группами высокихъ старыхъ деревъ, тянулся еще на четверть часа разстоянія отъ опушки лѣса до замка. Послѣдній былъ такъ прикрытъ кустами и деревьями, что только верхушки боковыхъ башенъ и крыша главнаго зданія съ развѣвавшимся на немъ шолковымъ флагомъ виднѣлись издали. Но все могло статься, что она пойдетъ или поѣдетъ съ молодой графиней въ паркъ гулять, и потому-то онъ и отважился сюда придти. Да и въ чемъ собственно была отвага? Еслибы она проѣхала тутъ мимо него по дорогѣ изъ парка въ лѣсъ, то онъ могъ спрятаться въ кустахъ, и ничей глазъ его бы не примѣтилъ. Но никого не было видно; вся окрестность, которую онъ могъ только оглядѣть, была тиха и пустынна. Только когда солнце опустилось ниже, изъ боскетовъ на лужайки вышли пара оленей, да пара зайцевъ перебѣжала черезъ дорогу. Затѣмъ верхушки деревъ загорѣлись вечернимъ пламенемъ; наверху, на башнѣ, засверкало окно, и на лужайкахъ протянулись красныя полосы. Черный дроздъ запѣлъ въ лѣсу. Пѣсня его звучала такъ сладко и грустно, точно онъ хотѣлъ утѣшить бѣднаго юношу, съ сильно бьющимся сердцемъ уже битыхъ два часа поджидавшаго свою фею, пока, наконецъ, не отказался отъ всякой надежды и не вернулся печальный домой, черезъ темный лѣсъ.

Сегодня онъ опять сидѣлъ въ темномъ лѣсу съ слабой надеждой, что онъ, наконецъ, ее увидитъ. Объявлено было о пріѣздѣ графской фамиліи вмѣстѣ съ гостями, желавшими присутствовать при кормленіи черной дичины.

Будетъ ли Изабелла причислена къ графской фамиліи или къ гостямъ, но такъ или иначе она должна была тоже пріѣхать. И это примиряло его до нѣкоторой степени съ его ролью на этомъ странномъ празднествѣ, иначе показавшейся бы ему нестерпимой.

Еслибы не это, онъ рѣшительно не въ силахъ былъ бы выступить на сцену.

Роль же его состояла въ томъ, что онъ долженъ былъ съиграть на валторнѣ двѣ пѣсни, скрытый въ кустахъ, шагахъ во ста разстоянія отъ собравшагося общества: „Wer hat dich, du, schöner Wald“ и „O, Thäler weit, o, Höhen“. Другого онъ ничего не зналъ, да и пока научился этому, вынесъ много проклятій и ругани отъ отца и много пролилъ украдкою слезъ. Мать не могла помочь ему въ этой бѣдѣ, такъ какъ была не музыкальна,—не такъ, какъ отецъ, считавшійся по праву артистомъ не только на валторнѣ, но умѣвшій играть на фортепіано и по цѣлымъ часамъ фантазировавшій на старомъ инструментѣ въ пасторскомъ домѣ варіаціи ко всевозможнымъ мелодіямъ, никогда даже не учившись музыкѣ. А у мальчика былъ первѣйшій учитель въ мірѣ — самъ отецъ, — который сталъ бы величайшимъ музыкантомъ всѣхъ временъ, еслибы не вѣчныя гоненія судьбы, наградившей его вдобавокъ женой, которая не умѣла отличить тромбона отъ кларнета, и сыномъ, такимъ же неспособнымъ! Послѣ того, къ величайшей радости сына, отецъ бросилъ учить и мучить его; но Изабелла постаралась, чтобы выученныя двѣ пѣсни повторялись Юстомъ и не были имъ забыты. Она часто заставляла его играть ихъ ей въ лѣсу и постоянно слѣдила за тѣмъ, чтобы онъ игралъ вѣрно, такъ какъ всякая фальшивая нота терзала ея тонкій слухъ. А когда онъ хорошо выполнялъ свое дѣло, его награждали поцѣлуемъ.

Объ этомъ думалъ онъ теперь, сидя уже около часу въ кустахъ и дожидаясь момента, когда отецъ дастъ съ мѣста, гдѣ происходило кормленіе звѣрей, сигналъ рожкомъ. Съ мѣста дѣйствія отецъ отослалъ его, какъ только показалась въ просѣкѣ первая карета. Онъ успѣлъ только увидѣть, что въ каретѣ сидѣлъ графъ и какая-то незнакомая дама; сколько затѣмъ пріѣхало экипажей и находилась ли въ одномъ изъ нихъ та, къ которой рвалось его юное сердце—онъ не зналъ. Но общество собралось, должно быть, большое, такъ какъ онъ слышалъ сквозь рожки, которыми созывались звѣри, ржаніе лошадей и громкій говоръ мужскихъ голосовъ, къ которымъ примѣшивались женская болтовня и громкій смѣхъ. Раза два пробѣжало мимо него нѣсколько звѣрей, торопившихся къ корму.

Тѣмъ временемъ сгустились сумерки и на мѣстѣ дѣйствія стало потише; онъ уже началъ бояться, что отецъ забылъ про него, или передумалъ, и рѣшилъ позвать его, когда все будетъ кончено. Но вдругъ раздался сигналъ.

Онъ такъ долго ждалъ, что вздрогнулъ теперь, точно молнія ударила около него. Сердце въ немъ забилось до боли, и первые звуки вышли жалобные. Но тутъ онъ напрягъ всѣ свои силы—онъ вѣдь игралъ не для другихъ—чтò ему другіе!—онъ игралъ только для нея: пусть она услышитъ его, пусть вспомнитъ о немъ, пусть пожелаетъ увидѣться снова съ нимъ. Кто знаетъ,—можетъ быть, она прибѣжитъ къ нему въ лѣсъ, поблагодаритъ и скажетъ: „ты хорошо сыгралъ!“

И ему показалось, что не онъ играетъ на валторнѣ, а весь лѣсъ поетъ и звенитъ, и когда онъ кончилъ свои двѣ пѣсни и раздался призывный звукъ рожка, онъ гордо, съ закинутой высоко головой, выступилъ впередъ, точно онъ былъ не сынъ бѣднаго лѣсничаго, но дѣйствительный принцъ, и весь лѣсъ принадлежитъ ему.

VI.

Картина, представшая его глазамъ, когда онъ вышелъ на опушку лѣса и какъ бы приросъ къ мѣсту,—если и не была сказочной, то все-же невиданной. Онъ не разъ присутствовалъ при кормленіи звѣрей и отлично зналъ, чтò тогда происходитъ: звѣри прибѣгаютъ на звуки рожка сначала по одиночкѣ, затѣмъ стадами со всѣхъ концовъ лѣса; кабаны, кабанихи и вообще большіе звѣри получаютъ кормъ на мѣстѣ; подсвинки тѣснятся къ рѣшеткамъ загородки, внутри которой находится вторая, съ болѣе тѣсной рѣшеткой, и въ ней поросята. Черезъ часъ все бываетъ кончено: звѣри возвращаются обратно въ лѣсъ, а люди —отецъ, второй лѣсничій и человѣка два сторожей—расходятся по домамъ. Звѣри и сегодня такъ же точно всѣ исчезли; но большая круглая площадка предстала передъ его глазами въ такомъ видѣ, который пробудилъ бѣднаго юношу изъ его сказочнаго сна и далъ ему почувствовать, что лѣсъ ему не принадлежитъ. Тамъ, откуда онъ вышелъ изъ лѣсу, стояло шесть или семь экипажей—все графскіе, какъ онъ видѣлъ по ливреямъ кучеровъ, и кромѣ того два кухонныхъ фургона, а между ними и длиннымъ, низкимъ столомъ, накрытымъ передъ охотничьимъ шалашомъ, на другой сторонѣ площадки, и за которымъ засѣдало общество, бѣгали взадъ и впередъ суетливые слуги. На значительномъ разстояніи отъ этого стола стоялъ другой столъ безъ скатерти; нѣсколько длинныхъ досокъ, положенныхъ на деревянные обрубки, для низшихъ лѣсныхъ служащихъ, между тѣмъ какъ старикъ главный лѣсничій посаженъ былъ за господскій столъ. Кромѣ

того нѣсколько лѣсныхъ сторожей и рабочихъ, подъ наблюденіемъ помощника отца, прикрѣпляли къ вѣткамъ деревъ цвѣтные фонари, уже зажженные, несмотря на то, что вечерняя заря еще позлащала вершины. И нѣсколько верховыхъ лошадей,—сначала, было, имъ не примѣченныхъ, — увидѣлъ Юстъ на широкой просѣкѣ, примыкающей къ площадкѣ и гдѣ ихъ прогуливали конюхѝ. Одна изъ лошадей шарахнулась и неистово забила копытами, когда мимо нея проскакалъ рысцой и хрюкая кабанъ послѣдній изъ стада.

Юстъ успѣлъ все это оглядѣть и замѣтить. Никто не обращалъ на него вниманія. Его бы это не обидѣло: кто можетъ имъ интересоваться, кромѣ одной, единственной—кромѣ Изабеллы, которую онъ увидѣлъ за господскимъ столомъ, среди четырехъ или пяти другихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, подъ надзоромъ нѣсколькихъ дамъ и кавалеровъ, очевидно гувернантокъ и гувернеровъ. Она сидѣла отъ него отвернувшись, но онъ тотчасъ же узналъ ее, хотя въ новомъ платьѣ и шляпкѣ она и казалась совсѣмъ чужой. Она, конечно, не знала, что онъ въ честь ея игралъ и стоитъ теперь въ пятидесяти шагахъ разстоянія отъ нее, не ощущая ни голода, ни жажды, а лишь одно желаніе взглянуть ей еще разъ въ милое личико и услышать ея милый голосокъ.

Тѣмъ временемъ отецъ, сидѣвшій за столомъ лѣсничихъ, его замѣтилъ и пошелъ къ нему на встрѣчу. Онъ, должно быть, выпилъ. Юстъ увидѣлъ это съ перваго взгляда,—не по походкѣ, которая была такъ тверда, какъ и всегда, но по налитымъ кровью глазамъ и какъ бы кровавому облаку на лбу между бровями.

— Гдѣ ты торчалъ такъ долго?—спросилъ онъ рѣзко.

— Я сейчасъ пришелъ,—отвѣчалъ Юстъ.

— Могъ бы такъ же хорошо и не приходить,—проговорилъ отецъ ворчливо. И прибавилъ сквозь зубы:

— Знатныя чучела! Ба! Ну, хочешь идти и представиться имъ?

— Развѣ нужно?—застѣнчиво спросилъ Юстъ.

— Они спрашивали про тебя. Да, вѣрно, ужъ и забыли. Если захотятъ тебя видѣть, могутъ опять спросить.

И съ этимъ отошелъ снова къ столу, изъ-за котораго вышелъ. Онъ сѣлъ на скамью, и Юстъ видѣлъ, какъ онъ налилъ себѣ стаканъ пива. Ощущеніе страха охватило мальчика: онъ какъ будто почуялъ несчастіе въ воздухѣ, готовое разразиться. А можетъ быть и то, что онъ сознавалъ себя лишнимъ и заброшеннымъ, какъ какой-нибудь камень на дорогѣ, послѣ того, какъ отецъ отвернулся отъ него и показалъ, что онъ ни для кого въ

счетъ не идетъ? Не лучше ли ему потихоньку уйти домой? Но вдругъ господа снова о немъ спросятъ? И, наконецъ, кончится же когда-нибудь обѣдъ; и тогда всѣ встанутъ изъ-за стола, она повернется, и онъ, по крайней мѣрѣ, увидитъ ея лицо.

Товарищъ отца замѣтилъ его въ эту минуту и позвалъ, протягивая ему полный стаканъ пива. Но Юстъ покачалъ головой и вернулся на опушку лѣса, гдѣ притаился между экипажами, откуда ему видно было то мѣсто за столомъ, гдѣ она сидѣла. Тутъ онъ присѣлъ на древесный пень и глядѣлъ на сцену, озаряемую цвѣтными фонарями, лампами на столѣ и полной луной, вышедшей изъ лѣсу и ярко свѣтившей. Слезы отуманивали его глаза, но онъ поспѣшно, а наконецъ и сердито смигивалъ ихъ. Три недѣли ждалъ онъ ее, и со вчерашняго вечера, когда отецъ принесъ извѣстіе, что господа пріѣдутъ сегодня, онъ не могъ уснуть... И вотъ она здѣсь... Но только не для него! А для другихъ, для новаго общества, къ которому она теперь принадлежитъ и для котораго бѣдный сынъ лѣсничаго не существуетъ. Онъ закрылъ руками лицо и съ удовольствіемъ заткнулъ бы и уши, чтобы не видѣть и не слышать.

Его окликнули, и онъ поднялъ глаза. Передъ нимъ стояли двѣ дамы: одна—взрослая, съ продолговатымъ, пріятнымъ лицомъ, другая—почти такого же роста, какъ и первая, но въ платьѣ короткомъ, а не длинномъ, какъ на взрослыхъ дѣвицахъ. У нея были очень темные волосы и большіе голубые, серьезные глаза. Юстъ никогда не видѣлъ графини Сивиллы, но онъ тотчасъ догадался, что это она. Изабелла такъ часто ему ее описывала, увѣряя, что она просто дурна собой. Юстъ этого не нашелъ; въ особенности когда графиня привѣтливо улыбнулась ему большими, серьезными глазами и проговорила тихимъ, робкимъ и низкимъ голосомъ:

— Вы очень хорошо съиграли на валторнѣ; я хочу васъ поблагодарить за это. И мама также про васъ спрашивала. Не хотите ли сѣсть съ нами за столъ? Изабелла такъ много мнѣ про васъ разсказывала.

И тутъ она протянула ему руку, которая казалась вдвое больше, чѣмъ дѣтскія ручки Изабеллы, но была мягка и тепла, пожимая его холодную руку. Гувернантка тоже сказала нѣсколько словъ, но Юстъ ее не понялъ, такъ какъ она говорила по-англійски; она заговорила по-нѣмецки, но онъ и тутъ ее не понялъ. Графиня засмѣялась—на этотъ разъ не одними глазами, а всѣмъ блѣднымъ лицомъ, но только на одинъ мигъ—и сказала, что миссъ Броунъ проситъ его также сѣсть за ихъ столъ. И вотъ

онъ пошелъ за ними, съ валторной въ одной рукѣ, а въ другой держа фуражку, которую не рѣшался больше надѣть на голову.

Когда они подходили къ тому концу стола, гдѣ сидѣла молодежь, стройный мальчикъ, помѣщавшійся около Изабеллы, вскочилъ съ мѣста и побѣжалъ имъ на встрѣчу. Онъ былъ на полъ-головы выше Юста, хотя всего лишь на какой-нибудь годъ старше его; Юстъ зналъ, что это молодой графъ Арманъ; онъ уже раньше видалъ его, хотя никогда такъ близко, какъ теперь. Изабелла всегда восхищалась его красотой; онъ же не нашелъ его красивымъ, но ему некогда было объ этомъ думать. Молодой графъ не подалъ ему руки, но тотчасъ же завладѣлъ валторной, и извлекъ изъ нея нѣсколько отвратительныхъ звуковъ. При этомъ и двое другихъ мальчиковъ, сидѣвшихъ за столомъ, повскакали съ мѣстъ, а за ними выскочилъ и господинъ съ золотыми очками на длинномъ, остромъ носу. И всѣ бросились догонять молодого графа, который ловко увертывался отъ нихъ, извлекая повременамъ отчаянные звуки изъ инструмента.

— Вотъ я привела къ тебѣ друга, Изабелла,—сказала графиня Сивилла, дотрогиваясь до плеча Изабеллы.

— Ахъ, это ты! ну, хорошо; ты недурно игралъ, только разъ взялъ *фа* вмѣсто *фисъ*.

Она повернулась, не вставая съ мѣста, и протянула руку вскользь. И тотчасъ же отвернулась къ сосѣду съ правой стороны: молодому человѣку съ бѣлокурыми усами, ревностно и почтительно бесѣдовавшему съ маленькой красавицей, точно она была взрослая, знатная дама.

Мальчики съ учителемъ тоже вернулись; бѣдный учитель утомился, но сладко улыбался; мальчики шумѣли, дурачились. Графъ Арманъ предложилъ Юсту стаканъ вина, не безъ привѣтливости, но съ такой миной, которая не понравилась Юсту, хотя онъ и самъ бы не могъ сказать—почему. Всѣ вообще были ласковы съ нимъ и всѣхъ больше графиня Сивилла, хотя по ея тихому, серьезному, блѣдному лицу этого и не было замѣтно. Она усадила его около себя и разспрашивала про мать,—о ней такъ хорошо отзывается жена главнаго лѣсничаго,—про его ученіе у патера Щончаллы, и про то, правду ли ей сказала Изабелла, что онъ пишетъ сказки и сочиняетъ стихи къ лунѣ, къ лѣсу, и одно—обращенное къ Изабеллѣ? Она должна признаться, что послѣднее ей извѣстно, такъ какъ Изабелла ей его пересказала, и оно ей очень понравилось. Ей самой иногда хотѣлось бы написать стихи, но это, вѣрно, очень трудно; она ни одного еще не съумѣла написать. Миссъ Броунъ не можетъ ей въ этомъ по-

ночь; mademoiselle Маргô, француженка-гувернантка,—тоже. Да она и не хочетъ чужой помощи... развѣ только Изабелла; Изабелла такъ умна, гораздо, гораздо умнѣе ея, и она ее любитъ какъ сестру.

Такъ говорила и разспрашивала молодая графиня низкимъ, мягкимъ, тихимъ голосомъ, и Юстъ отвѣчалъ, самъ не сознавая, чтô говоритъ. Его величайшее желаніе увидѣть Изабеллу было исполнено; она сидѣла какъ разъ напротивъ его, но ни разу даже не взглянула на него. Зато большіе темные глаза ея свѣтились веселостью и лукавствомъ, въ то время, какъ она дразнила своего сосѣда, молодого человѣка съ бѣлокурой бородкой. И только разъ, какъ показалось Юсту, она смутилась немного, когда молодой человѣкъ скользнулъ по немъ взглядомъ, наклонился къ Изабеллѣ и что-то ей прошепталъ. Но уже въ слѣдующую минуту она снова весело хохотала. Юсту хотѣлось одного только: уйти отсюда дальше въ темную ночь, въ чащу лѣса, гдѣ ни одинъ человѣкъ не увидитъ, какъ онъ бросится на землю и будетъ рыдать. При этомъ у него голова кружилась — отъ вина, думалось ему, которое его заставили выпить, и отъ того, что онъ со вчерашняго вечера почти ничего не ѣлъ. Онъ не слышалъ больше того, чтô ему говорила графиня; до него долеталъ только какой-то смутный гулъ, стоявшій вокругъ него; передъ глазами все кружилось, и онъ самъ не зналъ, какимъ образомъ внезапно очутился передъ графомъ въ кругу господъ и дамъ; одни изъ нихъ съ любопытствомъ на него глядѣли, а другіе продолжали оживленно болтать за столомъ. Около себя онъ увидѣлъ отца, и это заставило его опомниться. Онъ такъ привыкъ быть на-сторожѣ въ присутствіи отца.

— Онъ хорошо выполнилъ свое дѣло, не правда ли?—обратился графъ къ женѣ, глядѣвшей на него въ лорнетъ на длинной золотой ручкѣ, точно онъ былъ заморскій звѣрь.

Графиня сказала что-то, чего Юстъ не разобралъ.

— Это твой учитель?—спросилъ графъ.

— Мой отецъ,—отвѣчалъ Юстъ.

— Ахъ, Арнольдъ!—обратился къ нему графъ.—Ну, за это вамъ можно многое простить; но все-таки вы не должны на это слишкомъ разсчитывать и быть небрежнымъ.

— Графъ...

— Я не желаю здѣсь никакихъ объясненій.

Юстъ съ испугомъ взглянулъ на обоихъ высокихъ мужчинъ, стоявшихъ такъ близко одинъ отъ другого, и съ облегченіемъ вздохнулъ, когда отецъ отдалъ честь по военному и отошелъ на

полъ-шага, ничего не отвѣтивъ. Графъ обратился снова къ Юсту и сказалъ:

— Ты былъ усерденъ. Вотъ возьми себѣ.

И протянулъ ему золотой. Юстъ взглянулъ на отца.

— Ну, бери же!—нетерпѣливо прибавилъ графъ.

Арнольдъ, вмѣсто того, чтобы отойти дальше, какъ хотѣлъ, снова вернулся назадъ и теперь стоялъ такъ близко около графа, что почти прикасался къ нему.

— Графъ,—проговорилъ онъ сквозь зубы:—такъ обращаются съ нищими, лакеями, но не...

— Вы пьяны!—перебилъ его графъ, опуская золотой обратно въ карманъ жилета, и, предложивъ руку графинѣ, громко закричалъ гостямъ:

— Милостивые государыни и государи, пора! avant! avant!

Арнольдъ стоялъ, тяжело дыша и сжавъ кулаки. Очевидно, только необыкновенное хладнокровіе графа спасло его отъ личнаго оскорбленія, можетъ быть насилія, во всякомъ случаѣ отъ непріятной сцены.

Старикъ оберъ-лѣсничій, съ длинной сѣдой бородой, подошелъ къ своему подчиненному:

— Ступайте домой, Арнольдъ,—сказалъ онъ,—и проспитесь! Завтра утромъ, въ девять часовъ, приходите ко мнѣ въ контору! Мы поговоримъ.

Арнольдъ смѣрилъ старика бѣшенымъ взглядомъ, но ни слова не отвѣчая, и, повернувшись на каблукахъ, бросился въ лѣсъ.

Юстъ поспѣшилъ за нимъ.

VII.

Онъ и не оглянулся назадъ. Можетъ быть, графиня Сивилла и Изабелла присутствовали при сценѣ; кругомъ тѣснилось столько народа, а онъ только глядѣлъ на отца и на графа. Но теперь ему все равно; теперь онъ думалъ только объ отцѣ; онъ навѣрное потеряетъ мѣсто, и что̀ тогда будетъ съ матерью? При этомъ внутри его звучалъ голосъ: „Отецъ не могъ иначе поступить; онъ не могъ принять денегъ; я игралъ не для денегъ, а для Изабеллы. Если и она теперь стала знатной госпожей и не хочетъ меня знать... отецъ правъ; мы не нищіе“...

Хорошо было, что Юстъ такъ отлично зналъ дорогу изъ лѣсу до дому: иначе онъ разошелся бы съ отцомъ тотчасъ же, какъ тотъ свернулъ съ проторенной дороги въ чащу. Но теперь онъ

слѣдовалъ за нимъ по пятамъ. Арнольдъ услышалъ шорохъ и оглянулся:

— Это ты?—грубо сказалъ онъ, не умѣряя шага.

— Да, отецъ.

— Что̀ тебѣ нужно?

— Поблагодарить тебя.

— За что?

— За то, что ты не взялъ денегъ.

— А!

Арнольдъ остановился и при свѣтѣ луны, ярко свѣтившей въ этомъ мѣстѣ сквозь деревья, бросилъ пытливый и удивленный взглядъ на блѣдное лицо мальчика съ дико сверкавшими голубыми глазами. Затѣмъ молча продолжалъ путь, медленно и сторонясь, чтобы очистить мѣсто Юсту на узенькой тропинкѣ рядомъ съ собой. Его гордый духъ былъ тронутъ. Мальчикъ, нѣженка, маменькинъ сынокъ, вѣчно избѣгавшій его, теперь его совсѣмъ не боялся; совсѣмъ не собирался бѣжать къ матери жаловаться, что отецъ не взялъ золотого; нѣтъ! онъ побѣжалъ за нимъ, чтобы его поблагодарить! Но если такъ, то онъ, значитъ, ошибался въ сынѣ! и былъ къ нему жестоко несправедливъ! И мальчикъ, способный оцѣнить его поступокъ, совсѣмъ уже больше не мальчикъ въ сущности; онъ уже полу-мужчина, и съ нимъ совсѣмъ иной долженъ быть разговоръ; на него можно скорѣе положиться, чѣмъ на собутыльниковъ въ трактирѣ, негодяевъ высшей пробы.

Въ настроеніи сына тѣмъ временемъ тоже произошла большая перемѣна. Хотя онъ и не любилъ отца, но восхищался имъ за его величавый видъ и красоту, и за то, что онъ все умѣлъ дѣлать, за что ни брался: оленей бить и на фортепіано играть— все рѣшительно, точно то, за что онъ брался, было какъ-разъ его спеціальностью. Но теперь вдругъ — впервые въ жизни — когда онъ вступился за него, не помышляя о томъ, что можетъ лишиться мѣста, онъ открылъ въ тиранѣ отца, который его любилъ и котораго онъ готовъ былъ полюбить отъ всего сердца. Но онъ такъ же не умѣлъ высказывать своихъ ощущеній, какъ и отецъ, а потому они и шли рядомъ молча. Вдругъ отецъ сказалъ:

— Мы сегодня вечеромъ не будемъ тревожить маму, Юстъ. Понимаешь?

— Да, папа.

— Она завтра утромъ успѣетъ узнать, если оберъ-лѣсничій откажетъ мнѣ.

Юстъ не сомнѣвался, что такъ будетъ. Онъ зналъ, какъ косо

смотрѣло на отца начальство, и замѣтилъ гнѣвный взглядъ изъ-подъ густыхъ бровей, брошенный на отца графомъ, когда онъ опускалъ золотой обратно въ карманъ. Графъ былъ жесткій человѣкъ; его не умилостивишь. Да и кто замолвитъ словечко за отца? Внезапная мысль блеснула у него въ головѣ: Изабелла! кто могъ ей противостоять, когда она глядѣла большими умоляющими глазами? Но послѣ сегодняшняго вечера! Она ясно показала ему, что не хочетъ его знать. Нѣтъ, съ этой стороны нечего ждать помощи.

— Отецъ,—проговорилъ онъ.

— Что?

— Графъ...

— Ну?

— Онъ напрасно вздумалъ предлагать мнѣ деньги, и я бы, конечно, ихъ не взялъ, если бы даже тебя тутъ и не было. Но онъ не хотѣлъ обидѣть. И ты тоже не хотѣлъ оскорбить его, когда сказалъ, что мы не нищіе... Еслибы ты...

— Ну?

— Бѣдная мама! мнѣ ее ужасно жаль.

Онъ готовъ былъ расплакаться; но мужественно подавилъ слезы и продолжалъ:

— Она и такъ все мучится и страдаетъ за насъ... что ты долженъ жить здѣсь, гдѣ тебѣ такъ не нравится, а мнѣ давно уже пора въ школу. И если должны будемъ теперь уѣхать отсюда...

— Это такъ же вѣрно, какъ аминь за обѣдней,—пробормоталъ лѣсничій.

— Оберъ-лѣсничій...

— Онъ палецъ о палецъ не ударитъ ради меня.

— А добрый патеръ?

— Послушаются они его, какъ же!

— Но если...

— Ну?

— Если ты самъ...

Дикій хохотъ разнесся по лѣсу и не далъ договорить испуганному мальчику. Отецъ остановился.

— Если я самъ, если я самъ! — закричалъ онъ бѣшенымъ тономъ.—Если я самъ... что? пойду и переломаю ему всѣ кости? Ты это хочешь сказать? О, да, съ величайшимъ удовольствіемъ! Но просить его о помилованіи? Я—его—просить! Кто онъ такой? Еще и ста лѣтъ нѣтъ, какъ его предки были какіе-то дровяные торговцы... полячишки... жиды... кто ихъ знаетъ... піявки, крово-

пійцы, мошенники! Они и теперь такіе же... точно такіе... только-что съ графской короной въ гербѣ, добытой плутовствомъ,—жалкіе, дрянные людишки! Передъ ними я стану кланяться? Ихъ упрашивать? я? Да знаешь ли ты, что я получше, чѣмъ всѣ эти людишки, и въ жилахъ моихъ нѣтъ грязной жидовской крови?.. Знаешь ли ты это? Черти и дьяволы!

Онъ схватилъ Юста за плечи и такъ потрясъ его, что у того вывалилась валторна изъ рукъ. Разъяренный человѣкъ наступилъ на нее ногой, затѣмъ поднялъ съ земли и раздавилъ о древесный стволъ.

Припадокъ ярости прошелъ такъ же внезапно, какъ и пришелъ.

— Брось! — сказалъ онъ, пытаясь засмѣяться. — Валторна сломана, и мнѣ жаль, что я тебя мучилъ надъ ней. Пойдемъ! Мама, я думаю, уже удивляется, что насъ такъ долго нѣтъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ снова заговорилъ:

— Да, они меня прогонятъ; но вы... то-есть, мама и ты, отъ того не пострадаете. Я найду себѣ что-нибудь другое, а ты отправишься въ школу... Совершенно вѣрно, что давно пора, потому что у патера... ну, да, конечно, онъ добрый малый, но учиться тебѣ у него больше нѣчему, и мнѣ уже раньше слѣдовало объ этомъ подумать и не предоставлять этого дѣла мамѣ. Ого! я тоже былъ въ гимназіи! а ты долженъ потомъ и въ университетъ! Клянусь Богомъ, ты будешь въ университетѣ, хотя бы мнѣ пришлось украсть деньги! Да это было бы и не грѣшно. Здѣсь всѣ воруютъ, и пуще всѣхъ—самъ графъ! Онъ—крупный воръ, за нимъ шествуютъ мелкіе воришки: оберъ-директоръ и директора копей, и директора фабрикъ, а за ними инспектора и оберштейгеры, и веркмейстеры, и...

Онъ умолкъ и прислушался. Юстъ тоже услышалъ шорохъ и трескъ въ чащѣ лѣса направо. Вотъ онъ ближе, ближе—и большой олень перебѣжалъ имъ дорогу и исчезъ въ высокихъ деревьяхъ по ту сторону. Они слышали въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ стукъ его быстрыхъ ногъ, и затѣмъ все стихло. Юстъ хотѣлъ идти дальше. Но отецъ остановилъ его за руку, шепнувъ:

— Онъ спасался бѣгствомъ... Въ лѣсу должны быть люди... я ихъ уже слышу.

Онъ оттащилъ Юста за толстый стволъ ели, гдѣ царствовала тьма, между тѣмъ какъ дорога, съ которой они сошли, была залита яркимъ луннымъ свѣтомъ. Снова послышался трескъ и шорохъ въ томъ направленіи, откуда выбѣжалъ олень, но не та-

кой громкій и рѣзкій, какъ при бѣгѣ большого звѣря, а осторожный, чуть слышный, какъ отъ шаговъ крадущихся людей. Вотъ они добрались до края дороги. Первый обогнулъ кусты и, выставивъ голову, оглядѣлъ дорогу. Затѣмъ выступилъ на нее, коротко окликнувъ другихъ, и прошелъ по дорогѣ въ лѣсъ. Остальные послѣдовали за нимъ съ короткими промежутками: по четыре, пяти, шести человѣкъ, каждый съ тяжелой ношей на спинѣ, двигаясь равномѣрными, крупными шагами и по возможности безшумно. Они проходили такъ близко мимо ели, за которой стояли отецъ съ сыномъ, что тѣ могли слышать прерывистое дыханіе людей. Затѣмъ лѣсъ поглотилъ свою тайну. Большая сова, сидѣвшая на деревѣ, поднялась и перелетѣла черезъ освѣщенную луной дорогу. Очертанія птицы рѣзко вырѣзывались на свѣтломъ небѣ; въ когтяхъ она держала добычу: зайченка или кролика.

Юсту не надо было объяснять значенія этой сцены; онъ часто слышалъ отъ отца и другихъ лѣсничихъ и таможенныхъ чиновниковъ про контрабанду, которая ведется черезъ русскую границу. Теперь впервые въ жизни онъ увидѣлъ контрабандистовъ при дѣлѣ, и сердце его мучительно билось, не отъ страха за нихъ, но за отца. Онъ зналъ, что лѣсничимъ строго-на-строго приказано было помогать таможеннымъ чиновникамъ, и отецъ долженъ былъ, какъ лѣсничій, задержать людей, незаконно бродящихъ по лѣсу; онъ и ожидалъ, что отецъ такъ и сдѣлаетъ. Но тотъ и не двинулся съ мѣста... къ удивленію Юста... А между тѣмъ у него была заряженная винтовка на плечѣ; онъ способенъ былъ сразиться съ десяткомъ людей, еслибы захотѣлъ. Но онъ не захотѣлъ. Почему же?

Онъ не осмѣлился спросить; отецъ самъ ни слова не произносилъ, а стоялъ молча, точно приросъ къ мѣсту, и только слышно было, какъ онъ тяжело дышалъ. Во всю остальную дорогу до дому онъ только разъ прервалъ молчаніе, чтобы спросить:

— За сколько въ годъ принимаетъ тебя къ себѣ въ домъ Лёбъ?

— Не знаю, кажется...

— Ну, ладно, ладно! видѣлъ сову? и она тоже украла себѣ ужинъ. Всѣ здѣсь воруютъ... всѣ, всѣ... люди и звѣри.

Они пришли домой. Сквозь низенькія окна горницы струился свѣтъ на песчанистую дорогу. Вальдманъ, сторожевой песъ, вышелъ на порогъ къ хозяину, тихонько визжа отъ радости; Понто,

овчарка, лежавшая на тепломъ пескѣ на дворѣ, радостно кружилась вокругъ него.

Противъ обыкновенія, лѣсничій не обратилъ на нихъ вниманія; онъ прошелъ, не останавливаясь, черезъ маленькія, темныя сѣни въ горницу; Юстъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ.

Мать, стоявшая у стола, повернулась къ вошедшимъ; на ея блѣдномъ, миломъ лицѣ Юстъ увидѣлъ тревожную улыбку, съ которой она всегда встрѣчала отца. Тотъ подошелъ къ ней и, обнявъ ее, поцѣловалъ, говоря:

— Мы заставили тебя долго ждать, Луиза!

Еще никогда въ жизни не видѣлъ Юстъ, чтобы отецъ цѣловалъ мать. И потому онъ испуганно скользнулъ глазами по группѣ; но отъ него не укрылся яркій румянецъ, залившій щеки матери, и радостно засверкавшіе сквозь слезы глаза.

И такимъ видѣлъ онъ мысленно лицо матери послѣ, когда часъ спустя послѣ ужина, за которымъ отецъ совсѣмъ не пилъ вина и былъ дружелюбенъ и разговорчивъ, Юстъ вернулся въ свою комнату.

Не раздѣваясь, лежалъ онъ на кровати, въ то время, какъ лунное сіяніе заливало бѣлую стѣну надъ его письменнымъ столомъ, и перебиралъ событія дня, а въ взволнованной душѣ его носился планъ, возникшій—онъ самъ не зналъ, какимъ образомъ—въ то время, какъ отецъ цѣловалъ мать,—планъ, который онъ долженъ былъ привести въ исполненіе на другой день рано поутру, чтобы не опоздать. И онъ твердо рѣшился привести этотъ планъ въ исполненіе, хотя, сравнительно съ нимъ, планъ напасть на людоѣда въ замкѣ и проткнуть ему мечомъ жесткое сердце на освѣщенномъ луною дворѣ, казалось ему пустяками.

VIII.

Случай, повидимому, благопріятствовалъ Юсту въ исполненіи его предпріятія. Уже раннимъ утромъ одинъ изъ сослуживцевъ отца пришелъ къ нему сказать, что оберъ-лѣсничій отлучился по дѣлу и только въ двѣнадцать часовъ утра можетъ переговорить съ нимъ въ конторѣ.

Сослуживецъ успѣлъ передать свое порученіе въ то время, какъ мать была въ кухнѣ и ничего не слыхала. Отецъ тотчасъ послѣ того ушелъ съ нимъ въ лѣсъ—и тайна пока сохранена.

Юстъ, подъ предлогомъ, что ему надо идти къ патеру на урокъ, простился съ матерью, побывалъ въ пасторатѣ, убѣдился,

что его преподобіе крѣпко еще спитъ—дѣло было въ понедѣльникъ,—и послѣ того поспѣшно двинулся въ путь.

Онъ шелъ въ зáмокъ черезъ лѣсъ. Лѣсъ сіялъ въ первыхъ лучахъ прекраснаго солнечнаго утра, но сегодня мальчикъ не обращалъ вниманія на его красоту. Дорога вела черезъ то мѣсто, гдѣ рубились молодыя ели для фабрикъ. Работа была въ полномъ ходу; лѣсъ гудѣлъ отъ ударовъ топора, визжанія пилы и грохота телѣгъ. На широкой полянѣ высилась фабричная труба, испускавшая сегодня густые клубы дыма въ небо. Юстъ вчера вечеромъ снова вспомнилъ про свою сказку, а сегодня ему пришло въ голову, что совсѣмъ невпопадъ выходитъ то, что людоѣдъ еще не пожралъ лѣсъ, между тѣмъ какъ фея уже у него въ зáмкѣ. Но сегодня ему некогда было углубляться въ сказочныя грёзы, и онъ уже дошелъ до опушки лѣса, откуда открывался передъ нимъ позади парка, между деревьями и кустами, зáмокъ.

Онъ былъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ двѣ недѣли тому назадъ дожидался появленія Изабеллы. И сегодня ни души не было видно вокругъ; сами олени и зайцы не показывались въ этотъ часъ, потому что солнце стояло уже высоко. Длинныя, извилистыя дорожки парка сверкали подъ лучами солнца; боскеты и группы высокихъ деревьевъ бросали синеватыя тѣни на лужайки, поросшія цвѣтами, надъ которыми въ тепломъ воздухѣ кружились безчисленныя бабочки. Налѣво, гдѣ паркъ окончательно разступался, по ту сторону необозримаго болота шла цѣпь низкихъ голубыхъ холмовъ, а изъ-за нихъ выглядывали колокольни церквей. Но тамъ уже была Россія. Границей служилъ ручей, извивавшійся черезъ болото; зоркіе глаза мальчика различали штыки солдатъ, расхаживавшихъ взадъ и впередъ на часахъ, и при особенно благопріятномъ освѣщеніи можно было даже разглядѣть фигуры самихъ людей въ бѣлыхъ кителяхъ.

Грозная сцена вчера ночью въ лѣсу, когда мимо него пробирались контрабандисты, снова припомнилась ему. Онъ даже узналъ одного изъ нихъ, крестьянина сосѣдней деревни, по имени Скапчикъ; отецъ, конечно, узналъ многихъ другихъ. Выдастъ ли онъ ихъ? Конечно нѣтъ, послѣ того какъ пропустилъ ихъ мимо себя. Но если онъ ихъ не выдастъ, то не значитъ ли это, что онъ за-одно съ ними? Или онъ это сдѣлалъ вчера въ гнѣвѣ и потому что зналъ, что ему откажутъ отъ мѣста? Только бы онъ не узналъ, кто за него просилъ графа! Но, можетъ быть, графъ не послушаетъ его, или даже его не пропустятъ дальше воротъ, а завтра будетъ уже поздно.

Онъ остановился на минутку на опушкѣ лѣса—перевести духъ

послѣ скорой ходьбы. Онъ столько успѣлъ передумать за это время, что ему казалось, будто прошелъ цѣлый часъ. Но солнце все еще стояло на томъ же мѣстѣ и тѣни деревъ не стали короче. Часовъ, съ которыми онъ могъ бы справиться, у него не было; но онъ полагалъ, что должно быть десять часовъ, а онъ какъ-то случайно слышалъ отъ Изабеллы, что графъ въ этотъ часъ принимаетъ своихъ служащихъ.

Сначала онъ хотѣлъ изъ боскета въ боскетъ пробраться черезъ паркъ до зáмка; но можетъ быть запрещено ходить по травѣ, а онъ не хотѣлъ провиниться. А потому пошелъ по широкой, накатанной дорогѣ, гдѣ виднѣлись колеи отъ экипажей и слѣды лошадиныхъ копытъ. Никого не встрѣчалось ему на длинномъ пути, а между тѣмъ онъ охотно спросилъ бы совѣта, какъ ему добраться, чтобы его пустили въ зáмокъ.

Но вотъ онъ дошелъ до высокихъ желѣзныхъ воротъ и глядѣлъ сквозь рѣшетку съ позлащенными стрѣлками, увитую дикой виноградной лозой и другими вьющимися растеніями, во дворъ. Передъ нимъ высился зáмокъ, а направо и налѣво тянулись флигеля до самыхъ желѣзныхъ столбовъ. По срединѣ большой, круглой, поросшей дерномъ и украшенной клумбами цвѣтовъ лужайки, посажены были широколиственныя растенія густой стѣной, и надъ ними била высоко въ воздухѣ толстая струя фонтана и вода сбѣгала въ бассейнъ, края котораго выглядывали тамъ и самъ изъ-подъ растеній. Вокругъ лужайки шла широкая проѣзжая дорога. Зáмокъ и все вокругъ него было залито яркимъ солнечнымъ свѣтомъ; лишь съ правой стороны боковой флигель бросалъ узкую полосу тѣни на дворъ.

Юстъ успѣлъ хорошо осмотрѣть все это великолѣпіе; привратникъ увидѣлъ его изъ окна своего увитаго плющемъ домика, но не торопился отпирать мальчику ворота. Юстъ окликнулъ его вторично и, наконецъ, рѣшился окликнуть въ третій разъ. Привратникъ отперъ окно и закричалъ:

— Къ кому тебѣ?

— Къ господину графу.

— Тебѣ приказано явиться?

— Нѣтъ.

— Ну такъ нечего и соваться.

И съ этимъ заперъ окно.

Печальный стоялъ мальчикъ. Чтò ему теперь дѣлать? Зачѣмъ онъ не отвѣтилъ: да!—на вопросъ: приказано ли ему явиться? Но лгать ему всегда казалось самымъ презрѣннымъ дѣломъ въ мірѣ, хотя Изабелла и увѣряла, что вовсе не слѣдуетъ гоняться за

правдой, что такъ поступаютъ только глупые люди. Тогда изъ любви къ ней онъ измѣнилъ свой принципъ: мальчики не могутъ лгать, а дѣвочки могутъ.

Вдругъ привратникъ выбѣжалъ изъ домика и поспѣшно растворилъ ворота на обѣ половинки. Что онъ сдѣлалъ это не для него—Юстъ могъ сообразить. А потому онъ оглянулся, такъ какъ дворъ зàмка былъ пустъ по прежнему; онъ увидѣлъ, какъ по большой аллеѣ быстро катилась открытая коляска и въ ней сидѣли дамы. Въ слѣдующій мигъ онъ спрятался въ боскетѣ, упиравшемся однимъ концомъ въ ворота, и какъ разъ въ этотъ моментъ мимо него проѣхала въ ворота, немедленно захлопнувшіяся за нею, коляска, гдѣ сидѣли графиня Сивилла, англичанка-гувернантка, а на передней скамейкѣ, напротивъ нихъ, Изабелла. Дамы, конечно, его не замѣтили, а привратнику дѣла не было до мальчика, поспѣшно скрывшагося.

Юстъ глубоко вздохнулъ. Онъ очень глупо поступилъ: попросить добрую графиню замолвить за него словечко отцу было бы ему не трудно. Но сдѣлать это въ присутствіи Изабеллы, не хотѣвшей его больше знать! нѣтъ! это было невозможно! Ему было бы до смерти стыдно. Онъ напрасно пришелъ сюда: ничего изъ этого не выйдетъ.

Онъ хотѣлъ выйти по узенькой тропинкѣ изъ боскета на широкую аллею. Но тропинка тянулась, и Юстъ очень удивился, когда, выйдя, наконецъ, изъ боскета, становившагося все гуще, очутился не на аллеѣ, а въ саду около большого пруда, съ выложенными камнемъ краями, на которомъ плавало нѣсколько черныхъ лебедей. Отъ пруда вели двѣ узкихъ лѣстницы съ низкими ступеньками на террасу; другая, болѣе широкая лѣстница вела дальше къ зàмку. На рѣшеткѣ, окружавшей террасу, большія корзины съ пестрыми цвѣтами чередовались съ бѣлыми статуями; сфинксы лежали по бокамъ лѣстницы, внизу около пруда, гдѣ у подошвы лѣстницы привязаны были двѣ пестро раскрашенныхъ лодки, высоко вздымалась бѣлая мачта съ привязаннымъ на верху краснымъ шолковымъ флагомъ, лѣниво раскачиваемымъ утреннимъ вѣтеркомъ. Все было залито яркимъ солнцемъ, и общая картина была такъ великолѣпна, какъ онъ только могъ мечтать; его жаждавшая красоты душа радостно трепетала, и на минуту онъ даже совсѣмъ позабылъ, какъ и зачѣмъ онъ сюда пришелъ. Но вдругъ вспомнилъ, хотѣлъ вернуться въ боскетъ, изъ котораго вышелъ и уже повернулся, чтобы туда идти, какъ съ узкой дорожки до него донеслись женскіе или, какъ ему показалось, дѣвическіе голоса; да, ему казалось даже, что онъ слы-

шитъ смѣхъ Изабеллы, хотя и непонятно, какимъ образомъ она, только-что проѣхавшая мимо него во дворъ зáмка, идетъ теперь къ нему на встрѣчу изъ боскета. Страхъ съ нею встрѣтиться превозмогъ всѣ другія соображенія. Дорога, на которой онъ стоялъ, вела, повидимому, налѣво мимо бассейна и мимо передняго фасада зáмка обратно въ паркъ, и разстояніе, которое ему приходилось пройти, казалось не очень велико. Онъ рѣшился выбрать эту дорогу. Да ему и не было иного выхода: голоса изъ боскета приближались.

Но едва успѣлъ онъ пройти сотню шаговъ, какъ остановился на этотъ разъ въ дѣйствительномъ ужасѣ. Передъ собой налѣво, упираясь въ боскетъ, увидѣлъ онъ напротивъ лѣстницы, которая вела внизъ съ террасы и отдѣлена была отъ этой послѣдней только широкой дорогой, большой шатеръ или нѣчто въ этомъ родѣ: надъ эстрадой, возвышавшейся на двѣ ступеньки надъ землей, раскидывалась кровля, поддерживаемая тонкими столбами; сзади, по направленію къ боскету, свѣшивались съ боковъ ковры, а спереди и съ боковъ она была открыта. На эстрадѣ стояли стулья, диваны, столики. За большимъ, покрытымъ бумагами и документами, столомъ сидѣлъ самъ графъ въ креслахъ, а передъ нимъ, на плетеномъ стулѣ—оберъ-директоръ и говорилъ что-то графу, перебирая бумаги, лежавшія передъ нимъ. Изъ дальняго уголка шатра лакей только-что принялъ подносъ со стола и уходилъ съ нимъ въ зáмокъ. Лакей не видѣлъ Юста, и также графъ, сидѣвшій къ нему спиной; оберъ-директоръ тоже не замѣтилъ его, потому что не отводилъ глазъ отъ бумагъ. Что ему дѣлать? Если идти дальше, онъ неизбѣжно пройдетъ мимо шатра; если повернетъ назадъ, то подвергнется еще бóльшей опасности: встрѣчѣ съ Изабеллой. Но что же тогда дѣлать? И зачѣмъ онъ сюда пришелъ? вѣдь вотъ графъ, котораго онъ хотѣлъ видѣть. Директоръ не вѣчно же будетъ съ нимъ, и если даже графъ вмѣстѣ съ нимъ выйдетъ изъ шатра, то ему стоитъ только подойти къ нему на дорогѣ и изложить свою просьбу.

И вотъ онъ остался на мѣстѣ—посреди дороги и такъ близко отъ шатра, что слышалъ даже отчетливо нѣкоторыя изъ словъ директора. Къ счастію для него, господинъ этотъ почти окончилъ свой докладъ. Онъ сложилъ бумаги и всталъ, захвативъ круглую шляпу, лежавшую около него на стулѣ. Теперь, когда онъ говорилъ уже не уткнувшись въ бумаги, Юстъ слышалъ каждое слово:

— Послѣдніе годы были для насъ очень благопріятны, графъ, но такъ не можетъ быть вѣчно. Мы должны также справиться съ неблагопріятными условіями, которыя я предвижу, и въ

виду которыхъ намъ нужны надежные, искусные работники. Повторяю, графъ, это уже теперь должно быть нашей задачей, и для рѣшенія этой задачи существуетъ только одно средство—то, которое я позволилъ себѣ предложить. Я не теряю надежды, графъ, что вы примете рѣшеніе въ этомъ направленіи.

Директоръ поклонился и тяжелой поступью—онъ былъ широкоплечій, плотный человѣкъ, въ высокихъ сапогахъ со шпорами—перешелъ по эстрадѣ на другую сторону и скрылся въ кустахъ. Поглощенный своими мыслями, онъ не замѣтилъ Юста. Графъ, отвѣтившій кивкомъ головы на поклонъ директора, остался въ креслахъ и подперъ лобъ рукой. Теперь наступила благопріятная минута для Юста. Онъ подошелъ къ эстрадѣ, поднялся по ступенькамъ и остановился напротивъ графа, почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ директоръ. Графъ не слыхалъ его шаговъ или, быть можетъ, думалъ, что это слуга, пришедшій съ докладомъ; онъ не поднялъ головы. Юстъ былъ въ жестокомъ смущеніи; наконецъ тихонько проговорилъ:

— Господинъ графъ...

Графъ поднялъ голову съ мрачнымъ лицомъ и какъ будто старался припомнить, уставясь сѣрыми глазами изъ-подъ нависшихъ бровей на незванаго гостя, гдѣ и когда онъ его видѣлъ.

— Ага!—сказалъ онъ.—Ты пришелъ за деньгами?

— Нѣтъ, господинъ графъ.

— Чего же ты хочешь?

У Юста сердце билось въ груди такъ, точно хотѣло выскочить; но отступать было поздно.

— Я хотѣлъ просить не прогонять моего отца.

— Такъ! Но почему же твой отецъ самъ не пришелъ?

— Онъ сознаетъ, что неправъ.

— Тѣмъ больше причинъ для него лично извиниться.

— Это очень трудно...

Графъ откинулся въ креслахъ: въ глазахъ его выразилось какъ бы удивленіе. Этотъ сынъ лѣсничаго, пятнадцати-, самое большее шестнадцати-лѣтній мальчикъ, въ платьѣ, сшитомъ плохимъ деревенскимъ портнымъ, осмѣлился явиться къ нему и заговорилъ съ нимъ изысканными выраженіями, точно вычитанными изъ книгъ!

— Ну, такъ прислалъ бы ко мнѣ твою мать; или, можетъ быть, у тебя нѣтъ матери?

— Нѣтъ, есть..

— Она послала тебя?

— Нѣтъ, она не знаетъ, что я сюда пошелъ, и отецъ также; я пришелъ самъ по себѣ!

— Вы, кажется, курьёзная семья!—замѣтилъ графъ.

У него было смутное представленіе, что онъ—очевидецъ такого нравственнаго поступка, который заслуживаетъ уваженія, и въ головѣ его мелькнула мысль: его родной сынъ, пожалуй, былъ бы на это неспособенъ. И затѣмъ ему вспомнились разсказы дамъ о томъ, что хорошенькая Изабелла училась вмѣстѣ съ сыномъ лѣсничаго у патера Щончаллы. Этимъ, конечно, объяснялось умное выраженіе лица мальчика и его приличный языкъ. Это открытіе придало новое направленіе мыслямъ графа. Не дать ли сыну въ товарищи игръ и соученики этого мальчика, подобно тому какъ для дочери пригласили Изабеллу? Графиня такъ хвалилась своимъ пріобрѣтеніемъ; хорошо было бы перещеголять ее въ этомъ направленіи. При томъ же она постоянно упрекала его за то, что онъ не заботится объ Арманѣ. Вотъ хорошій случай убѣдить ее въ противномъ.

— Какъ тебѣ здѣсь нравится?—спросилъ онъ съ чѣмъ-то въ родѣ улыбки на лицѣ и съ неопредѣленнымъ жестомъ по направленію къ террасѣ и зáмку.

— Здѣсь очень хорошо,—отвѣчалъ Юстъ.

— Значитъ, я могу вывести изъ этого, что ты съ удовольствіемъ бы здѣсь остался?

Юстъ ничего не отвѣчалъ; онъ не понималъ, чтò хочетъ сказать этимъ графъ.

— Я хочу сказать, — продолжалъ графъ,—что вѣроятно ты охотно остался бы компаньономъ моего сына, подобно тому, какъ твоя пріятельница Изабелла—компаньонка графини. Ну, вотъ я призову твоего отца и поговорю съ нимъ.

Онъ далъ знакъ рукой Юсту, что отпускаетъ его. Мальчикъ стоялъ въ страшномъ смущеніи. Онъ зналъ, что отецъ въ своей гордости никогда не согласится на такое предложеніе. Вѣдь онъ высказалъ это по поводу переселенія Изабеллы въ зáмокъ: „У этихъ поляковъ нѣтъ никакой чести въ душѣ. Лучше умереть, нежели чистить сапоги господамъ“.

И со вчерашняго вечера Юстъ думалъ какъ отецъ. Чтò онъ выстрадалъ, сидя за столомъ напротивъ Изабеллы, не удостоившей его и взглядомъ, онъ еще болѣзненно помнилъ. Нѣтъ. Это невозможно.

— Прошу васъ, умоляю, господинъ графъ,—началъ онъ, задыхаясь:—не дѣлайте этого! Я долженъ отправиться въ школу къ Михаэлису, и очень этому радъ. Все уже порѣшено и...

и... я очень благодарю васъ, господинъ графъ, за вашу доброту, отъ всего сердца; но...

Графъ не вѣрилъ ушамъ своимъ. Вотъ новое доказательство дерзости и самонадѣянности этихъ людей, изъ-за которыхъ директоръ хочетъ ухлопать полъ-милліона денегъ на постройку домовъ, гдѣ они могли бы жить по-человѣчески! Забавно!—это для того, чтобы они стали еще нахальнѣе и безстыднѣе... какъ вчера отецъ этого мальчишки, и какъ теперь самъ мальчишка!

— Какъ хочешь, — отвѣчалъ онъ спокойно.—Ты, кажется, отлично знаешь, чтò тебѣ дѣлать и какъ тебѣ поступать. Теперь ступай.

Онъ вынулъ изъ ящика, стоявшаго около него, папироску, закурилъ ее и повторилъ, думая, что мальчикъ его не понялъ:

— Говорю тебѣ: ступай домой.

— Чтò будетъ съ отцомъ?—спросилъ Юстъ.

— Это дѣло оберъ-лѣсничаго.

— Онъ его прогонитъ.

— Весьма возможно.

— Это убьетъ мою мать.

Графъ хотѣлъ сказать:—весьма возможно!—но удержался, сообразивъ, что это будетъ грубость.

— Повторяю, что это меня не касается, и въ послѣдній разъ говорю тебѣ: пошелъ вонъ!

Онъ взялся за бумаги, лежавшія передъ нимъ, но только для вида, такъ какъ сейчасъ же ихъ оставилъ и закричалъ сердито несносному мальчику, не трогавшемуся съ мѣста:—Ну!

Юстъ взглянулъ на жесткіе, съ злымъ, угрожающимъ выраженіемъ устремленные на него глаза. Да, это былъ людоѣдъ его сказки! а онъ—не принцъ, мечомъ прокалывающій черное сердце, но бѣдный мальчикъ, котораго выгоняли изъ зàмка! Тихо повернулся онъ и хотѣлъ идти, какъ вдругъ случилось нѣчто, приковавшее его на мѣстѣ, но заставившее графа вскочить съ кресла.

IX.

Большіе ковры, образовавшіе заднюю стѣнку шатра, раздвинулись за кресломъ графа и изъ-за нихъ вышла Изабелла. Она была въ томъ самомъ бѣломъ платьѣ, въ какомъ сидѣла въ экипажѣ, но держала теперь въ рукахъ коричневую соломенную шляпу. Юстъ, хорошо изучившій ея лицо, замѣтилъ, что она очень блѣдна, какъ и всегда, когда сильно взволнована. Отъ этого

глаза ея казались больше и темнѣе. Легкой, но твердой поступью подошла она къ графу и остановилась передъ нимъ, уставившись въ него глазами и проговоривъ безъ малѣйшаго волненія въ голосѣ:

— Если вы прогоните Юста, я ни минуты не останусь здѣсь; а вы хорошо знаете, что графиня Сивилла будетъ очень по мнѣ скучать.

Графъ хорошо это зналъ; Сивилла была его любимица. Онъ не посмѣлъ отказать ей, когда она высказала странное желаніе взять Изабеллу себѣ въ компаньонки, хотя эта нелѣпость—какъ онъ выражался — ему была вовсе не по вкусу. Но затѣмъ дѣвочка съумѣла понравиться ему, какъ и всѣмъ окружающимъ,— то-есть во всякомъ случаѣ мужчинамъ,—и ея угроза уѣхать была непріятна ему лично. Безъ этого хорошенькаго личика за столомъ обѣдъ, къ которому теперь чаще пріѣзжали молодые люди, показался бы ему скучнымъ. А потому онъ не постыдился солгать, говоря:

— Я не хочу зла вашему пріятелю, фрейлейнъ Изабелла, но онъ требуетъ отъ меня такихъ вещей, какія невыполнимы при всемъ моемъ желаніи.

— Вы не хотите, значитъ, оставить отца Юста въ его должности?

— Я не могу, милое дитя.

— Пойдемъ.

Тутъ она повернулась къ Юсту, протянувъ ему свою маленькую ручку въ перчаткѣ.

— Но вы съума сошли, Изабелла! — сердито вскричалъ графъ. — Говоря, что я не могу этого сдѣлать, я хочу сказать, что дѣло касается моего оберъ-лѣсничаго. Я призову его и переговорю съ нимъ.

— Этого мало,—отвѣчала Изабелла.—Вотъ Юстъ навѣрное со вчерашняго вечера не спалъ ни одной минуты—не правда ли, Юстъ? — и прибѣжалъ сюда безъ вѣдома матери... Я вѣдь все слышала изъ-за ковра. И не хочу, чтобы онъ шелъ назадъ, не зная, прогонятъ ли его отца и разобьютъ ли сердце его доброй матери. А потому въ послѣдній разъ спрашиваю васъ, графъ: останется отецъ Юста въ своей должности или нѣтъ?

— Ну да... отстаньте, ради Бога!—вскричалъ графъ, отчасти сердясь, отчасти любуясь хорошенькимъ личикомъ. — Онъ останется.

И, повернувшись къ Юсту, спросилъ:

— Вы не знаете, когда оберъ-лѣсничій велѣлъ придти вашему отцу?

— Въ двѣнадцать часовъ,—отвѣчалъ Юстъ.

Онъ не замѣтилъ, что графъ внезапно перешелъ съ нимъ на *вы*; но у Изабеллы задрожали губы: то былъ комплиментъ ей со стороны графа.

Графъ взглянулъ на часы.

— Теперь одиннадцать,—сказалъ онъ:—я немедленно дамъ знать оберъ-лѣсничему.

Онъ дернулъ за шнурокъ отъ колокольчика, спускавшійся съ потолка надъ столомъ, взялъ листъ почтовой бумаги, написалъ пару словъ, положилъ листъ въ конвертъ, надписалъ и приказалъ лакею, прибѣжавшему на зовъ:

— Снеси немедленно къ оберъ-лѣсничему!

И, повернувшись къ Юсту, прибавилъ:

— Онъ получитъ записку минутъ черезъ десять, во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ вашъ отецъ къ нему явится.

Слуга ушелъ.

— Довольны ли вы, фрейлейнъ Изабелла?

— Очень,—отвѣчала та.

Она протянула графу руку и глядѣла на него большими, сіяющими глазами.

Графъ неохотно выпустилъ ея руку. Изабелла засмѣялась.

— Пойдемъ, Юстъ,—сказала она:—не будемъ надоѣдать графу.

— Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю!—пробормоталъ Юстъ со слезами на глазахъ.

— Благодарите свою пріятельницу. Куда вы идете, Изабелла?

Изабелла взяла Юста за руку и, сойдя со ступенекъ веранды, направилась къ боскету.

— Графиня Сивилла и миссъ Броунъ въ рощицѣ, — отвѣчала Изабелла черезъ плечо. — Я знаю, графиня будетъ очень рада видѣть Юста. Идемъ, идемъ, Юстъ.

Она быстро пошла впередъ, Юстъ за нею. Графъ глядѣлъ ей вслѣдъ.

— Восхитительная чародѣйка! — пробормоталъ онъ:—право, мнѣ кажется, что я готовъ въ нее влюбиться, да пожалуй я уже и влюбленъ, какъ дуракъ. У нея есть что-то такое... какъ у той... какъ бишь ее?.. изъ Одеона... или изъ Буффъ!.. Mon Dieu! кажется, всего лишь три мѣсяца тому назадъ водился съ нею, а вотъ не помню ея имени! Забавно! Малый этотъ! гмъ! хорошо, что я не связался съ нимъ. Положимъ, его можно было бы прогнать, въ случаѣ чего, но при этомъ всегда берешь на себя какъ

бы родъ обязательства. Дерзкій мальчишка!—изъ того дерева, изъ котораго выработываются соціаль-демократы. Мы слишкомъ добры. Слѣдовало прогнать мальчишку вмѣстѣ съ отцомъ... да чародѣйка помѣшала. Чтò у нея за глаза! Sapristi, вотъ это глаза!.. Такъ, такъ, изъ Буффъ... Коралй, вотъ ея имя! но она далеко не такъ хороша, какъ эта чародѣйка-дѣвчонка.

Графъ глядѣлъ ей вслѣдъ, пока она не скрылась съ своимъ спутникомъ въ рощѣ. Тѣмъ временемъ Изабелла разсказывала своему пріятелю, какъ было дѣло. Она увидѣла его, проѣзжая мимо, и узнала отъ привратника, куда онъ убѣжалъ. Она тотчасъ же догадалась, зачѣмъ онъ сюда пришелъ, и побѣжала ему на встрѣчу вмѣстѣ съ графиней и миссъ Броунъ. Неужели онъ не слышалъ, какъ онѣ его звали. Наконецъ, тѣ двѣ вернулись назадъ, и она хотѣла тоже уйти съ ними, какъ вдругъ увидѣла его изъ-за кустовъ въ тотъ моментъ, какъ онъ выходилъ изъ рощи въ паркъ. Тогда она подкралась къ шатру и все слышала. Графъ не такъ золъ, какъ кажется; по крайней мѣрѣ она можетъ обвертѣть его вокругъ своего пальчика,—Юстъ самъ убѣдится въ этомъ. Вообще онъ себя молодцомъ повелъ, главное потому, что не захотѣлъ идти въ товарищи къ Арману.

— Видишь ли,—продолжала она:—ты совсѣмъ не годишься для зàмка. Ты долженъ всегда говорить правду; всегда говорить то, чтò думаешь. А здѣсь этого нельзя; съ этимъ ты и трехъ дней здѣсь не пробудешь. Иное дѣло—мы, дѣвочки! Когда мы скажемъ или сдѣлаемъ что-нибудь такое, чтò другихъ разсердитъ, то сейчасъ же загладимъ это. А вы этого не можете, не умѣете. Я могу, и съ каждымъ днемъ научаюсь все больше и больше. Поэтому всѣ они меня любятъ; а старикъ—больше всѣхъ. Арманъ страшно въ меня влюбленъ, но онъ очень глупый юноша. Вчера вечеромъ, когда мы возвращались домой, онъ сдѣлалъ мнѣ страшную сцену за то, что я разговаривала съ барономъ Шёнау... тѣмъ молодымъ человѣкомъ, который, знаешь, сидѣлъ около меня. У него тутъ по сосѣдству помѣстье, и онъ часто пріѣзжаетъ сюда... думается мнѣ—для меня. По крайней мѣрѣ онъ отъ меня не отходитъ, когда можетъ. Онъ мнѣ также нравится; онъ такъ смѣшно болтаетъ. Старуха, — графиня, хочу я сказать, — она ужасна. И *такъ* глупа! Ты себѣ представить не можешь, какъ она глупа! Кромѣ какъ болтать по французски,—ничего рѣшительно не знаетъ. Старикъ вовсе не глупъ, но все-таки подъ ея башмакомъ... Право забавно, говорю тебѣ: у нея сейчасъ дѣлается мигрень, когда она хочетъ чего-нибудь, а этого не дѣлаютъ или дѣлаютъ недостаточно скоро. Женщины могутъ выдѣлывать съ муж-

чинами все, что̀ хотятъ, знаешь ли ты это? Арманъ—ея любимецъ, а Сивиллу она терпѣть не можетъ, и ей плохо бы пришлось, не будь она любимицей старика. Они оба устроили, чтобы я сюда переѣхала, а графиня этого не хотѣла; но я съ ней полажу. Сивилла меня обожаетъ, и я ее люблю, хотя она немножко скучна. И такъ набожна! страхъ! Вообще они всѣ здѣсь набожны... или притворяются, я тоже... натурально. Смѣхъ да и только. Что̀ съ тобой? Ты ни слова не говоришь! Ты сердишься на меня?

— Я? на тебя?—прошепталъ Юстъ:—когда ты только-что была такъ добра!

— Ахъ! это пустяки; это мнѣ забава. Я говорю про вчерашній вечеръ.

— Про вчерашній вечеръ?

— Не прикидывайся, будто не понимаешь, о чемъ я говорю. Но, видишь ли, я иначе не могла. Ты этого не понимаешь, зато я буду съ тобой очень любезна, когда ты... постой! Черезъ четыре недѣли будутъ мои именины, и графиня Сивилла хочетъ, чтобы ихъ праздновали. Ты долженъ пріѣхать.

— Я? Ты только-что сказала, что я не гожусь для зàмка.

— Чтобы жить!—вскричала Изабелла:—И опять повторю это. Но пріѣхать въ гости—совсѣмъ иное дѣло. Хотя они всѣ здѣсь носятъ меня на рукахъ, но не слѣдуетъ, чтобы думали, будто я отъ того загордилась.

— И для этого я долженъ пріѣхать?

— Да.

— Я не пріѣду.

— Юстъ!

Они стояли на опушкѣ рощицы и большой проѣзжей дороги парка, но въ кустахъ, и слуга, возвращавшійся назадъ отъ лѣсничаго, прошелъ мимо, не замѣтивъ ихъ.

— Юстъ!—повторила Изабелла.

Она взяла его за руку; большіе темные глаза сіяли, глядя на него, а вокругъ розоваго ротика порхала привѣтливая улыбка.

— Юстъ!—сказала она въ третій разъ.—Ты, значитъ, меня больше совсѣмъ не любишь.

Глухое рыданіе было его единственнымъ отвѣтомъ.

— Милый ты мой!

Она обняла его обѣими руками за шею, поцѣловала въ губы и вытолкнула на аллею парка, а сама повернулась назадъ и пустилась бѣжать обратно по той тропинкѣ, которую они только-что прошли.

X.

Такъ разсѣялась буря, собиравшаяся-было надъ домикомъ лѣсничаго, и наступили красные дни. Но ни для кого не были они такъ прекрасны, какъ для фрау Арнольдъ, и она объ одномъ лишь молила Бога, чтобы сердце ея не разорвалось отъ радости и счастія, и она могла доказать мужу, какъ она благодарна ему за доброту. Онъ совсѣмъ преобразился съ того вечера, какъ вернулся вмѣстѣ съ Юстомъ съ мѣста кормленія звѣрей: дружески, привѣтливо обращался съ женой, и если былъ не веселъ, то все же разговорчивъ и внимателенъ къ ней. Часто и охотно толковалъ онъ о будущности Юста и въ увлеченіи фантазіей не щадилъ яркихъ красокъ. И счастливая мать, хотя сама способна была къ подобнаго рода мечтаніямъ, но все же не могла про себя не улыбнуться. Она открыла ему теперь—считая даже это теперь своей священнѣйшей обязанностью—тайну скопленнаго ею клада, для уплаты за пансіонъ Юста. Мужъ дружески пожурилъ ее, не за то, что она раньше не сообщила ему своего секрета — онъ не заслужилъ ея довѣрія—но за то, что она не щадила своихъ силъ и окончательно убивала ихъ на ночной работѣ. Объ этомъ нечего теперь и думать. Все это онъ возьметъ на себя. Если онъ примется копить тѣ деньги, что до сихъ поръ тратилъ въ трактирѣ на вино, то въ концѣ года окажется значительная сумма, а если чего и не хватитъ — ну, тамъ придумаетъ, какъ быть. Странно было бы, еслибы человѣкъ, котораго силы хватитъ на десятерыхъ, а голова въ порядкѣ, не нашелъ бы чего-нибудь подходящаго.

Проговоривъ эти слова громкимъ, раскатистымъ голосомъ, въ то время какъ мѣрилъ крупными шагами горенку, онъ поцѣловалъ ее—поцѣлуй этотъ отозвался въ ея сердцѣ и долго звучалъ въ немъ—взялъ ружье и ушелъ въ лѣсъ. Вопреки прежней безпечности въ исполненіи обязанностей, онъ теперь проводилъ почти весь день, а часто и полъ-ночи въ лѣсу. Оберъ-лѣсничій съ удовольствіемъ это замѣчалъ, и какъ-то случайно встрѣтивъ счастливую жену Арнольда, сообщилъ ей объ этомъ; онъ охотно замолвилъ бы словечко графу объ увеличеніи содержанія — оно, конечно, маловато — и о ремонтѣ довольно ветхаго домика, но фрау Арнольдъ извѣстно, что графъ тугъ на это ухо. Конечно, когда приходится, какъ графу, напримѣръ, заботиться о тысячѣ людей, то всегда рискованно начинать съ аза, потому что, того гляди переберешь, и всю азбуку,—но рано или поздно, а починъ

придется сдѣлать. Таково мнѣніе и господина оберъ-директора. Вообще большое счастіе, что Изабеллочкѣ удалось уладить дѣло патера Щончаллы, которое могло бы плохо кончиться. Графъ не можетъ нахвалиться тактомъ и мужествомъ дѣвочки. Ну да ужъ эта темноглазая плутовка не пропадетъ. Поживемъ—увидимъ; уже и теперь въ зȧмкѣ все пляшетъ подъ ея дудку.

Юстъ отъ души желалъ, чтобы его путешествіе въ зȧмокъ осталось тайной для матери и даже для отца; но по прошествіи нѣсколькихъ дней всѣ о немъ заговорили. Слуга, относившій письмо къ оберъ-лѣсничему, всѣмъ разболталъ, и самъ графъ не скрылъ этого обстоятельства; напротивъ того, сообщилъ о немъ сначала въ кругу семейства, а затѣмъ и гостямъ. Кто хвалилъ его великодушіе, кто поднималъ на смѣхъ; поведеніе сына лѣсничаго находили очень похвальнымъ, и всѣ въ голосъ провозглашали Изабеллу героиней, хотя она и отрекалась отъ похвалъ, утверждая, что не могла иначе поступить съ товарищемъ дѣтскихъ лѣтъ, постоянно помогавшимъ ей приготовлять уроки.

Въ домикѣ лѣсничаго объ этомъ случаѣ больше не разговаривали,—даже Юстъ съ матерью. Самъ лѣсничій спросилъ только коротко на первыхъ же порахъ: правду ли разсказываютъ люди? Она, опасаясь взрыва его гордости, робко подтвердила; онъ ничего не сказалъ; но она замѣтила, что большіе красивые глаза его часто покоились теперь на сынѣ съ выраженіемъ, какого она прежде никогда въ нихъ не видѣла: уваженія и любви. И сегодня, когда она опять замѣтила это выраженіе и въ нѣмой благодарности поцѣловала у него руку, она услышала, какъ онъ сквозь зубы пробормоталъ: „я долженъ многое передъ нимъ загладить“.

Послѣ того онъ пошелъ въ лѣсъ, а Юстъ—къ патеру Щончаллѣ. Она же проскользнула въ заднюю каморку, вынула изъ стараго шкафа черную шкатулочку, а изъ нея—связанную черной ленточкой пачку писемъ проповѣдника Германа-Августа Бюргера вмѣстѣ съ бѣлокурой прядью волосъ, перевязанной голубой ленточкой, и фотографіей, снесла свои реликвіи въ кухню и сожгла ихъ тамъ одну за другой. Бѣдное больное сердце страшно билось при этомъ и губы дрожали; но когда все превратилось въ золу и потухла послѣдняя искорка, она глубоко вздохнула и прошептала: — Я также должна многое передъ нимъ загладить.

Когда Юстъ вернулся домой, онъ услышалъ, что мать поетъ въ горницѣ—тихимъ, дрожащимъ голосомъ—въ первый разъ въ жизни. Это сильно тронуло его и вмѣстѣ съ тѣмъ испугало. Старинная народная поговорка: когда люди дѣлаютъ что-либо

имъ совсѣмъ непривычное, то это предвѣстникъ ихъ смерти,— пришла ему въ голову, и онъ пожелалъ, чтобы мать лучше не пѣла.

Ему и безъ того было не до пѣнія; онъ былъ не въ ликующемъ настроеніи духа. Событія памятнаго утра въ зàмкѣ оставили бурные слѣды въ его душѣ, и эти послѣдніе не изглаживались. Онъ вполнѣ сознавалъ, что еслибы не вмѣшательство Изабеллы, его просьба осталась бы безъ послѣдствій. Какъ жестко и грозно глядѣли на него глаза изъ-подъ нависшихъ бровей! Какъ безжалостно звучалъ рѣзкій, злобный голосъ! Недоставало только, чтобы большая бѣлая рука протянулась къ шнурку колокольчика, чтобы призвать слугу и велѣть ему вывести докучливаго нищаго изъ сада! И тогда отецъ, мать и онъ—бродили бы по пыльнымъ, знойнымъ дорогамъ, между тѣмъ какъ людоѣдъ отдыхалъ бы въ тѣни шатра подъ журчаніе фонтана, любуясь плавающими на пруду черными лебедями. Ахъ! какъ хорошо, какъ хорошо, точно въ сказкѣ! въ этомъ бѣломъ зàмкѣ съ большими корзинами пестрыхъ цвѣтовъ и мраморными статуями, и синимъ прудомъ съ пестрой лодкой! Онъ всегда мечталъ о томъ, чтобы покататься по водѣ въ лодкѣ. А Изабелла теперь катается!

Изабелла!

Да! она спасла его изъ когтей людоѣда и этимъ разрушила всю сказку, которая была почти готова въ его головѣ. Превращеніе принца въ сына лѣсничаго было сравнительно легко для него; даже сказка отъ того выиграла; чѣмъ бѣднѣе и безвѣстнѣе герой, тѣмъ больше ему чести, когда онъ совершитъ великое дѣяніе. Но онъ не совершилъ его; не онъ спасъ фею, а она, фея, спасла его. И тогда понятно, что онъ чувствовалъ себя больше не героемъ, а бѣднымъ, бѣднымъ, ничтожнымъ мальчикомъ. И только. И никто лучше этого не зналъ, чѣмъ сама фея. Если она не сказала ему это прямо въ глаза, то оно ясно вытекало изъ ея словъ: ты здѣсь не годишься!—Ты этого не понимаешь! —Нѣтъ, я не гожусь, и даже не хочу понимать, какъ это надо умѣть молчать о томъ, что̀ думаешь, и говорить то, чего не думаешь. Она это можетъ и съ каждымъ днемъ научается все лучше и лучше — въ обществѣ, надо полагать, молодого графа Армана, который страшно въ нее влюбленъ, и господина барона, который такъ часто пріѣзжаетъ... только ради нея! и такъ забавно болтаетъ. Да, конечно, я теперь лишній. Лучше соглашусь умереть, нежели ѣхать въ зàмокъ на ея именины и служить для „юнкеровъ“ мишенью для насмѣшекъ.

Это рѣшеніе, о которомъ Юстъ твердилъ себѣ по десяти разъ на дню, не мѣшало ему изнывать отъ желанія снова уви-

дѣться съ чародѣйкой, и это желаніе заставляло его постоянно рисовать себѣ, какъ онъ съ нею свидится.

И неизбѣжно при этомъ дѣйствительность брала верхъ надъ фантазіей, и онъ видѣлъ себя гостемъ на ея именинахъ. Затѣмъ фантазія снова превращала бѣднаго сына лѣсничаго въ принца, инкогнито являющагося среди толпы приверженцевъ, всѣхъ ихъ превосходящаго въ храбрости и ловкости, пока, наконецъ, не откроетъ, кто онъ—и не получитъ изъ бѣлыхъ ручекъ лавроваго вѣнка.

Но то были лишь мимолетные проблески на мрачномъ фонѣ его тоскливаго настроенія, въ которомъ у него былъ товарищъ, патеръ Щончалла. Мало того, добрякъ взялъ мальчика себѣ въ повѣренные и изливая передъ нимъ свое горе, забылъ о разницѣ лѣтъ и авторитетѣ учителя передъ ученикомъ.

— О, злая чародѣйка!—жаловался онъ.—Она знаетъ, что старикъ-дядя не можетъ жить безъ нея, и бросаетъ его... бросаетъ на произволъ судьбы, безъ единаго слова извиненія, утѣшенія, состраданія, точно собаку какую-нибудь. А онъ то такъ ее любитъ, такъ любитъ и будетъ любить только одну ее на свѣтѣ! Ахъ, Юстъ! какую бездну неблагодарности представляетъ человѣческое сердце! Нѣтъ, нѣтъ, не человѣческое сердце! мое не неблагодарно. Я благодаренъ каждому солнечному лучу, падающему на меня, каждой птичкѣ, поющей на вѣткѣ! Твоему отцу, когда онъ такъ прекрасно играетъ на моемъ фортепіано, моему Каро, когда онъ отъ радости визжитъ, встрѣчая меня на порогѣ. И твое сердце, мой бѣдный Юстъ, тоже не неблагодарно, я это знаю, но—ея, ея! Не вѣрь ей, не вѣрь, когда она называетъ тебя „мой милый Юстъ“, „мой счастливчикъ“ и гладитъ тебя по щекамъ, а всего менѣе, когда она тебя цѣлуетъ. Повѣрь мнѣ, ей что-нибудь нужно отъ тебя, и какъ только она это получитъ, ты больше для нея не существуешь. Она никого въ мірѣ не любитъ: ни меня, ни тебя, ни добрую, ласковую графиню—никого, никого, только самоё себя. Это ея кумиръ, ея религія. Ей чуждъ Христосъ, пролившій свою кровь за людей; чужда милосердая Божья Матерь, присутствовавшая при смерти Сына съ пронзеннымъ семью кинжалами сердцемъ. Она—язычница, и даже хуже, потому что и язычники знали любовь. Да, кто знаетъ—не дьяволъ ли она въ женскомъ образѣ, посланный мнѣ во искупленіе моихъ великихъ грѣховъ?! Я иногда это думаю, Юстъ, клянусь пречистымъ крестомъ, я это думаю! Это—нечистая сила. Какъ могла бы она иначе превратить меня, бѣднаго старика, въ своего раба, въ идіота, который только и ду-

маетъ, что о ней, спитъ и видитъ только ее. День я еще кое-какъ коротаю, Юстъ, но когда наступитъ вечеръ!.. Вотъ чего я боюсь, это—вечера. Тогда мое сердце такъ полно, а кругомъ меня такъ пусто! кажется, мнѣ не за что ухватиться, и я утопаю. И видишь ли, Юстъ, я тогда долженъ пить, пить до забвенія ея, себя и всего міра, который безъ нея кажется мнѣ страшной пустыней... Ахъ! Юстъ, сынъ мой! проведемъ вмѣстѣ завтрашній вечеръ. Мнѣ, можетъ быть, легче будетъ. И вообще съ твоей стороны чистое великодушіе, что ты еще посѣщаешь меня, стараго дурака, подъ предлогомъ, что учишься отъ меня латыни. Ты больше знаешь теперь, чѣмъ я. Ну, что̀ скажешь, Юстъ? будешь ты завтра у нея на именинахъ? меня не приглашали... натурально. Дай-ка мнѣ перечитать ея письмецо къ тебѣ. Что за твердый почеркъ у чародѣйки! Право, точно у мужчины. А слогъ-то какой, ни одинъ мужчина такъ не напишетъ, право... не знаю, какъ это объяснить, Юстъ. Я бы, конечно, могъ, еслибы только нашелъ слова. Но это-то мнѣ теперь и трудно. Я часто забываю свое имя: Пьётрекъ Щончалла! Да! и подумать, что я всегда былъ первымъ въ монастырской школѣ и въ семинаріи, и всѣ предсказывали, что я дойду до кардинала! О, да! еслибы я былъ кардиналомъ и жилъ въ великолѣпномъ дворцѣ въ чудномъ Римѣ! Не правда ли, Юстъ, ей бы тогда незачѣмъ было бѣгать за графомъ, а жила бы она со мной и охотно называла бы меня папой, когда мы оставались бы наединѣ. Ей случалось такъ называть меня—и съ такимъ плутовскимъ взглядомъ! Ну, теперь ступай съ Богомъ, сынъ мой, ступай въ лѣсъ и слушай пѣніе птицъ! Я бы охотно пошелъ съ тобой, но я усталъ, усталъ! Я лягу спать и отъ всего сердца желалъ бы не просыпаться больше... Ступай, мой сынъ, ступай въ лѣсъ!

XI.

Церковь и приходскій домъ находились на противоположномъ концѣ широко раскинувшейся деревни, которую Юсту необходимо было всю пройти, чтобы добраться до лѣсу. Онъ ежедневно совершалъ этотъ путь, и то, что̀ онъ видѣлъ направо и налѣво, не показалось бы ему интереснымъ, даже и въ томъ случаѣ, еслибы рѣже попадалось на глаза: деревянныя, покрытыя соломой избы съ свиными или козьими хлѣвами, передъ избушками запущенные садики и большія кучи навоза, и въ нихъ валялись свиньи и копались куры. Въ дверяхъ на порогахъ старики и

старухи няньчились съ малыми ребятишками, между тѣмъ какъ старшіе играли въ пескѣ и грязи деревенской улицы.

Передъ одной, болѣе опрятнаго вида, избой стояла высокая, стройная дѣвушка. Она завидѣла его и поклонилась, когда онъ подошелъ ближе.

Онъ протянулъ ей руку. Дѣтьми они часто играли вмѣстѣ: Марта Андерсъ, Изабелла и онъ; но уже давно Мартѣ, бывшей на цѣлый годъ старше, чѣмъ онъ, не стало времени для игры; она должна была няньчить младшихъ сестеръ и братьевъ, въ то время какъ отецъ и мачиха работали на фабрикѣ. Юстъ сказалъ ей, что только-что навѣщалъ патера, который боленъ.

— Онъ теперь всегда боленъ,—отвѣчала дѣвушка:—тоскуетъ по Изабеллѣ, а потому напивается съ вечера, а часто и съ утра.

Она проговорила это совсѣмъ спокойно, безъ всякой злобы или насмѣшки; это былъ фактъ, Юстъ всего меньше могъ его оспаривать и тѣмъ не менѣе почувствовалъ себя обиженнымъ. Дѣвушка этого не замѣтила и продолжала спокойнымъ, рѣшительнымъ тономъ:

— Не хорошо со стороны Изабеллы уѣхать въ зàмокъ, гдѣ ей нѣчего дѣлать, тогда какъ дома она могла бы быть полезной. Но она никогда не хотѣла работать.

— Не всѣ дѣвушки такія, какъ ты,—сказалъ Юстъ.

— Я бы тоже съ удовольствіемъ отдохнула денекъ; но когда видишь, какъ трудится отецъ, веселости на умъ нейдутъ.

Рѣзкій, трескучій голосъ съ деревенской улицы перебилъ бесѣду молодыхъ людей. То была старая Кубичка. Она стояла оборванная, съ красными, слезящимися глазами, повязанная грязной тряпкой поверхъ сѣдыхъ, косматыхъ волосъ, безобразнѣе чѣмъ когда-либо, и, осклабляясь, размахивала руками и трещала.

— Чтò она говоритъ? — спросилъ Юстъ, плохо понимавшій по-польски.

— Чепуху!—отвѣчала дѣвушка:—что мы со временемъ поженимся. Не пугайся; она всегда это говоритъ, когда видитъ вдвоемъ молодыхъ людей.

— Отчего мнѣ пугаться?

— Оттого, что ты любишь Изабеллу. Ну, мнѣ надо домой, присмотрѣть за дѣтьми и за кушаньемъ.

Она протянула ему руку — жесткую, большую руку съ короткими пальцами—и вернулась въ избу, откуда раздавался плачъ младенца.

Юстъ пошелъ своей дорогой и скоро достигъ лѣса.

Солнце сильно жгло на дорогѣ, но въ лѣсу, въ тѣни широко-

лиственныхъ елей было прохладно. И вмѣстѣ съ душистой прохладой старыя сказки снова завладѣли его душою: про людоѣда, пожиравшаго лѣсъ, чтобы принудить фею, жившую въ немъ, выйти замужъ за его сына. И про сына охотника, любившаго фею и любимаго ею, который ночью пробирается сквозь тысячу опасностей въ зàмокъ и убиваетъ при свѣтѣ луны обоихъ, и людоѣда, и его сына.

Не ввести ли ему въ сказку старую Кубичку? Какая же сказка обходится безъ вѣдьмы, и кто же больше похожъ на вѣдьму, какъ не старуха Кубичка? Она, конечно, на сторонѣ людоѣда. Но тогда противная сторона слишкомъ уже окажется сильной, если никто не явится на помощь. Но это что? Не Марта ли Андерсъ? Она такая добрая и смѣлая. Добрыя, смѣлыя дѣвушки очень могутъ быть полезны героямъ въ сказкахъ. Но какъ? какъ?

То, чтò рисковало порвать всю канву сочиненія—переселеніе Изабеллы въ зàмокъ—стало теперь новымъ мотивомъ и обѣщало сообщать ширь и блескъ общему ходу сказки. Людоѣдъ далъ слово не пожирать больше лѣса и вообще жить въ мирѣ, если фея согласится хоть разъ появиться на праздникѣ въ зàмкѣ и протанцовать съ сыномъ людоѣда. Сынъ охотника молилъ ее этого не дѣлать, но своенравная фея не послушалась, и натурально людоѣдъ ее держалъ взаперти въ высокой желѣзной башнѣ, откуда она не могла бы сообщаться съ своимъ милымъ, еслибы не соколъ, прилетавшій въ башню черезъ узкое окно съ письмами отъ милаго и отлетавшій съ ея отвѣтомъ. Вотъ ея послѣднее посланіе:

„Милый счастливчикъ! жду тебя завтра непремѣнно и обѣщаю тебѣ, что все будетъ очень мило. Если ты не придешь, то навѣки отвергнешь любовь твоей Изабеллы“.

Мальчикъ пристально глядѣлъ на хорошенькую записочку, которую вынулъ изъ кармана. Она пробудила его отъ поэтическаго сна. „Жду тебя завтра“ и „если ты не придешь“... это еще хоть куда ни шло, но дальше: „обѣщаю тебѣ, что все будетъ очень мило“... нѣтъ, это совсѣмъ не подходитъ. „Очень мило“— такъ не напишетъ ни одна фея, если даже предположить, что феи пишутъ письма. Тогда же ему вспомнилось, чтò говорилъ патеръ про ея почеркъ, и что она еще ни одного словечка не написала ему... при этомъ онъ чуть не плакалъ. Нѣтъ, если даже она и обольстительная фея, то не добрая дѣвушка. Зачѣмъ онъ завтра пойдетъ въ зàмокъ? Чтобы добрые люди видѣли, что она не возгордилась и не стыдится своего школьнаго товарища?.. Онъ не пойдетъ! и не отдастъ себя на посмѣяніе модныхъ господчиковъ, хотя бы и лишился ея любви навсегда. Ея любовь! тьфу!

Онъ хотѣлъ разорвать записку, но, услышавъ шаги за спиной, поспѣшно сунулъ ее въ карманъ. Передъ нимъ стояла Марта Андерсъ. Въ рукахъ у нея была корзина. Ея блѣдное лицо покрыто было пбтомъ, дыханіе прерывисто. Она несла обѣдъ отцу на фабрику.

—' Дай мнѣ корзину!—сказалъ Юстъ:—мнѣ нечего дѣлать, а тебѣ, вѣрно, есть дома дѣло.

— Справедливо, — отвѣчала дѣвушка:—у меня полны руки дѣла: стирка... да вотъ теперь Болеславъ свалился съ лѣстницы и разбилъ себѣ лицо. Смотри! не расплескай ничего по дорогѣ!

Она передала ему корзину, пригладила волосы на мокромъ лбу, перевела духъ и пристально взглянула на него сѣрыми глазами изъ-подъ черныхъ бровей.

— Тебѣ чтѝ еще нужно?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ... я хотѣла только сказать: не ходи завтра въ зѝмокъ!

— Кто сказалъ тебѣ, что я пойду?

— Ужъ я знаю и повторяю тебѣ: не ходи!

Съ этими словами она повернулась, и скоро ея стройная фигура скрылась между деревьями.

XII.

Юстъ удивился, что Марта знала о приглашеніи. Но дѣло было просто: уже недѣлю тому назадъ графскій слуга оффиціально доставилъ его, и теперь Изабелла только напоминала о немъ въ своей записочкѣ. Слуга, въ силу полученной инструкціи передать лично приглашеніе „молодому господину“, пошелъ его разыскивать у патера, гдѣ онъ въ то время находился, и такимъ образомъ вся деревня узнала. Но то, что Марта такъ рѣшительно совѣтовала, чуть не приказывала ему не ходить въ зѝмокъ — это могло показаться страннымъ.

Улыбка показалась на лицѣ мальчика. Въ слѣпой любви къ Изабеллѣ, онъ никогда не интересовался особенно Мартой, хотя отношенія ихъ были дружески-товарищескія. И никогда во снѣ ему не грезилось спросить себя, нравится ли онъ ей? Во всякомъ случаѣ не такъ, какъ ему нравилась Изабелла. Это невозможно. Но она могла отличать его отъ другихъ мальчиковъ! И теперь ему это пришло въ голову. Иначе зачѣмъ бы ей было запрещать ему идти въ зѝмокъ? Онъ долженъ доказать Мартѣ, что не боится Изабеллы; что вообще ничего не боится, какъ сынъ охотника въ его сказкѣ. Вскользь припомнилась ему мысль

удѣлить Мартѣ роль въ своей исторіи: роль доброй, простой дѣвушки, сочувствующей сыну охотника. Нѣтъ, это глупая мысль: она не годится для сказки. Какъ разсмѣялась бы Изабелла, еслибы онъ ей это сообщилъ! Вообще безъ Изабеллы онъ не двигался съ мѣста. Давно пора ему повидаться съ ней. Въ новомъ платьѣ, заказанномъ ему отцомъ, авось онъ не очень будетъ отличаться отъ молодыхъ господъ, какъ тогда въ лѣсу, въ своемъ истасканномъ зеленомъ сюртукѣ, сшитомъ матерью изъ стараго отцовскаго мундира.

Въ волненіи онъ неосторожно двинулъ рукой и чуть было не опрокинулъ горшка съ кушаньемъ въ корзинкѣ. Онъ пошелъ ровнѣе, хотя такъ же быстро, и скоро достигъ мѣста назначенія.

На этомъ самомъ мѣстѣ пришла ему въ голову впервые сказка о людоѣдѣ, въ памятное воскресное утро; но съ тѣхъ поръ людоѣдъ пожралъ почти всѣ деревья; только въ углу громаднаго четырехугольника еще высилось съ сотню молодыхъ стволовъ. Мѣсто казалось еще унылѣе и мрачнѣе, въ родѣ кладбища или поля битвы.

Въ тѣни высокихъ елей, ограничивавшихъ четырехугольникъ, сидѣло человѣкъ двадцать рабочихъ съ корзинками съ кушаньемъ на колѣняхъ. Они всѣ были изъ дальнихъ деревень и принесли обѣдъ съ собою. Нѣкоторые уже отобѣдали и отдыхали, растянувшись на землѣ и подложивъ куртку подъ головы: старые, молодые мужчины, всѣ въ нищенскомъ одѣяніи и съ печальнымъ выраженіемъ на усталыхъ, загорѣлыхъ и несомнѣнно польскихъ лицахъ.

Немного поодаль отъ этихъ группъ стоялъ высокій человѣкъ, слегка сгорбившійся не отъ лѣтъ — хотя ему уже и было подъ пятьдесятъ — отъ тяжкой работы. Его густые, короткіе, темные волосы сильно посѣдѣли. Массивный подбородокъ и ротъ съ крѣпко-сжатыми губами придавали лицу выраженіе строгое, почти жесткое, и это выраженіе еще усиливалось отъ твердаго взгляда сѣрыхъ глазъ изъ-подъ густыхъ черныхъ бровей. То былъ Христіанъ Андерсъ, отецъ Марты. Всякій посторонній легко бы призналъ сходство между отцомъ и дочерью. Юстъ только въ эту минуту замѣтилъ это сходство, точно никогда еще не видѣлъ Андерса. Между тѣмъ онъ былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, несмотря на то, что его отецъ терпѣть не могъ стараго педанта, какъ онъ его называлъ, а старый педантъ — хвастливаго, легкомысленнаго лѣсничаго.

Строгое лицо озарилось улыбкой, когда подошелъ Юстъ. Юстъ въ краткихъ словахъ объяснилъ, какъ онъ сюда попалъ, и хотѣлъ уйти, когда Андерсъ, усѣвшись у подошвы громадной

ели—той самой, у которой въ то утро Юстъ сидѣлъ съ Изабеллой,—и вынимая кушанье изъ корзинки, сказалъ ему:

— Если ты никуда не торопишься, то я буду тебѣ очень благодаренъ, если ты посидишь со мной. Ты знаешь, я люблю поболтать съ тобой, а мы уже давно не разговаривали.

— Охотно,—отвѣчалъ Юстъ:—мы обѣдаемъ еще черезъ часъ.

— Ну, такъ садись около меня.

Юстъ сѣлъ, но бесѣда какъ-то не вязалась. Юстъ упомянулъ о томъ, чѣмъ полно было его сердце: о предстоявшемъ ему на завтра визитѣ въ зáмокъ и о томъ, что Марта отсовѣтовала ему туда идти.

Андерсъ, вставляя изрѣдка словечко, тѣмъ временемъ уписывалъ картофельный супъ съ саломъ; потомъ вытеръ старательно ложку и ножикъ, сложилъ все вмѣстѣ съ краюхой хлѣба, отъ которой онъ отломилъ нѣсколько кусочковъ, въ корзинку, прислонился къ стволу дерева и сказалъ:

— Марта всегда говоритъ дѣло; но на этотъ разъ она неправа. У тѣхъ, въ зáмкѣ, конечно, только одинъ капризъ, что они тебя приглашаютъ, конечно, также и въ угоду Изабеллѣ, а той лестно играть старую комедію съ школьнымъ товарищемъ. Но для тебя, такъ какъ ты собираешься въ ученье, очень важно заглянуть немножко въ свѣтъ; вѣдь съ нимъ придется тебѣ впослѣдствіи воевать не на животъ, а нà смерть.

Юстъ не удивился ни этимъ мыслямъ, ни тому, какъ онѣ были высказаны. Онъ зналъ, что Андерсъ пользовался каждой свободной минутой, чтобы почитать демократическія газеты и брошюры, которыя онъ Богъ-вѣсть какимъ способомъ доставалъ. И не въ первый уже разъ случалось, что разговоръ принималъ такое направленіе, и обыкновенно онъ охотно слушалъ старика; но, будучи аристократически настроенъ въ настоящую минуту, онъ почувствовалъ желаніе противорѣчить:

— Почему же воевать не на животъ, а на смерть? знатные господа—вѣдь тоже наши братья.

— О, да, — отвѣчалъ Андерсъ:—они могли бы и должны были бы ими быть, да, къ несчастію, не хотятъ. Попробуй-ка завтра назвать молодого графа братомъ! Ты увидишь, какъ онъ тебѣ отвѣтитъ.

— Но графиня Сивилла называетъ Изабеллу сестрой?

— Неужели? Ну про нее недаромъ говорятъ, что она очень милая и добрая дѣвушка. Можетъ быть... но одна ласточка весны не дѣлаетъ и одинъ праведникъ не спасетъ Содома и Гоморры.

— Развѣ мы лучше?

— Ничуть. Но только, видишь ли, такіе бѣдные и несчастные люди, какъ вотъ тѣ, тамъ, и не могутъ быть лучше. Они нравственно гибнутъ отъ бѣдности и нищеты.

— Можетъ быть, какъ богатые отъ богатства.

— Ты говоришь вѣрно. И вотъ причина, почему свѣтъ не перемѣнится, пока будутъ бѣдные и богатые.

— Но такъ всегда будетъ.

— Кто тебѣ это сказалъ?

— По крайней мѣрѣ, такъ всегда было.

— Въ этомъ лѣсу тоже прежде водились всегда волки и медвѣди и поѣдали оленей и овецъ, пока всѣ не перевелись. Нѣтъ, Юстъ, тò, что свѣтъ былъ всегда дуренъ и дуренъ до сихъ поръ, это еще не доказательство, что онъ такъ дурнымъ и останется. Да ужъ онъ и сталъ лучше, и станетъ еще лучше, только прежде того много, много деревьевъ перевезется на фабрику.

— Я бы желалъ,—сказалъ Юстъ,—чтобы всѣ деревья остались въ лѣсу, росли все пышнѣе, чтобы птицы строили гнѣзда въ ихъ вѣтвяхъ, а утренняя и вечерняя заря позлащала ихъ вершины. Это красивѣе, чѣмъ такая пустыня, какъ здѣсь, и право, одному только старому людоѣду она можетъ быть пò-сердцу.

— Что за старый людоѣдъ такой, Юстъ?

— Ахъ! это такъ, я сказочку одну придумалъ.

— Разскажи. Я люблю сказки.

— Она еще не совсѣмъ готова,—отвѣчалъ Юстъ застѣнчиво, но съ невольнымъ стремленіемъ поэта познакомить съ своимъ твореніемъ.

— Ну, разскажи, хоть и не готово! можетъ быть, тутъ же придумаешь и конецъ.

И Юстъ разсказалъ сказку до того пункта, какъ соколъ носитъ письма отъ заключенной къ ея милому и обратно. Тутъ вдругъ Андерсъ, внимательно слушавшій, перебилъ его:

— Я думаю, Юстъ, что въ тѣ поры еще не писали писемъ, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, потому что ея еще не было.

— Я уже объ этомъ думалъ,—отвѣчалъ Юстъ;—вообще феи не могутъ писать, хотя бы даже у нихъ и была бумага.

— Да, но какъ же намъ быть?—замѣтилъ Андерсъ, задумчиво глядя въ землю. И такъ какъ Юстъ не отвѣчалъ, прибавилъ:—Ну, не бѣда. Ты уже какъ-нибудь выпутаешься. Сказка мнѣ очень понравилась... очень. А что касается бумаги, то это напомнило мнѣ то, чтò я хотѣлъ сказать. Видишь ли, Юстъ, съ бумагой и сказкѣ конецъ, а пока бумаги не было, люди только и жили что сказками. Конечно, и въ старыя времена водились

камень и желѣзо, на которыхъ писали, а позднѣе—кожа и пергаментъ и тому подобное. Но съ бумагой ничто не сравнится. Въ сравненіи съ остальнымъ это то же, что сила пара въ сравненіи съ человѣческой силой. Съ бумагой настали новыя времена. И ты вѣдь знаешь, Юстъ, что̀ мы дѣлаемъ изъ деревьевъ, которыя здѣсь рубимъ, пилимъ и на фабрику возимъ, гдѣ ихъ давятъ и перетираютъ до тѣхъ поръ, пока они не превратятся въ жидкую кашицу? Сначала сѣрая масса, а затѣмъ бумага, мой милый, красивая бѣлая бумага, и она выходитъ въ свѣтъ большими тюками, а назадъ возвращается въ видѣ книжки или газеты и проникаетъ во всѣ дома, во всѣ хижины, даже бѣднѣйшія. И если когда-нибудь настанетъ время, что бѣдныхъ хижинъ не будетъ, а будутъ вмѣсто того дома, гдѣ въ мирѣ и согласіи станутъ проживать другъ около дружки трудолюбивые, опрятные и добрые люди, то это сдѣлаютъ деревья, Юстъ, деревья, превращенныя въ печатную бумагу. И такимъ образомъ твой старый, злобный людоѣдъ сожираетъ самого себя, пожирая лѣсъ, для того, чтобы выжить изъ него фею... А теперь ступай домой; нашъ обѣдъ конченъ. Корзинку оставь; я самъ снесу ее домой. А тебѣ большое спасибо за дружбу и за сказку.

— Ваша сказка гораздо лучше моей,—отвѣчалъ мальчикъ съ сіяющими глазами.

— То̀ не сказка, мой милый, то̀ истинная правда.

Съ фабрики раздался пронзительный, отвратительный звукъ парового рожка, раскатившійся по лѣсу. Люди, лежавшіе подъ елями, неохотно поднялись; Андерсъ присоединился къ нимъ, сильно пожавъ руку Юсту. Юстъ пошелъ домой. Новый, неожиданный свѣтъ запалъ ему въ душу. Въ первый моментъ онъ даже какъ бы ослѣпилъ его; но вдругъ точно облако омрачило свѣтъ. Онъ замедлилъ шаги. Это, конечно, великолѣпно, если всѣ деревья обратятся въ бумагу, а бумага въ книги и газеты, проникающія въ бѣднѣйшія хижины и приносящія съ собой свѣтъ и радость! Но если людоѣдъ самого себя пожретъ, пожирая лѣсъ, то вѣдь лѣса-то все-таки не будетъ, а что̀ станется тогда съ феей, которая только въ лѣсу и можетъ жить? Она должна тогда умереть. И тогда ея вѣрный охотничій сынъ тоже долженъ умереть. Что ему жить безъ его феи!

И имъ снова овладѣло непреодолимое желаніе увидѣть свою фею. Онъ не понималъ, какъ могъ онъ колебаться хотя минуту: пойдетъ онъ завтра въ за̀мокъ или нѣтъ. Ему страстно хотѣлось, чтобы это завтра было уже сегодня.

А. Э.

ФИЛОСОФСКІЯ ДРАМЫ РЕНАНА

I.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ массѣ современнаго общества господствуютъ довольно низменные житейскіе идеалы, которые придаютъ какой-то тусклый, прозаическій оттѣнокъ всему окружающему быту, не только частному, но и общественному и политическому. Для однихъ вся жизнь проходитъ въ постоянныхъ и часто безплодныхъ заботахъ о сносномъ человѣческомъ существованіи, въ неустанной трудовой борьбѣ, прерываемой лишь свѣтлыми и пагубными моментами искусственнаго самозабвенія; другіе направляютъ всѣ свои помыслы на увеличеніе матеріальныхъ средствъ, на устройство личной карьеры, на достиженіе богатства и комфорта. Стремленіе къ матеріальнымъ благамъ лежитъ въ основѣ практической дѣятельности громаднаго большинства людей; духъ корыстолюбія и наживы овладѣваетъ такъ называемыми высшими классами, принимаетъ маску общественнаго и государственнаго служенія, проглядываетъ наружу изъ-подъ оболочки патріотизма, проникаетъ въ литературу и публицистику.

Противъ этого подавляющаго напора житейской пошлости и прозы горячо протестуютъ немногіе защитники идеала, поборники высшихъ интересовъ справедливости, добра и красоты. Въ ряду этихъ протестующихъ идеалистовъ видное мѣсто занимаетъ Ренанъ. Никто не относился съ такимъ презрѣніемъ къ міру промышленнаго эгоизма, какъ авторъ „Vie de Jésus“; никто рѣзче его не возставалъ противъ односторонняго поклоненія внѣ-

шнимъ благамъ и успѣхамъ. Буржуазія, не знающая другихъ цѣлей, кромѣ денежныхъ и матеріальныхъ, была глубоко противна Ренану; и тѣмъ не менѣе Ренанъ былъ любимымъ и наиболѣе авторитетнымъ философомъ того верхняго буржуазнаго слоя, которому доступны умственныя наслажденія. Будучи приверженцемъ отвлеченнаго идеализма, Ренанъ во всѣхъ реальныхъ вопросахъ общественной жизни стоялъ безусловно на точкѣ зрѣнія буржуазіи; онъ серьезно принималъ за непреложныя, вѣчныя истины поверхностныя положенія и требованія французской старо-либеральной школы, для которой высшая мудрость заключается въ экономическомъ принципѣ „laissez faire, laissez passer". Абстрактный и отчасти мистическій идеализмъ Ренана не только не задѣвалъ никакихъ реальныхъ интересовъ буржуазіи, но мирился даже съ настойчивою ихъ защитою и охраною на практикѣ; а между тѣмъ по существу этотъ идеализмъ является сильнѣйшимъ отрицаніемъ всего промышленнаго строя жизни. Правила морали, которыхъ держится Ренанъ, настолько эластичны и неопредѣленны, что допускаютъ оправданіе самыхъ противоположныхъ воззрѣній и способовъ дѣйствія: каждый по своему стремится къ счастью, и человѣкъ, находящій удовлетвореніе въ наукѣ или искусствѣ, въ исканіи свѣта и правды, не долженъ предлагать другимъ руководствоваться тѣми же возвышенными цѣлями, ибо нельзя знать навѣрное, что этотъ путь лучше и спасительнѣе простого исканія удовольствій и развлеченій. То, что̀ годится для избраннаго круга людей, можетъ оказаться совершенно неподходящимъ для большинства, и поэтому Ренанъ не проповѣдуетъ никакого опредѣленнаго нравственнаго идеала, который имѣлъ бы общее значеніе; онъ довольствуется лишь постоянными напоминаніями о чемъ-то высшемъ, о свѣтлыхъ порывахъ къ чему-то невѣдомому и таинственному.

Соціальныя идеи и мечты Ренана выражены съ наибольшею полнотою и откровенностью не въ его публицистическихъ и историческихъ этюдахъ, о которыхъ мы говорили недавно [1]), а въ его своеобразныхъ полу-художественныхъ, полу-философскихъ произведеніяхъ, которымъ онъ далъ названіе и форму „философскихъ драмъ". Этихъ драмъ всего четыре: первыя двѣ — „Caliban" и „L'eau de Jouvence" — представляютъ какъ бы дальнѣйшее и болѣе свободное развитіе нѣкоторыхъ мыслей, высказанныхъ въ „Dialogues philosophiques"; остальныя двѣ — „Le prêtre de Némi" и „L'abbesse de Jouarre" — приближаются уже къ типу самостоятель-

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", 1892, ноябрь и декабрь.

наго художественнаго творчества. „Калибанъ“ появился въ 1878 г., когда во Франціи не закончилась еще борьба клерикальной аристократіи противъ сторонниковъ демократической республики; маршалъ Макъ-Магонъ былъ тогда президентомъ, и дважды побѣжденная партія герцога де-Брольи все еще не теряла надежды ограничить и обуздать демократію, во главѣ которой стоялъ Гамбетта. Ренанъ сочувствовалъ „партіи герцоговъ“ и раздѣлялъ ея вражду къ принципу народовластія, хотя видѣлъ уже неизбѣжность окончательнаго торжества республиканцевъ послѣ неудавшейся реакціонной попытки 16-го мая 1877 года. Съ этой точки зрѣнія онъ изобразилъ въ своемъ „Калибанѣ“ происходившую борьбу двухъ началъ—аристократическаго и народнаго.

Ренанъ воспользовался сюжетомъ шекспировской „Бури“ для проведенія идей, имѣющихъ мало общаго съ дѣйствительнымъ ея смысломъ и содержаніемъ. Въ пьесѣ Шекспира мы видимъ идеальнаго европейца, попавшаго на дикій островъ и проявляющаго тамъ свою власть надъ первобытными силами природы, при помощи высшихъ силъ ума и знанія; этотъ пришелецъ, бывшій миланскій герцогъ Просперо, свергнутый съ престола и изгнанный своимъ роднымъ братомъ, подчиняетъ себѣ туземнаго обитателя и владѣльца острова, безобразнаго дикаря Калибана, сына вѣдьмы Сикораксы, и дѣлаетъ его своимъ рабомъ. Просперо научаетъ Калибана человѣческому языку, пытается просвѣтить его и внушить ему разумныя понятія, пробуетъ даже поселить его въ своемъ жилищѣ, но убѣждается въ его неисправимой животной грубости и держитъ его въ рукахъ только посредствомъ страха и угрозъ. Усвоивъ человѣческую рѣчь, Калибанъ употребляетъ ее лишь для ругательствъ и проклятій; онъ не можетъ забыть, что прежде самъ былъ хозяиномъ острова и лишился своихъ правъ по собственной своей оплошности и довѣрчивости. На этотъ же островъ попадаютъ виновники изгнанія Просперо; корабль ихъ едва не потерпѣлъ крушенія, благодаря волшебнымъ чарамъ бывшаго миланскаго герцога и его вѣрнаго „воздушнаго духа“, Аріеля. Прежде другихъ спаслись съ корабля два полупьяныхъ человѣка, придворный буфетчикъ и шутъ; они встрѣчаютъ Калибана, опаиваютъ его виномъ и доводятъ его до такого восторженнаго состоянія, что онъ готовъ признать ихъ своими божествами-повелителями. Калибанъ предлагаетъ убить „тирана“ Просперо и объявить пьянаго буфетчика королемъ; но планъ разстроивается духомъ Аріелемъ, и Просперо прощаетъ дикаря, къ его великому удивленію. На дѣвственной почвѣ, среди первобытной обстановки новаго міра, прекращается старая политическая вражда

культурныхъ европейцевъ; прежніе враги Просперо, неаполитанскій король и новый миланскій герцогъ, примиряются съ нимъ, возстановляютъ его законныя права на миланскій престолъ, и символомъ этого примиренія служитъ поэтическая любовь, соединяющая двѣ чистыя юныя души—сына короля, Фердинанда, съ дочерью Просперо, красавицей Мирандой. Волшебныя силы болѣе не нужны, и духъ Аріель отпускается на свободу, въ область родныхъ стихій. Мудрый, гуманный Просперо и безобразный дикарь Калибанъ олицетворяютъ собою, очевидно, высшія и низшія человѣческія расы въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, на почвѣ вновь открытыхъ далекихъ странъ [1]).

Взять „дикаго и уродливаго раба" (a savage and deformed slave, какъ значится въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ „Бури") за олицетвореніе европейской демократіи, въ ея отношеніяхъ къ аристократическому классу,—это была по истинѣ несчастная мысль, которую можно было допустить только въ порывѣ партійной злобы. Народное большинство принадлежитъ къ той же расѣ, что и Просперо; оно не отличается отъ высшихъ сословій своими физическими и нравственными качествами, а если существуютъ различія въ степени культуры, то они зависятъ исключительно отъ разницы въ обстановкѣ и условіяхъ жизни и воспитанія. Трудящіяся народныя массы, которыми держится вся сила государства, заключаютъ въ себѣ такіе запасы физическаго и нравственнаго здоровья, какихъ нѣтъ и не можетъ быть у небольшого круга изнѣженной аристократіи; изъ этихъ же народныхъ массъ постоянно выдѣляются и пополняются составные элементы верхняго культурнаго слоя. Между высшими и низшими классами одного и того же народа нѣтъ коренной противоположности, какъ между Калибаномъ (т.-е. канибаломъ или людоѣдомъ) и европейцемъ Просперо; ибо предки Просперо сами вышли изъ народа, а не явились откуда-то со стороны, въ качествѣ особой высшей расы. Просперо связанъ съ своимъ народомъ единствомъ языка и происхожденія; не онъ научилъ народъ употребленію человѣческой рѣчи, а народъ далъ ему готовый языкъ, выработанный вѣками народнаго творчества. Особенно странно было примѣнять идею шекспировской пьесы къ условіямъ новѣйшей французской борьбы между республиканской демократіей и приверженцами стараго монархическаго порядка. Кто представлялъ собою демократію при президентствѣ Макъ-Ма-

---

[1]) О попыткахъ объясненія шекспировской „Бури" ср. замѣтку г. Кулишера въ „Вѣстникѣ Европы", 1883, май, стр. 409—418 („Просперо и Калибанъ").

гона? Гамбетта, Греви, Фрейсинэ, Жюль Симонъ, Жюль Ферри,— цѣлый рядъ выдающихся умовъ и талантовъ, изъ среды просвѣщенной буржуазіи. Кто представлялъ собою аристократію? Герцогъ де-Брольи, де-Фурту, Бюффе́, Шенелонъ, — люди бо̀льшею частью мало даровитые, но съ огромными и ничѣмъ не оправдываемыми претензіями. Въ демократическомъ лагерѣ мы находимъ все, что̀ было разумнаго и перодового въ культурномъ классѣ населенія; а на сторонѣ реакціи оказываются всевозможные дѣльцы разбитыхъ партій, какая-то неопредѣленная смѣсь бонапартистовъ съ орлеанистами и легитимистами, подъ общимъ знаменемъ клерикализма. Гдѣ тутъ мѣсто для Калибана? Можно ли сказать, что герцогъ де-Брольи или де-Фурту имѣютъ болѣе общаго съ Просперо, чѣмъ академикъ Жюль Симонъ или инженеръ Фрейсинэ? Такъ же точно дѣятели великой революціи 1789 года, какъ Мирабо, Дантонъ, Карно, Робеспьеръ, всего менѣе напоминали собою невѣжественнаго, первобытнаго Калибана, а среди ограниченныхъ людей придворной партіи не было, конечно, мѣста для мудраго Просперо.

Принявъ „уродливаго и дикаго раба“ за олицетвореніе демократіи, а ученаго философа-идеалиста—за представителя аристократическаго начала, Ренанъ долженъ былъ невольно допустить нѣкоторыя существенныя противорѣчія и несообразности въ своемъ „продолженіи“ шекспировской „Бури“. Онъ устраняетъ или, вѣрнѣе, забываетъ природныя различія между Калибаномъ и Просперо, дѣлаетъ дикаря, сына вѣдьмы, миланскимъ гражданиномъ, ставитъ его во главѣ народной оппозиціи и вручаетъ ему верховную власть надъ республикою, причемъ приписываетъ ему, однако, тѣ же характеристическія внѣшнія черты, которыя отмѣчены у Шекспира. „Просперо, герцогъ миланскій, невѣдомый для историковъ,—говоритъ Ренанъ въ предисловіи,—Калибанъ, безобразное существо, едва начинающее принимать человѣческій видъ, — и Аріель, порожденіе воздуха, символъ идеализма, являются самыми глубокими созданіями Шекспира. Я желалъ показать, какъ эти три типа дѣйствуютъ при нѣкоторыхъ комбинаціяхъ, приспособленныхъ къ идеямъ нашего времени“. Ренановскій Калибанъ, привезенный почему-то герцогомъ Просперо въ его миланскія владѣнія, начинаетъ съ того, что пользуется на просторѣ отборными винами изъ погреба своего повелителя, во дворѣ его за̀мка; онъ „лежитъ пьяный на землѣ, въ лужѣ вина, вытекшаго изъ боченка, который онъ забылъ закрыть“, и въ этомъ неудобномъ состояніи онъ разсуждаетъ очень здраво и рѣзко о своихъ попранныхъ правахъ, о свободѣ, объ „абсолютныхъ правахъ чело-

вѣка", о правѣ первой оккупаціи, о своемъ чувствѣ человѣческой гордости и чести, объ узурпаторахъ и эксплуататорахъ, о священномъ правѣ возстанія и т. п., въ духѣ утонченной политической діалектики. Духъ Аріель, продолжающій служить ученому и мудрому Просперо, пытается спорить съ пьянымъ Калибаномъ, но не можетъ его переспорить. Существо, едва похожее на человѣка и притомъ опьяненное винными парами, сыплетъ такими фразами: „Всякое усиліе, употребляемое для воспитанія другого человѣка, обращается противъ самого воспитателя. Когда народъ убѣдится, что высшіе классы ведутъ его за собою посредствомъ суевѣрія, онъ съумѣетъ отплатить за это своимъ прежнимъ господамъ. Ты увидишь, что скоро престижъ ихъ исчезнетъ" и т. д. Бѣдный Аріель ничего не можетъ отвѣтить на эти смѣлыя рѣчи пьянаго урода, валяющагося въ лужѣ вина; онъ ссылается только на превосходство своего господина, который весь поглощенъ своею наукою и стремится исключительно къ тому, чтобы доставить разуму полное владычество надъ міромъ. Просперо постоянно занятъ въ своей лабораторіи и бесѣдуетъ о высокихъ матеріяхъ съ своимъ вѣрнымъ Аріелемъ; о государственныхъ дѣлахъ онъ совершенно не думаетъ. Нѣкоторые изъ придворныхъ ропщутъ и предсказываютъ скорую революцію; другіе утѣшаются философскими замѣчаніями, болѣе или менѣе глубокомысленными. Этотъ обмѣнъ мыслей на придворномъ балу служитъ уже предвѣстникомъ серьезнаго политическаго кризиса. Разныя политическія теоріи, которыя высказываются при этомъ, не соотвѣтствуютъ однако представленію о небольшой странѣ, управляемой идеальнымъ правителемъ. Такъ напримѣръ, одинъ изъ собесѣдниковъ находитъ, что „самый лучшій моментъ для государства — когда войска его разбиты"; правительство тогда чрезвычайно любезно и уступчиво, и подъ вліяніемъ военной неудачи оно охотно приступаетъ къ реформамъ. Примѣнимо ли это наблюденіе къ царствованію такого философа, какъ Просперо? Развѣ мудрый правитель нуждается въ какой-нибудь катастрофѣ для того, чтобы понять потребности и желанія народа и пойти имъ своевременно на встрѣчу? Въ сущности Просперо—вовсе не правитель, а кабинетный ученый, стоящій въ сторонѣ отъ всякой практической дѣятельности. Когда ему сообщаютъ о народномъ броженіи въ Миланѣ, онъ самъ сознается, что имѣетъ больше власти въ своей лабораторіи, чѣмъ въ миланскомъ дворцѣ. Калибанъ присутствуетъ на празднествѣ, спрятавшись за кустомъ; онъ негодуетъ по поводу того, что его не пригласили на балъ, возмущается привилегіями аристократіи, толкуетъ про себя о ра-

венствѣ и правахъ человѣка. Въ городѣ происходитъ волненіе; Калибанъ возбуждаетъ толпу своими нападками на правительство и произноситъ горячую рѣчь. Восторженные слушатели провозглашаютъ его „великимъ гражданиномъ“ и вождемъ народа. Калибана съ тріумфомъ водворяютъ во дворцѣ, гдѣ предъ нимъ дефилируютъ многочисленныя депутаціи отъ рабочихъ; онъ успокаиваетъ всѣхъ заявленіемъ, имѣющимъ уже характеръ настоящей правительственной программы. „Довѣрьте намъ ваши интересы,— говоритъ онъ народу:—будутъ произведены необходимыя разслѣдованія, будутъ назначены коммиссіи, и всѣмъ дано будетъ удовлетвореніе. Вышедши изъ вашей среды, мы существуемъ только для васъ и черезъ васъ. Единственною заботою правительства будетъ благо народа. Но, граждане, порядокъ необходимъ. Сложите оружіе, разойдитесь по домамъ, увѣнчайте вашу побѣду умѣренностью и уваженіемъ къ чужой собственности“. Это уже тонъ государственнаго человѣка, выдвинутаго революціей и способнаго справиться съ нею. Всѣ покорно смиряются, рукоплещутъ и расходятся; одинъ зъ народа напоминаетъ, что только-что самъ Калибанъ проповѣдовалъ „революцію до послѣдней крайности“, но это возраженіе теряется среди общаго шума одобренія. Оставшись одинъ во дворцѣ, Калибанъ чувствуетъ себя призваннымъ къ роли разумнаго и осторожнаго правителя; онъ сразу становится оппортунистомъ, смѣется надъ нелѣпыми и неосуществимыми требованіями народа и рѣшается осуществить идеалъ, о которомъ мечталъ Просперо.

Дикое существо, едва похожее на человѣка и недавно еще валявшееся въ лужѣ передъ погребомъ герцога, превращается вдругъ въ серьезнаго политическаго дѣятеля, напоминающаго Гамбетту! Какъ совершилось это чудесное превращеніе—изъ пьесы не видно. Калибанъ, нѣчто среднее между рыбою и человѣкомъ, уродливый рабъ, едва научившійся говорить человѣческимъ языкомъ, улетучивается куда-то безслѣдно, и на мѣсто его выступаетъ подъ тѣмъ же именемъ талантливый ораторъ, не имѣющій соперниковъ въ искусствѣ убѣждать и сдерживать толпу, тонкій знатокъ народной психологіи, дипломатъ, ловко справляющійся съ революціоннымъ броженіемъ и забирающій въ свои руки всю государственную власть, не вызывая никакихъ протестовъ со стороны общества и его представителей. Любопытнѣе всего, что авторъ какъ будто не замѣчаетъ этой замѣны одного героя другимъ и продолжаетъ считать своего Калибана тѣмъ же шекспировскимъ дикаремъ, только измѣнившимся подъ вліяніемъ новой культурной обстановки. Просперо, узнавъ о народномъ возстаніи

подъ предводительствомъ грубаго и неблагодарнаго „животнаго", призываетъ Аріеля и велитъ ему немедленно раздавить чудовище; оказывается, однако, что духи безсильны противъ народа и его вождя Калибана. „Тамъ, гдѣ Калибанъ можетъ все, — говоритъ Аріель,— мы ничего не можемъ. Волшебныя чары не дѣйствуютъ болѣе. Революція—это реализмъ. Все, что только представляется нашему взору, что идеально, невещественно, — не существуетъ для народа. Народъ—позитивистъ, а чтобы быть доступнымъ дѣйствію нашихъ силъ, нужно вѣровать въ нихъ". Представители миланской буржуазіи уговариваютъ Просперо отказаться отъ престола и уступить мѣсто новому правительству, которое „обнаруживаетъ хорошія намѣренія"; Калибанъ стоитъ уже во главѣ умѣренной партіи, и нѣтъ повода раздражать его безплодной оппозиціей. Просперо жалѣетъ, что возился столько съ грязнымъ животнымъ и старался приблизить его къ типу человѣка; а старый совѣтникъ герцога утѣшаетъ его словами: „Калибанъ—это народъ. Всякая цивилизація—аристократическаго происхожденія. Просвѣщенный дворянами, народъ обыкновенно обращается противъ нихъ же. Если слишкомъ близко присматриваться къ подробностямъ естественнаго прогресса, то можно увидѣть возмутительныя вещи". Далѣе ходъ пьесы отчасти запутывается неожиданнымъ вмѣшательствомъ „инквизиціи", которая требуетъ Просперо къ своему суду, по обвиненію въ ереси. Такъ какъ авторъ заявляетъ въ предисловіи, что задуманное имъ продолженіе шекспировской „Бури" приспособлено къ современнымъ идеямъ, то участіе средневѣковой инквизиціи остается не совсѣмъ понятнымъ. Миланская буржуазія, предводимая Калибаномъ, заступается за Просперо, обѣщаетъ ему полную свободу научныхъ занятій и заставляетъ монаха-инквизитора удалиться во-свояси. Просперо признаетъ за Калибаномъ одно важное достоинство— что онъ врагъ клерикализма. Папскій легатъ привѣтствуетъ Калибана, какъ новаго владѣтельнаго герцога, и проситъ у него выдачи зловреднаго вольнодумца Просперо; но Калибанъ рѣзко прерываетъ легата: „То, что было, больше не будетъ. Я унаслѣдовалъ права Просперо; я долженъ его защищать. Просперо находится подъ моей охраной. Нужно, чтобы онъ работалъ свободно, съ своими философами и артистами, подъ моимъ покровительствомъ. Его труды составятъ славу моего царствованія". Калибанъ пользуется всѣми выгодами своего сближенія съ церковью и въ то же время сохраняетъ свою самостоятельность, какъ правитель; онъ смѣло и твердо беретъ на себя роль не только союзника папы, но и покровителя наукъ и искусствъ. Онъ при-

влекаетъ къ себѣ на службу старыхъ совѣтниковъ бывшаго герцога, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что необходимо „окружить себя людьми, опытными въ дѣлѣ управленія". Престарѣлый монахъ, давно удалившійся отъ свѣта, резюмируетъ общій смыслъ событій въ извѣстномъ уже Ренановскомъ духѣ: „Да, вся цивилизація есть дѣло аристократовъ. Аристократія создала грамматическій языкъ, законы, нравственность, разумъ. Она пріучила къ порядку низшія расы, то подчиняя ихъ суровыми мѣрами, то держа ихъ въ страхѣ при помощи суевѣрій. Низшія расы, какъ освобожденные негры, обнаруживаютъ въ началѣ чудовищную неблагодарность по отношенію къ своимъ освободителямъ. Когда имъ удается свергнуть иго, онѣ называютъ ихъ тиранами, эксплуататорами, обманщиками. Узкіе консерваторы мечтаютъ о попыткахъ вновь получить власть, которая отъ нихъ ускользнула. Болѣе просвѣщенные люди примиряются съ новымъ режимомъ, оставляя за собою только право безобидно шутить и смѣяться. Быть можетъ, бюджетъ Калибана окажется болѣе щедрымъ для умныхъ людей, чѣмъ бюджетъ Мецената. Хорошо причесанный и вымытый, Калибанъ сдѣлается очень приличнымъ. Со временемъ, быть можетъ, появятся медали съ надписью: „Калибану, покровителю наукъ, литературы и искусствъ". Утонченныя чувства нѣжныхъ душъ, вдохновляемыхъ личными побужденіями вѣрности, не имѣютъ болѣе мѣста въ подобномъ мірѣ". Просперо возвращаетъ свободу Аріелю: духъ не можетъ жить, когда исчезли идеалы въ человѣчествѣ и когда аристократическій идеализмъ уступилъ свое владычество грубому народному реализму [1]).

Нельзя не видѣть, что въ пьесѣ Ренана изображены два различные Калибана: одинъ — шекспировскій полу-человѣкъ, полузвѣрь, о которомъ напоминаютъ только отдѣльные эпизоды, а также отзывы Просперо и Аріеля; другой — умнѣйшій и энергичнѣйшій человѣкъ въ Миланѣ, стоящій цѣлою головою выше всѣхъ окружающихъ его людей, превосходящій самого Просперо по политическому пониманію и искусству, и проявляющій въ своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ замѣчательный тактъ и ловкость истиннаго государственнаго дѣятеля. Второй типъ Калибана совершенно устраняетъ все то, что̀ могло быть отнесено къ первому типу; Калибанъ-политикъ, глава миланской буржуазіи, столь же далекъ отъ Калибана-дикаря, какъ и самъ Просперо. Если

---

[1]) Обстоятельный разборъ „Калибана" былъ сдѣланъ въ свое время К. К. Арсеньевымъ въ „Вѣстникѣ Европы", 1879, январь, стр. 95—125.

же Калибанъ въ обоихъ видахъ есть одно и то же лицо, какъ это выходитъ по пьесѣ Ренана, то какая идея заключается въ этой непостижимой двойственности героя? Хотѣлъ ли авторъ доказать, что переходъ политической власти въ руки народа внезапно превращаетъ невѣжественную и дикую демократію въ разумный и дѣльный правительственный классъ? Этого, конечно, не думалъ Ренанъ; напротивъ, онъ несомнѣнно держится того взгляда, что допущеніе демократіи къ участію въ политической власти есть ужасное паденіе въ ходѣ человѣческихъ дѣлъ. Однако, если взглянуть безпристрастно на совершившуюся перемѣну, мы не найдемъ въ ней ничего такого, что̀ оправдывало бы пессимистическія предположенія автора. Государство нисколько не потеряло отъ того, что Просперо, кабинетный ученый по призванію, освобожденъ отъ неподходящихъ для него правительственныхъ заботъ и предоставленъ всецѣло своимъ любимымъ научнымъ занятіямъ; —наука могла только выиграть отъ такой перемѣны. Кто бы ни былъ Калибанъ по происхожденію и по природѣ, но онъ съумѣлъ удовлетворить всѣ классы населенія и примирить съ собою не только буржуазію, но и представителей науки и литературы, и служителей церкви, и даже бывшихъ совѣтниковъ герцога. Пока правителемъ былъ Просперо, всѣ были недовольны — и народъ, и буржуазія, и духовенство, и придворныя лица: онъ всѣхъ одинаково возстановилъ противъ себя своимъ полнымъ политическимъ бездѣйствіемъ, своимъ невниманіемъ къ нуждамъ и желаніямъ разныхъ слоевъ общества. Недовольство сразу прекратилось, когда мѣсто Просперо занялъ предводитель демократіи: онъ заговорилъ тономъ практическаго государственнаго человѣка, положилъ конецъ народному волненію, поставилъ себя надлежащимъ образомъ относительно церкви, успокоилъ философовъ и ученыхъ, обезпечивъ имъ свободу мысли и изслѣдованій. Мудрый Просперо остается по прежнему въ своей лабораторіи, а Калибанъ отлично справляется съ государственными дѣлами, которыя прежде были заброшены и запущены. Демократія, бывшая прежде дикою и грубою, успокоилась и приняла болѣе культурные нравы. Въ чемъ же тутъ упадокъ или потеря для страны? Самъ Просперо мирится съ новымъ режимомъ и одобряетъ его направленіе; науки и искусства, философія и литература сохранили свою свободу, а съ ними сохранились и высшіе человѣческіе идеалы, такъ что духъ Аріель совершенно напрасно покинулъ земную жизнь послѣ торжества Калибана.

Что касается теоріи Ренана объ исторической миссіи аристократовъ, то къ ней трудно отнестись серьезно. Размышленія пре-

старѣлаго монаха, приведенныя нами выше, извинительны только для человѣка, удалившагося отъ міра и витающаго въ области фантазіи. Гдѣ и когда аристократія создавала для народа языкъ, учила людей земледѣлію, ремесламъ и искусствамъ? Мыслимо ли приравнивать взаимныя отношенія аристократіи и народа къ тѣмъ отношеніямъ, которыя устанавливались между европейцами и неграми? Развѣ народныя массы въ Европѣ составились изъ племенъ низшей расы, сравнительно съ дворянствомъ? Не видимъ ли, наоборотъ, что высшія сословія нѣкоторыхъ европейскихъ странъ щедро пополнялись монгольскими и тюркскими элементами? Европейцы подчиняли себѣ негровъ для того, чтобы пользоваться ихъ рабскимъ трудомъ, и, разумѣется, не могли за это ожидать отъ нихъ особой признательности. Если аристократія подчиняла себѣ „низшія расы" (или, вѣрнѣе, низшіе классы) суровыми мѣрами или держала ихъ въ суевѣрномъ страхѣ, то она дѣлала это, конечно, не для пользы и благоденствія низшихъ классовъ, а исключительно для своихъ собственныхъ выгодъ и интересовъ; поэтому смѣшно говорить о „чудовищной неблагодарности" народа по отношенію къ своимъ прежнимъ поработителямъ. Владѣльцы, распоряжавшіеся рабочими силами и достояніемъ подвластнаго крестьянства, не заботились вообще о народныхъ чувствахъ; феодалы не стѣснялись разорять крестьянскія поля для удовольствій охоты и налагали на крестьянъ всевозможныя повинности, изъ которыхъ иныя кажутся уже просто фантастическими: въ національномъ собраніи 1789 года упоминалось о существовавшемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ правѣ сеньора „согрѣвать свои ноги въ дымящихся внутренностяхъ поселянъ" при возвращеніи съ охоты въ зимнее время, и взамѣнъ этой невѣроятной натуральной повинности крестьяне отбывали барщину и платили хлѣбомъ въ зернѣ или овсомъ (см. Bonnemère, Histoire des paysans, t. I, p. 261). Аристократія имѣла свою культурную роль; но эта роль слишкомъ дорого обходилась подвластному населенію и ничего не давала ему, кромѣ тяжелаго гнета. Когда сами аристократы дошли до сознанія несправедливости своихъ привилегій, они вынуждены были отказаться отъ нихъ болѣе или менѣе добровольно, подъ вліяніемъ угрожающихъ симптомовъ народнаго возбужденія. Вся европейская исторія представляется Ренану почему-то въ обратномъ видѣ; ему рисуется аристократическая идиллія, господствующая надъ народомъ во имя цивилизаціи, подъ руководствомъ добродѣтельныхъ Просперо и при нѣжныхъ звукахъ воздушной музыки Аріеля. Ошибка Ренана произошла отчасти отъ того, что подъ словомъ „аристократія" онъ разумѣетъ два различныя по-

нятія: онъ имѣетъ въ виду то аристократію историческую, въ смыслѣ правящаго военнаго или придворнаго класса, то аристократію умственную, въ смыслѣ небольшой выдающейся группы людей, передовыхъ работниковъ въ области научнаго, культурнаго и художественнаго творчества. Аристократія въ первомъ значеніи далеко не совпадаетъ съ тѣмъ меньшинствомъ, которое двигаетъ человѣчество впередъ; она часто находится даже въ прямомъ антагонизмѣ съ дѣятелями умственнаго прогресса, стѣсняя ихъ свободу и задерживая ихъ успѣхи своею обременительною военно-придворною опекою. Къ аристократіи, какъ сословію, Ренанъ относитъ все то, что̀ можетъ быть приписано только умственной аристократіи, никѣмъ оффиціально не признанной и часто подвергающейся различнымъ ограниченіямъ и преслѣдованіямъ. Это странное смѣшеніе проходитъ красною нитью черезъ всѣ разсужденія Ренана объ аристократіи и демократіи, какъ въ его „Dialogues philosophiques", такъ и въ его „Caliban".

II.

„Продолженіе Калибана", вышедшее въ 1881 году подъ заглавіемъ „L'eau de Jouvence", есть не что иное, какъ косвенное опроверженіе нѣкоторыхъ взглядовъ, высказанныхъ въ „Калибанѣ". Политическія обстоятельства значительно измѣнились во Франціи въ этотъ промежутокъ времени: республика одержала окончательную побѣду надъ послѣдними могиканами стараго порядка; ненавистные Ренану демократы вытѣснили маршала Макъ-Магона съ герцогомъ де-Брольи и де-Фурту и поставили на ихъ мѣсто болѣе скромныхъ буржуазныхъ дѣятелей. Французское общество вздохнуло свободно, избавившись отъ хроническихъ волненій и кризисовъ; скрытая диктатура Гамбетты, которой такъ боялись реакціонеры, оказалась напраснымъ пугаломъ, и никто не почувствовалъ неудобства отъ перехода власти въ руки умѣренныхъ республиканцевъ. Ренанъ счелъ нужнымъ окончательно превратить полу-дикаря Калибана въ обыкновеннаго политическаго дѣятеля, нѣсколько грубоватаго по наружности, но вполнѣ разумнаго, одареннаго выдающимися качествами и способностями. Примирившись съ господствомъ этого преобразованнаго, культурнаго Калибана, авторъ долженъ былъ признать, что идеалы не исчезли, а приняли даже болѣе опредѣленную форму въ новыхъ соціально-политическихъ теченіяхъ; онъ поэтому возвращаетъ жизнь духу Аріелю, олицетворенію идеализма, и прочно привязываетъ

его къ реальному міру. Калибанъ, который въ первой пьесѣ характеризуется какъ „грубый и уродливый рабъ“ (esclave brutal et difforme, какъ сказано въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ), является уже просто, какъ „глава народа въ Миланѣ“, безъ всякихъ дальнѣйшихъ обозначеній. „Я сначала думалъ,—говоритъ Ренанъ въ предисловіи къ „L'eau de Jouvence“,—о такомъ продолженіи Калибана, которое несомнѣнно обрадовало бы консерваторовъ. Просперо былъ бы возстановленъ въ своемъ герцогствѣ; воскресшій Аріель сталъ бы во главѣ реакціи. Но я видѣлъ, какъ невыгодно было бы такое рѣшеніе. Я люблю Просперо, но не люблю людей, которые возстановили бы его на престолѣ. Мнѣ болѣе нравится Калибанъ, облагороженный властью... Въ сущности Калибанъ оказываетъ намъ больше услугъ, чѣмъ оказалъ бы Просперо, возстановленный іезуитами и папскими зуавами. Правительство Просперо далеко не было бы возрожденіемъ; напротивъ, при настоящихъ обстоятельствахъ оно легло бы на насъ тяжелымъ гнетомъ... Я продолжаю вѣрить, что разуму, т.-е. наукѣ, удастся вновь создать въ человѣчествѣ силу, т.-е. правительство. Но въ данное время то, что удалось бы возстановить, было бы отрицаніемъ науки и разума. Поэтому не стоитъ мѣнять. Сохранимъ Калибана; постараемся найти способъ похоронить Просперо съ почетомъ и привязать Аріеля къ жизни, такъ чтобы для него не возникало искушенія умирать по каждому поводу, въ силу какихъ-нибудь пустыхъ побужденій“. Другими словами, демократія не такъ плоха, какъ представлялось автору прежде, и аристократическій режимъ, бывшій для него идеаломъ правительства, становится уже чѣмъ-то крайне тягостнымъ и нежелательнымъ, прямымъ „отрицаніемъ разума и науки“.

Содержаніе пьесы „L'eau de Jouvence“ мало интересно само по себѣ; оно ужъ слишкомъ далеко отодвинуто отъ современной жизни и касается главнымъ образомъ средневѣковаго папства. Авторъ переноситъ насъ въ четырнадцатый вѣкъ, когда глава католической церкви имѣлъ свою резиденцію въ Авиньонѣ. Множество лицъ выведено на сцену безъ особенной надобности, сильно запутывая ходъ дѣйствія. Дворъ папы Климента изображенъ въ видѣ какой-то компаніи веселыхъ дамъ и кавалеровъ, соединяющихъ легкомысліе съ жестокостью и неразборчивостью въ средствахъ; откровенные грѣшники, искатели грубыхъ наслажденій, говорятъ о сожженіи людей подъ предлогомъ ереси, какъ о чемъ-то вполнѣ обыденномъ и незначительномъ. Папа открыто живетъ съ своей метрессой, красавицей Бруниссендой, которая заправляетъ всѣми дѣлами церкви; бывшая метресса, старая аристократка,

интригуетъ въ Миланѣ и хлопочетъ о возстановленіи правъ законнаго герцога, пользуясь своими прежними связями и отношеніями. Распущенность и развратъ, несправедливость и насиліе царствуютъ повсюду. Папа не останавливается даже передъ вскрытіемъ могилы ограбленнаго имъ епископа, чтобы вырвать изъ рукъ скелета документъ съ изложеніемъ жалобы къ Всевышнему. Миланскіе дворяне цинично объясняютъ, что отстаиваютъ интересы Просперо только потому, что имъ платятъ за это. Среди этой пестрой аристократической толпы, испорченной до мозга костей, личность Калибана, остающаяся большею частью вдали, выростаетъ на степень исключительнаго нравственнаго героя. Калибанъ положительно является единственнымъ симпатичнымъ и серьезнымъ лицомъ пьесы; онъ производитъ впечатлѣніе какого-то великана среди жалкихъ и хищныхъ пигмеевъ. Самъ Просперо опустился и не обнаруживаетъ уже признаковъ прежней мудрости; вмѣсто исканія высшей правды онъ проповѣдуетъ низменную мораль личныхъ наслажденій, расплывается въ длинныхъ и безцвѣтныхъ quasi-философскихъ тирадахъ, стремится отыскать составъ жизненной эссенціи или „живой воды" для возрожденія ослабѣвшихъ силъ стариковъ, полагая почему-то достойнымъ и важнымъ для философа заботиться объ искусственномъ продолженіи и усиленіи жизни окружающихъ пошлыхъ существъ.

Миланскіе аристократы хотятъ вовлечь Просперо въ борьбу или въ заговоръ противъ республики. Они обращаются къ нему съ заявленіями своей неизмѣнной преданности и предлагаютъ воспользоваться народнымъ неудовольствіемъ, вызваннымъ экономическими причинами. „Мы достигли громадныхъ результатовъ,— говоритъ ихъ делегатъ: —намъ удалось довести миланскую промышленность почти до полнаго разоренія. Дѣла идутъ все хуже и хуже. Въ качествѣ владѣльцевъ значительнѣйшей части общественнаго богатства, мы можемъ, открывая или запирая наши кошельки, создавать въ народѣ благосостояніе или нищету. Народъ поэтому зависитъ отъ насъ"... Эта удивительная экономическая теорія, ставящая народное благосостояніе въ зависимость не отъ труда и предпріимчивости населенія и даже не отъ капиталистовъ-хозяевъ, а отъ щедрости или скупости богатыхъ собственниковъ, — принадлежитъ, очевидно, самому Ренану и свидѣтельствуетъ о степени его знакомства съ экономическими и соціальными вопросами. „Республика, — продолжаетъ аристократическій ораторъ въ обращеніи къ Просперо,—имѣетъ то преимущество, что сама даетъ оружіе для нападенія на нее; нужно только показать на дѣлѣ, что порядокъ никогда не установится

при господствѣ народныхъ собраній. Тактика для этого очень простая: чтобы показать отсутствіе порядка, мы его постоянно нарушаемъ. Мы дѣлаемъ адскій шумъ въ народныхъ собраніяхъ; мы особенно стараемся возбуждать какія-нибудь волненія и излишества. Въ этомъ отношеніи Калибанъ сильно затрудняетъ намъ задачу. Съ тѣхъ поръ какъ онъ у власти, онъ ведетъ себя съ достаточнымъ благоразуміемъ. Мы надѣялись, что онъ начнетъ продѣлывать разныя глупости; но ничего этого нѣтъ". Изъ этого можно видѣть, что Калибанъ устроилъ республику въ современномъ духѣ, на началахъ строгой законности, свободы и равенства, безъ всякихъ изъятій или ограниченій даже для явныхъ враговъ правительства. Участники павшаго режима пользуются безпрепятственно такими же правами, какъ и побѣдившіе демократы, и могутъ свободно тѣснить республику, не опасаясь ни за себя лично, ни за свои богатства. И это чудо законности и безпристрастія совершено Калибаномъ въ такую эпоху, когда кругомъ царствуетъ произволъ и насиліе! Въ первой пьесѣ Калибанъ принимаетъ титулъ герцога; но тутъ онъ оказывается только добродѣтельнымъ и замѣчательно великодушнымъ правителемъ образцовой республики. Просперо отказывается участвовать въ заговорахъ противъ такой безобидной демократіи, мотивируя свое рѣшеніе нравственно-политическими сентенціями, напоминающими извѣстные манифесты графа Шамбора. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствуетъ, что вызывающія дѣйствія аристократовъ компрометтируютъ его; онъ покидаетъ поэтому свою лабораторію и свое отечество, сознавая, что „долго придется блуждать по міру, прежде чѣмъ найти для себя охрану, равносильную покровительству Калибана".

Просперо превращается въ странствующаго ученаго, подъ именемъ Арнð. Парижскій богословскій факультетъ обвиняетъ его въ опасныхъ еретическихъ ученіяхъ, въ производствѣ какихъ-то таинственныхъ естественно-научныхъ опытовъ и изслѣдованій, и наконецъ, въ употребленіи чудодѣйственныхъ лекарствъ, въ родѣ живой воды, уничтожающей дѣйствіе старости и даже смерти. Получивъ эту жалобу, папа рѣшается призвать къ себѣ Арнð и воспользоваться его волшебнымъ лекарствомъ, чтобы вновь пріобрѣсть способность къ удовольствіямъ извѣстнаго рода. Народъ веселится въ Авиньонѣ; скрывающійся въ толпѣ Просперо-Арнð излагаетъ своимъ двумъ ученикамъ разныя философскія и нравственныя идеи, которыя иногда почти дословно повторяются въ другихъ сочиненіяхъ Ренана. Просперо-Ренанъ проповѣдуетъ необходимость веселья и развлеченій для народа; онъ протестуетъ

противъ обществъ трезвости, отнимающихъ у простого человѣка возможность хоть на одинъ моментъ „погрузиться въ идеалъ" (ср. Feuilles détachées, стр. 383—4). Просвѣщенные люди и философы должны хранить про себя свои строгія правила нравственности; они не могутъ быть увѣрены, что правда на ихъ сторонѣ, и поэтому нужно предоставить каждому наслаждаться жизнью, какъ кто умѣетъ. Неизвѣстно, какая изъ многочисленныхъ гипотезъ объясненія бытія соотвѣтствуетъ истинѣ; не надо отвергать безусловно ни одной изъ нихъ, чтобы быть готовымъ ко всему и не попасть потомъ въ просакъ (на томъ свѣтѣ?). Развивая эти мнимо-философскія, ничего не объясняющія теоріи, Просперо видитъ, что толпа разошлась, пѣсни умолкли, и на небѣ показывается фантастическая картина: ножъ гильотины опускается и поднимается надъ массою лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, ожидающихъ попарно своей очереди, начиная съ папы и короля; въ числѣ этихъ лицъ есть не только аристократы и рыцари, но и горожане, судьи, ученые и ремесленники,—не только простые смертные, но и легендарные герои, какъ Роландъ, и поэты, какъ Петрарка съ своею Лаурою. Обреченныя жертвы, подходя къ эшафоту, изящно танцуютъ, и казнь совершается при звукахъ „карманьолы". Это „видѣніе" намекаетъ на великую соціальную революцію, которая, за-одно съ элементами стараго порядка, уничтожитъ будто бы и все лучшее, героическое и полезное въ человѣчествѣ. Просперо, не пропускающій вообще случая для пространныхъ разсужденій, остается на этотъ разъ молчаливымъ и воздерживается отъ всякихъ комментаріевъ по поводу страшной „danse macabre". Онъ продолжаетъ философствовать о болѣе утѣшительныхъ предметахъ, очутившись въ папскомъ дворцѣ, гдѣ ему отведена лабораторія для усовершенствованія способовъ добыванія „живой воды". Между прочимъ, изображая будущее царство науки и разума, онъ говоритъ своимъ ученикамъ, что человѣкъ самъ долженъ выбирать моментъ своей смерти и что „въ каждомъ городѣ многочисленные маленькіе дворцы, украшенные цвѣтами и лентами, доставятъ уставшимъ людямъ то, что̀ государство обязано имъ доставить прежде всего—средство умереть пріятною смертью, сопровождаемою тонкими ощущеніями". Откуда взялась эта неожиданная обязанность государства — неизвѣстно. Хотя по ученію Просперо никто не знаетъ цѣли міра и жизни, но онъ точно опредѣляетъ эту цѣль по своему, когда дѣло идетъ о матеріальныхъ правахъ и обязательствахъ разныхъ классовъ населенія. Крестьяне,—говоритъ онъ,— должны исполнять нашу долю работы, пока мы заняты размы-

шленіемъ. „Молитва или, вѣрнѣе, размышленіе есть цѣль міра; матеріальный трудъ есть рабъ труда духовнаго. Всякій долженъ помогать тому, кто молится, т.-е. мыслитъ. Демократы, не допускающіе подчиненія личностей общему дѣлу, находятъ это возмутительнымъ, и нельзя предвидѣть, чтò произойдетъ, когда не будетъ больше мудраго и либеральнаго Калибана". Но мышленіе бываетъ и плохое, и безплодное, и даже направленное въ дурную сторону, какъ и молитва можетъ быть лицемѣрна и безнравственна; Торквемада тоже мыслитъ и работаетъ умомъ, и однако его духовный трудъ есть нѣчто совершенно отличное отъ умственнаго труда Ньютона. Не всякое мышленіе и не всякая умственная работа могутъ претендовать на господство надъ трудомъ физическимъ; да и нелѣпо было бы предположить, что крестьяне обязаны работать за каждаго, кому придетъ въ голову упражняться въ процессахъ мысли безъ пользы для другихъ. Можно считать вполнѣ справедливымъ подчиненіе личностей „общему дѣлу"; но общее дѣло предполагаетъ элементъ общей пользы, при отсутствіи котораго нельзя говорить объ обязательствахъ одного класса относительно другого. Самъ Просперо дѣлаетъ то, чтò кажется полезнымъ и спасительнымъ для людей; онъ съ большими усиліями добываетъ незначительныя количества „живой воды", и сильные міра сего обращаются къ нему за нѣсколькими каплями цѣлебнаго средства. Нѣмецкій аристократъ, уполномоченный германскаго императора, требуетъ лекарства для коварныхъ политическихъ цѣлей, причемъ рисуется какимъ-то грубымъ, бездушнымъ звѣремъ въ человѣческомъ образѣ, выразителемъ мнимыхъ спеціально-германскихъ принциповъ „крови и желѣза"; онъ постоянно открещивается отъ прежней нѣмецкой сантиментальности, отъ мечтательнаго идеализма, и не признаетъ другого права, кромѣ грубой, холодной, безсердечно разсчетливой силы. Выхвативъ бокалъ съ напиткомъ изъ рукъ Просперо-Арнò, онъ жадно напивается до безчувствія и предается жестокому воинственному бреду, говоритъ восторженно о казняхъ, о повальныхъ избіеніяхъ, о разстрѣляніи плѣнныхъ безъ пощады, о необходимости покончить съ французами и немедленно приступить къ бомбардировкѣ, не обращая вниманія на два милліона человѣкъ, умирающихъ отъ голода. Звѣрскія рѣчи германскаго посланца относятся къ фактамъ послѣдней франко-прусской войны и характеризуютъ побѣдоносную, бисмарковскую Германію, какъ разбойничій лагерь, гдѣ нѣтъ мѣста никакому человѣческому чувству. Этотъ каррикатурный образъ дѣлается еще болѣе мрачнымъ отъ сопоставленія съ французскимъ рыцаремъ, который въ бреду говоритъ лишь

о любви, о своихъ нѣжныхъ поэтическихъ ощущеніяхъ. Однако, Просперо предостерегаетъ отъ поспѣшныхъ выводовъ, примѣняемыхъ къ цѣлой націи; онъ указываетъ на лучшаго изъ своихъ учениковъ, соотечественника воинственнаго германца. „Каждый почерпаетъ въ чудесномъ напиткѣ только то, что̀ носитъ въ себѣ самомъ. Живая вода заключается въ нашемъ сердцѣ; это идеалъ, который никогда не старѣется. Сила, возрождающая насъ, есть чистота нашей души".

Пьеса кончается рядомъ сложныхъ и запутанныхъ сценъ, въ которыхъ главную роль играютъ дѣятели церкви. Съ разныхъ сторонъ поступаютъ къ папѣ настойчивыя просьбы объ осужденіи Просперо; папа зоветъ его къ себѣ, затѣваетъ съ нимъ серьезный разговоръ и терпѣливо выслушиваетъ его вольнодумныя объясненія, въ присутствіи красавицы Брунисссенды. Просперо повторяетъ свои теоріи и передъ великимъ инквизиторомъ; онъ не боится умереть, ибо „жизнь есть недолгій лучъ свѣта среди глубокой ночи, проблескъ яснаго сознанія среди слѣпоты". Инквизиторъ жалѣетъ его и хочетъ удержать его отъ рокового рѣшенія; онъ пробуетъ соблазнить его самымъ ординарнымъ образомъ, показавъ ему двухъ прелестныхъ дѣвушекъ изъ числа тѣхъ, которыя „воспитываются одною аббатисою спеціально для нашихъ удовольствій". Одна изъ нихъ краснорѣчиво и нѣжно предлагаетъ Просперо полюбить ее, подтверждая свои слова авторитетными поученіями своей духовной наставницы; но старый философъ призываетъ къ жизни Аріеля, даетъ ему взглянуть на дѣвушку и возбуждаетъ въ немъ желаніе облечься въ человѣческую плоть: образуется юная парочка влюбленныхъ. Въ эту минуту появляется Калибанъ, съ цѣлью избавить Просперо отъ преслѣдованій; но Просперо принялъ уже свои мѣры, чтобы тихо и постепенно разстаться съ жизнью. Прощаясь съ своимъ вѣрнымъ Аріелемъ, онъ говоритъ ему: „Перестань презирать Калибана. Безъ Калибана нѣтъ исторіи. Ворчаніе Калибана, алчная ненависть, побуждающая его вытѣснить своего господина, составляютъ принципы движенія въ человѣчествѣ. Нѣтъ ничего ни чистаго, ни нечистаго въ его природѣ. Міръ есть исполинскій кругъ, гдѣ гниль выходитъ изъ жизни, и жизнь изъ гнили. Цвѣтокъ выростаетъ изъ навоза; нѣжный плодъ выработывается изъ соковъ, доставляемыхъ грязью. Бабочка въ своихъ превращеніяхъ то безобразна, то прекрасна". Въ заключеніе Просперо проситъ у Калибана выгодную синекуру для Аріеля и его подруги; Калибанъ охотно обѣщаетъ. Философъ умираетъ съ улыбкою и съ благословеніемъ на устахъ.

Типы Просперо и Калибана, безъ сомнѣнія, полны противорѣчій: они въ дѣйствіи оказываются совсѣмъ не такими, какими должны быть по идеѣ. Идеальный правитель-философъ безсиленъ на практикѣ; онъ не годится для политической роли и не имѣетъ понятія о государственныхъ дѣлахъ, которыя его, впрочемъ, совершенно не интересуютъ. Пока онъ на престолѣ, онъ оставляетъ государственные интересы въ рукахъ придворныхъ аристократовъ и ничего не знаетъ, что̀ творится кругомъ. Это, очевидно, плохой, неудачный правитель, а не идеальный монархъ, какимъ желалъ выставить его Ренанъ въ началѣ. При созданіи этого образа авторъ думалъ, конечно, о Маркѣ-Авреліи, который былъ для него идеаломъ правителя. При Маркѣ-Авреліи „міръ впервые управлялся философами"; но въ подробномъ обзорѣ этого царствованія Ренанъ долженъ былъ не разъ указывать на крупныя и даже роковыя ошибки, происходившія именно вслѣдствіе слишкомъ философскаго отношенія къ общимъ интересамъ имперіи. Такъ, будучи идеально-нравственнымъ человѣкомъ, Маркъ-Аврелій сдѣлалъ соправителемъ пустого и тщеславнаго Луція Вера, безъ всякой къ тому надобности, и стѣснялся устранить его изъ чувства преувеличенной деликатности; онъ сознательно связалъ всю судьбу имперіи съ личностью такого негоднаго юноши, какъ сынъ его Коммодъ. „Не отдѣляя съ достаточною строгостью обязанностей отца отъ обязанностей цезаря, онъ вновь открылъ эру тирановъ и анархіи. Во всемъ, исключая законовъ, замѣтно было ослабленіе; двадцать лѣтъ добросердечія испортили администрацію и усилили злоупотребленія [1]). Самый идеалъ философа-правителя долженъ быть признанъ ошибочнымъ, ибо государственныя и общественныя дѣла составляютъ область глубоко практическую, гдѣ прежде всего нужно ясное пониманіе существующихъ народныхъ потребностей и условій, нужно знаніе людей и умѣнье руководить ими, нужны извѣстныя свойства ума и характера, которыми рѣдко обладаютъ философы. Оттого Просперо теряется и отступаетъ при первомъ политическомъ затрудненіи, тогда какъ практическій Калибанъ легко и успѣшно справляется съ гораздо болѣе значительными трудностями. Калибанъ, который, по намѣренію автора, долженъ былъ служить выразителемъ демократической грубости и пошлости, осуществляетъ на практикѣ либеральные принципы Просперо и заставляетъ насъ совершенно забыть о своемъ шекспировскомъ прототипѣ. Самъ Ренанъ какъ будто забываетъ въ концѣ концовъ, изъ какого матеріала созданъ

[1]) Marc-Aurèle et la fin du monde antique, P., 1882, стр. 468—9, 489—490 и др.

имъ „мудрый“ Калибанъ; по крайней мѣрѣ, онъ старается незамѣтно загладить сдѣланный имъ промахъ въ первоначальномъ способѣ олицетворенія демократіи.

Объ остальныхъ двухъ драмахъ Ренана мы говорить не будемъ: одна изъ нихъ—„Le prêtre de Némi“—„философская“ только по названію, а другая—L'abbesse de Jouarre“, не имѣетъ уже и этого обозначенія. Въ „Le prêtre de Némi“ проводится та мысль, что новаторство—дѣло чрезвычайно опасное и трудное и что улучшеніе человѣческихъ понятій и обычаевъ требуетъ большихъ и часто напрасныхъ жертвъ, благодаря умственной косности и тупости большинства; но впечатлѣніе пьесы ослабляется тѣмъ, что новаторомъ выступаетъ такой же неумѣлый философствующій дѣятель, какъ Просперо. Въ „L'abbesse de Jouarre“ изображается какъ бы примиреніе стараго до-революціоннаго общества съ новымъ, республиканскимъ, на почвѣ любви: сначала физическая любовь побѣждаетъ нравственныя чувства и инстинкты, подъ вліяніемъ идеи о краткости жизни, но затѣмъ добродѣтель торжествуетъ и награждается заслуженнымъ счастьемъ.

Въ произведеніяхъ Ренана много остроумія и своеобразной поэзіи; но въ нихъ мало теплоты и искренности чувства. Его талантъ свѣтитъ, но не грѣетъ; его идеализмъ остается холоднымъ, абстрактнымъ, фантастическимъ. У него нѣтъ живого отклика на тѣ живые реальные вопросы, которые волнуютъ современное культурное человѣчество; у него нѣтъ живой симпатіи къ людямъ, особенно къ низшимъ трудящимся массамъ, безъ которыхъ не было бы, однако, ни культуры, ни ея высшихъ выразителей, подобныхъ Ренану.

Л. Слонимскій.

ИЗЪ ПЕТРАРКИ

(СОНЕТЪ XVIII).

Увы, ея душа, душа святая эта,
Недолго съ нами бывъ, бросаетъ дольній прахъ...
О, если справедливъ судъ высшій въ небесахъ—
Ей мѣсто первое присудятъ въ царствѣ свѣта.

И если тамъ, гдѣ Марсъ и третья гдѣ планета,
Полетъ ея души замедлитъ свой размахъ,
То, солнца лучъ затмивъ, на трепетныхъ крылахъ,
Къ ней духовъ свѣтлый полкъ слетится для привѣта.

О, вѣрю я—и тамъ поникнетъ все предъ ней,
Гдѣ три звѣзды свой блескъ на небѣ льютъ четвертомъ—
И тамъ она затмитъ сіянье всѣхъ огней.

Вотъ небо пятое... Блеснувъ какъ метеоръ тамъ,
Все вверхъ стремясь, она—Юпитера сильнѣй
Заблещетъ, наконецъ, въ шатрѣ небесъ простертомъ!..

В. Лебедевъ.

ОБОРОТЫ И ОПЕРАЦІИ КАЗНЫ

въ 1891 году.

ПО ОТЧЕТУ ГОСУДАРСТВЕННАГО КОНТРОЛЯ.

Операціи казны: казенныя желѣзныя дороги; заводы; почта и телеграфъ.—Частныя желѣзныя дороги.—Движеніе государственныхъ долговъ и недоимокъ и долговъ государственному казначейству.—Конверсіи займовъ.—Свободная наличность государственнаго казначейства.—Спеціальныя средства.—Эмеритуры.

Въ числѣ доходныхъ и расходныхъ статей государственнаго бюджета значатся между прочимъ обороты по нѣсколькимъ казеннымъ предпріятіямъ, имѣющимъ болѣе или менѣе промышленный характеръ. Таковы: казенныя желѣзныя дороги, горные заводы и нѣкоторыя другія учрежденія (напр. правительственныя изданія, типографіи разныхъ вѣдомствъ). Къ подобнымъ же предпріятіямъ могутъ быть причислены такъ называемыя регаліи, т.-е. операціи, находящіяся исключительно въ казенномъ вѣденіи: почта, телеграфъ, чеканка монеты.

Первое мѣсто, по размѣру оборотовъ, принадлежитъ казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ. Обороты эти еще въ 1885 году не превосходили $10^1/_2$ м. р. по доходамъ—и 9 м. р. по расходамъ на эксплуатацію, при чемъ вся сѣть шести казенныхъ дорогъ не достигала по протяженію 3.000 верстъ. Съ 1885 года происходила съ одной стороны усиленная постройка казенныхъ дорогъ съ стратегическою или административною цѣлью (полѣсскія, закаспійская и др.); съ другой —переходъ въ вѣденіе казны частныхъ желѣзныхъ дорогъ, оказавшихся наиболѣе невыгодными. Черезъ три года обороты казенной сѣти уже удвоились (по доходамъ); въ 1889 г. доходы составляли 33 милл. р., а въ 1890 году достигли 49 м. р., при расходѣ на

эксплуатацію въ 35 м. р. Въ этомъ году протяженіе казенной сѣти составляло уже 9.300 верстъ. Въ 1891 году эта сѣть доставила казнѣ дохода $58^1/_2$ м. р. [1]), при чемъ расходъ не только не увеличился, но даже уменьшился на полъ-милліона рублей слишкомъ, не доходя до $34^1/_2$ м. р. Столь выгодный результатъ эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ былъ слѣдствіемъ сильнаго увеличенія доходности нѣкоторыхъ дорогъ: сызрано-вяземской (на 3 м. р.), закавказской (на $2^1/_2$ м. р.), екатерининской (на $1^1/_2$ м. р.), самаро-златоустовской и др., при весьма небольшомъ увеличеніи въ расходахъ, которое при томъ съ избыткомъ было покрыто сокращеніемъ эксплуатаціонныхъ расходовъ закавказской желѣзной дороги.

Несмотря, однако, на чрезвычайно удачную эксплуатацію казенной желѣзно-дорожной сѣти въ 1891 году и на превышеніе въ доходахъ на 24 м. р. (на 70%), она и въ этомъ году принесла казнѣ не выгоду, а значительный убытокъ, вслѣдствіе огромныхъ платежей процентовъ и погашенія, упадающихъ на затраченные по этимъ дорогамъ строительные капиталы. Капиталовъ, по которымъ казеннымъ дорогамъ приходилось уплачивать проценты и погашеніе, числилось въ 1890 году около 340 мил. рублей металлическихъ и около 200 мил. р. кред.; всего кредитныхъ (считая 1 р. 50 к. кред. за 1 р. мет.) слишкомъ 700 м. р., уплата съ которыхъ составляла болѣе 32 м. р. кред. [2]). Въ 1891 г. сумма платежей значительно возросла, такъ какъ по одной либаво-роменской желѣзной дорогѣ нужно платить до 4 мил. рублей. Сверхъ того къ расходамъ дорогъ нужно причислить содержаніе центральныхъ органовъ ихъ управленія и содержаніе желѣзно-дорожнаго контроля. Въ результатѣ получается, даже въ особенно благопріятные годы, значительный перевѣсъ въ расходахъ, сравнительно съ доходами.

Причина столь невыгоднаго финансоваго положенія казенной сѣти (а большинство частныхъ дорогъ еще менѣе выгодно) заключается въ томъ, что при сооруженіи дорогъ, построенныхъ казною, имѣлась въ виду не прибыльная ихъ эксплуатація, а ихъ стратегическое и административное значеніе, вслѣдствіе чего онѣ и не могутъ быть особенно выгодны. Дороги же, перешедшія въ казну отъ частныхъ обществъ, были обременены огромными долгами вслѣдствіе непомѣрно

[1]) Въ этотъ счетъ не вошла либаво-роменская желѣзная дорога, перешедшая въ казну 1-го мая 1891 года; расходы на ея эксплуатацію не вошли въ смѣту, а покрывались изъ выручки. Но въ виду вѣроятныхъ результатовъ эксплуатаціи было признано возможнымъ, до сведенія окончательнаго счета, отчислить въ доходъ казны 2 м. р. съ небольшимъ.

[2]) Въ эти суммы не входитъ стоимость постройки и платежи по закаспійской желѣзной дорогѣ, разсчеты по которой до сихъ поръ не приведены въ точную извѣстность.

дорогой постройки ихъ и дурного управленія. Изъ всѣхъ казенныхъ дорогъ только по двумъ—екатерининской (построенной казною) и закавказской (бывшей частной)—уже въ 1890 году доходомъ покрывались расходы и по эксплуатаціи, и по платежамъ за строительные капиталы, а въ 1891 году получился значительный излишекъ доходовъ, до 1.700.000 р. по первой, и въ 4 м. р.—по второй. По всѣмъ прочимъ казеннымъ дорогамъ оказывался значительный убытокъ. Едва ли и можно разсчитывать на скорое обращеніе въ прибыль всей казенной сѣти. Несомнѣнно, однако, что убытокъ по самымъ невыгоднымъ изъ казенныхъ дорогъ значительно меньше того, какой онѣ приносили казнѣ по приплатѣ гарантіи, когда еще находились въ частномъ управленіи.

Не могутъ быть признаны выгодными также и обороты казенныхъ заводовъ. О дѣйствіи заводовъ, находящихся въ вѣденіи министерствъ военнаго и морского (заводы ружейные, пороховые, кораблестроительные и др.) отчетъ не даетъ свѣденій. Есть свѣденія только о заводахъ, состоящихъ въ вѣденіи министерства государственныхъ имуществъ, такъ называемыхъ *горныхъ*, доходъ которыхъ входитъ главною составною частью въ статью росписи: „доходы съ горныхъ заводовъ и промысловъ". Главные изъ этихъ заводовъ: уральскіе съ пермскимъ пушечнымъ во главѣ, затѣмъ олонецкіе (въ томъ числѣ александровскій близъ Петрозаводска) и заводы царства польскаго. Главное назначеніе горныхъ заводовъ—исполненіе казенныхъ заказовъ по изготовленію пушекъ, снарядовъ, паровозовъ, корабельной брони и пр. Сверхъ того на нихъ исполняются частные заказы, добываются металлы и изготовляются издѣлія для продажи.

Извѣстно, что отчетность заводовъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, чрезвычайно сложна и условна, такъ что результаты заводской дѣятельности могутъ быть правильно оцѣнены только по денежнымъ суммамъ: съ одной стороны—дохода, поступившаго за заводскія издѣлія, съ другой—расхода на заводъ. Такія-то именно свѣденія о денежныхъ оборотахъ, хотя и недостаточно точныя по расходамъ, и даетъ отчетъ государственнаго контроля—и они не въ пользу заводовъ.

Въ прежнее время горные заводы славились злоупотребленіями заводской администраціи, но въ послѣднія 10—12 лѣтъ (а можетъ быть и раньше) въ этомъ отношеніи послѣдовало коренное измѣненіе, а въ дѣятельности заводовъ и сбытѣ ихъ издѣлій произошли самыя серьезныя улучшенія, такъ что нынѣшняя убыточность казенныхъ горныхъ заводовъ должна быть непосредственно отнесена къ условіямъ, въ которыя заводы поставлены.

Въ послѣднее десятилѣтіе 1891-й годъ по выгодности оказывается

не лучшимъ, но однимъ изъ лучшихъ [1]). Обороты этого года представляются въ слѣдующемъ видѣ: дохода поступило отъ казенныхъ заказовъ 2.200.000 р. и отъ продажи издѣлій и по частнымъ заказамъ 3.500.000 р., итого 5.700,000 р.,—ровно столько, сколько значится по непосредственнымъ расходамъ: на заготовку матеріаловъ и заработную плату 4.700.000 р. и 1 м. р. на доставку грузовъ къ мѣстамъ назначенія. Но въ счетъ расходовъ не вошло: содержаніе горныхъ управленій (204.000 р.), управленіе казенными заводами (525.000 р.), управленіе горнозаводскими лѣсами (203.000 р.); затѣмъ строительные расходы и разныя служебныя командировки, пособія и т. д. Наконецъ, въ пассивъ заводовъ должны быть поставлены безвозмездно потребляемые имъ казенный лѣсъ и руда. Если взять предшествующій 1890-й годъ (по удостовѣренію государственнаго контроля „исключительный“ въ смыслѣ доходности, вслѣдствіе весьма крупныхъ заказовъ министерствъ путей сообщенія и морского, данныхъ одному изъ уральскихъ заводовъ по изготовленію паровозовъ, рельсовыхъ скрѣпленій и корабельныхъ броней), то доходы горныхъ заводовъ въ этомъ году—7 мил. р.—едва-ли покроютъ расходы, значащіеся приблизительно въ той же цифрѣ, какъ и въ 1891 году. Между тѣмъ такіе крупные заказы—исключеніе; далѣе, они несомнѣнно потребовали и усиленныхъ расходовъ на матеріалы и рабочія руки, но расходы эти отнесены не на роспись 1890 г., а по всей вѣроятности на роспись одного изъ предшествовавшихъ лѣтъ, когда эти заказы постепенно исполнялись.

Причина убыточности горныхъ заводовъ заключается не только въ общихъ невыгодныхъ свойствахъ казенныхъ промышленныхъ предпріятій: недостаткѣ почина, сложныхъ формальностяхъ и пр., но и въ томъ, что эти заводы не могутъ имѣть цѣлей исключительно коммерческихъ. Такъ, на управленіе казенныхъ заводовъ часто возлагается забота объ окрестномъ, пріуроченномъ къ заводамъ, населеніи, для котораго заводская работа составляетъ единственный или по крайней мѣрѣ главный источникъ удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей. Затѣмъ, заводы должны, на случай крайней надобности, поддерживать рабочіе кадры. Отсюда—или безработица, не избавляющая заводы отъ значительныхъ расходовъ, или излишнее производство металловъ и издѣлій, не находящихъ сбыта.

Не разъ поднимался вопросъ, не выгоднѣе ли для казны, рас-

[1]) Нужно имѣть въ виду, что мы говоримъ о денежныхъ результатахъ; между тѣмъ въ 1891 году поступили уплаты за работы, которыя въ бóльшей или мѐньшей части произведены въ 1890 году или даже и ранѣе. Разсчеты особенно съ казенными вѣдомствами затягиваются нерѣдко на два, на три года. Но въ общемъ порядкѣ это не измѣняетъ сущности дѣла.

продавъ или закрывъ собственные заводы, обращаться съ заказами къ частнымъ? Само военное министерство неоднократно высказывалось въ пользу такого рѣшенія, но противъ него возникали весьма вѣскіе соображенія и доводы. Въ необходимую минуту, напр. во время войны, частные заводы могутъ не имѣть въ своемъ распоряженіи средствъ, необходимыхъ для исполненія правительственныхъ заказовъ, или имѣть ихъ въ недостаточномъ количествѣ, при чемъ цѣны, по которымъ придется оплачивать заказы, превзойдутъ многолѣтнюю стоимость содержанія казенныхъ заводовъ. Впрочемъ, сохраняя казенные заводы, министерство государственныхъ имуществъ не отказывается отъ сокращенія числа ихъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ упраздненъ особенно убыточный луганскій заводъ; сокращена нѣсколько добыча не имѣющаго достаточно сбыта олонецкаго чугуна и т. п.

Не убыточна, благодаря своему свойству регаліи, *почтово-телеграфная* операція, годъ отъ году развивающаяся. Десять лѣтъ назадъ, въ 1882 году, почтовый доходъ былъ въ $14^1/_2$ м. р., при расходѣ въ 16 м. р.; доходъ отъ телеграфа 8 м. р. съ небольшимъ при расходѣ почти въ 7 м. р.; всего отъ той и другой операціи вмѣстѣ было получено дохода около 23 м. р., а расходъ равнялся ровно 23 м. р. (при затратѣ 800.000 р. на устройство новыхъ телеграфныхъ линій), т.-е. былъ на 100.000 р. болѣе дохода. Постепенно увеличиваясь, въ 1891 году доходы эти дошли: почтовый до 21 м. р. безъ малаго, телеграфный—до 11 м. р. слишкомъ, вмѣстѣ до 32 м. р. Съ 1884 г. почтовыя и телеграфныя учрежденія слиты такъ, что отдѣлить расходы одного учрежденія отъ другого нѣтъ возможности. Вмѣстѣ эти расходы простирались въ 1891 году до 26 м. р. съ небольшимъ, такъ что почтово-телеграфная операція доставила чистаго дохода около 6 м. р., при чемъ на распространеніе телеграфныхъ и телефонныхъ линій израсходовано въ этомъ году 450.000 руб., а во всѣ десять лѣтъ, 1882—1891, около 6 м. р.

Изъ этихъ цифръ видно, что телеграфъ уже и десять лѣтъ тому назадъ представлялъ значительное превышеніе дохода надъ расходомъ, тогда какъ по почтовому вѣдомству, пока оно отдѣлялось отъ телеграфнаго, превышеніе (въ 1883 году до 1.700.000 р.) оказывалось въ расходѣ.

При той цифрѣ, какой достигъ почтовый доходъ въ 1891 году, слѣдуетъ думать, что онъ превысилъ бы почтовый расходъ даже и при отдѣльномъ разсчетѣ его. Но еслибы этого и не оказалось,—не должно упускать изъ вида существенной разницы между почтовымъ и телеграфнымъ сборами: всѣ телеграфныя депеши, какъ частныя, такъ и казенныя (за немногими исключеніями) оплачиваются; тогда

какъ почтовая казенная корреспонденція или совсѣмъ не оплачивается, или оплачивается только частію. Насколько значительна эта корреспонденція показываютъ данныя за 1890 годъ [1]). Отправленій простыхъ закрытыхъ *безплатныхъ*, слѣдовательно или казенныхъ, или отъ учрежденій, пользующихся правомъ безплатной почтовой корреспонденціи, было 173 мил. лотовъ, болѣе чѣмъ платной (149 мил. лотовъ); казенныхъ денежныхъ и цѣнныхъ пакетовъ было переслано безъ платежа вѣсовыхъ на 525 милліоновъ рублей и безъ платежа страховыхъ на $2^1/_2$ *милліарда* рублей; казенныхъ посылокъ 17 мил. фунтовъ (въ 17 разъ слишкомъ болѣе частныхъ).

Эти чудовищно-огромныя цифры, съ одной стороны, свидѣтельствуютъ о размѣрѣ услугъ, доставляемыхъ почтою казнѣ, а съ другой — невольно вызываютъ сомнѣніе: какого рода эти услуги. Разумѣется, оплата казенной корреспонденціи была бы не болѣе, какъ перекладываніемъ изъ одного кармана въ другой, но вѣдь пересылка корреспонденціи во всякомъ случаѣ не обходится безъ издержекъ. Необходимость оплачивать корреспонденцію, слѣдовательно необходимость для каждаго вѣдомства испрашивать нужные для этого кредиты, повлекла бы счетъ указаннымъ издержкамъ. Можно предвидѣть, что при такомъ счетѣ едва-ли бы представилась надобность сумму, равную всему государственному годичному доходу, со включеніемъ чрезвычайнаго (около милліарда), *три раза* переслать по почтѣ въ теченіе года.

Къ указаннымъ казеннымъ операціямъ примыкаетъ еще и частная, имѣющая, однако, замѣтное вліяніе на результатъ исполненія государственной росписи. Это обороты *частныхъ желѣзныхъ дорогъ*.

Въ теченіе 1891 г. частнымъ акціонернымъ желѣзно-дорожнымъ обществамъ, состоявшимъ въ обязательныхъ къ правительству отношеніяхъ, принадлежало 18.159 верстъ рельсовыхъ путей, изъ которыхъ, впрочемъ, либаво-роменская желѣзная дорога, протяженіемъ въ 1.191 версту, перешла въ казну 1-го мая 1891 года. Участіе правительства въ желѣзно-дорожныхъ предпріятіяхъ, эксплуатируемыхъ частными обществами, выражается: а) въ гарантіи опредѣленнаго дохода съ затраченныхъ на предпріятіе капиталовъ; б) въ реализаціи за счетъ желѣзно-дорожныхъ обществъ нѣкоторыхъ основныхъ и дополнительныхъ облигаціонныхъ капиталовъ, и в) въ выдачѣ разнаго рода денежныхъ и матеріальныхъ ссудъ желѣзно-дорожнымъ обществамъ и образовавшимся для изготовленія желѣзно-дорожныхъ принадлежностей промышленнымъ предпріятіямъ.

---

[1]) Приводимыя свѣденія о почтѣ и телеграфѣ взяты какъ изъ отчетовъ государственнаго контроля, такъ и изъ „Почтово-телеграфной статистики за 1890 годъ, изданія главнаго управленія почтъ и телеграфовъ“ (Спб. 1892 г.) „Статистика“; за 1891 г. еще не вышла.

Вслѣдствіе указанныхъ пунктовъ *участія* правительства, не совсѣмъ легко рѣшить, гдѣ начинается и кончается съ одной стороны казна, съ другой—частныя общества, олицетворяемыя акціонерами. Демаркаціонная линія между ними можетъ быть формулирована такимъ образомъ: на сторонѣ обществъ, т.-е. акціонеровъ—*права*, безъ всякихъ обязательствъ, на сторонѣ казны — *обязательства*, съ слабою тѣнью правъ, которыя если иногда и осуществляются, то совершенно поглощаются невыгодами, вытекающими изъ обязательствъ. Практически, въ дѣйствительности, это выражается въ слѣдующемъ видѣ.

Капиталы, затраченные на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ съ принадлежностями, получены выпускомъ гарантированныхъ облигацій и акцій. Желѣзно-дорожныя облигаціи—не что иное, какъ государственные займы съ опредѣленнымъ, не измѣняющимся процентомъ интереса (роста) и погашенія. По акціямъ опредѣленъ наименьшій доходъ акціонеровъ (5%), съ тѣмъ, что при особенно удачной эксплуатаціи въ томъ или другомъ году какой-либо дороги дивидендъ нѣсколько увеличивается (до 6%). Въ этомъ случаѣ кое-что перепадаетъ и на долю казны, *какъ участницы въ прибыляхъ дороги*. Но полученія казны очень скромны въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ ей приходится или уплачивать желѣзнымъ дорогамъ, или не получать отъ нихъ. За періодъ 1888—1890 года расходы казны по гарантіи процентовъ и погашенія выражались въ слѣдующихъ цифрахъ:

	въ 1888	1889	1890 гг.
	милліоны	рублей	кред.
Причиталось на уплаты по основнымъ капиталамъ	116	97	89
Уплачено изъ чистаго дохода дорогъ	87	74	69
Приплата государственнаго казначейства . . .	29	23	20
Уплачено казнѣ долговъ и прибылей	9	6	6

Постепенное уменьшеніе приплатъ казны объясняется улучшеніемъ курса кредитнаго рубля, конверсіей нѣкоторыхъ желѣзно-дорожныхъ обязательствъ и, главное, переходомъ наиболѣе невыгодныхъ дорогъ въ казенное управленіе. По послѣдней причинѣ и въ 1891 году оказывается дальнѣйшее уменьшеніе какъ въ размѣрѣ самыхъ строительныхъ капиталовъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, такъ и въ размѣрѣ уплатъ по нимъ. Къ 1-му января 1892 года капиталовъ и уплатъ числилось:

		Уплатъ:
Гарантированныхъ акцій. . .	216 м. р. мет. 89 м. р. кред.	18½ м. р. кр.
Гарантированныхъ облигацій .	870 м. р. мет. 112 м. р. кред.	67½ м. р. кр.
	Всего . .	86 м. р.

Слѣдить за многочисленными и сложными счетами казны съ

частными желѣзными дорогами чрезвычайно трудно. Имъ въ отчетѣ государственнаго контроля отведены сотни страницъ,—въ одной объяснительной запискѣ болѣе 30 стр. in*4⁰. Сверхъ разсчета по гарантіи, существуютъ счеты по ссудамъ, выданнымъ желѣзнымъ дорогамъ на расширеніе сѣти и на усиленіе провозныхъ средствъ, сумма которыхъ къ 1-му января 1892 года превосходитъ 218 м. р., безъ начисленія на нихъ процентовъ. Затѣмъ, счетъ по процентамъ, причитающимся казнѣ по прежнимъ долгамъ. Окончательный результатъ разсчетовъ казны съ частными желѣзными дорогами въ 1891 году выражается въ измѣненіи цифры долга ихъ казнѣ. Долгъ этотъ увеличился на 26½ м. рублей.

Любопытно сравнить это увеличеніе съ прежними годами. Въ пятилѣтній предшествующій періодъ долги частныхъ желѣзныхъ дорогъ росли:

	1886	1887	1888	1889	1890
	милліоновъ рублей кред.				
долгъ частн. жел. дорогъ увеличился на	38	97	66½	39	77

Итого въ пять лѣтъ на 317½ м. р., и то не больше только потому, что за это время списаны со счетовъ долги нѣкоторыхъ дорогъ, перешедшихъ въ казенное вѣденіе. Незначительное сравнительно увеличеніе за 1891 годъ можетъ быть объяснимо переходомъ въ этомъ году въ казну еще двухъ частныхъ дорогъ (либаво-роменской и курско-харьково-азовской), а также и тѣмъ, что въ 1891 году выпущенъ новый консолидированный желѣзно-дорожный заемъ, изъ котораго за счетъ разныхъ дорогъ поступило въ казну около 21 мил. рублей.

Въ долговыхъ счетахъ казны оказались за 1891 годъ измѣненія не совсѣмъ въ обычномъ порядкѣ: долги казны не увеличились, какъ это бывало изъ года въ годъ прежде, а уменьшились на значительную сумму; долги казнѣ по прежнему увеличились, но главнымъ факторомъ этого увеличенія были на этотъ разъ не желѣзныя дороги.

Измѣненіе по долгамъ государственнаго казначейства выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Государственныхъ долговъ:	Было къ 1 января 1891 г.	Осталось къ 1 января 1892 г.
	рублей кредитныхъ.	
1) на обще-государственныя потребности .	3.381.480.586 [1])	3.3[illegible]4.941.724
2) по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ . .	1.531.843.200	1.528.433.974
3) по спеціальнымъ займамъ вык. операціи	461.376.450	460.564.100
Всего	5.374.700.236	5.313.939.798

[1]) Въ томъ числѣ безпроцентнаго долга по кредитнымъ билетамъ 568.527.206 р.; къ 1 янв. 1892 года долгъ по кредитнымъ билетамъ не обозначенъ.

Такимъ образомъ сумма долговъ государственнаго казначейства уменьшилась на 60.760.438 р. (именно: золотомъ менѣе на 42.704.271 руб., а кредитными болѣе на 7.566.396 рублей).

Долговъ казнѣ было:	Къ 1 янв. 1891 г.	Къ 1 янв. 1892 г.
1) по счетамъ казенныхъ палатъ, казначействъ и распорядительныхъ управленій	198.209.069	300.382.573
2) за обществами желѣзныхъ дорогъ . .	1.077.076.176	1.103.728.892
	1.275.285.245	1.404.111.465

Увеличеніе долговъ почти на 129 мил. руб. зависѣло главнымъ образомъ отъ недобора въ окладныхъ сборахъ по неурожайнымъ губерніямъ и въ нѣкоторыхъ другихъ (около 34 м. р.), отъ увеличенія долга продовольственнаго капитала, вслѣдствіе выданныхъ за его счетъ ссудъ (около 65 мил. р.), и отъ увеличенія желѣзно-дорожнаго долга (на 26½ м. р.).

Оказывается однако, что суммою въ 1.400.000.000 р. далеко не исчерпываются долги государственному казначейству. „Въ цифру обязательствъ передъ казною,—говорится въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля,—не вошли такія крупныя обязательства, какъ капитальная сумма долга крестьянъ по выкупу отведенныхъ имъ надѣловъ, долгъ желѣзно-дорожныхъ обществъ по оставленнымъ правительствомъ за собою облигаціямъ ихъ, долгъ по военному вознагражденію съ Турціи и др.“.

Пока государственнымъ контролемъ получены свѣденія по тремъ рубрикамъ этихъ долговъ, которыхъ къ 1-му января 1892 года числилось: военнаго вознагражденія съ Хивы 1.255.760 р. кред.; съ Турціи 185.691.009 р. зол. и по желѣзно-дорожнымъ облигаціямъ—около 427 мил. р. золотомъ и около 81 м. р. кред., а всего на кредитные слишкомъ *милліардъ* рублей. Но этимъ милліардомъ, какъ видно изъ приведенныхъ словъ записки, дѣло не ограничится. Правда, милліардъ этотъ не очень надеженъ. Турецкій долгъ разсчитанъ на сто лѣтъ, судя по размѣру ежегодныхъ платежей (2 м. р. съ небольшимъ золотомъ), да и тѣ, какъ извѣстно, вносятся очень неаккуратно. Желѣзныя дороги, несомнѣнно, точно также не будутъ ничего платить изъ второго числящагося за ними милліарда, какъ не платили и не платятъ изъ перваго. Надеженъ долгъ хана хивинскаго: можно сказать съ увѣренностью, что въ теченіе 8—10 лѣтъ (по 150.000 р. въ годъ) онъ будетъ погашенъ...

Измѣненіе въ суммѣ долговъ государственнаго казначейства находится въ связи съ произведенными въ 1891 г. финансовыми операціями: а) конверсіей, и б) досрочной уплатой нѣкоторыхъ государственныхъ займовъ. Конвертировано въ 1891 году займовъ на 92

м. р. золотомъ и на 430 м. р. кредитныхъ, а досрочно уплачено 69 м. р. кредитныхъ. Мы не станемъ приводить весьма сложные разсчеты по всѣмъ этимъ операціямъ и отмѣтимъ только цифровое вліяніе, оказанное ими на долговые счеты государственнаго казначейства и на государственный бюджетъ. Долги казны, какъ показано выше, сократились на 61 мил. рублей; по бюджету же расходы по системѣ государственнаго кредита уменьшились сравнительно съ 1890 годомъ на 8.700.000 рублей. Указанныя выгоды пріобрѣтены чрезвычайнымъ расходомъ въ 94 мил. рублей, истраченныхъ на конверсіи и досрочное погашеніе нѣкоторыхъ долговъ.

Конверсіи нашихъ займовъ, какъ извѣстно, совершались и въ предъидущіе годы. Въ трехлѣтіе 1889—1891 гг. всего конвертировано займовъ, въ круглыхъ цифрахъ, на 746 мил. р. золотомъ, 38 м. р. сер. и 430 м. р. кредитныхъ. За это же время было на счетъ общихъ средствъ государственнаго казначейства погашено долговъ на 79 мил. р. золотомъ и 24 м. р. кредитныхъ.

Во взглядахъ на значеніе произведенныхъ конверсій въ нашей періодической печати, какъ извѣстно, существуетъ полнѣйшее разногласіе [1]). Многими—не столько постигшей насъ экономической невзгодѣ, сколько именно конверсіямъ приписывается наше нынѣшнее неудовлетворительное финансовое положеніе. Конверсіи—говорятъ противники ихъ—уменьшили милліоновъ на 30 проценты по нашимъ долгамъ; но, во-первыхъ, значительно оттянули сроки расплаты; во-вторыхъ, бросивъ на биржу массу нашихъ цѣнностей, понизили нашъ курсъ, который былъ уже очень не далекъ отъ полнаго возстановленія цѣнности нашего кредитнаго рубля, что̀ само собою сократило бы расходы по уплатѣ долговыхъ обязательствъ и на сумму еще бо̀льшую [2]).

Мы не будемъ пускаться въ лабиринтъ разсчетовъ и сравненій размѣра процентовъ, сроковъ, курса, по какому помѣщенъ тотъ или другой заемъ, размѣра уплаченныхъ банкирамъ коммиссіонныхъ и куртажныхъ и т. д., и замѣтимъ только, что въ теченіе трехъ лѣтъ мы конверсіямъ нашимъ особеннаго сочувствія не выражали. Питая сильное недовѣріе, чтобы не сказать больше, къ биржевымъ спекуляціямъ вообще, мы всегда думали, что государственное финансовое управленіе должно давать имъ какъ можно менѣе пищи. Между тѣмъ именно конверсіи, особенно въ той формѣ, какъ онѣ производились у насъ (такъ сказать, муссированныя), всего сильнѣе возбуждаютъ банкирскія вожделѣнія и биржевую игру, давая искусникамъ пол-

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", апрѣль 1892 г.: „По вопросу о конверсіяхъ государственныхъ займовъ", А. А. Исаева.

[2]) „Новости" 1892 г., №№ 196 и 197, статьи г. Веселя.

ную возможность ловить рыбу въ мутной водѣ не только на счетъ массы, но зачастую и того государственнаго казначейства, которое рискнуло слишкомъ долго оставаться въ чаду нездоровой биржевой атмосферы. Во всякомъ случаѣ едва-ли можно сомнѣваться, что конверсіи были одною изъ главныхъ причинъ рѣзкаго и безпрерывнаго колебанія нашего кредитнаго рубля и нашихъ цѣнностей и подрыва нашего заграничнаго кредита, между прочимъ, тѣмъ, что извлекли наши цѣнныя бумаги изъ прочнаго помѣщенія у лицъ, владѣвшихъ ими какъ надежнымъ и выгоднымъ источникомъ постояннаго дохода, и обратили ихъ въ предметъ биржевой спекуляціи.

Мы не беремся предвидѣть, будетъ ли продолжаться конверсія нашихъ долговыхъ обязательствъ; повидимому, она стала затруднительнѣе, вслѣдствіе истощенія свободныхъ, не имѣющихъ опредѣленнаго назначенія, средствъ государственнаго казначейства, такъ называемой *свободной наличности*. Эта наличность къ 1-му января 1891 года составляла 219.643.995 рублей. Но такъ какъ изъ нея нужно было покрыть около 181 мил. р. недобора по исполненію росписи 1891 года и около $3^1/_2$ м. р. по кассовымъ счетамъ, то къ 1-му января 1892 года она опредѣлилась въ суммѣ *35.364.920* рублей, менѣе сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ на 184 м. р. Между тѣмъ уже роспись 1892 года была сведена съ недоборомъ въ доходахъ на сумму 74 м. р., которые предполагалось покрыть изъ свободной наличности государственнаго казначейства, усиленной суммами, поступившими по золотому трехпроцентному займу.

Дополненіемъ общаго государственнаго бюджета служитъ бюджетъ *спеціальныхъ сборовъ и капиталовъ, состоящихъ въ распоряженіи правительственныхъ учрежденій*. Такихъ отдѣльныхъ капиталовъ свыше 300. Часть ихъ, бо̀льшая по числу, но значительно мѐньшая по размѣру, имѣетъ частное назначеніе. Нѣкоторые же, съ весьма крупными оборотами, служатъ общегосударственнымъ цѣлямъ.

Обороты спеціальныхъ капиталовъ въ 1891 году представляютъ особенно замѣтное увеличеніе сравнительно съ предшествующими годами: въ этомъ году поступило доходовъ до $69^1/_2$ м. р., болѣе 1890 г. на 16 м. р., и произведено расходовъ 72 м. р., болѣе предшествовавшаго года на 29 м. р. Главнѣйшіе расходы были слѣдующіе: а) пособія по случаю неурожая, пожаровъ, падежа скота и т. п. (до 33 м. р.); б) эмеритальныя и тому подобныя пенсіи и пособія лицамъ, оставившимъ службу, и инвалидамъ ($12^1/_2$ м. р.); в) устройство и содержаніе зданій, дорогъ и монументовъ, церковныя потребности и пр. (до 6 мил. р.); содержаніе учебныхъ заведеній, стипен-

діи, пособія на воспитаніе дѣтей ($5^1/_2$ м. р.); д) содержаніе типографій, лабораторій и т. п. (3 м. р.); е) издержки по тюремной части (до 3 м. р.).

Общее движеніе специальныхъ капиталовъ за 1891 годъ было такое:

	Наличными деньгами и процентн. бумагами	Въ долгу:	Всего:
Состояло ихъ къ 1891 г.	около 250 м. р.	около $48^1/_2$ м. р.	298.655.187 р.
Оказалось къ 1892 „	„ $244^1/_2$ „ „	до 104 „ „	348.377.096 „

По этимъ цифрамъ слѣдовало бы заключить, что специальные капиталы, считая и наличныя суммы и долги, увеличились почти на 50 м. р.; между тѣмъ расходъ (72 м. р.) превысилъ доходъ ($69^1/_2$ м. р.) на $2^1/_2$ м. р.

Это несоотвѣтствіе произошло отъ неточности въ счетахъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала. Капитала этого къ 1891 г. состояло наличными суммами 12 м. р.; и въ долгу 12 м. р. съ небольшимъ; съ присоединеніемъ дохода въ $1^1/_2$ м. р., всего около 26 м. р.; изъ нихъ къ 1892 году 12 мил. р. остались въ долгу по прежнему, а изъ наличныхъ 13 м. р. израсходованы безвозвратно, а 850.000 р. значатся остаткомъ къ 1892 году. Таково, судя по цифрамъ, должно бы быть дѣйствительное движеніе этого капитала въ 1891 году. Но оно затемнено тѣмъ, что сперва къ этому капиталу было причислено $16^1/_2$ м. р., отпущенныхъ на продовольствіе населенія по Высочайшимъ повелѣніямъ 12-го іюля и 1-го августа 1891 г., также повидимому израсходованныхъ безвозвратно, а потомъ—но уже не къ доходу, а прямо къ долговымъ продовольственному капиталу суммамъ причислено еще 52 м. р., которые были израсходованы, въ видѣ ссуды, на помощь населенію, непосредственно изъ общихъ средствъ казны. Они-то и увеличили долговой остатокъ продовольственнаго капитала до 64 м. р., а всѣхъ специальныхъ капиталовъ —на 50 м. рублей.

Изъ специальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія заслуживаетъ вниманія быстро ростущій *сборъ за слушаніе лекцій и за ученіе въ учебныхъ заведеніяхъ.* Въ 1880 году его поступило 2.233.000 р.; въ 1885 году 3.356.000 р., а въ 1891 году уже 4.056.000 р. Къ сожалѣнію, такое значительное, чуть не вдвое, увеличеніе за 10 лѣтъ не составляетъ результата соотвѣтственнаго увеличенія числа учащихся: оно скорѣе является слѣдствіемъ простого увеличенія платы за ученіе.

Довольно крупные обороты специальныхъ капиталовъ нѣсколькихъ вѣдомствъ составляютъ *эмеритальныя кассы.* Ихъ пока шесть: во-

енно-сухопутнаго вѣдомства, морского, горныхъ инженеровъ, инженеровъ путей сообщенія, почтово-телеграфнаго и министерства юстиціи. Эмеритальная касса вѣдомства министерства юстиціи едва только начала операціи, при накопившемся уже значительномъ капиталѣ (до 11 м. р.) и доходѣ, простиравшемся въ 1891 г. до 1½ м. р.; расходы ея въ 1890 году составляли всего 153.000 р., а въ 1891 году возросли до 416.000 р. Касса почтово-телеграфнаго вѣдомства не начинала еще операцій и къ 1892 году владѣетъ пока капиталомъ въ 2 мил. рублей. Дѣйствующихъ, и давно уже, эмеритальныхъ кассъ—четыре. О нихъ намъ уже не разъ случалось говорить. Мы никогда не были сторонниками эмеритальныхъ кассъ. Мы утверждали, что условія, при которыхъ онѣ учреждаются тѣмъ или другимъ казеннымъ вѣдомствомъ, или влекутъ за собою взносы совершенно непосильные, или грозятъ кассѣ банкротствомъ. Затѣмъ, мы указывали на вводимое эмеритальными кассами неравенство въ участи выходящихъ въ отставку чиновниковъ и ихъ семействъ: по тѣмъ вѣдомствамъ, въ которыхъ есть эмеритальныя кассы, положеніе отставныхъ чиновниковъ и семей ихъ представляется обезпеченнымъ, а тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, пенсіи ничтожны до нищенства. Между тѣмъ самое существованіе по нѣкоторымъ вѣдомствамъ эмеритуры служитъ тормазомъ въ движеніи давно уже назрѣвшаго вопроса о пересмотрѣ пенсіоннаго устава, разсмотрѣніе котораго вотъ уже слишкомъ сорокъ лѣтъ поручается то одной, то другой коммиссіи, но безъ всякаго результата. Но о самомъ вопросѣ мы теперь не будемъ говорить. Настоящее время—самое неблагопріятное не только для его разрѣшенія, но даже и для разсмотрѣнія его. Мы коснемся эмеритуръ по одному совершенно неожиданному обстоятельству.

Высказываться противъ эмеритальныхъ кассъ насъ побуждала, между прочимъ, невозможность увѣренности въ томъ, что онѣ до конца останутся состоятельными, и опасеніе, что рано или поздно ихъ расходы по выдачѣ пенсій, которые къ тому времени дойдутъ до весьма крупныхъ размѣровъ, цѣликомъ упадутъ на средства государственнаго казначейства. Приводя въ доказательство этого цифровыя данныя, мы все-таки считали болѣе, хотя далеко не совсѣмъ надежною, эмеритальную кассу военно-сухопутнаго вѣдомства, вслѣдствіе весьма щедрыхъ пожертвованій при ея учрежденіи. Между тѣмъ объ опасности, грозящей этой кассѣ, было въ половинѣ этого года заявлено самимъ военнымъ вѣдомствомъ. Для обозрѣнія дѣйствій кассы и предположеній о дальнѣйшихъ ея операціяхъ постановлено назначать особую коммиссію каждыя десять лѣтъ. Коммиссіи 1870 и 1880 годовъ находили положеніе военно-сухопутной эмеритуры настолько блестящимъ, что оба раза признали возможнымъ

значительное увеличеніе пенсій (въ оба раза на 50%) и значительное расширеніе правъ на пенсіи, что и было исполнено. Но черезъ десять лѣтъ, въ 1890 г., коммиссія, повѣрявшая обороты кассы, пришла къ неожиданному заключенію; по ея разсчетамъ оказалось, что кассѣ для обезпеченія будущихъ расходовъ на пенсіи недостаетъ 84.690.000 рублей или, что тоже, ежегоднаго взноса, въ дополненіе къ существующему доходу, въ суммѣ 3.811,000 рублей, что равняется приблизительно 50% нынѣшняго поступленія. На основаніи этого коммиссія, въ отвращеніе банкротства кассы, придумала рядъ мѣръ, въ томъ числѣ увеличеніе эмеритальныхъ взносовъ на 8%; т.-е. съ нынѣшнихъ 6% до 14%. Коммиссія (или военное вѣдомство) разослало во всѣ части войскъ вопросные листы для голосованія гг. офицерами строевыхъ частей войскъ предполагаемыхъ измѣненій положенія объ эмеритальной кассѣ [1]).

Мы не будемъ останавливаться ни на предположеніи довести эмеритальные вычеты до 14%, т.-е. до седьмой части получаемаго содержанія, ни на обращеніи къ голосованію по войсковымъ частямъ сложныхъ предположеній—съ надеждой на возможность извлечь изъ него какое-нибудь рѣшеніе. Замѣтимъ только, что этотъ неожиданный случай съ эмеритальной кассой военно-сухопутнаго вѣдомства какъ нельзя лучше подтверждаетъ не разъ указанную нами непригодность эмеритуръ служить дополненіемъ пенсіоннаго устава [2]), особенно когда условія ихъ будутъ считаться какъ бы частнымъ дѣломъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, а не общегосударственнымъ учрежденіемъ, одинаковымъ для всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій.

Впрочемъ, необходимо оговориться. При дѣйствіи нынѣ существующихъ уставовъ эмеритальныхъ кассъ, невыгодное вліяніе которыхъ теперь уже и предотвратить трудно [3]), имъ дѣйствительно грозитъ банкротство въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, въ томъ числѣ и эмеритурѣ военнаго вѣдомства. Но немедленной опасности именно для этой эмеритуры, судя по цифрамъ ея оборотовъ

---

[1]) „Новости" 2-го іюля 1892 г., № 180: „Объ эмеритальной кассѣ военно-сухопутнаго вѣдомства"—статья, очевидно, основанная на оффиціальномъ источникѣ.

[2]) „Вѣстникъ Европы", январь 1890 г., стр. 365 и 366; январь 1892 г., стр. 372 и 373.

[3]) По этимъ уставамъ участникамъ эмеритальной кассы при отставкѣ по выслугѣ 25 и 35 лѣтъ въ государственной службѣ назначалась, сверхъ общегосударственной пенсія, и эмеритальная, хотя бы въ эмеритурѣ взносами они участвовали не болѣе пяти лѣтъ и даже не болѣе трехъ (по эмеритурѣ морского вѣдомства). Такимъ образомъ, на эмеритальную кассу ложилась уплата крупныхъ пенсіонныхъ окладовъ лицамъ, почти ничего въ нее не внесшимъ, и не только имъ самимъ, но и ихъ семьямъ.

въ 1891 году, не предвидится. Обороты эти представляются круглыми цифрами въ слѣдующемъ видѣ: къ 1891 году капитала эмеритальной кассы военно-сухопутнаго вѣдомства было 97½ мил. р.; поступило доходовъ 10.603.000 р.; произведено расходовъ 7.208.000 р.; образовалось капитала къ 1891 году 101 мил. р. Доходы и расходы шести предшествовавшихъ лѣтъ были такіе:

годовъ:	1885	1886	1887	1888	1889	1890
		въ тысячахъ рублей:				
доходы	7.947	7.606	7.935	8.138	8.302	8.115
расходы	4.858	5.306	5.707	6.123	6.563	6.706

Необычайно большому увеличенію дохода въ 1891 году, сравнительно съ предшествующимъ (на 2½ м. р.), мы не находимъ объясненія въ отчетѣ. Можно предполагать, что въ этомъ году поступили недоимки прежнихъ лѣтъ. Но если останавливаться не на цифрѣ поступленія 1891 года, а трехъ предшествовавшихъ лѣтъ (около 8.200.000 р.), то она все-таки превышаетъ расходъ 1891 года на 1 мил. р. Опасность же начинается тогда, когда расходъ сравняется съ доходомъ.

Изъ приведенныхъ оборотовъ эмеритальной кассы военнаго вѣдомства видно, что средняя цифра ежегоднаго увеличенія ея расходовъ составляетъ около 400.000 рублей. Любопытно сопоставить эту цифру съ цифрой общегосударственныхъ пенсій. На пенсіи и постоянныя пособія израсходовано въ 1881 году 22½ мил. р.; въ 1891 году—29 мил. р. Средняя цифра ежегоднаго увеличенія составляетъ 650.000 р., при расходѣ, въ четыре раза превышающемъ расходы военной эмеритуры и касающемся всѣхъ отраслей управленія, въ томъ числѣ и военнаго вѣдомства. По тремъ другимъ дѣйствующимъ эмеритурамъ (морского вѣдомства, горныхъ инженеровъ и инженеровъ гражданскаго вѣдомства) увеличеніе расходовъ, пропорціонально, было не меньше, какъ и по военной. По этимъ вѣдомствамъ расходъ 1885 г. составлялъ 1.107.500 р.; расходъ 1891 года 1.758.579 р.; за 6 лѣтъ увеличеніе на 651.000 р., т.-е. въ годъ 108.000 р. Такимъ образомъ, если быстрое увеличеніе расходовъ по общегосударственнымъ пенсіямъ постоянно составляло и составляетъ предметъ заботъ администраціи, то еще болѣе долженъ бы заботить быстрый ростъ расходовъ по эмеритурѣ, которые со временемъ несомнѣнно лягутъ чувствительнымъ бременемъ на государственное казначейство.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о самомъ отчетѣ государственнаго контроля, въ виду той важности, какую имѣетъ этотъ отчетъ для регулированія государственной дѣятельности. Мы имѣли

уже случай указывать на полноту и всесторонность, какихъ достигъ этотъ отчетъ въ послѣднее время. Съ половины прошлаго 1892 года завѣдываніе бухгалтеріей перешло къ новымъ дѣятелямъ. Но это, повидимому, не помѣшало дальнѣйшимъ улучшеніямъ въ составленіи отчета и по сущности, и по формѣ. Такъ къ прежнему перечню долговъ казнѣ присоединены указанія на другія существующія весьма крупныя обязательства (долгъ Турціи и пр.), которыя до сихъ поръ какъ бы пропускались отчетомъ. Распредѣленіе доходовъ и расходовъ по денежнымъ знакамъ (золото, серебро, кред. билеты) давались до отчета 1891 года въ примѣчаніяхъ къ смѣтнымъ подраздѣленіямъ и къ общимъ итогамъ финансовыхъ смѣтъ; теперь оно сдѣлано въ самомъ отчетѣ по каждому виду поступленій и расходовъ. Подведены итоги произведеннымъ въ теченіе трехъ лѣтъ 1889—1891 г. кредитнымъ операціямъ (конверсіямъ, уплатѣ займовъ). Въ расходномъ отдѣлѣ отчета прибавлена новая графа, не лишенная значенія. До 1891 года значащіеся въ отчетѣ государственные расходы слагались изъ трехъ частей (графъ): 1) расходы въ отчетномъ (т.-е. гражданскомъ, включительно по 31-е декабря) году; 2) расходы въ теченіе льготнаго срока (до 5 мѣсяцевъ слѣдующаго года), и 3) расходы, подлежащіе выдачѣ по продолженнымъ кредитамъ [1]). Въ этой послѣдней рубрикѣ числились: а) расходы по именнымъ спискамъ кредиторовъ казны, т.-е. расходы уже произведенные (напр., поставка или постройка произведена), но по которымъ не сдѣлано еще уплаты (положимъ, потому, что не провѣрены счеты) — такіе кредиты имѣютъ, по смѣтнымъ правиламъ, силу еще въ теченіе двухъ добавочныхъ лѣтъ, и б) кредиты, разрѣшаемые не на одинъ смѣтный періодъ, а на два, какъ строительные расходы, или на два и болѣе, смотря по роду уплаты, какъ расходы по уплатѣ процентовъ и погашенія по государственнымъ долгамъ. Вотъ эти-то расходы третьей графы и распредѣлены въ отчетѣ 1891 года на двѣ отдѣльныя графы: 1) подлежитъ выдачѣ по именнымъ спискамъ, и 2) продолженные кредиты. Вслѣдствіе этого заключительная строка отчета по исполненію расходной государственной росписи за 1891 годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Израсход.:	въ отчетном году	въ теченіе льготнаго срока	Подлежать выдачѣ: по имен. спискамъ	продолженныхъ кредитовъ	Всего:
	740.607.236	35.581.980	13.877.114	82.282.500	875.348.830

[1]) Неизрасходованные остатки этихъ кредитовъ, какъ не разъ было нами объяснено, причисляются къ доходамъ того года, когда эти кредиты окончательно закрываются.

Указанныя нами дополненія значительно облегчаютъ точное разумѣніе нѣкоторыхъ подробностей отчета и вмѣстѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что по прежнему продолжается дѣятельная разработка частей отчета, не успѣвшихъ еще получить должнаго завершенія. Надобно надѣяться и на дальнѣйшіе въ этомъ направленіи шаги, несомнѣнно весьма желательные—повторяемъ—въ виду той важности и авторитетности, которую имѣетъ отчетъ государственнаго контроля и для дѣятельности административныхъ сферъ, и для яснаго пониманія въ обществѣ нашего финансоваго положенія и задачъ.

О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1893 г.

Характеристичныя черты прошедшаго года.—Закончился ли, вмѣстѣ съ нимъ, циклъ преобразованій, начавшихся въ 1884 г.? — Нѣчто о „подчиненіи“ земства. — Свобода и равенство передъ судомъ новѣйшихъ крѣпостниковъ. — Отчеты банковъ крестьянскаго и дворянскаго за 1891 г.

Новый—1893-й годъ наступаетъ при условіяхъ не столь тяжелыхъ, какъ минувшій, но все-таки обѣщаетъ мало отраднаго. Холерная эпидемія затихла, но возобновленіе ея весною врачи представляютъ не только возможнымъ, но даже вѣроятнымъ. Существованіе нужды въ обширныхъ полосахъ Россіи констатировано оффиціально. Наиболѣе пострадавшими отъ неурожая 1892 г. признаны, между прочимъ, такія губерніи (воронежская, тульская, орловская, курская) или части губерній (харьковской, рязанской, казанской), которыя были постигнуты тѣмъ же бѣдствіемъ въ 1891 г. На обсѣмененіе и продовольствіе этихъ мѣстностей рѣшено обратить хлѣбъ, поступающій въ возвратъ прошлогоднихъ продовольственныхъ ссудъ, а также остатки хлѣба, образовавшіеся отъ прошлогодней продовольственной операціи, всего въ количествѣ до 6 милл. пудовъ; сверхъ того назначено на тотъ же предметъ, по 1-е октября, 6.426.000 рублей. Судя по извѣстіямъ, доходящимъ изъ нуждающихся губерній, понадобились или понадобятся, вѣроятно, еще крупныя дополнительныя ассигновки. До какой степени разстроилось крестьянское хозяйство въ губерніяхъ, потерпѣвшихъ отъ неурожая 1891 г., объ этомъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по росту недоимокъ. Болѣе чѣмъ на милліонъ рублей онѣ увеличились, за одинъ 1891 г., въ губерніяхъ тульской, орловской и пермской; болѣе чѣмъ на $1^1/_2$ милліона—въ губерніяхъ курской, нижегородской и симбирской; болѣе чѣмъ на 2 милліона—въ губерніяхъ пензенской и саратовской; болѣе чѣмъ на $2^1/_2$ милліона—въ губерніи воронежской; болѣе чѣмъ на 3 милліона—въ губерніяхъ самарской, казанской и тамбовской. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ цифра

недоимокъ и прежде была высока, онѣ составляютъ теперь болѣе 100% годового оклада; въ губерніи казанской это отношеніе доходитъ до 289% (абсолютная цифра—11.360 тыс. руб., при годовомъ окладѣ въ 3.924 тыс.); въ губерніи самарской—до 387% (абсолютная цифра—14.407 тыс. руб., при годовомъ окладѣ въ 3.718 тыс.)! Не трудно представить себѣ, сколько времени и труда понадобится для залеченія такихъ давнишнихъ и глубокихъ ранъ, особенно тамъ, гдѣ ихъ еще болѣе углубилъ неурожай 1892 г.

Въ области законодательной самымъ выдающимся событіемъ 1892 г. было изданіе новаго Городового Положенія, закончившаго, повидимому, тотъ циклъ преобразованій, исходной точкой котораго послужилъ университетскій уставъ 1884 г. Мы говоримъ: *повидимому*, потому что систематическіе противники реформъ прошлаго царствованія все еще не признаютъ достаточною сумму того, что уже совершено въ этой сферѣ. Въ одной изъ газетъ извѣстнаго направленія ведется походъ противъ суда присяжныхъ; въ другой—противъ остатковъ городского самоуправленія. Къ этой же категоріи явленій слѣдуетъ отнести и статью объ экономическихъ задачахъ земства, напечатанную недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 326). По мнѣнію московской газеты, при введеніи земскихъ учрежденій правительствомъ были сдѣланы двѣ роковыя ошибки: оно дало земству совершенно не идущій къ нему оттѣнокъ *самоуправленія*, вмѣсто того чтобы сдѣлать его органомъ *управленія*, и не поставило надъ земствомъ центральнаго правительственнаго учрежденія, спеціально посвященнаго заботѣ о хозяйственныхъ нуждахъ народа. Прежде такимъ учрежденіемъ служило, до извѣстной степени, министерство государственныхъ имуществъ; теперь упразднено было все сообщавшее ему характеръ хозяйственнаго центра. „Мудрено ли,—продолжаетъ газета,—что наша деревня въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, оставленная безъ призора и руководства въ теченіе тридцати лѣтъ, могла только разстроиваться? Все это—послѣдствія той смутности идей, съ которою совершено было великое дѣло упраздненія крѣпостного состоянія“. Теперь наступилъ періодъ оздоровленія: въ земствѣ дано мѣсто „наиболѣе зрѣлымъ силамъ общества и народа“, а въ сферѣ высшихъ государственныхъ учрежденій готовится образованіе особаго министерства земледѣлія. Остается только достигнуть „*систематическаго обращенія земствъ въ то, чѣмъ они должны быть*, т.-е. въ хозяйственный органъ центральнаго хозяйственнаго учрежденія, съ соотвѣтственными *подчиненіемъ*, обязанностями и правами“. Иногда достаточно одного слова, чтобы бросить яркій свѣтъ на цѣлый рядъ разсужденій—и на то, что скрывается за этими разсужденіями. Такимъ словомъ является, въ данномъ случаѣ, *подчиненіе*. Земскія собранія и земскія управы должны

быть обращены въ присутственныя мѣста, въ исполнительные органы центральной власти. Ихъ обязанности должны быть сведены къ повиновенію, ихъ права—къ ассигновкѣ средствъ на предписанные или указанные имъ расходы. Имѣется ли при этомъ въ виду новый пересмотръ земскаго положенія, съ цѣлью очистить его отъ послѣднихъ остатковъ „самоуправленія", или только такое примѣненіе его, которое все болѣе и болѣе обостряло бы нѣкоторыя его черты и стушевывало другія — это, въ сущности, почти все равно: обезличеніе земства можетъ быть достигнуто и тѣмъ, и другимъ путемъ. Невольно, однако, возникаетъ вопросъ: если земство должно быть прежде всего *подчиненнымъ*, если оно должно служить только мѣстнымъ органомъ центральнаго учрежденія, то къ чему, въ такомъ случаѣ, земство? Отчего бы не замѣнить земскихъ дѣятелей чиновниками, ничѣмъ не отличающимися отъ представителей другихъ отраслей администраціи?.. Все дѣйствительно цѣнное и прочное, сдѣланное земствомъ за первую четверть вѣка его существованія, обязано своимъ происхожденіемъ именно *иниціативѣ* земства, его сравнительной свободѣ. Только благодаря ей земство могло проложить новые пути въ сферѣ народнаго образованія и попеченія о народномъ здоровьѣ. *Серьезность* трудовъ, въ этомъ направленіи понесенныхъ земствомъ, не отрицаетъ даже московская газета; а развѣ они имѣлись бы налицо, еслибы земство ожидало приказаній или хотя бы только внушеній отъ какого-нибудь центральнаго вѣдомства? Развѣ земскія губерніи отличались бы тогда чѣмъ нибудь отъ не-земскихъ, въ которыхъ администрація дѣйствовала одна, а мѣстное населеніе вовсе не выступало на сцену? Не по земскому ли образцу предпринята, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, организація сельской медицины въ западномъ краѣ? Не въ виду ли преуспѣянія земскихъ школъ изданы были правила 1884 г. о церковно-приходскихъ школахъ?.. Земству ставится въ вину, что оно *слишкомъ исключительно* занималось школами и медициной. Объясненіе этому очень просто: приняться за все сразу оно не имѣло средствъ и остановилось, прежде всего, на потребностяхъ наиболѣе вопіющихъ и очевидныхъ. Въ шестидесятыхъ, даже семидесятыхъ годахъ больше всего бросалась въ глаза безграмотность народа и безпомощность его въ борьбѣ съ болѣзнями; эти двѣ стороны народной жизни и сосредоточили на себѣ, главнымъ образомъ, вниманіе земства. Менѣе ясно сознавалась тогда необходимость придти на помощь народному хозяйству, облегчить переходъ къ усовершенствованнымъ формамъ и пріемамъ земледѣлія, поднять кустарную промышленность — или, лучше сказать, не только менѣе сознавалась, но и въ самомъ дѣлѣ менѣе была настоятельной. Земля не была еще такъ выпахана и истощена, лѣсоистребленіе не было еще

настолько распространено, рѣки еще не высыхали, климатъ не подвергался еще столь рѣзкимъ измѣненіямъ, кустарнымъ промысламъ еще не въ такой степени грозило соперничество фабрикъ, въ связи съ вздорожаніемъ сырого матеріала. Когда появились тревожные признаки, они не ускользнули отъ вниманія земства; ему опять-таки принадлежитъ или иниціатива, или весьма энергичное участіе въ разныхъ мѣрахъ, направленныхъ къ поднятію народнаго благосостоянія. Первые шаги земствъ на этомъ поприщѣ относятся еще къ семидесятымъ годамъ; въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девятидесятыхъ годовъ, передъ самой земской реформой, экономическіе вопросы ставятся и разрѣшаются земствомъ все чаще и чаще. Земство не ждетъ понужденія со стороны, чтобы приняться за назрѣвшую работу; многое имъ созданное или предпринятое переносится уже потомъ въ правительственныя сферы (назовемъ, для примѣра, хотя бы агрономическихъ смотрителей, раньше всего появившихся въ пермскомъ земствѣ). Не будемъ говорить, впрочемъ, о такихъ выдающихся и всѣмъ извѣстныхъ фактахъ, какъ экономическія мѣропріятія московскаго, тверского, вятскаго, пермскаго, херсонскаго, новгородскаго земства; заглянемъ лучше въ давно прошедшее и забытое. Московская газета утверждаетъ, что правомъ ходатайства о *хозяйственныхъ* нуждахъ земство „пользовалось для того, чтобы политиканствовать, вторгаться въ область общаго политическаго устройства страны". Раскрываемъ въ нашемъ журналѣ (1880 г., № 6) статью о „земскихъ ходатайствахъ въ 1876 и 1877 г.", основанную на „Земскихъ Ежегодникахъ" за тѣ же годы—и находимъ тамъ цѣлый рядъ ходатайствъ чисто-экономическаго характера. Харьковское губ. собраніе проситъ о созывѣ при министерствѣ государственныхъ имуществъ, ежегодно, особаго съѣзда представителей сельскаго хозяйства, избираемыхъ губернскими земскими собраніями для обсужденія положенія сельскаго хозяйства и мѣръ къ его улучшенію. Смоленское губ. собраніе проситъ о назначеніи пособія двухкласснымъ училищамъ, желающимъ устроить ремесленные классы; константиноградское у. земство—объ отводѣ земли подъ сельско-хозяйственную школу; петербургское уѣздное земство—о разрѣшеніи употреблять проценты съ уѣзднаго продовольственнаго капитала на улучшеніе сельскаго хозяйства крестьянъ; вологодское губ. собраніе—о дозволеніи крестьянамъ расчистки казенныхъ лѣсныхъ пространствъ для пастьбы скота, какъ это разрѣшено въ лѣсахъ удѣльныхъ. Цѣлый рядъ земскихъ ходатайствъ направленъ къ установленію правилъ для лѣсоохраненія (за двѣнадцать лѣтъ до изданія закона по этому предмету!), къ распространенію обязательнаго страхованія отъ огня, къ допущенію взаимнаго между земствами перестрахованія. къ введенію обязательнаго страхованія скота

отъ падежей. Во что обращается, въ виду этихъ фактовъ, обвиненіе земства въ невниманіи къ экономическимъ вопросамъ?

Въ той самой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, изъ которой мы привели цитату о необходимости *подчиненія* земства, встрѣчается слѣдующее интересное мѣсто: „въ настоящее время проявляются кое-гдѣ, къ сожалѣнію, стремленія чисто крѣпостническія. Такое направленіе ложно и опасно. Исходя изъ несомнѣннаго факта разстройства пореформенныхъ деревни и вотчины, это направленіе близоруко не видитъ невозможности и ненужности воскрешать порядки старые и отжившіе. Дѣло вовсе не въ крѣпостномъ правѣ. Не отъ его упраздненія произошло разстройство въ деревнѣ, а отъ того, что порядокъ плохой былъ замѣненъ отсутствіемъ всякаго порядка. Не къ возвращенію крѣпостническихъ порядковъ зовутъ нужды современной деревенской Россіи, а къ созданію порядка сообразованнаго съ ея современнымъ состояніемъ“. Въ этихъ словахъ любопытно, прежде всего, признаніе факта существованія, въ настоящее время, „чисто-крѣпостническихъ стремленій“. Въ достовѣрности этого показанія нельзя сомнѣваться, именно потому, что оно идетъ отъ „Московскихъ Вѣдомостей“; ужъ если онѣ подмѣтили „чисто-крѣпостническій“ характеръ нѣкоторыхъ современныхъ теченій, то, значитъ, его можетъ не видѣть только слѣпой. Отрадно было бы, затѣмъ, подчеркнуть осужденіе „чисто-крѣпостническихъ стремленій“ даже со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“, еслибы только оно не парализовалось другими статьями той же газеты. Десять дней спустя послѣ разсужденій о „подчиненіи“ земства, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 336) появляется статья: „Свобода. Три закона соціологіи“, написанная, какъ видно уже изъ самаго ея заглавія, съ большими претензіями на серьезность и даже научность. „Въ чемъ заключалось,—вопрошаетъ авторъ этой статьи,—зло нашего бывшаго крѣпостного права? Конечно, не въ *закрѣпощеніи* (мы вездѣ сохраняемъ курсивъ подлинника), а въ *свободѣ* и *своеволіи* помѣщиковъ, которое превращало законное закрѣпощеніе крестьянъ въ незаконное *рабство*... Радикальная реформа была необходима: *свобода*, *своеволіе помѣщиковъ* были корнемъ зла—ихъ нужно было устранить. Вмѣсто этого, создали новое зло: *свободу*, *своеволіе крестьянъ*. Не въ крестьянской коренной реформѣ мы нуждались, а въ реформѣ *помѣщичьей*, которая должна была лишить помѣщиковъ свободы злоупотребленія своимъ правомъ надъ крестьянами; необходимо было сдѣлать *совершенно невозможнымъ* помѣщичье своеволіе. Достигнуть этого было легко посредствомъ строгихъ законодательныхъ мѣръ, тяжкихъ уголовныхъ каръ и самаго бдительнаго, неумолимаго надзора правительственной власти за помѣщиками. А когда это было бы достиг-

нуто, то развѣ положеніе крестьянъ, у которыхъ не была бы порвана *связь съ помѣщикомъ въ благодѣтельной для обоихъ формѣ*, не было бы тогда лучше, чѣмъ теперь?" Уничтоживъ только слово: *рабство*, „крестьянъ отдали въ кабалу имъ самимъ, самымъ низкимъ страстямъ ихъ человѣческой природы; имъ предоставили *свободу саморазвращенія*". Въ другой статьѣ, озаглавленной: „Равенство" („Москов. Вѣд.", № 343) и служащей продолженіемъ „Свободы", та же самая выражается еще опредѣленнѣе. „Что мы сдѣлали,—восклицаетъ авторъ,—съ нашимъ дворянскимъ сословіемъ, когда оказалось, что оно злоупотребляетъ своимъ легальнымъ правомъ надъ крѣпостнымъ сословіемъ? Мы не поставили его въ должныя рамки, а прямо уничтожили его историческую, государственную роль. Мы вынули одно изъ самыхъ важныхъ колесъ въ нашей государственной машинѣ—и удивляемся, что она испортилась! Мы теперь сознали свою ошибку и пытаемся опять какъ-нибудь приладить сбоку это колесо къ машинѣ, воображая, что этимъ поможемъ дѣлу... Если бы *свобода* (которою пользовались помѣщики при крѣпостномъ правѣ) была введена въ должныя грани, еслибы оба сословія (дворянское и крестьянское) были приведены въ такое между собою отношеніе, которое соотвѣтствовало бы какъ государственнымъ, такъ и ихъ обоюднымъ интересамъ, то весь организмъ государства не былъ бы потрясенъ реформой 1861 г., произведенной во имя анти-государственныхъ принциповъ свободы и равенства... Нужна, стала необходимою новая реформа, которая освободила бы наше крестьянство отъ губящихъ его равенства и свободы, отъ этихъ двухъ грубыхъ фетишей нашихъ либеральныхъ фанатиковъ".

Просимъ читателей не сѣтовать на насъ за эти длинныя выписки. Пока крѣпостное право изображается какъ „родительская власть помѣщика въ деревнѣ" („Гражданинъ", № 298), до тѣхъ поръ можно молчать, хотя бы возстановленіе этой власти и провозглашалось „задачей нынѣшняго дворянства и заботой правительства". Сказкамъ объ отцовской нѣжности помѣщика и сыновней привязанности крестьянъ не повѣрятъ теперь даже самые простодушные люди—а вмѣстѣ съ основаніемъ падаетъ само собою и выводимое изъ него заключеніе. Иное дѣло, когда признаются злоупотребленія крѣпостного права, признается законность ихъ отмѣны, признается необходимость самаго бдительнаго и даже „неумолимаго" надзора надъ помѣщиками. Подъ прикрытіемъ этого щита гораздо удобнѣе проповѣдывать поворотъ назадъ, исправленіе будто бы допущенной ошибки. Къ счастію, претендующій на ученость авторъ самъ приготовилъ орудія для своего побіенія. Первый изъ трехъ „законовъ соціальной психологіи", приводимыхъ имъ въ оправданіе его крѣпостническихъ

стремленій, формулированъ такъ: „въ каждомъ народѣ, въ каждомъ обществѣ и въ каждой части народа или общества всегда *гораздо больше ограниченныхъ и не строго-нравственныхъ* посредственностей, чѣмъ дѣйствительно умныхъ и честныхъ людей“. Больше ничего и не надо, чтобы оправдать великую реформу 1861 г. Оставить крестьянъ крѣпостными, точно и строго опредѣливъ предѣлы и способы проявленія помѣщичьей власти, значило бы измѣнить только форму, не касаясь содержанія. Судьба крестьянъ осталась бы въ рукахъ сословія, большинство котораго подходитъ, par définition, подъ дѣйствіе вышеприведенной формулы—а наблюденіе за этимъ сословіемъ было бы ввѣрено другому (чиновничьему), точно такъ же, въ большинствѣ своемъ, состоящему изъ „ограниченныхъ и не совсѣмъ нравственныхъ посредственностей“. Этотъ надзоръ, очевидно, не былъ бы ни „бдительнымъ“, ни „неумолимымъ“; „строгія законодательныя мѣры“ раздѣлили бы судьбу другихъ до-реформенныхъ законовъ; „тяжкія уголовныя кары“ осуществлялись бы только въ исключительныхъ случаяхъ, всего рѣже, притомъ, обрушиваясь именно на наиболѣе виновныхъ (по извѣстному правилу о „маленькихъ воришкахъ“ или о „крупныхъ и мелкихъ мухахъ“). Для вящшаго убѣжденія въ этомъ стоитъ только обратиться къ двумъ другимъ „законамъ соціальной психологіи“. „Честные люди,—гласитъ „законъ“ второй,—могутъ бороться противъ злоупотребленій свободы [1]) только честнымъ оружіемъ, а безчестные могутъ отстаивать и увеличивать свои злоупотребленія несравненно болѣе сильнымъ оружіемъ безчестности и безнравственности“. „Неизбѣжная, при этихъ условіяхъ, побѣда безчестности—таковъ „законъ“ третій—дѣйствуетъ заразительно и на тѣхъ честныхъ людей, которые не обладаютъ твердымъ характеромъ; а они въ современномъ обществѣ всегда составляютъ большинство“. Не ясно ли, что оба эти „закона“ прямо говорятъ противъ теоріи, изъ нихъ выводимой? „Болѣе сильное оружіе“, предусмотрѣнное закономъ вторымъ, было бы пущено въ ходъ противъ „строгихъ законодательныхъ мѣръ“—и пущено въ ходъ съ тѣмъ большимъ успѣхомъ, что оно очутилось бы одновременно въ рукахъ наблюдаемыхъ и наблюдателей. Не встрѣтило бы оно надлежащаго отпора и со стороны „честнаго меньшинства“ помѣщиковъ и чиновниковъ, въ рядахъ котораго только немногіе, въ силу третьяго „закона“, обладали бы твердостью характера, необходимою для противодѣйствія могущественному злу. Истинно-государственною была, поэтому, мысль, положенная въ основаніе Положеній 1861 г. Соста-

---

[1]) Слово *свободы* поставлено здѣсь, очевидно, только потому, что это было нужно автору; смыслъ „закона“ и безъ него остается тотъ же.

вители ихъ поняли какъ нельзя лучше, что зло заключается именно въ *закрѣпощеніи* крестьянъ, безъ уничтоженія котораго невозможно положить конецъ *злоупотребленіямъ* помѣщичьей власти. Недостатка въ „строгихъ законодательныхъ мѣрахъ“ противъ этихъ злоупотребленій не было и до 1861 г.; виновникамъ злоупотребленій грозили и тогда „тяжкія уголовныя кары“, существовалъ и тогда „бдительный надзоръ“ предводителей дворянства, жандармскихъ штабъ-офицеровъ, губернаторовъ—и все-таки злоупотребленія совершались на каждомъ шагу, въ огромномъ большинствѣ случаевъ оставаясь нераскрытыми и безнаказанными. Да и помимо неизбѣжныхъ злоупотребленій, нельзя же было оставлять милліоны людей въ вѣчной зависимости отъ небольшой группы, подчиненной, наравнѣ со всякимъ другимъ общественнымъ классомъ, дѣйствію перваго „закона“ и, слѣдовательно, вовсе не компетентной для труднаго дѣла воспитанія массы. Необходимо было призвать самихъ крестьянъ къ охранѣ своихъ правъ и интересовъ, въ предѣлахъ и на основаніи закона. Это и было сдѣлано въ 1861 г., во имя самой элементарной справедливости и государственной пользы. Положенія 19-го февраля оставили крестьянство особымъ сословіемъ, рѣзко отдѣленнымъ отъ всѣхъ остальныхъ; они подчинили его власти мирового посредника, обнимавшей всѣ стороны его жизни. Не смѣшно ли, въ виду этихъ несомнѣнныхъ фактовъ, говорить о стремленіи редакціонныхъ коммиссій къ *равенству* и *свободѣ* (понимаемой въ смыслѣ своеволія)?.. Всѣ эти вновь проявившіеся мудрецы, высокомѣрно и самодовольно перечисляющіе мнимыя ошибки шестидесятыхъ годовъ—неизмѣримо малыя величины въ сравненіи съ незабвенными дѣятелями, связавшими свое имя съ освобожденіемъ крестьянъ.

Ошибочно было бы думать, что ретроспективная критика крестьянской реформы представляетъ интересъ чисто отвлеченный, историческій. Умыселъ критиковъ совершенно иной; нападая на прошедшее, они, несомнѣнно, разсчитываютъ повліять на будущее. Называя закрѣпощеніе крестьянъ *законнымъ*, авторъ разбираемыхъ нами статей имѣетъ въ виду, конечно, не *формальную* законность крѣпостного права, никогда никѣмъ не оспаривавшуюся, а его *внутреннюю* законность, его raison d'être, его разумное основаніе. Исчезло ли это основаніе въ настоящее время? Изъ всего сказаннаго авторомъ видно, что онъ стоитъ за отрицательное разрѣшеніе этого вопроса: благодаря „свободѣ саморазвращенія“, предоставленной крестьянамъ, они теперь, въ его глазахъ, еще меньше прежняго достойны настоящей свободы. Быть можетъ, достаточнымъ ограниченіемъ ихъ своеволія является новый институтъ земскихъ начальниковъ? Не такова, повидимому, мысль автора. Онъ говоритъ о не-

обходимости „новой реформы", которая освободила бы наше крестьянство отъ губящихъ его равенства и свободы". Земскіе начальники—это, по всей вѣроятности, то „приложенное съ боку колесо", отъ котораго совершенно напрасно ожидать поправки всей машины. Нужно вставить колесо на прежнее его мѣсто, нужно „ввести оба сословія въ такое между собою отношеніе, которое соотвѣтствовало бы какъ государственнымъ, такъ и ихъ особымъ интересамъ". Авторъ придерживается, очевидно, того правила, которое выражено въ нѣмецкой поговоркѣ: „aufgeschoben ist nicht aufgehoben" или французской: „ce qui est différé n'est pas perdu". Онъ считаетъ возможнымъ возстановить оборвавшуюся нить историческихъ событій и произвести, въ девятидесятыхъ годахъ, ту самую операцію, для которой упущенъ былъ удобный случай въ шестидесятыхъ. Вся разница въ томъ, что тогда требовалось ограничить *своеволіе* помѣщиковъ, а теперь требуется ограничить *своеволіе* крестьянъ. Средство и тамъ, и тутъ одно и то же: подчиненіе крестьянства строго регулированной власти дворянъ —именно *дворянъ*, а не только должностныхъ лицъ изъ среды дворянства. Хорошо во всемъ этомъ только одно: откровенность, съ которою раскрываются карты игроковъ „на повышеніе реакціи". Статьи: „Равенство" и „Свобода" устраняютъ всякое сомнѣніе въ томъ, что между застрѣльщиками крѣпостничества, въ родѣ кн. Мещерскаго, и его тяжело вооруженными рыцарями, группирующимися около „Московскихъ „Вѣдомостей", господствуетъ на самомъ дѣлѣ—несмотря на кажущіяся размолвки—полнѣйшее единодушіе. И для тѣхъ, и для другихъ всѣ преобразованія послѣднихъ лѣтъ—только начало конца: конца всему, чѣмъ послѣ-реформенная Россія отличается отъ до-реформенной.

Отчетъ крестьянскаго банка за 1891 г. отличается къ лучшему отъ двухъ предшествовавшихъ [1]) только однимъ: указаніемъ причинъ, по которымъ отказано въ утвержденіи тѣхъ или другихъ сдѣлокъ. Въ связи съ этимъ состоитъ, быть можетъ, и самое увеличеніе числа отказовъ. Въ 1889 г. ихъ было только восемь, въ 1890 г.—девятнадцать; въ 1891 г. ихъ цифра возросла до сорока, все еще, впрочемъ, значительно уступая цифрамъ прежнихъ годовъ (отъ 66 до 154). Мы имѣли уже случай замѣтить, что число отказовъ служитъ, до извѣстной степени, показателемъ заботливости, съ которою относится совѣтъ банка къ интересамъ своихъ кліентовъ. Чѣмъ меньше отказовъ, тѣмъ болѣе основаній предполагать, что сдѣлки повѣряются только со стороны формальной—и наоборотъ. Причины отказовъ въ

---

[1]) См. Внутреннее Обозр. въ № 10 „Вѣстника Европы" за 1891 г.

1891 г. далеко, однако, не совпадаютъ съ тѣми, которыя господствовали до перемѣны, происшедшей въ управленіи—и направленіи—банка. Въ 1888 г., напримѣръ, *сорокъ-три* сдѣлки не были утверждены въ виду того, что покупщиками были крестьяне зажиточные, достаточно надѣленные землею, могущіе обойтись безъ помощи банка; въ 1891 г. по аналогичной (но не совсѣмъ тождественной) причинѣ не утверждено только *три* сдѣлки. Отклонялись, большею частью, только такія сдѣлки, которыя признавались невыгодными какъ для заемщиковъ, такъ и для самого банка. Иногда единственнымъ мотивомъ къ отказу являлась *возможная* непрочность покупки, выводимая, напримѣръ, изъ многочисленности и разнороднаго состава товарищества, образовавшагося для покупки. Въ одномъ случаѣ сдѣлка, имѣвшая цѣлью переселеніе, не была утверждена, между прочимъ, потому, что покупная цѣна испрашивалась полностью, за неимѣніемъ покупщиками средствъ на доплату. Между тѣмъ отсутствіе доплаты чрезвычайно благопріятно именно при переселенческихъ сдѣлкахъ: оно оставляетъ въ рукахъ покупщиковъ больше средствъ на издержки, сопряженныя съ переселеніемъ.

Несмотря на указанія опыта, ясно обнаружившія безцѣльность или даже опасность доплатъ, онѣ продолжаютъ считаться необходимымъ условіемъ дѣятельности банка. Ихъ ростъ начался уже давно, но при прежнемъ управленіи онѣ все-таки были сравнительно невелики. Въ 1884 г. онѣ составляли $13^1/_2$% продажныхъ цѣнъ, въ 1888 г.—около 21%; въ 1889 г. онѣ сразу возросли до $33^2/_3$%; въ 1890 г. упали до 27%, въ 1891 г. снова повысились почти до 30%. Продолжаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, рости *единовременныя* доплаты, неудобство которыхъ было подробно выяснено нами при разборѣ отчетовъ за 1889 и 1890 г. Въ 1884 г. онѣ составляли около $63^1/_3$% общей цифры доплатъ; въ 1888 г.—почти 82%; въ 1889 г.—болѣе 87%; въ 1890 г.—почти 88%; въ 1891 г.—почти $88^3/_4$%. Какъ ростъ доплатъ вообще, такъ и ростъ единовременныхъ доплатъ въ особенности—явленіе не случайное; и то, и другое требуется или рекомендуется управленіемъ банка, хотя въ прежнихъ отчетахъ и признавалось, что значительность доплаты часто ведетъ къ несостоятельности покупщиковъ. Сравнительно съ первымъ періодомъ существованія банка (1883—88), размѣры дѣятельности его и въ 1891 г. продолжали быть весьма ограниченными; совершился даже шагъ назадъ противъ 1890 г. Число разрѣшенныхъ сдѣлокъ не превышаетъ 1.325 (въ 1890 г.—1.507; въ 1885 г.—1.527); число купленныхъ десятинъ—$161^1/_2$ тыс. (въ 1890 г.—172 тыс., въ 1888 г.—190 тыс.; раньше—постоянно болѣе 200 тыс.); цифра разрѣшенныхъ ссудъ—4.626 тыс. руб. (въ 1890 г. приблизительно столько же, въ 1888 г.

—около $5^1/_8$ милл., раньше—отъ $7^1/_2$ до $11^1/_8$ милл. въ годъ). Уменьшилось также, сравнительно съ 1890 г., процентное отношеніе крестьянъ безземельныхъ и малоземельныхъ (т.-е. имѣющихъ не болѣе $1^1/_2$ дес. земли на душу) къ общему числу покупщиковъ; въ 1890 г. оно превышало 33%, въ 1891 г. не доходитъ и до 25%. Количество земли, купленной малоземельными и безземельными крестьянами, составляетъ лишь около $27^1/_2$% общаго количества земли, пріобрѣтенной при содѣйствіи банка (въ 1890 г.—около 33%). Было время, когда покупки сельскими обществами рѣшительно преобладали надъ всѣми другими; затѣмъ онѣ стали отступать на второй планъ, и по числу сдѣлокъ, и по количеству пріобрѣтенной земли, и по цифрѣ выданныхъ ссудъ. Въ 1891 г. покупокъ этого рода было только 240, покупокъ товариществами — 748; куплено сельскими обществами 50.255 дес., товариществами—106.673 дес.; получено въ ссуду сельскими обществами 1.077 тыс. руб., товариществами—3.432 тыс. руб. Значительно ростутъ только покупки наименѣе важныя—отдѣльными крестьянами; 337 домохозяевъ купили въ 1891 г. болѣе $4^1/_2$ тыс. дес., между тѣмъ какъ въ 1886 и 1887 г., при гораздо болѣе широкомъ развитіи дѣятельности банка, отдѣльными крестьянами куплено было только 2.900 и 1.650 десятинъ. Наибольшая часть проданной земли (почти 80%) принадлежала, какъ и прежде, чиновникамъ и дворянамъ. Довольно много земли (около $12^1/_2$%) куплено и у купцовъ и мѣщанъ. Изъ числа 130 тыс. десятинъ, проданныхъ дворянами и чиновниками, почти 81 тыс. принадлежала лицамъ, не жившимъ на мѣстѣ нахожденія проданной земли. Заложено было нѣсколько больше половины всѣхъ проданныхъ земель. Въ какомъ разстояніи отъ осѣдлости покупщиковъ находились купленныя ими земли—это въ отчетѣ за 1891 г., какъ и въ двухъ предъидущихъ, не показано; нельзя, поэтому, опредѣлить даже приблизительно число сдѣлокъ, заключенныхъ съ цѣлью выселенія или переселенія. Въ введеніи къ отчету сказано, что въ составъ его войдутъ, между прочимъ, свѣденія объ измѣненіяхъ въ составѣ залоговъ и о примѣненіи закона о крестьянскихъ товариществахъ, пріобрѣвшихъ землю при содѣйствіи банка; между тѣмъ этихъ свѣденій въ отчетѣ нѣтъ.

Всего важнѣе, конечно, та часть отчета, которая относится къ продажѣ земель, заложенныхъ въ банкѣ, вслѣдствіе неисправности заемщиковъ. Отличительныя черты картины остаются тѣ же, что и прежде: множество участковъ, назначаемыхъ въ продажу, крайне неравномѣрное распредѣленіе ихъ по губерніямъ, крайне незначительное число состоявшихся продажъ, постоянно ростущее количество земли, остающейся за банкомъ. Подлежало продажѣ, въ 1891 году,

388 участковъ; но продажа 177 участковъ была отсрочена на основаніи устава банка (т.-е. владѣльцамъ дана предусмотрѣнная уставомъ льгота), продажа 26 участковъ—на основаніи Высочайшихъ повелѣній 16-го октября и 29-го ноября 1891 г., состоявшихся вслѣдствіе неурожая этого года; продажа 16 участковъ перенесена на 1892 г. Изъ 169 участковъ, подвергшихся продажѣ, 78 (болѣе 20 тыс. дес.) принадлежали сельскимъ обществамъ, 84 (около 26½ тыс. дес.)—товариществамъ, 7 (37 десятинъ)—отдѣльнымъ лицамъ. Продано только *пять* участковъ (три—принадлежавшихъ товариществамъ, два—частнымъ лицамъ); остальные сто пятьдесятъ четыре, заключающіе въ себѣ болѣе 45 тыс. дес. и обремененные долгомъ въ 3.386 тыс. руб. (въ томъ числѣ однѣхъ недоимокъ 561 тыс.), остались за банкомъ. Большинство участковъ этой послѣдней категоріи находится въ губерніяхъ курской (42), рязанской (29), тамбовской (18) и воронежской (13), т.-е. въ губерніяхъ, сильно пострадавшихъ отъ неурожая. Всего, вмѣстѣ съ участками, не проданными въ прежніе годы, за банкомъ числилось, въ теченіе 1891 г., 353 участка, съ которыхъ причиталось текущихъ платежей всякаго рода 1.074 тыс., а поступило въ счетъ этой суммы только 500½ тыс. рублей. Продано банкомъ по вольной цѣнѣ, въ теченіе того же года, всего 22 участка, пространствомъ въ 12.553 дес., изъ которыхъ крестьянами куплено только 4.440 дес.; возвращено прежнимъ владѣльцамъ 9 участковъ, заключающихъ въ себѣ 1.438 десятинъ. Затѣмъ къ 1-му января 1892 г. въ распоряженіи банка оставалось 322 участка, съ 119.738 дес. и капитальнымъ долгомъ банку въ 7.044 тыс. руб. Потребовалось установить особыя правила для завѣдыванія этими имѣніями, что́ и сдѣлано инструкціей министра финансовъ, разъясненной и дополненной совѣтомъ крестьянскаго банка. Непосредственное управленіе участкомъ, оставшимся за банкомъ, поручается старостѣ или приказчику. Въ губерніяхъ, гдѣ такихъ участковъ много, приглашается одинъ или нѣсколько завѣдывающихъ ими. Главною задачей признается продажа участка, въ полномъ его составѣ или по частямъ; сообразно съ этимъ, сдача въ наемъ земельныхъ угодій производится, по возможности, для снятія одного только урожая, а оброчныхъ статей—на срокъ не долѣе одного года, причемъ сдача имѣнія въ аренду въ полномъ составѣ предпочитается сдачѣ въ аренду или съему отдѣльными частями и угодьями.

Намъ кажется, что послѣдній способъ пользованія имѣніемъ, въ большинствѣ случаевъ, былъ бы не только болѣе выгоднымъ, но и болѣе соотвѣтствующимъ назначенію банка. Онъ даетъ возможность оставить землю, de facto, въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ, а при благопріятныхъ условіяхъ—и возвратить имъ ее de jure. Арендаторъ

или съемщикъ *всего* участка, принадлежавшаго товариществу или обществу, начнетъ, сплошь и рядомъ, съ удаленія прежнихъ владѣльцевъ, равносильнаго для нихъ совершенному разоренію и потерѣ всякой надежды на возстановленіе утраченнаго права; мелкими съемщиками могутъ, наоборотъ, явиться сами прежніе владѣльцы и, поправивъ свои дѣла съ помощью одного или двухъ хорошихъ урожаевъ, опять сдѣлаться собственниками земли. Именно такое возвращеніе—а не продажа земли любому стороннему покупателю, хотя бы и не изъ числа крестьянъ — должно было бы, какъ намъ кажется, составлять главный предметъ стремленій банка. Само собою разумѣется, что еще важнѣе — предупреждать, по возможности, самую продажу земель, заложенныхъ въ крестьянскомъ банкѣ. Съ этою цѣлью состоялось, въ послѣднее время, нѣсколько важныхъ распоряженій, вызванныхъ преимущественно неурожаемъ 1891 года. 31-го января 1892 г. предоставлено совѣту крестьянскаго банка, по ходатайствамъ заемщиковъ, сумму накопившихся къ 1-му января 1892 г. недоимокъ — съ присоединеніемъ къ ней, въ губерніяхъ пострадавшихъ отъ неурожая, весеннихъ платежей 1892 г.— разсрочивать на время не далѣе срока погашенія первоначальнаго долга, съ тѣмъ, чтобы по разсроченнымъ недоимкамъ взыскивалось, каждые полгода, три процента, взамѣнъ установленной пени. Срокомъ для представленія заемщиками ходатайствъ о разсрочкѣ назначено 1-ое мая. Торги на имѣнія за недоимки крестьянскому банку опредѣлено въ первое полугодіе 1892 г. не производить, перенеся ихъ на второе полугодіе. Приступая къ осуществленію этихъ мѣръ, совѣтъ крестьянскаго банка постановилъ, какъ мы слышали, причислять къ разсрочиваемой суммѣ и пеню, слѣдовавшую съ плательщиковъ по срокъ платежей: осеннихъ—въ губерніяхъ не пострадавшихъ, весеннихъ—въ губерніяхъ пострадавшихъ отъ неурожая. Это постановленіе кажется намъ несогласнымъ со смысломъ и духомъ Высочайшаго повелѣнія 31-го января 1892 г. Основаніемъ къ разсрочкѣ платежей признается, очевидно, *невозможность* своевременнаго ихъ взноса; между тѣмъ пеня взыскивается съ плательщиковъ неисправныхъ по собственной ихъ винѣ, съ плательщиковъ, которые *могли* своевременно произвести платежъ, но не произвели его по небрежности или другимъ аналогичнымъ причинамъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, это не всегда бываетъ такъ — но это во всякомъ случаѣ *предполагается*, и только изъ такого предположенія вытекаетъ взысканіе пени. Относительно заемщиковъ, подводимыхъ подъ дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія 31-го января 1892 г., это предположеніе заранѣе отвергнуто—и, слѣдовательно, нѣтъ повода къ начисленію пени на отсроченные платежи. Она можетъ быть взыскиваема лишь въ

послѣдующія полугодія, въ случаѣ неуплаты въ срокъ опредѣленной доли разсроченной суммы.

Другимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, 13-го марта 1892 г., совѣту крестьянскаго банка предоставлено—въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ, что вслѣдствіе неблагопріятныхъ сельско-хозяйственныхъ условій закладываемыхъ земель своевременная уплата ближайшихъ платежей по испрашиваемымъ ссудамъ не представляется обезпеченною, — удерживать изъ разрѣшаемыхъ въ теченіе 1892 г. ссудъ, съ предвареніемъ о томъ заемщиковъ, срочные платежи за одно или два полугодія, съ учетомъ въ пользу заемщиковъ изъ $5^1/_2{}^0/_0$ годовыхъ. Эта мѣра направлена, повидимому, не столько къ огражденію самихъ заемщиковъ, сколько къ предупрежденію убытковъ, которые могъ бы потерпѣть банкъ. По отношенію къ заемщикамъ она весьма легко можетъ обратиться либо въ препятствіе къ совершенію сдѣлки, либо въ источникъ обременительныхъ обязательствъ. Въ самомъ дѣлѣ, вычетъ изъ ссуды ближайшихъ платежей, уменьшая назначаемую банкомъ сумму, можетъ разрушить всѣ разсчеты покупщиковъ и принудить ихъ либо къ отказу отъ покупки, либо къ увеличенію доплаты —т.-е., въ большинствѣ случаевъ, къ новому займу; а условія займа, заключаемаго второпяхъ, чтобы закрѣпить за собою желанную землю, не могутъ не быть весьма тяжелыми. Какъ бы то ни было, примѣненіе Высочайшаго повелѣнія поставлено въ зависимость *только* отъ неблагопріятныхъ сельско-хозяйственныхъ условій *закладываемыхъ земель*, а не отъ гадательныхъ соображеній о *состоятельности самихъ заемщиковъ*. Другими словами, основаніемъ къ вычету ближайшихъ платежей можетъ служить плохое качество или истощенность земли, отдаленность ея отъ мѣстъ сбыта, скудость орошенія, отсутствіе вблизи лѣсныхъ пространствъ и т. п.—но отнюдь не бóльшая или мѐньшая степень бѣдности покупщиковъ. Между тѣмъ совѣтъ банка, какъ мы слышали, обязалъ отдѣленія тщательно выяснять *экономическое положеніе покупщиковъ*, а именно исправность ихъ въ отбываніи государственныхъ и земскихъ повинностей, задолженность государственнымъ и земскимъ учрежденіямъ, а также частнымъ лицамъ, состояніе рабочаго инвентаря, возможность и приблизительный размѣръ посторонныхъ заработковъ, степень солидарности членовъ товарищества и т. п. Такое разъясненіе Высочайшаго повелѣнія едва ли правильно. Чѣмъ менѣе благопріятно экономическое положеніе покупщиковъ, тѣмъ труднѣе имъ будетъ пополнить пробѣлъ продажной цѣны, образующійся вслѣдствіе уменьшенія ссуды. Если они затратятъ на это свои послѣднія средства, то съ чѣмъ они приступятъ къ обработкѣ купленнаго участка? Если они войдутъ для того въ новый долгъ, откуда они возьмутъ деньги на уплату по

немъ процентовъ и погашенія?.. На практикѣ распоряженіе совѣта приведетъ, по всей вѣроятности, къ неосуществленію многихъ сдѣлокъ — и въ томъ числѣ такихъ, которыя могли бы какъ нельзя лучше отразиться на благосостояніи покупщиковъ.

Всѣмъ послѣднимъ распоряженіямъ совѣта крестьянскаго банка—какъ упомянутымъ нами выше, такъ и разсмотрѣннымъ прежде, при разборѣ отчетовъ за 1889 и 1890 г.—свойственна одна общая черта: недостатокъ заботливости объ интересахъ заемщиковъ-крестьянъ. Совершенною противоположностью крестьянскому банку является, въ этомъ отношеніи, дворянскій банкъ, хотя управленіе обоими учрежденіями и соединено въ рукахъ одного и того же лица. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить недавній циркуляръ управляющаго дворянскимъ банкомъ на имя его отдѣленій. Порицая равнодушіе нѣкоторыхъ отдѣленій къ интересамъ кліентовъ банка, циркуляръ приглашаетъ „не замыкаться въ рамки безучастнаго къ нуждамъ заемщиковъ канцелярскаго формализма, поддерживать непосредственную связь съ текущею жизнью и съ величайшею отзывчивостью относиться къ разнообразнымъ ея нуждамъ и потребностямъ", въ томъ числѣ и „къ заявленіямъ заемщиковъ объ исключительныхъ обстоятельствахъ, поставляющихъ ихъ въ необходимость просить о какихъ-либо въ ихъ пользу отступленіяхъ отъ обычно-практикуемаго направленія дѣлъ". Главнымъ мотивомъ такой снисходительности являются, по словамъ циркуляра, „хозяйственныя затрудненія, испытываемыя значительною частью помѣстнаго дворянства"; но вѣдь такія же или еще несравненно большія затрудненія испытываютъ многіе изъ числа крестьянъ, купившихъ землю съ помощью крестьянскаго банка, — а насчетъ „отзывчивости" къ нимъ управляющій крестьянскимъ банкомъ не разослалъ своимъ подчиненнымъ, сколько намъ извѣстно, особаго циркуляра. Высокая цифра участковъ, назначенныхъ въ продажу въ отчетномъ, неурожайномъ году, свидѣтельствуетъ о томъ, что совѣтъ крестьянскаго банка такою отзывчивостью не отличался. Мы слышали, что въ 1891 г. ходатайства отдѣленій объ отсрочкѣ торговъ, даже неоднократно повторенныя, далеко не всегда удовлетворялись совѣтомъ банка, и что нѣкоторыя изъ имѣній, назначенныхъ въ продажу вопреки мнѣнію отдѣленія, впослѣдствіи продавались банкомъ по цѣнѣ, съ избыткомъ покрывавшей всѣ недоимки.

Никакія частныя мѣры не могутъ, впрочемъ, существенно улучшить положеніе заемщиковъ крестьянскаго банка, пока не будетъ приведенъ къ концу предположенный (какъ видно изъ отчета за 1891 г.) пересмотръ положенія о банкѣ. Въ какомъ смыслѣ оно должно быть измѣнено—на это имѣется уже не мало указаній какъ

въ печати, такъ и въ работахъ земскихъ учрежденій. „Основнымъ порокомъ организаціи банка“—читаемъ мы, напримѣръ, въ докладѣ уфимской губернской земской управы чрезвычайному уфимскому губернскому земскому собранію 1892 г.,—„является смѣшеніе въ немъ характера учрежденія правительственнаго, преслѣдующаго государственныя цѣли, и частно-коммерческаго, заботящагося лишь объ обезпеченіи себя отъ потерь и убытковъ въ данную минуту и не обращающаго вниманія на будущность своихъ кліентовъ“, чѣмъ и обусловливается сокращеніе ссудъ, требованіе доплатъ, назначеніе массами имѣній въ продажу и т. п. Мы прибавимъ къ этому отъ себя, что изъ двухъ элементовъ, смѣшанныхъ въ учрежденіи банка, на первый планъ выдвигается то тотъ, то другой: рѣшительное преобладаніе элемента коммерческаго надъ государственнымъ начинается только съ 1889 г. Уфимская губернская земская управа рекомендуетъ пониженіе платежей (съ помощью конверсіи свидѣтельствъ крестьянскаго банка, въ настоящее время оплачиваемыхъ несоразмѣрно высокимъ процентомъ), повышеніе максимальной нормы покупокъ (теперь ограниченной 125 рублями на душу), измѣненіе способовъ взысканія, съ устраненіемъ принудительной публичной продажи, предоставленіе особыхъ льготъ переселенцамъ, распространеніе дѣятельности банка на мѣщанъ, занимающихся земледѣліемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ управа предлагаетъ ходатайствовать о возвращеніи земли, перешедшей, за неисправностью плательщиковъ, въ собственность банка, прежнимъ ея владѣльцамъ, если будетъ признано, что они потеряли землю вслѣдствіе стеченія неблагопріятныхъ условій. Чтобы понять всю важность вопросовъ, возбужденныхъ уфимскою управой, необходимо имѣть въ виду, что продано съ торговъ или осталось за банкомъ, въ уфимской губерніи, 24 участка, величиною въ 14.499 дес., составляющіе болѣе 11% всей земли, купленной здѣсь при содѣйствіи банка. Нѣкоторые изъ отчужденныхъ участковъ принадлежали переселенцамъ, которые, потерявъ землю, прямо перешли въ разрядъ безземельныхъ и бездомныхъ пролетаріевъ. А между тѣмъ въ уфимской губерніи имѣется множество земель, доступныхъ для покупки и вполнѣ годныхъ для переселенцевъ; количество этихъ земель должно еще значительно увеличиться, когда будетъ приведено къ концу размежеваніе земель башкирскихъ (о чемъ также ходатайствуетъ уфимское земство). „Для губерніи,—говоритъ уфимская управа, —представляется дѣломъ первостепенной важности мертвое въ настоящее время пространство въ два милліона плодородныхъ десятинъ вызвать къ жизни, культивировать и тѣмъ самымъ усилить мѣстную хлѣбную производительность; для переселенца губернія представляетъ, по сравненію съ другими мѣстами, много преимуществъ по плодоро-

дію и свѣжести почвы, по сравнительному удобству сообщеній и сбыта продуктовъ. Переселенцы въ значительной степени послужать къ обрусѣнію края и своимъ примѣромъ облегчать тяжелый для башкиръ переходъ къ несвойственной имъ въ настоящее время земледѣльческой культурѣ". Всѣ эти соображенія безусловно и очевидно вѣрны. Необходимо привлечь переселенцевъ въ страну, богатую природными дарами, но бѣдную людьми; еще болѣе необходимо *удержать* ихъ тамъ, удержать не въ качествѣ батраковъ, а въ качествѣ исправныхъ хозяевъ. Первые годы на купленной землѣ оказываются чрезвычайно тяжелыми даже для переселенцевъ, принесшихъ съ собою сравнительно хорошія средства. Недоимки, въ большинствѣ случаевъ, ростутъ сначала весьма быстро и только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ начинаютъ уменьшаться. Отсюда ясно, какъ важно предоставить переселенцамъ, на первое время, нѣкоторыя льготы во взносѣ платежей. На земляхъ частныхъ владѣльцевъ платежи переселенцевъ-арендаторовъ въ первые годы бываютъ, обыкновенно, гораздо ниже, чѣмъ въ послѣдующіе — и именно благодаря этому арендаторы имѣютъ возможность исполнять свои обязательства передъ владѣльцами. Аналогичный порядокъ могъ бы быть примѣненъ и къ переселенцамъ-кліентамъ крестьянскаго банка, съ тѣмъ бо́льшей пользой, что надъ ними тяготѣютъ, сплошь и рядомъ, доплаты, способствующія обращенію ихъ въ разрядъ недоимщиковъ.

Какъ бы велики ни были въ настоящее время недостатки организаціи и дѣятельности крестьянскаго банка, они могутъ быть устранены пересмотромъ положенія о крестьянскомъ банкѣ и болѣе цѣлесообразнымъ примѣненіемъ его на практикѣ. Нѣтъ никакой надобности въ такихъ рѣшительныхъ мѣрахъ, какъ, напримѣръ, рекомендуемое „Недѣлей" (№ 41) направленіе всѣхъ усилій и средствъ крестьянскаго банка на содѣйствіе переселеніямъ. „Какъ кредитное учрежденіе,—говоритъ „Недѣля",—банкъ неизбѣжно долженъ имѣть дѣло съ болѣе состоятельными кліентами... Съ помощью кредита рѣшительно невозможно обезпечить землею малоземельную и безземельную часть крестьянства. Зачѣмъ же продолжать дѣло, несостоятельность котораго доказана десятилѣтнимъ опытомъ? Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что мы располагаемъ другимъ, болѣе простымъ и надежнымъ средствомъ для достиженія той же цѣли. У насъ обиліе пустующихъ земель, которыя теперь не приносятъ никакого дохода государству. Онѣ могли бы быть безплатно отведены безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянамъ"—а помочь имъ переселиться и устроиться на новыхъ мѣстахъ могъ бы крестьянскій банкъ. Нисколько не возражая ни противъ раздачи безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянамъ казенныхъ земель, ни противъ государствен-

ной помощи переселенцамъ, мы думаемъ, что все это можетъ быть устроено помимо крестьянскаго банка, который не долженъ быть отвлекаемъ отъ своего прямого назначенія—помогать крестьянамъ въ пріобрѣтеніи земли путемъ покупки. Есть множество случаевъ, въ которыхъ положеніе крестьянъ можетъ быть значительно измѣнено къ лучшему и безъ переселенія, одною прикупкою земель, лежащихъ рядомъ съ ихъ постояннымъ мѣстомъ жительства и именно потому особенно имъ нужныхъ и удобныхъ. Всѣмъ извѣстно, какъ часто подобныя земли, находясь въ рукахъ посторонняго владѣльца, становятся для крестьянъ источникомъ притѣсненій и процессовъ или арендуются ими по цѣнѣ, далеко превышающей дѣйствительную ихъ стоимость. Содѣйствіе банка къ пріобрѣтенію крестьянами такихъ земель въ высшей степени желательно и ничѣмъ незамѣнимо. То же самое слѣдуетъ сказать и о покупкѣ земель хотя и не смежныхъ съ крестьянскою, но близкихъ къ ней и служащихъ какъ бы естественнымъ ея дополненіемъ. Пустующія казенныя земли имѣются на-лицо далеко не вездѣ,—а между тѣмъ вездѣ могутъ найтись семьи или группы семей, желающія выселиться изъ тѣсноты на просторъ, не слишкомъ отдаляясь отъ родины и не переходя въ совершенно иную климатическую и хозяйственную обстановку. Зачѣмъ лишать крестьянъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, поддержки и помощи, даже и теперь далеко не всегда для нихъ безполезной, несмотря на всѣ несовершенства устройства банка, несмотря на всѣ колебанія въ его направленіи? Не лучше ли поправить, пополнить, расширить существующее, ничего не упраздняя и не уничтожая?.. Къ вопросу о пересмотрѣ узаконеній, опредѣляющихъ дѣятельность крестьянскаго банка, мы постараемся еще возвратиться.

За все время дѣятельности крестьянскаго банка, съ 23-го апрѣля 1883 по 1-е января 1892 г., куплено при его содѣйствіи всего 1.742.332 десятины земли, подъ которыя выдано въ ссуду около $60^1/_2$ милл. рублей. Дворянскій земельный банкъ открылъ свою дѣятельность два съ половиною года спустя послѣ крестьянскаго, но успѣлъ уже выдать ссудъ, по 1-е января 1892 г., на сумму болѣе 310 милліоновъ рублей. Цифра ссудъ, выданныхъ дворянскимъ банкомъ въ 1891 г., меньше, чѣмъ въ предъидущемъ, но все еще весьма значительна: она превышаетъ 58 милл. руб. (въ 1890 г.—$61^1/_2$ милл.). Ссудъ въ размѣрѣ свыше нормальнаго (т.-е. свыше 60% оцѣнки) въ 1891 г. выдано 80, на сумму свыше $5^1/_2$ милл. рублей—гораздо больше чѣмъ въ 1888 (около $3^1/_2$ милл.), 1889 (менѣе $2^1/_2$ милл.) и 1890 г. (почти 4 милл.). Еще выше, чѣмъ въ 1891 г., эта цифра была только въ два первые года дѣятельности банка (въ 1886 г.—нѣсколько болѣе 6 милл., въ 1887 г.—почти $6^1/_2$ милл.); но тогда

гораздо болѣе значительна была и общая цифра ссудъ (68³/₄ и 70 милліоновъ рублей). Изъ общаго числа имѣній, принятыхъ въ залогъ въ 1891 г. (1.931), почти треть (609) нигдѣ передъ тѣмъ не была заложена. Льготы, предоставленныя дворянскому банку, все болѣе и болѣе, такимъ образомъ, уменьшаютъ число дворянскихъ имѣній, свободныхъ отъ залога. Продано съ публичнаго торга въ первой половинѣ 1891 г. двадцать одно имѣніе (19 на первыхъ торгахъ, 2 на вторыхъ); во второй половинѣ—33 имѣнія (на первыхъ торгахъ; вторые торги назначены по 9 имѣніямъ, но они состоялись уже въ 1892 г., и о результатѣ ихъ въ отчетѣ свѣденій нѣтъ). За банкомъ осталось семь имѣній, заключающихъ въ себѣ 9.693 дес. и обремененныхъ капитальнымъ долгомъ въ 761 тыс. и недоимками въ 44 тыс. рублей. Относительно двухъ изъ этихъ имѣній (лукояновскаго уѣзда нижегородской губ.), принадлежащихъ одному и тому же лицу, состоялось Высочайшее повелѣніе, изъемлющее ихъ на два года отъ продажи и предназначающее ихъ къ возвращенію прежнему владѣльцу, если въ теченіе этого срока чистымъ доходомъ съ имѣній и продажею частью движимости и недвижимости будутъ покрыты всѣ недоимки и текущіе срочные платежи. Цифра убытковъ, понесенныхъ банкомъ въ 1891 г. по всѣмъ оставшимся за нимъ имѣніямъ, превышаетъ 69 тысячъ рублей. Число имѣній, публикуемыхъ дворянскимъ банкомъ въ продажу, ростетъ чрезвычайно быстро: за невзносъ майскаго платежа 1890 г. публиковано въ продажу 430 имѣній, за невзносъ ноябрьскаго платежа того же года—1.414, за невзносъ майскаго платежа 1891 г.—1.557.

Къ 1-му января 1892 г. оставалось еще неисключенными изъ публикаціи 1.268 имѣній. Просроченныхъ платежей въ предѣлахъ льготнаго срока числилось къ 1-му января 1891 г.—3.821 тыс.; къ 1-му января 1892 г.—4.515 тыс. рублей; просроченныхъ платежей, перешедшихъ предѣлы льготнаго срока, къ 1-му января 1891 г. было 528 тыс., къ 1-му января 1892 г.—995 тыс. рублей. Въ виду этихъ цифръ невольно приходитъ на память остроумный проектъ циркуляра, который г. Атава предлагалъ недавно (въ „Новомъ Времени") разослать заемщикамъ дворянскаго банка...

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го января 1893.

Политическія событія истекшаго года. — Министерскіе кризисы въ разныхъ странахъ.—Рабочее движеніе. — Милитаризмъ и международная политика.—Панамскія разоблаченія во Франціи и ихъ политическій смыслъ.—Урокъ одному изъ дипломатовъ въ Петербургѣ, со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“.

Истекшій годъ былъ годомъ всякихъ кризисовъ—министерскихъ, политическихъ и экономическихъ. Во Франціи кабинетъ мѣнялся дважды: въ февралѣ пало министерство Фрейсинэ-Констана, а въ ноябрѣ подверглось той же участи министерство Лубэ. Въ Англіи власть перешла отъ консерваторовъ къ либераламъ, послѣ парламентскихъ выборовъ, происходившихъ въ началѣ іюля, и Гладстонъ занялъ мѣсто лорда Сольсбери. Въ Германіи, послѣ неудачи школьнаго проекта графа Зедлица, имперскій канцлеръ Каприви сложилъ съ себя званіе прусскаго министра-президента, и въ мартѣ назначенъ былъ на этотъ постъ графъ Эйленбургъ. Въ Италіи свергнуто было министерство Рудини въ началѣ мая (н. ст.), и во главѣ правительства сталъ Джіолитти. Въ Испаніи консервативный Кановасъ дель-Кастильо долженъ былъ уступить власть либеральному Сагастѣ. Въ Венгріи министръ-президентъ графъ Сапари вынужденъ былъ выйти въ отставку и нашелъ себѣ преемника въ лицѣ министра финансовъ Векерле (въ ноябрѣ). Въ Австріи графъ Таафе, несмотря на энергическій натискъ соединенныхъ партій чешскихъ автономистовъ и нѣмецкихъ либераловъ, удержался на мѣстѣ только благодаря необычайной эластичности своей политики, при чемъ ему пришлось, однако, пожертвовать нѣкоторыми членами кабинета. Въ Греціи министръ-президентъ Дельянисъ, вслѣдствіе неблагопріятнаго для него исхода парламентскихъ выборовъ (15-го мая), уступилъ мѣсто Трикупису. Въ Сербіи радикальное министерство Пашича замѣнено умѣренно-либеральнымъ кабинетомъ Авакумовича. Наконецъ, въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ президентскіе выборы (9-го ноября) доставили побѣду демократической партіи въ лицѣ Гровера Кливлэнда, который съ 4-го марта вступитъ въ должность президента, на мѣсто Гаррисона.

Рядомъ съ этими перемѣнами въ составѣ правительствъ большей части государствъ, происходили въ разныхъ странахъ серьезныя за-

вмѣшательства въ области народно-хозяйственныхъ интересовъ, въ связи съ крупными забастовками и волненіями рабочихъ. Наиболѣе значительная стачка устроена была (въ мартѣ) англійскою „федераціею углекоповъ"; въ этой стачкѣ участвовало до трехсотъ тысячъ человѣкъ, безъ всякихъ нарушеній общественнаго порядка, съ единственною цѣлью противодѣйствовать пониженію заработной платы, вызываемому чрезмѣрнымъ упадкомъ цѣнъ на каменный уголь. Руководители стачки надѣялись, что, сократив добываніе угля, можно повысить его рыночную цѣну и поддержать этимъ прежнюю норму заработной платы; но они ошиблись въ разсчетѣ и напрасно истратили громадныя суммы рабочихъ сбереженій. Больше успѣха имѣла стачка французскихъ углекоповъ въ Кармо, сопровождавшаяся крупными безпорядками и волненіями; послѣ двухмѣсячныхъ усилій рабочіе добились требуемыхъ уступокъ, которыя касались, впрочемъ, не экономическихъ, а политическихъ вопросовъ. Въ октябрѣ стачка закончилась признаніемъ справедливости того требованія, чтобы уволенный за неисправность мэръ-рабочій возстановленъ былъ въ своей должности въ копяхъ, изъ уваженія къ принципу всеобщаго народнаго голосованія. Въ Германіи недовольство рабочихъ вызывалось главнымъ образомъ нуждою; уличные безпорядки, разыгравшіеся въ февралѣ въ Берлинѣ, объяснялись отсутствіемъ заработковъ и дороговизною хлѣба вслѣдствіе неурожая. По этому поводу обнаружился расколъ въ нѣмецкомъ рабочемъ классѣ; старые вожди соціальной демократіи отнеслись чрезвычайно строго къ участникамъ берлинскихъ демонстрацій и рѣшительно отвергали всякую солидарность съ этими „оборванцами", которые своимъ поведеніемъ давали будто бы оружіе въ руки буржуазіи и правительства. Въ нѣмецкомъ рабочемъ населеніи оказался какой-то скрытый антагонизмъ между бѣдствующими искателями труда и болѣе обезпеченными работниками, принадлежащими къ соціально-демократической партіи; демократія, предводимая Бебелемъ и Либкнехтомъ, стала играть, относительно низшаго слоя рабочихъ, ту охранительную роль, которую прежде играли средніе промышленные классы. Оппозиція небольшой группы „молодыхъ" демократовъ противъ направленія, принятаго старыми вождями, не привела, однако, къ серьезнымъ результатамъ и не уничтожила единства партіи въ странѣ и парламентѣ; но для всего нѣмецкаго общества былъ въ высшей степени поучителенъ тотъ фактъ, что соціальная демократія, которая недавно еще считалась опасною для общественнаго спокойствія и подвергалась суровымъ полицейскимъ преслѣдованіямъ, усвоила теперь вполнѣ мирный парламентскій характеръ и сама беретъ на себя задачу предупрежденія безпорядковъ и волненій между рабочими. Многіе опасались, что

день перваго мая, назначенный служить международнымъ праздникомъ рабочихъ, не пройдетъ на этотъ разъ спокойно въ Германіи; но рабочіе избѣгали поводовъ къ столкновеніямъ и вели себя очень сдержанно, подъ вліяніемъ настойчивыхъ совѣтовъ своихъ парламентскихъ руководителей.

Французскій рабочій классъ не имѣетъ такой прочной политической организаціи, какъ нѣмецкій; защитники рабочаго движенія во Франціи дѣлятся на многія самостоятельныя группы, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою особую программу, свои идеи и способы дѣйствія. При этой слабости и взаимной розни отдѣльныхъ соціалистическихъ группъ легко выступаютъ на первый планъ наиболѣе активные элементы, расположенные къ крайнимъ мѣрамъ борьбы,—революціонеры и анархисты, имѣющіе въ сущности мало общаго съ интересами и требованіями трудящагося рабочаго населенія. Такъ называемые анархисты, свободные отъ всякихъ нравственныхъ и экономическихъ принциповъ, пользуются опасными взрывчатыми веществами для того, чтобы вызывать чувство страха и ужаса среди мирныхъ городскихъ обывателей; частыя динамитныя покушенія вполнѣ достигаютъ этой цѣли, подрывая самыя основы общественной безопасности во всѣхъ слояхъ населенія, не исключая и рабочаго. Неоднократные динамитные взрывы порождали естественную панику въ Парижѣ; но виновники ихъ, въ родѣ Равашоля, возстаютъ противъ окружающаго общества не во имя какихъ-нибудь опредѣленныхъ соціальныхъ теорій, а ради возбужденія шумнаго эффекта и террора, по личнымъ и случайнымъ поводамъ, изъ мести или отчаянія, изъ желанія покончить съ неудавшимся существованіемъ при эффектной трагической обстановкѣ. Первыя покушенія, на Сенъ-Жерменскомъ бульварѣ и въ улицѣ Клиши, направлены были, повидимому, противъ судебныхъ дѣятелей, но повредили только постороннимъ лицамъ; арестъ виновника, Равашоля, повелъ за собою взрывъ ресторана, гдѣ его содержали, и, наконецъ, послѣднее покушеніе, стоившее жизни пяти человѣкамъ, было предназначено для администраціи каменноугольныхъ копей въ Кармо. Эти динамитныя посягательства не могутъ быть поставлены въ прямую связь съ ходомъ рабочаго движенія во Франціи; они свидѣтельствуютъ только о возможности повторенія кровавыхъ сценъ коммуны, при наступленіи благопріятныхъ для того обстоятельствъ. Впечатлѣніе, производимое взрывами, увеличиваетъ пропасть, отдѣляющую пролетаріевъ отъ остального населенія; вражда между классами усиливается, принимаетъ болѣе рѣзкій оттѣнокъ и готовитъ печальные плоды для будущаго. Серьезныя попытки къ разрѣшенію или облегченію соціальнаго кризиса не имѣютъ шансовъ успѣха во Франціи; ученые эконо-

мисты упорно отстаиваютъ свои старыя доктрины и по прежнему видятъ спасительное начало въ безсильномъ принципѣ невмѣшательства. Среднее общественное мнѣніе, выражаемое буржуазными публицистами и ораторами, склоняется въ ту же сторону бездѣйствія или довольствуется незначительными палліативами; законодательство дѣлаетъ отдѣльные робкіе шаги въ пользу рабочихъ, но затрогиваетъ лишь второстепенныя стороны вопроса и избѣгаетъ ставить его во всей его полнотѣ. Въ отношеніяхъ французскихъ капиталистовъ и рабочихъ незамѣтно той готовности къ компромиссамъ, которая характеризуетъ промышленный міръ въ Англіи и отчасти въ Германіи. Духъ уступчивости и соглашенія отсутствуетъ и въ журналистикѣ, и въ парламентѣ; политическія партіи во Франціи поглощены всецѣло текущими дѣлами, перемѣнчивыми и случайными злобами дня, и невольно откладываютъ изъ года въ годъ сложныя народно-хозяйственныя задачи, выдвигаемыя жизнью. Революціонное броженіе въ массѣ французскаго пролетаріата, предоставленное на волю случайностей, дѣйствуетъ заразительно на весь рабочій классъ, лишенный организаціи и руководительства, а національный темпераментъ французовъ, часто поддающійся увлеченіямъ, является весьма благодарною почвою для дѣятельности анархистовъ или людей, прикрывающихся теоріями анархизма.

Угнетенное экономическое состояніе народовъ даже въ богатыхъ странахъ Европы имѣетъ свои спеціальныя причины, независимо отъ общихъ условій и симптомовъ промышленнаго застоя. Во-первыхъ, почти повсюду народная производительность стѣснена и ограничена въ сбытѣ продуктовъ подъ вліяніемъ узкой покровительственной системы, восторжествовавшей не только въ Сѣверной Америкѣ, но и во Франціи; международный обмѣнъ товаровъ сократился въ значительной степени, и поощряемое туземное производство пострадало не менѣе, чѣмъ интересы внѣшнихъ торговыхъ сношеній. Во-вторыхъ, непомѣрно возростающіе военные бюджеты поглощаютъ громадную долю народныхъ средствъ, отрываютъ здоровыя молодыя силы отъ производительнаго труда, приводятъ къ крупнымъ дефицитамъ, къ увеличенію налоговъ и займовъ. Этотъ финансовый гнетъ даетъ себя особенно чувствовать въ Италіи, гдѣ онъ оказывается ужъ слишкомъ тягостнымъ для населенія. Новое крупное увеличеніе военныхъ силъ и расходовъ, предложенное въ Германіи, убѣдило всѣхъ и каждаго, что нѣтъ границы для требованій милитаризма; цифры, которыя два-три года тому назадъ считались уже колоссальными, признаются теперь недостаточными, въ виду фантастической перспективы борьбы одновременно съ нѣсколькими великими державами. Французская республика не собирается нападать на Германію, и однако тратитъ

милліарды на вооруженія, чтобы быть готовою къ предполагаемой борьбѣ; Германія, обезпеченная союзомъ Австро-Венгріи и Италіи, можетъ спокойно выжидать нападенія и не думаетъ сама начинать войну съ Франціею, и тѣмъ не менѣе она принимаетъ усиленныя мѣры, чтобы быть въ состояніи успѣшно воевать не только съ Франціею, но и съ Россіею. Разорительное соперничество государствъ въ области вооруженій есть по прежнему господствующій фактъ европейской политики. Вопреки всѣмъ ожиданіямъ военныхъ спеціалистовъ, мирное сожительство культурныхъ націй, хотя и вооруженныхъ, держится на прочныхъ основахъ и не обнаруживаетъ признаковъ поворота въ духѣ военной предпріимчивости. Жизненныя потребности народовъ не даютъ простора военному честолюбію и сообщаютъ болѣе реальное и цѣлесообразное содержаніе національному патріотизму, отвлекая его отъ безплодныхъ международныхъ счетовъ и столкновеній.

Установившаяся группировка державъ сохранилась и въ истекшемъ году, съ тою только разницею, что тройственный союзъ, во главѣ котораго стоитъ Германія, пріобрѣтаетъ все болѣе миролюбивый, безобидный характеръ и перестаетъ занимать собою общественное мнѣніе Европы. Знаменитая „лига мира", служившая прежде предметомъ постоянныхъ газетныхъ толковъ, сдѣлалась какъ будто достояніемъ исторіи; она существуетъ еще номинально, но почти не напоминаетъ о себѣ и ни въ комъ уже не возбуждаетъ тревоги. Австрійская печать стала болѣе самостоятельною относительно Берлина; она не скрываетъ своихъ симпатій къ Франціи и часто критикуетъ германскую политику, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю. Вѣнская дипломатія ведетъ себя сдержанно на востокѣ и избѣгаетъ пререканій и конфликтовъ съ Россіею. Германія старается поддержать дружескія отношенія съ русскимъ правительствомъ, которое и съ своей стороны проникнуто вполнѣ естественнымъ миролюбіемъ, какъ о томъ свидѣтельствовало свиданіе двухъ императоровъ въ Килѣ (7-го іюля); въ то же время пріѣздъ великаго князя Константина Константиновича въ Нанси (6-го іюля) оффиціально подтвердилъ неизмѣнную прочность нашихъ политическихъ связей съ Франціею. Въ Италіи общественное мнѣніе все сильнѣе высказывалось противъ тѣснаго и исключительнаго союза съ Германіею, влекущаго за собою чрезмѣрное возростаніе военныхъ расходовъ. Политическая натянутость въ сношеніяхъ съ французами жестоко отразилась на итальянской внѣшней торговлѣ, и мысль о сближеніи съ Франціею не встрѣчаетъ уже отпора среди бывшихъ единомышленниковъ и поклонниковъ Криспи. Итальянскія симпатіи къ французамъ получили краснорѣчивое выраженіе во время празднествъ въ память Колумба (въ

сентябрѣ), когда французская эскадра, прибывшая по этому поводу въ генуэзскія воды, удостоилась восторженныхъ овацій, далеко выходившихъ за предѣлы простой международной вѣжливости. Оживились воспоминанія о братствѣ по оружію, о великихъ французскихъ заслугахъ въ дѣлѣ объединенія Италіи, о близкомъ культурномъ родствѣ обѣихъ націй, и общее настроеніе итальянской печати оказалось вполнѣ франкофильскимъ. Формальная принадлежность къ тройственному союзу не поколеблена, конечно, этими проявленіями итальянскихъ чувствъ, но она получила какъ бы другой смыслъ, не совсѣмъ соотвѣтствующій первоначальнымъ намѣреніямъ Берлина. На политику Италіи и на крѣпость союза ея съ Германіею повліяло также паденіе кабинета Сольсбери, который дѣйствовалъ въ Римѣ за-одно съ нѣмецкою дипломатіею и обѣщалъ итальянцамъ защиту ихъ правъ въ Средиземномъ морѣ; новое министерство Гладстона заранѣе отвергло эти обѣщанія и не было вообще расположено стоять за германскіе интересы въ ущербъ французскимъ. Перемѣна правительства въ Англіи значительно ослабила внутреннюю силу и значеніе тройственнаго союза въ Европѣ.

Политическіе кризисы истекшаго года касались исключительно внутренней жизни государствъ и только косвенно затрогивали сферу международныхъ отношеній. Нѣкоторые изъ этихъ кризисовъ перейдутъ отъ стараго года къ новому и едва ли получатъ скорую развязку: въ Англіи министерство не приступило еще къ реформѣ, во имя которой партія Гладстона одержала побѣду на выборахъ, и борьба по вопросу объ ирландской автономіи предстоитъ еще впереди; въ Германіи не разрѣшились еще щекотливые споры, возбужденные военнымъ законопроектомъ, и остается еще открытымъ вопросъ о томъ, можетъ ли удержаться на своемъ мѣстѣ нынѣшній канцлеръ, генералъ Каприви, въ виду враждебнаго или недовѣрчиваго къ нему отношенія значительной части общества, печати и парламента; наконецъ, во Франціи разоблаченія по панамскому дѣлу вызвали рядъ бурныхъ парламентскихъ сценъ и грозятъ привести къ гораздо болѣе крупнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ можно было думать вначалѣ.

Панамскій „скандалъ", поднятый голословнымъ заявленіемъ малоизвѣстнаго буланжистскаго депутата и встрѣченный ироническими возгласами и протестами парламентскаго большинства (въ засѣданіи 21-го ноября), разроссся мало-по-малу въ огромную лавину, которая опрокинула уже на своемъ пути одно министерство, погубила многихъ вліятельныхъ политическихъ дѣятелей и подорвала нравственный авторитетъ республиканскаго правительства. Дѣло, начатое едва замѣтно депутатомъ Делагэ, постепенно приняло размѣры важнѣйшаго политическаго событія, на которомъ сосредоточилось вниманіе

не только всей Франціи, но и Европы. Можно сказать, что возбужденіе панамскаго дѣла было самымъ серьезнымъ и поучительнымъ фактомъ въ политической жизни Европы за истекшій годъ. Великая сила гласности въ общественныхъ дѣлахъ никогда еще не выступала съ такою яркою убѣдительностью: слово, сказанное публично, сразу разсѣяло туманъ, которымъ покрыта была печальная житейская практика, порожденная нравами, понятіями и привычками извѣстной части общества,—практика, свободно процвѣтающая въ полутьмѣ, но не выносящая свѣта, публичности. Хищенія существовали при всякомъ режимѣ; но разоблачать ихъ открыто нельзя было ни при Луи-Филиппѣ, ни во времена второй имперіи. Можно ли представить себѣ, чтобы кто-нибудь осмѣлился привлечь къ отвѣту приближенныхъ Наполеона III, его министровъ и сановниковъ, составившихъ себѣ милліонныя состоянія самыми сомнительными путями? Мыслимо ли было требовать отчета отъ политическихъ и финансовыхъ дѣльцовъ, распоряжавшихся тогда казенными суммами или продававшихъ свое вліяніе за деньги? Попытка подобнаго рода была бы совершенно безполезна, даже еслибы она была возможна: такія разоблаченія не попали бы въ печать и не могли бы быть сдѣланы безнаказанно ни въ какомъ публичномъ собраніи; а еслибы какой-нибудь смѣльчакъ нашелъ способъ заявить начальствующимъ лицамъ о подкупахъ и злоупотребленіяхъ, то онъ первый, конечно, подвергся бы наказанію за ложный доносъ или за колебаніе общественнаго довѣрія и уваженія къ правительству. Такіе дѣятели, какъ герцогъ Персиньи, герцогъ Морни, баронъ Османъ, финансистъ Фульдъ, немедленно и безъ всякихъ усилій потушили бы въ самомъ зародышѣ опасную попытку разоблаченія, а виновника упрятали бы куда-нибудь подальше. Ни законодательный корпусъ, ни сенатъ не назначили бы спеціальной коммиссіи для публичнаго разбора и провѣрки высказанныхъ обвиненій, еслибы послѣднія могли быть повторены кѣмъ-либо въ этихъ совѣщательныхъ учрежденіяхъ; палаты выразили бы только свое негодованіе и, быть можетъ, возбудили бы вопросъ объ исключеніи изъ своей среды недостойнаго члена, позорящаго вѣрныхъ слугъ Наполеона III. Внутренняя порча развивалась бы вполнѣ свободно, безъ всякихъ стѣсненій, подъ маскою внѣшняго величія и авторитета, до тѣхъ поръ, пока не совершится какая-нибудь катастрофа, которая сразу освѣтила бы всю накопившуюся гниль и послужила бы внезапнымъ и полнымъ, хотя и запоздалымъ, разоблаченіемъ скрытыхъ болѣзней пережитой эпохи. Тогда уже поздно говорить объ исцѣленіи зла; весь политическій строй падаетъ безсильно подъ вліяніемъ внѣшняго толчка: такова была участь второй имперіи послѣ седанскаго погрома.

Нынѣшняя французская республика составляетъ прямую противоположность прежнему порядку вещей; она сама раскрываетъ и позволяетъ каждому раскрывать всѣ грѣхи и слабости ея выборныхъ правителей, безпощадно отдаетъ на публичный судъ всѣхъ своихъ излюбленныхъ людей, производитъ это разслѣдованіе открыто, на глазахъ всего свѣта, и не отступаетъ даже передъ опасностью повредить своимъ серьезнѣйшимъ политическимъ интересамъ. Республиканская палата выказала большое самоотверженіе, назначивъ парламентскую коммиссію съ обширными полномочіями для всесторонняго разслѣдованія дѣла, ибо задѣтые обвиненіемъ депутаты не могли не знать, что прикосновенность ихъ къ панамскимъ хищеніямъ будетъ неминуемо раскрыта. Коммиссія, подъ руководствомъ своего суроваго предсѣдателя Бриссона, выслушивала массу лицъ, получала для осмотра документы, собранные судебною властью, и все болѣе расширяла свои функціи, съ цѣлью возможно полнаго выясненія истины. Новый кабинетъ образовался отчасти изъ прежнихъ министровъ, Лубэ, Буржуа, Фрейсинэ, со включеніемъ нѣсколькихъ новыхъ лицъ, подъ президентствомъ Рибо. Декларація, прочитанная министромъ-президентомъ въ засѣданіи 8-го декабря (нов. ст.), произвела весьма благопріятное впечатлѣніе своимъ твердымъ и искреннимъ тономъ. Правительство оказывало коммиссіи всякое содѣйствіе; но оно съ трудомъ могло справиться съ общимъ замѣшательствомъ среди парламентскихъ группъ и едва удерживало за собою большинство въ палатѣ. Нѣсколько разъ Рибо требовалъ заявленія довѣрія къ правительству и только своею настойчивостью и энергіею добивался временнаго успѣха. Ежедневно обнаруживались новыя обстоятельства, которыми дѣло все болѣе усложнялось и запутывалось; газеты, спеціально занятыя разоблаченіями и получавшія свои свѣденія отъ бывшихъ руководителей и агентовъ панамскаго общества, постоянно сообщали новые факты, которые вслѣдъ затѣмъ провѣрялись въ коммиссіи допросомъ свидѣтелей и обвиняемыхъ. Обвиненіе коснулось и бывшихъ министровъ, и выдающихся парламентскихъ дѣятелей, пользовавшихся общимъ почетомъ и довѣріемъ. Въ одной газетѣ было разсказано, что баронъ Рейнакъ провелъ послѣдній день передъ самоубійствомъ въ обществѣ Рувье и Клемансо. Къ общему удивленію, Клемансо печатно подтвердилъ это сообщеніе и объяснилъ подробно, какъ было дѣло. Рувье тотчасъ вышелъ въ отставку, чтобы не мѣшать правительству своимъ присутствіемъ и чтобы свободнѣе заняться своимъ личнымъ оправданіемъ. А нѣсколько дней спустя министръ юстиціи Буржуа внесъ въ палату требованіе о разрѣшеніи судебнаго преслѣдованія пяти депутатовъ, въ томъ числѣ двухъ бывшихъ министровъ, Рувье и Жюля Роша; въ сенатъ

внесено такое же требованіе относительно пяти сенаторовъ. Дѣло въ томъ, что найдены были квитанціи, съ помѣченными рукою Рейнака именами Рувье, Роша и другихъ, какъ получателей по чекамъ; нужно было вызвать этихъ лицъ къ судебному слѣдователю для дачи показаній, а для этого понадобилось почему-то формальное разрѣшеніе палаты объ открытіи судебнаго слѣдствія противъ заподозрѣнныхъ депутатовъ, хотя можно было предварительно допросить ихъ въ качествѣ свидѣтелей. Никто, разумѣется, не думаетъ серьезно, что министръ финансовъ, черезъ руки котораго проходили сотни милліоновъ, и отъ котораго отчасти зависѣли крупнѣйшіе интересы французскаго промышленнаго міра, могъ быть подкупленъ суммою въ 40.000 франковъ, обозначенною въ чековой книжкѣ, или даже суммою въ 90.000 франковъ, указанною въ позднѣйшемъ спискѣ; цифры эти были бы во всякомъ случаѣ слишкомъ ничтожны въ сравненіи съ тѣми сотнями тысячъ, которыя раздавались отдѣльнымъ депутатамъ и журналистамъ, въ видахъ подкупа. Рувье заявилъ въ палатѣ, что, будучи главою министерства въ 1887 году, въ періодъ борьбы съ буланжизмомъ, онъ долженъ былъ расходовать на экстренныя надобности гораздо больше денегъ, чѣмъ приходилось по бюджету секретныхъ суммъ на отдѣльные мѣсяцы, и вслѣдствіе этого онъ занималъ недостающія суммы у знакомыхъ финансистовъ съ тѣмъ, чтобы покрыть недочеты изъ средствъ ближайшихъ мѣсяцевъ; это покрытіе и сдѣлано было относительно чека въ 40.000 фр., а другая сумма, въ 50 тысячъ, была покрыта временно барономъ Рейнакомъ. Что эти деньги взяты были изъ кассы панамскаго общества—объ этомъ Рувье не зналъ. Такого же, вѣроятно, происхожденія былъ и чекъ съ именемъ Жюля Роша на 25 тыс. фр., ибо подобная сумма не могла быть предназначена для подкупа такого лица, какъ министръ торговли. Рувье и Жюль Рошъ пользовались до сихъ поръ репутаціею безусловно честныхъ дѣятелей, и однако общественное настроеніе таково, что правительство отдало ихъ въ жертву правосудію по собственной своей иниціативѣ, не обратившись къ нимъ за разъясненіями и не дождавшись ихъ показаній у судебнаго слѣдователя. Рувье исполнилъ просьбу Рейнака, когда тотъ, доведенный до отчаянія предпринятою нѣкоторыми газетами кампаніею, предложилъ ему пойти вмѣстѣ къ извѣстному дѣльцу, доктору Корнелію Герцу, и затѣмъ къ Констану, чтобы побудить ихъ прекратить или смягчить полемику; но Рувье былъ настолько остороженъ, что согласился лишь подъ условіемъ участія посторонняго и всѣми уважаемаго свидѣтеля, предводителя радикаловъ, Клемансó. Ни Герцъ, ни Констанъ, ничего не могли сдѣлать, и въ слѣдующую же ночь Рейнакъ умеръ. Нужно замѣтить, что близкое знакомство съ баро-

номъ Рейнакомъ было вполнѣ естественно для министровъ и вліятельныхъ республиканцевъ, такъ какъ этотъ крупный и предпріимчивый банкиръ былъ близкимъ родственникомъ и въ то же время тестемъ главнаго редактора „République Française“, бывшаго секретаря и ближайшаго друга Гамбетты, депутата Жозефа Рейнака. Чрезвычайно страннымъ кажется здѣсь одно обстоятельство: почему этотъ финансовый дѣятель, бывшій только посредникомъ въ раздачѣ панамскихъ денегъ депутатамъ и журналистамъ, принялъ такъ близко къ сердцу газетныя обвиненія, что счелъ нужнымъ покончить съ собою, тогда какъ ни одинъ изъ депутатовъ и бывшихъ министровъ, заподозрѣнныхъ въ продажности, не обнаружилъ признаковъ подобнаго отчаянія и не выказывалъ рѣшимости на самоубійство? Неужели финансистъ по спеціальности былъ болѣе чувствителенъ въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ политическіе дѣятели и журналисты? Какъ объяснить эту психологическую загадку, которая почему-то не обратила на себя вниманіе парижской печати? Намеки на объясненіе этого страннаго обстоятельства заключаются въ разсказѣ одного изъ панамскихъ распорядителей о громадной суммѣ въ 750 тысячъ франковъ, потребованныхъ и полученныхъ отъ него Рейнакомъ отъ имени Флокѐ, бывшаго тогда министромъ-президентомъ (въ 1888 году),—будто бы на политическія надобности; позднѣе оказалось, что Рейнакъ взялъ эти деньги для себя и безъ всякаго основанія ссылался на Флокѐ, и вслѣдствіе этого онъ вынужденъ былъ возвратить часть взятой имъ суммы. Отсюда можно заключить, что Рейнакъ, занимавшій столь видное общественное положеніе, злоупотреблялъ своими политическими связями для совершенія простыхъ мошенничествъ на крупныя суммы, и что ему грозило болѣе позорное обвиненіе, чѣмъ участіе въ подкупахъ должностныхъ лицъ. Но если эта догадка подтверждается несомнѣнными фактами, то могутъ ли записи, найденныя у Рейнака или сдѣланныя его рукою, служить доказательствомъ виновности отмѣченныхъ имъ лицъ? Не присвоивалъ ли онъ себѣ тѣ суммы, которыя бралъ изъ панамской кассы подъ предлогомъ раздачи между депутатами и сенаторами?

Еще болѣе загадочную роль играетъ въ этомъ дѣлѣ докторъ Корнелій Герцъ, кавалеръ большого офицерскаго креста почетнаго легіона, обладатель громаднаго состоянія, другъ и пріятель многихъ выдающихся дѣятелей республиканской партіи. Извѣстный Поль Дерулэдъ обратился къ правительству съ запросомъ о томъ, не слѣдуетъ ли немедленно принять мѣры къ исключенію этого сомнительнаго дѣльца изъ числа кавалеровъ ордена почетнаго легіона. По этому поводу Дерулэдъ произнесъ въ палатѣ (20-го декабря) обширную рѣчь, въ которой выступилъ съ грозными обвиненіями противъ вождя

радикаловъ, Клемансо. Корнелій Герцъ сообщилъ Дерулэду еще въ 1885 году, что онъ далъ Клемансо 400 тысячъ франковъ; а въ послѣднее время Герцъ сознался Рошфору, что передалъ знаменитому разрушителю министерствъ около двухъ милліоновъ франковъ. При этомъ Герцъ тутъ же предложилъ Рошфору чекъ въ 200 тысячъ; раньше онъ предлагалъ деньги и Дерулэду, и оба, разумѣется, отказались. Клемансо самъ признаетъ, что Корнелій Герцъ купилъ акціи его газеты „Justice" и впослѣдствіи перепродалъ ихъ съ убыткомъ; но, кромѣ роли простого акціонера газетнаго предпріятія, Герцъ никакихъ другихъ отношеній къ его газетѣ не имѣлъ и никакого вліянія на нее не оказывалъ. Дерулэдъ напоминаетъ, что газета „Justice" имѣетъ ничтожное число подписчиковъ (не болѣе двухъ тысячъ) и что акціи ея не даютъ дохода и не могутъ имѣть большой цѣны; какіе же мотивы могли побудить Герца платить громадныя суммы безъ всякой для себя выгоды? Если имѣть въ виду нѣмецкое происхожденіе Герца, то сама собою является цѣлая картина враждебнаго иностраннаго воздѣйствія на политическія судьбы несчастной Франціи, черезъ посредство даровитаго и пагубнаго для страны радикальнаго вождя. Дерулэдъ нарисовалъ эту картину чрезвычайно эффектными красками и заговорилъ тономъ взволнованнаго, негодующаго патріота; но впечатлѣніе этой длинной рѣчи совершенно исчезло послѣ краснорѣчиваго отвѣта Клемансо. Послѣдній прежде всего указалъ на очевидную неправдоподобность навязываемой ему нелѣпой роли, сослался на давнишнія французскія связи Герца, на его службу въ 1870 году въ рядахъ луарской арміи, въ качествѣ врача, и затѣмъ на его близкія дружескія отношенія съ генераломъ Буланже, отъ котораго онъ, однако, отсталъ впослѣдствіи, когда выяснились враждебные его планы противъ республики. Несмотря на настойчивыя настоянія Буланже, Герцъ категорически отказывался тогда давать деньги на затѣянную имъ агитацію, и съ тѣхъ поръ буланжисты прониклись ненавистью къ Герцу и теперь мстятъ ему устами Дерулэда. Клемансо намекнулъ, что у Герца вѣроятно сохранились дружескія письма генерала, которыя могутъ быть обнародованы въ случаѣ надобности. Что же касается акцій „Justice", то Герцъ дѣйствительно сдѣлалъ съ ними неудачную аферу и потерялъ на нихъ около 200 тысячъ франковъ; но при чемъ тутъ личность Клемансо? Палата, повидимому, вполнѣ убѣдилась доводами оратора; но нѣкоторые существенные вопросы остались безъ разъясненія. Что̀ общаго могло быть у такого финансиста, какъ Корнелій Герцъ, съ видными парламентскими дѣятелями? Что̀ побуждало этого милліонера предлагать сотни тысячъ каждому вліятельному журналисту, какъ напр. Рошфору, или тратить громадныя суммы на покупку завѣдомо бездоходныхъ

акцій такой газеты, какъ „Justice"? Почему, наконецъ, Корнелій Герцъ счелъ нужнымъ укрыться отъ французскаго правосудія и переѣхать въ Лондонъ?

Одно только ясно въ этомъ темномъ дѣлѣ: зараза продажности овладѣла значительною частью французской журналистики, и откровенные подкупы газетъ разными финансовыми предпріятіями были настолько возведены въ систему, что бывшій министръ-президентъ Флокè, человѣкъ несомнѣнно честный и всѣми уважаемый, публично призналъ обязанностью правительства контролировать эту раздачу денегъ газетамъ, съ политической, т.-е. республиканской точки зрѣнія. Продажность подъ видомъ „publicité" прочно вошла въ парижскіе газетные нравы, а такъ какъ большинство депутатовъ и сенаторовъ участвуетъ въ журналистикѣ, то трудно уже отдѣлить политическій подкупъ отъ газетнаго; крупныя суммы, уплачиваемыя редакторамъ мало распространенныхъ газетъ, получаютъ весьма двусмысленное значеніе, если эти редакторы суть въ то же время вліятельные члены парламента. Остается пожелать, чтобы общественное негодованіе, вызванное во Франціи панамскими разоблаченіями, направилось прежде всего на великое зло продажности, господствующее въ ежедневной политической печати и перешедшее оттуда въ другія сферы общественной и политической дѣятельности. Зло вполнѣ поправимо, если оно можетъ быть своевременно указано и разслѣдовано представителями общественной совѣсти, безъ всякихъ ограниченій и изъятій, безъ боязни публичнаго скандала. Скандалъ пройдетъ и забудется, а вызванные имъ положительные результаты могутъ оказаться въ высшей степени благотворными для всего общества и государства.

Отношенія нашей публицистики извѣстнаго пошиба къ славянскимъ дѣламъ, въ заключеніе истекшаго года, охарактеризовались тѣмъ урокомъ, какой „Московскія Вѣдомости" взяли на себя преподать одному изъ представителей иностранныхъ державъ въ Петербургѣ, а именно сербскому посланнику, г. А. Васильевичу. Поводъ къ личному сношенію дипломата съ газетой не представлялъ, впрочемъ, особенной важности самъ по себѣ: въ корреспонденціи изъ Бѣлграда, помѣщенной въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", было сказано, что сербская газета „Мале Новине" служитъ органомъ „либеральной партіи", а изъ статей этой газеты выведено заключеніе, что сербскіе либералы только на словахъ, а не на дѣлѣ, дружески расположены къ Россіи. Вотъ и все—но по этому поводу сербскій посланникъ въ Петербургѣ почтилъ московскую газету (№ 346) собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ заявляетъ, что и онъ принадлежитъ къ „либеральной" партіи;

затѣмъ слѣдуютъ объясненія домашнихъ споровъ между политическими партіями, существующими въ Сербіи; изъ этихъ объясненій оказывается, что „Мале Новине" есть скорѣе органъ радикаловъ, а вовсе не либераловъ. Казалось бы, московской газетѣ можно было только выразить благодарность г. посланнику за подъятый имъ на себя трудъ поправлять ошибки газетъ, а сказанное имъ принять къ свѣдѣнію; правда, „Московскія Вѣдомости" выразили даже „глубокую благодарность", но вовсе не за то, за что слѣдовало бы ожидать, а за другое,—именно, за то, что г. А. Васильевичъ „просвѣтилъ газету", а съ нею, будто бы, и насъ всѣхъ, въ такомъ вопросѣ, который для нея былъ „мало понятнымъ". Если возможно вѣрить газетѣ, то она, оказывается изъ ея словъ, какъ будто въ первый разъ изъ письма къ ней сербскаго посланника узнала, что въ Сербіи существуетъ парламентъ и парламентскія партіи, и узнавъ это, выразила теперь г. посланнику свое глубокое сожалѣніе по такому поводу и пожеланіе ему увидѣть отечество освобожденнымъ отъ такихъ золъ, какъ парламентъ и политическія партіи. „Мы, русскіе,—при этомъ „Москов. Вѣдомости" не исключаютъ и себя,—ставящіе всегда на первый планъ идею справедливости и нравственности, не можемъ чувствовать какого-либо особаго пристрастія ни къ „либеральной" (представляемой у насъ нынѣ г-мъ А. Васильевичемъ), ни къ „радикальной", ни къ какой-либо иной партіи, а можемъ только молить Бога, да поможетъ онъ бѣдному сербскому народу избавиться отъ удручающаго его тяжкаго кризиса";—выше было уже разъяснено газетою г. посланнику, что источникомъ всего зла служитъ парламентская форма правленія, утвердившаяся въ Сербіи, и существованіе въ этой странѣ политическихъ партій—такихъ, какъ, между прочимъ, и либеральная, къ которой принадлежитъ и самъ г. посланникъ, по собственному его признанію. Трудно представить себѣ, какъ можетъ воспользоваться г. сербскій посланникъ урокомъ, который вознамѣрились преподать ему „Москов. Вѣдомости",—но едва ли онъ послѣ этого пожелаетъ продолжать заниматься исправленіемъ неточностей въ московской газетѣ, рискнувъ даже при этомъ тѣмъ, что „Московскія Вѣдомости" перестанутъ „молить Бога" о благоденствіи Сербіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го января 1893.

— *Изъ исторіи христіанской проповѣди.* Очерки и изслѣдованія Антонія Епископа Выборгскаго, Ректора С.-Петербургской Духовной Академіи. Спб. 1892. Стр. 439.

Настоящіе очерки и изслѣдованія изъ исторіи христіанской проповѣди, которая въ первые вѣка нашей эры была, можно сказать, исторіею самого христіанства,—такъ какъ она служила главнымъ и могущественнымъ орудіемъ къ его распространенію, — были плодомъ пятнадцатилѣтней (1870—1885 г.) профессорской дѣятельности почтеннаго автора въ казанской Духовной Академіи, стоявшаго въ послѣднее время, до конца истекшаго года, во главѣ здѣшней Духовной Академіи. Лѣтъ двадцать тому назадъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, это былъ новый предметъ въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а потому лицу, занимавшему такую каѳедру, приходилось тогда быть піонеромъ; обширность предмета заставила его сначала сосредоточиться на какомъ-нибудь отдѣлѣ изъ всей обширной научной области, и онъ остановился почти всецѣло на изученіи славяно-русскаго проповѣдничества по рукописнымъ источникамъ, а позже обратился къ такому же спеціальному изслѣдованію древне-болгарской проповѣдничеcкой литературы по рукописнымъ же источникамъ. Такимъ образомъ, и вышедшая нынѣ книга представляетъ въ себѣ теперь двѣ главныя части, изъ которыхъ одна посвящена древне-болгарской проповѣди, а другая—древне-русской; имъ предшествуетъ, въ значеніи пролога, особая часть съ очерками изъ исторіи древней христіанской проповѣди. Первыя двѣ части будутъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ оцѣнены спеціалистами и знатоками богословской литературы, какъ изложенныя по рукописнымъ источникамъ, а слѣдовательно имѣющія все научное достоинство; послѣдняя же часть, поставлен-

ная во главѣ книги, представляетъ много интереснаго и для каждаго образованнаго читателя.

Раздѣляя общее мнѣніе объ исключительномъ положеніи апостольской проповѣди въ общей исторіи христіанскаго проповѣдничества, а именно, что она имѣла по преимуществу „характеръ миссіонерскій", авторъ обращаетъ, однако, свое вниманіе на то, что въ то же время эта проповѣдь не ограничивалась одною заботою о распространеніи христіанства въ средѣ язычниковъ и ветхозавѣтныхъ іудеевъ, но также имѣла въ виду и самихъ новообращенныхъ, а потому съ этой стороны „проповѣдь апостольская по своимъ задачамъ и цѣлямъ совершенно тождественна съ церковною проповѣдью и всѣхъ послѣдующихъ временъ". Исходя изъ такой точки зрѣнія и допуская „неизмѣримое различіе въ самомъ положеніи проповѣдниковъ и въ ихъ проповѣдническихъ средствахъ" — апостольской эпохи и позднѣйшихъ эпохъ, — авторъ вполнѣ послѣдовательно не соглашается, однако, съ тѣми историками проповѣднической литературы, которые совершенно исключаютъ время апостольской проповѣди изъ общей системы исторіи проповѣдничества и начинаютъ эту послѣднюю только съ Оригена, проповѣди котораго составляютъ первый несомнѣнный памятникъ „церковнаго" проповѣдничества. „При всей своей исключительности,—заключаетъ авторъ,—проповѣдь апостольская въ своемъ положеніи и обстановкѣ имѣетъ нѣкоторыя стороны, одинаково присущія какъ ей, такъ и церковной проповѣди всѣхъ другихъ вѣковъ христіанства, и дающія потому право вводить и ее, а равно и проповѣдь Спасителя, въ курсы исторіи гомилетики, какъ это и дѣлаютъ нѣкоторые, напр. Паніель (Pragm. Gesch. d. christlichen Beredsamkeit u. Homiletik) и Шмидтъ (Anleitung z. popul. Kanzelvorträge)". Къ сожалѣнію, авторъ не имѣлъ возможности въ настоящемъ очеркѣ войти въ подробное изученіе апостольскихъ рѣчей, какъ миссіонерскаго характера, такъ и наставительнаго — въ собраніяхъ первыхъ христіанъ,—и сосредоточилъ все свое вниманіе только на конечномъ результатѣ апостольской проповѣднической дѣятельности вообще. Безпримѣрную силу апостольской проповѣди авторъ ищетъ, съ одной стороны, „въ благопріятныхъ историческихъ обстоятельствахъ", служившихъ внѣшними условіями успѣха, а съ другой —„въ характерѣ самаго ученія и въ его отношеніи къ міросозерцанію и жизненному строю древняго міра", а также и въ личномъ характерѣ самихъ проповѣдниковъ и въ отношеніяхъ ихъ къ слушателямъ и проповѣдуемому имъ ученію". Коснувшись кратко первыхъ причинъ, только для полноты очерка, авторъ по своей спеціальности посвящаетъ все свое изслѣдованіе послѣднимъ. Вотъ какимъ образомъ онъ самъ резюмируетъ свой главный выводъ по во-

просу: чтó составляло силу апостольской проповѣди?—„Итакъ,—говоритъ онъ,—истинно-христіанская *любовь къ слушателямъ*, глубокое *убѣжденіе въ истинѣ* проповѣдуемаго ученія и, наконецъ, полное *согласіе слова съ дѣломъ, жизни съ ученіемъ*—суть коренныя условія успѣха проповѣди апостольской. Эти же условія, безъ сомнѣнія, должны быть основными руководительными началами для успѣшной проповѣднической дѣятельности христіанскихъ пастырей всѣхъ временъ и мѣстъ".

Немногія черты, которыя мы позволили себѣ заимствовать изъ книги, по заглавію своему спеціальной, оправдываютъ, полагаемъ, вполнѣ основательность высказаннаго нами предположенія, что эта книга можетъ вызвать къ себѣ интересъ далеко не въ однихъ спеціалистахъ, которые, конечно, найдутъ въ ней для себя не только богатый научный матеріалъ, но и ясно намѣченный путь къ рѣшенію существенныхъ задачъ гомилетики.

— *Индія.* I. О неурожаяхъ въ Индіи. II. Современная Индія. Съ картою желѣзныхъ дорогъ въ Индіи. Экономическій этюдъ *Е. Ламанскаго.* Спб. 93. Стр. 441.

Авторъ, въ предисловіи къ своему обширному и въ высшей степени интересному труду, объясняетъ, что этотъ трудъ былъ какъ бы вызванъ тѣми событіями, которыя озабочивали въ теченіе 1891—92 г. и наше общество, и правительство, а именно,—тяжелыми послѣдствіямя неурожая, постигшаго какъ разъ тѣ губерніи, которыя считались житницею страны, съ населеніемъ, превышающимъ 30 милліоновъ; но тѣмъ не менѣе этотъ трудъ, по его солидности и полнотѣ свѣденій, имѣетъ весьма серьезное значеніе и помимо своего отношенія къ данной минутѣ. Авторъ воспользовался драгоцѣннымъ матеріаломъ, какой былъ собранъ въ Англіи парламентскою коммиссіею, назначенною еще въ 1880 г. для подробнѣйшаго изученія причинъ періодически возникающихъ неурожаевъ въ Индіи и для изысканія лучшихъ мѣръ къ устраненію и предупрежденію голода. По мнѣнію автора, характеръ сельской промышленности, нѣкоторыя формы землевладѣнія, даже способы обработки земли и черты самого населенія въ Индіи, представляютъ во многихъ отношеніяхъ сходство съ нашимъ земледѣльческимъ сословіемъ: такъ, и въ Индіи, и у насъ, огромная часть населенія роковымъ образомъ связываетъ свою экономическую судьбу съ результатами земледѣлія, подвергающагося стихійнымъ бѣдствіямъ, устраненіе которыхъ очень часто внѣ власти человѣка; какъ тамъ, такъ и у насъ, встрѣчаются подворное и общинное пользованіе землею, первобытные способы обработки земли

и т. п. Но, по справедливому замѣчанію автора, и помимо подобной аналогіи, труды парламентской коммиссіи въ Англіи представляютъ огромный интересъ не только для науки, но и для практики государственной и общественной жизни, въ виду того, что главныя задачи коммиссіи встрѣчаются вездѣ, и вездѣ представляютъ тѣ же затрудненія къ своему разрѣшенію. Парламентская коммиссія 1880 г. остановилась именно предъ слѣдующими двумя капитальными вопросами: съ одной стороны, какія мѣропріятія могутъ быть приняты въ то время, когда уже обнаружился недородъ хлѣба, такъ что появленіе голода становится несомнѣннымъ; а съ другой—какіе средства и способы должно употреблять правительство, чтобы предупреждать, уменьшать или ослаблять силу всегда, болѣе или менѣе, ожидаемаго бѣдствія?

Не ограничиваясь извлеченіемъ изъ обширнаго труда парламентской коммиссіи, Е. И. Ламанскій, давъ въ этой книгѣ общія понятія объ Индіи, ея населеніи, климатическихъ условіяхъ страны, представилъ исторію неурожаевъ въ Индіи, съ указаніемъ и оцѣнкою тѣхъ мѣръ, какія тамъ принимались противъ голода, съ конца прошлаго столѣтія и до настоящаго времени, а также изслѣдовалъ испробованныя мѣры къ предупрежденію неурожаевъ, къ какимъ прибѣгало англійское правительство въ его далекихъ владѣніяхъ.

Въ заключеніе своего экономическаго этюда, авторъ дополнилъ его обстоятельнымъ очеркомъ современнаго положенія Индіи, на основаніи новѣйшихъ сочиненій о томъ, съ краткимъ обзоромъ исторической судьбы народовъ, населяющихъ эту колыбель человѣчества, ихъ нравовъ, обычаевъ, вѣрованій, и рядомъ съ этимъ изложилъ экономическую политику англійскаго правительства, направленную къ увеличенію продуктивныхъ силъ страны, причемъ весьма видное мѣсто занимаетъ забота со стороны завоевателей поднять умственное образованіе завоеванныхъ; до 1857 года, когда управленіе Индіею перешло въ первый разъ непосредственно въ руки англійскаго правительства, во всей Индіи было не болѣе 2.000 казенныхъ школъ или получавшихъ пособіе отъ правительства, и въ нихъ обучалось до 200.000 учениковъ; а 30 лѣтъ спустя, въ 1889 г., такихъ школъ насчитывалось около 90.000 съ 2.600.000 учениковъ!

Особенный интересъ въ трудѣ Е. И. Ламанскаго представляютъ тѣ его главы (VI и VII), гдѣ авторъ дѣлаетъ общіе выводы изъ исторіи послѣднихъ неурожаевъ въ Индіи, съ критическимъ обзоромъ мѣропріятій англійскаго правительства во время голода, и излагаетъ тѣ основные принципы въ дѣлѣ помощи, которымъ должно слѣдовать правительство въ періодъ бѣдствій,—и какое мѣсто должна занимать при этомъ частная благотворительность. Ожиданіе возмож-

ности повторенія продовольственныхъ нуждъ и въ 1893 г. только увеличиваетъ то значеніе, какое можетъ имѣть трудъ, подобный настоящему, составленный съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ большою экономическою опытностью и на основаніи столь же важныхъ, сколько у насъ мало извѣстныхъ источниковъ.—Р.

— *Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи* (1796—1828). Время Императрицы Маріи Өеодоровны. *Е. Лихачевой.* Спб. 1893.

Наша историческая литература выставила въ послѣднее время много вопросовъ, о которыхъ еще не такъ давно не было и помышленія у нашихъ историковъ. Къ числу ихъ принадлежитъ и тотъ, какой поставленъ теперь въ книгѣ г-жи Лихачевой. Понятно, что „исторія женскаго образованія" могла послужить предметомъ для спеціальнаго изслѣдованія только съ тѣхъ поръ, какъ самое образованіе стало широкимъ общественнымъ интересомъ и дѣломъ: до пятидесятыхъ годовъ это могла быть исторія нѣсколькихъ институтовъ и подобныхъ учрежденій, составлявшихъ чисто оффиціальное учрежденіе, далекихъ отъ общества въ томъ смыслѣ, что для него невозможно было какое-либо воздѣйствіе на характеръ учрежденій, какъ это было бы желательно по взглядамъ и потребностямъ общества,—учрежденій, безъ сомнѣнія, вносившихъ въ общество извѣстный запасъ женскаго образованія, но все-таки далеко не въ той мѣрѣ и не въ томъ направленіи, какъ, быть можетъ, пожелало бы того само общество. У этой исторіи не было перспективы: она могла продолжаться въ томъ же духѣ, не приближаясь къ обществу, оставаясь искусственнымъ насажденіемъ, несомнѣнно въ значительной степени полезнымъ, но все-таки лишеннымъ того жизненнаго органическаго характера, который связывалъ бы его неразрывно съ внутренними интересами самого общества. Перспектива, о которой мы говорили, возможность все болѣе широкаго развитія въ будущемъ, работа надъ самымъ идеаломъ женскаго образованія, а съ тѣмъ вмѣстѣ, въ дальнѣйшемъ развитіи, и надъ идеаломъ положенія женщины въ обществѣ, эта перспектива возникаетъ только съ той памятной поры, когда передъ мыслью нашего общества явилось и столько другихъ идеаловъ,—въ концѣ концовъ оставившихъ въ нашей жизни неизгладимый слѣдъ. Съ эпохой реформъ прошлаго царствованія совпадаетъ и тотъ знаменательный поворотъ въ вопросѣ о женскомъ образованіи, съ котораго начинается совершенно новый періодъ его исторіи. Едва ли можно сказать (и мы съ любопытствомъ ожидали бы объясненія этого вопроса въ дальнѣйшемъ продолженіи труда г-жи Лихачевой),

чтобы этотъ новый періодъ былъ непосредственнымъ органическимъ продолженіемъ предшествовавшаго. Напротивъ, они представляются совершенно разнородными—и по типу „женскаго образованія" и по отношенію къ нему общества и, наконецъ, по той массѣ учащихся, которымъ это образованіе становилось доступнымъ. Этотъ послѣдній періодъ былъ явленіемъ по своему характеру совершенно новымъ: новое движеніе вышло не изъ институтовъ; цѣлью его не было расширеніе институтовъ; напротивъ, побужденія шли изъ совсѣмъ другихъ источниковъ. Этими источниками были, во-первыхъ, тотъ великій переворотъ, какой совершенъ былъ во внутреннемъ бытѣ общества и народа крестьянской реформой, преобразованіемъ суда и всѣми тѣми неуловимыми вліяніями, какія проистекли отсюда въ общественномъ самосознаніи; во-вторыхъ, та великая перемѣна, какая произошла въ положеніи нашего общественнаго образованія съ тѣхъ поръ, какъ оно до извѣстной степени освободилось отъ стѣсненій, лежавшихъ на немъ наканунѣ. Съ конца пятидесятыхъ годовъ какъ будто снова открылось окно въ Европу, и сильный притокъ вліяній европейской литературы не остался безъ своего дѣйствія на умы общества. Результатомъ было давно невиданное оживленіе нашей литературы, возникновеніе множества новыхъ интересовъ, которые отразились вскорѣ и на вопросѣ о женскомъ образованіи: начались разнообразныя попытки учрежденія „женскихъ курсовъ", и въ результатѣ явились наконецъ тѣ нынѣшніе курсы, которые, повидимому, становятся болѣе прочнымъ пріобрѣтеніемъ русскаго общества.

Очевидно, что лежащій передъ нами трудъ былъ внушенъ именно этой перспективой будущаго развитія русскаго женскаго образованія. Имя г-жи Лихачевой давно знакомо тѣмъ, кто сколько-нибудь слѣдилъ за новѣйшей судьбой русскаго женскаго образованія, за тѣми усиліями, съ какими наше общество стремилось къ установленію его на прочной основѣ. Естественно было, что въ средѣ тѣхъ, кому дороги были эти интересы, послѣ извѣстныхъ достигнутыхъ результатовъ возникала мысль оглянуться на прошедшее того дѣла, которому посвящалось столько труда, на которое возлагаются въ будущемъ великія надежды. Дѣйствительно, тѣ, кто помнитъ шестидесятые годы, въ настоящемъ положеніи учрежденій высшаго женскаго образованія видятъ передъ собою явленіе, въ которомъ надо признать широкій историческій фактъ. Дѣйствительно, ничего подобнаго русская жизнь до тѣхъ поръ не знала; новое женское образованіе достигалось совсѣмъ иными путями, чѣмъ тѣ, какія знала до сихъ поръ наша общественная жизнь, и это дѣло должно имѣть свою исторію, которая если и не укажетъ вполнѣ всѣхъ подробностей современнаго движенія, то по крайней мѣрѣ укажетъ, съ какихъ данныхъ

должна была начать новѣйшая эпоха этого вопроса. Независимо отъ общаго историческаго интереса, книга г-жи Лихачевой любопытна и въ этомъ отношеніи. Она любопытна, наконецъ, и съ той стороны, что этотъ серьезный трудъ исполняется женщиной-писательницей. Дѣйствительно, ново и это обстоятельство, потому что такой трудъ едва ли былъ возможенъ за прежнее время нашей литературы и женскаго образованія,—по крайней мѣрѣ литература прежняго времени не представила ни одного серьезнаго историческаго труда, исполненнаго женщиной-писательницей.

Книга, заглавіе которой мы выписали, представляетъ вторую часть сочиненія, первая часть котораго вышла два года тому назадъ и заключала исторію женскаго образованія отъ самыхъ первыхъ историческихъ извѣстій о немъ, съ 1086 года, и до 1796, т.-е. до конца царствованія имп. Екатерины II, и главнымъ образомъ эта первая часть занята разсказомъ о временахъ импер. Екатерины.

Первое прочное основаніе среднему женскому образованію положено было у насъ сто двадцать пять лѣтъ назадъ при Екатеринѣ II. „Понятно,—говоритъ г-жа Лихачева въ предисловіи къ первому выпуску сочиненія,—что за болѣе чѣмъ столѣтнее существованіе женскихъ учебныхъ заведеній, притомъ правительственныхъ, у нихъ должна была сложиться своя исторія, которой, однако, мы до сихъ поръ не знаемъ, и даже отдѣльныхъ монографій по отдѣльнымъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ, за весьма небольшими исключеніями, не имѣемъ. Кромѣ правительственныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, женское образованіе существовало у насъ и само по себѣ; оно существовало и раньше появленія женскихъ учебныхъ заведеній, и потомъ, рядомъ съ ними. У него также должна быть своя исторія, которая тоже до сихъ поръ остается намъ неизвѣстною". Но матеріала для этой исторіи существуетъ уже довольно много, отчасти въ томъ, что появлялось въ литературѣ, отчасти въ архивахъ спеціальныхъ вѣдомствъ. Задачей своего труда г-жа Лихачева поставила „насколько возможно собрать разбросанные въ различныхъ литературныхъ изданіяхъ отдѣльные факты, имѣющіе отношеніе къ женскому образованію, и представить ихъ въ нѣкоторой связи съ другими; а также сдѣлать извѣстными хотя часть нигдѣ еще не напечатанныхъ матеріаловъ, которые могли быть получены изъ архивовъ: канцеляріи Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, IV Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, Министерства Народнаго Просвѣщенія и Святѣйшаго Синода". Такимъ образомъ, книга является самостоятельнымъ историческимъ изысканіемъ, съ данными, впервые извлеченными изъ архивныхъ матеріаловъ. Въ этой исторіи были, однако, цѣлые періоды, слабо освѣщае-

мые историческими свидѣтельствами; таково, напр., было все время до Петра. Г-жа Лихачева нашла нужнымъ (и совершенно справедливо) дать мѣсто и тѣмъ скуднымъ свидѣтельствамъ, какія сохранились о той эпохѣ—„потому что грамотность и начитанность въ божественныхъ книгахъ были первою ступенью въ образованіи русскаго народа; съ нихъ началось у насъ просвѣщеніе. А такъ какъ въ нашихъ источникахъ есть несомнѣнныя указанія, что русскія женщины не были отчуждены отъ такого просвѣщенія, то умолчать объ этомъ было бы несогласно съ истиною.

„Кромѣ того, изучая матеріалы по исторіи женскаго образованія за до-петровское время, я пришла къ заключенію, въ которомъ лично не сомнѣваюсь, что до Петра, когда еще не было у насъ истинной науки и истиннаго образованія, а была только грамотность и начитанность въ божественныхъ книгахъ, что̀ и считалось тогда образованіемъ, такое образованіе было доступно на Руси и женщинамъ, которыя, такимъ образомъ, участвовали въ общемъ просвѣщеніи страны".

Первымъ началомъ женскаго образованія въ Россіи г-жа Лихачева полагаетъ училище, которое, по свидѣтельству Татищева, основала въ Кіевѣ, въ 1086 году, княжна-инокиня Анна (Янка) Всеволодовна, при Андреевскомъ монастырѣ. Это свѣденіе, къ которому присоединяются потомъ другія отрывочныя данныя о грамотности женщинъ въ древней Руси, и даютъ основаніе для приведеннаго заключенія г-жи Лихачевой; должно сказать, впрочемъ, что выводъ о существованіи въ тѣ времена „женскаго образованія", т.-е. грамотности, мало измѣняетъ представленіе о до-петровскомъ образованіи, которое вообще все-таки оставалось крайне скуднымъ: за все до-петровское время мы не находимъ ни одного факта болѣе высокой степени женскаго образованія, какіе представляла, напр., европейская литература еще съ самой глубины среднихъ вѣковъ. Однимъ исключеніемъ является царевна Софья.

Въ новѣйшее время, съ тѣхъ поръ, какъ основаны были при Екатеринѣ II первыя женскія учебныя заведенія, по словамъ г-жи Лихачевой, „мы, въ отношеніи женскаго образованія, средняго и высшаго, стояли впереди всѣхъ европейскихъ государствъ". Здѣсь, конечно, имѣется въ виду собственно школьное образованіе, но было бы ошибочно думать, чтобы подобное заключеніе можно было вообще распространить на сумму образованныхъ женщинъ или объемъ ихъ образованія. Если собрать факты европейской литературы и факты участія образованныхъ женщинъ въ общественной жизни на западѣ къ концу прошлаго столѣтія, когда начинаются и наши учебныя заведенія для женщинъ, то сравненіе того и другого окажется далеко не въ нашу

пользу. Напомнимъ хотя бы извѣстную роль салоновъ во французскомъ обществѣ прошлаго вѣка, которые держались именно благодаря женщинамъ болѣе или менѣе широкаго образованія, гдѣ друзьями этихъ женщинъ бывали первостепенные умы французской литературы прошлаго вѣка. Не говоря о другихъ, болѣе раннихъ именахъ, г-жи Жоффренъ, д'Эпинэ, Роланъ, Сталь—стали европейскими именами и, конечно, напрасно было бы искать подобныхъ умственныхъ и общественныхъ силъ въ средѣ русскихъ женщинъ прошлаго вѣка. Слава г-жи Дашковой была сильно преувеличена и въ прошломъ столѣтіи, а также, кажется, и до сихъ поръ. Въ литературѣ прошлаго вѣка и начала нынѣшняго столѣтія, кромѣ самой императрицы Екатерины, нѣтъ ни одного крупнаго женскаго имени. Такимъ образомъ, тѣ особенные успѣхи, о которыхъ говоритъ г-жа Лихачева, ограничивались собственно только установленіемъ средней школы; и здѣсь они не были, однако, особенно велики. Въ концѣ первой части своего сочиненія г-жа Лихачева слѣдующимъ образомъ подводитъ итоги женскаго образованія за все время царствованія Екатерины II.

„При вступленіи ея на престолъ, въ Россіи не было ни одного женскаго учебнаго заведенія, кромѣ нѣсколькихъ плохихъ частныхъ пансіоновъ. Въ годъ ея смерти, кромѣ Воспитательнаго Общества для двухсотъ благородныхъ дѣвицъ и при немъ училища для 240 мѣщанскихъ дѣвушекъ, не считая своекоштныхъ воспитанницъ, которыхъ при Екатеринѣ было немного, были еще 1.121 учащихся дѣвочекъ въ народныхъ училищахъ разныхъ губерній. За все же время существованія училищъ въ столицѣ (съ 1781 г.), и по губерніямъ (съ 1786 г.), всѣхъ учившихся въ народныхъ школахъ дѣвочекъ показано за всѣ 16 лѣтъ 12.595; число это болѣе чѣмъ въ 13 разъ меньше числа, показанныхъ за то же время учившимися, мальчиковъ (164, 135).

„Изъ 1.121 учащихся дѣвушекъ, въ годъ смерти Екатерины, 759 приходилось на одну петербургскую губернію; стало быть, вс всѣхъ остальныхъ 36-ти ихъ было всего 362. По отношенію къ суммѣ народонаселенія всей имперіи, въ которой въ 1790 г. считалось 26 милліоновъ душъ, причемъ,—какъ говоритъ Вороновъ,—по ревизіямъ показывалось число жителей только мужского пола, учащіяся дѣвочки составляли такой ничтожный процентъ общей суммы народонаселенія, что его и опредѣлить трудно“ (стр. 289).

Такимъ образомъ фактическіе результаты были собственно ничтожны но мы признаемъ, что важно было и это немногое потому, что важенъ былъ самый принципъ: „женщины всѣхъ сословій получили доступъ къ образованію, и будь отношеніе родителей и общества иное,

чѣмъ оно было въ прошломъ столѣтіи, для женщинъ были мѣста, гдѣ онѣ могли учиться". „Кромѣ того,—прибавляетъ г-жа Лихачева,—заслугой импер. Екатерины передъ русскимъ обществомъ слѣдуетъ считать и то, что она съ самаго начала взглянула на дѣло общаго образованія русскаго народа вѣрно и широко, признавъ это образованіе, одинаково для лицъ обоего пола, дѣломъ *государственнымъ*".

Во второй части сочиненія разсказывается о слѣдующемъ періодѣ нашего женскаго образованія съ 1796 года, когда по смерти императрицы Екатерины II послѣдовало повелѣніе императора Павла императрицѣ Маріи Өедоровнѣ „начальствовать надъ Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ", и до кончины императрицы Маріи въ 1828. (Между прочимъ г-жа Лихачева замѣчаетъ любопытное совпаденіе, что не только обѣ императрицы, Екатерина и Марія, но и Александра Өедоровна управляли женскими институтами по 32 года каждая: Екатерина съ 1764 по 1796 г., Марія Өедоровна—съ 1796 по 1828 г., Александра Өедоровна—съ 1828 по 1860 г.). И здѣсь, какъ въ первой части сочиненія, мы находимъ весьма внимательное изученіе матеріала, и именно не только изученіе тогдашней литературы по отношенію къ вопросу, не только всякаго рода историческихъ разсказовъ и воспоминаній, появившихся въ новѣйшее время, но и матеріала архивнаго, особливо архивовъ IV отдѣленія и министерства народнаго просвѣщенія. Отсюда извлечены обильныя подробности о судьбѣ учрежденій, обо всемъ объемѣ ихъ дѣятельности учебной и воспитательной, объ ихъ дѣйствующихъ лицахъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ можно не согласиться съ авторомъ, напр. опять относительно общей высоты нашего женскаго образованія въ началѣ столѣтія. Мы читаемъ, напр., отзывъ французскаго путешественника Анселò, который въ своей книгѣ (1827) находилъ, что у насъ женщины образованнѣе мужчинъ, потому что многія изъ нихъ говорятъ на иностранныхъ языкахъ и знакомы съ литературою, что „обширность познаній у русскихъ женщинъ, ихъ превосходство нравственное, объясняютъ, можетъ быть, причину одиночества, въ которомъ молодые люди оставляютъ женщинъ въ обществѣ и не желаютъ сближаться съ ними" (стр. 300). Отзывъ французскаго путешественника подтверждается словами Полевого, который говорилъ, что „довольно ѣздилъ по Россіи", и вездѣ находилъ „безъ всякаго лицепріятія, что сумма, какова бы она ни была, мыслей, утонченныхъ чувствъ, образованности и свѣденій перетянетъ всегда на сторонѣ женской". По словамъ г-жи Лихачевой, „эта оцѣнка женскаго образованія конца первой трети нашего вѣка, сдѣланная умнымъ и передовымъ человѣкомъ

современнаго ему общества, какимъ былъ Полевой, вѣрна и справедлива".

Но эта оцѣнка весьма ограничивается тѣмъ, что двумя страницами выше мы читаемъ о литературѣ первой четверти столѣтія. Писатели, отъ Карамзина въ началѣ его дѣятельности и до князя Шаликова, старались заинтересовать русскихъ женщинъ въ литературѣ,—довольно извѣстно, до какихъ галантерейностей доходилъ послѣдній въ этомъ направленіи,—но при этомъ всегда оказывалось нужнымъ понижать литературный уровень.

Наконецъ, приведенная оцѣнка ограничивается и собственными словами г-жи Лихачевой:

„Литературныя произведенія женщинъ этого времени носили характеръ сентиментальности, туманности, отличались цвѣтистымъ слогомъ, были пересыпаны французскими словами, что, впрочемъ, было тогда въ модѣ.

„Непосредственное участіе женщинъ въ литературѣ первой четверти нашего вѣка прошло безслѣдно для нея. Нѣкоторыя изъ ихъ произведеній въ свое время славились и читались даже на литературныхъ бесѣдахъ, но среди женскихъ произведеній не было ни одного крупнаго, сохранившагося для потомства.

„Содѣйствовали ли женщины выработкѣ русскаго языка? объ этомъ трудно судить, хотя нашъ языкъ началъ вырабатываться еще при Карамзинѣ, но главнымъ образомъ Пушкину и его школѣ всецѣло принадлежитъ эта заслуга.

„Оправдали ли женщины ожиданія Карамзина въ отношеніи облагороженія вкусовъ и нравовъ современнаго имъ общества? Доказать это фактами невозможно".

Въ цѣломъ, трудъ г-жи Лихачевой является въ нашей литературѣ первымъ обзоромъ исторіи женскаго образованія и исполненъ съ такимъ внимательнымъ изученіемъ предмета, какого только можно желать въ подобной работѣ. Множество фактическихъ свѣденій, между прочимъ совершенно новыхъ, собрано въ послѣдовательной системѣ и съ большою равномѣрностью; о близкомъ знакомствѣ автора съ литературнымъ матеріаломъ мы уже говорили. Остается пожелать, чтобы исторія доведена была до новѣйшаго времени, и была разсказана судьба тѣхъ новѣйшихъ усилій въ пользу женскаго образованія, которыя на этотъ разъ становились дѣломъ не только государственнымъ, но и общественнымъ, и гдѣ въ лицѣ автора мы имѣли и заслуженнаго дѣятеля, и очевидца.

— *Историческіе очерки и разсказы* С. Н. *Шубинскаго.* Третье изданіе, дополненное и исправленное. Съ 52 портретами и иллюстраціями. Спб. 1893.

Авторъ, давно работающій въ литературѣ, принадлежитъ къ числу тѣхъ любителей русской исторіи, которые ревностно предались ея изученію съ тѣхъ поръ, какъ въ началѣ прошлаго царствованія въ первый разъ были введены въ литературу цѣлые періоды нашего прошлаго, до того времени закрытые для нея почти абсолютно. Авторъ остался вѣренъ избранному тогда изученію, и останавливался въ особенности на XVIII вѣкѣ. Первое изданіе настоящихъ очерковъ появилось еще въ 1869 году; оно было повторено въ 1871 году, но настоящее изданіе значительно размножено: въ него вошло 18 новыхъ статей, а нѣкоторыя изъ прежнихъ значительно переработаны; къ новому изданію прибавлено и много рисунковъ, взятыхъ преимущественно съ рѣдкихъ нынѣ оригиналовъ. При первомъ своемъ появленіи эти разсказы представляли особенный интересъ, какъ первыя пробы изложенія историческихъ подробностей о жизни прошлаго вѣка, составлявшихъ передъ тѣмъ строгую тайну для писателей и для читателей. Открытіе архивовъ и снятіе цензурныхъ запрещеній произвели тогда цѣлую литературу подобнаго рода, которая, безъ сомнѣнія, была вновѣ исполнена великаго интереса: интимная исторія двора, дѣла тайной канцеляріи, исторія раскола и разнаго рода пикантные анекдоты стараго времени впервые всплывали въ историческихъ сочиненіяхъ. Таковы были въ тѣ годы труды г. Есипова, Хмырова, I. Шишкина, М. И. Семевскаго и др.; къ нимъ присоединились и историческіе труды г. Шубинскаго, которые и встрѣчаемъ въ настоящей книгѣ. Въ этой литературѣ было много чисто анекдотическаго интереса, но было въ ней и нѣчто весьма серьезное, потому что то, чтò разсказывалось, было по бóльшей части чрезвычайно характерно для нашего стараго быта и чтó до тѣхъ поръ совершенно умалчивалось историками, исполнявшими только оффиціальную программу. Названные писатели не дали ни одного цѣльнаго труда по исторіи XVIII или XIX вѣка, но они доставили множество любопытнаго матеріала, который съ тѣхъ поръ необходимо долженъ занять мѣсто въ исторіи; они не выставляли никакой новой исторической теоріи, но самымъ существомъ своихъ работъ они устраняли навсегда прежній тонъ историческаго панегирика, который вносилъ въ нашу исторію столько фальшиваго блеска. Въ первое время немного подшучивали надъ этой литературой, переносившей въ исторію тогдашнее „обличительное“ направленіе, — въ ней и бывало иногда нѣчто поверхностное, — но въ концѣ концовъ этотъ историческій ин-

тересъ шестидесятыхъ годовъ оказалъ нашей исторіографіи великія услуги: отсюда идетъ то громадное размноженіе историческаго матеріала, который уже теперь находится въ распоряженіи любителей и спеціалистовъ исторіи. И здѣсь много работали именно тѣ лица, которыя выступали на это поприще въ шестидесятыхъ годахъ: г. Бартеневъ сталъ издателемъ „Русскаго Архива", Семевскій—издателемъ „Русской Старины", г. Шубинскій завѣдуетъ „Историческимъ Вѣстникомъ", г. Есиповъ посвятилъ себя архивной дѣятельности. Не говоримъ о множествѣ тѣхъ матеріаловъ и частію изслѣдованій, въ прежнее время недоступныхъ литературѣ, которые явились въ свѣтъ трудами многихъ другихъ лицъ, благодаря той же исторической любознательности, возбужденной въ шестидесятыхъ годахъ.

Г. Шубинскій направлялъ свои труды также на детальные эпизоды старой исторіи. Вотъ, напр., нѣкоторые сюжеты его сборника: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году; Петръ Великій въ Дептфордѣ; Первые балы въ Россіи; Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ; Московскій маскарадъ 1722 г.; Первый петербургскій генералъ-полиціймейстеръ; Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны; Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія; Русскій чудакъ XVIII столѣтія (Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ); Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія (Принцъ Нассау-Зигенъ); Мнимое завѣщаніе Петра Великаго, и пр. Такимъ образомъ содержаніе разсказовъ очень разнообразно и относится отчасти къ анекдотическимъ эпизодамъ, отчасти къ бытовой исторіи преимущественно XVIII-го вѣка. Авторъ не ставитъ широкихъ историческихъ вопросовъ, но, какъ мы сказали, самыя детали весьма характерны и служатъ нерѣдко поучительной иллюстраціей къ нашей исторіи. Книгу г. Шубинскаго можно рекомендовать, какъ серьезное и вмѣстѣ занимательное чтеніе.—А. В.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Адріановъ, П.—Титъ Ливій. Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго подъ редакціей П. Адр. Томъ I. Книги I—V. Изданіе А. Г. Кузнецова. М. 1892. III и 495 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Ахшарумовъ, С. Д.—Исторія Бастиліи. Историческая монографія. Съ прилож. вида и плана Бастиліи. Спб. 93. Стр. 378. Ц. 1 р. 75 к.

Аминторъ, фонъ-Г.—За правду и за честь женщины. Противъ Крейцеровой сонаты Л. Н. Толстого. Перев. съ нѣм. М. Калмыкова. Спб. 93. Стр. 106. Ц. 50 к.

Антоній, епископъ Выборгскій, ректоръ спб. Духовной Академіи.—Изъ исторіи христіанской проповѣди. Спб. 92. Стр. 439. Ц. 3 р.

Бургеръ, д-ръ А. И.—Мясная пища съ точки зрѣнія вегетаріанца. Спб. 92. Стр. 237. Ц. 1 р.

Бѣлоконскій, И. П.—Народное продовольствіе въ Орловской губерніи въ земскій періодъ. Черниг. 92. Стр. 162.

Венгеровъ, С. А. — Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Т. III (Бенни-Боборыкина, С. А.). Спб. 92. Стр. 444. Ц. 2 р. 50 к.

Газенвинкель, К. Б.—Книги разрядныя въ оффиціальныхъ ихъ спискахъ какъ матеріалъ для исторіи Сибири XVII вѣка. Казань, 1892. 78 стр.

Гаринъ, Н.—Очерки и разсказы. Спб. 93. Стр. 331. Ц. 1 р. 25 к.

Гордонъ, А.—Представительство безъ полномочія. Спб. 93. Стр. 181. Ц. 1 р. 50 к.

Гофманъ, Фр.—Пестрая книжка, разсказы для маленькихъ дѣтей. Изд. 4-е. Стр. 202.

——— Маменькины разсказы. Разсказы для маленькихъ дѣтей. Изд. 4-е. Стр. 191.

Гранстремъ, Э.—Елена-Робинзонъ, приключенія одной дѣвочки на необитаемомъ островѣ. Составл. по де-Фоэ и Меллину. Съ 59 рис. В. Крюкова и др. Спб. 92. Стр. 313.

Гротъ, Я.—Стихи и проза для дѣтей. Изд. 3-е. Спб. 92. Стр. 99. Ц. 60 к.

Гольмстенъ, А. Х.—Ученіе о правѣ кредитора опровергать юридическіе акты, совершонные должникомъ въ его ущербъ, въ современной русской литературѣ. Спб. 93. Стр. 235. Ц. 1 р. 50 к.

Гринъ, Джонъ Ричардъ, Исторія англійскаго народа. Т. IV. Переводъ съ англійскаго *П. Николаева*. Изданіе *К. Т. Солдатенкова*. Москва, 1892. Стр. 308 и CXIII. Ц. 2 р. 50 к.

Данилевскаго, Г. П.—Сочиненія (1847—1890 гг.). Изд. 7-е, посмертное, въ 9 томахъ, съ портретомъ автора. Т. V, VI и VII. Спб. 92.

Досужкова, Н. А.—Статистическій очеркъ таможеннаго дохода Россіи, въ періодъ 1822—90 г. Спб. 92. Стр. 75. Ц. 1 р.

Ечинацъ, А.—Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб. 92. Стр. 62. Ц. 45 к.

Забѣло, Я. П.—Опытъ изслѣдованія украинскихъ крестьянскихъ ярмарокъ. Полт. 92. Стр. 34. Ц. 25 к.

Зеландъ, Е.—Мозаика, очерки, повѣсти и разсказы. Вильна, 93. Стр. 290. Ц. 1 р. 25 к.

Квашнинъ-Самаринъ, Н.—Энеида Виргилія. Спб. 93. Стр. 305. Ц. 2 р.

Ключниковъ, В. М.—Парочка скворчиковъ, изъ разсказовъ въ сумерки моимъ дѣтямъ. Каз. 92. Стр. 111. Ц. 10 к.

Коровяковъ, Д.—Искусство выразительнаго чтенія. Опытъ систематическаго изложенія теоретическихъ основъ и пріемовъ преподаванія. Спб. 92. Стр. 160. Ц. 1 р.

Ленау, Н.—Фаустъ, поэма, перев. въ стих., съ біограф. и предисл. Я. А—нскаго. Спб. 92. Стр. 118. Ц. 1 р.

Лерминъ, Жюль.—Любовь и долгъ, историч. романъ. М. 93. Стр. 324.

Лихачева, Е.—Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1796-1828). Время Императрицы Маріи Өедоровны. Спб. 1893. 308 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Майковъ, Михаилъ.—Исторія одного брака. Спб. 93. Стр. 186. Ц. 1 р.

) консервативномъ и прогрессивномъ началахъ. 93. Стр. 58. Ц. 50 к.

Осадчій, Т. И.—Козацкій батько Палій. Очеркъ изъ исторіи старой ... яной Украины (Кіевщины и Подолія). Херс. 92. Стр. 48. Ц. 15 к.

Осокина, Н. А.—Политическія движенія въ западной Европѣ въ пе... ловинѣ нашего вѣка. Изд. 2-е. Каз. 92. Стр. 217. Ц. 75 к.

Приволъевъ, И.—Халдей, пов. изъ новгородскаго быта XV вѣка. Спб Стр. 199.

Раевскій, Н.—Физическое землевѣденіе. 2-й вып. Спб. 92. Стр. 117. Ц.

Сорель, Альб.—Госпожа де-Сталь. Спб. 92. Стр. 130. Ц. 1 р.

Стороженко, А. В.—Земская дѣятельность въ Переяславскомъ уѣздѣ, ... тавской губ., въ 1886—92 гг. Кіевъ, 92. Стр. 40.

Сукачевъ, В. П.—Иркутскъ, его мѣсто и значеніе въ исторіи и куль... номъ развитіи восточной Сибири. Стр. 268. Ц. 2 р.

——— Программа историческаго и статистико-экономическаго опис... города Иркутска. М. 92. Стр. 20.

Суриковъ, Ив. Захар.—Избранныя стихотворенія. М. 93. Стр. 32. Ц.

Тарасовъ, И. Т.—Учебникъ науки полицейскаго права. Вып. 2. М Стр. 365—633. Ц. 2 р.

Уоллесъ, Льюисъ.—Бэнъ-Хуръ (во время оно). Пов. изъ римской и ... точной жизни, въ эпоху возникновенія христіанства. Перев. съ англ. М. Стр. 656. Ц. 2 р.

Фирсовъ, В.—Горькій опытъ, романъ. Спб. 92. Стр. 220. Ц. 1 р. 50 к.

Францозъ, К. Эм.—Юдикь Трахтенбергъ, пов., перев. А. Г. Каррикъ. 93. Стр. 320. Ц. 1 р.

Шахъ-Пароніанцъ, Л.—Впечатлѣнія жизни.—Стихотворенія. Спб. 93. 46. Ц. 30 к.

Шемунова, Л. П.—Въ странѣ контрастовъ. Изъ жизни и природы ... кестанскаго края. Съ 9 рис. Н. Каразина и др. Спб. 93. Стр. 153.

Шубинскій, Н. С.—Историческіе очерки и разсказы. Третье изданіе ... полненное и исправленное. Съ 52 портретами и иллюстраціями. Спб. 1 VII и 391 стр. Ц. 3 р.

Шулинъ, Фридр., проф базельскаго унив.—Учебникъ исторіи рим... права, перев. съ нѣм. п. р. В. М. Хвостова. Вып. 1. М. 93. Стр. 320. р. 50 к., съ бил. на получ. вып. 2.

Щербатова, кн. О. А.—По Индіи и Цейлону. Мои путевыя зам... 1890—91 гг., съ двумя дополнит. главами о религіи и архитектурѣ Инді... краткій обзоръ исторіи и современнаго положенія Индіи, кн. А. Г. Щ... това. Съ 23 фототипіями, 211 цинкографіями и картой. М. 92. Стр. 568.

Өеоктистовъ, Ив.—Моя мама. Картинки изъ жизни маленькаго ребе... Спб. 93. Стр. 61. Ц. 50 к.

— Actes du Congrès pénitentiaire international de St.-Pétersbourg, 1 Vols. 1—5. St.-Pét. 92.

— Das Echo. Moskauer Kalender für 1893. M. 93. Стр. 198.

— La comtesse de Chambrun et ses poésiés. Par. 93. Стр. 293.

Wyzewa, de T.—Contes chrétiens. Les disciples d'Emmaüs, ou les ét... d'une conversion. Par. 93. Стр. 114.

— Иллюстрированная естественно-научная библіотека. II. Пещер. ... Спб. 92. Стр. 32. Ц. 40 к.

— Московскій библіографическій кружокъ. Очеркъ дѣятельности за время 1890-91 г. М. 92. Стр. 95.

— Моя библіотека: № 4 и 5. Вольфгангъ Гёте, Страданія юнаго Вертера. —№ 6. Гейнрихъ Гейне, Флорентійскія ночи.—№ 7, 8, 9 и 10. Жоржъ Онэ, Торжество любви, ром. Спб. 93.

— Настольный Энциклопедическій Словарь. Изд. 6. Тов. А. Гарбель и К°. Вып. 55 и 56 (Лангтольмъ-Ленскій). М. 92. Стр. 2589-2684. Ц. по 40 к.

— Нашему юношеству. Разсказы о хорошихъ людяхъ. № 7. Христофоръ Колумбъ. Спб. 92. Стр. 108. Ц. 30 к.

— Отчетъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ Вятской губерніи за 1891 г. Вятка, 92. Стр. 85.

— Русскій Календарь на 1893 г., А. Суворина. 22-й годъ. Съ картою желѣзныхъ дорогъ. Спб. 93. Стр. 576.

— Собраніе римскихъ и греческихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ, съ примѣчаніями: Софоклъ—1) Аяксъ, 2) Электра, 3) Эдипъ-царь.—II. Виргилій Маронъ—1-я кн. Энеиды.—М. Т. Цицеронъ—1) Дѣло Верреса; 2) О заговорѣ Катилины. Спб. 92.

— Современный Календарь на 1893 г., А. Д. Ступина. Москва. Стр. 71. Ц. 15 к.

— Современный сельскій бытъ и его нужды. Отзывы изъ практической среды. Спб. 93. Стр. 173. Ц. 1 р.

— Труды восьмого очередного съѣзда нефтепромышленниковъ въ г. Баку, въ 1892 г. Баку, 92.

— Энциклопедическій Словарь. Т. VII, А. (Выговскій-Гальбанъ). Изд. Брокгаузъ и Ефронъ. Спб. 92. Стр. 481-952.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Ferdinand Dreyfus. L'arbitrage international. Avec une préface par *Frédéric Passy*. Paris, 1892.

Въ книгѣ Фердинанда Дрейфуса собраны историческія свѣдѣнія о международномъ третейскомъ судѣ, начиная съ классической древности и до настоящаго времени, въ связи съ литературнымъ и общественнымъ движеніемъ по вопросу о гарантіяхъ прочнаго мира между культурными націями. Идея третейскаго суда въ международныхъ отношеніяхъ, по словамъ автора, все болѣе распространяется и развивается, въ какую бы сторону мы ни обратились: она проникаетъ въ народныя массы при помощи разныхъ обществъ; черезъ посредство парламентовъ она доходитъ до государственныхъ людей и заставляетъ ихъ интересоваться ею; дипломатія уже не насмѣхается надъ нею и политика ее уважаетъ; она имѣетъ доступъ въ дипломатическіе кабинеты и совѣты государствъ. Авторъ, впрочемъ, не раздѣляетъ того убѣжденія, что всѣ международные споры и конфликты могутъ подлежать третейскому суду; онъ не думаетъ также, что можетъ существовать постоянное международное учрежденіе для разбора и рѣшенія спорныхъ дѣлъ между націями; онъ допускаетъ третейскій судъ только въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ примѣняется уже во многихъ случаяхъ на практикѣ, на основаніи международныхъ договоровъ. Необходимо,—говоритъ онъ,—придать этому принципу значеніе постояннаго и общаго правила, которое обязательно входило бы во всѣ заключаемые трактаты. Но примѣненіе третейскаго суда „не можетъ и не должно имѣть мѣста, когда дѣло идетъ о независимости и неприкосновенности націи: никакіе договоры въ мірѣ не заставятъ тогда государство принять этотъ способъ рѣшенія дѣла". Однако авторъ проводитъ параллель между взаимными отношеніями отдѣльныхъ лицъ и внѣшними отношеніями государствъ; какъ въ частномъ правѣ господствовала сначала грубая сила, а потомъ постепенно уступала мѣсто идеѣ законности и справедливости, такъ и въ международной практикѣ простое превосходство силы все болѣе сдерживалось, облекалось въ болѣе мягкія формы, подвергалось ограниченіямъ и контролю въ интересахъ человѣчности, и на-

конецъ идея права завоевала себѣ первенствующее мѣсто въ области международныхъ связей и отношеній. Какъ дуэль между частными лицами имѣетъ уже мало общаго съ прежнимъ кулачнымъ правомъ, такъ и война пріобрѣтаетъ болѣе правильный и человѣчный характеръ. Если держаться этой параллели и провести ее до конца, то слѣдовало бы придти къ тому выводу, что война должна со временемъ совершенно исчезнуть, какъ исчезли изъ практики судебные поединки, и что въ отношеніяхъ между народами долженъ установиться такой же нормальный законный порядокъ, какъ и въ отношеніяхъ отдѣльныхъ лицъ въ государствѣ. Между тѣмъ эти выводы отвергаются авторомъ, по крайней мѣрѣ, для болѣе близкаго къ намъ будущаго.

Само собою разумѣется, что Дрейфусъ, въ качествѣ француза, приписываетъ Германіи одностороннее поклоненіе внѣшней силѣ и полное невниманіе къ человѣческимъ чувствамъ и интересамъ того населенія, которое вслѣдствіе несчастной войны попало подъ власть германской имперіи. Вопросъ объ Эльзасѣ, по словамъ автора, допускаетъ только два рѣшенія—рѣшеніе посредствомъ силы и рѣшеніе по праву: „или дѣло, созданное мечомъ, будетъ мечомъ же разрушено, или справедливость исправитъ продуктъ насилія". Авторъ приводитъ мнѣнія разныхъ писателей по обсуждаемымъ вопросамъ и внимательно разбираетъ богатую литературу предмета; часто онъ предпочитаетъ говорить чужими словами, чѣмъ своими.

Основная ошибка Дрейфуса, какъ намъ кажется. заключается въ томъ, что изъ области международныхъ споровъ, допускающихъ примѣненіе третейскаго суда, онъ выдѣляетъ тѣ, въ которыхъ замѣшаны вопросы чести, независимости и свободы націи. Вся идея арбитража теряетъ свою великую важность для будущаго, если допустить приведенное ограниченіе, которое оставитъ въ силѣ принципы произвола и войны въ международной политикѣ. Всякій международный споръ можетъ въ извѣстной мѣрѣ затрогивать чувство независимости и неприкосновенности государства, и слѣдовательно не будетъ такого вопроса или конфликта, который при желаніи не могъ бы быть превращенъ въ поводъ къ войнѣ, подъ предлогомъ неопредѣленнаго чувства національной обиды. Съ другой стороны, именно въ этой сферѣ національныхъ разногласій, возникающихъ на почвѣ взаимныхъ предубѣжденій и увлеченій, были бы наиболѣе необходимы и благотворны какіе-либо законные способы безпристрастнаго и спокойнаго обсужденія, при участіи представителей нейтральныхъ державъ и авторитетныхъ знатоковъ международнаго права. Третейскій судъ и теперь примѣняется въ обыкновенныхъ спорахъ между государствами; остается только желать, чтобы онъ получилъ примѣ-

ненie къ тѣмъ именно конфликтамъ, которые чаще всего служатъ поводами къ вооруженной борьбѣ. Этого желаетъ отчасти и Дрейфусъ, утверждая, что все болѣе развивающаяся „идея справедливости работаетъ за Францiю", и что съ развитiемъ этой идеи можетъ быть найдено въ будущемъ мирное рѣшенiе эльзасскаго вопроса, въ духѣ разумнаго международнаго права.

II.

Le comte de Chambrun. Aux montagnes d'Auvergne. Mes conclusions sociologiques. Paris, 1893. Стр. 148. Ц. 2 фр.

Отрывочныя замѣтки и наброски графа де-Шамбрёна касаются различныхъ сторонъ соцiальнаго вопроса въ его современной постановкѣ, съ точки зрѣнiя справедливости и милосердiя. Авторъ между прочимъ разсказываетъ о себѣ, что онъ былъ послѣдовательно префектомъ, президентомъ генеральнаго совѣта, сенаторомъ и депутатомъ, состоялъ въ палатахъ членомъ важныхъ коммиссiй по вопросамъ финансовымъ и публичныхъ работъ, и въ то же время былъ крупнымъ „хозяиномъ" по отношенiю къ рабочимъ, представителемъ одной изъ шести большихъ фирмъ, получившихъ первыя награды на всемiрной выставкѣ 1889 года; теперь онъ слѣпой старикъ, одержимый, повидимому, оригинальными идеями и всецѣло проникнутый сознанiемъ своей миссiи — способствовать благополучному разрѣшенiю великой соцiальной задачи. Авторъ увѣренъ, что онъ „изъ глубины своего рабочаго кабинета пускаетъ въ ходъ революцiю, въ родѣ англiйской 1688 г. или французской 1789 г." Насколько можно понять изъ его набросковъ, предлагаемая имъ великая реформа заключается въ примѣненiи демократическаго принципа къ администрацiи крупныхъ промышленныхъ дѣлъ, а именно въ образованiи особыхъ выборныхъ совѣтовъ, изъ представителей рабочихъ и хозяевъ, во главѣ каждаго предпрiятiя. Какъ должны быть устроены эти совѣты, каковы будутъ ихъ полномочiя и какъ достигнется въ нихъ примиренiе интересовъ капиталистовъ съ потребностями и желанiями рабочаго класса,—объ этомъ авторъ не распространяется. Онъ надѣется на силу нравственныхъ побужденiй, на чувство справедливости и симпатiи, и въ этомъ смыслѣ онъ хочетъ передѣлать всю политическую экономiю, которую отнынѣ, по его мнѣнiю, слѣдуетъ называть „соцiальною". Экономисты,—говоритъ онъ,—поступали какъ изслѣдователи вещественнаго мiра и придерживались внѣшнихъ формулъ, забывая о духѣ, о нравственности, о человѣкѣ; теперь этого больше не будетъ. „Я

нашелъ экономику въ категоріи матеріальныхъ явленій и оставляю ее въ области духовной, рядомъ съ политикою, религіею, моралью и философіею. Впервые создается философія экономики" (стр. 8). Авторъ стоитъ за государственный соціализмъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы государство было свободное, какъ въ колоніяхъ Англіи и особенно въ Сѣверной Америкѣ; тогда государство можетъ „выразить и осуществить самую возвышенную, самую сильную и лучшую ассоціацію лицъ и интересовъ". Новыя нравственныя силы скрываются, по мнѣнію графа де-Шамбрёна, въ обширныхъ степяхъ (?) Россіи, гдѣ онъ путешествовалъ въ 1865 году; онъ тогда предвосхитилъ идеи графа Толстого или „то, что̀ теперь называютъ толстовщиной (tolstoïsme)". По существу,—продолжаетъ онъ,—„мои убѣжденія вполнѣ сходятся съ воззрѣніями славянскаго писателя; наши сердца бьются въ унисонъ: въ Россіи, въ глубинѣ, въ тайникахъ ея сознанія и ея степей, находятся человѣчность, братство, милосердіе, которыя нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не встрѣчаются". Въ Европѣ все зависитъ отъ двухъ силъ—государства и церкви; къ нимъ присоединяется третья сила—общественное мнѣніе, роль котораго становится все болѣе могущественною. „Не будучи ни американцемъ, ни мужикомъ,—говоритъ авторъ,—я только при помощи этой силы могу сдѣлать что-нибудь и облегчить свою душу".

Идеалы и стремленія графа де-Шамбрёна очень хороши и симпатичны сами по себѣ; но въ нихъ много тумана, много несообразностей и противорѣчій. Онъ допускаетъ соціализмъ въ какой угодно формѣ, кромѣ, конечно, динамитной; т.-е., вѣрнѣе, онъ желалъ бы, чтобы всякія требованія рабочаго класса выражались и обсуждались въ парламентахъ и народныхъ собраніяхъ, подобно тому, какъ это дѣлается въ Германіи, благодаря организованной соціально-демократической партіи. Онъ разсчитываетъ на возможность постояннаго мирнаго соглашенія между рабочими и хозяевами по всѣмъ спорнымъ вопросамъ, если только капиталисты откажутся отъ близорукой и опасной системы односторонняго, исключительнаго корыстолюбія; самъ онъ, однако, сомнѣвается, повидимому, въ вѣроятности этого добровольнаго отреченія буржуазіи отъ традиціонныхъ взглядовъ и привычекъ. Между прочимъ, онъ упоминаетъ о безплодности своей личной попытки войти въ сношенія съ представителями нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ предпріятій для совѣщаній по предметамъ, имѣющимъ связь съ положеніемъ и нуждами рабочихъ. „Моя цѣль есть народъ,—заявляетъ онъ,—умственное, нравственное и матеріальное улучшеніе судьбы наибольшей части населенія. Средства мои троякія—постоянная выставка соціальной экономіи, музей для глазъ, для любознательности, для толпы; затѣмъ живое слово съ трибуны и ежедневная печать";

наконецъ, литература, разъясняющая то, что̀ дѣлается въ мірѣ. „Крупныя предпріятія находятся еще въ періодѣ личнаго, произвольнаго управленія; они должны преобразоваться, возвыситься на степень управленія свободнаго, представительнаго, демократическаго. Для главнѣйшихъ банковъ, для большихъ общественныхъ сооруженій, существуютъ уже административные совѣты; это какъ бы верхнія палаты новаго парламентаризма; но необходимы также нижнія палаты; необходимо, чтобы съ представителями капитала засѣдали представители рабочихъ“ (стр. 82—3). Такого рода идеи имѣютъ еще мало доступа не только въ сферы крупной французской промышленности, но и въ область оффиціальной политической экономіи въ томъ видѣ, какъ она господствуетъ и преподается во Франціи: поэтому графъ де-Шамбрёнъ,—при всѣхъ странностяхъ его книжки и при всемъ незнакомствѣ его съ новѣйшею экономическою литературою, особенно нѣмецкою,—заслуживаетъ полнаго сочувствія, какъ искренній приверженецъ примирительной, разумной и человѣчной политики относительно трудящихся народныхъ массъ. Если принять во вниманіе, что эту политику проповѣдуетъ по-своему слѣпой, престарѣлый аристократъ, самъ капиталистъ и хозяинъ крупнаго предпріятія, то его замѣтки, иногда безсвязныя и не совсѣмъ понятныя, должны быть признаны не только любопытными, но даже и трогательными.—Л. С.

III.

Paul Bourget. La terre promise. Paris, 1892.

Предисловіе романа довольно претенціозно и много обѣщаетъ, ставитъ на очередь серьезные вопросы, касающіеся нравственности, съ одной стороны, и искусства — съ другой. Но романъ обѣщаній предисловія не выполняетъ, не разрѣшаетъ и вопросовъ обѣихъ категорій, а скорѣе всего является нагляднымъ, практическимъ опроверженіемъ тезисовъ, поставленныхъ самимъ г. Бурже, или, вѣрнѣе, нагляднымъ свидѣтельствомъ неправильной ихъ постановки. Этотъ коренной недостатокъ сразу проявляется въ самой фабулѣ, такъ сказать, въ самомъ скелетѣ романа.

Франсисъ Нейракъ, молодой человѣкъ изъ парижскаго „хорошаго общества“, не особенно дѣловитый, но и не особенно развращенный, хотя проводящій юность въ мечтахъ объ „интересныхъ“ любовныхъ интригахъ, состоитъ въ нѣжной перепискѣ со своею сестрою, Жюли Аршамбо̀, очень несчастливой въ своей супружеской жизни. Въ

письмахъ къ брату, Жюли часто упоминаетъ о г-жѣ Раффрé, которая еще болѣе несчастлива въ томъ же отношеніи, а при этомъ красива, молода, умна, одарена нѣжною, любящею и вмѣстѣ гордою душою. Нейракъ заранѣе заинтересованъ. Лично знакомится онъ съ этою дамой при обстоятельствахъ, тяжелыхъ для нихъ обоихъ: у гроба своей скоропостижно-скончавшейся сестры. Такая исключительность ихъ положенія почти мгновенно создаетъ дружбу, которая очень скоро переходитъ въ связь. Связь эта, конечно, болѣе богата огорченіями, чѣмъ радостями. Слово *„конечно"* подразумѣвается у г. Бурже, который въ данномъ случаѣ явился апологетомъ законнаго брака и принялъ формулу одного стариннаго французскаго писателя: „il n'y a que les justes nopses"... Отъ одной страсти у Нейрака рождается другая, — ревность, которою онъ терзаетъ свою подругу до чрезвычайности. Онъ презираетъ ея мужа, съ трудомъ подаетъ ему руку, — но объ увозѣ г-жи Раффрé и рѣчи нѣтъ, а наряду съ этимъ онъ ее безсознательно презираетъ за то, что она „пала". Это презрѣніе наводитъ его на мысль о томъ, что если у нея есть одинъ любовникъ, то ихъ можетъ быть и двадцать. Онъ сперва смущенъ присутствіемъ въ ея домѣ нѣкоего барона де-Керна, который за нею ухаживаетъ и хотя встрѣчаетъ отпоръ, но все-таки несомнѣнно льститъ ея женскому самолюбію. При первомъ же обидномъ намекѣ своего любовника, Полина Раффрé оскорбляется и основательно говоритъ, что любовь, не основанная на довѣріи, — не есть настоящая любовь. Нейракъ, однако, доводитъ ее до того, что она перестаетъ принимать де-Керна. Тогда на сцену выводится кузенъ ея мужа, любящій ее чистою, платоническою любовью и вернувшійся изъ какихъ-то полуденныхъ странъ, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ безуспѣшно стремился побѣдить это несчастное чувство. Вернулся онъ еще болѣе влюбленнымъ, но не менѣе твердымъ въ своихъ высокихъ принципахъ, и при всемъ томъ, повидимому, достаточно безтактнымъ и неосторожнымъ. *Она* питаетъ къ нему возвышенную дружбу и, не видя въ ней ничего предосудительнаго, тоже ведетъ себя по меньшей мѣрѣ неосторожно. Нейраку она рѣшительно заявляетъ, что не намѣрена затворять предъ этимъ кузеномъ двери своего дома, а передъ свѣтскимъ кругомъ такъ мало стѣсняется, что весьма скоро становится притчею во языцѣхъ: „злые люди" открыто говорятъ, къ обидѣ Нейрака, что она—любовница этого кузена. Нейракъ доходитъ до бѣлаго каленія. Пустое обстоятельство служитъ причиной разрыва, который, въ сущности, назрѣлъ самъ по себѣ. Полина должна была явиться на свиданіе къ Нейраку, но сказалась больною, а между тѣмъ вышла по какому-то дѣлу изъ дому; Нейраку показалось, что онъ видѣлъ ее входящею въ квартиру

кузена: по крайней мѣрѣ ему показалось, что онъ узналъ ея шубку. При первомъ удобномъ случаѣ онъ наговорилъ по этому поводу неповинной Полинѣ много оскорбительнаго, даже позволилъ себѣ ударить ее, какъ падшую женщину—и они разстались навсегда. Долго не могъ онъ разлюбить ее, мучился чрезвычайно и сталъ искать утѣшенія, сперва въ безцѣльныхъ путешествіяхъ, а затѣмъ въ государственной службѣ. Тѣмъ временемъ онъ отъ разныхъ лицъ разузнавалъ о житьѣ-бытьѣ Полины, и ему сообщили, между прочимъ, что вскорѣ послѣ ихъ разрыва мужъ ея умеръ, и у нея родилась дочь, происхожденіе которой приписывалось „кузену".

Прошло лѣтъ девять, и сердечная рана Нейрака стала заживать. Цѣлительнымъ бальзамомъ явилась дѣвственно-чистая любовь юной графини Генріетты де-Сильи́, съ которой онъ былъ помолвленъ и наслаждался видомъ южнаго неба въ Палермо, куда ея мать была отправлена врачами для возстановленія здоровья. Двадцати-двухъ-лѣтняя Генріетта, по чистотѣ и невинности—юный ангелъ, дочь пожилого ангела — своей матери. Она очень красива, умна, богата и не имѣетъ даже теоретическаго понятія о чувственной сторонѣ любви. Женихъ съ невѣстой блаженствуютъ, говорятъ о единеніи душъ, о добротѣ мамаши, о красотѣ природы. Однако, Нейракъ, чувствуя себя слишкомъ счастливымъ, подобно Поликрату, самъ себѣ пророчитъ бѣду, которая на него и обрушивается въ лицѣ Полины Раффре́, пріѣхавшей для излеченія жестокой чахотки тоже въ Палермо и остановившейся въ одной гостинницѣ съ Нейракомъ и семьею де-Сильи́. Онъ сперва подозрѣваетъ Полину въ намѣреніи не допустить его до брака, или вообще подвергнуть его какому-нибудь шантажу,—но эти подозрѣнія не оправдываются, такъ какъ Полина избѣгаетъ какихъ бы то ни было сношеній съ нимъ и съ близкими ему людьми. Между тѣмъ Генріетта видитъ случайно маленькую Адель Раффрè, дочь Полины, и поражена удивительнымъ ея сходствомъ съ дѣтскимъ портретомъ Жюли Аршамбо, сестры Нейрака. Вскорѣ и самъ Нейракъ, считавшій дотолѣ это дитя дочерью сантиментальнаго кузена, при первомъ же взглядѣ на Адель, чувствуетъ, что она—дочь его, его, Нейрака, и что въ этомъ даже сомнѣнья быть не можетъ. Сердце заговорило, кровь заговорила! Какъ быть?! Полина —въ послѣднемъ градусѣ чахотки, дни ея сочтены... Что̀ станется съ бѣдною сироткой?! Неужели онъ, ея отецъ, броситъ дитя свое на произволъ судьбы, допуститъ, чтобы Адель, его Адель, стала со временемъ такою же ужасною женщиной, какою онъ неосновательно считалъ Полину?!.. Но у него вѣдь нѣтъ никакихъ правъ на это дитя, носящее не его имя! Наконецъ, все, что̀ онъ сдѣлаетъ для полученія какихъ-либо правъ на это дитя, станетъ преградою *его*

личному счастью, а онъ дорожитъ этимъ счастьемъ!.. Приходится выбирать.

Тутъ для г. Бурже, какъ для романиста-психолога, удобный случай проникнуть поглубже въ тайники человѣческаго сердца, ярко и правдиво изобразить борьбу между отцовскою и обще-мужскою любовью, между стремленьемъ къ личному счастью и къ выполненію долга. Увы! почтенный романистъ не съумѣлъ этого сдѣлать, хотя и посвятилъ перипетіямъ таковой борьбы почти три четверти всей книги. Вся эта часть книги — цѣпь мелкихъ случайныхъ событій, мелкихъ черточекъ характера,—и во всемъ ни одной яркой страницы, ни одной дѣйствительно-сильной сцены, въ которой бы воплотилась суть вопроса и романъ достигъ бы зенита!.. Нейракъ сперва рѣшается побѣдить въ себѣ отцовскую любовь, но мало-по-малу оказывается не въ силахъ этого сдѣлать. Свои чувства онъ таитъ отъ невѣсты и будущей тещи, и его поведеніе по отношенію къ нимъ—сплошная, безсмысленная ложь безхарактернаго, слабоумнаго мальчика. Но, какъ извѣстно, ничего нѣтъ на свѣтѣ тайнаго, что̀ не стало бы явнымъ. Генріетта и старая графиня часто встрѣчаютъ маленькую Адель, чувствуютъ къ ней большую симпатію, заговариваютъ съ ней — и муки Нейрака все ростутъ. Не добившись отъ Полины отвѣта на свои письма и узнавъ, что она намѣрена переѣхать изъ гостинницы на новую квартиру, онъ неожиданно для самого себя врывается къ ней въ нумеръ и пытается заговорить о ребенкѣ. Полина не простила и не можетъ простить Нейраку! Онъ ее измучилъ, загубилъ своею неосновательною ревностью, оскорбилъ и втопталъ въ грязь; она провела девять лѣтъ среди тяжкихъ нравственныхъ и физическихъ страданій, посвятила себя добрымъ дѣламъ и этому ребенку, — а *онъ*, тиранъ, только ради ребенка снисходитъ къ ней, ведетъ оскорбительно-мирную рѣчь съ цѣлью отнять у матери дитя, или хоть часть ея правъ на это сокровище! О, никогда! никакихъ разговоровъ! Вонъ отсюда!.. Она кричитъ ему „вонъ“, хочетъ позвонить,—но онъ ее до этого не допускаетъ, и между ними происходитъ разговоръ, оканчивающійся ея обморокомъ, во время котораго вбѣгаетъ Адель. Нейракъ уходитъ, не достигнувъ цѣли и лишь обременивъ свою душу лишнимъ страданіемъ—убѣжденіемъ въ невинности Полины. Глубоко уважая свою невѣсту, какъ прекрасное существо, онъ не рѣшается, однако, открыть ей свою душу,—только потому не рѣшается, что она „невинна“... Невинная дѣвушка, однако, чуетъ, что дѣло неладно, требуетъ отъ него объясненій, но въ ту минуту, когда онъ собирается исповѣдоваться предъ нею, входитъ старая графиня, уводитъ свою дочь въ спальню и сама, вернувшись, вступаетъ въ роль духовника. Она, хоть и „святая“ женщина, прощаетъ

Нейраку грѣхъ его молодости и обсуждаетъ даже различные выходы изъ тяжкаго положенія. Вся бѣда въ томъ, что Генріетта „невольно подслушала" ихъ разговоръ и хотя кой-чего не поняла, но пришла въ полное отчаяніе, выразившееся въ симптомахъ, похожихъ на припадки помѣшательства. Съ одной стороны, какъ нравственная личность, она была возмущена безсердечіемъ Нейрака, девять лѣтъ не думавшаго о своемъ ребенкѣ, или, вѣрнѣе, о томъ ребенкѣ, котораго онъ имѣлъ хотя бы нѣкоторое основаніе приписывать себѣ; во-вторыхъ, она, какъ женщина, *физически* ревновала. Она не могла допустить и мысли о бракѣ съ этимъ человѣкомъ, который до нея любилъ другую, прижилъ съ нею ребенка и вообще къ 35-му году жизни не сохранился такимъ непорочно-чистымъ, какъ юная невѣста! Пусть онъ женится на той, на первой, пускай искупитъ этимъ свой грѣхъ передъ нею и пріобрѣтетъ право называть Адель своею дочерью!.. Такъ думала Генріетта,—но все же любила Нейрака и не могла скоро рѣшиться на безповоротный разрывъ. Тогда обратилась она къ испытанному человѣчествомъ средству, — къ религіи, долго молилась, исповѣдовалась — и, наконецъ, Нейраку было сообщено, что „все кончено". Нейракъ въ отчаяніи: невѣсту потерялъ, а дитяти не получилъ!.. Графиня уѣзжаетъ съ дочерью, обѣщая Нейраку сдѣлать все возможное, чтобы расположить Генріетту въ его пользу. Почти одновременно умираетъ Полина и только передъ смертью дозволяетъ своей, пріѣхавшей туда, сестрѣ допустить нѣкоторое сближеніе Нейрака съ маленькою Аделью. Для Нейрака, по мнѣнію П. Бурже, въ этой будущей близости съ дочерью виднѣется берегъ „земли обѣтованной",—не тотъ счастливый берегъ *заслуженной* брачной жизни, а другой берегъ, путь къ которому проложенъ страданіемъ, искупленіемъ грѣховъ и заблужденій первой молодости...

Мало удовлетворительное впечатлѣніе производитъ это новое произведеніе моднаго беллетриста-психолога. Та часть фабулы, которая посвящена внутреннему разладу героя, борьбѣ между эгоизмомъ и долгомъ, развита столь слабо, что читатель невольно интересуется гораздо больше другою частью ея, а именно вторженіемъ прошлаго въ настоящее и нравственнымъ состояніемъ невинной дѣвушки, ревнующей жениха къ его прежней, постылой любовницѣ. Но и эта тема слабо разработана и совсѣмъ не оригинальна: ее эксплуатировали болѣе или менѣе удачно почти всѣ французскіе романисты. Къ числу наиболѣе удачныхъ попытокъ такого рода слѣдуетъ отнести просто и живо написанный романъ г. Андре Тёрье: „Amour d'automne". Большое преимущество послѣдняго автора передъ г. Бурже состоитъ именно въ живости и простотѣ. Г. Тёрье—просто писатель, а г. П. Бурже—писатель-моралистъ, романистъ-психологъ. Простой, непретенціозный пи-

сатель, правдиво отражающій жизнь и не задающійся широкими задачами, которыя оказывались бы не подъ силу его дарованію, естественно достигаетъ бо̀льшихъ результатовъ, нежели писатель съ одинаковымъ или мѐньшимъ талантомъ, имѣющій претензію „вести человѣчество“. Когда эта претензія является истиннымъ призваніемъ, а не предвзятою цѣлью или оригинальничаньемъ, то сама природа, породившая призваніе, даетъ обыкновенно и большія силы, нужныя для плодотворнаго служенія ему. Истинное убѣжденіе художника всегда находитъ себѣ воплощеніе въ гармоничной формѣ. Предвзятая и недостаточно прочувствованная идея нарушаетъ гармонію произведенія; форма, облекающая такую идею, похожа на „тришкинъ кафтанъ“. Съ жизненною правдой такой художникъ, или, вѣрнѣе, ремесленникъ обходится безцеремонно, недобросовѣстно: кладетъ ее на прокустово ложе своего педантизма, своего стремленія все познать и истолковать по-своему и изъ цѣли обратить ее въ жалкое средство для прогулки на тѣхъ или другихъ ходуляхъ. Стремленіе г. Поля Бурже быть моралистомъ составляетъ въ данномъ романѣ его главную, его роковую ошибку. Моралистомъ нельзя сдѣлаться, а можно только быть или не быть имъ. Кто глубоко вѣритъ въ извѣстные нравственные идеалы,—является моралистомъ ipso facto, уже потому одному, что его произведенія неизбѣжно бываютъ проникнуты духомъ любви, написаны, такъ сказать, „кровью сердца“. Таковы нѣкоторые русскіе моралисты-художники, какъ напр. гр. Л. Н. Толстой въ своихъ *предпослѣднихъ* произведеніяхъ. Въ романахъ настоящихъ моралистовъ есть, конечно, много длиннотъ и другихъ плодовъ черезъ-чуръ субъективнаго и страстнаго отношенія къ той или другой основной идеѣ,—но страницы, въ которыхъ это особенно ярко выражается, все-таки не скучны, потому что въ нихъ звучатъ живыя, искреннія ноты живой души художника.

У г. П. Бурже, А. Дюма-сына и почти безусловно у всѣхъ представителей французской беллетристики и драматургіи нравственная проповѣдь звучитъ фальшиво, производитъ впечатлѣніе скучнаго, неискренняго резонерства. Въ этой проповѣди нѣтъ реальнаго, сердечнаго, живого элемента, потому что она—мертворожденное дитя праздныхъ умозаключеній, а не крикъ горячей души. Высокая нравственная идея, дающая русскому, англійскому, нѣмецкому и польскому писателю особый творческій жаръ, особый подъемъ духа,—французскаго моралиста сбиваетъ съ толку, отвлекаетъ отъ правдиваго изображенія жизни, отчасти выводитъ его даже изъ области искусства... Бытовыя стороны забыты, герои романа или драмы дѣйствуютъ внѣ пространства и времени, внѣ всего того, что̀ могло бы изъ этихъ геометрическихъ фигуръ сдѣлать нѣчто живое. Самая нравственная идея,

вдохновляющая подобное произведеніе, строго говоря, терпитъ убытокъ, дискредитируется, выливаясь въ мертвыхъ или смѣшныхъ формахъ. Иногда авторъ заходитъ дальше той цѣли, которую себѣ намѣтилъ: напримѣръ, въ „Dame aux camélias" А. Дюма-сынъ, видимо, хотѣлъ вызвать сострадапіе къ падшимъ женщинамъ, въ которыхъ, будто бы, „живая душа" не умираетъ; а вмѣсто этого вышла какая-то сантиментальная апологія женщинъ такого рода, въ ущербъ простымъ, добродѣтельнымъ матерямъ семейства... Г. Бурже въ данномъ случаѣ не хватаетъ черезъ край, потому что гораздо менѣе талантливъ, чѣмъ А. Дюма-сынъ, — а просто не достигаетъ цѣли. Графиня де-Сильи и ея дочь выходятъ у него святыми, но мертвыми; интересная жертва ревности, Полина Раффрѐ—заурядной женщиной, лишенной такъ называемаго „сердечнаго такта", а интересный герой романа, Нейракъ—дряблымъ, мелкимъ человѣчкомъ ниже средняго уровня. Главный результатъ этой проповѣди, основанной на предразсудкахъ и резонерствѣ,—озлобленіе читателя противъ самого г. Бурже и противъ его любимаго дѣтища, Генріетты де-Сильи. Невольно вспоминается съ благодарностью Марлитъ, показавшій въ своемъ безъискусственномъ, сердечно-написанномъ романѣ, какъ можетъ и должна поступать „живая душа"!.. Но вѣдь г. Бурже написалъ не простой, а психологическій, или какъ онъ выражается,—аналитическій романъ! При этомъ весь интересъ повѣствованія у него сосредоточивается на гадательномъ и въ сущности произвольномъ изображеніи мотивовъ, происхожденія и внутренняго броженія страстей и стремленій, а не на проявленіи ихъ во внѣшнемъ мірѣ, какъ того безусловно требуетъ живое искусство. Душа героя представляетъ собою въ такомъ описаніи неподвижную схему или приведенный въ движеніе часовой механизмъ, а когда дѣло доходитъ до выраженія души въ поступкахъ,—авторъ проявляетъ незнаніе азбуки реальной жизни. Для схемы, для часового механизма, предвзятая цѣль котораго—съиграть „God save the queen", или что-либо подобное,—существуютъ спеціальныя науки или ремесла; когда же литературное произведеніе представляетъ собою пилюлю научнаго трактата въ оболочкѣ романической фабулы, то оно не удовлетворяетъ ни настоящаго ученаго, ни настоящаго любителя искусства. Тутъ самъ собою возникаетъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли вообще „психологическій" романъ raison d'être. Если основываться на знакомствѣ съ большинствомъ произведеній г. Бурже, то невольно напрашивается отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Однако, такой скорый, но немилостивый судъ по отношенію къ цѣлому своеобразному роду беллетристики былъ бы грѣхомъ противъ свободы формы, противъ свободы творческой фантазіи. По-

ложимъ, хотя первоначально фантазія создаетъ, или, вѣрнѣе, *открываетъ* форму, — но, какъ фактъ, съ которымъ приходится всѣмъ авторамъ считаться, форма является отчасти врагомъ фантазіи и свободы на всѣхъ человѣческихъ поприщахъ. Однако, безусловное отрицаніе сильно окрашеннаго психологическимъ элементомъ романа было бы произвольно, насильственно и потому *вредно* съ литературно-бытовой точки зрѣнія.

Г. Бурже слѣдующимъ образомъ резюмируетъ въ своемъ предисловіи главные аргументы противниковъ этого жанра. Во-первыхъ, съ точки зрѣнія художественной правды сколько-нибудь глубокій анализъ несостоятеленъ; наблюдать внутреннюю работу страсти въ другомъ человѣкѣ невозможно, а въ самомъ себѣ — еще менѣе возможно, такъ какъ страсть почти всегда исключаетъ возможность глубокаго и систематическаго, а не отрывочнаго самонаблюденія, которое дается въ такихъ случаяхъ только геніальнымъ или вообще психически-ненормальнымъ людямъ; никому покуда не удавалось, ставъ у окна, видѣть самого себя проходящимъ мимо этого окна! Наконецъ, вообще въ сердцахъ людскихъ не можетъ быть ни полнаго свѣта, ни полнаго мрака, а царитъ полумракъ, изъ котораго возникаютъ неожиданные факты, ставящіе теоретиковъ въ тупикъ; эти загадочные факты представляютъ для беллетриста особый интересъ, потому что они—живыя явленія; а все, что̀ подвергается анатомированію, не можетъ не быть мертвымъ.

Второй аргументъ противъ „психологическаго" романа можно назвать скорѣе обвиненіемъ, чѣмъ аргументомъ: произведенія такого рода дѣйствуютъ, будто бы, разлагающимъ, деморализующимъ образомъ, особенно на молодого читателя, въ которомъ привычка къ психическому анализу и затѣмъ къ самоизслѣдованію порождаетъ въ концѣ концовъ эгоизмъ, скептицизмъ и слабость воли... Вѣрнѣе было бы сказать, что большинство произведеній такого рода вредны лишь потому, что портятъ настроеніе читателя, какъ все... скучное и педантичное... Признавать же нравственный вредъ монополіи только этого жанра—по меньшей мѣрѣ несправедливо. Во-первыхъ, по вѣрному возраженію г. Бурже, самонаблюденіе и самоизслѣдованіе есть свойство не специфическое, а, если можно такъ выразиться, безразличное, нейтральное: Наполеону I, въ которомъ оно было весьма развито, оно не помѣшало быть человѣкомъ съ желѣзною волей, а если подъ вліяніемъ этого свойства воля какого-нибудь недоросля fin de siècle слабѣетъ, то надо винить именно эту дряблую волю, которая вообще проявляетъ печальную способность слабѣть отъ всякаго усилія ума, отъ наплыва всякихъ впечатлѣній. Мы можемъ еще добавить, что если психологическій романъ иногда и дѣйствуетъ тлетворно,

то не менѣе тлетворно дѣйствуютъ зачастую произведенія другого рода: бытовыя, фантастическія и т. п. Возьмемъ близкій намъ примѣръ: „Демонъ" и „Герой нашего времени", доставивъ возвышающее душу эстетическое наслажденіе нѣсколькимъ десяткамъ или, maximum, сотнямъ настоящихъ цѣнителей, несомнѣнно вредно отразились на душевномъ состояніи толпы. Возникли, какъ грибы послѣ дождя, тысячи маленькихъ Печориныхъ, микроскопическихъ демоновъ, оказавшихся недобросовѣстными, скверными людишками по отношенію къ пропорціональнымъ себѣ пародіямъ княжны Мери и Тамары.

Интересный вопросъ объ отношеніяхъ между искусствомъ и нравственностью, далеко еще не исчерпанный и требующій особой обстоятельной разработки, не можетъ входить въ программу настоящей статьи, и потому обратимся къ первому и самому существенному аргументу противъ психологическаго романа, а именно къ обвиненію его въ „мертвенности". Г. Бурже противъ этого возражаетъ, что всѣ беллетристы, даже самый объективный изъ нихъ, Флоберъ, въ какомъ бы родѣ они ни писали, должны прибѣгать къ анализу: для всякаго писателя суть не въ томъ, что̀ его окружаетъ, а въ томъ, какъ онъ самъ смотритъ на окружающее; при этомъ, только смотрѣть недостаточно, а приходится комбинировать, освѣщать, т.-е., въ концѣ концовъ, обращаться къ анализу. Прибавимъ отъ себя: писатель долженъ, сверхъ всего, или, вѣрнѣе, прежде всего, *угадывать* сущность видимаго имъ; живопись безъ „угадыванія" является фотографіею, беллетристика же обращается въ ремесло, противное самимъ „мученикамъ пера" и дающее тысячи произведеній, надоѣдающихъ сколько-нибудь требовательной публикѣ и вызывающихъ справедливыя жалобы, хотя бы, напримѣръ, на современную русскую „фабричную" литературу. Все это такъ: угадываніе требуетъ затѣмъ анализа. Въ чемъ же суть вопроса?.. Предполагая выставить вѣскій доводъ въ пользу своего жанра, г. Бурже, себѣ же въ осужденіе, говоритъ вполнѣ основательно, что *установленіе размѣровъ аналитическаго элемента въ романѣ является предметомъ главнаго усилія художника, который стремится избѣгнуть чрезмѣрнаго искаженія реальной правды*. Это правильное положеніе — первое звено въ цѣлой цѣпи выводовъ, неблагопріятныхъ для г. Бурже. Искусство воспроизводитъ и можетъ воспроизводить только жизнь въ ея типическихъ внѣшнихъ формахъ. А такъ какъ существеннымъ признакомъ жизни, съ точки зрѣнія художественной, является движеніе, а не разсужденіе, не анализъ, какъ нѣчто отвлеченное, научное,—то и въ искусствѣ должна быть отведена только минимальная роль анализу, какъ методу научному. Различными художественными формами, конечно, самъ собою опредѣ-

лается этотъ размѣръ въ томъ или другомъ произведеніи. Такъ напримѣръ, въ „Дневникѣ“ или въ „Исповѣди“ анализу долженъ быть предоставленъ болѣе значительный просторъ, хотя и тутъ произведеніе интересно лишь постольку, поскольку интересны и живы изображаемые *типы*; а исканіе типовъ, согласно мнѣнію самого г. Бурже, —дѣло романиста *бытового*. Романъ же, къ какой бы категоріи онъ ни принадлежалъ, зиждется на изображеніи типовъ, а потому можетъ и долженъ быть исключительно либо историческимъ, либо романомъ „изъ современныхъ нравовъ“, roman de moeurs. Всякое стремленіе создать романъ съ непомѣрнымъ преобладаніемъ анализа явится грѣхомъ противъ самой природы искусства, преступленіемъ laesae artis. Гдѣ нужно будетъ интересное дѣйствіе, такой романистъ угоститъ васъ неинтереснымъ разсужденіемъ, въ родѣ тѣхъ, которыя длинными мелями заграждаютъ теченіе разобраннаго нами романа. Это все равно, какъ еслибы васъ позвали обѣдать—и вмѣстѣ съ тѣмъ показали бы на кухнѣ, какъ стряпаются предлагаемыя вамъ блюда! Анализу, главнымъ образомъ, мѣсто „на кухнѣ“... Г. Бурже ссылается на нѣсколько произведеній разнаго рода, пользующихся неодинаковою славою, несомнѣнно окрашенныхъ аналитическимъ элементомъ, а именно: трагедіи Расина, комедіи Мариво́, нѣкоторыя произведенія Сюлли-Прюдома; а изъ романовъ: Робинзонъ Крузэ, „Le Rouge et le Noir“, „Mademoiselle de Maupin“, „Dominique“, „Les liaisons dangereuses“ и т. д.

Недостатки драматическихъ произведеній Расина и Мариво́ слишкомъ извѣстны, чтобы стоило о нихъ говорить; „аналитическая поэзія“ Сюлли-Прюдома (напр. его поэма „Le bonheur) краснорѣчивѣе всякаго критика показываетъ, *какъ не нужно писать*, а изъ ряда перечисленныхъ г. Бурже романовъ его замѣчаніе наиболѣе вѣрно относительно своеобразнаго произведенія Лакло́: „Les liaisons dangereuses“. Между романами г. Бурже и этимъ произведеніемъ есть несомнѣнное сходство, даже черезъ-чуръ большое сходство: то же преобладаніе анализа, то же изобиліе отдѣльныхъ афоризмовъ, довольно остроумныхъ и вѣрныхъ на первый взглядъ; наконецъ, то же пессимистическое отношеніе къ обществу, къ радостямъ неосвященной бракомъ любви и т. п. Если прочесть Бурже послѣ Лакло̀, то первая мысль, которая явится на умъ, это — что Бурже малоодаренный ученикъ большого, оригинальнаго художника. Лакло́, какъ художникъ, создаетъ опять-таки прежде всего *типы* и очень живые типы, а своей наклонности къ анализу удовлетворяетъ довольно безнаказанно только благодаря тому, что уклоняется отъ обычной формы романа: „Les liaisons dangereuses“—романъ въ письмахъ или, вѣрнѣе, серія откровенныхъ писемъ; болѣе или менѣе подроб-

нимъ и холоднымъ анализомъ отличаются только письма, приписываемыя исключительно опытнымъ, сильно пожившимъ, нравственно-увядшимъ людямъ, въ которыхъ сомнительныя радости анализа замѣняютъ радости сердца и даже страсти разсудочны, въ ущербъ своей интенсивности. Художникъ и въ данномъ случаѣ подражаетъ жизни, учится у природы. Сухость нѣкоторыхъ разсужденій скрыта подъ такими яркими блестками остроумія, подъ такими красотами стиля, что умственное или, вѣрнѣе, разсудочное наслажденіе сливается съ художественнымъ—и скучать некогда. Г-ну Бурже далеко до Лакло. Помимо всего, Лакло осторожнѣе г. Бурже: разсужденія у него ведутся не отъ имени автора,—а это очень важно, потому что читатель иначе почувствуетъ неизбѣжно озлобленіе противъ всякаго романиста-ментора. Правъ былъ Флоберъ, сказавъ, что художникъ долженъ быть невидимъ и вмѣстѣ вездѣсущъ, какъ Творецъ вселенной! Въ противномъ случаѣ его произведеніе, скажемъ отъ себя, будетъ блистать не ярче той луны, которую дѣлаютъ въ Гамбургѣ.—С. П-ъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1893 г.

Положеніе мѣстностей, вновь постигнутыхъ неурожаемъ.—Принудительное улучшеніе крестьянскаго хозяйства.—Крестьяне, „пашущіе на себѣ".—Псковское и борисоглѣбское земство. — Общество доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ.— Томское ученое общество.

Сравнительно съ прошлымъ годомъ, число извѣстій изъ неурожайныхъ мѣстностей все еще не велико; но оно вполнѣ достаточно, чтобы устранить всякое сомнѣніе въ интенсивности нужды, особенно тамъ, гдѣ она составляетъ явленіе уже не новое. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ произведены точныя изслѣдованія, дающія возможность измѣрить и исчислить результаты бѣдствія. Таково, напримѣръ, статистическое описаніе острогожскаго уѣзда (воронежской губерніи), предпринятое на основаніи прошлогодняго постановленія уѣзднаго земскаго собранія („Русскія Вѣдомости", № 334). Въ сравненіи съ 1885 г., количество крестьянскаго скота убыло здѣсь на 27%. Эта убыль распредѣляется неравномѣрно какъ между различными категоріями животныхъ, такъ и между различными волостями. Лошадей, воловъ и коровъ крестьяне продаютъ только при крайней необходимости; число ихъ уменьшилось, поэтому, сравнительно меньше (на 17, 14 и 15%), чѣмъ число овецъ (32%), свиней (67%) и гулевого скота (60%). По волостямъ убыль скота вообще колеблется между 12 и 43%; въ наиболѣе пострадавшей волости рабочихъ лошадей убыло 53%, воловъ—33%, коровъ—38%! Всего тяжелѣе положеніе волостей съ наименьшимъ количествомъ надѣльной земли, населенныхъ преимущественно бывшими помѣщичьими крестьянами. А вотъ каковъ въ томъ же уѣздѣ урожай 1892 г.: рожь—4 мѣры съ десятины; пшеница—7 мѣръ; ячмень, овесъ, просо—по 11 мѣръ; гречиха—6 мѣръ. Другими словами, не возвращены или едва возвращены даже сѣмена! Неудивительно, что острогожское уѣздное земское собраніе ходатайствуетъ о ссудѣ въ 1.500 тыс. пудовъ. Замѣтимъ, что приведенныя цифры убыли скота относятся къ августу мѣсяцу; осенью и зимою она возросла, безъ сомнѣнія, еще весьма значительно.

Другое изслѣдованіе, произведенное въ ливенскомъ уѣздѣ орловской губерніи („Новое Время", № 6036), замѣчательно тѣмъ, что, не останавливаясь на однихъ прямыхъ послѣдствіяхъ неурожая, оно

іовій, давно уже подрывавшихъ благосостояніе мѣстнаго населенія. Населеніе уѣзда — около 270 тыс. душъ — владѣетъ землею въ количествѣ 270 тыс. десятинъ. Количество пашни достигаетъ уже 95% всей земли. Стоимость урожая, по десятилѣтней сложности, опредѣляется въ 3½ милл. рублей; но столько же нужно для прокормленія населенія. Около 1 милліона рублей добывается населеніемъ отъ отхожихъ промысловъ и обработки помѣщичьихъ земель. Если вычесть отсюда цифру всѣхъ платимыхъ крестьянами сборовъ, то останется менѣе 200 тыс. рублей (около 70 коп. на душу) на всѣ остальные расходы крестьянъ: одежду, обувь, ремонтъ построекъ и инвентаря, покупку соли и керосина, содержаніе 98 церквей и церковныхъ причтовъ и т. п. Понятно, что уже въ 1892 г. ливенское крестьянство накопило недоимокъ до 1.280 тыс. руб. и долговъ въ одни ссудо-сберегательныя товарищества до 300 тыс. руб., не считая задолженности всевозможнымъ сельскимъ ростовщикамъ. Смертность начинаетъ превышать рождаемость: съ 1-го января 1891 г. по 15-е августа 1892 г. рожденій было 14.185, смертей — 14.731. Населеніе, повидимому, начинаетъ вырождаться: въ 1875 г. забраковано изъ числа молодыхъ людей призывного возраста 16½%, въ 1880 г.—22½%, въ 1885 г.—26%, въ 1890 г.—почти 36%. Нетрудно себѣ представить, какъ, при подобныхъ условіяхъ, должны отразиться на населеніи одинъ за другимъ слѣдующіе неурожаи. Ливенская земская коммиссія выработала цѣлый планъ борьбы съ обѣдненіемъ уѣзда—планъ, въ которомъ на первомъ мѣстѣ стоитъ организація крестьянскихъ переселеній, съ переходомъ земли, покидаемой переселенцами, во владѣніе крестьянъ, остающихся на мѣстѣ.

Организація частной помощи, о необходимости которой мы говорили въ предъидущихъ хроникахъ, начинаетъ кое-гдѣ проявляться. Весьма вѣроятно, что она существуетъ и въ такихъ мѣстахъ, о которыхъ не появляется свѣденій въ печати. Поразительную картину положенія дѣлъ въ богородицкомъ уѣздѣ (тульской губерніи) мы находимъ въ письмѣ гр. Владиміра Бобринскаго, напечатанномъ въ № 49 „Недѣли". „Въ прошломъ году, — говорится въ этомъ письмѣ,—нашъ уѣздъ пережилъ тяжелый экономическій кризисъ. Дружныя усилія правительства, земства и частной благотворительности, истратившихъ на это дѣло болѣе милліона рублей, спасли 173-тысячное населеніе уѣзда отъ грозившаго ему голода, хотя и этихъ жертвъ оказалось недостаточно, чтобы предотвратить полное истощеніе денежныхъ и хлѣбныхъ запасовъ земледѣльца. Крестьянское хозяйство оказалось въ конецъ расшатаннымъ: богачъ сталъ бѣднякомъ, бѣднякъ — нищимъ. Въ 1892 г. рожь вто-

рично не воротила сѣмянъ; овесъ мѣстами даже не косили. Не родилась и лебеда, а травы совсѣмъ нѣтъ. Мы стоимъ лицомъ къ лицу съ ужасами голода и разоренія, предъ которыми блѣднѣютъ бѣдствія прошлаго года. Правительственная ссуда въ минувшемъ году выдавалась съ декабря; въ нынѣшнемъ году выдачу пришлось начать съ сентября. Этой ссуды (30 ф. на ѣдока въ мѣсяцъ, исключая дѣтей моложе 3 лѣтъ и людей рабочаго возраста), очевидно, недостаточно, хотя и она потребуетъ громадныхъ жертвъ со стороны правительства. Кромѣ того, остается нѣсколько тысячъ сельскаго и городского пролетаріата, не имѣющихъ права на ссуду. Къ нимъ-то на помощь и должна придти частная благотворительность. Помимо нужды въ насущномъ хлѣбѣ, проявилась вопіющая нужда въ топливѣ для всего населенія. Соломы нѣтъ, топить нечѣмъ: жгутъ крыши, жгутъ телѣги и прочій хозяйственный инвентарь. Въ довершеніе всего—тифъ и повальныя дѣтскія болѣзни вырываютъ массы жертвъ. Объѣзжая уѣздъ, сплошь да рядомъ становишься очевидцемъ самыхъ безотрадныхъ картинъ. Холодная, сырая изба, смрадъ, на стѣнахъ ослизлая плесень, черезъ потолокъ каплетъ талый снѣгъ (крыши уже нѣтъ); полъ—болото; на примостѣ, на печи лежатъ въ повалку 5—6 человѣкъ въ тифозномъ бреду, безъ ухода, безъ пищи, а о молокѣ и рѣчи быть не можетъ. А впереди—длинная, голодная и холодная зима. Великое народное бѣдствіе минувшаго года породило необыкновенный подъемъ духа во всѣхъ слояхъ нашего общества. Къ сожалѣнію, слишкомъ быстро наступила реакція; общество какъ будто утомилось и уже относится совершенно равнодушно къ не только не окончившемуся, но мѣстами даже значительно усилившемуся народному бѣдствію. Но мы, стоящіе ближе къ народной нуждѣ, не теряемъ надежды, путемъ простого изложенія того, что́ видимъ на каждомъ шагу, вновь вызвать состраданіе къ бѣдствующему ближнему и тѣмъ довести до конца начатое дѣло братской помощи". Укоръ, дѣлаемый гр. Бобринскимъ русскому обществу, совершенно основателенъ; хорошо, еслибы столь же основательной оказалась и высказываемая имъ надежда...

Вотъ еще нѣсколько данныхъ объ организаціи помощи въ богородицкомъ уѣздѣ, полученныхъ нами изъ совершенно достовѣрнаго источника. Главный центръ помощи — мѣстное отдѣленіе Краснаго Креста, во главѣ котораго стоитъ гр. В. Бобринскій (авторъ письма, приведеннаго нами выше). Заботливость отдѣленія распространяется прежде всего на тѣхъ, которые не имѣютъ права на полученіе земской ссуды или отказываются отъ нея, опасаясь, въ противномъ случаѣ, лишиться земли (отбираемой обществомъ отъ недоимщиковъ) и остаться безъ всякихъ

средствъ къ жизни. Это, бо̀льшею частью, вдовы безъ взрослыхъ сыновей, одинокіе или больные старики и старухи. Тѣ изъ нихъ, которыхъ, по тщательномъ изслѣдованіи [1]), принимаетъ на свое попеченіе Красный Крестъ, получаютъ безплатно по 10 фунтовъ печенаго хлѣба въ недѣлю, изъ пекарень, устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ уѣзда на средства Краснаго Креста. Изъ тѣхъ же пекарень нуждающимся продается хлѣбъ по 60 коп. за пудъ,—нѣсколько ниже заготовительной цѣны. Пекарни помѣщаются въ простыхъ избахъ, нанимаемыхъ Краснымъ Крестомъ за 6 руб. въ мѣсяцъ, и дешевле того; для приготовленія хлѣба нанимается нѣсколько пекарей или пекарокъ, состоящихъ подъ наблюденіемъ приказчика; мука и дрова доставляются въ пекарню самими крестьянами, на очередныхъ подводахъ, такъ что всѣ накладные расходы не превышаютъ 5—9 коп. на пудъ хлѣба. Затѣмъ Красный Крестъ купилъ нѣсколько сотъ саженъ дровъ, которыя будутъ отчасти розданы безплатно, отчасти проданы по заготовительной или по удешевленной цѣнѣ. Большимъ благодѣяніемъ будетъ даже продажа дровъ по заготовительной цѣнѣ, такъ какъ она составляетъ около 12 рублей за куб. саженъ, а мѣстная цѣна дровъ доходитъ до 30 рублей. Безплатно дрова (по 1 саж. въ мѣсяцъ) выдаются также на устройство общественныхъ или артельныхъ пекарень. Больныхъ въ уѣздѣ тысячи, а въ распоряженіи Краснаго Креста теперь только нѣсколько фельдшеровъ, работающихъ подъ руководствомъ земскихъ врачей. Больнымъ *по возможности* доставляется пища и топливо, *но далеко не всѣмъ*. Есть деревни, гдѣ нѣтъ почти ни одного двора безъ больныхъ; *есть дворы, гдѣ больны всѣ поголовно*. Средства, которыми располагаетъ мѣстное отдѣленіе Краснаго Креста, очень ограниченны; безъ значительнаго ихъ увеличенія оно не можетъ продолжать дѣло даже въ тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, въ какихъ оно теперь имъ ведется. Въ уѣздѣ существуетъ еще нѣсколько школьныхъ столовыхъ, содержимыхъ преимущественно на средства коммиссіи при петербургскомъ комитетѣ грамотности; но общихъ столовыхъ, игравшихъ такую важную роль въ прошлогодней борьбѣ съ голодомъ, до сихъ поръ, за недостаткомъ средствъ, не учреждено. Изъ всего вышесказаннаго видно, до какой степени необходимъ для богородицкаго уѣзда приливъ частныхъ пожертвованій. Весьма важно было бы, конечно, и увеличеніе числа лицъ, работающихъ на мѣстѣ надъ организаціей и распредѣленіемъ помощи. Незачѣмъ объяснять, какъ велика разница между

[1]) Какъ великъ трудъ подобнаго изслѣдованія, упадающій на добровольныхъ сотрудниковъ Краснаго Креста, объ этомъ можно судить по тому, что для производства его въ одномъ только селѣ, лицомъ, хорошо знакомымъ съ мѣстностью, понадобилось шесть дней неустанной работы, съ утра до вечера.

приказчикомъ, завѣдующимъ, по найму, пекарней или столовой—и лицомъ, принимающимъ на себя этотъ трудъ изъ одного только желанія послужить народу въ бѣдственную годину его жизни.

Еще хуже, повидимому, чѣмъ въ богородицкомъ уѣздѣ, положеніе дѣлъ въ южной части воронежской губерніи, о которой говорится въ письмѣ В. Г. Черткова, также напечатанномъ въ „Недѣлѣ". И здѣсь (напр., въ богучарскомъ уѣздѣ) неурожай повторился два года сряду. Еще прошлою зимой, отъ недостатка питанія, развилась цынга. Смертность, особенно среди дѣтей, превышала въ три раза или даже въ пять разъ обыкновенную норму. Лѣтомъ многіе болѣли холерой и холериной. Между тѣмъ новая жатва не дала почти ничего; бо́льшею частью не получилось даже и соломы; трава вовсе не уродилась. Крестьяне уже ранней осенью доѣли послѣдній хлѣбъ и стали распродавать послѣднюю скотину. Цынга кое-гдѣ уже возобновилась. Земская помощь во всякомъ случаѣ будетъ недостаточна. Къ довершенію бѣды, въ бо́льшей части воронежской губерніи, какъ видно изъ оффиціальныхъ свѣденій, и въ этомъ году очень плохи озимые всходы. На всемъ пространствѣ обширнаго района, къ которому принадлежатъ еще: донская область, астраханская губернія, бо́льшая часть екатеринославской, восточные уѣзды харьковской, царицынскій и отчасти камышинскій—саратовской, новоузенскій — самарской, нѣкоторыя мѣстности кубанской области и таврическій полуостровъ [1]), раннія озими хотя и взошли, но сильно затѣмъ пострадали отъ засухи, а позднія едва успѣли взойти, и то не повсемѣстно, и пошли въ зиму плохо укоренившимися. Необходимо заранѣе позаботиться о смягченіи *третьяго* удара, сдѣлавъ все возможное къ облегченію бѣдствія, причиненнаго *вторымъ*.

Можно было ожидать, что опытъ прошлаго года послужитъ къ предупрежденію ошибокъ, къ точному указанію путей и пріемовъ, которыхъ слѣдуетъ держаться при распредѣленіи помощи между нуждающимися. Это ожиданіе осуществляется, повидимому, не вездѣ. Намъ пишутъ изъ мѣстности. пострадавшей отъ неурожая, какъ въ 1891, такъ и въ 1892 г., что земство — въ промежутокъ времени между обоими неурожаями подвергшееся преобразованію на основаніи новаго земскаго положенія—работаетъ безъ прежней энергіи, и что выдача ссудъ замедляется и затрудняется необходимостью испрашивать, *въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ*, согласіе земскаго начальника. Особенно трудно, при такомъ порядкѣ, исправлять ошибки въ первоначальномъ назначеніи. Это напомнило намъ одну изъ тѣхъ бытовыхъ

[1]) Есть еще другая, гораздо мѐньшая неурожайная полоса, обнимающая собою два сѣверные уѣзда тамбовской губерніи и юго-западный уголъ нижегородской.

сценъ, которыя съ такимъ искусствомъ рисуетъ В. Г. Короленко въ своихъ разсказахъ: „По Нижегородскому краю“ („Русскія Вѣдомости“, № 340). Въ дер. Дубровкѣ г. Короленко встрѣтился съ явленіемъ, на каждомъ шагу повторявшемся въ злополучномъ лукояновскомъ уѣздѣ: а именно, съ сокращеніемъ количества ссуды и числа семей, ее получающихъ. Крестьянамъ дается совѣтъ разсказать о своемъ горѣ земскому начальнику, когда онъ пріѣдетъ. „Пріѣдетъ, — иронически говорятъ мужики; — да онъ никогда и не бывалъ. — Ступайте къ нему.—Гонитъ.—Пошлите кого-нибудь въ Лукояновъ, въ продовольственную коммиссію, съ жалобой“. Послѣ этого совѣта,—продолжаетъ г. Короленко,—„недоразумѣніе принимаетъ новый характеръ. Передннхъ какъ-то отшатываетъ отъ меня, и вблизи образуется пустое пространство. Въ заднихъ рядахъ сразу смолкаютъ и гулъ, и ругательства, и жалобы. Мужики какъ-то настороживаются.—Это какъ же? —сдержанно спрашиваютъ впереди:—черезъ рядъ? Помимо то-есть начальника... жалобу?—Я объясняю, что жаловаться высшему начальству на низшее всегда можно. Вѣдь вы, говорю, у начальника были?—То-то были.—Отказалъ?—Ну!—Тишина становится напряженной.—Значитъ, теперь остается просить выше.—Нѣтъ!—рѣшительно и рѣзко говоритъ ближайшій ко мнѣ мужикъ, озираясь назадъ и какъ бы желая запечатлѣть свою мысль въ массѣ.—Намъ надо помирать, а черезъ рядъ на начальника... невозможно.—Картина рѣзко раздваивается. Впереди—лицемѣрное смиреніе, доходящее до готовности лучше помереть; сзади—ропотъ, ругательства, комментаріи въ родѣ того, что *гладомъ поморитъ, и то отвѣтъ*... И чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и рѣзче“... Конечно, далеко не всѣ уѣзды управляются по прошлогоднему лукояновскому образцу; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что порядки и пріемы нижегородской Камчатки были не столько чѣмъ-то прямо противоположнымъ общему типу, сколько доведеніемъ его до nec plus ultra, до крайнихъ предѣловъ послѣдовательности и прямолинейности. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: на обжалованіе продовольственныхъ распоряженій земскаго начальника, хотя бы они и были явно ошибочны, крестьянинъ рѣшится съ гораздо бо́льшимъ трудомъ, чѣмъ на обжалованіе распоряженій земской управы или ея уполномоченнаго. Что́ можетъ быть, повидимому, болѣе простымъ и легкимъ, чѣмъ принесеніе жалобы на рѣшеніе волостного суда? А между тѣмъ и оно встрѣчаетъ иногда на практикѣ чувствительныя препятствія. Вотъ, напримѣръ, что́ пишутъ „Недѣлѣ“ (№ 50) изъ смоленской губерніи: „нерѣдко копія съ рѣшенія волостного суда (необходимая для принесенія жалобы) берется чуть не съ боя. По какому-то странному недоразумѣнію,

волостной старшина, а равно и волостной писарь, относятся съ явно враждебнымъ чувствомъ къ крестьянамъ, задумавшимъ обжаловать рѣшеніе волостного суда. Имъ сдается, что въ этомъ случаѣ какъ бы затрогиваются ихъ личные интересы. Только въ благопріятныхъ случаяхъ мужикъ получаетъ копію во *второй* приходъ свой въ волость... А есть и такіе волостные старшины, которые съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ мѣшаютъ судебной крестьянской тяжбѣ. Имъ внушено земскимъ начальникомъ глядѣть за тѣмъ, чтобы не разводилось среди крестьянъ сутяжничество. Иной разъ старшина поусердствуетъ и, смѣшавъ сутяжничество съ обыкновенной тяжбой, тормозитъ дѣла, не терпящія отлагательства". Прибавимъ отъ себя, что сутяжничество—понятіе вообще до крайности неопредѣленное и растяжимое, весьма легко могущее обратиться въ источникъ запрета на самыя справедливыя требованія... Лично испытавъ на себѣ или зная по чужимъ разсказамъ, какъ трудно настоять на обжалованіи рѣшенія волостного суда, крестьянинъ тѣмъ болѣе призадумается надъ обжалованіемъ распоряженія земскаго начальника, въ особенности если въ основаніи жалобы должно лежать указаніе на явную неправильность обжалованныхъ дѣйствій.

Есть еще одно обстоятельство, затрудняющее обжалованіе крестьянами распоряженій земскаго начальника: это—все болѣе стушевывающееся различіе между тѣмъ, что̀ можетъ, и тѣмъ, чего не можетъ приказать или потребовать земскій начальникъ. Чѣмъ шире область вмѣшательства земскаго начальника въ крестьянскую жизнь, чѣмъ больше число случаевъ, въ которыхъ непосредственно отъ него зависитъ спокойствіе и благосостояніе крестьянина, тѣмъ щекотливѣе и неудобнѣе для послѣдняго идти въ разрѣзъ съ начальственной волей. Въ „Голосѣ землевладѣльцевъ" —о̀рганѣ чисто дворянскомъ и уже потому только не могущемъ навлечь на себя подозрѣніе въ предвзятомъ недовѣріи къ земскимъ начальникамъ — сообщено было недавно, что въ личномъ составѣ земскихъ начальниковъ совершается замѣтная перемѣна, и перемѣна не къ лучшему. Многіе изъ прежнихъ земскихъ начальниковъ уходятъ, вслѣдствіе „неладовъ съ губернскою администраціей", а мѣсто ихъ занимаютъ „люди мало подготовленные къ своей должности, не понимающіе даже ея значенія и власти, имъ предоставленной". Такъ, одинъ изъ нихъ недавно оштрафовалъ цѣлую деревню поголовно, по 50 коп. сер. съ человѣка, за то, что во время его проѣзда черезъ эту деревню одна изъ его лошадей оступилась въ ямку, бывшую на улицѣ. Тотъ же самый земскій начальникъ въ другой деревнѣ распорядился, чтобы послѣ 8 часовъ вечера всѣ собаки были на привязи, и проходя какъ-то

позже этого времени и встрѣтивъ на улицѣ собаку, выслѣдилъ ее до дому и оштрафовалъ владѣльца ея на 25 рублей". По словамъ „Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", земскіе начальники керенскаго уѣзда *заставили* крестьянъ вспахать съ осени всѣ поля, предназначенныя къ яровому посѣву 1893 г. „Принося благодарность гг. земскимъ начальникамъ за такую полезную мѣру,—говоритъ корреспондентъ пензенской газеты,—мы не можемъ обойти молчаніемъ того обстоятельства, что гг. земскими начальниками она только приведена въ исполненіе, а мысль о ней всецѣло принадлежитъ нашему достоуважаемому предводителю дворянства, Н. Х. Логвинову". „Идея предводителя дворянства,—замѣчаютъ по этому поводу „Русскія Вѣдомости",—вѣроятно соотвѣтствуетъ мѣстнымъ условіямъ климатическимъ и почвеннымъ; но энергія земскихъ начальниковъ керенскаго уѣзда и упрощенный способъ, избранный имъ для осуществленія этой идеи, заслуживаетъ только одного порицанія. Существуетъ, безъ сомнѣнія, очень много весьма полезныхъ средствъ для подъема урожайности полей; но если мы будемъ вводить ихъ въ жизнь силою, при помощи предписаній, мы вступимъ на опасный путь произвола и рискуемъ нанести во многихъ случаяхъ совершенно непоправимый вредъ земледѣлію. Сельское хозяйство—именно та область, которую невозможно подвести подъ одинъ шаблонъ; особенности каждаго селенія часто измѣняютъ теоретическія правила, повидимому весьма цѣлесообразныя. Чтобы убѣдиться во всей несообразности пріема, примѣненнаго земскими начальниками въ области крестьянскаго хозяйства керенскаго уѣзда, стоитъ только допустить возможность появленія приказа отъ начальства, который обязывалъ бы столь же безпрекословно частныхъ землевладѣльцевъ того же уѣзда произвести подобное хозяйственное улучшеніе на принадлежащей имъ землѣ"...

Соглашаясь вполнѣ съ этими соображеніями, мы укажемъ еще на одно существенно-важное неудобство принудительныхъ сельско-хозяйственныхъ нововведеній. Осенняя вспашка, какъ и всякая другая земледѣльческая работа, можетъ привести къ желанной цѣли только подъ условіемъ тщательнаго, добросовѣстнаго исполненія. Гарантіей такого исполненія, когда работа предпринимается по доброй волѣ крестьянъ и на собственной ихъ землѣ, служитъ ихъ личный интересъ, когда же она предпринимается на чужой землѣ—надзоръ хозяина и условія договора; но гдѣ искать гарантіи при работахъ, предписанныхъ, вынужденныхъ? Или ея не будетъ вовсе, или она явится въ видѣ начальническаго надзора. Земскому начальнику такой надзоръ окажется, безъ сомнѣнія, не по силамъ; онъ передастъ его полиціи, общей и сельской — а во что надзоръ можетъ обратиться подъ ея

руками, это не требуетъ поясненій [1]). Изъ цѣлаго ряда предписаній, напоминаній, понуканій неизбѣжно произойдутъ придирки, преслѣдованія, болѣе или менѣе энергическія „воздѣйствія"; крестьянинъ опять познакомится съ работой изъ-подъ палки, въ переносномъ, а можетъ быть и въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Всего этого не вознаградитъ даже успѣхъ—а успѣхъ можетъ и не быть достигнутъ, хотя бы вслѣдствіе не совсѣмъ усердной работы. Что подумаютъ крестьяне, увидѣвъ, что вспаханное съ осени поле дало не больше невспаханнаго? Какъ отнесутся они къ новому повторенію того же требованія?.. И когда же предпринимается, когда проповѣдуется этотъ поворотъ къ обязательному труду? Именно тогда, когда въ самихъ крестьянахъ пробуждается сознаніе необходимости нововведеній, когда на встрѣчу этому сознанію почти вездѣ идетъ земство, когда можно ожидать свободнаго—а слѣдовательно, и плодотворнаго—движенія по добровольно проложенной дорогѣ. Не говоримъ уже о томъ, что распоряженіе керенскихъ земскихъ начальниковъ не основано на законѣ: это слишкомъ очевидно. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что обязанность „попеченія о хозяйственномъ благоустройствѣ крестьянъ" (Полож. о земск. начальн., ст. 39)—ограниченная, притомъ ссылкой на немногіе и вовсе къ занимающему насъ вопросу не относящіеся пункты ст. 51 и 78 общ. полож. крест.—равносильна праву навязывать крестьянамъ любой способъ обработки полей, цѣлесообразный съ точки зрѣнія предводителя или земскаго начальника.

Исполненіе крестьянами, par ordre, тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ работъ представляетъ, въ нашихъ глазахъ, еще одну серьезную опасность. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ настоящее время у насъ въ обществѣ имѣются на-лицо „крѣпостническія стремленія"; это признаетъ даже та газета, которая сама къ нимъ въ значительной степени причастна [2]). Въ виду существованія такихъ стремленій, особенное и весьма нежелательное значеніе пріобрѣтаетъ всякая попытка ограничить личныя права крестьянъ, создать для нихъ подначальное положеніе даже въ тѣхъ сферахъ дѣятельности, гдѣ для всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ существуетъ полная свобода. Число подобныхъ попытокъ постоянно ростетъ, какъ бы подготовляя болѣе рѣшительныя мѣры „закрѣпостительнаго" (sit venia verbo)

---

[1]) Не знаемъ, изъ какого уѣзда пишетъ авторъ статей „Гражданина" (№ 343 и др.), озаглавленныхъ: „Противъ теченія" — быть можетъ, изъ того же керенскаго уѣзда. Какъ бы то ни было, здѣсь уже прямо говорится объ осенней вспашкѣ ярового поля, произведенной, по приказанію земскихъ начальниковъ, *съ помощью полиціи*.

[2]) См. выше, Внутреннее Обозрѣніе.

свойства. Вотъ, напримѣръ, какъ разсуждаетъ одинъ изъ прожектеровъ, расплождающихся въ послѣднее время, съ еще большею быстротою, чѣмъ въ ту эпоху, которая изображена Салтыковымъ въ „Дневникѣ провинціала". Признавая, что лицо, достигшее совершеннолѣтія, можетъ, „будучи граждански-правоспособнымъ и самостоятельнымъ, располагать собою и избирать родъ жизни и занятій", сотрудникъ „Гражданина" (№ 340) спѣшитъ установить исключеніе изъ этого правила по отношенію къ крестьянамъ: онъ предлагаетъ возобновлять паспорта крестьянъ, проживающихъ въ городахъ, только подъ условіемъ высылки ими въ деревню „достаточнаго", соразмѣрно съ лежащими на ихъ дворѣ платежами, количества денегъ. „Воззрѣніе общихъ гражданскихъ правъ" объявляется „ложнымъ", какъ только заходитъ рѣчь не объ обыкновенномъ гражданинѣ, а о крестьянинѣ. И это только одинъ примѣръ изъ числа многихъ и очень многихъ. Отъ такихъ взглядовъ недалеко и до другихъ, болѣе рѣшительныхъ, прямо подкапывающихся подъ свободу всѣхъ вообще крестьянъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ ихъ категорій. Почему бы, напримѣръ, не запретить крестьянамъ отлучку изъ мѣста жительства, пока всѣ окрестные помѣщики не обезпечены нужнымъ числомъ рабочихъ? Почему бы не поставить недоимщиковъ подъ спеціальную опеку сосѣдняго землевладѣльца? Такія или аналогичныя мысли несомнѣнно бродятъ въ умахъ, особенно чуткихъ къ моднымъ вѣяніямъ. О переходѣ ихъ изъ области мечтаній въ область дѣйствительности не можетъ, конечно, быть и рѣчи: но вредно уже самое ихъ появленіе и распространеніе, неизбѣжно ведущее къ тому, что на крестьянъ все больше и больше привыкаютъ смотрѣть какъ на существа низшаго порядка. Весьма характеристичной иллюстраціей этого извращенія понятій можетъ послужить слѣдующее сообщеніе „Сельскаго Вѣстника": „Въ вятской губерніи недостатокъ рабочихъ лошадей (послѣдствіе неурожайнаго года) вынудилъ безлошадныхъ крестьянъ изыскивать способы, какъ обработать землю. Пробовали-было копать землю лопатами и мотыгами, а заборанивать граблями, но этотъ способъ оказался слишкомъ медленнымъ и неудобнымъ. Послѣ этого вздумали попробовать пахать человѣческой силой. Съ этой цѣлью одинъ трудолюбивый домохозяинъ, имѣющій довольно порядочную семью; но безлошадный, испробовалъ *пахать на себѣ*. Онъ не постыдился поставить ребятъ своихъ въ косулю, выѣхалъ (?) въ поле, и началась пашня. Глядя на него, стали такимъ же образомъ пахать и другіе. И вотъ, съ легкой руки этого крестьянина, въ одной волости стали такъ работать очень многіе. Этимъ пахарямъ стали подражать крестьяне другихъ волостей. Работа пошла дружно сговаривались три—четыре семьи и общими силами пахали и боро-

нили. Работали всѣ, мужчины и женщины, пожилые и молодые. Работа шла такъ быстро, что, не видѣвши, трудно было бы повѣрить. Для поощренія такихъ тружениковъ, земскій начальникъ обѣщалъ давать на время полевыхъ работъ каждому рабочему муку изъ благотворительныхъ запасовъ, сверхъ ссуды отъ земства". Приведя этотъ фактъ, „Сельскій Вѣстникъ" выражаетъ желаніе знать, повторяется ли онъ въ другихъ мѣстахъ; много ли крестьянъ, „пашущихъ на себѣ"; каковъ урожай на вспаханной такимъ образомъ землѣ; примѣняется ли тотъ же самый способъ обработки къ озимымъ полямъ? Разузнать,—замѣчаютъ по этому поводу „Русскія Вѣдомости",—„гдѣ именно крестьяне доведены нуждою до необходимости запрячься въ соху, было бы, дѣйствительно, весьма полезно; но цѣлью такого разслѣдованія должно быть, разумѣется, не удовлетвореніе только любознательности редакціи „Сельскаго Вѣстника".—И дѣйствительно, нельзя не удивляться точкѣ зрѣнія, съ которой „Сельскій Вѣстникъ" смотритъ на одинъ изъ самыхъ печальныхъ фактовъ современной жизни. „Пахать на себѣ", т.-е. нести страшно утомительную работу, теряя массу времени и все-таки едва ли достигая результатовъ, доступныхъ даже для плохой лошаденки — это явленіе до крайности ненормальное, при видѣ котораго естественно подумать только объ одномъ: какъ бы скорѣе положить ему конецъ, возвративъ крестьянину необходимаго „слугу и товарища" — рабочую лошадь. Серьезно ставить новый способъ вспашки въ примѣръ другимъ, спокойно наводить справки о степени его распространенія,—значитъ, видѣть въ крестьянинѣ исключительно рабочую силу, а не человѣка, сотвореннаго также по образу и подобію Божію.

Намъ приходилось уже нѣсколько разъ отмѣчать факты, свидѣтельствующіе о томъ, что добрыя земскія преданія и привычки сохранились кое-гдѣ и въ преобразованномъ земствѣ. Къ числу такихъ отрадныхъ фактовъ, уравновѣшивающихъ, хотя отчасти, извѣстія противоположнаго свойства, мы можемъ прибавить еще два. Въ псковскомъ уѣздѣ, по словамъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 325), дворянство, послѣ введенія въ дѣйствіе новаго земскаго положенія „раздѣлилось на двѣ партіи. Одна изъ нихъ желаетъ дальнѣйшаго развитія всѣхъ тѣхъ мѣропріятій, которыя были предприняты псковскимъ уѣзднымъ земствомъ по народному здравію, по народному образованію, по организаціи кредита, по улучшенію сельскаго хозяйства и т. д. Противники этой партіи отрицаютъ необходимость развитія земской дѣятельности и прежде всего требуютъ сокращенія расходовъ, рекомендуя больницы обратить въ пріемные

покои, большинство школъ закрыть, дорожную повинность съ денежной перевести въ натуральную и отправленіе ея возложить на крестьянъ и т. д. Интересъ этой борьбы увеличивается тѣмъ, что къ дворянамъ, поддерживающимъ земство, принадлежатъ старинныя фамиліи, и во главѣ ея стоятъ извѣстныя своей дѣятельностью лица (Н. А. Вагановъ, Н. Ф. Фанъ-деръ-Флитъ, ген.-лейт. баронъ Медемъ и др.). Въ борьбу же съ ними вступили, главнымъ образомъ, молодые люди подъ предводительствомъ мѣстныхъ земскихъ начальниковъ... Первымъ предсѣдателемъ псковской уѣздной земской управы былъ Н. А. Вагановъ; занимая эту должность 12 лѣтъ, онъ поставилъ псковское уѣздное земство на тотъ путь, по которому оно и продолжало идти. Однимъ изъ сотрудниковъ Н. А. Ваганова былъ членъ управы, крестьянинъ Д. И. Ивановъ, избранный впослѣдствіи въ предсѣдатели управы. Смѣстить его имѣла въ виду партія противниковъ земства. Однако, наиболѣе ретивые изъ членовъ ея въ гласные не попали; они были забаллотированы отъ дворянъ, а согласно закону они не могли баллотироваться отъ другихъ сословій. Новое земское положеніе въ этомъ случаѣ было противъ нихъ... Занятія собранія носили серьезный, дѣловой характеръ. Смѣта безъ серьезныхъ основаній не урѣзывалась, число школъ не сокращалось. Составъ уѣздной управы тоже не перемѣнился. Д. И. Ивановъ, какъ крестьянинъ, не могъ оставаться предсѣдателемъ и потому избранъ въ члены управы, а предсѣдателемъ управы выбранъ бывшій членъ управы В. В. Назимовъ". Все это было бы очень утѣшительно, еслибы не тотъ зловѣщій фактъ, что партія „разрушителей" состояла, преимущественно изъ молодежи, а во главѣ защитниковъ земской традиціи стоятъ люди пожилые! Чего же слѣдуетъ ожидать, когда послѣдніе сойдутъ со сцены, а первые останутся господами положенія?... Нельзя не пожалѣть и о томъ, что человѣкъ, нѣсколько трехлѣтій сряду съ честью занимавшій должность предсѣдателя уѣздной земской управы, не могъ сохранить ее за собою только потому, что принадлежитъ къ крестьянскому сословію.

Другой уѣздъ, откуда идутъ хорошія вѣсти—борисоглѣбскій (тамбовской губерніи). Здѣсь очередное земское собраніе постановило принять все дѣло народнаго образованія въ уѣздѣ на счетъ земства и съ будущаго года открыть школы въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ болѣе 200 дворовъ (такихъ селеній 10); ремонтировать существующія училищныя помѣщенія; назначить вторыхъ учителей, гдѣ болѣе 80 учениковъ; суммы, поступающія отъ сельскихъ обществъ на учебное дѣло, зачислять въ спеціальный училищный капиталъ на ремонтъ школьныхъ помѣщеній; на содержаніе 45 существующихъ училищъ въ 1893 году ассигновать 23.160 руб., вмѣсто назначавшихся до того

времени 12.250 руб. въ годъ. Кромѣ того, на постройку 10 новыхъ училищъ назначено на 1893 годъ—9.550 руб. „Новое Время", № 6037). Такая рѣшительная перемѣна къ лучшему составляла рѣдкое явленіе даже въ исторіи до-реформенныхъ земскихъ учрежденій.

Замѣчательно мало распространены въ нашемъ обществѣ точныя свѣденія даже о такихъ учрежденіяхъ, которыя имѣютъ особенное право на общественное вниманіе. Таковы, напримѣръ, высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ—единственное образовательное заведеніе этого рода, уцѣлѣвшее послѣ мѣропріятій 1886 г. Часто приходится слышать мнѣніе, что они существуютъ исключительно на счетъ правительственной субсидіи и платы, вносимой самими слушательницами за слушаніе лекцій, а общество доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ даетъ имъ только помѣщеніе, съ обстановкой, да еще стипендіи для небольшого числа слушательницъ. Высказывается это мнѣніе, иногда, даже такими лицами, которыя стоятъ близко къ курсамъ и имѣютъ полную возможность знать ихъ дѣйствительное положеніе. На самомъ дѣлѣ роль общества, заботящагося о высшихъ курсахъ, гораздо шире и важнѣе. За первые три года существованія курсовъ, въ настоящемъ ихъ видѣ, субсидія министерства народнаго просвѣщенія (3.000 руб. въ годъ, всецѣло идущіе на содержаніе директора курсовъ) и платежи слушательницъ составили только 65.580 руб., или 58% всѣхъ расходовъ на курсы, простирающихся до 109 тыс. рублей; вся разница покрыта обществомъ, доходы котораго слагаются изъ членскихъ взносовъ, пожертвованій, субсидіи городской думы, сборовъ съ вечеровъ, базаровъ и т. п. Необходимо прибавить къ этому, что общество, черезъ членовъ своего комитета, безвозмездно ведетъ все хозяйство курсовъ и устроеннаго при нихъ общежитія. Въ настоящее время открыты, на обоихъ отдѣленіяхъ (словесно-историческомъ и физико-математическомъ), всѣ четыре курса; слушательницъ числится всего 385, т.-е. почти полный комплектъ, опредѣленный правилами 1889 г. (четыреста). На словесно-историческомъ отдѣленіи состоитъ 298 слушательницъ, на физико-математическомъ—только 87. Это объясняется исключеніемъ изъ программы физико-математическаго отдѣленія наукъ естественныхъ. Пока онѣ преподавались на курсахъ (до 1889 г.), физико-математическое отдѣленіе всегда было многочисленнѣе словеснаго; такъ, напримѣръ, въ 1884-85 учебномъ году на первомъ было 562 слушательницы, на второмъ—289. До 1885 г. включительно окончили курсъ ученья по словесному отдѣленію—130, по физико-математическому—247. Какъ бы то ни было, высшіе жен-

скіе курсы и въ настоящемъ своемъ видѣ представляются учрежденіемъ чрезвычайно полезнымъ. Общество, ихъ основавшее, поддержавшее въ трудную минуту и поддерживающее до сихъ поръ, заслуживаетъ благодарности всѣхъ тѣхъ, кому дорого русское просвѣщеніе. Необходимо распространять правильныя представленія о его дѣятельности, чтобы обезпечить за нимъ сочувствіе и содѣйствіе образованной публики.

Въ Томскѣ существуетъ общество естествоиспытателей и врачей, открытое почти одновременно съ томскимъ университетомъ. Первымъ предсѣдателемъ его былъ попечитель западно-сибирскаго учебнаго округа, В. М. Флоринскій. По окончаніи трехлѣтія, на которое онъ былъ избранъ, общество, въ засѣданіи 25-го сентября прошлаго года, должно было приступить къ избранію вновь предсѣдателя, а также товарища предсѣдателя и казначея. Два члена общества, профессора томскаго университета, предложили просить прежнихъ членовъ правленія сохранить свое званіе и на слѣдующее трехлѣтіе, въ виду ихъ несомнѣнныхъ заслугъ передъ обществомъ. Противъ этого было заявлено, что уставъ общества прямо требуетъ избранія должностныхъ лицъ закрытою баллотировкою. Такое заявленіе должно было, повидимому, положить конецъ всякимъ недоумѣніямъ; тѣмъ не менѣе вопросъ о способѣ производства выборовъ былъ пущенъ на голоса, и за соблюденіе устава высказалось только большинство 17 голосовъ противъ 15. Закрытою баллотировкой въ предсѣдатели общества былъ выбранъ, затѣмъ, профессоръ Салищевъ, большинствомъ 22 голосовъ противъ 5; В. М. Флоринскій получилъ 14 голосовъ избирательныхъ и 16 неизбирательныхъ. Товарищемъ предсѣдателя остался профессоръ Маліевъ, казначеемъ — проф. Леманъ. Когда результатъ выборовъ сдѣлался извѣстнымъ, профессоръ Судаковъ отказался отъ званія секретаря правленія; на мѣсто его былъ избранъ проф. Курловъ. Предложеніе новаго предсѣдателя объ избраніи В. М. Флоринскаго въ почетные члены общества было встрѣчено собраніемъ сочувственно. Никакихъ дальнѣйшихъ инцидентовъ въ собраніи 25-го сентября не происходило; тѣмъ богаче ими было слѣдующее общее собраніе, состоявшееся 24-го октября. Семнадцать членовъ общества, бо́льшею частью профессора университета или служащіе по учебному вѣдомству (инспекторъ студентовъ, директоръ и преподаватель реальнаго училища, смотритель уѣзднаго училища) — прислали письменныя заявленія о выходѣ своемъ изъ среды общества. Къ числу вышедшихъ принадлежитъ, между прочимъ, профессоръ Маліевъ, избранный въ собраніи 25-го сентября товарищемъ предсѣдателя общества и не отказавшійся тогда отъ при-

нятія этого званія. Въ большей части заявленій, прочитанныхъ въ собраніи 24-го октября, нѣтъ объясненія причинъ, которыми они вызваны; но есть и заявленія мотивированныя, одни — рѣшительно и кратко, другія—весьма подробно. Въ письмѣ проф. Бурзинскаго поводомъ къ выходу изъ общества указывается забаллотированіе бывшаго предсѣдателя. „Въ засѣданіи 25-го сентября,—пишетъ инспекторъ студентовъ, г. Еленевъ, — были нарушены столь рѣзко и намѣренно обычныя и обязательныя для всякаго учрежденія правила приличія и вѣжливости, что лицамъ, которымъ дорога честь университета, не остается другого выбора, какъ покончить свои отношенія къ обществу, допустившему возможность прискорбныхъ явленій подобнаго рода" (въ протоколѣ засѣданія 25-го сентября нѣтъ ни малѣйшаго намека на какое бы то ни было нарушеніе приличій). Совершенно иначе мотивируетъ свое удаленіе изъ общества профессоръ Судаковъ (въ засѣданіи 25-го сентября отказавшійся только отъ званія секретаря, но не отъ званія члена общества). „Замѣтивъ, — пишетъ онъ, — что преобладающее большинство членовъ общества, оказавшихся избирателями въ засѣданіи 25-го сентября, состояло изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу служащихъ въ университетѣ и, самое главное, до сихъ поръ принимавшихъ только весьма слабое участіе въ трудахъ общества, я, конечно, долженъ былъ предполагать, что составъ правленія, избраннаго при такихъ условіяхъ, едва ли имѣетъ неоспоримое нравственное право принять на себя предложенныя ему на слѣдующее трехлѣтіе обязанности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять на себя всю отвѣтственность за дальнѣйшій ходъ и преуспѣяніе дѣла, организованнаго и сформированнаго лицами, которымъ по всѣмъ правамъ и соображеніямъ должна принадлежать руководящая роль и въ слѣдующемъ ближайшемъ будущемъ". Судя по протоколу засѣданія 24-го октября, это заявленіе несогласно съ фактами. Изъ тридцати членовъ, участвовавшихъ въ собраніи 25-го сентября, служащихъ въ университетѣ было *двадцать-одинъ* (10 профессоровъ и 11 ассистентовъ, лаборантовъ и т. д.), т.-е. значительное большинство; изъ остальныхъ девяти—пятеро дѣлали въ засѣданіяхъ общества научныя сообщенія и, слѣдовательно, не могутъ считаться принимавшими лишь „весьма слабое участіе" въ его трудахъ. Но вотъ еще письмо профессора Репрева. „Я былъ свидѣтелемъ, — говоритъ онъ, — забаллотированія въ предсѣдатели господина попечителя западно-сибирскаго округа, его превосходительства Василія Марковича Флоринскаго. Не допускаю мысли, чтобы облеченные довѣріемъ правительства профессоры императорскаго томскаго университета, бывшіе въ засѣданіи сего 25-го сентября, могли участвовать въ забаллотированіи въ предсѣдатели

господина попечителя западно-сибирскаго округа, — округа, къ которому принадлежитъ и императорскій томскій университетъ"... Напомнивъ о нежеланіи большинства оставить прежнее правленіе безъ баллотировки, г. Репревъ продолжаетъ такъ: „предсѣдатель жившаго три года вполнѣ научной жизнью общества, его основатель, высшій представитель императорскаго томскаго университета, при которомъ общество состоитъ, зависящее въ своихъ главныхъ рѣшеніяхъ отъ совѣта университета, т.-е. отъ корпораціи профессоровъ, — предсѣдатель, научная опытность и дѣятельность котораго, какъ бывшаго въ теченіе 25 лѣтъ профессоромъ, не можетъ и сравниваться съ научной дѣятельностью кого-либо изъ представителей юнаго университета, а тѣмъ паче съ заслугами на почвѣ естествознанія и медицины другихъ его членовъ; — предсѣдатель, облеченный довѣріемъ Высшей Власти, облеченный довѣріемъ перваго и главнаго хранителя научныхъ интересовъ Россіи, его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, облеченный единогласнымъ довѣріемъ гг. профессоровъ-учредителей общества, оказался недостойнымъ довѣрія только-что народившагося общества врачей и естествоиспытателей въ Томскѣ: его превосходительство Василій Марковичъ Флоринскій оказался забаллотированнымъ... По отсутствію какихъ бы то ни было ясныхъ мотивовъ для такой оцѣнки предъидущей его дѣятельности въ качествѣ предсѣдателя общества, долженствующаго преслѣдовать только научныя цѣли, считаю недовѣріе, выраженное обществомъ лицу, которому ввѣрены высшіе интересы того же университета, при которомъ состоитъ общество, — недовѣріемъ оскорбительнымъ для университета и для себя лично, какъ принадлежащаго къ составу профессоровъ императорскаго томскаго университета". Послѣ прочтенія этого письма было замѣчено, что баллотировать предсѣдателя и другихъ членовъ правленія общее собраніе было *обязано*, на основаніи устава общества, и что объ оскорбленіи университета не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ вновь избранный предсѣдатель принадлежитъ къ числу профессоровъ его. „Я не понимаю", — воскликнулъ одинъ изъ членовъ общества, томскій губернскій прокуроръ Мальцевъ, — какое право имѣетъ членъ общества читать обществу вовсе не поучительныя нотаціи, рѣзко и настойчиво навязывать обществу свои взгляды, дѣлать ему выговоры? Не слишкомъ ли много беретъ на себя г. Репревъ?!... Письмо г. Репрева возмутительно и по самому тону своему: оно какъ бы стремится къ тому, чтобы умалить или унизить и оскорбить общество разными намеками... Но общество, какъ лицо юридическое и потому существо идеальное, не можетъ быть оскорблено: оно стоитъ выше всякихъ оскорбленій... Письма, на-

правленныя на оскорбленіе общества, унижають лишь тѣхъ, кто ихъ пишетъ"... Эпилогомъ всей этой печальной исторіи являются статьи двухъ столичныхъ газетъ („Новаго Времени" и „Московскихъ Вѣдомостей"), рѣшительно становящіяся на точку зрѣнія г. Репрева и осыпающія насмѣшками какъ общество, которому остается только пополнить свои ряды гимназистами, такъ и въ особенности *прокурора*, осмѣлившагося возвысить свой голосъ въ собраніи *естествоиспытателей* и *врачей*.

И самыя событія, происшедшія въ средѣ томскаго ученаго общества, и отношеніе къ нимъ печати доказываютъ, въ нашихъ глазахъ, только одно: слабое развитіе у насъ культурности, непониманіе самыхъ простыхъ, элементарныхъ истинъ. Только у насъ однихъ можетъ возникать вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли соблюдать законъ, или не слѣдуетъ; только у насъ можно усматривать въ неизбраніи кого-либо на какую-либо должность личное для него оскорбленіе; только у насъ можно примѣшивать къ частному дѣлу соображенія оффиціальнаго характера и считать подчиненныхъ обязанными обижаться за своего начальника, хотя бы рѣчь шла о такой сферѣ дѣятельности, въ которой всѣ равны, въ которой не должно быть мѣста для чиновъ, титуловъ и іерархическихъ отличій. Мы знаемъ и высоко цѣнимъ заслуги В. М. Флоринскаго, какъ неутомимаго борца за сибирскій университетъ; но тѣмъ прискорбнѣе для насъ видѣть неуклюжія и, конечно, непрошенныя услуги, оказываемыя ему слишкомъ усердными приверженцами. Можно быть выдающимся научнымъ дѣятелемъ, горячимъ проводникомъ хорошихъ начинаній—и не соединять въ себѣ условій, необходимыхъ для руководителя ученаго общества. Такъ ли это было въ данномъ случаѣ—объ этомъ мы судить не можемъ; но такъ объ этомъ, очевидно, думало большинство присутствовавшихъ въ собраніи 25-го сентября. Кто находилъ, что для пользы общества лучше поставить въ его главѣ новое лицо, тотъ имѣлъ не только юридическое, но и нравственное право подать голосъ за другое лицо. Меньшинству оставалось только подчиниться мнѣнію, котораго оно не раздѣляло, и не ставить на карту, изъ-за чисто личнаго вопроса, все будущее общества. Оно поступило иначе—а нѣкоторые его члены явились даже самозванными судьями надъ большинствомъ, непризванными его обвинителями. Послѣ этого совершенно понятно, что обвиненіе такого рода, да еще основанное на такихъ мотивахъ, какими наполнено письмо г. Репрева, должно было возбудить негодованіе въ участникахъ засѣданія 24-го октября. Возмущаться тѣмъ, что выразителемъ этого негодованія явился, между прочимъ, *губернскій прокуроръ*, опять-таки можно только у насъ, въ силу традиціон-

ъ вывѣской, передъ кличкой, передъ известнымъ числомъ и цвѣтомъ мандаринскихъ шариковъ. Занятія юриспруденціей не исключаютъ возможности обширныхъ свѣденій въ естественныхъ наукахъ. Если прокуроръ избранъ въ члены общества естествоиспытателей, то къ тому, безъ сомнѣнія, были достаточныя причины — а разъ что онъ членъ общества, ему принадлежать тѣ же права, какъ и всѣмъ его коллегамъ; до служебнаго положенія, занимаемаго имъ внѣ общества, никому нѣтъ и не должно быть дѣла. Да и самый вопросъ, по которому говорилъ г. Мальцевъ, не заключалъ въ себѣ ничего спеціальнаго, научнаго; чтобы судить о немъ, не нужно было ничего, кромѣ здраваго смысла. В. М. Флоринскій поступилъ съ гораздо бо́льшимъ тактомъ, чѣмъ его поклонники; онъ не вышелъ изъ числа членовъ общества (по крайней мѣрѣ въ протоколѣ засѣданія 24-го октября нѣтъ на то никакихъ указаній). Нужно надѣяться, что его примѣръ подѣйствуетъ успокоительно и на другихъ, и что наиболѣе благоразумные изъ членовъ меньшинства возвратятся въ среду общества, могущаго принести столько пользы отдаленному и мало изслѣдованному краю.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отчетъ по изданію „Книги о книгахъ", по; профессора И. И. Янжула, въ пользу постр; неурожая.

Первоначально предположено было печатать книгу въ ко; Превысившій всякія ожиданія успѣхъ подписки побудилъ р издание до 3.600 экз., а позднѣе и до 4.800 экз., когда уже 10 листовъ. Цѣна книги—по подпискѣ 2 р., по выходѣ въ с тома. Съ объявленной цѣны назначена уступка книгопрода

Расходы по изданію:

За переписку рукописей и др. мелкіе расходы .	
За публикацію въ Моск. Вѣд.	
За наборъ, печать и брошюровку	1.
За бумагу	1.
Всего израсходовано . . .	3.1

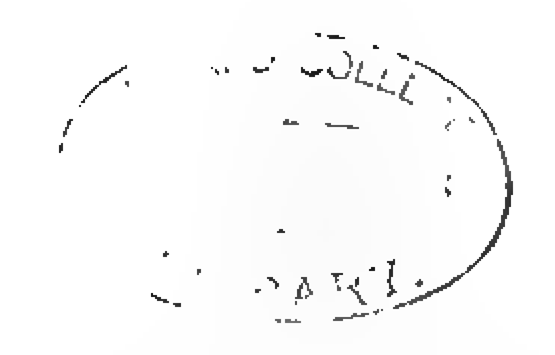
Приходъ:

Пожертвовано Д. И. Тихомировымъ	1.(
Продано до 10 окт. 4.274 экз. книгъ на сумму. .	7.:
Продано остатковъ бумаги	
Всего получено	8.:

Чистая прибыль къ 10 окт. составляла 5.146 р. 95 к. отослано на прокормленіе голодающихъ: 10 мая — 4.500 р., уплачено за пересылку денегъ 12 р. 99 к., а всего изъ чист ходовано 5.112 р. 99 к. Оставалось къ 10 окт. денегъ 33 р. ныхъ книгъ 526 экз.

Редакція „Книги о книгахъ" приноситъ глубочайшую бл лицамъ, потрудившимся на пользу изданія и способствовави раго дѣла.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлеві

ЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ АМЕРИКѢ

Изъ личныхъ воспоминаній.

V *).

383 года мой лѣсопильный заводъ былъ заваленъ тесъ. Чтобы справиться съ ними, мнѣ пришлось ночь съ двумя смѣнами рабочихъ. Возить бревна все дальше и дальше, и обходились они мнѣ все же, такъ что, наконецъ, дошло до того, что басъ къ нулю; приходилось или передвинуть заводъ ƴ, или какимъ-нибудь образомъ удешевить доставку ь разъ въ это время маленькая желѣзная дорога, черезъ наше мѣстечко, мѣняла рельсы — страна ась, и тѣ мелкіе рельсы, съ которыми она была чала, не могли выносить болѣе тяжелые локомотивы купилъ очень дешево нѣсколько миль этихъ рельій локомотивъ и нѣсколько открытыхъ вагоновъ недѣли выстроилъ желѣзную дорогу въ 3 мили, къ чнику лѣса. Мои подводы подвозили бревна къ этой амъ мой маленькій поѣздъ доставлялъ ихъ къ заыло такъ много и цѣна на тесъ стояла настолько ь два—три мѣсяца вся дорога была сполна оплачена. зезумѣется, что постройка этой короткой желѣзноя, произведенная мною поденно и подъ непосреднымъ наблюденіемъ, дала мнѣ нѣкоторое понятіе пти, такъ и о другихъ условіяхъ мѣстнаго желѣзно-

---

, 55 стр.

дорожнаго дѣла, такъ что когда, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, одна изъ желѣзно-дорожныхъ компаній на югѣ штата вызвала желающихъ взять подрядъ на укладку рельсовъ и другой работы на значительной побочной вѣтви, я могъ явиться однимъ изъ конкуррентовъ, и получилъ подрядъ, на которомъ и сдѣлалъ нѣсколько тысячъ чистаго барыша, а главное, еще ближе ознакомился со всѣми подробностями и условіями желѣзно-дорожнаго дѣла на практикѣ. До этого времени я не имѣлъ абсолютно никакой теоретической подготовки въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ — на родинѣ ни въ школѣ, ни въ дѣйствительной жизни, я никогда не имѣлъ случая даже самымъ поверхностнымъ образомъ заняться имъ; но въ Америкѣ не спрашиваютъ аттестатовъ, и часто пасторъ торгуетъ въ лавкѣ или строитъ домъ, а ученый инженеръ съ аттестатомъ работаетъ подъ его руководствомъ.

Лѣсъ между тѣмъ быстро исчезалъ по обѣимъ сторонамъ моей маленькой дороги. Я разсчиталъ, что какъ только приходилось возить его на подводахъ далѣе трехъ-четвертей мили, такъ было выгоднѣе продолжать линію—и такимъ образомъ въ теченіе какихъ-нибудь шести мѣсяцевъ дорога незамѣтно выросла до 7 миль, или около 10 верстъ длины. Явились пассажиры, явились грузы—все это давало доходъ и заставляло оцѣнить дорогу и помимо бревенъ; кромѣ того, нѣсколько маленькихъ мѣстечекъ и крупныхъ землевладѣльцевъ стали предлагать довольно выгодныя для меня условія, если я продолжу дорогу къ нимъ и дамъ имъ правильныя сообщенія. Я навелъ справки относительно земель штата, которыя лежали на моемъ пути; оказалось, что около семисотъ тысячъ акровъ подлежали передачѣ первой желѣзно-дорожной линіи, которая будетъ выстроена именно въ этомъ направленіи; кромѣ того, одна крупная поземельная компанія, только-что купившая у штата около четырехсотъ тысячъ акровъ, предлагала одну четверть всѣхъ земель, ей принадлежавшихъ и лежавшихъ въ разстояніи 6 миль по обѣимъ сторонамъ предположенной линіи. Я съѣздилъ въ столицу штата, досталъ хартію на постройку новой линіи, заключилъ контракты съ властями штата и съ вышеупомянутой поземельной компаніей, и чрезъ недѣлю три отряда инженеровъ были уже въ полѣ, производя предварительныя изысканія по постройкѣ линіи отъ рѣки С.-Джонса до Мексиканскаго залива, около 150 миль длины, проходившей по новымъ, рѣдко заселеннымъ мѣстамъ и связывавшей судоходство по С.-Джонсу съ судоходствомъ залива. Предварительная смѣта показывала, что постройка и экипировка линіи должны обойтись приблизительно въ два милліона долларовъ.

Наличныхъ денегъ у меня не было совсѣмъ—все, что̀ я имѣлъ, заключалось въ землѣ, заводахъ и моемъ подрядномъ дѣлѣ. Все-таки я ни минуты не сомнѣвался въ успѣхѣ—и дѣйствительно дорога была построена, экипирована и въ полномъ ходу черезъ полтора года послѣ того дня, какъ я получилъ хартію отъ штата на ея постройку.

Какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, я прежде всего занялся образованіемъ компаніи для постройки дороги и черезъ нѣсколько дней нашелъ подходящихъ людей. Самъ я внесъ въ компанію все мое имущество, по извѣстной оцѣнкѣ—имущество это должно было служить основаніемъ для приданія новой компаніи извѣстнаго финансоваго положенія. Мой партнеръ по магазину, о которомъ я уже говорилъ въ предъидущей главѣ, внесъ свою часть въ дѣлѣ, опять-таки по оцѣнкѣ—и, наконецъ, два новыхъ члена (одинъ—англичанинъ, только-что продавшій серебряный рудникъ въ Невадѣ и переѣхавшій во Флориду на жительство, а другой—шведъ, жившій во Флоридѣ уже около десяти лѣтъ и успѣвшій сколотить значительное состояніе) внесли по пятнадцати тысячъ долларовъ наличными,—и съ этими-то средствами и съ имѣвшимся у меня кредитомъ я началъ и кончилъ дорогу.

Какъ только компанія была образована, я былъ выбранъ ея президентомъ и главнокомандующимъ съ неограниченными полномочіями. Къ этому времени инженеры уже окончили около 30 миль окончательнаго расположенія линіи; немедленно около 500 человѣкъ рабочихъ было поставлено на земляную работу и на рубку шпалъ, и линія быстро подвигалась впередъ. Главною задержкою были не деньги, а многочисленныя затрудненія по опредѣленію окончательнаго расположенія, такъ какъ въ случаѣ отсутствія добровольной уступки владѣльцами земли права на путь (right of way) приходилось обращаться къ закону объ отчужденіи этого права; землевладѣніе было по преимуществу очень мелкое, и цѣлые десятки случаевъ являлись одинъ за другимъ и задерживали работу. Нашъ компаньонъ-шведъ вмѣстѣ съ адвокатомъ провелъ цѣлыхъ полтора года за этой работой, и даже послѣ того, какъ дорога была окончена и въ полномъ ходу, у насъ оставалось на рукахъ около пятидесяти неразрѣшенныхъ дѣлъ, въ которыхъ намъ приходилось давать поручительства въ уплатѣ убытковъ, если таковые будутъ присуждены просителямъ; судьи давали намъ въ такомъ случаѣ разрѣшеніе на производство работы, не ожидая судебнаго разбирательства.

Тогда какъ, съ одной стороны, весьма многіе на пути старались по возможности сорвать съ насъ все, что̀ могли,—или за

право на путь, или за лѣсъ на шпалы, или за землю на насыпи,— съ другой стороны, весьма многіе старались помочь намъ всѣмъ, чѣмъ могли. Многіе предлагали цѣлую половину всей земли, если мы проведемъ линію извѣстнымъ образомъ; происходила настоящая торговля относительно направленія линіи, и къ тому времени, какъ ея окончательное расположеніе было установлено, наша компанія владѣла многими десятками тысячъ акровъ земли и почти всѣми станціями. Нѣсколько новыхъ городовъ возникли на линіи; гдѣ мы рѣшали поставить станцію, тамъ немедленно выростали магазины и являлся почтамтъ, и т. д., и т. д. Я провелъ лично нѣсколько мѣсяцевъ на линіи, руководя инженерами. Каждый футъ дороги былъ мнѣ извѣстенъ, и часто приходилось перемѣнять расположеніе, благодаря крупному пожертвованію того или другого лица. На физическія препятствія мы обращали весьма мало вниманія—главною основою расположенія была будущность дороги относительно фрахтовъ и удобства эксплуатаціи. Въ одномъ мѣстѣ мы перерѣзали озеро въ двѣ мили ширины и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 25 футовъ глубины, а въ другомъ прорѣзали значительную цѣпь холмовъ, съ насыпями и выемками до 70 футовъ глубины; на берегу Мексиканскаго залива пересѣкли нѣсколько широкихъ морскихъ рукавовъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ засыпали глубокія кипарисныя болота, и вообще преодолѣли значительныя трудности. Я замѣчу при этомъ, что моимъ главнымъ инженеромъ былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 22-хъ, до этихъ поръ служившій клеркомъ на сѣверѣ,—и землемѣрство, и инженерное искусство—все было схвачено имъ на-лету, въ теченіе какихъ-нибудь шести мѣсяцевъ. Когда онъ переѣхалъ во Флориду, то поступилъ рабочимъ въ отрядъ инженеровъ, пролагавшихъ желѣзнодорожную линію для другой компаніи на югѣ штата, случайно встрѣтился со мною, произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе и былъ приглашенъ мною занять должность главнаго инженера, которую занимаетъ и до настоящаго времени.

Я считаю нелишнимъ дать еще нѣкоторыя подробности относительно постройки желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ, такъ какъ я помню очень хорошо тѣ фантастическіе разсказы, которые мнѣ случалось читать, относительно этого дѣла, на русскомъ языкѣ.

Какъ я уже имѣлъ случай упомянуть выше, я не имѣлъ рѣшительно никакого понятія объ этомъ дѣлѣ въ Россіи; поэтому я не могу сравнивать, а могу только дать описаніе того, что̀ въ дѣйствительности дѣлается въ Америкѣ въ настоящее время.

Подъемы на всѣхъ линіяхъ, исключая горныхъ участковъ въ

Скалистыхъ горахъ, не превышаютъ одной сотой;
ительныхъ случаяхъ, въ городахъ, или при при-
ьшимъ рѣкамъ или морю, допускаютъ пятнадцать
моей линія только въ одномъ мѣстѣ, при спускѣ
тани на Мексиканскомъ заливѣ, былъ допущенъ
надцать тысячныхъ. Этотъ подъемъ считается
для прямой линіи—на кривыхъ онъ не долженъ
двухсотой; это правило стоило мнѣ свыше двух-
ларовъ въ земляной работѣ, но зато оно чрез-
яетъ эксплуатацію дороги. Кривыя допускаются
въ, въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ—до восьми,
отказываютъ въ обмѣнѣ вагоновъ, если этотъ
ленъ какою-либо отдѣльною линіей, такъ какъ
ъ градусовъ дѣйствуютъ чрезвычайно разрушит-
ажной составъ. Насыпи на вершинѣ и выемки
въ 10 или 12 футовъ ширины, склоны—отъ
половины, смотря по грунту; въ твердой глинѣ или
ются почти отвѣсные склоны. Цѣна на земля-
ятъ около 8 центовъ за песокъ, за кубическій
о 25 центовъ за глину, смотря по плотности;
ъ за гравель и до одного доллара за ярдъ за
при этомъ землекопы, за ту же цѣну, должны
пни на восемнадцать дюймовъ глубины отъ по-
на. Земляной работой на югѣ занимаются исклю-
нцы и негры; на сѣверѣ и востокѣ—итальянцы
огда поляки и изрѣдка венгерцы; на западѣ—
въ громадномъ большинствѣ случаевъ тешутся
олщины, 8 дюймовъ ширины и 8 футовъ длины,
та центръ отъ центра; стоютъ онѣ около 25 цен-
съ доставкой на полотно дороги. На югѣ упо-
ю сосну и, въ послѣднее время, кипарисъ; на
ѣ—бѣлый дубъ; на западѣ—что попадется подъ
послѣднее время во многихъ мѣстахъ Союза на-
шпалами изъ соломы, стали и стекла; по мѣрѣ
овъ шпалы дорожаютъ съ каждымъ годомъ, и
гараются замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь болѣе проч-
ъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, ни одинъ изъ
далъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ.
ожные мосты, на всѣхъ новыхъ линіяхъ, какъ
ъ и временные, отличаются легкостью и деше-
и. Къ временнымъ мостамъ я отношу грубые,
ъ бревенъ срубы, въ болотистыхъ и вообще низ-

кихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя достать земли близко для насыпей; на нихъ кладутъ толстыя бревна, затѣмъ укладываютъ шпалы и рельсы и засыпаютъ ихъ землей съ поѣзда до открытія правильнаго сообщенія. Срубы эти часто достигаютъ 40 и 50 футовъ вышины; они обыкновенно очень опасны, зато удешевляютъ постройку настолько, что строители всегда рискуютъ ихъ употребленіемъ; у меня разъ цѣлый рабочій поѣздъ—локомотивъ и съ десятокъ нагруженныхъ вагоновъ—слетѣлъ съ такого временнаго моста въ болото, и все-таки я уэкономилъ цѣлую сотню тысячъ долларовъ, благодаря ихъ употребленію.

Постоянные мосты строятся чрезвычайно однообразно; я объѣздилъ весь союзъ, всегда обращалъ вниманіе на ихъ постройку и всюду находилъ одно и то же. Само собою разумѣется, что это относится къ деревяннымъ мостамъ, которые всегда строятся сначала; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ эксплуатаціи, когда эти первоначальныя постройки начинаютъ подгнивать, ихъ обыкновенно замѣняютъ желѣзными или стальными мостами самаго разнообразнаго устройства. Деревянные же, первоначальные мосты строятся слѣдующимъ образомъ: вбиваютъ 5 свай въ рядъ, на разстояніи 12 фут. рядъ отъ ряда, спиливаютъ верхушки по горизонтальной линіи и насаживаютъ пиленый брусъ 12×12 дюймовъ и 12 фут. длины, прикрѣпивъ его къ сваямъ желѣзными болтами; затѣмъ кладутъ пиленые продольные брусья, 6 × 12 дюймовъ, 25 футовъ длины, кладя ихъ попарно на разстояніи 8 футовъ отъ внѣшняго до внѣшняго бруса, сращивая на концахъ съ слѣдующими, мѣняя сростки такимъ образомъ, что на каждомъ рядѣ свай расположены 2 сростка и 2 сквозные бруска; сверху на нихъ кладутъ пиленыя шпалы, 6×8×8, и эти послѣднія скрѣпляются опять продольными брусьями 6×8 сверху; затѣмъ вся постройка скрѣпляется желѣзными болтами—и мостъ готовъ. Такіе мосты очень дешевы, сравнительно, и могутъ быть построены изумительно быстро: на моей линіи было ихъ около 6 миль, и мы часто заколачивали до ста свай въ день, употребляя паровую машину на плоту на озерахъ и рѣкахъ, и особеннаго устройства приспособленіе на каткахъ—въ оврагахъ и безводныхъ мѣстахъ.

За послѣднія десять лѣтъ желѣзные рельсы совершенно вышли изъ употребленія—стальные замѣнили ихъ вездѣ и всюду. Самымъ обыкновеннымъ рельсомъ служитъ стальной рельсъ, вѣсящій 56 англійскихъ фунтовъ на погонный ярдъ; употребляются и въ 40, 48, 60, 72 и даже 90 фунтовъ на погонный ярдъ, но первый по количеству превышаетъ въ 10 разъ всѣ остальные, взятые

вмѣстѣ. Надо замѣтить, что въ Америкѣ существуютъ два рода желѣзныхъ дорогъ: ширококолейныя, въ 4 фута и 8 дюймовъ ширины, и узкоколейныя, въ 3 фута ширины; этихъ послѣднихъ очень немного, не больше $^1/_{40}$ всего количества,—и все, что̀ я говорю, относится къ ширококолейнымъ дорогамъ. Стальные рельсы теперь стоютъ около 30 долларовъ за тонну; десять лѣтъ тому назадъ они стоили около 60 долларовъ; въ 1885 и 1886 годахъ я заплатилъ за стальные рельсы для моей линіи около 45 долларовъ за тонну; цѣна на нихъ, какъ и вообще на всѣ желѣзныя и стальныя издѣлія, падаетъ съ каждымъ годомъ, благодаря многочисленнымъ усовершенствованіямъ въ ихъ производствѣ. Укладка рельсовъ на полотно дороги производится машиной, ѣдущей на особаго устройства поѣздѣ; мнѣ случалось класть до двухъ миль въ день, а на западѣ эту быстроту иногда удвоиваютъ.

Подвижной составъ американскихъ желѣзныхъ дорогъ очень, сравнительно, дешевъ, проченъ и долговѣченъ. Заводы Больдуина въ Филадельфіи, Гранта въ Чикаго и Паттера въ Питсбургѣ выпускаютъ ежегодно отъ 500 до 700 локомотивовъ разнаго сорта. Обыкновенный пассажирскій локомотивъ, съ 4 движущими колесами, вѣсящій съ тендеромъ около 40 тоннъ, стоитъ около 8 тысячъ долларовъ, можетъ дѣлать съ поѣздомъ въ 6—7 почтовыхъ и пассажирскихъ вагоновъ—отъ 30 до 40 миль въ часъ, и, при надлежащемъ уходѣ, можетъ работать 30 и 40 лѣтъ; на старыхъ дорогахъ въ штатахъ Пенсильваніи и Нью-Іоркѣ и до сихъ поръ работаютъ локомотивы, построенные 40 лѣтъ тому назадъ. Товарные локомотивы обыкновенно имѣютъ 6 и даже 8 движущихъ колесъ, вѣсятъ до 60 тоннъ (въ послѣднее время стали дѣлать даже вѣсящіе до 90 тоннъ) и обладаютъ среднею скоростью въ 15—20 миль въ часъ съ поѣздомъ въ 30—35 товарныхъ нагруженныхъ вагоновъ. Вопросъ о средней быстротѣ движенія какъ товарныхъ, такъ и особенно почтовыхъ и пассажирскихъ поѣздовъ имѣетъ въ Америкѣ первостепенное значеніе—каждая дорога стремится перегнать другую, конкуррирующую, на этомъ пунктѣ, и съ каждымъ годомъ предѣлъ максимальной быстроты все увеличивается. Можно принять за среднее, что на югѣ и западѣ почтовые поѣзда достигаютъ средней быстроты въ 30 миль въ часъ, на худшихъ—25, на лучшихъ—35; на сѣверѣ и востокѣ эта средняя быстрота достигаетъ 40 миль, при чемъ лучшая дорога, New York Central, имѣетъ ежедневный поѣздъ отъ Нью-Іорка до Буффало, на разстояніи свыше 400 милль, называемый The Empire Express, дѣлающій 52 мили въ часъ,

считая остановки. Насколько мнѣ извѣстно, это самый быстрый регулярный поѣздъ въ мірѣ.

Обыкновенные пассажирскіе вагоны по всему союзу чрезвычайно однообразны: всѣ они дѣлаются 9-ти футовъ въ ширину и отъ 60 до 90 футовъ въ длину, съ дверьми на поперечныхъ стѣнахъ, безъ всякихъ перегородокъ внутри, съ проходомъ по срединѣ, съ двойными сидѣньями по бокамъ. Стоютъ они около 4.000 долларовъ за штуку. Въ Америкѣ нѣтъ классовъ; всѣ пассажиры платятъ одно и то же; единственнымъ исключеніемъ являются спальные вагоны и спеціальные эмигрантскіе поѣзда. Спальные вагоны принадлежатъ особой компаніи, эксплуатирующей ихъ на всѣхъ дорогахъ союза; проѣздъ на нихъ стоитъ около двухъ съ половиной долларовъ за сутки; стоютъ они до 10.000 долларовъ за штуку и очень удобны. За послѣднее время законодательства различныхъ штатовъ взялись за эту компанію и заставили ее спустить цѣну съ двухъ долларовъ до одного доллара за ночь,—при чемъ сдѣлали ее отвѣтственной за всякую потерю пассажирскаго имущества. Эмигрантскіе поѣзда существуютъ между портами востока, Бостономъ, Нью-Іоркомъ, Филадельфіей и Балтиморой и различными пунктами запада, преимущественно Чикаго и Омахой; идутъ они тише, перевозятъ имущество и скотъ эмигрантовъ, и проѣздъ на нихъ стоитъ не болѣе половины обыкновенныхъ пассажирскихъ поѣздовъ. Кромѣ обыкновенныхъ пассажирскихъ, спальныхъ и эмигрантскихъ вагоновъ, существуютъ еще на всѣхъ дорогахъ особые частные вагоны. Всякій богатый человѣкъ и всѣ желѣзно-дорожные управляющіе имѣютъ такіе собственные вагоны. Часто это совершенные дворцы на колесахъ, со всѣми удобствами цивилизованной жизни, и стоютъ до 40 и 50 тысячъ долларовъ за штуку. Мой собственный частный вагонъ, въ которомъ я жилъ по цѣлымъ недѣлямъ, когда выѣзжалъ на линію, имѣлъ кухню, спальню, столовую, гостиную и контору, помѣщеніе для повара и прислуги и разныхъ припасовъ, былъ снабженъ водой, освѣщеніемъ и электрическими звонками.

Товарные вагоны, какъ закрытые, такъ и открытые чрезвычайно разнообразны какъ по внѣшнему виду, такъ и по устройству и вмѣстимости. Вагоны стараго устройства, иногда еще попадающіеся, везли всего 20.000 фунтовъ; вагоны, строившіеся около десяти лѣтъ тому назадъ, везутъ 40.000 фунтовъ,—а теперешніе везутъ 60.000 фунтовъ и вѣсятъ около 10 тоннъ. Дерево все больше и больше выходитъ изъ употребленія при ихъ постройкѣ; послѣдняя система оставила дерево только для наружной обшивки; весь скелетъ вагона и его рама дѣлаются изъ стали.

Стоютъ они около 600 долларовъ за штуку деревянные и около 1.000 долларовъ желѣзные; каждая мало-мальски значительная линія имѣетъ обыкновенно свои собственныя мастерскія для ихъ постройки. Я строилъ не только товарные, но и почтовые и пассажирскіе вагоны въ моихъ собственныхъ мастерскихъ. За послѣднія десять лѣтъ на востокѣ, преимущественно въ Нью-Іоркѣ, завелись нѣсколько акціонерныхъ компаній для снабженія желѣзныхъ дорогъ подвижнымъ составомъ. За извѣстную ежегодную плату, опредѣленную на значительное число лѣтъ впередъ, эти компаніи снабжаютъ всѣмъ необходимымъ подвижнымъ составомъ новыя линіи, которыя обязываются содержать его въ порядкѣ, сообразно съ требованіями особыхъ инспекторовъ, состоящихъ на жалованьѣ собственниковъ. Эта система развивается очень быстро; главнымъ ея преимуществомъ считается возможность имѣть заводы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ постройка подвижного состава обходится всего дешевле,—при чемъ большое количество производства, для нѣсколькихъ линій разомъ, опять-таки значительно удешевляетъ продуктъ. Многіе значительные торговые дома имѣютъ свой собственный подвижной составъ, построенный сообразно спеціальнымъ требованіямъ ихъ дѣла. Такъ, большіе экипажные заводы Цинциннати и мебельныя фабрики Мичигана строятъ товарные вагоны очень большихъ размѣровъ, для перевозки громоздкихъ экипажей и омнибусовъ и спеціальной мебели; бойни Арморовъ и Свифта въ Чикаго и Канзасъ-Сити употребляютъ свои собственные вагоны-рефриджерсторы для перевозки свѣжаго мяса во всѣ концы союза; каменоломни Мэна и Вермонта разсылаютъ гранитъ и мраморъ на особенно тяжелыхъ желѣзныхъ платформахъ; а заводы конно-желѣзныхъ и электрическихъ вагоновъ употребляютъ особенно низкіе и длинные открытые вагоны, спеціально устроенные для удобной нагрузки, перевозки и разгрузки этихъ вагоновъ. Кромѣ этого торговаго и мануфактурнаго подвижного состава, по всему союзу ѣздятъ многочисленные собственные театральные поѣзда. Театральныя труппы всякаго рода, оперныя, драматическія и балетныя, и особенно цирки, постоянно переѣзжаютъ изъ одного города въ другой, и обыкновенно на собственныхъ поѣздахъ. Существуетъ нѣсколько цирковъ, имѣющихъ собственные поѣзда въ 50, 70 и даже 120 вагоновъ; циркъ Барнума содержитъ до 800 служащихъ, имѣетъ до 200 лошадей, массу звѣрей и экипажей и занимаетъ до 120 вагоновъ въ своихъ вѣчныхъ странствованіяхъ съ мѣста на мѣсто.

Американскіе товарные поѣзда поражаютъ европейца своимъ разнообразіемъ и пестротой. Поѣздъ въ 30 или 40 вагоновъ

рѣдко содержитъ два одинаковыхъ вагона; каждая линія имѣетъ свой собственный размѣръ, окраску и наружную форму; вагоны никогда не разгружаются, а идутъ до мѣста назначенія, иногда по полотну цѣлаго десятка разныхъ дорогъ, и потому перемѣшиваются до чрезвычайности. Перевозка товара въ собственныхъ вагонахъ производится за обыкновенную тарифную цѣну, — при чемъ собственникъ кредитуется за вагонъ, обыкновенно три четверти цента за милю; то же самое одна линія платитъ другой за вагоны. Есть многія линіи,—нѣкоторыя довольно значительныя,— не имѣющія никакого собственнаго подвижного состава, исключая локомотивовъ; онѣ употребляютъ вагоны другихъ линій, платя имъ помильно за ихъ употребленіе.

Я возвращусь теперь къ финансовой сторонѣ желѣзно-дорожнаго дѣла въ Америкѣ, и прежде всего сообщу, какъ я досталъ деньги на постройку моей линіи, такъ какъ весьма часто постройка эта производится при тѣхъ же условіяхъ. Я уже упомянулъ выше,—у нашей компаніи было тридцать тысячъ долларовъ наличными, около семи миль построенной дороги и затѣмъ разное недвижимое имущество, оцѣнивавшееся въ восемьдесятъ тысячъ долларовъ. Кромѣ того, было въ перспективѣ около семисотъ тысячъ акровъ земли отъ штата, около двухсотъ тысячъ акровъ отъ частныхъ лицъ и компаній, до дюжины мѣстъ, обѣщавшихъ съ постройкой линіи сдѣлаться городами и принести значительныя деньги; затѣмъ, контракты на поставку извѣстнаго количества даровыхъ шпалъ, рабочихъ дней и нѣсколькихъ десятковъ тысячъ долларовъ наличными; все это—если дорога будетъ построена въ извѣстномъ направленіи и станціи установлены въ извѣстныхъ мѣстахъ. Какъ я уже сказалъ, до 500 человѣкъ рабочихъ были заняты земляной работой и рубкой и доставкой шпалъ; инженеры работали по всей линіи, и наши 30 тысячъ долл. таяли какъ свѣча.

Я поѣхалъ въ Нью-Іоркъ, съ неограниченными полномочіями отъ моихъ компаньоновъ на покупку рельсовъ, подвижного состава и переговоровъ относительно выпуска облигацій и акцій дороги. Предварительно я уже находился въ перепискѣ съ фирмой брукеровъ въ Wall Street'ѣ, этомъ центрѣ денежныхъ операцій всего союза. Брукеры эти прежде всего потребовали рекомендацій; мои значительныя торговыя сношенія съ нѣсколькими нью-іоркскими фирмами въ теченіе предшествовавшихъ пяти лѣтъ дали мнѣ возможность вполнѣ удовлетворить этимъ требованіямъ, такъ какъ фирмы эти единогласно рекомендовали и меня лично, и мою компанію, какъ безусловно состоятельныя и надежныя. Я из-

ложилъ подробно всѣ преимущества новой линіи, предъявилъ контракты съ властями штата и частными лицами, и затѣмъ тотчасъ купилъ рельсы для тѣхъ тридцати миль, которыя къ этому времени были почти готовы къ укладкѣ — и кромѣ того заключилъ условіе на продажу облигацій дороги на сумму одного милліона долларовъ. Предполагалось заложить дорогу въ эту сумму, а другой милліонъ, необходимый для ея окончанія, выручить отъ продажи акцій компаніи на эту сумму; причемъ мы, учредители, должны были получить другой милліонъ за хартію, имущество и земли компаніи. Я тотчасъ же вернулся во Флориду, объяснилъ положеніе дѣла двумъ мѣстнымъ банкамъ, занялъ у нихъ подъ мои личныя росписки пятьдесятъ тысячъ, и работа закипѣла по всей линіи. Между тѣмъ, пока наши облигаціи литографировались въ Нью-Іоркѣ, денежный рынокъ страны разстроивался больше и больше, и подготовлялась одна изъ тѣхъ періодическихъ паникъ, которыя въ Америкѣ разоряютъ тысячи, обогащая сотни избранныхъ. Наши нью-іоркскіе брукеры писали все болѣе и болѣе неутѣшительныя вѣсти — и, наконецъ, когда облигаціи были готовы и мнѣ пришлось ѣхать въ Нью-Іоркъ, чтобы ихъ подписать, какъ предсѣдателю компаніи, кризисъ разразился въ полной силѣ. Нельзя было и думать о продажѣ облигацій новой, неизвѣстной дороги, гдѣ-то въ глуши, за двѣ тысячи миль отъ Нью-Іорка,—а между тѣмъ занятыя у банковъ деньги были уже издержаны, тридцать миль дороги готовы, и дальнѣйшая задержка вынудила бы насъ остановить работу. Я прожилъ недѣли двѣ въ Нью-Іоркѣ, стараясь какъ-нибудь поправить дѣло, и, наконецъ, успѣлъ заложить тѣ двѣсти тысячъ долларовъ облигацій, которыя были готовы къ продажѣ, покрывая уже законченный участокъ дороги. Благодаря этому обороту, оказалось опять около ста тысячъ свободныхъ денегъ—кредитъ нашъ укрѣпился и дома, и въ Нью-Іоркѣ, и я могъ безостановочно продолжать работу; и у меня, и у моихъ партнеровъ, и у публики появилась увѣренность, что дорога будетъ окончена. Между тѣмъ паника въ Нью-Іоркѣ прошла—и какъ всегда послѣ такой пертурбаціи, капиталъ искалъ помѣщенія. Мои брукеры, которые по контракту обязались продать наши облигаціи и должны были сдѣлать на нихъ значительныя деньги, захлопотали объ ихъ продажѣ, и черезъ мѣсяцъ заложенныя двѣсти тысячъ были проданы по хорошей цѣнѣ. Работа между тѣмъ подвигалась съ удвоенной энергіей—и участокъ за участкомъ оказывались оконченными и давали больше и больше облигацій, готовыхъ къ продажѣ. Во время моихъ частыхъ поѣздокъ въ Нью-Іоркъ и Филадельфію по

поводу этихъ финансовыхъ операцій, я успѣлъ заинтересовать три большіе торговые дома въ моемъ предпріятіи, и въ одно прекрасное утро продалъ имъ по хорошей цѣнѣ и акціи, и облигаціи дороги. Тогда работа закипѣла въ полномъ смыслѣ слова: мы работали день и ночь; болѣе двухъ тысячъ человѣкъ были на линіи въ одно и то же время, и къ концу 1886 года вся дорога была готова—и движеніе по ней открыто.

Въ этомъ случаѣ капиталъ дороги состоялъ изъ одного милліона долларовъ облигацій и двухъ милліоновъ акцій—тогда какъ самая дорога стоила около двухъ милліоновъ. Капиталъ былъ разбавленъ водою (техническое американское выраженіе to water the stock) только на одну треть—тогда какъ обыкновенно онъ разбавляется въ пять, иногда въ десять разъ. Весьма часто дорога закладывается, т.-е. выпускаются облигаціи въ три раза больше того, что она стоитъ; многія линіи капитализированы въ десять разъ больше ихъ дѣйствительной стоимости, при чемъ учредители и строители обыкновенно заработываютъ огромныя деньги, заставляя акціонеровъ и владѣльцевъ облигацій расплачиваться за эти продѣлки. Я лично знаю нѣсколько линій, которыя были построены исключительно затѣмъ, чтобы надуть покупателей облигацій, часто европейцевъ, обыкновенно англичанъ, голландцевъ и французовъ. Поэтому-то только весьма немногія американскія желѣзныя дороги приносятъ дивиденды — только старыя дороги востока и запада, которыя уже прошли черезъ процессъ реорганизаціи и капитализировались въ ихъ дѣйствительной стоимости. Этотъ процессъ реорганизаціи является непремѣннымъ слѣдствіемъ мошенничества учредителей и строителей; какъ только дорога построена и барыши сдѣланы, такъ они обыкновенно удаляются, и оставляютъ владѣльцевъ облигацій выпутываться какъ знаютъ. Обыкновенно начинается этотъ процессъ съ того, что дорога не платитъ сначала процентовъ по облигаціямъ; затѣмъ перестаетъ платить рабочимъ и за матеріалъ; кто-нибудь начинаетъ искъ—является шерифъ, приковываетъ вагоны и локомотивъ къ рельсамъ; тогда вмѣшивается судъ, назначаетъ особое лицо, называемое пріемщикомъ (receiver) для управленія дороги и ея продажи съ аукціона. Владѣльцы облигацій являются обыкновенно покупателями; всѣ остальные кредиторы, не обезпеченные закладными, обыкновенно теряютъ все—и дорога начинаетъ новую жизнь. Навѣрное девять-десятыхъ всѣхъ американскихъ дорогъ, если не больше, проходятъ раньше или позже черезъ этотъ процессъ реорганизаціи—и только послѣ этого процесса начинаютъ давать правильный доходъ.

Несмотря на то, что всѣ эти продѣлки были тысячу разъ обнаружены и извѣстны каждому интеллигентному американцу, богатство страны такъ велико и страсть къ спекуляціи такъ развита, что ежегодно строятся въ союзѣ отъ 6 до 10 тысячъ миль новыхъ желѣзныхъ дорогъ; многія изъ нихъ не имѣютъ никакого будущаго, и едва ли которая изъ нихъ будетъ приносить доходъ, а все-таки находится и будетъ находиться капиталъ и на ихъ постройку, и на тѣ громадные барыши, которые дѣлаются благодаря этой постройкѣ. Иногда желѣзная дорога, благодаря стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не можетъ временно платить процентовъ, и тогда владѣльцы облигацій являются грабителями акціонеровъ—ихъ вымораживаютъ (to freese out,—опять-таки техническое американское выраженіе, прекрасно передающее суть дѣла). Въ первомъ случаѣ учредители и строители грабятъ владѣльцевъ облигацій, во второмъ—наоборотъ. Который-нибудь изъ этихъ процессовъ непремѣнно продѣлывается однажды, а иногда и нѣсколько разъ на каждой линіи желѣзной дороги; Вандербильты и, особенно, Джэй Гульдъ, съумѣли продѣлывать это нѣсколько разъ на каждой подвластной имъ дорогѣ и, благодаря исключительно этому, нажили тѣ безчисленные милліоны, которыми они теперь владѣютъ. Состояніе Вандербильтовъ росло въ теченіе трехъ поколѣній; они хотя и грабили, когда подходилъ случай, но грабили умѣренно, и тѣ выжиманія (squeeses), въ которыхъ они принимали участіе и посредствомъ которыхъ они добывали деньги, не отличались особеннымъ безсердечіемъ; ощипывая своихъ жертвъ, они обыкновенно оставляли имъ частицу пуха; но Джэй Гульдъ съ его союзниками, Сэджемъ и Диллономъ, оцѣнивающіеся теперь втроемъ въ цѣлыхъ двѣсти-пятьдесятъ милліоновъ долларовъ, сдѣлали эти деньги въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, благодаря цѣлому ряду самыхъ смѣлыхъ, самыхъ безсердечныхъ „вымораживаній", при чемъ они всегда облегчали дочиста всѣхъ и каждаго, кто имъ подвертывался. Вымораживаніе несчастныхъ акціонеровъ эрійской желѣзной дороги—первый подвигъ Гульда на этомъ поприщѣ—и до настоящаго времени считается образцовымъ произведеніемъ этого рода; а троекратное вымораживаніе акціонеровъ миссурійской тихо-океанской дороги (Missouri Pacific R. R.) и различныхъ ея вѣтвей заставляетъ невольно удивляться съ одной стороны смѣлости и находчивости этого великаго дѣльца, а съ другой—безпечности и тупоумію его противниковъ.

Къ сожалѣнію, мнѣ самому пришлось извѣдать на опытѣ всѣ прелести „вымораживанія". Въ теченіе 1886 года мы не только

сдѣлали проценты на облигаціи, но и отложили довольно крупную сумму, и дѣло дороги было въ блестящемъ положеніи и обѣщало крупные барыши въ будущемъ. Но въ 1887 году сначала страшный, небывалый во Флоридѣ, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, морозъ не только уничтожилъ весь урожай апельсиновъ и раннихъ овощей, составлявшихъ нашъ главный грузъ, но и убилъ многія рощи; а въ штатѣ прошелъ законъ, значительно урѣзавшій наши доходы и уравнявшій насъ съ другими, старыми дорогами. Затѣмъ весной нахлынула желтая лихорадка, продолжавшаяся и въ 1888 году, и не только остановившая всякую эмиграцію, но и обезлюдившая многія мѣстности. Карантины были такъ строги, что около трехъ мѣсяцевъ почти всякое движеніе было остановлено—одинъ почтовый вагонъ съ локомотивомъ ѣздили по линіи. Мы не только не сдѣлали процентовъ, но и не могли оплатить дѣйствительныхъ расходовъ—къ концу года оказался дефицитъ въ семьдесятъ тысячъ долларовъ. Мои сѣверные союзники-капиталисты сейчасъ же воспользовались этимъ обстоятельствомъ и обложили акціи налогомъ на погашеніе какъ этого дефицита, такъ и процентовъ по облигаціямъ; они отлично знали, что и я, и мои компаньоны извели послѣдніе гроши на предпріятіе и не могли заплатить того, что̀ приходилось по разверсткѣ на наши акціи, тогда какъ для нихъ это была ничего незначащая сумма. Мое здоровье было окончательно разстроено; доктора объявили, что другое лѣто убьетъ меня навѣрное, и я махнулъ рукой на все и взялъ что̀ они сочли подходящимъ дать мнѣ за мою часть.

Процессъ объединенія, выражающійся въ торговомъ и промышленномъ дѣлѣ образованіемъ trust'овъ, не оставилъ и желѣзно-дорожнаго дѣла. За послѣднія десять лѣтъ десятки и даже сотни различныхъ линій прежде конкуррировавшихъ и подрывавшихъ одна другую, слились въ одно и образуютъ большія компактныя системы подъ однимъ управленіемъ. Есть системы въ 5, 6, даже 8 тысячъ миль; такія системы составляютъ страшную силу и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ; они располагаютъ тысячами голосовъ и держатъ въ своихъ рукахъ благосостояніе цѣлыхъ мѣстностей, благодаря возможности, вслѣдствіе регулированія фрахтовъ, привлекать населеніе, всегда крайне подвижное и отзывчивое на всякую выгоду, въ извѣстные центры, почему-либо представляющіе особенныя выгоды для такой системы. И конгрессъ, и законодательство всѣхъ штатовъ, и самъ народъ посредствомъ судовъ присяжныхъ постоянно и упорно борются противъ этого порабощенія; новѣйшія хартіи прямо воспрещаютъ

соединеніе новыхъ линій со старыми въ какомъ бы то ни было видѣ и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, опредѣляютъ максимумы помильной платы за перевозку пассажировъ и товара, и т. д., и т. д. Конгрессъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ издалъ законъ о регулированіи торговли между штатами, образовавшій особую коммиссію для преслѣдованія желѣзно-дорожныхъ злоупотребленій, особенно дискриминацію въ пользу извѣстныхъ мѣстностей и городовъ; почти во всѣхъ штатахъ образованы особыя желѣзно-дорожныя коммиссіи съ правомъ утверждать и опредѣлять максимальные тарифы — но все это, какъ и въ дѣлѣ trust'овъ, обходится довольно успѣшно; желѣзнодорожники платятъ громадныя деньги своимъ адвокатамъ, захватываютъ лучшіе таланты и успѣшно воюютъ съ тѣми посредственностями, которыя обыкновенно представляютъ интересы страны. Впрочемъ, разъ только доходитъ до суда присяжныхъ, желѣзно-дорожныя компаніи всегда проигрываютъ дѣло—какъ бы право оно ни было; я никогда не слыхалъ о какомъ-либо искѣ противъ желѣзно-дорожной корпораціи, который бы рѣшился присяжными въ пользу этой корпораціи противъ частнаго лица; озлобленіе народа такъ сильно, что компанія всегда проигрываетъ, затѣмъ переноситъ дѣло въ апелляціонную инстанцію, затягиваетъ его всевозможными правдами и неправдами; цѣлые десятки лѣтъ такія дѣла переходятъ изъ одного суда въ другой,—при чемъ суды присяжныхъ всегда и безусловно осуждаютъ компаніи, тогда какъ аппеляціонные обыкновенно отмѣняютъ эти приговоры, какъ несогласные съ обстоятельствами дѣла.

Американцы—народъ вообще чрезвычайно подвижной; я думаю, что по крайней мѣрѣ одна четверть населенія постоянно передвигается съ мѣста на мѣсто. Мнѣ случалось встрѣчаться съ молодыми людьми, которые перебывали почти во всѣхъ штатахъ союза, перебывали, не путешествуя для собственнаго удовольствія, а занимаясь своимъ ремесломъ или спеціальностью. Эти номады составляютъ цѣлый классъ ѣздящей по желѣзнымъ дорогамъ публики, едва ли не самый многочисленный; за ними слѣдуютъ путешественники для удовольствія и здоровья. Зажиточные люди обыкновенно имѣютъ два дома: одинъ — на сѣверѣ для лѣта, другой на югѣ—для зимы. Эти послѣдніе часто замѣняются отелями и бордингъ-гаузами (boarding house). Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого количества отелей для ищущихъ развлеченія и здоровья, какъ въ Америкѣ: каждый штатъ имѣетъ нѣсколько мѣстъ, почему-либо отличающихся отъ общей картины и потому привлекающихъ праздную или больную публику. Флорида, Джорджія и

другіе штаты Мексиканскаго залива на югѣ и Калифорнія, на западѣ, каждую зиму принимаютъ десятки тысячъ сѣверянъ на два, на четыре и на пять мѣсяцевъ. Южная Флорида и южная Калифорнія, отличаясь почти совершенно тропическимъ климатомъ, въ декабрю мѣсяцу наполняются обыкновенно до того, что въ отеляхъ всѣ корридоры заставляются складными кроватями на ночь. Затѣмъ ранней весной начинается обратное движеніе — публика перебирается на сѣверъ, останавливаясь на нѣсколько недѣль въ Каролинахъ, затѣмъ въ Вирджиніи, и по мѣрѣ того, какъ жаръ усиливается, перебираясь въ штаты Новой-Англіи, Миннесоту и Канаду. Этотъ ежегодный приливъ и отливъ съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ, вмѣстѣ съ такимъ же движеніемъ съ востока на западъ и обратно, даетъ огромную работу главнымъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ союза. Всѣ линіи, относительно пассажирскаго движенія этого рода, составляютъ какъ бы одну дорогу—въ самомъ маленькомъ городишкѣ можно купить сквозной билетъ во всякое другое мѣсто въ Соединенныхъ-Штатахъ, Канадѣ и Мексикѣ, обыкновенно по сильно уменьшенной цѣнѣ. Средняя стоимость передвиженія не превышаетъ двухъ центовъ за милю на востокѣ, $2^1/_2$—на западѣ и 3—на югѣ. Сквозные билеты съ обратнымъ купономъ стоютъ не болѣе половины этого, иногда значительно менѣе.

Къ этому же разряду удешевленнаго тарифа слѣдуетъ причислить и движеніе на разныя политическія, религіозныя, общественныя и масонскія конвенціи и сборища. Въ Америкѣ существуетъ масса самыхъ разнообразныхъ обществъ, политическихъ, религіозныхъ, коммерческихъ, рабочихъ и другихъ, иногда очень страннаго состава; такъ, существуетъ общество толстяковъ, вѣсящихъ болѣе 250 англійскихъ фунтовъ, считающее болѣе 1.000 членовъ. Всѣ эти общества имѣютъ ежегодныя національныя собранія и штатныя собранія и съѣзды; во всякое время года, каждый день во многихъ мѣстахъ, въ разныхъ штатахъ союза засѣдаютъ эти ежегодныя конвенціи, члены которыхъ съѣзжаются со всѣхъ сторонъ. Существуютъ національныя общества мельниковъ, мебельныхъ заводчиковъ, лѣсопильныхъ заводчиковъ, банкировъ, издателей газетъ, гробовщиковъ, желѣзно-дорожныхъ инженеровъ, фермеровъ, столяровъ, плотниковъ, каменьщиковъ, каменотесовъ и т. д., и т. д.,—каждое съ правильной національной организаціей и отдѣльной организаціей въ каждомъ штатѣ; и на національныя ежегодныя собранія этихъ обществъ часто съѣзжаются цѣлыя тысячи членовъ. Самой крупной по числу членовъ организаціей считается „Великая Армія“ республики, составленная изъ лицъ,

принимавшихъ активное участіе на федеральной сторонѣ междоусобной войны,—лѣтомъ нынѣшняго года на національное ежегодное собраніе этой арміи въ Детрайтѣ съѣхалось болѣе тридцати тысячъ человѣкъ.

Слѣдующей по числу группой путешествующей публики въ Америкѣ слѣдуетъ признать торговыхъ „барабанщиковъ“. Эти большею частью путешествуютъ въ извѣстномъ районѣ и всегда покупаютъ тысячемильные билеты, которые даютъ право останавливаться гдѣ бы то ни было на какое угодно время и стоютъ обыкновенно около двухъ центовъ за милю на югѣ и около 1½ центовъ—на востокѣ и западѣ.

Вышеприведенныя цѣны на передвиженіе пассажировъ можно признать за среднія, хотя, конечно, существуетъ множество уклоненій въ ту и другую сторону. Такъ, священники почти вездѣ путешествуютъ за половинную цѣну; большія партіи рабочихъ, театральныя труппы и т. д. также часто получаютъ спеціальныя пониженія. Зато на нѣкоторыхъ небольшихъ побочныхъ вѣтвяхъ цѣна поднимается до пяти, даже 10 центовъ за милю. Товарные тарифы чрезвычайно разнообразны—вся Америка раздѣляется въ этомъ отношеніи на извѣстные районы, желѣзныя дороги которыхъ составляютъ ассоціаціи для сквозныхъ тарифовъ, которые всегда рѣзко отличаются отъ мѣстныхъ. Сплошь и рядомъ цѣна на перевозку извѣстнаго предмета на большее разстояніе ниже чѣмъ на меньшее—эта аномалія является результатомъ конкурренціи разныхъ линій, и тѣ пункты, которые, благодаря своимъ желѣзно-дорожнымъ системамъ или водяному сообщенію, имѣютъ низшіе тарифы, обыкновенно и дѣлаются оптовыми центрами торговли. Исторія желѣзно-дорожныхъ тарифовъ, какъ пассажирскихъ, такъ и товарныхъ, представляетъ много казусовъ, особенно въ смыслѣ борьбы между конкуррирующими линіями; борьба эта особенно часто случается между различными линіями на западѣ, и нерѣдко цѣна на перевозку пассажира отъ Чикаго до Санъ-Луиса, 500 миль, падаетъ до одного доллара — года три тому назадъ можно было проѣхать изъ Чикаго въ С.-Поль, 470 миль, за 50 центовъ, и только въ прошломъ году бочку муки въ двѣсти фунтовъ везли изъ Минеаполиса до Нью-Іорка за 40 центовъ; само собой разумѣется, что крупные спекуляторы пользуются такими войнами и, передвигая громадныя количества товара по низкой цѣнѣ, дѣлаютъ часто большія деньги. Какъ бы то ни было, какъ уже выше я имѣлъ случай упомянуть, только весьма немногія желѣзныя дороги, самое незначительное меньшинство, платятъ дивиденды акціонерамъ. Громадное большинство акцій не

приносятъ никакого дохода и имѣютъ только спекулятивную цѣнность—и за послѣднее время все чаще и чаще раздаются голоса и въ прессѣ, и въ законодательствѣ, и въ разныхъ торговыхъ и рабочихъ обществахъ, въ пользу отчужденія всѣхъ желѣзныхъ дорогъ союза во владѣніе государства, и, насколько я могу судить, единственнымъ препятствіемъ къ достиженію этой цѣли является страхъ за то, что подобное прибавленіе къ числу служащихъ государству лицъ, зависящихъ отъ администраціи, дастъ страшно опасную силу той политической партіи, которая будетъ въ силѣ во время этой перемѣны.

VI.

Занявшій 4-го марта 1881 года президентское кресло генералъ Гарфильдъ, выбранный республиканской партіей, умеръ отъ раны, нанесенной ему изувѣромъ Гито, черезъ нѣсколько недѣль послѣ моего пріѣзда въ Америку. О составѣ и значеніи американскихъ политическихъ партій я имѣлъ самое смутное понятіе, хотя исторія междоусобной войны, ея причины и причины возникновенія республиканской партіи, вынесшей на своихъ плечахъ и эту войну, и освобожденіе негровъ, и сохраненіе цѣлости союза, и были мнѣ знакомы до извѣстной степени, настолько, насколько случайный читатель можетъ познакомиться съ предметомъ такой важности въ исторіи націи изъ краткихъ газетныхъ и журнальныхъ статей и изъ немногихъ переводныхъ книгъ, которыя имѣлись на русскомъ языкѣ по этому поводу. Какъ извѣстно, двѣ главныя политическія партіи борются за первенство въ Соединенныхъ-Штатахъ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ. Одна изъ нихъ, демократическая, беретъ свое начало еще со временъ войны за образованіе и независимость союза; другая, республиканская, образовалась въ 1856 году изъ обломковъ старой партіи виговъ и тѣхъ демократовъ и тори, которые придерживались аболюціонистскихъ воззрѣній; первымъ ея кандидатомъ былъ генералъ Фрисмонтъ, побитый Бухананомъ, а затѣмъ въ 1860 году ей удалось выбрать Линкольна, только благодаря раздѣленію демократической партіи по поводу вопроса о невольничествѣ, и съ тѣхъ поръ республиканцы были у кормила правленія до 1884 г., когда, благодаря случайности и мести Конклинга, Блэнъ былъ побитъ Кливелэндомъ; въ 1888 г., однако, Гаррисону удалось побить Кливелэнда, и республиканская партія вошла опять въ силу.

Въ теченіе этихъ послѣднихъ 30-ти лѣтъ возникли и погибли

многія третьи и четвертыя политическія партіи; такъ, прогибиціонисты, существующіе уже около двадцати-пяти лѣтъ, всякое четырехлѣтіе выставляютъ своихъ кандидатовъ, но никогда еще не были въ состояніи собрать больше полутораста тысячъ голосовъ по всему союзу, а за послѣднее десятилѣтіе число ихъ замѣтно уменьшалось съ каждымъ годомъ. Лѣтъ 15 тому назадъ, партія грэнжеровъ быстро выросла и окрѣпла до того, что захватила было два или три штата — но также быстро и скончалась навсегда. Затѣмъ пошумѣли нѣкоторое время гринбакеры — но и они теперь совсѣмъ исчезли съ политическаго горизонта. Въ прошломъ году фермерскій союзъ вдругъ быстро поднялся и захватилъ такую республиканскую твердыню, какъ Канзасъ; но этимъ и окончились его побѣды, такъ какъ на выборахъ прошедшаго года союзъ этотъ былъ почти незамѣтенъ. Партіи соціалистовъ, „народа", „рабочихъ" и т. д. каждый годъ выставляютъ кандидатовъ, но по числу голосовъ не играютъ никакой роли и при политическихъ выкладкахъ совсѣмъ не принимаются въ разсчетъ. Существовала даже партія женскаго владычества; ея кандидатъ Бэлва Локвудъ въ 1888 году получила около тысячи голосовъ по всему союзу.

Всѣ эти партіи имѣютъ свои организаціи, какъ національныя, такъ и въ отдѣльныхъ штатахъ,—ведутъ пропаганду и хлопочутъ за своихъ кандидатовъ,—но такъ какъ онѣ не играютъ большой роли въ политической жизни Соединенныхъ-Штатовъ, вслѣдствіе незначительнаго числа голосовъ, до сихъ поръ никогда не превышавшихъ 5% для всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ, то я и оставлю ихъ въ сторонѣ и займусь тѣми двумя главными партіями, которыя своей борьбой и представляютъ собственно политическую жизнь союза. Сѣверъ и югъ и заселялись, и развивались различно. Тогда какъ сѣверъ заселенъ преимущественно англо-саксами, съ примѣсью тевтоновъ и скандинавовъ,—на югѣ преобладаютъ латинскія расы; первый, наравнѣ съ земледѣліемъ, занимался и мануфактурнымъ дѣломъ, и никогда не зналъ невольничества; второй былъ исключительно земледѣльческой страной и ввелъ невольничество еще триста лѣтъ тому назадъ. Хотя оба они дружно возстали войной противъ англичанъ и завоевали сообща свою независимость, но уже со времени этой революціи разница интересовъ сѣвера и юга довольно рѣзко чувствовалась даже членами первой конвенціи, установившей конституцію, и съ тѣхъ поръ уже завязалась та борьба, которая разразилась междоусобной войной 1861—1865 гг., а въ сущности и до настоящаго момента составляетъ главную разницу между обѣими поли-

тическими партіями настоящаго времени. Земледѣльческій югъ, посредствомъ дарового труда рабовъ-негровъ воздѣлывалъ хлопокъ, рисъ, табакъ, хлѣбъ и разводилъ скотъ. Земли принадлежали немногимъ богатымъ фамиліямъ и въ ихъ рукахъ было все —и власть, и деньги. Всѣ мануфактурныя издѣлія всякаго рода привозились съ сѣвера, или изъ Европы; хлопокъ везли въ штаты Новой-Англіи или въ Великобританію, обращали тамъ въ красный товаръ и затѣмъ везли обратно на рынки юга, хотя желѣзная руда самаго лучшаго качества, вмѣстѣ съ каменнымъ углемъ и известью для ея обработки, находится въ неисчерпаемыхъ количествахъ почти во всѣхъ штатахъ юга, гдѣ не было ни одного желѣзнаго завода — всѣ земледѣльческія орудія, всякій гвоздь привозились съ сѣвера. Бѣлые юга считали позорной всякую работу, а учить негровъ они боялись; оставалось только продавать сырье и ввозить мануфактуры. Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ политики жизнь была крайне односторонняя; немногія богатыя фамиліи занимали всѣ общественныя должности въ штатѣ и управляли имъ, такъ сказать, на олигархическихъ началахъ; естественно также, что всѣ стремленія политическихъ воротилъ на югѣ были направлены въ пользу свободной торговли—они не хотѣли сами заняться мануфактурнымъ дѣломъ и не желали платить ввозныхъ пошлинъ — желали продать свои сырые продукты по наивысшей цѣнѣ и купить все, что имъ было нужно по наименьшей. Они посылали свой хлѣбъ и свой скотъ, продукты труда рабовъ, на сѣверъ, гдѣ они конкуррировали съ свободнымъ трудомъ свободныхъ гражданъ; а когда эти свободные люди, занимавшіеся въ то же время мануфактурнымъ дѣломъ, требовали охраны въ видѣ ввозныхъ пошлинъ на продукты европейской мануфактуры, дешевый трудъ которыхъ опять-таки конкуррировалъ съ дорогимъ трудомъ свободныхъ гражданъ Сѣверной Америки, южане возставали противъ этого. Цѣлыхъ 70 лѣтъ, со времени образованія союза до выбора Линкольна въ 1860 году, югъ имѣлъ возможность руководить политикой и дѣлами союза; его вожаки обладали большими средствами, высшимъ интеллектуальнымъ развитіемъ, большимъ нравственнымъ вліяніемъ и всѣми преимуществами дѣйствительной аристократіи и во всѣхъ политическихъ конвенціяхъ и на всѣхъ выборахъ всегда оказывались наверху и руководили дѣлами страны по своему усмотрѣнію и исключительно въ своихъ интересахъ. Почти всѣ президенты республики, начиная съ Вашингтона и кончая Бухананомъ, были южане; штатъ Вирджинія и до сихъ поръ считается матерью президентовъ Соединенныхъ-Шта-

товъ. Штаты сѣверо-востока, а затѣмъ и запада, быстро заселявшагося и сохранявшаго условія жизни сѣвера, постоянно боролись и противъ невольничества, и прòтивъ свободы торговли; иногда имъ удавалось вырывать незначительныя уступки отъ хозяевъ союза южанъ; но всѣ эти уступки были мѣрами палліативными, только на время отдалявшими неминуемый кризисъ. Тогда какъ югъ ревниво охранялъ свои прерогативы и обычаи, неохотно принимая эмигрантовъ какого бы то ни было рода, опасаясь ихъ вліянія на рабовъ,—сѣверъ и въ особенности западъ привлекали этихъ эмигрантовъ всевозможными способами, и результатомъ этого было то, что тогда какъ бѣлое народонаселеніе юга возростало весьма медленно, народонаселеніе сѣвера и запада чуть не удвоивалось каждыя 10 лѣтъ, и наконецъ, уже въ сороковыхъ годахъ, значительно превосходило населеніе юга, а къ концу пятидесятыхъ годовъ на семь милліоновъ бѣлыхъ юга насчитывалось уже 20 милліоновъ на сѣверѣ и западѣ. Конечно, югъ и его доктрины имѣли многихъ приверженцевъ и поклонниковъ и на сѣверѣ; партіи „ничего не знающихъ“ (know nothings) и „мѣдныхъ лбовъ“ (copperheads), особенно рѣзко выдѣлившіяся во время междоусобной войны, были проявленіями этихъ тенденцій на сѣверѣ—но все-таки главныя массы народонаселенія сѣвера и запада были и противъ невольничества, и противъ свободы торговли, и хотя даже въ 1856 году южанамъ опять-таки удалось выбрать своихъ людей, для каждаго дальновиднаго наблюдателя было несомнѣнно, что такой порядокъ не можетъ существовать много долѣе—и дѣйствительно, уже въ 1860 году южане были побиты. Тутъ-то и выразилась та разница, которая такъ рѣзко бросается въ глаза всякому историку англо-саксонскихъ и латинскихъ расъ; вмѣсто того, чтобы подчиниться рѣшенію большинства голосовъ, какъ дѣлалъ сѣверъ много разъ передъ этимъ, когда бывалъ побитъ югомъ на выборахъ, южные штаты немедленно отдѣлились и образовали независимую конфедерацію. Пока сила была въ ихъ рукахъ, они были согласны поддерживать союзъ и управлять имъ; но какъ только большинство голосовъ высказалось противъ этого управленія, такъ они немедленно взбунтовались противъ этого большинства. Исторія республикъ центральной и южной Америки, населенныхъ латинскими расами, полна такими эпизодами—и въ ихъ-то возможности и заключается разница въ способности къ самоуправленію между современными англо-саксонскими и латинскими расами. Отдѣляясь, югъ былъ убѣжденъ, что сѣверъ не посмѣетъ вступиться за поруганную, попранную

конституцію союза; но, какъ извѣстно, югъ ошибся въ своихъ разсчетахъ и страшно дорого поплатился за свою ошибку.

Война не только совершенно стерла невольничество съ лица Америки, но и дала негру право голоса. Югъ былъ уничтоженъ, разоренъ, опустошенъ — война стоила и сѣверу сотни тысячъ человѣческихъ жизней и многихъ милліардовъ долларовъ, но союзъ былъ сохраненъ, невольничество уничтожено и конституція спасена. Ересь абсолютной самостоятельности отдѣльныхъ штатовъ, ересь противная и духу, и буквѣ конституціи, и придуманная южанами въ минуту необходимости, какъ единственное средство къ сохраненію отжившаго свой вѣкъ политическаго и экономическаго строя страны, была подрѣзана въ самомъ корнѣ; что это была только ересь и ничего больше—признается теперь самими руководителями современнаго юга; демократическая партія настоящаго времени никогда больше не заикается объ этомъ вопросѣ: онъ рѣшенъ войной окончательно и навсегда, и въ томъ именно смыслѣ, какъ понимали его авторы конституціи Соединенныхъ-Штатовъ, какъ понимали его федералисты во время войны и какъ понимаетъ его все населеніе союза въ настоящее время, а именно, что эти отдѣльные штаты безусловно самостоятельны во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ; они зависимы отъ законныхъ ихъ представителей въ федеральномъ правительствѣ, конгрессѣ и высшемъ судѣ Соединенныхъ-Штатовъ по всѣмъ вопросамъ внѣшней политики, чеканки денегъ и ввозныхъ тарифовъ. Къ сожалѣнію, вопросъ объ изъятіи федеральныхъ выборовъ отъ вліяній администрацій отдѣльныхъ штатовъ остался неразрѣшеннымъ—югъ былъ такъ убитъ войной, демократическая партія такъ разстроена, что сѣверъ и не подумалъ въ минуту безусловной побѣды воспользоваться благопріятными обстоятельствами; теперь югъ опять окрѣпъ, демократическая партія опять усилилась и подняла голову, и вопросъ этотъ въ близкомъ будущемъ обѣщаетъ сдѣлаться не менѣе жгучимъ, чѣмъ тѣ, которые уже однажды вызвали страшную кровопролитную войну.

Да не подумаетъ читатель, что все вышеизложенное сказано мною только потому, что самъ я симпатизирую республиканской партіи и потому отношусь къ этому вопросу съ узкой, партизанской точки зрѣнія. Какъ я уже имѣлъ случай замѣтить выше, до моего пріѣзда въ Америку я имѣлъ только весьма смутное понятіе о политическихъ партіяхъ союза; если и существовало во мнѣ неопредѣленное стремленіе къ которой-либо партіи, то партія эта была, конечно, демократическая, такъ какъ, не знаю почему, еще въ Россіи и я, и люди моего кружка всегда относились къ ней какъ къ

партіи прогресса и реформы. Цѣлыхъ два года по пріѣздѣ я не принималъ никакого участія въ политикѣ—только присматривался, читалъ, учился; но первые же выборы, въ которыхъ я участвовалъ, навсегда и безвозвратно сдѣлали изъ меня приверженца республиканской партіи, а не демократической. Во всѣхъ штатахъ союза, исключая двухъ или трехъ штатовъ Новой-Англіи, законъ не требуетъ отъ выборщика быть гражданиномъ Соединенныхъ-Штатовъ,—требуется только пребываніе въ извѣстномъ участкѣ въ теченіе извѣстнаго времени, въ большинствѣ случаевъ только 6 мѣсяцевъ, въ нѣкоторыхъ—годъ, въ нѣкоторыхъ—3 мѣсяца, въ нѣкоторыхъ—только 6 недѣль. Затѣмъ требуется записаться выборщикомъ въ извѣстномъ участкѣ, для чего передъ каждыми выборами открываютъ въ каждомъ участкѣ регистровыя книги выборщиковъ—и вы имѣете право голоса. Хотя графство Орэнжъ, о которомъ мнѣ уже не разъ приходилось говорить выше, и было только-что организовано, но управленіе его было прочно укрѣплено за демократической партіей; демократическое кольцо (ring), какъ здѣсь называютъ всякую политическую клику, захватило управленіе въ свои руки и завѣдывало всѣми дѣлами графства и, главное, выборами. Въ нашемъ мѣстечкѣ были и закоренѣлые южане полковники—девять десятыхъ южанъ-демократовъ непремѣнно полковники—и закоренѣлые янки, республиканцы съ сѣвера, и иностранцы всѣхъ націй—и русскій, вашъ покорный слуга, и англичане, и нѣмцы, и французы, и венгерцы и даже евреи. Хотя все это былъ народъ новый, только-что прибывшій, но всѣ интересовались политикой —кто (старые американцы)—по привычкѣ, кто (мы, иностранцы)—изъ любопытства. Демократы съ гордостью указывали на тотъ фактъ, что на прошлыхъ выборахъ во всемъ графствѣ было подано всего 6 республиканскихъ голосовъ, хвастались открыто, что ни одинъ негръ никогда не посмѣетъ подать здѣсь голосъ, что и въ будущемъ и графство, и штатъ, безусловно вѣрно составляютъ собственность демократической партіи. Республиканцы посмѣивались, подзадоривали ихъ, выписывали негровъ для своихъ работъ и клялись, что они будутъ вотировать, несмотря на всѣ угрозы демократовъ. Когда подошли выборы, инспекторами ихъ въ нашемъ участкѣ, несмотря на законъ, требовавшій равнаго числа представителей отъ обѣихъ партій, оказались два ярыхъ демократа и одинъ неопредѣленнаго цвѣта субъектъ, съ демократомъ бывшій демократомъ, съ республиканцемъ—республиканцемъ. Регистровыя книги, только наканунѣ прибывшія изъ города, гдѣ онѣ были для просмотра совѣтомъ графства, оказались самовольно

передѣланными—всѣ негры были вычеркнуты, и многіе завѣдомые бѣлые республиканцы—тоже. Въ день выборовъ нѣсколько вооруженныхъ съ ногъ до головы „полковниковъ“ окружили домъ, гдѣ происходили выборы и оставались на стражѣ цѣлый день; всѣ протесты оставленныхъ безъ права голоса были оставлены инспекторами безъ вниманія, и участокъ прошелъ съ демократическимъ большинствомъ, хотя и мнѣ, и всѣмъ остальнымъ было совершенно ясно, что еслибы всѣ тѣ республиканцы, которые дѣйствительно имѣли право голоса, могли подать его, участокъ несомнѣнно оказался бы республиканскимъ. На другой день я узналъ, что въ сосѣднемъ участкѣ, гдѣ республиканцы были въ безусловномъ большинствѣ, и пересилили демократовъ, толпа вооруженныхъ и замаскированныхъ людей наѣхала на домъ, гдѣ происходили выборы, захватила баллотировочный ящикъ, какъ разъ передъ тѣмъ, когда инспектора собирались считать голоса, и торжественно сожгли и ящикъ, и голоса. То же самое произошло и въ двухъ другихъ участкахъ графства, а въ одномъ вооруженные демократы такъ-таки и не допустили ни одного республиканца въ домъ—въ этомъ участкѣ не оказалось ни одного республиканскаго голоса. Графство оказалось въ демократической колоннѣ съ значительнымъ большинствомъ; потомъ я узналъ, что совѣтъ графства значительно урѣзалъ даже тѣ репорты, которые онъ получилъ отъ участковыхъ инспекторовъ, и урѣзалъ ихъ исключительно въ одномъ направленіи—уменьшилъ число республиканскихъ голосовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибавилъ число демократическихъ. Газеты, содержавшія описаніе выборовъ въ другихъ графствахъ штата и въ другихъ южныхъ штатахъ, были полны случаями, подобными тѣмъ, которые только-что были описаны выше; въ штатѣ Южной-Каролинѣ, гдѣ 450.000 бѣлыхъ и 750.000 негровъ, всегда и безусловно подающихъ голоса за кандидатовъ республиканской партіи, оказалось большинство въ 50.000 голосовъ на сторонѣ демократовъ, и не только чиновники штата и законодательства, но и всѣ до одного члена конгресса оказались демократами То-же оказалось и во всѣхъ остальныхъ южныхъ штатахъ—это былъ „солидный югъ“ (solid South), солидный въ демократическомъ смыслѣ, гдѣ республиканецъ не имѣетъ мѣста.

Черезъ нѣсколько дней послѣ выборовъ мнѣ случилось быть въ городѣ и случилось встрѣтиться съ главнымъ вожакомъ демократовъ, предсѣдателемъ исполнительнаго комитета графства. Онъ сіялъ и поздравилъ меня съ удачными выборами. Никому не было извѣстно, къ какой партіи я пристану, и такъ какъ у меня было большое дѣло и я давалъ работу больше сотни рабочихъ,

обѣ партіи старались захватить меня въ свою пользу. Я замѣтилъ, что не вполнѣ одобряю тѣ средства, къ которымъ прибѣгли демократы въ моемъ участкѣ и, какъ слышалъ, во многихъ другихъ. „Чтò прикажете дѣлать?—возразилъ мой собесѣдникъ:—вѣдь не позволить же неграмъ сѣсть намъ на шею?" —Однако,—замѣтилъ я:—вѣдь, согласно конституціи Соединенныхъ-Штатовъ, которая, я полагаю, обязательна и для васъ, негры имѣютъ право голоса?

— Мало ли чтò! мы не признали этого добавленія къ конституціи. Нашъ штатъ высказался противъ него.

— Можетъ быть; но вѣдь больше двухъ третей всѣхъ штатовъ приняли это добавленіе, и потому оно обязательно для всего союза. Это законъ, можетъ быть, не совсѣмъ удобный или желательный, но все-таки законъ; я знакомъ съ его исторіей, и не сомнѣваюсь, что югъ самъ его накликалъ своимъ образомъ дѣйствій какъ разъ послѣ войны.

— Мало ли какихъ законовъ не навязали намъ проклятые янки! Если исполнять эти законы, то на югѣ и жить нельзя будетъ!

— Позвольте, однако, насколько мнѣ извѣстно, янки не навязали вамъ ни одного другого закона: югъ такъ же свободенъ теперь, какъ онъ былъ и до войны, исключая того, что негры получили право на подачу голоса. И, право, многіе изъ нихъ нисколько не хуже, а даже несравненно лучше многихъ бѣлыхъ. У меня у самого работаютъ два—три негра, которымъ я довѣряю больше, чѣмъ многимъ бѣлымъ. Ваши кракеры [1]), конечно, хуже всякаго негра.

— Все это такъ, но все-таки они бѣлые, а это вѣдь негры, потомки Хама, созданные Богомъ для того, чтобы служить бѣлому. Югъ никогда не признаетъ за ними права на голосъ.

— Однако я знаю два-три случая, когда и неграмъ позволяли подавать голосъ: именно тогда, когда ваши дѣльцы съумѣли заставить ихъ вотировать за вашихъ кандидатовъ. Почему же негръ можетъ подать голосъ за демократа, и не можетъ—за республиканца?

Мой собесѣдникъ захохоталъ. „Не сидѣть же намъ сложа руки!"—отвѣтилъ онъ и перемѣнилъ разговоръ.

Разговоръ этотъ глубоко врѣзался въ мою память, и въ настоящее время, когда я уже подробно познакомился съ полити-

---

[1]) Кракерами во Флоридѣ зовутъ аборигеновъ страны, потомковъ первоначальныхъ поселенцевъ страны, испанцевъ. Они ведутъ почти дикую жизнь, поголовно безграмотны и крайне недобросовѣстны и коварны. Всѣ они—заклятые демократы.

ческими порядками юга и пріемами демократической партіи, я не съумѣю дать лучшаго и болѣе яркаго описанія этихъ порядковъ и пріемовъ. Уже больше двадцати пяти лѣтъ прошло со времени окончанія войны, но демократы юга и до настоящей минуты съ одной стороны—рабовладѣльцы и самые ярые аристократы въ душѣ, точная копія русскихъ крѣпостниковъ, безъ скрежета зубовнаго не могущихъ вспоминать имена Милютина и Ростовцева, а съ другой—подчиняются не закону и праву, а только силѣ. Если дать имъ полную волю, они завтра же расчленятъ союзъ и заведутъ свои порядки; ненависть къ свободнымъ идеямъ сѣвера, къ уваженію права и закона, въ нихъ такъ же сильна, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ.

Я не сомнѣваюсь ни минуты—и мнѣніе это было не разъ уже высказано лучшими знатоками американской жизни,—что съумѣй конфедераты отстоять свою независимость, они скоро доигрались бы до диктатуры, или до наслѣдственной монархіи. Даже въ теченіе того короткаго времени, которое они просуществовали самостоятельно, весь югъ успѣлъ обратиться въ деспотически управляемую страну на военномъ положеніи—пресса была подвергнута строгой цензурѣ; народъ обманывался самымъ безжалостнымъ образомъ; пораженія обращались въ побѣды, незначительныя стычки—въ блестящія сраженія; пригодная для военнаго дѣла собственность отбиралась реквизиціонными органами правительства безъ всякаго вознагражденія; ничего не стоившія бумажныя деньги были объявлены равноцѣнными золоту; учреждены были всевозможныя заставы и пошлины, и т. д., и т. д. Въ то же время сѣверъ оставался такъ же свободнымъ, какъ и всегда; газеты нападали не только на правительство, но и на военныхъ начальниковъ, часто открывали военные секреты, противились открыто военнымъ мѣрамъ конгресса, а сѣверные демократы въ самый разгаръ войны съѣзжались на свои конвенціи и подъ носомъ и исполнительныхъ, и военныхъ властей союза, старались всячески помѣшать дѣлу сѣвера и ободрить своихъ южныхъ друзей—повстанцевъ.

Помимо вопроса о невольничествѣ, вопроса, который—что бы ни говорили и какъ бы ни скрежетали зубами южные демократы—похороненъ навсегда и не принимается въ соображеніе молодымъ поколѣніемъ, не участвовавшимъ въ войнѣ,—главными, живыми, такъ сказать, различіями въ программахъ обѣихъ партій служатъ вопросы о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ, о свободной чеканкѣ серебра и, наконецъ, о выборахъ. Реформа гражданской службы (civil service reform), которая неизмѣнно по-

является въ программахъ обѣихъ партій [1]), оказалась до сихъ поръ совершеннымъ миѳомъ, и я не думаю, чтобы при настоящей организаціи политическихъ партій возможно какое-либо существенное измѣненіе въ этомъ отношеніи. Правда, демократъ Груверъ Кливелэндъ былъ выбранъ президентомъ въ 1884 году, благодаря тому, что съумѣлъ привлечь на свою сторону многихъ республиканцевъ, образовавшихъ особую партію мюгвюмповъ, (mugwumps), требовавшую какъ неприкосновенности федеральныхъ гражданскихъ чиновъ, несмотря на ихъ принадлежность къ той или другой политической партіи, такъ и правильной системы повышеній по службѣ; но всѣ его обѣщанія по этому поводу оказались только обѣщаніями, которыхъ онъ не могъ сдержать. „To the victors belong the spoils!“ [2])—кричали со всѣхъ сторонъ его помощники и воротилы его кампаніи, и черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ занятія имъ президентскаго кресла не оставалось на службѣ Соединенныхъ-Штатовъ ни одного республиканца; демократы требовали мѣстъ и наградъ за свою службу, и Кливелэндъ не могъ ничего сдѣлать, если даже и былъ искрененъ въ своихъ обѣщаніяхъ передъ выборами, въ чемъ, впрочемъ, весьма позволительно сомнѣваться. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что вопросъ о реформѣ гражданской службы, лѣтъ десять тому назадъ игравшій большую роль въ политикѣ союза, въ настоящее время совсѣмъ сошелъ со сцены: всѣмъ стало ясно, что при настоящей организаціи политическихъ партій онъ не имѣетъ смысла, что ни та, ни другая партія не въ силахъ провести его, и что какъ бы искренни ни были кандидаты, они безсильны въ этомъ отношеніи, и все дѣло не можетъ не ограничиться одними пустыми, неисполнимыми обѣщаніями.

Протекціонизмъ и свобода торговли—вопросъ настолько общій, что я считаю излишнимъ касаться его въ настоящемъ очеркѣ; замѣчу только, что европейскія идеи по этому вопросу не вполнѣ примѣнимы къ Америкѣ. Здѣсь трудъ всякаго рода оплачивается вдвое, втрое и вчетверо лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, а благодаря этому, и потребности, и умственное развитіе массъ народа несравненно выше, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ. Не будь охранныхъ пошлинъ, продукты дешеваго труда европейскихъ мануфактуръ по многимъ отраслямъ промышленности совершенно убили бы американскаго производителя; никакія усо-

[1]) Изложеніе принциповъ партіи, издаваемое каждой національной и штатной конвенціями, называется „платформой“, каждый отдѣльный принципъ—доской платформы (plank of the platform).

[2]) Побѣдителямъ принадлежитъ добыча.

вершенствованія, никакія удешевленія производства не могли бы конкуррировать съ успѣхомъ съ нищенской заработной платой Европы, тѣмъ болѣе, что всѣ эти усовершенствованія немедленно по ихъ изобрѣтеніи здѣсь перенимаются европейскими заводчиками. Само собой разумѣется, что протекціонизмъ, какъ и всякая другая государственная мѣра, можетъ быть доведенъ до излишества, можетъ укоренять и укрѣплять монополіи всякаго рода, но протекціонизмъ республиканской партіи Соединенныхъ-Штатовъ едва-ли можно упрекнуть въ этомъ грѣхѣ. Извѣстный билль Макъ-Кинлея, проведенный послѣднимъ конгрессомъ, большинство котораго составляли республиканцы, и потому принимаемый за точное выраженіе республиканскихъ взглядовъ на протекціонизмъ, не только не повысилъ общую сумму ввозныхъ пошлинъ, но уменьшилъ ее на цѣлые сорокъ милліоновъ; въ то же время онъ усилилъ свободный ввозъ на цѣлыхъ 70 милліоновъ, сравнительно съ предшествовавшимъ введенію этого билля годомъ. Кромѣ того, вожаки республиканской партіи настоящаго времени, съ знаменитымъ Блэномъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ и премьеромъ кабинета президента Гаррисона во главѣ, соединили неразрывно съ протекціоннымъ терроромъ и вопросъ о взаимности: они согласны допустить свободный ввозъ иностранныхъ продуктовъ той страны, которая въ свою очередь откроетъ свои рынки свободному доступу американскихъ товаровъ. Трактаты взаимности заключены уже почти со всѣми странами центральной и южной Америки, а вопросъ о ввозѣ безъ пошлины нѣмецкаго свекловичнаго сахара заставилъ и нѣмцевъ открыть свои рынки ввозу американскихъ свиныхъ продуктовъ,—ввозу, практически совершенно прекращенному въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ подъ предлогомъ ихъ недоброкачественности, а въ сущности въ видахъ охраны домашняго свиноводства. За нѣмцами должны были послѣдовать Италія и Франція, и въ настоящее время американская свинина и ея различные продукты опять составляютъ одну изъ главныхъ статей вывоза союза.

Вопросъ о биметаллоизмѣ, сведенный демократической партіей на вопросъ о свободной чеканкѣ серебра, только вслѣдствіе этой постановки и отличается нѣсколько отъ всесвѣтнаго вопроса по этому предмету. Дѣло въ томъ, что американскій серебряный долларъ въ настоящее время стоитъ въ среднемъ только около 74 центовъ, тогда какъ золотой стоитъ сто центовъ; со времени открытія неисчерпаемыхъ серебряныхъ рудниковъ въ штатѣ Невадѣ, отношеніе стоимости серебра къ стоимости золота понизилось и все еще продолжаетъ понижаться, такъ какъ и до на-

стоящей минуты золота добывается ежегодно все меньше и меньше, тогда какъ серебра—все больше и больше. Демократы требуютъ дешевыхъ денегъ, и главнымъ и самымъ простымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли считаютъ введеніе свободной чеканки серебра именно настоящей стоимости, т.-е. около 75 центовъ за долларъ. Дѣйствующій законъ относительно чеканки серебра уполномочиваетъ министра финансовъ покупать по рыночной цѣнѣ серебро для монетъ, не менѣе двухъ милліоновъ долларовъ въ мѣсяцъ, и выпускать эту монету въ обращеніе по мѣрѣ надобности; демократы же требуютъ его измѣненія въ томъ смыслѣ, что правительственные монетные дворы обязаны бы были чеканить все серебро, доставляемое имъ частными лицами, въ неограниченномъ количествѣ, за дѣйствительную стоимость чеканки, употребляя только 75 центовъ его дѣйствительной, рыночной стоимости. Извѣстно, что за послѣднее двадцатипятилѣтіе многія сотни милліоновъ долларовъ серебра не могутъ найти сбыта и лежатъ въ слиткахъ, ожидая лучшаго будущаго; республиканцы справедливо опасаются, что такое искусственное наводненіе денежнаго рынка дешевыми деньгами, не стоющими того, что̀ на нихъ вычеканено, подорветъ общественное довѣріе и послужитъ поводомъ къ многочисленнымъ затрудненіямъ и пертурбаціямъ, отъ которыхъ бѣдному всегда достается больше, чѣмъ богатому.

Въ теченіе послѣдняго конгресса провалились два билля: одинъ демократическій, о свободной чеканкѣ серебра, другой—республиканскій, объ охранѣ и неприкосновенности федеральныхъ выборовъ. Благодаря изумительно ловкой, чисто іезуитской тактикѣ демократовъ, предводимыхъ сенаторомъ Горманомъ, несмотря на то, что они были въ меньшинствѣ въ обѣихъ палатахъ, имъ удалось заманить нѣсколькихъ республиканскихъ сенаторовъ, которые увлеклись мѣстными выгодами своихъ штатовъ, благосостояніе которыхъ неразрывно связано съ производствомъ серебра, и съумѣли заставить ихъ вступить въ постыдную сдѣлку, послѣдствіемъ которой оказалась невозможность проведенія билля о выборахъ, а послѣ того, совершенно неожиданно для тѣхъ и для другихъ, вслѣдствіе случайности, провалился и билль о свободной чеканкѣ серебра.

Вопросъ о федеральныхъ выборахъ и охранѣ ихъ независимости и самостоятельности, благодаря вышеописаннымъ пріемамъ южныхъ и извѣстной части сѣверныхъ демократовъ, имѣетъ въ настоящее время первостепенное значеніе и занимаетъ не только конгрессъ и законодательства отдѣльныхъ штатовъ, но и массы са-

михъ избирателей. Почти всѣ республиканскіе штаты провели законы о принятіи австралійской системы выборовъ. Система эта вполнѣ обезпечиваетъ независимость избирателей въ томъ смыслѣ, что никто не знаетъ и не можетъ знать, за кого онъ вотировалъ. Подкупы и интимидаціи дѣлаются затруднительными и рискованными, такъ какъ приходится полагаться на совѣсть подкупаемаго —нельзя прослѣдить, вотировалъ ли онъ согласно сдѣлкѣ. Система эта практикуется во многихъ штатахъ уже нѣсколько лѣтъ, и всѣ демократическія ухищренія и подвохи ни къ чему не ведутъ: при ней невозможно руководить выборами ни посредствомъ подкупа и интимидацій всякаго рода, ни посредствомъ неправильнаго счета голосовъ послѣ выборовъ. Поэтому-то демократическая партія всегда и вездѣ противится этой системѣ всякими правдами и неправдами; ни одинъ солидно-демократическій штатъ не принялъ ее до сихъ поръ, также какъ не удалось провести ее и въ такъ называемыхъ „сомнительныхъ“ штатахъ, гдѣ партіи равносильны; такъ, борьба за нее идетъ въ штатѣ Нью-Іоркѣ уже около десяти лѣтъ; года два тому назадъ, когда обѣ законодательныя палаты имѣли республиканское большинство, губернаторомъ былъ демократъ, и онъ три раза останавливалъ билль о выборахъ. Я уже упоминалъ выше о биллѣ для охраны федеральныхъ выборовъ, не успѣвшемъ пройти въ послѣднемъ конгрессѣ, хотя обѣ палаты и имѣли республиканское большинство; билль этотъ, не касаясь вовсе мѣстныхъ выборовъ въ штатахъ, обставлялъ федеральные выборы, т.-е. выборы президента и вице-президента Соединенныхъ Штатовъ и членовъ конгресса такими формами и условіями, что подкупы, интимидаціи и неправильный счетъ голосовъ становились невозможными. Билль прошелъ въ палатѣ представителей, причемъ республиканцы поголовно вотировали—за, а демократы—противъ, но былъ убитъ въ сенатѣ, и потому выборы эти и въ будущемъ на югѣ будутъ не чѣмъ инымъ, какъ фарсомъ.

Демократы придумали и другой способъ извращать искусственными средствами результаты народной воли въ свою пользу. Какъ только имъ удастся захватить законодательство какого-нибудь штата, они немедленно устроиваютъ gerrymander выборныхъ участковъ. Слово это новое на англійскомъ языкѣ и означаетъ такую кройку территоріи, которая, не обращая вниманія на естественныя географическія границы, отдаетъ образуемые ею участки въ руки демократической партіи. Для послѣднихъ выборовъ въ конгрессъ были устроены демократами многіе gerrymander'ы; наиболѣе выдающимся былъ одинъ въ штатѣ Охайо, гдѣ изъ бывшаго кон-

пактнаго, въ географическомъ отношеніи, республиканскаго участка, въ которомъ живетъ и всегда выбирался значительнымъ большинствомъ особенно ненавистный демократамъ авторъ новаго тарифнаго закона Макъ-Кинлэй, и изъ двухъ сосѣднихъ, солидно-демократическихъ, сдѣлали три новыхъ участка, каждый въ видѣ острова Целебеса, и каждый съ демократическимъ большинствомъ, такъ что Макъ-Кинлэй былъ побитъ. Другой случай былъ въ штатѣ Алабамѣ, въ сѣверо-восточномъ углу котораго, смежномъ съ горами штата Тенесси, издавна, еще со времени войны, жило почти сплошное юніонистское и республиканское населеніе, всегда выбиравшее республиканскаго члена палаты представителей; участокъ этотъ разбили на-двое, и чтобы сдѣлать оба новыхъ участка солидно-демократическими, растянули одинъ изъ нихъ по всей сѣверной границѣ штата, на разстояніи свыше 300 миль, и только отъ 10 до 15 миль ширины, а другой растянули по восточной границѣ, придавъ ему такую же форму.

Организація обѣихъ партій совершенно одинакова. Національный комитетъ составляется изъ членовъ по одному отъ каждаго штата и каждой территоріи союза и выбирается на четные годы. Этотъ комитетъ выбираетъ предсѣдателя, секретаря и казначея и особый исполнительный комитетъ изъ пяти или шести членовъ. Этотъ-то національный исполнительный комитетъ и завѣдуетъ федеральными политическими кампаніями союза. Онъ собираетъ деньги, назначаетъ и разсылаетъ спикеровъ въ разные штаты, назначаетъ время и мѣсто національныхъ конвенцій, и вообще орудуетъ всѣми махинаціями. Не нужно говорить, что только самые ловкіе, самые успѣшные политиканы занимаютъ мѣсто въ этихъ комитетахъ. Для такого политикана не должно существовать ничего слишкомъ низкаго, ничего слишкомъ грязнаго; онъ долженъ быть готовъ на все во всякую минуту; главнымъ правиломъ служитъ то, что въ политикѣ всякія средства позволительны. Хотя главныя массы республиканской партіи стоятъ открыто на сторонѣ честныхъ, правильныхъ выборовъ, и партія эта никогда не прибѣгала къ насилію и кражѣ баллотировочныхъ ящиковъ, но во всемъ остальномъ ея вожаки, къ сожалѣнію, едва ли чище или лучше демократовъ. Умышленная подтасовка фактовъ, извращеніе статистическихъ данныхъ, превратное толкованіе правительственныхъ мѣръ и отчетовъ, даже подлоги всякаго рода,—все это неразлучно связано съ каждой президентской кампаніей. Громадное количество памфлетовъ, брошюръ и даже цѣлыхъ книгъ начинаютъ наводнять страну уже за нѣсколько мѣсяцевъ до выборовъ; въ каждомъ мѣстечкѣ, въ

каждомъ городкѣ, а въ большихъ городахъ въ каждомъ участкѣ собираются митинги, адресуемые самыми ловкими, самыми красноречивыми говорунами обѣихъ партій; въ теченіе каждой кампаніи такая масса лжи, выдумокъ и фальсификацій сыплется на избирателей, что часто совершенно невозможно отличить, чтò правда и чтò неправда, особенно если дѣло касается или цифръ и отчетовъ, или частной жизни и общественной карьеры кандидатовъ. Такъ, за двѣ недѣли до выборовъ 1880 года, когда вопросъ о воспрещеніи китайской иммиграціи особенно волновалъ западные и тихо-океанскіе штаты, демократы выпустили въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ и разослали въ каждый уголокъ союза фотографическую копію съ письма кандидата республиканской партіи Гарфильда къ нѣкоему Морлею,—письма, безусловно одобрявшаго допущеніе китайской иммиграціи; но не только подпись, а и все письмо было самымъ наглымъ подлогомъ и въ дѣйствительности никогда не существовало; однако, несмотря на энергическое отрицаніе его какъ самимъ Гарфильдомъ, такъ и всей республиканской партіей, оно стоило ей голосовъ трехъ штатовъ, куда отрицанія эти не могли поспѣть вò время. Снова, во время президентской кампаніи 1884 года, частная жизнь и обстоятельства свадьбы кандидата республиканской партіи Блэна подверглись такимъ ожесточеннымъ нападкамъ со стороны демократовъ, а разныя вымышленныя исторіи по этому поводу возникали и замѣнялись новыми такъ скоро и распространялись такъ быстро, что не было никакой возможности слѣдить за этой грязью и опровергать ее. Въ 1888 году кандидатъ демократической партіи, Кливелэндъ, имѣвшій несчастіе во время самой ранней молодости, лѣтъ тридцать пять тому назадъ, имѣть незаконнорожденнаго сына, былъ такъ забрызганъ грязью по этому поводу, что его собственный городъ, Буффало, обыкновенно демократическій, значительнымъ большинствомъ голосовъ высказался на этотъ разъ противъ него лично.

Кромѣ національнаго комитета, каждая партія имѣетъ комитетъ штата, графства и тоуншипа въ каждомъ штатѣ, графствѣ и тоуншипѣ, организованный точно такъ же, какъ и національный комитетъ, и завѣдующій дѣлами партіи и кампаніями въ своихъ территоріяхъ. Вся политическая работа подраздѣляется между этими комитетами, сфера дѣйствій которыхъ строго разграничена, такъ что пререканія и недоразумѣнія почти невозможны. Всѣ эти организаціи работаютъ дружно и одновременно, въ одномъ направленіи, подъ руководствомъ вожаковъ въ національномъ комитетѣ, дающихъ тонъ кампаніи и направляющихъ какъ лич-

жныя средства партіи на извѣстные пункты, ибо требуютъ особыхъ усилій.

анія стоитъ странѣ громадныхъ денегъ. Само собой разумѣется, что совершенно невозможно вычислить въ долларахъ даже приблизительную ихъ стоимость; несомнѣнно то, что она чрезвычайно велика. Національные комитеты располагаютъ почти неограниченными средствами: не только всѣ служащіе облагаются извѣстнымъ процентомъ съ ихъ содержанія на эти издержки, но и всѣ частныя корпораціи и просто дѣловые люди обыкновенно сильно приплачиваются, особенно если ихъ частные интересы почему-либо зависятъ отъ успѣха той или другой партіи. Фабриканты обыкновенно помогаютъ республиканцамъ, а торговцы иностранными товарами и спиртными напитками —демократамъ. Въ сѣверныхъ штатахъ водка и пиво, ихъ производство и торговля ими, составляютъ главный оплотъ демократической партіи; всѣ кабачники поголовно—демократы и, обладая громадными средствами и большимъ вліяніемъ на низшіе элементы народа, составляютъ страшную силу; штатъ Нью-Іоркъ все больше и больше подпадаетъ ихъ вліянію, благодаря быстрому росту его городовъ, подонки населенія которыхъ находятся всецѣло въ рукахъ водочныхъ воротилъ.

Расходы политической кампаніи въ Америкѣ очень разнообразны. Особые политиканы [1]) назначаются въ каждомъ школьномъ участкѣ, получая опредѣленное жалованье и всѣ расходы: ихъ дѣло—видѣть каждаго избирателя и стремиться всѣми средствами заставить его вотировать въ интересахъ партіи; въ день выборовъ для слабыхъ и нерѣшительныхъ людей нанимаютъ экипажи и почти силой везутъ ихъ къ баллотировочнымъ ящикамъ. Открытая торговля идетъ обыкновенно относительно всѣхъ выборныхъ мѣстъ: если вы будете вотировать за такого-то, я буду за такого-то, и наоборотъ. Въ 1888 году, въ штатѣ Нью-Іоркѣ, хотя демократическій кандидатъ на президентство Соединенныхъ-Штатовъ Кливелэндъ былъ побитъ 14.000 голосовъ, демократическій же кандидатъ въ губернаторы штата, Хиллъ, былъ выбранъ 25.000

[1]) Не знаю, какъ лучше перевести американское слово: politician. Это—особый классъ людей, живущихъ на счетъ политическихъ партій и занимающихся не чѣмъ инымъ, какъ политической работой всякаго рода во время кампаній. Если ихъ партія въ силѣ, они являются претендентами на общественныя мѣста, и обыкновенно получаютъ ихъ, часто въ ущербъ дѣлу; вожаки не въ состояніи побороть ихъ вліяній, и всѣ мечты о реформахъ гражданской службы такъ и останутся мечтами до тѣхъ поръ, пока политическая работа и назначенія на мѣста будутъ зависѣть отъ этихъ политикановъ.

голосовъ: несомнѣнно существовала самая бойкая торговля голосами, чтобы добиться такого результата. Кромѣ этихъ издержекъ, большія деньги употребляются на поддержку прессы: субсидируются не только существующія газеты, но и основываются спеціальныя, только на время кампаніи, распространяемыя безплатно по всѣмъ уголкамъ извѣстной территоріи. Затѣмъ большихъ денегъ стоютъ митинги, процессіи и ораторы; въ Соединенныхъ-Штатахъ насчитываются многія сотни и даже тысячи политическихъ говоруновъ, которые говорятъ въ пользу той или другой партіи въ теченіе всей кампаніи; многіе изъ нихъ очень популярны, умѣютъ увлекать толпу остроумными сравненіями и анекдотами и цѣнятся очень высоко: за два, за три мѣсяца кампаніи въ извѣстномъ штатѣ они получаютъ 3, 5, иногда даже 10 тысячъ долларовъ.

Кромѣ этихъ правильныхъ, постоянныхъ политическихъ организацій, во время всякой кампаніи образуются въ каждомъ мѣстечкѣ временныя политическія общества, называемыя клубами, носящими въ честь кандидатовъ партіи ихъ имена; клубы эти вербуютъ членовъ, имѣютъ правильныя засѣданія, на которыхъ разбираются и защищаются всѣ жгучіе вопросы дня съ точки зрѣнія партіи клуба, организуютъ митинги, процессіи и политическіе обѣды, пріемы и сборища всякаго рода, украшаютъ улицы флагами съ портретами своихъ кандидатовъ, и т. д., и т. д.

„Платформа“ партіи и назначеніе кандидатовъ на должности дѣлаются на особыхъ конвенціяхъ, составляющихся изъ членовъ партіи, выбранныхъ извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ порядкомъ. Національные кандидаты назначаются національными конвенціями, кандидаты штата—штатными, и т. д. Списокъ кандидатовъ партіи называется тикетомъ (ticket) и, сообразно его значенію, бываетъ національнымъ, конгрессіональнымъ, штатнымъ, городскимъ, и т. д. Національные выборы бываютъ разъ въ четыре года и выбираютъ президента и вице-президента Соединенныхъ-Штатовъ; конгрессіональные—разъ въ два года и выбираютъ членовъ нижней палаты; штатные—отъ ежегодныхъ въ нѣкоторыхъ штатахъ, до одного раза въ 2, 3 и 4 года, смотря по закону штата, опредѣляющему срокъ службы губернатора и другихъ чиновниковъ штата; то же самое относится и къ выборамъ городскимъ, графствъ и тоуншиповъ. Само собою разумѣется, что каждые выборы стоютъ денегъ, какъ общественнымъ классамъ графствъ, городовъ, штатовъ и націи, такъ и избирателямъ; поэтому многіе штаты свели ихъ всѣ на одинъ день, разъ въ четыре года; зато, съ другой стороны, эта экономія имѣетъ многихъ противниковъ, такъ какъ это соединеніе выборовъ даетъ полную возможность

къ торговлѣ голосами, о которой я уже упоминалъ выше; тексты перечеркиваются и извращаются: если вы будете вотировать за моего кандидата въ президенты, я буду вотировать за вашего въ губернаторы, и т. д. Штаты Новой-Англіи, для сохраненія чистоты выборовъ въ этомъ отношеніи, имѣютъ различные сроки для выборовъ чиновъ графства, городовъ, штата и націи, и въ настоящее время сильная агитація идетъ и во многихъ другихъ штатахъ, чтобы раздѣлить эти различные выборы и тѣмъ урѣзать возможность торговли голосами.

Во время президентской кампаніи 1888 года мнѣ пришлось нѣсколько разъ быть въ Нью-Іоркѣ по дѣламъ и видѣться съ бывшимъ предсѣдателемъ республиканскаго національнаго комитета, сенаторомъ штата Пенсильваніи въ сенатѣ Соединенныхъ-Штатовъ, Маттью-Квэемъ — Matthew Quay. Этотъ замѣчательный организаторъ еще за недѣлю до выборовъ безошибочно предсказалъ ихъ результатъ. Люди, завѣдывавшіе выборами въ различныхъ штатахъ, были такъ удачно выбраны, средства партіи и ея ораторы такъ удачно распредѣлены именно тамъ, гдѣ они были наиболѣе нужны, что всѣ ухищренія и громадныя деньги, бывшія въ распоряженіи демократовъ, оказались безплодными: они были побиты на всѣхъ пунктахъ, несмотря на то, что имѣли за собой поддержку національной администраціи и ея армію служащихъ всякаго рода. За мѣсяцъ до выборовъ мнѣ случилось сидѣть въ конторѣ Квэя съ двумя или тремя пріятелями-республиканцами. Разговоръ зашелъ о расходахъ кампаніи; Квэй вычислялъ ихъ для одной республиканской партіи въ пятьдесятъ милліоновъ долларовъ однѣми деньгами; расходы же демократовъ деньгами вычислялись даже въ бо́льшую сумму; кромѣ того, работа всей націи останавливалась на цѣлый день — словомъ, сумма въ полтораста милліоновъ долларовъ, вѣроятно, была ниже дѣйствительной стоимости этой кампаніи. Я замѣтилъ имъ, что правительства европейскихъ монархій, конечно, стоютъ дешевле; на это мои собесѣдники въ одинъ голосъ заявили, что это, вѣроятно, справедливо, но что они, американцы, за эти деньги, тратимыя ими совершенно добровольно, получаютъ огромное количество „fun“ — слово непереводимое и означаетъ забаву, удовольствіе и вообще пріятное препровожденіе времени. И дѣйствительно, выборы въ Америкѣ составляютъ общій праздникъ: факельныя процессіи съ хорами музыки, массъ-митинги съ зажигательными рѣчами лучшихъ ораторовъ страны, юмористическія пѣсни съ похвалами своимъ и насмѣшками надъ противными кандидатами, огромныя пари на деньги и на всякіе другіе предметы, часто самаго стран-

наго и смѣшного характера, общая напряженность, доходящая ко дню выборовъ до самаго восторженнаго энтузіазма—все это способствуетъ тому, что выборы служатъ какъ бы національнымъ развлеченіемъ;—и почему же, разсуждаютъ здѣсь, не заплатить за такое удовольствіе, особенно если принять въ соображеніе, что вѣдь плата эта необязательная: никто не можетъ заставить васъ и платить деньги, и вотировать, если вы сами этого не желаете.

Бо̀льшая часть тѣхъ десяти лѣтъ, что я прожилъ въ Америкѣ, была проведена мною въ южныхъ штатахъ, гдѣ я постоянно и ежедневно соприкасался съ главными элементами демократической партіи и знаю лично какъ весьма многихъ главныхъ вожаковъ ея, людей, направляющихъ общественное мнѣніе и руководящихъ политикой минуты, такъ и настроеніе демократическихъ массъ; въ то же время, во время моихъ частыхъ поѣздокъ на сѣверъ и западъ, въ самые центры республиканизма, я имѣлъ возможность изучить какъ стремленія его вожаковъ,—и со многими изъ нихъ былъ также знакомъ лично,—такъ и республиканскихъ массъ. Тогда какъ эти послѣдніе всегда безусловно подчинялись и подчиняются рѣшенію большинства голосовъ, и открыто, всегда и всюду, проповѣдуютъ такое подчиненіе, какъ единственную и главную охрану республиканскихъ учрежденій,—демократы, не касаясь открыто самаго принципа, и обыкновенно обходя его молчаніемъ, подчиняются рѣшеніямъ большинства голосовъ только тогда, когда знаютъ, что сила противъ нихъ—и въ такихъ случаяхъ всегда стараются затормазить всячески противныя имъ рѣшенія. Этотъ-то обструкціонизмъ, во всѣхъ формахъ, начиная съ сессіи 1861 года и ея послѣдствій и кончая самыми мелочными, самыми недостойными уловками и продѣлками парламентаризма, это-то нежеланіе и неумѣніе пожертвовать собственными взглядами и убѣжденіями противному большинству, и составляютъ, по моему мнѣнію, самое существенное отличіе демократической партіи отъ республиканской. Вся исторія союза, и особенно исторія конгресса со времени его основанія, повидимому, безусловно доказываетъ это. Послѣдній конгрессъ, имѣвшій значительное республиканское большинство въ обѣихъ палатахъ, не былъ въ состояніи провести почти ни одной мѣры, которой почему-либо противились демократы. Обструкціонизмъ былъ доведенъ до небывалыхъ размѣровъ; а такъ какъ парламентаризмъ имѣетъ свои слабыя стороны, то и демократы пользовались ими съ изумительною находчивостью и настойчиво.

Я долженъ упомянуть еще объ одномъ различіи между двумя

партіями, на этотъ разъ какъ принципіальномъ, такъ и личномъ. Растраты общественныхъ суммъ въ штатахъ сѣвера и запада, управляемыхъ большею частью республиканцами, совершенно неизвѣстны; въ теченіе тѣхъ десяти лѣтъ, что я прожилъ здѣсь, насколько помню, на сѣверѣ былъ только одинъ крупный фактъ растраты казначеемъ города Филадельфіи. На югѣ же, наоборотъ, эти растраты составляютъ хроническое явленіе; въ настоящее время нѣтъ ни одного южнаго штата, въ которомъ не было бы значительной растраты какъ въ суммахъ штата, такъ и отдѣльныхъ городовъ. Кромѣ того, растраты эти, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, остаются совершенно безнаказанными; суммы эти частію идутъ на покрытіе расходовъ по выборамъ и въ пользу демократическихъ комитетовъ, частію въ карманы вожаковъ, и мнѣ лично не разъ приходилось слышать отъ этихъ вожаковъ, людей иногда безукоризненно честныхъ въ частной ихъ жизни, безусловное оправданіе этихъ растратъ. То правило, что въ политикѣ всѣ средства дозволительны, примѣняется въ этомъ случаѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Въ теченіе первыхъ двадцати-пяти лѣтъ по окончаніи войны республиканская партія была въ такомъ большинствѣ, что ея побѣды на національныхъ выборахъ не подлежали сомнѣнію; но за послѣднія десять лѣтъ силы партій опять уравновѣсились, и въ настоящую минуту онѣ настолько равносильны, что невозможно разсчитывать на исходъ какихъ бы то ни было выборовъ —они зависятъ, большею частію, отъ случайностей и совершенства организаціи партій. Югъ солиденъ на демократической сторонѣ; хотя при вычисленіи представительства штатовъ для національныхъ и конгрессіональныхъ выборовъ негритянское населеніе принимается въ разсчетъ, но въ дѣйствительности негры или совсѣмъ не вотируютъ, или же голоса ихъ не считаются; на сѣверѣ же и западѣ большіе города, съ ихъ громаднымъ демократическимъ населеніемъ, уравновѣшиваютъ республиканское большинство страны. Такъ городъ Нью-Іоркъ даетъ ежегодно демократическое большинство въ 80 и даже 100 тысячъ голосовъ; Бруклинъ — въ 40 тысячъ, Буффало—въ 20 тысячъ и т. д.; а весь штатъ Нью-Іоркъ, въ которомъ находятся всѣ эти города, въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ на національныхъ выборахъ всегда давалъ республиканское большинство, хотя и незначительное. Эти демократическія большинства большихъ городовъ составляются изъ безграмотныхъ европейцевъ-эмигрантовъ, преимущественно ирландцевъ, итальянцевъ и поляковъ, осѣдающихъ по большей части въ городахъ, и низшихъ элементовъ самого американскаго на-

рода, состоящихъ въ безусловномъ распоряженіи кабальной силы; эти два контингента составляютъ главный оплотъ демократовъ во всѣхъ сѣверныхъ штатахъ; не будь ихъ, они ни въ какомъ случаѣ не могли бы даже разсчитывать на побѣду. Ежегодно появляются и въ законодательствахъ отдѣльныхъ штатовъ, и въ конгрессѣ, предложенія объ измѣненіи существующихъ законовъ относительно права голоса безграмотныхъ эмигрантовъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о томъ, за кого и за что они вотирують; но до сихъ поръ всѣ эти предложенія встрѣчали упорный отпоръ со стороны демократовъ, и при настоящемъ равновѣсіи партій едва ли можно разсчитывать на какое-либо существенное улучшеніе въ этомъ отношеніи.

Наконецъ, я не могу пройти молчаніемъ самую могучую, самую опасную политическую организацію Соединенныхъ-Штатовъ настоящаго времени—это демократическое общество Таммани-Холлъ (Tammany Hall) города Нью-Іорка. Оно было основано около 40 лѣтъ тому назадъ, а во времена знаменитаго разбойника Твида, бывшаго много лѣтъ мэромъ города Нью-Іорка и ограбившаго и этотъ городъ, и весь штатъ на многіе милліоны долларовъ, развратившаго при этомъ до невозможныхъ размѣровъ и администрацію, и суды, и штаты, и города,—достигло огромнаго вліянія; затѣмъ, съ паденіемъ и бѣгствомъ Твида, оно на время утратило свое значеніе, а теперь опять вошло въ силу и располагаетъ политическими судьбами не только города Нью-Іорка, но и всего союза. Это общество избрало на ноябрьскихъ выборахъ 1891 года своего кандидата въ губернаторы штата Нью-Іоркъ и оказалось настолько всемогущимъ, что его же представитель былъ выбранъ въ спикеры національной палаты представителей въ Вашингтонѣ. Есть большое основаніе предполагать, что этому обществу удастся, наконецъ, навязать демократической партіи въ національной конвенціи также своего кандидата въ президенты, нынѣшняго губернатора штата Нью-Іоркъ, Дэвида Беннета-Хилла, представителя дурныхъ интересовъ и всего мало достойнаго въ политикѣ союза, но чрезвычайно хитраго и умѣлаго политика и организатора: онъ сумѣлъ завоевать почти неограниченное вліяніе на самые худшіе и вмѣстѣ самые многочисленные элементы демократической партіи и штата Нью-Іоркъ—и всего союза.

П. А. Тверской.

ОТРЫВОКЪ

изъ пятой книги Лукреція.

— Lucretius, De rerum natura, V, 780—1455 [1]).

Въ самомъ началѣ земля убрала̀ всѣ холмы и равнины
Свѣжею зеленью травъ,—и луга заблистали цвѣтами.
Вскорѣ возникли затѣмъ и деревъ всевозможные виды,
Съ тѣмъ, чтобы въ воздухъ свободно рости, состязаясь другъ съ другомъ.
Какъ у пернатыхъ на тѣлѣ сперва появляются перья,
А волоса и щетина—у четвероногихъ животныхъ,
Такъ и изъ свѣжаго тѣла земли тогда выросли травы
Прежде всего и деревья; а послѣ она сотворила
Разнообразнымъ путемъ породы существъ оживленныхъ.
И невозможно, чтобъ то, что̀ живетъ, на землѣ обитая,
Съ выси небесной ниспало иль вышло изъ влаги соленой.
Вотъ почему по заслугамъ земля получила названье
Матери, такъ какъ она все, что̀ есть, изъ себя сотворила.
Нынѣ еще изъ нея очень много существъ возникаетъ,
Вызванныхъ влагой дождя и тепло̀мъ благодатнаго солнца.
А потому несомнѣнно, что первоначально, при свѣжихъ
Силахъ земли, существа, что̀ она же съ эѳиромъ вскормила,

---

[1]) Этотъ отрывокъ представляетъ собою часть начатаго перевода въ стихахъ всей поэмы Лукреція, по латинскому тексту изданія Bernays'а (Лейпцигъ, 1852), и содержитъ въ себѣ исторію происхожденія минеральнаго, растительнаго и животнаго царствъ, а также картину первобытной жизни человѣчества, ка̀къ то и другое представлялось образованнѣйшей части древняго языческаго міра, наканунѣ нашей эры, когда была написана и самая поэма.

Выросли въ бо́льшемъ числѣ и притомъ также бо́льшихъ размѣровъ.
Прежде всего родъ пернатый,—и разнообразныя птицы,
Выведясь вешней порой, свои яйца бросали безпечно,
Такъ же, какъ нынѣ еще вылупляются сами цикады
Лѣтомъ изъ круглыхъ покрововъ своихъ, ища жизни и пищи.
Послѣ земля тамъ и сямъ создала поколѣнія смертныхъ,
Такъ какъ въ ней много еще и тепла находилось, и влаги.
Гдѣ только мѣстность къ тому представлялась удобной и годной,
Тамъ выростали вездѣ дѣтородныя матки, корнями
Цѣпко къ землѣ прикрѣпляясь; когда же изъ нихъ порожденье,
Ужъ совершенно созрѣвъ, выползало, чтобъ влаги избѣгнуть,
И чтобы выйти на воздухъ, тогда мать-природа въ то мѣсто
Вмигъ направляла всѣ поры земли, чтобы изъ жилъ ихъ, открытыхъ,
Сокъ вытекалъ, на подобье тому, какъ и нынѣ у женщинъ
Послѣ родовъ наполняется грудь сладкимъ сокомъ молочнымъ,
Такъ какъ вся сила питанія къ ней, какъ къ центру, стремится.
Пищу давала ребенку земля, теплый воздухъ—одежду,
Мягкой постелью служилъ дернъ нѣжный, ростущій въ обильѣ.
Не были юному міру знакомы ни холодъ свирѣпый,
Ни удушающій зной, ни всесильный порывъ урагана.
Такъ равномѣрно ростетъ все, что̀ есть, постепенно мужая.

Да, по дѣламъ и заслугамъ земля получила названье
Матери, вѣкъ сохраняя его; да, она сотворила
Какъ человѣческій родъ, такъ и всякую тварь въ свое время,
Также и птицъ разновидныхъ, летающихъ въ воздухѣ вольномъ.
Но такъ какъ силъ у земли не могло же хватать на всю вѣчность,
То, утомившись, она, какъ женщина въ старости хилой,
Въ творчествѣ стала слабѣе. И все измѣняетъ на свѣтѣ
Первоначальный свой видъ отъ времени и переходитъ,
Какъ то̀ природа велитъ, въ другой, не похожій на прежній.
Все измѣняется въ мірѣ согласно безсмѣннымъ законамъ.
Рядомъ съ предметомъ гніющимъ и слабымъ отъ долгаго вѣка
Къ свѣту выходитъ другой, избѣгнувъ презрѣннаго мрака.
Такъ, подъ вліяніемъ дней, превращается все, что̀ на свѣтѣ.
Изъ одного состоянья земля переходитъ въ другое;
Что̀ она прежде творила, того она нынѣ совсѣмъ ужъ
Не производитъ на свѣтъ, а творитъ, чего не было прежде.

Въ тѣ времена попыталась земля создать даже много
Разныхъ чудовищъ, что̀ видомъ своимъ поражали и формой,
Частью двуполыхъ людей, не похожихъ на тотъ и другой полъ,
Частью такихъ, что̀ безъ ногъ или рукъ родились, да нерѣдко

Также слѣпыхъ и нѣмыхъ, то-есть глазъ или рта не имѣвшихъ,
А наконецъ, и такихъ, у которыхъ срослися всѣ члены
Такъ, что они не могли ни дѣлать того, что̀ хотѣли,
Ни даже двигаться съ мѣста, куда бы то ни было, сами,
Чтобы спастись отъ бѣды иль достать себѣ то̀, въ чемъ нуждались.
Кромѣ того, попыталась земля сотворить еще много
Этимъ подобныхъ уродовъ, но все понапрасну и тщетно,
Такъ какъ природа имъ всѣмъ не дала размножаться, а сами
Не въ состояніи были они ни достигнуть расцвѣта,
Ни себѣ пищи найти, ни сойтись плодотворной любовью.
Много вѣдь разныхъ условій должно на-лицо быть совмѣстно,
Чтобы породы могли разводиться все новымъ приплодомъ.
Нужно, во-первыхъ, чтобъ пища была, а затѣмъ, чтобъ свободно
По всему тѣлу разлиться могло дѣтородное сѣмя,
И, наконецъ, чтобы самки желали съ самцами сходиться,
Такъ чтобъ взаимны у нихъ наслажденья любовныя были.
Многіе виды животныхъ тогда должны были гибнуть,
Такъ какъ они не могли размножаться все новымъ потомствомъ.
Ибо тѣ виды, что̀ нынѣ еще наслаждаются жизнью,
Всѣ сохранила съ начала вѣковъ или хитрость ума ихъ,
Или же мужество, иль, наконецъ, ихъ проворство и ловкость.
Многіе, кромѣ того, приносили намъ явную пользу
И потому сохранились доднесь подъ охраною нашей.
Храбрость и льва защитила, и всякаго хищнаго звѣря;
Хитрость—породу лисицъ, а проворныя ноги—оленя.
Но зато чуткій и бдительный песъ, этотъ сторожъ вѣрнѣйшій,
И всѣ породы животныхъ, что̀ тяжести возятъ и носятъ,
Овцы, дающія шерсть, а также скотъ крупный рогатый,
Всѣ тѣ охотно бѣжали отъ хищныхъ звѣрей подъ защиту
Нашу, чтобъ, въ мирѣ живя, безо всякой заботы питаться
Кормомъ обильнымъ, что̀ мы имъ даемъ въ награду за пользу.
Тѣ же, которыхъ природа способностью не одарила,
Силой своей сохранять себѣ жизнь, находя пропитанье,
Или же намъ чѣмъ-нибудь приносить несомнѣнную пользу,
Такъ чтобъ за это и мы сохранять и беречь ихъ старались,
Тѣ становились, конечно, добычей другихъ постепенно,
Жертвы цѣпей роковыхъ—пока ихъ законы природы
Не привели, наконецъ, по прямому пути къ вымиранью.
Но никогда не творила земля двуобразныхъ центавровъ [1]),

---

¹) Древне-греческій миѳъ представлялъ себѣ центавровъ на половину людьми, на половину лошадьми.

И невозможно притомъ появленье существъ, одаренныхъ
Тѣломъ двойнымъ и природой двойной, у которыхъ способность
Къ жизни, имѣя основой своей разнородные члены,
Съ той и съ другой стороны всегда равной остаться не можетъ.
Даже съ недальнимъ умомъ человѣкъ заключить это въ силахъ
Прежде всего изъ того, что, достигнувъ трехъ лѣтъ, конь ретивый
Въ цвѣтѣ своемъ, но далекъ отъ того еще мальчикъ трехлѣтній;
Часто тогда вѣдь еще онъ во снѣ ищетъ груди кормящей.
Послѣ, когда измѣняютъ коню, съ убѣгающей жизнью,
Крѣпкія силы его, и отъ старости члены дряхлѣютъ,
Тутъ наступаетъ сперва тому мальчику возрастъ цвѣтущій
Юности, щеки его одѣвая пушкомъ мягкошерстнымъ.
А потому ты не вѣрь, чтобы сѣмя людское, смѣшавшись
Съ конскимъ, центавровъ могло сотворить, одаряя ихъ жизнью.
Также немыслимы сциллы [1]), которыхъ тѣла полурыбьи
Сверху кругомъ обвиты ужасающе-дикими псами,
И остальныя созданья, подобныя имъ по уродству,
Члены которыхъ, какъ видно, вполнѣ межъ собой несогласны,
Одновременно не могутъ всѣ части существъ этихъ мнимыхъ
Или расцвѣта достичь и для тѣлъ своихъ силъ набираться,
Или же силы терять, коль скоро является старость.
Также не могутъ онѣ воспылать той же страстью любовной,
Или во нравахъ сойтись, или жить одинаковой пищей.
Часто вѣдь, какъ это видѣть легко, отъ растенья цикуты,
Столь ядовитой для насъ, лишь жирѣетъ козелъ бородатый.
Далѣе, если огонь точно также легко сожигаетъ
Рыжеволосаго льва, какъ и все, что изъ плоти и крови
Здѣсь на землѣ состоитъ, то возможно ли, чтобы химера,
Будучи спереди львомъ, позади змѣевиднымъ дракономъ,
А въ серединѣ козою, изъ троеобразнаго тѣла
Сильное пламя огня выдыхала ужасною пастью?
Стало быть, кто, какъ на доводъ, ссылаясь на слово пустое:
„Новый міръ“,—намъ говоритъ, что въ то время, когда еще свѣжи
Были всѣ силы земли и небесъ, сотворенье чудовищъ,
Въ родѣ всѣхъ названныхъ выше, возможно и мыслимо было,
Тотъ съ одинаковымъ правомъ своимъ языкомъ безразсуднымъ
Много, пожалуй, еще наболтаетъ подобнаго вздора,
Какъ, напримѣръ, что въ то время вездѣ по землѣ золотыя

[1]) Именемъ Сциллы (Scylla) обозначалось грозившее кораблямъ гибелью морское чудовище, жившее въ пещерѣ скалы, выдававшейся въ сицилійскій проливъ, напротивъ другой скалы, подъ которой находилось другое подобное чудовище подъ именемъ Харибды.

Рѣки текли, а деревья цвѣли драгоцѣннымъ каменьемъ,
И что тогда человѣкъ родился столь громаднаго роста,
Что въ состояньѣ онъ былъ проходить чрезъ глубокое море
И поворачивать небо кругомъ себя мощной рукою.
Правда, когда въ первый разъ всѣхъ животныхъ земля сотворила,
То въ ней осталось еще очень много сѣмянъ первобытныхъ;
Но у насъ нѣтъ доказательствъ того, чтобы тварь съ разнороднымъ
Тѣломъ возникнуть могла въ сочетаніи смѣшанныхъ членовъ.
Вѣдь и все то, что̀ понынѣ земля производитъ въ обильѣ,
Травы различныхъ породъ, полевые плоды и деревья,
Полныя свѣжей красы, создаваться не можетъ въ смѣшеньѣ;
Но все, что̀ есть, выростаетъ порядкомъ своимъ, сохраняя
Свой отличительный видъ по безсмѣннымъ законамъ природы.
А человѣческій родъ, на поляхъ обитавшій въ то время,
Былъ несравненно грубѣе, чѣмъ мы, и сильнѣй, потому что
Только недавно земля создала его силой суровой.
Кости людей тогда были крупнѣе и тверже, чѣмъ нынѣ,
Сверхъ того крѣпкія жилы внутри оплетали ихъ мясо,
А потому зной и холодъ, недугъ, необычная пища
На ихъ тѣла не имѣли почти никакого вліянья.
Долго, въ теченіе многихъ круговъ обращенія солнца,
Люди вели свою жизнь, безпріютно скитаясь, какъ звѣри.
Не было въ тѣ времена никого, кто бъ умѣлъ, полный силы,
Править кривою сохой иль воздѣлывать поле желѣзомъ,
Или же высадки въ землю сажать, иль съ высокихъ деревьевъ
Сучья серпомъ отсѣкать, что̀ отъ старости соковъ лишились.
Тѣмъ, что̀ сама отъ себя, подъ вліяніемъ солнца и влаги,
Людямъ давала земля, они были довольны, какъ даромъ.
Чаще всего, отдыхая въ дубовыхъ лѣсахъ плодоносныхъ,
Желуди ѣли они; а вишни морскія [1]), что̀ нынѣ
Зимней порой созрѣваютъ, пурпуровый цвѣтъ принимая,
Бо̀льшихъ размѣровъ въ то время и въ бо̀льшемъ числѣ нарождались.
Много другой еще пищи, хотя и суровой, давала
Свѣжая почва цвѣтущей земли жалкимъ людямъ въ обильѣ.
Для утоленія жажды ихъ звали къ водѣ своей рѣки

---

[1]) Морская вишня, или ежовка, или земляничное дерево (arbutus), на которомъ ростутъ вышепазванные фрукты (arbuta), встрѣчается только въ южныхъ странахъ, въ особенности въ Греціи и въ Италіи, гдѣ, какъ полагаютъ и другіе древніе писатели, эти фрукты, наряду съ желудями и т. п., составляли главную пищу первобытныхъ людей. Еще въ позднѣйшія времена, какъ свидѣтельствуетъ Галенъ (De alim. fac. 2, 38), ими нерѣдко питались поселяне.

И родники, какъ теперь призываются издали звѣри
Шумнымъ потокомъ ручья, съ горъ высокихъ стремящимся долу.
Сверхъ того помнили люди, бродя, всѣ лѣсныя жилища
Нимфъ [1]), изъ которыхъ обильной струей, какъ извѣстно имъ было,
Влага проворно текла, омывая промокшія скалы,
Скалы, промокшія сквозь и обросшія мохомъ зеленымъ,
Частью же быстро стремилась въ лежавшую ниже равнину.
Въ тѣ времена не умѣли еще ни съ огнемъ обращаться,
Ни даже шкурами дикихъ звѣрей одѣвать свое тѣло,
А обитали въ лѣсахъ и въ горныхъ пещерахъ, и въ рощахъ,
Грязные члены свои средь кустарниковъ пряча, коль скоро
Ихъ заставляли укрыться дожди или сильныя бури.
Общее благо тогда не служило заботою людямъ,
И неизвѣстны имъ были обычаи или законы.
Самъ отъ себя научившися жить на здоровье себѣ лишь,
Каждый захватывалъ то, что̀ какъ даръ посылалъ ему случай.
Въ рощахъ свободно сходились они для любовныхъ сношеній;
Женщину вѣдь побуждали тогда отдаваться мужчинѣ
Или взаимная страсть, или сила и похоть другого,
Или подарки, которые тотъ подносилъ ей, какъ плату,
Желуди, вишни морскія, а также отборныя груши.
Сильнымъ рукамъ и проворнымъ ногамъ довѣряясь, тѣ люди
Смѣло травили различныхъ звѣрей, обитавшихъ въ дубравахъ,
Помощью вѣскихъ, огромныхъ дубинъ и метательныхъ камней.
Многихъ они побѣждали въ борьбѣ; отъ другихъ же, немногихъ,
Въ тайныхъ мѣстахъ укрывались; потомъ, на подобіе вепрей,
Жестокой щетиной обросшихъ, они тамъ ложились въ растяжку,
При наступленіи ночи, нагіе на землю, закутавъ
Грубые члены свои прутнякомъ и обильной листвою.
Солнца и дня не искали они со стенаніемъ громкимъ
И въ темнотѣ по полямъ не блуждали, объятые страхомъ,
Но, погруженные въ сонъ, они ждали въ молчаньѣ, покуда
Вновь озарялося небо пурпуровымъ свѣточемъ солнца.
Вѣдь разъ они съ малолѣтства ужъ всѣ привыкли къ явленью,
Что постоянною смѣной то темень, то свѣтъ возникаетъ,
То это ихъ никогда не могло приводить въ изумленье
Или жъ въ отчаянный страхъ, что вѣчная тьма водворится
Сразу кругомъ на землѣ, навсегда уничтоживъ свѣтъ солнца.

[1]) Подъ лѣсными жилищами нимфъ (silvestria templa Nimpharum) поэтъ подразумѣваетъ богатые источниками пещеры или гроты, которые, согласно древней миѳологіи, служили любимымъ мѣстопребываніемъ нимфъ, составлявшихъ многочисленный классъ низшихъ божествъ, олицетворявшихъ разныя силы природы.

То этимъ людямъ несчастнымъ скорѣй причиняло заботы,
Что ихъ покой иногда нарушали различные звѣри.
При появленіи вепря, съ ужасной, пѣнящейся пастью,
Или могучаго льва, убѣгали они, покидая
Гроты свои, что̀ досель имъ служили пріютомъ и кровомъ,
Съ тѣмъ, чтобъ отъ страха дрожа, среди ночи глубокой и темной
Лютымъ гостямъ уступить листвою устла̀нныя ложа.
Но тогда жизни лишались не въ бо̀льшемъ количествѣ люди,
Нежели въ нынѣшній вѣкъ, съ милымъ свѣтомъ прощаясь печально.
Правда, тогда человѣкъ, въ одиночку захваченный, чаще,
Чѣмъ въ наше время, звѣрямъ доставлялъ пищу, полную жизни,
И, пожираемъ зубами врага, оглашалъ своимъ воплемъ
Пастбища, горы, лѣса, какъ только живьемъ хоронимымъ
Онъ себя видѣлъ въ могилѣ живой кровожаднаго зѣва.
Кто жъ себя бѣгствомъ спасалъ, хотя ужъ съ обгрызеннымъ тѣломъ,
Тотъ, къ отвратительнымъ язвамъ прижавъ дрожащія руки,
Съ крикомъ ужаснымъ потомъ призывалъ къ себѣ смерть, пока жизни
Онъ, наконецъ, не лишался, жестокихъ червей ставъ добычей,
Помощи всякой лишенъ и не зная, какъ пользовать раны.
Но не губила тогда подъ знаменами тысячъ народу
Битва въ одинъ только день; и бурныя волны пучины
Не разбивали судовъ и людей, нагнавъ ихъ на скалы.
Часто онѣ бушевали, но все понапрасну: поднявшись
И никому не вредивъ, оставляли пустыя угрозы.
Но и коварный соблазнъ, какъ зеркало гладкаго моря,
Не въ состояніи былъ никого приманить къ себѣ съ суши
Блескомъ привѣтливыхъ волнъ, — вѣдь тогда еще злая забота
О мореходствѣ была неизвѣстна и мракомъ покрыта.
Далѣе, если тогда не одинъ погибалъ отъ того, что
Пищи найти онъ не могъ и все тѣло его ужъ ослабло,
То въ наше время [1]), напротивъ, избытокъ и роскошь насъ губятъ.
Тѣ, по невѣденью часто, отраву себѣ наливали
Сами,—а нынѣ, искуснѣе ставъ, мы другимъ приподносимъ.
После, когда себѣ люди огня, шкуръ и хижинъ добыли,
А въ то же время для брака съ однимъ лишь мужчиной сходиться
Женщина стала, и оба они увидали потомство,
Ими рожденное,—только тогда родъ людей сталъ нѣжнѣе,
Ибо огонь сдѣлалъ то, что тѣла ихъ, отъ зябкости крови,
Стужи ужъ такъ не могли выносить подъ небомъ открытымъ;

---

¹) 50 лѣтъ до Р. X.

Да и Венера ослабила ихъ, а ласканіемъ нѣжнымъ
Дѣтямъ легко удавалось смягчить нравъ родителей строгій.
Да и сосѣди, желая того всей душою, чтобъ сами
Не подвергались обидамъ, другихъ оставляя въ покоѣ,
Стали дружиться тогда межъ собой и взаимной защитѣ
Женъ и дѣтей поручать, намекая другъ другу посредствомъ
Рѣчи неясной и жестовъ на то, что всѣмъ сильнымъ пристойно
Слабыхъ жалѣть; и хотя не всегда и во всемъ проявлялось
Это согласье людей, но добрая, бо̀льшая часть ихъ
Чтила сердечно союзы; иначе тогда ужъ погибъ бы
Весь человѣческій родъ и не могъ бы дожить до сего дня.
Силой природы языкъ издавать сталъ различные звуки,
И всѣ названья вещей вызывались нуждою и пользой
Такъ же почти и такимъ же путемъ, какъ сама неспособность
Къ рѣчи и нынѣ еще побуждаетъ дѣтей прибѣгать все
Къ жестамъ ручнымъ и на то, что̀ предъ ними, показывать пальцемъ.
Каждое вѣдь существо понимаетъ, на что и на сколько
Изъ своихъ силъ оно можетъ извлечь очевидную пользу.
Прежде еще, чѣмъ рога у теленка на лбу выростаютъ,
Онъ нападаетъ уже на противника ими сердито.
Да и дѣтеныши львовъ и пантеръ отбиваются смѣло
Помощью лапъ и когтей, и зубовъ ужъ тогда, когда еле
Начали зубы и когти у нихъ появляться наружу.
Также пернатыя всѣ довѣряются крыльямъ, какъ видно,
Помощью перьевъ дрожащихъ летая по воздуху вольно.
Вотъ почему невозможно, что, будто бы, кто-то одинъ лишь
Далъ всѣмъ предметамъ названья тогда, остальные же люди
Ужъ у него научилися имъ. Почему же одинъ лишь
Тотъ въ состояніи былъ бы означить всѣ вещи словами
И издавать языкомъ разнородные звуки въ то время,
Какъ не могли того сдѣлать, по этому мнѣнью, другіе?
Далѣе, еслибъ и прочіе всѣ, при взаимныхъ сношеньяхъ,
Не говорили другъ съ другомъ, какъ тотъ, то откуда же въ немъ-то
Знаніе пользы вселилось тогда, да откуда лишь онъ-то
Передъ другими людьми одаренъ былъ способностью первый
Знать и постигнуть умомъ, что̀ онъ дѣлать желалъ и стремился?
Также не могъ онъ одинъ большинство покорить и заставить,
Чтобъ они всѣ пожелали названьямъ вещей научиться.
Да, сверхъ того, и никакъ не легко дать глухимъ наставленья
Или совѣты о томъ, что̀ имъ слѣдуетъ дѣлать. Они вѣдь
Не допустили бъ того ни за что, чтобъ кому-то позволить,

Рѣзать напрасно ихъ слухъ непривычными звуками рѣчи.
Да, наконецъ, и чему тутъ дивиться такъ сильно, что смертный
Родъ, языкомъ одаренный и голосомъ, вещи означилъ
Разными звуками всѣ соотвѣтственно чувствамъ различнымъ?
Вѣдь и нѣмая скотина, и даже звѣрьё—испускаетъ
Часто несходные по существу и различные звуки,
Чтобъ выражать страхъ и боль или радость, возникшую въ сердцѣ.
Все это можно узнать изъ явленій дѣйствительной жизни.
Если молосскіе псы [1]) въ раздраженьѣ сперва своей пастью
Мягкой, огромной ворчатъ, свои твердые зубы оскаливъ,
То затаенный ихъ гнѣвъ выражается звукомъ угрозы
И совершенно другимъ, чѣмъ когда они лаемъ свирѣпымъ
Все оглашаютъ кругомъ; точно также, когда они нѣжно
Лижутъ щенятъ языкомъ, иль когда они мягко толкаютъ
Лапами ихъ иль зубами на нихъ нападаютъ, лишь въ шутку
И для забавы грозя проглотить ихъ ужасною пастью,
Тутъ отличается тявканье ихъ полнымъ ласкою звукомъ
И совершенно другимъ, чѣмъ тогда, когда въ домѣ пустынномъ,
Всѣми оставлены, воютъ они, иль когда они съ визгомъ,
Тѣло свое наклонивъ, убѣгаютъ отъ кары ударовъ.
Далѣе, не очевидно ли всѣмъ, что и ржанье бываетъ
Очень различно: когда средь кобылъ жеребецъ въ цвѣтѣ жизни
Бѣсится, такъ какъ крылатый Амуръ его шпорами ранитъ,
Иль когда въ битву летитъ этотъ конь, свои ноздри расширя,
Или жъ иной разъ и такъ себѣ ржетъ, содрогаясь всѣмъ тѣломъ?
А наконецъ, и крылатыхъ весь родъ, и различныя птицы
Ястребы, также орлы, и гагары, которыя ищутъ
Пищи для жизни себѣ въ соляныхъ океана пучинахъ,
Въ разное время иначе кричатъ, чѣмъ когда онѣ спорятъ
Или другъ съ другомъ о пищѣ своей, иль съ самою добычей.
Частію даже мѣняютъ онѣ свое хриплое пѣнье
Вмѣстѣ съ погодой: такъ вороны всѣ, также старыя галки
Каркаютъ вовсе иначе тогда, когда, по повѣрью,
Дождь призываютъ онѣ, предвѣщая нерѣдко и бури.
Стало быть, если животныхъ, хотя они всѣ безсловесны,
Разныя чувства всегда побуждаютъ и къ звукамъ различнымъ,
То мы тѣмъ болѣе вправѣ сказать, что всѣ люди въ то время
Разныя вещи могли означать и словами различно.

Чтобъ втихомолку ты тутъ какъ-нибудь не поставилъ вопроса,

---

[1]) Родина славившихся въ древности молосскихъ охотничьихъ собакъ была страна молосовъ, полу-варварскаго эллинскаго племени, переселившагося изъ Ѳессаліи въ Эпиръ.

Знай, что огонь на землѣ, порождающій пламени жаръ весь,
Смертнымъ впервые достался отъ молніи, брошенной небомъ.
Много вещей вѣдь горитъ, какъ мы видимъ, когда, при ударѣ
Съ выси, огонь тотъ небесный, затронувъ ихъ, жаръ подарилъ имъ.
Впрочемъ, бываетъ и то, что коль скоро вѣтвистое древо,
Все расшатавшись отъ сильныхъ вѣтровъ, начинаетъ качаться
И налегаетъ суками на древо, стоящее рядомъ,
Вдругъ, между тѣмъ какъ не только суки, но и пни ихъ взаимно
Трутся, наружу является огнь, могучею силой
Вызванный, и иногда даже жаркое пламя сверкаетъ.
Стало быть, очень возможно, что этимъ путемъ точно также,
Какъ и указаннымъ раньше, огонь смертнымъ людямъ достался.
Солнце потомъ научило людей, сильнымъ пламени жаромъ
Пищу варить и смягчать; вѣдь нерѣдко они замѣчали,
Что, покоряясь жарѣ и лучамъ ударяющимъ свыше,
Много предметовъ кругомъ на поляхъ становилося мягче.
После ужъ тѣ, чтò умомъ выдавались и духомъ, учили,
Съ каждымъ днемъ болѣе все, какъ огнемъ, такъ и чѣмъ-нибудь новымъ
Прежнюю пищу и жизнь измѣнять и вести къ совершенству.
Тутъ города стали строить цари и кремли воздвигать въ нихъ,
Чтобъ они сами оплотъ и убѣжище тамъ находили.
Вмѣстѣ съ тѣмъ скотъ и поля раздѣлили они, одаряя
Всѣхъ соотвѣтственно ихъ красотѣ, ихъ уму и ихъ силамъ,
Такъ какъ тогда красота почиталась и славились силы.
Позже затѣмъ, когда люди открыли богатство и злато,
Этотъ металлъ отобралъ безъ труда у красивыхъ и сильныхъ
Прежній почетъ, потому что за тѣмъ, кто богаче, другіе
Свитою слѣдуютъ чаще всего, какъ бы сильны и храбры
Ни были всѣ отъ природы иль тѣломъ красивы и статны.
Но для того, кто ведетъ свою жизнь, какъ учитъ насъ мудрость,
Жить бережливо съ покойной душой—есть богатство большое,
Ибо ему никогда незнакомъ недостатокъ въ немногомъ.
Люди жъ, напротивъ, хотѣли и славы достигнуть, и власти,
Чтобъ на фундаментѣ прочномъ всегда оставалось ихъ счастье,
И чтобъ въ богатствѣ они могли жить преспокойно и сладко.
Тщетная цѣль! — потому что, стремясь къ высшимъ почестямъ внѣшнимъ,
Всѣ лишь добились того, что ихъ жизненный путь сталъ опаснымъ,
И что нерѣдко притомъ, поразивъ ихъ, какъ молнія, зависть
Сверху бросала съ презрѣньемъ ихъ внизъ въ отвратительный тàртаръ.

Зависть вѣдь чаще всего зажигаетъ, какъ молнія тучи,
То, что̀ надъ всѣмъ остальнымъ, возносясь до небесъ, выдается.
Стало быть, лучше гораздо въ спокойствіи жить, покоряясь,
Чѣмъ домогаться того, чтобъ, какъ царь, управлять всей вселенной.
Пусть же глупцы, пробиваясь съ трудомъ по тропѣ честолюбья
Узкой, безъ пользы устанутъ и по̀томъ кровавымъ вспотѣютъ,
Разъ они мудрость свою лишь съ чужихъ устъ берутъ, поступая
Больше согласно наслышкѣ, чѣмъ собственныхъ чувствъ впечатлѣньямъ;
Такъ оно прежде ужъ было, такъ есть и теперь и такъ будетъ.
Вотъ почему, по убійствѣ царей, ниспровергнуты были
Гордые скипетры ихъ,—и величье старинныхъ престоловъ,
И обагренные кровью вѣнцы, украшеніе главъ ихъ,
Лежа подъ черни ногами, о прежнемъ почетѣ жалѣли.
Жадно всегда попирается то, чего слишкомъ боялись.
Такъ возвращались къ подонкамъ толпы всѣ дѣла, и ужъ каждый
Сталъ для себя домогаться начальства и власти верховной.
Послѣ учила часть этихъ людей избирать магистраты
И учредила права, побуждая другихъ подчиняться
Твердымъ законамъ, и родъ нашъ людской, жить въ насильи уставши,
Вслѣдствіе ссоръ истомился; тѣмъ болѣе онъ добровольно
Самъ покорился законамъ и нормамъ, стѣсняющимъ вольность.
Вѣдь потому надоѣло всѣмъ людямъ жить въ вѣчномъ насильѣ,
Что прежде каждый готовъ былъ сильнѣе врагу мстить во гнѣвѣ,
Нежели нынѣ дозволено намъ справедливымъ закономъ.
Страхъ наказаній съ тѣхъ поръ умаляетъ всѣ прелести жизни.
Каждому ставитъ вѣдь сѣти свои преступленье насилья,
Падая большею частью назадъ на того, кто виновенъ,
И не легко жить въ покоѣ тому, кто посредствомъ проступковъ
Миръ нарушаетъ всеобщій, который людьми заключенъ былъ.
Ибо хотя бъ онъ и могъ обмануть всѣхъ боговъ и людской родъ,
Но онъ боится, что не всегда сохранитъ это въ тайнѣ.
Многіе вѣдь иль во снѣ, иль въ горячкѣ, во время болѣзни,
Бредомъ своимъ, говорятъ, весьма часто себя выдавали,
Скрытые злые поступки свои объявляя всѣмъ громко.
Далѣе, что̀ послужило къ тому, что боговъ почитанье
Средь всѣхъ народовъ явилось; что всѣ города алтарями
Стали полны, и вездѣ установлены были обряды,
Что̀ совершаютъ теперь при торжественныхъ случаяхъ жизни,
Такъ что и нынѣ еще сердца смертныхъ объяты тѣмъ страхомъ
Благоговѣйнымъ, который вездѣ на землѣ постоянно

Новые храмы богамъ воздвигаетъ, народъ заставляя
Въ праздники ихъ посѣщать—это все объяснить не такъ трудно.
Дѣло вѣдь въ томъ, что ужъ въ тѣ времена люди видѣли часто,
Какъ въ состояніи бодромъ, такъ больше еще въ сновидѣньяхъ,
Чудныя формы существъ, изумительнымъ ростомъ отличныхъ.
Этимъ они приписали даръ чувствъ, потому что казалось,
Что они двигали члены свои и слова говорили
Гордыя, шедшія къ ихъ красотѣ и могуществу силы.
Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчной считали ихъ жизнь, потому что ихъ образъ
И красота представлялись всегда въ одинаковомъ видѣ,
И сверхъ того потому, что, какъ мнилося всѣмъ, безъ усилій
Власть ни одна не могла побѣдить столь великихъ и мощныхъ.
Также громаднымъ казалося всѣмъ превосходство судьбы тѣхъ
Дивныхъ существъ потому, что они страха смерти не знали,
И вмѣстѣ съ тѣмъ потому, что во снѣ люди видѣли часто
Много различныхъ чудесъ, безъ труда совершаемыхъ тѣми.
Смертные, кромѣ того, замѣчали, что вмѣстѣ съ движеньемъ
Неба вращались и всѣ времена въ неизмѣнномъ порядкѣ;
Но, не умѣя открыть тѣхъ причинъ, по которымъ случалось
Это, они прибѣгали къ тому, чтобъ богамъ поручать все
И твердо вѣрить, что міръ управляется ихъ мановеньемъ.
Для пребыванья боговъ и жилищъ ихъ назначили небо,
Такъ какъ на небѣ всегда обращалися солнце и мѣсяцъ,
День или ночь, и созвѣздья ея, свода строгіе знаки,
Свѣточи также кометъ, метеоры и звѣзды, что̀ съ неба
Падаютъ, тучи, свѣтъ солнца, дожди, снѣгъ и градъ, вѣтръ и бури,
Молніи и оглушающій громъ, полный страшной угрозы.

О, родъ несчастный людей! онъ такія дѣла и явленья
Въ страхѣ богамъ приписалъ, усмотрѣвъ въ нихъ карателей гнѣвныхъ!
Сколько печали себѣ, сколько ранъ также намъ причинилъ онъ,
И сколько слезъ проливать онъ заставитъ и нашихъ потомковъ!
Набоженъ, право, не тотъ, кто часто съ покрытой главою [1])
Иль алтари всѣ обходитъ, иль вѐртится около камня [2]),

---

[1]) Въ противоположность грекамъ, которые свои жертвоприношенія и т. п. религіозные обряды совершали съ обнаженною головою, римляне при такихъ случаяхъ покрывали свои головы тогою.

[2]) Вѣроятнѣе всего, что словомъ „камень" поэтъ презрительно обозначаетъ сдѣланное изъ мрамора (или простого камня) изображеніе божества. Однако возможно, что Лукрецій здѣсь имѣетъ въ виду также тѣ священные камни, въ особенности межевые (termini), которые на поляхъ, а также на дорогахъ и улицахъ ста-

.. ищъ, или руки свои простираетъ
Предъ святилищемъ, иль алтари обагряетъ обильной
Кровію жертвъ, иль со страхомъ обѣтъ за обѣтомъ приноситъ;
Но только тотъ, кто на все всегда смотритъ съ покойной душою!
Ибо, когда мы съ земли на небесные своды вселенной
И на эѳирную твердь выше звѣздъ лучезарныхъ взираемъ,
И намъ при томъ круговые пути какъ луны, такъ и солнца,
На умъ приходятъ, тогда въ глубинѣ нашихъ душъ, удрученныхъ
Массой другихъ безотлучныхъ заботъ, поднимаетъ, проснувшись,
Вдругъ свою голову, словно змѣя, и та злая забота:
Не проявляетъ ли намъ безпредѣльную силу небесныхъ
То, что въ различныхъ кругахъ обращаются свѣтлыя звѣзды?
Да, малоумье людей ихъ терзаетъ сомнѣньемъ вопроса:
Есть ли у этой вселенной, въ предѣлахъ временъ, какъ начало,
Такъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и конецъ, и доколь міозданія стѣны
Вынести могутъ свой трудъ, обусловленный быстрымъ движеньемъ;
Или же власть божества одарила ихъ прочностью вѣчной,
И, съ постояннымъ теченьемъ вѣковъ обращаяся, могутъ
Гордо онѣ презирать безпредѣльнаго времени силы?
Сверхъ того, гдѣ есть такой, у котораго духъ не бываетъ
Передъ богами боязнью объятъ, а всѣ члены отъ страха
Не содрогаются сразу тогда, когда, вся засохнувъ,
Въ знойное лѣто земля задрожитъ отъ ужасныхъ ударовъ
Молній, а небо кругомъ загремитъ отъ всесильныхъ раскатовъ?
Не проникаетъ ли трепетъ народъ, не дрожатъ ли и члены
Властныхъ и гордыхъ царей отъ боязни боговъ и отъ страха,
Чтобъ наконецъ не настало тяжелое время отчета
И наказаній за мерзость ихъ дѣлъ и надменность рѣчей ихъ?
Также, когда, по морямъ разгулявшись, свирѣпая сила
Буйнаго вѣтра мететъ по волнамъ полководца эскадры
Съ войскомъ могучимъ его и слонами, и массой оружья,
Развѣ тогда онъ не молитъ боговъ, принося имъ обѣты,
Полный боязни о томъ,—чтобъ они успокоили бурю
И благосклонный ему вѣтерокъ посылали?—Но тщетно!
Ибо нерѣдко бываетъ, что вдругъ, сильнымъ вихремъ охваченъ,
Онъ, несмотря ни на что, погружается въ гибели бездну.
Вотъ до чего всѣ людскія дѣла сокрушаются властью
Скрытой какой-то всегда, попирающей, точно въ насмѣшку,

———

лялись древними въ честь различныхъ боговъ. Выраженіе: „вертѣться около камня"— указываетъ на то, что древніе подходили къ изображенію божества, передъ которымъ хотѣли молиться, такъ, что имѣли его по правую руку, а затѣмъ повертывались направо и такимъ образомъ становились насупротивъ его.

Ликторовъ пышные прутья и грозныя карой сѣкиры!
А наконецъ ты подумай: когда вся земля подъ ногами
Вдругъ содрогнется, и города, потрясенные, сразу
Рушатся, или же впредь угрожаютъ паденіемъ,—развѣ
Можно тогда удивляться тому, что несчастные люди,
Сами себя презирая, во всемъ божествамъ оставляютъ
Высшую, чудную власть, чтò вселенною всей управляетъ?
Чтò остается сказать?—Мѣдь и золото, также желѣзо,
А вмѣстѣ съ тѣмъ серебро и свинецъ, столь тяжелый и мощный,
Найдены были, когда на горахъ, на большихъ и высокихъ,
Чащи кругомъ пожирались огнемъ, отъ того ли, что съ неба
Молніей посланъ онъ былъ, или люди, воюя другъ съ другомъ,
Чтобы враговъ настращать, поджигали лѣса, иль хотѣли,
Почвой хорошей тѣхъ мѣстъ привлекаемы, тучныя земли
Все расширять и для пастбищъ своихъ ихъ устроивать съ пользой,
Или жъ звѣрей истреблять, чтобъ самимъ богатѣть отъ добычи.
Ибо охота посредствомъ огня или ямъ стала людямъ
Раньше извѣстной, чѣмъ та, при которой дубравы сѣтями
Вплоть окружаютъ и псами звѣрей выгоняютъ оттуда.
Но чтò бы ни было то, отъ чего съ страшнымъ трескомъ, бывало,
Дѣвственный лѣсъ на горахъ до глубокихъ корней истреблялся
Огненнымъ жаромъ въ то время, а почва кругомъ накалялась,—
Тутъ въ углубленья земли отовсюду стекались потоки
Злата, сребра и свинца, также мѣди по жиламъ горячимъ.
Видя, какъ эти металлы потомъ, ужъ застывши, сіяли
Въ яркихъ цвѣтахъ на землѣ, первобытные люди, плѣняясь
Блескомъ и гладкостью ихъ, поднимали ихъ жадной рукою
И замѣчали тогда, что ихъ слитки всегда отличались
Видомъ такимъ же, какой представляли слѣды углубленій.
Тутъ-то они постигали, что если огнемъ вещества тѣ
Снова вполнѣ размягчить, то возможно придать имъ любую
Форму вещей, а ковканьемъ совсѣмъ въ лезвея растянуть ихъ
И въ острія, чтò служили бы имъ и военнымъ оружьемъ,
И для того, чтобы лѣсъ вырубать всѣ могли и готовить
Нужный для хатъ матерьялъ, съ этой цѣлію бревна строгая
И очищая, сверля и пиля и вбивая въ нихъ гвозди.
Все это дѣлать пытались посредствомъ блестящаго злата
И серебра, точно такъ же, какъ первоначально посредствомъ
Мѣди суровой и крѣпкой: вотще!—ибо мягкое свойство
Тѣхъ двухъ металловъ совсѣмъ не могло наравнѣ съ этимъ третьимъ
Сильныхъ трудовъ выносить. Тутъ мѣдь стала выше цѣниться,
Злато же праздно лежать, какъ металлъ безполезный,

Такъ какъ её остріе при ударѣ легко притуплялось.
Нынѣ за то въ небреженіи мѣдь, злато же—въ высшемъ почетѣ.
Такъ измѣняетъ оцѣнку вещей неудержное время.
Чѐ было прежде въ цѣнѣ—напослѣдокъ теряетъ почетъ свой,
И ужъ другое смѣняетъ его, выходя изъ презрѣнья,
Съ каждымъ днемъ болѣе все восхваляемо и вожделѣнно
И посреди всѣхъ людей почитаемо дивнымъ почетомъ.
Самъ ты, другъ Меммій [1]), теперь безъ труда догадаться ужъ можешь,
Какъ первобытные люди открыли природу желѣза.
Древле служили оружіемъ имъ руки, ногти и зубы,
Камни, а также сукѝ, чѐ сломаны были съ деревьевъ,
Сверхъ всего—пламя огня, лишь только съ нимъ стали знакомы.
Послѣ того ужъ открыли могучесть желѣза и мѣди.
Раньше, однако, чѣмъ первый металлъ, примѣнялся послѣдній,
Такъ какъ природой и гибче онъ былъ, и количествомъ больше.
Мѣдью пахали поля, вызывали и бурныя волны
Грозной войны, нанося непріятелямъ страшныя раны,
И ихъ лишая скота и полей; вѣдь легко покоряли
Люди съ оружьемъ въ рукахъ безоружное все и нагое.
Мало-по-малу потомъ появились мечи изъ желѣза.
Мѣдныя косы тогда приходили въ забвенье презрѣнья,
И ужъ желѣзомъ однимъ стали землю пахать и всѣ битвы
Войнъ ненадежныхъ рѣшать, равняя воюющихъ силы.
Также умѣли ужъ раньше взбираться съ оружьемъ на лошадь,
Съ тѣмъ, чтобы мощной рукой управлять ей посредствомъ уздечекъ,
Нежели на колесницѣ, запряженной парой ретивой,
Съ чуждою страха душой подвергаться опасностямъ брани.
Также сперва только пары коней, а потомъ ужъ четверки
Стали впрягаться людьми, и впослѣдствіи ѣздили даже
На боевыхъ колесницахъ, къ которымъ придѣлали косы.
Послѣ пунійцы учили слоновъ, отвратительныхъ тварей,
Съ хоботомъ змѣеобразнымъ и съ тѣломъ, украшеннымъ башней,
Раны въ бою выносить и разстроивать вражее войско.
Такъ отъ раздоровъ людей возродилось, одно изъ другого,
Все, чѐ на бранныхъ поляхъ имъ служило оружіемъ страшнымъ,
Ужасы дикой войны съ каждымъ днемъ умножая все больше.
Также пытались быковъ пріучать къ дѣлу гибельной брани
И посылать противъ войска враговъ ужасающихъ вепрей,
А впереди иногда даже львовъ, подъ искуснымъ начальствомъ

---

[1]) Меммій—тотъ знатный римлянинъ, которому Лукрецій посвятилъ свою поэму.

Грозныхъ погонщиковъ ихъ, всеоружныхъ, которые этимъ
Сильнымъ звѣрьёмъ на цѣпяхъ управляли бы смѣло и ловко.
Тщетно, однако: коль скоро тѣ львы отъ рѣзни горячиться
Стали, они нападали на всѣхъ безъ разбору, въ смятенье
Недруговъ, какъ и друзей приводя и ужасною гривой
Дико вездѣ потрясая; отъ страшнаго рева робѣли
Лошади всѣ, такъ что всадники ихъ не могли успокоить
Ихъ, иль уздами опять ихъ направить на вражее войско.
Въ бѣшенствѣ львицы метались вездѣ, нападая прыжками
То спереди, чтобы встрѣчнымъ лицо изодрать безпощадно,
То неожиданно съ тылу, чтобъ тѣхъ, кто того не предвидѣлъ,
Страшно изранить въ объятьяхъ своихъ и свалить ихъ на землю,
Когти кривые и зубы свои запуская въ ихъ тѣло.
Но и быки не щадили своихъ, а валили ихъ на земь,
Чтобъ ихъ ногами топтать; и нерѣдко своими рогами
Снизу пороли они лошадямъ какъ бока, такъ и брюхо,
Или же грознымъ челомъ предъ собою взрывали всю почву.
Также бывало и то, что свирѣпые вепри могучей
Силой клыковъ умерщвляли друзей, и своею же кровью
Красили дротики тѣ, что̀ ломались на мощномъ ихъ тѣлѣ,
Съ тѣмъ, чтобъ и конныхъ, и пѣшихъ борцовъ истреблять безъ
разбору.
Страшныхъ клыковъ избѣгать понапрасну пытались и кони,
Иль становясь на дыбы, или въ сторону прыгая быстро.
Все-таки жилы ихъ ногъ подсѣкались врагами, и тяжко
Падали сразу они, по землѣ раскидавшись всѣмъ тѣломъ.
Всякіе звѣри тогда, въ укрощеньѣ домашнемъ которыхъ
Люди увѣрены были досель, приходили средь битвы
Въ бѣшенство вдругъ, какъ отъ собственныхъ ранъ, такъ и вслѣд-
ствіе страха,
Криковъ, смятенья и бѣгства другихъ; всѣ они разбѣгались,
И ужъ нельзя было людямъ никакъ привести ихъ обратно.
Такъ разбѣгаются нынѣ слоны, если ихъ неудачно
Ранятъ: они средь своихъ смерть и гибель повсюду разносятъ.
Такъ воевали тогда. Лишь съ трудомъ можно вѣрить, чтобъ люди
Не въ состояніи были предвидѣть все зло этихъ дѣйствій,
Прежде еще, чѣмъ стало оно фактомъ всеобщимъ и гнуснымъ.
Можно бы было подумать, что все то случилось скорѣе
Въ разныхъ вселенной мірахъ, сотворенныхъ на разныхъ началахъ,
Чѣмъ на землѣ гдѣ-нибудь и въ отдѣльныхъ странахъ, намъ
извѣстныхъ.
Но люди къ войнамъ такимъ побуждались не столько надеждой

Сразу враговъ побѣдить, сколько страстнымъ желаніемъ горе
Имъ причинить и погибнуть самимъ, потому что они же
Не довѣряли числу своему и нуждались въ оружьѣ.
Шкуры служили сперва, а потомъ уже ткани—одеждой.
Эти явились лишь послѣ того, какъ открыли желѣзо,
Такъ какъ для тканья нельзя обойтись безъ него и никоимъ
Образомъ иначе сдѣлать ни шпулекъ, столь гладкихъ и тонкихъ,
Ни веретенъ даже, ни челноковъ, ни навоевъ шумящихъ.
Шерсть обработывать прежде мужчинъ заставляла природа,
Нежели женщинъ; притомъ вообще лица пола мужского
Выше послѣднихъ искусствомъ стоятъ и умомъ, и стараньемъ.
Но напослѣдокъ селяне, суроваго нрава мужчины,
Стали стыдиться занятья того и рѣшили все дѣло
Женскимъ рукамъ уступить, чтобъ самимъ выносить трудъ тяжелый
И укрѣплять свои члены и руки лишь въ грубой работѣ.
Первый образчикъ саженья деревъ и начало прививки
Творчествомъ вѣчнымъ своимъ показала сама ужъ природа,
Такъ какъ плоды или желуди всѣ, внизъ упавши на землю,
Здѣсь въ свое время пускали ростки цѣлымъ роемъ зеленымъ.
Вотъ отчего также людямъ тогда разсудилося къ сучьямъ
Вѣтки привить и въ землѣ разсадить массу высадковъ юныхъ.
Послѣ того уже люди вездѣ подвергали все новымъ
Опытамъ милое поле свое—и тогда замѣчали,
Что при усердной культурѣ земли и хорошемъ уходѣ
Всякаго рода плоды становились нѣжнѣе и лучше.
Съ каждымъ днемъ болѣе все принуждались лѣса удаляться
Въ горы и низменность всю уступать обработаннымъ нивамъ,
Чтобъ на холмахъ и поляхъ у людей всюду были озера
И ручейки и луга, виноградники также и пашни,
Глазъ веселящіе всѣмъ, а притомъ между нихъ на границахъ
Темнозеленою сѣтью ряды плодоносныхъ и крупныхъ
Маслинъ тянулись вездѣ, по холмамъ и полямъ и долинамъ.
Такъ же и нынѣ земля представляется нашему взору
Въ разнообразной красѣ: въ серединѣ посажены всюду
Лучшихъ породъ дерева̀, приносящія сладкіе фрукты,
А всю окружность полей покрываетъ кустарникъ плодовый.
Помощью рта человѣкъ подражалъ голосамъ мелодичнымъ
Пташекъ давно передъ тѣмъ, какъ онъ былъ въ состояніи пѣньемъ
Цѣлыя пѣсни искусно слагать къ услажденію слуха.
Свистъ вѣтерка, по пустому внутри камышу раздаваясь,

Прежде всего научилъ поселянъ дуть въ пустыя свирѣли.
Мало-по-малу потомъ познакомились люди и съ флейтой,
Сладко подъ пальцами ихъ испускающей грустные звуки,
Съ флейтой, что̀ въ тихихъ пастушьихъ мѣстахъ на волшебномъ досугѣ
Дѣлали всюду себѣ, и въ лѣсахъ, и въ ущельяхъ, и въ рощахъ.
(Такъ выдвигается временемъ все постепенно средь смертныхъ
И ихъ пытливымъ разсудкомъ возводится къ свѣту дневному.)
Этой утѣхой досуга свой духъ забавляли тѣ люди,
Пищей насытивъ тѣла: лишь тогда вѣдь намъ по̀ сердцу пѣсни!
Часто, бывало, на мягкой травѣ растянувшись всѣ вмѣстѣ
Возлѣ потока ручья подъ высокаго дерева тѣнью,
Люди тогда угощали себя небогатой пирушкой,
Полной веселья для нихъ, особливо при ясной погодѣ,
Вешней порой, когда зелень луговъ украшалась цвѣтами.
Тутъ-то среди болтовни раздавались смѣхъ милый и шутки:
Въ славѣ и силѣ въ то время была деревенская муза.
Рѣзвымъ весельемъ влекомы, въ тѣ дни украшали селяне
Головы, плечи свои—иль вѣнками, иль листьями даже,
Или простыми цвѣтами, а послѣ уже выступали
Быстро, безъ такта, впередъ, всѣми членами двигая грубо,
И неумѣлой, тяжелой ногой топтали мать-землю.
Тутъ возникали опять сладкій смѣхъ и пронзительный хохотъ,
Такъ какъ все это тогда было ново и диву подобно.
Даже кто ночью не могъ засыпать—находилъ утѣшенье
Въ томъ, что различныя пѣсни онъ пѣлъ, упражняя свой голосъ,
Или надутой губой пробѣгалъ по отверстьямъ свистульки [1]).
Вслѣдствіе этого нынѣ еще караульщики наши
Свято все это хранятъ, какъ оно имъ передано было,
И научились въ напѣвахъ своихъ соблюдать даже ритмы.
Но наслажденье, которое намъ доставляется нынѣ
Пѣніемъ или игрой, нисколько не больше, чѣмъ было
То, что̀ испытывалъ прежде родъ дикій людей землеродныхъ;
Ибо все то, что̀ у насъ наготовѣ имѣется,—лишь бы
Мы передъ тѣмъ не знавали вещей, что̀ пріятнѣе были,—
Нравится пуще всего и намъ кажется полнымъ достоинствъ.
Послѣ же лучшій предметъ вытѣсняетъ тѣ прежнія вещи
И измѣняетъ всегда отношенія чувства къ былому.

---

[1]) Подъ свистулькой (calami) Лукреційй подразумѣваетъ здѣсь, очевидно, такъ называемую греками сирингу, состоявшую изъ нѣсколькихъ, большею частію семи, тростниковыхъ дудочекъ, прикрѣпленныхъ одна къ другой воскомъ, при чёмъ каждая слѣдующая дудочка была короче предшествующей.

Такъ опротивѣли желуди всѣмъ; такъ покинули люди
Прежнія ложа свои, что̀ травой и листвой устилали.
Такъ же исчезла одежда изъ шкуръ, презираема всѣми,
Точно негодная вещь, между тѣмъ какъ она-жъ возбуждала
Прежде, во время открытья ея, столько зависти въ людяхъ,
Что тотъ, кто первый ее надѣвалъ, умерщвленъ былъ другими
Изъ-за угла; но и шкура его пропадала безъ пользы,
Такъ какъ убійцы ее, въ бой кровавый вступивши другъ съ другомъ,
Всю разрывали въ куски и негодною дѣлали сами.
Стало быть, шкуры въ то время, а золото нынѣ и пурпуръ
Мучаютъ вѣчной заботой людей, ихъ войной утомляя.
Глубже, однако, засѣла вина въ поколѣніи нашемъ:
Голыя вѣдь и безъ шкуръ прежде дѣти земли истязались
Холодомъ; нынѣ же что̀ за бѣда—обойтись безъ порфиры,
Множествомъ крупныхъ фигуръ золотыхъ разукрашенной пышно,
А для защиты нужна намъ одна лишь плебейская тога [1]).
Такъ человѣческій родъ все хлопочетъ и трудится тщетно,
И въ безполезныхъ заботахъ проводитъ весь вѣкъ,—очевидно,
Лишь оттого, что не вѣдаетъ онъ, какова обладанія
Цѣль и докуда ростетъ наслажденіе истое смертныхъ!
Это-то вывело жизнь постепенно въ открытое море,
Страшныя волны войны вызывая изъ безднъ его грозныхъ.
Солнце съ луной между тѣмъ, обходя своимъ свѣтомъ, какъ стражи,
Міра великій вертящійся храмъ, научили людской родъ
И перемѣнамъ временъ годовыхъ, и тому, что вселенной
Твердый законъ управляетъ всегда и порядокъ безсмѣнный.
Люди уже проводили свой вѣкъ подъ защитою крѣпкихъ
Башенъ и стѣнъ городскихъ, а земля, на участки межами
Ужъ раздѣленная вся, подвергалась вездѣ обработкѣ;
Также пестрѣло ужъ море кругомъ парусами, а грады
Между собой заключали уже договоры о дружбѣ;
Тутъ воспѣвать стали въ пѣсняхъ поэты событія вѣка,
А лишь недавно предъ тѣмъ изобрѣтены были и буквы.
Такъ наше время не можетъ узнать, что̀ случилося раньше,
И только умъ кое-какъ указать слѣды этого въ силахъ.
Поле воздѣлывать, строить суда и дороги и стѣны,

---

[1]) Богатому верхнему платью пурпуроваго цвѣта (toga purpurea), вышитому золотыми орнаментами (toga picta), какое носили римскіе тріумфаторы, Лукрецій противополагаетъ здѣсь носимую простымъ народомъ плебейскую тогу (toga plebeia), сдѣланную изъ грубой матеріи (шерсти) и лишенную всякихъ украшеній.

Также законы давать или дѣлать оружья и платья
Вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ, чтò намъ служитъ потребностью жизни,
Кромѣ того украшать бытіе массой прелестей разныхъ,
Пѣсни слагать и картины писать или статуи дѣлать,—
Вотъ все, чему родъ людей научёнъ былъ нуждой, испытаньемъ
И размышленьемъ ума, шагъ за шагомъ впередъ подвигаясь.
Такъ выясняется временемъ все постепенно средь смертныхъ
И ихъ пытливымъ разсудкомъ возводится къ свѣту дневному.
Разъ же постигнувъ умомъ, что всѣ вещи выходятъ наружу,
Блескъ и извѣстность свою лишь одна отъ другой получая,
Люди дошли, наконецъ, до вершинъ совершенства въ искусствахъ.

О. Базинеръ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

о

Н. КАРАЗИНѢ

ической Библіотекѣ" Ф. Павленкова, 1891 г.,
енный Я. В. Абрамовымъ біографическій очеркъ
ля въ царствованіе имп. Александра I, В. Н.
ъ очерка чрезвычайно восторженно относится
; по его словамъ, это былъ „человѣкъ, стоявшій
манізмъ и идеямъ на цѣлый вѣкъ впереди своего
, оставившій глубокій слѣдъ въ русской жизни,
айной нравственной высоты, смѣлости и пря-
„глубоко симпатичная и выдающаяся во всѣхъ
„Присяжнымъ историкамъ" г. Абрамовъ бро-
то, что они будто бы оставляютъ личность
овершенномъ пренебреженіи", хотя изъ списка
ги авторъ пользовался при составленіи своего
то существуетъ біографическій очеркъ Каразина,
П. Данилевскимъ (въ сборникѣ его статей „Укра-
", Харьк., 1866); что выясненію чрезвычайно
разина въ дѣлѣ основанія харьковскаго универ-
ъ особая монографія проф. Лавровскаго [1]), и что,
ы Каразина на крестьянскій вопросъ подверг-
ору и оцѣнкѣ въ спеціальномъ сочиненіи. Изъ

[1]) ...скаго, въ „Журн. Мин. Нар. Прос." 1872 г., №№ 1 и 2, г. Абра-
...асно называетъ „воспоминаніями".

этого видно, что мы никакъ не могли бы признать за собою заслуги, будто нашъ трудъ—„единственное историческое изслѣдованіе, въ которомъ удѣлено бо́льшее или мѐньшее вниманіе Каразину“, какъ утверждаетъ г. Абрамовъ, впрочемъ, какъ будетъ видно ниже, недовольный нашею оцѣнкою личности Каразина. Не принимая такимъ образомъ похвалъ со стороны г. Абрамова, мы въ то же время не можемъ признать справедливымъ и его упрека А. Н. Пыпину, будто въ своемъ извѣстномъ трудѣ, „Общественное движеніе при Александрѣ“, онъ не упоминаетъ даже имени Каразина: еслибы г. Абрамовъ взялъ второе изданіе книги г. Пыпина (1885 г.), то нашелъ бы тамъ, хотя и краткую, характеристику Каразина. Такимъ образомъ, едва ли можно сказать, что Каразинъ „забытъ нашею исторической наукою“.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ книжки г. Абрамова, намъ пришлось отправиться въ продолжительное путешествіе съ научною цѣлью, и это помѣшало своевременно отвѣтить на укоры автора, лично къ намъ обращенные, да къ тому же мы полагали, что факты, приведенные въ нашемъ сочиненіи, говорятъ сами за себя достаточно краснорѣчиво. Оказывается, однако, изъ нѣкоторыхъ рецензій книги г. Абрамова, притомъ подписанныхъ именами спеціалистовъ по русской исторіи [1]), что сдѣланная г. Абрамовымъ оцѣнка личности Каразина встрѣчаетъ одобреніе и сочувствіе [2]), и потому не изъ желанія плодить полемику, а ради выясненія истины мы считаемъ необходимымъ сказать о Каразинѣ нѣсколько словъ. Такъ какъ заслуги Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета внѣ всякаго сомнѣнія и никѣмъ не отрицались, то мы остановимся лишь на двухъ вопросахъ: 1) объ отношеніи Каразина къ крѣпостному праву въ связи съ мѣрами, принятыми имъ для его ограниченія въ своихъ имѣніяхъ, и 2) о его политическихъ взглядахъ.

Г-нъ Абрамовъ говоритъ, что въ нашемъ трудѣ: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“ (Спб. 1888 г., т. I), В. Н. Каразинъ представленъ „въ довольно неблаговидномъ свѣтѣ. Его попытка облегчить участь своихъ крестьянъ выставлена *чуть* не своекорыстнымъ дѣломъ, а исторія, изъ-за которой онъ попалъ въ шлиссельбургскую крѣпость, изложена въ томъ смыслѣ, что В. Н. Каразинъ предлагалъ себя *чуть* не въ добровольные шпіоны пра-

[1]) Д. И. Багалѣя въ „Кіевской Старинѣ“, 1891 г., № 6, и В. Сторожева въ „Мірѣ Божіемъ“, 1892 г., № 10.

[2]) Впрочемъ рецензентъ „Русской Мысли“ (1891 г., № 5, стр. 225) справедливо замѣтилъ, что г. Абрамовъ придаетъ Каразину „преувеличенное значеніе“.

вительства", и далѣе г. Абрамовъ обѣщаетъ доказать, „насколько несправедливо такое отношеніе къ этой замѣчательной личности". Г-нъ Багалѣй, въ своей рецензіи на книжку г. Абрамова, выражается такимъ образомъ: „вообще говоря, взглядъ г. Абрамова на дѣятельность Каразина стоитъ, какъ намъ кажется, ближе къ дѣйствительности, чѣмъ отзывъ спеціалиста-историка В. И. Семевскаго. У г. Абрамова тонъ нѣсколько приподнятый. Онъ не останавливается на отрицательныхъ чертахъ характера В. Н. Каразина, которыя были отмѣчены уже прежними изслѣдователями, но зато у него получается выпуклая характеристика его кипучей дѣятельности, въ которой онъ опередилъ свой вѣкъ. Г-нъ же Семевскій несправедливо порицаетъ В. Н. Каразина за то, за что онъ заслуживаетъ похвалы,—за его стремленіе облегчить по возможности участь своихъ крѣпостныхъ. Допустимъ, что форма этого облегченія была несовершенна (вотъ въ томъ-то и дѣло!), носила на себѣ печать „прожектерства", столь присущаго Каразину. Тѣмъ не менѣе ставить это ему въ вину, заподозривать искренность его намѣреній не приходится; для этого нужны доказательства, а ихъ нѣтъ. Суетливость В. Н. Каразина непріятно дѣйствовала на его современниковъ, а впечатлѣнія и отзывы этихъ послѣднихъ не остались безъ вліянія на нынѣшнихъ изслѣдователей; г. же Семевскій довѣрился имъ вполнѣ" [1]).

Характеристика всей дѣятельности Каразина вовсе не входила въ задачу нашей книги о „Крестьянскомъ вопросѣ", хотя о его роли въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета мы все-таки нашли нелишнимъ напомнить (I, 370); что же касается взглядовъ Каразина на крестьянскій вопросъ, то мы руководствовались вовсе не „впечатлѣніями и отзывами современниковъ", какъ совершенно несправедливо утверждаетъ г. Багалѣй, а собственными мнѣніями и записками Каразина [2]). Разобравъ мнѣнія Каразина о крестьянскомъ вопросѣ на основаніи двухъ редакцій его записки (1810 г.), представленной слободско-украинскому губернатору Бахтину, мы сдѣлали слѣдующій общій выводъ: „Мы видимъ такимъ образомъ, что хотя Каразинъ старается нарисовать картину идиллическихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, но, однако, онъ хорошо сознаетъ, что крѣпостное право даетъ поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ; поэтому онъ желаетъ уничтоженія барщины, точнаго опредѣленія повинностей крестьянъ и *неотъемлемаю владѣнія землею, подъ условіемъ ихъ исправ-*

---

[1]) „Кіевская Старина", 1891 г., № 6, стр. 501.

[2]) См. „Крестьянскій вопросъ", т. I, стр. 369—378, 380—382, 454—458.

наго отбыванія, опредѣленія размѣра выкупа, уничтоженія наказаній безъ суда и продажи людей безъ земли. *Но бѣда въ томъ, что всѣ эти мѣры онъ предоставляетъ усмотрѣнію самихъ помѣщиковъ и вооружается противъ ограниченія крѣпостного права закономъ*... До какой степени онъ не желаетъ вмѣшательства правительства въ отношенія помѣщика къ крестьянамъ—видно изъ того, что онъ готовъ еще допустить жалобу крѣпостныхъ на господина предводителю дворянства, который, конечно, будетъ держать сторону своего собрата, но энергически вооружается противъ дозволенія жаловаться въ общія судебныя учрежденія. Къ числу недостатковъ плана Каразина, *кромѣ обременительности установленныхъ имъ денежныхъ повинностей*, слѣдуетъ отнести и то, что созданныя имъ учрежденія оставляли слишкомъ много власти помѣщику и отличались значительною искусственностью. Но каковы бы ни были недостатки описаннаго Каразинымъ устройства быта крестьянъ, оно имѣетъ одно громадное достоинство сравнительно съ весьма многими проектами, ему современными: Каразинъ прекрасно сознаетъ невозможность безземельнаго освобожденія крестьянъ и предоставляетъ каждому изъ нихъ опредѣленный надѣлъ" (I, 377—378). Намъ кажется, что эти слова настолько ясны, что не должны были бы возбуждать никакихъ недоразумѣній, и мы не понимаемъ, какимъ образомъ отсюда можно заключить, какъ это сдѣлалъ г. Багалѣй, что мы порицаемъ „стремленія" Каразина „облегчить по возможности участь своихъ крѣпостныхъ". Вѣдь самъ г. Багалѣй допускаетъ, что „форма этого облегченія была несовершенна"—вотъ на эти-то „несовершенства", для крестьянъ весьма обременительныя, мы и указываемъ. Г. Абрамовъ упрекаетъ насъ за то, что попытка Каразина „облегчить участь своихъ крестьянъ выставлена" нами „*чуть* не своекорыстнымъ дѣломъ". Но не могли же мы скрыть того, что повинности, назначенныя Каразинымъ (150 дней барщины съ тягла въ годъ, или по 45 руб. оброка за 9-ти-десятинный надѣлъ) были слишкомъ тяжелы: барщина была не менѣе установленной закономъ 3-хъ-дневной барщины съ тягла [1]); что касается оброка, то нужно замѣтить, что его платили въ полномъ размѣрѣ и по-

---

[1]) Одинъ мѣстный помѣщикъ свидѣтельствуетъ, что наиболѣе обычною для тамошняго края была двухнедѣльная барщина, которую онъ и совѣтуетъ сохранить, назначая трехдневную лишь въ томъ случаѣ, если господинъ приметъ на себя уплату всѣхъ государственныхъ повинностей („Украинскій Вѣстникъ" 1817 г., V, 236—237). Между тѣмъ у Каразина более 90% денежныхъ повинностей въ пользу государства крестьяне уплачивали сами („Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос." 1861 г., т. III, Смѣсь, стр. 171).

іматься не земледѣліемъ, а тѣмъ или другимъ ма-
гя они вовсе не получили земли (такихъ было въ
'₀ д. муж. п.) [1]). Кстати замѣтимъ: напрасно г. Абра-
редоставленное Каразинымъ крестьянину, черезъ 10
и продать свой участокъ съ тѣмъ, чтобы прода-
ъ лежащія на немъ повинности, называетъ „ре-
ваніемъ" со стороны Каразина „права собствен-
іъ на землю" (стр. 60—61); съ этимъ мы никакъ
можемъ: по плану Каразина земля всегда оста-
вностью помѣщика, а крестьянинъ получалъ только
іемаго владѣнія своимъ участкомъ подъ условіемъ
іполненія опредѣленныхъ повинностей; дозволеніе
е время передать этотъ участокъ на тѣхъ же усло-
еще вовсе не равносильно предоставленію крестья-
Іственности на землю. Точно также никакъ нельзя
съ мнѣніемъ г. Абрамова, что такіе откровенные
постного права, какъ Карамзинъ, симпатичнѣе тѣхъ
мп. Александра I въ началѣ его царствованія лицъ,
› говорили о бѣдственномъ положеніи крѣпостныхъ
и улучшенія этого положенія, а между тѣмъ ровно
али для того, чтобы облегчить собственныхъ крѣ-
р. 58). Либеральныя мнѣнія лицъ, приближенныхъ
андру, все-таки привели къ нѣкоторымъ мѣрамъ на
тныхъ крестьянъ; изъ числа ихъ самое видное мѣсто
іъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ (1803 г.); что же
рваторовъ, то въ своей книгѣ мы указали на заслуги
ъ нихъ въ исторіи крестьянскаго вопроса вообще,
юго изъ нихъ, утверждавшаго, что „земля есть
народа наравнѣ съ помѣщиками" (I, 379), про-
даже мнѣніямъ Каразина; мы указывали также на
ваторовъ въ теоріи и въ то же время добрѣйшихъ
а практикѣ, какимъ былъ Шишковъ, но роль та-
ора, какъ Карамзинъ, въ исторіи крестьянскаго во-
не можетъ возбуждать нашего сочувствія (см. „Кре-
ость", I, 352—357). Что же касается Каразина,
му, какъ видно изъ нашихъ словъ, приведенныхъ
жное, мы вовсе не находили возможнымъ ставить
самыхъ передовыхъ въ этомъ дѣлѣ людей: гораздо

[1] Вѣстникъ" 1819 г., ч. XIV, 22; сравн. Ч. О. И. Д. Р., 1861,

выше Каразина по взглядамъ на крестьянскій вопросъ мы должны поставить, напр., Н. И. Тургенева и нѣкоторыхъ другихъ его современниковъ.

Далѣе, г. Абрамовъ упрекаетъ насъ въ томъ, что „исторія, изъ-за которой" Каразинъ „попалъ въ 1820 г. въ шлиссельбургскую крѣпость, изложена въ томъ смыслѣ, что В. Н. Каразинъ предлагалъ себя *чуть* не въ добровольные шпіоны правительству". Но вѣдь въ нашемъ изложеніи мы вездѣ, насколько возможно, держались показаній самого Каразина: „Замѣчая усиленіе общественнаго недовольства",—сказано въ нашей книгѣ,—Каразинъ еще въ 1817 г. писалъ государю о „сомнительномъ положеніи" Россіи. Находясь въ 1820 г. въ Петербургѣ, онъ высказалъ въ разговорахъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Кочубеемъ, что находитъ въ обѣихъ столицахъ особое направленіе умовъ, подобное тому, которое замѣчали во Франціи передъ революціею. На требованіе министра подтвердить свои заявленія документально Каразинъ отвѣчалъ отказомъ, но въ одну изъ бесѣдъ съ Кочубеемъ предложилъ ему основать общество подъ предсѣдательствомъ его, какъ министра внутреннихъ дѣлъ, которое, сверхъ гласнаго своего назначенія улучшать участь помѣщичьихъ крестьянъ, имѣло бы „нечувствительный присмотръ за всѣми другими, такъ называемыми *вольными*, явными и тайными обществами". По его словамъ, ему удалось впослѣдствіи пригласить съ этою цѣлью „извѣстныхъ государю особъ" (см. въ нашей книгѣ I, 454-456) [1]), но члены этого общества, „быть можетъ, и не подозрѣвая скрытыхъ намѣреній Каразина, поспѣшили отдѣлаться отъ его собственнаго участія въ этомъ дѣлѣ. 31-го марта 1820 г., Каразинъ даже и письменно изложилъ Кочубею свои мысли и опасенія, а 21-го апрѣля написалъ императору Александру посланіе о „странномъ направленіи умовъ". Получивъ чрезъ Кочубея приказаніе подробнѣе объяснить свое письмо, Каразинъ *рѣшительно отказался назвать имена*, но предложилъ, учредивъ статистическій департаментъ, сдѣлать его начальникомъ этого учрежденія, обѣщая въ такомъ случаѣ, „подъ предлогомъ однихъ статистическихъ обозрѣній", открыть „въ связи тысячи происшествій и обстоятельствъ", особенно если въ то же время онъ будетъ правителемъ дѣлъ общества, предлагаемаго имъ и другими особами. Основателямъ удалось оттѣснить его отъ

---

[1]) Гдѣ между прочимъ сказано нами, что „Каразинъ игралъ весьма неблаговидную роль въ дѣлѣ устройства общества" (I, 455).

этого дѣла; однако и послѣ того Каразинъ доказывалъ, „какъ полезны правительству подобные ему „обсерваторы“ (I, 457) [1].

Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ мы безпристрастно изложили дѣло на основаніи собственныхъ показаній Каразина: мы не скрыли того, что онъ отказался назвать министру имена лицъ съ его точки зрѣнія неблагонамѣренныхъ, но все-таки признавали и признаемъ его поведеніе въ этомъ дѣлѣ неблаговиднымъ: какъ бы то ни было, Каразинъ все-таки готовъ былъ явиться добровольцемъ на службѣ тому реакціонному теченію, которое получило тогда преобладаніе [2]. Правда, что въ своемъ консерватизмѣ онъ не заходилъ такъ далеко, какъ другіе; онъ даже рядомъ съ своими предложеніями услугъ правительству дѣлалъ нѣкоторыя довольно смѣлыя обличенія, но тѣмъ не менѣе мы никакъ не можемъ сочувствовать тому хожденію на два пути, которое видимъ въ данномъ случаѣ въ дѣятельности Каразина: нѣсколькимъ лицамъ либеральнаго образа мыслей въ крестьянскомъ дѣлѣ онъ предлагаетъ устроить общество съ цѣлью улучшенія быта крестьянъ, а министру совѣтуетъ воспользоваться этимъ обществомъ для „нечувствительнаго присмотра за всѣми другими, такъ называемыми *вольными* явными и тайными обществами“. Что же мудренаго, что отъ него отвернулась и та, и другая сторона?! Кстати мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать слѣдующую оговорку: причина арестованія Каразина и заключенія его въ шлиссельбургскую крѣпость не разъясняется вполнѣ имѣющимися въ нашей печати источниками; мы полагали, на основаніи словъ самого Каразина въ письмѣ къ имп. Николаю („Русская Старина“ 1870 г., изд. 3, т. II, 561), что это было результатомъ нѣкоторыхъ смѣлыхъ выходокъ въ его записках, представленныхъ правительству въ 1820 г. Но незадолго до смерти моего брата, редактора-издателя „Русской Старины“ М. И. Семевскаго, я слышалъ отъ него, что есть неизданные матеріалы, доказывающіе, что Каразина заподозрили въ составленіи рѣзкой прокламаціи, найденной

[1] Въ письмѣ къ имп. Николаю (1826 г.) Каразинъ упомянулъ о томъ, что въ разсужденіи объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи (см. ниже) онъ обратилъ вниманіе на ихъ республиканское направленіе, а далѣе говорилъ, что „желалъ быть употребленнымъ по статистикѣ“, чтобы „получить способы повѣрить мои подозрѣнія, кои разумѣлъ я столько дѣльными, сколько они министру мечтательными казались“. „Русск. Стар.“ 1870, т. II, стр. 536.

[2] А. Н. Пыпинъ упоминаетъ объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ: „въ 1820 г., 21-го апрѣля, Каразинъ писалъ имп. Александру объ опасности отъ распространившихся тайныхъ обществъ, на которыя слѣдовало обратить „недреманное око“ (стр. 115).

у солдатъ семеновскаго полка, во время волненій 1820 г. [1]). Какъ мы слышали, содержаніе этой прокламаціи было совершенно революціонное, и, слѣдовательно, заподозриваніе Каразина въ ея сочиненіи было безъ сомнѣнія неосновательно, такъ какъ онъ не могъ написать воззванія, совершенно не соотвѣтствовавшаго его взглядамъ. Такое обвиненіе, правда, доказываетъ, что Каразинъ казался человѣкомъ подозрительнымъ въ кругахъ правительственныхъ, но къ нему имѣли основаніе относиться подозрительно и люди либеральнаго образа мыслей: онъ, очевидно, сѣлъ, какъ говорится, между двухъ стульевъ,—что же удивительнаго, если онъ потерпѣлъ неудачу.

Намъ остается въ заключеніе выяснить политическое міросозерцаніе Каразина. Г-нъ Абрамовъ говоритъ: „Каразинъ въ вопросѣ о политическомъ устройствѣ государства былъ сторонникомъ монархическаго принципа", и затѣмъ, приведя цитату изъ посланія къ Бахтину (1810 г.), продолжаетъ: „Итакъ, монархія, но монархія ограниченная, однако, не народнымъ представительствомъ, а съ одной стороны—коренными законами, съ другой же—правомъ каждаго подданнаго свободно выражать свои воззрѣнія на вещи, въ представленіяхъ верховной власти и въ печати. Народное представительство,—продолжаетъ г. Абрамовъ, — Каразину было непонятно, и онъ высказывался противъ него самымъ положительнымъ образомъ" (стр. 24—25). Далѣе, г. Абрамовъ приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ разныхъ записокъ Каразина, изъ которыхъ видно его несочувствіе „самовластію", симпатіи „духу совершенной политической свободы" и въ то же время нежеланіе заимствовать политическія учрежденія съ запада, гдѣ встрѣчаются указанія на право подданныхъ дѣлать представленія правительству и т. п.; но въ то же время г. Абрамовъ признаетъ, что при имѣвшихся въ его распоряженіи источникахъ онъ лишенъ возможности выяснить себѣ, что разумѣлъ Каразинъ подъ тѣми „законами", которыми, по его мнѣнію, должна была „ограничить себя монархическая власть". А между тѣмъ, несмотря на эту недостаточность источниковъ, авторъ рѣшается утверждать, что Каразинъ „былъ едва ли не единственнымъ (?!) сторонникомъ ограниченія монархической власти, настолько искреннимъ, чтобы постоять за этотъ принципъ на дѣлѣ, не заботясь о послѣдствіяхъ лично для себя" (стр. 24—31, 50—51). По по-

---

[1]) Быть можетъ, поводомъ къ этому подозрѣнію послужила защита солдатъ семеновскаго полка въ запискахъ, представленныхъ Каразинымъ Кочубею („Русская Старина" 1871 года, томъ III, 17).

воду этихъ послѣднихъ словъ нельзя не напомнить автору о декабристахъ.

Попытаемся же, на основаніи различныхъ записокъ и замѣтокъ Каразина, характеризовать его политическіе идеалы, при чемъ не будемъ останавливаться на тѣхъ или другихъ его фразахъ, нерѣдко въ дѣйствительности прикрывающихъ гораздо болѣе скромное содержаніе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, а приведемъ лишь тѣ, самыя существенныя, мѣста изъ его записокъ, которыя даютъ дѣйствительное понятіе о его политическихъ взглядахъ и позволяютъ нѣсколько опредѣленнѣе формулировать ихъ.

Въ анонимномъ посланіи, найденномъ во дворцѣ черезъ десять дней по вступленіи на престолъ имп. Александра I и написанномъ В. Н. Каразинымъ, государь прочелъ между прочимъ слѣдующее: „Неужели онъ созданному для душъ обыкновенныхъ удовольствію самовластія хладнокровно пожертвуетъ надеждою народовъ, безсмертною славою и тою наградою, которая... ожидаетъ добродѣтельныхъ монарховъ въ странѣ блаженства? Нѣтъ!.. *Онъ дастъ намъ непреложные законы*. Клятвою многочисленныхъ племенъ своихъ подданныхъ утвердитъ онъ ихъ въ роды родовъ. Онъ скажетъ Россіи: „се предѣлъ самодержавія моего и моихъ наслѣдниковъ, нерушимый во вѣки!“... и Россія войдетъ наконецъ въ число державъ *монархическихъ*, и желѣзный своенравія скипетръ никогда не возможетъ сокрушить скрижалей ея завѣта... Онъ составитъ въ тайнѣ, но торжественно, предъ лицомъ внимающей вселенной, издастъ *государственное постановленіе*, основу законовъ, которые *сами нечувствительно могутъ предварить ея обнародованіе* [1]). Онъ повелитъ напослѣдокъ въ пространствѣ Россіи избрать старцевъ, достойныхъ безпредѣльнѣйшей довѣренности своихъ согражданъ, и, поставивъ ихъ внѣ сферы честолюбія и боязни, удѣлитъ имъ весь *избытокъ* своей власти, —да охраняютъ святая святыхъ отечества... Онъ пріиметъ и другія мѣры, почерпнутыя изъ опыта вѣковъ, для утвержденія правъ своихъ подданныхъ. Онъ-то первый употребитъ самовластіе на обузданіе самовластія, первый, кто по чистѣйшему движенію сердца пожертвуетъ человѣчеству собственными выгодами!“ Имп.

---

[1]) Въ позднѣйшемъ примѣчаніи къ этому мѣсту Каразинъ говоритъ: „я воображалъ, что никакой нѣтъ нужды издать полный составъ законовъ вмѣстѣ, что было бы дѣлать вдругъ переломъ, который безъ нужды все замѣшаетъ. Благоразумнѣе кажется издавать часть за частію, по мѣрѣ удобности и по связи законовъ между собою. Обнародованіе же государственнаго учрежденія, которое между тѣмъ“ (т.-е. до поры до времени) „останется тайною для народа, должно увѣнчать все“.

Александръ повелѣлъ разыскать автора записки, подозрѣніе пало на Каразина, онъ признался и нѣсколько лѣтъ пользовался расположеніемъ государя.

Въ ближайшіе затѣмъ годы Каразинъ носился съ такимъ планомъ государственнаго устройства [1]: „Народъ, охранительный сенатъ, государь, министры. Государь, предлагающій только проекты законовъ и министерскіе годичные отчеты охранительному сенату, въ прочемъ дѣйствующій неограниченно. *Охранительный сенатъ*, по опредѣленію $^{2}/_{3}$, можетъ посылать ему свои замѣчанія, по опредѣленію $^{3}/_{4}$—остановить его дѣйствія обнародованіемъ оныхъ. Присяга сообразуется сей постепенности: народъ, сенатъ, государь. Въ присягу воиновъ включается обязательство къ тому относительное, т.-е. полагающее предѣлы повиновенію... Государь на охранительный сенатъ не имѣетъ никакого вліянія". Граждане „избираютъ членовъ охранительнаго сената". Но нѣсколько позднѣе Каразинъ значительно сократилъ свои мечтанія. Въ письмѣ къ слободско-украинскому губернатору Бахтину (1810 г.) онъ является ревностнымъ сторонникомъ наслѣдственной монархіи, причемъ указываетъ на то, что наслѣдственный государь обыкновенно лучше подготовленъ къ исполненію своихъ обязанностей. „Для узнанія же общественныхъ нуждъ, такъ какъ никакой смертный не можетъ въ одно и то же время самъ проникать всюду, достаточно въ помощь единовластію дать *общественное* мнѣніе, т.-е. свободу всякому выражать свое воззрѣніе на вещи,—не въ парламентахъ и на площадяхъ, представляющихъ обширное поле страстямъ, а въ вѣрноподданническихъ представленіяхъ и въ *скромныхъ* бесѣдахъ въ печати". Это разсужденіе о возможности свободы общественнаго мнѣнія, въ которомъ Каразинъ является предшественникомъ славянофиловъ, сохранилось въ черновой редакціи письма къ Бахтину. Исключая его при отсылкѣ своего посланія, онъ тѣмъ самымъ доказывалъ, что увѣренность въ осуществимости его желанія для того времени была въ немъ не такъ сильна, какъ онъ это утверждаетъ вслѣдъ за приведеннымъ нами мѣстомъ.

Въ своей обширной запискѣ, представленной въ 1820 г. государю чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея, Каразинъ между прочимъ предлагаетъ „приближеніе государя къ просвѣщенному дворянству, окруженіе" его „болѣе и болѣе природными россіанами, *имѣющими большую недвижимую собственность*, и

[1]) Замѣтка эта озаглавлена самимъ Каразинымъ такъ: „Идея 1803 или 1804 годовъ, или 1801 еще, но написана, когда я занимался сербами въ 1804 году". См. „Русская Старина" 1871 г., т. III, 718.

отцами семействъ". Далѣе, онъ указываетъ на то, что „великая перемѣна произошла и ежедневно происходитъ въ умахъ... и день онъ, яко тать пріидетъ!"... „Мысль, выраженная въ нотѣ" (нашего правительства) „господину Зеа-Бермудецу при полученіи отъ него увѣдомленія о принятіи королемъ его конституціи кортесовъ,—мысль, что правители народовъ должны добровольными, ими данными постановленіями предварять постановленія насильственныя, есть одна изъ величайшихъ истинъ! Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы сіе учинено было завременно... Насъ спасти можетъ единственно *немедленное* употребленіе въ дѣло просвѣщеннаго дворянства. *Но выборъ въ губерніяхъ сборищамъ предоставить кажется еще рано.* Множество неудачныхъ выборовъ это доказываютъ".

Каразинъ рѣзко отдѣляетъ свой планъ отъ проектовъ конституціоналистовъ. „Я вседушевно не одобряю нынѣшнихъ конституцій",—говоритъ онъ... „Намъ потребно совсѣмъ другое! Начала нашего государственнаго постановленія должны быть отысканы въ религіи и въ древнихъ обычаяхъ нашего отечества. Къ чему эти громкія собранія, уничтожающія [1]) власть, подобно какъ и ораторство съ престола, заимствованное у англичанъ?" (Въ примѣчаніи Каразинъ не скрываетъ, что намекаетъ здѣсь на рѣчь имп. Александра I въ Варшавѣ). „Но государи наши, бывъ представителями Бога вселенной съ могуществомъ, которое по началамъ религіи отъ него" (примѣчаніе Каразина: „не отъ народа!") „заимствуютъ, не могутъ, яко человѣки, соединять въ себѣ самихъ его премудрости. Вотъ почему... цари наши всегда были внушаемы государственною думою!.. Но дума сія, представляя въ себѣ разумъ цѣлаго царства, неизвѣстна была народу своимъ велерѣчіемъ. Дѣйствія ея предваряли всегда торжественныя и невозвратныя изреченія власти державной, но предваряли ихъ тайно. Это было зеркало, въ которомъ цари могли ясно видѣть общественное мнѣніе: что̀ необходимо! И одно это предупреждаетъ преступныя его изліянія". Высказавъ далѣе мысль, что государственный совѣтъ по своему составу не можетъ быть зеркаломъ „общественнаго мнѣнія", Каразинъ вновь возвращается къ мысли о необходимости обращенія къ содѣйствію дворянства. „Да и что можетъ потерпѣть самодержавіе отъ довѣренности къ тому сословію, котораго участь тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ соединена? Аристократіи, въ прямомъ смыслѣ, у насъ никогда быть не можетъ и никогда не было со временъ малолѣтства царя

---

[1]) По другой редакціи: „унижающія".

Іоанна Васильевича". — „Изобрѣтеніе двухъ камеръ, или паче раздѣленіе государственной думы на двѣ камеры, не основано на естествѣ вещей... Репрезентація народа есть вообще *мнимая*... Всякое понятіе о репрезентаціи, восходящей отъ народа, совершенно противно духу религіи, которая громко гласитъ: „нѣсть власть, аще не отъ Бога!" (авторъ ссылается при этомъ на Бональя и Ламменэ). Каразинъ негодуетъ на людей, думающихъ, что есть истины, которыя надо скрывать отъ народа, возмущается тѣмъ, что въ Россіи „боятся дать поводъ разсуждать *о взаимныхъ отношеніяхъ правительства и народа*", упрекаетъ въ непослѣдовательности правительство, которое еще „вчера провозглашало вольность", издавало на свой счетъ Бентама и т. п.

Въ заключеніе своей обширной записки Каразинъ вновь старается рѣзко противопоставить симпатичныя ему „начала христіанско-монархическаго правленія" конституціоннымъ принципамъ („дѣло", по его мнѣнію, „не въ томъ, чтобы у насъ въ Россіи заводить сраженія краснорѣчія мнимыхъ репрезентантовъ съ хитросплетеніями министровъ"), но все-таки недостаточно выясняетъ свой собственный планъ: „напрасно думаютъ,—говоритъ онъ,— что у насъ нѣтъ людей для составленія мнѣнія государственнаго. Ихъ очень достаточно. Довольно *нѣсколькихъ* въ каждой губерніи. Нѣтъ и нужды вызывать ихъ оттуда. Довольно учредить „въ столицѣ" средоточіе, которое бы дѣйствовало на губернскія подобныя же средоточія общественнаго мнѣнія и ими бы взаимно оживлялось. Нѣтъ никакой нужды въ огромныхъ залахъ, парадныхъ шествіяхъ и рѣчахъ, ниже въ извѣщеніи о всемъ этомъ газетами. Но безстрастная воля государева будетъ освѣщаема на каждомъ его шагѣ образомъ приличнымъ и мало извѣстнымъ народу! Совѣтъ не препятствіе... Но мало-по-малу, нечувствительно, общественное мнѣніе и намѣренія государя сближатся совершенно... Правительство останется *правительствомъ*, не исполнительною только властію по новымъ системамъ. Суды гражданскій и уголовный получатъ естественныя ихъ верхнія инстанціи... Убудутъ тысячи чиновниковъ..." [1]) и т. д.

Сопоставимъ все сказанное Каразинымъ о томъ государственномъ строѣ, которому онъ выражаетъ свое сочувствіе. Ясно, что онъ желаетъ созданія непреложныхъ законовъ и учрежденія особаго совѣщательнаго собранія, при помощи котораго можно было бы знакомиться съ общественнымъ мнѣніемъ. Въ письмѣ 1801 г. онъ предлагалъ, чтобы эти „старцы" были избраны всею

---

¹) „Русск. Стар." 1870 г., т. II, стр. 554; 1871 г., т. III, стр. 20—38.

Россiею. Въ послѣдующiе затѣмъ три-четыре года онъ носился съ болѣе рѣшительнымъ планомъ, при чемъ подобное собранiе представлялось ему въ видѣ „охранительнаго сената", который можетъ не только дѣлать замѣчанiя, но даже большинствомъ $^3/_4$ голосовъ останавливать дѣйствiя правительства. Но со временемъ взгляды Каразина становятся гораздо умѣреннѣе. Въ запискѣ 1820 г. онъ предлагалъ составить собранiе, служащее выраженiемъ общественнаго мнѣнiя, изъ дворянъ, имѣющихъ крупную недвижимую собственность, но въ то же время считалъ преждевременнымъ предоставить дворянству выборъ членовъ этого собранiя. Слѣдовательно это собранiе, какъ и его развѣтвленiя въ губернiяхъ, должно было бы составиться по назначенiю, и въ такомъ случаѣ къ нему прилагалось бы то же замѣчанiе, которое авторъ дѣлаетъ относительно государственнаго совѣта, считая его непригоднымъ уже по его составу для выраженiя общественнаго мнѣнiя. Приглашенiе, такъ сказать, „свѣдущихъ людей" изъ крупнаго дворянства — вотъ къ чему собственно сводились всѣ политическiя мечтанiя Каразина (конституцiй, какъ мы видѣли, онъ рѣшительно не одобрялъ). При этомъ онъ желалъ дозволенiя всѣмъ дѣлать „вѣрноподданническiя представленiя" и „скромно" выражать свои мнѣнiя въ печати. Но при этомъ нужно замѣтить, что уровень свободы печати, казавшiйся Каразину дозволительнымъ, былъ весьма невысокъ, какъ это видно изъ того, что онъ считалъ возмутительными и опасными даже нѣкоторыя статьи, печатавшiяся въ журналахъ того времени. Въ своей рѣчи „Объ ученыхъ обществахъ и перiодическихъ сочиненiяхъ въ Россiи", прочитанной 1-го марта 1820 г. въ собранiи петербургскаго общества любителей русской словесности и весьма характерной для выясненiя воззрѣнiй Каразина, онъ выражаетъ удовольствiе по поводу того, что у насъ „общественное мнѣнiе... начало образоваться въ высшихъ классахъ народа", и что „не чернь, собирающаяся изъ питейныхъ домовъ на площади, какъ въ Англiи и Францiи, будетъ у насъ имѣть голосъ. Посему любимыми основанiями нашихъ писателей,—продолжаетъ Каразинъ,—(независимо даже отъ личныхъ началъ ихъ) не могутъ быть ни мнимыя права человѣчества, ни свобода совѣсти, столько прославленныя и столько во зло употребленныя въ XVIII вѣкѣ. Порядокъ, естественная зависимость одного состоянiя отъ другого, взаимныя ихъ должности и услуги... постепенное просвѣщенiе по приличiю каждаго состоянiя, а не устремляющее духъ въ гаданiя—таковы будутъ политическiе предметы наши! *Къ счастiю*, иныя и по всѣмъ прочимъ обстоятельствамъ *невозможны*. Если бы легкомыслiе

усиливалось производить, а учрежденный за нимъ надзоръ могъ допускать сочиненія въ другомъ духѣ, то кто станетъ имъ рукоплескать?" Авторъ не ограничивается этими общими мыслями, высказанными, какъ мы видѣли, въ публичномъ собраніи, а находитъ возможнымъ сдѣлать и прямое указаніе относительно нашей журналистики того времени: „Я иногда дивлюсь статьямъ иныхъ нашихъ журналовъ... Сюда принадлежитъ прославленіе разныхъ американскихъ областей, ихъ конституцій и т. д. Подумали бы хоть разъ эти господа, *кому* у насъ адресуютъ свои они восклицанія?.. Наши санкюлоты читать не умѣютъ" [1]). Можно ли удивляться, что *послѣ* такой рѣчи многіе сторонились отъ Каразина? Каразинъ выражаетъ удовольствіе, что сочиненія, проникнутыя несимпатичными ему лично взглядами, *не могутъ* появляться въ печати, а г. Абрамовъ ссылается на робкія мечтанія Каразина о желательности дозволенія всякому выражать свое мнѣніе „въ скромныхъ бесѣдахъ въ печати"!!..

Такимъ образомъ, разобравъ взгляды Каразина на крестьянскій вопросъ и его планы политическихъ реформъ, мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. Абрамова, что по своимъ идеямъ (по крайней мѣрѣ относительно этихъ двухъ вопросовъ первостепенной важности) Каразинъ на цѣлый вѣкъ опередилъ современниковъ. Мы не станемъ, конечно, отрицать, что составленіе подробной біографіи Каразина все-таки весьма желательно, но не можемъ не замѣтить, что въ нашей новой исторіи и исторіи литературы есть не мало личностей, гораздо болѣе выдающихся, чѣмъ Каразинъ, и все еще не дождавшихся своего біографа.

В. Семевскій.

[1]) „Русская Старина" 1871 г., № 3, стр. 331. Впослѣдствіи, въ письмѣ къ имп. Николаю (1826 г.), Каразинъ ставитъ себѣ въ заслугу, что въ этой рѣчи онъ „искалъ, сколько пристойность и цензура могли позволить, обратить вниманіе благомыслящихъ на небывалое у насъ республиканское направленіе" ученыхъ обществъ и періодическихъ сочиненій въ Россіи. „Русск. Стар." 1870 г., т. II, стр. 535—536.

SI UNA FANTASIA.

Отвѣтъ—въ разсказѣ.

Окончаніе.

VI *).

елъ на улицу, уже свѣтало. Моросилъ мелкій, ій дождикъ. Кругомъ ни души. Я пошелъ не ую сторону, по направленію къ набережной, бще, въ часы безмолвія, прибѣгалъ во время строеній: видъ спящихъ каменныхъ громадъ, й, то скованной льдами рѣки, звонъ башенныхъ ти, просторъ, открывавшійся передъ глазами,— нно дѣйствовало успокоительно на меня, давало заглянуть поглубже въ свое сердце, разобраться ахъ.

ережная не помогла: во мнѣ кипѣлъ такой хаосъ чувствъ и мыслей, что различить отдѣльныя грезвонѣ не было никакой возможности.

ѣдствіи, припоминая это утро, я могъ сообразить, ю. Во-первыхъ, во мнѣ довольно громко загово- верное, дотолѣ незнакомое мнѣ или незамѣчен- мужское донъ-жуанство; я смутно былъ по- льно сомнительной побѣдой:—каковъ, молъ, а?! дамскій кавалеръ и тихоней считаюсь!

навалъ, что въ сущности сдѣлалъ гадость, до-

---

*) 223 стр.

стойную Пьериньки: взялъ врасплохъ беззащитную, больную, безумную отъ горя женщину! Донъ-Жуанъ, вотъ, тоже на кладбищѣ со своей героиней встрѣтился и оттуда все пошло у нихъ, да вѣдь онъ-то ей хоть опомниться немножко далъ: онъ хотя тоже дрянной человѣкъ былъ, но не захотѣлъ „аффектомъ“ пользоваться! А я просто—мелкій негодяй!.. Да почему же негодяй?—возражало что-то въ сердцѣ: вѣдь я же люблю, люблю ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не... Фу! Проклятая „литературность“! Мѣсто ли ей теперь!.. Она—красивая ложь, а я—весь правда! Да, я люблю Леночку, какъ никого никогда не любилъ! Всѣ лучшія чувства, столько лѣтъ бывшія подъ спудомъ въ душѣ, не находившей родной души, всѣ мечты, всѣ стремленія въ „невѣдомую область“, все это слилось въ сознаніи, что эта женщина мнѣ дороже жизни!...

Но вдругъ откуда-то самъ собою возникъ мучительный вопросъ:—Ну, хорошо, я-то ее люблю дѣйствительно, а она?—развѣ она не имѣетъ права считать меня негодяемъ?! Развѣ она можетъ знать, что̀ теперь во мнѣ творится?!.. Ну, положимъ, я завтра же ей выскажу это, все выскажу,—да имѣетъ ли она основаніе повѣрить мнѣ? Я вѣдь обманулъ ея довѣріе!.. Что-то говорило мнѣ, что она не можетъ не повѣрить, а между тѣмъ боязнь противнаго доходила до крайнихъ предѣловъ, рисовала мнѣ самыя дикія картины: мнѣ, напримѣръ, казалось, что меня завтра дворники выгонятъ изъ дому Елены Константиновны, или что какой-нибудь сильный, красивый офицеръ, родственникъ мужа, что-ли, дастъ мнѣ оглушительную пощечину!...

Придя домой, я попробовалъ заснуть, но объ этомъ и рѣчи быть не могло.

Старый лакей мой Григорій Афиногеновичъ, или, по домашнему, Финогеичъ, какъ человѣкъ, весь сотканный изъ привычекъ и гордившійся моею привычкою къ правильной трудовой жизни, встрѣтилъ меня, съ недоумѣніемъ покачивая головой, и затѣмъ нѣсколько разъ на цыпочкахъ подкрадывался къ двери моей спальни, заглядывалъ и удалялся, ворча что-то себѣ подъ носъ. Кстати сказать,—у меня отъ Финогеича не было тайнъ, и вообще я былъ, въ сущности, его рабомъ гораздо больше, чѣмъ онъ—моимъ слугой. Въ это утро онъ былъ рѣшительно оскорбленъ тѣмъ, что я не докладывалъ ему о причинѣ своего ненормальнаго состоянія. Наконецъ, я доложилъ, помимо воли и въ довольно глупой формѣ. Было около одиннадцати часовъ, когда я окликнулъ его.

— Финогеичъ, который часъ?

— Да вѣдь часы-то при васъ! Сами, небось, знаете...

И онъ, махнувъ рукою, собирался уйти, но я удержалъ его.

— Финогеичъ, постой! скажи-ка мнѣ, какъ ты думаешь: можно *ли* къ дамѣ придти съ визитомъ, этакъ, въ одиннадцать или двѣнадцать часовъ утра?

— Какъ къ какой дамѣ-съ! Ежели онѣ такія, что нельзя,— такъ, значитъ, ужъ до второго часу ихъ и безпокоить не годится, противъ порядка нравственности-съ; ну, а ежели такія, къ которымъ можно, — такъ можно и въ два часа ночи на тройкѣ съ бубенчиками подъѣхать, и такъ прямо и позвонить: пожалуйте, значитъ! Это какъ какая барыня-съ. Ноньче всякія есть! Иная, — такъ та ужъ...

— Ну, довольно, уходи! мнѣ пора одѣваться,—прервалъ я, возвысивъ голосъ...

Я, конечно, и безъ него зналъ, что нельзя раньше второго часу къ дамѣ проникнуть, — но вѣдь мнѣ хотѣлось немедленно туда полетѣть, или хоть услышать отъ своего домашняго авторитета, что это возможно! А онъ, глупый, вмѣсто того о какихъ-то бубенцахъ мелетъ!.. Какъ же онъ смѣетъ?! Что это? Намекъ?!.. Впрочемъ, что-жъ?! А почемъ онъ знаетъ? Ну... а я-то, почемъ *я* знаю, можетъ *ли* *тамъ* или не можетъ быть рѣчь о бубенцахъ?!.. И тутъ я впервые смутно почувствовалъ, что у любви моей не очень надежна одна изъ ея основъ— уваженіе!.. Впрочемъ, что-жъ тутъ удивительнаго? Женщина отдается мнѣ сразу, съ бухты-барахты!.. Порядочная женщина въ „аффектѣ" можетъ, конечно, „себя не соблюсти", какъ сказалъ бы этотъ мерзкій Финогеичъ, — но вѣдь и до аффекта тутъ что-то неладно было: напримѣръ, зачѣмъ она меня удерживала, когда я въ одиннадцать часовъ собирался уйти, какъ подобало приличному человѣку?! А передъ этимъ, небось, лежала въ полной прострацiи у могилы мужа?! Фу, мерзость какая!..

Но тутъ я вспомнилъ нашу встрѣчу на кладбищѣ, вспомнилъ, какою жалостью, какою любовью къ ней тогда вдругъ затрепетало мое сердце—и мгновенно снова тѣ же чувства нахлынули на меня, взволновали меня всего? Проклялъ я свое гнусное недовѣріе, свое загаженное пошлыми интрижками ранней юности воображеніе; забылъ я весь міръ и только помнилъ, что существуетъ *она*, что мнѣ сейчасъ, сію минуту, нужно ее видѣть, умолять, чтобы она не отринула, не прогнала меня...

Какъ сумасшедшій вскочилъ я съ постели, одѣлся какъ попало и выбѣжалъ на улицу безъ пальто. Вѣроятно съ четверть

версты пробѣжалъ я, пока вспомнилъ, что на извозчикѣ можно скорѣе добраться до цѣли...

Взбѣгаю по лѣстницѣ, какъ мальчикъ; звоню; отворяетъ усатая женщина, смотритъ на меня на этотъ разъ уже съ дикой ненавистью и говоритъ:—Не можно!

Я такъ и обомлѣлъ.

— Какъ не можно? Почему? Вѣдь я...

— Пàни не здрòва.

Словно кинжаломъ ударило меня въ сердце слово: „нездрòва", а вмѣстѣ съ тѣмъ, — стыдно сознаться, — я сейчасъ же какъ будто почувствовалъ нѣкоторое облегченіе! Молніей сверкнула во мнѣ мысль: если она нездорова, то это не такъ еще ужасно, какъ еслибы она не хотѣла меня принять...

— Что-жъ у Елены Константиновны? Чѣмъ она больна?

— Плохо, очень плохо!—отвѣчала Флорентина, качая головой и замѣтно смягчивъ тонъ при видѣ моей мгновенной блѣдности. Она, однако, все-таки загораживала мнѣ дорогу,—но мнѣ было не до нея, не до приличій, и я, быстро оттолкнувъ ее, стремглавъ бросился въ спальню, гдѣ моя Леночка лежала въ горячечномъ бреду. Съ крикомъ бросился я къ ней, упалъ, рыдая, на колѣни и сталъ цѣловать ея руки, ея пылавшее лицо...

Она не видѣла, не узнавала меня; широко раскрытые, горѣвшіе лихорадочнымъ блескомъ глаза ея неподвижно уставились въ стѣну, горячія, сухія губы были стиснуты и только изрѣдка порывисто вздрагивали... Когда я звалъ ее и страстно обнималъ, чтобы заставить ее очнуться, она иногда переводила на меня тотъ же неподвижный взглядъ, то бормотала какія-то слова, то дѣтски-жалобно всхлипывала, то вдругъ разражалась дребезжащимъ, безумнымъ, убійственнымъ хохотомъ...

Такъ прошло пять сутокъ — пять вѣковъ... Уму непостижимо, что̀ я вынесъ, что̀ я передумалъ за это время!.. Я себя считалъ убійцей этой несчастной женщины! Я, давно забывшій о Богѣ и о молитвѣ, тутъ молился кровавыми слезами, молился всѣмъ существомъ своимъ!.. Я клялся передъ Тѣмъ, Кому молился, отдать всю жизнь этой женщинѣ, все, все искупить: и грѣхъ любви моей, приведшій ее на порогъ смерти, и другой, болѣе ужасный грѣхъ, о которомъ она не знала, — грѣхъ моего смутнаго къ ней недовѣрія!...

А вмѣстѣ съ тѣмъ все росъ во мнѣ прежній страхъ: что̀, если она, очнувшись и увидѣвъ меня, съ ужасомъ, съ негодованіемъ отвернется, прогонитъ меня, — или, что̀ еще страшнѣе,— что̀, если ей сдѣлается хуже—и она умретъ?!.. Умретъ!..

Призванный мною молодой докторъ Пфейлеръ, мой бывшій товарищъ по гимназіи и вѣрный другъ, категорически заявилъ мнѣ, что у нея какая-то особенная нервная горячка, и что малѣйшее потрясеніе ее неминуемо убьетъ!.. Что же, уйти мнѣ?!.. Я не могъ уйти. Я отойти отъ ея постели не могъ!.. Даже суровая Флорентина, видя мою муку, стала относиться ко мнѣ почти съ материнскою нѣжностью; войдетъ ночью въ бѣлой кофтѣ и чепцѣ и что-то шепчетъ на своемъ ломаномъ языкѣ.

Я только махалъ на нее рукой и погружался въ свои тяжкія думы.

На шестой день произошелъ, наконецъ, желанный кризисъ: Леночка очнулась и посмотрѣла на меня съ удивленіемъ, но безъ враждебнаго выраженія во взглядѣ; потомъ, черезъ минуту, взглядъ ея сталъ даже ласковымъ. Меня словно солнце вешнее озарило,—но опять вдругъ тучка набѣжала: что, если она просто не помнитъ *того*, что̀ между нами произошло?.. Вспомнитъ — и что̀ тогда?.. Говорить она была еще не въ силахъ, да и я немедленно останавливалъ всякое поползновеніе къ разговору.

Такъ прошло еще два-три дня, менѣе мучительныхъ, чѣмъ прежніе, но очень, очень тяжкихъ. И вотъ, однажды ночью я сидѣлъ у ея постели, совершенно измученный физически и нравственно, готовый сейчасъ задремать и свалиться со стула. Она долго, долго пристально глядѣла на меня,—да вдругъ какъ обниметъ меня, какъ прильнетъ ко мнѣ вся, какъ зашепчетъ: „Милый, милый, любимый, мой, мой, мой!..“ И откуда у нея эта сила взялась, эта страсть?!..

— Лена, Леночка, радость моя!—говорилъ я ей:—ты убьешь себя! Ты наше счастье погубишь!..

— О, не бойся! Не бойся, я здорова, я буду жить, я счастлива, счастлива въ первый разъ въ жизни!...

Слушалъ я, впивалъ эти рѣчи,—но странно: въ охватившемъ меня потокѣ восторга была какая-то струнка, звучавшая больнымъ, обидно больнымъ диссонансомъ. Часто потомъ я вспоминалъ объ этомъ странномъ чувствѣ, но понять его не могъ. Только теперь, когда моя мысль не стѣснена грубой плотской оболочкой, когда мнѣ сто̀итъ припомнить, чтобы понять, — я знаю, въ чемъ было дѣло: меня тогда покоробила *простота*, съ которою она вновь допустила наше сближеніе! Меня обидѣло за меня и за нее отсутствіе того сопротивленія, котораго я, однако, боялся. Во мнѣ снова зазвенѣли призраки „бубенчиковъ“, на которые намекалъ Финогеичъ! Какъ жалокъ человѣкъ!...

Преобладало, однако, надъ всѣмъ радостное чувство, такое

молодое, безсознательное, стихійно-радостное чувство, какое бываетъ только разъ въ жизни.

Первые два мѣсяца нашей любви прошли какъ сонъ, какъ феерія. Мы какъ будто были созданы другъ для друга; между нами было, если можно такъ выразиться, химическое сродство. Химическое сродство между людьми—тайна природы!.. Много на свѣтѣ людей, которые сходятся по любви въ законномъ или незаконномъ сожительствѣ, которые молоды, красивы, честны, нравственно близки другъ съ другомъ, — а посмотришь: черезъ мѣсяцъ-другой они уже носы повѣсили,—а тамъ и разошлись! Это значитъ, что химическаго сродства нѣтъ!..

У насъ оно было... И при этомъ я ни минуты не скучалъ: у Леночки былъ живой, оригинальный умъ, были честные, самостоятельно-выработанные, а не взятые на прокатъ взгляды; кромѣ того, въ бытность свою въ библіотекѣ, она довольно много прочла и, главное, развила въ себѣ большую, искреннюю пытливость ума, которой я не могъ не сочувствовать и всячески радъ былъ удовлетворять.

Я проводилъ у нея каждую свободную минуту; потомъ я и работать сталъ у нея, такъ что почти переселился къ ней: по крайней мѣрѣ, каждый день отъ обѣда до четырехъ или пяти часовъ утра былъ посвященъ Леночкѣ, былъ немыслимъ безъ Леночки... Работалъ я тогда, впрочемъ, маловато: Леночка *еще* мѣшала мнѣ.

Ея покойный мужъ не любилъ гостей, послѣ него почти не осталось знакомыхъ, а новыхъ мы и не собирались заводить. Бывалъ у нея только мой другъ, докторъ Пфейлеръ, сантиментально влюбленный въ нее, но старавшійся приходить только тогда, когда я былъ на-лицо.

Флорентина, которую я уже открыто называлъ, не въ насмѣшку, а по дружбѣ, Эсклармондою, просто души во мнѣ не чаяла: она понимала, что я искренно люблю ея барыню—и этого ей было довольно; сверхъ того, я, должно быть, плѣнилъ ее двумя-тремя патріотическими польскими пѣсенками, которымъ меня еще въ дѣтствѣ, въ деревнѣ, научилъ какой-то странствующій настройщикъ...

Эсклармонда только, повидимому, недоумѣвала, отчего все еще не было рѣчи о моей женитьбѣ на Еленѣ Константиновнѣ.

Сама же Леночка, въ противоположность громадному большинству женщинъ, которыя вѣчно чего-то добиваются, вѣчно куда-то „гнутъ“,—ничего не добивалась, никуда не „гнула“: она любила и хотѣла быть любимой! Вотъ и все...

наться, немножко этому въ душѣ удивлялся, и хотя мысль о женитьбѣ меня не особенно преслѣдовала,—я все же думалъ: когда же она чего-нибудь потребуетъ отъ меня?! Она, положимъ, лучше другихъ, — но всѣ женщины вѣдь интересанки!..

Какое тамъ! Она была воплощеніемъ безкорыстія и деликатности. У нея былъ несомнѣнный „сердечный тактъ"; напримѣръ, о мужѣ своемъ она со мной не говорила и хотѣла устранить всякое напоминаніе о немъ: переѣхала на другую квартиру и портреты его спрятала, замѣстивъ оставшіеся послѣ нихъ пробѣлъ на стѣнѣ какими-то, какъ будто по случаю купленными гравюрами. А она вѣдь хотя и не была никогда влюблена въ своего мужа, несомнѣнно же питала къ нему дружбу при жизни и чтила по смерти его память. Но она понимала, что надо пожертвовать внѣшнимъ выраженіемъ этихъ чувствъ, — и долго не колебалась. Я, конечно, сразу замѣтилъ перемѣну обстановки и былъ этимъ польщенъ, но, съ другой стороны, мнѣ было какъ-то обидно и за нее самоё, и, странно сказать, за бѣднаго покойника...

Въ скоромъ времени это смутное неудовольствіе осложнилось еще другимъ, тоже смутнымъ чувствомъ, которое стало сознательнымъ лишь благодаря моему ворчуну Финогеичу. Его неудовольствіе по поводу моего новаго образа жизни довольно долго выражалось только тѣмъ, что онъ изрѣдка бросалъ на меня косые взгляды, бормоталъ себѣ что-то подъ носъ и оставлялъ нѣкоторые дружескіе, недѣловые вопросы мои безъ отвѣта...

Но въ одинъ прекрасный день онъ не выдержалъ. Легши однажды въ шестомъ часу утра, я съ превеликимъ трудомъ вылѣзалъ изъ-подъ одѣяла около полудня. Старикъ рѣзкимъ движеніемъ поднесъ къ лицу моему зеркало:

— Гляньте-кось, красота какая! Ровно будто изъ больницы выписались!... Зарѣжетъ *она* васъ, мой батюшка, на „нѣтъ" такъ и сведетъ!...

— Да что ты за вздоръ несешь?!—отвѣчалъ я съ неудовольствіемъ, хотя сознавалъ, что старикъ правъ, и что если не она, такъ я самъ себя „сведу на нѣтъ"...

— Что-жъ я малое дитя, что-ли, или слѣпорожденный?! Я вѣдь это дѣло знаю съ. Барыни-то, прости ихъ Господи, на томъ и стоятъ, чтобы до пагубы довести! Какіе примѣры видывалъ я,— такъ просто...

— Молчи, пожалуйста! Чего суешься не въ свое дѣло! И почемъ ты знаешь...

— Да что вы на меня серчаете безо всякаго резону! Ма-

ленькимъ васъ няньчилъ, чтобъ послѣ молчать, какъ плотва красноглазая?!..

Я ужъ не возражалъ, а старикъ продолжалъ:

— Почемъ знать? Я все знаю!.. Барыни-то вѣдь народецъ тоже! Вотъ когда я отъ батюшки вашего на три года отходилъ, такъ у генеральши До̀бровой въ выѣздныхъ служилъ. Ну, ужъ и насмотрѣлся я тамъ!.. Генералъ До̀бровъ не изъ благородныхъ были, а такъ, либо изъ воспитательнаго дому, либо изъ духовнаго заведенія, что-ли; и женились-то они на генеральшѣ своей больше для служебной надобности. Тогда у нихъ ко всякимъ штатскимъ должностямъ большое пристрастіе и увлеченіе было, а природнаго вліянія не хватало, чтобы въ генералы произвестись. Ну, а генеральша-то княжескаго роду, и родство значительное! Полюбился ей господинъ До̀бровъ: кругленькій такой, ласковенькій, противорѣчить ни въ чемъ не станетъ! Она и вышла замужъ противъ всѣхъ совѣтовъ. Ничего, говоритъ, я его не то что въ генералы, а въ принцы иностранной крови произведу, ежели захочу.

Но только до генераловъ довела, а тамъ—„стопъ машина", потому увидала, что онъ не по любви, а для служебной надобности женился.

Тутъ она его учить пошла. Безпрестанно, бывало, отправляетъ его на ревизію въ провинцію черезъ знакомство, а сама сичасъ велитъ заложить карету—и маршъ! Ѣдемъ къ ротмистру барону Фрицу: съ маменькой его знакомыя онѣ, такъ онъ, значитъ, ей въ утѣшеніе пригодился. Молоденькій, румяненькій! Сидишь это, бывало, у нихъ, сидишь, маешься въ передней и думаешь: —фу, ты, безстыдники! съ кѣхъ поръ, съ восьми часовъ чуть не до ранней обѣдни сами себя утомляютъ!.. Тутъ бы спать пора!..

И что-жъ вы думаете?! Ротмистръ-то какъ свѣчечка растаялъ: чахотка пошла, а тамъ на теплыя воды, и померъ!.. А не вамъ чета былъ, — здоровякъ, одно слово!

А ей все впрокъ: толстѣетъ себѣ — и горя мало!... Потомъ стала все въ учебное заведеніе ѣздить, сладости возить: бѣднаго сродственника себѣ какого-то нашла! Знаемъ мы, какой это сродственникъ: косая сажень въ плечахъ, усища — во̀! Одна слава только, что долго доучиться не могъ!.. Только онъ ей не угодилъ, потому очень...

Я уже не слушалъ старика. Я торопился къ Еленѣ Константиновнѣ, которую въ ту минуту уже ненавидѣлъ; я, дѣйствительно, похожъ былъ на человѣка, выписавшагося изъ больницы,—а она, небось, полнѣла все.

Я собирался придраться къ чему-нибудь и сдѣлать сцену,

сорвать свою злобу. Но не придрался, быть можетъ, потому, что не къ чему было придраться. Да и жаль мнѣ ее вдругъ стало: она весь день была не то грустна, не то задумчива. А вечеромъ, послѣ чаю, когда я собирался перейти съ нею въ гостиную, она ни съ того, ни съ сего заявила:

— Отправляйся-ка во-свояси, другъ мой!

— Это почему?!

— Такъ...

— Что за новости?! Что̀ это значитъ?! Надоѣлъ я тебѣ, что-ли?!

Она горько усмѣхнулась и со вздохомъ нѣжно прижалась ко мнѣ.

— Какой вопросъ! Развѣ ты не видишь, какъ ты мнѣ дорогъ?!.. Но поэтому-то я и хочу, чтобы ты ушелъ!.. Пойми меня!.. Ты теряешь здѣсь и время, и здоровье! Развѣ я не вижу?!.. Не возражай мнѣ, молчи! Вѣдь у меня не минутная прихоть, а любовь. Я смотрю на наши отношенія какъ на бракъ; до людей мнѣ дѣла нѣтъ, а передъ Богомъ я—жена твоя! Я хочу, чтобы ты работалъ, чтобы ты былъ доволенъ собой... Надо когда-нибудь положить предѣлъ этому нелѣпому образу жизни!...

Я пытался возражать, но она была непреклонна,—и, лаская, почти вытолкнула меня на лѣстницу!...

VII.

Я сознавалъ въ душѣ, что она права,—но опять-таки обуяли меня всякія мысли, одна другой неосновательнѣе и мучительнѣе.

Какого благоразумія набралась! Святая! А еще вчера, небось, не то говорила!.. Я, видно, уже надоѣлъ ей?! Или спохватилась она?! О бракѣ заговорила!.. Я, говоритъ, жена твоя передъ Богомъ!.. Эге, матушка!.. Вотъ оно что̀-о?!..

А можетъ быть, ей уже кто-нибудь другой понравился? Ужъ не чувствительный ли другъ мой Пфейлеръ?!

Доведенный почти до бѣшенства этими мыслями, которыя то поочередно, то всѣ сразу жгли меня,—я, на зло Леночкѣ, пошелъ не домой, а на журъ-фиксъ къ однимъ глупѣйшимъ и скучнѣйшимъ знакомымъ, которые встрѣтили меня съ оглушительнымъ крикомъ, какъ человѣка, пріѣхавшаго, по крайней мѣрѣ, изъ Америки. У нихъ я игралъ въ винтъ по четырехсотой съ какими-то ископаемыми, а за ужиномъ ѣлъ невообразимыя котлеты,

безъ мѣры пилъ и усиленно ухаживалъ за одною статскою совѣтницею..

Домой вернулся я съ адской мигренью, съ невѣроятною физическою и нравственною тошнотой... А вмѣстѣ съ тѣмъ во мнѣ заговорило нѣкоторое злорадство: вотъ тебѣ, молъ, недотрога добродѣтельная! Много взяла?!..

Дня три не ходилъ я къ Леночкѣ, а слонялся по знакомымъ. Наконецъ, не выдержалъ и пошелъ. Она не укоряла меня, а только плакала. Я сознавалъ, что дурно поступалъ съ нею, а вмѣстѣ бѣсился тѣмъ больше, чѣмъ больше сознавалъ себя виноватымъ. Ушелъ я до чаю и передъ уходомъ наговорилъ ей непріятностей на тему о стремленіи всякой женщины сѣсть мужчинѣ на шею. Она только грустно качала головой...

Опять нѣсколько дней не ходилъ я къ ней, а когда пришелъ—меня не пустили: не принимаютъ, молъ, и баста!... Я хотѣлъ ворваться насильно, но на двери была цѣпочка „отъ воровъ", а сломать дверь я не былъ расположенъ... Я сталъ писать письма за письмами—никакого отвѣта... Я уже помышлялъ о самоубійствѣ. Наконецъ, отвѣтъ получился самый неожиданный. Лежу я часовъ въ десять вечера на диванѣ въ полномъ унынiи, какъ вдругъ—звонокъ. Отворяю самъ, не дожидаясь Финогеича: Леночка!... Объясненій никакихъ не было, да они и не нужны были! Мы только, рыдая, бросились другъ другу въ объятья, сознавая, что другъ безъ друга жить не можемъ.

На другое утро Финогеичъ прямо приступилъ къ дѣлу.

— Чего вы не женитесь?! Онѣ вѣдь вдова; хорошая барыня!

— Почемъ ты знаешь?

— Да ихняя горничная раза три, небось, ко мнѣ приходила эти дни, все тайкомъ отъ барыни, спрашивала, отчего не ходите... Госпожа убивалась очень...

— Да къ чему жениться?

— Жениться завсегда правильнѣе, чѣмъ этакъ-то валандаться изъ огорченія въ огорченіе. Этакъ вѣдь не споешься какъ слѣдъ! И дѣло всякое изъ рукъ валится!... А въ бракѣ — тишина, благословеніе...

— Что-жъ ты не женился вторично? Или ужъ очень Мавру свою любилъ?..

— Какое любилъ! Намъ любить не полагается, некогда! А женатъ я былъ на ней потому... размахъ души такой вышелъ!...

— А когда умерла, ты вѣдь былъ довольно молодъ...

— Ну такъ что-жъ, что молодъ? У меня вѣдь не тока-что однѣ глупости въ головѣ сидѣли!.. Господское дѣло другое...

Удивительный старикъ! Онъ словно читалъ въ моей душѣ, словно угадывалъ, что я немедленно намѣренъ былъ поѣхать къ Леночкѣ.

Я поѣхалъ и сдѣлалъ предложеніе. Оно принято не было.

— Странная ты женщина! Отчего?!...

— Оттого, что я тебя слишкомъ люблю и хочу, чтобы ты былъ счастливъ, хочу, чтобы ты вѣрилъ мнѣ!.. Я, какъ женщина, больше знаю жизнь, чѣмъ ты!.. Еслибы ты меня, вдову, встрѣтилъ у какихъ-нибудь банальныхъ знакомыхъ, сталъ бы за мной ухаживать и послѣ долгихъ просьбъ получилъ мою руку,—ты бы иначе относился ко мнѣ, чѣмъ еслибы женился теперь, при настоящихъ условіяхъ! Теперь бы ты сталъ ревновать меня, какъ жену, находя, что если такъ я скоро измѣнила мертвому мужу, то еще скорѣе измѣнила бы живому! Ты вѣдь, навѣрное, не разъ думалъ, что я мужу измѣняла при жизни его! Не отрицай этого! Я тебя вижу насквозь!.. Женѣ можетъ быть нужно лгать мужу, потому что она во власти его, носитъ его имя!.. А безъ брака только очень дурная женщина будетъ обманывать. Зачѣмъ обманывать, когда можно просто уйти?!.. Нѣтъ, останемся *такъ*... Я уже не говорю о томъ, что нѣкоторымъ людямъ — и ты принадлежишь къ ихъ числу — не слѣдуетъ быть свидѣтелями объясненій любимой женщины съ кухаркой, съ портнихой и т. п. Такой мужчина и самъ не долженъ показывать подругѣ мелкихъ чертъ своего характера, своей жизни. У всякаго есть свой сорный уголъ. Женщина все это пойметъ и проститъ, потому что она практичнѣе, но самъ-то мужчина не проститъ ей прозорливости!... Да наконецъ, есть люди, которые легко утомляются всѣмъ тѣмъ, что обязательно, а ту же обузу способны пронести всю жизнь, если знаютъ, что въ любой моментъ вольны сбросить ее!... Такихъ людей теперь много,—и ты изъ ихъ числа. Такіе люди не тяготятся обязанностями, когда успѣли заранѣе привыкнуть къ ихъ исполненію въ другой формѣ, кажущейся имъ менѣе стѣснительною... Для чего же, или, вѣрнѣе, *для кого* намъ жениться?! Для нашей любви это пока могло бы стать только гибелью; добрые, настоящіе друзья наши и такъ будутъ уважать и любить насъ,— а прочіе не стоютъ нашего вниманія!... Если сживемся, поймемъ другъ друга, привыкнемъ, — ну, тогда, черезъ нѣсколько лѣтъ поговоримъ...

Она была права, глубоко права! Я молча поцѣловалъ ея руку, и тѣмъ кончился этотъ разговоръ.

Мы сжились. Года прошли—и уже близокъ былъ день, когда

мы смѣло могли повѣнчаться. Она была истинной подругой, истинной женой въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Въ теченіе этихъ нѣсколькихъ лѣтъ бывали, конечно, недоразумѣнія и иногда довольно крупныя. Случаи, когда она была или виновата, или оказывалась чѣмъ-либо несостоятельною, хотя сердили меня въ ту минуту,—но затѣмъ являлись особенно пріятными воспоминаніями: мужчинѣ всегда дороже женщина, на которую онъ хоть изрѣдка можетъ посмотрѣть сверху внизъ! Постояннаго превосходства ея надъ собой мало-мальски типичный мужчина не перенесетъ. Наоборотъ, случаи, когда я бывалъ виноватъ, надолго оставляли чувство озлобленія противъ Леночки.

Хотя я теперь духъ, но все же, должно быть, духъ мужского пола,—и потому мнѣ пріятнѣе сперва привести примѣръ ея несостоятельности, или, вѣрнѣе, непослѣдовательности.

Леночка хотя и отказалась выйти замужъ для „княгини Марьи Алексѣвны", тѣмъ не менѣе страстно желала познакомиться съ моими родными. Для чего ей это было нужно—Богъ вѣсть!

Брата Пьериньку я отнюдь не хотѣлъ ей представлять; братъ Алексѣй женился на уродливой стопудовой купеческой дочери и поѣхалъ пропивать ея состояніе въ провинцію, гдѣ получилъ полкъ. Оставалась только сестра, которая, кстати сказать, сама очень хотѣла, изъ любопытства, познакомиться съ Леночкой.

Сестра доподлинно знала откуда-то о моихъ отношеніяхъ съ Леночкой. Да оно и немудрено. Леночка, подобно очень многимъ женщинамъ, убѣжденнымъ въ своей правотѣ, не избѣгала того, что̀ могло ее компрометтировать, и наоборотъ, какъ будто рисовалась нашей близостью. Для нея, напримѣръ, не было бо̀льшаго удовольствія, какъ появляться вездѣ подъ-руку со мной. Я, конечно, былъ этимъ польщенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это меня всегда стѣсняло, конфузило какъ-то за насъ обоихъ...

Итакъ, сестра моя пожелала познакомиться съ Леночкой и даже взять наши отношенія подъ свое покровительство: ея лимфатически-безстрастная и оффиціально-непорочная натура интересовалась-таки тѣмъ, что̀ ей не было дано самой...

Леночка, къ моему великому удивленію, также очень хотѣла этого знакомства и прямо обижалась на меня, когда я доказывалъ ей, что это никому не нужно, а намъ только можетъ отравить существованіе; она, гордо отказавшаяся „подзакониться", презиравшая общественное мнѣніе, тутъ оказывалась подъ вліяніемъ буржуазнаго стремленія придать нашимъ отношеніямъ призракъ законности.

Я тянулъ, все не устроивалъ свиданія на нейтральной почвѣ. Устроилось оно само собой и привело къ самому неожиданному результату.

Я былъ нездоровъ, и сестра зашла со своимъ сынкомъ навѣстить меня. Вдругъ звонокъ—и входитъ Леночка. Онѣ быстро взглянули другъ на друга, Леночка сдѣлала движеніе, чтобы подойти къ сестрѣ, но сестра отвѣтила ей только презрительнымъ полупоклономъ, рѣзко и сухо простилась со мною, сказавъ язвительно: „я вамъ не буду мѣшать", —и, взявъ за руку свое сонливое чадо, торопливо ушла... Леночка бросилась въ кресло и разрыдалась... Все это произошло въ какихъ-нибудь двѣ минуты...

Я задыхался отъ злости. Мнѣ хотѣлось догнать сестру, избить ее до полу-смерти!.. Какъ она смѣла выказывать такое явное неуваженіе любимой мною женщинѣ?! Чѣмъ она сама-то лучше?! Леночка честно любитъ меня, пожертвовала мнѣ *всѣмъ*, —а она вышла замужъ по мелкому разсчету за какую-то канцелярскую мумію безъ кровинки въ лицѣ, безъ проблеска живой мысли и чувства въ душѣ! Этотъ человѣкъ, среднихъ или, вѣрнѣе, неопредѣленныхъ лѣтъ, былъ ходячимъ воплощеніемъ дряблости, сухости, ветхости, мертвенности. Все, чего онъ касался, мгновенно увядало: коммиссія, въ которой онъ работалъ, обращалась въ архивъ, молодые подчиненные—въ манекеновъ, жена—въ дрянную куклу, цвѣты—въ крапиву!.. Сливки мгновенно кисли, когда онъ смотрѣлъ на нихъ; казалось, еслибы на него надѣть гвардейскій мундиръ съ иголочки, самые позументы сейчасъ же приняли бы „инвалидный" или „гарнизонный" оттѣнокъ! Фу, гадость! Ну... выйти замужъ за такую каррикатуру еще можно по недоразумѣнію, что-ли, отъ нечего дѣлать или вслѣдствіе дѣвической тупости. Но жить, годами жить и сжиться съ нимъ! — это прямо развратъ, низкій развратъ!.. А это дитя ихъ, плодъ законной плесени!! Какой ужасъ! Вялый, смертельно вялый, до гадости благонравный мальчуганъ съ зеленымъ лицомъ, на которомъ вѣчно было написано недоумѣніе какое-то, вѣчный, трудно-разрѣшимый вопросъ: „Ахъ, Боже мой! Да неужели я родился, неужели я существую?!... Какъ это страшно!..."

И сестра моя еще дерзала украшать это мертворожденное лицо матросской фуражкой съ надписью: „герой"!... Вотъ такъ романтизмъ!...

Леночка нѣсколько дней послѣ этого отвратительнаго эпизода была въ глубокомъ горѣ. Я тщетно силился доказать ей, что все это пустяки. Ко мнѣ она въ эти дни выказывала нѣкоторое

охлажденіе. Дошло даже до тяжкой взаимной обиды, которая чуть не положила конца нашей близости.

Захожу я однажды нечаянно къ ней: она не слыхала моего звонка и шаговъ, сидитъ и горько плачетъ, глядя на портретъ покойнаго Скаргельскаго, вынутый изъ-подъ спуда.

Я сперва такъ и обмеръ, а потомъ вдругъ во мнѣ проснулся звѣрь: я вырвалъ этотъ портретъ изъ ея рукъ, сталъ топтать его ногами и бѣсноваться:

— Что?! Покойничекъ лучше былъ, умѣлъ жену беречь?!..

— Стыдись, стыдись! Ты оскорбляешь человѣка, который не можетъ возразить тебѣ, не въ силахъ защищаться! Это неблагородно! Онъ бы этого не сдѣлалъ!...

— Да, конечно, гдѣ же намъ быть такой добродѣтельной варшавской обезьяной!

— Причемъ тутъ національность?! Опомнись! что̀ ты говоришь?! Ты ли это?!...

Я все не унимался. Мы разстались врагами. Недѣли на двѣ наши отношенія совершенно прекратились.

Опять сошлись мы благодаря врагамъ. У насъ, или, вѣрнѣе, у нашей любви были враги: у меня—враги природные, т.-е. моя родня, а ея врагами были тѣ, кому она нравилась...

Дня не проходило, чтобы кто-нибудь изъ моихъ присныхъ мнѣ не сказалъ чего-нибудь сдержанно-ядовитаго на ея счетъ, а въ несдержанно-гнусной формѣ говорили мнѣ о ней анонимныя письма.

Я возмущался, я чувствовалъ, что еще все больше люблю ее, а между тѣмъ,—стыдно сознаться,—каждая клевета незамѣтно уносила по частицамъ, по атомамъ, уваженіе мое къ ней...

Ее же нагло преслѣдовали всюду: на улицѣ, въ театрѣ, дома. Какіе-то предпріимчивые молодые люди съ дерзкимъ смѣхомъ заглядывали ей въ лицо, звонили къ ней поздно вечеромъ и т. д.

Враги, спасибо имъ, опять соединили насъ—и на этотъ разъ навсегда.

Нѣкоторыя недоразумѣнія, впрочемъ недолго, происходили еще между нами по очень странному поводу.

Одинъ мой добрый пріятель, довольно извѣстный человѣкъ, смутилъ меня.

Всю жизнь онъ провелъ въ неискреннихъ переходахъ изъ лагеря въ лагерь, всю жизнь былъ фарисеемъ. Сущность его прорывалась довольно часто въ откровенныхъ бесѣдахъ, между прочимъ и со мною. Въ послѣднее время онъ, состарѣвшись, бредилъ аскетическими идеями и напускалъ на себя чуть не бо-

жественность,—а въ минуты непрошеннаго откровенничанья оказывался тоскующимъ циникомъ.

Онъ зналъ мои отношенія къ Леночкѣ и хотя какъ будто „благословлялъ“ ихъ, но однажды высказалъ мнѣ, что „лучше испытать много краткихъ любвей, нежели одну продолжительную“... Эти слова смутили мой покой въ опасный переходный періодъ между молодостью и зрѣлымъ возрастомъ, въ тотъ періодъ жизни, когда во всякомъ человѣкѣ сидитъ большой или маленькій Гамлетъ.

Я нѣсколько охладѣлъ къ Леночкѣ, принималъ иногда аллюры „молодого человѣка“ и этимъ немало оскорблялъ ея чистое сердце. Она глупо ревновала, дѣлала мнѣ сцены, собиралась уѣхать и т. п. Кромѣ того, меня бѣсилъ въ ея отношеніяхъ ко мнѣ элементъ какого-то „права собственности“: поцѣлую ли ее, скажу ли что-нибудь неглупое, прочту ли страничку изъ новаго произведенія,—она отвѣчаетъ на поцѣлуи, смѣется, восторгается,—но главнымъ, преобладающимъ смысломъ, началомъ и концомъ этого всего является слово: „мой“, „мой“, „мой!“...

Во дни моего послѣдняго „броженія молодыхъ силъ“ я просто слышать не могъ этого слова, казавшагося мнѣ чуть не звономъ цѣпей.

Къ счастью, этотъ періодъ скоро кончился—и одинъ страхъ смѣнился другимъ; прежде я боялся, что „лучшіе“ годы пройдутъ безъ достаточнаго количества интересныхъ приключеній,—а потомъ сталъ бояться, что умру, ничего не создавъ, не оставивъ для будущаго. Я жадно взялся за работу, словно предчувствовалъ, что жизнь скоро кончится.

Леночка оказалась на высотѣ призванія: ни въ комъ никогда въ жизни я не встрѣчалъ такого сочувствія къ моимъ духовнымъ стремленіямъ, какъ въ ней.

Только тогда я и понялъ впервые настоящій смыслъ любви, какъ высшей гармоніи, какъ таинства. Любовь только тогда можетъ быть вѣчною, если соединяемые ею люди стремятся къ вѣчнымъ идеаламъ: тогда не можетъ быть ни скуки, ни измѣны, ни пресыщенія. Только надо умѣрить свое *я*, не замыкаться въ своей любви, а сдѣлать ее стимуломъ болѣе ревностнаго служенія міру!...

Леночка это поняла—и послѣдніе мѣсяцы нашей совмѣстной жизни были настоящимъ блаженствомъ: мы оба дружно работали, жили для работы. Въ скоромъ времени намъ предстояло удовлетворить еще жаждѣ практической дѣятельности: мы купили пополамъ, но на ея имя, небольшое имѣньице и собирались открыть тамъ безплатную школу... Уже былъ назначенъ день нашей свадьбы...

И вдругъ... эта болѣзнь!...

Боже мой, отчего счастье приходитъ всегда слишкомъ поздно?!..

Невозможно описать, чтò мы вынесли, особенно она! Я-то всего больше мучился вначалѣ, а потомъ, когда я ослабѣлъ, физическія страданія заняли главное мѣсто, животный эгоизмъ заслонилъ собою заботу о Леночкѣ. Вначалѣ она не отходила отъ меня, — а когда мнѣ стало совсѣмъ плохо, милые родные мои перестали ее пускать ко мнѣ, а сверхъ того распространяли слухъ, что она меня „убила"!..

Я тогда не зналъ, не понималъ, кàкъ она страдала! Да и не мудрено: я былъ почти трупомъ...

VIII.

Теперь, незримо стоя на порогѣ комнаты, гдѣ она сидѣла, я все понялъ. Прежняя Леночка умерла: передо мной была только изстрадавшаяся, *старая* женщина... Меня это мучило нестерпимо и вмѣстѣ эгоистически радовало: я гордился тѣмъ, что „все унесъ"...

Знала ли она, что я былъ тамъ, подлѣ нея?... Знать этого нельзя, но чуять можно. И она несомнѣнно это чуяла: она вся дрожала и нѣсколько разъ бросала быстрые взгляды въ мою сторону. Я просто задыхался отъ счастья; я забылъ о томъ, чтò меня ждало, забылъ о предстоявшей разлукѣ со всѣмъ земнымъ, и думалъ: буду приходить къ ней, упиваться ея печалью!...

Потомъ мнѣ вдругъ вспомнился покойникъ Скаргельскій... Недолго онъ ея печалью упивался!.. Чтò, если и мнѣ...

Въ это время послышались шаги и вошелъ... Пьеринька!.. Боже мой! что-то будетъ?!...

Леночка встала, гордо выпрямилась и еле успѣла пролепетать: „чѣмъ могу...", какъ милѣйшій братецъ мой уже затараторилъ:

— Простите, ради Бога, что я безпокою васъ!.. Мнѣ очень совѣстно... Я буду кратокъ... Видите ли, разбирая бумаги брата, я узналъ, что у васъ находится одна рукопись его... знаете, романъ въ письмахъ... Вы, надѣюсь, можете мнѣ вручить его?.. Я бы, не упуская времени...

— Дайте хоть трупу брата вашего остыть!.. Поспѣете трудами его воспользоваться! Не бойтесь, я ничего не украду!—съ негодованіемъ почти закричала Леночка.

— Ахъ, какія слова!.. Но видите ли, теперь какъ разъ время

подходящее... Знаете, вездѣ некрологи... разговоры... Одинъ редакторъ уже просилъ у насъ... Вы, конечно, сочувствуете хотя бы посмертному успѣху покойнаго брата и...

Леночка не дала ему договорить: она бросилась къ своему письменному столику, судорожно рванула ящикъ и, доставъ рукопись, чуть не швырнула ее Пьеринькѣ.

— Теперь, надѣюсь, ваша заботливость о покойномъ исчерпана, и во мнѣ вы не нуждаетесь?!...

Пьеринька сконфуженно поклонился и направился къ выходу.

— Постойте!

Она вдругъ сорвала съ себя браслетъ, — чуть ли не единственный цѣнный подарокъ, который я умолилъ ее принять,—и направилась съ нимъ къ Пьеринькѣ.

— Берите!... вы—наслѣдникъ!.. Это вамъ пригодится!.. Это все-таки денегъ стоитъ!..

— Ахъ, что̀ вы! помилуйте! Зачѣмъ это?! Вѣдь это ваше, это память?..—лепеталъ смущенный братъ.

— Убирайтесь вонъ! Слышите!...

И она бросила вслѣдъ уходившему Пьеринькѣ завѣтный браслетъ; не знаю, подобралъ ли онъ его, или нѣтъ... Да мнѣ было и не до того... Леночка лежала ничкомъ на оттоманкѣ и горько, неудержимо рыдала...

Еще звонокъ. Вошелъ докторъ Пфейлеръ.

„Посмотримъ,—думалъ я,—что̀ онъ ей скажетъ, ка̀къ проявитъ свою дружбу ко мнѣ и свою любовь къ ней? Хотя я былъ невидимъ, но поспѣшилъ забиться въ темный уголъ и оттуда сталъ наблюдать. Пфейлеръ усадилъ Леночку въ кресло, пощупалъ ея пульсъ, покачалъ головою и, сѣвъ противъ нея, началъ интересный для меня разговоръ.

— Что̀ вы думаете дѣлать?

— Не знаю...

— Нужно знать, добрая Елена Константиновна! Этотъ вопросъ надо рѣшить поскорѣе! Я, какъ докторъ, долженъ вамъ сказать, что ваше здоровье очень, очень пошатнулось...

— Ну, и тѣмъ лучше! Туда и дорога!

— Ахъ!.. Зачѣмъ такія идеи?!.. Хорошіе люди должны жить, потому что...

— Жить! Зачѣмъ жить?! Для кого жить?!.. Развѣ вы не знаете, что женщина, настоящая женщина, можетъ жить только тогда, когда есть для кого!..

Я, признаться, сейчасъ подумалъ, что Пфейлеръ начнетъ ей говорить о своей преданности. Онъ былъ взволнованъ и блѣденъ;

ему, видимо, хотѣлось что-то сказать ей, но онъ запнулся и послѣ нѣкоторой паузы продолжалъ:

— Ну... и живите для *него*, для его памяти, для того, что̀ *ему* дорого... Ну, хотя бы эта школа... Но только теперь вы еще не въ силахъ ничего такого предпринять!

— Гдѣ мнѣ?!.. Я думать ни о чемъ не могу!...

— Но здѣсь вамъ, во всякомъ случаѣ, оставаться нельзя!

— О, конечно! Я не въ силахъ!...

— Знаете-ли... я бы вамъ посовѣтовалъ...

Онъ опять запнулся; ему не хотѣлось продолжать, но онъ все-таки пересилилъ себя:

— Я бы вамъ посовѣтовалъ... поѣхать на годъ или два за границу; въ Швейцарію, напримѣръ, или, еще лучше, въ Италію!... Хотя, конечно...

И докторъ опять замолкъ. Бѣдный другъ мой, видимо, страдалъ. Я сразу понялъ, что̀ въ немъ происходило: онъ глубоко любилъ Леночку, ему пыткою была мысль о ея отъѣздѣ,—но онъ думалъ прежде всего о ней, о ея спасеніи...

— Я думаю, вы правы!—отвѣтила Леночка:—можетъ быть, тамъ, вдали отъ всего, что̀ мнѣ дорого и ненавистно, я найду хоть немного покоя...

Признаться, я ждалъ, что она приметъ сейчасъ кокетливо-томную позу и вообще будетъ исподтишка охорашиваться, чтобы еще увеличить смущеніе Пфейлера; я слѣдилъ за нею, какъ собака слѣдитъ за обѣдающимъ хозяиномъ. Леночка никакого кокетства не проявила, и я затрепеталъ по этому поводу отъ дикой радости,—но она скоро была заглушена хорошо знакомымъ чувствомъ: желаньемъ отмстить за мое неоправдавшееся подозрѣніе. Мнѣ стоило только придраться къ ея словамъ — и я мгновенно возненавидѣлъ ее. Потомъ вдругъ перешелъ къ обобщенію. Я подумалъ: люди, люди! какіе вы всѣ, всѣ матеріалисты! Давно ли она такъ горячо раздѣляла мои мечты объ этой школѣ — и вотъ! на попятный!...

Но озлобленіе мое мгновенно прошло: я понялъ, что она иначе и не могла поступить. Человѣкъ немощенъ! Она была сильна и стремилась къ чему-то, пока было кого любить. Женщину электризовать нужно любовью: иначе она—трупъ! Она сама это сказала!.. Тѣ изъ нихъ, которыя изъ религіозныхъ или отвлеченно-нравственныхъ побужденій идутъ на подвиги добра,—уже не типичныя женщины! Ей *нужно* счастье... И дай Богъ ей счастья!.. Вотъ хотя-бы Пфейлеръ: онъ любитъ—и менѣе эгои-

стично, чѣмъ я, — онъ добръ, великодушенъ... Дай Богъ *имъ* счастья!..

Самъ я не понималъ, какъ у меня могло зародиться пожеланіе *имъ* счастья!...

Я вообще себя не узнавалъ: я замѣтно, съ каждою минутой отрѣшался отъ праха, а вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ себя все болѣе ненужнымъ здѣсь, все болѣе чуждымъ по отношенію къ этимъ людямъ, рабамъ своихъ оболочекъ...

Я почувствовалъ, что если бы, какъ думаютъ спириты, духъ могъ говорить съ людьми, то они бы его не могли понять: критеріи, масштабы — все разное!

Это чувство осиротѣлости вскорѣ перешло въ мучительную тоску. Это была та тоска, которую человѣкъ и при жизни иногда чувствуетъ, и при томъ никакъ не можетъ доискаться ея причины: мудрено и доискаться, когда причина такъ глубока, что даже теперь мнѣ, духу, была не совсѣмъ ясна. Если можно такъ выразиться, я плакалъ „слезами души"; мнѣ казалось, что въ глубинѣ души моей была другая, еще болѣе нетлѣнная душа, и что она рвалась на волю, туда, гдѣ нѣтъ „болѣзни и печали!"..

Это предположеніе было вполнѣ основательно: у меня дѣйствительно была вторая душа въ глубинѣ первой — и не у меня одного: это явленіе, хотя и не часто,—однако встрѣчается. Еще великій Шекспиръ его отмѣтилъ и вложилъ въ уста Гамлету фразу: „Дай человѣка мнѣ, котораго бы страсть не сдѣлала рабомъ,—и я его въ душѣ, *въ душѣ души моей*, носить всечасно буду!"... Это не спроста и не для краснаго словца сказано!... Гамлетъ, быть можетъ, оттого такъ и страдалъ, что „вторая" душа часто волновалась у него...

Не суждено было, однако, моей второй душѣ сейчасъ же вырваться на волю: сразу въ мірѣ ничто не дѣлается! Мнѣ предстояли еще разныя мытарства, происходившія оттого, что съ землей связей скоро не порвешь!... Отрѣшеніе отъ праха отчасти аналогично съ одряхлѣніемъ человѣка. Подобно тому, какъ буря вырываетъ съ корнемъ могучій дубъ, а зыбкій кустарникъ невредимъ; подобно тому, какъ старость убиваетъ раньше любовь, наиболѣе глубокую и сложную изъ всѣхъ страстей человѣческихъ, а другія, болѣе мелкія страстишки остаются нетронутыми и оказываются какъ будто сильнѣе любви,—такъ и въ процессѣ отрѣшенія отъ праха любовь борется отчаяннѣе, но гибнетъ раньше; прочія же чувства нѣкоторое время ускользаютъ отъ косы смерти, цѣпляются за душу, впиваются въ нее, какъ клещи... Жалкія,

большею частью комическія чувства, особенно въ сравненіи съ трагедіей любви,—но съ ними нельзя не считаться!

И въ этомъ случаѣ они изрядно-таки отсрочили освобожденіе второй моей души! Слава Богу, что я въ концѣ концовъ отбился отъ нихъ, и что мнѣ вторично не пришлось облекаться въ дѣтскій футляръ и съизнова штудировать жизненный урокъ!..

IX.

Все въ мірѣ сложно. Когда мнѣ при жизни казалось, что я „отрѣшаюсь" отъ Леночки, — меня просто-на̀-просто тянуло къ „обществу", къ тому обществу, которое я вообще искренно презиралъ. Такъ и теперь: я не только „отрѣшился" отъ любви къ Леночкѣ и даже пожелалъ ей со временемъ выйти замужъ за деликатнаго Пфейлера,—но, сверхъ того, меня тянуло „въ общество". Иначе бы я такъ скоро не отрѣшился.

Меня тянуло на собственную панихиду. Но, видно, чѣмъ согрѣшишь, тѣмъ и пострадаешь! Я неоднократно опаздывалъ, а то и вовсе не попадалъ по небрежности на чужія панихиды, и вотъ теперь и на собственную попалъ къ шапочному разбору. Мнѣ было очень совѣстно, я мысленно краснѣлъ—и совершенно напрасно: моего отсутствія рѣшительно никто не замѣтилъ. Господа молившіеся были заняты своими соображеніями и старались даже не смотрѣть на мой футляръ, неподвижность котораго заставила ихъ двинуться въ комнату, гдѣ онъ лежалъ, окруженный цвѣтами, волнами кадильнаго дыма и чадомъ отъ только-что погашенныхъ панихидныхъ свѣчъ.

Я не сталъ всматриваться въ посѣтителей, въ эти бѣлыя манишки и траурныя вуали; не сталъ и вслушиваться въ ихъ разговоры, по опыту зная заранѣе, что ничего особенно пріятнаго для себя не услышу: значеніе даже пріятныхъ словъ будетъ сведено къ нулю равнодушіемъ, а то и недоброжелательствомъ тона. Я рѣшилъ уйти, не зная самъ куда. Только бы подальше отъ этихъ людей.

Когда я сходилъ по лѣстницѣ среди разныхъ „печальныхъ" фигуръ, пришлось, однако, по-неволѣ остановиться и послушать. Говорили двое плоховато и небрежно одѣтыхъ господъ. Одинъ, толстый и курчавый, говорилъ внушительнымъ басомъ и нарочно громче, чѣмъ слѣдовало; другой, маленькій и плѣшивый, похожій съ виду на сушеную козявку, пищалъ тончайшимъ

фальцетомъ, но тоже, видимо, желалъ обратить на себя вниманіе публики.

— А я о немъ, знаете, не то что некрологъ, а цѣлый фельетонище написалъ; поощрить все-таки надо,—говорилъ басъ.

— И напрасно! — возражалъ фальцетъ: — я, конечно, не умаляю его заслугъ, но раздувать ничего не слѣдуетъ, — даже репутаціи покойника!

— Ну, это не опасно. Пускай себѣ хоть „раздутаго покойника" покупаютъ и читаютъ. И такъ уже публика ничего не читаетъ. Ну, начнетъ съ покойника, а тамъ и къ намъ перейдетъ. Это—дѣло привычки. Вотъ, напримѣръ, въ Англіи всѣ покупаютъ книги: тамъ считается столь же неприличнымъ взять у знакомаго романъ для прочтенія, какъ попросить ботинки или другую принадлежность туалета на подержаніе...

— Не говорите! И за границей теперь кризисъ на книжномъ рынкѣ; одинъ мой пріятель, который „на ты" съ фирмою... то бишь, съ мадамъ Аданъ, утверждалъ мнѣ, что...

Я уже пересталъ ихъ слушать, такъ какъ ихъ разговоръ перешелъ на общія темы,—а сосредоточилъ свое вниманіе на двухъ дамахъ, изъ разряда повивальныхъ бабокъ или конторщицъ, питавшихъ, какъ мнѣ показалось, большое пристрастіе къ литературѣ. Прислушавшись къ нимъ, я убѣдился, однако, что это было пристрастіе болѣе чѣмъ платоническое и потому не особенно лестное.

— Я на всѣхъ литературныхъ похоронахъ бываю, это очень интересно,—тараторила одна:—была у Достоевскаго, у Тургенева, у Салтыкова, у Щедрина, у Шелгунова! съ меня тамъ, говорятъ, даже кто-то фотографію снялъ...

— А какъ вы думаете, поставятъ ему (то-есть мнѣ) памятникъ?—прервала ее собесѣдница.

— Ну, это едва ли! На могилѣ развѣ,—и то если друзья какіе-нибудь... На это подписка нужна...

— Да, это цѣлая исторія!.. И потомъ выходитъ памятникъ, совсѣмъ не похожій на самого покойника.

— Да, вотъ, напримѣръ, памятникъ Лермонтова, что возлѣ Маріинской больницы... Онъ тоже, говорятъ...

— Да это не Лермонтовъ, что съ вами?!...

„Карету мнѣ, карету!" — чуть не закричалъ я и бросился бѣжать... Побѣжалъ я, конечно, въ типографію большой газеты, гдѣ долженъ былъ какъ разъ въ эту минуту печататься „фельетонище" обо мнѣ.

Хотя я былъ лишенъ какихъ бы то ни было органовъ,—но видъ, запахъ и шумъ типографіи, бывшей въ полномъ ходу, подѣй-

ствовали на меня непріятно; я испытывалъ то чувство, которое охватываетъ степеннаго, осѣдлаго человѣка во время путешествія по желѣзной дорогѣ: всѣ суетятся, бѣгутъ куда-то, раздаются крики, распоряженія, брань... и самъ торопишься, суетишься, волнуешься... Какъ хотите, а это ненормально, это вредно!... Особенная суета —въ газетной типографіи: каждую минуту всѣмъ приходится держать ухо востро! Какая-нибудь глупая опечатка можетъ повлечь за собою крупныя непріятности...

Довольно-таки долго потолкавшись среди измазанныхъ типографскою краскою наборщиковъ, я, наконецъ, нашелъ исправленную корректуру своего некролога.

Онъ былъ дѣйствительно великъ и весьма краснорѣчивъ, краснорѣчивъ почти до неприличія: говорилось въ немъ о моихъ замѣчательныхъ личныхъ достоинствахъ, о моемъ удивительномъ талантѣ, о томъ, что я при жизни далеко не былъ оцѣненъ по заслугамъ! Что̀ дѣлать?! Такова, молъ, весьма часто судьба настоящаго таланта, а иногда и генія! Крикливая бездарность скорѣе пріучаетъ индифферентную публику къ своему имени, а истинный талантъ, гордый и скромный, нѣсколько времени остается въ тѣни, покуда правдивое, смѣлое слово критики не исполнитъ своего долга, не укажетъ на него, или пока само общество не спохватится, осѣненное лучомъ истины!...

Можно ли подумать, что около трехсотъ строкъ въ такомъ духѣ написалъ человѣкъ, который во время моей жизни осчастливилъ меня многими наглядными доказательствами своей антипатіи?! Что это? Покаяніе ли передъ моею тѣнью, любовь ли къ литературѣ, всесильно охватывающая иногда даже „обѣльныхъ холопей“ ея, или... или, просто-на̀-просто, какъ сказалъ бы Цицеронъ,—magis honorarii quam honoris causa?!...

Во всякомъ случаѣ, мнѣ-то оно было очень, очень пріятно: я почти обрадовался тому, что умеръ... но вдругъ мнѣ бросилась въ глаза помарка. На одномъ изъ столбцовъ некролога говорилось объ идейномъ и политическомъ значеніи нѣкоторыхъ моихъ полемическихъ статей, довольно-таки горячо написанныхъ мною, нежурналистомъ по профессіи, по поводу разныхъ отвратительныхъ проявленій современной общественной „эволюціи“. О, ужасъ! все это было зачеркнуто—и рукой не въ мѣру осторожнаго издателя газеты вмѣсто всего этого было написано: „Покойный былъ очень добръ и очень любилъ всякихъ животныхъ“!... Ни къ селу, ни городу! Такъ, зря! Чтобъ только чѣмъ-нибудь замѣнить!... И ложь какая! Я вообще не любилъ животныхъ, а мои полемическія

статьи, которыми я весьма дорожилъ, именно противъ животныхъ-то и были направлены!... Богъ знаетъ, что такое!...

Конецъ некролога повергъ меня въ еще бо̀льшую досаду. Тамъ было сказано въ лирическомъ порывѣ:—„Спитъ онъ въ гробу, мирно спитъ, окруженный цвѣтами, которые онъ такъ любилъ при жизни. У ногъ его, у этихъ мертвыхъ ногъ,—какъ дань почтенія и благодарности отъ любящихъ собратьевъ и отъ разныхъ общественныхъ группъ,—цѣлая груда разныхъ вѣнковъ: начиная отъ скромныхъ, но символически-трогательныхъ иммортелей и кончая дорогими художественно-выполненными фарфоровыми и серебряными вѣнками!.. Тяжелая, невознаградимая *затрата*!...“ Что это за чепуха?!... Опять читаю: „затрата“!... Да что̀ ему вѣнковъ, что-ли, жаль?!... Наконецъ, я догадался въ чемъ дѣло и мысленно хлопнулъ себя по лбу: это была „досадная опечатка“!... Ужасно досадная, въ самомъ дѣлѣ!... Неужели ее никто не поправитъ? Нѣтъ! не похоже на то!... Суетятся чахоточные наборщики, кричитъ на нихъ менѣе чахоточный metteur-en-page и степенно разгуливаетъ жирный господинъ, завѣдующій типографіей,—а объ опечаткѣ никто не думаетъ!... А я все жду, что о ней вспомнятъ!...

Проходитъ ночь; встаетъ сѣрое петербургское утро; мокрые листы газеты уже готовы, уже разбираются и разносятся, развозятся во всѣ концы съ моимъ некрологомъ и опечаткою...

Въ отвратительномъ настроеніи духа иду слоняться по улицамъ, гдѣ уже начинаетъ пробуждаться жизнь.

Этой жизни до меня нѣтъ никакого дѣла. „Сѣрые“ представители ея все еще читаютъ, если только сподобились грамотѣ, сказку о Бовѣ-королевичѣ, а столичные политиканы изъ простонародья—умственно питаются помоями мелкой прессы!.. Интеллигентные же читатели наканунѣ работали, играли въ винтъ или вино пили часовъ до трехъ-четырехъ утра—и теперь еще спятъ, блѣдные, растрепанные, дряблые, имѣющіе видъ настоящихъ покойниковъ...

Скучно!.. Брожу безъ цѣли, безъ смысла, какъ человѣкъ, не имѣющій квартиры или оставившій дома тяжело-больного, съ которымъ сидѣть тѣмъ болѣе невыносимо, что ему никакое сидѣнье уже не поможетъ!...

Солнце все выше... На Невскомъ шумъ, движеніе... Появляются столь желанные мнѣ „интеллигенты“; торопливо идутъ и ѣдутъ куда-то разные люди въ форменныхъ и просто европейскихъ костюмахъ, неся подъ мышкою портфели. Это—„коллективная голова“ моего возлюбленнаго отечества. Что̀ она дѣлаетъ,

чтò думаетъ, зачѣмъ такъ поздно просыпается и отчего, проснувшись, сохраняетъ сонное выраженіе?...

Захожу по привычкѣ въ ресторанъ, гдѣ обыкновенно завтракалъ. Множество всякихъ лицъ: озабоченныхъ и безоблачныхъ, тупыхъ и выразительныхъ, угрюмыхъ и веселыхъ,—но ни на одномъ лицѣ я не прочелъ безкорыстной, живой, благородной мысли!... Можетъ быть, я просто былъ не въ духѣ... А посѣтители расхаживаютъ, курятъ, болтаютъ —

„Ѣдятъ и пьютъ, и смотрятъ плотоядно",

какъ сказалъ одинъ молодой поэтъ.

За дверью щелкаетъ что-то. Заглянулъ я туда и вижу: какіе-то юноши упражняются на бильярдѣ, вмѣсто того, чтобы учиться... А потомъ, небось, административныхъ должностей домогаться будутъ!..

Душно мнѣ здѣсь. Опять иду на улицу. Невидимо сажусь на переднюю скамейку торжественнаго ландо, въ которомъ сидятъ два господина „съ вѣсомъ". Одинъ изъ нихъ, собственникъ экипажа, везетъ другого куда-то, на какое-то совѣщаніе особой важности. Бесѣдуютъ.

— Ну, чтò у васъ тамъ творится? Новыя операціи придумываете?..

Я сперва подумалъ, что это, по меньшей мѣрѣ, хирурги, но немедленно же убѣдился въ своей ошибкѣ, услышавъ продолженіе разговора.

— Д-да... такъ... витаемъ... витаемъ... въ области проектовъ...

— Ага...

— Новые штаты скоро у насъ по этому поводу...

— Ну, ужъ конечно...

— А что-жъ вы видите въ этомъ дурного?

— Дурного?... Ничего!... въ порядкѣ вещей!... Это въ порядкѣ вещей!..

— Именно-съ! Ха, ха, ха!... Помните, у Монтескьё мы зубрили когда-то: „les lois sont les rapports nécessaires, qui dérivent de la nature des choses"!...

— Ну, это мечтатель... Эти французы вообще...

— Кстати о французахъ: вы знаете, что князь-то застрѣлился изъ-за Коралй?..

— Ужъ изъ-за Коралй!... Изъ-за неурожая скорѣе!... У нихъ тамъ вѣдь третій годъ... Ни-ни...

— Это, положимъ, раздуто!..

— Ну, раздуто—не раздуто! А впрочемъ...

Нѣтъ, лучше пѣшкомъ пойду! Видно, легче „велбуду“ пройти сквозь игольное ушко, нежели... въ торжественномъ ландо въѣхать въ царствіе небесное!...

Идутъ нѣсколько дамъ и говорятъ... Ну, да Богъ съ ними!..

Ахъ, „коллективная голова“!...

Про второй Римъ говорили, что онъ—колоссъ на глиняныхъ ногахъ...

Ну, а тутъ еще ноги-то хотя содержатся нечисто, но крѣпки!.. Въ „третьемъ Римѣ“, кажется, голова глиняная, вотъ что!... Впрочемъ, я пессимистически настроенъ... Это отъ бездѣлья, или, можетъ быть, оттого что обо мнѣ еще никто слова не вымолвилъ, несмотря на некрологъ съ опечаткой!.. А впрочемъ, Богъ съ ними! Тѣмъ лучше: они бы больше вниманія обратили на опечатку, чѣмъ на суть некролога!..

Однако, что-жъ это я?! На думѣ пробило три часа, а я и не думаю идти на службу!... И я устремился въ то учрежденіе, гдѣ мой выбывшій изъ строя футляръ открылъ теперь вакансію.

X.

Тамъ было замѣтно нѣкоторое волненіе,—не столько по поводу моего „исключенія изъ списковъ“, сколько по поводу открывшейся вакансіи, хотя она сама по себѣ не представляла лакомаго кусочка: такъ,—довольно, чтобы питаться маргариномъ и затѣмъ купить себѣ средняго размѣра клочокъ земли... на какомъ-нибудь кладбищѣ... Почестей тоже особенныхъ не было. Обращались со мною тамъ, впрочемъ, очень хорошо, даже дружелюбно; во-первыхъ, тамъ все были, по большей части, люди недурные и благовоспитанные, за исключеніемъ двухъ-трехъ наглыхъ карьеристовъ, имѣвшихъ вліятельную оффиціальную и неоффиціальную протекцію въ самой „лавочкѣ“, да двухъ-трехъ приказныхъ стараго типа: эти послѣдніе, впрочемъ, ненавидѣли всякаго „молодого человѣка съ высшимъ образованіемъ“, какъ бы оно призрачно ни было.

Во-вторыхъ... во-вторыхъ, я самъ очень оберегалъ свое достоинство и во избѣжаніе необходимости „осаживать“ кого бы то ни было, пускался даже на невинныя хитрости: такъ, напримѣръ, я распространялъ, что у меня, въ сущности, довольно значительныя связи, и что я не пользуюсь ими исключительно по своему легкомыслію и халатности.

Легкомысліе не всегда цѣнится смертными, но халатность—

почти всегда: въ ней есть какое-то напоминаніе (совершенно, впрочемъ, неосновательное) о силѣ, а сила всегда внушаетъ уваженіе къ себѣ...

Мнѣ, разумѣется, тамъ нѣсколько вредило то, что я „въ свободное отъ занятій время" занимался литературой. Начальники мои, какъ люди просвѣщенные, спасибо имъ, не преслѣдовали меня за „печатныя убѣжденія", но нѣкоторый „зубъ" у нихъ по этому поводу противъ меня, все-таки, былъ. Напишешь, бывало, сколько-нибудь содержательный и энергичный по способу выраженія докладъ—и они ужъ не упустятъ случая замѣтить не безъ ехидства:

— Вы, батюшка, этотъ лиризмъ умѣрьте... Все это такъ, все вѣрно,—да только лиризму подпущено многонько...

Смотрятъ на меня съ улыбкою и въ глазахъ у нихъ такъ и написано:

— Хорошій человѣкъ и не совсѣмъ дуракъ,—*но*... писатель!...

Не безъ удовольствія проходилъ я теперь мимо разныхъ „кабинетовъ", сознавая, что отнынѣ мнѣ не придется ждать цѣлыми часами съ проектомъ спѣшнаго „отношенія" или „записки", пока „его превосходительству" угодно будетъ принять меня и затѣмъ утомленнымъ голосомъ разочаровать: приходите, молъ, завтра!...

Теперь я и безъ доклада вошелъ въ одинъ изъ такихъ кабинетовъ, гдѣ засѣдалъ мой бывшій начальникъ. Я этого господина при жизни любилъ, потому что онъ постоянно оказывалъ мнѣ немалую услугу: онъ служилъ мнѣ, самъ того не подозрѣвая, чувствительнымъ барометромъ. Когда мнѣ нужно было узнать, какъ относится ко мнѣ наивысшее начальство, стоило только присмотрѣться къ обращенію этого господина со мною: оно двигалось по скáлѣ, предѣльными пунктами которой были „холодность" въ ненастные дни и „теплота чувства" въ хорошую погоду.

Я засталъ его грустнымъ, какъ бы смущеннымъ моею смертью. Онъ не безъ основанія разсуждалъ, что если умеръ я, годившійся ему въ сыновья, то тѣмъ логичнѣе будетъ, если онъ умретъ. И тогда скверно: тутъ онъ скоро можетъ попасть въ сенаторы, а *тамъ* опять чуть не съ писарей начинать придется. Изложенное свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ имѣлъ неправильное,—скажемъ больше,—еретическое понятіе о будущей жизни, хотя по праздникамъ и особенно по табельнымъ днямъ неукоснительно посѣщалъ соборъ. Одинъ начальникъ отдѣленія, чуткою душой угадавшій смущеніе его превосходительства, рискнулъ-было съ напускною веселостью заикнуться объ извѣстной баснѣ „Старикъ и

трое молодыхъ", но былъ остановленъ на полусловѣ суровымъ взоромъ своего принципала, котораго прежде всего покоробило слово: „старикъ".

Принципалъ, какъ почти всѣ смертные, былъ немножко суевѣренъ, — а сегодня утромъ къ досадному факту моей смерти прибавилось еще одно обстоятельство, съ виду совершенно ничтожное, но нарушившее его душевное равновѣсіе. Придя на службу съ моей дневной панихиды (о которой я-то самъ забылъ), онъ засталъ на своемъ письменномъ столѣ конвертъ, со штемпелемъ „Елабуга", надписанный неровнымъ женскимъ почеркомъ. Вскрывъ конвертъ, онъ по первымъ же строкамъ слезнаго письма узналъ, что авторъ его—нѣкая вдова губернскаго секретаря Евлампія Шпигулева, въ теченіе девятнадцати лѣтъ тщетно хлопотавшая о выдачѣ ей какихъ-то неправильно удержанныхъ казною денегъ, несомнѣнно причитавшихся ей по всѣмъ законамъ, божескимъ и человѣческимъ. Въ послѣднее время она совершенно обнищала и одурѣла въ ожиданіи своего кровнаго имущества. Ея домогательства, устныя и письменныя, всѣмъ до-смерти надоѣли—и принципалъ, съ неудовольствіемъ узнавъ почеркъ „этой бабы", собирался уже, по обычаю, начертать на письмѣ роковыя слова: „къ дѣлу",—какъ вдругъ неудержимая сила заставила его прочесть это письмо. Ничего интереснаго, „выдающагося" въ этомъ письмѣ не было: все та же іеремiада. Онъ перечелъ еще разъ — и вдругъ привскочилъ, какъ ужаленный; нѣчто „выдающееся" и вмѣстѣ зловѣщее было въ подписи: *Вашего превосходительства всепокорнѣйшая вдова Евлампія Шпигулева!.. Моя* вдова?!... Фу, какъ это непріятно!... Положимъ, Шпигулева, очевидно, просто зарапортовалась,—но вѣдь и Пиѳія, говорятъ, зарапортовывалась!...

И принципалу уже мерещилось, какъ экзекуторъ несетъ на малиновой подушкѣ его „старшую" звѣзду, а онъ самъ, „болярииъ"... Ужасъ, ужасъ, ужасъ!..

Оставивъ начальника предаваться печальнымъ мыслямъ, я пошелъ въ „отдѣленіе", къ товарищамъ. Тамъ царило величайшее волненіе,—но не по причинѣ моей смерти, а потому что за минуту до моего невидимаго прибытія произошелъ небывалый въ лѣтописяхъ учрежденія фактъ: моя вакансія уже была замѣщена безусымъ юношей, который обладалъ архи-классическимъ московскимъ воспитаніемъ, классическими клѣтчатыми брюками и... реальною поддержкой вліятельныхъ дамъ и кавалеровъ!... Онъ уже принималъ гордые „аллюры", а окружавшіе весело поздравляли его и старались казаться очень довольными этимъ назначе-

ніемъ, — но неестественный румянецъ на ихъ щекахъ и ушахъ выдавалъ ихъ волненіе, ихъ благородный гнѣвъ. Да какъ и не гнѣваться? Во-первыхъ, вначалѣ предполагалось оставить на нѣкоторое время мою вакансію открытою, чтобы увеличить рождественскіе „наградные" остатки моими „ризами"; во-вторыхъ, на мою вакансію, по всеобщему убѣжденію, имѣлъ гораздо больше правъ другой чиновникъ, трудолюбивый, пожилой и семейный, лѣтъ семь ожидавшій моей смерти, или, какъ онъ деликатно выражался, моего повышенія...

По выходѣ моего счастливаго преемника изъ комнаты, привѣтственныя рѣчи смѣнились взрывомъ негодованія, шумнымъ говоромъ, который бы не прекращался, по крайней мѣрѣ, еще полчаса, еслибы въ дверяхъ не появился на минуту принципалъ, при видѣ котораго всѣ, какъ мальчишки, бросились къ своимъ столамъ и склонились къ бумагамъ. Гордый преемникъ мой тоже поспѣшилъ войти и послѣдовалъ примѣру товарищей.

Воцарилась тишина, среди которой слышался только скрипъ торопливыхъ перьевъ. Только одинъ „причисленный", еще совсѣмъ легкомысленный человѣкъ, довольно громкимъ шопотомъ сказалъ герою дня:

— А вы слышали? вашъ предмѣстникъ-то не умеръ, а находится въ летаргическомъ снѣ?!

— Ну, что вы?!...

И герой дня поблѣднѣлъ, а коллеги его сдержанно захохотали.

Волненіе улеглось. Всѣ были заняты „дѣломъ" или своими соображеніями.

Обо мнѣ никто не упомянулъ, не подумалъ: на то было довольно вчерашняго дня. Только одинъ старый писарь-пьяница былъ дѣйствительно опечаленъ: слезы текли по его морщинистому лицу, руки дрожали. И этотъ единственный обладатель нѣжнаго сердца поплатился за свою любовь ко мнѣ; среди всеобщаго молчанія раздался гнусливый голосъ начальника отдѣленія:

— Господинъ Пучковъ! въ умѣ ли вы?! Вы пишете: „отрошеніе", вмѣсто: „отношеніе"!... И бумага у васъ чѣмъ-то закапана! Неужели вы не можете носа въ чистотѣ держать?! Чучело!...

И онъ дерзко швырнулъ бумагу бѣдному старику, стоявшему на-вытяжку у стола и безропотно выслушивавшему обидное замѣчаніе. Я отошелъ въ сторону и сталъ просматривать разныя газеты, получаемыя „съ разсрочкой черезъ экзекутора" преимущественно мелкими, бѣдными чиновниками: „люди съ высшимъ образованіемъ" получали на дому одну большую газету и читали ее только тогда, когда она заключала въ себѣ что-либо скандальное.

Въ этихъ газетахъ были тоже некрологи обо мнѣ,—но я бросилъ ихъ, не дочитавъ: мнѣ было все равно. Не радовала меня также печаль стараго писаря и не оскорбляло безсердечіе товарищей.

Я рѣшилъ уйти изъ этой „лавочки“.

Каково же было мое изумленіе, когда я, переходя черезъ пріемную, встрѣтилъ—кого же?—духа, того духа, съ которымъ познакомился вскорѣ послѣ своей смерти. Онъ, какъ духъ, былъ, конечно, безплотенъ, но мнѣ показалось, что онъ во фракѣ.

— Вы какими судьбами здѣсь?—спросилъ я, весьма заинтригованный.

— Да такъ... по дѣлу...

— Какъ по дѣлу? Хлопочете о чемъ-нибудь, или о комъ-нибудь?

— Какія ужъ теперь хлопоты! нѣтъ! я скажу вамъ откровенно: я прихожу ежедневно сюда учиться...

— Чему же здѣсь можно научиться?

— Кое чему, весьма важному для того, кто хочетъ вполнѣ отрѣшиться отъ жизни—равнодушію-съ, милостивый государь мой!

Мы захохотали. Собесѣдникъ мой продолжалъ:

— И очень успѣшно учусь! ужъ я, какъ „дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый, не вѣдаю ни жалости, ни гнѣва!“ Да и вы, кажется, готовы къ „отлету“ въ лучшіе края! Вы совершенно утратили запахъ жизни! Оно и немудрено: у васъ былъ значительный „служебный опытъ“, тогда какъ я былъ на землѣ празднымъ дворяниномъ-фантазеромъ!.. Ну, что-жъ, не пора ли намъ? Отправимтесь вмѣстѣ: намъ по дорогѣ.

— Нѣтъ, мнѣ еще нельзя. Я видѣлъ только дрянненькихъ или слабыхъ людей—и мнѣ хочется взглянуть на тѣхъ, кого я привыкъ считать сильными, гордыми, достойными уваженія...

— Бросьте это! Во-первыхъ, это займетъ много времени: хорошіе люди всѣ позалѣзали въ свои норы и носа оттуда не высовываютъ! Вамъ пришлось бы каждаго отыскивать порознь! Во-вторыхъ, предупреждаю васъ, вы не оберетесь разочарованій: многіе изъ тѣхъ, которые вчера еще „соблюдали себя“, сегодня уже „продали шпагу свою“!... Не дѣлайте лишнихъ визитовъ: это бы васъ только вывело изъ того прекраснаго равнодушнаго состоянія, которое намъ съ вами такъ желательно!..

Я согласился съ нимъ и приготовился-было къ окончательной разлукѣ съ землею,—но на слѣдующій день мнѣ предстояли еще похороны моего футляра.

Коллега угадалъ мою мысль и сталъ меня вновь отговари-

вать, предсказывая опять нежелательныя волненія. Я, однако, настаивалъ на своемъ, доказывая, что не присутствовать на похоронахъ собственной оболочки тѣмъ болѣе было бы неприлично, что я, въ сущности, не былъ ни на одной панихидѣ.

Понятіе „приличія" показалось ему комичнымъ въ нашемъ независимомъ положеніи; онъ согласился, однако, что это—послѣднее и не особенно опасное земное чувство, остающееся у порядочныхъ людей даже тогда, когда все прочее умерло.

Онъ мысленно пожалъ плечами и обѣщалъ подождать до завтрашняго дня.

— Часа въ три, вѣроятно, вся эта процедура кончится, — сказалъ онъ, посмотрѣвъ на стѣнные часы, — и мы разстались.

Выйдя на улицу, я опять не зналъ, куда дѣваться. Тоски не было, но была скука, — этотъ истинный признакъ изсяканія земной жизни.

Скука—своего рода занятіе—и время шло довольно быстро. Я не оглянулся, какъ пробило гдѣ-то девять часовъ. Не пойти ли на журъ-фиксъ къ Маринымъ?—подумалъ я, было,—но немедленно отказался отъ этой мысли, вспомнивъ, что тамъ „отравляютъ" сквернымъ масломъ. Мнѣ это, за отсутствіемъ пищеварительныхъ органовъ, было уже неопасно, — но самый фактъ „отравленія" гостей сквернымъ масломъ могъ вывести меня изъ душевнаго равновѣсія,—а я этого отнюдь не желалъ!

Я отправился домой, сѣлъ въ своемъ кабинетѣ за излюбленный письменный столъ, съ которымъ у меня была буквально духовная, мистическая связь,—и впалъ въ апатію.

Апатія духа — нѣчто подобное тѣлесному сну, а потому, выражаясь по-земному, я заснулъ, заснулъ глубокимъ сномъ...

XI.

Разбудили меня голоса двухъ молодыхъ людей, явившихся на выносъ моего тѣла и улучившихъ минутку, чтобы покурить въ моемъ кабинетѣ.

— Ты не знаешь, здѣсь Александръ Никифоровичъ?

— Нѣтъ еще.

— А будетъ?

— Говорятъ, непремѣнно будетъ.

— Ого! это большой „шикъ"! Большая честь покойнику! Самъ Александръ Никифоровичъ, этакій тузъ! Это небывалый примѣръ!...

— Ну, честь-то не покойнику, а дѣлается это для его братца, для почтеннѣйшаго Петра...

Одного упоминанія Пьериньки было довольно, чтобы окончательно разбудить меня; я вскочилъ и устремился за бесѣдовавшими на улицу, гдѣ стоялъ уже катафалкъ съ какими-то „опереточными" гербами.

Процессія двинулась. Публики-таки довольно много было.

Но кто участвовалъ въ процессіи *для меня?* Сестра и братья тамъ фигурировали для публики, чиновники были тамъ для Александра Никифоровича, а сей знатный мужъ и еще два-три подобныхъ ему—для Пьериньки и отчасти для чиновниковъ.

Было довольно много литераторовъ. Ахъ, какъ интересно было бы знать, для кого, или, вѣрнѣе, для чего пришли эти люди—

„.....которыхъ не сужу,
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу"?

А если не сужу, то незачѣмъ и поднимать нескромные вопросы!... Спасибо за то, что пришли!...

Но гдѣ же Леночка?... На выносѣ ея не было — и я былъ этому радъ: довольно и такъ вражда людская измучила ее!... Она, конечно, пріѣдетъ прямо въ церковь!...

Кто же пришелъ для меня? Былъ тамъ, положимъ, мой милѣйшій дядя, старый холостякъ, считавшій меня своимъ любимцемъ и наслѣдникомъ и потому искренно ненавидѣвшій меня по временамъ, когда ему ошибочно казалось, что я „жду" этого наслѣдства. Теперь на лицѣ его я читалъ нѣкоторое самодовольство по поводу того, что *онъ* пережилъ меня,—а набѣгавшая по временамъ на лицо его тѣнь досады объяснялась или тѣмъ, что онъ не выспался по случаю „неприлично-ранняго" выноса, или предстоявшею ему необходимостью избрать новаго „ненавистнаго любимца" и наслѣдника... Нѣтъ, и онъ не для меня пришелъ... Дня два тому назадъ все это бы меня еще оскорбляло или сердило,—а сегодня я уже глядѣлъ на все съ усмѣшкой. Я даже смѣяться настоящимъ образомъ не могъ больше и только изрѣдка усмѣхался: я находился въ преддверіи полнаго равнодушія, хотя перспектива зарытія футляра моего въ землю все-таки нѣсколько волновала меня.

Процессія двигалась „чинно и благородно"... Но на перекресткѣ двухъ значительныхъ улицъ пришлось ей остановиться и прождать минутъ десять, пока проходилъ какой-то пѣхотный полкъ съ барабаннымъ боемъ, какими-то пронзительными дудками и торжественными трубными звуками. Тутъ кортежъ при-

нялъ нѣсколько комичный видъ: траурныя лошади, вѣрно служившія прежде въ военной службѣ, заволновались и стали, видимо, считать свою теперешнюю роль унизительною, такъ что похоронной прислугѣ пришлось для ихъ успокоенія пустить въ ходъ весь свой авторитетъ. Родные мои, стоявшіе непосредственно за катафалкомъ, понуро молчали, стоя въ глупыхъ позахъ. Александръ Никифоровичъ пріосанился, слегка распахнулъ шинель, выпятилъ грудь, пестрѣвшую орденами, и вообще старался принять видъ не простого туза, а козырнаго,—такого туза, котораго, по выраженію одного завзятаго винтера, „самъ Аллахъ побить не можетъ". Только въ заднихъ рядахъ болтали.

Наконецъ, кортежъ опять пошелъ — и дошелъ до цѣли. Сняли крышку съ гроба, отпѣли и началось прощаніе съ моимъ футляромъ.

Тутъ я могъ съ большимъ удобствомъ наблюдать отдѣльные человѣческіе экземпляры, подходившіе поочередно къ моему праху, какъ будто къ закускѣ, но, конечно, съ нѣсколько инымъ выраженіемъ лица. Почетными гостями на этой церемоніи были два значительныхъ лица: упомянутый Александръ Никифоровичъ и другъ его Николай Ивановичъ. Оба—нестарые еще люди, но ознакомившіеся и со вставными зубами, и съ краскою для волосъ, и съ другими видами ремонта,—причемъ ежегодно ремонтировались на казенный счетъ, подобно зданіямъ, паденіе которыхъ грозило бы общественной безопасности. Оба они обладали не только внѣшними знаками отличія, которые часто обманчивы, но и дѣйствительнымъ значеніемъ. Въ „равнодушныхъ" сферахъ ихъ цѣнили и вмѣстѣ побаивались, какъ людей съ иниціативою, хотя именно иниціативы-то у нихъ и не было ни на грошъ.

Я при жизни ихъ не выносилъ, потому что зналъ ихъ біографіи. Разсказывать ихъ не стану, а ограничусь только обобщеніемъ, приведеніемъ къ одному знаменателю. Я всегда былъ склоненъ къ обобщеніямъ, а ужъ теперь и подавно: теперь вѣдь я самъ сталъ обобщеніемъ и несомнѣнно „приведенъ къ одному знаменателю"!...

Одинъ изъ этихъ вліятельныхъ людей, длинный, лысый блондинъ съ пышными бакенами, родился невліятельнымъ и смолоду былъ полонъ стремленіемъ къ добру. Жизнь скоро внушила ему сознаніе, что для осуществленія такого стремленія нуженъ компромиссъ: нужно временно уступить злу, послужить ему, чтобы добиться вліянія; а когда оно будетъ въ рукахъ, — о, тогда!.. Тогда сразу можно будетъ всѣ молодыя мечты осуществить!... Но значеніе, сила сразу не дается; путь къ ней, такъ сказать, про-

селочный: пески, грязь, лужицы, плохіе мосты и т. д... Шелъ онъ, шелъ—и наконецъ дошелъ, получилъ значеніе, а когда получилъ,—то забылъ о прежнихъ стремленіяхъ, — скажу больше: утратилъ способность къ нимъ! Все испарилось куда-то!...

Онъ въ самомъ себѣ давай искать, всѣ закоулочки перешарилъ: ни-ни! Все на компромиссы порастрачено — и назадъ не вернешь!...

Ахъ, какъ природа строга! непремѣнно требуетъ упражненія, оборота, примѣненія!... Мой вліятельный блондинъ очутился въ положеніи утки, которая, долго пробывъ въ подземныхъ тайникахъ Циркницкаго озера, утратила зрѣніе и обогатилась только усиленіемъ осязанія, необходимаго, чтобы не ушибиться обо что-нибудь въ темнотѣ... Небесъ при такихъ условіяхъ ужъ не увидишь!...

Другой „столпъ", брюнетъ съ сильною просѣдью, явился въ міръ не столько съ любовью къ добру, сколько съ ненавистью ко всему тому, чтò онъ считалъ зломъ. А зломъ онъ считалъ не только то, чтò ему не нравилось, но и то, чтò ему не удавалось или не обѣщало удачи. А не удавалось ему почти все, главнымъ образомъ потому, что онъ ни къ чему достаточнаго старанія не прилагалъ. Тактомъ онъ смолоду не отличался, бывалъ грубъ въ своихъ обличительныхъ пріемахъ, такъ что родственныя ему дамы со вздохомъ предсказывали его гибель. Гибелью дѣйствительно какъ будто пахло: сильные люди доставляли ему нѣсколько разъ оффиціальныя страданія и грозили упечь его въ тартарары. Онъ не унимался, гордился непомѣрно своими не особенно тяжкими страданіями, въ возможности осуществленія угрозъ благоразумно сомнѣвался, а предусмотрительную заботливость родственныхъ дамъ называлъ „куриною" заботливостью и слѣпотою. Свою же ненависть ко злу онъ считалъ любовью къ добру и самого себя, поэтому, — піонеромъ добра, чуть не подвижникомъ...

Въ концѣ концовъ всѣ ошиблись: и утѣснители его, и добрыя дамы, и онъ самъ. Ему, врагу силы, по какому-то странному случаю предложили силу—и онъ, противъ всеобщаго ожиданія, не только принялъ, но и упрочилъ ее за собой и даже весьма, весьма искусно расширилъ ея рамки!.. А затѣмъ, когда въ совѣсти робко прошепталъ какой-то голосъ: „Ну, что-жъ ты, братецъ?! Примѣняй же свою ненависть къ тому, чтò ты вчера еще зломъ считалъ! Будь взаправду піонеромъ добра!"—онъ даже удивился и не безъ цинизма мысленно отвѣчалъ невѣдомому го-

лосу: „Шалишь! за вкушеніе плодовъ отъ нѣкоего древа наши предки были изгнаны изъ рая! J'y suis et j'y reste!...“

Онъ не только подумалъ это, но мысль эта сразу и навсегда отпечатлѣлась на его лицѣ. И благодаря отпечатку таковой благоразумной мысли, его благополучіе все росло: всѣ словно чувствовали, что у этого человѣка надежный компасъ—и одни убѣжденно открывали предъ нимъ новые „рейсы“ по житейскому морю, а другіе мудро стремились прицѣпиться къ нему на буксиръ... Онъ былъ полнъ стихійной симпатіи къ своему бѣлокурому коллегѣ, оказавшемуся невольнымъ обладателемъ такого же компаса: судьба привела ихъ къ одному знаменателю!...

Съ моей теперешней точки зрѣнія это были, конечно, два трупа, въ самомъ серьезномъ, т.-е. непріятномъ значеніи этого слова: живы были только ихъ футляры, а прочее... стало прахомъ, тлѣномъ!... Эта точка зрѣнія, впрочемъ, не является у меня случайнымъ пріобрѣтеніемъ вслѣдствіе перехода въ иной міръ, а зародилась еще во время прежней жизни: эти два „человѣка“ всегда внушали мнѣ смѣшанное чувство отвращенія и страха, какъ нѣчто гнилое и опасное для здоровья. Таковъ ужъ законъ природы: жизнь боится смерти, чувствуетъ къ ней отвращеніе!...

Мнѣ даже противно было думать, что они будутъ лобызать мой прахъ. Они, впрочемъ, устроили еле замѣтную гримасу и, сдѣлавъ только видъ, что хотятъ подойти къ гробу, перекрестились и юркнули въ сторону, къ выходу. Въ эту минуту они были очень забавны. Мнѣ, знавшему уже кое-что изъ тайнъ бытія, было особенно смѣшно думать, что эти два господина лѣтъ черезъ десять-пятнадцать станутъ „успшими болярами“,—но земныя мытарства для душъ ихъ этимъ не кончатся: прежде чѣмъ сознательно перейти въ лучшую сферу, ихъ души по крайней мѣрѣ разъ десять будутъ вселяться въ маленькія дѣтскія оболочки и повторять скучную процедуру съ начала до конца, какъ плохо понятый урокъ.

Благонравные „Саша“ и „Коля“ будутъ сперва угождать какому-нибудь учителю латинскаго языка, потомъ другому начальству, продадутъ, не задумываясь, свое человѣческое духовное первородство за чечевичную похлебку, за кусочки шолку, за мишуру —и опять умрутъ, чтобы опять и опять возрождаться и играть, съ моей точки зрѣнія, „въ пустую“...

Публика, кромѣ нѣкоторыхъ гордыхъ литераторовъ, думала иначе и принимала предъ этими тузами видъ уступчивыхъ „дамъ“ и почтительныхъ „валетовъ“... Впрочемъ, въ данномъ случаѣ я лишній разъ убѣдился, что нѣтъ худа безъ добра: тузы выручили

бѣдную мою Леночку. Когда она подходила къ моему праху, блѣдная, безсильная, поддерживаемая Эсклармондою и вѣрнымъ докторомъ Пфейлеромъ, сестра моя, „забывъ страхъ Божій“ и свою „печаль“, стала необычайно дерзко смотрѣть на нее, а Пьеринька даже, кажется, собирался заговорить съ нею!... Александръ Никифоровичъ спасъ „положеніе“: онъ пожелалъ оказать сестрѣ моей сугубое вниманіе, предложилъ ей руку и вывелъ ее изъ церкви, замѣтивъ, что тамъ очень душно, и что ей нужно беречь свое здоровье, такъ какъ даже любовью никого воскресить нельзя!..

Видъ Леночки не взволновалъ меня; я спокойно, сознательно повторилъ:—„Дай Богъ имъ счастья!...“ На что мнѣ она теперь?!.. А такой человѣкъ, какъ докторъ Пфейлеръ, съумѣетъ и ей дать счастье, и мою память уважать! Онъ-то не скажетъ обо мнѣ того, что я говорилъ въ минуту досады о Скаргельскомъ!... Боже, какъ мнѣ стыдно вспомнить объ этомъ!..

Я поторопился проникнуться другими впечатлѣніями и перевелъ „безплотный взоръ“ на жену своего сослуживца, мадамъ Иванову, которую я дня два тому назадъ видѣлъ на извозчикѣ съ офицеромъ. Теперь она, какъ приличная дама, была безъ офицера, а со своимъ почтеннѣйшимъ супругомъ. Ея печальное лицо было просто уморительно.

Не менѣе забавенъ былъ одинъ мой школьный товарищъ, пріѣхавшій изъ провинціи въ надеждѣ, что я ему доставлю какую-то модную административную должность,—и вмѣсто этого попавшій на мои похороны. Онъ сперва, очевидно, негодовалъ на меня, искренно находя, что я поступилъ „не по-товарищески“, поторопившись умереть, прежде чѣмъ оказалъ ему протекцію; но потомъ лицо его вдругъ прояснилось: онъ вспомнилъ, что я зналъ за нимъ одинъ грязненькій поступокъ.

— Ну, теперь шалишь!—подумалъ онъ, не поцѣловалъ моихъ останковъ и бодрою походкой вышелъ изъ церкви.

Его примѣру поспѣшно послѣдовалъ мой племянникъ, зеленый заморышъ съ надписью „герой“ на матросской шапкѣ; бѣдный мальчуганъ въ теченіе всего отпѣванія плакалъ изъ страха передъ перспективою „цѣлованья“; теперь же была удобная минута: родители его взапуски ухаживали за Александромъ Никифоровичемъ, а гувернантка-англичанка не была сторонницей „русскихъ суевѣрій“...

Но вотъ гробъ закрытъ и понесли его къ зіявшей могилѣ. Все исполнялось какъ слѣдуетъ: передъ опусканіемъ гроба были произнесены приличныя случаю рѣчи въ прозѣ и стихахъ. Мнѣ не впервые было присутствовать на похоронахъ, и потому къ

означеннымъ словоизверженіямъ я отнесся вполнѣ объективно. Немножко покоробило меня только одно стихотвореніе, прочитанное совершенно незнакомымъ мнѣ очень молодымъ человѣкомъ восточнаго типа, въ сомнительномъ пальто. Въ этомъ стихотвореніи предпріимчивый юноша пояснялъ публикѣ, что хорошо зналъ и цѣнилъ не только мои литературно-общественныя заслуги, но и душу мою, чистую, пламенную душу! Что у меня не было тайнъ отъ него и что онъ, поэтъ, будетъ вѣчно тосковать по тѣмъ незабвеннымъ вечерамъ, которые мы съ нимъ, будто бы, коротали въ бесѣдахъ о важныхъ матеріяхъ!...

— Нѣтъ, каковъ?!—воскликнулъ я мысленно:—садится, такъ сказать, верхомъ на совершенно незнакомаго покойника и въѣзжаетъ на немъ въ литературу!..

Но черезъ мигъ я забылъ и о юношѣ, и обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ! Я весь затрепеталъ: я почувствовалъ, что сейчасъ совершится нѣчто рѣшительное, важное, нѣчто въ родѣ приложенія печати къ казенному пакету!...

На гробъ мой посыпалась земля!...

Addio!...

Я опять впалъ въ забытье...

XII.

Трудно описать чувство, овладѣвшее мною, когда я очнулся среди безмолвія опустѣвшаго кладбища! Тоска, безпочвенность, беззащитность какая-то! Это было трагическое подобіе того положенія, въ какомъ очутился бы человѣкъ, вылѣзшій изъ воды послѣ купанья и увидавшій, что его одежду кто-то стащилъ; кругомъ ни души, а до дому верстъ пять — и придется проходить въ обнаженномъ видѣ версты три по главной улицѣ какого-нибудь уѣзднаго городка!... Ужасъ!... Спасите, кто въ Бога вѣруетъ!...

Спаситель явился. Это былъ мой безплотный коллега.

— Ну, что же, вы готовы?...

— Какое тамъ готовъ?!... Я испытываю необычайное волненіе!... Меня мучаетъ...

— Я знаю, что̀ васъ мучаетъ: во-первыхъ, невозвратимость утраченнаго, а во-вторыхъ, сознаніе вашей безслѣдности на землѣ! Ну къ чему вамъ это?! Ваши мысли, переданныя близкимъ, передадутся ими другимъ, будутъ передаваться безъ конца: въ этомъ и состоитъ земное безсмертіе! въ мірѣ ничто не пропадаетъ!...

— Но обо мнѣ самомъ, о моемъ я забудутъ! я та
вилъ, чтобъ обо мнѣ всегда хоть кто-нибудь помнилъ,—и
забвенье!... Я, наконецъ, не все еще высказалъ!... Я
глубоко страдалъ, а между тѣмъ...

— Охъ, ужъ эта мнѣ „амбиція страданья"! Всѣ
дали!... Ну что-жъ, хотите, можетъ быть, пойти еще
равнодушію?!...

Я сдѣлалъ гримасу... Вдругъ меня осѣнила счастлив

— Знаете ли,—воскликнулъ я:—напишу-ка я свои
вылью въ нихъ всю душу, всего себя!... Ихъ напечатаю

— И забудутъ черезъ годъ или два, смотря по уда
наконецъ, какъ же вы напишете?! Вѣдь у васъ и рукъ-то

На этомъ разсказъ прерывается.

М. Ратищ

ПУБЛИЧНЫЕ МИТИНГИ

ВЪ

АНГЛІИ

Очерки изъ политической исторіи Англіи.

Всякому, даже поверхностно знакомому съ политическою жизнью Англіи, хорошо извѣстно, какую значительную роль играютъ въ ней нынѣ публичные митинги, или сходки. Они представляютъ тамъ собою одно изъ самыхъ обычныхъ проявленій общественной самодѣятельности, — настолько обычныхъ, что даже такія собранія, въ которыхъ участвуютъ чуть не сотни тысячъ, заносятся въ хронику текущихъ событій, какъ факты почти зауряд-ные, не заключающіе въ себѣ ничего экстраординарнаго. Рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы въ какомъ-нибудь пунктѣ Великобританіи не состоялось болѣе или менѣе многолюдное собраніе, созванное для обсужденія какого-либо вопроса, касающагося интересовъ либо всего населенія, либо болѣе или менѣе значительной группы его. Публичные митинги такъ глубоко укоренились въ нравахъ англійскаго общества, что оно съ трудомъ можетъ представить себѣ время, когда ихъ не было, или когда они встрѣчали себѣ рѣшительное противодѣйствіе, и уже совершенно не могло бы вообразить себя въ такихъ условіяхъ, при которыхъ общество было бы лишено возможности свободно осуществлять свои привычныя стремленія къ совокупной дѣятельности.

Вникнувъ въ подробности политическаго строя Англіи, не

трудно понять, почему въ населеніи ея такъ велика эта привычка, и почему оно такъ дорожитъ правомъ устройства публичныхъ митинговъ, считая его однимъ изъ своихъ коренныхъ неотъемлемыхъ правъ.

Митинги являются прежде всего выразителями нуждъ и интересовъ народа, который при посредствѣ ихъ заявляетъ о томъ, что̀ въ данное время тяготитъ, безпокоитъ или волнуетъ его. Если населеніе или извѣстная доля его ощущаетъ вредныя послѣдствія какихъ-либо законоположеній, если какія-нибудь особенныя обстоятельства пагубно отражаются на его положеніи, если въ общественномъ сознаніи созрѣваетъ потребность возбудить какой-нибудь новый вопросъ, — собираются митинги, на которыхъ и обсуждаются эти нужды, интересы и потребности. Все это такимъ образомъ становится извѣстнымъ и обществу, и правительству, которое вслѣдствіе этого получаетъ возможность имѣть всегда отчетливое представленіе о нуждахъ населенія и сообразно съ ними дѣйствовать не ощупью, а вполнѣ сознательно направлять свою дѣятельность въ ту или иную сторону. Эта функція публичныхъ митинговъ тѣсно связана съ основными задачами дѣятельности народныхъ представителей, засѣдающихъ въ парламентѣ: митинги даютъ матеріалъ и опору для предложеній, вносимыхъ ими въ законодательное собраніе, служатъ важнымъ аргументомъ и хорошей иллюстраціей своевременности или настоятельности тѣхъ или другихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ въ парламентѣ. Еще бо̀льшее значеніе имѣютъ митинги, организуемые въ тѣхъ кругахъ населенія, которые или вовсе не представлены, или представлены слабѣе другихъ въ законодательномъ собраніи; въ такихъ случаяхъ митинги служатъ главнымъ орудіемъ въ дѣлѣ мирной борьбы обездоленныхъ классовъ за свои права.

Въ тѣсной связи съ указаннымъ значеніемъ публичныхъ митинговъ находится другое, не менѣе важное: не ограничиваясь заявленіемъ о своихъ нуждахъ, населеніе на публичныхъ митингахъ подвергаетъ эти нужды подробному обсужденію. И эта роль ихъ нимало не уменьшается отъ того, что дѣятельное обсужденіе текущихъ вопросовъ совершается и другими путями,—особенно въ печати. Въ этомъ отношеніи оба указанные органа общественнаго мнѣнія — пресса и митинги — взаимно другъ друга дополняютъ, другъ другу помогаютъ. Иногда печать выдвигаетъ на очередь вопросы, которые затѣмъ даютъ поводъ къ оживленнымъ проявленіямъ общественнаго движенія въ формѣ митинговъ; иногда же митингамъ принадлежитъ иниціатива въ возбужденіи вопросовъ, которые становятся темою дѣятельнаго обсужденія на столбцахъ

и страницахъ періодической и не-періодической печати. Въ дѣлѣ выясненія и дебатированія различныхъ вопросовъ на сторонѣ митинговъ нерѣдко оказывается значительное преимущество предъ печатью въ томъ отношеніи, что они являются болѣе непосредственнымъ и, такъ сказать, болѣе внушительнымъ выраженіемъ взглядовъ и желаній населенія. Особенно рельефно выступаетъ это преимущество въ тѣхъ случаяхъ, когда митинги служатъ ареною для выясненія тѣхъ или другихъ вопросовъ руководителями и видными дѣятелями общественныхъ группъ или политическихъ партій, когда ораторами передъ многолюднымъ собраніемъ выступаютъ Гладстонъ, Морлей или Сольсбёри и Бальфуръ, стараясь выяснить справедливость, основательность и общественную пользу того или другого рѣшенія какого-нибудь важнаго вопроса. Такіе митинги представляютъ собою вѣрнѣйшій путь для всесторонняго разъясненія текущихъ вопросовъ, подготавливая болѣе правильное ихъ рѣшеніе сообразно съ дѣйствительными интересами и желаніями населенія.

Необходимо, далѣе, отмѣтить еще одно существенное значеніе публичныхъ митинговъ въ Англіи. Они служатъ тамъ лучшимъ органомъ контроля страны надъ управленіемъ какъ внѣшними, такъ и внутренними дѣлами. Облекая своего представителя въ парламентѣ обширными полномочіями участія въ рѣшеніи жизненныхъ вопросовъ, населеніе подвергаетъ его предварительному испытанію, которое и совершается главнымъ образомъ при посредствѣ публичныхъ митинговъ: избиратели даютъ свои голоса тому изъ кандидатовъ, программа котораго полнѣе и вѣрнѣе выражаетъ ихъ интересы и стремленія, на котораго они спокойнѣе могутъ возложить защиту этихъ интересовъ. Ввѣривъ ее своему представителю, избиратели и впослѣдствіи зорко слѣдятъ за его дѣятельностью въ парламентѣ; по крайней мѣрѣ однажды въ годъ каждый членъ палаты общинъ считаетъ своимъ долгомъ отдать своимъ избирателямъ отчетъ въ своемъ образѣ дѣйствій, что̀ и совершается опять-таки на публичныхъ митингахъ. Контролируя своихъ представителей и вліяя на нихъ, населеніе этимъ самымъ имѣетъ постоянный надзоръ надъ дѣйствіями парламента, а слѣдовательно, и всей правительственной системы, сила которой покоится на довѣріи страны; въ оцѣнкѣ же степени этого довѣрія наибольшую роль играютъ именно публичные митинги.

Такова въ общихъ чертахъ роль публичныхъ митинговъ въ системѣ англійскихъ политическихъ учрежденій—роль существенная и достаточно объясняющая, почему англійское общество такъ дорожитъ ими, и почему оно такъ привыкло къ нимъ. Но при-

вычка эта — явленіе сравнительно новое; публичные митинги въ современномъ ихъ значеніи составляютъ результатъ новѣйшаго періода въ развитіи англійскихъ политическихъ учрежденій—того періода, который характеризуется процессомъ постепенной „демократизаціи“ этихъ учрежденій. Въ историческомъ же ходѣ этого процесса, — очень сложнаго, — публичные митинги играли роль одного изъ наиболѣе замѣтныхъ, опредѣляющихъ факторовъ. Ихъ исторія есть въ значительной степени исторія англійской демократіи; успѣхи и неудачи, постигавшіе ихъ, знаменовали собою успѣхи и задержки демократическаго развитія Англіи.

Несмотря на столь важное значеніе института публичныхъ митинговъ, въ англійской политической литературѣ до сихъ поръ не было сочиненія, которое было бы спеціально посвящено развитію этого института. Онъ, конечно, не былъ вовсе оставляемъ безъ вниманія: ни одному историку послѣдняго столѣтія англійскаго политическаго развитія, ни одному біографу того или другого изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей съ конца XVIII в., нельзя было такъ или иначе не коснуться публичныхъ митинговъ, какъ важнаго проявленія общественныхъ движеній, какъ вліятельнаго органа и выразителя общественнаго мнѣнія. Но о нихъ говорилось въ связи съ другими факторами и явленіями политической жизни Англіи, такъ сказать — попутно, между прочимъ.—Тѣмъ больший интересъ представляетъ появившееся недавно обширное сочиненіе Джефсона [1]), всецѣло посвященное исторіи публичныхъ

[1]) The Platform: its Rise and Progress. By Henry Jephson. London, 1892 (Macmillan and C°). Два тома: XX+586 и 625 стр.—Въ предисловіи авторъ между прочимъ замѣчаетъ: „Трудно дать вполнѣ удовлетворительное опредѣленіе „платформы“. Опредѣляя ее въ широкомъ смыслѣ, я скажу, что всякая политическая рѣчь на какомъ-нибудь публичномъ собраніи, исключая только рѣчи, произносимыя съ церковной каѳедры и въ судахъ, входитъ въ понятіе платформы“. Изъ дальнѣйшихъ замѣчаній Джефсона видно, что въ это опредѣленіе онъ вводитъ и политическія рѣчи на публичныхъ банкетахъ, и публичныя чтенія, лекціи, на политическія темы. Терминъ „платформа“ съ начала текущаго столѣтія (по словамъ Джефсона, впервые въ 1820 г.) служилъ для обозначенія мѣста, съ котораго ораторы на митингахъ обращались къ своимъ слушателямъ. Впослѣдствіи же онъ вошелъ въ болѣе частое употребленіе и мало-по-малу подъ нимъ стали разумѣть не только мѣсто, съ котораго произносится рѣчь, но и „вообще всякое словесное выраженіе общественнаго мнѣнія внѣ стѣнъ парламента“. Въ виду же того, что главною формою внѣ-парламентскаго выраженія общественнаго мнѣнія въ Англіи служатъ именно публичные митинги, и что въ сочиненіи Джефсона рѣчь идетъ исключительно о нихъ (изрѣдка упоминается о политическихъ банкетахъ, публичныхъ чтеніяхъ), авторъ настоящей статьи не счелъ нужнымъ вводить въ свое изложеніе новый для насъ терминъ: „платформа“, а предпочелъ держаться термина: „публичные митинги“,—тѣмъ болѣе, что въ нашемъ литературномъ языкѣ онъ уже давно получилъ право гражданства и вполнѣ ясно обозначаетъ собою институтъ, развитію котораго посвящена эта статья.

митинговъ въ Англіи и освѣщенію ихъ роли со времени ихъ возникновенія до новѣйшей эпохи. Авторъ отнесся къ своей задачѣ вполнѣ добросовѣстно и на пространствѣ двухъ объемистыхъ томовъ далъ обильный и весьма интересный матеріалъ по политической исторіи Англіи за періодъ времени съ конца XVIII ст. до послѣднихъ лѣтъ [1]). Для своей работы онъ воспользовался нѣкоторыми до сихъ поръ неизданными рукописями, а также періодическою прессою за старые годы, преимущественно ежедневными газетами, изъ которыхъ почерпнулъ не мало любопытныхъ подробностей для характеристики митинговъ въ болѣе отдаленныя отъ насъ времена.

Въ виду того интереса, какой представляетъ тема, избранная Джефсономъ, и значительной новизны ея, мы намѣрены познакомить читателей съ содержаніемъ его сочиненія и, на основаніи его, дать очеркъ исторіи публичныхъ митинговъ въ Англіи въ связи съ тою ролью, какую играли они въ политическомъ ея развитіи.

I.

Возникновеніе публичныхъ митинговъ въ Англіи трудно пріурочить къ какому-нибудь опредѣленному періоду ея исторіи. Обычай устройства ихъ развивался постепенно и сначала очень медленно. Уже въ очень отдаленныя эпохи можно подмѣтить нѣкоторые случаи болѣе или менѣе многолюдныхъ собраній, на которыхъ произносились рѣчи и дебатировались различные интересы и заботы дня. Чаще всего происходило это въ годы какихъ-либо особенныхъ волненій и движеній; но вообще такія собранія представлялись лишь отдѣльными, случайными явленіями, не имѣвшими характера постояннаго, привычнаго института. Да они и не могли, конечно, получить никакого развитія до тѣхъ поръ, пока политическія права были монополизированы въ рукахъ аристократіи, а прочіе классы общества удалены отъ какого бы то ни было участія въ политическихъ дѣлахъ страны. Лишь тогда, когда въ средѣ этихъ классовъ стало развиваться сознаніе своей полити-

[1]) Авторъ не касается, однако, почти вовсе роли публичныхъ митинговъ въ Ирландіи и ничего не говоритъ о новѣйшемъ гомрулевскомъ движеніи. А между тѣмъ онъ, въ качествѣ лица, занимавшаго постъ приватнаго секретаря при Форстерѣ и Тревельянѣ, могъ бы сообщить не мало интереснаго для исторіи этого движенія. Надо думать, что воздержался онъ отъ этого главнымъ образомъ потому, что вопросъ о гомрулѣ еще не получилъ своего окончательнаго рѣшенія, и потому трудно дѣлать его предметомъ объективнаго историческаго освѣщенія.

ческой безправности и начало рости и зрѣть убѣжденіе въ необходимости выйти изъ этого безправнаго положенія,—лишь тогда могла возникнуть и потребность въ митингахъ, какъ одномъ изъ способовъ заявлять о своихъ нуждахъ и желаніяхъ и подвергать совмѣстному обсужденію свои интересы.

Но болѣе замѣтно эта потребность въ митингахъ стала выражаться не ранѣе начала второй половины XVIII вѣка, и потому только съ этого времени слѣдуетъ вести исторію публичныхъ митинговъ въ Англіи. Развитію ихъ въ сильной степени помогли, конечно, нѣкоторые элементы англійской общественной и государственной жизни, какъ она уже сложилась въ теченіе предшествовавшихъ періодовъ. Зародыши публичныхъ митинговъ можно замѣтить частью въ тѣхъ собраніяхъ мѣстныхъ жителей, которые созывались иногда органами мѣстнаго управленія приходовъ и графствъ, но особенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣли тѣ случаи, когда англичане обращались къ осуществленію права подачи петицій королю и парламенту. Это право населенія заявлять и ходатайствовать о своихъ нуждахъ, объ устраненіи тѣхъ или другихъ несправедливостей или тягостей, существовало въ Англіи съ древнѣйшихъ временъ; но оно часто подвергалось чрезмѣрнымъ стѣсненіямъ и окончательную санкцію и прочную гарантію получило лишь въ знаменитомъ биллѣ о правахъ 1689 года. Осуществленіе этого права, къ которому съ теченіемъ времени англичане стали прибѣгать все чаще, не могло не вызывать необходимости въ собраніяхъ для собесѣдованія по поводу тѣхъ предметовъ, которые порождали мысль о петиціи королю или палатѣ общинъ. Въ связи съ этимъ нельзя не упомянуть также объ обычаѣ представлять королю привѣтственные адресы по поводу какихъ-либо особенныхъ событій (такъ, восшествіе на престолъ Георга III въ 1760 г. сопровождалось поднесеніемъ ему очень значительнаго числа адресовъ, въ которыхъ выражалось соболѣзнованіе по поводу смерти его дѣда и вѣрноподданническія чувства); этотъ обычай до извѣстной степени также развивалъ въ населеніи привычку къ митингамъ. Болѣе важнымъ факторомъ въ развитіи послѣднихъ были парламентскіе выборы, на свободу которыхъ даже наиболѣе реакціонныя правительства не рѣшались накладывать руку. Особенно важную роль играли избирательные митинги въ тѣхъ округахъ, гдѣ являлось нѣсколько кандидатовъ, изъ которыхъ каждый считалъ своимъ долгомъ обратиться къ избирателямъ съ рѣчью. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что даже въ половинѣ XVIII вѣка парламентскіе выборы представляли собою нѣчто совершенно

отличное отъ того, что мы видимъ теперь при общихъ и даже частичныхъ выборахъ. Тогда они происходили гораздо спокойнѣе, но далеко не къ выгодѣ ихъ и тогдашняго общества: спокойствіе это обусловливалось незначительностью числа избирателей, такъ какъ избирательныя права принадлежали лишь немногочисленному контингенту высшихъ зажиточныхъ классовъ, а многіе округа прямо даже составляли собственность отдѣльныхъ лицъ, которыя и „ставили" своихъ кандидатовъ, такъ что о выборахъ въ нихъ не могло быть и рѣчи. Къ тому же самые выборы происходили гораздо рѣже, чѣмъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій: обыкновенно парламенты доживали сплошь свой семилѣтній періодъ, а случаи распущенія ихъ до истеченія законнаго срока ихъ полномочій представляли собою исключенія. Какъ бы то ни было, указанныя явленія въ значительной степени подготовили однако почву для позднѣйшаго развитія публичныхъ митинговъ.

На ряду съ этими явленіями Джефсонъ вполнѣ основательно указываетъ на религіозное движеніе, происходившее въ Англіи въ первой половинѣ XVIII вѣка и приведшее къ основанію извѣстной секты „методистовъ". Проповѣдь Веслея и Вайтфильда велась съ большимъ увлеченіемъ и увлекала массы населенія. „Въ то время,—говоритъ Джефсонъ,—впервые въ нашей исторіи великіе ораторы вошли въ непосредственное соприкосновеніе съ большими массами народа и расшевелили нѣкоторыя изъ самыхъ сильныхъ и горячихъ чувствъ человѣческой души. Народъ тогда впервые почувствовалъ обаятельное увлеченіе горячимъ словомъ и понялъ могучую силу его. Это были первыя дѣйствительно многолюдныя собранія, и участіе въ нихъ развивало въ присутствующихъ сознаніе общности интересовъ, связывавшихъ ихъ съ другими согражданами. Быть можетъ также и то, что когда собравшимися тысячами овладѣвало увлеченіе, во многихъ изъ нихъ порождалось, хотя и смутное, предчувствіе огромной силы, скрытой въ народѣ. То были опыты, которые не могли быть забыты: они въ то время ограничивались сферою религіознаго ученія и увлеченія, но они служили примѣромъ, прецедентомъ подобнаго же образа дѣйствій въ сферѣ политики". А для того, чтобы судить о размѣрахъ указаннаго движенія, достаточно отмѣтить, что Веслею не разъ приходилось говорить передъ десятками тысячъ лицъ, какъ, напр., въ Kennington Common, когда слушать его собралось отъ 30.000 до 40.000 человѣкъ.

Георгъ III, уже вскорѣ по вступленіи на престолъ, доказалъ, что онъ не намѣренъ допускать „какихъ-либо проявленій независимости со стороны народа ни въ области публичнаго выра-

женія взглядовъ населенія на политическія мѣропріятія, ни тѣмъ болѣе какихъ-либо активныхъ стремленій". Популярный ветеранъ партіи виговъ, старшій Питтъ, котораго Георгъ засталъ во главѣ управленія, счелъ себя вынужденнымъ подать въ отставку, и мѣсто его занялъ рьяный тори и любимецъ короля, лордъ Бьютъ. Такое личное настроеніе монарха и его перваго министра находило сильную поддержку и въ палатѣ пэровъ, и въ палатѣ общинъ, въ которой большинство, благодаря неудовлетворительной системѣ представительства, составляли покорные слуги министерства, или наслѣдственныхъ пэровъ, „гнилыя мѣстечки" которыхъ они представляли. За этимъ большинствомъ терялась немногочисленная тогда группа депутатовъ независимыхъ и сочувственныхъ дѣлу народной свободѣ. Среди нихъ были люди выдающіеся по талантамъ и по тому уваженію, какимъ они пользовались въ обществѣ; но они были все-таки безсильны передъ тѣсно сплоченнымъ союзомъ короля, лордовъ и большинства членовъ палаты общинъ.

Въ Англіи въ ту эпоху снова наступилъ критическій періодъ, грозившій исказить основы ея политическаго строя, затормазить дальнѣйшій естественный ростъ его свободныхъ началъ. Обстоятельства, однако, показали, что устои эти слишкомъ прочно укоренились, и что общественное самосознаніе созрѣло настолько, чтобы выступить на защиту интересовъ свободы противъ реакціи. Долго продолжалась эта борьба, много неудачъ постигло ея руководителей, но въ этой борьбѣ еще болѣе крѣпли силы общественныя, развивалась самодѣятельность. Окончаніе ея слѣдуетъ отнести уже ко второй четверти настоящаго столѣтія, когда въ политическомъ строѣ Англіи совершены были коренныя реформы, устранившія прежнія аномаліи и обезпечившія благопріятныя условія дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія страны. Важнѣйшими орудіями въ этой борьбѣ явились именно печать и митинги, при посредствѣ которыхъ общество отстаивало свои интересы.

Какъ на первое по времени и особенно замѣтное общественное движеніе въ формѣ общественныхъ митинговъ Джефсонъ указываетъ на агитацію противъ налога на сидръ, который министерство лорда Бьюта провело въ 1763 году. Особенное недовольство возбудили въ населеніи тѣ широкія права, которыя были предоставлены акцизнымъ чиновникамъ по части производства во всякое время дня и ночи обысковъ всюду, гдѣ можно было предположить храненіе сидра, даже въ частныхъ домахъ обывателей. Движеніе противъ этого налога, особенно въ мѣстностяхъ про-

изводства сидра, приняло значительные размѣры и выразилось въ рядѣ демонстративныхъ собраній, на которыхъ населеніе заявляло свою признательность депутатамъ за ихъ оппозицію биллю, а отъ новыхъ кандидатовъ требовало рѣшительной борьбы въ пользу отмѣны „несправедливаго“ закона. Недовольство имъ было такъ велико, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ угрожала серьезная опасность общественному спокойствію, и правительство рѣшилось даже прибѣгнуть къ военной силѣ. Послѣ нѣкотораго затишья, агитація снова оживилась, и въ 1766 г. палатѣ общинъ представлено было нѣсколько петицій отъ различныхъ графствъ объ отмѣнѣ акта. И онъ дѣйствительно въ томъ же году былъ отмѣненъ безъ особенно сильной оппозиціи. Само по себѣ несущественное, движеніе это имѣло большое значеніе, какъ прецедентъ, важный по своимъ результатамъ.

Еще бо́льшій интересъ представляетъ агитація, возникшая въ 1768 г. въ связи съ общими парламентскими выборами. Депутатомъ отъ Миддльсекса былъ избранъ Джонъ Вильксъ, противъ котораго за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ возбуждено было преслѣдованіе за нападки въ печати на правительство, и который уже въ этомъ процессѣ показалъ себя энергическимъ борцомъ противъ произвола. Между прочимъ, когда въ 1764 г. Вильксъ уѣхалъ во Францію для поправленія здоровья, сторонники правительства, пользуясь его отсутствіемъ, провели въ палатѣ общинъ, членомъ которой онъ былъ, постановленіе объ исключеніи его изъ палаты за написаніе „оскорбительнаго и возмутительнаго пасквиля“ (онъ, впрочемъ, не былъ напечатанъ и былъ выкраденъ изъ его дома по внушенію одного изъ министровъ). Когда въ 1768 г. Вильксъ снова былъ избранъ депутатомъ отъ Миддльсекса, палата большинствомъ голосовъ опять постановила объ изгнаніи его. Въ округѣ назначены были новые выборы, и Вильксъ снова былъ избранъ. Палата признала эти выборы недѣйствительными въ виду своего прежняго постановленія и назначила новые выборы, на которыхъ кандидатомъ выступилъ сторонникъ министерства, полковникъ Лутрель. Несмотря на то, что послѣдній получилъ только 296 голосовъ, а за Вилькса подано было 1.143 голоса, палата рѣшила признать Лутреля законно избраннымъ представителемъ отъ Миддльсекса. Вотъ на этой-то почвѣ и поднялась борьба общественнаго мнѣнія съ парламентомъ. Борьба эта получила важный принципіальный характеръ, такъ какъ рѣчь шла объ оскорбленныхъ правахъ избирателей: Миддльсексъ избралъ своимъ депутатомъ человѣка, которому ни одинъ изъ существующихъ законовъ не препятствовалъ

быть избраннымъ, но котораго палата не допускала занять мѣсто, опираясь на свою резолюцію и дѣйствуя въ угоду министерству. „Но,—восклицалъ передъ своими избирателями Вильксъ,—если министерству будетъ предоставлена возможность указывать избирателямъ, кого они не должны избирать, то слѣдующимъ шагомъ будетъ указаніе, кого они должны выбирать“.

16-го апрѣля 1769 года палата общинъ признала полковника Лутреля правильно избраннымъ, а уже на слѣдующій день болѣе 880 миддльсекскихъ избирателей собрались на митингъ, съ цѣлью обсудить мѣры къ обезпеченію свободы выборовъ и защитѣ своихъ правъ. Черезъ нѣсколько дней созванъ былъ новый митингъ, на которомъ и вотированъ былъ пространный адресъ къ королю. Въ этомъ адресѣ сдѣланъ былъ длинный перечень различныхъ обидъ и несправедливостей, испытываемыхъ подданными короля, указывалось на произвольное вторженіе въ область личной свободы гражданъ, на неправильное отношеніе и невниманіе къ петиціямъ населенія, на нарушеніе свободы выборовъ, на то, что резолюціямъ одной изъ палатъ законодательнаго собранія придается не принадлежащая имъ сила закона, и т. д. Въ заключеніе составители адреса обращаются къ королю съ ходатайствомъ „удалить тѣхъ дурныхъ и вредныхъ совѣтниковъ, внушенія которыхъ клонятся къ отнятію у народа самыхъ дорогихъ и существенныхъ правъ его“.

Черезъ посредство газетъ, напечатавшихъ полный текстъ этого адреса-петиціи и давшихъ описаніе митинговъ, важный конституціонный вопросъ сдѣлался предметомъ вниманія далеко за предѣлами непосредственно заинтересованнаго округа. Ворчестерскіе избиратели, собравшись на митингъ, заявили, что возникшій вопросъ касается интересовъ всѣхъ избирателей Великобританіи, такъ какъ всѣ они могутъ оказаться въ положеніи миддльсекскаго округа. Протестъ противъ дѣйствій министерства и послушной ему палаты получилъ характеръ повсемѣстнаго энергическаго движенія: въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ семнадцати графствахъ и многихъ городахъ и мѣстечкахъ состоялись многолюдные митинги, вотированы были петиціи, подъ которыми въ общей сложности подписались свыше 65.000 избирателей — цифра огромная въ виду незначительности въ то время общаго числа избирателей.

Впечатлѣніе этого движенія было очень велико; оно проявилось тотчасъ по открытіи парламентской сессіи, отсроченной противъ обыкновенія. Во время преній въ палатѣ лордовъ по отвѣтному адресу на тронную рѣчь лордъ Чатамъ въ энергиче-

скихъ выраженіяхъ приглашалъ обратить вниманіе на единодушныя жалобы населенія, на необходимость устранить указанныя злоупотребленія. „Оно не вернется къ спокойному состоянію до тѣхъ поръ, пока его жалобы не будутъ удовлетворены; да по моему убѣжденію, милорды,—я это смѣло заявляю—населенію и не слѣдуетъ отступать, такъ какъ ему лучше погибнуть въ благородной борьбѣ за свои права, чѣмъ купить рабское спокойствіе цѣною хоть единой іоты конституціи“. Еще болѣе знаменательно было заявленіе одного изъ членовъ правительства, лорда Кэмдена, занимавшаго тогда постъ лорда-канцлера. „Въ теченіе нѣкотораго времени,—говорилъ онъ,—съ молчаливымъ негодованіемъ онъ смотрѣлъ на произвольныя мѣры, принятыя министерствомъ; но теперь рѣшился открыто и смѣло выразить свои чувства. На постановленіе палаты общинъ онъ смотритъ какъ на прямое покушеніе противъ основныхъ началъ конституціи, и если бы онъ, какъ судья, принялъ въ уваженіе это или какое-либо другое голосованіе палаты общинъ, нарушающее основные законы страны, то онъ счелъ бы себя измѣнникомъ своему долгу, врагомъ страны. Министерство своимъ насильственнымъ и тиранническимъ образомъ дѣйствій отвратило народныя чувства отъ правительства его величества, вслѣдствіе чего духъ недовольства разлился по всѣмъ уголкамъ королевства и съ каждымъ днемъ все болѣе возростаетъ“. Палата, однако, отвергла внесенную лордомъ Чатамомъ поправку къ адресу.

Въ палатѣ общинъ по этому поводу тоже произошла упорная борьба между сторонниками правительства и оппозиціей. Первые отнеслись къ выраженію общественнаго мнѣнія съ циническимъ презрѣніемъ, говоря, что агитація эта—дѣло подонковъ общества; что въ ней не принимала участія даже и ничтожная доля тѣхъ, кого можно назвать настоящими джентльменами (styled gentlemen); они доказывали, что разъ палата избрана, дѣйствія ея уже не могутъ подлежать никакому контролю со стороны какого бы то ни было числа лицъ, ее избравшихъ; это было бы подкапываніемъ подъ самыя коренныя основы конституціи. Такіе доводы вызвали, однако, энергическій отпоръ со стороны оппозиціи. Сэръ Сэвиль, популярный представитель Іоркшира, торжественно заявилъ, что „палата пренебрегла законными правами избирателей. Народъ вовсе не такъ невѣжественъ, какимъ представляютъ его нѣкоторые мудрецы. Онъ понимаетъ свои права и свои интересы сознаетъ не менѣе насъ. Повторяю—палата пренебрегла правами своихъ избирателей“. Маркизъ Грэнби, занимавшій высокій постъ главнокомандующаго войсками, напо-

мнилъ о томъ, что онъ вотировалъ за полковника Лутреля, и сказалъ, что „объ этомъ вотумѣ онъ всегда будетъ сожалѣть и смотрить на него какъ на величайшее несчастіе своей жизни". Знаменитый Эдмундъ Боркъ, въ отвѣтъ на презрительныя замѣчанія лорда Норта по поводу агитаціи, замѣтилъ: „онъ увѣряетъ насъ, что народу навязаны были жалобы печатью, митингами, рѣчами; но если ошибочно проводить убѣжденія путемъ печати, митинговъ и рѣчей, то пусть же онъ повѣдаетъ намъ лучшіе способы убѣжденія. Если печать, митинги и рѣчи говорятъ объ обидахъ и злоупотребленіяхъ, то вѣдь порождаетъ ихъ не то. Если обыкновенно немногіе способны усмотрѣть грядущій гнетъ и подмѣтить угрозы свободѣ, то развѣ отсюда слѣдуетъ, что никогда нѣтъ опасности этого гнета или покушеній на свободу? Если тѣ немногіе, которые, понимая вещи въ ихъ причинахъ и значеніи, открываютъ глаза другимъ, если тѣ, кто, видя нарушеніе правъ избранія въ Миддльсексѣ, выясняютъ значеніе этого событія въ интересахъ избирателей отдаленныхъ графствъ, то есть ли основаніе считать ихъ поэтому руководителями мятежа, дѣйствующими подъ вліяніемъ личныхъ и корыстныхъ мотивовъ?"

Министерское большинство было, однако, настолько велико, что и въ нижней палатѣ поправка къ адресу была отвергнута. Торжествуя свою побѣду, король уволилъ и лорда Кэмдена, и маркиза Грэнби—за ихъ строптивость. Но торжество это было неполное, — настоящимъ побѣдителемъ въ борьбѣ по поводу миддльсекскаго избранія оказалось общество. Когда на слѣдующихъ выборахъ, въ 1774 г., Вильксъ снова былъ избранъ отъ Миддльсекса, „король и правительство, умудренные опытомъ прошлаго и не желая возбуждать новую агитацію, предоставили ему спокойно занять его мѣсто въ палатѣ общинъ".

Отмѣтивъ двѣ главныя черты пережитого движенія, а именно: 1) что въ немъ участвовали главнымъ образомъ низшіе слои населенія, и 2) что велась эта агитація главнымъ образомъ подъ руководствомъ и покровительствомъ вожаковъ партіи виговъ,— Джефсонъ въ слѣдующихъ словахъ резюмируетъ значеніе ея: „въ политической жизни страны явился новый факторъ; это была не только новая форма выраженія общественнаго мнѣнія, но и новый элементъ или источникъ общественнаго мнѣнія, вполнѣ отличный отъ печати, болѣе осязаемый и обладающій большимъ вѣсомъ, какой придаетъ выраженному мнѣнію личное присутствіе многихъ. Отнынѣ государственнымъ дѣятелямъ придется считаться съ фактомъ, что ихъ политика, ихъ дѣйствія

подвергаются публичному обсужденію и критикѣ въ присутствіи значительныхъ собраній народа".

Но для дальнѣйшаго спокойнаго развитія этого новаго фактора условія того времени были весьма неблагопріятны. Автократическія стремленія Георга III-го становились все болѣе рѣшительными и находили большую поддержку въ людяхъ, стоявшихъ у власти и въ парламентѣ, въ которомъ вліяніе казны достигло небывалыхъ размѣровъ. Они стремились управлять внѣ какого бы то ни было контроля со стороны общественнаго мнѣнія, а между тѣмъ послѣднее развивалось, крѣпло и все болѣе сознавало свою силу. Вотъ почему для правительства было крайне непріятно видѣть все болѣе укоренявшійся обычай публиковать въ газетахъ отчеты о парламентскихъ преніяхъ. Въ письмѣ къ лорду Норту, ставшему во главѣ министерства, король категорически заявлялъ „въ высокой степени необходимымъ, чтобы этому странному и незаконному обыкновенію публиковать пренія въ газетахъ былъ положенъ конецъ". Противъ газетныхъ издателей дѣйствительно возбуждено было преслѣдованіе, а палата общинъ, послѣ горячихъ и продолжительныхъ дебатовъ по вопросу объ оглашеніи ея преній въ печати, постановила арестовать издателей и заключить ихъ въ тюрьму. Но на защиту ихъ выступила вліятельная корпорація лондонскаго Сити, и коммиссары палаты, которымъ было поручено арестовать издателей, сами были арестованы городскими властями. Тогда палата рѣшилась прибѣгнуть къ еще болѣе энергической мѣрѣ и заключила въ Тоуэръ лондонскаго лорда-мэра и одного изъ ольдерменовъ. Вскорѣ, однако, послѣдовалъ перерывъ парламентской сессіи, и заключенные были освобождены. Ихъ освобожденіе было привѣтствовано шумными демонстраціями лондонскаго населенія, которое въ теченіе этой борьбы парламента съ печатью не разъ заявляло себя всецѣло на сторонѣ послѣдней. При возобновленіи сессіи правительство не сочло возможнымъ снова вызывать конфликтъ, и съ тѣхъ поръ (1771 г.) печать уже не встрѣчала особенныхъ преградъ къ оглашенію парламентскихъ дебатовъ, хотя нужно замѣтить, что и донынѣ это право остается безъ утвержденія его какимъ-либо спеціальнымъ закономъ.

А между тѣмъ завоеваніе этого права имѣло огромное значеніе для политическаго развитія Англіи, и въ частности для успѣшнаго развитія публичныхъ митинговъ. Благодаря оглашенію парламентскихъ преній, общественное вниманіе все болѣе сосредоточивалось на политическихъ дѣлахъ страны; свободное слово въ парламентѣ развивало привычку и стремленіе къ свободной

рѣчи и за стѣнами его; вопросы, обсуждавшіеся въ парламентѣ, давали толчокъ къ дѣятельному обсужденію ихъ и внѣ парламента, а аргументы, которыми пользовались парламентскіе ораторы, давали обществу матеріалъ для мышленія, будили и просвѣщали его. Сверхъ того, оглашеніе парламентскихъ дебатовъ сдѣлало болѣе постоянною связь избирателей съ ихъ представителями и помогло установить болѣе дѣятельный контроль надъ ними, благодаря чему господствовавшія прежде идеи о безусловной независимости и безотвѣтственности представителей, разъ они избраны, начали постепенно уступать свое мѣсто идеямъ болѣе тѣснаго общенія населенія съ его депутатами.

II.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ агитаціи по поводу миддльсекскаго избранія въ Англіи не было особенно замѣтныхъ проявленій общественнаго движенія. Но оно не замедлило оживиться подъ вліяніемъ тѣхъ невзгодъ и тягостей, которыя постигли населеніе вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ съ Франціей и Испаніей и въ особенности — борьбы съ американскими колоніями. Эта борьба, стоившая Англіи очень дорого, была не вездѣ популярна. Во многихъ слояхъ населенія ее признавали излишнею, слишкомъ обременительною. А между тѣмъ налоги возростали; цѣны на жизненные продукты поднимались все выше; въ администраціи обнаружены были значительныя злоупотребленія. На почвѣ недовольства подъ вліяніемъ этихъ причинъ возникло новое движеніе.

Починъ въ этомъ движеніи сдѣланъ въ Іоркширѣ—графствѣ, населеніе котораго давно уже стало проявлять большую независимость. По иниціативѣ нѣсколькихъ уважаемыхъ гражданъ, въ концѣ декабря 1779 г., созванъ былъ митингъ, на которомъ собрались многіе представители мѣстнаго землевладѣльческаго класса —gentry и freeholders—и духовенства. Занятія митинга открылись рѣчью одного изъ членовъ духовенства, который и предложилъ вотировать петицію, заключавшую въ себѣ перечень различныхъ злоупотребленій, вызывавшихъ протестъ. Въ петиціи указывалось на долголѣтнюю, разорительную и неудачную войну, на увеличеніе государственнаго долга, повышеніе налоговъ и замѣтный упадокъ торговли и промышленности; убѣжденные въ необходимости, при столь тяжкомъ положеніи страны, установить во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія строгую береж-

ливость, петиціонеры, однако, „съ прискорбіемъ замѣчаютъ, что, несмотря на бѣдственное положеніе націи, значительныя суммы тратятся безразсудно, что многія лица пользуются синекурами, получая огромное содержаніе и пенсіи, ничѣмъ не заслуженныя, и что, благодаря этому, корона пріобрѣла большое и неконституціонное вліяніе, которое, если не будетъ сдержано, вскорѣ можетъ оказаться гибельнымъ для свободы страны"; принимая во вниманіе, что по конституціи охраненіе національной казны ввѣрено палатѣ общинъ, петиціонеры взываютъ къ чувству справедливости ея и настоятельно просятъ, чтобы палатою были приняты дѣйствительныя мѣры къ разслѣдованію и устраненію злоупотребленій въ расходованіи общественныхъ денегъ, къ уничтоженію синекуръ и незаслуженныхъ пенсій, и къ употребленію государственныхъ средствъ исключительно на нужды государства. Послѣ оживленныхъ преній по поводу этой петиціи она была принята для представленія ея парламенту. Вмѣстѣ съ тѣмъ митингъ принялъ и другое весьма важное рѣшеніе — объ образованіи особаго комитета въ составѣ 61 „джентльмена" для веденія „необходимыхъ сношеній въ интересахъ осуществленія задачъ петиціи и для выработки плана ассоціаціи на законныхъ и конституціонныхъ основаніяхъ, съ цѣлью поддержки какъ этой похвальной реформы, такъ и другихъ мѣропріятій, могущихъ содѣйствовать возстановленію парламентской свободы".

Примѣру Іоркшира послѣдовали и многія другія мѣстности, въ которыхъ движеніе развивалось съ поразительною быстротою. Изъ многочисленныхъ митинговъ нельзя не отмѣтить собранія въ Миддльсексѣ (въ январѣ 1780 г.), на которомъ также поднятъ былъ вопросъ объ организаціи постоянной ассоціаціи, которая вошла бы въ постоянныя сношенія съ другими обществами,—и особенно важенъ митингъ въ графствѣ Вильтсъ (28-го янв. 1780 г.). Этотъ послѣдній замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что это былъ первый большой политическій митингъ не-избирательный, въ которомъ участвовали два видныхъ государственныхъ дѣятеля, которымъ и ранѣе, и впослѣдствіи пришлось играть важную роль въ управленіи. Это — графъ Шельбурнъ, бывшій министромъ въ 1766—1768 гг., и Чарльзъ Джемсъ Фоксъ, находившійся въ составѣ министерства съ 1770 по 1774 г. Лордъ Шельбурнъ заявилъ между прочимъ горячее желаніе, чтобы всякій присутствовавшій открыто высказывалъ свои мнѣнія, и при этомъ сказалъ, что спасеніе страны—въ рукахъ народа. Еще болѣе была замѣчательна рѣчь Фокса. Онъ указывалъ на „великія преимущества, которыя народъ можетъ обезпечить за собою, твердо от-

ставивая свои права и требуя устраненія злоупотребленій"; говорилъ о его значеніи въ государствѣ и о томъ, что „даже самый хорошій и способный министръ не въ силахъ сдѣлать народъ великимъ и счастливымъ, пока онъ самъ не будетъ стремиться къ этому"; приписывая успѣхъ американцевъ дѣятельной оппозиціи, Фоксъ сказалъ, что и въ устраненіи своихъ бѣдствій англійскій народъ долженъ разсчитывать главнымъ образомъ на самого себя, а не пребывать въ безмолвномъ ожиданіи спасенія отъ какого-либо государственнаго дѣятеля, каковы бы ни были его способности, какъ бы ни были патріотичны его намѣренія".

Какъ на характерную черту этого движенія, Джефсонъ указываетъ на широкое участіе въ немъ высшихъ и среднихъ классовъ, въ чемъ убѣждаютъ свѣденія о лицахъ, присутствовавшихъ на митингахъ и игравшихъ на нихъ руководящую роль. Замѣчательно и то, что къ нимъ въ эту эпоху охотно прибѣгали многія лица, которыя прежде возмущались митингами, когда ихъ устроивали люди имъ несимпатичные.

По размѣрамъ своимъ движеніе это оказалось еще болѣе повсемѣстнымъ, еще болѣе внушительнымъ, чѣмъ предшествующая агитація. Не менѣе чѣмъ въ двадцати-шести графствахъ собственно Англіи, въ трехъ въ Уэльсѣ и во многихъ городахъ состоялись многолюдные митинги, на которыхъ вотированы были петиціи и постановлены различныя резолюціи. Общее число подписей подъ петиціями доходило до 100.000, что̀ сравнительно съ тогдашнимъ числомъ избирателей было очень значительно.

Первою была представлена въ парламентъ петиція отъ Іорка, 8-го февраля 1780 года, при чемъ сэръ Д. Сэвиль произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на мирный характеръ народнаго движенія, на легальность и конституціонность петиціи, и выразилъ надежду, что приносимое ходатайство будетъ удовлетворено. „Впрочемъ,—сказалъ онъ въ заключеніе,—какова бы ни была судьба ея въ палатѣ, петиціонеры не откажутся отъ своихъ требованій: существуетъ особый комитетъ для сношеній по предмету этой петиціи съ комитетами другихъ графствъ",—и съ этими словами онъ положилъ на столъ списокъ членовъ комитета.

Для поддержанія успѣха іоркской и другихъ петицій въ Лондонѣ созваны были представители мѣстныхъ ассоціацій, изъ которыхъ предположено было образовать одну большую „національную ассоціацію". Одинъ изъ такихъ делегатовъ, знаменитый Шериданъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ описалъ задачи подобныхъ собраній: „при объединеніи общественнаго мнѣнія съ цѣлью воздѣйствія на палату общинъ у насъ никогда не было намѣренія

производить это воздѣйствіе путемъ насилія или возмущенія; но собранія эти, конечно, разсчитаны были на то, чтобы возбудить въ палатѣ общинъ нѣкоторый страхъ передъ ними и ихъ занятіями, не вредный страхъ, а трепетное уваженіе, которое палата общинъ обязана оказывать справедливымъ чувствамъ народа, когда эти чувства собраны и выражены". Делегаты эти имѣли частыя собранія и употребляли энергическія мѣры къ обезпеченію въ парламентѣ поддержки въ пользу петицій.

Наконецъ, 6-го апрѣля 1780 г., наступилъ знаменательный день сужденія по поводу представленныхъ палатѣ петицій. Оппозиція до послѣдняго момента сохраняла въ тайнѣ заготовленные ею проекты резолюцій. Тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе палаты, когда Доннингъ прочиталъ текстъ первой резолюціи о томъ, что „вліяніе короны все возростало и возростаетъ, и его слѣдуетъ уменьшить". „Стѣны парламента,—патетически восклицаетъ по этому поводу Горацій Вальполь въ своихъ запискахъ, – не вѣрили ушамъ своимъ; никогда еще съ тѣхъ поръ, какъ онѣ были обшиты панелью, онѣ не слышали такого языка". Еще поразительнѣе долженъ былъ оказаться результатъ голосованія по этой резолюціи: за нее высказалось большинство 233 голосовъ противъ 215. Большинствомъ вотирована была и дальнѣйшая резолюція о томъ, что „на палатѣ общинъ лежитъ долгъ принять немедленно дѣйствительныя мѣры къ удаленію злоупотребленій", на которыя жалуются представленныя палатѣ петиціи отъ различныхъ графствъ, городовъ и мѣстечекъ королевства.

Въ результатѣ движеніе общественнаго мнѣнія одержало огромную побѣду, несмотря на противоборствовавшее ему вліяніе правительственныхъ сферъ. Правда, ближайшее практическое значеніе этой побѣды было невелико: когда рѣчь зашла о непосредственномъ осуществленіи принятыхъ резолюцій, то правительству снова удалось обезпечить за собою большинство. Но моральное значеніе движенія дало себя почувствовать. Правительство убѣдилось въ силѣ общественнаго мнѣнія и стало проявлять бóльшую умѣренность въ расходованіи государственныхъ суммъ, бóльшую заботливость въ управленіи. Но важнѣе былъ тотъ результатъ пережитого движенія, что оно еще болѣе упрочило въ Англіи убѣжденіе въ значеніи публичныхъ митинговъ, какъ выразителя общественнаго мнѣнія и плодотворности разумной организаціи его. Благодаря многочисленнымъ митингамъ и рѣчамъ, воспроизведеннымъ въ газетахъ, въ Англіи все шире распространялось сознаніе важныхъ политическихъ принциповъ, созрѣвало отчетливое пони-

маніе необходимости и законности права свободнаго обсужденія и критики правительственной политики.

Къ сожалѣнію, почти одновременно съ указаннымъ движеніемъ публичные митинги послужили ареною борьбы иного характера,—не ради благородныхъ стремленій къ общему благу, а ради цѣлей узкаго фанатизма. Это—извѣстные въ исторіи „гордоновскіе безпорядки“ (Gordon riots), происшедшіе на почвѣ ненависти къ католицизму, которою воспользовался лордъ Джорджъ Гордонъ и его единомышленники для протеста противъ намѣренія предоставить католикамъ нѣкоторыя льготы. Но Джефсонъ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что произведенные въ Лондонѣ уличные безпорядки никоимъ образомъ не могутъ быть поставлены въ вину самого института публичныхъ митинговъ,—тѣмъ болѣе, что ихъ не было бы и вовсе, если бы правительство не проявило полной небрежности и приняло во-время нѣкоторыя предупредительныя мѣры.

Ближайшимъ результатомъ подавленія „гордоновскихъ безпорядковъ“ были усиленіе правительственнаго авторитета и нѣкоторая апатія общества. На этой почвѣ и было произведено внезапное распущеніе парламента (въ томъ же 1780 г.). Новые выборы дали палату, благопріятную министерству, чего не трудно было достигнуть въ виду того давленія, которое оно могло оказывать тогда во многихъ округахъ. Но уже и эти выборы свидѣтельствовали о значительныхъ успѣхахъ роста общественнаго мнѣнія: въ газетахъ того времени замѣтенъ гораздо бо̀льшій интересъ къ выборамъ и тѣмъ избирательнымъ рѣчамъ, съ которыми выступали различные кандидаты. Наиболѣе любопытнымъ явленіемъ на этихъ выборахъ была рѣчь Эдмунда Борка, съ которой онъ обратился къ своимъ избирателямъ съ цѣлью объяснить свой образъ дѣйствій, вызвавшій въ средѣ многихъ изъ нихъ недовольство.

Вскорѣ же по открытіи сессіи новаго парламента члены оппозиціи представили новую петицію (2-го апрѣля 1781 г.) отъ девяти графствъ и городской корпораціи Вестминстера, въ которой напоминалось о резолюціяхъ палаты и указывалось на то, что еще ничего не сдѣлано къ практическому осуществленію ихъ, въ виду чего петиціонеры снова „просятъ палату приступить къ разслѣдованію и уничтоженію злоупотребленій, принять мѣры по отношенію къ возростающему вліянію короны и къ бо̀льшей бережливости въ расходахъ“. Однако новый парламентъ былъ настроенъ не въ пользу такихъ требованій: петиція была отвергнута большинствомъ 212 противъ 135 голосовъ, причемъ

многіе ораторы высказали принципіальную вражду къ митингамъ и ассоціаціямъ, говоря, что они—опасное орудіе общественнаго возбужденія. На эти доводы Доннингъ имѣлъ полное основаніе замѣтить, что, какъ видно изъ дѣятельности многочисленныхъ ассоціацій, онѣ не могутъ вызвать ни малѣйшихъ опасеній за общественное спокойствіе, такъ какъ онѣ служатъ лишь къ осуществленію вполнѣ законнаго права населенія обращаться къ парламенту съ петиціями, при чемъ дѣлается это съ соблюденіемъ всѣхъ требованій законности и уваженія къ общественному спокойствію.

Между тѣмъ недовольство политикою, особенно по отношенію къ американскимъ колоніямъ, сильно подтачивало засидѣвшееся консервативное министерство лорда Норта. Пробывъ двѣнадцать лѣтъ во главѣ управленія, оно въ 1782 г. вышло въ отставку и мѣсто его заняло министерство виговъ, во главѣ съ маркизомъ Рокингамомъ и при участіи Фокса. Уже вскорѣ по вступленіи въ должность ему удалось провести нѣсколько актовъ важныхъ съ точки зрѣнія успѣховъ общественнаго мнѣнія. Такъ, по инипіативѣ Борка уничтожено было значительное количество синекуръ, которыя предоставлялись членамъ парламента, и благодаря этому достигнуто было нѣкоторое сбереженіе въ расходахъ. Другою мѣрою, сократившею размѣры правительственнаго вліянія, было отнятіе избирательныхъ правъ у различныхъ должностныхъ лицъ—revenue officers, въ количествѣ отъ 40.000 до 60.000, что было довольно существенно при общемъ числѣ 300.000 избирателей.

Но принятыя мѣры были все-таки ничтожны сравнительно съ общею задачею парламентской реформы, которая все болѣе сосредоточивала на себѣ вниманіе общественнаго мнѣнія. Существовавшая въ то время система представительства далеко не соотвѣтствовала новымъ условіямъ, возникшимъ съ тѣхъ поръ, какъ создалась эта система въ половинѣ XVII ст. Не говоря уже о значительномъ увеличеніи населенія, за этотъ продолжительный промежутокъ времени перемѣстились центры промышленной и общественной жизни страны. Изъ маленькихъ незначительныхъ мѣстечекъ Манчестеръ, Лидсъ, Ливерпуль, Бирмингамъ и др. сдѣлались крупными промышленными средоточіями, привлекавшими къ себѣ все новыя массы всевозможнаго люда. И наоборотъ, прежде значительные города мало-по-малу превратились въ ничтожныя мѣстечки съ небольшимъ числомъ жителей. Между тѣмъ какъ послѣднія сохраняли за собою право посылать депутатовъ въ парламентъ, первые, несмотря на свою населен-

ность, оставались непредставленными. До какой степени поразительны были аномаліи тогдашняго представительства, видно изъ слѣдующихъ цифръ, приведенныхъ въ одномъ сочиненіи конца XVIII ст.: при помощи тщательныхъ выкладокъ въ немъ доказывалось, что изъ 513 членовъ палаты общинъ отъ Англіи и Уэльса—254 представляли собою менѣе 11.500 избирателей, а 56 членовъ—всего 700 избирателей; изъ этихъ 56-ти ни въ одномъ случаѣ число избирателей не достигало 38 человѣкъ, а 6 членовъ получали свои депутатскія полномочія каждый не болѣе какъ отъ 3-хъ избирателей. При такихъ условіяхъ неудивительно, что многіе мелкіе бурги („гнилыя мѣстечки"—rotten boroughs) сдѣлались орудіемъ въ рукахъ сосѣднихъ лордовъ или правительства. Лишенные всякой самостоятельности, ничтожные по своему количеству, избиратели такихъ мѣстечекъ посылали депутатами тѣхъ, кого желалъ сосѣдній вліятельный лордъ или правительственные агенты. Въ результатѣ, de facto, большинство въ палатѣ общинъ находилось въ рукахъ правительства и лордовъ—крупныхъ землевладѣльцевъ, и нижняя палата далеко не отвѣчала своему назначенію быть представительницею народа. Весьма понятно и то, что отъ самой палаты нельзя было ожидать коренной реформы представительства: потребность въ ней особенно сильно ощущалась за стѣнами парламента, вслѣдствіе чего и движеніе въ пользу реформы росло именно за стѣнами парламента. Главнымъ орудіемъ его являлась, употребляя техническое выраженіе — „платформа", въ видѣ двухъ важнѣйшихъ ея проявленій—публичныхъ митинговъ и ассоціацій.

Уже въ 1766 году старшій Питтъ (лордъ Чатамъ) выступилъ съ авторитетнымъ заявленіемъ о томъ, что представительство бурговъ составляетъ „гнилую часть конституціи", которую слѣдуетъ „ампутировать. Убѣжденный въ необходимости реформы, онъ въ 1770 г. воскликнулъ: „уже къ концу этого вѣка либо парламентъ самъ реформируетъ себя, либо онъ будетъ реформированъ извнѣ". Голоса въ пользу реформы стали раздаваться все чаще, особенно въ эпоху общественнаго движенія по поводу миддльсекскаго избранія и агитаціи 1780 года. Собраніе делегатовъ отъ мѣстныхъ ассоціацій, объ образованіи котораго мы упоминали, и по окончаніи этого движенія продолжало поддерживать въ обществѣ интересъ къ реформѣ. Вопросъ о ней поднятъ былъ и въ самомъ парламентѣ младшимъ Питтомъ (въ 1782 г.), который начиналъ тогда свою политическую карьеру. Предложеніе его, не заключавшее какого-либо опредѣленнаго плана реформы, сводилось къ образованію особаго комитета для изслѣдованія вопроса съ цѣлью

сдѣлать систему представительства болѣе согласною съ истинными задачами его. Но оно было отвергнуто незначительнымъ, впрочемъ, большинствомъ всего 20-ти голосовъ. Оно, однако, послужило толчкомъ для новой агитаціи въ пользу реформы: въ различныхъ мѣстностяхъ снова организованы были публичные митинги и вотированы петиціи. И когда въ маѣ 1783 г. петиціи эти подверглись обсужденію въ палатѣ общинъ, Питтъ сдѣлалъ новую попытку поставить вопросъ о реформѣ. Мотивируя свое предложеніе объ увеличеніи числа представителей отъ графствъ, въ противовѣсъ „гнилымъ бургамъ", онъ коснулся пагубныхъ послѣдствій „тайнаго вліянія короны, подкапывающаго самыя основы свободнаго избранія". Питтъ сказалъ: „палата общинъ, долженствующая, по духу конституціи, быть хранительницею народной свободы, сдерживать и контролировать исполнительную власть, вырождается, благодаря этому вліянію, въ простое орудіе тиранніи и притѣсненій". Но и въ этотъ разъ предложеніе Питта было отвергнуто даже еще болѣе значительнымъ большинствомъ. Такая же неудача постигла и третье предложеніе, которое Питтъ внесъ въ 1784 г., уже занимая постъ перваго министра.

Въ результатѣ этихъ неудачъ становилось все болѣе очевиднымъ, что нѣтъ надежды на самореформированіе парламента, такъ какъ большинство его было слишкомъ заинтересовано въ сохраненіи существующаго порядка представительства. Всѣ надежды на реформу приходилось возложить на иниціативу самого общества; „только отъ самого народа можно ожидать чего-либо хорошаго!"—воскликнулъ герцогъ Ричмондъ въ 1783 году. И эти разсчеты дѣйствительно оказались основательными. Реформу представительной системы, имѣвшую огромное вліяніе на всѣ стороны англійской жизни, провело само общество. Но прежде чѣмъ это осуществилось, ему пришлось пережить продолжительный періодъ борьбы, ознаменованной рядомъ неудачъ. Въ исторіи этой борьбы, имѣвшей большое воспитательное значеніе для англійскаго общества, публичные митинги играли очень замѣтную роль, различныя стороны которой рельефно очерчены въ сочиненіи Джефсона.

III.

Только къ концу прошлаго столѣтія, какихъ-нибудь сто лѣтъ тому назадъ, обозначился въ первый разъ значительный прогрессъ въ политическомъ развитіи англійскаго общества, и особенно въ тѣхъ классахъ его, которые вѣками оставались вдали отъ не-

посредственнаго участія въ политическомъ управленіи страною. По мѣрѣ того какъ подъ вліяніемъ успѣховъ промышленности возростало соціально-экономическое значеніе этихъ классовъ, они все болѣе отчетливо сознавали свое политическое безправіе и все болѣе критически относились къ устарѣвшимъ условіямъ жизни, основаннымъ на привилегіяхъ. Стремленія къ реформѣ, замѣтныя и раньше, особенно усилились подъ впечатлѣніемъ событій французской революціи, которыя дали толчокъ къ болѣе активнымъ проявленіямъ общественныхъ требованій. Главными выразителями ихъ явились политическія ассоціаціи, изъ которыхъ особенное значеніе пріобрѣло „London Corresponding Society“, образовавшееся въ концѣ 1791 года съ цѣлью борьбы за равномѣрное представительство народа въ парламентѣ совмѣстно съ обществами, возникшими въ другихъ мѣстностяхъ Англіи. Параллельно съ нимъ оживилась дѣятельность другой большой ассоціаціи, образованной еще въ 1780 г. подъ названіемъ „Society for promoting Constitutional Information“, главною задачею которой было распространеніе въ народѣ книгъ и брошюръ по различнымъ политическимъ вопросамъ; такъ, въ нихъ проводились идеи всеобщаго голосованія, закрытой подачи голосовъ и т. д. Въ началѣ 1792 г. открылась дѣятельность еще одного большого общества — „Society of the Friends of the People“, образованнаго по иниціативѣ выдающихся членовъ партіи виговъ (нѣкоторые изъ нихъ являлись членами парламента); общество это было образовано „не съ цѣлью распространенія революціонныхъ доктринъ, а въ интересахъ поддержки конституціонныхъ реформъ и измѣненій, необходимыхъ для удаленія признанныхъ аномалій и недостатковъ нашихъ учрежденій,—реформъ, достиженіе которыхъ, по убѣжденію общества, представитъ для страны лучшую гарантію противъ намѣреній лицъ, стремящихся къ ниспроверженію самыхъ учрежденій“. Однимъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей этого общества былъ Чарльзъ Грей, оказавшій дѣлу парламентской реформы огромныя услуги.

Первоначально названныя общества не выносили своей дѣятельности на открытую „платформу“, а ограничились главнымъ образомъ распространеніемъ печатныхъ изданій, брошюръ и памфлетовъ, выработанныхъ на тѣсныхъ собраніяхъ (indoor meetings). Зорко слѣдя за ходомъ революціонныхъ событій во Франціи, нѣкоторыя общества уклонялись иногда онъ непосредственной своей задачи: такъ, „Society for Constitutional Information“ однажды вотировало сочувственный адресъ парижскому клубу якобинцевъ. Подъ вліяніемъ этого въ правительствѣ возникло опасеніе, какъ

бы и въ Англіи не возгорѣлось революціонное движеніе; въ виду этого уже въ маѣ 1792 г. издана была прокламація о болѣе энергическомъ преслѣдованіи авторовъ и издателей „вредныхъ и возмутительныхъ писаній". Реакціонное направленіе правительства нашло себѣ нѣкоторое поощреніе и въ самомъ обществѣ, въ извѣстныхъ слояхъ котораго ему даже удалось развить цѣлую систему доносовъ при посредствѣ „лойяльныхъ ассоціацій", образовавшихся съ цѣлью помогать властямъ въ преслѣдованіи вредныхъ авторовъ. Новыя сочувственныя заявленія англійскихъ обществъ по адресу дѣятелей французской революціи дали правительству поводъ къ еще большей энергіи въ преслѣдованіяхъ. Но параллельно съ этимъ возростала и энергія сторонниковъ реформы. Движеніе въ пользу ея быстро развивалось по всей Англіи, перешло и въ Шотландію, при чемъ все чаще стали пользоваться публичными митингами. Въ концѣ 1792 г. въ Эдинбургѣ происходилъ „общій съѣздъ делегатовъ отъ общества друзей народа", въ количествѣ до 170 человѣкъ, съ цѣлью „согласить мѣры въ пользу уничтоженія злоупотребленій, возстановленія свободы выборовъ и равномѣрнаго представительства народа въ парламентѣ".

Между тѣмъ во Франціи событія обострялись все болѣе, и въ январѣ 1793 г. Людовикъ XVI былъ обезглавленъ. Въ Англіи эта казнь произвела очень сильное впечатлѣніе и, между прочимъ, вызвала неблагопріятное для реформаторскаго движенія послѣдствіе: партія виговъ раскололась на-двое, и нѣкоторые изъ видныхъ членовъ оппозиціи, въ паническомъ ужасѣ передъ крайностями французской революціи, стали поддерживать правительство.

Несмотря на то, движеніе въ пользу реформы дѣлало въ обществѣ замѣтные успѣхи. И „London Corresponding Society", и „Constitutional Information Society", вели въ началѣ 1793 г. дѣятельную агитацію съ цѣлью собранія петицій о реформѣ; мало надѣясь на успѣхъ, они все-таки признавали необходимымъ, чтобы нація постоянно заявляла о своихъ требованіяхъ, и чтобы вопросъ о реформѣ неизмѣнно стоялъ передъ общественнымъ вниманіемъ. Парламенту было представлено нѣсколько петицій, и по поводу одной изъ нихъ Грей нашелъ возможнымъ выступить (въ маѣ 1793 г.) съ предложеніемъ объ образованіи комитета для обсужденія реформы. Но предложеніе это вызвало рѣшительный отпоръ со стороны большинства, главнымъ выразителемъ котораго явился Питтъ, недавно передъ тѣмъ самъ выступавшій горячимъ сторонникомъ реформы. Противъ Грея оказалось подавляющее большинство 282 голосовъ противъ 41.

Такой результатъ не былъ, конечно, неожиданнымъ, но онъ

все-таки повергъ Грея въ отчаяніе, укрѣпивъ его въ убѣжденіи, что отъ самой палаты общинъ нельзя ожидать реформы; единственную надежду онъ сталъ возлагать на заявленія общественнаго мнѣнія. Сплоченность двухъ главныхъ ассоціацій стала еще сильнѣе, и вскорѣ было высказано, что „должны быть приняты мѣры болѣе дѣйствительныя, чѣмъ петиціи, подъ условіемъ, однако, чтобы онѣ оставались конституціонными". Эту рѣшимость не подавили многочисленные процессы, возбужденные правительствомъ, и въ октябрѣ 1793 г., ровно сто лѣтъ тому назадъ, сдѣланъ былъ въ Лондонѣ первый опытъ публичнаго митинга на открытомъ воздухѣ, а черезъ полгода состоялся и второй такой митингъ. Сохранившіяся описанія этихъ митинговъ свидѣтельствуютъ объ образцовомъ порядкѣ, въ какомъ происходили эти многолюдныя собранія. Вскорѣ этотъ новый обычай распространился и во многихъ провинціяхъ — въ Лидсѣ, Брэдфордѣ, Галифаксѣ, Шеффильдѣ. На послѣднемъ митингѣ между прочимъ принята была резолюція о томъ, что „народу слѣдуетъ требовать всеобщаго представительства, какъ права, а не просить его, какъ милости". Въ цѣляхъ лучшаго достиженія реформы, нѣкоторые болѣе горячіе ораторы возбуждали даже вопросъ о созваніи общаго національнаго конвента. Эта идея не нашла, однако, сочувствія въ „обществѣ друзей народа", которое отвергло ее „изъ опасенія дать врагамъ реформы поводъ клеветать на ея сторонниковъ и повредить самому дѣлу, отдаливъ отъ него многихъ".

Между тѣмъ и правительство рѣшило прибѣгнуть къ болѣе энергическимъ мѣрамъ, мотивируя ихъ тѣмъ, что подъ предлогомъ обсужденія парламентской реформы въ странѣ ведется агитація, „направленная къ созванію общаго народнаго конвента и клонящаяся къ установленію той системы анархіи и смятенія, которая роковымъ образомъ восторжествовала во Франціи". Въ обѣихъ палатахъ парламента образованы были секретные комитеты для разслѣдованія дѣла. На основаніи представленнаго доклада Питтъ (въ маѣ 1794 г.) внесъ предложеніе о пріостановленіи дѣйствія „Habeas-Corpus-Акта", въ виду „измѣнническаго и гнуснаго заговора съ цѣлью ниспроверженія существующихъ законовъ и конституціи" (a traitorous and detestable conspiracy for subverting the existing laws and constitution). Предложеніе это встрѣтило энергическую оппозицію со стороны Фокса, который назвалъ его предложеніемъ „дать исполнительнымъ органамъ абсолютную власть надъ личной свободой каждаго отдѣльнаго человѣка въ королевствѣ" и выступилъ въ защиту права свободнаго обсужденія по-

литическихъ вопросовъ, этого „существеннаго и благотворнаго права всякаго подданнаго"; „лучшая гарантія устойчивости государственнаго строя,—воскликнулъ онъ,—лежитъ въ постоянномъ и неусыпномъ контролѣ народа надъ парламентомъ, и потому народные митинги для обсужденія политическихъ вопросовъ являются не только законными, но и похвальными". Но, въ виду настроенія большинства палаты, всякая оппозиція была тщетна, и билль, пріостанавливавшій до 1-го февраля 1795 г. дѣйствіе основной гарантіи личной свободы, быстро прошелъ всѣ необходимыя стадіи.

На практикѣ билль этотъ примѣнялся съ большою суровостью; правительство широко воспользовалось предоставленными ему исключительными полномочіями. Но общественное мнѣніе не раздѣляло реакціонныхъ увлеченій его, какъ о томъ свидѣтельствуютъ оправдательные приговоры присяжныхъ въ двухъ особенно громкихъ процессахъ Томаса Гарди и Горнъ-Тука по обвиненію ихъ въ государственной измѣнѣ. Эти процессы съ полною убѣдительностью обнаружили отсутствіе какого-либо заговора, что̀ и дало поводъ Шеридану предложить отмѣну исключительнаго билля. Однако, вмѣсто отмѣны, палата общинъ постановила продлить его на новый срокъ до 1-го іюля 1795 года.

При дѣйствіи чрезвычайныхъ мѣръ движеніе въ пользу реформы притихло, но не заглохло, ожидая лишь момента благопріятнаго для новыхъ проявленій. И дѣйствительно, лишь только истекъ срокъ пріостановки „Habeas-Corpus-Акта", лондонское „Corresponding Society" организовало большой митингъ на открытомъ воздухѣ. На немъ были вотированы воззваніе къ народу и адресъ королю, представляющіе большой интересъ для характеристики общественнаго движенія той эпохи. Воззваніе оканчивалось слѣдующими словами: „не впадайте въ тѣ роковыя ошибки, которыя такъ часто обманывали нашихъ предковъ, и не возлагайте вашихъ ожиданій на этотъ обманчивый фантомъ—перемѣну министровъ. Съ такою палатою общинъ ни одинъ министръ не можетъ исполнить своего долга передъ народомъ. Ваша главная, а быть можетъ и единственная надежда — въ васъ самихъ... Заклинаемъ васъ тою свободою, которую мы обожаемъ, тою конституціею, которую мы почитаемъ, тѣмъ общимъ интересомъ, который мы всѣ имѣемъ въ преуспѣяніи нашей страны,—соедините ваши усилія съ нашими и всякими законными и конституціонными способами постараемся обезпечить за великобританскимъ народомъ его естественныя и несомнѣнныя права — всеобщее голосованіе и ежегодные парламенты". Адресъ королю былъ изложенъ въ слѣ-

дующихъ выраженіяхъ: „Ваше величество, необходимо, чтобы вы были выведены изъ заблужденія; и если у васъ нѣтъ честнаго министра, который говорилъ бы правду, то нужно, чтобы народъ сообщалъ своему государю свѣденія и оберегалъ его отъ обмана. Именемъ и ради той славной революціи, которая возвела на тронъ брауншвейгскую династію, мы заклинаемъ васъ, ваше величество, оказать благовременное вниманіе возгласамъ страждущаго народа и проявить ту власть, которую ввѣрила вамъ конституція; дать ему свободное и равное представительство, которое только одно можетъ предупредить для британской націи будущія и удалить настоящія бѣдствія; отставить преступныхъ министровъ, которые такъ долго безнаказанно обижали насъ, пренебрегая самыми дорогими интересами нашими; положить немедленно конецъ разорительной войнѣ и обезпечить намъ миръ, столь необходимый и для вашего личнаго спокойствія, и для счастья народа". Когда этотъ адресъ былъ вотированъ, одинъ изъ руководителей митинга, Джонсъ, сказалъ, что „этотъ по-истинѣ великій и славный день засвидѣтельствуетъ передъ цѣлымъ міромъ, что народъ, собравшись въ большомъ количествѣ, можетъ, даже въ самыя критическія времена, разсуждать о государственныхъ мѣрахъ безъ малѣйшаго нарушенія порядка и какого-либо отклоненія отъ благопристойности".

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, въ октябрѣ 1795 г., тѣмъ же обществомъ былъ созванъ новый грандіозный митингъ, на которомъ, полагаютъ, присутствовало до 150.000 человѣкъ (цифра, вѣроятно, преувеличенная). На этомъ собраніи также принято было воззваніе къ народу, въ которомъ указывалось, что единственная цѣль движенія заключается въ реформѣ, — и вотированъ новый адресъ королю, повторявшій тѣ же ходатайства.

Движеніе видимо возродилось съ новою силою и обѣщало принять еще болѣе значительные размѣры, но оно вскорѣ же наткнулось на новую задержку. Король на пути къ зданію парламента, для открытія сессіи, былъ встрѣченъ большими толпами народа, изъ среды которыхъ сначала раздались крики: „долой Питта!"... „Не надо войны!"... „Миръ!" — а затѣмъ кто-то камнемъ выбилъ окно въ каретѣ короля. Это событіе вызвало сильное возбужденіе по всей странѣ, а министерству дало поводъ издать тотчасъ же прокламацію противъ „бунтовскихъ и противозаконныхъ собраній". Но эта прокламація не могла измѣнить дѣйствующихъ законовъ, и потому правительство нашло нужнымъ выступить съ двумя новыми исключительными мѣропріятіями. Одинъ изъ проектированныхъ биллей внесенъ былъ въ палату лордовъ

и имѣлъ своею задачею мѣры къ охранѣ личной безопасности короля. Другой, внесенный въ палату общинъ, направленъ былъ спеціально противъ митинговъ. По этому биллю ни одинъ митингъ болѣе чѣмъ изъ пятидесяти человѣкъ, созываемый для обсужденія петицій или адресовъ относительно какихъ-либо измѣненій въ государственномъ или церковномъ управленія, или для собесѣдованія по какимъ-нибудь другимъ общественнымъ дѣламъ, —не можетъ состояться безъ предварительнаго разрѣшенія мѣстнаго начальства, на которое возложена обязанность присутствовать на собраніи и наблюдать, чтобы при обсужденіи не допускались нападки на короля, правительство и конституцію. Должностнымъ лицамъ предоставлено право лишать свободы всѣхъ тѣхъ, кто не исполнитъ требованій закона, сопротивленіе которымъ составляло преступленіе, караемое строгими наказаніями. Въ томъ случаѣ, когда собраніе приметъ бурный характеръ, должностныя лица могутъ закрыть его даже силою, при чемъ они освобождаются отъ всякой отвѣтственности, если кто-либо будетъ убитъ при разсѣяніи митинга. Билль устанавливалъ также бдительный надзоръ за дѣятельностью „дебатирующихъ обществъ" и организаторовъ публичныхъ чтеній. Срокъ дѣйствія его опредѣленъ былъ тремя годами.

Билль этотъ подвергалъ дотолѣ неограниченную свободу митинговъ такимъ стѣсненіямъ, что при дѣйствіи его право обсужденія становилось фактически упраздненнымъ. Не удивительно поэтому, что противъ него возникла сильная оппозиція частью въ самомъ парламентѣ, но особенно за его стѣнами. Въ палатѣ общинъ Фоксъ выступилъ съ рѣчью, полною энергическаго негодованія противъ вторженія въ священную область естественныхъ правъ англійскаго гражданина, и доказывалъ, что въ оскорбленіи, нанесенномъ королю, публичные митинги ничѣмъ не повинны. „Мы видѣли, — говорилъ онъ, — и слышали о революціяхъ въ другихъ государствахъ. Но развѣ онѣ вызывались свободою выраженія народныхъ мнѣній? Развѣ онѣ вызывались свободою народныхъ собраній? Нѣтъ, сэръ, онѣ вызывались явленіями противоположными, а потому я прямо скажу, что если мы желаемъ избѣгнуть опасности такихъ революцій, то мы должны поставить себя въ условія, сколь возможно отличныя отъ положенія этихъ государствъ".

Фоксъ принималъ также дѣятельное участіе и во внѣ-парламентской агитаціи противъ билля, которая быстро получила неслыханные размѣры. По свидѣтельству „Annual Register" за 1796 г., „повсюду созывались митинги и совѣщанія, какъ частные, такъ

и публичные, образовывались клубы и ассоціаціи съ цѣлью противодѣйствія биллямъ всѣми законными способами. Старѣйшіе по возрасту люди не могли припомнить, чтобы когда-либо обнаруживалось столь сплоченное большинство противниковъ министерскихъ мѣропріятій, какъ въ этомъ случаѣ; интересы публики были такъ глубоко затронуты, что люди самыхъ разнообразныхъ профессій отдавали значительную часть своего времени на то, чтобы присутствовать на многочисленныхъ митингахъ, созывавшихся по всему королевству съ цѣлью противодѣйствовать попыткѣ министерства". На этихъ митингахъ выражалось негодованіе по поводу нанесеннаго королю оскорбленія и отрицалась какая-либо связь съ виновникомъ его, вотировались петиціи противъ билля. Такихъ петицій было представлено отъ различныхъ мѣстностей 94 съ 130.000 подписями. Любопытно, что министры и ихъ сторонники сами въ широкой мѣрѣ прибѣгали къ тому же орудію, противъ котораго ратовали, дѣятельно организуя митинги съ цѣлью поддержанія ограничительныхъ биллей.

Въ теченіе шести недѣль продолжалась эта агитація, давшая во всякомъ случаѣ убѣдительное доказательство того, что въ обществѣ сильно укоренилась привычка къ публичнымъ митингамъ, которые сдѣлались обычною и очень популярною формою выраженія общественнаго мнѣнія. Но при томъ сплоченномъ большинствѣ, которымъ министерство располагало въ парламентѣ, всякая оппозиція биллямъ была безплодна, и билли вскорѣ же сдѣлались „актами".

Со вступленіемъ этихъ актовъ въ силу, политическая жизнь въ Англіи замерла, будучи сдавлена въ такіе грозные тиски, при которыхъ она не могла свободно развиваться. Тиски эти, правда, были временные, но, вступивши на путь реакціи, правительство стало пользоваться малѣйшимъ поводомъ для того, чтобы проводить все новыя и новыя исключительныя мѣры. Въ 1798 г. истекалъ срокъ дѣйствія акта о митингахъ, но зато въ этомъ же году снова пріостановленъ былъ „Habeas-Corpus-Актъ", мотивомъ къ чему послужили, однако, не внутреннія движенія, а опасеніе вторженія французовъ въ Ирландію. Въ слѣдующемъ году пріостановка его продлена на новый срокъ, и сверхъ того изданъ былъ спеціальный актъ объ обществахъ, которымъ существовавшія политическія ассоціаціи были объявлены противозаконными, а образованіе новыхъ ассоціацій было сдѣлано фактически невозможнымъ. Когда же въ 1801 году снова оживились публичные митинги, Питтъ опять провелъ пріостановку „Habeas-

Corpus-Акта" и добился возобновленія акта 1795 г. противъ митинговъ.

Первые годы новаго XIX-го столѣтія были эпохою затишья внутреннихъ политическихъ движеній, отчасти вслѣдствіе крутой политики реакціоннаго министерства, отчасти же потому, что это былъ періодъ продолжительныхъ войнъ, отвлекавшихъ вниманіе общества отъ внутреннихъ интересовъ. Исторія публичныхъ митинговъ за этотъ періодъ сводится лишь къ избирательной борьбѣ, которая въ эпохи общихъ выборовъ начинала принимать все болѣе оживленный характеръ, частью же къ отдѣльнымъ вспышкамъ общественнаго мнѣнія по поводу какихъ-либо выдающихся событій. Таково, напр., движеніе 1805 г., вызванное разоблаченіемъ злоупотребленій по отношенію къ казеннымъ суммамъ одного изъ членовъ министерства, лорда Мельвилля, занимавшаго должность перваго лорда адмиралтейства и казначея флота. На многочисленныхъ митингахъ, организованныхъ въ Лондонѣ и провинціи, приняты были петиціи о преслѣдованіи Мельвилля, и на этотъ разъ палата общинъ дѣйствовала въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ, заслуживъ отъ него выраженіе признательности за свой образъ дѣйствій. Подобное же движеніе повторилось и въ 1809 году, когда такія же многочисленные митинги выразили глубокое негодованіе сначала по поводу злоупотребленій сына короля, герцога іоркскаго, въ качествѣ главнокомандующаго арміей, а затѣмъ по поводу дѣйствій двухъ министровъ, лорда Кэстльри и Персеваля, которые были уличены въ незаконной денежной сдѣлкѣ при избраніи одного депутата. Всѣ эти разоблаченія, сдѣлавшись предметомъ горячаго обсужденія на публичныхъ митингахъ, произвели очень сильное впечатлѣніе и дали новый аргументъ въ пользу требованій парламентской реформы, которая только одна могла помочь удаленію подобныхъ злоупотребленій.

Съ новою силою движеніе въ пользу реформы вспыхнуло въ 1816 году, когда парламенту представлена была масса петицій, подъ которыми въ общемъ было не менѣе полумилліона подписей. Это новое движеніе велось съ большимъ оживленіемъ и съ небывалою ясностью показало всю грозную силу общественнаго мнѣнія въ Англіи. И неизвѣстно, къ какимъ результатамъ привело бы оно, еслибы не повторился тотъ же печальный эпизодъ, который въ 1795 г. далъ поводъ къ изданію исключительныхъ актовъ: когда въ январѣ 1817 года принцъ-регентъ (король Георгъ III былъ въ то время серьезно боленъ) возвращался изъ палаты лордовъ по открытіи сессіи, брошенный кѣмъ-то камень выбилъ окно его

кареты. Враги реформы не преминули воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы снова забить тревогу объ угрожающемъ будто бы открытомъ возстаніи, и въ доказательство основательности этихъ опасеній указывали на собраніе въ Лондонѣ делегатовъ отъ многихъ мѣстностей, посланныхъ для поддержанія петицій. Въ обѣихъ палатахъ парламента снова были образованы секретные комитеты, представившіе самые тревожные доклады. Комитетъ нижней палаты считалъ несомнѣннымъ, „что въ столицѣ организованъ измѣннический заговоръ съ цѣлью ниспроверженія, путемъ общаго возстанія, существующаго правительства, законовъ о конституціи королевства... и что такія намѣренія не ограничиваются столицею, но широко распространены и во многихъ другихъ частяхъ Великобританіи, особенно же въ болѣе населенныхъ промышленныхъ округахъ". Комитетъ палаты лордовъ приписывалъ всѣ эти разрушительные планы различнымъ обществамъ, распространившимся по странѣ подъ названіемъ „Hampden Clubs", „Union Clubs" и др., а также публичнымъ митингамъ, благодаря которымъ „умы благожелательныхъ и мирныхъ подданныхъ его величества поддерживаются въ состояніи безпрерывнаго возбужденія".

Основываясь на этихъ докладахъ, министерство лорда Ливерпуля провело четыре исключительныхъ акта, въ числѣ которыхъ находились актъ о пріостановкѣ Habeas-Corpus и новый спеціальный законъ о митингахъ, аналогичный съ актомъ 1795 г. Срокомъ дѣйствія его назначенъ конецъ іюля 1818 года.

На этотъ разъ, однако, политическое затишье было нарушено ранѣе, чѣмъ въ прошлый разъ. Дѣятельная агитація въ пользу реформы продолжалась и при дѣйствіи исключительныхъ законовъ, хотя подъ вліяніемъ ихъ она велась съ бо́льшею осторожностью: публичные митинги съ значительнымъ числомъ участниковъ были невозможны, но петиціи подавались усердно, хотя и за подписями не болѣе 20 лицъ каждая. Когда же, по минованіи срока дѣйствія исключительныхъ актовъ, а именно 1-го іюля 1819 г., Бёрдеттъ снова выступилъ въ парламентѣ съ предложеніемъ о парламентской реформѣ, и когда оно было опять-таки отвергнуто большинствомъ 153 голосовъ противъ 58,—движеніе общественнаго мнѣнія возгорѣлось съ новою силою. Изъ разнообразныхъ проявленій его особенно любопытенъ митингъ въ Бирмингамѣ, 12-го іюля 1819 г., созванный „съ цѣлью обсудить лучшіе способы добиться представительства въ парламентѣ этого города, а также и всѣхъ непредставленныхъ жителей имперіи". На этомъ митингѣ, въ которомъ участвовало до 25.000

чел., рѣшено было, что такъ какъ Бирмингамъ не имѣетъ представителя и парламентъ не желаетъ дать ему его, то лучше всего будетъ, чтобы, не взирая на парламентъ, Бирмингамъ самъ послалъ отъ себя своего представителя. Этотъ случай служитъ хорошею иллюстраціей того отчаянія, какое начинало овладѣвать народомъ при видѣ безплодныхъ ожиданій получить реформу отъ самого парламента. Вскорѣ послѣ этого въ Лондонѣ состоялся грандіозный митингъ, въ которомъ участвовало до 70.000 чел.; оживленная агитація происходила и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Правительство рѣшило положить ей предѣлъ, и 30-го іюля отъ имени принца-регента издана была прокламація, въ которой указывалось на митингъ въ Бирмингамѣ и дѣлалось предостереженіе относительно какихъ-либо новыхъ попытокъ къ возмущенію, а всѣмъ должностнымъ лицамъ предписывалось принимать рѣшительныя мѣры къ судебному преслѣдованію „всѣхъ тѣхъ, кто будетъ повиненъ въ произнесеніи мятежныхъ рѣчей". Но прокламація эта, не имѣя силы закона, не оказала никакого дѣйствія. Митинги продолжались, причемъ, къ немалой досадѣ сторонниковъ реакціи, они велись съ полнымъ соблюденіемъ порядка и законныхъ условій. Не разъ ими дѣлались попытки искусственно вызвать безпорядки, но онѣ долго оставались безуспѣшными, пока наконецъ это не удалось на „историческомъ" митингѣ въ Манчестерѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „Петерлоо" (16 авг. 1819 г.). На этотъ многолюдный (отъ 60.000 до 80.000 чел.) митингъ, который велся съ большимъ порядкомъ, безъ всякаго видимаго основанія посланъ былъ отрядъ кавалеріи, который ворвался въ безоружную толпу и вызвалъ смятеніе, имѣвшее въ результатѣ 11 человѣкъ убитыхъ и около 500 раненыхъ. Это ничѣмъ не вызванное насиліе произвело во всей странѣ очень сильное впечатлѣніе, выразившееся въ безчисленномъ рядѣ митинговъ негодованія, созванныхъ въ теченіе сентября, октября и ноября. Отличительными чертами ихъ были безусловный порядокъ (только два митинга въ Шотландіи сопровождались безпорядками) и участіе въ нихъ представителей не только низшихъ и среднихъ, но и высшихъ слоевъ общества. Въ видѣ примѣра можно указать хотя бы на герцога норфолькскаго, который на митингѣ въ Іоркѣ предложилъ вотировать слѣдующія резолюціи: „что право собираться на митинги для разсмотрѣнія какихъ-либо общественныхъ вопросовъ составляетъ несомнѣнное право народа, что насильственное, съ помощью войска, разсѣяніе мирнаго митинга, законно созваннаго, составляетъ нарушеніе закона и прискорбное посягательство на народныя права, что извѣстіе о вне-

запномъ нападеніи военной силы на митингъ въ Манчестерѣ вызвало непритворное безпокойство въ собравшихся, которые глубоко поражены и сожалѣютъ, что по совѣту своихъ министровъ регентъ далъ свое королевское одобреніе этому вмѣшательству военной силы, вслѣдствіе чего они просятъ парламентъ разслѣдовать указанныя обстоятельства".

Въ концѣ ноября открыта была сессія парламента. Тронная рѣчь возвѣщала о „новыхъ мятежническихъ проявленіяхъ", о „явно враждебномъ конституціи духѣ", выражающемся „въ стремленіяхъ не только къ измѣненію политическихъ учрежденій, составлявшихъ гордость и оплотъ страны", но и къ полному ниспроверженію всего общественнаго порядка; вслѣдствіе этого тронная рѣчь приглашала парламентъ къ изысканію „такихъ мѣръ, которыя могли бы оказаться пригодными къ уничтоженію системы, угрожающей, если она не будетъ подавлена, смятеніемъ и гибелью націи". Первымъ актомъ парламента былъ отказъ разслѣдовать печальное событіе въ Манчестерѣ, а затѣмъ приступлено было и къ главной задачѣ, возвѣщенной въ рѣчи—выработкѣ исключительныхъ мѣръ. Реакціонное направленіе развивалось crescendo; тогда какъ въ 1795 г. вотированы были два чрезвычайныхъ акта, а въ 1817 г.—четыре, теперь на разсмотрѣніе парламента представлено было шесть актовъ. Изъ нихъ по отношенію къ публичнымъ митингамъ имѣетъ особенное значеніе „Seditious Meetings and Assemblies Prevention Act", который въ основѣ своей воспроизводилъ прежнія ограничительныя мѣры, съ прибавленіемъ новыхъ предупредительныхъ стѣсненій. На этотъ разъ правительство имѣло въ виду придать этому акту силу постояннаго закона, но послѣ продолжительныхъ преній уступило, и въ окончательной редакціи актъ о митингахъ былъ вотированъ на пятилѣтній срокъ, до половины 1825 года.

Этотъ актъ явился послѣднею попыткою ограничить право публичныхъ митинговъ, которое съ истеченіемъ въ 1825 г. срока дѣйствія исключительнаго акта 1819 г. уже не встрѣчало никакихъ существенныхъ стѣсненій. Имѣя въ виду показать, въ послѣдующихъ главахъ, какимъ дѣятельнымъ факторомъ явилось это право въ новѣйшемъ политическомъ развитіи Англіи, начиная съ 30-хъ годовъ нашего вѣка, мы ограничимся теперь общими заключеніями, къ какимъ Джефсонъ приходитъ въ результатѣ изученія разсмотрѣнной имъ эпохи, обнимаемой продолжительнымъ, шестидесятилѣтнимъ царствованіемъ Георга III (1760—1820 г.).

„29-го января 1820 года, т.-е. черезъ нѣсколько недѣль послѣ третьяго опыта упразднить „платформу“ законодательною мѣрою,—говоритъ Джефсонъ,—престарѣлый король, царствовавшій въ теченіе шестидесяти лѣтъ, скончался. Еслибы онъ былъ способенъ понимать [1]), что̀ происходило вокругъ него, то на закатѣ дней своихъ онъ могъ бы утѣшиться и успокоиться, видя, что врагъ, съ которымъ онъ такъ часто боролся, лежалъ связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Не разъ съ тѣхъ давно минувшихъ дней, какъ миддльсекскими избирателями сдѣланъ былъ вызовъ на борьбу, онъ одерживалъ въ ней временныя побѣды, но врагъ его снова и снова поднимался съ обновленными и все возростающими силами. Теперь, однако, онъ опять лежалъ безпомощный и неподвижный, скованный цѣпями еще болѣе крѣпкими, чѣмъ прежде... Царствованіе Георга III было эпохою знаменательною. Въ теченіе тѣхъ шестидесяти лѣтъ, которыя онъ занималъ свой тронъ, демократія, имѣвшая въ немъ самаго ожесточеннаго ненавистника, вылилась на вѣчныя времена въ республиканскую конституцію Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и возвѣщена была европейскому міру въ французскую революцію; въ эти же годы и страна, которою онъ правилъ, также мало-по-малу прониклась демократическими идеями, и новыя поколѣнія выростали въ несравненно болѣе широкихъ идеалахъ и благородныхъ принципахъ, чѣмъ господствовавшіе ранѣе. Ему и его министрамъ удавалось, хотя и съ все болѣе возроставшими трудностями, задерживать внѣшнія видимыя проявленія демократіи, но внутренняя духовная сила ея была имъ недоступна. Употребивъ крайнее отчаянное усиліе, они попытались сломить „платформу“, заставивъ ее смолкнуть, но она уже обладала несокрушимою жизненностью и уничтожить ее совсѣмъ — было свыше ихъ силъ. То, что̀ было нѣжно и слабо, когда онъ вступалъ на тронъ, сдѣлалось теперь сильнымъ и могущественнымъ; то, что̀ было прежде лишь неопредѣленною склонностью, развилось въ опредѣленное, непреложное стремленіе; зародыши выросли въ крѣпкія деревья, и теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, въ англійскомъ народѣ упрочилось стремленіе къ публичнымъ митингамъ и свободѣ публичнаго слова“.

Анализируя причины всего этого, Джефсонъ дѣлитъ ихъ на двѣ категоріи—во-первыхъ, причины интеллектуальныя и моральныя, во-вторыхъ, факторы матеріальные, физическіе. Совокупность первыхъ обнимается широкимъ явленіемъ успѣховъ просвѣщенія, умствен-

---

[1]) Георгъ III въ послѣдніе годы своего царствованія впалъ въ неизлечимое умопомѣшательство.

наго развитія въ массахъ населенія, среди котораго зародились стремленія къ бо̀льшей свободѣ, къ бо̀льшему равенству, окрѣпло сознаніе своихъ правъ на участіе въ политической жизни. Въ качествѣ иллюстраціи настроенія общественнаго мнѣнія въ началѣ XIX-го вѣка, Джефсонъ приводитъ рядъ интересныхъ цитатъ изъ разныхъ о̀рганов (и притомъ различнаго направленія) періодической литературы той эпохи. Вотъ что̀, напр., говорилъ въ январѣ 1820 года „Quarterly Review", одинъ изъ главныхъ о̀рга-новъ консервативнаго торизма: „со временъ революціи 1688 г. общее развитіе народа замѣтно подвинулось, увеличилась сфера взаимныхъ отношеній между различными классами его и все болѣе и болѣе развивалась привычка обсуждать политическіе вопросы... Задержать въ сколько-нибудь чувствительной степени успѣхи просвѣщенія не могли ни министры, ни парламенты, какъ бы ни были они склонны преслѣдовать такую недостойную задачу. Ни только что изданные акты (упомянутые выше „шесть актовъ"), ни какія-либо иныя подобныя мѣры не будутъ въ силахъ остановить развитіе умственнаго просвѣщенія народа. Какъ нельзя капли дождя возвратить обратно въ то облако, изъ котораго онѣ выпали, такъ невозможно изъ глубины обширнаго и образованнаго общества вытравить всѣ тѣ потоки просвѣщенія, которые прорвались въ него, проникая во всѣ уголки и сливаясь съ каждымъ вновь появляющимся родникомъ". Аналогичныя мысли высказывались и съ другой стороны—о̀рганами виговъ. По словамъ „Edinbourgh Review" (декабрь 1818 г.), „число принимающихъ живой интересъ въ политическихъ дѣлахъ увеличивается съ доселѣ неслыханною быстротою. И не только они стали болѣе многочисленны, но и болѣе интеллигентны, болѣе смѣлы, болѣе активны". Другой прогрессивный о̀рганъ, „Examiner", писалъ въ 1823 г.: „Существуютъ великія причины, воздѣйствующія на общественное мнѣніе; но оно находится также подъ дѣйствіемъ болѣе мелкихъ, но постоянныхъ, почти ежедневныхъ, вліяній. Однимъ изъ первыхъ и наиболѣе очевидныхъ является ростъ просвѣщенія и сознательнаго мышленія въ обществѣ. Въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ этотъ ростъ совершался въ размѣрахъ чрезвычайныхъ. Въ людяхъ исчезаетъ безучастное отношеніе къ окружающему; они перестаютъ вѣрить въ необходимость существующаго только потому, что это существуетъ. Они вглядываются, вдумываются, анализируютъ. Развитіе просвѣщенія дало имъ нужныя для этого средства, и они готовы воспользоваться ими вполнѣ". По словамъ такого же о̀ргана, „Scotsman", „въ низшихъ и среднихъ слояхъ народа въ послѣднія тридцать лѣтъ

замѣтны поразительные успѣхи умственнаго развитія. Народъ ужеересталъ быть невѣжественною массою; у него есть не однѣ физическія потребности, но и умственные и нравственные запросы".

Этому уровню культурнаго развитія уже не отвѣчали тогдашнія политическія условія, устранявшія отъ участія въ политической жизни новые классы общества, созданные прогрессомъ матеріальнымъ, успѣхами промышленности. Быстро возростая въ числѣ своемъ и пріобрѣтая все бо̀льшее вліяніе въ соціально-экономической жизни Англіи, эти классы не могли и не хотѣли оставаться равнодушными зрителями совершающагося вокругъ нихъ; сознавая свою силу и свои права, они стремились выйти изъ своего пассивнаго положенія и получить принадлежащую имъ по праву долю вліянія на ходъ дѣлъ въ странѣ. Вотъ на почвѣ этихъ стремленій и потребностей и возникли тѣ общественныя движенія, которыя наполняютъ собою исторію Англіи, начиная съ второй половины XVIII вѣка.

Главнымъ орудіемъ этихъ движеній являлись публичные митинги, встрѣчавшіе большую поддержку въ другомъ не менѣе важномъ факторѣ и выразителѣ общественнаго мнѣнія — печати. И чѣмъ далѣе развивался процессъ демократизаціи англійскаго общества, тѣмъ все бо̀льшее значеніе пріобрѣтали митинги. Тогда какъ сто лѣтъ тому назадъ политическое собраніе составляло въ Англіи фактъ изъ ряда выходящій и принимало характеръ настоящаго событія,—съ теченіемъ времени митинги сдѣлались нынѣ явленіями обычными: изъ всѣхъ движеній прошлаго столѣтія число митинговъ въ эпоху борьбы противъ „двухъ актовъ" 1795 г. было наиболѣе значительно, но это движеніе по своимъ размѣрамъ не можетъ быть и сравниваемо съ агитаціями 1816 и 1819 годовъ. Не далѣе, какъ въ 1769 г. Эдмундъ Боркъ говорилъ о митингѣ, на которомъ участвовало не менѣе 400 человѣкъ, какъ объ очень многолюдномъ собраніи; между тѣмъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ нерѣдки были митинги съ десятками тысячъ участниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ общественныя движенія становились все болѣе частыми, что̀ свидѣтельствуетъ объ усиливавшемся вниманіи населенія къ событіямъ и интересамъ политической жизни. Тогда какъ первое серьезное движеніе по поводу миддльсекскаго избранія отдѣляется отъ слѣдующей затѣмъ агитаціи 1780 г., а эта послѣдняя отъ движенія въ эпоху французской революціи—цѣлыми десятками лѣтъ, — позднѣйшія движенія слѣдуютъ одно за другимъ съ значительно мѐньшими промежутками.

О возроставшей силѣ общественнаго мнѣнія въ Англіи можно судить и по тому вліянію, какое оно стало оказывать на парламентъ. Признаніе этой силы все чаще слышится въ дебатахъ самой палаты общинъ. „Положеніе общества,—говорилъ въ 1819 г. членъ этой палаты Плонкетъ, — въ теченіе послѣднихъ двадцати, тридцати лѣтъ подверглось болѣе значительной перемѣнѣ, чѣмъ за весь періодъ со времени завоеванія. Въ этотъ небольшой промежутокъ времени общественное вниманіе въ неслыханной доселѣ степени сосредоточивалось на разсмотрѣніи всевозможныхъ вопросовъ управленія. И по самымъ разнообразнымъ предметамъ въ области гражданской, политической и религіозной пролито столько свѣта, что многія мѣропріятія разсматриваются теперь съ такою обстоятельностью, которой прежде нельзя было и ожидать". Въ томъ же году Каннингъ съ парламентской трибуны призналъ, что въ Англіи „общественное мнѣніе обладаетъ теперь вдесятеро бо́льшею силою, чѣмъ прежде, и оно, будучи выражаемо надлежащими о́рганами, сильно воздѣйствуетъ на законодательство и управленіе, на образъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ и на самыя занятія обѣихъ палатъ парламента".

На ряду съ факторами, благопріятствовавшими развитію „платформы", Джефсонъ указываетъ и нѣкоторыя причины, тормазившія ее. На первомъ планѣ стоитъ отсутствіе надлежащей организаціи, которая и не могла, впрочемъ, явиться, особенно при дѣйствіи акта 1799 г. противъ всякаго рода политическихъ ассоціацій и при столь частыхъ отмѣнахъ „Habeas - Corpus-Акта", облекавшихъ администрацію широкими предупредительными полномочіями. Другимъ важнымъ обстоятельствомъ, дѣйствовавшимъ во вредъ публичнымъ митингамъ, было пренебрежительное (особенно со времени французской революціи) отношеніе къ нимъ высшихъ классовъ и большинства политическихъ дѣятелей. Изъ числа послѣднихъ лишь немногіе, какъ Боркъ, Фоксъ, Шельбурнъ и затѣмъ Каннингъ, находили нужнымъ выступать передъ публичными митингами. Въ огромномъ же большинствѣ лица, занимавшія министерскіе посты, не выносили своей дѣятельности за предѣлы парламента. Питтъ за всю свою продолжительную политическую карьеру не участвовалъ ни на одномъ митингѣ, и только дважды произнесъ публично и внѣ парламента нѣсколько словъ въ отвѣтъ на обращенныя къ нему привѣтствія—въ 1784 г., по поводу избранія его почетнымъ гражданиномъ Лондона, и въ 1805 г., на банкетѣ у лорда-мэра.

Но уже въ теченіе этого самаго періода замѣтна реакція

противъ такой безучастности, которая мало-по-малу смѣнилась живымъ участіемъ и высшихъ классовъ, и особенно выдающихся политическихъ дѣятелей въ борьбѣ различныхъ направленій и теченій общественнаго мнѣнія. Это не мало помогло устраненію и другого неблагопріятнаго обстоятельства — отсутствія организаціи „платформы", которая въ послѣдній періодъ англійской исторіи развивалась, не стѣсняемая уже ничѣмъ, и благодаря тому оказала и оказываетъ рѣшительное вліяніе на весь строй жизни современной намъ Англіи.

В. Дерюжинскій.

* * *

чать всѣ слова и рѣчи,
твъ отливъ или прибой,
іствомъ нездѣшней нашей встрѣчи,
іною, недвижною судьбой!

южномъ мірѣ какъ ты лжива!
ювъ ты—живой обманъ!
гь со мной, онъ—мой, тотъ мигъ счастливый,
гь весь земной туманъ!

і не вѣришь этой встрѣчѣ:
—не спорю я съ тобой...
чать всѣ слова и рѣчи
іною, недвижною судьбой!

---

* * *

Милый другъ, не вѣрю я нисколько
Ни словамъ твоимъ, ни чувствамъ, ни глазамъ, —
И себѣ не вѣрю, — вѣрю только
Въ высотѣ сіяющимъ звѣздамъ.

Эти звѣзды мнѣ стезёю млечной
Насылаютъ вѣрныя мечты
И ростятъ въ пустынѣ безконечной
Для меня роскошные цвѣты.

И межъ тѣхъ цвѣтовъ, въ томъ вѣчномъ лѣтѣ,
Серебромъ лазурнымъ облита,
Неизмѣнна ты, и въ звѣздномъ свѣтѣ
Какъ любовь свободна и чиста!

Владиміръ Соловьевъ.

ВЪ СОРОЧКѢ РОДИЛСЯ

Романъ, соч. Фр. Шпильгагена.

— Sonntagskind, Roman in sechs Büchern, v. Fr. Spielhagen. Berlin, 1893.

КНИГА ВТОРАЯ *).

I.

Изабелла, приглашая Юста на свои именины въ зàмокъ, совсѣмъ нечаянно проболталась о настоящей причинѣ этого приглашенія. Она охотно взяла бы свои слова назадъ... Она сейчасъ же увидѣла, какое дурное впечатлѣніе они произвели на Юста! Но слово не воробей: вылетитъ—не поймаешь. Поцѣлуемъ она загладила свою оплошность и вывела нравоученіе для себя: въ другой разъ держать языкъ за зубами.

Она, конечно, сказала правду: въ зàмкѣ всѣ носили ее на рукахъ, но не слѣдовало имъ думать, что она оттого возгордилась. Вѣрнымъ чутьемъ она поняла, что въ этомъ—ключъ къ ея позиціи. Только такъ могла она навѣрняка разсчитывать на тайное поклоненіе стараго графа, на болѣе открытое ухаживаніе молодого графа и комплименты бѣлокураго барона Шёнау; только такъ поддерживалась сердечная привязанность, съ какой относилась къ ней, какъ къ сестрѣ, графиня Сивилла, дружеское отношеніе обѣихъ гувернантокъ, педантическую вѣжливость доктора Мюллера и вниманіе всѣхъ слугъ и служанокъ. Поэтому она

*) См. выше: янв., 297 стр.

усвоила себѣ особенный взглядъ съ полуопущенными рѣсницами, которыя она приподнимала, когда хотѣла чего-нибудь выпросить или же считала нужнымъ кого-нибудь за что-нибудь поблагодарить. И опытъ показалъ ей, что это простое средство дѣйствовало неотразимо. Точно такъ она выработала себѣ тихій голосъ и скромный смѣхъ, скорѣе усмѣшку. Послѣднее было ей особенно трудно: она любила похохотать отъ души, а здѣсь въ зàмкѣ было столько забавнаго. Про себя она потѣшалась рѣшительно надо всѣми и пуще всего надъ собой, надъ комедіей, которую она ежечасно, ежедневно разыгрывала съ утра до ночи. Но при этомъ случалось, что она выходила изъ роли, и такъ это было и въ тотъ знаменательный вечеръ. Конечно, ее только забавляли яростные упреки въ кокетствѣ съ бѣлокурымъ барономъ, которые ей пришлось выслушать на обратномъ пути отъ Армана; но иное дѣло, когда графиня Сивилла, прежде чѣмъ лечь спать, на минутку задержала ее и дружески замѣтила, что она была недостаточно привѣтлива съ школьнымъ товарищемъ и даже совсѣмъ непривѣтлива.

— Онъ очевидно милый, добрый юноша, и у него такіе честные, умные глаза,—говорила графиня Сивилла. — Я многое бы дала, чтобы папа не предлагалъ ему денегъ. Это папа нехорошо сдѣлалъ, и мнѣ такъ жаль было бѣднаго, когда онъ въ безпомощномъ смущеніи то блѣднѣлъ, то краснѣлъ.

Надъ этими словами Изабелла серьезно призадумалась, прежде чѣмъ заснула, и рѣшила воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы исправить свою ошибку.

Случай представился на слѣдующее же утро—и болѣе благопріятный, чѣмъ она могла мечтать. Она вступилась за обиженнаго пріятеля и съ такимъ мужествомъ и тактомъ, что могла себя поздравить. Въ душѣ она весьма серьезно задала себѣ вопросъ: дѣйствительно ли она привела бы въ исполненіе свою угрозу и ушла бы изъ зàмка тутъ же, еслибы дѣло дошло до крайности и графъ выполнилъ угрозу прогнать отца Юста?

На зàмокъ она уже привыкла смотрѣть какъ на единственное достойное ей жилище. Людей, жившихъ въ немъ, она брала лишь въ придачу; но зàмокъ ей былъ нуженъ. Ей казалось иногда, что онъ собственно для нея такъ красиво выстроенъ, съ такими великолѣпными залами и удобными покоями, широкими террассами и прудомъ, чуднымъ паркомъ съ обширными лужайками, между которыхъ извивались безконечныя дорожки, и гдѣ такъ пріятно было ѣздить верхомъ. Вѣдь она уже и ѣздить верхомъ научилась; да ей и учиться-то почти не пришлось, такъ

какъ, по словамъ восхищеннаго графскаго шталмейстера, дававшаго ей уроки, она родилась наѣздницей. И графъ подтвердилъ это. Онъ не хотѣлъ больше ѣздить иначе какъ съ Изабеллой верхомъ на арабскомъ конѣ, подаренномъ имъ, и очень не любилъ, когда къ нимъ присоединялись другіе господа. Всѣхъ больше стѣснялъ его Арманъ, и онъ старался держать его поодаль; это опять возбуждало бѣшеный гнѣвъ Армана и необыкновенно какъ забавляло Изабеллу, открывшую въ ревности между отцомъ и сыномъ неисчерпаемый источникъ для потѣхи.

Послѣ достопамятной сцены въ шатрѣ къ этой забавѣ примѣшался новый элементъ. Отецъ и сынъ, не переставая ревновать Изабеллу другъ къ другу, ревновали ее теперь также и къ Юсту. Ея мужественное заступничество за товарища дѣтскихъ игръ произвело сильное впечатлѣніе на графа. Онъ, съ своей стороны, былъ убѣжденъ, что не уступи онъ ей, она бы не осталась и одного дня въ замкѣ. Она, значитъ, очень сильно любила этого юношу. Оно было и досадно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и забавно, такъ какъ позволяло ему дразнить Армана, и онъ усердно этимъ занимался; онъ хвалилъ Изабеллу за то, что она заступилась за сына лѣсничаго, который въ свою очередь тоже велъ себя умно и скромно и вмѣстѣ съ тѣмъ хладнокровно и храбро въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ: его можно было поставить въ примѣръ всѣмъ другимъ юношамъ. Нѣсколько дней спустя, катаясь съ Изабеллой въ лѣсу, въ то время, какъ грумъ почтительно слѣдовалъ на нѣкоторомъ разстояніи, онъ удивилъ Изабеллу вопросомъ: что̀ она скажетъ, если онъ приведетъ въ исполненіе мысль, высказанную имъ въ то утро, и возьметъ Юста въ за̀мокъ?

Онъ спросилъ сначала только потому, что хотѣлъ видѣть, какое это произведетъ впечатлѣніе на Изабеллу, и былъ въ восхищеніи, когда она совершенно спокойно и хладнокровно замѣтила, что объ этомъ надо сначала очень поразмыслить.

— Разумѣется,—отвѣчалъ графъ:—есть обстоятельства, говорящія въ пользу этого проекта, но еще больше такихъ, которыя говорятъ противъ того.

И сталъ развивать свою мысль, точно говорилъ съ старой опытной пріятельницей, а не съ дѣвочкой.

Онъ долженъ что-нибудь предпринять, чтобы поощрить Армана, далеко отставшаго отъ своихъ сверстниковъ, къ занятіямъ. Уже два раза пытался онъ помѣстить его, подъ опекой доктора Мюллера, въ гимназію. Въ первый разъ его продержали два мѣсяца; во второй—отослали домой, чтобы не сказать: выгнали—уже черезъ

двѣ недѣли. При этомъ Арманъ отнюдь не глупъ, а только лѣнивъ, дерзокъ, высокомѣренъ, enfin—непокладливъ. Съ своей стороны, онъ не противъ того, чтобы Арманъ былъ военнымъ, какъ онъ забралъ себѣ это въ голову и чего страстно желаетъ графиня, которая, какъ извѣстно, хочетъ всего того, чтò хочетъ Арманъ. Это, конечно, великая глупость, можно сказать—почти преступленіе въ виду громадной отвѣтственности передъ тысячами людей, которую Арманъ рано или поздно на себя приметъ. Такая будущность налагаетъ обязанность пріобрѣсти сначала кое-какія знанія въ школѣ и университетѣ, какъ ему и самому пришлось сдѣлать въ свое время. Но на Армана плоха надежда. Между тѣмъ всякій, кто хочетъ быть офицеромъ, долженъ въ наше время пріобрѣсти порядочное образованіе, иначе не видать ему эполетъ; а если Арманъ будетъ и дальше такъ лѣниться, то сомнительно даже, чтобы онъ выдержалъ экзаменъ на вольноопредѣляющагося. Что-нибудь надо сдѣлать, и вотъ онъ подумалъ объ Юстѣ Арнольдѣ. Годъ, проведенный въ обществѣ такого прилежнаго и умнаго юноши, принесетъ больше пользы Арману, чѣмъ три года частныхъ занятій съ докторомъ Мюллеромъ. Но онъ, графъ, ничего не предприметъ, прежде чѣмъ не убѣдиться въ одобреніи Изабеллы. Пусть она совершенно откровенно выскажетъ ему свое мнѣніе.

Изабелла готова была поклясться, что длинная рѣчь заключится этимъ вопросомъ, и въ то время, какъ они шагомъ ѣхали по песчанистой лѣсной дорогѣ, она успѣла обдумать свой отвѣтъ. Прежде чѣмъ графъ договорилъ, ей стало ясно, что благоразуміе совѣтуетъ ей не высказывать безусловно ни одобренія, ни неодобренія. Не слѣдовало давать поводъ думать, что она не можетъ жить безъ Юста; точно также не должна была она выходить изъ роли покровительницы стариннаго школьнаго товарища, принятой ею на себя въ глазахъ графа и всей семьи. Что Юстъ не годится для зàмка, и если даже и приметъ приглашеніе, то не долго въ немъ пробудетъ—было для нея ясно. Но отчего не допустить такого опыта? Такой опытъ будетъ даже забавенъ. Въ заключеніе,—хотя она и морочила Юста и собиралась морочить дальше, но она все-же любила его гораздо больше, чѣмъ всѣхъ здѣсь, и часто ей хотѣлось, чтобы онъ былъ съ ней —и не затѣмъ только, чтобы помочь ей приготовить уроки, задаваемые миссъ Броунъ или m-lle Марго. Отвѣтъ, данный ею теперь, былъ результатомъ этого быстраго и вѣрнаго разсчета. Графъ удивительно добръ, что спрашиваетъ ея мнѣнія, какъ будто оно дѣйствительно могло что-нибудь значить. Но что же ей ска-

зать? Юстъ, конечно, славный и умный мальчикъ, но очень гордъ. Если она не ошибается, то графъ уже говорилъ Юсту о своемъ желаніи пригласить его въ зâмокъ, а Юстъ просилъ не настаивать на этомъ, ссылаясь на отца, который, конечно, еще болѣе гордъ, чѣмъ онъ. Сомнительно также, чтобы Арманъ ужился съ Юстомъ. При этомъ въ рукахъ Армана всегда будетъ возможность, разъ онъ найдетъ пребываніе Юста для себя неудобнымъ, сдѣлать такъ, чтобы и для Юста дальнѣйшее пребываніе въ зâмкѣ стало неудобнымъ. Важно также знать, какъ отнесутся къ дѣлу графиня и Сивилла.

— Мнѣ важно знать, какъ вы къ этому относитесь, фрейлейнъ Изабелла,—перебилъ ее графъ, придвигая къ ней близко своего коня и устремляя на красавицу сѣрые глаза съ своеобразнымъ выраженіемъ.

„Я могу дѣлать изъ него все, чтò хочу", — подумала Изабелла про себя, а громко сказала:

— Какъ могу я не желать Юсту того счастія, какое я нашла здѣсь, гдѣ всѣ такъ ко мнѣ добры и любезны!

— Ну, такъ это рѣшенное дѣло!—вскричалъ графъ и придержалъ ея руку только затѣмъ, чтобы почувствовать въ своихъ рукахъ эту маленькую ручку. Онъ собирался нагнуться въ сѣдлѣ и поднести къ губамъ ручку, но вò-время вспомнилъ про грума, ѣхавшаго сзади. Онъ выпустилъ руку Изабеллы и сердито сказалъ:

— Пустимъ лошадей въ галопъ, хотите?

— Какъ вамъ угодно, графъ.

Съ этой минуты курьезная пара, заключивъ союзъ, стала приводить въ исполненіе задуманный планъ.

Графу было не особенно трудно убѣдить графиню въ огромныхъ преимуществахъ, которыя доставитъ Арману общество Юста. Доктора Мюллера, само собою разумѣется, пришлось взять въ повѣренные, и онъ восхитился идеей, долженствовавшей, казалось, облегчить ему нестерпимую почти должность преподавателя графа. Завербовать Сивиллу и Армана взялась Изабелла. Сивилла, послѣ первыхъ же словъ, обняла ее и сказала:

— Теперь я снова вижу, что моя умница Изабелла, вмѣстѣ съ тѣмъ, и добрая Изабелла, любящая своихъ друзей.

Съ Арманомъ сладить было не такъ-то легко. Она доказывала ему, что если онъ ревнуетъ ее къ барону Шёнау, то найдетъ лучшую гарантію въ присутствіи Юста: она такъ его уважаетъ, что не осмѣлится на его строгихъ глазахъ позволить себѣ что-либо легкомысленное, чтò, впрочемъ, и вообще не въ ея характерѣ.

— И вотъ еще что̀, Арманъ,—продолжала она аргументировать:—почему вашъ папа не хочетъ, чтобы мы гуляли вдвоемъ по парку верхомъ или пѣшкомъ,—я не знаю; но онъ этого не хочетъ и намъ никогда не удастся даже минуту поговорить свободно, какъ вотъ теперь. Но совсѣмъ иное дѣло, когда здѣсь будетъ Юстъ: противъ партіи втроемъ вашъ папа возставать не будетъ. И хотя съ вашей стороны чистое ребячество ревновать меня къ барону, но все-же это понятно потому, что онъ на десять лѣтъ старше васъ и самъ себѣ господинъ, можетъ дѣлать все, что̀ хочетъ, хотя бы даже просить моей руки, когда я выросту и надѣну платье со шлейфомъ. Но къ Юсту ревновать уже было бы безсмысленно: онъ годомъ моложе васъ и головой ниже и вполнѣ доволенъ тѣмъ, что я позволяю ему сочинять стихи въ мою честь.

Арманъ не былъ вполнѣ убѣжденъ. То, что̀ она говорила про барона, которому присутствіе Юста будетъ мѣшать, — ему нравилось. Но ему не было ясно, какая выгода произойдетъ для него самого отъ присутствія Юста. Онъ объявилъ это совершенно откровенно и съ ироніей, внутренно смутившей Изабеллу, а потому она нашла нужнымъ прибѣгнуть къ своему послѣднему аргументу. Она приподняла опущенныя рѣсницы, взглянула на собесѣдника темными, блестящими глазами и тихимъ голосомъ произнесла только одно слово:—Арманъ!

Это рѣшило побѣду по всей линіи, и послѣ того какъ Арманъ былъ разбитъ, приглашеніе Юсту переселиться въ за̀мокъ могло быть послано. Графъ, затѣявшій всю эту исторію единственно въ угоду Изабеллы, былъ въ большомъ затрудненіи. Нужно ли ему призвать дерзкаго лѣсничаго или Юста, или обоихъ вмѣстѣ въ за̀мокъ для объясненій? или лучше послать доктора Мюллера посредникомъ? или, наконецъ, написать? Изабелла и тутъ пришла на выручку.

— Графъ,—сказала она:—если осмѣлюсь посовѣтовать, то оставьте все это. Я увѣрена, что такъ ничего не выйдетъ. Юстъ робокъ, какъ птица. Я думаю, ему слѣдуетъ здѣсь побывать хоть разъ и увидѣть, какъ добры графъ съ графиней и всѣ здѣсь. На дняхъ, не дожидаясь вашего позволенія, я просила его придти поздравить меня съ именинами, какъ онъ это всегда дѣлалъ. Графиня Сивилла хочетъ въ этотъ день дать небольшой праздникъ, хотя я этого и не заслуживаю. Еслибы графъ съ графиней были такъ добры и пригласили его отъ своего имени, я увѣрена, онъ бы пришелъ, а тогда все уладится само собой.

— Вы умнѣйшая, маленькая... фея,—отвѣчалъ графъ.

Онъ хотѣлъ сказать „колдунья“, но въ послѣдній мигъ одумался.

Изабелла засмѣялась своей скромной усмѣшкой. Юстъ называлъ ее своей феей, скромный юноша съ голубыми, мечтательными глазами; а теперь ее такъ называетъ знатный графъ. И въ то время какъ онъ говорилъ это, въ сѣрыхъ глазахъ его опять мелькнуло то выраженіе, которое забавляло ее, но немножко и пугало. Если она и не фея, то все же, должно быть, въ ней нѣчто волшебное.

И вотъ какъ случилось, что слуга передалъ Юсту устное приглашеніе, а вчера для большей безопасности она написала ему записку и въ ней пригрозила своею немилостью, если онъ не придетъ.

Но она была убѣждена, что онъ придетъ. Немилость феи никому не захочется навлечь на себя, будь онъ богатый графъ или бѣдный сынъ лѣсничаго.

II.

— Ну, Юстъ, ну, сынокъ! что было вчера? разсказывай! разсказывай!

Дѣло происходило на другое утро послѣ праздника въ зàмкѣ. Патеръ Щончалла и его ученикъ сидѣли въ бѣдно убранномъ кабинетѣ нижняго этажа приходского дома: патеръ—на обтянутой черной волосяной матеріей софѣ, Юстъ — на кривомъ стулѣ у большого, непокрытаго и вѣчно трещавшаго круглаго стола, за которымъ онъ занимался. На немъ же патеръ завтракалъ къ великому ужасу Юста, такъ какъ остатки бутербродовъ и полуопорожненныя, клейкія, привлекавшія тучи мухъ, бутылки венгерскаго вина казались ему нестерпимымъ сосѣдствомъ для его чистенькихъ книгъ и тетрадей.

— Налей только мнѣ еще стаканчикъ, прежде чѣмъ начнешь разсказывать, Юстъ, мой сынокъ! — продолжалъ патеръ, такъ какъ Юстъ не тотчасъ отвѣчалъ.—Меня сегодня бьетъ лихорадка,—я думаю, отъ радости; а радость—отъ вчерашняго письма, полученнаго вечеромъ. Посмотри-ка! отъ Изабеллы, Юстъ, отъ нея! Да, мой другъ, да! когда я уже отказался отъ всякой надежды, оно и пришло. Поздненько, думаешь ты. Правда. Но я бы и безъ того не пошелъ туда, какъ ни соскучился по ней. Я разъ былъ тамъ и больше никогда не пойду. Я ей тамъ не нуженъ. Да и стыдится она меня. Да, да, она

стыдится меня. Но все же съ ея стороны мило, что она обо мнѣ подумала, душечка, ангелочекъ! Но разсказывай же, Юстъ, разсказывай, сынокъ! Успѣемъ заняться учебниками.

Патеръ опустилъ письмецо, которое нѣсколько разъ поцѣловалъ во время разсказа, въ карманъ рванаго халата, вытеръ глаза, глотнулъ изъ стакана, налитаго Юстомъ, и откинулся на спинку софы, приготовляясь слушать.

Юстъ все еще не отвѣчалъ. Онъ сидѣлъ, оперпись красивымъ лбомъ, съ котораго ниспадали темные волосы, на руку.

— Ну? —сказалъ патеръ съ добродушнымъ нетерпѣніемъ.

Юстъ поднялъ голову.

— Мнѣ кажется, ваше преподобіе, я видѣлъ все это во снѣ,— тихонько проговорилъ онъ.

— Но и сны можно разсказывать,—отвѣчалъ патеръ, прихлебывая изъ стакана:— въ особенности, когда они прекрасны, какъ твой навѣрное. Я тоже разъ или два въ жизни грезилъ. Давно оно было. Теперь я боюсь своихъ сновъ. Скорѣй же, Юстъ: ты видишь, какое меня беретъ нетерпѣніе услышать про нее. Что̀ тебѣ снилось?

Юстъ началъ разсказывать.

Въ назначенный часъ, ровно въ три часа, онъ пришелъ къ воротамъ за̀мка, которыя на этотъ разъ были открыты настежъ. Привратникъ не спрашивалъ его, куда и зачѣмъ онъ идетъ, даже почтительно поклонился и сообщилъ, что ему слѣдуетъ пройти въ главный подъѣздъ за̀мка. Онъ такъ и сдѣлалъ и былъ встрѣченъ въ сѣняхъ нѣсколькими слугами въ ливреяхъ; одинъ изъ нихъ провелъ его въ большую позолоченную дверь, которую отворилъ ему другой лакей, дежурившій у нея. Тогда онъ очутился въ залѣ, выше и обширнѣе церкви въ Эйзенгаммерѣ и такой прекрасной, что онъ не можетъ описать: все сверкаетъ золотомъ, съ чудными картинами въ широкихъ рамахъ на мраморныхъ стѣнахъ. По одну сторону находился большой, раскрытый настежъ балконъ, и изъ него видна была широкая терраса въ большомъ паркѣ, а оттуда доносилось въ залу благоуханіе цвѣтовъ и шумъ голосовъ, изъ чего онъ заключилъ, что общество находится на террассѣ, такъ какъ въ большой залѣ не было ни души.

— И вотъ я постоялъ въ нерѣшительности, — продолжалъ Юстъ,—но собрался съ духомъ и пошелъ по залѣ къ раскрытой двери, но не дошелъ до нея, какъ она вышла мнѣ на встрѣчу.

— Конечно!—сказалъ патеръ съ торжествомъ.—Въ чемъ она была одѣта?

— Не знаю, ваше преподобіе.

— Но ты въ самомъ дѣлѣ видѣлъ все это во снѣ, Юстъ!— вскричалъ патеръ, смѣясь.—Чтó же она говорила, Юстъ? чтó она сказала?

— „Я видѣла, какъ ты вошелъ въ залу",—сказала она поспѣшно и вполголоса:—„и побѣжала тебѣ на встрѣчу, чтобы поздороваться съ тобой и поблагодарить за то, что ты пришелъ". При этомъ она взяла меня за обѣ руки и глядѣла на меня такъ ласково и привѣтливо, и... и...

— Поцѣловала тебя! браво!

Юстъ покачалъ головой.

— Въ эту минуту вошли съ террассы графиня Сивилла, молодой графъ и еще двое-трое молодыхъ людей. Они поочередно протянули мнѣ руки и были очень привѣтливы, а графиня Сивилла сказала: „пойдемъ къ папà и мамà". И мы всѣ толпой вышли на террассу, гдѣ съ одной стороны, у шолковыхъ занавѣсокъ, стояло и сидѣло на легкихъ стульяхъ много дамъ и кавалеровъ. Графиня Сивилла подвела меня къ графинѣ-матери. Та полулежала въ качалкѣ и взглянула на насъ, когда мы подошли, въ лорнетъ...

— У нея красивые глаза,—пробормоталъ патеръ.

— Мнѣ они показались жесткими и неподвижными,—отвѣчалъ Юстъ.—Но когда мы остановились передъ ней и графиня Сивилла назвала меня по имени, графиня-мать слегка улыбнулась и протянула мнѣ руку...

— Которую ты, конечно, поцѣловалъ!

— Нѣтъ; зачѣмъ?

— Sancta simplicitas! — пробормоталъ патеръ, откидываясь въ уголъ дивана, откуда было-выдвинулся въ волненіи.—Ну, а Изабелла?

Юстъ разсказывалъ дальше, но разсказъ плохо подвигался, потому что патеръ безпрестанно перебивалъ его вопросомъ: „ну, а Изабелла?" Добраго человѣка ничего, повидимому, не интересовало въ разсказѣ Юста, кромѣ того, что касалось его возлюбленной Изабеллы: ни описанія параднаго обѣда въ большой столовой, ни катанье на лодкѣ и верхомъ молодежи послѣ обѣда, ни вечерняя поѣздка всѣмъ обществомъ, въ двадцати экипажахъ, въ развалины стараго зàмка въ лѣсу, освѣщеннаго бенгальскими огнями и казавшагося волшебнымъ; ни танцы молодыхъ людей, въ которыхъ принимали участіе и кое-кто изъ старшихъ, при свѣтѣ сотенъ восковыхъ свѣчей въ большой бальной залѣ. Патеръ находилъ страннымъ, что Юстъ не толковалъ только про

одну Изабеллу и даже, напротивъ того, въ его разсказѣ графиня Сивилла играла рѣшительно первенствующую роль. Юстъ не могъ нахвалиться любезностью молодой дѣвушки: она была такъ съ нимъ добра во все время, какъ длился праздникъ, и почти не отпускала отъ себя, называла ему имена гостей, указывала его вниманію то тò, то другое, такъ что, наконецъ, у него пропала вся застѣнчивость, и онъ чувствовалъ себя такъ ловко среди этихъ чужихъ и знатныхъ господъ, точно прожилъ съ ними всю жизнь.

Наконецъ, дошло до важнѣйшаго. Почти въ концѣ бала графиня отвела его въ сторону и сказала, что ея папа хочетъ съ нимъ переговорить, подвела его къ нему и шепнула: „если вы сдѣлаете то, чтò мой папа вамъ теперь предложитъ, то всѣхъ насъ очень обрадуете".

— Ну, а Изабелла?—спросилъ патеръ.

— Она мнѣ улыбнулась, когда мы проходили мимо, и это меня ободрило, такъ какъ, сознаюсь, ваше преподобіе, графа, который со мной трехъ словъ не сказалъ во весь вечеръ, я немножко боялся, памятуя о сценѣ въ шатрѣ парка въ субботу, четыре недѣли тому назадъ, и сердце у меня сильно билось. Это, конечно, ребячество, такъ какъ ясно, что, когда я вмѣстѣ съ графиней Сивиллой, ничего худого со мной не могло быть. Ну, а теперь я самъ хорошенько не знаю—худо это или хорошо.

— Святые угодники!—вскричалъ патеръ, не на шутку испугавшись выраженія внутренней борьбы на подвижномъ лицѣ Юста:—чтò такое случилось?

— Когда мы подошли къ графу,—продолжалъ Юстъ,—онъ говорилъ съ однимъ господиномъ, но тотчасъ же обратился къ намъ. „Вотъ я привела его къ тебѣ, папа",—сказала графиня.— „Хорошо,—отвѣчалъ графъ,—и если ты насъ теперь оставишь однихъ"...—„Я и хотѣла уйти",—сказала графиня. Она поцѣловала руку, которую протянулъ ей графъ.

— Видишь ли, Юстъ, какъ я былъ правъ!—перебилъ патеръ, съ тріумфомъ отодвигая отъ лба черную шапочку:—безъ того, чтобы не поцѣловать руки, дѣло не обходится. Ну, дальше, сынъ мой, дальше. Чтó онъ сказалъ?

— Онъ отвелъ меня въ глубокую оконную нишу и присѣлъ на подоконникъ, а я стоялъ передъ нимъ. „Какъ вамъ у насъ понравилось, сегодня?"—спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, во время котораго сердце у меня опять забилось.—Чтò же могъ я на это отвѣтить! я сказалъ:—у васъ великолѣпно, ваше сіятельство.—„Ну, такъ надѣюсь,—продолжалъ графъ,—что получу болѣе благопріятный отвѣтъ на мой второй вопросъ, чѣмъ намедни".

— Ого!—вскричалъ патеръ, снова надвигая на лобъ черную шапочку.—Онъ опять за свое?

— Да, ваше преподобіе! и говорилъ, что я никогда не раскаюсь въ своемъ согласіи, что онъ будетъ и впредь заботиться обо мнѣ, и отцу дадутъ лучшее мѣсто, какъ только оно освободится, и еще, и еще многое другое, чего я почти не разслушалъ, потому что все время, какъ онъ говорилъ, думалъ: ну, что-то я отвѣчу?

— Вѣрно, сынъ мой, вѣрно!—пробормоталъ патеръ.—Ахъ, еслибы тутъ присутствовала Изабелла!

— Она вдругъ очутилась около меня,—продолжалъ Юстъ, уставясь глазами въ пространство; — я не слыхалъ, какъ она подошла.—„Хочешь я отвѣчу за тебя, Юстъ?—спросила она:—но будетъ ли мой отвѣтъ дѣйствителенъ?" — „Конечно, — отвѣтилъ графъ, смѣясь:—что̀ можетъ быть лучшаго для него, какъ послѣдовать совѣту своего лучшаго друга?"—Но у меня языкъ точно приросъ къ гортани; она же приблизилась къ графу, протянула ему руку и сказала вмѣсто меня: „Благодарю васъ, ваше сіятельство; я такъ же охотно переселюсь къ вамъ и такъ же охотно останусь у васъ, какъ Изабелла".

— Ахъ, чародѣйка! ахъ, милая, милая чародѣйка! — проговорилъ патеръ, вытирая глаза рукавомъ халата, послѣ того какъ тщетно искалъ направо и налѣво носового платка.—Она умна, какъ сатана... Боже, прости мнѣ мое прегрѣшеніе!—и бьюсь объ закладъ, что она сочинила всю эту исторію. Какъ по твоему?

Юстъ глядѣлъ пристально въ пространство, не отвѣчая.

— Да, да,—говорилъ патеръ:—такъ оно и есть. Она любитъ тебя, Юстъ, и хочетъ, чтобы ты опять былъ при ней. А ужъ чего она захочетъ, того непремѣнно добьется. Однако, ты долженъ же былъ самъ сказать что-нибудь. Что̀ ты сказалъ?

— Я сказалъ, что поговорю съ родителями, и если они позволятъ, съ охотой переѣду.

— Браво! А говорилъ ты съ ними?

— Сегодня утромъ, прежде чѣмъ отецъ пошелъ въ лѣсъ, я неохотно заговорилъ съ нимъ, но все же заговорилъ, такъ какъ графъ сказалъ напослѣдокъ, что желаетъ получить сегодня же опредѣленный отвѣтъ. Вначалѣ отецъ не хотѣлъ ничего слышать. Онъ не привыкъ принимать одолженія отъ постороннихъ людей, да и мнѣ это не къ лицу: я не умѣю заискивать.

— И ручки цѣловать,—пробормоталъ патеръ.—А твоя милая мама?

— Она ни слова не говорила, только глядѣла на насъ обоихъ

большими тревожными глазами. Вдругъ отецъ подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее въ лобъ и сказалъ: — „Ну, я вижу, что вамъ обоимъ этого хочется. Ну, тогда и я согласенъ". Послѣ того снялъ ружье со стѣны и ушелъ въ лѣсъ.

— А мама?

— Она со слезами обняла меня...

Юстъ не могъ продолжать отъ рыданій; патеръ опять вытеръ глаза, на этотъ разъ не ища болѣе носового платка. Оба просидѣли нѣкоторое время молча другъ передъ другомъ. Затѣмъ патеръ сказалъ:

— Ну, Юстъ, сынъ мой, я не думаю, чтобы мое благословеніе много значило, но я отъ души даю тебѣ его. Теперь около меня воцарится пустыня; но чтò за важность! Я — сухая трава, которая лучшаго не стоитъ, какъ быть брошенной въ огонь, причемъ я разумѣю не адскій огонь, Юстъ, отъ котораго Богъ въ своей неизреченной благости помилуетъ меня, хотя я и вполнѣ заслужилъ его.

Онъ перекрестился, вытеръ опять глаза, добродушно улыбнулся и сказалъ: — Юстъ, у меня отъ всего этого потемнѣло въ глазахъ. Налей мнѣ еще стаканчикъ.

Юстъ готовился исполнить требуемое, какъ вдругъ на улицѣ раздался скрипъ колесъ по песку и вслѣдъ за тѣмъ у дверей домика остановилась открытая коляска. Въ коляскѣ сидѣла Изабелла.

— Святые угодники! — вскричалъ патеръ съ испуганнымъ взглядомъ въ открытое окно: — я не смѣю ей показаться въ такомъ видѣ...

Онъ соскочилъ съ дивана и готовился убѣжать изъ комнаты, запахивая полы халата. Но было поздно. Изабелла, выскочившая изъ экипажа и удостоившая лишь кивкомъ головы тетушку Анну, выбѣжавшую ей на встрѣчу, уже вошла въ домъ и стояла на порогѣ комнаты.

— Здравствуйте! — вскричала она, подставляя патеру лобъ для поцѣлуя, и тотчасъ повернулась къ Юсту:

— Мы катаемся: Сивилла, миссъ Броунъ и я. Я сказала графу, что хочу поговорить съ твоими родителями. Твой папа уже ушелъ; но отъ твоей мамы я все узнала. Я оставила у нея Сивиллу и миссъ Броунъ, а сама пріѣхала сюда, чтобы увѣриться, что дядя тебѣ не отсовѣтуетъ. Не правда ли, дядя, ты этого не сдѣлалъ? Ты — добрый, дядя, и за это я тебя поцѣлую. Вотъ!... Ну, тетушка, я надѣюсь ты хорошо ходишь за дядей; теперь я буду чаще пріѣзжать и сама наблюдать за нимъ. Прощай, дядя; у

меня нѣтъ больше ни минутки времени. Юстъ долженъ ѣхать со мной и поздороваться съ графиней Сивиллой. Онъ вчера страшно за ней ухаживалъ, дядя, скажу тебѣ, а я страшно ревную. Поѣдемъ, Юстъ! прощай! прощай!

Черезъ секунду Изабелла уже сидѣла въ коляскѣ, рядомъ съ Юстомъ. Она крикнула еще разъ: „прощай, прощай!“ махнувъ рукой обоимъ, стоявшимъ въ дверяхъ: патеру, доброе лицо котораго сіяло отъ радостнаго волненія, и тетушкѣ Аннѣ съ очень мрачнымъ лицомъ. Послѣ того она повернулась къ Юсту и, устремивъ на него сверкающіе темные глаза, сказала:

— Въ твоей сказкѣ родившійся въ сорочкѣ герой увозитъ фею изъ замка; а теперь вотъ она увозитъ его въ зáмокъ. Развѣ это не забавно? Слава Богу, мнѣ можно опять громко посмѣяться!

И она расхохоталась, но вдругъ остановилась:

— Отчего ты не смѣешься со мной?

— Мнѣ не до смѣха, отвѣчалъ Юстъ.

— Ты былъ и будешь—моимъ милымъ, дорогимъ пріятелемъ; моимъ самымъ, самымъ милымъ товарищемъ, котораго я страшно люблю. Ты вѣришь?

— Дѣвочки не должны говорить правду, какъ тебѣ извѣстно.

— Тебѣ я до сихъ поръ всегда говорила только правду! — съ жаромъ вскричала она.—Ты и этому не вѣришь?

— Нѣтъ, вѣрю.

— И всегда буду говорить правду. Видишь ли, Юстъ, всегда нужно имѣть хоть одного человѣка, кому бы всегда можно было говорить правду.

— И такимъ буду я?

— Дай руку!—сказала она, протягивая ему свою.

Онъ взялъ ее, счастливый, но сомнѣвающійся.

III.

Лѣсничій Арнольдъ, вернувшись къ обѣду изъ лѣса, засталъ жену сидящей у входныхъ дверей съ вышивкой въ рукахъ, которую ей больше не приходилось отъ него прятать. Первый вопросъ его былъ про Юста, и онъ узналъ, что тотъ уѣхалъ съ дамами въ замокъ, долженъ тамъ обѣдать и остаться до вечера. Дамы настаивали на этомъ. Она разсказала затѣмъ, что графиня и гувернантка-англичанка пожелали осмотрѣть домъ и садъ, пока Изабелла ѣздила за Юстомъ къ патеру. О любезностяхъ, какія она услышала при этомъ отъ графини, и о похвалахъ, какія рас-

точала ей англичанка на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, она въ своей скромности не упомянула.

Лѣсничій выслушалъ въ раздумьѣ. Потомъ взялъ изъ дрожащихъ рукъ взволнованной жены шитье, положилъ его въ корзиночку на столъ и сказалъ:

— Довольно на сегодня, Луиза! у тебя опять воспаленные глаза. И ты знаешь, я всегда прихожу въ нервное состояніе, когда вижу, какъ кто-нибудь иголкой считаетъ глупые стежки. По моему, тебѣ теперь совсѣмъ незачѣмъ портить глаза надъ шитьемъ. Мы больше не нуждаемся въ Лёбѣ и въ грошахъ, выплачиваемыхъ имъ тебѣ за работу. Богъ проститъ мнѣ, что я довелъ тебя до этого.

— Но намъ нужны будутъ, однако, деньги, когда придется послать Юста въ школу,—робко произнесла фрау Арнольдъ.

— Хотя бы и такъ, Луиза, но ты не знаешь всего, а я... Я бы охотно облегчилъ себѣ душу.

— Конечно, ничего особенно худого ты мнѣ не скажешь,— замѣтила фрау Арнольдъ, пытаясь улыбнуться, между тѣмъ какъ сердце у нея судорожно сжималось.

— Нѣтъ, очень худое, — пробормоталъ лѣсничій. — Но все равно!

Высокая грудь Арнольда тяжело вздымалась и опускалась, и онъ съ трудомъ переводилъ духъ; но онъ всегда хвалился, что разъ принято имъ рѣшеніе—онъ немедленно приводитъ его въ исполненіе, какъ бы ни была ему тяжка такая исповѣдь.

То была настоящая исповѣдь; она заставила его оглянуться на дурное прошлое. Года два тому назадъ, послѣ того, какъ онъ сюда переселился, Лёбъ пріѣхалъ изъ русской Польши и тотчасъ же познакомился съ Арнольдомъ и здѣсь въ Эйзенгаммерѣ, въ трактирѣ, потому что онъ все разнюхивалъ въ околоткѣ и особенно усердно посѣщалъ трактиры. Съ нимъ Лёбъ былъ всегда особенно привѣтливъ и формально навязался ему въ знакомые,—а онъ не сторонился отъ него, потому что еврей этотъ очень ловкій человѣкъ и съ нимъ можно пріятно поговорить о всевозможныхъ предметахъ,—пока, наконецъ, онъ не добился, того, чего собственно искалъ.

Тутъ лѣсничій умолкъ и снова нѣсколько разъ тяжело перевелъ духъ, затѣмъ рѣшительно продолжалъ:

— Что̀ грѣха таить! Лёбъ—большой руки контрабандистъ, самый крупный изъ всѣхъ здѣсь на границѣ. То-есть, онъ при этомъ пальцемъ не пошевелитъ, но знаешь, онъ находитъ здѣсь много рукъ и ногъ, которыя орудуютъ за него. Въ его домѣ,

вѣрнѣе сказать, въ погребѣ его дома складываются товары, а оттуда идутъ въ разныя мѣста: въ особенности чай, также тульскіе товары, восточныя ткани и русскія вышивки—тебѣ вѣдь, бѣдняжка, приходится копировать все одни и тѣ же узоры — предметы, выдаваемые имъ за настоящіе, и на которыхъ онъ заработываетъ сотни процентовъ. Простыми товарами онъ не торгуетъ; они мало приносятъ и съ ними легче попасться. Ну, вотъ видишь ли, мнѣ слѣдовало бы, когда я узналъ это, прервать знакомство съ этимъ человѣкомъ: но, во-первыхъ, это мнѣ было не пò сердцу, меня забавляла ловкость этого человѣка, а потомъ... видишь ли, я былъ ему обязанъ. Онъ часто платилъ за меня трактирныя счетà и вообще ссужалъ меня небольшими суммами, когда я нуждался въ деньгахъ, но въ концѣ концовъ долгъ все возросталъ, пока, наконецъ, я не объявилъ однажды вечеромъ, когда онъ хотѣлъ снова навязать мнѣ еще бòльшую сумму, что этому слѣдуетъ положить конецъ, и я подумаю о томъ, какъ бы мнѣ съ нимъ расквитаться. Тутъ онъ досталъ изъ кармана всѣ мои росписки, которыя съ этою цѣлью захватилъ съ собой, и сказалъ: „послушайте, Арнольдъ, я всѣ ихъ брошу въ печку и сожгу на вашихъ глазахъ, если вы окажете мнѣ одну услугу“. При этомъ онъ положилъ аккуратно связанную пачку на столъ, сложилъ на ней руки съ длинными, грязными пальцами и хитро уставился на меня своими черными глазами.—Сначала я долженъ узнать, въ чемъ дѣло,—отвѣчалъ я на видъ очень спокойно; но у меня руки чесались и хотѣлось вырвать у него изъ лапъ росписки и самому бросить ихъ въ печку. Сатана хорошо зналъ, что я не скажу: нѣтъ! и не откажусь отъ соучастія, предлагаемаго мнѣ. Это было четыре года тому назадъ, Луиза. Съ тѣхъ поръ я отслужилъ свой долгъ, то-есть съ того времени его люди ходили по моему участку и распоряжались въ немъ, какъ имъ было удобно, а я глядѣлъ сквозь пальцы и ничего не видѣлъ, когда они проходили мимо моего носа, какъ недавно, когда я возвращался съ Юстомъ съ кормленія звѣрей. А ты знаешь, что̀ это значитъ. Мой участокъ примыкаетъ къ границѣ. Разъ они перешагнули за нее—а это ихъ дѣло—у меня они въ безопасности, а дальше дорога почти-что открытая.

— А съ тѣхъ поръ ты не бралъ больше у него денегъ?— спросила фрау Арнольдъ тихимъ голосомъ.

— Я долженъ былъ сначала расквитаться за тѣ росписки, которыя въ ту ночь отправились въ огонь, — отвѣчалъ лѣсничій съ короткимъ, горькимъ смѣхомъ. — Шестьсотъ марокъ — это не шутка, ихъ надо отработать. Затѣмъ, когда я нашелъ, что

довольно... ну да, тогда я еще взялъ у него денегъ; ихъ онъ тоже получилъ сполна... Это тѣ самыя деньги, которыя ты скопила для Юста и была такъ добра—отдала мнѣ.

— Богъ благослови тебя за это! — прошептала жена, склоняясь къ его рукамъ и горячо цѣлуя ихъ, прежде нежели онъ успѣлъ ихъ отвести.

— Боже мой, Луиза, за что ты мнѣ цѣлуешь руки? Я бы долженъ былъ цѣловать твои, еслибы этого стоилъ. Слушай дальше, душа моя, я сейчасъ кончу. Я наотрѣзъ отказался помогать дальше Лёбѣ. Сначала онъ смѣялся и хотѣлъ повернуть дѣло въ шутку; но когда увидѣлъ, что я не шучу, запѣлъ на иной ладъ: „Вы сами лучше знаете, говорилъ онъ, чтò вамъ выгодно и невыгодно, и кто же вашего Юста помѣститъ въ пансіонъ Михаэлиса за двѣсти марокъ въ годъ? Отъ меня вы не можете требовать, чтобы я сдѣлалъ теперь то, чтò при прежнихъ обстоятельствахъ взялъ бы охотно на себя, то-есть приплачивать еще столько же за честь имѣть въ своемъ домѣ вашего сына, такъ какъ меньше чѣмъ за четыреста марокъ никто не можетъ прилично помѣстить и продовольствовать молодого человѣка, если не хочетъ приплачивать изъ собственнаго кармана. Послушайте, Арнольдъ, я возьму его за сто, я возьму его даромъ, да еще вамъ дамъ сто, или хотите двѣсти марокъ, лишь бы между нами все осталось по старому". — Это происходило вчера въ его конторѣ, за лавкой, гдѣ я ему выложилъ на столъ его денежки. Я не отвѣчалъ ни слова, захватилъ съ собой квитанцію и видѣлъ, запирая за собой дверь, какъ искаженная харя мошенника вся позеленѣла отъ злости и досады. И тутъ, очутившись на улицѣ, я сказалъ себѣ: ну, вотъ ты свободенъ, но чтò будетъ съ бѣднымъ мальчикомъ?—Ты можешь себѣ представить, Луиза, каково мнѣ было и почему я вчера вечеромъ такъ сильно вздыхалъ. У меня вовсе не болѣла голова, но судьба нашего бѣднаго сына не выходила у меня изъ ума. И теперь ты знаешь, почему я сегодня утромъ согласился на все, какъ это мнѣ ни тяжело,—не за себя, хотя и мнѣ это непріятно. Но я только теперь понялъ этого мальчика. Онъ не такой необузданный и безразсудный, какъ я — слава Богу, онъ кротокъ и разсудителенъ, какъ ты. Только въ томъ, чтò касается гордости и неохоты изгибаться и принижаться передъ людьми — въ этомъ онъ достойный меня сынъ. А я стою на своемъ: онъ непригоденъ для зàмка... Чтò съ тобой, Луиза?

Она опустила голову на грудь, и ему видны были только все

еще прекрасные бѣлокурые волосы и часть лица, сильно поблѣднѣвшаго.

— Чтò съ тобой?—повторилъ онъ тревожно.

— Я такъ счастлива, такъ счастлива!—прошептала она угасающимъ голосомъ.

Онъ покачалъ головой, взялъ на руки жену, бывшую почти безъ памяти, и внесъ въ домъ.

IV.

Три дня спустя, Юстъ переселился въ зàмокъ, въ тотъ самый зàмокъ, про который Изабелла говорила въ памятное воскресное утро въ лѣсу, что ему туда никогда не попасть, и куда, дѣйствительно, врядъ ли бы онъ попалъ безъ ея помощи. И теперь, когда онъ туда попалъ, она продолжала милостиво помогать ему; если имъ случалось остаться на минуту вдвоемъ—торопливымъ шопотомъ, въ обществѣ же—непримѣтнымъ для другихъ, но понятнымъ ему подмигиваніемъ или покачиваніемъ головы давала знать, чтò ему слѣдуетъ, по ея мнѣнію, сдѣлать. Вѣдь по ея милости онъ попалъ сюда, и она хотѣла, чтобы онъ съ честью выдержалъ испытаніе, какъ для себя, чтобы не лишиться своего престижа, такъ и для него: онъ такъ вѣрно и преданно любилъ ее, и она знала, что можетъ положиться на него во всякомъ случаѣ. Юстъ, съ своей стороны, издавна привыкнувъ слушаться малѣйшаго ея намека и принимать за приказаніе всякое ея желаніе, а въ повиновеніи ей видѣть самую дорогую обязанность, поступалъ теперь такъ съ двойнымъ рвеніемъ: вѣдь приходилось жить въ условіяхъ, доселѣ ему чуждыхъ, причемъ онъ мучительно боялся какъ-нибудь нарушить приличія. Она хотѣла имъ гордиться, а потому его нестерпимо пугала мысль, какъ бы ей не стало за него стыдно. Онъ былъ счастливъ, когда она порою дружески кивала ему или, проходя мимо, тихо говорила:—„я очень тобой довольна“.

Повидимому, то же думали и всѣ другіе обитатели зàмка, даже слуги, которымъ онъ не давалъ, благодаря своей непритязательности, никакого предлога негодовать на „сына лѣсничаго“, въ которомъ теперь имъ приходилось уважать „барина“. Только хозяинъ зàмка былъ исключеніемъ. Онъ не могъ забыть „отказа“, полученнаго имъ отъ Юста на предложеніе, принятое имъ теперь по милости Изабеллы. Точно надъ государственнымъ или очень важнымъ дѣломъ ломалъ онъ голову, придумывая, какіе мо-

тивы привели ее къ этому. Ему чудилось, что во всемъ этомъ дѣлѣ его „провела за носъ“ маленькая чародѣйка. Онъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы убѣдиться въ томъ и невинными на видъ вопросами добиться отъ Изабеллы правды. Но тутъ „нашла коса на камень“, какъ, смѣясь, говорила про себя Изабелла, благополучно минуя разставляемыя передъ нею сѣти. О самомъ Юстѣ она всегда отзывалась какъ о „добромъ мальчикѣ“, который неспособенъ „ни на кого сердиться“, и въ душѣ забавлялась ревностью знатнаго господина къ „доброму мальчику“.

При этомъ его сердили и обязательства относительно Юста, принятыя имъ въ сущности на себя и конца которымъ нельзя было предвидѣть при существующихъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе, что для Армана ничего или почти что ничего полезнаго изъ этого выйти не обѣщало. Выяснилось даже, что объ общихъ урокахъ для молодыхъ людей не могло быть и рѣчи: сынъ лѣсничаго слишкомъ обогналъ въ познаніяхъ молодого графа, даже въ такихъ отрасляхъ, гдѣ недостаточность знанія слѣдовало поставить на видъ не ему, но доброму патеру, небрежно занимавшемуся съ нимъ.

— Несомнѣнно, — говорилъ докторъ Мюллеръ графу: — что при своемъ прилежаніи и безспорныхъ способностяхъ, онъ скоро замѣститъ эти пробѣлы и къ Святой готовъ будетъ для поступленія въ первый классъ гимназіи.

— А какъ же Арманъ?—спросилъ графъ.

— Я надѣюсь къ тому времени подготовить его ко второму классу.

Графъ возбужденно шагалъ по кабинету, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ.

— Ну, а какъ же вы обо всемъ этомъ думаете? — сердито спросилъ онъ.

— Я думаю,—отвѣчалъ докторъ уклончиво,—что для молодого графа все-таки очень полезно имѣть при себѣ такого славнаго и умнаго юношу

— На какой срокъ? — вскричалъ графъ, останавливаясь:— на полгода, быть можетъ; мы въ будущемъ мѣсяцѣ переѣзжаемъ на зиму въ Берлинъ, а Арманъ не будетъ готовъ къ Святой для поступленія во второй классъ гимназіи, какъ я предчувствую, и намъ ничего другого не останется, какъ готовить его въ юнкера! Тогда шуткѣ конецъ, и мнѣ придется на свой счетъ содержать этого юношу въ гимназіи, въ университетѣ и, можетъ быть, далѣе.

Такъ какъ обо всемъ этомъ не только было переговорено,

когда приглашали Юста въ зàмокъ, но даже формально ему обѣщано, то докторъ не могъ не считать несправедливымъ раздражительный тонъ графа. Онъ говорилъ себѣ, что хотя онъ лично не противъ молодого человѣка, но долженъ подумать о христіанскомъ правилѣ, рекомендующемъ кротость голубицы и мудрость змія. Мудрость повелѣвала не ссориться изъ-за Юста съ графомъ, обѣщавшимъ ему первый свободный евангелическій приходъ въ своихъ имѣніяхъ. Не лучше ли было перемѣнить предметъ разговора?

— M-lle Маргò,—сказалъ онъ,—очень довольна присутствіемъ фрейлейнъ Изабеллы. Она утверждаетъ, что графиня, которая до сихъ поръ неохотно занималась французскимъ языкомъ, съ тѣхъ поръ сдѣлала большіе успѣхи, не желая отстать отъ m-lle Изабеллы, превосходнымъ акцентомъ которой m-lle Маргò не нахвалится.

— Остерегайтесь, однако, слишкомъ ясно показывать при вашей невѣстѣ свое восхищеніе фрейлейнъ Изабеллой!—сказалъ графъ.

Докторъ покраснѣлъ до самыхъ очковъ.

— Я не зналъ...—пролепеталъ онъ.

— Я хотѣлъ только дать вамъ добрый совѣтъ,—сухо перебилъ его графъ.—И если вамъ нечего мнѣ больше сообщить...

Докторъ Мюллеръ вышелъ изъ комнаты въ большомъ смущеніи. Какъ и всѣхъ остальныхъ, маленькая чародѣйка очаровала и его; онъ испугался при мысли, что m-lle Маргò могла, какъ намекалъ, повидимому, графъ, замѣтить его склонность, вѣрнѣе сказать, страсть, его грѣшную, преступную страсть, какъ онъ укорялъ самого себя, когда вечеромъ, придя послѣ дневныхъ трудовъ къ себѣ въ комнату, онъ прохаживался мимо большого размѣра изображенія Христа и то взывалъ съ мольбой: „не введи меня во искушеніе!“, то, софистически аргументируя, задавалъ себѣ вопросъ: неужели грѣшно въ чисто-нравственномъ смыслѣ, какъ и по отношенію къ m-lle Маргò, восхищаться молодой дѣвушкой, почти ребенкомъ, восхищаться ею, находя, что она хороша, прелесть какъ хороша, обаятельна, плѣнительна? Хотя m-lle Маргò и не была еще оффиціально его невѣстой, какъ назвалъ ее графъ, но онъ во всякомъ случаѣ уже два года какъ былъ помолвленъ съ нею и обѣщалъ на ней жениться. Для кандидата на мѣсто проповѣдника и сугубаго доктора—богословіи и философіи—вѣрность не должна быть пустой мечтой, хотя бы даже избранница его сердца приближалась къ тридцати годикамъ и не отличалась грѣховной красотой. Вмѣстѣ съ тѣмъ m-lle

Маргò была въ большой милости у графини и разсердить ее или разойтись съ ней было бы „очень плохой философіей“. Приверженцу такой философіи вмѣнялось въ обязанность воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы убѣдиться, что намекъ графа былъ только милостивой, хотя немного рѣзкой шуткой.

Случай скоро представился во время прогулки пѣшкомъ, вмѣстѣ съ двумя гувернантками и ихъ юными питомицами. Онъ съумѣлъ такъ повести дѣло, что остался вмѣстѣ съ уроженкой города Женевы немного позади другихъ и думалъ, что очень ловко приступилъ къ дѣлу, когда, остановясь и приподнявъ золотыя очки на носу, указалъ украдкой на Изабеллу и, смѣясь, произнесъ:

— Представьте себѣ, дорогая Аделаида, что графъ недавно поддразнилъ меня предпочтеніемъ, какое я будто бы оказываю маленькой полькѣ?

— Вы должны бы стыдиться!—сказала его дама.

Она тоже остановилась, таращa на него и безъ того выпуклые свѣтло-голубые глаза, между тѣмъ какъ тонкія губы подергивались по желтымъ зубамъ, а кончикъ длиннаго носа побѣлѣлъ отъ злости.

— Да, вы бы должны стыдиться,—повторила она свистящимъ голосомъ отъ плохо сдерживаемой ярости, въ то время какъ предметъ этой ярости онѣмѣлъ отъ испуга:—неужели вы думаете, что я слѣпа и не вижу, какъ вы вѣчно пялите глаза на дрянную дѣвчонку изъ-подъ своихъ золотыхъ очковъ? Не вижу, какъ вы судорожно хватаетесь за маншеты и поправляете воротникъ, приподнимаетесь на цыпочкахъ и выбираете позу, наиболѣе по вашему красивую, какъ только скверная обезьянка подходитъ къ вамъ ближе?! Дѣвчонка моложе четырнадцати лѣтъ! Это было бы смѣшно, еслибы не было такъ постыдно! Но всѣ вы, мужчины, на одинъ покрой. Кто изъ васъ цѣнитъ истинныя достоинства, почитаетъ добродѣтель!

И разсерженная дама съ такой энергіей размахивала сложеннымъ зонтикомъ, что докторъ невольно отступилъ на полшага, бормоча:

— Вы несправедливы, Аделаида.

— Не называйте меня Аделаидой!—вскричала она, почти не умѣряя голоса.—Мы чужіе навѣки.

Она быстро пошла впередъ, раскрывъ зонтикъ. Онъ поплелся за нею; никогда еще она не казалась ему такой безобразной; сердце его кипѣло отъ бѣшенства, но, какъ философъ, онъ обсу-

ждалъ, что порвать съ любимицей графини значило поставить на карту мѣсто пастора въ Нейвальдбургѣ.

— Адела... M-lle Маргò!—пробормоталъ онъ.

— Что угодно?—отвѣчала она, замедляя шагъ и складывая зонтикъ, въ данную минуту безполезный, такъ какъ небо было покрыто облаками.

— Я взываю къ вашему христіанскому сердцу,—продолжалъ онъ, идя съ нею опять рядомъ,—и къ общности нашихъ интересовъ, въ силу которыхъ крайне желательно намъ идти и впредь рука объ руку. И если я дѣйствительно былъ... ласковъ съ маленькой... особой, то вѣдь слѣдовалъ въ этомъ только вашему примѣру. Развѣ вы не расхваливаете ее на всѣ лады и при всякомъ удобномъ случаѣ, не далѣе, напримѣръ, какъ вчера?

— И всегда буду,—отвѣчала дама.

— Я васъ не понимаю.

— Ну, такъ я объясню вамъ. Кто изъ насъ осмѣлится хоть слово сказать противъ скверной интригантки, сильно обожжется, скажу больше: рискуетъ, что его прогонятъ. Говорю вамъ, мой милый: она всемогуща. Я думаю, что это продлится не вѣчно, но теперь, пока, такъ. Развѣ вы еще не догадались, mon cher, что графъ на нее молится; про Армана ужъ я не говорю: онъ по уши въ нее влюбленъ. Сантиментальная графиня скорѣе согласится умереть, чѣмъ разстаться съ своимъ кумиромъ. Старые господа слѣдуютъ примѣру графа, молодые—подражаютъ Арману. Сами дамы забавно воспѣваютъ ее хоромъ, за рѣдкими исключеніями.

— А старая графиня?—спросилъ съ любопытствомъ докторъ:—принадлежитъ къ числу этихъ исключеній?

— Къ сожалѣнію нѣтъ. Интригантка съумѣла обойти и ее. Богъ мой, надо только видѣть и слышать, съ какой утонченностью она ухаживаетъ за ней и подольщается къ ней! Но это не долго продлится. Я знаю графиню. Нужно только терпѣніе, нужно выжидать удобной минуты и съумѣть ею воспользоваться...

Уроженка Женевы прикусила нижнюю губу, а выпуклые глаза уставила въ землю, точно искала между щебенкой желанной минуты.

„Она отвратительна!“ подумалъ философъ, но громко сказалъ:

— Да, да, она очень опасна, эта змѣйка. Надо ее щадить. Съ г. Юстомъ легче справиться. Графъ его терпѣть не можетъ.

— Еще бы!—насмѣшливо отвѣчала уроженка Женевы:—и Арманъ также, хотя настолько уменъ, что этого не показываетъ. Тутъ надо искать рычага.

— Я васъ не понимаю.

— При случаѣ объяснюсь. Теперь намъ слѣдуетъ присоединиться къ остальнымъ. Миссъ Броунъ уже раза два на насъ оглядывалась. Она тоже интригантка и за одно съ змѣей. Надѣюсь, что доживу до того дня, когда онѣ обѣ безслѣдно исчезнутъ съ лица земли.

— Но вы меня простили?—сказалъ онъ.

— Дѣлать нѣчего,—отвѣчала она съ улыбкой, обнаружившей кончики желтыхъ зубовъ между тонкими губами.—Философъ внутренно содрогнулся отъ этой улыбки, хотя она, очевидно, была любезна. Несчастный подумалъ при этомъ про алый ротикъ и бѣлые, какъ слоновая кость, зубки прелестнаго созданія, шедшаго въ двадцати шагахъ впереди рядомъ съ миссъ Броунъ.

V.

Арманъ шелъ сначала съ Изабеллой, но затѣмъ присоединился къ сестрѣ и Юсту, такъ какъ Изабелла, несмотря на его недовольную мину, продолжала говорить съ миссъ Броунъ по-англійски, а онъ и трехъ словъ не понималъ на этомъ языкѣ.

— Почему вы перестали говорить по-англійски?—спросила миссъ Броунъ Изабеллу, такъ какъ она послѣ того, какъ Арманъ ушелъ, немедленно заговорила по-нѣмецки.

— Я хотѣла только, чтобы онъ ушелъ,—отвѣчала Изабелла.

— Я думала, онъ вамъ нравится.

— Неописанно! Я молюсь на него.

Миссъ Броунъ засмѣялась.

— Право же, вы—самый странный ребенокъ, какого я встрѣчала въ жизни. И за это я васъ люблю.

— А я васъ.

— Какъ м-ра Армана?

— Нѣтъ. Вполнѣ искренно.

— Повѣрю вамъ, въ видѣ исключенія.

— Но не очень полагайтесь на мою правдивость.

— Боже меня упаси!

— Вы думаете, значитъ, что я обыкновенно лгу.

— Я иначе выражусь: вы обыкновенно разыгрываете комедію съ людьми.

— Какъ же быть иначе, когда кто родился комедіанткой!

— А вы развѣ родились комедіанткой?

— Мнѣ во всякомъ случаѣ многіе это говорили, въ томъ числѣ и вы сейчасъ.

Дальше разговоръ шелъ то на англійскомъ языкѣ, на которомъ Изабелла отлично уже говорила, хотя серьезно стала имъ заниматься только послѣ переселенія въ зàмокъ, то по-нѣмецки, когда ей казалось, что на этомъ языкѣ она лучше съумѣетъ выразить свои мысли. Миссъ Броунъ съ перваго момента почувствовала сильную склонность къ хорошенькой, даровитой дѣвушкѣ, находя удивительнымъ, что она вышла такою въ жалкой и неприглядной долѣ, въ какой до сихъ поръ пребывала. Изабелла не утаила передъ ней всѣхъ обстоятельствъ своей прежней жизни и то смѣшила ее забавными подробностями, то трогала до слезъ, когда въ яркихъ и чуть-чуть преувеличенныхъ краскахъ описывала нравственную и экономическую нищету, царившую въ домѣ ея дяди. При этомъ миссъ Броунъ постоянно дивилась силѣ и упругости духа, который ничѣмъ, повидимому, нельзя было лишить самообладанія или мужества, тѣмъ болѣе, что какъ разъ къ этимъ качествамъ она чувствовала наибольшее уваженіе и сама обладала ими не въ малой мѣрѣ. Такимъ образомъ между ними обѣими установился родъ франмасонскаго союза, и миссъ Броунъ нашла вполнѣ естественнымъ, когда Изабелла въ теченіе разговора, въ которомъ миссъ Броунъ вскользь упомянула о нѣкоторыхъ событіяхъ своей жизни, вдругъ сказала:

— Я давно уже хотѣла попросить васъ разсказать мнѣ свою жизнь. Пожалуйста разскажите теперь.

— Я бы давно это сдѣлала, еслибы разсказъ того стоилъ. Вообще онъ можетъ умѣститься въ нѣсколькихъ словахъ. Я родилась отъ родителей богатыхъ, по англійскимъ понятіямъ, но они умерли, когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ. Годъ спустя, безчестные родственники отняли у меня все состояніе. Съ тѣхъ поръ жизнь моя стала нелегка: сначала я поселилась у другихъ родственниковъ, но и они были ко мнѣ недобры; затѣмъ жила въ гувернанткахъ въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, до настоящаго дня, когда мнѣ, какъ вамъ извѣстно, скоро стукнетъ двадцать-восемь лѣтъ, то-есть, говоря другими словами, я вамъ гожусь почти въ матери.

— Я рада, что у меня нѣтъ матери,—сказала Изабелла.

— Вы грѣшите.

— Можетъ быть, но матери ужасны. Онѣ все вывѣдываютъ. У Юста есть мать: она ужасна.

— Эта добрая, кроткая женщина!

— Именно потому и ужасна.

— Дитя, вы когда-нибудь дойдете до преступленія.

— Не думаю; преступники глупы. Но вернемтесь къ вамъ; развѣ вы никогда не любили?

Миссъ Броунъ чуть громко не расхохоталась, но Изабелла продолжала очень серьезно:

— Вы, должно быть, были очень хороши собой. Я хочу сказать: вы и теперь хороши, и, значитъ, всегда были хороши.

— Дитя, — отвѣчала миссъ Броунъ, смѣясь: — эта тема не подходящая для разговоровъ между нами.

— Почему?—возразила Изабелла такъ же серьезно.—Я уже такъ много любила: сначала желтенькую канарейку, но уморила ее голодной смертью; затѣмъ красивую ангорскую кошку, но та околѣла, съѣвъ отравленную мышь; затѣмъ большую собаку сенъ-бернардской породы, принадлежавшую отцу Юста: она взбѣсилась и ее пришлось застрѣлить, затѣмъ...

— Послушайте, вы уморите меня со смѣха!

— Это вовсе не смѣшно, когда переживешь столько несчастныхъ привязанностей, какъ я. Вы тоже всегда несчастно любили?

Прекрасное лицо миссъ Броунъ подернулось облакомъ грусти.

— Мы въ другой разъ поговоримъ объ этомъ,—сказала она.

— Жалѣю! теперь какъ-разъ удобная минута. Тѣ двое сзади насъ все еще шушукаются другъ съ другомъ, а Сивилла съ Юстомъ не скоро кончатъ, разъ заговорятъ о религіи, о поэзіи. Жаль, что Юстъ не богатый графъ какой-нибудь; онъ бы непремѣнно на ней женился. По моему, это было бы хорошо. Я желаю ему всего лучшаго, а Сивилла въ тысячу разъ лучше меня. Быть можетъ, немножко скучна, но поэты этого не замѣчаютъ.

— Ужъ вы не ревнуете ли, миссъ Изабелла?

— Нисколько. Я—его фея.

— Чтò это значитъ?

— Онъ сочинилъ прелестную сказку, и въ ней бѣдный юноша любитъ фею. Фея—это я.

У миссъ Броунъ вертѣлось на языкѣ: „вы будете любимой феей для многихъ еще бѣдныхъ и богатыхъ юношей“; но она удержалась и сказала вмѣсто того:

— А можете вы мнѣ разсказать эту сказку?

— Нѣтъ, я ее слышала только отрывочно; но онъ самъ ее намъ разскажетъ.

— А онъ согласится?

— Онъ согласится на все, о чемъ я попрошу. Тише! вотъ опять Арманъ!

— Просто бѣда! — вскричалъ имъ Арманъ: — вы говорите по-англійски, а тѣ двое—про религію и поэзію. Надъ чѣмъ вы смѣетесь?

— Надъ вашимъ огорченнымъ лицомъ,—отвѣчала Изабелла. —Оставайтесь съ нами, Арманъ! Мы будемъ теперь говорить по-нѣмецки. Итакъ, они разговариваютъ про религію и поэзію? Что же именно они говорили?

— Понятія не имѣю!—вскричалъ Арманъ:—и пари держу, что и сами они не съумѣютъ отвѣтить, если ихъ спросить.

Тѣмъ временемъ Юстъ и Сивилла, углубясь въ свою бесѣду, перегнали другихъ.

— Мой братъ не выноситъ такихъ разговоровъ, — сказала Сивилла, какъ только Арманъ отошелъ отъ нихъ. — Мнѣ очень жаль. По моему люди, равнодушные къ религіи, очень жалки.

— Знаете, графиня...

— Не называйте меня графиней, по крайней мѣрѣ тогда, когда мы вдвоемъ! называйте меня Сивиллой, а я буду васъ звать Юстомъ! Что вы хотѣли сказать?

— Я хотѣлъ сказать, что не знаю, принимаю ли я близко къ сердцу религію. Вы не можете заснуть, не помолившись, и когда вы просыпаетесь, говорите вы, то прежде всего стремитесь помолиться Богу. Я же, думаю, уже два года какъ не молился.

— Даже и въ церковь не ходили?

— Я опять сталъ ходить въ церковь съ тѣхъ поръ, какъ поселился у васъ. Прежде я часто ходилъ съ матушкой въ костелъ, такъ какъ въ Эйзенгаммерѣ нѣтъ протестантскаго храма. Но дорога туда дальняя, а матушка болѣзненна. Она должна была отказаться отъ посѣщенія костела, а патеръ Щончалла, когда я побывалъ раза два на мессѣ, просилъ меня больше не приходить.

— Почему?

— Не знаю.

— А вы молитесь теперь, когда ходите съ нами въ церковь?

— Я пробую, но это мнѣ не удается.

— Быть можетъ, вы молитесь безсознательно?

— Развѣ это возможно?

— Я думаю, да. У мамы въ ея спальнѣ есть большое Распятіе, изъ слоновой кости, на стѣнѣ и передъ нимъ аналой. Но я думаю, что это вовсе не необходимо. Я часто хожу здѣсь въ паркѣ, цвѣты раскачиваются отъ вѣтерка, а солнце сіяетъ такъ

ясно, или мы ѣдемъ въ лѣсъ и тамъ такъ тихо и прохладно; я сижу въ экипажѣ и ни слова не говорю, и мнѣ кажется, что ни о чемъ не думаю, а между тѣмъ я знаю, что я въ это время молилась.

— Вы такъ это понимаете.

— Разумѣется. Иначе и вы не были бы поэтомъ.

— Не знаю, поэтъ ли я; но я бы очень желалъ имъ быть.

— Однако вы уже написали нѣсколько стихотвореній, и Изабелла говоритъ, что у васъ готова большая сказка. Правда это?

— Правда, но Изабелла напрасно это разсказала.

— Почему же? Я уже говорила вамъ, когда мы въ первый разъ видѣлись, какъ бы охотно я сама написала стихи и сказки.

— Если, какъ вы говорите, можно молиться безсознательно, то можно также и быть поэтомъ.

— Не знаю. Признаюсь только, что нѣсколько разъ я пыталась записать мои внутреннія молитвы. И мнѣ казалось иногда, что это мнѣ удалось. Однако, нѣтъ. Выходило нѣчто совсѣмъ иное, и на бумагѣ оказывалось сухо и холодно то, чтò въ душѣ у меня было такъ тепло.

— То же бываетъ и съ поэтомъ. Я всегда недоволенъ тѣмъ, чтò написалъ.

— Возможно ли это, когда вы другимъ доставляете такое удовольствіе?

— Можетъ быть и мнѣ доставили бы удовольствіе записанныя вами молитвы.

— Не знаю. Если уже я сама ими недовольна, то какъ могутъ быть ими довольны другіе?.. Я думаю, что молиться можно только сердцемъ и про себя.

— Зачѣмъ же вы ходите въ церковь?

По блѣдному лицу молодой дѣвушки разлилась легкая краска. Она повернула голову, чтобы удостовѣриться, что они одни, и произнесла тихимъ, торжественнымъ голосомъ:

— Я еще никому въ мірѣ этого не говорила: я неохотно хожу въ церковь; да! я должна заставлять себя. То, чтò говоритъ проповѣдникъ, конечно, исполнено добрыхъ намѣреній; но— не знаю, какъ бы высказать это—мнѣ кажется, что другой пьетъ воду, когда мнѣ пить хочется. Я не хочу мѣшать ему пить, но мою жажду это не утоляетъ. И кромѣ того—вы, конечно, сочтете меня гордой, но это не гордость — я такъ люблю быть съ Богомъ наединѣ, а когда толпится такая пропасть другихъ людей, мнѣ думается: ну, я приду въ другой разъ, теперь и безъ меня у Бога много дѣла. Это, конечно, ребячество. Богъ

всевѣдущъ и всемогущъ, и если Онъ слышитъ чужія молитвы,— а Онъ навѣрное ихъ слышитъ — то, конечно, услышитъ и мою. Что съ вами?

Юстъ не отвѣчалъ, не въ состояніи былъ отвѣтить. Онъ переживалъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда все вокругъ него принимало иной образъ. На этотъ разъ ему представлялся необозримый лугъ, покрытый пестрыми цвѣтами и озаренный розовымъ свѣтомъ солнца, которое какъ будто свѣтило изъ-за его спины. Возлѣ него носился образъ: то была графиня Сивилла, а вмѣстѣ съ тѣмъ не она, а ангелъ, хотя крыльевъ не было видно, и онъ узналъ въ этомъ образѣ ангела только по небесному выраженію лица.

— Что съ вами?—повторила дѣвушка, испуганная неподвижностью его взгляда.

Видѣніе исчезло; онъ провелъ рукою по глазамъ.

— Гдѣ это мы?—спросилъ онъ.

Они находились подъ высокими, древними дубами, окаймлявшими круглую площадку, по срединѣ которой стояла часовня. То былъ мавзолей, который мать графа воздвигла покойному супругу и самой себѣ. Юстъ никогда тутъ не былъ, хотя часовня находилась въ паркѣ и въ непосредственной близости такъ называемаго стараго зáмка, который былъ когда-то монастыремъ, а затѣмъ служилъ графу Вальдбургу жилищемъ до постройки новаго зáмка. Въ настоящее время въ немъ были отведены квартиры служащимъ, а остальная часть громаднаго зданія оставалась пустою.

Такъ объяснилъ это докторъ Мюллеръ Юсту. Онъ поспѣшилъ подойти вмѣстѣ съ m-lle Марго, такъ какъ сгустившіяся облака грозили разразиться дождемъ. Все остальное общество тоже присоединилось къ нимъ. Гигантскіе дубы стали трещать и раскачиваться. Дверь въ часовню была отперта человѣкомъ, который смотрѣлъ за чистотой и порядкомъ. Общество вошло въ часовню и очутилось въ потемкахъ, такъ какъ слабый свѣтъ, пропускавшійся дубами, задерживался узкимъ готическимъ окномъ съ пестрыми стеклами. Только когда глазъ привыкъ къ темнотѣ, передъ ними яснѣе выступили контуры двухъ мраморныхъ фигуръ, лежавшихъ на низенькомъ постаментѣ. Всѣ окружили группу, которая въ полутьмѣ казалась тѣмъ фантастичнѣе, что художникъ изобразилъ графиню въ просторныхъ одеждахъ и въ странномъ головномъ уборѣ, въ родѣ монашескаго, а графа—въ полномъ вооруженіи рыцаря, собравшагося на турниръ, съ длиннымъ мечомъ и въ шлемѣ съ забраломъ. „По желанію графини,—объяс-

нилъ докторъ,—которая—какъ это понятно и похвально—восхищалась средними вѣками". Ученый господинъ только-что собрался углубиться въ генеалогическій обзоръ поколѣній, предшествовавшихъ высокорожденной четѣ, почившей здѣсь въ Бозѣ, какъ сама высокородная чета какъ будто вернулась къ таинственной жизни при яркомъ свѣтѣ молніи, озарившей часовню, послѣ чего полумракъ, царившій въ ней, показался уже настоящими потемками. Страшный громъ грянулъ почти непосредственно и, какъ казалось, прямо надъ часовней. Въ то время какъ другіе не выдавали охватившаго ихъ страха, уроженка Женевы съ громкимъ крикомъ упала въ объятія доктора.

— Скорѣе, скорѣе!—закричалъ Арманъ:—мы успѣемъ еще добраться сухими до зàмка.

Онъ бросился вонъ; другіе послѣдовали за нимъ. Въ дубахъ свирѣпствовала буря и упало нѣсколько крупныхъ капель дождя. Къ счастію, они находились всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ заднихъ воротъ зàмка. Затѣмъ бѣглецы благополучно миновали большой дворъ; но едва успѣли они добраться до сѣней съ колоннами передняго фасада, какъ буря разразилась со всей силой.

Всѣ поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что успѣли укрыться отъ опасности. Изабелла слегка дотронулась до локтя Юста:

— Это ты, Юстъ!

— Да.

— Видѣлъ ты оба длинныхъ носа: доктора и его красавицы, когда ихъ озарила молнія?

— Нѣтъ.

— Ну, ты много потерялъ.

VI.

Обществу не пришлось ни одной минуты пробыть безъ посторонныхъ. Съ проѣзжей дороги, которая шла какъ разъ мимо зàмка, сбѣгались люди, тоже искавшіе убѣжища отъ непогоды, и въ своихъ убогихъ, выпачканныхъ глиной и грязью и промокшихъ отъ дождя платьяхъ, казались очень невзрачными. Прибѣгали все новые и новые—въ томъ числѣ и женщины—со всѣхъ струилась вода.

— Однако тутъ намъ не совсѣмъ-то удобно,—замѣтилъ Арманъ.—Я думаю, намъ лучше пойти къ директору наверхъ.

— Ты бы пошелъ впередъ,—сказала Сивилла.

— Намъ не зачѣмъ предпреждать о себѣ!—вскричалъ Арманъ.

— А я прошу тебя.

— Совсѣмъ лишнее.

Въ этотъ моментъ между собравшимися людьми въ передней части зданія поднялась суматоха. При недостаточномъ освѣщеніи нельзя было видѣть, въ чемъ дѣло. Юстъ, повинуясь взгляду Сивиллы, подошелъ къ толпѣ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Скоро онъ вернулся назадъ.

— Старуху изъ Эйзенгаммера переѣхали по дорогѣ, — сказалъ онъ и, обращаясь къ Изабеллѣ, прибавилъ:—старуху Кубичку.

— Твою вѣдьму? Вотъ удивительно! Куда ты, Сивилла?

— Посмотрѣть, не могу ли я помочь,—отвѣчала Сивилла.

— Не безпокойтесь, графиня! — произнесла дама, внезапно появившаяся изъ двери, замыкавшей лѣстницу и которая вела во второй этажъ. Предоставьте это мнѣ! а я попрошу васъ всѣхъ, господа, пока подняться наверхъ.

Тонъ молодой женщины, при всей ея скромности, былъ замѣчательно твердъ и спокоенъ. Сивилла поклонилась и пошла наверхъ; за нею послѣдовали остальные, за исключеніемъ Юста.

— Она изъ одной со мной деревни,—объяснилъ онъ молодой дамѣ.

Юстъ еще никогда не видѣлъ жену директора Кёрнера; а она —его. Но оба знали другъ друга по наслышкѣ, пускаться же въ объясненія у нихъ не было теперь ни времени, ни охоты.

— Жена директора!—шептали люди, когда она вмѣшалась въ ихъ толпу и подошла къ старухѣ, распростертой на полу сѣней и поддерживаемой двумя женщинами. Нѣсколько голосовъ спѣшили наперерывъ другъ передъ другомъ, кто по-польски, кто по-нѣмецки, объяснить, какъ это случилось: пьяный мужикъ ѣхалъ по шоссе въ телѣгѣ, накрывъ голову и не глядя ни направо, ни налѣво. Дышломъ задѣло старуху и опрокинуло ее съ ногъ; колесо оцарапало ей лобъ; руки, ноги цѣлы, какъ оказалось при тщательномъ осмотрѣ.

— Несите ее туда!—указала фрау Кёрнеръ на дверь нижняго этажа.

Старуху подняли, и лицо ея, облитое кровью, перемѣшанной съ грязью, было дѣйствительно ужасно. Маленькая, невзрачная дѣвочка-полька, находившаяся въ услуженіи жены директора, принесла воду, платки носовые и полотняные бинты. Оказалось, что царапина дѣйствительно была незначительная, и глоткá водки было достаточно, чтобы привести старуху въ чувство. Она тотчасъ при-

поднялась на локтѣ, удивленно поводя красными глазами, пока взглядъ ея не остановился на женѣ директора и Юстѣ, которые стояли передъ ней. Она осклабилась и произнесла нѣсколько словъ по-польски. Дѣвочка-служанка хихикнула.

— Что̀ она говоритъ?—спросила фрау Кёрнеръ.

— Не смѣю сказать! — пробормотала дѣвочка, улыбаясь до ушей, такъ что видны были всѣ ея бѣлые зубы.

— Ну такъ не надо!

— Впрочемъ, отчего же не сказать: она говоритъ, что вы — пара.

Юстъ покраснѣлъ.

— Это такая у нея поговорка, — сказалъ онъ какъ бы въ извиненіе.

— Мы и дѣйствительно пара,—возразила молодая женщина:— пара добрыхъ самаритянъ.

Она повернулась къ дѣвочкѣ и отдала ей нѣсколько приказаній. Затѣмъ сказала Юсту:

— Мы можемъ теперь идти. Будьте спокойны; о ней позаботятся. Старуха проведетъ здѣсь ночь; опасности для нея нѣтъ никакой.

Когда они вернулись назадъ въ сѣни, то увидѣли, что всѣ почти разошлись оттуда, несмотря на то, что буря и дождь свирѣпствовали пуще прежняго.

— Какъ вамъ нравится въ за̀мкѣ?—спросила фрау Кёрнеръ, когда они поднимались въ первый этажъ по лѣстницѣ.

— Очень нравится.

— Радуюсь этому. О, какая хорошенькая дѣвушка Изабелла! Я ее не видѣла уже нѣсколько мѣсяцевъ; двое изъ моихъ мальчиковъ были больны; я совсѣмъ не выходила изъ дома. Графиня успѣла за это время вырости. У нея милое личико.

Все это было по сердцу Юсту. Какая хорошенькая дѣвушка Изабелла! разумѣется! А у графини милое личико! Онъ всегда видѣлъ это личико какъ бы просвѣтленнымъ. При этомъ онъ украдкой взглянулъ въ лицо г-жи Кёрнеръ. Въ немъ не было ни красоты Изабеллы, ни мечтательнаго выраженія, какъ на блѣдномъ лицѣ Сивиллы; оно было даже неправильно, съ широкимъ лбомъ и нѣсколько скошеннымъ подбородкомъ, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно понравилось Юсту; онъ замѣтилъ также ея стройную, выше средняго роста фигуру и пластичность, и равномѣрную силу ея движеній, тѣмъ болѣе, что маленькая Изабелла вѣчно прыгала, если не сидѣла смирно, а въ походкѣ и манерахъ графини было нѣчто натянутое и какъ бы усталое.

Вверху на площадкѣ ихъ встрѣтилъ слуга, которому фрау Кёрнеръ отдала нѣсколько приказаній. Послѣ того она провела Юста въ большую, освѣщенную комнату, гдѣ уже находились всѣ остальные, и она теперь съ спокойнымъ радушіемъ привѣтствовала ихъ какъ хозяйка, каждому подавая руку. Случайно Арманъ оказался послѣднимъ въ ряду. Изабеллу забавляло то, какъ онъ съ досадой надулъ губы и съ злымъ лицомъ отвернулся къ окну.

— Я думаю, мы можемъ теперь отправиться,—сказалъ онъ.

Дождь съ удвоенной силой забарабанилъ по стекламъ; при свѣтѣ молніи видно было, какъ старыя деревья, росшія передъ окномъ, нагибали верхушки подъ напоромъ бури.

— Погода иного мнѣнія,—отвѣтила фрау Кёрнеръ, улыбаясь.—Прошу васъ, господа, садиться. Мужа нѣтъ дома; вамъ придется примириться съ моимъ обществомъ. Вотъ и чай.

Слуга и хорошенькая горничная принесли самоваръ и подносъ съ чашками и остальной посудой. Изящный чайный столъ былъ скоро накрытъ. Въ диванахъ и креслахъ не было недостатка въ большомъ, прекрасномъ покоѣ, гдѣ стало еще уютнѣе, когда слуга растопилъ большой каминъ. Фрау Кёрнеръ, разливая чай, успокоила Сивиллу, освѣдомившуюся объ ушибленной женщинѣ, и похвалила безъ преувеличеній рвеніе Юста и ловкость въ оказаніи помощи.

— Онъ всегда таковъ,—замѣтила Изабелла:—не можетъ видѣть страданій мухи; а ужъ какъ же ему было не похлопотать для своей вѣдьмы.

— Для своей вѣдьмы?—переспросила фрау Кёрнеръ съ удивленіемъ.

— Изабелла!—вскричалъ Юстъ.

Изабелла шепнула нѣсколько словъ фрау Кёрнеръ, и та засмѣялась. Юстъ былъ радъ, что нескромность Изабеллы прошла, повидимому, незамѣченной остальными. Сивилла выразила опасенія, какъ бы родители не встревожились. Но и объ этомъ фрау Кёрнеръ уже позаботилась: посланецъ былъ отправленъ въ зàмокъ съ вѣстями. Еслибы дорога черезъ паркъ, какъ можно опасаться, оказалась непроходимой, то можно каждую минуту достать изъ ближайшихъ конюшенъ и сараевъ экипажи и лошадей.

— Въ крайнемъ случаѣ, — прибавила она, смѣясь,—можно было бы здѣсь и переночевать. Во всякомъ случаѣ, пока буря не улеглась, вы—мои плѣнные.

— Я охотно остаюсь въ плѣну,—отвѣчала Изабелла, откидываясь на спинку большого кресла.

— Я думаю о бѣдныхъ людяхъ, которые теперь бредутъ по большой дорогѣ.

— Я бы охотно дозволила имъ оставаться въ сѣняхъ, но люди не могутъ ждать: это рабочіе изъ копей и должны явиться къ мѣсту въ назначенное время; другихъ же ждутъ дома.

— Къ счастію,—сказалъ докторъ Мюллеръ,—они привыкли къ такимъ злоключеніямъ.

— Если только можно назвать счастьемъ привычку къ злоключеніямъ,—отвѣчала фрау Кёрнеръ.

— Въ этомъ смыслѣ несомнѣнно можно. Злоключенія ведутъ къ Богу. Кого Богъ любитъ, того наказываетъ.

— А кого человѣкъ любитъ, тому прощаетъ,—вмѣшалась Изабелла, раскачивая кончикомъ хорошенькой ботинки.

Юстъ и Сивилла разсмѣялись; Арманъ глядѣлъ мрачно, между тѣмъ какъ докторъ Мюллеръ и m-lle Аделаида многозначительно переглянулись.

— Что вы сказали, злое дитя?—спросила миссъ Броунъ.

Фрау Кёрнеръ бѣгло перевела ей фразу на англійскій языкъ. Передъ тѣмъ она такъ же бѣгло и правильно говорила по-французски съ уроженкой Женевы.

— Во всякомъ случаѣ,—продолжала она,—это сомнительное счастіе. По моему опыту оно такъ же часто удаляетъ отъ Бога, какъ и приводитъ къ Нему.

— Вы говорите не изъ личнаго опыта?

— Я говорю на основаніи тѣхъ наблюденій, какія я здѣсь сдѣлала и какія мнѣ часто удручаютъ душу.

— Послѣднее напрасно,—замѣтилъ докторъ.—Я хочу сказать, что мы должны считать плохую житейскую долю, въ какой безспорно находится такъ много людей,—Божіимъ предопредѣленіемъ

— Тогда я не понимаю,—возразила молодая женщина,—почему всѣ добрые люди стараются изо всѣхъ силъ помочь этимъ людямъ выбиться изъ такого положенія, по возможности улучшить ихъ долю.

— И въ этомъ я вижу перстъ Божій, который даетъ такъ много случаевъ почитателямъ Бога проявить высшую изъ добродѣтелей—милосердіе.

— Боюсь, что мы не выберемся при этомъ изъ заколдованнаго круга,—отвѣчала фрау Кёрнеръ, смѣясь:—да еслибы мы и рѣшили нашу проблему, то врядъ ли бы молодые люди насъ поблагодарили. Не заняться ли намъ лучше какой-нибудь игрой? Хотите вертѣть тарелки, если только графиня не очень устала?

— Да, я немножко устала, — отвѣчала Сивилла, становясь еще блѣднѣе.

— Ну, такъ будемъ разсказывать исторіи, — сказала фрау Кёрнеръ.

— Ахъ, да, да!—вскричала Изабелла, хлопая руками.

— Начинайте, фрейлейнъ Изабелла! Вы навѣрное знаете пропасть исторій.

— Я? ни одной. Но вотъ Юстъ знаетъ. У него онѣ такъ и сыплются, какъ горохъ. Онъ долженъ намъ разсказать свою новую сказку—про людоѣда и фею и молодого охотника.

— Вотъ было бы славно!—сказала госпожа Кёрнеръ.

— Я бы съ удовольствіемъ послушала,—пробормотала Сивилла.

Юстъ испугался. Правда, онъ еще недавно разсказывалъ сказку Андерсу; но то было въ лѣсу, гдѣ онъ сочинилъ ее для Изабеллы,—для нея одной,—и ему казалось неловкимъ и нечестнымъ отдавать другимъ то, что̀ принадлежало ей одной. Онъ бросилъ умоляющій и укоризненный взглядъ на нее. Отъ Сивиллы не укрылся этотъ взглядъ.

— Если Юсту этого не хочется, то мы не станемъ его мучить,—сказала она.

— Ему хочется!—вскричала Изабелла.

Она только-что сказала миссъ Броунъ во время прогулки, что Юстъ сдѣлаетъ все, что̀ она ему ни скажетъ, и видѣла, что миссъ Броунъ смотритъ на нее теперь лукавыми, смѣющимися глазами.

— Ну, начинай же!—вскричала она нетерпѣливо.

Юстъ въ смущеніи не могъ придумать никакой отговорки. Къ тому же, она требовала—могъ ли онъ противиться!

Безъ дальнѣйшихъ предисловій приступилъ онъ къ разсказу, сначала тихимъ и торопливымъ голосомъ, но затѣмъ громче и увѣреннѣе, съ инстинктивною гордостью художника, который хотя бы и по принужденію, но не можетъ не выполнить своей задачи такъ хорошо, какъ только въ его силахъ.

VII.

Сказка про людоѣда, фею и молодого охотника.

Въ большомъ, большомъ лѣсу, принадлежавшемъ одной феѣ, жилъ молодой охотникъ. Разъ какъ-то въ майскую лунную ночь бродилъ онъ по лѣсу; ему не спалось, и когда онъ вышелъ изъ

лѣсной чащи, гдѣ ели такъ тѣсно ростутъ, что только верхушки ихъ озаряются луной, да кое-гдѣ лучъ ея скользнетъ по стволу и затрепещетъ желтоватымъ свѣтомъ на мху, покрывающемъ землю, — онъ увидѣлъ фею. Конечно, не сразу, потому что онъ принялъ сначала ее за синеватый туманъ, который носился надъ луговой травой, пока вдругъ не замѣтилъ въ туманѣ бѣлой ручки. Это его очень удивило и вмѣсто того, чтобы идти домой, какъ онъ сначала хотѣлъ, охотникъ остановился и сталъ вглядываться въ туманъ: не увидитъ ли опять бѣлой ручки. Онъ самъ не зналъ, какъ это было, но вотъ мало-по-малу онъ разглядѣлъ, что это совсѣмъ не туманъ, а одежды фей, танцовавшихъ на лугу. Одежды казались то голубоватыми, то желтоватыми, то бѣловатыми, смотря по тому, какъ освѣщала ихъ луна; также и длинные волосы фей казались то свѣтлѣе, то темнѣе; однѣ лишь руки оставались неизмѣнно бѣлыми. Были ли у нихъ ноги, онъ не видѣлъ; онѣ были закутаны въ длинныя одежды со шлейфами.

Сначала молодой охотникъ весь похолодѣлъ отъ ужаса, но затѣмъ оправился, а такъ какъ зрѣлище было невиданное, то весь превратился въ зрѣніе и слухъ. Онъ слышалъ также и очень пріятную, тихую музыку, въ тактъ которой кружились феи, держась за руки. Въ срединѣ круга всегда оставалась одна фея. Она была гораздо красивѣе всѣхъ другихъ, и другія, кружась вокругъ нея, кланялись ей и привѣтствовали, какъ королеву. У этой королевы были золотистые волосы, сверкавшіе не отъ луны, а собственнымъ блескомъ, и темные, темные глаза, тоже озаренные такимъ сильнымъ внутреннимъ свѣтомъ, что они затмѣвали лунное сіяніе, и молодой охотникъ видѣлъ подъ-конецъ только одни эти глаза—и ничего болѣе. Безсознательно онъ ступилъ впередъ. Но вотъ подъ ногами его затрещала сухая вѣтка; въ одно мгновеніе ока веселая толпа скрылась въ лѣсу, но передъ нимъ предстала фея съ зототистыми волосами и темными глазами.

— Какъ тебя зовутъ? — произнесла она такимъ тихимъ и пріятнымъ голосомъ, точно музыка, которую онъ передъ тѣмъ слышалъ.

— Меня зовутъ Губертъ,—отвѣчалъ онъ.

— А я буду называть тебя счастливцемъ, потому что только счастливцы, родившіеся въ сорочкѣ, могутъ насъ видѣть.

— Когда такъ, я буду звать тебя: Майская Ночь, потому что мы, счастливцы, родившіеся въ сорочкѣ, можемъ видѣть васъ только въ майскую, да притомъ воскресную, какъ сегодня, ночь.

Но для краткости буду называть тебя не воскресная майская ночь, а просто Майская Ночь.

Она засмѣялась и сказала:—Мнѣ все-равно; меня еще никто и никакъ не называлъ; а придуманное тобой имя мнѣ довольно нравится! Но протанцуемъ теперь вмѣстѣ!

— Я умѣю танцовать, но не на воздухѣ, какъ ты, Майская Ночь.

— О! какъ жаль! На землѣ, кажется мнѣ, неловко танцовать: я еще такъ никогда не танцовала. Но попробуемъ! Я непремѣнно хочу танцовать съ тобой.

И они стали танцовать на лугу, озаренные луннымъ свѣтомъ, и никогда еще охотникъ не чувствовалъ себя такъ легко; ему казалось, что онъ почти не касается ногами земли; но фея вздохнула разокъ, другой и вдругъ вскрикнула:

— О, горе! я, кажется, свихнула себѣ ногу. Но не бѣда; мнѣ такъ было весело!

Она выскользнула изъ его рукъ на землю; длинные волосы разсыпались точно золото по мху, а прекрасные глаза, глядѣвшіе на него, казались утомленными.

— Я снесу тебя домой,—сказалъ онъ;—гдѣ ты живешь?

Она засмѣялась и сказала:

— Въ лѣсу! гдѣ же иначе? А домой переносить меня нѣтъ нужды; это ты сейчасъ увидишь, поддержи только меня немножко на воздухѣ, лишь бы мои ноги не касались земли.

Онъ приподнялъ ее съ земли и замѣтилъ, что она легка, какъ перышко. И вдругъ она ускользнула изъ его рукъ и стала носиться передъ нимъ въ воздухѣ.

— До свиданія,—сказала она:—черезъ годъ! тогда мы снова увидимся здѣсь на этомъ самомъ мѣстѣ, въ тотъ же часъ.

— Ахъ, Боже мой!—отвѣчалъ онъ:—годъ много времени.

— Для насъ все равно, что одинъ мигъ. Для васъ, людей, конечно, это иначе! Но вы, люди, позабывчивы. Черезъ годъ ты забудешь совсѣмъ про Майскую Ночь.

— Я тебя никогда не позабуду,—сказалъ онъ.

— Увидимъ,—отвѣчала она.—Но теперь мнѣ дѣйствительно пора домой; уже разсвѣтаетъ. Еще разъ, до свиданія.

Тутъ онъ увидѣлъ ея глаза близко около своихъ и устъ его коснулось какъ бы свѣжее дыханіе. Затѣмъ фигура ея стала уклоняться въ сторону, какъ туманъ, который встаетъ. Только ея сверкающіе глаза еще виднѣлись ему; затѣмъ остался только одинъ глазъ. И, наконецъ, оказалось, что это вовсе не глазъ, а утренняя звѣзда, взошедшая надъ лѣсомъ.

Когда молодой охотникъ проснулся на другой день, онъ подумалъ, что все это ему приснилось. Онъ бы такъ и остался при убѣжденіи, что все видѣнное имъ сонъ,—такъ много чудныхъ грёзъ снилось ему въ лунныя ночи,—еслибы не узенькое золотое колечко на его лѣвой рукѣ. Онъ никогда не носилъ кольца на мизинцѣ, и у него вообще не было колецъ; это же кольцо могла ему надѣть на руку только та Майская Ночь, хотя онъ и не помнилъ, какъ оно къ нему попало. Ну, теперь, конечно, онъ зналъ, что то былъ не сонъ—и онъ дѣйствительно танцовалъ съ феей, и радовался и гордился этимъ. Кольцо, правда, нѣсколько досаждало ему, такъ какъ онъ никакъ не могъ снять его съ мизинца, а дѣвушки по воскресеньямъ во время танцевъ спрашивали, кто его милая? Онѣ ему такъ надоѣли съ этими вопросами, что онъ пересталъ посѣщать балы. Да ему больше не доставляло никакого удовольствія танцовать съ обыкновенными дѣвушками, послѣ того, какъ онъ танцовалъ съ феей. Онъ не могъ видѣть больше самыхъ красивыхъ изъ нихъ, потому что въ сравненіи съ нею онѣ казались ему уродливыми; но при этомъ, къ его великому горю, онъ никакъ не могъ отчетливо представить себѣ ея лицо. Только маленькія бѣлыя ручки помнилъ онъ совершенно ясно и ея глаза: большіе, темные и блестящіе. Онъ не могъ также вызвать въ памяти своеобразный звукъ ея тихаго, сладкаго голоса, хотя думалъ о ней день и ночь, такъ что пересталъ отличать день отъ ночи, и только считалъ сколько ихъ еще должно пройти, прежде чѣмъ онъ съ нею увидится. Онъ пересталъ пить и ѣсть, и отъ этого похудѣлъ такъ, что платья па немъ висѣли мѣшкомъ. Наконецъ-таки истекъ этотъ ужасный годъ, и снова наступилъ май; но тутъ-то собственно и начались его терзанія: первое мая пришлось на понедѣльникъ, и, слѣдовательно, шесть дней еще долженъ онъ былъ ждать до воскресной ночи. Онъ, конечно, умеръ бы отъ нетерпѣнія и томленія, еслибы не твердая увѣренность въ томъ, что онъ увидитъ свою фею. Въ послѣдній день имъ овладѣлъ новый страхъ: вдругъ она не сдержитъ обѣщанія? Единственнымъ утѣшеніемъ служило ему кольцо, которое она ему, конечно, дала въ залогъ, что они увидятся. Но могла ли фея дорожить такимъ ничтожнымъ колечкомъ? Такъ же мало, какъ и бѣднымъ молодымъ охотникомъ, которому она его дала и, вѣроятно, давнымъ давно позабыла!

Наконецъ, наступила воскресная ночь. За часъ до восхода луны онъ уже былъ на мѣстѣ. Вотъ взошла луна надъ деревьями, но то была только одна четверть, да притомъ закутанная въ

облакахъ, такъ что почти не освѣщала поляны. Онъ не видѣлъ также и фей, но это его не огорчало: ему хотѣлось видѣть одну только Майскую Ночь. „Она, конечно, не придетъ“, печально думалъ онъ. Но тутъ вдругъ снова почувствовалъ свѣжее дыханіе на своихъ губахъ и тихій, нѣжный голосокъ произнесъ:

— Здравствуй, счастливецъ!

Онъ сейчасъ узналъ, что это ея голосъ, и дивился, какъ могъ онъ позабыть чудный его звукъ.

— Гдѣ ты, Майская Ночь?—спросилъ онъ:—я тебя не вижу.

— Отдай мнѣ мое кольцо.

Онъ взялся за кольцо, и оно теперь совсѣмъ легко соскользнуло съ его пальца; тогда онъ протянулъ его въ ту сторону, гдѣ думалъ, что она находится. Тутъ онъ увидѣлъ бѣлую ручку и на одномъ изъ пальчиковъ золотое колечко; оно стало теперь совсѣмъ маленькимъ для того, чтобы удержаться на пальчикѣ. И тутъ же онъ увидѣлъ и фею: ея золотые волосы, блестящіе темные глаза, смѣющійся ротикъ,—и отъ сильной радости онъ заплакалъ.

— Милый юноша, — сказала она, — ты очень по мнѣ соскучился, а я по тебѣ. И мнѣ не посчастливилось безъ моего кольца.

— Зачѣмъ ты мнѣ его отдала!—укоризненно произнесъ онъ: —я и безъ него не забылъ бы тебя.

— Я это знала и отдала тебѣ кольцо не ради тебя, а ради себя. Я объясню тебѣ это въ другой разъ, когда мы поближе познакомимся. Теперь пойдемъ и погуляемъ. Я научилась теперь довольно порядочно ходить по землѣ; будь только терпѣливъ.

И вотъ они стали прохаживаться по лугу и довольно благополучно. Лишь изрѣдка фея поднималась на воздухъ, но тотчасъ же опускалась на землю и брала его подъ руку. Все время они болтали между собой. Она хотѣла знать, какъ живутъ люди, какіе у нихъ обычаи, и при этомъ задавала очень странные вопросы, напримѣръ: сколько вѣковъ было его матери, когда она умерла? превращаются ли люди послѣ смерти въ туманъ, разсѣевающійся въ воздухѣ, или—какое питье онъ предпочитаетъ утромъ: росу изъ чашечки лилій или розъ? Онъ отвѣчалъ, какъ умѣлъ; но она плохо его понимала и сказала, вздыхая:

— Ахъ! людская жизнь непонятна; потанцуемъ лучше.

И они стали танцовать.

— Не правда ли, я хорошо научилась?—спросила она; но вдругъ слегка вскрикнула и отскочила отъ него.

— Ты опять вывихнула ногу?—спросилъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ! но развѣ ты ее не видѣлъ, вонъ тамъ на сухой вѣткѣ ели?

— Большую сову? съ круглыми, горящими глазами?

— Это не сова,—отвѣчала она.—Это старая вѣдьма Урака. Она меня смертельно ненавидитъ. Она разскажетъ про насъ кобольдамъ, тѣ разболтаютъ гномамъ, а тѣ доведутъ, наконецъ, до короля дýховъ.

— Но что же?—спросилъ онъ.

— То, что я танцовала съ человѣкомъ.

— Развѣ это дурно?

— Ахъ, очень, очень!—отвѣтила она и поглядѣла на него такими печальными глазами. — Мы поплатимся за это своимъ счастіемъ. Вонъ какъ она далеко улетѣла впередъ.

— И ты улетаешь?—спросилъ онъ.

— Я должна,—отвѣтила она и уже отдѣлилась отъ земли.

— Если я тебя еще не увижу, то умру, — сказалъ онъ, протягивая къ ней руки.

Она снова спустилась къ нему въ объятія и сказала:—Ты увидишь меня въ слѣдующую воскресную ночь. А до тѣхъ поръ прощай!

И онъ снова почувствовалъ свѣжее дыханіе на губахъ, но болѣе мимолетное, чѣмъ прежде, и остался одинъ на темной полянѣ. Грустный пошелъ онъ домой.

Въ слѣдующую воскресную ночь онъ снова пришелъ туда за часъ до восхода луны. Она уже была теперь полумѣсяцемъ, но такъ густо подернута облаками, что на полянѣ царствовалъ почти мракъ. Къ этому еще ураганъ проносился по вершинамъ елей, и онѣ трещали и жалобно стонали, точно имъ было смертельно больно.

— Онѣ боятся,—сказала Майская Ночь:—и есть чего. Ахъ, милый счастливецъ, тяжелыя пришли времена!

Онъ совсѣмъ почти не могъ разглядѣть ее въ потемкахъ. Только порою сверкали ея темные глаза, да мелькалъ золотистый волосъ или бѣленькая ручка. И сквозь ураганъ голосъ ея звучалъ еще тише, такъ что онъ съ трудомъ понималъ то, чтò она ему говорила, несмотря на то, что она сидѣла совсѣмъ близко около него на мху, у подошвы большой ели, которая была такъ толста, что не трещала.—Я такъ устала! — говорила она.—Такой это былъ длинный путь. Ахъ! худо, худо и ужасно, что я должна тебѣ это разсказать. Но рано или поздно ты долженъ это узнать. Видишь ли, я была у короля дýховъ, но опоздала; онъ уже все узналъ и очень разсердился. Сначала онъ хотѣлъ пре-

вратить меня въ лемура; ты не знаешь, что̀ это такое; это нѣчто ужасное. Но я такъ молила и просила его не наказывать меня такъ жестоко, что онъ смягчился, но только по виду, потому что наказаніе, наложенное имъ на меня, пожалуй, еще ужаснѣе. Ты слыхалъ про злого людоѣда, который живетъ недалеко отъ моего лѣса въ высокомъ, высокомъ стальномъ за̀мкѣ. Онъ не ѣстъ людей, но пожираетъ ели, не цѣлыя ели, а только ихъ верхушки,—онѣ кажутся ему вкуснѣе; а такъ какъ онъ слишкомъ важенъ, чтобы самому приходить въ лѣсъ, то приказываетъ своимъ слугамъ срубать цѣлыя ели и возить ихъ къ нему въ за̀мокъ. Остальное, что̀ онъ не пожретъ, слуги должны распилить и сжигать въ большихъ кострахъ, чтобы бѣднымъ людямъ ничего не доставалось; людоѣдъ ихъ ненавидитъ и радуется, когда они мерзнутъ зимой и имъ не на чемъ даже сварить себѣ похлебку. И вотъ онъ уже пожралъ почти всѣ лѣса въ округѣ; только моего лѣса не смѣлъ онъ трогать, потому что я по природѣ такъ же могущественна, какъ и онъ самъ. Но король ду̀ховъ такъ ослабилъ мое могущество, что онъ можетъ пожрать и мой лѣсъ, если захочетъ. А онъ захочетъ и даже уже завтра начнетъ.

— Это плохо, — сказалъ Губертъ: — но, однако, не очень. Если онъ пожретъ этотъ лѣсъ, мы удалимся въ другой; на свѣтѣ много лѣсовъ.

— Для тебя, но не для меня. Тутъ мой лѣсъ; я могу жить только въ немъ; не станетъ его—не станетъ и меня! Слышишь ты, какъ стонутъ и вздыхаютъ ели? онѣ знаютъ, что завтра придетъ людоѣдъ.

— Неужели ничѣмъ нельзя помочь бѣдѣ?—печально спросилъ Губертъ.

Она помолчала. И затѣмъ сказала:—Есть, но въ этомъ-то и заключается наказаніе, наложенное на меня королемъ ду̀ховъ; и оно такъ же для меня ужасно, какъ превратиться въ лемура, и хуже, гораздо хуже смерти: я должна выйти замужъ за сына людоѣда.

— За чудовище?—вскричалъ Губертъ съ ужасомъ.

— О!—отвѣчала Майская Ночь:—съ виду онъ не чудовище. Онъ красивый, изящный молодой человѣкъ. Въ душѣ, конечно, онъ еще злѣе отца: высокомѣрный, злопамятный и жестокій ко всѣмъ на свѣтѣ, въ особенности къ бѣднымъ, которыхъ мучитъ до смерти.

— Что же ты теперь будешь дѣлать? — спросилъ Губертъ.

— Лучше умереть, чѣмъ выйти за него замужъ!—отвѣчала Майская Ночь.

Тѣмъ временемъ полумѣсяцъ закатился; утренняя звѣзда выглянула изъ-за черныхъ, несущихся быстро тучъ, и они должны были разстаться.

На слѣдующее утро Губертъ проснулся отъ страшнаго шума, наполнявшаго обычно тихій лѣсъ. То были слуги людоѣда; они вторглись въ лѣсъ и съ криками и гиканьемъ принялись рубить самыя прекрасныя деревья, валили ихъ на землю, взваливали на подводы и отвозили въ зáмокъ людоѣда.

Такъ длилось весь день, пока солнце не зашло. Тогда они должны были пріостановить работу. На другое утро пришло еще больше слугъ, и такъ было на третій день и въ слѣдующіе затѣмъ дни, такъ что въ лѣсу стонъ стоялъ. Губертъ былъ внѣ себя; хотя онъ охотно пожертвовалъ бы жизнью за Майскую Ночь, но онъ былъ одинъ, а ихъ было много, и своей смертью онъ не принесъ бы ей никакой пользы.

— Ты правъ, счастливецъ,—сказала Майская Ночь при слѣдующемъ свиданіи.—И я думаю также, что и мнѣ удастся спасти свою жизнь. Я послала вѣсть людоѣду черезъ вѣдьму Ураку, которая боится того момента, когда я, можетъ быть, верну милость короля дýховъ. И дѣло теперь въ томъ: людоѣдъ знаетъ, что я охотнѣе дамъ ему сожрать весь лѣсъ, слѣдовательно умру, нежели выйду замужъ за его сына. А такъ какъ онъ пожралъ почти всѣ лѣса въ округѣ, то на старости лѣтъ ему все же останется кое-что, если онъ пощадитъ мой. Это онъ самъ понимаетъ; но я должна платить ему дань: ежедневно по десяти высокихъ, молодыхъ, здоровыхъ елокъ.

— Это, конечно, немного,—отвѣчалъ Губертъ,—такъ какъ твой лѣсъ очень великъ: слуги людоѣда до сихъ поръ ежедневно срубали по триста деревьевъ, а лѣсъ все еще великъ; но, наконецъ, придетъ все же конецъ лѣсу, и ты должна будешь умереть, милая, милая Майская Ночь!

— Какъ долго проживешь ты?—спросила она.

— Этого мы, люди, не можемъ знать,—отвѣчалъ онъ;—мой отецъ прожилъ до восьмидесяти лѣтъ.

— Только-то? немного; столько-то ужъ и я протяну.

Губертъ не зналъ, чтò хочетъ этимъ сказать Майская Ночь, но не хотѣлъ ее спрашивать, а она продолжала:

— Но это не все. Я должна протанцовать хоть три раза съ принцемъ въ большой залѣ зáмка.

— Не дѣлай этого!—вскричалъ Губертъ.

— Но тогда можно будетъ подумать, что я презираю принца, а это опять обидно для чести людоѣда.

— О! не дѣлай, не дѣлай этого!—молилъ онъ ее.—Повѣрь мнѣ, Майская Ночь, людоѣдъ хочетъ тебя заманить въ западню. Можешь ли ты высвободиться, если онъ тебя задержитъ въ замкѣ и запретъ въ одной изъ башенъ?

— Нѣтъ, не могу; за предѣлами моего лѣса власть моя невелика.

— Ну, тогда все погибло!—сказалъ онъ, плача.

Но она не плакала, потому что феи не могутъ плакать; только глаза ея влажно блестѣли, а тихій голосъ сталъ еще печальнѣе, когда она говорила:

— Не усиливай моей тоски! Я не могу иначе поступить. Если я откажусь, людоѣдъ доведетъ это до свѣдѣнія короля духовъ, и тотъ превратитъ меня въ лемура. Я охотно умерла бы за тебя, но такого страшнаго позора не могу принять даже ради тебя. Итакъ, утѣшься! На честь людоѣдовъ, конечно, положиться нельзя; но вѣдь не совсѣмъ же они безчестны; и если этотъ людоѣдъ очень могущественный, то все же долженъ опасаться короля духовъ, который наказываетъ за нарушенное слово.

— Ты меня не любишь,—печально сказалъ Губертъ.

— Ахъ! вижу, что вы, люди, плохо понимаете любовь. Еслибы ты зналъ, что́ я уже изъ-за тебя вытерпѣла, ты бы такъ не говорилъ.

Но онъ бросился на мохъ, разрывая его руками и приговаривая:—Ты меня не любишь!

Она положила ему на плечо маленькую ручку и сказала:

— Будь разсудителенъ и выслушай меня. Обѣщаніе людоѣду я дала, какъ честная фея, и должна его сдержать. Если онъ сдержитъ и свое, какъ я думаю, то я въ будущее воскресенье явлюсь на это мѣсто. Если я не приду, значитъ людоѣдъ нарушилъ слово и заперъ меня въ стальной башнѣ. Въ знакъ того я пришлю тебѣ мое кольцо.

— Но какъ же ты это сдѣлаешь, когда будешь взаперти?

— Я призову первую попавшуюся птицу изъ своего лѣса, которая пролетитъ мимо башни, и она принесетъ тебѣ кольцо.

— Но ты сама можешь летать.

— Только въ моемъ лѣсу; а людоѣдъ отвезетъ меня въ замокъ въ каретѣ; да и ты, когда освободишь меня, долженъ будешь на рукахъ снести въ лѣсъ.

— Ахъ! съ какой охотой я это сдѣлаю, Майская Ночь! Но какъ мнѣ справиться съ людоѣдомъ, его сыномъ и толпою слугъ?

— Готовъ ли ты умереть за меня и мою любовь?

— Да, готовъ.

— Храбрый и умный человѣкъ, готовый умереть за свою любовь, можетъ сдѣлать очень многое, — сказала она. — Но это еще не все.

— Что же еще?—спросилъ онъ.

Она помолчала и затѣмъ проговорила такимъ тихимъ голосомъ, что онъ едва-едва разслушалъ:—Видишь ли, счастливецъ, когда я въ первый разъ дала тебѣ кольцо, я хотѣла испытать: любишь ли ты меня и вернешь ли мнѣ кольцо черезъ годъ. Это была большая съ моей стороны неосторожность, потому что безъ моего кольца я—не фея, а простая женщина и притомъ очень слабая, и еслибы жена угольщика, которая мнѣ обязана за оказанныя ей услуги и на попеченіи которой я находилась весь годъ, не была такъ добра ко мнѣ, то меня уже не было бы больше въ живыхъ. Фея только одинъ разъ можетъ отдать свое кольцо на пробу; если же она вторично отдастъ его, то не сможетъ больше снять его съ того пальца, на который оно надѣто. Понимаешь меня, счастливецъ?

— Да, Майская Ночь, я понимаю тебя и готовъ теперь сразиться съ сотней людоѣдовъ. Ахъ, Майская Ночь, какъ мы будемъ счастливы!

— Но подумалъ ли ты, что наше счастіе можетъ быть весьма краткое?

— Неужели ты думаешь я не съумѣю ухаживать за тобой еще лучше, чѣмъ жена угольщика! Я буду беречь, холить и ласкать тебя и буду такъ счастливъ! Мы оба будемъ счастливы.

Онъ и плакалъ, и смѣялся отъ радости, но она только улыбалась, а онъ не замѣтилъ, какъ печальна была эта улыбка.

На слѣдующую воскресную ночь Майская Ночь не явилась. Онъ такъ и думалъ, и даже былъ этому радъ: она вѣдь не говорила ему, что выйдетъ за него замужъ и въ томъ случаѣ, если людоѣдъ оставитъ ее на свободѣ. Онъ готовъ былъ бы идти хоть сейчасъ въ стальной зàмокъ и сразиться съ людоѣдами—отцомъ и сыномъ. Но онъ долженъ былъ ждать отъ нея вѣсти, и когда на слѣдующій вечеръ расхаживалъ по опушкѣ лѣса, съ той стороны, гдѣ находился зàмокъ людоѣда, увидѣлъ онъ сокола, высоко кружившагося въ воздухѣ, какъ это всегда дѣлаютъ соколà, когда высматриваютъ добычу. Вдругъ соколъ спустился къ нему стремглавъ, точно падающій камень. Но какъ ни стремительны были движенія сокола, а коршунъ, поднявшійся съ вершины ближайшей ели, былъ еще стремительнѣе, схватилъ сокола и разорвалъ бы его вмѣстѣ съ кольцомъ, которое несъ соколъ въ клювѣ, еслибы тотъ не уронилъ кольца и прямо на мизинецъ лѣвой

руки Губерта, которую тотъ, въ страхѣ за сокола, высоко поднялъ въ воздухѣ. Тогда коршунъ выпустилъ сокола и тотъ полетѣлъ въ лѣсъ, а коршунъ набросился на Губерта, чтобы отнять у него кольцо. Но Губертъ вытащилъ охотничій ножъ и сталъ бить имъ по головѣ коршуна; голова обратилась въ змѣю, а та уползла въ болото, между тѣмъ какъ остальная часть тѣла обратилась въ жабу, которая укрылась во мху, изъ чего Губертъ заключилъ, что коршунъ былъ не кто иной, какъ вѣдьма Урака.

Послѣ того Губертъ поцѣловалъ кольцо и направился въ за̀мокъ. Дорогу онъ не могъ не найти, такъ какъ уже издали видѣлъ кровавое зарево, точно тамъ горѣла цѣлая деревня. Но то были громадные костры, на которыхъ людоѣдъ сожигалъ ели, чтобы бѣдные люди зимой мёрзли и не могли сварить себѣ похлёбки. Костры окружали за̀мокъ точно огненной оградой; а въ центрѣ ихъ высился стальной за̀мокъ и при свѣтѣ огня казался раскаленнымъ. Между двумя кострами, чуть-чуть дальше отстоявшими другъ отъ друга, чѣмъ остальные, Губертъ проскочилъ такъ быстро, что только слегка опалилъ свой зеленый охотничій кафтанъ — и прямо къ воротамъ, которыя, къ его удивленію, стояли настежъ открытые. По двору бѣгали слуги, и одинъ направился къ нему и спросилъ:—не врачъ ли онъ?—Губертъ отвѣчалъ на всякій случай:—да!—„Ну, такъ ты намъ поможешь,—сказалъ слуга:—насъ цѣлыхъ двадцать человѣкъ тянули ель, никакъ не вытянешь; слишкомъ глубоко засѣла въ горлѣ“.—Вершина ели?—спросилъ Губертъ.—„А что же еще? Разсердясь, что принцесса-фея не хочетъ выходить замужъ за нашего принца, несмотря на то, что онъ заперъ ее въ башнѣ, изъ которой ей никогда больше не выбраться обратно въ лѣсъ,—онъ набилъ себѣ полонъ ротъ вершинами елокъ, по двѣ заразъ, и одна при этомъ застряла у него въ горлѣ“. — Погляжу, въ чемъ дѣло; ведите меня къ нему, — сказалъ Губертъ:—гдѣ его высочество принцъ? — „Около отца; сторожитъ, когда тотъ задохнется, чтобы отрѣзать тотчасъ отъ пояса золотой ключъ отъ воротъ, которыя ведутъ въ башню, гдѣ заключена принцесса-фея, и котораго до сихъ поръ не довѣрялъ ему отецъ“.—„Какъ разъ во̀-время“, подумалъ Губертъ, а громко прибавилъ:—Ступай впередъ, я пойду за тобой.

Слуга пошелъ впередъ, а Губертъ послѣдовалъ за нимъ въ большія сѣни, гдѣ людоѣдъ лежалъ на ложѣ изъ медвѣжьихъ и волчьихъ шкуръ. Вокругъ ложа, въ нѣкоторомъ отдаленіи, стояло много слугъ съ мрачными лицами, а около самаго ложа—принцъ, сынъ людоѣда, высокій молодой человѣкъ, весьма красивый, еслибы не его злые, свирѣпые, жестокіе глаза. Но самъ людоѣдъ былъ

ужасное чудовище, выше и толще самой высокой и толстой ели, и такъ страшно хрипѣлъ, что стѣны дрожали.

— Ты знаешь ли,—сказалъ принцъ Губерту,—что если ты не вылечишь отца, то будешь заживо сожженъ?

— Конечно, знаю,—отвѣчалъ Губертъ.—А если я вылечу?

— Тоже будешь сожженъ,—насмѣшливо сказалъ принцъ,—но только въ видѣ награды тебя сперва убьютъ.

— Печальная доля!—отвѣчалъ Губертъ.—Погляжу, какъ-то я изъ этого выберусь.

У людоѣда глаза были закрыты, но страшный ротъ разверстъ такъ, что Губертъ удобно могъ глядѣть ему въ глотку послѣ того, какъ поставилъ одинъ стулъ на другой и взлѣзъ на нихъ.

— Дѣло трудное, но не безнадежное,—сказалъ онъ:—вершина ели легла поперекъ и ее нельзя вытащить, но можно просунуть дальше, а для этого мнѣ нужно здоровую трехлѣтнюю ель, съ обрубленными тщательно вѣтвями и безъ иголокъ. Я видѣлъ такія лежатъ внизу на дворѣ.

— Дайте ему ель!—насмѣшливо приказалъ принцъ.

Больной людоѣдъ, который все слышалъ, показалъ кулакъ принцу, а другой рукой махнулъ слугамъ въ знакъ того, что они должны принести ель. Ее принесли, и сорокъ слугъ пытались поднять ее вверхъ, чтобы воткнуть въ ротъ людоѣду, но не смогли.

— Быть можетъ его высочество будетъ такъ добръ, самъ попробуетъ,—сказалъ Губертъ.

Но тутъ самъ людоѣдъ съ такой силой протолкнулъ ель себѣ въ глотку, что кончикъ ея пробилъ ему спину и вышелъ наружу, а людоѣдъ моментально умеръ.

Въ одно мгновеніе ока принцъ отрубилъ мечомъ золотой ключъ у кожанаго пояса мертваго отца и побѣжалъ съ нимъ прочь; но Губертъ бросился за нимъ и нагналъ его у входа въ башню.

— Ключъ или смерть!—закричалъ Губертъ.

— Смерть или ключъ!—отвѣчалъ принцъ.

И между обоими завязался смертельный бой, между тѣмъ какъ слуги, ненавидѣвшіе принца, толпились вокругъ борцовъ, жадно выжидая, кто побѣдитъ. Губертъ былъ въ зеленомъ охотничьемъ мундирѣ и почти безоруженъ, между тѣмъ какъ принцъ, закованный съ ногъ до головы въ броню изъ полированной голубоватой стали, былъ недоступенъ ударамъ, а самъ вооруженъ тяжелымъ мечомъ и такимъ острымъ, что когда онъ наткнулся на развѣвавшіяся отъ вѣтра темныя кудри Губерта, то гладко срѣзалъ ихъ. Губертъ же сражался какъ отчаянный за свою фею,

но что̀ онъ могъ сдѣлать охотничьимъ ножемъ со стальной броней! Но вдругъ онъ увидѣлъ на землѣ золотой ключъ, который принцъ выронилъ, потому что долженъ былъ обѣими руками ухватиться за мечъ. Онъ быстро поднялъ его, хотя онъ и вѣсилъ нѣсколько пудовъ, и ударилъ имъ принца по головѣ. Тутъ принцъ разъярился, и плохо пришлось бы Губерту, еслибы онъ не увидѣлъ въ эту минуту Майскую Ночь: стоя у окна башни, она ломала себѣ руки. Тутъ онъ собрался съ духомъ и вторично ударилъ принца тяжелымъ ключомъ въ високъ, такъ что тотъ свалился, какъ подкошенная ель, и тутъ же умеръ. Губертъ, не оглядываясь на него, отперъ дверь башни, взбѣжалъ по крутой витой лѣстницѣ, взялъ на руки Майскую Ночь, снесъ ее внизъ во дворъ и вонъ изъ за̀мка, и какъ разъ во̀-время: слуги, внѣ себя отъ радости въ виду смерти своихъ тирановъ, растаскали костры и подожгли горящими елями за̀мокъ съ четырехъ концовъ, и онъ, даромъ что былъ стальной, загорѣлся точно соломенный; зарево освѣщало весь путь Губерта въ лѣсъ, куда онъ пришелъ какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ утренняя звѣзда зажглась надъ его головой. Губертъ снесъ Майскую Ночь не къ себѣ въ домъ, но къ старому пустыннику въ лѣсу, который стоялъ на колѣняхъ у своей кельи и молился. Окончивъ молитву, онъ благословилъ ихъ, и они стали мужъ и жена.

Такъ исполнилось сердечное желаніе Губерта, и онъ былъ бы невыразимо счастливъ, еслибы только Майская Ночь не была постоянно больна и видимо день ото дня ослабѣвала и таяла. Но она не жаловалась, а говорила, что это пустяки, что жизнь человѣческая только сначала кажется тяжелой; что со временемъ она привыкнетъ. Но Губертъ видѣлъ, какихъ трудовъ ей стоило проглотить хотя бы кусочекъ хлѣба, несмотря на то, что онъ приказывалъ хлѣбнику печь его изъ самой отборной крупичатой муки. Когда на столѣ появлялась дичь, ею овладѣвалъ смертельный ужасъ, и Губертъ поспѣшно уносилъ ее, и шелъ въ садъ посмотрѣть, не осталось ли гдѣ въ тѣнистыхъ мѣстечкахъ немножко утренней росы на цвѣтахъ. Ей достаточно было съ четверть наперстка этой росы; когда онъ ей приносилъ, она съ прелестной улыбкой благодарила его и жадно выпивала. „Мнѣ такъ хотѣлось бы жить,—говорила она,—потому что я тебя такъ люблю“.—Но я вижу,—отвѣчалъ Губертъ, полный печали,—что это свыше силъ твоихъ, и хотя для меня высшее счастіе, что ты—моя жена и постоянно со мной, но я бы хотѣлъ, чтобы ты взяла обратно кольцо и снова стала феей, хотя я буду видѣться съ тобой только по воскреснымъ ночамъ, въ маѣ мѣсяцѣ.—„Это

невозможно, я говорила тебѣ: когда фея вторично отдастъ свое кольцо любимому человѣку, она уже перестаетъ быть феей и никогда больше ею не будетъ. Я все это знала заранѣе, и живя у жены угольщика увидѣла, какъ трудна человѣческая жизнь. Но изъ любви къ тебѣ я взяла это на себя и не жалѣю, и никогда не пожалѣю, если только ты меня не разлюбишь".—Я никогда не разлюблю тебя, Майская Ночь, ты это знаешь.—„Значитъ, я всегда буду счастлива".

Майская Ночь замѣтно ослабѣвала, такъ что не могла больше шагу ступить, и онъ долженъ былъ постоянно носить ее на рукахъ. И Губертъ съ превеликой радостью дѣлалъ бы это, еслибъ только не сознавалъ, что она таетъ день ото дня, а когда истекъ годъ и снова наступила майская ночь, въ которую онъ освободилъ ее изъ зàмка людоѣда, она превратилась въ тѣнь. Разъ ночью онъ носилъ ее на рукахъ при лунномъ свѣтѣ, передъ домомъ, потому что она жаловалась, что въ комнатѣ ей душно, и она не можетъ дышать.—Лучше ли тебѣ?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчала она, и крѣпко прижалась къ нему.

Такъ носилъ онъ ее нѣкоторое время, затѣмъ приподнялъ немного на рукахъ, но едва могъ различить ея глаза, да и тѣ сіяли какъ бы издалека, а голосъ ея звучалъ какъ отдаленная, тихая музыка, хотя она говорила у самаго его уха, и онъ могъ разслышать каждое слово.

— Не пугайся!—сказала она: — наступилъ послѣдній мигъ нашего счастія. Король дýховъ сжалился надо мной и позволилъ мнѣ умереть феей и разсѣяться въ эѳирѣ, изъ котораго мы, феи, сотканы. Итакъ, прощай, мой милый!

Онъ почувствовалъ, что на рукахъ у него ничего нѣтъ, и только свѣжее дыханіе коснулось его губъ, и раза два такъ повторялось, точно она не могла рѣшиться съ нимъ разстаться. Жадно протягивалъ онъ руки вверхъ, туда, куда она унеслась, но увидѣлъ только серебристое облачко, разсѣявшееся въ лунномъ лучѣ.

— Ахъ! она не умерла!—вскричалъ онъ: — она только покинула меня и снова стала феей!

И вотъ онъ побѣжалъ на опушку лѣса къ полянѣ, на которой видѣлъ, какъ она танцовала съ подругами. Онѣ тамъ опять находились и танцовали при лунномъ сіяніи, не такъ живо и весело, какъ тогда, но медленными и торжественными хороводами, при чемъ ломали бѣлыя руки, зловѣще выдѣлявшіяся отъ ихъ одѣяній, не бѣлыхъ и серебристо-голубыхъ, какъ въ ту ночь, но черныхъ, какъ самая черная ночь, несмотря на то, что луна ярко

сіяла. Тутъ онъ узналъ, что Майская Ночь не обратилась снова въ фею, но разсѣялась въ воздухѣ и никогда больше не вернется. Отъ горя и печали онъ громко вскрикнулъ — и феи исчезли. Онъ бросился на мохъ и плакалъ такъ горько, что сердце у него разрывалось. Но вѣроятно ему не было больно, такъ какъ его нашли на другое утро, хотя мертвымъ, но съ просвѣтленнымъ лицомъ. Люди рѣшили, что это отъ солнца, которое какъ разъ въ эту минуту показалось надъ вершинами елей...

— Позвольте васъ поблагодарить, — сказала фрау Кёрнеръ, когда Юстъ умолкъ. — Вы доставили мнѣ большое удовольствіе. Когда вы это сочинили?

— Недавно, — отвѣчалъ Юстъ.

— И вы сразу написали эту сказку?

— Ахъ, нѣтъ! по частямъ; и разъ десять передѣлывалъ ее, въ особенности конецъ.

— Онъ немножко коротокъ.

— У меня былъ другой, болѣе длинный, въ которомъ Губертъ становится пустынникомъ, послѣ того, какъ умираетъ Майская Ночь.

— Пожалуйста, разскажите!—Пустынникомъ?

— Да. Майская Ночь беретъ съ него обѣщаніе, что онъ не изведется съ тоски послѣ ея смерти, а будетъ жить справедливымъ, серьезнымъ человѣкомъ. А такъ какъ онъ во всей мѣстности не зналъ ни одного справедливаго человѣка, кромѣ стараго пустынника, онъ и предложилъ ему себя въ братья-помощники. Тотъ охотно принялъ его; онъ служилъ ему много лѣтъ, пока старикъ не умеръ, и онъ тогда занялъ его мѣсто.

— Я думаю, что первый конецъ поэтичнѣе,—сказала фрау Кёрнеръ.—Какъ по мнѣнію дамъ?

Умной женщинѣ удалось ея намѣреніе—вывести общество изъ затруднительнаго молчанія, которое обыкновенно наступаетъ послѣ подобнаго разсказа. Кромѣ того, она наблюдала за присутствующими, пока Юстъ разсказывалъ, и при этомъ сдѣлала своеобразныя наблюденія. Изъ лицъ, окружавшихъ чайный столъ, ни одно не слушало непринужденно и беззаботно; миссъ Броунъ сидѣла съ опущенными глазами и только раза два про себя улыбнулась. Изабелла очевидно старалась показать, что знакомая сказка нисколько въ сущности ее не интересуетъ; но при этомъ становилась все блѣднѣе и блѣднѣе, и темные глаза сверкали торжествомъ на блѣдномъ лицѣ; Сивилла слушала какъ очарованная,

потерявшая сознаніе о томъ, гдѣ она и чтò съ ней, и даже не чувствуя слезъ, катившихся изъ ея неподвижныхъ, широко раскрытыхъ глазъ по щекамъ, — совершенная противоположность Арману, лицо котораго становилось все мрачнѣе; по временамъ онъ приподнималъ опущенные глаза и металъ гнѣвные взгляды то на разсказчика, то на Изабеллу. Это чуть было не разсмѣшило фрау Кёрнеръ, но особенно противнымъ и зловѣщимъ показалась ей злобная усмѣшка, игравшая все время на тонкихъ губахъ m-lle Маргò, и взглядъ, брошенный ею на доктора Мюллера, который отвѣтилъ такимъ же многозначительнымъ взглядомъ. Для фрау Кёрнеръ двѣ вещи стали ясны: во-первыхъ, что самъ разсказчикъ и Изабелла были героями сказки, и во-вторыхъ, что для Юста было бы лучше, еслибы онъ ее не разсказывалъ.

Тѣмъ временемъ буря улеглась. Мракъ, наступившій съ бурей, перешелъ въ сумракъ, хотя дождь шелъ непрерывно. Фрау Кёрнеръ просила переждать дождь; но изъ зàмка прибылъ слуга съ извѣстіемъ, что графъ требуетъ, чтобы господа немедленно возвратились. Двѣ кареты, нàскоро запряженныя, были поданы. Всѣ простились съ доброй хозяйкой. На обратномъ пути въ каретѣ, гдѣ сидѣли четыре дамы, не было сказано почти ни слова, и въ той, гдѣ находился докторъ Мюллеръ съ своими двумя учениками, молчаніе ни разу не нарушалось.

VIII.

Общество, по возвращеніи, ожидалъ большой сюрпризъ. Вскорѣ послѣ того какъ всѣ ушли изъ зàмка, графъ получилъ телеграмму, и въ ней сообщалось, что на завтрашній день предстояло въ палатѣ господъ одно очень важное голосованіе. Графъ рѣшилъ немедленно ѣхать. Ему представился отличный случай рѣшить цѣлый рядъ важнѣйшихъ хозяйственныхъ вопросовъ, которыми ежедневно мучилъ его директоръ. Наступали также дни, когда онъ имѣлъ обычай устроивать большую охоту и принимать у себя въ зàмкѣ окрестное дворянство. Человѣкъ вообще очень общительный, въ послѣднее время онъ впалъ въ ипохондрію, и мысль о томъ, что ему придется день за днемъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль разыгрывать любезнаго хозяина, стала ему несносна. Отъ всего этого, конечно, не спасетъ его кратковременное пребываніе въ Берлинѣ, но онъ долженъ тамъ остаться: а такъ какъ черезъ нѣсколько недѣль должно было состояться переселеніе

туда всей семьей, и пренія въ палатѣ депутатовъ будутъ дѣйствительно важны, то на него нельзя претендовать, если онъ поставитъ впереди всего свои патріотическія обязанности.

Чтобы вывести изъ всѣхъ этихъ соображеній удобный для себя выводъ, графу потребовалось всего лишь нѣсколько минутъ. Но тутъ же ему пришло въ голову, что если онъ уѣдетъ, а семья останется, онъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль не увидитъ Изабеллы. А она его не на шутку заинтересовала. Не имѣть возможности ежедневно заглядывать въ ея темные глаза, слѣдить за тѣмъ, какъ она распускается, точно цвѣтокъ — это было бы настоящей пищей для ипохондріи: бѣгствомъ спастись отъ страсти, которая самому ему въ лучшія минуты казалась потѣшной, онъ уже больше не могъ. Чтò если онъ не то, что заберетъ съ собой семью немедленно—это могло бы показаться страннымъ—но поторопитъ ея переѣздъ? Надо постараться повліять на графиню. Но самъ онъ давно отказался отъ этого. Черезъ кого же? Черезъ Изабеллу?—это могло бы обнаружиться. Черезъ домового врача доктора Эбергарда, которому она въ послѣднее время безусловно вѣрила? Но онъ только послѣ-завтра вернется изъ четырехнедѣльнаго отпуска. Всегда, когда человѣкъ нуженъ, тутъ-то его и нѣтъ.

Стукъ въ дверь прервалъ мрачныя размышленія графа. Вошелъ слуга и спросилъ: — угодно ли господину графу принять доктора Эбергарда. — Графъ ушамъ своимъ не вѣрилъ. Слуга доложилъ, что докторъ уже съ часъ какъ пріѣхалъ; онъ не знаетъ, почему гофмейстеръ не доложилъ объ этомъ господину графу; можетъ быть потому, что доктора немедленно призвали къ ея сіятельству графинѣ.

— Проси! — сказалъ графъ.

Онъ всталъ на встрѣчу входившему доктору и милостиво протянулъ ему руку.

— Какими судьбами вы такъ рано вернулись?

Молодой человѣкъ разсмѣялся.

— Откровенно говоря, графъ, я вызванъ телеграммой графини; я получилъ ее вчера въ Берлинѣ, и мнѣ въ ней приказывалось немедленно пріѣхать. Я былъ въ гостяхъ и пропустилъ ночной поѣздъ. Я нанялъ экипажъ.

— Въ чемъ дѣло?.. но садитесь, пожалуйста!—Зачѣмъ вы понадобились графинѣ? Ея состояніе за послѣдніе дни...

— Именно это самое состояніе, графъ, опасно. Оно грозитъ наступленіемъ одного изъ тѣхъ летаргическихъ періодовъ, симп-

томы которыхъ хорошо знакомы самой графинѣ. Я долженъ былъ признать вѣрность ея собственныхъ наблюденій надъ собою.

— Но что же дѣлать, докторъ?

— Все то же, графъ: стараться помѣшать графинѣ впасть въ апатію, когда она неспособна къ собственному почину; но къ сожалѣнію—говорю это какъ врачъ—она совсѣмъ не подчиняется чужому вліянію и руководству. Средства противъ этого, графъ? Все тѣ же самыя: принудить ее къ дѣйствію. И такъ какъ демонъ можетъ каждую минуту овладѣть ею, не терять ни секунды, приступить немедленно. Могу я позволить себѣ совѣтъ, графъ? Я слышу, вы собираетесь съ десятичасовымъ поѣздомъ въ Берлинъ? Возьмите съ собой графиню.

— Еслибы дѣло шло объ Изабеллѣ,—сказалъ про себя графъ, но вслухъ прибавилъ:

— Я боюсь, что графиня не успѣетъ собраться.

— Напротивъ; я слегка намекнулъ на это, и графиня съ радостью ухватилась за эту мысль.

Графъ подумалъ:

— Хорошо, — сказалъ онъ: — я согласенъ, но подъ однимъ условіемъ: и вся остальная семья послѣдуетъ за нами въ непродолжительномъ времени.

— Я не вижу причины, которая могла бы этому помѣшать, —сказалъ докторъ Эбергардъ.—По моему, хоть послѣ-завтра.

— А почему бы не завтра?—сказалъ графъ поспѣшно.

Молодой человѣкъ съ удивленіемъ взглянулъ на графа. Предательская краска разлилась по лицу послѣдняго, но онъ возможно спокойнымъ голосомъ прибавилъ:

— Графиня не должна быть одна; это ядъ для нея при ея теперешнемъ состояніи. Она не можетъ обойтись безъ m-lle Марго; молодая графиня въ свою очередь будетъ скучать безъ фрейлейнъ Изабеллы. Тутъ цѣлая цѣпь отношеній; къ чему ее порывать, изъ одной только нашей нѣмецкой неповоротливости? Когда мой зять, сэръ Генри въ Лондонѣ, говоритъ лэди Елизаветѣ: „душа моя, мы должны завтра въ шесть часовъ выѣхать въ Калькутту со всѣми дѣтьми“, та ему отвѣчаетъ безъ всякаго раздумья: „другъ мой, мы будемъ готовы къ назначенному часу“. Почему нѣмцы этого не могутъ?

— Итакъ, завтра, — сказалъ молодой человѣкъ съ серьезной миной, которую ему не легко было сохранить въ настоящую минуту.

— Докторъ Мюллеръ съ двумя мальчиками можетъ, пожалуй, пріѣхать позже. Имъ спѣшить незачѣмъ. Кстати, докторъ: вы

не знаете нашего новаго пріобрѣтенія: я говорю про Юста Арнольда, котораго я взялъ въ домъ для Армана, хотя, между нами будь сказано, не вижу, собственно говоря, какая отъ того польза Арману.

Докторъ изъ писемъ миссъ Броунъ зналъ уже обо всемъ, что произошло любопытнаго въ зàмкѣ за время его отсутствія, и имя Юста зачастую попадалось въ милыхъ посланіяхъ; но онъ не имѣлъ никакого повода заявлять графу о томъ, чтò зналъ. Онъ сказалъ только:

— Мнѣ жаль это слышать, графъ.

— Конечно; постоянно попадаешься на удочку собственнаго добродушія и принимаешь нуль за крупную цифру. Кстати, гдѣ же это молодежь?—въ этотъ часъ они обыкновенно гуляютъ.

Слуга, явившійся на звонокъ, подтвердилъ это. Молодые господа „съ своей свитой“ уже съ полчаса какъ отправились на прогулку.

— Они не долго пробудутъ въ отсутствіи; погода хмурится, —сказалъ графъ, глядя въ высокое окно, выходившее на террасу парка.

Тутъ дождь забарабанилъ въ окна и блеснула молнія, напугавшая гулявшихъ въ мавзолеѣ.

— Однако погода не на шутку испортилась,—сказалъ графъ; —надѣюсь, что они уже вернулись; узнайте, любезный докторъ.

Но общество еще не вернулось; прошло еще полчаса, а его все не было, хотя буря разразилась со всею яростью. Графъ съ трудомъ скрывалъ свой страхъ и долженъ былъ сознаться про себя, что боится, собственно говоря, за Изабеллу. Даже сама Сивилла, которой прежде онъ дарилъ остатки своего чувства, совсѣмъ вылетѣла у него изъ памяти. Онъ собирался разослать слугъ во всѣхъ направленіяхъ, когда изъ стараго зàмка явился гонецъ съ извѣстіемъ: молодые господа укрылись въ квартирѣ директора.

— Слава Богу!—пробормоталъ графъ: — и опять подумалъ при этомъ объ Изабеллѣ.

IX.

Вернувшееся домой общество было тотчасъ же увѣдомлено о распоряженіяхъ графа на слѣдующій день: дамы послѣдуютъ за графской четой съ поѣздомъ, который отходилъ ровно въ десять часовъ утра; докторъ Мюллеръ съ своими воспитанниками

останется пока въ замкѣ. Педагогъ былъ въ душѣ очень доволенъ этимъ распоряженіемъ: пробыть нѣсколько недѣль, не подчиняясь тягостному этикету, связанному съ присутствіемъ графскаго семейства, было уже хорошо; а еще лучше не видѣть нѣкоторое время желтыхъ локоновъ m-lle Аделаиды; кромѣ того, онъ постарается воспользоваться этимъ временемъ, чтобы вырвать изъ ума и сердца темноглазую чертовку. M-lle Маргô некогда было соображать, довольна она или нѣтъ,—кареты, которыя должны были отвезти господъ на станцію желѣзной дороги, заказаны были къ девяти часамъ, то-есть ровно черезъ два часа. Если она успѣетъ къ тому времени, съ помощью камеръ-юнгферы графини, уложить всѣ необходимыя въ дорогѣ вещи, то и слава Богу. А половина ночи пройдетъ въ укладкѣ ея собственныхъ вещей и вещей графини Сивиллы. Поэтому она немедленно распрощалась съ женихомъ, шепнувъ ему: „Понимаете теперь, милѣйшій, на чемъ укрѣпить рычагъ, чтобы отдѣлаться отъ мерзкой интригантки? Говорю вамъ: Арманъ готовъ отравить мальчишку! Вѣдь это просто скандалъ. Надо надѣяться, что у графини Сивиллы раскрылись теперь глаза на то, какую змѣю она пригрѣла на груди".

— Но что же мнѣ дѣлать?—спросилъ испуганный педагогъ.

— Сначала выгнать мальчишку, а затѣмъ и ее вслѣдъ за нимъ.

Она угадала одно: у Сивиллы дѣйствительно раскрылись глаза, и она поняла сегодня вечеромъ то, что неясно представлялось ей передъ тѣмъ, а теперь стало ясно какъ божій день:—она любитъ Юста, а Юстъ любитъ Изабеллу. А потому она тихо сказала, когда Юстъ прощался съ ней, пожимая ему горячо руку: „Отъ души благодарю васъ: ваша сказка очаровательна". И по тому же самому, когда Изабелла и миссъ Броунъ расходились по комнатамъ, она нѣжнѣе чѣмъ когда-либо обняла пріятельницу и молча поцѣловала ее раза два въ румяный ротикъ.

Передъ тѣмъ миссъ Броунъ, которая шла къ графинѣ, была такъ счастлива, что два раза встрѣтилась въ корридорѣ съ докторомъ Эбергардомъ, выходившимъ отъ графини. Кромѣ нихъ въ эту минуту никого не было въ корридорѣ, но они уже слышали шаги слуги, поднимавшагося изъ нижняго этажа по лѣстницѣ въ сѣни, которыя вели въ корридоръ. При такихъ обстоятельствахъ имъ ничего не оставалось, какъ нѣжно, хотя и торопливо поцѣловаться послѣ четырехнедѣльной разлуки.

Господа, вмѣстѣ съ докторомъ Эбергардомъ, безъ котораго высокородная паціентка не могла больше пробыть ни минуты,

уже съ часъ какъ уѣхали; за ними уѣхалъ экипажъ съ прислугой и на̀скоро уложеннымъ багажемъ. Въ за̀мкѣ все прибирали и приводили въ порядокъ подъ надзоромъ управителя. Но и этотъ шумъ затихъ наконецъ; за̀мокъ погрузился въ покой и лишь немногія окна были освѣщены.

Три изъ этихъ окна, въ верхнемъ этажѣ, выходившія на террасу, принадлежали къ двумъ комнатамъ — одна поменьше, другая побольше — въ нихъ помѣщались рядомъ миссъ Броунъ и Изабелла. Дверь, соединявшая обѣ комнаты, была притворена. Миссъ Броунъ укладывала свой сундукъ, тихонько напѣвая порою, порою же тихо усмѣхаясь про себя, и сновала между сундукомъ, комодомъ и шкафомъ. Только по прошествіи нѣкотораго времени она спохватилась, что въ комнатѣ рядомъ, гдѣ Изабелла разговаривала съ горничной, помогавшей ей укладываться, все затихло. Она не слышала, какъ ушла горничная; но какъ бы то ни было, а ее больше тамъ не было, и Изабелла легла спать, не попрощавшись съ ней на ночь. — „Это однако довольно безцеремонно“,—подумала миссъ Броунъ.

Она отворила дверь и остановилась на порогѣ, прикованная картиной, представшей ея глазамъ и невольно любуясь ею. Изабелла, въ бѣломъ широкомъ пеньюарѣ, въ красныхъ туфелькахъ, сидѣла на низенькомъ креслѣ у камина, гдѣ горѣлъ огонь. Она заплела въ косу одну половину своихъ длинныхъ волосъ, а другая золотистой волной спускалась до самаго ковра. Маленькія ручки устало лежали на колѣняхъ; большіе темные глаза, пристально глядѣвшіе въ пространство, сверкали при свѣтѣ огня. Лампа подъ розовымъ абажуромъ, стоявшая на ночномъ столикѣ, проливала магическій свѣтъ на красивую фигуру.

— Право, — подумала миссъ Броунъ: — настоящая фея изъ сказки; но только та навѣрное была не такъ красива.

Изабелла, должно быть, почувствовала восхищенный взглядъ, устремленный на нее. Она медленно обратила глаза на миссъ Броунъ, съ улыбкой, которая еще скрасила ея хорошенькое личико:—Присядьте ко мнѣ, миссъ Эдита! Какія у васъ красивыя руки!

— Какое вамъ дѣло до моихъ рукъ?—возразила миссъ Броунъ, смѣясь, и, войдя въ комнату, усѣлась на другомъ креслѣ напротивъ Изабеллы, накинувъ шаль, висѣвшую на крючкѣ, себѣ на голыя плечи.

— Я все люблю, что̀ красиво,— отвѣчала Изабелла.

— И прежде всего самоё себя?

— Развѣ я красива?—спросила Изабелла, отбрасывая назадъ распущенные волосы.

— Если я скажу нѣтъ, вы не повѣрите, тщеславное созданіе. Слѣдовательно, говорю отъ души: да, вы очень красивы! я должна это сказать, тѣмъ болѣе, что хочу прочитать вамъ по этому поводу маленькую нотацію.

— Ахъ, Богъ мой! неужели это необходимо?—сказала Изабелла, лукаво посматривая, такъ что миссъ Эдита чуть не расхохоталась. – Нравоученія такъ скучны!

— Но полезны для хорошенькихъ ушей, которымъ деньденьской жужжать все лестныя вещи, такъ что они перестали даже краснѣть, какъ бы ни была преувеличена лесть.

— Ну, тогда это не касается моихъ ушей, миссъ Эдита; я чувствовала, что они разгорѣлись какъ огонь, когда вы сказали, что я очень хороша.

— Вы безсовѣстная дѣвочка, — отвѣчала миссъ Эдита, невольно смѣясь;—но я васъ люблю и желала бы, чтобы вы были счастливы; а счастье для такой дѣвушки, какъ вы, нелегко дается —говорю вамъ по опыту. Хотите, я вамъ разскажу кое-что изъ своей жизни?

— Ахъ, да! — вскричала Изабелла: — это лучше нравоученій.

— То, что̀ я разскажу, и будетъ какъ разъ нравоученіемъ. Поэтому слушайте внимательно и не думайте, по обыкновенію, о другомъ, то-есть о самой себѣ! Я уже сегодня разсказала вамъ свою жизнь въ общихъ чертахъ. Теперь я войду въ нѣкоторыя подробности. Вы помните: мои родители были богаты; мы жили обыкновенно въ чудесномъ помѣстьѣ, въ домѣ, выстроенномъ за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ архіепископомъ кентербэрійскимъ, въ готическомъ стилѣ. Даже конюшни, сараи, ледникъ—все было той же оригинальной, солидной, но изящной архитектуры. Вокругъ дома раскидывался паркъ, съ чудными четырехсотлѣтними дубами и буками. Въ паркѣ, въ сторонѣ отъ дома, стояла часовня—натурально, готическая: съ полукруглыми окнами и пестрыми стеклами, лѣтомъ увитая розами и дикимъ виноградомъ. Въ другомъ мѣстѣ, ближе отъ дома, находилась библіотека, со шкафами, вдѣланными въ стѣны; надъ шкафами висѣли картины масляными красками съ изображеніемъ главнѣйшихъ европейскихъ соборовъ: св. Петра, св. Павла, вестминстерскій и другіе. Направо отъ библіотеки раскидывалась небольшая роща изъ высокихъ сосенъ, и подъ ними лѣтомъ росли однѣ только дикія фіалки. Поглядѣть весной,—казалось, небо цѣ-

луетъ землю. Представьте себѣ чудные голубые цвѣты подъ темными деревьями—я и описать не могу!

Я была единственнымъ ребенкомъ. У меня былъ въ паркѣ игрушечный домикъ, восхитительнѣйшее жилище для куклы: роскошный салонъ съ большимъ каминомъ, зеркалами, толстыми коврами, орѣховой мебелью—все, разумѣется, en miniature, потому что весь-то домикъ занималъ отъ девяти до четырнадцати футовъ пространства. Садъ изъ розъ, занимавшій не менѣе двухъ англійскихъ акровъ, былъ круглый и обнесенъ кругомъ высокой изгородью изъ боярышника. Посрединѣ находился низенькій холмъ, и на немъ росло дерево, увитое плющемъ и шиповникомъ. Въ саду были и другіе цвѣты, кромѣ розъ, но розы преобладали, въ особенности въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда проѣзжавшіе по дорогѣ экипажи останавливались и сидѣвшіе въ нихъ люди не могли налюбоваться чуднымъ видомъ цвѣтовъ и ихъ ароматомъ. То былъ рай. Я по цѣлымъ часамъ лежала, бывало, навзничъ, уткнувшись лицомъ въ землю, слѣдя за суетливой жизнью муравейника или наблюдая за движеніемъ былинокъ и думая сама не знаю о чемъ; но въ чудномъ саду іюльскихъ розъ мною овладѣвалъ просто экстазъ. Я думаю, что то, что я называю въ себѣ чувственностью, родилось въ этомъ царствѣ розъ.

Все помѣстье было обнесено живой изгородью, гдѣ черезъ каждые десять шаговъ высилось розовое дерево. Направо, налѣво и позади нашего помѣстья находились еще другія, а напротивъ, по ту сторону дороги, которая вела въ эти различныя помѣстья, находился хаотическій пустырь, поросшій деревьями, цвѣтами, кустарниками, переплетенными между собою плющомъ и дикимъ виноградомъ, въ живописномъ безпорядкѣ, потому что домъ, къ которому принадлежалъ этотъ запущенный паркъ, давно сгорѣлъ, и съ тѣхъ поръ никто, кромѣ меня, не посѣщалъ его.

Наружность моя? ну, милое дитя, я сама не знаю, какою я была тогда. Позднѣе мнѣ говорили, что я была особенная, не похожая на другихъ дѣвушка. Лицо мое было покрыто загаромъ отъ солнца, и, смотря по обстоятельствамъ, я то краснѣла, какъ огонь, то блѣднѣла, какъ смерть; совсѣмъ какъ вы, милое дитя. Волосы мои, которые я заплетала въ двѣ толстыя косы, были такъ длинны, что когда я ихъ распускала, они падали до колѣнъ и придавали мнѣ сходство съ дамами на объявленіяхъ одного доктора, продававшаго помаду для волосъ... тоже какъ у васъ.

Мой темпераментъ? обыкновенно я была меланхоличнаго нрава, но когда мною овладѣвало веселье, я превращалась въ

какой-то вихрь. Я никогда не училась танцовать и ѣздить верхомъ—эти два искусства были у меня прирожденныя... какъ и у васъ. Вообще до двѣнадцатилѣтняго возраста я ничему не училась: даже писать и читать. Мои родители считали болѣе полезнымъ для меня бѣгать на воздухѣ. Я была того же мнѣнія, такъ же какъ и моя нянюшка-ирландка, съ которой я спала въ одной комнатѣ второго этажа, гдѣ у нея всегда висѣло Распятіе и терновый вѣнецъ.

Когда же ко мнѣ пригласили гувернантку, то, конечно, я должна была начать учиться... хотя и очень неохотно. Первая книга, заинтересовавшая меня, была поэма Лонгфелло: „Гайавата". Моя гувернантка читала мнѣ ее и приходила въ отчаяніе отъ того, что я слушала обыкновенно задравъ ноги выше головы, и когда она хотѣла мнѣ объяснить что-нибудь, говорила: „я не хочу понимать, я хочу только слушать музыку". Музыку я очень любила, и мнѣ разсказывали, что трехъ лѣтъ отъ роду я не могла слышать минорныхъ аккордовъ, не расплакавшись.

Ну, теперь перейду къ главному пункту: какъ я нравилась другимъ людямъ? Замѣтьте, милое дитя: всѣ мальчики въ сосѣдствѣ были въ меня влюблены, за исключеніемъ одного, который казался мнѣ вслѣдствіе этого такимъ чудакомъ, что я, наконецъ, рѣшила, что онъ глупъ. Если я и была кокетка, то сама этого не знала; во всякомъ случаѣ кокетство мое было ненамѣренное. Я принимала дань отъ молодежи: букеты, птичьи яйца, маленькихъ ящерицъ и такъ далѣе, съ охотой, но какъ должное. Самый ревностный мой поклонникъ, когда мнѣ было десять или одиннадцать лѣтъ, жилъ въ помѣстьѣ, расположенномъ позади нашего, и, презирая смерть, продѣлалъ дыру въ нашей оградѣ, сквозь которую мы переговаривались, какъ Пирамъ и Тизба. Когда мы стали постарше, то рѣшили, что женимся... но это не мѣшало мнѣ каждый мѣсяцъ отсылать его на всѣ четыре стороны. Когда мнѣ минуло тринадцать лѣтъ, я полюбила двадцатипятилѣтняго кавалера, который пѣлъ любовныя пѣсни, писалъ стихи и носилъ усы. Мнѣ едва стукнуло четырнадцать лѣтъ, какъ двое господъ, бывавшихъ въ нашемъ домѣ, посватались ко мнѣ; одному было тридцать-четыре года, другой былъ старше моего отца. Отецъ за меня отказалъ, и я была вполнѣ съ нимъ согласна. Престарѣлый поклонникъ такъ близко принялъ къ сердцу отказъ, что слегъ въ постель и долго былъ боленъ. Когда мнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ и я стала выѣзжать, пошло того хуже: мужчины всѣхъ возрастовъ влюблялись въ меня, и хотя меня это до нѣкоторой степени забавляло, и я бы съ тру-

домъ обошлась безъ ихъ поклоненій, но все это развивало во мнѣ нѣкотораго рода пессимистическое высокомѣріе, недалекое отъ безсердечности. И при этомъ я жаждала нѣжной любви. Часто юное и глупое сердце мое было тяжело какъ свинецъ, и я заливалась горькими слезами.

Кульминаціоннымъ пунктомъ моей блестящей, но пустой жизни былъ шестнадцатый годъ. Затѣмъ наступило быстрое нисхожденіе. Я уже разсказывала, что мои родители вскорѣ умерли одинъ за другимъ, и злые родственники, подъ предлогомъ заботы о моемъ будущемъ, растратили въ какой-нибудь годъ мое состояніе. Семнадцати лѣтъ отъ роду, я, единственная наслѣдница, одинокая въ мірѣ сирота, оказалась нищей. Это значило: быть гувернанткой. На хорошія мѣста я не могла разсчитывать: я слишкомъ мало знала. Итакъ, оставалось нѣчто среднее между гувернанткой и бонной, какъ ихъ называютъ въ Германіи. Притягательная сила для мужчинъ, повидимому, не оставила меня; но они или не хотѣли честно поступить со мной, или не могли, потому что не были ни богаты, ни знатны, а я... Я не могла забыть своего сада изъ розъ. Не могла забыть, въ какомъ раю я жила, и что мужчины, обладавшіе милліонами, тщетно ползали у моихъ ногъ. Я была принцесса, изгнанная изъ наслѣдственнаго зáмка своего отца и осужденная на трудъ рабыни. Вотъ судьба, отъ которой я не могла уйти. Но быть женой викарія, или деревенскаго врача, или мелкаго фермера — этой судьбы я могла и хотѣла избѣжать.

Одинъ изъ тѣхъ, которые не хотѣли или не могли честно отнестись ко мнѣ, былъ сыномъ и наслѣдникомъ лорда, въ домѣ котораго я заняла при младшихъ дѣтяхъ мѣсто не то бонны, не то гувернантки. Онъ былъ красивый молодой человѣкъ, и мнѣ нравился, но безпутный. Онъ клялся мнѣ, что исправится, что я одна могу его спасти, что онъ небо и землю перевернетъ, чтобы назвать меня своей. Я не вѣрила ни въ его любовь, ни въ исправленіе. Быть можетъ, въ послѣднемъ я была права, но въ первомъ—нѣтъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ меня любилъ. Въ отчаяніи, что я его отвергла, онъ тайкомъ уѣхалъ изъ Англіи въ Индію и искалъ и нашелъ смерть въ бою съ туземцами.

Вы спрашивали меня сегодня, милое дитя, была ли я несчастна въ любви. До сихъ поръ я не могла пожаловаться на несчастную любовь, хотя послѣдній случай, какъ вы согласитесь, окончился трагически, но несчастія для меня собственно въ этомъ не было. Къ тому же мое сердце ни въ чемъ не участвовало.

Настоящее несчастіе наступаетъ тогда, когда самъ охваченъ страстью.

Это меня постигло два года спустя во Франціи, куда забросила меня странническая жизнь въ семьѣ овдовѣвшаго, очень богатаго маркиза со многими дочерьми, скоро ставшими моими пріятельницами, и однимъ сыномъ, увѣрявшимъ меня, что полюбилъ меня съ перваго взгляда. Я повѣрила ему... потому что то же самое случилось и со мной. То была настоящая трагическая любовь съ начала и до конца. Когда мы познакомились, Рене былъ уже помолвленъ съ одной молодой графиней по сосѣдству, красивой, благородной дѣвушкой, про которую злѣйшіе языки не могли бы сказать ничего худого. Почему Рене предпочелъ меня ей—Богъ знаетъ. Я постоянно напоминала ему про его обязательства, хотя этого и не требовалось: онъ самъ былъ честнѣйшій, проникнутый чувствомъ долга человѣкъ. Мы были безгранично несчастны. Наконецъ онъ рѣшилъ открыться во всемъ Викторинѣ. Но тутъ ея отецъ, графъ, увлекшись финансовыми спекуляціями, потерялъ все свое состояніе. По французскимъ понятіямъ Рене могъ взять свое слово назадъ, но и тутъ вовсе не понадобились мои убѣжденія въ томъ, что честный человѣкъ такъ поступать не долженъ. Онъ, казалось, рѣшилъ не отступать. Но, должно быть, не разсчиталъ своихъ силъ: вечеромъ въ день свадьбы его нашли въ отдаленной части парка, на берегу ручья, подъ лепетъ котораго мы объяснились въ любви—мертвымъ. Онъ пробилъ пулей свою благородную голову.

Эдита замолчала, уставясь широко раскрытыми глазами въ огонь камина, точно въ немъ видѣла страшную картину, вызванную ея воспоминаніями. Спустя немного времени, она провела рукою по лбу, попыталась улыбнуться, но это ей не удалось и продолжала:

— Вы понимаете, милое дитя, что послѣ этой катастрофы я не могла оставаться въ этой семьѣ. Но куда ни заносила меня прихотливая судьба, вездѣ повторялось одно и то же: мужчины, молодые и старые, влюблялись въ меня, а если и прежде эти всесвѣтныя поклоненія доставляли мнѣ мало удовольствія, то послѣ того, какъ я узнала, что̀ такое истинная любовь, они стали мнѣ просто противны. И однако—ужасное противорѣчіе!—я не могла безъ нихъ обойтись. Когда это случалось,—а это все-таки бывало, такъ какъ есть же разсудительные, скажу лучше, хладнокровные мужчины,—мною овладѣвало странное безпокойство и болѣзненное желаніе добиться, какъ обязательной дани, того, въ чемъ мнѣ отказывали. До сихъ поръ я не была кокеткой, но тутъ я стала

ею, и сама знала это. Повѣрьте мнѣ, что это не возвышало меня въ собственномъ мнѣніи. Я дошла въ двадцать пять лѣтъ до того пункта, до котораго — я должна это высказать, весь мой разсказъ къ тому ведется, я не даромъ передаю вамъ всю эту длинную исторію—вы дошли теперь въ четырнадцать лѣтъ.

Миссъ Броунъ проговорила медленно и выразительно послѣднія слова, прямо глядя въ глаза хорошенькой дѣвочкѣ; но тщетно искала она того впечатлѣнія, какое желала произвести. Лицо Изабеллы оставалось спокойно, точно рѣчь шла не о ней, а о какомъ-нибудь постороннемъ лицѣ. И тѣмъ же спокойнымъ тономъ проговорила она:

— Я хорошенько не понимаю, до какого пункта я дошла. Вы говорите, что были кокеткой. Что̀ это значитъ?

Миссъ Броунъ онѣмѣла. Что̀ это— наивность?—тогда она своимъ разсказомъ совершила великую глупость и даже погрѣшила противъ невинности этого ребенка. Если же это утонченная хитрость, то, конечно, грѣха нѣтъ, — но глупость остается. Быть можетъ, истина, какъ это часто бываетъ, по срединѣ: дѣвочка и не такъ невинна, какою выдаетъ себя, и не такъ опытна, чтобы заданный ею сейчасъ вопросъ былъ однимъ притворствомъ и ложью. Она рѣшила въ такомъ смыслѣ отвѣтить ей:

— Вы не знаете, что̀ такое кокетка, а такъ какъ по моему мнѣнію—и я на немъ настаиваю—вы сами кокетка, то, значитъ, вы кокетка безсознательная. Слава Богу, это не такъ худо, потому что мы всѣ кокетки отъ природы... я хочу сказать, всѣ люди. Всѣ желаютъ нравиться: каждый, по мѣрѣ силъ и насколько умѣетъ, пробуетъ тѣ средства, какими, по опыту, онъ достигалъ того, что̀ нравится; это въ порядкѣ вещей, мало того: общество создается изъ этихъ элементовъ, и благодаря имъ въ немъ живется легко. Тутъ не можетъ быть рѣчи объ обманѣ, пока люди не выдаютъ фальшивую монету за настоящую. Обманъ начинается тогда, когда сознательно даютъ худой товаръ за вѣрныя деньги, или наоборотъ. Или переводя это на нравственность: когда въ другихъ будятъ и питаютъ страсть, на которую отвѣтить не въ состояніи. Этой опасности, этому грѣху всего легче подпадаетъ красивая дѣвушка, которую весь свѣтъ—я хочу сказать, всѣ мужчины—какъ бы сговорились превратить въ такую грѣшницу. И отъ этой опасности, отъ которой я не убереглась, я хотѣла предостеречь васъ, милое дитя. Больше ничего. И если я зашла слишкомъ далеко и сказала что-нибудь лишнее, то беру это назадъ и извиняюсь передъ вами на колѣняхъ.

При этихъ послѣднихъ словахъ она спустилась съ кресла

на полъ къ ногамъ Изабеллы и, обнявъ обѣими руками изящную фигуру дѣвушки, поцѣловала ее въ румяныя уста.

— А теперь,—добавила она, вставая съ пола,—ложитесь въ постель и не думайте больше о томъ, чт̀о вамъ наболтала старая, болтливая гувернантка! Мы поговоримъ еще на эту тему, и тогда я вамъ скажу, быть можетъ, то, чт̀о собственно обязана вамъ сообщить, послѣ всѣхъ только-что сдѣланныхъ признаній.

Изабелла приподняла голову и сказала:

— Не нужно, миссъ Эдита, я уже знаю.

— Чт̀о вы знаете?

— Что вы любите доктора Эбергарда.

Англичанка молча уставилась широко раскрытыми глазами въ лицо дѣвочки.

— Четыре недѣли тому назадъ,—продолжала Изабелла,—когда докторъ уѣзжалъ въ отпускъ, мы всѣ гуляли по рощѣ около пруда, вы отстали съ нимъ немного, я оглянулась совсѣмъ нечаянно, и въ большомъ кустарникѣ, отдѣлявшемъ васъ обоихъ отъ меня, было отверстіе... Я такъ обрадовалась. Онъ мнѣ очень нравится, и я васъ такъ люблю... и я никому не сказала ни слова, будьте увѣрены... вы мнѣ не вѣрите?

— Нѣтъ, нѣтъ!—пробормотала миссъ Броунъ.

Она стояла все съ той же удивленной и испуганной миной. Вдругъ она засмѣялась.

— Да, да,—вскричала она:—докторъ Эбергардъ—мой женихъ, а вы... вы—настоящій демонъ.

Съ этимъ она вышла за дверь, притворивъ ее за собой.

Изабелла осталась въ креслахъ. Медленно заплела она правую косу и просидѣла еще немножко въ раздумьѣ, затѣмъ откинула косу на спину, встала, потушила мимоходомъ лампу и улеглась въ постель. Тамъ лежала она неподвижно, глядя въ каминъ, гдѣ по временамъ пробѣгали въ золѣ голубоватые и желтоватые огоньки.

— Да, да,—повторяла она про себя:—я хорошо сдѣлала; я должна была ей это сказать. Это внушило ей уваженіе ко мнѣ... а внушать уваженіе людямъ всегда выгодно. Они тогда не позволяютъ себѣ лишняго. Курьезную исторію она мнѣ разсказала—садъ съ розами... должно быть, прелесть какъ тамъ хорошо было... и такая пропасть поклонниковъ... Будетъ ли у меня столько? много, много, старыхъ и молодыхъ... это все равно... но забавно... очень забавно... и если они застрѣлятся... какъ Рене... Боже, какъ онъ, однако, былъ глупъ... она могла бы быть теперь маркизой... А чт̀о, баронъ—такъ же важно, какъ и маркизъ?.. Аксель

на мнѣ женится... баронесса Шёнау... вѣдь это довольно звучно... и онъ мнѣ не непріятенъ... онъ всегда веселъ и будетъ меня носить на рукахъ... Бѣдный Юстъ... ему будетъ очень больно... онъ меня искренно любитъ. Изойдетъ ли онъ слезами, когда его фея умретъ?.. это было бы очень трогательно... право, я чуть не заплакала... только вотъ этотъ Арманъ такъ на меня уставился... Вотъ потѣха!.. принцъ-людоѣдъ... сообразилъ ли онъ это?.. мнѣ было бы жаль ради Юста... хотя дѣйствительно онъ здѣсь не на мѣстѣ... такъ же, какъ и феи въ охотничьемъ домѣ... феи должны жить въ лѣсу... ну, нѣтъ... въ саду изъ розъ... въ радугѣ, сотканной изъ яркихъ цвѣтовъ и ароматовъ... чтобы кругомъ были тысячи пестрыхъ розъ!.. и чтобы по утрамъ ходить и подставлять голову, шею и плечи подъ росу, дождемъ скатывающуюся съ тысячи, тысячи пестрыхъ розъ!..—Изабелла уснула.

X.

Во время разговора двухъ пріятельницъ свѣтъ горѣлъ еще въ окнахъ нижняго этажа во флигелѣ, расположенномъ напротивъ зáмка. Тамъ жили докторъ Мюллеръ и его оба ученика. Они уже распрощались на ночь. Докторъ лежалъ, въ шлафрокѣ и туфляхъ, на диванѣ и курилъ сигару на ночь, для проясненія ума и уразумѣнія того, что̀, по мнѣнію m-lle Марго̀, онъ долженъ былъ дѣлать при существующихъ обстоятельствахъ.

Съ первой частью программы: вонъ Юста!—онъ былъ согласенъ. Со второю: вонъ Изабеллу!—нѣтъ и нѣтъ! Сообразивъ хорошенько, онъ увидѣлъ, что присутствіе Юста доставляетъ ему больше хлопотъ и труда; но онъ принималъ это безропотно, пока думалъ, что угождаетъ тѣмъ графу и Арману; но теперь, когда выяснилось противное, трудъ и хлопоты — выброшены за окошко. Какому разумному человѣку это пріятно! А средства отъ него избавиться найдутся. Но, но... и ее вонъ вслѣдъ за нимъ! О! позорная женская ревность! Что̀ она сдѣлала этой старой воронѣ—грѣшно было такъ отзываться о своей невѣстѣ, но сегодня она въ самомъ дѣлѣ была стара, дурна и зла выше мѣры—что̀ сдѣлало ей это милое, невинное созданіе? И притомъ дѣло очень, очень щекотливое. Черезъ Изабеллу Юстъ попалъ въ зáмокъ; а руки у Изабеллы цѣпкія, съ этимъ соглашается и сама Аделаида: Арманъ, самъ графъ—въ ея рукахъ! Конечно, въ его годы это грѣшно, очень грѣшно. Но старость, какъ извѣстно, не спасаетъ отъ глупости. А что̀ какъ теперь Изабелла

станетъ настаивать на томъ, чтобы Юстъ оставался въ замкѣ, и попадешь какъ разъ въ ту яму, которую роешь другому? А потому осторожнѣе, другъ мой, осторожнѣе! Что касается глупой сегодняшней сказки!.. ну, она собственно не глупа, и у мальчика положительный талантъ... но выводить изъ этого, что... Богъ мой! они дѣтьми играли другъ съ другомъ... ну, мысль и пришла ему въ голову... а поэты берутъ свои темы и матеріалъ изъ жизни. Во всякомъ случаѣ, я не могу открыто возставать противъ него. Это пойметъ и сама Аделаида.

Докторъ докурилъ сигару и уже всталъ, собираясь идти въ спальную, когда въ его дверь тихо постучались. И прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать:—войдите!—въ комнату вошелъ Арманъ.

— Боже мой, Арманъ! я думалъ, вы уже давно въ постели!— сказалъ докторъ.

— Мнѣ не спится,—мрачно отвѣчалъ Арманъ.

— Чтò съ вами? вы нездоровы?

Арманъ былъ блѣденъ и разстроенъ, и волоса у него на головѣ, которые онъ обыкновенно тщательно расчесывалъ, стояли теперь дыбомъ, точно онъ обѣими руками взбудоражилъ ихъ.

— Чтò со мной?—вскричалъ онъ:—а то, что я не хочу больше терпѣть около себя этого мальчишку!

— Тише, Арманъ. Если вы будете такъ кричать, то онъ можетъ васъ услышать.

— Это мнѣ рѣшительно все равно. Я въ лицо ему это скажу,— процѣдилъ сквозь зубы Арманъ, бѣгая какъ полоумный по комнатѣ.

Докторъ подумалъ съ минуту. Тутъ вотъ чтò: Арманъ не хочетъ больше держать при себѣ Юста. Онъ, Мюллеръ, останется въ сторонѣ. Что-жъ? это удобно. А пока, конечно, онъ долженъ для виду стараться успокоить, уговорить Армана.

— Послушайте, Арманъ, сядьте.

— Не хочу садиться,—отрѣзалъ Арманъ.

— Но поговоримъ же спокойно и разсудительно! Всему должна быть своя причина. Какая у васъ причина не желать больше присутствія Юста?

— Я не хочу его видѣть; я не выношу его, я его ненавижу. Развѣ это не достаточная причина?

— Для васъ, конечно, но не для другихъ! для вашего батюшки, для вашей матушки, для сестры и для...

— И для кого еще?—вскричалъ Арманъ, когда его воспитатель немного замялся.—Но я вамъ скажу, для кого: для Изабеллы! Вы всѣ ее боитесь, и папа—больше другихъ. Мнѣ все равно. Я знаю, что она играетъ со мной, чтобы держать при

себѣ этого мальчишку. И я позволю оскорблять себя, звать себя принцемъ-людоѣдомъ! Я ему покажу принца-людоѣда!

— Я объ этомъ совсѣмъ и не думалъ, — пробормоталъ педагогъ.

Онъ въ самомъ дѣлѣ не думалъ, чтобы принцъ-людоѣдъ въ сказкѣ имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ Арману. Но теперь его точно осѣнило: значитъ...

— Значитъ, старый людоѣдъ...

— Папа!.. Кто же иначе? — вскричалъ Арманъ насмѣшливо. Да, папа будетъ очень пріятно услышать, что онъ пожираетъ верхушки елей!

— Это ужасно! — пробормоталъ докторъ.

Невѣроятнымъ казалось ему, чтобы Юстъ простеръ дерзость до того, чтобы осмѣять разомъ отца съ сыномъ; но такое истолкованіе легко дать сказкѣ — это было тоже очевидно. Арманъ такъ ее и понялъ; для графа это будетъ достаточнымъ предлогомъ. Къ счастію для его совѣсти, протестовавшей противъ такой несправедливости, огонь разгорѣлся такъ сильно, что его уже нельзя было потушить дешевыми гуманными разсужденіями.

— Мой милый Арманъ, — началъ онъ, — я не стану разбирать сказки этого молодого человѣка. Одно для меня ясно, что у него нѣтъ ни капли таланта. Но не въ этомъ дѣло. Вопросъ въ томъ: хотѣлъ ли этотъ молодой человѣкъ изобразить вашего отца и васъ въ лицѣ людоѣда и его сына? Это гипотеза, лишенная пока всякихъ доказательствъ. Но предположивъ даже, что гипотеза доказана, вспомните евангельскія слова: молитесь за тѣхъ, кто васъ оскорбилъ! Я не премину сегодня вечеромъ упомянуть о нихъ въ своей молитвѣ, и надѣюсь, что завтра утромъ вы скажете мнѣ: „я послѣдовалъ вашему примѣру!“ И затѣмъ мы обсудимъ дѣло. А сегодня оставимъ его. Покойной ночи, милый Арманъ!

Онъ протянулъ руку Арману, и тотъ машинально взялъ ее, не отвѣчая на пожатіе; докторъ снялъ лампу со стола и ушелъ въ спальную. Арманъ постоялъ нѣкоторое время, кусая губы и не зная, на что рѣшиться. Чтò тамъ болталъ этотъ скучный дуракъ, онъ ни слова не слышалъ. Да и къ чему? навѣрное глупости. И въ сущности, зачѣмъ онъ сюда пришелъ? за позволеніемъ вздуть негодяя, что-ли? Мужикъ, пріѣзшій къ нимъ въ домъ, осмѣливался называть Изабеллу своей феей! а его — принцемъ-людоѣдомъ, котораго онъ, мужикъ, побѣдилъ, до смерти убилъ... ключомъ!

Да, вотъ чтò ему слѣдуетъ! Не драться будетъ онъ съ мужикомъ, а хорошенько вздуетъ его когда-нибудь.

Онъ взялъ свѣчку, съ которой пришелъ, отворилъ дверь въ свою комнату, тихонько затворилъ ее за собой и также тихонько вынулъ ключъ изъ замка и свѣчку поставилъ на столъ. Ключъ онъ держалъ въ рукѣ и вошелъ, не стучась, въ комнату Юста.

Юстъ стоялъ у постели, возлѣ стола, на которомъ горѣла свѣча. Онъ хотѣлъ раздѣваться, снялъ сюртукъ и повернулся къ вошедшему Арману не безъ удивленія. Арманъ въ послѣднее время совсѣмъ прекратилъ свои вечернія посѣщенія.

— Вѣрно, латинское упражненіе?—спросилъ онъ: —до завтра можно его отложить; я вѣдь, ты знаешь, встаю рано.

Арманъ пристально глядѣлъ на него.

— Что̀ съ тобой?—спросилъ Юстъ.

Взглядъ большихъ, ничего не подозрѣвающихъ глазъ Юста вывелъ Армана изъ себя. Его поведеніе сразу представилось ему не рыцарскимъ, а трусливымъ. Невольно положилъ онъ ключъ на столъ.

— Зачѣмъ тебѣ ключъ?—разспрашивалъ Юстъ.—Да говори же, что̀ тебѣ нужно?

— Во-первыхъ, я хотѣлъ тебѣ сказать, что запрещаю тебѣ говорить мнѣ *ты*,—отвѣчалъ Арманъ.—Если я говорю тебѣ *ты*, —это мое право. Ты же не смѣешь говорить мнѣ *ты* безъ моего позволенія, а я объявляю тебѣ, что съ этихъ поръ я больше тебѣ этого не позволяю.

Юстъ сначала вспыхнулъ какъ огонь при этихъ словахъ, которыя Арманъ проговорилъ едва внятно и задыхаясь, затѣмъ поблѣднѣлъ. И блѣдность больше не сходила съ его лица. Какъ внезапно, какъ неожиданно все это разразилось надъ нимъ... какъ и буря сегодня вечеромъ, когда молнія такъ страшно озарила часовню! Вотъ и теперь сверкнула молнія и подтвердила слова Изабеллы: „тебѣ не мѣсто въ за̀мкѣ!“ Слова эти теперь оправдывались, и ему нельзя долѣе оставаться въ за̀мкѣ. Онъ заключилъ рядъ быстрыхъ мыслей, пронесшихся у него въ головѣ, сказавъ тихимъ, но твердымъ голосомъ:

— Я завтра рано поутру уйду изъ за̀мка, послѣ того какъ объясню доктору причину моего ухода.

— Онъ тебя не задержитъ,—насмѣшливо произнесъ Арманъ.

— Значитъ, намъ больше не о чемъ говорить.

Онъ ожидалъ, что Арманъ теперь уйдетъ, но Арманъ достигъ только въ половину своей цѣли: что мальчишка уйдетъ изъ за̀мка — это прекрасно, но нужно сперва его хорошенько проучить.

— Нѣтъ, есть о чемъ. Я хочу тебѣ сказать: глупости, которыя ты намъ сегодня вечеромъ разсказывалъ, доказываютъ твою наглость.

— Какъ?!—промолвилъ Юстъ.

Второй ослѣпительный ударъ молніи—и теперь онъ узналъ, въ чемъ дѣло: у него оспариваютъ право поэтически прославлять Изабеллу! Этого права онъ никому не уступитъ. Внутренній голосъ говорилъ ему, что лучше было бы ему не разсказывать своей сказки въ этомъ кругу. Но разъ онъ это сдѣлалъ, то долженъ выдержать характеръ.

— Ты можешь находить мою сказку плохой или хорошей—какъ тебѣ угодно, мнѣ это все равно. Но когда ты говоришь, что она доказываетъ мою наглость, то на это я могу только возразить, что наглость—съ твоей стороны, и безграничная.

— Ты эти слова сейчасъ возьмешь назадъ!

— Послѣ того, какъ ты возьмешь назадъ свое оскорбленіе.

— Этого я не сдѣлаю.

— И я не возьму назадъ того, что̀ сказалъ.

— Тогда я завтра затравлю тебя во дворѣ собаками.

— Тебѣ всего приличнѣе ходить съ кнутомъ въ рукахъ.

— А пока вотъ тебѣ!

Арманъ бросился на Юста и ударилъ его въ лицо. И затѣмъ у нихъ завязалась борьба. Арманъ былъ старше и думалъ, что онъ сильнѣе Юста. Но тотчасъ увидѣлъ, что Юстъ не только не слабѣе, а, пожалуй, и посильнѣе его. По крайней мѣрѣ онъ чувствовалъ, что силы его слабѣютъ, тогда какъ у Юста онѣ точно росли. Скоро Арманъ лежалъ на полу, а Юстъ придавилъ ему колѣномъ грудь.

— Я могъ бы теперь возвратить тебѣ твой ударъ съ лихвой; но хочу доказать тебѣ, что сынъ лѣсничаго—болѣе рыцарь, чѣмъ сынъ людоѣда.

Юстъ хотѣлъ сказать: чѣмъ графскій сынъ,—но у него сорвалось другое слово. Впрочемъ, теперь это было все равно.

Онъ выпустилъ Армана. Арманъ вскочилъ на ноги и стоялъ, трясясь всѣмъ тѣломъ отъ ярости. Около него лежалъ ключъ на кругломъ столикѣ.

— Вотъ тебѣ отъ сына людоѣда!

Онъ изо всей силы ударилъ Юста ключомъ по головѣ и увидѣлъ, какъ ненавистный ему мальчикъ повалился на полъ. Тогда онъ убѣжалъ изъ его комнаты въ свою и остановился у двери, прислушиваясь: что̀, онъ убилъ его до смерти? Но ему не долго пришлось подслушивать. Черезъ полминуты услышалъ онъ, какъ

гъ поднялся на ноги. Затѣмъ послышалась возня за умываль-
омъ, затѣмъ двинулся стулъ. Вскорѣ послѣ того стукнуло окно.
ѣмъ все затихло.

Онъ убѣжалъ?

Осторожно отворилъ Арманъ дверь; комната была пуста; окно
крыто. На кругломъ столикѣ около чернильницы лежала за-
ка. Она была немногословна:

„Доктору Мюллеру.

„Я отправляюсь къ своимъ родителямъ и больше не вернусь
замокъ. А почему?—пусть разскажетъ вамъ это завтра Арманъ.
Остъ Арнольдъ".

Арманъ положилъ записку обратно на столъ. Взглядъ его
ждалъ по полу, на немъ виднѣлись темныя пятна, которыя
а отъ стола къ умывальнику, гдѣ стоялъ тазъ съ окровавлен-
водой; окровавленные платки валялись возлѣ. Трепетъ про-
залъ по немъ. Но онъ справился съ собой.

— Вотъ еще важность!—громко проговорилъ Арманъ:—онъ
вполнѣ заслужилъ, и авось не умретъ.

Арманъ подошелъ къ окну и зоркими глазами вглядывался въ
яны парка, озаренныя желтымъ свѣтомъ луны, пронизывавшей
ныя, носившіяся по небу, облака.

— Онъ убѣжалъ! — проговорилъ Арманъ, заперъ окно, за-
ь свѣчку и вернулся въ свою комнату; на этотъ разъ онъ
эръ всѣ двери и ту, что вела въ корридоръ. Ночью никто не
детъ спрашивать, гдѣ Юстъ,—но все же такъ лучше. Какъ
случилось? онъ хотѣлъ ударить его по головѣ, но Юстъ, вѣрно,
онился, и ударъ пришелся по щекѣ. Впрочемъ, это къ лучшему.
іти ему къ доктору и разсказать? Дуракъ способенъ под-
ь шумъ и послать за Юстомъ въ погоню. И такимъ образомъ
узнаетъ объ этомъ еще сегодня ночью. Ни за что на свѣтѣ!
ь и завтра не должна узнать объ этомъ. Кареты уѣдутъ уже
восемь часовъ изъ замка... все какъ-нибудь уладится. А когда
будетъ въ Берлинѣ, то изъ-за этого назадъ не вернется. А
а можетъ послать изъ Берлина сотню другую марокъ маль-
нкѣ...

Тѣмъ временемъ Юстъ прошелъ по лугу, находившемуся
осредственно около замка, и добрался до дальнихъ лужаекъ
оскетовъ, откуда дорожка вела прямо въ лѣсъ. Тутъ, на
шкѣ лѣса онъ остановился; онъ не могъ идти дальше. Опра-
шись нѣсколько отъ удара и остановивъ кровь, онъ почти
чувствовалъ боли и думалъ, что духомъ добѣжитъ до роди-
ьскаго дома. Но теперь примѣтилъ, къ своему ужасу, что силы

ему измѣняютъ. Его бросало въ жаръ и въ холодъ, и мучительная боль пронизывала голову. Въ глазахъ темнѣло, въ ушахъ начался звонъ; ему хотѣлось протянуться, и вдругъ онъ лишился сознанія.

Когда онъ опять очнулся, онъ долженъ былъ сначала сообразить, какъ онъ сюда попалъ. Нѣкоторое время онъ ничего не понималъ и въ головѣ у него было пусто. Наконецъ, вспомнилъ, что съ нимъ было, и испугался, что онъ все еще такъ близко отъ замка, откуда убѣжалъ, откуда его хотѣли выгнать, какъ собаку. Когда онъ, наконецъ, сталъ на ноги, то дрожалъ всѣмъ тѣломъ, а когда попробовалъ идти, то зашатался, какъ пьяный. Тутъ впервые охватилъ его страхъ, что ему не осилить длинной дороги до дому, и что онъ будетъ здѣсь лежать, гдѣ его никто не станетъ искать и не найдетъ. Вернуться въ замокъ! путь былъ бы близкій и на это у него хватило бы силъ... Но нѣтъ, нѣтъ! ни за что! лучше умереть здѣсь въ лѣсу и быть пожраннымъ лисицами!

И вотъ побрелъ онъ дальше, стискивая зубы отъ нестерпимой и безостановочной боли и борясь съ безпамятствомъ, овладѣвавшимъ имъ по временамъ и понуждавшимъ лечь. Но онъ зналъ, что если ляжетъ, то уже больше не встанетъ! Не лучше ли въ самомъ дѣлѣ лечь, и пусть наступитъ всему конецъ? Кто о немъ поплачетъ? его милая мама—да! конечно; да и отецъ также; онъ былъ такъ добръ къ нему въ послѣднее время; но зато оба освободились бы отъ заботъ о немъ, которыя теперь такъ тяжко отразятся на нихъ. Патеръ? Да, конечно, онъ огорчится и еще сильнѣе запьетъ.

— Воды! воды! одну каплю воды.

Онъ уже неоднократно испытывалъ сильнѣйшую жажду; теперь ему казалось, что всѣ его внутренности, грудь, горло, ротъ— палимы огнемъ, и это мученіе превосходило всякую другую боль. Воды! воды! Но гдѣ ее найти? Въ полныхъ потемкахъ, окружавшихъ его, онъ едва могъ различать очертанія деревьевъ. Луна, должно быть, давно зашла. На небѣ не свѣтилось ни одной звѣзды. Опять пошелъ дождь; онъ сосалъ сырое платье, но это не утоляло жажды: воды! воды!

Немного прояснилось вокругъ него, и одинъ предметъ выдѣлился изъ мрака: то была охотничья хижина на просѣкѣ, гдѣ кормились кабаны. Возлѣ хижины, онъ помнилъ, былъ колодезь, откуда поили лошадей, когда общество изъ замка здѣсь ужинало. Онъ нашелъ его послѣ нѣкоторыхъ поисковъ, но у него не хватало силы опустить тяжелое ржавое ведро. Онъ наткнулся на

каменную колоду у источника; когда онъ опустилъ въ нее руку, то почувствовалъ въ ней воду? можетъ быть, до него пили лошади или кабаны... что за дѣло! Онъ зачерпнулъ рукой, но такъ ему попадало мало воды и только раздражало его жажду. Онъ сталъ на колѣни, припалъ лицомъ къ водѣ и пилъ, пилъ, пока могъ. Тогда онъ съ трудомъ поднялся на ноги; въ головѣ онъ не ощущалъ больше такой пустоты, и ему казалось, что силы у него прибавилось — онъ теперь доберется до родительскаго дома. У него хватило также соображенія, что онъ значительно сократитъ путь, если пойдетъ по той тропинкѣ, по которой онъ возвращался съ отцомъ въ ту памятную ночь, когда имъ встрѣтились контрабандисты, въ то время, какъ они стояли за высокой елью, съ которой слетѣла большая сова, державшая въ когтяхъ зайчика. Сова была вѣдьма Урака, и черезъ нее сегодня познакомился онъ съ женой директора... Когда это было? Прежде чѣмъ Губертъ увидѣлъ Майскую Ночь на полянѣ?—разумѣется! послѣ того, какъ онъ отрубилъ вѣдьмѣ голову, и она змѣей уползла въ болото. Но сегодня она опять была съ головой; она вся истекала кровью отъ золотого ключа, которымъ Губертъ убилъ до смерти принца-людоѣда, когда спасалъ Майскую Ночь изъ стальной башни, гдѣ она сидѣла на низенькомъ стулѣ, блѣдная, съ большими темными глазами; глаза ея были устремлены на него и блестѣли такъ ярко, что сквозь высокія деревья ему ясно было видно, какъ у подошвы елей слуги людоѣда укладывали мертваго людоѣда на носилки, связанныя изъ еловыхъ вѣтокъ, и фонарями освѣщали ему лицо, и оно было какъ двѣ капли воды похоже на лицо его отца!

— Отецъ! мой отецъ!

Испуганные отчаяннымъ крикомъ, люди, не видавшіе, какъ подошелъ Юстъ, опустили носилки.

— Мой отецъ умеръ?

Люди не отвѣчали ему; да онъ бы и не услышалъ ихъ отвѣта. Онъ припалъ къ трупу отца; кровь изъ свѣжихъ ранъ сына смѣшалась съ запекшейся кровью отца.

А. Э.

ОПЫТЪ
ОБЩЕСТВЕННАГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА

По поводу начинаній Бутса.

I.

Планъ общественной реформы, начертанный извѣстнымъ Бутсомъ, „генераломъ Арміи Спасенія", привлекалъ къ себѣ за послѣдніе годы всѣхъ, кто принимаетъ близко къ сердцу судьбы неимущихъ классовъ. Книжка Бутса: „Въ трущобахъ Англіи", изданная только осенью 1890 года, была тотчасъ же переведена на нѣсколько языковъ и разошлась въ отечествѣ, а потомъ на материкѣ Европы и Америки въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Появилось множество статей и брошюръ какъ въ защиту Бутса, такъ и въ доказательство полной непригодности его положеній. Лѣтомъ 1891 г. въ Бомбеѣ вышла въ свѣтъ книга: „Darkest India", посвященная изученію пауперизма среди индусовъ, согласно съ программой, которую Бутсъ положилъ въ основу своего труда. Многіе богатые люди развязали кошельки и предложили Бутсу значительныя суммы для осуществленія его замысловъ. Столь выдающійся успѣхъ не можетъ быть даже и въ малой мѣрѣ приписанъ научнымъ или литературнымъ достоинствамъ названнаго труда. Въ книжкѣ Бутса можно найти мѣткія сравненія, остроумныя замѣчанія; въ ней собраны любопытные факты. Но каждый, сколько-нибудь знакомый съ литературою соціальнаго вопроса, даже въ шутку не поставитъ этого труда, по богатству матеріала и научнымъ достоинствамъ, наравнѣ съ „Капиталомъ", Маркса, „Рабочимъ во-

просомъ", Ланге, или „Бытомъ рабочаго класса въ Англіи", Энгельса, а по литературной красотѣ, по блеску изложенія,—со многими главами у Фурье, Луи Блана, съ *Прогрессомъ и бѣдностью*, Джоржа, и даже многими произведеніями Чаннинга. Кто мало-мальски знакомъ съ литературой этого вопроса, тотъ улыбнется наивному замѣчанію Бутса, что „по соціальному вопросу написано еще очень мало"; онъ улыбнется не прямо высказанному, но обнаруживающемуся между строками убѣжденію Бутса, будто онъ первый посѣтилъ трущобы нашихъ столицъ и обнаружилъ общественныя язвы во всей ихъ совокупности. Увлеченіе планомъ генерала Бутса нельзя объяснить и новизною его начинаній. Если онъ убѣжденъ въ бѣдности литературы по соціальному вопросу, то немудрено, что субъективно его предложенія новы: онъ мало заботится о томъ, что̀ писали, совѣтовали и создавали другіе; онъ не знаетъ многаго, быть можетъ, большей части того, что̀ сдѣлали другіе, а потому и считаетъ себя творцомъ плана во всѣхъ его подробностяхъ. Неудивительно, если такого же мнѣнія держатся читатели книжки Бутса и, особенно, его почитатели: многимъ изъ нихъ неизвѣстно то, что̀ было создано въ этой области въ видѣ пожеланій и даже то, что̀ осуществлено въ разныхъ странахъ частною благотворительностью или общественнымъ призрѣніемъ. Но если взять главныхъ представителей соціализма во Франціи и Англіи и присмотрѣться къ частной и общественной благотворительности въ странахъ, гдѣ она наиболѣе развита —Англіи, Германіи, Швейцаріи,—то мы найдемъ почти всѣ составныя части плана общественнаго переустройства, который предлагаетъ генералъ Бутсъ. За исключеніемъ немногихъ частностей, онъ интересенъ только сведеніемъ многихъ и различныхъ мнѣній въ одну систему и указаніемъ каждой отдѣльной мѣрѣ мѣста въ этой системѣ.

Вся сила Бутса, которая даетъ ему высокій авторитетъ среди поклонниковъ и вызываетъ раздраженіе противниковъ, состоитъ въ смѣлости и убѣжденности, съ которыми онъ выступаетъ въ защиту каждой частности предлагаемой реформы. „Мы увѣрены", „мы сдѣлаемъ", „я намѣренъ основать", „я создалъ то-то и то-то" и т. п. Вотъ отрывокъ изъ книжки: „Въ трущобахъ Англіи", которымъ авторъ высказываетъ увѣренность въ успѣхѣ своихъ начинаній.

„Нашъ планъ въ общемъ его видѣ можно сравнить съ громаднымъ, установленнымъ въ самомъ центрѣ трущобъ аппаратомъ, который захватываетъ всѣхъ порочныхъ и обездоленныхъ: воровъ, проститутокъ, мошенниковъ, нищихъ, пьяницъ, подъ един-

ственнымъ условіемъ, чтобы они согласились работать и подчиняться дисциплинѣ,—пріучаетъ ихъ къ труду и честной жизни, затѣмъ доставляетъ ихъ изъ большихъ центровъ въ деревню, гдѣ продолжается процессъ ихъ перерожденія, селитъ ихъ на дѣвственной почвѣ, подчиняетъ ихъ строгому управленію, дѣлаетъ изъ нихъ свободныхъ гражданъ и такимъ образомъ кладетъ основаніе новому государству, которое приметъ со временемъ широкіе размѣры. Мы увѣрены, что это не мечта, а вполнѣ осуществимая мысль"[1]).

Какъ скоро человѣкъ выступаетъ съ такою вѣрой въ свое дѣло, то ему обезпечено большое число послѣдователей, ибо ничто не дѣйствуетъ столь обаятельно, какъ непоколебимая стойкость убѣжденія. Эта увѣренность не остается безъ вліянія даже тогда, когда ее находятъ у человѣка новаго, вовсе неизвѣстнаго, ничѣмъ не заявившаго о своихъ организаторскихъ способностяхъ. Тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе производитъ она въ дѣятелѣ, уже нѣсколько десятковъ лѣтъ подвизающемся на поприщѣ благотворительности, въ дѣятелѣ, который успѣлъ окружить себя десятитысячнымъ отрядомъ, фанатически преданнымъ своему вождю и работающимъ на пользу меньшой братіи не только въ столицахъ и большихъ городахъ, но даже въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ уголкахъ земного шара.

Каждый обширный планъ вызываетъ противъ себя тѣмъ болѣе ожесточенныя нападки, чѣмъ болѣе онъ пріобрѣтаетъ поклонниковъ и чѣмъ больше вѣроятія, что онъ не останется въ области только благихъ пожеланій. Такая судьба выпала на долю и книги Бутса. Авторъ открываетъ для самыхъ разнообразныхъ нападокъ очень широкое поле. Противъ него могутъ многое возразить экономисты и богословы, юристы и филантропы. Въ брошюрной литературѣ, вызванной книгой Бутса, мы и находимъ очень пеструю картину возраженій.

Возраженія наименѣе вѣскія, болѣе похожія на личные упреки, нежели на оцѣнку новаго плана по существу, принадлежатъ знаменитому физіологу Гёксли[2]).

Опираясь на теорію Мальтуса, что всѣ филантропическія начинанія не могутъ поколебать общаго закона, по которому человѣческій родъ обгоняетъ въ своемъ размноженіи средства существованія, Гёксли нападаетъ на Бутса за его стремленіе къ централизаціи, за деспотическое господство надъ членами Арміи

---

[1]) *Бутсъ*: Въ трущобахъ Англіи. Переводъ Р. И. Сементковскаго. 1891, стр. 115.

[2]) *Huxley*: Social Diseases and Worse Remedies. 1891.

Спасенія; онъ считаетъ невозможнымъ усовершенствованіе людей, когда главнымъ для этого средствомъ служитъ слѣпое подчиненіе авторитету; наконецъ, онъ въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ упрекаетъ Бутса, что самъ онъ и члены его семьи живутъ въ роскоши, тогда какъ члены Арміи Спасенія получаютъ на свои личные расходы ничтожныя средства и едва могутъ покрывать необходимыя потребности, а по временамъ бываютъ вынуждены просить милостыню. Бутсъ отлично пользуется членами Арміи Спасенія для достиженія своихъ личныхъ цѣлей: его сотрудники обязаны распространять его книги и брошюры, что̀ и обезпечиваетъ этимъ изданіямъ очень широкій рынокъ во всѣхъ частяхъ свѣта и доставляетъ Бутсу очень крупный доходъ.

Болѣе серьезно относится къ Бутсу другой критикъ—Бозанкетъ [1]). Онъ сочувствуетъ Бутсу, но считаетъ совершенно ложнымъ путь, который избралъ генералъ Арміи Спасенія для общественнаго переустройства. Главная ошибка реформатора состоитъ, по мнѣнію Бозанкета, въ томъ, что онъ разсматриваетъ трущобное населеніе Англіи какъ одну безразличную массу, которая можетъ быть предметомъ однихъ и тѣхъ же мѣропріятій. А между тѣмъ эта масса представляетъ очень пеструю картину. Въ трущобномъ мірѣ можно всегда замѣтить два теченія: одно выноситъ людей изъ самыхъ глубокихъ слоевъ болота, въ которомъ они погрязали, и помогаетъ имъ стать на ноги; другое теченіе—совокупность порочныхъ наклонностей—еще болѣе тянетъ людей въ тину. Такъ какъ только люди послѣдней группы имѣютъ окончательно распатанную волю, вовсе не способную къ сопротивленію, то именно относительно ихъ и умѣстны неослабное попеченіе, мелочное и надоѣдливое руководительство, которымъ Бутсъ хочетъ подчинить всѣхъ англичанъ неимущихъ классовъ. Первая же группа нуждается въ иныхъ формахъ содѣйствія; для нея особенно важно широкое развитіе рабочихъ союзовъ, клубовъ, разнообразныхъ обществъ, основанныхъ на началѣ самопомощи. Для тѣхъ представителей трущобнаго міра, которые имѣютъ еще довольно твердую волю, нужна наибольшая поддержка: нужно сдѣлать ихъ членами союза, гдѣ они видѣли бы собратій по ремеслу, имѣли бы доступъ къ общественной дѣятельности, могли бы, цѣною мелкихъ еженедѣльныхъ взносовъ, пріобрѣсти крупныя хозяйственныя и общекультурныя выгоды. Эти условія способны еще болѣе укрѣпить ихъ волю и поднять ихъ до независимаго общественнаго положенія. Разъ же и на этихъ людей распростра-

[1]) *Bosanquet*: „In darkest England“ on the wrong track. 1891.

нится чисто филантропическая заботливость благотворителей, то она будетъ подавлять въ нихъ остатки воли, которые еще несовсѣмъ подавлены неблагопріятною обстановкой. Армія Спасенія располагаетъ очень большими силами именно для того, чтобы направить людей, которые еще сохранили достаточную твердость воли: очень жаль, что сотрудники генерала Бутса не убѣждаютъ многихъ представителей трущобнаго царства стать членами какого-нибудь общества взаимнаго вспоможенія.

Англиканская церковь возстала противъ Бутса въ лицѣ священника Дуайера [1]). Онъ осуждаетъ всю систему за то, что она слишкомъ далеко отклонилась отъ требованій христіанства. Церковь, по мнѣнію Дуайера, даетъ всѣмъ нуждающимся совѣтъ и поддержку, относится ко всѣмъ съ теплымъ участіемъ, а система Бутса, который такъ часто пользуется именемъ Божіимъ, имѣетъ своими прямыми прародителями Оуэна, Огюста Конта, Сенъ-Симона и Фурье. Если бы даже проведеніе въ жизнь идей Бутса обѣщало значительныя практическія выгоды, то не слѣдуетъ желать этого, такъ какъ оно угрожаетъ большими опасностями чистотѣ христіанской вѣры.

Планъ Бутса нашелъ противниковъ и со стороны англійскаго экономическаго консерватизма. Такова брошюра Лоча [2]), секретоъя совѣта лондонскаго общества для организованія благотворительности. Близкое знакомство съ различными формами благотворительности, дѣловой тонъ, отсутствіе чисто полемическаго задора— выгодно отличаютъ Лоча отъ другихъ противниковъ Бутса. Лочъ оцѣниваетъ систему Бутса съ точки зрѣнія ея новизны и проводитъ мысль, что многія изъ составныхъ частей этой системы уже извѣстны современной благотворительности: таковы дома трудолюбія, земледѣльческія колоніи, общества попеченія о лицахъ, отбывшихъ тюремное заключеніе, и проч. Ошибка Бутса состоитъ въ томъ, что онъ хочетъ все начинать съ азбуки; онъ достигъ бы гораздо болѣе крупныхъ результатовъ, еслибы примкнулъ со своими личными силами и матеріальными средствами къ учрежденіямъ, уже существующимъ: тогда его дѣятельность получила бы очень большую поддержку со стороны отдѣльныхъ лицъ и союзовъ, которые уже издавна трудятся на поприщѣ благотворительности въ ея разнообразныхъ формахъ.

---

[1]) *Rev. Dwyer*: General Booth's submerged tenth. 1891.
[2]) *Loch*: An examination of Gen. Booth's Social Scheme. 1890.

II.

Изложеніе и перечисленіе того, что̀ было высказано противъ Бутса или въ защиту его плана не составляетъ нашей задачи. Мы сослались на нѣкоторыхъ критиковъ только для того, чтобы указать, въ видѣ примѣра, различныя точки зрѣнія, съ которыхъ можно оцѣнивать обширную систему общественнаго переустройства [1]). Мы полагаемъ, однако, что при оцѣнкѣ обширной системы нельзя довольствоваться указаніемъ ея отдѣльныхъ, хотя бы и многочисленныхъ недостатковъ: относительно всего плана, какъ цѣлаго, можно и должно поставить нѣсколько общихъ вопросовъ, и въ отвѣтахъ на эти вопросы признать всю систему удовлетворительною или непригодною. Конечно, если Гёксли правъ, что генералъ Бутсъ живетъ въ роскоши и ради своихъ личныхъ и семейныхъ выгодъ эксплуатируетъ многія тысячи довѣрчивыхъ людей, то теряешь къ нему уваженіе: изъ самоотверженнаго общественнаго дѣятеля онъ становится ловкимъ коммерческимъ человѣкомъ. Но это еще не доказываетъ непригодности плана; это только возбуждаетъ сомнѣніе, чтобы создатель плана, не обладая достаточными нравственными силами, былъ способенъ провести его. Упреки другихъ критиковъ, что Бутсъ игнорируетъ существующія формы благотворительности, также не расшатываютъ его зданія: прозорливый практическій дѣятель знаетъ, какъ важно пользоваться привычными для людей формами дѣятельности, а потому относится со вниманіемъ ко всему, что̀ уже упрочилось въ данной сферѣ. Общественный дѣятель, менѣе опытный или слишкомъ смѣлый, слишкомъ увлеченный своимъ идеаломъ, часто отрѣшается отъ того, что̀ уже создано и что̀ можетъ доставить ему точку опоры. Но тотъ и другой образъ дѣйствій только облегчаютъ или затрудняютъ осуществленіе идеи, а отнюдь не говорятъ противъ нея или въ ея защиту. Попытаемся же оцѣнить систему Бутса со слѣдующихъ точекъ зрѣнія: 1) Насколько составныя части системы Бутса соотвѣтствуютъ соціальнымъ недугамъ современнаго общества и насколько онѣ, по существу, способны исцѣлить эти недуги; 2) Можно ли довольствоваться матеріальными средствами, на которыя Бутсъ разсчитываетъ осуществить свой планъ во всѣхъ его подробностяхъ? 3) Достаточны ли нравственныя силы, которыми располагаетъ Армія Спасенія, для того, чтобы совершить крупное экономическое преобразованіе.

[1]) См. также интересныя брошюры: *Greenwood*: General Booth and His Critics. 1891; *Rev. Osborne Fay*: Life in darkest London. A hint to General Booth. 1891.

III.

Система Бутса распадается на двѣ составныя части. Въ первую должны быть отнесены всѣ тѣ учрежденія, которыя давно извѣстны и современному обществу; не имѣя принципіальнаго значенія, они способны приносить пользу отдѣльнымъ семьямъ, иногда довольно большому числу людей, но рѣшительно не въ состояніи совершать крупныя перемѣны въ общественномъ строѣ. Бутсъ вводитъ въ систему своихъ мѣропріятій такія учрежденія, какъ дома для умалишенныхъ, пріюты для уличныхъ дѣтей, банки для бѣднаго люда, промышленныя школы. Все это уже давно знакомо европейской филантропіи. Все это устраняетъ для немногочисленной группы крайнюю матеріальную нужду, безпомощность во время болѣзни и нравственнаго одиночества. Самъ Бутсъ признается, что онъ не считаетъ себя новаторомъ въ этомъ дѣлѣ. Указавъ на важное значеніе банковъ для бѣдныхъ людей, онъ замѣчаетъ: „Скептики мнѣ насмѣшливо возразятъ, что я собираюсь открыть усовершенствованную кассу ссудъ. Но ихъ насмѣшки меня не смущаютъ. Во Франціи къ такъ-называемому Mont de Piété вовсе не относятся какъ къ предосудительному учрежденію, а въ Англіи оно можетъ получить дальнѣйшее развитіе и оказать громадную пользу. Государству, можетъ быть, трудно принять на себя веденіе подобнаго дѣла. Но частныя лица могли бы открыть ломбардъ, который былъ бы настоящимъ благодѣяніемъ для бѣднаго люда". Итакъ, Бутсъ беретъ за образецъ своихъ банковъ учрежденіе, которое извѣстно въ Европѣ съ конца среднихъ вѣковъ, и ни однимъ словомъ не говоритъ о необходимости сдѣлать въ этомъ учрежденіи какія-либо поправки. Даже разные виды справочныхъ конторъ для бѣдныхъ — именно эти учрежденія Бутсъ и считаетъ своимъ дѣтищемъ—не представляютъ чего-либо новаго. Отмѣтимъ прежде всего, что благотворительныя общества, при сколько-нибудь правильно устроенномъ призрѣніи бѣдныхъ, являются для нихъ и справочнымъ учрежденіемъ. Нѣкоторой новизной отличается предложеніе Бутса подавать бѣднякамъ юридическіе совѣты, а также принимать мѣры къ отыскванію безвѣстно отсутствующихъ. Но, повторяемъ, всѣ эти формы воздѣйствія благотворителей на судьбы людей обездоленныхъ не могутъ служить даже малымъ противовѣсомъ тѣмъ теченіямъ, которыя, будучи связаны со всѣмъ экономическимъ строемъ, стремятся увеличить число неимущихъ.

Но рядомъ съ частными мѣропріятіями мы находимъ въ си-

стемѣ Бутса. мѣры, которыя имѣютъ всеобщее значеніе. Таковы три группы его колоній — городская, земледѣльческая и заморская. Колоніи содержатъ въ себѣ зародышъ, который, при дальнѣйшемъ развитіи, можетъ въ корнѣ преобразовать современный хозяйственный строй.

Когда говорятъ о соціальныхъ недугахъ европейско-американскаго общества, то обобщаютъ ихъ въ понятіи о рабочемъ вопросѣ. Такое обобщеніе не вполнѣ удачно, но, дѣйствительно, во главѣ причинъ экономическихъ недуговъ лежитъ такое распредѣленіе имущества, въ силу котораго огромная масса людей не владѣетъ орудіями производства, не можетъ прилагать свою рабочую силу и самостоятельно добывать себѣ средства продовольствія. Какъ ни различаются общественные реформаторы по способамъ, которые они признаютъ наиболѣе пригодными для улучшенія экономическаго быта, они сходятся въ томъ, что *неимущіе классы должны получить доступъ къ орудіямъ производства и матеріаламъ*, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Гракхи, Марій и Сулла, надѣлившіе земельными участками неимущихъ римскихъ гражданъ, Фурье со своими фаланстеріями, Луи Бланъ съ общественными мастерскими, Шульце-Деличъ, какъ проповѣдникъ промышленныхъ товариществъ на началахъ самопомощи, всѣ убѣжденные сторонники переселеній въ широкихъ размѣрахъ—протягиваютъ другъ другу руку относительно основного начала, проникающаго ихъ планы общественнаго переустройства. Одни изъ этихъ плановъ несбыточны, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ, такъ какъ общественная среда еще вовсе неподготовлена къ ихъ воспріятію; другіе легко осуществимы, но могутъ имѣть значеніе только для немногочисленныхъ общественныхъ группъ; но по основному началу всѣ эти планы отвѣчаютъ на первую и необходимую потребность обездоленныхъ классовъ. И Бутсъ, замышляя основаніе колоній троякаго рода, даетъ прямой отвѣтъ на недуги, которые онъ надѣется исцѣлить.

Планъ основанія колоній правиленъ не только по основной идеѣ, но и по тѣмъ способамъ, которые, въ крупныхъ чертахъ, должны быть приняты для ея осуществленія. Можно тѣмъ вѣрнѣе разсчитывать на доставленіе большому числу людей самостоятельнаго общественнаго положенія, чѣмъ болѣе обширную и разнообразную область производства захватываетъ данная реформа. Если реформаторъ предлагаетъ основать общественныя мастерскія, которыя всѣ относятся къ области обработывающей промышленности, то мы естественно дѣлаемъ ему такое возра-

женіе. Общественнымъ мастерскимъ, уже по новизнѣ дѣла, не легко будетъ соперничать съ крупными фабриками и заводами; послѣдніе составляютъ обычную форму предпріятій, къ которой приноровилась хозяйственная жизнь нашего времени. Въ частнохозяйственномъ производствѣ различныхъ типовъ мы находимъ многочисленный и отлично подготовленный персоналъ руководителей вмѣстѣ съ крупными капиталами, которыми располагаетъ частная промышленность. Общественныя мастерскія должны создать все это. Какъ бы ни было успѣшно ихъ развитіе, частная предпріимчивость не будетъ дремать; усвоеніе ею новыхъ, болѣе совершенныхъ пріемовъ производства облегчитъ ей побѣду надъ новыми соперниками. Не забудемъ, что обработывающая промышленность только измѣняетъ уже готовый матеріалъ, а не добываетъ его непосредственно. Изготовляя товары, которые, въ массѣ своей, не потребляются производителями, обработывающая промышленность всецѣло зависитъ отъ рынка; а разъ общественныя мастерскія перерабатываютъ сырой матеріалъ менѣе искусно, нежели частнохозяйственные заводы и фабрики, онѣ безповоротно отрѣзываются отъ рынка.

Бутсъ прямо не высказываетъ мыслей о трудности для его городскихъ мастерскихъ соперничать съ существующими промышленными заведеніями, однако сознаніе трудности выражено имъ въ планѣ собирать всякіе негодные отбросы, которые служили бы матеріаломъ для его мастерскихъ. „Неорганизованныя и неподготовленныя рабочія массы найдутъ себѣ приложеніе. Надо только найти другой столь же на видъ негодный и безполезный элементъ... У насъ есть съ одной стороны негодный человѣческій матеріалъ; съ другой — на видъ никому ненужные вещественные отбросы. Они-то и составляютъ одно изъ средствъ, при помощи котораго можно болѣе или менѣе прочно обезпечить участь значительнаго числа рабочихъ“ [1]). Затѣмъ онъ говоритъ о хозяйственныхъ отрядахъ, которые будутъ основаны въ большихъ городахъ, чтобы обходить дворы и выбирать изъ помойныхъ ямъ кости, тряпки, ломанныя жестянки и другіе отбросы. Это какъ бы открываетъ для новыхъ промышленныхъ заведеній новый источникъ матеріала, и притомъ матеріала дарового. Напрасная мечта: этотъ матеріалъ эксплуатируется уже давно. Десятки лѣтъ тому назадъ благотворительныя общества приглашали курильщиковъ собирать обрѣзки и окурки сигаръ. Отыскиваніе тряпья среди самыхъ отвратительныхъ нечистотъ уже издавна образуетъ

1) „Въ трущобахъ Англіи“, стр. 140.

самостоятельный промыселъ тряпичниковъ, которые роются въ выгребныхъ ямахъ столь же усердно, какъ наиболѣе самоотверженные члены Арміи Спасенія. За послѣдніе годы даже въ русскихъ большихъ городахъ, гдѣ утилизація отбросовъ сдѣлала гораздо мѣньшіе успѣхи, чѣмъ за границей, на всѣхъ перекресткахъ читаешь объявленія Человѣколюбиваго Общества съ призывомъ жертвовать ему всякій хламъ, не исключая *надорванныхъ конвертовъ*. Итакъ, современная промышленность уже давно пользуется наиболѣе цѣнными видами отбросовъ; современная же благотворительность пользуется даже низшими видами ихъ и изъ этого источника нельзя будетъ собрать сколько-нибудь значительныхъ матеріаловъ. Хотя мы и согласны съ Бутсомъ, что „можно бы исписать цѣлый томъ объ утилизаціи лондонскихъ отбросовъ“ [1]), однако считаю очень наивною мысль, будто съ помощью этого матеріала можно доставить работу многимъ нуждающимся.

Но колоніи земледѣльческія и заморскія ставятъ все дѣло на широкое основаніе. Онѣ позволяютъ увеличить запасъ сырыхъ матеріаловъ, которымъ располагаетъ промышленность, и облегчаютъ большому числу людей ихъ зависимость отъ рынка. Выселеніе изъ городовъ большой массы нуждающихся и приложеніе ими силъ къ земледѣльческому труду (все равно, совершается ли это въ предѣлахъ страны или за моремъ, въ другой части свѣта) приводитъ къ слѣдующимъ полезнымъ результатамъ: 1) увеличивая въ видѣ хлѣба, мяса, льна, картофеля запасъ цѣнностей, которыя поступаютъ на рынокъ, эти люди пріобрѣтаютъ покупательныя средства, которыя позволяютъ имъ предъявлять запросъ на фабрикаты, способствовать привлеченію къ промышленности новыхъ рабочихъ рукъ и чрезъ это уменьшать безработицу остающихся. 2) Если пролетаріатъ, садящійся на землю по недостаточному ли навыку къ сельско-хозяйственному труду, или вслѣдствіе переполненія рынка земледѣльческими продуктами, не можетъ продавать свои произведенія, а потому не можетъ и покупать, то онъ можетъ временно вести натуральное хозяйство, производить предпочтительно то, что̀ нужно въ домашнемъ быту, и тѣмъ, стоя внѣ рынка, обезпечить себѣ удовлетвореніе наиболѣе важныхъ потребностей. Разъ люди владѣютъ матеріаломъ, они могутъ или вымѣнять его на рынкѣ, или сами переработать и потребить. 3) Отвлеченіе большой массы бѣдняковъ въ колоніи уменьшаетъ въ городахъ жилищную нужду. Весь этотъ людъ

[1]) Тамъ же, стр. 147.

тѣснится въ темныхъ, сырыхъ, холодныхъ подвалахъ, загрязненныхъ до полной невозможности очистить ихъ, пока они населены. Коренныя мѣры санитарно-строительной полиціи затрудняются въ особенности тѣмъ, что худшія городскія жилища населены наиболѣе густо. Предписать владѣльцамъ домовъ перестройку такихъ жилищъ — значитъ выбросить на улицу и оставить безъ крова многія тысячи бѣдняковъ. Отвлеченіе же въ колоніи довольно большихъ массъ освобождало бы самыя вредныя жилища и облегчало бы ихъ перестройку. Мы не касаемся другихъ выгодъ, которыя могутъ быть доставлены основаніемъ сельскихъ и заморскихъ колоній по большому масштабу. Но и то, что̀ приведено нами, служитъ, полагаемъ, достаточнымъ доказательствомъ, что планъ Бутса относительно колоній разуменъ и своевременъ. Если же припомнить, что извлеченіе пролетаріата изъ ужасающей нравственной атмосферы большого города и упроченіе его въ деревнѣ, въ обстановкѣ здороваго земледѣльческаго труда, вдали отъ вертеповъ пьянства и разврата, можетъ ослабить порочныя наклонности къ пьянству, воровству, проституціи, тунеядству, то, конечно, всякій доброжелательный человѣкъ будетъ отъ души сочувствовать и по мѣрѣ силъ содѣйствовать этимъ начинаніямъ.

Въ земледѣльческихъ и заморскихъ колоніяхъ земля будетъ уступаться поселенцамъ на арендномъ правѣ. Это начало мы считаемъ вполнѣ цѣлесообразнымъ, такъ какъ право собственности на мелкіе участки, состоящіе изъ 3—5 акровъ, легко можетъ повести къ мобилизаціи надѣловъ и постепенному обезземеленію многихъ колонистовъ. Даже замѣна однихъ арендаторовъ другими поставлена подъ контроль Арміи Спасенія. „Фермеръ,—говоритъ Бутсъ,—конечно, будетъ введенъ въ свои арендаторскія права, но вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ приняты мѣры противъ возможности передачи колонистами аренды во вторыя руки и другихъ уловокъ, посредствомъ которыхъ эксплуататорство проникаетъ въ земледѣльческія общества“ [1]). Наконецъ, колоніи и тѣмъ подкупаютъ въ свою пользу, что Бутсъ предполагаетъ ввести артельное производство, которое онъ считаетъ, въ случаѣ успѣха, „всемірнымъ рѣшеніемъ вопроса о правильномъ приложеніи человѣческаго труда“ [2]).

Таковы цѣли. Какими же средствами располагаетъ Бутсъ для ихъ осуществленія? Финансовая сторона дѣла не можетъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 168.
[2]) Тамъ же, стр. 170.

никого запугать своими размѣрами: весь расходъ по устройству колоніи опредѣляется скромными цифрами въ 100.000 фунтовъ стерлинговъ на первоначальное обзаведеніе и 30.000 фунтовъ на ежегодное содержаніе. Послѣдняя сумма составляетъ проценты съ 900.000; такимъ образомъ для осуществленія всего предпріятія нуженъ одинъ милліонъ фунтовъ стерлинговъ. Бутсъ совершенно справедливо считаетъ эту цифру ничтожной.

Бутсъ нигдѣ не дѣлаетъ даже приблизительныхъ разсчетовъ. Онъ надѣялся устроить все дѣло на небольшія средства потому, что работать будутъ сами колонисты; они же будутъ доставлять матеріалъ; что 10.000 офицеровъ Арміи Спасенія будутъ искусно руководить этими работами; что будутъ достигнуты сбереженія, невозможныя въ другихъ предпріятіяхъ. Пусть все это такъ; однако на 100.000 фунтовъ стерлинговъ можно дать прочное земледѣльческое устройство очень небольшому числу людей. По вычисленіямъ, которыя сдѣланы для Сибири, первоначальное обзаведеніе одной переселенческой семьи стоитъ до 150 рублей; конечно, на эту сумму могутъ быть пріобрѣтены только самыя необходимыя принадлежности домашняго хозяйства и притомъ очень невысокаго достоинства, чтобы не сказать болѣе (такъ, напр., цѣна избы опредѣляется только въ 25 рублей). Изъ этой суммы не дѣлается затратъ на пріобрѣтеніе земли, такъ какъ земля дается казной въ оброчное пользованіе переселенцевъ. По плану Бутса, поселенцы получаютъ, кромѣ 3—5 акровъ земли, избу, корову, всѣ необходимыя для земледѣльца орудія и сѣмена. Мы не заслужимъ упрека въ преувеличеніи, если признаемъ 300 рублей наименьшею суммой, на которую можетъ быть устроена одна семья. А на 100.000 фунтовъ стерлинговъ (будемъ считать одинъ фунтъ равнымъ 9 рублямъ) могутъ быть устроены 3.000 семей, или, при 5 душахъ въ каждой, 15.000 душъ. Бутсъ насчитываетъ въ Англіи 3 милліона обездоленныхъ; такимъ образомъ на ту сумму, которую онъ считаетъ достаточною для рѣшенія всего соціальнаго вопроса, могутъ быть устроены внѣ городовъ—а это и является главной, составной частью задачи—только $1/2\%$ обездоленныхъ. Эта цифра столь ничтожна, что можно придавать ей значеніе интереснаго и, быть можетъ, поучительнаго опыта, но наивно видѣть въ немъ коренное средство къ исцѣленію общественныхъ недуговъ. Оно тѣмъ болѣе наивно, что безостановочное увеличеніе размѣровъ производства и возростаніе производительности труда имѣетъ тенденцію годъ отъ года увеличивать число людей, лишенныхъ правильной работы. Эта же цифра представится намъ особенно незначительной, если вспо-

мнимъ, что населеніе Великобританіи ежегодно возростаетъ на 1% и что число обездоленныхъ, увеличиваясь въ той же пропорціи, каждый годъ возростаетъ примѣрно на 30.000. Значитъ, колоніи будутъ отвлекать только половину ежегоднаго прироста нуждающихся. Нужны суммы въ десятки разъ бóльшія сравнительно съ тѣмъ, чего требуетъ Бутсъ: тогда не только былъ бы сдѣланъ интересный опытъ, но и положено начало крупному общественному предпріятію. Мы не знаемъ, дастъ ли частная подписка милліоны фунтовъ. Такъ какъ богатые люди въ Англіи и Америкѣ легко отзываются на общественныя начинанія, то немудрено, что для этой цѣли будутъ собраны и милліоны. Но какъ бы благопріятно ни была обставлена финансовая сторона дѣла, планъ Бутса вызываетъ еще нѣкоторыя возраженія.

Мы не можемъ стать въ ряды „гармонистовъ", къ которымъ принадлежитъ Бутсъ; онъ выдаетъ свой оптимизмъ словами, что „планъ его, помогая одному классу общества, не долженъ вредить интересамъ другихъ классовъ" [1]). Это положеніе какъ бы способно привлечь всѣ симпатіи на сторону задуманнаго предпріятія. На самомъ дѣлѣ, только очень довѣрчивые или очень лукавые люди могутъ отстаивать такое положеніе. Всѣ общественныя бѣдствія имѣютъ только одинъ объективный источникъ— возможность для меньшинства людей опираться на матеріальную силу и беззастѣнчиво пользоваться всѣми выгодами общественнаго положенія. Если бы землевладѣльцы, промышленники, биржевые и желѣзнодорожные дѣльцы не получали огромной доли изъ общественнаго дохода, то, конечно, число обездоленныхъ не выражалось бы тѣми огромными цифрами, которыя мы находимъ въ современномъ европейскомъ обществѣ. Мелкій филантропъ, обходя своихъ знакомыхъ съ подписнымъ листомъ и приглашая пожертвовать въ пользу бѣдныхъ 5, 10, 100 рублей, конечно, можетъ съ полной искренностью говорить, что этого рода благотворительность не противорѣчитъ чьимъ-либо частнымъ интересамъ. Но общественный реформаторъ, разъ онъ дѣйствительно хочетъ стоять на высотѣ своего положенія, не долженъ записываться въ ряды гармонистовъ и стараться привлечь къ себѣ всеобщія симпатіи обѣщаніемъ, что всѣ будутъ довольны. Нѣтъ; люди, проникнутые исключительно эгоистическими побужденіями, не могутъ быть довольны. Землевладѣльцы, которымъ широкое развитіе предположенныхъ колоній уменьшитъ число

---

[1]) Тамъ же, стр. 108.

арендаторовъ и понизить арендную плату, не могутъ быть довольны. Заводчики и фабриканты, которые, вслѣдствіе уменьшенія незанятой рабочей арміи и ослабленія соперничества между работниками, будутъ вынуждены дороже платить за трудъ, также не могутъ быть довольны. Ростовщики, кабатчики, содержатели ночлежныхъ домовъ и проч. также не будутъ довольны, ибо выполненіе реформы грозитъ уменьшить число ихъ кліентовъ. Такое убаюкиваніе всѣхъ и каждаго потому производитъ непріятное впечатлѣніе, что заставляетъ сомнѣваться въ дѣйствительной широтѣ задуманнаго начинанія; оно заставляетъ думать, что и здѣсь дѣло не пойдетъ дальше филантропическихъ опытовъ. Общественный реформаторъ долженъ громко говорить, что осуществленіе его плана будетъ отвѣчать на задушевныя пожеланія и стремленія всѣхъ людей, проникнутыхъ любовью къ ближнему, всѣхъ людей, жизнь и дѣятельность которыхъ не посвящена только заботѣ о личномъ благополучіи. Тѣмъ же, кто считаетъ стяжаніе и упроченіе матеріальнаго благоденствія главной цѣлью жизни, онъ обязанъ энергически напоминать, что во имя блага массы людей они должны подавлять въ себѣ эгоистическія влеченія, что планъ поднятія обездоленныхъ членовъ общества имѣетъ за себя всѣхъ истинныхъ друзей человѣчества. Только такой образъ мысли и рѣчи достоинъ реформатора и вселяетъ увѣренность, что передъ нами не мелкія, палліативныя мѣропріятія, которыя даже практикѣ извѣстны давнымъ-давно и имѣютъ очень малое значеніе, а крупная общественная реформа.

Мы не считаемъ цѣлесообразнымъ обращеніе Бутса исключительно къ частной предпріимчивости. Онъ забываетъ о государствѣ и во всѣхъ случаяхъ приглашаетъ только частныхъ людей, богатыхъ и среднесостоятельныхъ, дѣлать пожертвованія для осуществленія плана. Такая постановка вопроса, обычная въ англоамериканскомъ мірѣ, гдѣ многія обширныя общественныя начинанія создаются только частной предпріимчивостью, не можетъ быть признана вездѣ правильною. Когда возникаетъ предпріятіе, не требующее огромныхъ матеріальныхъ средствъ, вопросъ объ участіи государства не имѣетъ практической важности. Иное дѣло—тѣ случаи, когда, подобно замыслу Бутса, нужно располагать очень большими имущественными средствами, чтобы планъ не остался только въ области пожеланій. Частная инищіатива тогда можетъ быть недостаточна, а потому становится необходимымъ обращеніе къ общественной власти. Пора оставить безцѣльный споръ о томъ, слѣдуетъ ли требовать содѣйствія государства въ рѣшеніи

важныхъ вопросовъ общественной жизни. Мы считаемъ возможнымъ такъ формулировать эту задачу, что рѣшеніе будетъ явствовать само собою. Бутсъ и многіе другіе сторонники частной иниціативы убѣждаютъ богатыхъ людей служить осуществленію плана матеріальными средствами, а всѣхъ богатыхъ, среднесостоятельныхъ и малоимущихъ принять участіе личнымъ трудомъ. Нѣтъ такой общественной группы—отъ высокопоставленныхъ до самыхъ скромныхъ—участіе которой, по мнѣнію Бутса, не было бы полезно для успѣха дѣла. Въ основѣ этого призыва лежитъ непоколебимая увѣренность реформатора, что осуществленіе его плана повлечетъ за собою благотворныя послѣдствія. Эта увѣренность и побуждаетъ пользоваться различными способами для пріобрѣтенія наибольшаго числа приверженцевъ. Повременная печать, летучіе листки въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, живое слово на безчисленныхъ митингахъ, примѣръ, подаваемый членами Арміи Спасенія,—вотъ пріемы, которыми пользуется Бутсъ для достиженія цѣли. Почему же пренебрегаетъ онъ парламентской трибуной? Почему не пользуется онъ ею для осуществленія плана, разъ, какъ извѣстно каждому, съ высоты парламентской трибуны исходили великія общественныя преобразованія? Здѣсь мы находимъ большую непослѣдовательность. Убѣждая отдѣльныхъ лицъ, А, Б, В, Г, принять участіе въ задуманномъ предпріятіи, убѣждая *всѣхъ согражданъ* по-одиночкѣ или отдѣльными неопредѣленными группами, я стремлюсь къ тому, чтобы мой образъ мыслей сталъ достояніемъ всѣхъ. Дѣйствуя черезъ органы законодательной власти, я стремлюсь къ тому же, но только въ иной формѣ; я стремлюсь къ тому, чтобы народные представители прониклись моими убѣжденіями и выразили ихъ въ законахъ, которыми, напр., постановлялось бы ежегодно отпускать такую-то сумму на устройство колоній, способныхъ дать пріютъ и работу многимъ обездоленнымъ членамъ общества. Въ итогѣ—законъ дѣлаетъ извѣстный образъ дѣйствій обязательнымъ для всѣхъ; эта обязательность есть слѣдствіе того, что очень большая группа, нѣсколько сотъ представителей народа, прониклись убѣжденіемъ реформатора. Нужно быть очень близорукимъ, чтобы отождествлять „содѣйствіе“ государства и его „вмѣшательство“. Первое всегда плодотворно, если осуществленіе идеи соотвѣтствуетъ интересамъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія; второе же—опека надъ людьми—вредитъ дѣлу тамъ, гдѣ они хотятъ и привыкли быть свободными. Первое, скажемъ мы относительно даннаго случая, выразилось бы во внесеніи въ бюджетъ государственныхъ расходовъ извѣстной суммы

на пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ и устройство колоній. Второе наступило бы только въ томъ случаѣ, если бы правительство установило надъ колоніями мелочный, докучливый надзоръ, обставляло бы каждый шагъ поселенцевъ полицейскими предписаніями. Первое было бы плодотворно, второе—пагубно. На ряду съ этой односторонностью плана Бутса, мы находимъ и весьма крупную непослѣдовательность. Онъ хочетъ построить все зданіе на средствахъ, которыя доставляетъ частная предпріимчивость. Однако, боясь государственнаго вмѣшательства, онъ самъ подчиняетъ всю жизнь обездоленныхъ, которые составляютъ предметъ его попеченій, цѣлому своду правилъ; онъ идетъ такъ далеко по пути ограниченія личной свободы, что у него могло бы многому поучиться и ultra-полицейское государство. Стройная организація Арміи Спасенія даетъ, повидимому, право думать, что Бутсъ и его ближайшіе послѣдователи обладаютъ достаточной нравственной силой и могутъ вдохнуть свой энтузіазмъ и въ многочисленныя массы. Шутка сказать, этотъ союзъ имѣетъ во всѣхъ концахъ свѣта представителей, общее число которыхъ доходитъ до 10.000. Большею частью, убѣжденные послѣдователи своего генерала, хорошо дисциплинированные, эти 10.000 исполнителей могли бы, казалось, пересоздать всѣ милліоны, на которыхъ будетъ направлено ихъ вліяніе. Мы допускаемъ, что нравственная сила этихъ людей достаточна, дабы увеличить число сторонниковъ еще нѣсколькими десятками тысячъ. Исторія всѣхъ религіозныхъ и общественныхъ движеній поучаетъ насъ, что всегда можно найти довольно многочисленную группу страстныхъ послѣдователей, которые всецѣло посвящаютъ себя данному дѣлу. Но одно дѣло—пріобрѣсти такихъ сторонниковъ, другое—подчинить себѣ волю средняго человѣка, вовсе не склоннаго къ прозелитизму. Первые видятъ въ распространеніи новаго религіознаго ученія или общественной идеи свое призваніе, второй—пользуется ими, чтобы улучшить свою обыденную жизнь, но и улучшая ее—сохранить свою индивидуальность.

Въ концѣ книги Бутсъ приводитъ возраженіе III подъ заглавіемъ: „Они разбѣгутся". Возраженіе состоитъ въ томъ, что многіе поселенцы не захотятъ жить при ограниченіяхъ, которыя устанавливаются для колоній, и предпочтутъ вернуться въ омуты большихъ городовъ [1]). Онъ отрицаетъ возможность этого, такъ какъ люди исправятся вслѣдствіе благопріятной обстановки, обильной пищи, удобнаго

[1]) Тамъ же, стр. 305.

жилища, дружбы новыхъ товарищей и проч. Напрасная мечта! Любовь къ личной свободѣ такъ присуща людямъ XIX-го вѣка, и особенно въ наиболѣе культурныхъ странахъ европейско-американскаго міра, что отъ нея на долгое время нельзя заставить отказаться даже тѣхъ, кто лишенъ самаго необходимаго для жизни. Когда налагаются тяжелыя оковы на человѣка, проникнутаго религіознымъ одушевленіемъ, то онъ безропотно и даже съ отрадой принимаетъ ихъ, чтобы нести цѣлую жизнь. Но когда среднему человѣку, какимъ дѣлаетъ его дѣйствительная жизнь, запрещаютъ даже въ маломъ количествѣ потреблять спиртные напитки, когда объявляютъ, что „карточная игра должна быть преслѣдуема, какъ воровство", то онъ, поступивъ въ колонію, будетъ склоненъ нарушать ея суровый режимъ. А строгія кары за проступки (въ сущности невинные) лишатъ колоніи привлекательности, которую онѣ могли бы имѣть, еслибы, считаясь со среднимъ человѣкомъ современнаго общества, помнили о медленномъ и постепенномъ усовершенствованіи человѣческой природы и не требовали отъ него перерожденія съ одного удара. Посмотрите на тюрьмы наиболѣе усовершенствованныхъ системъ. Въ нихъ есть и обильная пища, и книги, и удовлетвореніе религіозныхъ потребностей, и гуманное обращеніе со стороны просвѣщенныхъ тюрьмовѣдовъ, и страстное желаніе исправить, перевоспитать заключенныхъ — и все же любовь къ свободѣ неудержимо овладѣваетъ тюремнымъ населеніемъ. Она влечетъ однихъ къ побѣгу, съ полнымъ пренебреженіемъ многочисленныхъ опасностей,—а въ другихъ, менѣе рѣшительныхъ, развиваетъ ту мучительную тоску, которая подтачиваетъ и ихъ тѣлесныя силы. И колоніи Бутса, при многихъ крупныхъ достоинствахъ, напоминаютъ тюрьму и горделивымъ высокомѣріемъ, съ которымъ ихъ основатель смотритъ на слабости современныхъ людей, и самою дѣятельностью, съ которою разсчитываетъ на возможность мгновеннаго ихъ перерожденія.

За первый годъ со времени выхода въ свѣтъ книги Бутса и не могли быть достигнуты значительные результаты. Правда, уже въ 1890 году было возможно израсходовать до 90.000 фунтовъ стерлинговъ на городскую колонію, фермерскую, и на основаніе въ колоніяхъ разныхъ предпріятій. Однако, это капля въ морѣ: фермерская колонія въ Эссексѣ *даетъ занятіе только двумъ стамъ рабочихъ*. Какъ много же должно быть сдѣлано для того, чтобы доставить занятіе значительной части обездоленныхъ классовъ Англіи!

Укажемъ въ заключеніе на то, что̀ въ начинаніяхъ Бутса

представляется особенно интереснымъ и поучительнымъ, какъ отпоръ довольно распространенному въ литературѣ мнѣнію, будто обязательное упорядоченное закономъ призрѣніе бѣдныхъ ослабляетъ частную благотворительность. Хотя мы и не вѣримъ во всецѣлебную силу начинаній Бутса, но видимъ въ нихъ очень крупный замыселъ, важный по идеѣ, разнообразный по содержанію,—и такое зрѣлище даетъ намъ именно частная благотворительность такой страны, которая, какъ Англія, имѣетъ старинное и наиболѣе упорядоченное законодательство о призрѣніи бѣдныхъ.

А. Исаевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Тихо надъ лѣсомъ свѣтила
Тайною вѣчной луна.
Міръ стерегла и хранила
Ясныхъ небесъ тишина.

Прудъ, изумрудами крытый,
Нѣжась, безпечно дремалъ,
И подъ вѣтвями ракиты
Берегъ зеленый ласкалъ,

Первые проблески утра
Томную гонятъ луну;
Солнце въ цвѣта перламутра
Красить небесъ вышину.

Лживое скрылось свѣтило,
Истинный свѣтъ засіялъ—
И со всего, что̀ манило,
Смѣло личину сорвалъ.

Прудъ, изумрудами крытый,
Плесенью, мутью покрытъ
И подъ вѣтвями ракиты
Мертвый и жалкій лежитъ.

II.

Начало августа. Горячій, пышный день.
Послѣдніе цвѣты свиваются въ лобзаньѣ
И пѣсни страстныя и сладостную лѣнь
Льютъ по землѣ въ своемъ благоуханьѣ.

По воздуху, носимы вѣтеркомъ,
Легки какъ бабочки, какъ серебро лучисты,
Летаютъ сѣмена, рожденныя цвѣткомъ,
Какъ первый снѣгъ и мягки, и пушисты.

И въ этихъ сѣменахъ скрывается завѣтъ
Природы-матери на новое рожденье,
На жизнь прекрасную безъ счета дней и лѣтъ;
Въ нихъ чудной вѣчности таится отраженье.

Въ прозрачномъ воздухѣ купаются они
И чудится, что міръ ихъ нѣжитъ и милуетъ—
Земля зоветъ, любя, въ объятія свои,
И небо солнышкомъ ихъ грѣетъ и балуетъ.

III.

На зубча̀тыхъ листьяхъ клена,
Проглянувши раннимъ утромъ,
Изъ росы низало солнце
Прихотливые узоры;

Изъ сапфировъ и алмазовъ,
Изумрудовъ и рубиновъ
Подъ лучами золотыми
Зажигалися гирлянды.

И сверкали, и дрожали
Неба чистыя слезинки,
Какъ младенческія грёзы
На порогѣ юной жизни!

Но проснулся свѣжій вѣтеръ,
Пробѣжалъ по листьямъ клена,
И разсыпались безслѣдно
Эти хрупкія созданья...

И младенческія грёзы
Разлетѣлися какъ дымка—
На порогѣ юной жизни
Ихъ дѣйствительность сгубила.

IV.

Левкоя страстнаго душистое дыханье
Наполнило всю ночь, и въ дремлющей лунѣ
Неслося вмѣстѣ съ нимъ и робкое признанье,
И страстная мольба звучала въ тишинѣ.

Казалося, цвѣты всю душу выливали
Въ прозрачный запахъ свой... И чудилося мнѣ,
Луна внимала имъ, исполнена печали,
Прослыша шопотъ ихъ въ своемъ волшебномъ снѣ.

V.

Безбрежна даль нѣмого неба,
Бѣгутъ сѣдыя облака,
Поля желтѣющаго хлѣба
Дрожатъ подъ лаской вѣтерка.

Любовно синими глазами
Глядятся въ небо васильки
И между пышными хлѣбами
Скрываютъ скромные вѣнки.

И въ каждомъ крохотномъ твореньѣ,
Въ жучкѣ и въ бабочкѣ цвѣтной,
Кипитъ и жизнь, и наслажденье
Могучей, страстною волной.

Все платитъ дань любви и счастью,
Все жизнь за жизнь благодаритъ
И ласкъ кипучихъ знойной страстью
Весь міръ чаруетъ и живитъ.

НА РѢКѢ.

Ночь, одѣвшись волшебнымъ покровомъ,
Вся въ сіяніи звѣздъ золотыхъ,
Намъ сулитъ въ упоеніи новомъ
Дать забвенье страданій былыхъ.
Минулъ день, суетливый и шумный,
Полный слезъ, и труда, и заботъ...
Все заснуло... Лишь въ пляскѣ безумной
Темныхъ тучекъ кружитъ хороводъ...
Убаюканъ дремотою сладкой,
Лѣсъ колышетъ вершины свои,
Отражаяся въ зеркалѣ гладкомъ
Синеватой глубокой струи.
И рѣка, проливаясь лѣниво
По желтѣющимъ мягкимъ пескамъ,
Прижимается кротко и льстиво
Къ потемнѣвшимъ крутымъ берегамъ,
И играетъ холодной волною
Гибкой тростью сѣдыхъ камышей,
Приподнявшихъ свой лѣсъ надъ водою
До зеленыхъ прибрежныхъ вѣтвей...
И о чемъ-то съ струей безпокойной
Разговоръ завели камыши,
И ихъ шопотъ разносится стройно
Въ полуночной безбрежной тиши.
О, послушай! Въ лѣсу безконечномъ
Запоздавшій поетъ соловей.
Льются пѣсни легко и безпечно,
Красотою чаруя своей.
Онъ поетъ... и внимательно, чутко
Вся вселенная внемлетъ ему...
О, взгляни! мнѣ становится жутко!
Что̀ за тѣни мелькаютъ въ лѣсу?

Посмотри, милый другъ, поскорѣе:
То туманъ поднялся надъ рѣкой!..
Онъ становится гуще, бѣлѣе
Онъ, какъ птица, летитъ надъ водой!
О, я вижу!—русалки толпою
Поднялись изъ чернѣющихъ водъ
Въ часъ урочный ночною порою
И ведутъ неземной хороводъ...
По плечамъ ихъ спустились небрежно
Пряди мокрыхъ, развитыхъ кудрей
И бѣгутъ по спинѣ бѣлоснѣжной
Какъ холодный волшебный ручей...
Къ небу тянутся блѣдныя руки...
Злобный смѣхъ искажаетъ уста —
И проносятся дикіе звуки
Черезъ горы, поля и лѣса...
Услыхавши ихъ, путникъ усталый
Осѣняется робко крестомъ
И спѣшитъ въ этотъ часъ запоздалый
Въ свой далекій привѣтливый домъ,
Гдѣ семья его ждетъ дорогая
У горящаго ярко огня...
И торопится онъ, погоняя
Задремавшаго мирно коня...
А русалки все вьются толпою,
И все дальше летятъ по рѣкѣ,
И играютъ прозрачной волною,
И хохочутъ въ ночной тишинѣ...
Успокойся! не бойся, родная!
Видишь—снова съ тобой мы одни.
Вѣтерокъ, нашу лодку качая
Разогналъ всѣ испуги твои:
Легкой дымкой исчезли видѣнья!
Все такъ тихо, такъ мирно вокругъ...
Мы несемся съ тобой по теченью...
Успокойся же, кроткій мой другъ!

Б. Беръ.

ДИКАРКА

Повѣсть Эл. Оржешко.

Съ польскаго.

III *).

Въ гостиной мадамъ Октавіи (пятнадцать шаговъ въ длину, тринадцать въ ширину; мебель, обитая утрехтомъ, мебель fantaisie, жардиньерки съ цвѣтами, зеркала, рояль, японскія вазы, альбомы и т. п.—все это сильно освѣщено нѣсколькими лампами и канделябрами) около часа тому назадъ раутъ начался, а Идалія не являлась. Впрочемъ, отсутствіе Дали и не безпокоило, и не опечалило меня нисколько... Но вдругъ я былъ такъ глубоко удивленъ и тронутъ, что едва не упалъ со стула. Даля пріѣхала и со свойственною ей граціей входила въ гостиную, въ которой собралось уже около двадцати дамъ и мужчинъ,—а за нею показалась... дикарка! Благодаря извѣстной эквилибристической опытности, которую я пріобрѣлъ, занимаясь гимнастикою,—конечно, я не упалъ со стула, но зато я всталъ нѣсколько быстрѣе, быть можетъ, чѣмъ бы то слѣдовало, а затѣмъ, поклонившись входящимъ дамамъ, къ одной изъ нихъ я сталъ опять-таки приглядываться слишкомъ усердно. Она пріѣхала — это такъ, но что она этого подвига не цѣнила слишкомъ высоко, да, пожалуй, совсѣмъ не обращала на него никакого вниманія,—это было настолько же очевидно, насколько и нелестно для такого рода раутовъ, имѣющихъ вѣдь и вѣсъ, и значеніе, въ жизни образованныхъ людей.

---

*) См. выше: янв., 145 стр.

Въ своемъ обыкновенномъ туалетѣ она не измѣнила даже ни одной мелочи; она надѣла лишь длинныя, доходящія до локтей перчатки — вотъ и все! Въ самомъ началѣ, еще въ дверяхъ, Северина какъ будто бы смутилась нѣсколько, какъ это было при входѣ на выставку, бросила нѣсколько вовсе ненужныхъ и безпокойныхъ взглядовъ, но вскорѣ она съумѣла овладѣть вполнѣ своими ощущеніями, и когда проходила черезъ гостиную съ Далей, съ которою всѣ здоровались, я съ искреннимъ удовольствіемъ замѣтилъ, что Северина — неловкая, нешикарная на улицѣ—въ гостиной вполнѣ шикарна! Впрочемъ, я не такъ выразился. Это не шикъ, это нѣчто болѣе высокое, нѣчто лучшее и болѣе важное, чѣмъ шикъ, то, что французы называютъ *линіею*, что является отсутствіемъ всякой угловатости и острыхъ контуровъ не въ одной только внѣшности, но и въ движеніяхъ,—благороднымъ, спокойнымъ и полнымъ ихъ сочетаніемъ и граціею. Да, у нея была именно *линія*! Ея движенія, походка, вся ея фигура производили эстетическое впечатлѣніе. По этой ли причинѣ, а можетъ быть и по многимъ другимъ, Северину сейчасъ же окружили дамы и мужчины, особенно же—послѣдніе. Юзіо, Леонъ, Станиславъ, уже нѣсколько разъ встрѣчавшіе Северину у Дали во время моего отсутствія, складывали передъ нею *саламалеки*, которые свидѣтельствовали, что по тѣмъ или другимъ причинамъ они записывались въ число ея поклонниковъ. Даже пессимистъ Стефанъ, и этотъ улыбался такъ, что, казалось, въ ней именно онъ замѣтилъ блуждающій по бѣлу свѣту лучъ надежды, съ которою онъ распростился навсегда. Двѣ молодыя барыньки, у которыхъ не имѣлось пока въ виду никакого мексиканца или далматинца, находили, что Северина представляетъ изъ себя болѣе или менѣе экзотическое явленіе, и были съ нею крайне любезны. Одна молодая барышня, извѣстная энтузіастка, знающая кое-что о Северинѣ, такъ и приклеилась къ ней, считая ее живымъ доказательствомъ, образцомъ женской эмансипаціи. Оказываемые Северинѣ почетъ и уваженіе или забавляли, или радовали ее, потому что издали я замѣтилъ въ ней большое и все возростающее оживленіе, съ которымъ она болтала съ окружающими ее дамами и кавалерами. Северина, видимо, была въ веселомъ настроеніи духа. Слѣдя за каждымъ ея движеніемъ, я замѣтилъ, однако, что нѣсколько разъ она забывала обо всемъ ее окружающемъ, что глаза ея искали чего-то и останавливались, и какъ будто успокоивались лишь тогда, когда взоры ихъ падали на мою скромную фигуру. Я стоялъ совершенно въ сторонѣ, потому что мнѣ не хотѣлось смѣшиваться съ толпою тѣхъ, которые ее окружали; я зналъ, что

въ этой толпѣ всевластно царила амальгама желаній и вожделѣній, изъ которыхъ многія были мнѣ противны. Званіе искателя приданаго я всегда считалъ самымъ низкимъ, самымъ обиднымъ званіемъ, какимъ можно унизить человѣка въ его собственныхъ глазахъ: мнѣ противно было, инстинктивно противно даже глядѣть на тѣхъ людей, которыхъ въ настоящую минуту я считалъ вполнѣ достойными этого званія. Вотъ почему около часу я не подходилъ къ Северинѣ, стараясь завязать разговоръ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ присутствующихъ, и, лавируя такимъ образомъ, я старался подойти къ Далѣ. Я хотѣлъ предложить ей одинъ только вопросъ, который показался мнѣ весьма важнымъ. Въ сущности я не придавалъ значенія предмету моего вопроса, но важенъ былъ для меня отвѣтъ Дали. Преодолѣвъ, наконецъ, всѣ препятствія, я очутился непосредственно за стуломъ кузины и, наклоняясь надъ нею, спросилъ:

— Какъ могла произойти такая перемѣна? Ты много потрудилась, не правда ли?

Даля сразу поняла мой вопросъ.

— Нисколько,—отвѣтила она съ улыбкою;—я весьма посредственная труженица, но ты—настоящій чудотворецъ!

— Можетъ ли быть? Ужъ не воскресилъ ли я кого-нибудь изъ мертвыхъ?

— Метаморфозъ, это вѣдь жизнь въ измѣненной... лучшей формѣ...

— Не всегда лучшей, потому что если гусеница превращается въ бабочку—оно, конечно, лучше, но если человѣкъ послѣ смерти превращается въ трупъ, воля твоя,—такое превращеніе нельзя считать лучшимъ. А въ данномъ случаѣ гусеница, кажется, окрыляется, да?

— Это возможно. Но я просто удивлена. За нѣсколько часовъ до моего выѣзда, она стала задумчива, движенія ея были торопливы, безпокойны, а въ концѣ концовъ она пришла ко мнѣ и заявила, что поѣдетъ со мною...

— По собственному желанію? Никто ее не уговаривалъ ѣхать?

— Безъ всякихъ уговоровъ, но не исключительно по собственному желанію.

— Кому же или чему слѣдуетъ приписать такое чудодѣйственное вліяніе?

— Возгордись: тебѣ.

— Я скроменъ: не вѣрю.

— Ахъ, Боже мой! да вѣдь надо находиться на крайней

ступени скептицизма, чтобы отказывать женщинѣ въ проницательности.

— Не спорю, что въ извѣстной категоріи явленій женская проницательность можетъ быть даже оракуломъ, но въ данномъ случаѣ я, дѣйствительно, крайній скептикъ.

Я солгалъ. Догадка Дали показалась мнѣ весьма вѣроятною, и я почувствовалъ гдѣ-то въ глубинѣ моего сердца странную, но весьма пріятную смѣсь гордости побѣдой и искренней радости. Я узналъ отъ Дали все, что̀ намѣренъ былъ узнать. Отвѣтъ кузины обрадовалъ меня. Я выпрямился и, замѣтивъ, что Северина оставила прежнее свое мѣсто, сталъ искать ее глазами: она находилась теперь въ совершенно другомъ обществѣ. Северина сидѣла вблизи окна, въ обществѣ двухъ пожилыхъ господъ, съ которыми вела оживленный разговоръ, о чемъ можно было судить по строгому выраженію ихъ лицъ. Для меня оставалось тайною, какимъ путемъ и гдѣ завязали съ нею знакомство эти господа, изъ которыхъ одинъ былъ извѣстнымъ докторомъ-профессоромъ, а другой не менѣе извѣстнымъ юристомъ, посвятившимъ себя экономическимъ изслѣдованіямъ жизни нашего общества. По всей вѣроятности, они узнали о ея богатствѣ и самыхъ благихъ намѣреніяхъ, представились ей и, не теряя времени, при ея содѣйствіи составили тутъ же небольшое засѣданіе сангедрина. Она же — это легко можно было понять по оживленному ея лицу — въ ихъ обществѣ находила искомое: она была вполнѣ довольна. Общество двухъ жрецовъ науки понравилось ей гораздо больше общества моихъ друзей и знакомыхъ, или вѣрнѣе, она испытывала совершенно другого рода удовольствіе. Она ихъ спрашивала о томъ и о другомъ, они давали ей просвѣщенные отвѣты... Пожалуй, не пріѣхала ли она и сюда съ тѣмъ же намѣреніемъ, съ какимъ явилась въ большой городъ, — съ исключительной цѣлью просвѣтиться?

Я все еще стоялъ за стуломъ Дали и невольно скептически улыбался, хотя эта улыбка причиняла мнѣ жгучую боль... Я всматривался въ Северину, искалъ ея взгляда и добился, наконецъ, того, что, среди разговора съ учеными, глаза ея стали чего-то искать съ видимымъ безпокойствомъ... Чего же искали ея глаза?.. Ахъ, взоры наши встрѣтились на одно мгновеніе, и я очутился подъ ея вліяніемъ, которому и не могъ, и не хотѣлъ противодѣйствовать. Я взялъ стулъ, поставилъ его между тѣми, на которыхъ возсѣдали ученые, и сѣлъ между ними съ твердымъ намѣреніемъ принять участіе въ совѣщаніяхъ маленькаго сангедрина.

Къ сожалѣнію, это благое намѣреніе легче было возъимѣть, нежели исполнить.

Члены сангедрина разсуждали о томъ, что крестьяне почти повсемѣстно оказываютъ недовѣріе медицинѣ и ея жрецамъ. Юристъ утверждалъ, что часть вины въ данномъ случаѣ падаетъ на самихъ провинціальныхъ врачей, которые въ огромномъ большинствѣ случаевъ не стоятъ на высотѣ своей задачи; ученый профессоръ, защищая своихъ товарищей по профессіи, приписывалъ крайне прискорбное явленіе не только недовѣрія, но просто отвращенія крестьянъ, какое они питаютъ къ врачамъ, исключительно отсутствію просвѣщенія среди простого народа; мадемоазель Здроіовская, соглашаясь съ обоими своими собесѣдниками, часть отвѣтственности крестьянъ слагала на крайне бѣдственное ихъ состояніе, на недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Что же мнѣ оставалось дѣлать? Могъ ли я принять участіе въ бесѣдѣ, предметомъ которой былъ такой серьезный, до сихъ поръ никогда еще не интересовавшій меня вопросъ? Въ данную минуту мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ удивляться этой странной бесѣдѣ, слушать и молчать. Обстоятельства времени и мѣста придавали совѣщанію сангедрина странный и оригинальный характеръ. Я прислушивался, однако, весьма охотно, и не безъ удовольствія, потому что докторъ-профессоръ, не только ученый, но и свѣтскій человѣкъ, очень мило и забавно разсказалъ нѣсколько эпизодовъ изъ своей практики среди простого народа, а мадемоазель Здроіовская сообщила одно изъ народныхъ преданій, которыя живутъ еще среди народа въ обитаемой ею окрестности. Разсказъ Северины представлялъ настоящій кладъ поэзіи. Впрочемъ, о чемъ бы ни говорила Северина, въ ея голосѣ и въ манерѣ передавать свои мысли, была ей одной свойственная мягкость тона и нѣжность, которыми я восхищался, а теперь еще вдобавокъ, — потому ли что тема бесѣды ее интересовала, потому ли, что ей было пріятно спорить и разговаривать съ учеными, которыхъ всѣ знали и уважали,—на ея щекахъ показался румянецъ, и глаза ея засверкали чуднымъ огнемъ. Румянецъ и огонь придавали ей тотъ оттѣнокъ восторга, который свойственъ человѣку лишь въ минуту неподдѣльнаго, искренняго возбужденія или вдохновенія. Я замѣтилъ, что оба ученые бесѣдовали съ Севериною съ большимъ вниманіемъ и очевидною доброжелательностью.

— Скажите, пожалуйста, — спросилъ экономистъ: — какимъ путемъ съумѣли вы изучить жизнь и бытъ простого народа такъ хорошо да и такъ подробно?

— Я воспиталась среди простого народа и теперь живу среди крестьянъ,—отвѣтила Северина, а послѣ нѣкотораго молчанія прибавила: — я привыкла изучать ихъ еще вмѣстѣ съ моимъ братомъ.

Послѣ этихъ словъ Северина молчала нѣкоторое время и задумалась. Ея мысли и взоръ точно въ одно мгновеніе оставили гостиную мадамъ Октавіи, забывъ и о присутствіи ученыхъ, и о томъ, что я находился въ ея обществѣ... Мысль ея, должно быть, въ эту минуту блуждала по роднымъ полямъ... Северина мысленно перенеслась теперь въ среду сѣрѣющихъ вдали деревень, о которыхъ воспоминаніе она внесла въ городской шумъ... Быть можетъ, мысль ея преклонилась передъ могилою брата, который отчасти сдѣлалъ ее такою, какою она была. Обоимъ ученымъ исторія жизни ея брата не была, должно быть, совсѣмъ чужда: они замолкли и также грустно задумались, а я — вопреки всякому ожиданію — испыталъ нѣчто въ родѣ особенно возбужденнаго любопытства къ предмету, который, какъ мнѣ до сихъ поръ казалось, не былъ бы въ состояніи хоть сколько-нибудь заинтересовать меня. Но благодаря нѣжному звуку голоса Северины, благодаря ея взглядамъ, которыми она время отъ времени окидывала меня, а главнымъ образомъ, благодаря тому, что, какъ мнѣ казалось, она въ эту минуту мысленно пребывала среди родныхъ полей и лѣсовъ,—во мнѣ явилось горячее, непреодолимое желаніе взлетѣть подъ небеса. Необходимыя для этого крылья, къ счастью, доставила мнѣ фольклористика, одинъ отдѣлъ этнографической, а можетъ быть и этнологической науки, которая въ то время въ области человѣческаго знанія завоевывала себѣ модное мѣсто, а мнѣ не была совсѣмъ чужда. Сравнительно недавно я просматривалъ объемистый сборникъ народныхъ пѣсенъ разныхъ странъ, украшенный превосходными рисунками. Благодаря примитивной красотѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ и иллюстраціямъ, я запомнилъ ихъ, что въ данную минуту сослужило мнѣ весьма важную службу. Я и блеснулъ моимъ фольклористическимъ знаніемъ въ первый разъ въ моей жизни такъ, какъ не съумѣлъ бы этого сдѣлать даже въ томъ случаѣ, еслибы дѣло касалось самаго любимаго мною искусства. И память моя въ эту минуту, какъ будто желая мнѣ помочь, сдѣлала свое дѣло: я вспоминалъ цѣлые отрывки стихотвореній, цѣлые тексты сравненій и сходствъ, которыя сами по себѣ не особенно меня интересовали; особенно удачно въ моей передачѣ вышли картины природы, на которыхъ прекрасными узорами развивалась народная поэзія, не лишенная ни возвышенной фантазіи, ни глубокаго

чувства. Я чувствовалъ, что рѣчь моя блистала внѣшнею красою и внутреннимъ содержаніемъ, что меня внимательно слушають даже оба ученые, а главное, — голубые съ серебрянымъ отблескомъ глаза обращены на мое лицо, какъ это разъ уже случилось тогда, когда мы съ кузиною разсматривали картины.

Вдругъ, почти инстинктивно я почувствовалъ, что въ гостиной происходитъ что-то новое, и, оглянувшись, я сразу догадался, что мадамъ Октавія, желая развлечь своихъ гостей, устроила une petite sauterie. Конечно, не. всѣ могли принять въ ней участіе; въ сосѣдней гостиной были разставлены ломберные столы, а самъ хозяинъ вскорѣ подошелъ къ двумъ моимъ ученымъ собесѣдникамъ, съ которыми я имѣлъ честь такъ долго разговаривать, и предложилъ имъ сыграть въ карты. Юристъ принялъ предложеніе; докторъ извинился, что никакъ играть не можетъ, потому что въ этомъ искусствѣ не мастеръ, но они оба отошли отъ насъ вмѣстѣ съ хозяиномъ дома. Оба они поклонились мадемоазель Здроіовской чрезвычайно почтительно, свидѣтельствуя, такимъ образомъ, искреннее свое уваженіе. Северина отвѣтила имъ такимъ же поклономъ и такими прекрасными взглядами, какіе до этого наврядъ ли когда-нибудь бросали прелестные женскіе глаза на весьма заслуженныя, но тѣмъ не менѣе сѣдѣющія головы ученыхъ мужей. Почти въ эту же самую минуту подъ сильными ударами кого-то изъ гостей рояль загремѣлъ, въ воздухѣ послышались звуки вальса и вокругъ Северины образовалась небольшая толпа молодыхъ кавалеровъ, изъ среды которыхъ, по уговору или по собственному желанію, выступилъ Брониславъ Видзкій и пригласилъ мадемоазель Здроіовскую протанцовать съ нимъ вальсъ. Нѣтъ сомнѣнія, что молодежь уговорилась между собою, чтобы Видзкій первымъ сдѣлалъ предложеніе: Брониславъ на раутѣ у Дали произвелъ, какъ всѣмъ казалось, прекрасное впечатлѣніе на Северину, а потому нисколько не удивительно, что на него возложили обязанность сдѣлать начало, которое, какъ не безъ основанія догадывались, будетъ нѣсколько трудновато. Оно такъ и оказалось. Северина отказалась танцовать, объяснивъ въ нѣсколькихъ словахъ, что совсѣмъ не танцуетъ. Сейчасъ же со всѣхъ сторонъ раздались протесты, изъ которыхъ я догадался, что Даля, желая извинить нѣкоторыя странности туалета и другихъ не совсѣмъ обыкновенныхъ у молодой дѣвушки чертъ ея поведенія въ обществѣ, потихоньку, намеками объяснила всѣмъ, что Северина все еще не распростилась окончательно съ трауромъ послѣ отца и брата. Никто, впрочемъ, не говорилъ объ этомъ, никто даже слова

„трауръ“ не употребилъ ни разу; но безъ усилій можно было догадаться, что таково было общее мнѣніе, и что всѣ старались убѣдить ее въ томъ, что пора ужъ забыть о давно минувшемъ и принять участіе въ настоящей жизни. Северина, не объясняя причинъ, отказывала имъ чрезвычайно любезно, а затѣмъ нѣсколько сдержаннѣе, и старалась оставить занимаемое до сихъ поръ ею мѣсто, чтобы пройти въ небольшой кабинетъ, освѣщенный одною лишь лампою, гдѣ никого не было. Замѣтивъ ея намѣреніе, я постарался ей помочь, отстраняя нѣсколько стульевъ, загораживавшихъ ей дорогу, и подъ какимъ-то предлогомъ уводя отъ нея Юзя, который приставалъ къ ней со своими просьбами назойливѣе другихъ. Это удалось мнѣ вполнѣ, хотя не безъ нѣкоторыхъ усилій. Северина, такимъ образомъ, могла пройти въ кабинетъ, куда и мнѣ хотѣлось поскорѣе пробраться. Ловко маневрируя среди танцующихъ, я вскорѣ очутился въ кабинетѣ возлѣ Северины.

— Почему вы не хотите танцовать, кузина? — спросилъ я, беря ее за руку.

Я, должно быть, глядѣлъ на нее глазами, въ которыхъ загорался огонь, потому что я искренно желалъ, чтобы она танцовала, особенно же, чтобы танцовала со мною. Северина смутилась, опустила глаза и, не глядя на меня, едва слышнымъ голосомъ отвѣтила:

— Я отвыкла... разучилась... Впрочемъ, я никогда много не танцовала... Давно, очень рано печальная дѣйствительность жизни захватила и держитъ меня въ своихъ объятіяхъ... Не могу...

— Почему же никогда не освободиться отъ этихъ объятій, почему не сбросить съ себя этой печали, какъ надо сломать и бросить терніи, чтобы сорвать розу?.. Пусть могилы покоятся въ своей святой тиши!.. Живые люди жить должны и наслаждаться жизнью, которая иногда въ состояніи бываетъ доставить недосягаемое счастье...

Рука ея, покоившаяся все время въ моей рукѣ, вздрогнула, по ея лицу пробѣжалъ лучезарный проблескъ свѣта...

— Не могу... извините меня, кузенъ... Увѣряю васъ — не могу...

Но и во мнѣ проснулось упрямство, почти страстное упрямство; я схватилъ обѣ ея руки, а звуки вальса, которые всегда возбуждали во мнѣ плотскія чувства, сдѣлали свое дѣло: я былъ въ эту минуту не только упрямъ, но страстенъ и въ то же время чувствителенъ.

— Кузина, развѣ въ звукахъ этого вальса нѣтъ ничего кромѣ

пустыхъ, веселыхъ тоновъ? Развѣ нѣтъ въ нихъ отзвуковъ вѣчной печали, вѣчнаго стремленія къ чему-то недосягаемому, къ чему, однако, мы всегда стремимся,—лиризма, поющаго вѣчную и всегда новую, всегда молодую пѣсню любви?.. О, кузина, я увѣренъ, что если когда-либо рай былъ на землѣ, Адамъ и Ева должны были въ немъ уже танцовать вальсъ! Кузина, и вы протанцуйте вальсъ со мною... одинъ разъ только и только со мною! Да? Хорошо?... Дорогая... милая моя кузина!

Послѣднія слова я сказалъ шопотомъ, все ближе и ближе наклоняясь надъ ея прелестною головкою... Северина только теперь посмотрѣла на меня, а въ ея взглядѣ я прочелъ и неувѣренность, и нѣчто въ родѣ искренняго чувства... Одно мгновеніе— и все выражаемое ея взглядомъ куда-то исчезло: взоръ ея снова сталъ ясенъ и спокоенъ, а ея губки тихонько прошептали:

— Хорошо...

По выраженію ея прелестныхъ глазъ, по улыбкѣ ея губокъ я могъ судить объ ея истинно женской душѣ, которая всегда способна поддаться чужой волѣ, съ оттѣнкомъ сердечной доброты, свойственной лишь женщинамъ.

Северина танцовала очень хорошо, но не трудно было убѣдиться, что она танцовала рѣдко и неохотно; ей пришлось, кромѣ того, преодолѣвать еще препятствія, какія представляли и несоотвѣтственное, тяжелое платье, и тяжеловатые башмаки. Протанцовавъ съ нею вальсъ, я нарочно посадилъ ее на стулѣ, находившемся нѣсколько въ сторонѣ, и сравнительно долго издали смотрѣлъ на это прелестное созданіе съ чувствомъ чрезвычайно похожимъ на состраданіе. Я тогда думалъ о томъ, что съ величайшимъ наслажденіемъ я сталъ бы передъ нею на колѣни и собственными руками снялъ бы ея кожаные сапожки и одѣлъ бы на ея ножки легкія туфли, а затѣмъ, — я самъ не зналъ, какъ именно, хотя бы чудомъ какимъ-нибудь,—я горѣлъ желаніемъ въ одно мгновеніе черное ея платье преобразовать въ свѣтлое, ясное. Наконецъ, темные ея волосы мнѣ хотѣлось разбросать по ея головкѣ цѣлымъ лѣсомъ локоновъ, и тогда бы она стала похожа на всѣхъ свѣтскихъ женщинъ ея возраста и положенія въ обществѣ. Все это мерещилось мнѣ—точно страничка изъ басни о королевичахъ, которые являлись къ спящимъ царевнамъ, чтобы будить ихъ къ жизни! Бѣдняжка! Какой злой рокъ, какая злая сила заставила ее кутать свою молодость въ черный трауръ, который лишаетъ ее возможности украшать жалкую жизнь даже такими цвѣтами, которые она въ состояніи доставить!.. Вдругъ въ моей головѣ мелькнула новая мысль: дѣйствительно ли

я желаю, чтобы Северина вдругъ стала другою? дѣйствительно ли я бы хотѣлъ видѣть въ ней не ту женщину, какою я ее зналъ? Была ли бы она предметомъ моихъ мыслей и заботъ, еслибы была во всемъ похожа на другихъ женщинъ?

Послѣ вымоленнаго мною у нея вальса, Северина стала снова печальна и сидѣла со сложенными на колѣняхъ руками, точно чуждая всему, что̀ вокругъ нея происходило. Казалось, что она была единственною темною линіею, происшедшею отъ сочетанія танцующихъ дамъ въ свѣтлыхъ платьяхъ. Въ морѣ веселыхъ звуковъ, среди шума и шуршанья платьевъ, среди пріумолкнувшаго говора многихъ голосовъ, Северина производила впечатлѣніе печальнаго звука меланхолической пѣсни, которая случайно залетѣла въ этотъ міръ веселья и пустой суеты. О, нѣтъ, нѣтъ, я бы страдалъ жестоко, еслибы она вдругъ стала похожа на другихъ!

Я протанцовалъ съ хозяйкою лансье́, съ нѣсколькими хорошенькими барышнями польку, и лишь тогда почувствовалъ, что я предаюсь милымъ свѣтскимъ удовольствіямъ какъ-то неискренно и не вполнѣ. Северину теперь старался развлечь отставной статскій генералъ, имѣвшій въ нашихъ кругахъ несомнѣнное право гражданства, такъ какъ онъ былъ высокообразованнымъ, богатымъ и вліятельнымъ лицомъ, да вдобавокъ усерднымъ устроителемъ всевозможныхъ филантропическихъ развлеченій и собирателемъ всевозможныхъ старинныхъ вещей. По крайней мѣрѣ, я лично высоко ставилъ и искренно уважалъ почтеннаго эксъ-чиновника и охотно посѣщалъ его, потому что квартира его походила на интересный и довольно большой музей. Высокаго роста, красавецъ собою, конечно, въ прошломъ, съ сѣдѣющею бородою, эксъ-генералъ бесѣдовалъ съ Севериною, занималъ ее и старался развлечь, какъ мнѣ казалось, умно и хорошо, а потому я не безъ удивленія замѣтилъ, что она была теперь какъ бы усталою. Прежняя печаль смѣнилась у нея скукою, ужаснѣйшею скукою, такъ что блескъ ея глазъ потухъ, щеки поблѣднѣли, а нижняя часть лица подергивалась, стараясь превозмочь выбивающееся наружу зѣваніе. Замѣтивъ эту перемѣну въ душевномъ настроеніи кузины, я невольно улыбнулся. О чемъ же бесѣдовалъ съ нею этотъ вполнѣ свѣтскій и пріятный человѣкъ? Какой такой нашелъ онъ предметъ для бесѣды съ молоденькою барышнею, которая подъ его вліяніемъ едва удерживалась, чтобы не зѣвнуть? Въ этотъ вечеръ, однако, Северина не могла долго оставаться въ уединеніи, и притомъ въ обществѣ одного собесѣдника, хотя бы скучнаго или веселаго. Несмотря на то, что она по нѣскольку разъ отказывала многимъ, являвшимся къ ней съ

просьбою протанцовать вальсъ или польку, и, что̀ хуже всего, несмотря на то, что она согласилась одинъ разъ протанцовать лишь со мною, молодежь окружала ее и ухаживала за нею, насколько хватало только свободнаго времени между танцами. И теперь тоже сановный собесѣдникъ долженъ былъ уступить свое мѣсто Брониславу Видзкому, Станиславу и другимъ, которые окружили ее со всѣхъ сторонъ, сидя и стоя, смотря по тому, кому какая поза показалась удобною. Я замѣтилъ тоже, что Северина охотнѣе всего бесѣдовала съ Брониславомъ Видзкимъ, хотя въ ея оживленіи нельзя было уже замѣтить прежняго и, по отношенію къ Брониславу, довольно страннаго и смѣшного почтенія. Она убѣдилась, что Брониславъ—не жрецъ, но все же уважала въ немъ человѣка, лелѣющаго въ своей душѣ вѣру во всевозможныя великія идеи. Въ ея глазахъ Брониславъ былъ поэтомъ и редакторомъ вліятельной газеты. Послѣ довольно долгаго промежутка времени мнѣ удалось, наконецъ, подойти къ ней и поболтать почти наединѣ.

— Чѣмъ это, кузина, этотъ красивый и статный господинъ наводилъ на васъ такую ужасную скуку?—спросилъ я, приближаясь къ Северинѣ.

Кузина улыбнулась, глаза ея засверкали огонькомъ, который иногда посѣщалъ ихъ на мгновеніе, и отвѣтила:

— Фарфоромъ!

Ахъ, да! Я и забылъ, что этотъ образованный и вполнѣ симпатичный господинъ имѣлъ скверное обыкновеніе такъ много и пространно толковать о фарфорѣ, что своими разсужденіями могъ довести собесѣдника до жесточайшей ненависти ко всѣмъ и всему. Съ другой стороны, однако, этотъ предметъ, хотя, положимъ, не въ такой степени, но все же интересовалъ меня тоже.

— Развѣ фарфоръ—такой скучный предметъ? Еслибы вы, кузина, пожелали поближе ознакомиться со всѣми оттѣнками...

Северина подняла глаза и съ нѣкоторымъ испугомъ поглядѣла на меня.

Я замолчалъ, не зная, что̀ сказать.

Мадемоазель Здроіовская начала тихимъ, унылымъ голосомъ перечислять:

— Саксонскій, французскій, испанскій, швейцарскій, саксонскій XVII-го столѣтія, саксонскій XVIII-го столѣтія, французскій севрскій старый, французскій севрскій новый...

Вдругъ Северина скрестила руки на груди и, сдерживая смѣхъ, спросила:

— Возможно ли, кузенъ, чтобы человѣкъ былъ въ состояніи возводить фарфоръ въ какой-то кумиръ, въ божество?

— Кузина!—отвѣтилъ я:—оглянитесь на себя, подведите итогъ собственнымъ чувствамъ: не создали ли вы себѣ божество... изъ глины?

Мой вопросъ заинтересовалъ ее.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтила она:—но, кузенъ, будьте любезны помочь мнѣ въ этой работѣ, потому что я никакъ не могу вспомнить всѣхъ моихъ прегрѣшеній... Какъ же зовутъ мой кумиръ, мое божество?

— У него нѣсколько названій: общество... народъ...

— Почему же вы сказали, что онъ изъ... глины?

— Да вѣдь перваго человѣка Богъ создалъ изъ глины, а потому и собраніе всѣхъ людей, какъ его потомковъ—не что иное, какъ глина. Сдѣлай, чтò только въ состояніи сдѣлать, люби изо всѣхъ силъ, исчезни даже съ душою и тѣломъ въ жертвенномъ пламени его алтаря, а не создашь того, чтобы этотъ кумиръ сталъ настоящимъ божествомъ, прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ, счастливымъ и безсмертнымъ!

Северина задумалась; сдвинутыя брови образовали на ея лбу небольшую морщинку.

— Да, это правда, кузенъ,—сказала она немного спустя:— да, это правда, — нельзя сдѣлать мой кумиръ ни совершенно прекраснымъ и счастливымъ, ни безсмертнымъ; но я думаю, что кто живетъ безъ такихъ божествъ—живетъ безъ Бога!

Слова Северины раздражали меня все болѣе и болѣе.

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣтилъ я торопливо:—такой человѣкъ—одно созданіе, колоссальное и совершенное, но чрезмѣрно суровое и требовательное, обмѣниваетъ на множество мелкихъ, несовершенныхъ, но зато милыхъ, увлекательныхъ и, главное, доступныхъ.

— Всегда одно и то же!—замѣтила Северина.

— Чтò именно?

— То, чтò нѣсколько дней тому назадъ вы говорили, кузенъ.

Еще не успѣлъ я отвѣтить, какъ насъ пригласили къ ужину. Подъ вліяніемъ непріятнаго чувства я не торопился предложить ей руку, чѣмъ воспользовался Брониславъ, котораго, въ свою очередь, хотѣли, но не съумѣли опередить другіе. Мнѣ было и больно, и досадно, и въ такомъ настроеніи духа я сѣлъ ужинать. Досада не оставляла меня ни на секунду даже тогда, когда волей-неволей мнѣ пришлось бесѣдовать съ двумя моими сосѣдками. Вопреки внутреннему моему расположенію, я былъ крайне любе-

зенъ и внимателенъ къ нимъ. Этого требовали условія приличія и хорошаго тона.

Такъ, значитъ, она убѣждена, что мы живемъ безъ Бога? Чтò же мы такое дѣлаемъ, чтò было бы достойно порицанія? Не это ли предосудительно, что мы дѣлаемъ себѣ кумиры изъ фарфора и другихъ изящныхъ, но хрупкихъ матеріаловъ? Да кому же это наноситъ хоть малѣйшій вредъ? Если наши кумиры въ нашихъ же рукахъ ломаются или надоѣдаютъ намъ, подчасъ даже до смерти надоѣдаютъ, такъ вѣдь это намъ однимъ досадно и непріятно. Если кому угодно носить трауръ и жизнь и молодые свои годы посвящать всевозможнымъ идеямъ и цѣлямъ,— вѣдь мы и не думаемъ ему мѣшать! Существуетъ же, слава Богу, на землѣ полная свобода выбора занятій и труда, полное и всестороннее разнообразіе вкусовъ!.. Вотъ и она сама?!.. Наши кумиры неспособны подѣйствовать на нее... Фарфоровое божество надоѣло ей—съ этимъ я готовъ согласиться, но другіе, кажется, начинаютъ ожесточенную борьбу съ ея колоссальнымъ и суровымъ божествомъ.

Остроты Бронислава, я видѣлъ, не производятъ теперь на нее такого нежелательнаго впечатлѣнія, какое онѣ производили два дня тому назадъ, даже, напротивъ того, она съ нимъ проводитъ время весьма пріятно и довольно долго: до половины ужина они смѣялись, а затѣмъ она превнимательно прислушивалась къ тому, чтò онъ ей разсказывалъ. О чемъ они бесѣдовали, не знаю: быть можетъ, о театрѣ, потому что Брониславъ—большой знатокъ по этой части. Очень часто въ ихъ бесѣду вмѣшиваются сосѣди справа и слѣва, даже и тѣ, которые занимаютъ мѣста напротивъ нихъ. Северина является тою главною точкою, около которой сосредоточивается вниманіе большей части гостей мадамъ Октавіи; Северина замѣтила это, и замѣтила не безъ нѣкотораго удовольствія... Еще нѣсколько дней и нѣсколько вечеровъ, и спящая царевна проснется и поклонится—кумирамъ, которыхъ до сегодняшняго дня горделиво презираетъ! Такія мысли кружились въ моей головѣ въ то время, когда я оживленно бесѣдовалъ съ двумя прелестными сосѣдками, но, въ концѣ концовъ, я впалъ въ состояніе полной апатіи ко всему земному...

Но такова ужъ природа человѣка! Послѣ ужина, когда я увидѣлъ, что Даля и ея кузина прощаются съ хозяйкою, я вышелъ въ переднюю, чтобы помочь имъ одѣть шубы и сѣсть въ карету. Какъ же иначе! Обѣ вѣдь были мои родственницы, а у одной изъ нихъ я бывалъ почти ежедневно. Одинъ видъ шубы мадемоазель Здроіовской снова возбудилъ во мнѣ чувство, похожее

на состраданіе. Далю, закутанную въ дорогую шубу, кто-то велъ по лѣстницѣ—я и не замѣтилъ, кто именно,—а я велъ прелестную кузину, одѣтую въ мизерненькую шубку.

— Считаю излишнимъ спрашивать васъ, кузина, довольны ли вы сегодняшнимъ раутомъ,—заговорилъ я:—судя по всему, вы довольны...

— Ахъ, да!—отвѣтила Северина:—всѣ были такъ любезны и внимательны ко мнѣ!

А нѣсколько секундъ спустя она прибавила тише, но съ большимъ воодушевленіемъ:

— Пріѣзжая издалека, ни съ кѣмъ незнакомая, чуждая всѣмъ, я нашла здѣсь истинно братское радушіе... Это меня радуетъ... Это дорого мнѣ!

Я съ любопытствомъ взглянулъ на нее. Да, она радовалась оказываемому ей братскому радушію! Божествомъ, которое на нее такъ магически дѣйствовало, какъ оказалось, не было ни одно изъ милыхъ свѣтскихъ удовольствій—но братское радушіе! Въ ту минуту, когда она садилась въ карету, я поднесъ ея руку къ губамъ и крѣпко поцѣловалъ. Точно такъ иногда бываетъ, когда, выходя изъ богатой оранжереи, наполненной разноцвѣтными свѣтовыми лучами и упоительнымъ запахомъ прекрасныхъ и рѣдкихъ растеній, мы вдругъ испытываемъ отрадное чувство при видѣ скромнаго полевого цвѣтка, который въ морѣ солнечнаго свѣта блеститъ серебристою каплею росы...

Братское радушіе! О, неиспорченная, свѣжая душа, похожая на цвѣтокъ, котораго лепестки украшены каплями росы! Еслибы ты вздумала явиться среди насъ настоящею сандрильоною, съ именемъ, котораго никто не знаетъ, и безъ средствъ, безъ имѣнія!

Главное—безъ средствъ, безъ богатства! Даже и не потому исключительно, чтобы мы всѣ составляли одну шайку охотящихся за приданымъ. Вовсе нѣтъ; есть между нами такіе, которые, благодаря полной матеріальной независимости, да и благодаря своему характеру, вовсе не способны гоняться за приданымъ, и никогда никто въ этомъ упрекнуть ихъ не можетъ. Впрочемъ, вѣдь и женатые мужчины и женщины изъявляли же ей чувство братскаго радушія. Такихъ даже нельзя назвать корыстолюбивыми. Но просто-на-просто, такъ какъ жизнь наша можетъ быть пріятна только при посредствѣ богатства, то что-жъ удивительнаго, если мы, инстинктивно или хотя бы путемъ разсужденія, считаемъ нужнымъ преклоняться передъ тѣмъ, что является единственною причиною, что мы не нищіе? Это разъ; а во-вторыхъ: эстетика! Почти невозможно, чтобы бѣдный человѣкъ былъ вполнѣ эсте-

тиченъ. Итакъ, богатству мы обязаны, кромѣ пріятной и удобной, еще и возвышенною стороною жизни. Золотой кумиръ — вотъ и все! Для его фаворитовъ въ большинствѣ случаевъ инстинктивно и безкорыстно мы питаемъ братское радушіе, и, я думаю, никто не можетъ насъ обвинять въ неблагодарности или въ недостаткѣ логики въ нашихъ поступкахъ! Я лишь одинъ, очутившись съ этими мыслями въ своей квартирѣ, почувствовалъ нѣчто въ родѣ печали и досады. Не то чтобы я былъ не въ духѣ, или же находился подъ вліяніемъ неопредѣленной, безпричинной грусти, но я былъ искренно печаленъ, мнѣ было больно и досадно. Закуривъ сигару, я сѣлъ на диванъ и невольно подумалъ, что счастливы тѣ люди, которые способны вѣрить въ другихъ, въ своихъ ближнихъ, въ цѣли жизни, въ призванія и тому подобные идилліи и архаизмы! Но что̀ же дѣлать, если отличительною чертою образованныхъ, высшихъ людей нашего времени является способность анализировать жизнь и ея явленія, ведущая къ разочарованіямъ, къ уничтоженію той желанной вѣры. Вѣчный диссонансъ, преслѣдующій тонкіе умы, способные возноситься до высокаго уровня знанія, хотя бы оно являлось для нихъ источникомъ отравы!

На слѣдующій день, нѣсколько позже, чѣмъ разсчитывалъ, я отправился къ Далѣ. Вопреки моему желанію, я опоздалъ, потому что долженъ былъ отдать нѣсколько неотлагательныхъ визитовъ. Въ передней я замѣтилъ мужскую шубу, а на мой вопросъ, кто у Дали, лакей отвѣтилъ, что пришелъ ученый докторъ-профессоръ. Профессоръ не бывалъ у Дали: отсюда прямой выводъ, что онъ пришелъ къ мадемоазель Здроіовской. Конечно, со стороны человѣка, занимающаго такое высокое положеніе въ обществѣ, не имѣющаго ни одной минуты свободнаго времени, этотъ визитъ былъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ его почтенія и вниманія; я еще не зналъ, что въ числѣ причинъ заключалось и дѣло, но изъ сферы возвышенныхъ. Оба они сидѣли другъ противъ друга, оба торжественны. Поздоровавшись со мною, они въ нѣсколькихъ словахъ объяснили мнѣ, о чемъ бесѣдовали, и продолжали свои разсужденія въ моемъ присутствіи и въ отсутствіе Дали, которая, по всей вѣроятности, предавалась обязательному труду: надо же было снять утреннее платье и надѣть обѣденное. Мои собесѣдники разсуждали о томъ, что въ тѣхъ краяхъ, гдѣ проживала мадемоазель Здроіовская, не было доктора, который могъ бы оказать народу большія услуги. На вчерашнемъ раутѣ Северина спросила профессора, возможно ли найти такого молодого медика, который пожелалъ бы поселиться въ деревнѣ.

Вотъ онъ и явился къ ней сегодня съ цѣлью предложить ей услуги одного изъ своихъ способныхъ учениковъ. Профессоръ подробно разспрашивалъ объ условіяхъ, въ какихъ очутится его ученикъ, а Северина съ видимымъ знаніемъ дѣла объясняла ему и матеріальныя, и нравственныя условія быта доктора въ деревенской глуши. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Красовицъ (такъ называлось имѣніе Северины) находилось небольшое мѣстечко, въ которомъ докторъ могъ поселиться и практиковать. Конечно, практика въ мѣстечкѣ небольшая, но зато въ окрестности жили такіе-то и такіе помѣщики, въ разстояніи столькихъ-то и столькихъ верстъ отъ мѣстечка, и т. д., и т. д. Я слушалъ не особенно внимательно, такъ какъ этотъ предметъ вовсе меня не интересовалъ, и желая чѣмъ-нибудь заняться, я взялъ со стола альбомъ и началъ его просматривать. По мѣрѣ того, какъ профессоръ съ Севериною все обстоятельнѣе разсуждали, я невольно заинтересовался ихъ бесѣдою. Итакъ, я узналъ, что мѣстечко и окрестные помѣщики могли доставить молодому доктору такія скудныя средства, которыя не могли бы удовлетворить даже самаго отъявленнаго анахорета; но мадемоазель Здроіовская, желая непремѣнно, чтобы тамъ былъ докторъ, рѣшила платить ему жалованье изъ собственныхъ средствъ... Назначенное ею жалованье было сравнительно большое; особенно такимъ показалось бы оно, если принять во вниманіе то обстоятельство, что деньги жертвовало одно лицо. Жалованье сразу разрѣшало вопросъ въ благопріятномъ смыслѣ, потому что докторъ былъ вполнѣ имъ обезпеченъ. Конечно, жизнь такого доктора и при жалованьѣ будетъ нѣсколько похожа на жизнь анахорета, но все-же для молодого человѣка, понимающаго толкъ во всевозможныхъ „призваніяхъ", жизнь эта являлась не только возможною, но и сравнительно удобною. Северина ставила непремѣннымъ условіемъ, чтобы молодой докторъ являлся по приглашенію въ Красовицы и въ окрестныя деревни, которыя она перечислила весьма обстоятельно. Дѣловитость и практичность этой бесѣды не съумѣли, однако, заставить Северину отрѣшиться окончательно отъ чувства застѣнчивости, которое вынуждало ее краснѣть время отъ времени. Бѣдняжка, видимо, стыдилась своего благороднаго поступка, и въ концѣ концовъ, точно съ цѣлью оправданія, прибавила тихимъ голосомъ:

— Я только выполняю волю моего брата, который говорилъ мнѣ очень часто, что это...

Но профессоръ даже не позволилъ ей окончить этого извиненія: онъ поднялся съ мѣста и съ чувствомъ глубокаго уваженія

поцѣловалъ ей руку, прибавивъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, которыя ее тронули почти до слезъ. Дѣло такимъ образомъ было сдѣлано, и минуту спустя я съ Севериною остались бы наединѣ, еслибы не Даля, которая явилась въ гостиной въ ту самую секунду, въ которую оставлялъ ее почтенный ученый. Даля вошла въ домашнемъ платьѣ, не то сѣромъ, не то голубомъ, усѣянномъ сверху до низу бантиками, прикрасами всякаго рода; она была по обыкновенію прекрасна, но сверхъ обыкновенія и даже ожиданія—весела. Еще не успѣла она со мною поздороваться, какъ сейчасъ начала разсказывать о томъ, что князь Карагеоргеску былъ уже у нея сегодня, что онъ прекрасно говоритъ по-французски, что онъ чрезвычайно интересенъ, что глаза и волосы у него черные, но голосъ его немного черезъ-чуръ глубокъ, а ростомъ онъ слишкомъ малъ. Далѣ хотѣлось непремѣнно, чтобы князь былъ ростомъ повыше, да чтобы голосъ его звучалъ нѣсколько иначе; но, въ концѣ концовъ, она соглашалась съ собственнымъ своимъ мнѣніемъ, что многое надо прощать сыну мало извѣстной страны. Что касается манеръ, умѣнія вести себя въ обществѣ, Даля находила, что князь безупреченъ; одно лишь ее удивляло, а именно то, что сынъ такой мало извѣстной страны съумѣлъ être si bien. Даля замѣтила у него даже оттѣнокъ лиризма, нѣчто поэтическое, по догадкамъ Дали, явившееся слѣдствіемъ особеннаго несчастія. Завтра она увидитъ его въ театрѣ и воображаетъ, какое впечатлѣніе произведетъ князь Карагеоргеску, являясь въ ея ложу. Вотъ тогда-то Даля обязалась и намъ его представить, т.-е. мнѣ и Северинѣ, которой, какъ на бѣду, во время этого интереснаго визита не было дома и она не могла воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы познакомиться съ княземъ. Изъ дальнѣйшихъ изліяній Дали намъ стало извѣстно, что она никакъ не могла присутствовать въ гостиной въ то время, когда явился ученый профессоръ съ визитомъ, о чемъ искренно сожалѣетъ, потому что профессоръ пользуется общимъ уваженіемъ, но, къ сожалѣнію, какъ разъ въ то время, когда онъ пришелъ, Даля перемѣняла платье.

— Ну, скажи, пожалуйста,—обратилась она, наконецъ, къ Северинѣ:—мечта твоя осуществится, да?.. Ахъ, да, ты вѣдь не знаешь, Здзиславъ, о какихъ она предметахъ мечтаетъ?.. Вообрази, она способна при лунѣ или на раутѣ мечтать о... сельскомъ докторѣ! Я слышала, какъ она во снѣ нѣжнымъ голосомъ звала: „явись, о, явись ты, сельскій врачъ!..“ Постарайся, пожалуйста, и принеси ей романъ Бальзака: „Un médecin de village“... Я читала

этотъ романъ, и онъ мнѣ очень понравился... Ну, что-жъ, добудешь ты своего деревенскаго медика?

Мадемоазель Здроіовская и не обижалась, и не сердилась на Далю за эти насмѣшки. Она просто и безъ всякихъ ужимокъ отвѣтила съ улыбкою:

— У тебя, Даля, нѣтъ и не можетъ быть такихъ мечтаній, потому что ты живешь постоянно въ городѣ или за границею. Еслибы ты жила въ деревнѣ...

— Не хочу, не хочу жить въ деревнѣ зимою! Ахъ, зима въ деревнѣ!.. Я уже имѣла несчастіе испытывать эту идиллію, и тогда-то стала я жертвою нѣсколькихъ приступовъ черной меланхоліи. Это и научило меня разъ навсегда не дѣлать такихъ экспериментовъ никогда, никогда!.. Князь Карагеоргеску сказалъ мнѣ, что зима въ Румыніи...

Онѣ такъ были заняты каждая своей мыслью, что, казалось, я для нихъ совсѣмъ не существовалъ. Это меня и удивило, и нѣсколько обидѣло, потому что я не привыкъ играть въ обществѣ дамъ роль забытаго и никому ненужнаго существа. Что Далю всецѣло и исключительно интересовалъ въ данную минуту одинъ только князь Карагеоргеску, откровенно говоря, это меня и не удивляло, и не обижало; но мадемоазель Здроіовская, все еще раздумывающая объ уговорѣ, заключенномъ съ профессоромъ, раздражала меня, да не только раздражала, но просто сердила. У нея не нашлось сегодня для меня ни одного взгляда, ни одного слова! Машинально просматривая альбомъ, Северина внутренно улыбалась, какъ будто радовалась своимъ собственнымъ мыслямъ, въ которыхъ мою жалкую фигуру всецѣло заступилъ какой-то сельскій врачъ! Когда Даля оставила насъ, наконецъ, безъ призора, я нѣсколько неожиданно и торопливо замѣтилъ:

— Тѣ, чтѣ вы дѣлаете, кузина, для другихъ, конечно, похвально и прекрасно, но не лучше ли было бы, еслибы вы ограничились простою денежной жертвою, а всякое жертвоприношеніе изъ собственной души и жизни такимъ предметамъ вы могли бы поручить господину Босицкому...

— Кому?—спросила Северина, поднимая на меня глаза, въ которыхъ мелькнулъ огонекъ.

— Ахъ, pardon... Иногда память мнѣ измѣняетъ... Господину Бандурскому...

— Кому?—спросила она снова.

— Боже мой! Ну, такъ господину Апсиковскому... однимъ словомъ, вашему управляющему.

Северина бросила альбомъ на столъ и выпрямилась.

— Мой управляющій—знайте, кузенъ!—сынъ женщины, которую я искренно люблю и уважаю; онъ былъ другомъ моего брата, и я его считаю своимъ лучшимъ другомъ... Прошу васъ, кузенъ, не дѣлайте его жертвою вашихъ злыхъ насмѣшекъ!

Северина произнесла эту нотацію, какъ обыкновенно, тихимъ, задушевнымъ голосомъ, но глядѣла на меня свысока. Да, она глядѣла на меня свысока, точно такъ же, какъ тогда на Бронислава, когда она замѣтила, что онъ старался посмѣяться надъ нею. Второй разъ я видѣлъ Северину обиженною; только тогда она отомстила Брониславу тѣмъ же, чѣмъ онъ думалъ ее уязвить, а теперь слезы повисли на ея рѣсницахъ... Она опустила голову. Я почувствовалъ въ груди своей и стыдъ, и раскаяніе, особенно же стыдъ, но такой стыдъ, что въ первую минуту мною овладѣло желаніе упасть передъ нею на колѣни и просить прощенія; пришлось однако удержаться отъ исполненія этого намѣренія, но я не могъ превозмочь себя и, приблизившись къ ней, сказалъ:

— Извините, кузина, простите... Я — ничтожный, жалкій, легкомысленный человѣкъ и т. д. въ этомъ родѣ; но, ради Бога, не считайте меня идіотомъ и низкимъ созданіемъ! Когда вы бесѣдовали съ профессоромъ, повѣрьте мнѣ, кузина, ваши намѣренія и пожеланія возбудили въ глубинѣ моей души,—въ такой глубинѣ, о существованіи которой я, можетъ быть, и не зналъ до сихъ поръ,—живѣйшую симпатію... Я знаю, что вашъ умъ и ваше сердце обитаютъ въ сферѣ высокой, благородной... Я сожалѣю, глубоко сожалѣю, что не могу пребывать въ этой области...

— Почему же не можете?—спросила она.

Подъ вліяніемъ ея чудныхъ глазъ, во мнѣ въ продолженіе безконечно малаго промежутка времени сотню разъ раздавался этотъ вопросъ: почему? почему?.. Наконецъ, мнѣ показалось, что я нашелъ отвѣтъ.

— Ахъ, кузина,—началъ я:—скажите, Бога ради, почему одна роза бѣлая, а другая красная? почему жаворонокъ иначе поетъ, чѣмъ соловей? почему рыба только въ водѣ живетъ, а другія животныя не выносятъ этой среды?.. Законы природы, кузина: различіе особей и видовъ...

Въ первый разъ въ этотъ визитъ Северина посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза: взглядъ ея былъ спокоенъ, но внимателенъ и проницателенъ.

— Да нѣтъ же,—отвѣтила она послѣ нѣкотораго раздумья:—роза, жаворонокъ и рыба должны быть такими, каковы они есть, а у человѣка есть воля, и онъ можетъ...

— Въ томъ-то и бѣда, — прервалъ я: — многіе утвер-

ждають, что у человѣка нѣтъ свободной воли, и что онъ, точно такъ же, какъ роза, жаворонокъ, рыба, подверженъ законамъ природы и всякимъ дѣйствующимъ на него вліяніямъ.

Северина задумалась.

— Да,—отвѣтила она: — вліянія, конечно, имѣютъ важное значеніе... Я могу судить объ этомъ по собственному опыту... но... но... все же мнѣ кажется, что есть такая чудотворная сила, которая способна дать человѣку и свободную, великую волю, и...

Северина подняла кверху свои чудные глаза. Въ ея глазахъ теперь горѣлъ свѣтъ глубокаго убѣжденія и глубокой вѣры.

— Назовите же, кузина, эту чудодѣйственную силу?—спросилъ я, приближаясь къ ней.

Северина сейчасъ же отвѣтила, не задумываясь, не подыскивая словъ:

— Любовь!

— Любовь!—повторилъ я со вздохомъ.—Легко сказать, но вѣдь ея столько, сколько сердецъ! Кого же вы любите, кузина? Чтò вы любите?.. Я пока лишь догадываюсь, но назовите по именамъ предметы той любви, которая въ состояніи дать полную, свободную волю... Ради пользы бѣднаго, жалкаго грѣшника, который въ эту минуту мысленно припадаетъ къ вашимъ стопамъ, скажите, кузина...

— Охотно,—отвѣтила она своимъ ровнымъ, тихимъ голосомъ. —Все это весьма просто и естественно. Я люблю больше всего на свѣтѣ память добраго, благороднаго, бѣднаго моего брата, и эта-то любовь—такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется—и была главною причиною, что я беззавѣтно и на всю жизнь полюбила все, чтò было дорого и свято для него; я люблю людей, люблю каждый трудъ, цѣлью котораго—польза людей. Я люблю и родной мой домъ, старый, одинокій, и природу, которая его окружаетъ, и во всякое время года и дня представляетъ столько прекраснаго... И люблю я еще...

При этихъ словахъ, точно лучъ солнца послѣ дождя, появилась на ея губахъ радостная улыбка:

— И люблю я,—продолжала Северина:—геройскія воспоминанія, которыя наполняютъ радостью душу дорогого моего слѣпого дѣдушки, мою любимую няню Богусю, самую обыкновенную, простую женщину, которая, однако, въ то время, когда я изнемогала подъ тяжестью несчастія и отчаянія...

Въ эту минуту съ шумомъ и трескомъ раскрылись двери, и на подобіе пушечнаго снаряда влетѣлъ въ гостиную маленькій

Артюръ и, бросаясь на колѣни къ тетѣ Северинѣ, кричалъ изо всѣхъ силъ:

— Князь Катакескъ былъ у мамаши, а тетя не видѣла князя Катакеска, а я видѣлъ Катакеска... Ага!.. Мы открыли немного двери и въ щелочку смотрѣли на князя Катакеска... Онъ такой толстый... толстый... такой черный...

— Повѣришь ли,—обратилась ко мнѣ, сопровождающая своего сына Даля: — даже этотъ мальчуганъ заинтересовался княземъ Карагеоргеску! Ни минуты покоя мнѣ не даетъ, все пристаетъ съ разспросами о князѣ...

Даля взяла мальчугана отъ Северины и посадила у себя на колѣняхъ.

— Не правда ли, онъ умница?.. Не по лѣтамъ!..

— Въ такомъ случаѣ,—замѣтила мадемоазель Здроіовская:— твой Артюръ умнѣе меня, потому что князь Карагеоргеску интересуетъ меня весьма мало...

— И меня тоже,—добавилъ я.

— Рѣдкій и странный случай!—воскликнула Северина.

— Какой?—спросилъ я.

— Что мы, я и вы, кузенъ, согласны...

Не скрою, что эти слова жестоко обидѣли меня. Она думаетъ, что мы съ ней въ самомъ дѣлѣ находимся на двухъ діаметрально-противоположныхъ полюсахъ! Даля тутъ же, совсѣмъ невпопадъ, прибавила:

— Не вѣрь ему, не вѣрь!.. Будь это княжна, или еще лучше княгиня Карагеоргеску, Здзиславъ выказалъ бы любопытство нисколько не меньше моего...

Я испытывалъ не призрачный, а настоящій гнѣвъ и на мальчугана Артюра, который такъ некстати явился въ гостиную со своимъ Катакескою, и на Далю за ея шутку, которая теперь именно показалась мнѣ обидною. Изъ бесѣды съ Севериной, въ которую Даля съ сыномъ впутались такъ некстати, остались въ душѣ моей лишь отзвуки, похожіе на эхо прекрасной пѣсни.

Вскорѣ, однако, я помирился съ судьбою. Мадемоазель Здроіовская, съ присущей ей добротою, простила мнѣ мои злыя насмѣшки и вскорѣ была такою, какою мнѣ всегда нравилась: веселою, ровною, спокойною, даже въ веселомъ настроеніи духа. Да, она была весела, но все въ ней, начиная съ ровной, тихой походки и кончая улыбками, даже сдержаннымъ хохотомъ, все въ ней было ровно, плавно, тихо и спокойно. У нея не было этого, свойственнаго свѣтскимъ женщинамъ, frou-frou выраженій и платьевъ, которое уподобляетъ женщину блестящей бабочкѣ или

райской птицѣ. Северина никогда не отличалась блескомъ. И неудивительно, что никто никогда не назвалъ ее бабочкою или птичкою... Ее самоё покрывало тускловатымъ свѣтомъ, ее и всѣ ея движенія, нѣчто живущее въ ней полной и цѣльной жизнью: быть можетъ, это была воля и любовь, о которыхъ она говорила, что онѣ явились изъ могилы; быть можетъ, тишина и одиночество, которыя въ родномъ своемъ домѣ она испытывала и упивалась ими до того, что свѣтъ со всѣмъ своимъ шумомъ способенъ былъ едва разогрѣть ихъ поверхность.

За обѣдомъ я сдѣлалъ довольно интересное наблюденіе. Въ первый разъ молодая швейцарка обратила на себя мое вниманіе, и послѣ недолгаго наблюденія я убѣдился, что она вовсе не такое rien du tout, какимъ я ее считалъ до сегодняшняго дня. Обыкновенно за столомъ никто на нее не обращалъ никакого вниманія, никто не бесѣдовалъ съ нею, даже никто и не смотрѣлъ на нее, точно она вовсе не существовала. Все это происходило не нарочно, не умышленно; напротивъ, Даля была съ ней всегда любезна, время отъ времени дарила ей разные подарки и наединѣ охотно съ нею болтала; дѣло въ томъ, что мы обращались съ ней безцеремонно, а вѣрнѣе, что мы вовсе на нее не обращали вниманія; вотъ и все. Она ничѣмъ не привлекала насъ къ себѣ, ничѣмъ особеннымъ не возбуждала въ насъ любопытства; а такъ какъ роль ея въ обществѣ была крайне ничтожна, неудивительно поэтому, что, не возбуждая никакихъ злыхъ чувствъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ не возбуждала и братскаго состраданія. Впрочемъ, за небольшими исключеніями, я встрѣчалъ ее у Дали единственно только за столомъ, а въ такихъ случаяхъ она обыкновенно молчала и вообще старалась не обращать на себя никакого вниманія. Сегодня первый разъ я замѣтилъ, что она болтала о томъ и о семъ, улыбалась и вообще оживилась. Обративъ на нее вниманіе, я убѣдился, что она вовсе не такъ дурна собою, да и не такъ глупа, какъ казалось. Она сказала даже нѣсколько весьма дѣльныхъ и умныхъ фразъ, а маленькая ея фигурка въ сѣромъ платьѣ, оживленное ея личико со вздернутымъ носикомъ и свѣтлые локоны—все это вмѣстѣ придавало ей видъ всѣмъ хорошо знакомыхъ барышенъ на идиллическихъ сельскихъ картинкахъ. Гдѣ искать источника этой внезапной перемѣны? По какой причинѣ эта дочь швейцарскаго кабатчика очень часто и довольно долго разговаривала съ владѣлицей Красовицъ? Я замѣтилъ, что присутствіе Северины было главною причиною нѣкоторой смѣлости молодой швейцарки. Теперь я невольно вспомнилъ тотъ случай, когда я въ полуоткрытую дверь увидѣлъ молодую и богатую

мадемоазель Здроіовскую, сидящею рядомъ съ дочерью кабатчика и дружелюбно бесѣдующею съ нею въ то время, когда въ гостиной блестящее общество весело проводило время. Значить, ты, о, идеальное созданіе! любовь свою распространяешь даже на дочерей Гельвеціи, которыя въ чужой имъ странѣ воспитывають наши „столбики", а воля твоя стремится всюду, гдѣ замѣтить созданіе почему-либо непризнанное, такъ или иначе обиженное, забытое другими? При этомъ внутреннемъ восклицаніи одинъ сидящій во мнѣ человѣкъ смѣялся и трунилъ, а другой съ чувствомъ говорилъ улыбающейся красавицѣ: „милая, добрая, добрая!.." Какъ разъ въ это время Северина не могла удержаться отъ хохота надъ страннымъ княземъ Карагеоргеску, который былъ неисчерпаемымъ предметомъ общей бесѣды, какъ нѣчто необыкновенное, рѣдкое, выходящее за предѣлы всякой возможности. Тогда-то я впервые обратилъ вниманіе на французскій языкъ мадемоазель Здроіовской, потому что она довольно долго болтала со швейцаркою. По ея выговору отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ предложеній видно было, что она обучалась французскому языку, что она владѣла имъ правильно, но какъ обыкновенно бываетъ съ тѣми, которые рѣдко употребляють какой-либо иностранный языкъ, у нея иногда не хватало словъ и нѣкоторыхъ выраженій, да и выговоръ не отличался особенной чистотою. Это наблюденіе опять повредило ей нѣсколько въ моихъ глазахъ, но лишь въ небольшой степени, потому что такой маленькій недостатокъ очень легко можно исправить. Стоитъ лишь почаще посѣщать наши собранія, стоить пригласить учительницу-француженку—и послѣ сравнительно короткаго времени все исправится. Одна мысль, однако, засѣла у меня въ головѣ и требовала отвѣта: чѣмъ объяснить, что барышня нашего круга, получившая воспитаніе и образованіе, обладающая значительными средствами, говоритъ по-французски несовсѣмъ правильно?

Послѣ обѣда Даля ушла въ свой кабинетъ. Какъ разъ именно сегодня она возъимѣла желаніе отвѣтить на полученныя ею письма. Вообще, Даля находила сегодня разныя причины, которыя постоянно заставляли ее оставлять гостиную на болѣе или менѣе продолжительное время. Я догадывался, судя по ея улыбкамъ и взглядамъ, что она возъимѣла мысль, которая поглотила ее вниманіе не менѣе мысли о князѣ Карагеоргеску. Даля до страсти любила наблюдать взаимное сближеніе двухъ сердецъ, соединеніе въ одно двухъ судебъ, а въ особенности—если это сближеніе и соединеніе отчасти зависѣло отъ ея бѣлыхъ лапокъ! Мнѣ случалось уже не разъ наблюдать Далю, всецѣло поглощенную такою

работою; въ такихъ случаяхъ она бывала такъ возбуждена, какъ съ нею это случалось при чтеніи интереснаго романа... Вотъ она и теперь отправилась писать письма, а я остался въ гостиной съ Севериною.

Сначала мы бесѣдовали о разныхъ предметахъ, но вскорѣ мнѣ удалось направить разговоръ на болѣе близкое, почти на лично насъ касающееся. Такимъ путемъ мнѣ удалось узнать нѣсколько деталей, нѣсколько подробностей изъ жизни моей собесѣдницы. Такъ, между прочимъ, я узналъ, что ей теперь двадцать три года; затѣмъ, что въ ея родномъ домѣ, о которомъ она часто вспоминала, какъ о пустынномъ, а о себѣ, какъ объ одинокой, кромѣ хозяйки, живетъ еще нѣсколько человѣкъ... Узнавъ отъ нея, кто они такіе, я невольно подумалъ, что ея одиночество нѣсколько подозрительно, а жильцы ея дома—неинтересны. Конечно, я ей этого не сказалъ; но зато, не знаю по какой причинѣ, я началъ разсказывать ей о своихъ собственныхъ семейныхъ отношеніяхъ, особенно же о сестрѣ, которая воспитала меня и которую я искренно любилъ. Мать я потерялъ еще въ дѣтствѣ, а потому роль матери въ жизни моей исполняла сестра —много старше меня. Отецъ мой умеръ сравнительно недавно, но о немъ я не хотѣлъ много распространяться, согласно принятому и раздѣляемому мною вполнѣ правилу, что объ умершихъ, особенно же объ умершихъ отцахъ, слѣдуетъ говорить aut bene, aut nihil... Здѣсь я долженъ оговориться. Боже сохрани, я не могъ ничего дурного сказать объ отцѣ; напротивъ, я имѣлъ полное право гордиться многими его достоинствами: образованіемъ, истинно джентльменскими поступками, умѣніемъ сохранить и передать мнѣ въ цѣлости отказанное ему дѣдомъ моимъ имѣніе, несмотря на весьма трудныя условія, въ которыя поставили его независящія отъ него обстоятельства времени и мѣста. Одно лишь только—при всѣхъ перечисленныхъ выше достоинствахъ, отецъ мой былъ образцовымъ эгоистомъ, и это-то обстоятельство, явившееся въ свое время чѣмъ-то въ родѣ отравы моихъ первыхъ шаговъ на жизненномъ пути, не позволяло мнѣ распространяться о немъ. Другое дѣло—сестра, женщина во всѣхъ отношеніяхъ добрая и милая, испытавшая много горя не по своей винѣ. Она-то нашла во мнѣ утѣшеніе и искренно, любовно предалась моему воспитанію. Когда я былъ ребенкомъ, сестра почти исключительно была занята мною, ухаживала за мной и руководила моимъ воспитаніемъ; когда я сталъ молодымъ человѣкомъ, я былъ ея идеаломъ, не переставая въ то же время быть ея любимцемъ, ея херувимчикомъ... Я долженъ сказать здѣсь, что я былъ ея луч-

шимъ, искреннимъ другомъ. Теперь она живетъ въ близкомъ со мною сосѣдствѣ, въ деревнѣ, и стережетъ, и заботится о моемъ домѣ гораздо больше, чѣмъ о своемъ собственномъ, приводитъ его въ порядокъ и украшаетъ къ каждому моему пріѣзду въ деревню, да и при каждомъ моемъ посѣщеніи старается такъ развлечь мое одиночество, по правдѣ сказать, не продолжающееся никогда слишкомъ долго. Еслибы не эта любимая моя сестра, я былъ бы одинокъ въ дѣтствѣ, несчастенъ, да и кто могъ бы поручиться, что̀ могло бы выйти изъ такого субъекта, какъ я. Сестра моя прилагала всѣ старанія и усилія для того, чтобы выработать во мнѣ характеръ, и ей я обязанъ всѣмъ, что̀ во мнѣ есть хорошаго. Во многомъ и очень многомъ жизнь могла меня разочаровать, но въ ней, въ сестрѣ моей—никогда; жизнь испортила въ моемъ сердцѣ многое, но не была въ состояніи изгнать изъ него искреннюю привязанность и благодарность этой женщинѣ, которая такъ горячо заботилась обо мнѣ. Вотъ что̀ я разсказывалъ Северинѣ, не отдавая себѣ ни малѣйшаго отчета въ томъ, какая сила заставляла меня такъ исповѣдоваться и разсказывать о чувствахъ несомнѣнно искреннихъ и дѣйствительныхъ, но которыхъ я вообще не имѣлъ обыкновенія расточать передъ другими. Въ данную минуту эта живая струна моей души, быть можетъ, потому вырывалась наружу, что у нея была самая симпатичная слушательница, какія водятся на землѣ. Исторія брата и сестры, какъ и слѣдовало ожидать, не только понравилась ей, но глубоко запала въ ея воспріимчивое сердце.

Когда я кончилъ мою сердечную исповѣдь, Северина спросила:

— Почему же вы постоянно не живете въ деревнѣ?

— По какимъ причинамъ, кузина, вы находите, что я именно долженъ жить въ деревнѣ?—отвѣтилъ я вопросомъ на вопросъ.

На ея лицѣ я прочелъ удивленіе, которое любилъ въ ней возбуждать, бесѣдуя съ нею.

— Да вѣдь,—отвѣтила Северина послѣ небольшого раздумья,—именно потому, что деревня должна бы быть настоящею вашею стихіею, потому что тамъ должны сосредоточиваться всѣ задачи вашей жизни... Въ деревнѣ ваше вліяніе было бы благотворно, да, наконецъ, въ деревнѣ вы могли бы сосредоточить свои силы и жить для какой-нибудь опредѣленной...

— Охъ, охъ, кузина!—воскликнулъ я, не давая ей окончить начатой мысли:—смилуйтесь надъ грѣшникомъ! Всего перечисленнаго вами я не былъ бы въ состояніи принять на себя... Силъ нѣтъ!.. Не сердитесь на меня, кузина, постараюсь вамъ объяснить причины. Нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, дорогая кузина, что я—

дитя цивилизаціи... Я говорю серьезно... но дитя до того привыкшее къ ласкамъ своей матери, что оно не понимаетъ жизни безъ нихъ и жить безъ нихъ не въ состояніи. Мнѣ нужны впечатлѣнія, которыя приводили бы въ движеніе мысль и чувство; мнѣ нужны даже тѣ мелкія удовольствія, если хотите, жалкія и ничтожныя, которыхъ общій итогъ является и утѣшеніемъ, и противовѣсомъ всѣмъ непріятностямъ нашего земного существованія! Лишенный всего этого, погруженный въ стоячую воду деревенской жизни, я бы сталъ вскорѣ рыбою...

Северина молчала, а я началъ распространяться о томъ, что существуютъ привычки, вкусы, убѣжденія, которыхъ она не могла еще наблюдать, но которые, однако, имѣютъ свое raison d'être и управляютъ людьми подчасъ даже деспотически. Это исторія розы — не бѣлой и не красной, о которыхъ я недавно упоминалъ, — а просто исторія полевой розы и такой, надъ которою произвели операцію прививки. Точно такою же иллюстраціею къ сказанному мною могутъ служить наша обыкновенная слива и абрикосъ. Полевая роза и слива ростутъ вездѣ и умѣютъ бороться и съ холодомъ, и съ ненастьемъ; культивированная роза и абрикосъ являются продуктами теплыхъ странъ; перенесите ихъ на пустынныя поля или въ лѣсныя глуши, и они неминуемо должны гибнуть или дичать, а слѣдовательно, терять все, что̀ отличаетъ ихъ отъ дикихъ, примитивныхъ произведеній природы. Человѣческія общества похожи на растенія, которыхъ темные и жесткіе корни погружены въ землю, а листва, восхищающая насъ своею красою, гордо высится надъ землею. Это явленіе замѣчается вездѣ; такъ должно быть и въ нашемъ обществѣ. Конечно, неправъ тотъ, кто не признаетъ за корнемъ извѣстной пользы и правъ, и не ухаживаетъ за нимъ какъ слѣдуетъ; но несправедливо поступаетъ тотъ, кто за листьями и вѣтвями не хочетъ признать значенія, какое они играютъ въ жизни растенія. Сводить все лишь къ одному понятію пользы, утилизаціи — значитъ, жестоко ошибаться. Если польза въ общемъ строѣ жизни дѣйствительно является самымъ цѣннымъ элементомъ, въ такомъ случаѣ мы должны просто вернуться къ первобытному образу жизни — пасти скотъ. Цѣлыя столѣтія не мало потрудились, чтобы создать огромный капиталъ кристаллизированнаго труда, который по крайней мѣрѣ извѣстному числу людей даетъ возможность жить возможно дальше отъ грубой матеріи и возможно ближе къ отдаленному идеалу счастья. Всѣ успѣхи, весь капиталъ цивилизаціи именно въ этомъ находитъ и свое оправданіе, и свой смыслъ...

Я говорилъ въ этомъ родѣ долго и съ большимъ удовольствіемъ,

хотя и замѣтилъ, что мои слова производятъ на мою слушательницу непріятное впечатлѣніе, но это вовсе не обезкураживало меня. Напротивъ, я радъ былъ случаю, который позволилъ мнѣ вполнѣ высказаться. Я не думалъ разыгрывать передъ нею роль человѣка неискренняго, поддѣлывающагося подъ ея вкусы и взгляды. Объ этомъ я и не думалъ; а еслибы такая мысль и пришла мнѣ въ голову, я бы ее отвергнулъ, какъ нѣчто недостойное, скверное и противное моимъ понятіямъ о достоинствѣ и чести человѣка; но, кромѣ того, мною овладѣвалъ духъ прозелитизма; я горѣлъ непреодолимымъ желаніемъ вернуть на путь цивилизаціи эту душу, которая по доброй и непринужденной волѣ оставила его и все больше и больше отъ него уклоняется. Я видѣлъ и предугадывалъ, что все сказанное мною имѣетъ въ ея глазахъ довольно вѣское значеніе, находитъ отзвукъ въ ея душѣ, трогаетъ ее; я испытывалъ такое чувство, какъ будто рука моя покоилась на главномъ пульсѣ ея жизни и до извѣстной степени управляла имъ. Слова мои причинили ей боль? Пусть и такъ; но по какой причинѣ? Значитъ, Даля была права, ея наблюденіе не миражъ, а, напротивъ, дѣйствительность. Отсюда прямой выводъ— я имѣю чудотворное вліяніе на Северину. Подъ чернымъ лифомъ мадемоазель Здроіовской билось истинно женское сердце, отзывчивое на все прекрасное и высокое; въ этой прелестной головкѣ, причесанной по-деревенски, живетъ и размышляетъ женскій мозгъ, который податливъ на всѣ высшія вліянія... быть можетъ, потому именно, что это—мои вліянія. Эта послѣдняя мысль заставила крѣпче биться мое сердце... Каково же было мое удивленіе, когда я замѣтилъ на ея губахъ не то ироническую, не то шутливую улыбку, а затѣмъ я услышалъ ея слова:

— Ошибаетесь, кузенъ! Во всемъ сказанномъ вами нѣтъ ни одного слова истины, правды. Жизнь вообще не заслуживаетъ названія, которое вы ей даете, а жизнь въ деревнѣ — вовсе не стоячая вода, и цивилизація не есть вѣчное наслажденіе, вѣчное счастье. Кромѣ счастья и, если хотите, красы, цивилизація вмѣщаетъ въ себѣ еще многое и очень многое...

— Конечно! — отвѣтилъ я иронически, потому что въ эту минуту я испытывалъ такое чувство, какъ будто бы на мою голову кто-то вылилъ цѣлое ведро холодной воды:—конечно, цивилизація вмѣщаетъ въ себѣ еще и общество, цѣль жизни...

— Сострапаніе, обязанность,—прибавила Северина.

— Трудъ, добродѣтель, жертвы всякаго рода и всевозможныя другія самоумерщвленія...

Я выпрямился и остолбенѣлъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, а Северина, играя складкою своего платья, спросила:

— Если все это вамъ извѣстно, кузенъ,—почему же вы все это отвергаете?..

Этотъ вопросъ окончательно поразилъ меня.

— Почему?—спросилъ я нѣсколько дрожащимъ отъ волненія голосомъ, которому, однако, я старался придать выраженіе полнаго равнодушія:—просто-на-просто потому—parce que cela me déplait.

— Что такое?—спросила она, не будучи въ состояніи понять, что̀ я хотѣлъ этимъ сказать.

— Видите ли, кузина, законъ, котораго требованіямъ я охотнѣе всего подчиняюсь, заключается въ двухъ формулахъ: cela me plait—et cela me déplait! Я уважаю эти формулы, потому что онѣ составляютъ вѣрнѣйшее ручательство полнаго и свободнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго развитія индивидуализма.

— Я рада,—отвѣтила она, сверкнувъ глазами,—что вы проповѣдуете свои формулы на французскомъ языкѣ, потому что это будетъ надежною преградою широкому ихъ распространенію...

Бесѣда наша достигла крайнихъ предѣловъ: Северина задумалась, я молчалъ. Мы сидѣли другъ противъ друга, но въ данную минуту между нами не было ничего общаго.

Кстати въ гостиную вошла Даля и обратилась ко мнѣ въ шутливомъ тонѣ:

— Здзиславъ, встань, надѣнь шубу, выйди на улицу, сядь на извозчика, поѣзжай домой и привези съ собой своего „Каина". Весь вечеръ ты проведешь у насъ и будешь насъ развлекать чтеніемъ своихъ стиховъ... Знай же, Северина, что онъ немножко поэтъ, переводитъ Байрона... Ну, что-жъ? Слышишь ли ты что-нибудь?—обратилась она опять ко мнѣ и, не дождавшись отвѣта, спросила Северину: — Что̀ съ нимъ случилось? Что̀ ты съ нимъ сдѣлала?

Я сидѣлъ глухой и нѣмой, по всей вѣроятности и блѣдный, потому что въ груди моей клокотала досада... Опустивъ голову, я игралъ брелоками... Предложеніе Дали было неумѣстно по всѣмъ причинамъ обстоятельства, времени и мѣста. Я и не думалъ расточать моей или чужой поэзіи передъ этой олицетворенной прозою, которая сидѣла возлѣ меня, также точно глухая и нѣмая. Но Даля не имѣла обыкновенія отказываться отъ разъ ею задуманнаго. Впрочемъ, я зналъ прекрасно, почему ей вдругъ захотѣлось слушать моего „Каина",—а когда ей вздумалось что-либо въ

этомъ родѣ, никто не былъ въ состояніи разубѣдить ее. Все-же я молчалъ и игралъ брелоками...

— Ну, что же?.. Соизволишь ли когда-нибудь подняться съ этого стула?.. Северина, прикажи ему... Увидишь, какъ онъ хорошо переводитъ Байрона... потому что онъ, видишь ли, очень способный молодой человѣкъ; у него даже есть и высокія стремленія, но бѣда въ томъ, что онъ—большой лѣнтяй... Ну, Северина, прикажешь или нѣтъ?.. Я давно потеряла надъ нимъ всякую власть... Теперь твоя очередь—приказывай или проси...

Я не тронулся съ мѣста. Въ головѣ моей засѣлъ вопросъ: попросить или не попросить? Интересуютъ ли ее мои высшія способности или не интересуютъ?

Мысленно разрѣшая этотъ вопросъ, я невольно взглянулъ на нее; одновременно и она взглянула на меня и своимъ тихимъ, ровнымъ, спокойнымъ голосомъ произнесла самыя простыя слова:

— Si cela vous plait...

Въ одно мгновеніе, точно по приказанію какой-то сверхъестественной силы, я очутился въ передней, въ дверяхъ которой Даля шепнула мнѣ на ухо:

— La reine est morte, vive la reine!

При этихъ словахъ Даля искренно разсмѣялась, но не зло и не завистливо. Напротивъ, это былъ смѣхъ человѣка, сдѣлавшаго доброе дѣло, смѣхъ женщины, потерявшей царство, но вполнѣ вознагражденной мыслью о князѣ Карагеоргеску.

Я вскорѣ вернулся къ Далѣ, вполнѣ довольный всѣмъ происшедшимъ, но съ видомъ чрезвычайно серьезнаго египетскаго мага. Мы перешли изъ гостиной въ будуаръ, и здѣсь, точно въ уютномъ гнѣздышкѣ, при свѣтѣ большой лампы, падавшемъ на мою рукопись и рукодѣлія моихъ слушательницъ, я имѣлъ случай показать ей одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ камней, составлявшихъ достоинство моей души. По временамъ до слуха нашего доходили возгласы и крики маленькаго Артюра, уличный стукъ и грохотъ экипажей, но все это не мѣшало мнѣ читать, какъ мнѣ казалось, весьма мило и убѣдительно. Нисколько не преувеличивая, могу сказать, что я обладалъ рѣдкимъ искусствомъ выразительнаго артистическаго чтенія. Съ одной стороны, я имѣлъ въ этомъ отношеніи врожденный талантъ, а съ другой, въ свое время я обучался этому искусству у настоящихъ мастеровъ декламаціи. Эти лекціи, къ слову сказать, принадлежали къ числу тѣхъ игрушекъ изъ песку, о которыхъ я уже упоминалъ. Онѣ могли имѣть даже нѣкоторое практическое значеніе, въ такихъ, напримѣръ, случаяхъ, какъ настоящій, или для участія въ любительскихъ спектакляхъ.

Я читалъ очень искусно, стараясь придать изгибамъ и извилинамъ моего голоса возможно нѣжное выраженіе, при этомъ старался оттѣнять всевозможныя чувства, выражать ихъ рельефнѣе, чтобы ни одна изъ красотъ поэмы не осталась чуждой слушательницамъ, особенно же одной изъ нихъ, мнѣніемъ которой я дорожилъ. Тронетъ ли ее глубокое чувство Ады и печаль Авеля? Не испугаетъ ли ее грозный мятежъ Каина и Луцифера? Быть можетъ, она убѣжитъ отъ нихъ и отъ меня, осѣняясь крестнымъ знаменіемъ? Да, вѣдь эта дикарка способна даже и на то!.. Но, нѣтъ, сначала она слушала весьма внимательно, затѣмъ оживилась такъ, что ея подвижное личико выражало поочередно всѣ чувства, даже малѣйшіе ихъ оттѣнки, по мѣрѣ того какъ картины поэмы развертывались передъ ея воображеніемъ. Я испытывалъ теперь чувство, похожее на то, которое овладѣвало мною въ то время, когда мы осматривали картины на выставкѣ. По мѣрѣ чтенія я чувствовалъ все глубже и глубже, что между нами начинаетъ опять завязываться невидимая нить симпатіи. Даля, которой такія чувства были хорошо знакомы, но которая понимала Каина по-своему, или вѣрнѣе вовсе не старалась понять, съ миленькою улыбкою на хорошенькомъ личикѣ внимательно трудилась надъ какой-то паутинною бездѣлушкою; изъ рукъ мадемоазель Здроіовской очень скоро выпала вязальная иголка и тонкія нити... Когда я взглянулъ на нее послѣ нѣкотораго времени, она сидѣла со сложенными на груди руками, лицо ея горѣло, а глаза были похожи на двѣ прекрасныя большія звѣзды. Въ эту минуту я едва начиналъ читать начало второго дѣйствія драмы; переводъ мой на этомъ и оканчивался... Никогда еще я такъ искренно не жалѣлъ, что пришлось окончить чтеніе на слѣдующемъ діалогѣ:

„— Я происхожу отъ ангеловъ... Хочешь сдѣлаться на меня похожимъ?

„— Не знаю, кто ты. Вижу мощь твою и силу, и красоту; но ты указываешь мнѣ на то, что̀ превосходитъ мои силы, хотя и не превосходитъ моего понятія...“

Послѣ этихъ словъ въ будуарѣ на нѣсколько минутъ водворилась тишина, прерываемая лишь отдаленными вскрикиваніями маленькаго Артюра и уличнымъ шумомъ. Вдругъ тихій, нѣжный голосъ раздался въ этой упоительной тишинѣ:

— Не правда ли, Даля, — кажется, будто вдругъ перестала играть музыка?

— Да,—отвѣтила Даля, вполнѣ раздѣляя мнѣніе Северины:— когда Здиславъ читаетъ, чтеніе его производитъ впечатлѣніе и поэзіи, и музыки, въ одно и то же время.

— Vous me comblez, mesdames, — замѣтилъ я, отвѣшивая низкій поклонъ обѣимъ дамамъ. Мнѣ не хотѣлось теперь вовсе бесѣдовать по многимъ причинамъ, и я молчалъ. Чтеніе произведенія, котораго авторомъ чтецъ, двумъ женщинамъ, отвѣчающимъ вполнѣ тому, что̀ сказала Даля: „la reine est morte, vive la reine!“, во всякомъ случаѣ можетъ раздражать нервы. Въ данныхъ обстоятельствахъ произошло еще такое усложненіе, которое могло лишь усугубить такую раздражительность: я предчувствовалъ, что мнѣ придется вести упорную борьбу. Послѣ жестокаго fiasco нѣсколько часовъ тому назадъ, побѣда послѣдней минуты показалась мнѣ сладкою. Еслибы не два эпизода, которые произошли въ этотъ вечеръ, я былъ бы вполнѣ доволенъ судьбою. Послѣ чаю, въ будуарѣ, куда явились мадемоазель Клэръ и Артюръ, Даля оставила насъ подъ предлогомъ необходимыхъ распоряженій по хозяйству (она никогда не хозяйничала такъ усердно, какъ именно въ этотъ вечеръ). За нею вскорѣ вышла и швейцарка, такъ что въ будуарѣ мы остались втроемъ: Северина, маленькій Артюръ и я. Артюръ, сидя на колѣняхъ тети „Севелины“, игралъ ея часами и вскорѣ заснулъ. Такимъ образомъ, въ будуарѣ мы остались вдвоемъ... Ахъ, эти полу-тѣни и этотъ полусвѣтъ будуара! Какой прекрасный фонъ, на которомъ чудною должна показаться божественная гамма любви! Я столько разъ въ жизни игралъ эту гамму въ такой именно атмосферѣ, что каждый разъ, когда она меня окружала, отдѣльные звуки этой гаммы, безъ всякаго участія моей воли, разъигрывали во мнѣ божественную музыку любви. Сидѣть въ такомъ будуарѣ и не держать въ своихъ рукахъ маленькой женской ручки, не шептать на ухо ея владѣлицѣ словъ любви, не переживать всей гаммы чувства, отъ pianissimo до fortissimo, отъ andante до furioso — казалось мнѣ всегда превосходящимъ мои силы, немыслимымъ, невозможнымъ! Въ эту минуту, однако, я видѣлъ и понималъ невозможность, полнѣйшую невозможность такихъ изліяній. Я не искалъ причинъ этой невозможности, но чувствовалъ, что онѣ есть и ни за что не уступятъ. Главный ихъ источникъ былъ тотъ, что личность мадемоазель Здроіовской никакъ не гармонировала со всѣмъ, что̀ насъ окружало: она казалась свѣтлымъ лучомъ въ этомъ душистомъ царствѣ полусвѣта. Въ ея лицѣ являлось точно съ облаковъ чистое существо, которому чужды были всѣ земные тоны, имѣющіе хотя малѣйшее отношеніе съ гаммою любви, единственно возможной въ этомъ будуарѣ красавицы, мечтающей только о томъ, чтобы приковывать къ себѣ вниманіе всего свѣта. Мадемоазель Здроіовская

преспокойно гладила рукой золотыя кудри Артюра... Группа эта была сама по себѣ прекрасна, но въ эту минуту она лишь раздражала меня. Спящій на колѣняхъ Северины маленькій Артюръ являлся въ моемъ напряженномъ воображеніи главною причиною того невозможнаго положенія, въ какомъ я очутился. Я взглянулъ на мальчугана и произнесъ иронически:

— „Столбикъ"!

— Почему—столбикъ? — спросила Северина.

— Не догадываетесь, кузина?.. Будущій столбъ общества.

Но мадемоазель Здроіовская не поняла или не хотѣла понять этой шутливой насмѣшки.

— Дай-то Богъ!—шепнула она и, наклонившись надъ спящимъ столбикомъ, поцѣловала его золотыя кудри съ такимъ чувствомъ, съ какимъ по всей вѣроятности богомольцы должны цѣловать колонны славящагося на весь міръ чудесами храма.

Я отошелъ къ окну.

Первый разъ въ жизни мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такого рода пожеланій въ такомъ именно будуарѣ!

Но все это не помѣшало намъ, однако, провести потомъ вечеръ очень весело: мы пѣли, играли и даже танцовали... Я игралъ на роялѣ, а Даля обучала своего Артюра какимъ-то хитрымъ па̀. Мадемоазель Здроіовская пропѣла нѣсколько пѣсенъ, послѣ которыхъ, на мою просьбу, согласилась спѣть и „ду-ду"; оно теперь показалось мнѣ не лишеннымъ нѣкоторой простой, но чрезвычайно теплой поэзіи. Одна только Даля, не первый, впрочемъ, разъ въ этотъ день, постаралась причинить мнѣ большую непріятность. Я какъ разъ окончилъ играть одну изъ любимыхъ мною пьесъ, а Даля воскликнула съ ехидствомъ:

— Не правда ли, что онъ играетъ прекрасно?.. Да, да. Здиславъ—чрезвычайно способный молодой человѣкъ, но лѣнтяй... ахъ, ахъ... какой лѣнтяй!.. Спроси только, сколько онъ лѣтъ переводилъ первое дѣйствіе „Каина"?

— Даля!—отвѣтилъ я съ тѣмъ же упрекомъ:—скажи, пожалуйста, сколько лѣтъ ты ничего не дѣлаешь?—Но мадемоазель Здроіовская сейчасъ же спросила:

— Скажите, кузенъ, сколько лѣтъ вы переводили одно дѣйствіе „Каина"?

— Два года, кузина!

Мадемоазель Здроіовская улыбнулась и добавила:

— Еслибы вы жили въ „стоячей водѣ", кузенъ,—быть можетъ, и переводъ, и еще другой какой-нибудь трудъ подвигались бы нѣсколько шибче!..

— Я долженъ сознаться,—отвѣтилъ я: — что этотъ вопросъ нисколько меня не интересуетъ; я не причисляю себя къ тѣмъ, которые падаютъ подъ бременемъ проклятія, произнесеннаго во время оно въ раю надъ Адамомъ и его потомствомъ...

— По какому это праву?—спросила мадемоазель Здроіовская, сверкнувъ глазами.

— По праву цивилизаціи, доведенной до крайнихъ предѣловъ, до nec plus ultra...

— То-есть, до верхушки растенія, висящаго безъ корней и стебля въ воздухѣ...

— Господи, что вы такое болтаете?—вмѣшалась Даля.—Какое тамъ право, какая такая верхушка? Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до разныхъ верхушекъ, и я не признаю никакихъ правъ. Хочу—дѣлаю что-нибудь, что мнѣ нравится; не хочу—не дѣлаю. Вотъ мой законъ!.. И Здзиславъ такой же... Послушайте лучше эту чудную légende Шумана!..

Послѣ такого разговора я, конечно, не былъ въ хорошемъ расположеніи духа и вовсе не думалъ восхищаться музыкою Шумана, да и не старался больше разговаривать съ мадемоазель Здроіовской... Около полуночи, въ ту самую минуту, когда я со шляпою въ рукѣ подошелъ къ ней, чтобы попрощаться, только тогда я почувствовалъ, что мнѣ жаль съ нею разставаться и на нѣсколько часовъ... Мнѣ казалось, что я совершилъ нѣчто въ родѣ проступка, хотя и не съумѣлъ бы придумать ему названіе. Цѣлуя ея руку, я взглянулъ ей въ лицо, а какой-то другой, сидящій во мнѣ человѣкъ невольно произнесъ про себя слова Байрона:

„Вижу мощь твою, и силу, и красоту; но ты указываешь мнѣ что превосходитъ мои силы, хотя и не превосходитъ моего понятія“...

По пути домой я думалъ о томъ, что мадемуазель Здроіовская играетъ очень мило и поетъ очень хорошо, но музыка ея нѣсколько страдаетъ отъ недостатка техники, внѣшней обработки, а голосъ ея недостаточно еще развитъ. Да и все въ ней вообще какъ-то не вполнѣ усовершенствовано: французскій языкъ, музыка, голосъ и философія,—бѣдная философія, никакъ она не можетъ у нея вознестись до того прекраснаго разочарованія и апатіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и до тѣхъ утонченныхъ формъ жизни, которыя являются отличительными чертами высоко развитыхъ эпохъ и особей. Я ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что Северина обладала богатымъ матеріаломъ для того, чтобы изъ нея въ скоромъ времени могло образоваться высшее созданіе, даже блестящее всѣми дарами красоты и цивилизаціи. Какой врожденный

инстинктъ, какое предчувствіе всего прекраснаго, какое чувство!.. Она его вовсе не скрываетъ; черты ея подвижного лица, нѣжный голосъ, особенно же ея пѣніе обнаруживаютъ всѣ эти богатства!.. Но бываютъ минуты, въ которыя она является холодною и лишенною высшихъ стремленій. Да иначе и быть не можетъ! Для того, чтобы обработать свои суровыя внутреннія богатства, необходимо жить среди людей, въ центрѣ цивилизаціи, — а не въ лѣсу! Еслибы она согласилась хотя эту зиму провести среди насъ! Да, конечно! она должна согласиться! Она останется, всенепремѣнно останется! Я ее уговорю учиться пѣнію. Обладай она методомъ, нѣкоторою обработкою голоса, болѣе богатымъ репертуаромъ—да вѣдь у нея явилась бы прелестная, бриллiантовая брошь!.. Я невольно улыбнулся! Да развѣ она обращаетъ вниманіе на какія бы то ни было броши? И то сказать: къ ней вѣдь идетъ именно то, что она не обращаетъ на нихъ вниманія! Быть можетъ, по этой-то причинѣ, а не потому, что у нея коралловыя губки и чудные глаза, я все думаю о ней, не будучи въ состояніи не думать, хотя и принялся за чтеніе, а потомъ сѣлъ за рояль. Читая книгу, я думалъ о ней; играя на роялѣ, я долженъ былъ прерывать фантастическіе аккорды и пассажи, потому что пальцы мои невольно старались подыскать странную, полную необъяснимой прелести мелодію: „ду-ду!..“ И не могу не видѣть прекраснаго лица Северины, хотя полная темнота царитъ въ комнатѣ; даже въ темнотѣ она стоитъ передо мною, точно живая... И вижу ее, какъ она разговариваетъ съ молодой швейцаркою, и слышу ея голосъ: „Еслибы вы жили въ „стоячей водѣ“, кузенъ, быть можетъ, и переводъ, и еще другой какой-нибудь трудъ подвигались бы нѣсколько шибче“... Эти слова возбуждаютъ во мнѣ насмѣшливое настроеніе; но другой какой-то человѣкъ, сидящій во мнѣ, никакъ не можетъ заснуть, думаетъ и думаетъ надъ этимъ вопросомъ, не будучи въ состояніи, просто не желая разрѣшить его, потому что онъ, этотъ другой человѣкъ, трусъ, который знаетъ, что если разъ его разрѣшитъ—онъ долженъ будетъ приняться за работу...

Мы условились съ Далей, что поѣдемъ съ нею и съ мадемоазель Здроіовскою въ театръ. Днемъ я ни на минуту не могъ зайти къ Далѣ, до того одолѣвали меня всевозможные обязательные визиты и послѣдствія свѣтскихъ приличій. Я заѣхалъ въ нѣсколько домовъ съ визитами; нѣсколько часовъ я долженъ былъ съ Іосифомъ и Леономъ ѣздить по городу въ разныхъ направленіяхъ по дѣламъ любительскаго спектакля, который мы затѣвали. Цѣлый часъ пришлось потратить на совѣ-

щаніе съ портнымъ, не меньше часу надо было просидѣть въ ресторанѣ, такъ что я и не замѣтилъ, какъ начало смеркаться. За часъ до театра я едва поспѣлъ заѣхать къ Далѣ, которая сейчасъ же послѣ моего прихода сѣла за рояль и начала играть какую-то пьесу. Мнѣ было не до музыки. Даля играла безъ нотъ, потому что въ гостиной былъ полумракъ: на столѣ горѣла одна лишь лампа, покрытая абажуромъ... Мы съ мадемоазель Здроіовской сидѣли нѣсколько въ сторонѣ, погруженные въ полутѣнь... Она сидѣла на диванѣ, я—на моемъ любимомъ пуфѣ, почти у ея ногъ. Мадемоазель Здроіовская не избѣгала меня, о, нѣтъ! она и не думала меня избѣгать, но мнѣ казалось, что она стала еще болѣе печальна, болѣе молчалива, чѣмъ вчера. Но вѣдь иногда такъ и должно быть; и я тоже въ этотъ вечеръ не былъ въ обычномъ расположеніи духа. Ради приличія, лишь бы не молчать, я разсказывалъ ей, какъ провелъ время съ утра до моего къ нимъ прихода.

— Жалко и мучительно скучно,—сказалъ я, наконецъ. Мадемоазель Здроіовская долго всматривалась въ свѣтящееся сквозь абажуръ пламя лампы и лишь много—мнѣ казалось, что очень много времени спустя—не то отвѣтила, не то спросила:

— Отчего же въ такомъ случаѣ не проводить время... иначе?..

— Иначе и не умѣю,—отвѣтилъ я:—и не хочу. Жизнь, которая иногда надоѣдаетъ мнѣ ужасно и является причиною настоящихъ мукъ, все же тысячью всевозможныхъ нитей привычекъ, вкусовъ и отношеній привязываетъ меня къ себѣ, никогда, однако, не удовлетворяя. Счастлива ли жемчужина въ своей блестящей темницѣ? — этого никто не знаетъ, но она въ ней живетъ и жить должна... Я читалъ гдѣ-то, что если ее заставляютъ оставить радужное ея жилище, она плачетъ, а плачъ ея наполняетъ раковину отзвуками вѣчной скорби... Да, кузина, на землѣ есть необходимости и фатализмы, которымъ мы, бѣдные, должны подчиняться.

Мадемоазель Здроіовская опять медлила отвѣтомъ. Музыка Дали все болѣе и болѣе гармонировала съ элегическимъ тономъ моихъ изліяній. Музыка растрогала меня окончательно, такъ что я спросилъ съ искреннимъ, непритворнымъ упрекомъ:

— Почему вы мнѣ не отвѣчаете, кузина?

— Зачѣмъ?—едва слышно спросила она.

— Хотя бы затѣмъ, чтобы... заблудшему указать дорогу.

Мадемоазель Здроіовская опустила голову; рука ея нервнымъ движеніемъ подергивала складки ея платья. Мнѣ долго пришлось

дожидаться отвѣта... Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ, она тѣмъ же тихимъ голосомъ сказала:

— На такія печали, какъ ваши, кузенъ, утѣшенія найти не умѣю, потому что я ихъ... не понимаю; а что касается нашихъ путей—ихъ раздѣляютъ цѣлые міры...

— О, извините, кузина!—воскликнулъ я:—міры вѣдь и соединяютъ ихъ, тѣ міры, передъ которыми намъ уже не разъ случалось испытывать тождественныя чувства восторга...

Лучъ свѣта озарилъ ея лицо.

— Да!—сказала она.

За это: „да!“ я хотѣлъ прижать ея руки къ моимъ губамъ, но я лишь преклонилъ передъ нею голову и спросилъ:

— Не скрывайте передо мною всего, чтò думаете—не обо мнѣ, о, нѣтъ!—но о жизни, о цѣляхъ вашихъ, желаніяхъ... Скажите мнѣ о нихъ!

Северина отрицательно покачала головою.

— Почему? Почему же?—допрашивалъ я умоляющимъ тономъ.

Она и теперь долго молчала; наконецъ, взглянула на меня и съ улыбкой сказала:

— Потому что...

Улыбка ея стала еще выразительнѣе, глаза засверкали, и я услышалъ слѣдующій отвѣтъ:

— Parce que cela me déplait!

Въ эту самую минуту вошелъ лакей, докладывая, что карета подана. Даля подошла къ намъ:

— Ѣдемъ же!

По пути въ театръ я упорно молчалъ; въ груди моей копошилась ужасная горечь, отъ которой я никакъ не могъ освободиться. Но въ театрѣ, съ перваго дѣйствія, я невольно заинтересовался пьесою и ея исполненіемъ, а горечь куда-то исчезла послѣ того, какъ я замѣтилъ, что и мадемоазель Здроіовская тоже заинтересовалась пьесою и съ удовольствіемъ слѣдила за ея ходомъ. Ну, и что-жъ такое! Бороться, такъ бороться! Увидимъ, кто окажется побѣдителемъ! У меня есть полный арсеналъ оружія; напримѣръ, настоящій спектакль произвелъ свое дѣйствіе, если съумѣлъ развеселить ея чудные, но еще недавно печальные глаза. Театральный залъ всегда производилъ на меня сильное впечатлѣніе: наряды дамъ, блескъ драгоцѣнныхъ камней, красивыя лица, шумъ и говоръ — все это вмѣстѣ взятое всегда приводило меня въ болѣе или менѣе веселое настроеніе. Откровенно сказать, мои жалобы на жизнь были слѣдствіемъ каприза. Чтò бы ни говорили, а жизнь имѣетъ чудныя и по меньшей мѣрѣ

премилыя стороны; да вѣдь и эта дикарка, которой черное платье и своеобразная прическа отдѣляются рельефно на яркомъ фонѣ нарядовъ и украшеній, и она въ эту минуту раздѣляетъ мое убѣжденіе. На сценѣ артисты прекрасно играли, драма талантливаго писателя имѣла полный успѣхъ; разукрашенная великосвѣтская публика въ залѣ издавала тѣ электризующія exhalations, которыя свидѣтельствуютъ объ ея потрясенныхъ нервахъ и до максимума доведенной впечатлительности... Mein Liebchen, was willst du noch mehr? Въ антрактахъ въ ложу Дали являются знакомые; князь Карагеоргеску не пріѣхалъ въ театръ, но этотъ ударъ моя кузина переноситъ безъ особеннаго труда, потому что пьеса ей нравится, да и потому еще—а это важнѣе,—что въ ея головѣ созрѣваетъ мысль, которая борется съ красавцемъ-румыномъ въ ея воображеніи, потому что сердце не играетъ здѣсь никакой роли. Обѣихъ моихъ кузинъ, Далю и мадемоазель Здроіовскую, окружаетъ цѣлый легіонъ восхищенныхъ ихъ красотою. Все это вмѣстѣ заставляетъ Далю забыть о князѣ Карагеоргеску. Быть можетъ, оригинальный контрастъ мадемоазель Здроіовской со всѣмъ, что̀ ее окружало, вмѣстѣ съ нѣсколькими прелестными деталями ея внѣшности, произвели свое дѣйствіе на толпу; быть можетъ, о ея богатствѣ распространились уже несогласныя съ дѣйствительностью свѣденія, но я замѣтилъ, что всѣ старались представиться ей и представить себя въ возможно наилучшемъ свѣтѣ, что̀ до нѣкоторой степени походило на моду. Еще день, два, еще одно-два появленія мадемоазель Здроіовской на раутѣ или на балу, и—въ этомъ я былъ убѣжденъ—она станетъ предметомъ общаго вниманія, то-есть станетъ тѣмъ, что̀ въ свѣтѣ опредѣляютъ словомъ: модная. Но она сама ничего не знала о модѣ: она во всемъ видѣла лишь братское участіе, которое Леонъ выражалъ ей посредствомъ обстоятельнаго повѣствованія о своихъ мечтаніяхъ объ устройствѣ храма искусства, а Юзіо—своими изліяніями объ изданіи большой политической газеты. Эти двѣ бесѣды съ моими друзьями больше другихъ заинтересовали Северину, а мнѣ пришла въ голову мысль, что друзья мои нашли особаго рода путь къ флирту—посредствомъ архитектуры и публицистики. Стефанъ съ этою же цѣлью избралъ другой путь: онъ преподнесъ мадемоазель Здроіовской прекрасный букетъ изъ розъ, изъ котораго Даля сейчасъ же вынула двѣ розы и въ одно мгновеніе украсила ими незамысловатую прическу Северины. Если мадемоазель Здроіовская не лелѣяла по этому поводу братскаго участія въ душѣ, въ такомъ случаѣ никто и ничѣмъ не въ состояніи удовлетворить ея общечеловѣческихъ всевозможныхъ сочувствій.

Но—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось,—кромѣ возвышенныхъ чувствъ мадемоазель Здроіовская испытывала маленькое женское самолюбіе и радовалась доказательствамъ общаго восторга. Какъ бы то ни было однако, но больше всего поглощала ея вниманіе пьеса; во время хода дѣйствія я замѣтилъ, что лицо ея блѣднѣло, какъ розы, которыми была украшена ея головка; когда же въ залѣ раздавались громкія рукоплесканія, плечи ея подергивались, точно подъ дѣйствіемъ электрическаго тока. Когда же по окончаніи спектакля, при громкихъ рукоплесканіяхъ и крикахъ, въ послѣдній разъ взвился занавѣсъ, мадемоазель Здроіовская такъ внимательно и пристально всматривалась въ вышедшаго на сцену автора, что, казалось, душа ея сейчасъ упадетъ къ его стопамъ. Авторъ этотъ въ ея глазахъ былъ руководителемъ общества, жрецомъ, учителемъ толпы.

Возвращаясь домой, мы все время молчали.

Въ каретѣ я занималъ мѣсто напротивъ мадемоазель Здроіовской; лица ея, однако, я не видѣлъ: она откинулась на спинку, и вся ея фигура была погружена въ полумракъ. Только когда карета повернула въ другую улицу, на мадемоазель Здроіовскую упалъ лучъ свѣта, и я увидѣлъ ея розовое личико и закрытые глаза. Я невольно улыбнулся и ждалъ съ нетерпѣніемъ тѣхъ лучей свѣта, которые время отъ времени на секунду врывались въ карету: тогда я видѣлъ ее на одно мгновеніе, а затѣмъ она опять погружалась въ темноту. Въ эти минуты мнѣ казалось, что мадемоазель Здроіовская переживаетъ всѣ восторги новаго обращенія на путь доступныхъ человѣку прелестей жизни и ея радостей. Еще одинъ лучъ свѣта отъ фонаря, стоящаго передъ домомъ Дали—и еще одно свѣтлое появленіе прелестнаго личика, на которомъ я увидѣлъ теперь прекрасную слезу, катящуюся по розовой щечкѣ. Я видѣлъ эту слезу, я былъ увѣренъ, что Северина не могла отъ нея удержаться подъ вліяніемъ всего видѣннаго и прочувствованнаго ею въ этотъ вечеръ. Эта слеза хотя и удивила меня, но вмѣстѣ съ тѣмъ поселила во мнѣ глубокое убѣжденіе, что мадемоазель Здроіовская въ первый разъ въ жизни окунулась въ эти радости, и я позавидовалъ громадному счастью того, кто въ цѣлыхъ нескончаемыхъ рядахъ такихъ погруженій будетъ ея воспріемникомъ! Откуда же эта слеза? Дорогая, милая моя! Зачѣмъ эта слеза?..

Четверть часа спустя, мы втроемъ сидѣли за чаемъ, а прошло такъ много времени съ минуты нашего пріѣзда потому, что Даля отправилась въ уборную переодѣться. Она явилась въ домашнемъ капотѣ, состоявшемъ изъ цѣлаго ряда бѣлыхъ облаковъ, по-

крывавшихъ ея фигуру каскадомъ воздушныхъ кружевъ. Я былъ большой охотникъ до такихъ собраній послѣ театра, въ небольшомъ кругу избранныхъ. Раздраженные нервы успокоиваются тогда постепенно и пріятно, пережитыя впечатлѣнія даютъ обильный матеріалъ для бесѣды, изъ элементовъ искусства и чувства созидаются цѣлые храмы мысли... По заведенному обычаю, Даля приглашала обыкновенно нѣсколько знакомыхъ; сегодня кромѣ меня она никого не пригласила, и за это я былъ ей очень благодаренъ. Въ то время, когда Даля переодѣвалась, мадемоазель Здроіовская налила изъ кипящаго самовара три чашки чая, а когда Даля къ намъ вернулась, бесѣда наша сразу оживилась, и ея темою, конечно, была видѣнная нами пьеса. Даля была въ романическомъ настроеніи и съ первыхъ же словъ высказала убѣжденіе, что на свѣтѣ нѣтъ ничего выше и лучше любви двухъ существъ, влекомыхъ другъ къ другу силою страсти, сильной какъ смерть, полной, какъ вулканъ, огня и силы, какъ что-то еще, чего, однако, я не запомнилъ; Даля утверждала, что только такая любовь, которая уподобляетъ два существа двумъ стрѣламъ, двумъ звѣздамъ, что только такая любовь можетъ быть источникомъ величайшаго счастья, особенно же для женщины, потому что мужчина не такъ созданъ,—но женщина...

— Извините, Даля,—сказалъ я:—коль скоро дѣло касается счастья, не слѣдуетъ дѣлать разницы между людьми. Любовь, сильная какъ смерть и пламенная какъ вулканъ, на бѣдной нашей землѣ, все равно для мужчинъ и для женщинъ, является единственнымъ источникомъ счастья, свободнымъ отъ всякихъ примѣсей пошлости и измѣны. На землѣ все, рѣшительно все, болѣе или менѣе скучно, да и все намъ измѣняетъ, кромѣ лишь такой именно любви...

— Это зависитъ...—замѣтила мадемоазель Здроіовская.

— Отъ чего?—спросилъ я.

Я притаилъ дыханіе, дожидаясь отвѣта.

— Догадываюсь, кузина,—вы думаете о достоинствѣ предмета любви...

— Не столько о достоинствѣ одного предмета, сколько о достоинствѣ обоихъ...

— Это значитъ, если я васъ понялъ, что предметы должны быть схожи, какъ двѣ капли воды. Это вѣдь невозможно, кузина...

— Это невозможно,—повторила мадемоазель Здроіовская:—но быть двумя стрѣлами, какъ сказала Даля, и, возносясь къ небесамъ, находиться за тысячи верстъ другъ отъ друга, все равно, невозможно.

— Истинная любовь, — добавилъ я,—обладаетъ тѣмъ прекраснымъ свойствомъ, что сокращаетъ пространство, черное дѣлаетъ бѣлымъ, бѣлое—чернымъ, и даже на преступленіе бросаетъ такіе розовые покровы, что они придаютъ ей всѣ признаки геройства...

— Никогда!—сверкнувъ глазами, сказала мадемоазель Здроіовская.

— Нѣтъ, Здзиславъ правъ! — воскликнула Даля: — любовь должна извинять все, освобождать отъ всякой отвѣтственности и даже все освящать! Нѣтъ такого проступка, даже нѣтъ такого преступленія, котораго женщина не простила бы любимому мужчинѣ...

— А еще вѣрнѣе то,—сказалъ я,—что нѣтъ такого проступка, котораго мужчина не простилъ бы любимой женщинѣ...

— Если разъ кто любитъ,—послѣ нѣкотораго раздумья начала мадемоазель Здроіовская: — тогда... мнѣ кажется, онъ тогда прощаетъ все... и...

— Любовь не ослабѣваетъ,—добавилъ я.

— Да; но можно полюбить и не полюбить...

— Это значитъ, что, въ случаѣ многотысячнаго разстоянія, можно съумѣть побороть чувство?..

— Да, чтобы въ близкомъ будущемъ, вмѣсто любви, не явилось несогласіе...

Мадемоазель Здроіовская не окончила начатой мысли.

— Въ чемъ?

— Во всемъ остальномъ...

— Но вѣдь въ томъ-то именно вся прелесть и вся сила любви, что какъ вѣтеръ тушитъ свѣчку, точно такъ и она тушитъ въ насъ и память, и чувство, каковы бы они ни были, если только память эта и это чувство не относятся прямо къ ней, если не составляютъ ея частей...

— Въ такомъ случаѣ, — замѣтила Даля: — такая любовь является отравительницею и должна быть подвергнута смертной казни.

— Но коль скоро она существуетъ, а подчасъ обладаетъ и огромною силою, такъ должна же она имѣть настоящій источникъ своего бытія...

— По всей вѣроятности, онъ и есть у нея—но...

Мадемоазель Здроіовская опустила голову...

— Но...

Она и теперь не сказала сразу, что̀ ей хотѣлось сказать, какъ бы не зная, какъ выразиться, но послѣ нѣкотораго раздумья прибавила:

— Но... она плохого качества...

— А! Браво!.. Вотъ ясное опредѣленіе, даже, пожалуй, слишкомъ ясное!

Но Даля сейчасъ же воскликнула съ негодованіемъ:

— Значить, по твоему, любовь хорошаго качества должна избрать своимъ предметомъ—святого?!

— Нѣтъ; святыхъ нѣтъ. Любовь тогда только порочна, когда любящій человѣкъ любитъ безъ восторга или, по крайней мѣрѣ, безъ уваженія, и если двое людей, которые любятъ другъ друга...

Мадемоазель Здроіовская улыбнулась, и при этомъ я замѣтилъ, что губы ея дрожали...

—...Не могутъ быть сравнены съ двумя стрѣлами, о которыхъ говорила Даля.

— Двѣ стрѣлы, возносящіяся вмѣстѣ къ небесамъ,—добавилъ я:—а также съ двумя свѣтящимися во мракѣ звѣздами.

— Да!—сказала она.

— Сердце,—началъ я тономъ ученика, который отвѣчаетъ на вопросъ учителя:—сердце—имя существительное, средняго рода, единственнаго числа; холодное—имя прилагательное, согласуется съ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ, но это прилагательное несвойственно существительному, къ которому относится... Грамматическій разборъ—для обучающихся языку очень полезный, но въ вопросахъ чувства свидѣтельствующій о несуществованіи ихъ...

— Да что̀ ты говоришь, Здзиславъ! — улыбаясь, сказала Даля.—Ты знаешь прекрасно, что все это не такъ, и что въ этомъ отношеніи очень часто голова толкуетъ свое, а сердце—совершенно другое... Голова разсуждаетъ, а сердце любитъ!

— Вполнѣ вѣрно!—согласился я съ Далей, и, принимая изъ рукъ мадемоазель Здроіовской уже третью чашку чая, я замѣтилъ, что розовая краска исчезла съ ея щечекъ, а лицо ея въ эту минуту было гораздо блѣднѣе, чѣмъ бывало обыкновенно.

Въ атмосферѣ, которая развиваетъ и поддерживаетъ развившееся чувство, мадемоазель Здроіовская принимала разные оттѣнки, точно цвѣтокъ, облитый палящими лучами солнца, и всѣми мѣрами, всѣми силами боролась противъ любви... плохого качества! Мы еще бесѣдовали нѣкоторое время, но мадемуазель Здроіовская въ этой бесѣдѣ не принимала никакого участія. Часы пробили половину перваго часа по полуночи, и волей-неволей я долженъ былъ подняться съ мѣста. Я искалъ глазами шляпу, а Даля тѣмъ временемъ, сказавъ что-то о маленькомъ Артюрѣ и о распоряженіяхъ по хозяйству, вышла изъ гостиной. Со шля-

ною въ рукѣ я подошелъ къ мадемоазель Здроіовской, которая не замѣтила, что Даля ушла, и что я собираюсь проститься съ нею. Я взялъ ея руку и со страстью, которой я не могъ да и не хотѣлъ скрывать, прильнулъ къ ней губами. Мадемоазель Здроіовская только теперь поднялась со стула и взглянула на меня: взоры наши встрѣтились на одно мгновеніе...

— Кузина, — шепнулъ я едва слышнымъ голосомъ:—дайте мнѣ одну изъ этихъ розъ, которыя завяли въ вашихъ волосахъ!

Безъ малѣйшаго колебанія мадемоазель Здроіовская исполнила мою просьбу. Я схватилъ ее за руку, и снова взоры наши встрѣтились... Она хотѣла сказать что-то, но губы ея дрожали, и она не произнесла ни одного слова... Она опустила голову и такъ стояла передо мною; вся ея фигура выражала одну мысль, одно слово: прости!

Въ дверяхъ раздался голосъ Дали:

— Что же мы будемъ дѣлать завтра?

Мы совѣщались нѣсколько минутъ надъ этимъ вопросомъ и, въ концѣ концовъ, порѣшили совершить прогулку. Мадемоазель Здроіовская не была еще никогда зимою въ нашемъ Булонскомъ лѣсу, какимъ для насъ являются такъ называемыя аллеи.—Вотъ увидишь завтра аллеи, виллы, дачи, экипажи и т. п., и т. п. Какъ бы только не пошелъ снѣгъ!

— Здзиславъ,—сказала Даля:—приходи къ намъ завтракать! Послѣ завтрака сейчасъ же поѣдемъ кататься. Вотъ еще одинъ вопросъ: взять ли съ собой Артюра, или нѣтъ? Боюсь, чтобы не простудился, но въ бѣлой своей шубочкѣ онъ такой уморительный, точно маленькій сибирскій медвѣжоновъ, и всѣ на него просто заглядываются...

— И на мамашу,—прибавилъ я.

— Конечно!—подтвердила Даля.

На слѣдующій день я пріѣхалъ къ моимъ кузинамъ въ назначенное время и въ гостиной встрѣтилъ одну только швейцарку, которая сидѣла на полу и что-то дѣлала. Она посмотрѣла на меня и, не здороваясь, воскликнула:

— Vous savez, monsieur, la grande nouvelle! Mademoiselle Dloyoska est partie!

И горько заплакала.

— Où est-ce qu'elle est partie, mademoiselle?

Гувернантка не могла произнести ни слова; она сдѣлала лишь такое движеніе рукою, какъ бы желала указать безконечную даль, и выбѣжала изъ гостиной.

Вскорѣ явилась Даля, съ распущенными волосами, въ утрен-

немъ капотѣ, съ какою-то щеточкою въ рукѣ, и тоже, не здороваясь со мною, воскликнула:

— Уѣхала!.. Уѣхала въ деревню... домой!.. Понимаешь ли ты это, Здзиславъ?.. Не сумасшедшая ли она?!.. Какъ ни просила, какъ ни умоляла я ее, даже сердилась, просто ругалась—все напрасно!.. Ничто не могло поколебать ея рѣшенія... Она была похожа на безчувственную стѣну, на камень, на желѣзо, а по виду походила на призракъ...

И я тоже походилъ на стѣну, на камень, на желѣзо и—на призракъ. Я не могъ произнести ни одного слова: я просто ничего не понималъ.

— Но какъ?.. почему?.. Какъ же такъ?—спросилъ я, наконецъ...

— Почему?—повторила Даля и задумалась.—Развѣ я знаю? Я придумываю всевозможныя причины, но въ сущности ничего не знаю... Еще вчера у нея не было ни малѣйшаго намѣренія уѣзжать такъ скоро; по крайней мѣрѣ она объ этомъ не заикнулась ни однимъ словомъ. Послѣ того, какъ ты ушелъ вчера вечеромъ, она долго сидѣла въ гостиной и такъ задумалась, что не слышала ничего, рѣшительно ничего, что̀ я ей говорила... На всѣ мои вопросы она не отвѣтила ни одного слова. Что̀-жъ мнѣ оставалось дѣлать? Я ушла въ спальню, оставивъ ее здѣсь. Ночью я проснулась и услышала, что кто-то плачетъ... Сначала мнѣ показалось, что плачетъ мадемоазель Клэръ... но нѣтъ; вскорѣ я убѣдилась, что плакала Северина... она спала въ кабинетѣ Людвига, рядомъ съ моей спальной... Двери были открыты... Я подумала, что она вспомнила своего брата, отца... мало ли что̀ она могла вспомнить?.. Мнѣ ее стало жаль, но я не вошла въ кабинетъ... И зачѣмъ?.. Спрашивать, навязываться, требовать изліяній... Я вскорѣ заснула. Сегодня утромъ просыпаюсь и вижу, что она сидитъ въ кабинетѣ въ своемъ дорожномъ платьѣ на своемъ запертомъ чемоданѣ. И другой чемоданъ, въ который она складывала свои покупки, тоже запертъ... Не трудно было догадаться, что она собралась въ дорогу. — Северина, что̀ это значитъ? Зачѣмъ же ты такъ одѣлась, зачѣмъ уложила свои вещи?— Она подбѣжала ко мнѣ, бросилась мнѣ на шею и заявила, что съ первымъ поѣздомъ она ѣдетъ въ деревню... Не буду тебѣ разсказывать, какъ я убѣждала, просила, умоляла ее остаться!.. Она извинялась, плакала, благодарила, но рѣшенія своего ни за что не хотѣла измѣнить. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось убѣдить ее остаться. Она была непоколебима въ своемъ рѣшеніи! Что̀ же я могла сдѣлать? Запереть ее на ключъ? Связать?.. Я проводила

ее на вокзалъ, и тамъ, въ ту послѣднюю минуту, когда мы прощались, я увѣрена, публика удивлялась и восхищалась нашею дружбой! До послѣдней минуты Северина стояла въ окнѣ вагона на себя не похожа: она казалась какимъ-то призрачнымъ созданіемъ... Я ни на секунду не сомнѣваюсь, что она уѣзжала вопреки своему собственному желанію... Увѣряю тебя, что она ужасно страдала!.. Но гдѣ же причина этого внезапнаго отъѣзда? . Этого я разгадать не умѣю. На первыхъ порахъ у меня было намѣреніе извѣстить тебя объ этомъ ея рѣшеніи, но, во-первыхъ, не хватило бы на это времени, а во-вторыхъ, я возгордилась, да — коли ѣдешь, такъ уѣзжай!.. Видишь ли, я не желала, я не хотѣла, чтобы ты ей выказывалъ слишкомъ... какъ бы выразиться?.. ну, однимъ словомъ, понимаешь, въ чемъ дѣло... Я ее очень люблю, но все-же тебя — больше; я питаю къ ней чувство дружбы, это такъ, но все-же твоя дружба мнѣ много дороже... Что жъ дѣлать?.. Не конецъ же свѣта, слава Богу!... Подожди здѣсь немного—я сейчасъ одѣнусь, позавтракаемъ и поѣдемъ кататься... Я думаю, можно взять Артюра? По пути завернемъ къ Октавіи, и она съ нами, по всей вѣроятности, поѣдетъ... Но что̀ съ тобою?.. Я пришлю къ тебѣ сейчасъ Артюра, поиграй съ нимъ, а я тѣмъ временемъ одѣнусь!

— Ради Бога, не присылай!—воскликнулъ я.—Я разстроенъ... я нуждаюсь въ покоѣ...

Дѣло въ томъ, что я не зналъ ни того, что̀ я говорю, ни того, что̀ я намѣревался сдѣлать, ни даже того, разстроены ли у меня нервы, или нѣтъ; я сознавалъ лишь, что въ продолженіе послѣдней четверти часа произошло что-то такое, что̀ сдѣлало меня несчастнымъ, что мнѣ чего-то жаль, очень жаль, да что, кромѣ того, меня мучатъ вопросы, на которые я жаждалъ отвѣта: какая причина ея слезъ? почему она была похожа на призракъ въ минуту своего отъѣзда? почему она убѣжала? Мнѣ казалось, что еслибы у меня были отвѣты на всѣ эти вопросы—я былъ бы совершенно спокоенъ... Но гдѣ ихъ искать? Откуда ихъ добыть?.. Желѣзнодорожный поѣздъ мчится гдѣ-то среди дальнихъ пустынныхъ пространствъ... Лови вѣтеръ въ полѣ!.. Я стоялъ у окна и вмѣсто каменныхъ домовъ, стоящихъ на противоположной сторонѣ улицы, я видѣлъ широкія поля, покрытыя снѣгомъ, по которому съ быстротою молніи удалялся отъ меня поѣздъ...

Несмотря на разстроенныя мои чувства и мысли, я поѣхалъ кататься съ Далей и мадамъ Октавіею. Все время я былъ для моихъ спутницъ чрезвычайно любезенъ, я болталъ съ ними какъ

всегда и о томъ же, а вернувшись домой, засталъ нѣсколько дожидавшихъ меня друзей и знакомыхъ, съ которыми я много разговаривалъ о проектируемомъ любительскомъ спектаклѣ. Мы вмѣстѣ отправились обѣдать въ ресторанъ, гдѣ я ѣлъ, болталъ, улыбался и хохоталъ совершенно такъ, какъ обыкновенно, какъ будто бы не произошло ничего необыкновеннаго. Я долженъ былъ вести себя именно такъ! Таковы мученія, которыя мы должны переносить не разъ въ жизни, мы, принимаемые за избранниковъ судьбы, за довольныхъ и счастливыхъ людей!.. Чувствовать на сердцѣ нѣсколько пудовъ тяжелаго бремени, а въ сердцѣ острую булавку; думать объ одномъ единственномъ лишь предметѣ, съ чувствомъ безпокойства, горя, зависти, а между тѣмъ здороваться, кланяться, улыбаться, ѣсть, разговаривать, ухаживать за дамами, шутить съ друзьями—повѣрь—это одно изъ самыхъ ужасныхъ мученій, посредствомъ которыхъ, однако, всякій можетъ сохранить навсегда у своихъ ближнихъ самое лестное мнѣніе о себѣ.

Я лишь вечеромъ вздохнулъ нѣсколько свободнѣе, очутившись, наконецъ, одинъ въ своемъ кабинетѣ... Здѣсь, скорѣе чѣмъ я могъ надѣяться, я привелъ въ нѣкоторый порядокъ свои чувства и мысли. Чувства свои—я лишь теперь опредѣлилъ ихъ ясно. Я былъ влюбленъ въ Северину такъ, какъ мнѣ казалось, что я никогда ужъ любить не въ состояніи, да и такъ при этомъ, какъ до сихъ поръ я еще никогда не любилъ. Любовь моя состояла изъ элементовъ, которыхъ во всѣхъ моихъ чувствахъ до сихъ поръ не было совсѣмъ. Казалось, или могло казаться мнѣ, что любовь моя являлась олицетвореніемъ всѣхъ задушевныхъ пожеланій и стремленій, которыя, развиваясь во мнѣ, очень часто, среди самыхъ благопріятствующихъ обстоятельствъ, дѣлали изъ меня жертву неопредѣленныхъ, но горькихъ испытаній. Все, что какъ бы отталкивало меня отъ нея,—если можно такъ выразить мысль, которую я глубоко чувствую,—все, что портило ее, когда я ее видѣлъ, какъ-то: неправильный французскій выговоръ, нѣкоторый недостатокъ „chic'a“ на улицѣ, невыхоленная рука, не совсѣмъ соотвѣтствующій нашимъ понятіямъ и принятымъ обычаямъ способъ произносить слова, смотрѣть на людей, бесѣдовать съ ними — все это безслѣдно исчезло изъ моей памяти. Я чувствовалъ лишь, что я ее обожаю, и что за тѣ слезы, о которыхъ говорила Даля, даже за ея внезапное бѣгство—я горѣлъ желаніемъ припасть къ ея ногамъ и цѣловать ихъ, цѣловать безъ конца... Даля могла не знать, почему она плакала и отъ чего убѣжала; я же зналъ это, и это знаніе съ одной стороны трогало меня до слезъ, а съ другой — поселяло во мнѣ чувство гордости, какое

должны испытывать побѣдители. Ея бѣгство я даже считалъ торжествомъ, какое досталось на мою долю въ сферѣ борьбы, той міровой и вѣковой борьбы, которая во всѣ вѣка происходитъ между двумя половинами человѣчества. Не хочешь, но должна!— говоритъ одна сторона; другая защищается посредствомъ слезъ, всевозможныхъ прекрасныхъ словъ, наконецъ бѣгствомъ...

Чего же я собственно желалъ? Въ чемъ именно заключался для меня предметъ борьбы? Довести развивающееся въ ея сердцѣ чувство до зенита? Ну — а дальше? Разрушить преграду, которую она создала между нами Богъ вѣсть изъ чего; сломать мелочи, которыя, когда мы находились вмѣстѣ, разъединяли насъ постоянно, и сдѣлать неразрывными тѣ нити взаимной симпатіи, которыя каждую минуту являлись въ нашихъ отношеніяхъ какъ бы затѣмъ, чтобы, не окрѣпнувъ, рваться?.. А затѣмъ—что? Эти вопросы цѣлою вереницею толпились въ моей головѣ, но я старательно избѣгалъ ихъ, не желая рѣшать ихъ въ настоящую минуту. Способность не думать о нежелаемомъ у меня была слишкомъ хорошо развита для того, чтобы я долженъ былъ прилагать большія усилія для достиженія этой цѣли. Не пророкъ я— это, конечно, вѣрно: будущаго предугадывать не умѣю; и не филистеръ же я, который не бросаетъ горсти муки въ котелъ жизни, не отмѣривъ и не взвѣсивъ ее. Напротивъ, я считалъ всегда весьма пріятнымъ всякое неизвѣстное, но предугадываемое ощущеніе, которое могло явиться результатомъ необдуманнаго, невзвѣшеннаго поступка... Такое ощущеніе похоже на первую строфу незнакомой, но интересной поэмы. Одно лишь мнѣ было прекрасно извѣстно, что въ иныя минуты я страдалъ ужасно; въ другія — что я безконечно чему-то радуюсь; и не будь у меня возможности такъ или иначе достигнуть желанной цѣли, не будь у меня увѣренности, что я могу вскорѣ ее увидѣть, я бы не застрѣлился, конечно, но у меня явилось бы большое желаніе покончить съ собою. Да, я зналъ, что я могу ее видѣть!

Братъ Дали, Конрадъ Донимирскій, мой товарищъ по гимназіи и близкій родственникъ, жилъ въ своемъ имѣніи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Красовицъ. У Конрада именно мужъ Дали предавался всѣмъ прелестямъ охоты. На эту охоту меня не пригласили лишь потому, что всѣ прекрасно знали, что я не охотникъ до всякаго рода деревенскихъ развлеченій, особенно зимою. Если я явлюсь къ Конраду безъ приглашенія, въ этомъ не будетъ ничего удивительнаго: меня, конечно, радостно встрѣтятъ, да къ тому еще пріѣздъ мой одной хорошенькой особѣ сдѣлаетъ большое удовольствіе, а, пожалуй, и больше того.

Я долго не ложился въ эту ночь... Я ходилъ взадъ и впередъ по моей гостиной, сидѣлъ въ кабинетѣ, ерошилъ волосы, былъ въ возбужденномъ состояніи и все думалъ и обдумывалъ всевозможные планы, которые являлись въ моемъ умѣ одинъ за другимъ, смѣняя другъ друга, не будучи въ состояніи остановиться на которомъ-нибудь изъ нихъ. Утомленный, я, наконецъ, заснулъ, а рано утромъ, проснувшись, сейчасъ же написалъ небольшую записочку Далѣ. Въ этой запискѣ я спрашивалъ ее, не желаетъ ли она что-нибудь передать мужу своему и брату, потому что я уѣзжаю съ первымъ отходящимъ поѣздомъ и завтра буду уже въ Мировѣ. Не прошло и получаса съ минуты, въ которой я составлялъ эту записку, какъ въ передней раздался звонокъ, а спустя нѣсколько секундъ въ дверяхъ гостиной стояла Даля.

— Предъ тобой виноватая въ нарушеніи всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ! — воскликнула она, останавливаясь на порогѣ:—но мадемоазель Клэръ въ качествѣ спутницы была бы неумѣстна, а на пріисканіе другой ширмочки приличія, чтобы ѣхать къ тебѣ, у меня не было времени. Вотъ я и являюсь, вооруженная моимъ безпорочнымъ прошлымъ. Такъ ты ѣдешь! Удивилъ же ты меня своимъ письмомъ! Значитъ, дѣло дошло вотъ до чего!.. А мнѣ показалось вчера, что все это причинило тебѣ лишь мелкую, маленькую непріятность — не больше!.. Теперь-то я начинаю понимать твое умѣнье играть такъ прекрасно на любительскихъ подмосткахъ... Но что съ тобою, бѣдняжка, на что ты сегодня похожъ? Боже, на что ты похожъ!.. Посмотри въ зеркало... Да вѣдь ты — призрачное видѣніе!.. Вы оба—два призрака... Но это пройдетъ, поправитесь, потому что... il n'y a pas d'obstacles... je ne crois pas d'obstacles d'aucune espèce... Счастливцы!

Мы побесѣдовали нѣсколько минутъ о ея братѣ и мужѣ, которымъ она велѣла передать многое множество разныхъ новостей, съ княземъ Карагеоргеску во главѣ,—о Мировѣ, о разстояніи между Мировомъ и Красовицами, какъ оказалось, доходящемъ до двадцати верстъ, и о многомъ другомъ. Я взглянулъ, наконецъ, на часы, а Даля, взявъ меня за обѣ руки, произнесла торжественно:

— Отсюда прямо ѣду въ церковь и буду искренно молиться, чтобы сбылись твои желанія...

Когда я цѣловалъ ея руку, она успѣла за это время осѣнить меня другою рукою крестнымъ знаменіемъ... Дорогая Даля, она дѣйствительно любила меня какъ брата, и даже больше: двоюродному брату каждая женщина всегда удѣляетъ больше чувства, чѣмъ родному

брату. Даля отличалась своею проницательностью,—иначе она не могла бы никакъ догадаться, каковы мои желанія и намѣренія. У меня были только желанія, а не намѣренія; я зналъ одно лишь,—что у меня есть непреодолимое стремленіе увидѣть Северину, и что это желаніе дѣйствительно непреодолимо, что я готовъ былъ поѣхать за нею на край свѣта, не только въ Мировъ или Красовицы. Теперь, съ этой минуты, она разъ навсегда стала для меня Севериною, просто Севериною, а не мадемоазель Здроіовскою. Оставшись одинъ въ квартирѣ, а потомъ въ купэ вагона, я невольнымъ движеніемъ не разъ складывалъ крестомъ на груди руки и думалъ о ней: „дорогая моя!“

Гл.

ЕЩЕ
О
ТЕОРІЯХЪ НАРОДНИЧЕСТВА

— Попытки обоснованія народничества, ст. В. В. („Русское Богатство", 1892, № 10, 11. Окончаніе).

— Очерки народной литературы, С. А. Ан—скаго (Тамъ же, 1892, № 7—10).

I.

Статьи г. В. В., на основаніи которыхъ мы уже пытались разъ выяснить теорію народничества [1]), имѣли продолженіе въ послѣднихъ книгахъ журнала „Русское Богатство", и намъ должно еще разъ возвратиться къ этому предмету. Мы замѣчали тогда, что движеніе, обозначаемое именемъ „народничества", заключаетъ въ себѣ много сочувственнаго по своей ревности служить народному благу, вызывать дѣятельность общества для интересовъ народной жизни, по практическимъ попыткамъ осуществлять подобныя стремленія въ средѣ народа, „въ деревнѣ", по многимъ спеціальнымъ изученіямъ (общины, народнаго хозяйства, школы и т. п.) и беллетристическимъ изображеніямъ народной жизни, какія были сдѣланы людьми этого направленія; но мы замѣчали также, что это направленіе представляетъ массу теоретическихъ неясностей, которыя возбуждали и возбуждаютъ не мало недоразумѣній, и вслѣдствіе того ограничиваютъ и то сочувствіе, какое могутъ воз-

¹) См. выше: 1892, октябрь, стр. 704.

будить лучшія стороны этого движенія. Отсюда происходило уже не мало литературныхъ перекоровъ. Партизаны этого направленія негодовали, встрѣчаясь съ холодными отзывами или даже осужденіями тѣхъ или другихъ *частностей* народничества и относя это осужденіе къ цѣлому движенію, и спѣшили укорять возражателей въ холодности не только къ спеціальнымъ дѣятелямъ народнаго блага (какими они себя считаютъ), но и въ холодности къ самому народу: при этомъ, какъ водится въ полемическихъ пререканіяхъ, всякое лыко ставилось въ строку, критическое замѣчаніе толковалось какъ объявленіе войны, и въ отвѣтъ начинались свои военныя дѣйствія: противникъ, сдѣлавшій замѣчаніе, объявлялся не только врагомъ народничества, но и врагомъ народа. Правда, это дѣлалось не всегда въ грубой формѣ прямого зачисленія во враги своего отечества, но на теоретическомъ языкѣ подобный человѣкъ причислялся въ разрядъ той фатальной „интеллигенціи", которая не исполняетъ своего долга и становится на сторонѣ тѣхъ людей „культурнаго класса", которые заботятся о просвѣщеніи или объ усовершенствованіи „политическихъ" формъ только для своего собственнаго благополучія. Понятно, что въ этомъ было много несерьезнаго, даже ребяческаго, и только безъ надобности плодились ни къ чему не пригодные споры и не подвигалось впередъ самое дѣло, т.-е. объясненіе того, чего, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ ищетъ народничество. Въ статьяхъ г. В. В. мы надѣялись найти объясненіе этого общаго вопроса, но мы не нашли его. Мы не нашли, чтобы теорія указала съ точностью, какъ свои теоретическіе источники, такъ и свою хронологію; мы нашли только, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она приписываетъ себѣ привилегію извѣстныхъ взглядовъ, которые, однако, исторически извѣстны были раньше самаго ея возникновенія, что въ другихъ случаяхъ теорія приписываетъ своимъ противникамъ идеи, которыя имъ вовсе не принадлежатъ; наконецъ, что она употребляетъ столь туманную соціологическую терминологію, которая не даетъ возможности придти къ точному опредѣленію ея собственныхъ желаній.

Къ сожалѣнію, эти недоумѣнія не выяснились продолженіемъ трактата г. В. В., какое явилось позже. Мы снова встрѣтились съ тою же неясной терминологіей, съ тѣми же туманными толкованіями объ интеллигенціи, о культурныхъ классахъ, объ обязанностяхъ къ народу и т. д., и съ тѣми же обвиненіями противъ людей, не принимающихъ народнической терминологіи или высказывающихъ противъ нея какія-либо возраженія; всякое лыко опять ставится въ строку до такой степени, что иногда даже

слова, заключающія намекъ или сказанныя иронически, принимаются буквально,—читатель представитъ себѣ, насколько удобенъ споръ на такой почвѣ! Не измѣняя уже высказаннаго нами прежде, мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній.

Авторъ ставитъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ возникъ народный интересъ въ нашей литературѣ, и между прочимъ приводитъ съ этою цѣлью большую цитату изъ статей А. В-на[1]) о томъ, какимъ образомъ стремленія къ народному или національному складывались въ литературахъ западно-европейскихъ и въ русской. Характеръ этого движенія въ русской литературѣ объяснялся въ указанной цитатѣ въ связи съ самымъ внѣшнимъ положеніемъ русскаго общества. Существенная разница народно-литературныхъ движеній на западѣ и у насъ заключалась въ томъ, что на западѣ, при существующихъ тамъ „формахъ общественности", эти движенія легко переходили на почву ясныхъ практическихъ стремленій, между тѣмъ какъ у насъ, при отсутствіи этихъ формъ, народно-литературное движеніе по необходимости оставалось неполнымъ, не имѣло возможности быть переносимо на эту практическую почву, а когда между тѣмъ теоретическая мысль естественно стремилась къ законченности, то теорія, у людей съ большой фантазіей и съ возбужденнымъ чувствомъ, переходила въ произвольную мечтательность и, наконецъ, въ настоящій мистицизмъ. Этого послѣдняго заключенія моей мысли г. В. В. сполна не договорилъ. Ограничиваясь только общимъ противоположеніемъ нашего народнаго движенія съ западно-европейскимъ, г. В. В. замѣчаетъ: „всякій непредубѣжденный читатель, прочтя приведенныя строки, естественно выведетъ заключеніе, что указанная характерная особенность русской литературы не можетъ быть считаема явленіемъ случайнымъ: она должна быть органически связана съ соціально-бытовымъ строемъ нашего отечества, какъ составляющимъ почву, на которой выросла интеллигенція, и въ свою очередь свидѣтельствуетъ о томъ, что, по соціально-бытовымъ условіямъ, русская жизнь рѣзко отличается отъ западно-европейской... Все вышеизложенное должно бы привести къ практическому заключенію, что насущной задачей исторіи нашего общественнаго развитія должно бы быть изслѣдованіе причинъ особеннаго характера русской литературы, изученіе взаимодѣйствія этой литературы и жизни и указаніе тѣхъ особенностей въ дальнѣйшемъ развитіи страны, какихъ естественно ожидать при

[1]) Въ „Вѣстникѣ Европы".

данной комбинаціи стихійно и сознательно дѣйствующихъ въ указанномъ направленіи силъ русскаго общества" [1]).

Г. В. В. соглашается, что изслѣдованіе, о которомъ онъ говоритъ, довольно затруднительно вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій внѣшнихъ и внутреннихъ, и что при этомъ мы не можемъ воспользоваться и результатами болѣе развитыхъ европейскихъ литературъ. Такъ какъ самый характеръ русской жизни различается отъ жизни западной, нашей интеллигенціи „приходится работать одной, и здѣсь-то неблагопріятныя условія оказываютъ полное свое вліяніе и приводятъ къ тому, что правильное, логическое развитіе идеи, выражающей особенныя условія русской жизни, дѣлается невозможнымъ. Идея эта необходимо является въ сознаніи русскаго интеллигента то въ формѣ полу-инстинктивнаго стремленія, то въ болѣе или менѣе сознательномъ примѣненіи къ какой-либо частной сферѣ жизни или мысли, то какъ выводъ изъ положеній, повидимому, относящихся къ совершенно иной категоріи явленій. Она рвется наружу, стремится занять въ общей суммѣ нашихъ идей соотвѣтствующее мѣсто; но ей весьма трудно получить надлежащую теоретическую разработку, подняться на такую высоту, съ которой она освѣщала бы истинный путь всѣмъ, слѣдующимъ за нею. Въ силу сказаннаго, частныя примѣненія идеи весьма часто будутъ носить узкій, уродливый характеръ; въ одномъ и томъ же теченіи рядомъ съ здоровымъ потокомъ встрѣтятся мутныя струи, и отрицательная критика найдетъ въ исторіи идеи богатый для себя матеріалъ".

Тотъ пріемъ чисто отвлеченнаго разсужденія, преувеличенія котораго мы уже указывали прежде, приводитъ, между прочимъ, къ тому, что затеривается самая нить разсужденія. Мы говорили о томъ, что наши общественныя влеченія къ народу не могли выясниться съ достаточною полнотою вслѣдствіе самыхъ формъ нашей жизни: а именно, условія нашей печати не даютъ возможности выяснять *реальное* положеніе народной жизни; стѣснительныя условія, въ какихъ находится наша общественная иниціатива, не даютъ обществу воздѣйствовать на *реальныя* отношенія народной жизни, напр. вліять на школу, вліять на улучшеніе общиннаго самоуправленія, на улучшеніе сельскаго хозяйства,—наконецъ, вліять на устраненіе нѣкоторыхъ явленій народнаго огрубѣнія (напр., противодѣйствовать пьянству) и т. п. Заключеніе было то, что самая сущность народной жизни (отыскать которую стремятся народолюбцы всевозможныхъ оттѣнковъ) можетъ

[1]) „Русское Богатство", № 10, стр. 3.

выясниться только тогда, когда общественное мнѣніе и общественное сознаніе получатъ возможность, черезъ посредство печати и инымъ образомъ, ближе ознакомиться съ фактами народнаго быта, чѣмъ было возможно до сихъ поръ; и во-вторыхъ, что для изученія этой сущности необходима бо̀льшая возможность *практическаго* вліянія и взаимодѣйствія образованныхъ классовъ съ народомъ, чѣмъ это было и остается до сихъ поръ возможно. Словомъ, чтобы подвинуть этотъ вопросъ, необходимы самыя реальныя осязательныя условія: бо̀льшая свобода печати и бо̀льшій просторъ общественной иниціативы; безъ этого, пока мы будемъ судить о народѣ только на основаніи книжныхъ соображеній или случайныхъ неполныхъ опытовъ, мы именно рискуемъ блуждать въ безъисходномъ строеніи теорій, ни къ чему не ведущихъ, кромѣ „раздраженія плѣнной мысли", — какъ этого слишкомъ много бывало до послѣдняго времени. Отсюда и выходилъ тотъ результатъ, на который мы указывали: за неимѣніемъ прочной опоры, теоретики народности постоянно впадали въ чистый произволъ, въ фантастику и мистицизмъ.

Вмѣсто того, чтобы остановиться на этомъ слишкомъ реальномъ предметѣ, г. В. В. находитъ только, что мы еще слишкомъ мало занимались теоретизированіемъ.

„Вотъ здѣсь-то,—продолжаетъ г. В. В.,—соціально-литературное изученіе явленія и такая же его критика имѣли бы огромное значеніе для правильнаго развитія *идеи*, показывая корни ея въ тѣхъ или другихъ соціальныхъ отношеніяхъ, объясняя происхожденіе прямыхъ и кривыхъ ея вѣтвей, помогая пониманію того, гдѣ истинный соціальный смыслъ *идеи*, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать пути правильнаго ея развитія, чѣмъ объясняются уклоненія отъ этого пути. При подобномъ содѣйствіи со стороны критики, оцѣнка отрицательныхъ проявленій *идеи*, конечно, имѣла бы другой характеръ и значеніе, чѣмъ безъ него; теоретическое обоснованіе *идеи* постановлено было бы солиднѣе; ея воздѣйствіе на различныя научныя области было бы рѣшительнѣе и плодотворнѣе; практическія ея примѣненія—цѣлесообразнѣе" [1].

Если бы дѣло шло только объ этомъ, о литературно-соціальномъ изученіи, то наша литература до сихъ поръ уже не мало сдѣлала въ этомъ направленіи и, кажется, дѣлала все, что̀ только было возможно въ ея условіяхъ: начиная съ прошлаго вѣка, она уже задавала себѣ эти вопросы, работала надъ ними и въ области

---

[1]) Тамъ же, стр. 4.

науки, и въ области поэзіи, отъ Ломоносова до Салтыкова, подходила къ вопросу со всѣхъ точекъ зрѣнія, какія допускали ея условія; если она не сдѣлала больше, то, кажется, именно потому, что въ этихъ условіяхъ ей больше уже и нельзя было дѣлать. Требовалось расширеніе ея условій, требовалось практическое изученіе и сближеніе съ народомъ, но для этого еще не оказывалось физической возможности. Жизнь сама должна была вмѣшаться, а пока этого еще не было, стали совершаться тѣ ненормальныя явленія, о которыхъ мы говорили. Вмѣсто здравой критики народнаго быта выступили на сцену произвольныя построенія мысли, идеалистическія мечтанія, порывы чувства.

Примѣровъ этого рода цѣлая масса въ исторіи нашей литературы и общественности. Не восходя далеко, вспомнимъ, что самая „идея" народности была выставлена впервые въ то время, когда десятки милліоновъ народа находились на практикѣ въ крѣпостномъ состояніи: повидимому, трудно было представить болѣе вопіющаго противорѣчія, и однако эта теорія, предполагавшая нормальность крѣпостного права, проповѣдовалась даже людьми добросовѣстно разсуждавшими. Рядомъ съ этимъ была выставлена (въ сороковыхъ годахъ) теорія о гніеніи Запада, которому предстояло погрязнуть и погибнуть въ превратности его идей, когда мы должны были процвѣсть и подавить его величіемъ крѣпостной народности. Въ подобномъ родѣ говорили не только обскуранты, но и сами славянофилы. Нѣсколько позднѣе, даже Герценъ полагалъ, что русскій народъ обновитъ Европу своимъ общиннымъ началомъ, которое считалось нашей спеціальной особенностью. Къ нашему времени, толки этого рода нѣсколько замолкли, такъ какъ научныя изслѣдованія показали, что община не составляетъ исключительно русской особенности и была историческою ступенью едва ли не у всѣхъ народовъ, а съ другой стороны факты европейской экономической жизни указывали возростающее развитіе коопераціи и иныхъ экономическихъ союзовъ, которые могутъ сослужить свою службу и въ болѣе сложныхъ экономическихъ отношеніяхъ. Но взамѣнъ прежнихъ фантазій изобрѣтались новыя: извѣстная часть общества и печати съ изумленіемъ и вмѣстѣ умиленіемъ встрѣтили открытіе Достоевскаго о русскомъ „все-человѣкѣ", подобнаго которому не представляла вся исторія человѣчества: высокое представленіе о русской народности достигло здѣсь своего предѣла. Сколько было ребяческаго въ этой фантазіи, это обнаруживалось тотчасъ, когда тѣ же самые партизаны нашего обще-человѣчества на другой же день поднимали травлю противъ всѣхъ не-русскихъ обитателей нашего

отечества: все-человѣчность оказалась самой узкой національной нетерпимостью. Извѣстная теорія „деревни“ опять подновляла представленіе о томъ, что русское развитіе не имѣетъ ничего общаго съ европейскимъ; ученіе Н. Данилевскаго пыталось установить научнымъ образомъ различіе „культурно-историческихъ типовъ“, при которомъ нѣтъ надобности и возможности и думать о какой-либо культурѣ общечеловѣческой. И такъ далѣе. Указывая эти блужданія мысли о народѣ, когда ей недоставало ни почвы свободной научной критики, ни почвы практическаго сближенія съ народомъ, мы приходили (въ статьѣ, цитируемой у г. В. В.) къ заключенію, что онѣ становились, наконецъ, патологическими и ребяческими.

Итакъ, намъ казалось, что простыя, хотя самыя усердныя и продолжительныя умствованія на тему „народа“ не приведутъ ни къ чему, если не будетъ расширена область предметовъ, доступныхъ свободному критическому изслѣдованію, и, во-вторыхъ, не будетъ расширена область общественной иниціативы, которая могла бы сближать общество съ народомъ въ непосредственномъ реальномъ дѣлѣ. Ни то, ни другое не находится въ распоряженіи лицъ, которыхъ въ настоящую минуту занимаетъ этотъ вопросъ: измѣненіе условій литературы и измѣненіе условій общественной инициативы составляютъ вопросъ цѣлой нашей общественной и государственной жизни; добрыя пожеланія небольшого круга просвѣщенныхъ людей, къ сожалѣнію, недостаточны для того, чтобы достигнуть этого измѣненія. Мы не сомнѣваемся, что съ теченіемъ времени эти условія („формы общественности“) улучшатся; но когда и какими путями это произойдетъ,—этого, конечно, не скажетъ никто.

Нашему автору эта мысль, кажется, не приходитъ въ голову. Когда онъ говоритъ о необходимости „литературно-соціальнаго“ изученія, которое должно разъяснить намъ „идею“, ему какъ будто представляется, что все дѣло состоитъ только въ доброй волѣ писателей. Идея разъяснится: надо только постараться. „Къ сожалѣнію,—говоритъ г. В. В.,—такой теоріи нашего общественнаго развитія еще не написано, такой критики нашихъ общественно-политическихъ идей не существуетъ, и причинъ этого явленія, по нашему мнѣнію, между прочимъ, слѣдуетъ искать въ двухъ обстоятельствахъ. Во-первыхъ, въ общемъ неразвитіи ученія о зависимости идей, циркулирующихъ въ обществѣ, отъ соціально-бытового его строя; во-вторыхъ, въ неправильномъ представленіи нашихъ писателей о законахъ общественнаго развитія человѣчества“.

Такимъ образомъ, причина того, что наша „народная идея" остается невыясненной, опять сводится не къ реальнымъ условіямъ, въ какихъ находится вся народная жизнь, а къ недостаткамъ писателей. Эти недостатки г. В. В. излагаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Единство законовъ этого развитія понимается у насъ слишкомъ буквально: не въ смыслѣ сходства мотивовъ этого развитія, основныхъ соціальныхъ его пружинъ, а въ смыслѣ повторяемости въ одинаковомъ порядкѣ идей, формъ быта и ступеней ихъ развитія. Слѣдуя такому понятію (?), наши историки-публицисты обращались къ соціально-бытовымъ условіямъ развѣ только затѣмъ, чтобы объяснить, почему русская общественная мысль въ извѣстный періодъ своего развитія не вполнѣ усвоила тѣ или другія западныя идеи и формы, приняла ихъ въ недоразвитомъ состояніи, исказила ихъ. По той же причинѣ рѣзкое уклоненіе русской мысли отъ европейской они склонны объяснять нашей неразвитостью; видѣть въ этихъ уклоненіяхъ признакъ нашего недомыслія; смотрѣть на нихъ какъ на явленія временныя, ненормальныя, объясняемыя какими-либо преходящими условіями жизни". Между прочимъ, г. В. В. упрекаетъ и меня въ такихъ грѣхахъ; но полагаю, что я (да едва ли кто другой изъ тѣхъ, кто спорилъ противъ увлеченій народничества), вовсе не говорилъ о буквальной повторяемости („въ одинаковомъ порядкѣ") идей и формъ быта,—потому что понятіе о томъ, что ничто въ исторіи буквально не повторяется, принадлежитъ къ элементарнымъ историческимъ представленіямъ.

Выписывая далѣе изъ моей статьи слова, въ которыхъ высказывается положительное и большое сочувствіе къ тѣмъ нравственнымъ побужденіямъ, какія присутствовали въ зарожденіи нашего народничества, г. В. В. обрушивается на меня за другія слова, гдѣ говорится о томъ, что̀ представлялось мнѣ несочувственнымъ въ народничествѣ. Авторъ не договорилъ только, на чемъ именно основывалось мое несочувствіе,—какъ будто бы я вдругъ безъ всякаго видимаго основанія и недоброжелательно сталъ навязывать народничеству небывалые недостатки.

„Отношеніе къ вопросу г. А. В-на не есть что-либо исключительное въ нашей литературѣ. Чуть не всякій писатель, пытающійся характеризовать народничество, прежде всего старается представить его въ наиболѣе уродливомъ видѣ; для этого онъ или выставляетъ на первый планъ какую-либо крайнюю мысль, высказанную кѣмъ-либо изъ народниковъ, или даже неточно употребленный терминъ, или приписываетъ народникамъ мысли,

какихъ они никогда не высказывали. Въ результатѣ, конечно, получался полнѣйшій разгромъ ученія и не менѣе полное затемнѣніе общественнаго сознанія. И—что̀ интересно—особеннымъ нападеніямъ это направленіе нашей общественной мысли подверглось не тогда, когда оно было въ силѣ и могло оказывать замѣтное вліяніе на общество, а именно въ періодъ, характеризующійся одновременно разбродомъ нашихъ общественныхъ идей и такимъ упадкомъ престижа народничества, что оно не могло найти о̀ргана для печатнаго разъясненія недоразумѣній. Яростныя нападенія въ этотъ именно моментъ, по нашему мнѣнію, объясняются тѣмъ, что критики все-таки чувствовали внутреннюю силу народнической идеи, не вѣрили тому, чтобы упадокъ видимаго вліянія свидѣтельствовалъ объ умираніи этого направленія нашей общественной мысли" [1]).

Принимая такъ близко къ сердцу интересы народничества, авторъ не соблюлъ, однако, безпристрастія, необходимаго въ серьезныхъ вещахъ. Въ моихъ словахъ, имъ же самимъ приводимыхъ, каждый спокойный читатель увидитъ искреннее сочувствіе и къ нравственнымъ мотивамъ этого направленія, и къ тѣмъ серьезнымъ изученіямъ, какія предпринимались въ его средѣ; слѣдовательно, говорить, въ прямомъ примѣненіи ко мнѣ, о томъ, что народничество стараюсь изобразить „въ наиболѣе уродливомъ видѣ",—несправедливо, тѣмъ болѣе, что изъ собственныхъ словъ г. В. В. оказывается, что „кѣмъ-либо изъ народниковъ" и дѣйствительно высказывались мысли, способныя вызвать осужденіе. Что касается того, будто народникамъ приписывали мысли, которыхъ они никогда не высказывали, этого мы не знаемъ, потому что говорилось обыкновенно съ цитатами въ рукахъ. Мы считаемъ несерьезнымъ и то, что̀ говоритъ авторъ объ „яростныхъ нападеніяхъ" именно въ тотъ моментъ, когда наступилъ „упадокъ престижа народничества". Произошло это гораздо проще. „Нападенія" начались вовсе не въ тотъ періодъ, о которомъ говоритъ г. В. В., а гораздо раньше и направлялись на всякія извращенія понятій о значеніи народа, на всякія произвольныя фантазіи на эту тему, которыя не могутъ считаться полезными. Такъ спорили нѣкогда противъ славянофильства стараго и славянофильства новѣйшаго (напр., во „Времени" и „Эпохѣ" Достоевскаго и г. Страхова); такъ спорили противъ теоріи „деревни" г. П. Ч., причемъ говорилъ противъ него и г. Михайловскій (зачисляемый теперь также въ народничество); спорили—съ 1862 года—противъ на-

[1]) Тамъ же, стр. 6.

родническихъ идей гр. Л. Н. Толстого, противъ ученія Н. Данилевскаго и т. д. Противъ собственнаго „народничества“, если не ошибаемся, стали больше говорить именно съ тѣхъ поръ, когда теоретикомъ его явился г. Юзовъ въ своемъ задорномъ твореніи... Оказывается теперь, что ортодоксальные народники не признаютъ этого автора компетентнымъ въ изложеніи ихъ настоящаго ученія... Мы высказывали желаніе, чтобы намъ объяснили, наконецъ, въ чемъ же заключается это ученіе, кто его настоящіе представители;—иначе происходитъ и будетъ происходить скучная и безплодная путаница. Критикъ останавливается на книгѣ, которая съ великимъ апломбомъ и никѣмъ изъ своихъ не воздерживаемая, излагаетъ „основы народничества“; критикъ находитъ въ „основахъ“ великія странности,—но его осыпаютъ упреками и говорятъ, что это не настоящее народничество. Критикъ останавливается на произведеніяхъ беллетриста, извѣстнаго своимъ культомъ народа и сочиненія котораго исключительно наполнены самыми идеалистическими изображеніями „устоевъ“ народнаго быта и хожденія въ народъ восторженныхъ „интеллигентовъ“; критикъ находитъ и въ этой поэзіи не мало странностей, — но ему опять возражаютъ, что онъ не долженъ былъ искать у этого писателя какихъ-нибудь принциповъ народничества. Въ другомъ случаѣ, обратившись къ самой публицистикѣ народничества, критикъ снова попадаетъ на какія-нибудь ошибки,—его упрекаютъ, что онъ намѣренно беретъ „крайности“... Гдѣ же, наконецъ, то настоящее народничество, къ которому позволительно обращаться критикѣ, не подвергаясь подобнымъ обвиненіямъ? Говоря въ началѣ этой статьи о томъ, гдѣ на этотъ разъ уже компетентное народничество указываетъ свое начало, мы видѣли, что это указаніе было весьма неясно и ссылается то на шестидесятые года, то на семидесятые. И мы видѣли также, что самое содержаніе народничества опредѣлялось или такъ широко, что оно захватывало въ свою собственность такія мысли, которыя вовсе не могли составлять его собственности, потому что высказывались задолго раньше того времени, когда народничество пожелало выдѣлиться въ особую фракцію, именно мысли, раздѣлявшіяся тогда вообще просвѣщенными людьми въ вопросахъ о народѣ; или, наоборотъ, столь тѣсно, что народники категорически выдѣляли себя отъ интеллигенціи, иногда говоря о „прогрессивной“ литературѣ съ явной враждебностью. Можно было думать, что когда такія недоумѣнія возникали, г. В. В. обратитъ вниманіе на эту неясность и дастъ какія-нибудь разъясненія, но этихъ разъясненій мы не нашли. Взамѣнъ того, въ статьяхъ г. Ан-скаго,

о которыхъ скажемъ далѣе, мы находимъ названными въ числѣ народниковъ и г. Юзова, и г. Златовратскаго, и г. Михайловскаго.

Дальше, упоминая мнѣнія, высказанныя относительно народничества г. Вл. Соловьевымъ, г. В. В. подобнымъ образомъ находитъ у него неправильное смѣшеніе народниковъ съ такъ называемыми „толстовцами" и замѣчаетъ, что „при такомъ отношеніи къ предмету, кромѣ затемнѣнія предмета для читателей,— конечно, ничего нельзя ожидать отъ статей, трактующихъ объ интересномъ и оригинальномъ явленіи въ области русской общественной жизни". Думаемъ, что первую возможность этого затемнѣнія дали сами народники, потому что Л. Н. Толстой („прежній", какъ говоритъ теперь г. Ан-скій) бывалъ ихъ авторитетомъ.

Упомянувъ о подобныхъ несправедливостяхъ къ народничеству, г. В. В. замѣчаетъ, что однако: „остается несомнѣннымъ, что русская прогрессивная интеллигенція, въ отличіе отъ западно-европейской (прошлаго времени, когда народъ еще не выступалъ въ роли активнаго агента исторіи), характеризуется особеннымъ демократизмомъ, бо́льшимъ вниманіемъ къ нуждамъ народа и проявляющимся въ ней стремленіемъ отнестись къ народной стихіи, какъ къ основному началу нашего развитія, стремленіемъ искать центръ тяжести или опорную точку развитія не въ привилегированныхъ классахъ, а въ массѣ трудящагося народа". Намъ кажется, что въ этомъ есть большое недоразумѣніе: едва ли можно найти то отличіе русской интеллигенціи отъ западно-европейской, которое представляется нашему автору. Указаніе такъ неопредѣленно, что провѣрить его нельзя; но вообще мысль о народѣ есть такая давняя въ западной интеллигенціи и выражалась такъ характерно и въ области литературы, и въ практической жизни, что понижать ее, въ сравненіи съ небольшой относительно группой русскихъ идеалистовъ, нѣтъ никакого основанія. Дальше самъ авторъ признаетъ, что тѣ самыя идеи, какими питалась въ этомъ отношеніи наша интеллигенція, бывали результатомъ вліяній западно-европейской образованности.

Этотъ народолюбивый характеръ русской интеллигенціи, по объясненію автора, есть результатъ сложныхъ вліяній: „естественное въ развитомъ человѣкѣ чувство состраданія къ угнетенному положенію закрѣпощеннаго народа, проснувшаяся совѣсть въ лицѣ, принадлежащемъ къ привилегированному классу, сознающемъ, что не послѣднюю роль въ этомъ угнетеніи игралъ этотъ именно классъ, и многія другія причины въ совокупности опредѣлили это настроеніе интеллигенціи". Авторъ останавливается

особенно на двухъ причинахъ этого явленія: „Одна изъ нихъ заключается въ томъ, что русская интеллигенція образовывалась въ такой періодъ исторіи человѣчества, когда абстрактныя положенія общечеловѣческой правды и справедливости могли быть поняты достаточно ясно и не смѣшиваемы съ формулами, въ отвлеченномъ выраженіи имѣющими общій характеръ, а фактически представляющими интересы привилегированнаго класса. Въ силу сказаннаго, принимая *съ запада* просвѣтительныя идеи и освѣщая ими окружающую дѣйствительность, покоящуюся на основѣ крѣпостного права, она была почти вынуждена дать этимъ просвѣтительнымъ идеямъ облаченіе въ духѣ интересовъ массы народа". Другая причина состояла въ томъ, что наши привилегированные классы, въ качествѣ культурнаго агента, были безсильны, какъ руководители общественнаго развитія, и неспособны были выставить какое-нибудь общественное начало; между тѣмъ практическая соціальная идея должна быть сначала выработана жизнью, чтобы стать теоріей и вліятельнымъ элементомъ въ жизни. Наши привилегированные классы не имѣли самостоятельнаго политическаго значенія; они были только слугами государства, орудіями власти, а потому и не могли выработать себѣ исторически такія свойства духа, которыя могли бы стать благопріятной почвой для расцвѣта разносторонней духовной культуры. Этотъ классъ „не вынесъ изъ прошлаго ни идей, которыя составили бы первоначальное основаніе и исходную точку возникающаго развитія; ни авторитета, который бы предрасполагалъ страну видѣть въ немъ своего культурнаго представителя. Въ силу сказаннаго, въ настоящемъ, какъ и въ прошломъ, онъ только отражаетъ чужой свѣтъ; въ настоящемъ, какъ и въ прошломъ, онъ не занимаетъ руководящаго положенія ни въ фактически развивающихся соціальныхъ отношеніяхъ, ни въ сферѣ сознательно-устанавливаемыхъ политическихъ... Въ прошломъ его интимнѣйшія влеченія стояли въ противорѣчіи съ духомъ принимавшагося имъ просвѣщенія, почему онъ и не былъ въ состояніи на почвѣ этого послѣдняго создать самостоятельную высокую культуру, могущую быть признанной за культуру цѣлой страны; не былъ въ состояніи сдѣлаться настоящимъ представителемъ прогрессивныхъ потребностей своего времени. Оттого-то средній русскій культурный человѣкъ, насколько онъ дѣйствительно пріобщается къ просвѣщенію, носитъ такъ мало оригинальныхъ чертъ и такъ много заимствовалъ извнѣ; оттого же и мыслящія или чуткія лица изъ интеллигенціи скоро сознали или почувствовали недостаточность

соціальной основы возникавшей русской культуры и въ той или другой формѣ обращали свои взоры на народную стихію" [1]).

Въ этихъ замѣчаніяхъ есть доля правды только въ томъ, что русскіе привилегированные классы дѣйствительно не создали себѣ никакого прочнаго общественно-политическаго положенія, но есть и большія историческія неточности. „Культура", о которой говоритъ авторъ, заключается не въ одномъ только пріобрѣтеніи соціально политическаго положенія, но и просто въ образованіи, источникомъ и средствомъ котораго бываютъ наука, искусство и всякаго рода прикладныя знанія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи русскій народъ цѣликомъ, а не одни привиллегированные классы, вслѣдствіе своей старой исторіи, такъ отсталъ отъ европейскаго запада, что заимствованіе было одинаково неизбѣжно для всѣхъ, привилегированныхъ и непривилегированныхъ. Какъ извѣстно, до Петра у насъ не было правильныхъ элементарныхъ учебниковъ для самыхъ простыхъ знаній: ариѳметику, геометрію, географію, исторію необходимо приходилось заимствовать *извнѣ*, потому что дома ничего этого не было; точно также приходилось заимствовать *извнѣ* всякаго рода промышленныя и ремесленныя знанія: надо было учиться у иноземцевъ, какъ строить корабли, обработывать металлы, производить различныя мастерства; *извнѣ* приходилось заимствовать формы общежитія — общественное собраніе, театръ, музыку (въ томъ числѣ была заимствована и одежда, противъ чего въ особенности возставали защитники старины, забывая только, что это было одно изъ сотни заимствованій: остальныя были такъ неизбѣжны, что ихъ оспаривать не рѣшались, но онѣ все-таки были). Словомъ, здѣсь дѣло шло уже не о какомъ-либо классѣ, а о цѣломъ уровнѣ народныхъ знаній. При томъ эта необходимость заимствованія вовсе не была только нашей принадлежностью: вся исторія европейскаго образованія переполнена фактами образовательныхъ и культурныхъ взаимодѣйствій и подражаній одного народа (или его привилегированнаго и образованнаго класса) другому. Для примѣра напомнимъ хотя бы распространеніе по всей Европѣ конца XVII-го и XVIII-го вѣка не только французской псевдо-классической литературы, но и французскаго языка, обычаевъ и одежды.

---

[1]) Там же, стр. 10.

II.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ изображаетъ, на основаніи литературныхъ и общественныхъ фактовъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія, какъ въ самомъ сознаніи общества держалось это сомнѣніе въ культурныхъ силахъ русскаго привилегированнаго класса. Напримѣръ, по мнѣнію г. В. В., оно ярко выразилось еще въ XVIII вѣкѣ, когда были серьезныя заботы о томъ, чтобы создать у насъ „третье сословіе", которое могло бы стать культурнымъ классомъ. Извѣстно, что даже Карамзинъ, возставая противъ приглашенія иностранныхъ профессоровъ, говорилъ, что „у насъ нѣтъ охотниковъ для высшихъ наукъ... наши стряпчіе и судьи не имѣютъ нужды въ знаніи римскихъ правъ"..., выгоды ученаго состоянія русскимъ еще неизвѣстны; и что, увеличивая число казенныхъ воспитанниковъ въ гимназіяхъ, можно достигнуть того, что „презрѣнная бѣдность" (раньше говорилось: „мѣщанскія дѣти") черезъ 10—15 лѣтъ произвела бы ученое состояніе. Недовольство даннымъ состояніемъ нашего просвѣщенія проходитъ черезъ всю публицистическую литературу нашего столѣтія до тѣхъ поръ, когда явилась, наконецъ, мысль о томъ, что этому великому недостатку можетъ помочь только обращеніе къ народности и къ народу. На первый разъ это былъ только какой-то темный инстинктъ. Въ извѣстной программѣ Уварова, знаменитая „народность" очевидно не имѣла въ себѣ ровно ничего демократическаго; это былъ только красивый терминъ, въ духѣ распространявшагося тогда движенія націонализма, но онъ означалъ только національную исключительность: русская „народность" не должна чѣмъ-либо заимствоваться отъ другихъ народностей, должна оставаться въ своемъ неизмѣнномъ положеніи, которое считалось наилучшимъ. Поэтому „народность" въ оффиціальной программѣ тридцатыхъ годовъ могла такъ легко отождествляться съ крѣпостнымъ правомъ, какъ она и отождествлялась дѣйствительно. У другихъ, далеко не принимавшихъ такого толкованія, „народность" должна была обозначать совсѣмъ иное: стремленіе нашего просвѣщенія къ самостоятельности, къ выходу изъ того ученическаго положенія, въ которомъ оно такъ долго пребывало, къ расширенію его на возможно большій кругъ людей и, наконецъ, въ соціальномъ отношеніи, къ тому, чтобы главный носитель „народности", самъ народъ, получилъ, наконецъ, гражданское существованіе. На этомъ пунктѣ въ исторіи развитія народныхъ стремленій г. В. В. останавливается мало, и отъ двадцатыхъ и

тридцатыхъ годовъ переходитъ къ славянофиламъ. Въ вопросѣ о томъ, какъ опредѣлить отношеніе образованныхъ классовъ къ народу и значеніе самой народной стихіи, славянофилы, соглашаясь съ западниками въ одномъ, въ понятіи о недостаткахъ нашей общественности, расходились въ другомъ—въ оцѣнкѣ значенія народной стихіи. „Развитіе самосознанія общества въ сферѣ этихъ отношеній,—говоритъ г. В. В.,—должно заключаться, во-первыхъ, въ указаніи и борьбѣ за новыя формы быта, идущія на смѣну старыхъ, насколько эти формы подлежатъ осуществленію принудительнымъ путемъ; во-вторыхъ, въ оцѣнкѣ движущихъ національное развитіе силъ, какъ постояннаго источника новыхъ идей и формъ жизни" [1]). Въ первомъ отношеніи славянофилы согласно съ западниками, стояли за тѣ мѣры, которыя составили содержаніе реформъ царствованія Александра II. Во второмъ отношеніи славянофилы разошлись съ ними и указывали непосредственно въ народной массѣ истинный источникъ прогрессивнаго развитія въ духѣ и общечеловѣческой правды, и національной самобытности. Но, указывая на необходимость широкаго участія въ нашемъ прогрессивномъ развитіи народной стихіи, славянофилы, по мнѣнію г. В. В., должны были бы „обратить главное вниманіе на вопросъ о томъ, какими средствами достигнуть того, чтобы носитель этой стихіи сдѣлался *активнымъ агентомъ исторіи*, имѣя въ виду, что въ противномъ случаѣ, при разобщенности культурнаго общества съ массою народа, привилегированная интеллигенція не можетъ брать на себя задачу выраженія идей и формъ, зарождающихся въ народѣ и составляющихъ зерно грядущаго будущаго; не можетъ, поэтому, быть представителемъ самобытнаго прогрессивнаго развитія народа",—потому что иначе для народной жизни могутъ быть опять предложены только идеи и формы, выработанныя личною мыслью, и въ лучшемъ случаѣ такія, которыя еще должны быть переработаны народнымъ сознаніемъ... Но славянофилы, по словамъ г. В. В., были слишкомъ мало политичны, чтобы во-время остановиться въ развитіи своей народнической идеи, и, не имѣя достаточнаго знанія народа для построенія цѣльной и раціональной „соціально-этической системы", они обратились къ исторіи и изъ немногихъ данныхъ древности создали идеалистическое построеніе, между прочимъ ссылаясь на ходячія понятія о переломѣ русской исторіи во времена Петра Великаго; построеніе оказалось, однако, неудачнымъ. Общій выводъ г. В. В. таковъ:

---

[1]) Тамъ же, № 11, стр. 41.

„Такимъ образомъ славянофильство представляется намъ какъ первая попытка въ русской литературѣ перенести вопросъ о содержаніи и задачахъ нашей культуры съ національной на классовую почву. Такое перенесеніе было очереднымъ логическимъ шагомъ въ процессѣ теоретическаго разсмотрѣнія вопроса о культурныхъ силахъ русскаго общества, какъ мы видѣли, всегда занимавшаго вниманіе мыслящихъ русскихъ людей. Но этотъ логически очередной шагъ заключается лишь въ указаніи на народную массу, какъ на истинное основаніе богатой самобытной культуры, и слѣдующія ступени въ развитіи идеи должны бы состоять въ разработкѣ вопроса о тѣхъ мѣрахъ со стороны интеллигенціи, какія способны привести къ тому, чтобы народъ получилъ возможность активно участвовать въ историческомъ процессѣ. Такъ какъ этому активному участію должно предшествовать еще освобожденіе народа отъ крѣпостной зависимости и образованіе привилегированной интеллигенціи, которая со временемъ могла бы служить посредникомъ между наукой и массой народа; т.-е. должны предшествовать такія измѣненія въ нашемъ быту, которыя были доступны силамъ культурнаго общества и даже ставились имъ какъ ближайшія практическія задачи, то, очевидно, что такъ называемые западники, ратовавшіе за эти реальныя задачи, больше содѣйствовали приближенію желательнаго момента, нежели славянофилы съ своими попытками указать положительное содержаніе той культуры, какую, при извѣстныхъ условіяхъ, осуществилъ бы русскій народъ. Эти попытки доказываютъ только, что, ссылаясь на народъ, какъ на настоящую основу самобытной культуры, славянофилы не въ силахъ были вывести изъ этого положенія необходимыя слѣдствія, и вмѣсто того, чтобы направить свои силы на предварительную работу, имѣвшую цѣлью приближеніе момента выступленія на арену исторіи массы простого народа,—что̀ было въ предѣлахъ компетенціи славянофиловъ, какъ членовъ культурнаго общества,—они занялись построеніями, выходящими изъ границъ ихъ предвидѣнія и составляющими задачу будущаго, а не настоящаго“ [1]).

Дальше опять идетъ прежняя рѣчь объ обществѣ, соціально-культурныхъ основахъ, „интеллигенціи“ и т. д., въ томъ же неопредѣленномъ смыслѣ, какъ мы это прежде указывали. Такимъ же образомъ зачисляются во „враги народничества“ тѣ, кому приходилось указывать на его слабыя стороны. Напримѣръ, авторъ „Исторіи русской этнографіи“ поставленъ въ числѣ лицъ,

[1]) Тамъ же, стр. 42—43.

„заявившихъ себя противниками народничества и взявшихъ подъ свою защиту культурную интеллигенцію, которую будто бы отрицаетъ народничество“ [1]). Между тѣмъ рядомъ съ этимъ приводятся слова того же автора о „лучшихъ сторонахъ народничества, какъ горячаго желанія узнать народъ и служить его дѣлу“: думаемъ, что это сказано не „противникомъ народничества“, если въ послѣднемъ признаются хорошія стороны. А по поводу „культурной интеллигенціи“ въ тѣхъ же цитатахъ говорилось, что „въ общей массѣ нашего гражданскаго развитія былъ еще слишкомъ невеликъ запасъ просвѣщенныхъ силъ, которыя могли дать прочную основу требованіямъ реформы“. Думаемъ, что въ этихъ словахъ „интеллигенціи“ не приписывается особенной силы, а на слѣдующей страницѣ приводится у г. В. В. такая цитата, гдѣ г. В. В. находитъ даже сомнѣніе мое „въ самомъ существованіи интеллигенціи, какъ самостоятельнаго элемента въ нашемъ обществѣ“ [2]). Неужели это—защита культурной интеллигенціи? Повторимъ опять, что гораздо полезнѣе этой полемической путаницы было бы послѣдовательное изложеніе взглядовъ народничества,—иначе народники все только жалуются, что ихъ не понимаютъ, смѣшиваютъ съ кѣмъ-то другимъ, чуть даже не преслѣдуютъ. Но, какъ увидимъ, и сами они не весьма заботятся о томъ, чтобы правильно понять то, что̀ говорится ихъ такъ называемыми врагами. Напримѣръ. Въ разборѣ книги г. Пругавина („Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области умственнаго развитія и просвѣщенія“) высказывалась мною [3]) та мысль, что какъ ни достойны уваженія труды лицъ, посвящающихъ свои единичныя силы дѣлу народнаго образованія, эти труды никакъ не въ состояніи, однако, восполнить той нужды, какую имѣетъ народъ въ образованіи; что эти труды, какъ бы мы ихъ ни представили широкими въ предѣлахъ возможности, будутъ оставаться только каплею въ морѣ, которая, конечно, и будетъ исчезать; что, съ другой стороны, не только существо дѣла, но и самое достоинство народа требуютъ, чтобы вопросъ образованія былъ поставленъ какъ серьезное дѣло, какъ право, а не какъ подачка, притомъ случайная и невѣрная; словомъ, надо стремиться къ тому, чтобы вопросъ народнаго просвѣщенія былъ поставленъ широкимъ образомъ, не какъ дѣло случайныхъ филантроповъ, а какъ настоящее государственное дѣло. У г. В. В.

[1]) Стр. 45.

[2]) Мнѣнія автора „Исторіи русской этнографіи“ сходны, даже тождественны съ моими.

[3]) „Вѣстн. Европы“ 1891, январь.

это понято слѣдующимъ способомъ: „на призывъ г. Пругавина къ интеллигенціи придти на помощь народному образованію г. П-нъ отвѣтилъ совѣтомъ обратиться къ подлежащему начальству". Когда „противники" народничества говорятъ о томъ, какою тѣсной является до сихъ поръ въ нашемъ обществѣ дѣятельность науки и какъ все еще ограничено вліяніе просвѣщенія, и объясняютъ, что бо́льшему значенію ихъ препятствуетъ ихъ традиціонное стѣсненное положеніе,—и предполагается естественное заключеніе, что надо желать болѣе свободнаго положенія науки и литературы и бо́льшаго простора общественной иниціативы для ихъ распространенія въ бо́льшей массѣ такъ называемаго общества и въ народѣ,—на это теоретики народничества отвѣчаютъ совершенно неожиданнымъ выводомъ, который приводимъ собственными словами г. В. В.

„Это общество,—говоритъ онъ,—своими собственными силами неспособно выполнить сколько-нибудь серьезную задачу общенароднаго характера, почему и представляется настоятельная необходимость стремиться къ тому, чтобы это общество не оставалось единственнымъ источникомъ культурныхъ средствъ страны; стремиться къ тому, чтобы живая вода знанія могла оказывать оплодотворяющее вліяніе на ниву народной жизни, независимо отъ того, съорганизуется ли (?) привилегированный классъ, съумѣетъ ли онъ изъ публики превратиться въ общество или будетъ пребывать въ видѣ „хаотической безформенной массы съ непрочной и случайной группировкой частей". Если такое стремленіе не останется въ области однихъ благихъ пожеланій, если оно способно вылиться въ цѣлесообразныя формы личной и групповой дѣятельности и оказать замѣтное вліяніе на окружающую жизнь—въ такомъ случаѣ можно надѣяться, что въ *недалекомъ будущемъ* нашъ народъ выступитъ на путь сознательнаго прогрессивнаго развитія, подобно тому, какъ выступили на этотъ путь другіе европейскіе народы". То-есть: мы жалѣемъ, что условія нашего просвѣщенія трудны, что и въ томъ небольшомъ кругѣ, гдѣ оно существуетъ, оно не имѣетъ возможности твердо установиться и распространяться,—намъ отвѣчаютъ, что его надо распространить на весь народъ. Мы говоримъ, что живой воды мало, — намъ отвѣчаютъ: разлейте ее по всей Россійской имперіи,—и объясняютъ, что отъ этого даже „въ недалекомъ будущемъ" нашъ народъ выступитъ на поприще просвѣщенія „подобно тому, какъ выступили на этотъ путь другіе европейскіе народы". Это послѣднее было бы, конечно, желаніемъ всѣхъ просвѣщенныхъ людей нашего отечества; думается только, что европейскимъ на-

родамъ нужны были для этого цѣлые вѣка энергической работы не только на поприщѣ мысли, но и на поприщѣ общественной борьбы, потому что самое право науки есть политическое право.

Нашъ авторъ не предполагаетъ ничего подобнаго. Ему дѣло представляется совершенно простымъ; трудностей не представляется никакихъ: „задача текущаго момента—связать знаніе съ народной жизнью и освободить такимъ образомъ послѣднюю отъ полнаго подчиненія въ дѣлѣ культурнаго развитія привилегированному обществу" [1]). Какъ можетъ произойти освобожденіе народной жизни отъ подчиненія привилегированному обществу въ дѣлѣ культурнаго развитія, мы рѣшительно не можемъ понять: если привилегированные классы имѣютъ кое-какую науку, они получили ее изъ школы путемъ долговременныхъ усилій на этомъ поприщѣ; какимъ же образомъ можетъ обойтись безъ всего этого народъ? Для того, чтобы освободиться отъ подчиненія, нужно, очевидно, чтобы въ распоряженіи народа была такая же школа или собственно цѣлая система школьнаго образованія; откуда можетъ явиться все это въ народѣ безъ участія „привилегированнаго общества"? Все это остается неисповѣдимо. Авторъ не находитъ, однако, въ этомъ особенныхъ трудностей, а именно, онъ думаетъ, что къ этому предположенію есть два основанія. Первое заключается въ томъ, „что верхніе классы общества, будучи культурно-безсильными въ качествѣ класса, и отчасти по этой именно причинѣ, даютъ большое количество лицъ, готовыхъ посвятить свою дѣятельность благу народа, т.-е. готовыхъ взяться за то дѣло, которое представится имъ настоятельно необходимымъ—будетъ ли это дѣло заключаться въ проведеніи реформъ, предпринятыхъ властью, во внесеніи свѣта знанія въ темное существованіе массы и т. п."; второе—въ томъ, „что въ массѣ русскаго народа обнаруживается также стремленіе измѣнить формы своего быта и хозяйства сообразно требованіямъ времени, причемъ въ этомъ стремленіи народъ не только не чуждается раціональнаго пособія науки, но ищетъ такого пособія и уже пользуется тѣми обрывками знанія, которые случайно до него доходятъ". То-есть, надежды заключаются въ той подачкѣ, о которой мы упоминали. Не говоримъ о томъ, какъ мало вяжется съ этимъ предположеніемъ подачки надежда, что народъ освободится отъ подчиненія привилегированному обществу; но каково должно быть количество лицъ, о которыхъ здѣсь говорится, чтобы работать на пространствѣ Россійской имперіи! „На этихъ-то двухъ положе-

---

[1]) Тамъ же, стр. 50.

ніяхъ, — заключаетъ г. В. В., — и основывается надежда, что культурное безсиліе нашего привилегированнаго класса не сдѣлается фатальнымъ для судьбы Россіи, что русскій народъ и при культурной дезорганизаціи верхнихъ слоевъ общества найдетъ себѣ путь къ прогрессивному развитію".

Мы говорили прежде, что въ своей высшей ступени народничество есть какъ бы религія. Дѣйствительно, въ приведенныхъ сейчасъ словахъ передъ нами уже не логическое или историческое сужденіе, а вѣра, исполненная, конечно, самыхъ лучшихъ пожеланій. Спорить съ вѣрой безполезно; мы хотѣли бы, по крайней мѣрѣ, чтобы ея энтузіазмъ не истратился въ стремленіяхъ неосуществимыхъ, чтобы онъ увидѣлъ ближе обстановку своихъ предпріятій и болѣе цѣлесообразно направилъ свои усилія. Пусть, во-первыхъ, онъ вспомнитъ исторію, которая научитъ, что если въ одномъ отношеніи нашъ культурный классъ можетъ казаться „безсильнымъ", то съ другой стороны, въ теченіе какихъ-нибудь полутораста лѣтъ, отъ Кантемира до Салтыкова и Тургенева, онъ создалъ великіе труды въ литературѣ, положилъ основанія русской науки, наконецъ подготовилъ ту ступень общественнаго самосознанія, которая произвела и самое обращеніе къ народу: только на этихъ основахъ можетъ опереться и та народная культура, которую намъ обѣщаютъ. Кромѣ того, пусть этотъ энтузіазмъ не считаетъ слишкомъ легкой ту задачу, которую онъ себѣ ставитъ: основаніе народной школы не есть дѣло, которое могутъ совершить нѣсколько хотя бы самыхъ восторженныхъ добровольцевъ [1]). Исторія другихъ народовъ, съ которыми они хотятъ сравняться „въ недалекомъ будущемъ", научитъ ихъ, что тамъ созданіе народной школы бывало дѣломъ многихъ вѣковъ, цѣлыхъ могущественныхъ организацій, въ союзѣ съ учрежденіями, въ связи съ развитіемъ высшей науки и т. д., и нигдѣ и никогда дѣятелямъ народной культуры не приходила мысль, что она можетъ „освободиться отъ подчиненія" высшимъ культурнымъ классамъ: безъ этихъ классовъ, гдѣ будутъ сосредоточиваться высшія силы науки и литературы, она не можетъ существовать.

III.

„Очерки народной литературы" поднимаютъ чрезвычайно любопытный и важный вопросъ. „Если нашъ народъ имѣетъ великую

---

[1]) Ср. докладъ о народной грамотности, А. Н. Страннолюбскаго, въ комитетѣ грамотности, 12-го января!

будущность,—говоритъ г. Ан-скій,—то она не можетъ быть достигнута безъ литературы; если интеллигенція должна внести въ народную жизнь нѣчто большое и важное, то это возможно главнымъ образомъ посредствомъ книги. Со времени освобожденія крестьянъ съ каждымъ днемъ ростетъ въ народной средѣ какъ потребность въ хорошей книгѣ, такъ и требованіе на книгу. Удовлетворяетъ ли интеллигенція этому запросу? Цѣль настоящей работы—сдѣлать обзоръ и указать характеръ и результаты дѣятельности интеллигенціи въ дѣлѣ народной литературы, и такимъ образомъ выяснить вопросъ: какая книга нужна и возможна для народа?“ [1]).

Прежде чѣмъ разбирать этотъ вопросъ, авторъ дѣлаетъ краткій обзоръ дѣятельности образованнаго общества для народа, отразившійся и въ попыткахъ создать народную литературу. Въ первыхъ главахъ авторъ старается опредѣлить характеръ того раскола, какой созданъ былъ исторіей между обществомъ и народомъ и который продолжаетъ сохраняться до сихъ поръ. При этомъ автору пришлось снова касаться тѣхъ вопросовъ, которые трактовались въ статьяхъ г. В. В.—объ отношеніяхъ къ народу различныхъ группъ общества и литературы, о роли „интеллигенціи“ и т. д. Въ основѣ, это — тѣ же взгляды, съ тою же неопредѣленной терминологіей, изъ которой опять возникаетъ цѣлый рядъ недоумѣній.

Опредѣляя, напр., отношенія къ вопросу о расколѣ общества съ народомъ у славянофиловъ и западниковъ въ сороковыхъ годахъ, авторъ указываетъ его въ очень простой формулѣ: славянофилы, отрицая цивилизацію Запада и Петровскую реформу, хотѣли вернуть общество къ народу; „западники же, считавшіе *строй* европейской культурной жизни единственнымъ вѣрнымъ путемъ къ достиженію высшаго развитія, видѣли рѣшеніе вопроса о расколѣ въ передачѣ народу всего строя культурной жизни, т.-е. въ поднятіи народа до общества“. Это огульное опредѣленіе весьма, однако, неточно: славянофилы хотѣли вернуть общество къ народу съ нѣкоторыми добавочными условіями, напр. съ тѣми политическими учрежденіями, какія бывали въ древней Россіи и давали бы также голосъ самому обществу, и съ извѣстнымъ запасомъ науки, которую славянофилы не совсѣмъ отвергали и которой у народа не было. Съ другой стороны мы рѣшительно не знаемъ, когда и какіе западники стремились къ передачѣ народу „всего (европейскаго?) строя культурной жизни“:

---

[1]) „Русское Богатство“, № 7, стр. 146.

подобная передача мыслей „западниковъ" бросаетъ на ихъ ученія весьма фальшивый свѣтъ, какъ будто это были люди, не имѣвшіе понятія о различіи всего хода исторической жизни европейскаго запада и Россіи. Опредѣлить ихъ стремленія скромнѣе было бы и справедливѣе: они искали только бо́льшей свободы для науки, и съ нею для литературы, а въ жизни гражданской устраненія хотя бы главнѣйшихъ золъ тогдашняго порядка вещей, въ особенности крѣпостного права. Въ значительной мѣрѣ, эти желанія ихъ исполнялись реформами прошлаго царствованія (какъ говоритъ потомъ и самъ авторъ)... Далѣе, „славянофилы" и „западники" сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ были скромные литераторы, теоретики, не только не имѣвшіе ни малѣйшаго вліянія на дѣла, но сами едва терпимые. И однако, по словамъ г. Ан-скаго выходитъ, что такъ какъ тѣ и другіе сходились по вопросу о крѣпостномъ правѣ, то „въ 40—50-хъ годахъ изъ западниковъ и славянофиловъ образовалась довольно сильная партія освобожденія";... „новая народная партія съ каждымъ днемъ крѣпла, разросталась и расшатывала крѣпостническое зданіе, которому послѣдній рѣшительный ударъ нанесла крымская война"... Получается опять нѣкоторое извращеніе исторической перспективы: западники и славянофилы, какъ литераторы, вовсе не имѣли такой силы, и авторъ могъ бы справиться о томъ, напр., въ книгѣ г. Скабичевскаго объ исторіи цензуры и въ устныхъ преданіяхъ.

Далѣе, характеръ *до-реформенной* дѣятельности въ пользу народа авторъ излагаетъ опять такимъ же огульнымъ, неяснымъ и въ концѣ концовъ невѣрнымъ образомъ. Вся эта до-реформенная дѣятельность въ пользу народа ограничивалась, по словамъ автора, протестомъ противъ крѣпостничества. „Но вопросъ объ освобожденіи, важный не только для народа, но и для общества, находился исключительно въ рукахъ *послѣдняго*, нисколько не завися въ своемъ рѣшеніи отъ самаго народа,—поэтому до-реформенной интеллигенціи приходилось работать только въ средѣ общества. Въ деревнѣ ей нечего было дѣлать: будить народъ къ активной дѣятельности, конечно, было нельзя; а убѣждать его въ преимуществахъ свободы передъ рабствомъ было совершенно излишне. Съ другой стороны, особенно прислушиваться къ его желаніямъ и руководствоваться ими считалось не только неразумнымъ, но и несправедливымъ (?), такъ какъ вопросъ объ освобожденіи имѣлъ въ нѣкоторомъ родѣ видъ тяжбы между дворянствомъ и крестьянствомъ, при чемъ рѣшеніе, во всякомъ случаѣ (?), клонилось въ пользу послѣдняго. О томъ же, чтобы идти къ народу поднять его умственный и нравственный уровень и подготовить

его къ самостоятельной жизни тоже не могло быть и рѣчи тогда. Подобная дѣятельность въ деревнѣ считалась большинствомъ интеллигенціи несвоевременной и безплодной, а отдѣльныя попытки къ ней встрѣчали затрудненія".

Во-первыхъ, что касается общества—не знаемъ, какое именно время авторъ считаетъ „до-реформеннымъ", до 1856 или до 1861; но и въ томъ и въ другомъ случаѣ сказать, что рѣшеніе крестьянскаго вопроса зависѣло отъ общества, есть грубая ошибка. Рѣшеніе принадлежало правительству и общество могло помочь ему своимъ сочувствіемъ въ той мѣрѣ, въ какой это сочувствіе допускалось. Если же авторъ убѣжденъ въ такой силѣ общества, тогда непонятно, почему общество, имѣя „исключительно" въ своихъ рукахъ рѣшеніе вопроса, не въ состояніи было дѣйствовать и въ деревнѣ. Въ дальнѣйшемъ видно, что и по мнѣнію самого автора общество не совсѣмъ распоряжалось вопросомъ, находившимся будто бы въ его рукахъ. Или же, наконецъ, авторъ причисляетъ къ обществу и правительство?

Дальше, не знаемъ, кѣмъ считалось „неразумнымъ" и даже „несправедливымъ" прислушиваться къ желаніямъ народа,—тѣмъ больше, что авторъ передъ тѣмъ говорилъ, что было излишне убѣждать народъ въ преимуществахъ свободы передъ рабствомъ. Причина, почему несправедливо было прислушиваться, выставлена авторомъ опять нескладная, именно, что тяжба между дворянствомъ и крестьянствомъ „во всякомъ случаѣ" должна была рѣшиться въ пользу послѣдняго. Правда, въ принципѣ вопросъ освобожденія былъ предрѣшенъ правительствомъ, но о подробностяхъ рѣшенія, именно о мѣрѣ того, что̀ должны были получить крестьяне, долго было неизвѣстно. Точно также невѣрно и то, будто бы въ то время не могло быть рѣчи о необходимости поднять умственный и нравственный уровень народа. Разумѣется, на первое время все вниманіе образованнаго общества привлекалъ вопросъ о самыхъ формахъ и размѣрахъ освобожденія; но тогда же шли оживленные толки о средствахъ къ нравственному поднятію народа—объ обществахъ трезвости, о воскресныхъ и иныхъ школахъ (которыя тогда же впервые и основывались).

Все это нужно было автору сказать для того, чтобы слѣдующимъ образомъ опредѣлить до-реформенную дѣятельность для народа: это будто бы—„дѣятельность для народа, но не въ его средѣ, не съ его помощью и даже помимо его сознанія".

Далѣе, авторъ старается опредѣлить взгляды различныхъ оттѣнковъ „интеллигенціи" на народную жизнь послѣ реформы,—опять очень туманно: была точка зрѣнія славянофиловъ, кото-

рые послѣ реформы устранились отъ практической народной дѣятельности; были разныя партіи западническаго лагеря, радикальная и либеральная; дѣятельность для народа „была перенесена въ деревню и т. д. Разница между либералами и радикалами объясняется такъ, что первые были удовлетворены, по крайней мѣрѣ на первое время, реформами и признали нужнымъ направить свою дѣятельность на дѣло народнаго образованія; а вторые считали реформы совершенно недостаточными, главное вниманіе обратили на соціальное и экономическое положеніе народа, дѣятельность общества считали мизерной и безплодной, и до радикальнаго рѣшенія соціальнаго и экономическаго вопроса не считали возможнымъ поднять умственный и нравственный уровень народной жизни... Но затѣмъ мы опять перестаемъ понимать изложеніе г. Ан-скаго. По словамъ его, обѣ группы интеллигенціи соглашались въ мнѣніи, что народъ долженъ быть пріобщенъ къ культурной жизни, но „что касается либераловъ, то все, что въ народной жизни противорѣчило ихъ взглядамъ и культурному строю, они считали плодомъ одного лишь невѣжества и косности. Радикалы же хотя и признавали основные устои народной жизни законными и разумными (?), но не допускали мысли (?), чтобы народъ продолжалъ жить по этимъ устоямъ,—иначе, какъ вмѣстивъ ихъ въ рамки культурной жизни. Тѣ же стороны жизни, которыя въ эти рамки не вмѣщались, если и признавались разумными и законными, то лишь для прошедшаго, а не для будущаго".

Эту вторую стадію дѣятельности для народа г. Ан-скій опредѣляетъ такъ, что хотя она и была перенесена въ деревню (?), но по существу не отличалась отъ до-реформенной: это была „дѣятельность для народа съ цѣлью поднять его до уровня культурнаго общества, безъ помощи самого народа, помимо его сознанія и даже, если окажется неизбѣжнымъ, противъ его воли".

Слѣдующій затѣмъ моментъ въ развитіи отношеній общества къ народу, авторъ опять объясняетъ крайне смутно. За послѣднія тридцать лѣтъ либеральное и радикальное направленія стали падать и уступать мѣсто новому теченію. Хотя эти направленія и до сихъ поръ еще не потеряли своего вліянія на жизнь, но „перестали привлекать къ себѣ наиболѣе жизненные элементы интеллигенціи. Либералы, за исключеніемъ небольшихъ группъ, значительно скомпрометировали себя тѣснымъ союзомъ съ буржуазіей (?), интересы которой они взяли подъ свою защиту; а радикалы, послѣ выдѣленія изъ ихъ среды новыхъ фракцій, послѣ пережи-

тыхъ потерь и разочарованій, сдѣлались слишкомъ односторонними въ своемъ пониманіи нуждъ и запросовъ народа".

Все это опять нѣсколько неясно: какіе либералы вступили въ союзъ съ буржуазіей и какая у насъ буржуазія; какіе радикалы стали односторонни?

Затѣмъ,—говоритъ г. Ан-скій,—практика реформъ указала явленіе, „не игравшее до 1861 года никакой роли, но весьма важное для правильной постановки вопроса": это было сознаніе народа. „Оказалось (?), что народъ не захотѣлъ принять на вѣру ни одной изъ реформъ, не исключая даже освободительной. Къ каждой изъ нихъ онъ прикидывалъ свою мѣрку и, сообразуясь съ нею, однѣмъ реформамъ шелъ на встрѣчу, а къ другимъ отнесся равнодушно или даже враждебно. Съ этимъ обстоятельствомъ нельзя было не считаться, и такимъ образомъ оказалось необходимымъ не только познакомиться съ формами народной жизни, но и глубоко проникнуть въ смыслъ народныхъ устоевъ, найти ихъ корень и понять ихъ значеніе" [1]). Мы опять въ недоумѣніи: откуда извѣстно автору, какъ народъ прикидывалъ свою мѣрку, какъ онъ шелъ или не шелъ на встрѣчу реформамъ и т. п. Объ этомъ можно было бы нѣсколько серьезно говорить только въ томъ случаѣ, еслибы мы дѣйствительно знали мысли народа, — а мы обыкновенно знаемъ ихъ (если только знаемъ) по отрывочнымъ наблюденіямъ и особливо наблюденіямъ беллетристовъ. На практикѣ, для реформъ осталось безразлично, шелъ или не шелъ имъ на встрѣчу народъ. Вообще, когда строится извѣстное ученіе объ отношеніяхъ общества и народа, какъ въ настоящемъ случаѣ, очень желательно, чтобы строеніе утверждалось на фактахъ по возможности точныхъ,—а мы въ теченіе этого разсужденія постоянно встрѣчаемся только съ подобіями фактовъ или съ чистыми недоразумѣніями. Замѣтимъ, напр., что желаніе „проникнуть въ смыслъ народныхъ устоевъ" вовсе не принадлежитъ описываемой авторомъ эпохѣ: оно весьма опредѣлительно начинается въ нашей литературѣ, напримѣръ, уже съ тридцатыхъ годовъ. По словамъ автора, результатомъ новѣйшаго изученія народной жизни съ этой точки зрѣнія были слѣдующіе два вывода, „подробно развитые въ произведеніяхъ талантливѣйшихъ писателей послѣдняго полустолѣтія":

„Что особенности и формы народной жизни, наиболѣе расходящіяся съ культурными тенденціями, могутъ, при правильномъ развитіи, дойти до высшей степени совершенства и дать народу

---

[1]) Тамъ же, № 7, стр. 152.

строй жизни гораздо болѣе полный, высокій и разумный, чѣмъ строй культурный. Вмѣстѣ съ этимъ было замѣчено, что конечные идеалы народа совершенно тождественны идеаламъ передовой части русской и европейской интеллигенціи, и поэтому весь вопросъ сводится лишь къ пути развитія, которымъ народъ долженъ дойти до осуществленія этихъ идеаловъ. Съ другой же стороны было доказываемо, что путь развитія европейскаго культурнаго общества совершенно не является фатально неизбѣжнымъ для всякаго другого развивающагося класса или народа (Н. К. Михайловскій, Л. Н. Толстой, В. В.).

„Что основные устои народной жизни и наиболѣе отличительныя, положительныя и отрицательныя особенности ея составляютъ не мертвый остатокъ крѣпостничества, который рано или поздно долженъ отвалиться, какъ полагали западники, а также не созданы національнымъ геніемъ всего русскаго народа, какъ думали славянофилы, — но явились законнымъ продуктомъ чисто экономическихъ условій крестьянской жизни—земледѣльческаго труда, и поэтому разрушать коренные устои деревни, пока народъ останется жить подъ властью земли, совершенно невозможно (Г. И. Успенскій)“. „Эти два положенія легли основаніемъ новаго направленія народничества“.

Наши недоумѣнія не кончаются. Мы никогда не слыхивали, чтобы по мнѣнію западниковъ „основные устои народной жизни“ были только остаткомъ крѣпостничества, который долженъ отвалиться, — опять непростительное употребленіе общихъ темныхъ оборотовъ рѣчи, способное не разъяснять, а только затемнять дѣло. Быть можетъ, въ настоящемъ случаѣ авторъ имѣлъ въ виду споры объ общинѣ, относительно которой иные думали, что она не составляетъ непремѣннаго свойства и необходимости русской народной жизни, и считали возможнымъ, можетъ быть даже желательнымъ, ея исчезновеніе въ новомъ порядкѣ народной жизни; но это далеко не было мнѣніемъ „западниковъ“, взятыхъ огуломъ, и, напротивъ, между ними, съ самаго перваго возникновенія этого вопроса въ нашей публицистикѣ, почти лѣтъ сорокъ тому назадъ, были самые ревностные и убѣжденные защитники общины.

На упомянутыхъ выводахъ г. Ан-скій утверждаетъ новѣйшіе правильные взгляды на отношеніе общества къ народу, взгляды, составляющіе, по его истолкованію, сущность народничества. Пореформенная жизнь народа представила, по словамъ автора, тяжелую картину. Во-первыхъ, когда рухнули оковы крѣпостного права, въ самой народной средѣ личность почувствовала свои права, стремясь освободиться отъ стѣсненій патріархально-семей-

наго строя; въ увлеченіи борьбой личность посягнула на коренныя основы земледѣльческаго быта, но это, по мнѣнію автора, не грозило устоямъ крестьянскаго быта: „стоило только личности одержать побѣду, и она, продолжая жить подъ властью земли, вернулась бы къ пошатнувшимся формамъ и стала бы развивать ихъ на свободной почвѣ". Далѣе, какъ только обозначилась эта первая борьба народа противъ „наслѣдія крѣпостничества" [1]), явилось новое испытаніе: „въ деревню ворвался бурнымъ и мутнымъ потокомъ новый страшный факторъ—капитализмъ, который сталъ, съ одной стороны, отрывать отъ земли десятки и сотни тысячъ трудящихся членовъ, а съ другой стороны—вносить въ деревню новые идеалы, виды, интересы и пр.". Въ результатѣ его нашествія произошло то, что „насколько оторванный отъ земли рабочій легко и быстро терялъ свои вѣковые устои (это-то и дало поводъ многимъ изслѣдователямъ ошибочно констатировать общее паденіе крестьянскихъ устоевъ), настолько же твердымъ и неподатливымъ оказался крестьянинъ, оставшійся въ деревнѣ, подъ властью земли. Онъ съ перваго момента сталъ ограждаться отъ капитализма и его вліянія возможными средствами: переселеніемъ, сектантствомъ, иногда даже грубой силой". Дальше оказывается, что этотъ страшный факторъ былъ „занесенъ къ намъ изъ Европы" (!); но что мнѣніе автора объ европейскомъ происхожденіи капитализма не совсѣмъ основательно, подтверждается тѣмъ, что рядомъ съ капитализмомъ „въ самой деревнѣ открылась и приняла по истинѣ ужасающіе размѣры третья язва—мѣстное кулачество" [2]), которое, безъ сомнѣнія, сродни капитализму: самъ авторъ объясняетъ, что оно зародилось на почвѣ „зоологической правды" самой деревни. „Вся эта неурядица осложнялась еще разными мѣропріятіями, направленными къ ограниченію народной самодѣятельности, къ разрушенію народныхъ устоевъ и насажденію капиталистической промышленности".

Всѣ эти условія подѣйствовали на народную жизнь подавляющимъ образомъ: вмѣсто того, чтобы направить свои силы на плодотворный трудъ, народъ долженъ былъ употребить ихъ на борьбу, и между тѣмъ капитализмъ и кулачество высасывали послѣдніе

---

[1]) Замѣтимъ, что выше говорилось именно, что „ожившая народная душа" стала заявлять о себѣ, что личность стала чувствовать свои права и принялась „разбивать оковы общины и семейно-патріархальнаго строя, унаслѣдованныя отъ крѣпостничества". Какимъ образомъ община и семейно-патріархальный строй, принадлежащіе, кажется, къ „устоямъ" народнаго быта, оказались въ словахъ народника наслѣдіемъ крѣпостничества, мы не понимаемъ.

[2]) Тамъ же, стр. 154.

соки изъ крестьянства. Лишь небольшая часть народа удержалась на правильномъ пути; другіе бѣгутъ въ переселеніе, третьи бросаются въ „догматическія дебри", которыми стараются охранить формы своей жизни, и пока идетъ эта мучительная борьба, „гибнутъ народныя силы, бѣднѣетъ страна, развиваются умственныя, нравственныя, физическія болѣзни".

Нарисовавъ эту картину современнаго состоянія народной жизни, авторъ называетъ намъ, наконецъ, и настоящую сущность народничества.

„Подъ впечатлѣніемъ этой тяжелой картины горя и безпомощности народа,—говоритъ г. Ан-скій,—лучшая часть интеллигенціи поставила своимъ долгомъ, своимъ девизомъ, смысломъ всей своей жизни—*безкорыстное служеніе народу*. Этими тремя словами опредѣлился главный характеръ народничества. Если народу не нуженъ *воспитатель* и *руководитель*, который перестраивалъ бы все зданіе народной жизни, то ему нуженъ *помощникъ-просвѣтитель*, который помогъ бы бороться съ неблагопріятными, несимпатичными народу явленіями и условіями, который освѣтилъ бы ему свѣтомъ знанія его собственные коренные устои и всѣ внѣшнія условія теперешней жизни".

Когда намъ говорятъ о „безкорыстномъ служеніи народу", то передъ нами народничество является какъ нравственный мотивъ, и въ этомъ смыслѣ оно безспорно можетъ внушать только уваженіе. Къ счастью, люди, руководимые такими нравственными мотивами, дѣйствительно существуютъ въ русскомъ обществѣ. При условіяхъ нашей жизни бываетъ обыкновенно очень трудно знать, что̀ дѣлается „тамъ, во глубинѣ Россіи"; но послѣднія бѣдствія, голодъ и эпидемія, а также бѣды переселенческаго движенія, дали намъ возможность узнать не мало именъ старыхъ и юныхъ дѣятелей, самоотверженно отдававшихъ на безкорыстное служеніе народу и свой достатокъ (когда онъ былъ), и свой трудъ, и самую жизнь (потому что многимъ пришлось и потерять эту жизнь—отъ эпидеміи или отъ убійства этимъ самымъ народомъ!).

Эту сторону народничества мы и считали его лучшею стороною; но, высоко цѣня ее, мы и полагали, что было бы очень жаль, еслибы это прекрасное нравственное содержаніе запутывалось тѣми теоретическими неясностями, ошибками и притязаніями, какія можно встрѣтить въ народнической *теоріи*,—потому что народничество настаиваетъ на своей особой системѣ толкованія экономическихъ и нравственныхъ началъ народной жизни. Можно было бы, повидимому, оставить въ покоѣ эти теоріи ради хорошихъ дѣлъ; но, къ сожалѣнію, теорія вмѣшивается и въ

практику служенія народу,—она можетъ невѣрно опредѣлять цѣли служенія (тамъ, гдѣ оно выходитъ за предѣлы прямой помощи страждущимъ и бѣднымъ людямъ) и причинять этимъ напрасную трату силъ, невѣрно опредѣлять средства и обстоятельства труда, создавать себѣ ложныя препятствія и не видѣть настоящихъ и т. п. До сихъ поръ намъ представлялось не мало возраженій подобнаго рода противъ народничества и представится еще далѣе: пусть, по крайней мѣрѣ, народничество не видитъ въ этомъ вражды и постарается устранить, или объяснить, въ своихъ теоріяхъ то, что̀ ведетъ къ недоразумѣніямъ.

Раньше мы уже говорили о неточности его историческихъ положеній: тѣ общія идеи, какія оно приписываетъ себѣ, были извѣстны гораздо раньше его возникновенія, продолжаютъ существовать въ обществѣ и литературѣ внѣ его спеціальнаго круга, и мы думаемъ, что, отказавшись отъ притязанія дѣлать открытія, и, напротивъ, стараясь найти въ прежнихъ фактахъ нашей литературы и общественности то, что̀ было его прямымъ подготовленіемъ, оно нисколько не умалитъ, а, напротивъ, усилитъ свое нравственное значеніе, составляющее его главную цѣну, именно усилитъ всѣмъ значеніемъ исторической традиціи, т.-е. прошлымъ просвѣщеннѣйшей части общества. А оно усиливается стоять особнякомъ и тѣмъ легче впадаетъ въ ошибки, которыя иной разъ бываютъ довольно грубыми.

Обращаемся къ изложенію нашего автора. Начать съ того, что, понижая такъ называемую интеллигенцію изъ роли воспитателя и руководителя въ роль помощника-просвѣтителя, авторъ въ сущности только играетъ словами. То и другое очень похоже: если кто-либо будетъ сообщать народу, напр., какія-либо познанія, до тѣхъ поръ народу неизвѣстныя, то рѣшительно все равно, какъ онъ будетъ называться, — народнику захочется назвать его помощникомъ-просвѣтителемъ, мы назовемъ воспитателемъ, и это будетъ безразлично, потому что сообщеніе познаній есть и просвѣщеніе, и умственное воспитаніе. Если авторъ хочетъ сказать въ своихъ словахъ, что этотъ просвѣтитель не долженъ относиться къ народу высокомѣрно, то это будетъ вовсе не вопросомъ народнической или не-народнической теоріи, а просто дѣломъ здраваго смысла и такта.

Но, какъ мы замѣчали, этотъ нравственный мотивъ народничества затемняется его теоріями. Вслѣдъ за приведенными словами самый путь служенія народу излагается такъ: „Признавая возможность и цѣлесообразность оригинальнаго развитія для народа и считая воспитаніе его интеллигенціею по собственному культур-

ному шаблону — нецѣлесообразнымъ, народничество, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отрицаетъ для народа цивилизаціи *въ чистомъ смыслѣ этого слова*, и не признаетъ культурнаго строя жизни безусловно негоднымъ и для общества. Если народу нельзя и незачѣмъ перенять весь строй культурной жизни (?), то настолько же невозможно и убійственно для общества отказаться отъ своего пути развитія и зажить по-крестьянски. Пока жизнь обоихъ слоевъ націи не сольется естественнымъ образомъ во-едино, до тѣхъ поръ каждый изъ нихъ долженъ идти своимъ путемъ, и если культурная жизнь представляетъ много неприглядныхъ сторонъ, то задача интеллигенціи состоитъ не въ упраздненіи культуры, а въ исправленіи ея".

Мы говорили однажды о той путаницѣ, какую производитъ въ народническихъ разсужденіяхъ слово „интеллигенція"; не меньшую путаницу производятъ слова „культурный строй" и „строй народной жизни": что̀ они означаютъ—остается невразумительно. По словамъ автора, народничество считаетъ нецѣлесообразнымъ воспитаніе народа интеллигенціею по ея культурному шаблону: но гдѣ же это происходило и когда какая-то „интеллигенція" предпринимала такое дѣло? Повторяемъ опять: слово „интеллигенція" ничего не значитъ или означаетъ что угодно—и ученаго человѣка, и писателя, и чиновника, и учителя, и общественнаго дѣятеля, а на худой конецъ даже свѣтскаго шалопая. О комъ и о чемъ говоритъ авторъ? Но, отвергнувъ культурный шаблонъ, народничество не отрицаетъ для народа „цивилизаціи въ чистомъ смыслѣ этого слова": опять непонятно, что хочетъ сказать этимъ г. Ан-скій. Можно думать, что цивилизація подобнаго рода даже не существуетъ. Единственнымъ элементомъ ея можно считать развѣ только чистую науку и высшее искусство, но едва ли въ этой степени они могутъ быть непосредственно доступны для народа. Цивилизація принадлежитъ также, кромѣ многаго другого, нравственное ученіе, но опять, „въ чистомъ смыслѣ", оно составляетъ еще предметъ исканій для высшихъ умовъ человѣчества. Такимъ образомъ надо полагать, что само народничество вынуждено будетъ нѣсколько ограничить свои требованія и на дѣлѣ прибѣгнетъ къ обыкновенному обученію (вѣроятно, разумно веденному), къ которому нельзя будетъ приложить громкаго термина „цивилизаціи въ чистомъ смыслѣ слова". Дальше авторъ какъ будто понижаетъ свое требованіе и полагаетъ только, что народу не надо перенимать „весь строй" культурной жизни (значитъ, нѣкоторую долю его перенять можно), и допускаетъ, что самому обществу невозможно, даже убійственно

„зажить по-крестьянски“: это послѣднее замѣчаніе должно, вѣроятно, устранить требованіе тѣхъ мудрецовъ, которые желали уничтожить города и загнать всѣхъ въ деревню. Авторъ ожидаетъ, впрочемъ, что жизнь обоихъ слоевъ націи когда-нибудь „естественнымъ образомъ сольется во-едино“,—мы даже представить себѣ не можемъ, въ теченіе скольких вѣковъ это можетъ произойти [1]),—а покамѣстъ позволяетъ имъ идти каждому своимъ путемъ и даетъ только добрый совѣтъ, чтобы несчастная „интеллигенція“ занялась, по крайней мѣрѣ, „исправленіемъ культуры“. Совѣтъ, конечно, добрый, но не очень новый: съ тѣхъ поръ какъ существуютъ образованіе и литература, это исправленіе культуры составляетъ ихъ постоянную задачу.

Продолжая изложеніе своей программы служенія народу и призывая интеллигенцію въ деревню, авторъ говоритъ, что народничество не думаетъ „отрицать необходимость городской интеллигенціи“, у которой есть даже обширное дѣло. „Но, опять-таки, только тогда эта интеллигенція получитъ возможность жить самостоятельно, не продавая себя въ рабство кулачеству и капитализму (?), когда она будетъ составлять только часть,—соразмѣрно численности и нуждамъ городского населенія,—всей русской интеллигенціи; остальная же масса интеллигентныхъ силъ *должна* уйти въ деревню. Но и эта интеллигенція, живя въ деревнѣ, совершенно не должна отказываться отъ многихъ возможныхъ для нея сторонъ культурной жизни, не должна непремѣнно зажить по-крестьянски, „надрываться“ на работѣ, короче—приносить себя въ жертву. Отъ этого народу теплѣе не станетъ (?). Деревнѣ нужны учитель, врачъ, акушерка, фельдшеръ, ветеринаръ, адвокатъ, агрономъ, писарь, офеня и т. д. Всѣ эти мѣста въ настоящее время или не заняты вовсе, или заняты большей частью людьми неинтеллигентными въ высокомъ значеніи слова, а то и прямо невѣжественными и безчестными. А должны они быть замѣщены исключительно интеллигенціей, которая пойдетъ въ деревню не ради оклада, а съ безкорыстной преданностью и любовью къ народу. Только тогда деревня перестанетъ быть такой одинокой и беззащитной, какъ теперь. Если въ настоящее время деревня „съѣдаетъ“ интеллигента, т.-е. охватываетъ его такимъ разнообразіемъ дѣлъ и заботъ, что онъ долженъ во имя ихъ отрѣшиться отъ личной жизни, то причина этого лежитъ исключительно въ недостаточности интеллигентныхъ силъ въ

---

[1]) А. Н. Страннолюбскій полагаетъ, что въ теченіе 260 лѣтъ, при условіи, что каждый годъ будетъ основываться вновь не менѣе 2.250 школъ.

деревнѣ и сильномъ запросѣ на нихъ съ ея стороны. Когда же интеллигенція хоть сколько-нибудь удовлетворитъ этому запросу, дѣло служенія народу перестанетъ быть подвигомъ; если оно не дастъ интеллигенціи тысячныхъ окладовъ, то дастъ ей зато болѣе цѣнное благо: душевный покой и сознаніе, что жизнь проходитъ не даромъ" [1]).

Намъ случалось говорить, что въ сущности въ этомъ дѣлѣ нельзя разсчитывать на „подвигъ". Очевидно, что деревня въ ея нынѣшнемъ положеніи могла бы вознаградить трудъ врача, учителя, адвоката, агронома и т. д. только минимальнымъ образомъ, и отдать себя на служеніе ей могутъ только отдѣльныя лица, способныя на „подвигъ",—если только къ этому не будутъ приняты спеціальныя мѣры и въ помощь деревнѣ не даны будутъ средства правительствомъ и земствомъ. Притомъ для того, чтобы интеллигенція могла отправиться въ деревню, нужно, чтобы сама деревня почувствовала въ этомъ надобность. До сихъ поръ отношенія деревни къ подобнаго рода интеллигентной помощи чрезвычайно неопредѣленны: появленіе образованнаго человѣка въ деревнѣ продолжаетъ по старой памяти возбуждать недовѣріе,— въ немъ видятъ или чиновника и соглядатая, или подозрительнаго человѣка; нужны особыя условія или долгое время, чтобы деревня свыклась съ подобнаго рода вмѣшательствомъ въ ея дѣла. Печальные примѣры послѣдней эпидеміи и голода достаточно показали, сколько недовѣрія таится до сихъ поръ въ обитателяхъ деревни ко всему, что приходитъ въ нее изъ города отъ привилегированнаго класса: частная помощь принимается за казенный паёкъ, медицинская помощь ведетъ къ бунту и т. п. Очевидно, что мы встрѣчаемся здѣсь съ результатомъ вѣкового безправнаго состоянія сельскаго населенія, отъ чего оно не успѣло отвыкнуть даже послѣ освобожденія, а также съ результатомъ крайняго невѣжества: намъ говорятъ, будто деревня не только не чуждается, но *ищетъ* раціональнаго пособія науки, но, къ сожалѣнію, факты до сихъ поръ мало подтверждаютъ это. Однимъ словомъ, дѣло служенія деревнѣ не такъ просто, какъ оно представляется нашему автору, и для нѣсколько здравой постановки дѣла нужно, чтобы не только интеллигенція предлагала „безкорыстную преданность" (которой не можетъ быть достаточно для всей народной массы), но чтобы и сама деревня искала этой помощи, а кромѣ того нужно, чтобы появленіе образованнаго человѣка въ деревнѣ не вызвало затрудненій еще съ другой, непредвидѣн-

[1]) Тамъ же, № 7, стр. 155.

ной авторомъ стороны, именно съ полицейской. Примѣры такихъ затрудненій бывали, и это обстоятельство можетъ стать весьма существеннымъ неудобствомъ,—потому и имѣютъ такую важность формы общественности.

По словамъ г. Ан-скаго, эти общія черты программы народничества изложены были въ произведеніяхъ Елисеева, Успенскаго, Златовратскаго, В. В., Михайловскаго и „прежняго" Толстого: въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ народничество „заняло первенствующее мѣсто въ ряду другихъ направленій и легло въ основу стремленій лучшей части русской интеллигенціи", но потомъ явились новыя теченія, которыя пытались увлечь это направленіе совсѣмъ въ иную сторону. По словамъ автора, жизнь общества еще съ половины шестидесятыхъ годовъ начала опускаться: „въ жизнь интеллигенціи ворвались смута, предательство, погоня за наживой; свѣтлые идеалы 60-хъ гг. постепенно сжигались. Жизнь съ каждымъ годомъ становилась тускнѣй; каждый день приносилъ новое разочарованіе". Въ это безотрадное время явилось новое направленіе, которое стало низводить роль интеллигенціи относительно народа на почву самой узкой практичности; къ этому подоспѣлъ Л. Н. Толстой съ ученіемъ о непротивленіи злу, съ отрицаніемъ цивилизаціи и умственнаго труда въ пользу труда физическаго и личнаго нравственнаго совершенствованія. Нашлось нѣсколько человѣкъ, которые, послѣдовавши этому ученію, отказались отъ культурной жизни и взялись за физическій трудъ, но, кромѣ того, „къ ученію Толстого присосѣдились и „народники-практики", которые, по своей безъидейности и умственной растерянности, сами не имѣли опредѣленной почвы подъ ногами и теперь, ободренные авторитетомъ Толстого, стали съ непростительной грубостью и недомысліемъ топтать въ грязь тѣ самые идеалы и принципы, во имя которыхъ дѣды и отцы ихъ начали дѣло служенія народу". За десять лѣтъ своего существованія, это направленіе, по словамъ автора, не могло привлечь къ себѣ, кромѣ Толстого, ни одной крупной силы изъ общества и литературы. „Но зато оно внесло въ сознаніе общества такой безпорядокъ и смуту, какихъ не вносило ни одно направленіе, даже самое реакціонное. Смѣшались во-едино всѣ направленія, свой своего пересталъ узнавать, и подъ словомъ „народничество" въ обществѣ стали понимать какой-то дикій вандализмъ: абсолютное отрицаніе науки, искусства, цивилизаціи, интеллигенціи и здраваго смысла. Печать стала смѣшивать и ставить рядомъ: Успенскаго, Юзова, В. В., Златовратскаго, Абрамова, Михайловскаго, Толстого, новѣйшихъ славянофиловъ и т. д. Но подоб-

ное недоразумѣніе, конечно, долго продолжаться не можетъ. Пройдетъ тяжелое время—и истинное народничество, самое жизненное и единственно возможное и справедливое направленіе въ странѣ, гдѣ $^9/_{10}$ населенія — земледѣльцы, станетъ опять преобладающимъ направленіемъ русской жизни".

Замѣтимъ одно, что неудовольствіе автора противъ печати, которая стала смѣшивать перечисленныя имъ имена, не совсѣмъ справедливо. Сами народники (какъ мы могли видѣть и въ настоящемъ случаѣ) то, напримѣръ, причисляютъ г. Златовратскаго къ своимъ, то нѣсколько отстраняютъ его; г. Юзова они какъ будто считаютъ наговорившимъ много лишняго, но самъ г. В. В. относился къ его ошибкамъ довольно снисходительно, и т. д., и если мы въ настоящихъ статьяхъ г. Ан-скаго находимъ, что „формы народной жизни, *наиболѣе расходящіяся* съ культурными тенденціями, могутъ, при правильномъ развитіи, дать народу строй жизни гораздо болѣе полный, высокій и разумный, чѣмъ строй культурный", то именно подобное говорилъ и г. Юзовъ. У всѣхъ названныхъ г. Ан-скимъ писателей находится вообще много различныхъ точекъ соприкосновенія, которыя самими народниками никогда не были достаточно выдѣлены, такъ что смѣшеніе было не только возможно, но неизбѣжно.

IV.

Все вышеизложенное составляетъ у г. Ан-скаго введеніе къ настоящему предмету его изслѣдованія—къ опредѣленію прошлаго и нынѣшняго состоянія народной литературы. Этотъ важный вопросъ занималъ въ послѣднее время многихъ ревнителей этой литературы: не говоря о тѣхъ, кто прямо работаетъ для нея, цѣлый рядъ друзей народа отдается изслѣдованію того, насколько тотъ или другой родъ народной книжки отвѣчаетъ дѣйствительнымъ потребностямъ народа и способствуетъ его умственному, нравственному и эстетическому развитію. Назовемъ, кромѣ настоящей работы г. Ан-скаго, книжки и статьи гг. Пругавина, г-жи Некрасовой, г. Маракуева, Рубакина, обширную книгу: „Что читать народу?" и т. д. Статья г. Ан-скаго представляетъ довольно полный обзоръ взглядовъ, существующихъ теперь относительно этого предмета, и заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что народники заявляютъ себя главными спеціалистами по заботамъ о народномъ развитіи. Мы остановимся, впрочемъ, только на немногихъ пунктахъ его изложенія.

Прежде всего г. Ан-скій различаетъ въ представленіи о „народѣ“ два совершенно различные класса, а именно собственный, настоящій народъ, живущій въ деревнѣ и занимающійся земледѣліемъ, и другой классъ, все болѣе возростающую массу людей, порывающихъ связь съ землей и крестьянской жизнью: это — кулаки, разные мелкіе служащіе у промышленниковъ и землевладѣльцевъ и классъ рабочихъ. Эти послѣдніе, по словамъ Успенскаго, „уходя изъ одного общества въ другое, не вносятъ въ него ничего *своего*, а обречены — по крайней мѣрѣ на долгіе годы—подчиняться тому, что̀ Богъ нанесетъ на нихъ, или что̀ само на нихъ набѣжитъ“. Нашъ авторъ находитъ, что этотъ слой народа успѣлъ уже отчасти привиться къ культурному обществу и „въ концѣ концовъ сольется съ нимъ, перенявъ всѣ формы его жизни“; между прочимъ, рабочіе и „отщепенцы деревни“, какъ называетъ ихъ г. Ан-скій, отличаются отъ деревенскаго народа и гораздо бо̀льшимъ развитіемъ грамотности (имѣя возможность дольше оставлять дѣтей въ школѣ, а также и сами болѣе нуждаясь практически въ грамотѣ). Дальше нашъ авторъ объясняетъ, что только этотъ классъ и способенъ воспринимать, въ той или другой мѣрѣ, такъ называемую имъ „интеллигентную“ литературу, между тѣмъ какъ собственно деревенскому народу она остается чужда, онъ ея не ищетъ и не понимаетъ.

Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать одну оговорку. Несмотря на массу изслѣдованій, экономическихъ и этнографическихъ, направляющихся на изученіе народной жизни, есть одинъ весьма важный вопросъ, до сихъ поръ, однако, очень мало выясненный; этотъ вопросъ заслуживалъ бы спеціальнаго изслѣдованія и разъясненіе его могло бы быть полезно во многихъ отношеніяхъ, между прочимъ и въ настоящемъ. Это — вопросъ о степени сохранности всякаго народнаго преданія и въ томъ числѣ крупныхъ и мелкихъ культурныхъ формъ быта. Обыкновенно предполагается (и народниками въ особенности), что настоящій деревенскій, земледѣльческій народъ, пребывающій подъ „властью земли“, твердо охраняетъ свои „устои“, нравственные и бытовые (въ томъ родѣ, какъ ихъ краснорѣчиво описывалъ г. Златовратскій), и полагается, что онъ и долженъ остаться такимъ, сохраняя эти „устои“ и только усовершенствовавъ ихъ „цивилизаціей въ чистомъ смыслѣ слова“. Однимъ словомъ, рисуется въ воображеніи завлекательная идиллія патріархальнаго земледѣльческаго быта, усвоившаго блага цивилизаціи вдалекѣ отъ испорченности города и „интеллигенціи“. Не знаемъ, осуществится ли когда-нибудь эта идиллія; но на дѣлѣ надо, кажется, ожидать

явленій другого рода, результатомъ которыхъ едва ли будетъ ожидаемая идиллія... Этнографы и любители народной поэзіи давно уже, почти съ первыхъ шаговъ своего собирательскаго труда, жаловались на быстрое исчезновеніе народной старины. Эти жалобы были постоянны и въ концѣ концовъ установилось наблюденіе, что дѣйствительно въ народной поэзіи и преданіи давно уже совершается поворотъ, который является упадкомъ, такъ какъ на мѣсто старыхъ, нерѣдко или даже большею частью прекрасныхъ произведеній поэтической старины, являются позднѣе гораздо болѣе отрывочныя, блѣдныя, наконецъ просто пошлыя произведенія новѣйшей народной музы. Въ самомъ дѣлѣ, въ современномъ обращеніи уже совсѣмъ исчезли многія прекрасныя пѣсни, извѣстныя по старымъ сборникамъ; кромѣ отрывочныхъ остатковъ, исчезли цѣлые отдѣлы старой поэзіи, какъ наша былина, какъ малорусская дума, и взамѣнъ деревня наводняется цѣлою массою пѣсенъ новѣйшаго издѣлія, фабричнаго, трактирнаго, солдатскаго и лакейскаго. Этнографы недавняго времени, отвергая съ пренебреженіемъ эти пѣсни, употребляли свои усилія на то, чтобы собрать и сохранить лучшее изъ народной поэзіи: имъ приходилось убѣждаться въ окончательномъ исчезновеніи многаго изъ прекрасной старины и выискивать ея остатки все въ болѣе далекихъ захолустьяхъ, незатронутыхъ городомъ и желѣзной дорогой. Оказывается, однако, что старина начинаетъ падать даже въ такихъ укромныхъ и глухихъ мѣстахъ, какъ олонецкая губернія, еще недавно доставившая намъ грандіозную древнюю былину: новѣйшіе путешественники разсказываютъ, что, благодаря торговымъ и рабочимъ связямъ съ городами, и тамъ въ самомъ коренномъ крестьянскомъ быту являются нововведенія бытовой обстановки, новыя пѣсни и вмѣсто старыхъ плясокъ новый „ланцьетъ“. Всѣ наблюдатели согласно говорятъ, что обыкновенно приверженцы новизны оказываются въ молодомъ поколѣніи; очень часто молодежь даже не знаетъ старыхъ пѣсенъ и на просьбу спѣть пѣсню предложитъ сначала новѣйшій, по-деревенски изуродованный романсъ, удивляясь, что собиратель ищетъ именно старыхъ. Понятно, что эта нынѣшняя молодежь подъ старость будетъ знать только немногіе обрывки той старины, какую еще знали дѣды и отцы. Любопытно при этомъ и другое явленіе: эта страсть къ новизнѣ довольствуется самыми дюжинными, даже совсѣмъ плохими образчиками этой новизны и тѣмъ не менѣе предпочитаетъ ихъ новый *стиль* прекрасной старинѣ... Къ сожалѣнію, какъ мы сказали, основы и размѣры этого явленія до сихъ поръ очень мало изслѣдованы, хотя оно бросается въ глаза;

но несомнѣнно, что въ народной жизни совершается процессъ перехода отъ стараго къ чему-то новому, и очевидно также, что упадокъ старой поэзіи есть только одинъ изъ признаковъ этого явленія, которое должно распространяться и на другія области народной мысли и быта.

Въ общемъ возникновеніе этого процесса понятно. Жизнь не можетъ останавливаться, не можетъ не приносить новыхъ впечатлѣній, эти впечатлѣнія не могутъ не отзываться на понятіяхъ и бытѣ. Явленіе упадка народной поэзіи замѣчено было еще тогда, когда народная жизнь находилась, повидимому, въ полной неподвижности, создаваемой консервативными учрежденіями, крѣпостнымъ правомъ, слабымъ развитіемъ промышленности, отсутствіемъ школы и—состояніемъ путей сообщенія. Въ новѣйшее время является, напротивъ, цѣлая масса новыхъ условій, которыя съ разныхъ сторонъ вмѣшиваются въ народную жизнь, не оставляя нетронутымъ ни одного уголка: освобожденіе крестьянъ, новые суды, земскія учрежденія, воинская повинность, возникающая школа, постоянно возростающая сѣть желѣзныхъ дорогъ. Можно думать, что новизна всякаго рода, не только дурная, но отчасти вѣроятно и хорошая, будетъ распространяться въ народной средѣ гораздо больше, чѣмъ было до сихъ поръ... Во всякомъ случаѣ это обстоятельство не можетъ не быть принято въ соображеніе, когда ставится вопросъ о будущемъ устройствѣ народной жизни и народной литературы.

Ставя вопросъ объ этой послѣдней, г. Ан-скій останавливается прежде всего на „народномъ читателѣ“ и переходитъ затѣмъ къ народной школѣ. Деревенскія школы настоящаго времени представляютъ нѣсколько типовъ: земскія, министерскія, церковно-приходскія и крестьянскія „школы грамотности“.

Въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ, — говоритъ авторъ,—когда интеллигенція, а потомъ земства съ такимъ жаромъ взялись за дѣло народнаго образованія, на школу возлагались очень большія надежды, ей предъявлялись широкія задачи. Отъ нея ждали не сухой грамоты, которой одной не придавали тогда никакого значенія, а развитія въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова: ждали, что она будетъ развивать въ учащихся духъ гуманности, уваженія къ справедливости и закону, откроетъ народу глаза на его жизнь, на жизнь другихъ людей, наконецъ на весь міръ. Были даже попытки поставить школу на такую высоту, чтобы она могла, какъ выразился Гл. Успенскій, „прямо, смѣло и широко касаться самыхъ жгучихъ общественныхъ вопросовъ, до которыхъ додумалась и дошла человѣ-

ческая всескорбящая мысль въ ту минуту, которую мы переживаемъ".

„Но всѣ эти ожиданія, даже одинокія попытки, не дали никакихъ результатовъ: земская школа въ отношеніи развитія народа почти ничего не сдѣлала. Какъ раньше, такъ и теперь она давала и даетъ своимъ питомцамъ одну лишь грамоту, не касаясь ихъ души ни новыми свѣтлыми взглядами, ни здравыми понятіями, которыя могли бы быть внесены въ жизнь деревни. Даже тѣ крошки и лоскутки знанія, передаваемые народу нѣкоторыми педагогами въ краткихъ учебникахъ,—встрѣченныхъ, кстати сказать, градомъ обвиненій и доносовъ,—тоже какъ-то не акклиматизировались въ крестьянской средѣ, гдѣ и теперь царитъ глухая, полная нелѣпыхъ предразсудковъ, темнота" [1]).

Главной причиной этой безуспѣшности школы авторъ считаетъ „основныя условія крестьянской жизни", ограничивающія пребываніе ученика въ школѣ тремя годами, а школьный возрастъ вообще пятью годами, отъ 7 до 12: понятно, что въ этомъ періодѣ трудно и научиться чему-нибудь серьезному, и пріобрѣсти что-либо кромѣ простой грамотности, при томъ поверхностной, потому что съ учениками случаются даже рецидивы безграмотства. Разсуждая дальше объ этомъ предметѣ, авторъ говоритъ, что недостатки земской школы, которая есть все-таки лучшая изъ всѣхъ, приписывались иными только неумѣлости и халатности земства и интеллигенціи; „но мы,—говоритъ онъ,—склонны видѣть причину ихъ скорѣе въ тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, которыя съ перваго возникновенія земской школы стремились ограничить дѣятельность земствъ и интеллигенціи въ этомъ дѣлѣ" [2]). И это, безъ сомнѣнія, справедливо: жаль только, что въ своихъ разсужденіяхъ объ отношеніяхъ интеллигенціи и народа, авторъ, какъ и другіе народники, упускаетъ изъ виду этотъ фактъ, которому, однако, именно принадлежитъ здѣсь рѣшающее вліяніе! Точно также, приведенныя имъ выше слова Успенскаго могутъ указать, что тѣ мысли, которыя авторъ считаетъ открытіемъ народничества, были давно извѣстны.

Не будемъ останавливаться на свѣденіяхъ, приводимыхъ авторомъ относительно количества и качества народныхъ школъ, и ограничимся только общимъ выводомъ, который составилъ авторъ на основаніи наблюденій покойнаго барона Корфа, князя Шаховского и другихъ относительно средняго уровня деревенской грамотности. „Наиболѣе часто встрѣчающійся народный грамо-

[1]) Тамъ же, № 7, стр. 162.

[2]) Стр. 163. Авторъ перечисляетъ, на основаніи „Русской Мысли" (1891, № 1, Внутреннее Обозрѣніе), цѣлый рядъ относящихся сюда административныхъ мѣръ.

тѣй,—говоритъ г. Ан-скій,—читаетъ медленно, съ запинкой, безъ яснаго пониманія знаковъ препинанія. Пониманіе прочитаннаго даже въ легкой книжкѣ дается съ нѣкоторымъ трудомъ. Съ литературными формами онъ знакомъ лишь насколько онѣ встрѣчаются въ лубочной литературѣ" [1]).

Эти выводы, къ сожалѣнію, вѣроятно совершенно справедливы; мы не находимъ указаній о томъ, какими средствами нашъ авторъ или вообще народничество считали бы возможнымъ помочь этому положенію вещей. И если самъ авторъ, какъ мы видѣли, одну изъ главныхъ причинъ недостаточности школы находилъ въ „основныхъ условіяхъ" народной жизни, а за основныя условія народничество именно крѣпко держится, то дѣло является непоправимымъ навсегда: народъ, не получая даже хорошей грамотности, не въ состояніи будетъ когда-либо пріобрѣсти ту „цивилизацію въ чистомъ смыслѣ слова", о которой была рѣчь выше. На дѣлѣ вопросъ едва ли такъ безнадеженъ: для крестьянскихъ дѣтей можетъ все-таки найтись досугъ и свыше 12-лѣтняго возраста, чтобы продолжать школу, какъ сами земскія и городскія школы не имѣли бы ничего противъ расширенія своихъ курсовъ. Вопросъ сводится, слѣдовательно, не къ народу и не къ „интиллигенціи", а къ общему административному положенію вещей.

Третья, глава изслѣдованія посвящена тому, что̀ авторъ называетъ „лубочной литературой", и до крайности неудовлетворительна; странно видѣть, что писатель изъ среды тѣхъ, которые ставятъ себѣ спеціальной задачей изученіе народа, не имѣетъ понятія о томъ, что̀ сдѣлано было до сихъ поръ относительно народной литературы. Г. Ан-скій почерпаетъ свои свѣденія изъ г. Пругавина, изъ книжечки г. Маракуева, и видимо не подозрѣваетъ существованія книги Д. А. Ровинскаго, не говоря о томъ, что онъ не справился даже съ тѣмъ, что̀ есть въ учебникахъ Галахова и Порфирьева [2]).

---

[1]) Тамъ же, № 7 стр., 174.

[2]) То, что говорится здѣсь о „до-Петровской" народной книгѣ, объ „оригинальной крестьянско-лубочной литературѣ", появляющейся съ тридцатыхъ годовъ, о литературѣ „отщепенской" и т. д., есть только одна путаница. Напримѣръ: „Часто лубочники берутъ и для этихъ произведеній историческіе сюжеты, искажая, конечно, историческую правду самымъ невозможнымъ образомъ. Къ этому отдѣлу съ полнымъ правомъ могутъ быть причислены всѣ „Оракулы", „Сонники", „Гадальщики" и тому подобный репейникъ, цѣпляющійся за всякое невѣжество" („Р. Богатство", № 8, стр. 146). Такимъ образомъ „Сонникъ" оказался исторической книгой. „Милордъ Георгъ" отнесенъ къ 1830-мъ годамъ, когда онъ ходитъ въ народъ еще со второй половины прошлаго столѣтія. Въ „лубочную" литературу отнесены памятники древней пись-

Четвертая глава излагаетъ „практическую дѣятельность интеллигенціи въ дѣлѣ народной литературы". Указавъ въ немногихъ словахъ то, чтò сдѣлано было въ этомъ отношеніи до освобожденія крестьянъ, авторъ довольно подробно и болѣе или менѣе отчетливо разсказываетъ о тѣхъ изданіяхъ для народа, какія предпринимались послѣ 1861 года или въ видѣ спеціальныхъ сочиненій для народа, или въ видѣ дешевыхъ изданій изъ общей литературы, предназначенныхъ для народнаго чтенія. Изданія для народа дѣлались какъ отдѣльными предпринимателями, такъ и обществами, каковы, напр., коммиссіи народныхъ чтеній, комитеты грамотности въ Москвѣ и въ Петербургѣ, фирма „Посредникъ" и др. Особенное значеніе во всемъ, чтò сдѣлано было для народной литературы, авторъ придаетъ книжкамъ гр. Л. Н. Толстого (прежней его манеры) и изданіямъ фирмы „Посредникъ" (съ 1884 г.). „Изданія „Посредника" первыхъ 3—4 лѣтъ отличались отъ другихъ народныхъ изданій тѣмъ, что, во-первыхъ, почти всѣ они были написаны спеціально для народа и (за исключеніемъ двухъ-трехъ) изъ крестьянской жизни; во-вторыхъ, въ нихъ не было тенденцій, направленныхъ на то, чтобы поднять народъ до уровня культурной жизни (напротивъ, тенденціи ихъ, правильно или нѣтъ, но выставлялись именно—какъ устои самого народа); и, въ-третьихъ, всѣ они, по легкости языка и несложности фабулы, совершенно подходили къ уровню развитія и грамотности средняго крестьянскаго читателя. Кромѣ того, фирма, приблизивъ внѣшность своихъ изданій къ типу лубочныхъ изданій, нашла возможнымъ удешевить ихъ до крайняго минимума" [1]). Авторъ называетъ громадныя цифры, въ которыхъ расходились изданія гр. Толстого и фирмы „Посредникъ"; указываетъ, какъ по этому примѣру оживились изданія другихъ лицъ и обществъ, какъ въ то же время стали изучать самый вопросъ о народной литературѣ, о томъ, чтò читать народу, какова должна быть книга для народа, какъ составлялись программы для собиранія свѣденій о народной литературѣ, собирались самыя свѣденія и т. д. „Распространеніе народныхъ изданій сдѣлалось какъ бы святымъ долгомъ многихъ интеллигентныхъ людей, изъ среды которыхъ нѣкоторые собирались даже взяться разносить книги по селамъ и деревнямъ. Кое-кто, вѣроятно, и собрался"... „Народъ сталъ прямо съ рынка покупать и съ удовольствіемъ читать новую книжку; общество, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, горячо взя-

---

менности и т. п. Впрочемъ и г. Пругавинъ, разбиравшій эту литературу, также не умѣлъ въ ней разобраться.

[1]) Тамъ же, № 9, стр. 174.

лось за составленіе, изданіе и распространеніе книгъ, за устройство чтеній, библіотекъ, складовъ. Столь же горячо откликнулась и печать на этотъ вопросъ, посвятивъ ему много мѣста и вниманія" [1]).

Но, по словамъ г. Ан-скаго, это держалось не долго. Такъ же внезапно началось съ 1888 года охлажденіе народа, общества и печати къ новой литературѣ.

Сводя содержаніе литературы для народа, г. Ан-скій считаетъ возможнымъ раздѣлить ее на три группы: 1) книги нравоучительныя; 2) культурно-воспитательныя и 3) прогрессивно-крестьянскія. Первыя не имѣли никакого вліянія на развитіе народа и мало въ немъ распространены. Остаются въ ходу книги двухъ послѣднихъ разрядовъ; авторъ подразумѣваетъ подъ ними (съ его точки зрѣнія) съ одной стороны тѣ, въ которыхъ интеллигенція желаетъ дѣйствовать на народъ распространеніемъ тѣхъ произведеній художественной литературы, какія признаются для него доступною, и съ другой стороны тѣ, которыя написаны спеціально для народа въ духѣ его „устоевъ", съ содержаніемъ изъ народной жизни и на народномъ языкѣ. Припомнимъ, что выше авторъ разжаловалъ интеллигенцію изъ роли воспитателя и предоставилъ ей только роль „помощника-просвѣтителя": къ этимъ двумъ разрядамъ авторъ сводитъ и литературу для народа. Первый предполагается исполняющимъ роль воспитательную, и по взгляду автора долженъ быть отвергнутъ, какъ не отвѣчающій народнымъ нуждамъ и „устоямъ". Остается только второй, какъ отвѣчающій этимъ требованіямъ и единственный доступный и нужный для народа. Для наибольшаго разъясненія предмета, авторъ счелъ нужнымъ сдѣлать обзоръ мнѣній печати о народной литературѣ. Это составило содержаніе его пятой главы.

Мы не будемъ слѣдить за этимъ обзоромъ, гдѣ авторъ приводитъ нѣкоторыя мнѣнія Добролюбова, Писарева, Водовозова, г. Скабичевскаго и др. Этотъ обзоръ, въ сущности, не совсѣмъ полонъ; но авторъ счелъ его достаточнымъ для своей цѣли показать, какъ расходились мнѣнія печати въ особенности по вопросу о томъ, насколько можетъ быть пригодна для народа наша художественная литература. Вообще, авторъ раздѣляетъ новѣйшихъ писателей, говорившихъ объ этомъ предметѣ, на три группы: по его терминологіи, это—радикалы, либералы и народники; радикалы бывали нѣсколько правы, но не совсѣмъ; либералы (они же приверженцы мнѣнія, что интеллигенція должна „воспитывать"

[1]) Тамъ же, стр. 178—179.

народъ) питаютъ грубыя заблужденія, а народники все понимаютъ очень хорошо. Было бы долго останавливаться на приводимыхъ образчикахъ мнѣній всѣхъ трехъ разрядовъ; довольно сказать, что выбранныя рубрики и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, довольно натянуты, и еслибы даже онѣ существовали дѣйствительно, то можно было бы замѣтить, что во всѣхъ трехъ группахъ одинаково бывали люди разсудительные и во всѣхъ группахъ бывали люди поверхностные: писатели, которыхъ авторъ причисляетъ къ либераламъ и обыкновенно осуждаетъ, говорили и вещи весьма разумныя, и наоборотъ, патентованные народники бывали фантазерами. И снова оказывалось, что тѣ существенные выводы о народной литературѣ, которые г. Ан-скій признаетъ вѣрными и принадлежащими народникамъ, были весьма ясно намѣчены еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Разница лишь въ томъ, что тогда было меньше фактовъ для сужденія о предметѣ, а основа взгляда была та же самая. Наконецъ, если ужъ собирать рубрики литературныхъ и общественныхъ взглядовъ, автору не слѣдовало забыть одной, весьма существенной: есть еще „консерваторы", къ которымъ примыкаютъ и прямые обскуранты. Авторъ напрасно забываетъ объ ихъ существованіи, потому что они многочисленнѣе и фактически сильнѣе всѣхъ либераловъ, радикаловъ и народниковъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Само собою разумѣется, что о народной литературѣ высказывались весьма разныя мнѣнія, судили о ней вкривь и вкось, причемъ мнѣнія этого послѣдняго разряда высказывались не только писателями, которыхъ нашъ авторъ зачисляетъ въ противниковъ народничества, но и самими народниками. Мнѣнія о народной литературѣ, высказанныя за послѣднія тридцать лѣтъ, г. Ан-скій сводитъ къ тремъ категоріямъ:

„Почти все, созданное до сихъ поръ нашими художниками, непригодно и недоступно народу. Съ другой стороны, писать спеціально для народа тоже невозможно и безполезно. Поэтому, народную литературу можно ждать лишь въ будущемъ, когда литература интеллигенціи станетъ общенародной.

„Народу иной литературы, кромѣ общественной, не нужно. Она для него вполнѣ пригодна,—и весь вопросъ лишь въ томъ, какъ сдѣлать эту литературу понятной народу по формѣ и языку и доступной по цѣнѣ.

„Литература общества, ни теперь, ни въ близкомъ будущемъ, пока жизнь и интересы народа и общества будутъ діаметрально противоположны, не можетъ быть ни доступна, ни пригодна народу: выражая интересы и запросы общества, она не

можетъ быть доступной и интересной крестьянину, которому нужна книга объ его собственной жизни. Поэтому единственный путь къ созданію народной литературы—это спеціально для народа писать ее [1]).

Противъ перваго изъ этихъ мнѣній авторъ не считаетъ нужнымъ много возражать. „Кромѣ того, что этотъ взглядъ теперь почти никѣмъ не поддерживается и, вообще, по существу не можетъ пока выражаться въ практической дѣятельности, — онъ достаточно опровергнутъ фактами послѣднихъ лѣтъ. Широкое и ростущее распространеніе нисколько не улучшающейся лубочной литературы заставляетъ интеллигенцію искать способовъ *сейчасъ* удовлетворить запросы народа на книгу, чтобы лубочный мусоръ не засорилъ еще больше его мысли. Съ другой стороны, быстрое распространеніе изданій нѣкоторыхъ интеллигентныхъ фирмъ послѣдняго десятилѣтія позволяетъ вѣрить, что интеллигенція можетъ дать народу книгу, которую тотъ приметъ". Поэтому авторъ намѣревается говорить только о двухъ послѣднихъ мнѣніяхъ.

Но первое изъ нихъ (приблизительно такъ высказывался нѣкогда Добролюбовъ) отвергнуто авторомъ нѣсколько поспѣшно. Очевидно, оно предполагаетъ въ будущемъ такое повышеніе уровня народныхъ понятій, при которомъ народу доступна будетъ та литература, какая доступна теперь среднему образованному обществу; при этомъ не загадывалось, что это будетъ очень скоро, и предполагалось только, что этотъ высшій уровень народнаго образованія желателенъ для блага самого народа. Самъ г. Ан-скій чувствуетъ, что вопросъ поставленъ именно такъ: онъ замѣчаетъ, что этотъ взглядъ *пока* не можетъ выражаться въ практической дѣятельности: но еслибы онъ могъ выражаться, народная литература получила бы совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ она имѣетъ до сихъ поръ; и то, что г. Ан-скій считаетъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ народной литературы (достигнутымъ трудами народничества) являлось бы лишь кое-какимъ временнымъ удовлетвореніемъ народной потребности, — чѣмъ оно дѣйствительно есть. Замѣтимъ, что взглядъ, отвергаемый г. Ан-скимъ, подразумѣвалъ, конечно, не одну художественную литературу, но и литературу общественныхъ и практическихъ знаній.

Разбирая далѣе вопросъ о „литературѣ общества для народа" (глава VI), авторъ обыкновенно упускаетъ изъ виду это послѣднее замѣчаніе и говоритъ исключительно о литературѣ художественной. Онъ вообще противъ усиленныхъ стараній пере-

---

[1]) Тамъ же, № 9, стр. 198.

нести въ народъ нашу художественную литературу, и мы отчасти согласны съ нимъ, что всего чаще эти усилія были бы или совершенно безплодны, или сомнительны и двусмысленны: всего чаще эта литература въ данную минуту будетъ для народа непонятна, неинтересна, даже смѣшна, въ родѣ того, какъ старому еврею въ разсказѣ г. Наумова смѣшно было читать Тургенева. Мы только разойдемся съ авторомъ въ объясненіи этого факта. Приверженцы этого взгляда соглашаются, что, конечно, не вся литература образованнаго общества можетъ быть прямо передана народу, а только наиболѣе простыя и популярныя произведенія. „По мнѣнію даже самыхъ крайнихъ писателей этого направленія, подобная передача возможна будетъ лишь тогда, когда народъ будетъ поднятъ до общества и уравненъ съ нимъ". Но эта надежда совершенно неосновательна. Для того, чтобы „вся наша литература" сдѣлалась родной и для народа, „народъ долженъ будетъ не только слиться съ обществомъ, но еще пройти всѣ тѣ ступени, которыя прошло общество, пережить всю его жизнь съ ея сомнѣніями, запросами, радостями и т. д., что даже органически невозможно. А безъ этого литература общества, если когда-нибудь и станетъ доступной народу, то останется ему совершенно чуждой по духу и не будетъ на него имѣть никакого вліянія. Можетъ быть, народъ когда-нибудь пойметъ Чацкаго, Рудина, Нежданова, — но они не наложатъ своей печати на жизнь народа, не проведутъ въ ней борозды, какъ въ жизни общества" [1]. Замѣтимъ мимоходомъ, что къ тому времени, когда можно бы ожидать подъема уровня народнаго образованія, сама литература несомнѣнно сближалась бы съ интересами народной жизни и народу не было бы надобности переживать старыя ступени литературы, какъ теперешнему молодому читателю вовсе нѣтъ надобности переживать Кантемира, Ломоносова и Державина. Но главное въ томъ, что, по взгляду г. Ан-скаго, составляющему, конечно, взглядъ цѣлой школы, поднять этотъ уровень и невозможно, и не нужно. Народъ и общество несоизмѣримы.

„Если, благодаря радикальному различію въ строѣ жизни, запросы и потребности народа и общества не только рѣзко расходятся между собой, но часто даже діаметрально противоположны,—то подобное же различіе между народомъ и обществомъ должно, конечно, существовать и въ пониманіи прекраснаго. Крестьянинъ получаетъ бо́льшую часть впечатлѣній непосред-

[1]) Тамъ же, № 9, стр. 201—202.

ственно отъ неподкрашенной природы; его нервы, воспитанные тяжелымъ физическимъ трудомъ, не измучены, не доведены до болѣзненнаго напряженія ни режимами, ни физическимъ бездѣльемъ, ни обиліемъ впечатлѣній, ни искусственными, часто противоестественными удовольствіями. Поэтому онъ непремѣнно долженъ совершенно иначе понимать красоту и художественность, чѣмъ человѣкъ изъ среды общества. Въ обыденной жизни мы встрѣчаемся съ этимъ различіемъ на каждомъ шагу: понятіе о физической красотѣ, вкусъ въ одѣяніи и т. п., и очень естественно, если прелестнѣйшее, высокохудожественное на нашъ взглядъ произведеніе покажется крестьянину, какъ выражается Толстой, по формѣ—наборомъ словъ, а по содержанію—презрѣнными пустяками, и если, съ другой стороны, онъ найдетъ поэзію, увидитъ красоту въ такихъ картинахъ и явленіяхъ, въ которыхъ общество совершенно не находитъ ни гармоніи, ни красоты. По наблюденіямъ Гл. Ив. Успенскаго, народъ находитъ неизсякаемый источникъ поэзіи въ неподкрашенной природѣ, особенно въ своемъ земледѣльческомъ трудѣ, прелести котораго ни для кого, кромѣ крестьянина-земледѣльца, недоступны" [1]. У Толстого это противоположеніе доведено до послѣдняго предѣла: онъ пришелъ къ отрицанію вообще тѣхъ формъ искусства, какія созданы обществомъ и считаются у насъ высшими. „Я убѣдился,—говоритъ онъ,—что лирическое стихотвореніе, какъ, напримѣръ: „Я помню чудное мгновенье", произведеніе музыки, какъ послѣдняя симфонія Бетховена,—не такъ безусловно и всемірно хорошо, какъ пѣсня о „Ванькѣ-Ключникѣ" и напѣвъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ", что Пушкинъ и Бетховенъ нравятся намъ не потому, что въ нихъ есть абсолютная красота, но потому, что Пушкинъ и Бетховенъ одинаково льстятъ нашей уродливой раздражительности и нашей слабости" [2]).

Эти соображенія утверждаютъ автора въ мысли, что художественная литература и не можетъ проникнуть къ народу и что единственный путь—создать народную литературу „изъ жизни народа и въ духѣ его коренныхъ земледѣльческихъ устоевъ", и задача этой литературы будетъ—„освѣтить народную жизнь и поднять ея коренные устои на высшую ступень" [3]), что̀ и намѣрено сдѣлать народничество.

Но какъ поднять эти устои? Нигдѣ авторъ не объяснилъ, какъ мы видѣли, въ чемъ эти устои заключаются и какъ они

---

1) Тамъ же, стр. 202, 208.

2) Тамъ же, № 9, стр. 189.

3) Тамъ же, № 9, стр. 189; № 10, стр. 44.

могутъ быть усовершенствованы; намъ только настойчиво повторяютъ, что они совершенно не похожи на устои культурнаго общества, даже имъ противоположны, наконецъ, что они только и истинны, а другіе ложны; Л. Н. Толстой дошелъ, какъ мы видѣли, даже до отрицанія искусства, выходящаго за первобытную народную ступень. Надо полагать, что народные устои тождественны или тѣсно связаны съ такъ называемою „властью земли"; они должны состоять, вѣроятно, въ извѣстныхъ техническихъ отношеніяхъ земледѣльческаго труда, а также въ извѣстномъ умственномъ и нравственномъ содержаніи. Очевидно, что должно быть поднято на высшую ступень то и другое: необходимость перваго указываетъ хроническій голодъ, истощеніе почвы первобытными пріемами земледѣлія; необходимость второго очевидна сама по себѣ и недавно подтверждена первостатейнымъ народникомъ въ драмѣ „Власть тьмы". Въ томъ и въ другомъ случаѣ усовершенствованіе возможно лишь однимъ путемъ: прямымъ распространеніемъ серьезныхъ знаній, о чемъ задумывались уже народные патріоты начала шестидесятыхъ годовъ, и распространеніемъ понятій нравственныхъ, чему должны бы служить или церковь, или книга—конечно, не механически, а сознательно понимаемая: еслибы это необходимѣйшее обученіе велось вполнѣ разумно, это и было бы подготовленіемъ къ пониманію обыкновенной литературы общества. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы поднять на высшую ступень народныя понятія, необходимо было бы расширеніе умственнаго горизонта, а вмѣстѣ съ этимъ уменьшилась бы сама собою та пропасть, какую намъ обыкновенно указываютъ между обществомъ и народомъ. Но если такъ, то напрасно было бы думать, что могли бы удержаться неприкосновенными такъ называемые „устои": въ обыкновенномъ смыслѣ и во всеобщей практикѣ народовъ деревенскіе устои, предоставленные самимъ себѣ, отличаются чрезвычайнымъ консерватизмомъ, оттого въ деревнѣ по преимуществу хранится всякая живая старина; почти неизмѣнно эта старина сопровождается безконечнымъ рядомъ суевѣрій и недружелюбнаго отношенія ко всякой новизнѣ. Очевидно, что первое прикосновеніе знанія должно будетъ затронуть устои съ этой стороны, и если не затронетъ ихъ, оно не исполнитъ своего дѣла, то-есть оставитъ народъ въ томъ же зловредномъ невѣжествѣ, въ какомъ онъ пребываетъ. Разумѣется само собою, что всякая разумная школа и всякая разумная, обращенная къ народу, книга будетъ относиться бережно и мягко къ патріархальному незнанію, но въ концѣ концовъ самое достоинство народа потребуетъ, чтобы эта мягкость не переходила въ

повтореніе тѣхъ абсурдовъ, которые еще живутъ въ народномъ обиходѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ самомъ народѣ будутъ появляться люди съ болѣе широкой любознательностью, для которыхъ не будетъ и не должна быть закрыта болѣе широкая школа; у нихъ преобразованіе понятій, получаемыхъ сначала изъ „устоевъ", пойдетъ, конечно, еще далѣе: гдѣ же такимъ образомъ будетъ то сохраненіе устоевъ, о которомъ намъ говорятъ? Перемѣна, несомнѣнно, произойдетъ, будемъ ли мы называть ее поднятіемъ „устоевъ", внесеніемъ въ нихъ „цивилизаціи въ чистомъ смыслѣ слова", какъ предпочитаютъ говорить народники, или поднятіемъ народа до уровня общества, какъ выражались ненавистные имъ „либералы", все равно. Во всякомъ случаѣ едва ли возможно сохраненіе рядомъ двухъ системъ понятій, исключающихъ другъ друга.

Въ другомъ случаѣ, если народная книга дѣйствительно будетъ строго держаться „устоевъ", трудно понять, какъ она освѣтитъ народную жизнь и возвыситъ устои. Въ одномъ мѣстѣ самъ авторъ признаетъ фальшивость поддѣлки подъ народные устои у того самаго писателя, котораго онъ такъ высоко ставитъ въ дѣлѣ народничества. Это—гр. Л. Н. Толстой. „Чтобы отождествить свои взгляды съ устоями народа, — замѣчаетъ г. Ан-скій, — Толстой говоритъ всегда устами отжившихъ стариковъ, воспитанныхъ *крѣпостничествомъ*, которое многими своими сторонами *близко подходитъ къ ученію Толстого* [1]). Съ перваго взгляда выходитъ какъ будто даже очень народно; но стоитъ пристальнѣе вглядѣться и окажется, что вмѣсто истинно народныхъ устоевъ, выработанныхъ коллективной вѣковой мыслью и совѣстью народа подъ властью земли, читателю преподнесены полумистическіе взгляды самого Толстого, подкрѣпленные крѣпостнической практикой, а то и просто положительнымъ авторитетомъ генія добра или отрицательнымъ авторитетомъ дьявола, которыхъ Толстой, Богъ вѣсть зачѣмъ, цѣлой арміей ввелъ въ свои народные разсказы" [2]).

Съ другой стороны, г. Ан-скій признаетъ, что литература общества, которой онъ не даетъ никакого мѣста въ народной средѣ, можетъ, однако, дѣлать свое полезное дѣло въ другомъ мѣстѣ. „Мы считаемъ ее высоко плодотворной и придаемъ ей громадное значеніе, но указываемъ только, что она направлена не вполнѣ туда, куда слѣдуетъ. Не въ деревню должна стремиться литература общества, а въ городскія школы, къ городскому про-

---

[1]) Очень жаль, что г. Ан-скій не вникнулъ подробнѣе въ эти мимоходомъ брошенныя слова.

[2]) Тамъ же, № 10, стр. 45, 46.

летаріату, въ рабочія и солдатскія казармы, къ мѣщанству и мелкому купечеству. Въ этой средѣ литература общества необходима и безъ труда привьется. Мы видѣли факты, что эти средніе между деревней и обществомъ слои народа не только принимаютъ охотно литературу общества, но сами даже ищутъ ея" [1]). То-есть, литература (хотя, конечно, съ извѣстными ограниченіями), оказывается возможною для извѣстной, болѣе грамотной части народа, потому что въ концѣ концовъ и тотъ слой, о которомъ говоритъ авторъ, также принадлежитъ къ народу.

Мы перебрали цѣлую вереницу мнѣній, высказанныхъ ревностными послѣдователями такъ называемаго народничества, и опять приходимъ къ заключенію объ его двойственномъ характерѣ: съ одной стороны, заслуживаетъ всякаго уваженія это ревностное стремленіе служить народу, оберегая притомъ его достоинства отъ насильственнаго вмѣшательства въ его внутренній міръ и стараясь найти разумное развитіе земледѣльческимъ основамъ его быта; но, съ другой стороны, поражаетъ эта путаница историческихъ и теоретическихъ понятій, вмѣстѣ съ туманнымъ представленіемъ о самомъ народномъ прогрессѣ. Народъ какъ-то странно выдѣляется отъ всего остального міра, между прочимъ и отъ тѣхъ общественно-политическихъ формъ, подъ которыми онъ живетъ вмѣстѣ съ „обществомъ" и съ самими народниками.

Мы останавливались такъ долго на этихъ подробностяхъ именно потому, что рѣчь идетъ о первостепенномъ вопросѣ народной жизни, и надо желать, чтобы мысли ревнителей народной пользы выработались въ болѣе простую и менѣе исключительную систему.

А. В—нъ.

---

[1]) Тамъ же, № 9, стр. 205.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

РАЗДУМЬЕ.

Томится духъ сомнѣньемъ и тревогой,
Сады надеждъ опалены тоской...
Иду пустынною и пыльною дорогой
И совѣсти шепчу неумолимо строгой:
—„Оставь меня! я жду, когда придетъ покой!

„Когда жъ конецъ волненьямъ и невзгодамъ?!
„Убогій прахъ покинуть навсегда
„Хочу скорѣй! скорѣй за синимъ небосводомъ
„Примкнуть къ мерцающимъ созвѣздій хороводамъ
„И созерцаньемъ жить, какъ ясная звѣзда!..“

Но совѣсть мнѣ изъ тайниковъ сердечныхъ,
Какъ властелинъ, отвѣтствуетъ:—„Молчи!
„Живи и будь рабомъ сомнѣній безконечныхъ,
„Отпоръ давай страстямъ, разгадку тайнъ предвѣчныхъ
„И Бога на землѣ—въ самомъ себѣ ищи!

„И Онъ лучомъ небеснаго сіянья
„Твоей души туманы озаритъ,
„Когда благословить съумѣешь ты страданье
„И, заглушивъ прибой грѣховнаго желанья,
„Духовная любовь въ тебѣ заговоритъ!

„Тогда найдешь отраду въ вѣчномъ спорѣ
„Добра и зла, спокойствіе въ борьбѣ,
„И свѣтъ во мглѣ ночной, и счастье въ лютомъ горѣ—
„И будутъ восходить немеркнущія зори,
„Смѣняясь чередой волшебною въ тебѣ!..“

II.

ВЕЧЕРЪ.

Еще горитъ закатъ багряный
Надъ безпредѣльной гладью водъ;
Съ востока-жъ тихо ночь плыветъ,
Ведя душистые туманы
И звѣздный хороводъ.

Грядою дымчато-лиловой
Въ прозрачно-розовой дали̂
Недвижно тучки залегли...
Безмолвенъ міръ—и сны готовы
Слетѣть на грудь земли...

Блестя опаловымъ отливомъ,
На берегъ стелется волна,
Мечтаньемъ сладостнымъ полна,
Иль вожделѣніемъ лѣнивымъ
Подъ обаяньемъ сна...

На берегу чуть шепчутъ ели,
Трепещутъ листья ивняка,
Да съ моря пѣсня рыбака,
Да съ луга нѣжный стонъ свирѣли
Звучатъ издалека̂!..

Сквозь дымку смутныхъ сожалѣній
Объ отходящемъ тихо днѣ
Горитъ восторгъ святой во мнѣ,
Вздымая волны пѣснопѣній
Въ душевной глубинѣ...

Хвала, хвала тебѣ, природа,
За несравненные дары:
И зорь багряные костры,
И безпредѣльность небосвода,
И пàжитей ковры!

За ласки вѣтра, лепетъ моря!
За то, что всѣмъ равно, какъ мать,
Даешь ты эту благодать,
Что не цѣной чужого горя
Я счастье могъ познать!..

Василій Величко.

НОВЫЯ ФОРМЫ
ХИЩЕНІЙ

— Le Capital, la spéculation et la finance au XIX siècle, par *Claudio Jannet*, professeur d'économie politique à l'Institut catholique de Paris. Paris, 1892. Стр. VI и 607.

Необычайный шумъ, возбужденный панамскимъ дѣломъ, представляетъ особый интересъ съ точки зрѣнія общественной психологіи. Факты, извѣстные всѣмъ въ отдѣльности, никого не волнуютъ и не возмущаютъ, пока о нихъ не заявлено публично, въ судѣ или съ парламентской трибуны; но тѣ же факты кажутся совершенно новыми и вызываютъ общее негодованіе, когда дѣлаются достояніемъ гласности. Съ давнихъ поръ люди поклоняются „золотому тѣльцу", гонятся за легкой наживой и чувствуютъ свое нравственное безсиліе передъ соблазнами крупныхъ кушей; и однако всѣ удивляются и негодуютъ, когда зло формально обнаружено и отдано на судъ общественнаго мнѣнія. Обвиняемые и заподозрѣнные по панамскому дѣлу могли бы, подобно гоголевскому городничему, обратиться къ негодующимъ со словами: „чего вы возмущаетесь? самими собою возмущаетесь!"

Наиболыше шумятъ и протестуютъ дѣятели и публицисты съ весьма эластическою совѣстью, участники буланжистской эпопеи, въ которой видную роль играли чужіе милліоны; о высокой честности и объ упадкѣ ея во Франціи горячо разсуждаютъ представители газетъ, принимавшихъ въ подарокъ цѣлые дома отъ желѣзно-дорожныхъ тузовъ и привыкшихъ считать взяточничество

весьма обыкновеннымъ и даже неизбѣжнымъ явленіемъ. Много разъ повторялись исторіи, подобныя панамской, въ разныхъ видахъ и формахъ, и каждый разъ публику волновали не столько самые факты, сколько разоблаченія, къ которымъ они давали поводъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ во французской палатѣ депутатовъ указано было на неправильность дѣйствій одного изъ главнѣйшихъ привилегированныхъ кредитныхъ учрежденій — „Crédit foncier", въ бюджетѣ котораго обращала на себя вниманіе огромная цифра расходовъ на прессу, свыше двухъ милліоновъ франковъ въ годъ. Тогда никто не поднималъ вопроса о продажности печати, хотя существованіе „секретныхъ фондовъ" въ бюджетахъ промышленныхъ компаній было уже предметомъ публичнаго обсужденія. Но дѣла „Crédit foncier" шли хорошо, и усвоенная имъ практика подкуповъ, въ видѣ затратъ на „publicité", могла продолжаться безнаказанно, не производя особеннаго впечатлѣнія на публику. Поль Дерулэдъ въ недавней парламентской рѣчи грозно уличалъ Клемансо въ полученіи значительной суммы (400 тысячъ фр.) для газеты „Justice" отъ извѣстнаго афериста Корнелія Герца, который въ 1885 году самъ разсказывалъ ему, Дерулэду, объ этой взяткѣ; позднѣе Герцъ говорилъ Рошфору, что онъ далъ Клемансо гораздо больше, до двухъ милліоновъ. Почему же пылкій и честный Дерулэдъ не вознегодовалъ тогда же, въ 1885 году, а отложилъ свое негодованіе на семь лѣтъ, до конца 1892 года? Не доказываетъ ли это, что самый фактъ полученія денегъ для бездоходной газеты представлялся ему тогда обычнымъ „коммерческимъ дѣломъ"? Поклонники генерала Буланже видѣли ясно, что ихъ излюбленный герой располагаетъ обширными средствами, добываемыми изъ какихъ-то невѣдомыхъ источниковъ, и однако это не мѣшало имъ выставлять его кандидатомъ на постъ правителя. Вліятельные политическіе дѣятели, на глазахъ всѣхъ, привлекаются къ участію въ промышленныхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ занимаютъ дорого оплачиваемыя синекуры, и этотъ замаскированный подкупъ никого не смущалъ до послѣдняго времени. Неминуемость крушенія панамской компаніи выяснилась уже съ половины восьмидесятыхъ годовъ; растрата громаднаго количества капиталовъ безъ пользы для дѣла не подвергалась уже никакимъ сомнѣніямъ, а съ іюня 1891 года начато было правительствомъ судебное слѣдствіе противъ администраціи, такъ что многочисленные акціонеры, потерявшіе свои сбереженія, имѣли до сихъ поръ достаточно времени для надлежащей нравственной оцѣнки дѣйствій Лессепса и его сотрудниковъ. Матеріалъ для негодованія

давно существуетъ; почему же оно выразилось только теперь, когда предпріятіе окончательно рухнуло?

Невольно приходится думать, что въ этомъ позднемъ взрывѣ добродѣтельныхъ чувствъ есть много лицемѣрія и фальши. Панамскія хищенія не вызвали бы, вѣроятно, столь громкихъ протестовъ, еслибы можно было разсчитывать на подъемъ цѣнности акцій или на окончаніе начатыхъ работъ въ недалекомъ будущемъ. Явныя злоупотребленія практиковались и при прорытіи суэзскаго канала, когда графъ Фердинандъ Лессепсъ пользовался еще могущественною протекціею императрицы Евгеніи. Извѣстно, напримѣръ, что по суэзскимъ акціямъ выдавался дивидендъ задолго до открытія канала, когда о доходахъ не могло быть еще и рѣчи; это было нѣчто въ родѣ прямого мошенничества, но публика не спрашивала, откуда брались деньги на раздачу дивиденда. Особенно странно видѣть, какъ снисходительно или свысока толкуютъ о французскихъ непорядкахъ патріоты чужихъ государствъ. Читая разсужденія нѣкоторыхъ газетъ о неподкупности ихъ собственныхъ публицистовъ, нельзя иногда не задать себѣ вопроса: не происходитъ ли эта добродѣтель отъ того, что нѣтъ охотниковъ искушать ее достаточно сильными соблазнами, въ видѣ капиталовъ въ сотни тысячъ франковъ? Въ иныхъ странахъ, особенно въ прежнее время, при успѣхѣ какого-нибудь промышленнаго домогательства или проекта, не возникало даже сомнѣнія въ томъ, что „дадено", и разногласія касались лишь вопроса о размѣрахъ уплаченной суммы; раздавать же деньги газетамъ не было и надобности, пока печать лишена значенія самостоятельной общественной силы. Гордиться неподкупностью журналистики, которую никто не пытается подкупать,—по меньшей мѣрѣ наивно. Притомъ есть такіе виды продажности, которые одинаково чужды всѣмъ націямъ: самый безцеремонный французскій листокъ, готовый восхвалять за деньги какое угодно промышленное предпріятіе, не согласится, конечно, продать себя иностранной державѣ, въ ущербъ интересамъ отечества. Неподкупность такого рода не есть уже заслуга, и хвастать ею было бы смѣшно. Атмосфера традиціонныхъ хищеній не можетъ благопріятствовать развитію истинной честности, и послѣдняя является скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ. Шаткость нравственныхъ принциповъ и понятій, боязнь публичности, привычка скрывать и замалчивать непріятные факты, господство низменныхъ житейскихъ идеаловъ,—все это не создаетъ почвы для процвѣтанія добродѣтели. Спеціально относительно французской печати необходимо замѣтить, что причиной ея нравственнаго упадка

служить отчасти промышленная организація газетнаго дѣла на акціонерныхъ началахъ: администраторы газетъ, назначенные собраніемъ акціонеровъ, обыкновенно хлопочутъ лишь объ увеличеніи дивиденда по акціямъ и не разбираютъ средствъ для достиженія этого результата, причемъ широко пользуются негласными доходами съ частныхъ промышленныхъ предпріятій, заинтересованныхъ въ поддержкѣ или молчаніи печати; поэтому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ нужно отличать администрацію газеты отъ ея редакторовъ и сотрудниковъ, которые далеко не всегда отвѣтственны за злоупотребленія лицъ, завѣдующихъ коммерческой стороной газетнаго дѣла.

Панамское дѣло кажется чѣмъ-то исключительнымъ и принимаетъ размѣры какой-то угрожающей бездны единственно только въ силу небывалаго, ничѣмъ не сдерживаемаго шума, которымъ оно окружено. Неограниченная свобода печати чрезвычайно усиливаетъ впечатлѣніе событій, подобно тому, какъ многократное, протяжное эхо придаетъ грозный, внушительный тонъ всякому звуку; разоблаченія, извѣстія и слухи, повторяемые сотнями и тысячами голосовъ, разносятся по міру, какъ раскаты грома. Для постороннихъ наблюдателей этотъ оглушительный трескъ лихорадочной газетно-парламентской компаніи знаменуетъ какъ будто неизбѣжную катастрофу, способную разрушить или подорвать весь существующій политическій строй Франціи; но въ дѣйствительности раскрытое зло не становится болѣе опаснымъ отъ того, что о немъ много шумятъ и что стараются освѣтить его со всѣхъ сторонъ для лучшаго и болѣе полнаго искорененія. Зло продажности представляло бы несравненно бо̀льшую опасность, еслибы оно было обезпечено отъ произвольныхъ разглашеній и могло дѣйствовать и развиваться безнаказанно въ обязательной полутьмѣ, подъ прикрытіемъ общественнаго молчанія, какъ это было, напр., при второй имперіи. Скрытая болѣзнь, которую удалось вогнать внутрь, истощаетъ организмъ гораздо вѣрнѣе и скорѣе, чѣмъ недугъ, проявившійся наружу и могущій быть устраненнымъ при помощи смѣлой операціи. Эта старая истина постоянно забывается людьми, привыкшими судить о значеніи и важности фактовъ по силѣ получаемыхъ отъ нихъ внѣшнихъ впечатлѣній.

Въ прежнее время хищничество въ общественныхъ дѣлахъ имѣло своимъ главнымъ предметомъ государственную казну и касалось непосредственно народной массы, какъ плательщиковъ податей: расхищались и исчезали казенные милліоны, создавались частныя богатства на казенный счетъ; государственныя имущества, земли и лѣса присвоивались вліятельными лицами; обога-

щались крупные подрядчики и откупщики, дѣлившіе добычу съ чиновниками. Этотъ грубый видъ хищеній всецѣло господствовалъ при старомъ режимѣ во Франціи, когда фаворитки и придворные кавалеры распоряжались государственнымъ достояніемъ и систематически разоряли народъ; населеніе, доведенное до нищенства, должно было добывать и отдавать милліоны на безумную роскошь какой-нибудь маркизы де-Помпадуръ, на забавы и фантазіи многочисленныхъ аристократовъ, сановниковъ и аферистовъ. Дѣло доходило до того, что при участіи двора устроивались компаніи для монопольной закупки хлѣба и продажи его по удвоеннымъ и утроеннымъ цѣнамъ, съ цѣлью обогащенія на счетъ народной нужды; а малѣйшая попытка разоблачить дѣйствія этого монопольнаго общества наказывалась заключеніемъ въ Бастилію, гдѣ виновный пропадалъ до конца жизни или до полнаго сумасшествія. Каковы бы ни были мнѣнія о знаменитомъ „pacte de famine“ [1]), но уже одна возможность участія королевской казны въ искусственномъ созданіи голода, ради выгодныхъ хлѣбныхъ спекуляцій, достаточно характеризуетъ старый порядокъ, который многими противопоставляется теперь нынѣшней французской „развращенной“ республикѣ. Темныя дѣла той эпохи облекались покровомъ государственной тайны и часто проходили незамѣченными для общества; но они были важнѣе и злокачественнѣе всѣхъ новѣйшихъ скандаловъ въ совокупности, ибо зависѣли отъ самой системы государственнаго организма, основанной на произволѣ и насиліи съ одной стороны, и на безправіи и безгласности — съ другой. Въ нѣкоторой части публики могли шопотомъ передаваться разные толки о ловкихъ продѣлкахъ и взяткахъ какого-нибудь министра, о способахъ употребленія и растраты казенныхъ суммъ, о назначеніи какого-нибудь завѣдомаго мошенника на видный правительственный постъ; но эти слухи и толки не выходили на свѣтъ божій и не мѣшали оффиціальнымъ фразамъ о благополучномъ состояніи государственныхъ дѣлъ. Обличители явныхъ хищеній исчезали тогда безповоротно, и не было никакихъ законныхъ преградъ для грабительства, поддерживаемаго могущественными вліяніями. Къ этому же разряду фактовъ относилась прочно установившаяся система подкуповъ при заключеніи договоровъ съ казною, при подрядахъ и поставкахъ всякаго рода, при снабженіи арміи провіантомъ особенно въ военное время, и т. п. Такое непосредственное обирательство народа пра-

---

¹) Ср. объ „обществѣ голодовки“ въ книгѣ Г. Е. Аѳанасьева: „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ“. Одеса, 1892, гл. XIV, стр. 249—298.

вительственными агентами и ихъ союзниками не существуетъ уже въ современной Европѣ; оно сдѣлалось почти немыслимымъ при постоянномъ публичномъ контролѣ, при свободѣ печати и при существованіи активной оппозиціи въ парламентахъ и въ общественномъ мнѣніи. Раскрытіе неправильныхъ дѣйствій администраціи влечетъ уже за собою не заключеніе обвинителя въ тюрьму, а паденіе самого министерства или строгое преслѣдованіе отдѣльныхъ нарушителей закона; добросовѣстные противники государственныхъ и административныхъ дѣятелей не только ничѣмъ не рискуютъ, но еще пріобрѣтаютъ популярность и пролагаютъ себѣ путь къ почетной политической карьерѣ.

Вытѣсненное изъ сферы государственнаго хозяйства, хищничество направилось въ другую сторону и приняло новыя, болѣе утонченныя формы; оно получило широкій просторъ въ области частной предпріимчивости, благодаря громадному развитію промышленной жизни и примѣненію усовершенствованныхъ способовъ собиранія капиталовъ и перехода ихъ изъ рукъ въ руки. Акціонерныя компаніи и кредитныя учрежденія, при извѣстной степени общественнаго довѣрія, могутъ легко сосредоточить въ своихъ кассахъ такіе запасы денежныхъ средствъ, какими въ былое время не располагали богатѣйшіе правители. Публика употребляетъ свои сбереженія на покупку какихъ-нибудь акцій не для того, чтобы дѣйствительно участвовать въ данномъ предпріятіи и способствовать правильному его веденію, а единственно для полученія прибыли въ настоящемъ или въ будущемъ; акціонеры довольны, когда ихъ бумаги держатся въ цѣнѣ и даютъ болѣе или менѣе значительный дивидендъ. Когда цѣнность акцій повышается, владѣльцы имѣютъ возможность продать ихъ съ барышомъ; поэтому они мало заботятся о томъ, какъ ведется самое дѣло и чѣмъ поддерживается курсъ бумагъ на биржѣ. Искусственная игра на повышеніе и раздача фиктивныхъ дивидендовъ удовлетворяютъ большинство акціонеровъ въ такой же мѣрѣ, какъ и реальная выгодность предпріятія, обставленнаго солиднымъ образомъ и имѣющаго всѣ шансы прочнаго успѣха. При томъ обиліи мелкихъ и крупныхъ капиталовъ, какимъ отличается, напр., Франція, нѣтъ ничего легче, какъ привлечь милліоны къ подпискѣ на акціи какого бы то ни было промышленнаго общества, если только заручиться союзниками въ мірѣ банковыхъ и биржевыхъ дѣльцовъ. Законные хозяева собранныхъ милліоновъ — какіе-то перемѣнчивые анонимы, разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ страны и могущіе всегда сбыть свои акціи другимъ лицамъ. Предприниматели и администраторы, заправляющіе дѣломъ, оказываются въ

положеніи безконтрольныхъ распорядителей и мало-по-малу привыкаютъ дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, по собственному усмотрѣнію, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы цѣны акцій не падали и чтобы изъ года въ годъ аккуратно выдавались заманчивые дивиденды.

Отсюда не трудно видѣть, какіе источники соблазновъ и злоупотребленій создаются акціонерною организаціею промышленности. Ловкіе финансисты пріобрѣтаютъ право располагать свободно чужими милліонами, собранными съ массы неизвѣстныхъ лицъ: часть акціонернаго капитала употребляется на поддержаніе цѣнности акцій посредствомъ биржевой игры, на распредѣленіе мнимой прибыли, на устройство дружескихъ связей между биржевиками и журналистами, а остальное идетъ на спекуляцію, которая временно можетъ приносить барыши, но рано или поздно кончается крахомъ. Довѣрчивая публика лишается своихъ капиталовъ, и нельзя даже сказать, въ чьи руки они перешли; многіе успѣваютъ нажиться при покупкѣ и перепродажѣ акцій, при спекулятивныхъ оборотахъ на акціонерныя суммы, и нѣтъ возможности обвинить кого-либо въ прямомъ присвоеніи чужихъ денегъ. Капиталы попадаютъ въ общій круговоротъ денежнаго рынка, непрерывно мѣняютъ владѣльцевъ и улетучиваются куда-то безслѣдно послѣ окончательной неудачи затѣянныхъ биржевыхъ операцій; нерѣдко сами руководители дѣла добросовѣстно вѣрятъ въ свое счастіе и падаютъ жертвами своихъ увлеченій. Съ одной стороны, являются огромные капиталы безъ опредѣленныхъ собственниковъ, а съ другой—существуютъ многочисленные дѣльцы, умѣющіе извлекать барыши изъ простого перемѣщенія цѣнныхъ бумагъ на биржѣ. Какъ тутъ не быть хищеніямъ? Панамская компанія, опираясь на авторитетное имя своего предсѣдателя, Лессепса, собрала съ публики въ разное время почти полтора милліарда франковъ и старалась добыть еще 600 милліоновъ для доведенія дѣла до конца; что же удивительнаго въ томъ, что она такъ легко раздавала милліоны и могла оказывать столь развращающее дѣйствіе на газетныя и парламентскія сферы? Эти милліоны считались какъ будто ничьими, безхозяйными, ибо они были слишкомъ недостаточны для успѣшнаго продолженія работъ по прорытію канала и вполнѣ годились для раздачи вліятельнымъ аферистамъ, содѣйствіе которыхъ могло быть полезно для избѣжанія или отдаленія катастрофы. Гдѣ находятся въ обращеніи какіе-то вакантные милліоны, которые сами плывутъ въ руки общественныхъ и правительственныхъ дѣятелей, тамъ всегда найдутся люди съ податливой, неустойчивой совѣстью, готовые по

секрету поймать лакомый кусокъ, какъ это было и съ однимъ изъ министровъ въ панамскомъ дѣлѣ; но секреты плохо сохраняются въ современной Франціи, и никто не могъ и не пытался спасти бывшаго министра Байго отъ заслуженнаго имъ публичнаго позора. Устроители акціонерныхъ обществъ имѣютъ тысячи способовъ обмануть довѣріе акціонеровъ и дать ихъ деньгамъ неправильное назначеніе; и чѣмъ колоссальнѣе цифры, тѣмъ легче увлечься ими на путь безумной промышленной игры, въ надеждѣ поддержать или поправить пошатнувшееся предпріятіе. Одного только не могутъ подкупить герои милліонныхъ хищеній—свободнаго голоса общественнаго сознанія, которое по временамъ пробуждается и караетъ виновныхъ съ безпощадной суровостью. Обличители могутъ стоять на одномъ нравственномъ уровнѣ съ обвиняемыми; но сила гласности даетъ страшное оружіе противъ всякихъ злоупотребленій и беззаконій, каковы бы ни были тѣ лица, которыя приводятъ эту силу въ движеніе.

Новѣйшія формы хищеній чрезвычайно сложны и иногда неуловимы; часто совершенно теряется граница между обычнымъ „коммерческимъ дѣломъ" и простымъ обманомъ, возведеннымъ въ систему. Но эти хищенія, какъ ни грандіозны поглощаемыя ими суммы, имѣютъ одно громадное преимущество предъ обирательствомъ прежняго времени: они не направлены принудительно на трудящіеся податные классы, не посягаютъ прямо на народные достатки и не приводятъ къ усиленнымъ взысканіямъ налоговъ съ неимущихъ, а затрогиваютъ только желающихъ изъ болѣе зажиточной части населенія. Покупатели сомнительныхъ акцій и вкладчики спекулятивныхъ банковъ добровольно рискуютъ своими средствами, соблазняясь высотою обѣщанной прибыли; они большею частью получаютъ лишь достойное возмездіе за свою собственную жадность, и нѣтъ основанія особенно жалѣть ихъ. Такимъ образомъ, отъ коммерческихъ злоупотребленій разоряются, во-первыхъ, люди, располагающіе нѣкоторыми избытками, и во-вторыхъ, искатели легкихъ барышей, довѣряющіеся рекламамъ и не боящіеся риска. Извѣстная степень принудительности свойственна лишь той формѣ эксплуатаціи, которая заключается въ созданіи искусственной монополіи на предметы общаго потребленія посредствомъ спеціальныхъ сдѣлокъ между могущественными капиталистами—такъ называемыхъ синдикатовъ, американскихъ trusts и т. п. Потребители по-неволѣ платятъ дань монополистамъ, произвольно возвышающимъ цѣны товаровъ; но въ этой области возможны законныя преграды и ограниченія, тогда какъ противодѣйствовать биржевымъ и предприниматель-

скимъ спекуляціямъ почти немыслимо при существующихъ условіяхъ промышленной жизни.

Злоупотребленія капитала не могутъ быть пріурочены ни къ опредѣленному политическому строю государства, ни къ особенностямъ той или другой расы. Величайшія спекуляціи новыхъ временъ относятся къ эпохѣ старой французской монархіи, когда система Лоу увлекла королевскій дворъ и все аристократическое общество на путь необузданнаго ажіотажа; крупныя мошенническія предпріятія затѣвались и овладѣвали публикой одинаково въ средѣ англійской аристократіи, какъ и въ сословно-военной атмосферѣ Пруссіи и при демократическихъ учрежденіяхъ Сѣверной Америки: груды золота и банковыхъ билетовъ одинаково соблазнительны для лицъ всѣхъ званій и состояній, при всякомъ государственномъ устройствѣ. Что касается продажности, то подкупъ встрѣчаетъ наибольшія трудности и требуетъ наибольшихъ средствъ при демократіи, ибо тутъ приходится имѣть дѣло не съ однимъ какимъ-нибудь лицомъ или кружкомъ, отъ котораго зависитъ рѣшеніе, а съ цѣлою массою дѣятелей, парламентскихъ и общественныхъ, дѣйствія которыхъ не пользуются притомъ привилегіями канцелярской тайны. Еще ошибочнѣе связывать владычество капитала съ спеціальными свойствами и наклонностями извѣстнаго племени, играющаго издавна выдающуюся роль въ области торговли и промышленности: англичане и американцы господствуютъ на всемірномъ рынкѣ, и имъ принадлежитъ честь изобрѣтенія главнѣйшихъ способовъ коммерческой эксплуатаціи народовъ, независимо отъ какого бы то ни было вліянія семитическаго элемента. Англійскіе, французскіе и итальянскіе банкиры не нуждались въ постороннихъ урокахъ и примѣрахъ для того, чтобы довести европейскія биржи до современнаго ихъ значенія и развитія. Царство капитала не слабѣе въ Америкѣ отъ того, что ея денежные короли носятъ имена чистокровныхъ янки и называются не Ротшильдами или Блейхредерами, а Джей Гульдами, Макэй, Вандербильтами, Асторами. Герои новѣйшихъ биржевыхъ кризисовъ и крушеній—Беринги, спекулировавшіе въ грандіозныхъ размѣрахъ южно-американскими бумагами, Бонту, орудовавшій сотнями милліоновъ и распространявшій свое вліяніе на финансы Австріи и балканскихъ государствъ, Секретанъ и Данферъ-Рошро, пытавшіе завладѣть монополіей на мѣдь всего міра,—не имѣли ничего общаго съ семитами. Въ числѣ главныхъ воротилъ панамской компаніи, систематически обманывавшихъ публику въ теченіе многихъ лѣтъ, нѣтъ ни одного семита, а замѣшанный въ дѣло баронъ Рейнакъ, типичный и крайне неразборчивый въ средствахъ финансистъ,

имѣлъ все-таки настолько совѣсти, что покончилъ съ собою, несмотря на свои милліоны, чего не сдѣлалъ ни одинъ изъ депутатовъ, сенаторовъ и журналистовъ, уличенныхъ во взяточничествѣ. Въ рядахъ противниковъ капитализма столь же часто дѣйствуютъ семиты, какъ и въ лагерѣ безусловныхъ поклонниковъ „золотого тельца". Въ Германіи, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, учредительская горячка охватила высшіе слои общества, въ лицѣ такихъ хранителей консервативныхъ традицій, какъ герцогъ Ратиборъ и князь Путбусъ, и противъ этихъ промышленныхъ увлеченій выступилъ обличителемъ въ парламентѣ чистѣйшій семитъ, Эдуардъ Ласкеръ. Наиболѣе рѣшительные враги капитализма, творцы и организаторы соціально-демократическаго рабочаго движенія въ Германіи, Карлъ Марксъ и Фердинандъ Лассаль, принадлежали къ тому же племени, какъ и Ротшильды и Блейхредеръ. Антисемитическая агитація не имѣетъ и не можетъ имѣть значенія протеста противъ злоупотребленій капитала, какъ стараются увѣрить отдѣльные ея руководители. „Деньги не пахнутъ", и сила, представляемая ими, не зависитъ отъ происхожденія и религіи ихъ владѣльцевъ. То же самое можно прослѣдить и у насъ: крупные предприниматели и капиталисты, по своимъ пріемамъ и дѣйствіямъ, мало чѣмъ отличаются между собою, называются ли они фонъ-Мекками и Губониными или Поляковыми. Ростовщичество, обманы въ торговлѣ, разные виды хищничества широко практикуются и тамъ, гдѣ семитовъ нѣтъ и въ поминѣ. Антисемитизмъ далеко не совпадаетъ съ враждою къ капиталистической эксплуатаціи, а часто наоборотъ, вызывается желаніемъ устранить неудобныхъ конкуррентовъ для пріобрѣтенія бо́льшаго простора въ дѣлѣ хищеній.

Много интересныхъ свѣденій о промышленной роли капитала и о разныхъ финансовыхъ спекуляціяхъ собрано въ недавно вышедшей объемистой книгѣ Жаннэ, профессора католическаго института въ Парижѣ. Самостоятельныхъ теоретическихъ идей столь же мало въ этомъ сочиненіи, какъ и въ прежнемъ трактатѣ автора — „Le socialisme d'état et la rèforme sociale", о которомъ мы упоминали въ свое время въ журналѣ [1]). Жаннэ придаетъ большое значеніе взглядамъ авторитетныхъ представителей богословія по вопросамъ политической экономіи, и, между прочимъ, старается опровергнуть установившееся мнѣніе, что католическая церковь безусловно запрещала взиманіе процентовъ съ капитала, вопреки потребностямъ промышленнаго развитія. Книга страдаетъ

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", 1889, апрѣль, „Новости иностр. литературы".

недостаткомъ системы и послѣдовательности въ распредѣленіи матеріала; но фактическія данныя, сгруппированныя авторомъ, въ высшей степени поучительны. Хотя содержаніе книги касается главнымъ образомъ финансовыхъ дѣлъ настоящаго столѣтія, но въ ней говорится также и о двухъ прошлыхъ вѣкахъ (гл. XI). Современный типъ биржевыхъ и банковыхъ спекуляцій имѣетъ свою исторію, и, какъ справедливо замѣчаетъ Жаннэ, не мало пагубныхъ кризисовъ было бы избѣгнуто, еслибы люди обращали больше вниманія на историческій опытъ.

Спекулятивныя увлеченія возникали часто въ видѣ какихъ-то стихійныхъ порывовъ, которые, подобно эпидеміи, разносились по цѣлой странѣ и затѣмъ проходили, оставивъ послѣ себя извѣстное число жертвъ; черезъ нѣкоторое время опять повторялось лихорадочное возбужденіе, приводившее къ созданію многочисленныхъ и отчасти фантастическихъ предпріятій, съ тѣмъ же печальнымъ результатомъ. Въ концѣ XVII вѣка въ Англіи обнаружился первый приступъ этой соціально-психической болѣзни въ современной ея формѣ: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1688 г.) появилось множество компаній съ самыми заманчивыми рекламами, съ обѣщаніями огромныхъ выгодъ подписчикамъ, и мелкіе капиталисты, не находившіе выгоднаго помѣщенія для своихъ избытковъ, охотно отдавали деньги на аферы, лишенныя здраваго смысла. Компанія мѣдныхъ рудниковъ надѣялась отыскать въ Англіи такія залежи мѣди, которыя по богатству окажутся равными рудникамъ Потози, и на основаніи этого предположенія обѣщала вѣрные доходы участникамъ; водолазная компанія бралась доставить сокровища и грузы съ потонувшихъ кораблей и предлагала всѣмъ желающимъ осматривать чудесныя приспособленія, съ помощью которыхъ водолазы спускались въ Темзу и приносили со дна куски стараго желѣза и корабельныя веревки; компанія, принявшая громкій титулъ общества „королевскихъ академій“, выпустила лотерейные билеты съ назначеніемъ двухъ тысячъ выигрышей, дающихъ право пользоваться даромъ уроками лучшихъ учителей по всевозможнымъ наукамъ и искусствамъ. „Нѣкоторыя изъ этихъ компаній,—говоритъ Маколей, — занимали цѣлые дома и печатали свои извѣщенія золочеными буквами. Происходили постоянныя собранія маклеровъ, продавцовъ, покупателей, засѣданія директоровъ, совѣщанія пайщиковъ. Скоро вошли въ моду сдѣлки на срокъ. Придумывались обширныя комбинаціи и распространялись нелѣпыя басни, съ цѣлью поднятія или пониженія цѣнности акцій. Страна впервые увидѣла то, къ чему мы теперь издавна привыкли. Умы охвачены были маніей, симптомы которой были

по существу тѣ же самые, какъ и въ 1720, 1825 и 1845 годахъ. Нетерпѣливое желаніе разбогатѣть, презрѣніе къ медленной, но вѣрной прибыли, служащей обычнымъ вознагражденіемъ трудолюбія, искусства и бережливости, распространилось въ обществѣ; духъ обманной игры овладѣлъ солидными представителями лондонскаго Сити, депутатами, альдерменами, надзирателями торговли. Было гораздо легче и выгоднѣе выпустить лживое объявленіе о новомъ предпріятіи, увѣрить невѣжественную публику, что дивиденды дадутъ не меньше двадцати на сто, и обмѣнять пять тысячъ фунтовъ этого воображаемаго богатства на десять тысячъ реальныхъ гиней, чѣмъ нагрузить корабль товаромъ и отправить въ Виргинію или въ Левантъ. Каждый день создавался какой-нибудь новый мыльный пузырь, плавно поднимался, ярко блестѣлъ, лопался и предавался забвенію" [1]). Тридцать лѣтъ спустя, когда сошло со сцены поколѣніе, испытавшее этотъ тяжелый урокъ, разыгрался новый припадокъ безумія. Акціи южно-морской торговой компаніи сразу поднялись въ цѣнѣ, и игра на повышеніе не знала предѣловъ, подъ вліяніемъ извѣстій и слуховъ о чудесахъ системы Лоу во Франціи. Снова возникли акціонерныя общества, еще болѣе фантастическія, чѣмъ въ 1688 году,—для выдѣлки прѣсной воды изъ морской, для поднятія погибшихъ кораблей у ирландскаго побережья, для эксплуатаціи непрерывнаго движенія. Одна компанія заявляла даже, что „цѣль ея учрежденія будетъ указана впослѣдствіи, когда настанетъ для этого надлежащій моментъ". Каждый подписчикъ долженъ былъ внести двѣ гинеи, чтобы пріобрѣсть право на полученіе акціи въ сто гиней, и одновременно съ выдачей этихъ акцій предполагалось объяснить участникамъ сущность коммерческихъ дѣйствій компаніи. Немедленно нашлись подписчики на тысячу акцій, и въ тотъ же день предприниматель бѣжалъ съ двумя тысячами гиней, поступившими въ его кассу.

Въ настоящее время употребляются уже не столь наивные пріемы для завлеченія публики; но сущность осталась та же самая. Банкиръ, заявляющій въ своихъ рекламахъ, что онъ берется въ извѣстный срокъ удвоить или утроить ввѣренную ему сумму посредствомъ биржевой игры, всегда найдетъ вкладчиковъ, которые повѣрятъ ему на̀ слово и терпѣливо будутъ ждать обѣщаннаго обогащенія. Даже солидные капиталисты часто играютъ роль безсознательныхъ обманщиковъ, благодаря своему непониманію общихъ экономическихъ условій и упорной вѣрѣ въ осуще-

---

[1]) History of England, v. VII, ch. XIX.

ствимость разъ задуманныхъ плановъ. Періодически возникаетъ въ разныхъ странахъ повальная строительная горячка: люди бросаются строить роскошныя зданія въ мѣстностяхъ, которыя, по ихъ разсчету, могутъ въ будущемъ привлечь толпы обывателей и туристовъ; образуются десятки кредитныхъ обществъ, при помощи которыхъ воздвигаются новые кварталы въ столицахъ и провинціальныхъ городахъ, для будущаго прироста населенія; цѣны на землю поднимаются быстро, участки перепродаются съ барышомъ и дѣлаются предметомъ усиленной торговли. Обычная развязка не заставляетъ себя долго ждать; построенные дома не находятъ ни нанимателей, ни покупщиковъ; цѣны квартиръ падаютъ вслѣдствіе усиленной конкурренціи, и множество людей, увлекшихся строительствомъ, подвергается полному разоренію. Дома остаются большею частью за кредитными учрежденіями, а бывшіе владѣльцы сохраняютъ за собою долги. Такъ было нѣсколько разъ въ Парижѣ и въ южной Франціи, въ восьмидесятыхъ годахъ; подобный же кризисъ произошелъ въ Римѣ, Туринѣ и Неаполѣ. Въ южно-французскихъ городахъ, служащихъ любимымъ мѣстопребываніемъ пріѣзжихъ иностранцевъ, въ Ниццѣ, Ментонѣ, Каннѣ, Санъ-Рафаэлѣ, цѣны на землю были внезапно подняты до небывалыхъ размѣровъ спекуляціями ліонскаго общества поземельнаго кредита; общество закупало земли и возводило постройки, въ разсчетѣ на приливъ богатой заграничной публики; городскія управленія принялись поспѣшно сооружать монументальные „казино“, устроивать и украшать грандіозные бульвары. Населеніе прониклось увѣренностью, что цѣны на землю будутъ все возвышаться безъ конца; мелкіе собственники, торговцы, рантьеры кинулись покупать землю и строить дома, входили въ долги, закладывали свои имущества, чтобы пріобрѣсть дальнѣйшіе участки; многіе изъ прежнихъ скромныхъ владѣльцевъ превратились вдругъ въ богачей. Въ теченіе одного 1880 года въ Каннѣ заключено было сдѣлокъ по куплѣ-продажѣ поземельныхъ участковъ на 30 милліоновъ франковъ. Вся эта фантасмагорія закончилась черезъ три года совершеннымъ разореніемъ массы обывателей и капиталистовъ; городскія общества обременены непосильными долгами, а воздвигнутыя зданія остались на рукахъ кредитныхъ учрежденій или числятся лишь номинально за владѣльцами. Спекуляціи этого рода оставляютъ, по крайней мѣрѣ, реальный слѣдъ, въ видѣ дорогихъ сооруженій и украшеній, могущихъ хотя отчасти утѣшить жителей и даже принести свою долю пользы; тутъ были матеріальныя усилія, старанія и ра-

боты, которыя не совсѣмъ пропали для будущаго. Коммерческія и биржевыя фантазіи не имѣютъ такого оправданія; онѣ ничего другого не производятъ, кромѣ безплодныхъ замѣшательствъ и крушеній.

Наглядный примѣръ заразительнаго финансоваго безумія представляетъ попытка нѣкоторыхъ французскихъ спекулянтовъ овладѣть производствомъ и сбытомъ мѣди на всемірномъ рынкѣ. Цѣны металловъ клонились къ пониженію въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ; руководитель „общества металловъ", энергическій Секретанъ, рѣшился ихъ возвысить и поддержать, при помощи группы лондонскихъ и парижскихъ банкировъ. Нѣкоторые англійскіе капиталисты, располагавшіе запасомъ мѣди въ 40 тысячъ тоннъ, участвовали въ игрѣ на пониженіе, чтобы увеличить свою прибыль въ сдѣлкахъ по покупкѣ этого металла. Секретанъ заручился фондомъ въ 62½ милліона и на первыхъ порахъ дѣйствовалъ вполнѣ цѣлесообразно; онъ велѣлъ своимъ агентамъ въ Лондонѣ закупать всю мѣдь, какая будетъ въ распоряженіи продавцовъ, и цѣна мѣди въ короткое время возвысилась вдвое. Естественно, что всѣ запасы мѣди направились въ Лондонъ, и въ продолженіе 1888 года Секретанъ купилъ уже до 130 тысячъ тоннъ. Въ виду такого исключительнаго спроса, рудники удвоили свою производительность, и французскій синдикатъ не могъ остаться хозяиномъ рынка; поэтому Секретанъ заключилъ договоры съ 37 компаніями англійскихъ, американскихъ, шведскихъ и испанскихъ рудниковъ о поставкѣ 542 тысячъ тоннъ мѣди въ трехлѣтній срокъ, общею цѣнностью въ 908 милліоновъ. Это былъ уже рѣшительный шагъ къ захвату почти всѣхъ существующихъ запасовъ мѣди на земномъ шарѣ, такъ какъ ежегодное міровое производство не превышало 220 тысячъ тоннъ. Отъ законнаго и понятнаго стремленія поддержать цѣны Секретанъ смѣло перешелъ къ грандіозному плану овладѣть всемірнымъ рынкомъ и создать монополію на сбытъ мѣди. Увлеченный блестящимъ успѣхомъ первыхъ операцій, онъ затѣялъ дѣло, явно неосуществимое и невозможное, ибо закупки производились уже по возвышеннымъ цѣнамъ, а на дальнѣйшее повышеніе для выгоднаго сбыта нельзя было разсчитывать даже при достиженіи монополіи; между тѣмъ нужно было платить проценты за затраченные милліоны, выдавать дивиденды акціонерамъ, добывать новыя суммы для срочныхъ уплатъ и бороться съ нѣсколькими могущественными иностранными компаніями, не обнаруживавшими готовности войти въ соглашеніе съ французскимъ синдикатомъ. Потребленіе поглощало

только незначительную долю собранныхъ и все болѣе возроставшихъ запасовъ мѣди; противодѣйствіе оставшихся конкуррентовъ грозило неминуемымъ банкротствомъ при малѣйшемъ упадкѣ цѣнъ. Тѣмъ не менѣе Секретанъ нашелъ сильныхъ союзниковъ въ финансовомъ мірѣ; директоръ „Comptoir d'escompte", Данферъ-Рошеро, далъ ему въ ссуду 130 милліоновъ подъ залогъ 82½ тысячъ тоннъ мѣди и продолжалъ снабжать его капиталами до самаго конца, съ нарушеніемъ существенныхъ правилъ устава названнаго банка. Чтобы имѣть возможность показать на бумагѣ прибыль отъ произведенныхъ операцій и назначить сумму для раздачи дивиденда акціонерамъ „общества металловъ", придумана была фиктивная продажа части мѣди самому Секретану по очень высокой цѣнѣ; другая часть уступлена была новой вспомогательной компаніи, спеціально для этого учрежденной. Ротшильдъ, поддерживавшій дѣло вначалѣ, устранился въ 1887 году, хотя продолжалъ давать деньги для предупрежденія катастрофы; такъ, въ январѣ 1889 года онъ одолжилъ „обществу металловъ" 12 милліоновъ и открылъ ему добавочный кредитъ въ 21 милліонъ при участіи нѣкоторыхъ другихъ банковъ. Извѣстный милліонеръ Гиршъ далъ тому же „обществу" Секретана 25 милліоновъ, въ теченіе трехъ дней. Въ періодъ успѣха, акціи „общества металловъ", стоившія 400 франковъ въ 1886 году, продавались по 1.200 франковъ (въ мартѣ 1888 года). „Общество" удвоило тогда свой основной капиталъ въ 25 милліоновъ, выпустивъ 50 тысячъ новыхъ акцій, въ 500 франковъ каждая, по курсу 750 фр. Весь этотъ капиталъ погибъ безвозвратно. Акціи „Comptoir d'escompte" цѣнились болѣе тысячи франковъ въ 1888 году, а въ февралѣ 1892 года стоили едва 262 франка. Потери этого крупнаго полу-оффиціальнаго учрежденія, причиненныя участіемъ въ безумной затѣѣ Секретана, опредѣлялись въ 177 милліоновъ. Директоръ „Comptoir d'escompte" застрѣлился, и банкъ подвергся ликвидаціи. Отчаянное положеніе компаніи выяснилось уже къ началу 1889 года, и однако Секретанъ едва не успѣлъ достигнуть желанной сдѣлки съ представителями англійскихъ и американскихъ рудниковъ, посредствомъ организаціи новаго соединеннаго общества въ Лондонѣ, съ капиталомъ въ 75 милліоновъ. Говорятъ, что телеграфъ принесъ извѣстіе о согласіи американскихъ компаній тотчасъ послѣ самоубійства Данферъ-Рошеро. Такимъ образомъ, самое нелѣпое и даже вредное предпріятіе, руководимое слѣпою вѣрою и настойчивостью отдѣльныхъ лицъ, неотразимо дѣйствуетъ на умы и пріобрѣтаетъ возможность вре-

меннаго успѣха, именно въ силу своей необычайной смѣлости. Такъ же точно панамское дѣло, хотя и предпринятое для общеполезной цѣли, привлекало наибольше колоссальностью своихъ размѣровъ и величіемъ задуманнаго плана; акціонеры думали, конечно, о барышахъ, а не о прорытіи канала,—но по странной иллюзіи, чѣмъ величественнѣе и отдаленнѣе предположенная задача, тѣмъ болѣе значительныя ожидаются отъ нея финансовыя выгоды. Предприниматели прежде всего стараются оправдать эти ожиданія высокими дивидендами и поднятіемъ биржевой цѣнности акцій; такъ и панамскіе акціонеры получили около 15 милліоновъ въ теченіе восьми лѣтъ (съ конца 1880 года), а бумаги, не стоющія теперь и 20 франковъ, обращались по курсу 575 фр. въ началѣ 1882 года, т.-е. на 75 фр. выше номинальной стоимости. Мысль о каналѣ была при этомъ гораздо болѣе далека отъ исполненія, чѣмъ идея монополіи на мѣдь, увлекавшая легковѣрную толпу искателей наживы, по почину Секретана. Около обоихъ дѣлъ обогащалось множество ловкихъ людей, биржевыхъ и иныхъ дѣльцовъ, а наивная публика покрывала убытки своими сбереженіями.

Французское законодательство, по мнѣнію Жаннэ, слишкомъ слабо охраняетъ интересы частныхъ лицъ отъ злоупотребленій акціонерныхъ компаній; въ этомъ отношеніи законъ 1867 года значительно отсталъ отъ постановленій, принятыхъ въ другихъ государствахъ, каковы, напр., законы 1882 года въ Италіи, 1884 года въ Германіи, 1886 года въ Бельгіи, 1890 года въ Англіи. Энергическія мѣры принимаются и проектируются также въ Сѣверной Америкѣ противъ чрезмѣрныхъ капиталистическихъ монополій, которыя достигли тамъ небывалаго еще развитія и процвѣтанія; но трудно надѣяться на успѣхъ внѣшнихъ мѣропріятій, пока не измѣнятся нравственныя понятія и стремленія, господствующія въ массѣ общества. Цицеронъ разсказываетъ, что философы его времени считали еще спорнымъ вопросъ о допустимости пассивнаго обмана въ дѣлахъ торговли. Примѣръ, вызывавшій эти философскіе споры, можетъ вызвать улыбку недоумѣнія со стороны читателя, воспитаннаго на идеяхъ современнаго промышленнаго прогресса. Купецъ съ хлѣбнымъ грузомъ прибываетъ изъ Александріи въ Родосъ, гдѣ, по его свѣденіямъ, чувствуется недостатокъ въ хлѣбѣ; онъ знаетъ, что другіе корабли, нагруженные хлѣбомъ, слѣдовали за нимъ и должны явиться въ скоромъ времени. Если онъ не сообщитъ объ этомъ населенію, онъ можетъ продать товаръ дорого и нажить большіе барыши.

Какъ долженъ онъ поступить по совѣсти? Обязанъ ли онъ предупредить жителей о предстоящемъ прибытіи дальнѣйшихъ грузовъ и назначить за свой хлѣбъ обыкновенныя цѣны, или же онъ можетъ оставить покупателей въ невѣденіи и выручить столько, сколько позволятъ обстоятельства? Одинъ изъ философовъ полагалъ, что купецъ вовсе не обязанъ извѣстить родосцевъ о приближеніи другихъ кораблей съ хлѣбомъ; онъ предлагаетъ свой товаръ на рынкѣ и продаетъ по той цѣнѣ, какая установлена подъ вліяніемъ нужды; онъ никому не причиняетъ зла. Почему долженъ онъ дѣлиться своимъ знаніемъ съ родосцами? Вѣдь никто не потребуетъ отъ него, чтобы онъ изложилъ имъ свои свѣдѣнія о природѣ боговъ, хотя этотъ предметъ гораздо важнѣе, чѣмъ прибытіе кораблей съ хлѣбомъ. Другой философъ доказывалъ, что купецъ несомнѣнно вредитъ родосцамъ, сознательно пользуясь ихъ незнаніемъ для продажи имъ хлѣба по цѣнѣ вдвое или втрое бóльшей, чѣмъ будетъ онъ стоить завтра. Купецъ, конечно, не обязанъ сообщать покупателямъ все то, чтò ему вообще извѣстно; но онъ не имѣетъ права скрыть отъ нихъ то, чтò они должны знать для правильнаго опредѣленія цѣны товара. Съ послѣднимъ мнѣніемъ соглашается и Цицеронъ, и оно безусловно поддерживается однимъ изъ новѣйшихъ французскихъ моралистовъ [1]). Эти разсужденія о нравственныхъ обязанностяхъ коммерсантовъ переносятъ насъ въ область какой-то идилліи, для которой нѣтъ мѣста въ современномъ культурномъ мірѣ. Въ наше время купецъ, привезшій хлѣбъ хорошаго качества въ голодающую мѣстность и готовый пользоваться лишь существующими, не имъ вызванными цѣнами, считался бы образцомъ честности. Философы, упоминаемые Цицерономъ, представляли себѣ только одну возможную причину непомѣрнаго возвышенія цѣнъ—недостаточное количество товара на рынкѣ; но чтò сказали бы они о предпринимателяхъ, которые сговариваются между собою съ цѣлью произвольнаго и ничѣмъ не оправдываемаго поднятія цѣнности предметовъ, существующихъ въ достаточномъ изобиліи? Въ наше время считаются безусловно порядочными людьми участники монопольныхъ соглашеній, искусственно возвышающихъ цѣну такого товара, какъ, напр., сахаръ, даже при существованіи щедрыхъ охранительныхъ пошлинъ, которыя и безъ того дорого обходятся народу и государству; дороговизна намѣренно создается тамъ, гдѣ нѣтъ для

---

[1]) Questions de morale pratique, par Francisque Bouillier, Paris, 1889, стр. 303—306.

нея ни малѣйшихъ основаній,—исключительно ради обогащенія на счетъ потребителей. При подобныхъ нравахъ и понятіяхъ теряется даже способность отличать житейскую „дѣловитость“ отъ лукаваго „хищничества“. На этой почвѣ легко выростаютъ сотни и тысячи мелкихъ панамскихъ исторій, не останавливающихъ на себѣ ничьего вниманія и не возбуждающихъ никакихъ споровъ между „философами“...

Л. Слонимскій.

ВЪ НЕУРОЖАЙНЫХЪ МѢСТНОСТЯХЪ

Впечатлѣнія и замѣтки.

Въ концѣ 1891 г. борьба съ голодомъ и его послѣдствіями была въ полномъ разгарѣ. Продовольственныя ссуды выдавались во всѣхъ пострадавшихъ мѣстностяхъ; дѣятельность Особаго Комитета, учрежденнаго въ половинѣ ноября, принимала все болѣе и болѣе обширные размѣры; частная помощь спѣшила пополнить пробѣлы оффиціальной. Почти во всѣхъ голодавшихъ уѣздахъ открывались столовыя, производилась безплатная раздача хлѣба, подготовлялись мѣры къ прокормленію скота, къ предупрежденію эпидемій, къ уменьшенію числа безлошадныхъ хозяйствъ. Вездѣ, гдѣ только существовала организація частной помощи, она легко находила не только матеріальную, но и личную поддержку: десятки, сотни молодыхъ и даже немолодыхъ людей устремлялись изъ городовъ въ глухія деревни, чтобы принять участіе въ устройствѣ столовыхъ, въ распредѣленіи пособій, въ уходѣ за больными. Далеко не такимъ было положеніе дѣлъ въ концѣ 1892 г. Несмотря на оффиціальное признаніе неурожая, для многихъ мѣстностей вторичнаго, несмотря на появленіе въ печати немногочисленныхъ, но въ высшей степени поразительныхъ сообщеній о тяжести бѣдствія, въ обществѣ не замѣтно было ничего похожаго на движеніе, овладѣвшее имъ годъ тому назадъ. Интересъ къ вопросу, еще такъ недавно господствовавшему надъ всѣми остальными, казался исчерпаннымъ; вниманіе, однажды ослабѣвшее или отвлеченное въ другую сторону, медленно и неохотно возвращалось къ старымъ, неразрѣшеннымъ задачамъ. Существовали, очевидно, сомнѣнія или въ величинѣ и серьезности бѣды, или въ возможности облегчить ее прежними, уже испытанными средствами. Мнѣ хотѣлось уяснить самому себѣ, насколько основательны подобныя со-

мнѣнія. Поѣздка въ неурожайныя мѣстности, предпринятая мною во время послѣднихъ рождественскихъ праздниковъ, имѣла, поэтому, нѣсколько другую цѣль, чѣмъ поѣздка, совершонная мною годомъ раньше въ моршанскій уѣздъ [1]). Тогда я хотѣлъ только ознакомиться на мѣстѣ съ главными формами организаціи частной помощи; теперь для меня особенно важно было убѣдиться въ ея необходимости, осуществимости и цѣлесообразности. Сообразно съ этимъ измѣнился и планъ поѣздки; въ прошломъ году для меня достаточно было присмотрѣться поближе къ какой-нибудь одной мѣстности, подходившей подъ извѣстныя условія—въ нынѣшнемъ году я желалъ расширить, насколько это было для меня возможно, районъ моихъ наблюденій.

Я началъ съ богородицкаго уѣзда (тульской губерніи), о положеніи котораго шла рѣчь въ январьской Общественной Хроникѣ нашего журнала. Этотъ уѣздъ, сильно потерпѣвшій уже въ 1891 г., въ 1892 г. подвергся участи еще болѣе тяжелой. Къ недостатку ржи присоединился полный неурожай овса и травъ. Почти единственное топливо уѣзда, бѣднаго лѣсомъ и отдаленнаго отъ казенныхъ мѣстныхъ дачъ—солома, которой въ нынѣшнемъ году до крайности мало. Изъ 173 т. населенія уѣзда нуждающихся, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, *сто тридцать три* тысячи. Въ эту цифру входятъ 33 тысячи мужчинъ рабочаго возраста (отъ 18 до 55 лѣтъ), на которыхъ продовольственной ссуды пока не полагается; не выдается она и на дѣтей моложе трехъ лѣтъ, а остальные „ѣдоки" получаютъ по 30 ф. ржи въ мѣсяцъ. Что̀ означаютъ, на самомъ дѣлѣ, эти цифры — это было подробно показано въ прошлогодней моей статьѣ. По отношенію къ богородицкому уѣзду нужно только прибавить, что населеніе его—почти исключительно земледѣльческое. Фабрикъ въ уѣздѣ мало, да и тѣ (напр. свеклосахарные заводы) работаютъ, бо̀льшею частью, не круглый годъ; въ нынѣшнемъ году періодъ выработки сахара, вслѣдствіе неурожая свекловицы, былъ гораздо короче, чѣмъ обыкновенно. Кустарные промыслы развиты весьма слабо; зимнихъ работъ, доступныхъ для крестьянъ, нѣтъ почти вовсе. Таковы условія, при которыхъ населеніе переживаетъ второй неурожайный годъ. Когда я пріѣхалъ въ Богородицкъ, главнымъ интересомъ дня было только-что обнародованное правительственное распоряженіе о прекращеніи, съ 13-го января 1893 г., безплатнаго провоза хлѣба и другихъ предметовъ первой необходимости въ мѣстности, пострадавшія отъ неурожая 1891 г. Вопросъ заключался въ томъ, распространяется ли это распоряженіе на богородицкій уѣздъ, т.-е. должно ли оно

[1]) См. „Вѣстникъ Европы" 1892 г., № 2: „Изъ недавней поѣздки въ тамбовскую губернію".

вступить въ дѣйствіе повсемѣстно, или же оно касается только тѣхъ уѣздовъ, которые, пострадавъ въ 1891 г., поправились въ 1892 г. и не принадлежатъ болѣе къ числу безусловно нуждающихся. Особенно важнымъ этотъ вопросъ представлялся по отношенію къ дровамъ — продукту громоздкому, цѣнность котораго быстро и несоразмѣрно увеличивается перевозкой даже на разстояніяхъ сравнительно небольшихъ. До сихъ поръ богородицкое попечительство Краснаго Креста, сосредоточивающее въ своихъ рукахъ почти всю мѣстную благотворительность, покупало дрова, пользуясь даровымъ провозомъ, въ смоленской губерніи и могло, благодаря этому, удовлетворять хоть сколько-нибудь одну изъ самыхъ вопіющихъ потребностей населенія; съ отмѣной прежнихъ льготъ продолженіе этой операціи сдѣлалось бы совершенно невозможнымъ. О значеніи ея для уѣзда я получилъ наглядное понятіе, какъ только пріѣхалъ въ Богородицкъ. Близь желѣзно-дорожной станціи помѣщается, подъ открытомъ небомъ, складъ дровъ, принадлежащихъ попечительству. Около него тѣснятся крестьяне, пріѣхавшіе изъ сосѣднихъ и даже довольно дальнихъ деревень, чтобы запастись топливомъ. Деревянная мѣрка, содержащая въ себѣ $^1/_{16}$ кубической сажени (по мѣстному выраженію — *казакъ* или *шкаликъ*), безпрестанно наполняется дровами и опять опоражнивается, чтобы очистить мѣсто для слѣдующаго получателя. Отмѣренныя дрова тутъ же взваливаются на сани. Крестьянскія лошади стоятъ вокругъ, понуря голову и пережевывая скудные клоки сѣна. Многія изъ нихъ ужасно изнурены, представляя изъ себя буквально кости да кожу. А между тѣмъ это еще не крайняя степень истощенія; въ деревняхъ немало лошадей, на которыхъ нельзя поѣхать за дровами, потому что онѣ не свезутъ сколько-нибудь тяжело нагруженнаго воза [1]). Мнѣ говорили, что нѣкоторые крестьяне кладутъ дрова на салазки и везутъ ихъ домой на себѣ... Дровяные склады устроены попечительствомъ еще на станціяхъ Оболенской (въ сѣверной части уѣзда), Малевкѣ (нѣсколько южнѣе Богородицка) и Карасяхъ (еще южнѣе, близко къ ефремовскому уѣзду). Въ Малевкѣ и Карасяхъ я видѣлъ около нихъ такое же оживленіе, какъ и въ Богородицкѣ. Каждый получающій дрова съ нетерпѣніемъ ждетъ своей очереди— и это нетерпѣніе становится вполнѣ понятнымъ, когда побываешь въ любой нуждающейся деревнѣ. Въ селѣ Никитскомъ, которое я обходилъ въ самый день новаго года, мнѣ попадались избы то холодныя, то хорошо вытопленныя—и эта разница всегда объяснялась

[1]) Я только-что узналъ, что изъ 30 саней, посланныхъ недавно крестьянами дер. Покровской въ земскій складъ, для полученія продовольственной ссуды, только четыре дошли до мѣста; остальныя остановились въ дорогѣ, вслѣдствіе крайняго истощенія лошадей.

однимъ и тѣмъ же: полученіемъ или не полученіемъ дровъ отъ Краснаго Креста. Жгутъ крестьяне все, что можно: крыши дворовъ, оси, колеса, перекладины изъ потолка ригъ—и все-таки терпятъ страшный недостатокъ въ топливѣ, если не получаютъ его отъ попечительства. Дрова выдаются изъ складовъ по ярлыкамъ, подписаннымъ мѣстными попечителями. Ярлыки эти трехъ родовъ: одни даютъ право на покупку дровъ по 75 коп. за $^1/_{16}$ куб. саж. (т.-е. 12 рублей за сажень), другіе—на покупку дровъ по 50 коп. (8 рублей за сажень), третьи—на полученіе ихъ безплатно. Восемь рублей за сажень—это нѣсколько меньше той цѣны, въ которую дрова обходятся самому попечительству; небольшая прибыль, получаемая имъ при продажѣ дровъ по 12 руб. за сажень, уравновѣшиваетъ потерю отъ безплатной раздачи дровъ и отъ продажи ихъ по уменьшенной цѣнѣ (въ вольной продажѣ цѣна сажени доходитъ до *тридцати* рублей). Ярлыки перваго рода, дающіе право на покупку дровъ по 75 коп. за *шкаликъ*, выдаются крестьянамъ „средней руки“, но отнюдь не зажиточнымъ; послѣдніе вовсе не допускаются къ покупкѣ. Ярлыки второго рода, по 50 коп. за шкаликъ, выдаются бѣднякамъ, преимущественно безлошаднымъ. На ярлыки третьяго рода, т.-е. на безплатное полученіе дровъ, имѣютъ право только наибѣднѣйшіе изъ вдовъ, сиротъ и погорѣльцевъ, въ особенности тѣ, у которыхъ нѣтъ собственнаго крова; даровыя дрова даютъ имъ возможность получить даровую квартиру. Сразу достигаются, такимъ образомъ, двѣ цѣли: отапливается изба одной семьи—и въ этой избѣ находитъ безплатное помѣщеніе другая семья. Соединеніе въ одной избѣ нѣсколькихъ семействъ, въ видахъ сбереженія топлива, встрѣчалось мною, при обходѣ деревень, нѣсколько разъ. Во многихъ отношеніяхъ оно очень неудобно, потому что избы въ богородицкомъ уѣздѣ, большею частью, очень тѣсны; но изъ нѣсколькихъ золъ естественно выбирается меньшее. Лучше тѣсниться, чѣмъ мерзнуть. Съ конца ноября по начало января на четырехъ названныхъ мною станціяхъ желѣзной дороги израсходовано было дровъ: по ярлыкамъ перваго рода — $57^3/_4$ куб. саж., по ярлыкамъ второго рода — $146^3/_4$ куб. саж., по ярлыкамъ третьяго рода—$26^1/_2$ куб. саж., а всего около 231 куб. саж.; въ запасѣ оставалось еще нѣсколько сотъ саженъ, которыя, при постоянно увеличивающемся спросѣ, должны исчезнуть весьма скоро. Что станетъ дѣлать населеніе богородицкаго уѣзда, если прекратится безплатный подвозъ дровъ, а вмѣстѣ съ нимъ и безплатная ихъ раздача и удешевленная продажа — это даже трудно себѣ представить, особенно въ виду нынѣшней необыкновенно суровой зимы.

Другая форма помощи, съ которою я встрѣтился тотчасъ по пріѣздѣ въ Богородицкъ, также находится въ тѣсной связи съ недо-

статкомъ топлива. Даже имѣя муку, крестьяне крайне затруднены, за отсутствіемъ дровъ и соломы, въ печеніи хлѣба. Чтобы помочь этой бѣдѣ, попечительство Краснаго Креста устроило въ разныхъ пунктахъ уѣзда двадцать семь пекаренъ, снабжаемыхъ отъ него дровами и мукою. Приготовляемый здѣсь хлѣбъ отчасти продается (по 1½ к. за фунтъ—нѣсколько ниже заготовительной цѣны), отчасти раздается безплатно, по ярлыкамъ мѣстныхъ попечителей. Съ 20-го ноября по 20-е декабря было продано всего до 19½ тыс. пуд., роздано безплатно —около 8.800 пуд. хлѣба. Количество выпекаемаго ежедневно хлѣба колеблется, въ различныхъ пекарняхъ, между 4 и 85 пудами. Самая большая пекарня устроена въ 1 в. отъ Богородицка, въ одномъ изъ помѣщеній свеклосахарнаго завода гр. Бобринскихъ. Длинная комната, съ четырьмя большими печами, уставлена полками, на которыхъ лежатъ готовые хлѣба; на каждомъ хлѣбѣ—надпись мѣломъ, сколько въ немъ фунтовъ. При мнѣ въ пекарнѣ было до 400 пуд. хлѣба—но почти все это количество должно было разойтись по рукамъ въ слѣдующій базарный день, когда въ городъ съѣзжаются крестьяне изъ сосѣднихъ деревень. Другую пекарню я видѣлъ въ селѣ Никитскомъ; въ небольшомъ ея помѣщеніи, съ двумя печами, денно и нощно идетъ непрерывная работа, чтобы не было остановки въ удовлетвореніи громаднаго запроса на хлѣбъ. Хлѣбъ, приготовляемый въ крестьянскихъ избахъ, значительно уступаетъ приготовляемому въ пекарняхъ; онъ, бо̀льшею частью, худо выпеченъ, именно потому что крестьяне дорожатъ каждымъ полѣномъ, каждымъ кускомъ угля [1]), каждымъ обломкомъ дерева, каждымъ пучкомъ соломы. Право на безплатное полученіе хлѣба предоставляется, вообще говоря, только тѣмъ, которымъ не выдается земская ссуда; исключенія изъ этого правила допускаются только въ экстренныхъ случаяхъ, напр. при запозданіи земской ссуды. Какъ высоко цѣнится даже возможность купить хорошо испеченный хлѣбъ—это видно, напримѣръ, изъ такого факта: въ пекарню села Малевки является крестьянинъ для покупки двухъ фунтовъ хлѣба, на 3 коп., и когда ему говорятъ, что не стоило приходить за такимъ небольшимъ количествомъ, онъ отвѣчаетъ, что хорошій хлѣбъ нуженъ ему какъ „лакомство" для больного родственника.

Нужда въ богородицкомъ уѣздѣ распространена повсемѣстно, но не въ одинаковой степени: особенно пострадала южная часть уѣзда (сосѣдняя съ ефремовскимъ уѣздомъ), куда я и поѣхалъ изъ Богородицка. Верстахъ въ 25 отъ города, на р. Непрядвѣ, раскинуто громадное село Никитское, насчитывающее до семи тысячъ жителей.

---

[1]) Въ богородицкомъ уѣздѣ топка углемъ встрѣчается сравнительно рѣдко.

Было время, когда оно принадлежало къ числу весьма зажиточныхъ, благодаря, въ особенности, тому, что черезъ него проходилъ старый трактъ изъ Тулы на Воронежъ. Упадокъ села начался съ проведенія новой дороги, оставившей его въ сторонѣ; затѣмъ все болѣе и болѣе давало себя чувствовать малоземелье. Нужно было арендовать землю у сосѣднихъ владѣльцевъ—а арендныя цѣны постоянно росли, дойдя въ послѣдніе годы до 12 руб. за десятину. При такой платѣ въ пользу съемщика часто остается, въ концѣ концовъ, одна солома. Часть села, вдобавокъ, сильно пострадала отъ пожара. До 1891 г. положеніе села не было, однако, бѣдственнымъ; оно сдѣлалось такимъ лишь послѣ двукратно повторившагося неурожая. Количество скота быстро пошло на убыль; коровы остались развѣ у одной пятой части домохозяевъ: овецъ прежде было въ каждомъ домѣ по десяти и болѣе — теперь пять овецъ считаются уже показателемъ сравнительнаго достатка, влекущимъ за собою отказъ въ выдачѣ ссуды или даже принудительное взысканіе недоимокъ. У большинства крестьянъ есть еще лошади, но онѣ почти всѣ въ самомъ жалкомъ видѣ. Хозяева цѣпляются за нихъ всѣми силами, надѣясь кое-какъ протянуть до весны: едва ли, однако, безъ посторонней помощи это многимъ изъ нихъ удастся. Общее впечатлѣніе отъ обхода села (я заходилъ въ 20—25 домовъ, не по выбору, а по порядку) получается такое же, какое я испыталъ въ прошломъ году въ тамбовской голодающей деревнѣ — или еще болѣе печальное, потому что тамъ не было больныхъ, а въ Никитскомъ ихъ очень много; оспа, корь, скарлатина свирѣпствуютъ не только между дѣтьми, но и между взрослыми. Вездѣ слышатся жалобы на недостаточность земской ссуды, на отсутствіе запасовъ и корма для скотины. Небольшія, низкія избы переполнены народомъ. Многіе дворы отчасти раскрыты. Лица пасмурныя, блѣдныя; одежда на многихъ до крайности износившаяся, оборванная. Для починки или обновленія ея не хватаетъ овчинъ, потому что овцы проданы или предназначены на продажу. Не уродилась, въ 1892 г., и конопля, изъ которой крестьяне приготовляютъ себѣ обувь (по мѣстному выраженію—бахилки или чуни); многимъ, поэтому, не въ чемъ выйти изъ дому; дѣти перестаютъ посѣщать школу. Цѣна овчины упала до 60 коп., цѣна овцы—до 1 р. 50 к. и даже меньше. При продажѣ имущества, описаннаго за неуплату недоимки, молодая овечка пошла недавно за 50 коп., жеребенокъ хорошей породы, но исхудалый отъ безкормицы—за 5 рублей, пять овецъ—за 7 рублей. Въ еще худшемъ положеніи находится другая видѣнная мною деревня, Іевлевка, на берегу извѣстной читателямъ Тургенева Красивой Мечи. Коровы сохранились здѣсь только въ трехъ дворахъ изъ 30; лошадей въ деревнѣ всего тридцать-три, да и то

потому, что крестьяне, большею частью, снимаютъ землю у помѣщиковъ и не будутъ въ состояніи ее обработать, если продадутъ послѣднюю лошадь. Просьбы объ увеличеніи размѣровъ помощи, получаемой отъ Краснаго Креста, сопровождались здѣсь такими словами: „а то одна дорога—въ рѣчку". И это не фраза, произносимая для того, чтобы разжалобить „господъ". Указанія на „повальную смерть", какъ на возможный исходъ нужды, переживаемой теперь многими деревнями, мнѣ случалось слышать и отъ людей, не такъ непосредственно задѣтыхъ бѣдою и относящихся къ ней болѣе объективно. Вотъ, напримѣръ, что было сказано въ полученномъ при мнѣ письмѣ на имя попечительства: „Кузовка (село верстахъ въ 12 отъ Богородицка, на дорогѣ въ Никитское) въ ужасномъ положеніи отъ голода и холода, чрезъ что, я предполагаю, и образовался повальный тифъ. Если не придетъ помощь, Кузовка вся вымретъ". Такъ писалъ мѣстный попечитель, управляющій крупнымъ имѣніемъ, человѣкъ разсудительный и спокойный, ни мало не склонный къ преувеличеніямъ. То же самое онъ повторилъ при мнѣ и на словахъ, говоря, что изъ 600 домовъ въ 300 существуетъ злокачественный тифъ, и что хоронятъ въ Кузовкѣ, начиная съ половины декабря, ежедневно 3 или 4 человѣкъ. По удостовѣренію мѣстнаго земскаго врача (П. Н. Кравецъ), рожденій въ Кузовкѣ въ 1891 г. было 249, смертей—181; въ 1892 г. первая изъ этихъ цифръ понизилась до 225, вторая возросла до 394 [1]). Смертность, почти вдвое превышающая рождаемость—можно ли представить себѣ что-либо болѣе поразительное! А между тѣмъ тифозная эпидемія появилась въ Кузовкѣ только въ самомъ концѣ года. До какой степени усиленная смертность состоитъ въ связи съ недостаточностью питанія, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ; наибольшая смертность (59) была въ іюнѣ, т.-е. передъ самой жатвой, когда средства населенія были всего болѣе истощены, наименьшая (9) — въ сентябрѣ, когда скудный урожай позволилъ населенію хоть на короткое время вздохнуть свободнѣе. Такъ же мрачно, какъ и управляющій въ Кузовкѣ, смотрятъ на будущее священники въ Никитскомъ; и здѣсь я слышалъ страшныя слова о *повальной смерти*. Въ прошломъ году Никитское выдержало сильную эпидемію тифа—выдержало ее сравнительно благополучно, потому что въ селѣ была открыта, на счетъ попечительства Краснаго Креста, больница, съ достаточно многочисленнымъ и усерднымъ медицинскимъ персоналомъ, но въ нынѣшнемъ году попечительство имѣетъ на весь уѣздъ только двухъ фельдшеровъ и, за недостаткомъ средствъ, ничего

---

[1]) Въ менѣе рѣзкой формѣ это явленіе замѣчается и во всемъ богородицкомъ уѣздѣ: въ 1892 г. родилось въ уѣздѣ всего 8.950, умерло—9.641 чел.

больше не могло до сихъ поръ сдѣлать въ этомъ направленіи. Что будетъ съ Никитскимъ, да и со множествомъ другихъ селъ, если къ другимъ болѣзнямъ, распространеннымъ уже и теперь, присоединится, весною, тифъ, или, что̀ еще хуже, цынга, а затѣмъ и холера?..

Главную роль въ борьбѣ со всѣми бѣдствіями, обрушившимися на богородицкій уѣздъ, играетъ мѣстное попечительство Краснаго Креста. Частная помощь развита здѣсь въ нынѣшнемъ году весьма слабо—несравненно слабѣе, чѣмъ въ прошломъ: изъ шестидесяти участковъ, на которые (для организаціи благотворительности) раздѣленъ уѣздъ, она существовала, въ декабрѣ мѣсяцѣ, только въ восьми, выражаясь, преимущественно, въ безплатной раздачѣ хлѣба. Уполномоченнымъ Краснаго Креста въ каждомъ участкѣ является попечитель, избранный изъ числа мѣстныхъ жителей. Должностныхъ лицъ между попечителями весьма мало; изъ шести земскихъ начальниковъ попечителями состоятъ только трое. Большинство попечителей—священники (восемнадцать), землевладѣльцы (пятнадцать) и управляющіе (двѣнадцать). Нѣкоторые попечители завѣдуютъ двумя или даже тремя участками. Населенность участковъ весьма различна; минимальная ея цифра—217, максимальная—9.530. Ничего механическаго, формальнаго, дѣленіе на участки, такимъ образомъ, не представляетъ; все зависитъ отъ мѣстныхъ условій. Село Никитское, напримѣръ, раздѣлено на три участка, потому что его причтъ состоитъ изъ трехъ священниковъ, одинаково горячо относящихся къ дѣлу благотворительности. Одинъ изъ нихъ, от. Іоаннъ, имѣетъ на своемъ попеченіи, кромѣ третьей части с. Никитскаго, еще два участка, не принадлежащіе къ никитскому приходу; другой, от. Петръ, наблюдаетъ за всѣми пекарнями южной половины уѣзда. Энергія этихъ священниковъ, да и многихъ другихъ, достойна глубокаго сочувствія. Судя по всему мною слышанному и видѣнному, большинство попечителей относится къ своей задачѣ въ высшей степени добросовѣстно. Одинъ разъ въ мѣсяцъ попечители съѣзжаются въ Богородицкъ для совѣщанія о положеніи уѣзда и о дальнѣйшемъ планѣ дѣйствій. Душою всей организаціи является предсѣдатель попечительства, графъ В. А. Бобринскій. Безпрестанно разъѣзжая по уѣзду, объединяя дѣятельность попечителей, онъ заботится, вмѣстѣ съ тѣмъ, объ увеличеніи скудныхъ средствъ попечительства. Письмо, напечатанное имъ въ газетахъ [1]), вызвало приливъ пожертвованій, пока еще небольшой (въ декабрѣ мѣсяцѣ поступило 2.775 рублей), но дающій возможность съ бо̀льшимъ спокойствіемъ смотрѣть на будущее. „Пожертвованія — сказано въ послѣднемъ отчетѣ попечитель-

---

[1]) См. Общественную Хронику въ предъидущей книжкѣ „Вѣстника Европы“.

ства—пока приносятъ мало матеріальной пользы, но трудно оцѣнить ту нравственную поддержку, которую они намъ оказываютъ на нашемъ многотрудномъ поприщѣ. Сознавая всю необходимость и святость взятаго нами на себя дѣла спасенія холодныхъ и голодныхъ, насъ окружающихъ, мы, при самыхъ превратныхъ обстоятельствахъ, будемъ крѣпки въ вѣрѣ, что, наконецъ, наше общество стряхнетъ съ себя временный сонъ и протянетъ намъ руку помощи. Такая несокрушимая вѣра есть лучшій залогъ успѣха".

Къ началу 1893 г. положеніе богородицкаго попечительства представлялось въ полномъ смыслѣ слова критическимъ. Располагая капиталомъ тысячъ въ семнадцать и будучи, притомъ, обременено значительнымъ долгомъ, оно почти не могло дѣлать безвозвратныхъ затратъ, а должно было сосредоточить все свое вниманіе на расходахъ оборотныхъ, т.-е. на закупкѣ дровъ и муки, для немедленной ихъ перепродажи (муки—въ видѣ печенаго хлѣба). Съ 20-го ноября по 20-е декабря, напримѣръ, оно израсходовало на покупку муки 13.540 руб., на покупку дровъ—3.607 руб., а получило отъ продажи хлѣба 9.357 руб., отъ продажи дровъ—1.368 руб. Какъ ни важна для населенія возможность покупать, по заготовительной или слегка удешевленной цѣнѣ, сухія дрова и хорошо испеченный, доброкачественный хлѣбъ, этого, очевидно, недостаточно. Покупательныя средства населенія быстро истощаются; продаются послѣднія овцы и коровы, продаются немногія уцѣлѣвшія хозяйственныя принадлежности —а до новаго урожая, даже до конца зимы еще очень далеко. По мѣрѣ увеличенія нужды слѣдовало бы увеличивать размѣры даровой раздачи хлѣба и топлива, или хотя бы понижать цѣны на то и другое— а для этого необходимо значительное, очень значительное увеличеніе средствъ попечительства. Не говорю уже о борьбѣ съ болѣзнями, на которую попечительство, съ 20-го ноября по 20-е декабря, могло истратить только *сто двадцать два* рубля. Возвратясь въ Петербургъ, я узналъ, что на тульскую губернію назначено, изъ средствъ, остававшихся въ распоряженіи особаго комитета, двѣсти тысячъ рублей, и что на долю богородицкаго попечительства пришлось изъ нихъ двадцать пять тысячъ. Конечно, это существенная перемѣна къ лучшему; но, сравнительно съ потребностями населенія, и двадцать-пять тысячъ рублей—цифра не особенно большая. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, что въ прошломъ году поддержка *одного села*, съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ душъ, обходилась, сплошь и рядомъ, въ нѣсколько тысячъ рублей—и только въ обрѣзъ достигала цѣли, т.-е. предупреждала одно полное разореніе села. Ближайшія мѣры, которыя, благодаря неожиданной помощи, предполагаетъ принять богородицкое попечительство, заключаются въ

слѣдующемъ: продажная цѣна на хлѣбъ будетъ понижена съ 60 коп. за пудъ до 50—для сѣверной, до 40—для южной части уѣзда. Въ продажу будетъ пущенъ, по дешевой цѣнѣ, имѣющійся у попечительства запасъ гречневой крупы (около 10 т. пуд.), съ тою, между прочимъ, цѣлью, чтобы внести больше разнообразія въ пищу населенія (теперь заключающуюся почти въ одномъ только хлѣбѣ) и этимъ уменьшить шансы появленія и распространенія цынги. Увеличится, по всей вѣроятности, количество безплатно раздаваемаго топлива и хлѣба—если только пріобрѣтеніе топлива останется возможнымъ, т.-е. если будетъ сохраненъ безплатный подвозъ его изъ губерній, богатыхъ дровами. Объ устройствѣ столовыхъ [1]), о снабженіи горячей пищей больныхъ и маленькихъ дѣтей, о прокормленіи лошадей, особенно передъ началомъ и во время весеннихъ работъ—однимъ словомъ, о всемъ томъ, что̀ играло такую важную роль въ прошлогодней борьбѣ съ послѣдствіями неурожая, покамѣстъ почти не слышно. Поприще для частной помощи остается, такимъ образомъ, обширное, слишкомъ обширное, все равно, примкнетъ ли она къ попечительству Краснаго Креста, или станетъ дѣйствовать самостоятельно. Я слышалъ, что въ юго-западной части уѣзда организуется помощь на тѣхъ же началахъ, на какихъ она обыкновенно проявлялась въ прошедшемъ году. Такая организація имѣетъ то огромное преимущество, что привлекаетъ въ данную мѣстность не только матеріальныя средства, но и личныя силы.

Не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ богородицкій уѣздъ, находятся и сосѣдніе съ нимъ—епифанскій, ефремовскій, чернскій, новосильскій. Вся разница въ томъ, что тамъ гораздо менѣе развита дѣятельность попечительствъ Краснаго Креста. Епифанское попечительство, въ прошломъ году трудившееся чрезвычайно усердно и достигшее довольно крупныхъ результатовъ, въ этомъ году, насколько мнѣ извѣстно, работаетъ сравнительно вяло—можетъ быть потому, что еще не возвратился изъ-за границы его энергичный предсѣдатель. Еще меньше дѣлается въ ефремовскомъ уѣздѣ, гдѣ земское собраніе отказалось даже отъ выбора попечителей для организаціи помощи на мѣстѣ. Весьма вѣроятно, что средства, данныя Особымъ Комитетомъ на тульскую губернію, внесутъ нѣкоторое оживленіе въ тѣ уѣзды, которые имъ до сихъ поръ не отличались; но чѣмъ больше упущено времени, тѣмъ больше нужно усилій, чтобы ограничить хоть сколько-нибудь размѣры бѣдствія. Вся юго-восточная часть тульской губерніи требуетъ особеннаго вниманія со стороны русскаго общества.

---

[1]) Въ богородицкомъ уѣздѣ есть только нѣсколько школьныхъ столовыхъ, открытыхъ на средства Особой Коммиссіи при петербургскомъ комитетѣ грамотности.

Изъ богородицкаго уѣзда я поѣхалъ въ Воронежъ. Въ прошломъ году отъ неурожая пострадала вся воронежская губернія; въ нынѣшнемъ году онъ разразился съ особенною силой надъ южными ея уѣздами, наиболѣе отдаленными отъ губернскаго города (богучарскимъ, острогожскимъ, павловскимъ, бирюченскимъ). Это еще не значитъ, конечно, чтобы сѣверные уѣзды находились въ положеніи благополучномъ. Избытокъ хлѣба, сравнительно съ количествомъ, необходимымъ для продовольствія и обсѣмененія, имѣется только въ трехъ уѣздахъ, и притомъ такой небольшой, что нечего и думать объ обращеніи его на пополненіе прошлогоднихъ потерь. Частной помощи, въ прошломъ году очень много сдѣлавшей для воронежской губерніи, удалось поддержать нѣкоторыя села настолько, что въ нихъ почти не уменьшилось количество скота, не развились эпидеміи, не сдавались за баснословно дешевую цѣну надѣлы, не продавались впередъ, на разорительныхъ для крестьянъ условіяхъ, рабочія руки. И что же? Даже въ этихъ селахъ съ половины зимы начинаетъ чувствоваться нужда—нужда въ топливѣ, нужда въ хлѣбѣ. Я видѣлъ одно изъ нихъ, Малышево (въ 18 в. отъ Воронежа, при сліяніи р. Воронежа съ Дономъ). На это село, имѣющее около $2^1/_2$ тыс. жителей, истрачено въ прошломъ году кружкомъ частныхъ лицъ, принявшимъ на себя попеченіе о немъ, около 10 тыс. рублей—и всетаки положеніе его крайне тяжелое (правда, что одновременно съ неурожаемъ оно сильно пострадало, въ 1891 г., и отъ пожара). Населеніе его занимается преимущественно огородничествомъ. Въ прошломъ году овощи родились плохо, и это до крайности увеличило размѣры нужды; въ этомъ году былъ хорошій урожай на огурцы—но къ новому году они были уже всѣ распроданы, и для многихъ домохозяевъ вопросъ о завтрашнемъ днѣ опять становился тяжелой заботой. Избы, въ которыя я заходилъ, были, большею частью, плохо вытоплены; многія изъ нихъ имѣютъ недостроенный видъ, хозяйственныхъ построекъ мало, крестьяне живутъ точно на бивуакахъ. Одна семья помѣщается въ землянкѣ, полу-темной и сырой; спускаться туда нужно согнувшись въ три погибели, по уступамъ, изъ которыхъ верхніе занесены снѣгомъ. Судя по всему мною слышанному, Малышево бѣдствуетъ меньше многихъ другихъ деревень воронежскаго уѣзда; каково же должно быть положеніе бѣднѣйшихъ селеній въ южныхъ уѣздахъ губерніи, вторично пораженныхъ полнымъ неурожаемъ?..

Въ тульской губерніи организація помощи болѣе децентрализована, чѣмъ въ воронежской; въ этой послѣдней безусловно господствующая роль принадлежитъ губернскому благотворительному коми-

тету [1]). Располагая, до января мѣсяца, сравнительно небольшими средствами (не болѣе 150 тыс. руб.), онъ долженъ былъ, по необходимости, отвести первое мѣсто оборотнымъ расходамъ, т.-е. организовать дешевую продажу хлѣба. Эта сторона его дѣятельности развилась довольно широко и приноситъ безспорную пользу населенію. Покупая хлѣбъ—сначала на сѣверномъ Кавказѣ, потомъ въ Оренбургѣ—по сравнительно невысокой цѣнѣ (64—68 коп. за пудъ) и по той же, приблизительно, цѣнѣ (благодаря даровому провозу) пуская его въ продажу, комитетъ предупредилъ повышеніе цѣнъ на хлѣбъ, которыя иначе легко могли бы подняться до рубля и выше. Для продажи хлѣба учреждаются склады (не только въ южныхъ, но и въ сѣверныхъ уѣздахъ), вездѣ, гдѣ находятся желающіе завѣдывать ими. Населеніе пріобрѣтаетъ этотъ хлѣбъ весьма охотно; у кого есть кое-какія средства, тотъ предпочитаетъ даже купить хлѣбъ, чѣмъ получить продовольственную ссуду, которую потомъ будутъ съ него взыскивать. Сберегается для покупки хлѣба каждая заработанная копѣйка; вина пьютъ мало, свадьбы справляютъ по возможности скромно. Когда въ декабрѣ мѣсяцѣ около Воронежа шла усиленная расчистка снѣжныхъ заносовъ, въ виду ожидавшагося проѣзда высоко-поставленнаго лица, плата рабочимъ дошла до четырехъ рублей въ день—и многими изъ нихъ вся цѣликомъ обращалась на покупку хлѣба. Среди завѣдующихъ складами не мало лицъ, потрудившихся въ прошломъ году надъ организаціей частной помощи. Въ охотникахъ работать и теперь нѣтъ недостатка—была бы только работа. Между ними есть лица всѣхъ сословій и состояній. Мнѣ говорили о мелкихъ сельскихъ торговцахъ, въ обычное время не чуждыхъ кулачества, которые проводятъ цѣлые дни въ хлѣбныхъ складахъ, взвѣшивая и отпуская хлѣбъ и довольствуясь самымъ скуднымъ вознагражденіемъ. Пріемомъ хлѣба для одного изъ складовъ распоряжается, на желѣзно-дорожной станціи, отставной солдатъ. Если онъ знаетъ, что въ складѣ хлѣбъ весь вышелъ, а на станцію пришелъ новый грузъ, онъ отправляется сообщить о томъ завѣдующему складомъ, за нѣсколько верстъ, ночью, въ морозъ и мятель, лишь бы только не было задержки въ полученіи хлѣба. Такихъ примѣровъ можно было бы насчитать много. Къ сожалѣнію, успѣшной дѣятельности складовъ препятствуетъ кое-гдѣ бюрократическое самолюбіе. Нѣкоторыя должностныя лица претендуютъ на всевластіе даже въ дѣлѣ благотворительности; устройство хлѣбнаго склада частнымъ лицомъ или даже чиновникомъ другого вѣдомства кажется имъ посягатель-

---

[1]) Я говорю, конечно, только о зимѣ 1892-93 г., а не о томъ, что дѣлалось въ 1891-92 г.

ствомъ на ихъ права, оскорбленіемъ ихъ достоинства. Въ павловскомъ уѣздѣ это привело къ закрытію пятнадцати складовъ, устроенныхъ податнымъ инспекторомъ, и помѣшало открытію семи другихъ. Туго развивается дѣло, по аналогичнымъ причинамъ, и въ бирючен-скомъ уѣздѣ... Кромѣ хлѣба, губернскій благотворительный комитетъ закупаетъ и дешево продаетъ (по 16 коп. за пудъ) сѣно, котораго иначе во многихъ мѣстахъ нельзя было бы достать ни за какую цѣну; въ меньшихъ размѣрахъ существуетъ также продажа угля и небольшихъ переносныхъ печей (по 1 руб. за штуку), для топки углемъ.

Теперь дѣятельность благотворительнаго комитета должна значительно оживиться и принять болѣе обширные размѣры: на воронежскую губернію отпущено изъ средствъ Особаго Комитета, въ первыхъ числахъ января, пятьсотъ тысячъ рублей. И эта сумма, впрочемъ, невелика сравнительно съ громадностью нужды, особенно въ южныхъ уѣздахъ. Мнѣ не удалось побывать тамъ, но разсказы очевидцевъ, подтверждаемые статистическими данными, рисуютъ картину по истинѣ ужасающую. Въ богучарскомъ уѣздѣ, напримѣръ, всѣхъ сортовъ хлѣба собрано въ 1892 г. только 198 тыс. четвертей, между тѣмъ какъ на продовольствіе и обсѣмененіе необходимо болѣе 790 тысячъ. Убыль скота дошла здѣсь уже къ августу мѣсяцу до 35%—и на этомъ, конечно, не остановилась, тѣмъ болѣе, что кормовъ, вмѣсто необходимыхъ 25 милліоновъ, собрано только съ небольшимъ 9 милліоновъ пудовъ. Задолженность крестьянъ въ богучарскомъ уѣздѣ, насколько она могла быть приведена въ извѣстность земскими статистиками, составляетъ, въ среднемъ, около ста рублей на каждое хозяйство. Скотъ скупается здѣсь мелкими кулаками рѣшительно за безцѣнокъ; корова продается иногда за 4—5 руб., т.-е. по цѣнѣ близкой къ стоимости одной кожи, овца — за 1 руб. 50 коп. Рабочій, на своихъ харчахъ, получалъ въ богучарскомъ уѣздѣ весною, въ среднемъ, по 27, во время жатвы — по 36 коп. въ день; мѣстами эта плата падала какъ весною, такъ и во время жатвы, до 20 копѣекъ. Для поденщицы соотвѣтствующія цифры были 18 и 21, 12 и 15 копѣекъ. Плата годовому рабочему понизилась, въ среднемъ, до сорока рублей, а въ иныхъ случаяхъ составляла не болѣе двадцати пяти. Съ отхожихъ промысловъ, лѣтомъ 1892 г., многіе возвратились ни съ чѣмъ, такъ какъ въ мѣстностяхъ, куда обыкновенно уходятъ крестьяне изъ богучарскаго уѣзда (области кубанская и терская, губернія ставропольская), свирѣпствовала холера. Этого мало: богучарскому уѣзду, какъ и вообще южной части воронежской губерніи, грозитъ новый неурожай, *третій* сряду. До октября мѣсяца здѣсь вовсе не было дождей; поэтому озимые посѣвы либо произведены

очень поздно, либо не произведены вовсе. Пустующія полосы составляютъ около одной четверти всѣхъ озимыхъ полей; на засѣянныхъ полосахъ всходовъ совсѣмъ нѣтъ или они очень плохи [1]). Къ нуждѣ въ настоящемъ присоединяются, такимъ образомъ, крайне неутѣшительные виды на будущее, угнетающимъ образомъ дѣйствующіе на населеніе. Между тѣмъ приближается весна — въ неурожайный годъ самое опасное время для народнаго здоровья. Именно весною прошлаго года въ южныхъ уѣздахъ воронежской губерніи съ особенною силой разыгралась цынга. О причинахъ ея появленія и распространенія имѣются два изслѣдованія, богатыя фактами и поучительными выводами: „Цынга въ богучарскомъ уѣздѣ", А. Х. Сабинина, и „Матеріалы къ исторіи цынги въ воронежской губерніи въ 1892 г.", г. В. Спримона (и то и другое напечатано въ воронежской „Медицинской Бесѣдѣ" и затѣмъ издано отдѣльно). Первые случаи цынги относятся еще къ декабрю 1891 г.; въ мартѣ она достигла своего апогея, но въ Воронежѣ о ней узнали только въ апрѣлѣ, и энергическая борьба съ нею началась только въ маѣ мѣсяцѣ. Особенно много больныхъ было въ уѣздахъ острогожскомъ, богучарскомъ, павловскомъ и валуйскомъ. Дѣти и старики умирали отъ нея во многихъ мѣстахъ почти поголовно; но она выхватила много жертвъ и изъ среды людей рабочаго возраста. Въ слободѣ Ольховаткѣ, острогожскаго уѣзда, смертность въ первые четыре мѣсяца 1892 г. (358) почти сравнялась съ смертностью за весь 1891 г. (401); то же самое слѣдуетъ сказать и о слободѣ Караишникѣ (145 и 157). Въ слободѣ Старой Калитвѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ — марта и апрѣля—умерло 154 чел., между тѣмъ какъ за весь 1891 г. смертныхъ случаевъ было только 254. Еще поразительнѣе данныя, относящіяся къ богучарскому уѣзду; здѣсь смертность за первые четыре мѣсяца 1892 г. сплошь и рядомъ превышаетъ смертность за цѣлый благополучный (1890) годъ. Такъ напримѣръ, для слободы Гадючей получаются цифры 70 и 26, для слободы Филоново — 78 и 58, для слободы Пасики—56 и 40, для слободы Красногоровки—92 и 44, для Старой Кріуши—372 и 224. Докторъ Сабининъ зарегистровалъ въ богучарскомъ уѣздѣ 3.565 больныхъ цынгою, въ томъ числѣ съ легкой ея формой — 881, съ тяжелой — 1.036, съ самой тяжкой (омертвѣніе десенъ клочьями, обширныя кровоизліянія въ клѣтчатку вѣкъ и въ оболочку глазныхъ яблокъ, жесточайшія колющія боли въ груди; вѣроятный исходъ—смерть отъ плеврита и диссентеріи)—1648. А вотъ главныя заключенія, къ которымъ приходитъ докторъ

---

[1]) Всѣ эти свѣденія заимствованы мною изъ изданія воронежскаго губернскаго земства: „Сельско-хозяйственный обзоръ по воронежской губерніи за 1891-92 г.".

Сабининъ: „причина появленія и распространенія цынги — недостаточное питаніе и главнымъ образомъ овощная голодовка. Необходимо выказать заботу о продовольствіи населенія *вообще* въ болѣе широкой степени, чѣмъ ранѣе было; иначе цынга можетъ быть безконечнымъ бичемъ населенія. При условіяхъ вновь наступившаго неурожая уѣздъ можетъ быть обреченъ на длительную, смертельную цынгу". Точно такъ же смотритъ на дѣло и докторъ Спримонъ. „Продовольственная ссуда однимъ хлѣбомъ,—говоритъ онъ,—при полномъ неурожаѣ овощей и въ особенности картофеля [1]), не гарантируетъ отъ заболѣванія цынгою и другими болѣзнями разстройства питанія. Въ мѣстахъ повторенія голода ссуда хлѣбомъ въ количествѣ 30 ф. въ мѣсяцъ не можетъ поддержать силы населенія; необходимо, чтобы оно имѣло пшено или картофель, а лучше и то и другое". Само собою разумѣется, что еще болѣе важнымъ улучшеніе продовольствія становится послѣ появленія цынги. По словамъ доктора Спримона, „леченіе больныхъ цынгою, безъ соотвѣтствующаго пищевого довольства (лимоны, овощи, картофель, свѣжее мясо), подрываетъ довѣріе къ медицинѣ". Громадную службу въ предупрежденіи цынги могли бы сослужить столовыя, устроенныя по прошлогоднему образцу, т.-е. съ достаточнымъ разнообразіемъ пищи; но ихъ до сихъ поръ открыто въ южныхъ уѣздахъ воронежской губерніи весьма мало. Помощи, въ этомъ направленіи, слѣдуетъ ожидать не столько отъ губернскаго благотворительнаго комитета, сколько отъ частной иниціативы, для которой открывается здѣсь по истинѣ безконечное поприще. Въ январьской Общественной Хроникѣ у насъ было уже указано на дѣятельность В. Г. Черткова, сосредоточенную въ одной изъ наиболѣе пострадавшихъ мѣстностей (на границѣ уѣздовъ острогожскаго и богучарскаго). Мнѣ называли въ Воронежѣ еще нѣсколько лицъ, работающихъ, въ томъ же духѣ, на югѣ губерніи. Подробныя свѣденія по этому предмету могутъ быть получены отъ докторовъ Г. А. Гончарова и Ф. И. Хрущова, постоянно живущихъ въ Воронежѣ и еще въ прошломъ году близко, на самомъ дѣлѣ, ознакомившихся съ организаціей частной помощи.

Итакъ, нужда чрезвычайно велика и постоянно ростетъ, средства борьбы съ нею крайне незначительны; увеличить ихъ, по образцу

[1]) Урожай картофеля болѣе или менѣе удовлетворителенъ, изъ числа южныхъ уѣздовъ воронежской губерніи, только въ бирючевскомъ; въ острогожскомъ уѣздѣ онъ вдвое ниже средняго по губерніи, въ уѣздахъ павловскомъ и богучарскомъ—еще хуже (едва самъ-другъ). Капуста въ губерніи вообще родилась хорошо, но павловскому и острогожскому уѣздамъ и въ этомъ отношеніи не повезло: въ первомъ капуста повреждена гусеницей и блохой, во второмъ—червями.

прошлаго года, необходимо и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ возможно. Вездѣ есть организація, болѣе или менѣе недостаточная въ настоящемъ, но эластичная, допускающая расширеніе, дополненіе и видоизмѣненіе. Вездѣ есть люди, или теперь уже дѣлающіе все отъ нихъ зависящее, или ждущіе лишь призыва, готовые приняться за дѣло, какъ только для него будутъ указаны пути и средства. Въ сравненіи съ прошлымъ годомъ, помощь—въ мѣстностяхъ вторично пострадавшихъ—съ одной стороны, болѣе настоятельна, съ другой—легче осуществима, какъ потому, что районъ неурожая гораздо меньше, такъ и потому, что не столь высока цѣна на хлѣбъ. За одну и ту же сумму въ нынѣшнемъ году можно прокормить вдвое бо̀льшее число лицъ, чѣмъ въ прошломъ. Главное—не терять времени, не ожидать, сложа руки, наступленія весны, съ ея эпидеміями, съ ея распутицей, съ ея усиленными работами для людей и лошадей. Еще мѣсяцъ, другой—и нужно будетъ думать о прекращеніи бѣдствій, которыя теперь еще можно предупредить.

К. Арсеньевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1893 г.

Продовольственная помощь въ неурожайныхъ мѣстностяхъ.—Размѣры продовольственной потребности въ воронежской губерніи.—Работы тверской земской продовольственной коммиссіи.—Земскіе агенты и мелкая земская единица.—Прожекты ливенской земской коммиссіи.—Перемѣна въ управленіи министерствомъ государственныхъ имуществъ.

Въ половинѣ января въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилось новое оффиціальное сообщеніе о продовольственной помощи губерніямъ, пострадавшимъ отъ неурожая 1892 г. Кромѣ 6.426.000 рублей, выданныхъ въ ссуду, по 1-е октября 1892 г., на обсѣмененіе озимыхъ полей и отчасти на продовольствіе, отпущено еще на покупку хлѣба, по 15-е января, 5.700.000 рублей. Требуется, затѣмъ, доставить въ губерніи воронежскую, тульскую и курскую—хлѣба на сумму до 4.200.000 рублей и отпустить, на закупку хлѣба въ предѣлахъ семи неурожайныхъ губерній, 2.700.000 рублей. Независимо отъ десяти губерній, потерпѣвшихъ особенно сильно (тульская, воронежская, курская, орловская, рязанская, казанская, бессарабская, херсонская, таврическая и область донская), заявлена потребность въ правительственной помощи на продовольствіе и по обсѣмененію яровыхъ полей еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерній самарской, пензенской, симбирской, уфимской, вятской, тобольской, отчасти саратовской и тамбовской. Эта потребность будетъ удовлетворена, по мѣрѣ возможности, на счетъ мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ, остатковъ отъ ассигнованій по неурожаю 1891 г. и хлѣбомъ, вносимымъ въ возвратъ прошлогоднихъ ссудъ. Такого хлѣба поступило, по 1-ое января, около 11 милл. пудовъ. Между 19 губерніями онъ распредѣляется весьма неравномѣрно: всего больше возвращено хлѣба въ губерніяхъ саратовской (2.585 тыс. пуд.), симбирской (1.702 тыс.) и самарской (1.367 тыс.), всего меньше — въ губерніяхъ курской (92 тыс.), тобольской (49 тыс.) и тульской (34 тыс.). Не велика цифра

возвращеннаго хлѣба и по харьковской губерніи (39 тыс.), но эта губернія и получила, въ прошломъ году, сравнительно немного, такъ какъ неурожай здѣсь былъ далеко не повсемѣстный. Часть возвращеннаго хлѣба (изъ губерній саратовской, тамбовской, нижегородской, оренбургской и симбирской; всего до 2.700 тыс. пуд.) передвигается въ губерніи воронежскую и тульскую; остальное количество будетъ отчасти употреблено на мѣстныя продовольственныя и сѣмянныя нужды, отчасти продано, въ виду затруднительности вывоза хлѣба изъ отдаленныхъ пунктовъ.

Итакъ, общая сумма ссудъ на продовольствіе и обсѣмененіе достигаетъ, къ 15-му января, девятнадцати милліоновъ рублей. Для насъ не совсѣмъ ясно, входитъ ли въ эту сумму стоимость возвращеннаго хлѣба, передвигаемаго въ губерніи воронежскую и тульскую. Повидимому — да; если же не входитъ, то общій итогъ хлѣбныхъ ссудъ долженъ быть увеличенъ милліона на два, т.-е. составить около двадцати одного милліона рублей. Имѣются ли въ виду еще дальнѣйшія ссуды десяти наиболѣе пострадавшимъ губерніямъ — этого, на основаніи текста правительственнаго сообщенія, съ достовѣрностью сказать нельзя; скорѣе можно предположить, что не имѣются. Нельзя не пожалѣть, что въ сообщеніи не указано распредѣленіе ссудъ между различными губерніями. Чрезвычайно интересно, напримѣръ, было бы знать, какъ велика ссуда, причитающаяся на долю воронежской губерніи—и затѣмъ сравнить ее съ размѣрами мѣстныхъ потребностей и наличныхъ средствъ, вычисленными земской статистикой [1]). Уже въ первомъ выпускѣ сельско-хозяйственнаго обзора, составленномъ на основаніи свѣденій о положеніи посѣвовъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1892 г., вѣроятный недочетъ пяти главнѣйшихъ хлѣбовъ (ржи, яровой пшеницы, овса, ячменя и проса) былъ опредѣленъ для губерніи въ 1.929 тыс. четв. Дѣйствительность оказалась еще ниже ожиданій: собрано было на 131 тыс. четвертей меньше предположеннаго. Въ прошломъ году недочетъ хлѣба (т.-е. разница между количествомъ хлѣба, собраннаго на крестьянскихъ поляхъ, и количествомъ хлѣба, необходимаго крестьянскому населенію для продовольствія и обсѣмененія) составлялъ болѣе 3.700 тыс. четвертей; слѣдовательно, нынѣшній недочетъ только на 45% меньше прошлогодняго. Если пополнить его гречихой, картофелемъ и другими сельско-хозяйственными полевыми растеніями, то все-таки остается недостатокъ почти въ милліонъ четвертей, распредѣляющійся, притомъ, весьма неравномѣрно между различными уѣздами губерніи. Въ шести сѣверныхъ

---

[1]) См. „Сельско-хозяйственный обзоръ по воронежской губерніи за 1891-92 г.“ (изданіе воронежскаго губернскаго земства).

уѣздахъ сборъ превысилъ потребность на 21%, въ шести южныхъ онъ ниже ея на 96%. Для острогожскаго уѣзда недостатокъ достигаетъ 149%, для павловскаго — 205%, для богучарскаго — 300%; другими словами, въ богучарскомъ уѣздѣ собрана только *одна четвертая часть* того, что, по самому скромному разсчету, требуется для покрытія продовольственныхъ и сѣмянныхъ нуждъ уѣзда! Осенью 1891 г. въ сельскихъ запасныхъ магазинахъ хранилось болѣе 600 тыс. четв.; частные запасы крестьянъ составляли, приблизительно, 1.230 тыс. четв.; убыль скота еще не начиналась, задолженность крестьянъ была гораздо меньше; теперь нѣтъ болѣе на-лицо ни одного изъ этихъ благопріятныхъ условій. Къ недостатку въ хлѣбѣ присоединяется еще недостатокъ въ кормовыхъ средствахъ, опредѣляемый въ 31 милл. пудовъ. Милліонъ четвертей хлѣба, считая по 6 рублей за четверть, представляетъ собою сумму въ шесть милліоновъ рублей. Что въ разсчетѣ, сдѣланномъ воронежскими статистиками, нѣтъ ничего преувеличеннаго — за это ручается прошлогодній опытъ. Въ іюлѣ 1891 г. стоимость продовольственныхъ средствъ, которыя понадобятся для воронежской губерніи, была опредѣлена ими въ 7½ милліоновъ рублей. Сначала эта сумма казалась черезъ-чуръ громадной—но въ концѣ концовъ она была достигнута и даже превзойдена: собственно на продовольствіе воронежская губернія получила въ ссуду, съ осени 1891 до лѣта 1892 г., 7.750 тыс. рублей. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что изъ *девятнадцати* милліоновъ (или хотя бы двадцати одного), ассигнованныхъ на *десять* губерній, на долю воронежской губерніи придется гораздо менѣе *шести* милліоновъ рублей. Остается только надѣяться, что она получитъ недостающую сумму (къ которой, собственно говоря, слѣдовало бы прибавить еще стоимость недостающихъ кормовъ, т.-е. около двухъ милліоновъ рублей) другимъ путемъ — организаціей общественныхъ работъ. Надлежащимъ образомъ направленныя, онѣ могутъ не только поддержать населеніе, но и уменьшить разрушительное дѣйствіе причинъ, подготовившихъ неурожаи 1891 и 1892 г. Какъ сильно измѣнились къ худшему, за послѣднее время, естественныя условія, въ которыя поставлена воронежская губернія, объ этомъ можно судить по слѣдующему факту, сообщенному намъ изъ достовѣрнаго источника. Въ четырехъ уѣздахъ воронежской губерніи: задонскомъ, нижнедѣвицкомъ, коротоякскомъ и богучарскомъ, у крестьянъ числилось, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, 69.563 дес. неудобной земли (изъ общаго количества 1.490.000 дес.); теперь неудобной земли у нихъ оказывается уже 119.200 десятинъ! Число десятинъ неудобной земли увеличилось, такимъ образомъ, почти на 50 тысячъ, вслѣдствіе вымыванія почвы, вывѣтриванія ея, наноса песку, мѣла и т. п.

Ухудшеніе почвы совершалось и совершается, конечно, не въ однихъ только названныхъ уѣздахъ, но и во всей губерніи, да и въ другихъ, находящихся въ одинаковомъ съ нею положеніи. Зависѣло и зависитъ оно главнымъ образомъ отъ истребленія лѣсовъ, засоренія рѣкъ, неразсчетливаго увеличенія распашекъ. Этимъ предопредѣляются сами собою общественныя работы, особенно необходимыя для воронежской губерніи или, лучше сказать, для всей центральной и юго-восточной Россіи: обводненіе, укрѣпленіе овраговъ и песковъ, лѣсонасажденіе, рытье прудовъ и колодцевъ и т. п. Нигдѣ существенное значеніе подобныхъ работъ не сознается такъ ясно, какъ въ средѣ, наиболѣе знакомой съ мѣстными условіями и нуждами— въ средѣ земскихъ дѣятелей, особенно земскихъ статистиковъ. Настало время воспользоваться не только данными, собранными и освѣщенными земской статистикой, но и личнымъ опытомъ людей, всего больше поработавшихъ на этомъ поприщѣ... Само собою разумѣется, что общественныя работы, предпринимаемыя не для одной только непосредственной помощи голодающимъ, но и для достиженія цѣлей болѣе отдаленныхъ и широкихъ, не должны прекращаться съ окончаніемъ неурожайнаго періода. Онѣ должны быть разсчитаны на много лѣтъ впередъ и на обширные районы. Какъ бы велики ни были затраченныя на нихъ суммы, расходъ окажется производительнымъ, если только правиленъ будетъ выборъ работъ и цѣлесообразна ихъ организація.

Неурожаями послѣднихъ лѣтъ продовольственный вопросъ выдвинутъ на первый планъ не только въ пострадавшихъ губерніяхъ, но и въ другихъ, которымъ опасность не грозитъ такъ непосредственно и прямо. Такова, напримѣръ, тверская губернія. Продовольственная коммиссія, избранная тверскимъ губ. земскимъ собраніемъ въ 1891 г., посмотрѣла на свою задачу очень широко. Трое изъ ея членовъ представили ей обширные доклады, взаимно дополняющіе другъ друга; на основаніи этихъ докладовъ и работъ губ. управы, коммиссія внесла въ собраніе цѣлый рядъ предложеній, затрогивающихъ самыя различныя стороны продовольственнаго вопроса. По справедливому замѣчанію одного изъ докладчиковъ, И. И. Петрункевича, „если въ промышленной полосѣ Россіи и не бываетъ такихъ рѣзкихъ колебаній урожая, какъ въ черноземной полосѣ, то ея продовольствіе — пока она не производитъ хлѣба въ достаточномъ для собственнаго потребленія количествѣ — находится въ зависимости отъ урожаевъ черноземной полосы; достаточно совпаденія неурожаевъ въ обѣихъ полосахъ, чтобы хозяйство тверскихъ крестьянъ сильно пострадало, а населеніе испытало всѣ послѣдствія голода". Докладъ И. И. Петрункевича направленъ, прежде всего, противъ существующей системы

хлѣбныхъ запасовъ, пріурочивающей ихъ къ сельскимъ обществамъ и только въ видѣ исключенія—къ волостямъ. Онъ сравниваетъ эту систему съ такимъ страхованіемъ отъ огня, участниками котораго были бы только жители одного селенія: при сколько-нибудь обширномъ пожарѣ о вознагражденіи страхователей не могло бы тогда быть и рѣчи. Сельское общество, въ тверской губерніи, имѣетъ, въ среднемъ, 130 ревизскихъ или 380 наличныхъ (обоего пола) душъ; хлѣбный его запасъ, если онъ находится на лицо сполна, въ количествѣ, требуемомъ закономъ, составляетъ 130 четвертей озимаго и 65 четвертей ярового хлѣба. Обезпечить продовольствіе населенія онъ, очевидно, не можетъ, такъ какъ для этого нужно, въ среднемъ, по 1½ четверти на душу, т.-е. 570 четвертей. Не хватило бы хлѣба на продовольствіе и обсѣмененіе, по разсчету И. И. Петрункевича, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы въ магазинѣ было засыпано по четверти озимаго и по полу-четверти ярового хлѣба не на ревизскую, а на наличную мужскую душу. А еслибы неурожай повторился раньше возвращенія въ магазинъ взятаго изъ него хлѣба? Въ тверской губерніи, при среднихъ урожаяхъ, разобранный хлѣбъ можетъ быть пополненъ, безъ отягощенія населенія, не раньше какъ въ срокъ, назначенный для образованія запаса, т.-е. въ 16 лѣтъ [1]). Полнота сельскихъ магазиновъ, въ каждую данную минуту, представляется, такимъ образомъ, совершенно невозможной. Обезпеченность продовольствія ростетъ прямо пропорціонально району, объединяющему хлѣбные запасы; волостные магазины, поэтому, цѣлесообразнѣе сельскихъ, уѣздные — цѣлесообразнѣе волостныхъ, губернскіе — цѣлесообразнѣе уѣздныхъ. И губернскій магазинъ, однако, не обезпечивалъ бы населеніе отъ послѣдствій неурожая, въ особенности повторнаго. При запасѣ въ одну четверть озимаго и полу-четверть ярового хлѣба на каждую *наличную* мужскую душу (т.-е. гораздо больше, чѣмъ сколько требуетъ законъ), губернскіе магазины въ тверской губерніи содержали бы около 837 тыс. четвертей озимаго и 418 тыс. четвертей ярового хлѣба. Достаточно было бы трехъ неурожаевъ въ *одномъ* уѣздѣ губерніи [2]), чтобы совершенно исчерпать запасъ озимаго хлѣба. Еще важнѣе другое соображеніе, приводимое И. И. Петрункевичемъ противъ системы хлѣбныхъ запасовъ, хотя бы губернскихъ. Эта система предполагаетъ *возвращеніе ссудъ*, которое сплошь и рядомъ ведетъ къ все бо̀льшему и бо̀льшему ухудшенію крестьянскаго хозяй-

---

[1]) Ежегодно, по закону, засыпается на ревизскую душу по четыре гарнца озимаго и по два гарнца ярового хлѣба, т.-е. по 1/16 части того количества, которое считается предѣльнымъ.

[2]) Общее наличное число душъ въ уѣздѣ принимается при этомъ въ 120 тыс., число четвертей, необходимыхъ для продовольствія и обсѣмененія—въ 294 тыс. четв.

ства. Безспорное преимущество, поэтому, имѣютъ *безвозвратныя выдачи*, возможныя только при страховой системѣ. Изъ различныхъ видовъ страхованія г. Петрункевичъ высказывается за *страхованіе средняго урожая* (а не страхованіе отъ голода, обезпечивающее minimum хлѣба, необходимаго для пропитанія), и притомъ страхованіе *обще-государственное и обязательное*, примыкая, такимъ образомъ, къ извѣстной мысли г. Грасса, осуществленіе которой предпринято орловскимъ губернскимъ земствомъ. По приблизительному вычисленію г. Петрункевича, страхованіе ржи обошлось бы каждому домохозяину, въ тверской губерніи, не болѣе какъ въ 29 к., страхованіе овса—въ 72 коп.

Другой членъ тверской земской продовольственной коммиссіи, В. Н. Линдъ, поддерживая мысль о введеніи обязательнаго страхованія отъ неурожая, намѣчаетъ цѣлый рядъ другихъ мѣръ, направленныхъ къ увеличенію народнаго благосостоянія, а слѣдовательно, и къ уменьшенію опасности, представляемой неурожаемъ: содѣйствіе покупкѣ крестьянами земли (когда покупка не можетъ быть произведена съ помощью крестьянскаго банка), содѣйствіе разселенію и переселенію внутри губерніи, содѣйствіе усовершенствованію земледѣлія и развитію кустарной промышленности, устройство хлѣбныхъ складовъ-банковъ, въ видахъ упорядоченія хлѣбной торговли и расширенія мелкаго кредита (болѣе подробныя соображенія о земскихъ складахъ-банкахъ представлены коммиссіи третьимъ ея членомъ, А. А. Римскимъ-Корсаковымъ). Оригинальная сторона доклада В. Н. Линда заключается, впрочемъ, не въ этихъ предположеніяхъ, часто обсуждавшихся земствами разныхъ губерній и отчасти уже осуществленныхъ или осуществляемыхъ. Гораздо важнѣе денежныхъ затратъ на разныя отрасли народнаго хозяйства докладчикъ признаетъ „внесеніе земствомъ въ существующія условія труда умственной и нравственной энергіи". Дѣйствуя „въ качествѣ совѣтника, устроителя, посредника и защитника трудящагося населенія", земство „играло бы роль той силы, которая въ механикѣ называется освобождающей. Собственная величина этой силы можетъ быть ничтожна въ сравненіи съ производимымъ ею дѣйствіемъ, ибо присоединеніе ея превращаетъ существующую уже потенціальную силу въ живую и дѣйствующую. Но для того, чтобы земство могло играть эту роль, первое и главнѣйшее условіе, безъ котораго все остальное не будетъ имѣть значенія, состоитъ въ томъ, чтобы въ распоряженіи его были люди, спеціально избранные и подготовленные для данной цѣли—быть посредниками между трудящимся населеніемъ и всѣми остальными факторами, отъ которыхъ зависитъ успѣшность труда". Въ случаѣ недостатка такихъ людей между мѣстными жителями, они могли бы быть приглашаемы

со стороны, въ особенности изъ числа лицъ, получившихъ техническое или хозяйственное образованіе. Считаясь земскими агентами, они могли бы завѣдывать сельскими магазинами, страхованіемъ отъ неурожая, продажей улучшенныхъ сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій, могли бы ходатайствовать за крестьянъ въ крестьянскомъ банкѣ, наводить для нихъ справки, помогать имъ совѣтами и указаніями, сообщать управѣ о всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ требуется съ ея стороны защита трудящагося населенія передъ правительственными учрежденіями.

Мысль г. Линда намъ какъ нельзя болѣе симпатична; но мы должны, къ сожалѣнію, признать, что попытка провести ее въ жизнь встрѣтила бы препятствія двоякаго рода. Одни изъ нихъ—случайныя и временныя, но, тѣмъ не менѣе, весьма серьезныя — коренятся въ господствующихъ взглядахъ на крестьянъ и на земство. У крестьянъ, съ точки зрѣнія этихъ взглядовъ, есть уже заступники—земскіе начальники. Имъ принадлежитъ та роль, которую г. Линдъ предназначаетъ земскимъ агентамъ; они—единственные компетентные посредники между крестьянами и администраціей, между деревней и всѣмъ остальнымъ міромъ. Вмѣшательство третьихъ лицъ было бы здѣсь либо double emploi, повтореніемъ безъ того уже сдѣланнаго и дѣлаемаго, либо противодѣйствіемъ власти, умаленіемъ ея авторитета, посягательствомъ на ея прерогативы. Само собою разумѣется, что эта аргументація ошибочна съ перваго слова до послѣдняго—но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что она была бы противопоставлена пожеланіямъ г. Линда, еслибы они были облечены въ болѣе опредѣленную форму (проекта, ходатайства и т. п.). Такъ, по всей вѣроятности, посмотрѣла на дѣло и тверская продовольственная коммиссія, принявшая всѣ предложенія гг. Петрункевича, Римскаго-Корсакова и Линда—кромѣ относящагося къ новой категоріи земскихъ агентовъ: о немъ въ докладѣ коммиссіи губернскому собранію не говорится ни слова. Но и помимо этого, живое общеніе земства съ населеніемъ едва ли могло бы быть достигнуто путемъ учрежденія земскихъ агентовъ. *Нѣсколькихъ* агентовъ на уѣздъ не выдержали бы земскіе бюджеты; *одинъ* агентъ не могъ бы стать такъ близко къ населенію, чтобы сдѣлаться его совѣтникомъ и устроителемъ. Единственной возможной рамкой для тѣхъ отношеній, установленія которыхъ мы желаемъ наравнѣ съ г. Линдомъ, кажется намъ мелкая земская единица, о которой упоминается, мимоходомъ, и въ докладѣ г. Линда. Говоря о необходимости устройства такихъ кредитныхъ учрежденій, завѣдываніе которыми сосредоточивалось бы въ земствѣ, онъ прибавляетъ: „въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія и сочувствія мысль, высказанная корчевскимъ земствомъ—о мелкой зем-

ской единицѣ, въ объемѣ прихода". Если въ мелкой земской единицѣ (все равно, будетъ ли это всесословная волость или всесословный приходъ), и только въ ней одной, мыслимо небольшое кредитное учрежденіе, близкое къ народу, приспособленное къ его потребностямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ руководимое земствомъ, то съ такимъ же точно правомъ это можетъ и должно быть сказано о всякой другой формѣ живого взаимодѣйствія между населеніемъ и земствомъ. Въ всесословной волости земство почти всегда найдетъ человѣка, готоваго и способнаго дѣлать земское дѣло, т. е. исполнять предначертанія земства, объяснять ему мѣстныя нужды, обращаться, въ случаѣ надобности, къ его посредничеству или его защитѣ. Всѣхъ зная у себя въ волости и всѣмъ въ ней знакомый, такой представитель земства передъ населеніемъ и населенія передъ земствомъ могъ бы, притомъ, работать безвозмездно или за самое небольшое вознагражденіе, въ виду ограниченности района дѣйствія и небольшого, сравнительно, количества занятій — а земскимъ агентамъ, проектируемымъ г. Линдомъ, понадобилось бы, какъ онъ самъ признаетъ, довольно значительное жалованье. Конечно, по мѣрѣ расширенія земской дѣятельности не можетъ не увеличиваться и число спеціалистовъ, состоящихъ на земской службѣ — техниковъ, агрономовъ и т. п.; но не отъ нихъ слѣдуетъ ожидать того единенія между населеніемъ и земствомъ, въ которомъ г. Линдъ справедливо видитъ идеалъ земской дѣятельности... Необходимость мелкой земской единицы признается, въ послѣднее время, не только корчевскимъ земствомъ. За нее еще недавно высказалась одна изъ газетъ, служащая, бо̀льшею частью, выразительницей модныхъ теченій; шагъ впередъ къ ея осуществленію дѣлаютъ, въ разныхъ мѣстахъ, земскія собранія, принимая на себя участіе въ спеціально-крестьянскихъ расходахъ или возбуждая вопросъ объ обязательномъ распредѣленіи между всѣми сословіями нѣкоторыхъ платежей, лежащихъ теперь исключительно на крестьянахъ. Какъ бы мало вѣроятнымъ ни казалось, въ настоящую минуту, торжество мысли о всесословной волости, ей безспорно принадлежитъ будущее, потому что только она одна можетъ создать прочную основу для нашего земскаго строя.

Въ дѣятельности преобразованнаго земства одинаково интересны, хотя и неодинаково симпатичны, двѣ группы явленій: одна—указывающая на устойчивость лучшихъ земскихъ традицій, другая—свидѣтельствующая о зарожденіи новыхъ стремленій. Въ прошедшей книжкѣ нашего журнала были приведены хорошія вѣсти, идущія изъ уѣздовъ борисоглѣбскаго и псковскаго; теперь намъ приходится остановиться на фактѣ далеко не отрадномъ. Та самая ливенская земская коммиссія, которая, изслѣдовавъ причины обѣднѣнія уѣзда,

указала нѣсколько раціональныхъ средствъ къ поднятію народнаго благосостоянія—напр. широкую организацію переселеній [1]),—проектируетъ, какъ мы узнаемъ теперь, цѣлый рядъ мѣръ совершенно иного свойства (см. „Новое Время", № 6062). Она предлагаетъ ввести подробную регламентацію крестьянскаго хозяйства, ограничивъ частные передѣлы, установивъ продолжительные (двадцатипятилѣтніе) сроки для передѣловъ общихъ, опредѣливъ минимальную величину полосъ, изъ которыхъ слагается крестьянское поле; увеличить наказаніе за припашку чужой земли и за самовольное пользованіе плодами и произрастеніями въ чужихъ угодьяхъ, сравнивъ эти проступки съ кражей или присвоеніемъ чужой собственности; предоставить земскому начальнику право *смѣнять плохо ведущаго свое дѣло домохозяина и назначать на его мѣсто другого*, причемъ смѣненный обязывался бы повиноваться вновь назначенному, хотя бы первымъ былъ отецъ, послѣднимъ—сынъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія признаетъ безполезность существующихъ нынѣ въ уѣздѣ 90 школъ, такъ какъ дѣти учатся въ нихъ только четыре мѣсяца и по выходѣ забываютъ грамоту; она высказывается, поэтому, за закрытіе земскихъ школъ вездѣ, гдѣ есть церковно-приходскія, за открытіе ихъ вновь только при условіи отвода крестьянами подъ школу десятины земли, за принятіе въ число учащихся только тѣхъ дѣтей, родители которыхъ обяжутся подпиской посылать ихъ въ школу въ теченіе всего курса зимнихъ (шестимѣсячныхъ) и лѣтнихъ (двухмѣсячныхъ) занятій, и, наконецъ, за введеніе въ начальную школу обученія ремеслу и элементарныхъ курсовъ земледѣлія. Между различными частями этого плана существуетъ тѣсная внутренняя связь. Зависимость каждаго отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства отъ начальническаго произвола—это одна изъ формъ того нео-крѣпостничества, о которомъ мы говорили въ предъидущемъ обозрѣніи. При крѣпостномъ правѣ „смѣна хозяина", ставящая вверхъ дномъ всѣ семейныя отношенія, возносящая сына надъ отцомъ, презрительно игнорирующая крестьянскіе обычаи и взгляды, была логична, не переставая, конечно, быть возмутительною. Употреблять ее во зло, прибѣгать къ ней безъ достаточныхъ основаній помѣщику мѣшалъ, въ большинствѣ случаевъ, его личный интересъ; ему не было разсчета вносить пертурбацію въ хозяйство, правильный ходъ котораго былъ полезенъ, прежде всего, для самого помѣщика. Къ этому можно прибавить, что помѣщикъ, по крайней мѣрѣ въ имѣніяхъ не особенно большихъ, лично зналъ каждаго домохозяина и даже старшихъ членовъ семьи и дѣйствовалъ, слѣдовательно, en connaissance de cause, сообразивъ и взвѣсивъ всѣ по-

---

[1]) См. Общественную Хронику въ № 1 „Вѣстн. Европы".

слѣдствія своего рѣшенія. У земскаго начальника нѣтъ и не можетъ быть ни такого знанія, ни такого интереса. Смѣщая хозяевъ, онъ руководствовался бы, по необходимости, сообщеніями волостного старшины или сельскаго старосты, тѣмъ менѣе стѣсняясь въ примѣненіи своей власти, чѣмъ менѣе его затрогивали бы результаты его дѣйствій. Жаловаться на распоряженіе земскаго начальника относительно смѣны домохозяина было бы совершенно безполезно, такъ какъ уѣздный съѣздъ не имѣлъ бы никакихъ средствъ для повѣрки мотивовъ, руководившихъ земскимъ начальникомъ, и по-неволѣ вѣрилъ бы ему на слово. Съ другой стороны, степень чувствительности къ вмѣшательству, проникающему въ самую глубь хозяйственной и семейной жизни, прямо пропорціональна степени развитости населенія, которая, въ свою очередь, обусловливается степенью распространенія въ его средѣ грамотности. Ограниченіе числа школъ и числа учащихся—естественный коррелатъ всякаго посягательства на гражданскую свободу. Налагая руку на земскую школу, ливенская коммиссія дѣйствуетъ, поэтому, совершенно послѣдовательно. Крестьяне, ничему или почти ничему не учившіеся—это, безспорно, наиболѣе удобный матеріалъ для экспериментовъ, предпринимаемыхъ въ видахъ „улучшенія крестьянскаго хозяйства". Упускается здѣсь изъ виду только одно: крестьянинъ—не механизмъ и даже не животное, подлежащее дрессировкѣ. „Хозяинъ" въ немъ неотдѣлимъ отъ человѣка; воспитать послѣдняго—единственное надежное средство создать перваго. Если наши крестьяне оказались безпомощными въ борьбѣ съ условіями, подготовившими бѣдствія 1891 и 1892 г., то это объясняется, между прочимъ, именно позднимъ и слабымъ развитіемъ между ними умственнаго свѣта.

Намъ могутъ возразить, что ливенская коммиссія возстаетъ не противъ народнаго образованія вообще, а только противъ тѣхъ способовъ его распространенія, какіе до сихъ поръ существовали въ ливенскомъ уѣздѣ. Допустимъ, что ученье въ ливенскихъ начальныхъ школахъ продолжается только четыре мѣсяца (хотя во всѣхъ вообще земскихъ школахъ оно продолжается не менѣе полугода) и что бывшіе ихъ ученики впадаютъ поголовно въ рецидивъ безграмотности (хотя всѣ изслѣдованія, произведенныя до сихъ поръ въ разныхъ концахъ Россіи, прямо говорятъ противъ такого предположенія): что же предлагаетъ коммиссія, какъ лекарство отъ этого зла? Обязательныя восьмимѣсячныя занятія (въ томъ числѣ двухмѣсячныя—лѣтомъ), на которыя согласится развѣ одинъ отецъ изъ ста. *Лѣтнія* школьныя занятія въ деревнѣ—вѣдь объ этомъ можно говорить серьезно только при полномъ незнаніи деревенской жизни! Отказаться, въ страдную пору, отъ подспорья, находимаго въ дѣтской

работѣ, крестьянинъ обыкновеннаго, средняго достатка рѣшительно не можетъ; ставить ему такое условіе—значитъ прямо закрывать для его дѣтей доступъ въ школу. Не говоримъ уже о неудобствахъ, сопряженныхъ съ обязательными подписками вообще, о затрудненіяхъ, возникающихъ изъ требованія отвода подъ школу цѣлой десятины земли, о расходахъ, вызываемыхъ введеніемъ въ каждую начальную школу обученія земледѣлію и ремеслу. Все это вмѣстѣ взятое равносильно радикальному ограниченію круга дѣйствій земской начальной школы. Остаются, затѣмъ, церковно-приходскія школы; но если недостаточенъ и безплоденъ *трехлѣтній* курсъ ученья въ земской школѣ, то какъ же можетъ быть, при тѣхъ же условіяхъ, достаточнымъ и плодотворнымъ *двухлѣтній* курсъ школы церковно-приходской? Или, быть можетъ, количество возмѣщается здѣсь качествомъ? Такому предположенію противорѣчитъ все до сихъ поръ извѣстное о церковно-приходскихъ школахъ, а также о дѣятельности большинства законоучителей въ земскихъ училищахъ. Еще недавно инспекторъ народныхъ училищъ тамбовскаго уѣзда заявилъ, въ докладѣ земскому собранію, что одною изъ серьезныхъ причинъ неудовлетворительнаго состоянія народнаго образованія въ тамбовскомъ уѣздѣ онъ считаетъ нерадѣніе законоучителей въ большинствѣ школъ. Нѣкоторые изъ нихъ, не получая вознагражденія за свой трудъ, не только не бываютъ на урокахъ Закона Божія въ теченіе всего года, но и не являются на испытанія своихъ учениковъ, отчего затруднительно бываетъ, иногда, составить экзаменаціонную коммиссію (см. корреспонденцію изъ Тамбова въ „Новомъ Времени“, № 6056).

Перемѣна въ управленіи министерствомъ государственныхъ имуществъ совпала съ моментомъ наибольшаго распространенія слуховъ о предстоящемъ образованіи министерства земледѣлія. Мы никогда не принадлежали къ числу тѣхъ, которые ожидаютъ monts et merveilles отъ учрежденія новаго вѣдомства или, лучше сказать, отъ переименованія вѣдомства уже существующаго. Разбирая, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ [1]), брошюру г. Шарапова: „Министерство земледѣлія и его мѣстныя агентства“ — брошюру, въ которой предвосхищены всѣ нынѣшніе восторги и надежды,—мы замѣтили, что „у насъ есть уже министерство, которому ничто не мѣшаетъ заняться преимущественно интересами земледѣлія: это—министерство государственныхъ имуществъ, два департамента котораго вѣдаютъ лѣсоводство и сельское хозяйство“. И дѣйствительно, къ типу министерства

---

[1]) См. Литературное Обозрѣніе въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1882 г.

земледѣлія министерство государственныхъ имуществъ подошло весьма близко уже тогда, когда къ государственнымъ крестьянамъ примѣнены были основныя начала земельной реформы 1861 г. (1866); дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ съ переходомъ государственныхъ крестьянъ, путемъ выкупа, въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ (1886). Если министерство государственныхъ имуществъ исполняло, тѣмъ не менѣе, лишь немногія изъ задачъ министерства земледѣлія, то причину этому слѣдуетъ искать, конечно, не въ его названіи, завѣщанномъ ему давно миновавшей эпохой, а въ другихъ причинахъ, болѣе серьезныхъ. Въ семидесятыхъ годахъ крестьянское хозяйство—повторяемъ, опять-таки, слова, сказанныя нами десять лѣтъ тому назадъ—„было заброшено и оставлено на произволъ судьбы не потому, что у насъ не было министерства земледѣлія, а потому, что съ половины шестидесятыхъ годовъ наши правительственныя сферы систематически игнорировали крестьянскій вопросъ". Какъ только этому игнорированію, въ періодъ „диктатуры сердца", былъ положенъ конецъ, заботливость о крестьянскомъ хозяйствѣ проникла во всѣ вѣдомства—и, между прочимъ, въ министерство государственныхъ имуществъ, принимающее, начиная съ 1881 г., цѣлый рядъ мѣръ къ облегченію для крестьянъ арендованія казенныхъ оброчныхъ земель. Возникшее такимъ образомъ движеніе остановилось на полъ-дорогѣ, потому что интересы, господствовавшіе въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, скоро уступили мѣсто другимъ. На первый планъ выступило покровительство фабричной промышленности, далеко не всегда совмѣстное съ попеченіемъ о развитіи и процвѣтаніи земледѣлія. Большое вниманіе оказывалось, правда, помѣщичьему хозяйству, но больше въ видѣ созданія для него дешеваго кредита и усиленной административно-судебной защиты, чѣмъ въ видѣ такихъ мѣръ, которыя бы служили на пользу земледѣлія вообще. Если теперь опять поставленъ на очередь вопросъ объ учрежденіи министерства земледѣлія, то это объясняется событіями послѣднихъ годовъ, такъ ярко обнаружившими упадокъ и отсталость нашего сельскаго хозяйства. Какое вѣдомство придетъ къ нему на помощь—это, очевидно, вопросъ второстепенной важности; все дѣло—въ характерѣ и направленіи помощи, въ ея ближайшихъ цѣляхъ и средствахъ. Съ точки зрѣнія административной организаціи можно пожелать только одного—чтобы не было увеличено число министерствъ, чтобы рядомъ съ новымъ министерствомъ земледѣлія не уцѣлѣло старое министерство государственныхъ имуществъ: это было бы совершенно напраснымъ обремененіемъ государственнаго бюджета. Тѣ отдѣлы министерства государственныхъ имуществъ, которые имѣютъ всего менѣе

общаго съ сельскимъ хозяйствомъ, безъ всякаго затрудненія могутъ быть присоединены къ другимъ, подходящимъ министерствамъ.

Въ обнародованномъ на дняхъ циркулярѣ министра финансовъ, направленномъ противъ участія русскихъ частныхъ банковъ и банкирскихъ конторъ въ игрѣ на курсъ рубля, особенное вниманіе обращаютъ на себя слѣдующія слова: „еслибы и послѣ настоящаго разъясненія обнаружилось, что какія-либо учрежденія коммерческаго кредита, оперирующія въ Россіи, содѣйствуютъ заключенію срочныхъ сдѣлокъ на разность или вообще прикосновенны къ упомянутой игрѣ, обезпечивая игрокамъ полученіе кредитныхъ рублей открытіемъ имъ кредита въ какой бы то ни было формѣ и вообще такъ или иначе содѣйствуя игрѣ на курсъ рубля, то министръ финансовъ найдетъ себя вынужденнымъ закрыть для такихъ учрежденій всякіе счеты въ государственномъ банкѣ, *а въ крайнихъ случаяхъ—прибѣгнуть и къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ*, исходя изъ убѣжденія, что подобные случаи могутъ имѣть мѣсто только при явной и упорной злонамѣренности самихъ замѣченныхъ въ томъ кредитныхъ учрежденій". Но въ чемъ будутъ заключаться *рѣшительныя мѣры*, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, на какой законъ онѣ будутъ опираться, и каковъ будетъ способъ ихъ осуществленія—все это вопросы, на которые теперь отвѣчать было бы трудно.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1893 ГОДЪ.

Съ половины минувшаго года въ обществѣ, отчасти и въ печати, возникли опасенія предстоящей весьма невыгодной государственной росписи на 1893 годъ. Поводомъ къ этому служила роспись 1892 г., сведенная по одному обыкновенному бюджету съ дефицитомъ въ 25 мил. р., неудовлетворительное поступленіе государственныхъ доходовъ въ первые шесть мѣсяцевъ 1892 г. и, наконецъ, слухи о предположеніяхъ ввести новые налоги или возвысить нѣкоторые изъ существующихъ, какъ о единственномъ средствѣ предотвратить грозящій дефицитъ. Эти опасенія раздѣлялись и административными сферами, въ томъ числѣ и министерствомъ финансовъ, въ которомъ уже въ первое полугодіе разработывались проекты нѣсколькихъ дополнительныхъ налоговъ. Первымъ былъ внесенъ на законодательное разсмотрѣніе *подоходный налогъ*, по которому предполагалось обложить сборомъ отъ 1 до 4 процентовъ, смотря по размѣру, доходы, превышавшіе 1.000 р. Въ объяснительной къ закону запискѣ, какъ это заявлялось въ то время въ печати, сверхъ обычнаго въ такихъ случаяхъ удостовѣренія *необременительности* подобнаго налога, указывалась его крайняя необходимость въ виду неудовлетворительнаго положенія средствъ государственнаго казначейства, истощенныхъ экономическимъ бѣдствіемъ предшествовавшаго года. Но проектъ этотъ не осуществился и впослѣдствіи былъ взятъ обратно. Вслѣдъ за тѣмъ, уже при новомъ управленіи министерствомъ финансовъ, внесенъ, а затѣмъ также взятъ обратно, но только для дополнительной разработки [1]), проектъ возстановленія соляного налога, нѣкогда существовавшаго и отмѣненнаго, какъ извѣстно, 12 лѣтъ тому назадъ, при министрѣ финансовъ А. А. Абазѣ. Зато, взамѣнъ этихъ двухъ несостоявшихся налоговъ, въ послѣдніе два мѣсяца прошлаго

[1]) Въ № 1 „Вѣстника Финансовъ" за 1893 г. появилась интересная статья, подъ заглавіемъ: „Разработка вопроса о налогѣ на соль", гдѣ этотъ налогъ излагается съ исторической и экономической сторонъ. Въ введеніи къ очерку говорится: „Этотъ трудъ нынѣ министерствомъ финансовъ закончень,... но такъ какъ положеніе государственнаго казначейства не вызываетъ необходимости немедленнаго осуществленія означенной мѣры (возстановленія соляного налога), то министерство финансовъ признаетъ полезнымъ, на случай, если бы *въ будущемъ* представилась необходимость обратиться къ этому источнику государственнаго дохода, опубликовать главнѣйшія относящіяся до этого вопроса данныя,... и приглашаетъ всѣхъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ—доставить ему по этому предмету соображенія", чѣмъ мы и постараемся воспользоваться въ непродолжительномъ времени.—*Ред.*

года состоялось возвышеніе размѣра акцизовъ питейнаго (со спирта и съ пива), табачнаго, на спички, на освѣтительныя нефтяныя масла и нѣкоторыхъ другихъ сборовъ [1]).

Между тѣмъ государственные доходы, скудно поступавшіе въ первые шесть мѣсяцевъ 1892 года, къ концу августа уже сравнялись съ поступленіемъ 1891 года, роспись котораго была сведена вполнѣ удовлетворительно, а къ ноябрю уже превзошли почти на 20 м. р. Это какъ бы подаетъ поводъ думать, что причины неудовлетворительнаго поступленія доходовъ въ началѣ года устранились, что страна вступаетъ въ нормальное экономическое положеніе, и потому роспись 1893 года можетъ быть составляема съ болѣе смѣлыми предположеніями. Дѣйствительно, роспись эта въ опубликованномъ 1-го января всеподданнѣйшемъ докладѣ управляющаго министерствомъ финансовъ оказывается, относительно говоря, какъ бы даже благопріятною.

По этой росписи исчислено:

Обыкновенныхъ доходовъ	961.222.143 р.
Обыкновенныхъ расходовъ.	947.690.385 р.
Превышеніе въ доходахъ на	13.531.758 р.
Чрезвычайныхъ поступленій, имѣющихъ характеръ доходовъ . . .	10.673.909 р.
Чрезвычайныхъ расходовъ.	92.768.000 р.
Недоборъ . . .	82.094.191 р.
Всего по обыкновенному и чрезвычайному бюджетамъ:	
Поступленій	971.896.052 р.
Расходовъ	1.040.458.385 р.
Недоборъ . . .	68.562.333 р.

Этотъ недоборъ предполагается покрыть изъ средствъ, полученныхъ, какъ указывается во всеподданнѣйшемъ докладѣ, *отъ кредитныхъ операцій*, безъ указанія впрочемъ, какихъ именно.

Несмотря на столь крупный недоборъ, роспись все-таки приходится признать благопріятною въ виду того, во-первыхъ, что въ главной части ея, обыкновенномъ бюджетѣ, оказывается даже излишекъ, при чемъ большая часть поступленій исчислена довольно осторожно, а въ сумму расходовъ внесено, сверхъ нормальныхъ смѣтныхъ исчисленій, 6 м. р.—на покрытіе расходовъ въ случаѣ возвышенія цѣнъ на провіантъ и фуражъ, и 10 м. р. (вмѣсто 6 м. р., исчислявшихся въ прежнихъ росписяхъ) на расходы, не предусмотрѣнные смѣтами,

[1]) Въ томъ числѣ около $5\frac{1}{2}$ м. р. отъ дополнительнаго акциза съ рафинада сахара, взиманіе котораго, согласно Высочайше утвержденному 14-го мая 1890 г. мнѣнію государственнаго совѣта, началось съ 1-го сентября 1892 г.

на экстренныя въ теченіе года надобности. Во-вторыхъ, по чрезвычайному бюджету 62 м. р. назначены на производительные расходы: сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ. Если сооруженіе портовъ (вѣроятно, по примѣру прежнихъ лѣтъ, на 5—6 м. р.) и слѣдуетъ отнести къ обычнымъ расходамъ, то постройка желѣзныхъ дорогъ, особенно грандіозное сооруженіе сибирской дороги (на которое исчислено въ 1893 г. 38½ м. р.), не можетъ быть отнесена на бюджетъ одного года. Наконецъ, нужно принять во вниманіе, что въ роспись не внесены въ доходъ остатки отъ заключенныхъ смѣтъ, которые еще на нѣсколько милліоновъ рублей увеличатъ его и по обыкновенному, и по чрезвычайному бюджетамъ.

Признакомъ удовлетворительности сведенія нашей росписи могутъ считать также и временное повышеніе, вслѣдъ затѣмъ какъ она стала извѣстна, курса нашихъ цѣнностей, въ томъ числѣ и нашего кредитнаго рубля. Въ декабрѣ онъ стоилъ 62 к. зол. и меньше (т. е. 1 р. 60 и 1 р. 62 к. кред. за золотой рубль), въ послѣдніе дни декабря сталъ повышаться, а въ первой половинѣ января доходилъ до 65 коп. зол. (1 р. 55 к. кр. за зол. рубль).

Впрочемъ, о курсѣ кредитнаго рубля нельзя не указать на одну въ этомъ отношеніи невыгодную, по нашему мнѣнію, особенность въ росписи 1893 года. Въ ней, при переложеніи поступленій и расходовъ въ золотой валютѣ въ кредитную, принятъ курсъ 1 р. 70 к. кред. за золотой рубль, тогда какъ въ росписяхъ двухъ предшествующихъ годовъ курсъ этотъ былъ опредѣленъ въ 1 р. 60 к. за золотой рубль. Между тѣмъ въ самое невыгодное для насъ время курсъ кредитнаго рубля лишь на 2 — 3 к. понижался противъ 1 р. 60 к. за зол. р. и никогда не приближался къ 1 р. 70 к. (менѣе 59 коп. зол. за кред. рубль). Такое, допущенное безъ видимой надобности и рѣзко отступающее отъ дѣйствительнаго курса, измѣненіе очень затрудняетъ сравненіе въ цифровомъ движеніи отдѣловъ росписи, особенно въ таможенномъ доходѣ, въ расходѣ по уплатѣ государственныхъ долговъ и въ счетахъ съ желѣзно-дорожными обществами. Во-вторыхъ, — такъ какъ размѣръ золотыхъ поступленій въ прежніе годы оказывался нѣсколько выше расхода (на 10—20 м. р.), то это даетъ поводъ къ упрекамъ росписи въ желаніи выставить свой балансъ въ болѣе благопріятномъ видѣ. Дѣйствительно, такой въ сущности пониженный курсъ кредитнаго рубля ведетъ къ нѣкоторому увеличенію доходовъ сравнительно съ расходами.

Возвращаясь къ цифрамъ росписи, мы должны сдѣлать одну общую оговорку: удачный балансъ какъ росписи, такъ и ея исполненія, въ томъ или другомъ году, никогда не можетъ служить посылкой для заключенія о степени экономическаго благосостоянія нашей страны,

такъ какъ въ размѣрѣ годичныхъ поступленій государственнаго казначейства оно оказывается лишь второстепеннымъ факторомъ. Главнымъ—является *величина налоговъ*. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы указывали [1]), что при томъ размѣрѣ налоговъ, до котораго они были доведены въ 1888 году, даже въ неблагопріятные въ экономическомъ отношеніи годы, слѣдуетъ ожидать, по крайней мѣрѣ по *обыкновенному бюджету*, равновѣсія расходовъ съ доходами. Заключенія наши вполнѣ тогда же оправдались: даже роспись обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ злополучнаго 1891 года сведена съ превышеніемъ въ доходахъ слишкомъ въ 20 м. р. Исполненіе росписи 1892 г., повидимому, должно оказаться еще благопріятнѣе. Но увеличеніе налоговъ не ограничилось 1888 годомъ, а продолжалось и въ слѣдующіе годы. Только къ 1892 году самъ бывшій министръ финансовъ пришелъ къ убѣжденію въ опасности дальнѣйшаго повышенія налоговъ. Но это убѣжденіе, повидимому, не раздѣляется теперь его преемникомъ. Какъ показано выше, въ концѣ 1892 года состоялся цѣлый рядъ постановленій объ увеличеніи налоговъ, которое, какъ это видно изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ, должно увеличить и ежегодный доходъ казны на 24½ м. рублей. Но если прежніе налоги, въ самые бѣдственные годы, вполнѣ обезпечивали бездефицитное исполненіе обыкновенной росписи, даже съ значительнымъ избыткомъ въ доходахъ,—то увеличеніе доходовъ на 24 мил. руб. должно въ результатѣ исполненія росписи 1893 года доставить избытокъ доходовъ, значительно превышающій тотъ, какой исчисленъ по росписи, разумѣется, въ томъ случаѣ, если въ этомъ году страна не будетъ подвержена бѣдствію, подобному экономической неудачѣ 1891 года; но роспись и должна разсчитывать на среднее экономическое положеніе. Правда, расходовъ по росписи 1893 г. исчислено противъ 1892 г. болѣе на 36 м. р., но изъ нихъ около 8 м. р. составляютъ упомянутый излишекъ переложенія въ кредитные рубли расходовъ, произведенныхъ въ золотой валютѣ, и покрываются еще бо́льшимъ излишкомъ въ доходахъ, происшедшимъ отъ той же причины, и около 7 м. р. на желѣзныя дороги, перешедшія къ 1893 г. въ казенное управленіе, эксплуатація которыхъ должна доставить еще бо́льшій доходъ. Остающіеся затѣмъ 21 м. р.—на 3½ м. р. менѣе той суммы, на которую, по предположенію министра финансовъ, должны увеличить государственный доходъ повышенные налоги, и которая, по нашему мнѣнію, исчислена уже слишкомъ осторожно.

Слишкомъ умѣренна, напримѣръ, сумма питейнаго дохода, опре-

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1889 г., стр. 826.

дѣляемая въ росписи въ 257.393.721 р. Акцизъ со спирта и вина (хлѣбнаго) съ 1-го декабря прошлаго года увеличенъ на 75 коп. съ ведра безводнаго спирта, съ 9 р. 25 к. до 10 рублей, т.-е. на 8% слишкомъ, и акцизъ съ пива на 50%. На основаніи этого роспись исчисляетъ поступленіе 1893 г. болѣе росписи 1892 г. (242.570.981 р.) на 10 м. р. и сверхъ того увеличиваетъ полученную такимъ образомъ сумму еще на 4.822.740 р. по цифрамъ дѣйствительнаго поступленія акциза со спирта и вина въ *ближайшій годовой періодъ* (очевидно, въ 1892 г.) при полномъ дѣйствіи вліянія неурожая 1891 г., т.-е. при невыгодныхъ условіяхъ.

Если для вывода вѣроятнаго поступленія питейнаго дохода въ 1893 году, принять за основаніе доходъ послѣдняго отчетнаго года, т.-е. 1891 г., то получится слѣдующее: питейнаго дохода въ 1891 г. поступило 247½ м. р., менѣе двухъ предшествующихъ лѣтъ на 27 и на 21 м. р. Доходъ этотъ слагается такъ: 220 м. р. акциза со спирта и вина, 5 м. р. акциза съ пива и 22½ м. р. остальныхъ сборовъ (патентнаго и пр.). Вслѣдствіе увеличенія оклада на 75 к. съ ведра, т.-е. на 8%, акциза со спирта и вина, при такомъ же расходѣ, какъ былъ въ 1891 г., должно бы въ 1893 г. поступить 237.600.000 р.; акциза съ пива при увеличеніи на 50%—7.500.000 р. и остальныхъ сборовъ 22.500.000 р., всего 267½ м. р. Увеличеніе налога всегда почти влечетъ нѣкоторое сокращеніе потребленія, но въ данномъ случаѣ этого ожидать нельзя въ виду того, что въ 1891 году сельское населеніе цѣлой трети Россіи было въ особенно бѣдственномъ положеніи, что̀ повлекло сокращеніе потребленія вина въ губерніяхъ, подвергшихся неурожаю въ размѣрѣ отъ 20 до 30% сравнительно съ 1890 годомъ, а существовавшая въ 1891 г. дороговизна хлѣба уравновѣшиваетъ увеличенный нынѣ акцизъ. Поэтому слѣдуетъ ожидать не уменьшенія, а, напротивъ, увеличенія потребленія, согласно мнѣнію министра финансовъ, основанному на данныхъ, пока еще не опубликованныхъ. Вслѣдствіе этого, выведенную выше цифру слѣдуетъ нѣсколько увеличить, хотя бы на 2½ м. р.—и вѣроятное поступленіе питейнаго дохода въ 1893 году опредѣлить въ 270 мил. рублей, болѣе противъ исчисленія росписи на 12½ м. рублей.

Изъ другихъ доходовъ въ недостаточномъ размѣрѣ исчисленъ, какъ кажется, таможенный доходъ. Въ три предшествующіе отчетные года дохода этого получено въ круглыхъ цифрахъ въ золотой валютѣ: въ 1889 году—80 м. р., въ 1890 г.—82½ м. р., въ 1891 г. —79 м. р. На 1893 г. назначено по росписи 78.625.000 р. (не считая сбора въ кредитныхъ рубляхъ и въ серебряной монетѣ) [1]. Мы

[1]) За всѣ указанные года въ кредитной валютѣ поступало таможеннаго дохода въ среднемъ размѣрѣ около 1½ м. р. (по восточной границѣ), а серебромъ, такъ называемымъ банковымъ, т.-е. полнопробнымъ, нѣсколько десятковъ тысячъ.

не разъ уже имѣли случай замѣтить, что привозъ къ намъ иностранныхъ товаровъ крайне ограниченъ: онъ въ 5 разъ ниже привозной торговли Франціи, въ 6 — Германіи и на $^1/_4$ ниже ввоза Австріи. Онъ лишь въ $2^1/_2$ раза превышаетъ привозъ Даніи, и менѣе чѣмъ въ полтора раза—привозъ Швеціи и Норвегіи вмѣстѣ. Мы получаемъ изъ-за границы только то, чтó намъ крайне необходимо. Но именно поэтому значительное сокращеніе въ нашей привозной торговлѣ невозможно. Даже въ бѣдственный 1891 годъ, при запретѣ вывоза хлѣба, главнаго предмета нашей отпускной торговли, цѣнность привезенныхъ заграничныхъ товаровъ уменьшилась противъ предшествующаго года всего лишь на 10% (въ 1890 г. ввезено ихъ на 398 м. р., въ 1891 году—на 360 м. р.). Въ первые 9 мѣсяцевъ 1892 года, при продолжавшемся болѣе полугода запретѣ вывоза хлѣба, ввозъ заграничныхъ товаровъ еще болѣе сократился, а это и должно повести къ усиленному ихъ ввозу въ нынѣшнемъ году; притомъ послѣдовало новое увеличеніе пошлинъ, какъ напр. на хлопокъ. Вслѣдствіе этого можно съ полной вѣроятностью ожидать поступленія таможенныхъ пошлинъ по крайней мѣрѣ въ среднемъ размѣрѣ 1889 и 1890 годовъ, т.-е. $81^1/_2$ м. р. золотомъ и $1^1/_2$ м. р. кредитныхъ, чтó по переложенію золотыхъ рублей въ кредитные по курсу 1 р. 70 к. кр. за золотой рубль и съ прибавленіемъ $1^1/_2$ м. р., поступающихъ въ кредитной валютѣ, составитъ 140 м. р., болѣе исчисленнаго на 5 м. рублей и болѣе дохода 1891 года (при уравненіи курса) всего на $3^1/_2$ милл. рублей.

Слишкомъ умалено также поступленіе выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ и бывшихъ казенныхъ крестьянъ. Оно исчислено въ $74^1/_2$ м. р., на 22 м. р. ниже оклада, съ превышеніемъ лишь на 5 м. р. противъ поступленія 1891 года, въ которомъ недоимки по выкупнымъ платежамъ увеличились на 27 м. р. (на $7^1/_2$ м. р. съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и на $19^1/_2$ м. р. съ бывшихъ государственныхъ). Между тѣмъ самъ же министръ финансовъ, который имѣетъ всѣ средства лучше чѣмъ кто-либо знать дѣйствительное экономическое положеніе населенія, въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ свидѣтельствуетъ, что „Россія выходитъ изъ постигшаго ее, хотя и тяжелаго, но временнаго бѣдствія, при *полномъ* сохраненіи своихъ экономическихъ силъ и *безъ особаго ущерба* для своей жизнедѣятельности“ [1]). Въ трехлѣтіе 1887—1889 годовъ выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ и казенныхъ кре-

[1]) Въ другомъ мѣстѣ доклада говорится: „всѣ признаки свидѣтельствуютъ, что временное потрясеніе финансовыхъ силъ страны, вызванное недородомъ хлѣбовъ въ 1891 году, замѣтно сглаживается и что нынѣшнія экономическія условія Россіи могутъ считаться входящими въ *нормальное* положеніе.

стьянъ поступало въ средней цифрѣ 91 м. р. Въ виду минувшаго бѣдствія можно было бы сократить эту цифру на 10%, опредѣливъ ее въ 82 м. р., что̀ все-таки представляло бы сокращеніе противъ оклада на 14 м. р., т.-е. на 15%.

Указанныя нами измѣненія росписи, не говоря о другихъ, составили бы увеличеніе доходовъ на 25 м. р., которые, вмѣстѣ съ исчисленнымъ по обыкновенной росписи избыткомъ въ 13½ м. р., довели бы его до 38 м. р. Нѣтъ сомнѣнія, что исчисленіе дохода по той или другой рубрикѣ, сдѣланное по опредѣленнымъ даннымъ и опредѣленными методами и пріемомъ, можетъ оказаться ошибочнымъ, но ошибка уравновѣшивается обыкновенно другою рубрикой. Даже неточное исчисленіе росписи какого-нибудь года, происшедшее отъ случайныхъ причинъ, и то покрывается неточностью слѣдующаго года въ противоположномъ направленіи. Въ прежнія времена финансовое управленіе несло очень часто упрекъ въ предвзятомъ увеличеніи доходныхъ смѣтъ съ цѣлью сведенія росписи въ болѣе благопріятномъ видѣ. Но эти упреки не были вполнѣ основательными: если исполненіе доходныхъ росписей и оказывалось иногда ниже первоначальныхъ предположеній, то неточность не превышала 10—15 м. рублей (самая большая за двадцатипятилѣтіе разница—16 м. р. въ 1885 году). Это одно само собой устраняло обвиненіе въ преднамѣренности. Наоборотъ, при послѣднемъ управленіи министерствомъ финансовъ существовало замѣтное стремленіе даже къ умаленію по росписи доходовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сопоставить исчисленія росписи за послѣдніе годы съ дѣйствительнымъ ея исполненіемъ:

Доходовъ:	Предположено по росписи:	Дѣйствительно поступило:
въ 1888	854 м. р.	901 м. р.
1889	865 „ „	944 „ „
1890	891 „ „	950 „ „

Въ бѣдственный 1891 годъ доходы, исчисленные въ суммѣ 901 м. р., поступили въ размѣрѣ 896 м. р., менѣе всего только на 5 мил. рублей, тогда какъ излишекъ за три года составилъ 185 мил. рублей!

Есть сторонники такого *осторожнаго* исчисленія государственной доходной росписи. Они видятъ въ этомъ доказательство мудрости финансоваго управленія и средство сберечь казну отъ излишнихъ расходовъ. Но обыкновенно бываетъ такъ, что скудость исчисленія доходной росписи признается препятствіемъ къ осуществленію серьезныхъ предпріятій или преобразованій, къ которымъ нельзя приступить безъ предварительно обдуманнаго плана, а затѣмъ когда среди года окажутся средства больше, нежели предполагалось, они идутъ

уже на удовлетвореніе второстепенныхъ требованій или даже тратятся на надобности вовсе не существенныя. Примѣровъ тому много, особенно въ исторіи нашихъ финансовъ. Затѣмъ, слишкомъ скудное исчисленіе доходной росписи ведетъ къ опасенію за возможность свести удовлетворительно финансовый балансъ и къ неизбѣжному слѣдствію такого опасенія—увеличенію налоговъ. Такъ это, повидимому, и случилось съ росписью 1893 года. Мы увѣрены, что еслибы министерство финансовъ ранѣе имѣло возможность вывести болѣе благопріятное заключеніе о вѣроятномъ государственномъ доходѣ при существовавшихъ въ то время средствахъ,—оно не спѣшило бы возвышеніемъ налоговъ. Правда, къ возвышенію налоговъ, особенно на первыхъ порахъ, всегда относятся охотно. Только по истеченіи нѣкотораго времени, ближе ознакомившись съ экономической немощностью населенія, научаются смотрѣть на этотъ предметъ иначе. Такъ было отчасти,—только отчасти,—съ Н. Х. Бунге, а также и съ его преемникомъ. Но чужой опытъ, какъ говорится, не опытъ. При убѣжденіи въ неизбѣжности изыскать дополнительный источникъ государственныхъ доходовъ, не трудно всегда придти къ заключенію, что, при увеличеніи налоговъ всего на какихъ-нибудь 25 м. р., едва ли возможно опасеніе ощутительнаго обремененія платежныхъ силъ населенія; но при этомъ упускается изъ вида, что эти 25 м. р. служатъ прибавкой къ предъидущимъ сотнямъ милліоновъ, на которыя только-что были уже увеличены налоги въ послѣднія 10—12 лѣтъ, а слѣдовательно, эти „какіе-нибудь" 25 милліоновъ бьютъ по мѣсту уже сильно наболѣвшему.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, во время наиболѣе благопріятнаго положенія нашихъ государственныхъ финансовъ, въ печати не переставали указывать и доказывать, что успѣхъ ихъ достигнутъ, прежде всего, крайнимъ напряженіемъ платежныхъ силъ населенія. Вѣрность такихъ указаній, къ сожалѣнію, подтвердилась, во-первыхъ, фактически: экономическою безпомощностью населенія при первомъ же неурожаѣ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ весьма благопріятныхъ экономическихъ условій; во-вторыхъ, признаніемъ такого предпріимчиваго дѣятеля на поприщѣ увеличенія налоговъ, какимъ въ теченіе четырехъ лѣтъ являлся И. А. Вышнеградскій, но и онъ, какъ мы видѣли, заявилъ, однако, во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1892 годъ—о невозможности дальнѣйшаго повышенія налоговъ. Понятно, что, при нынѣшнемъ положеніи по этому предмету, трудно было бы измѣнить такое мнѣніе, точно такъ же, какъ трудно было бы согласиться—говоря словами доклада министра финансовъ—видѣть въ нашихъ государственныхъ доходахъ „несомнѣнную наклонность къ постоянному возростанію, соотвѣтственно общему экономическому росту страны"; такъ

говорится въ росписи на 1893 г., но было бы справедливѣе сказать:— соотвѣтственно возростающимъ изъ года въ годъ налогамъ.

Что касается заявленнаго въ росписи предпочтенія, отданнаго, при увеличеніи налоговъ, косвеннымъ налогамъ предъ прямыми, то нѣкоторые органы печати усмотрѣли въ этомъ твердо установившуюся програму будущей дѣятельности министерства финансовъ. Намъ же кажется, что аргументы, приводимые росписью въ пользу косвенныхъ налоговъ, не болѣе, какъ объясненіе, почему отвергнутъ доставшійся въ наслѣдство и неудовлетворительный во всѣхъ отношеніяхъ проектъ подоходнаго налога. На эту мысль наводитъ насъ неубѣдительность приводимыхъ въ печати основаній предпочтенія. По мнѣнію составителей росписи, косвенные налоги упадаютъ на болѣе состоятельныхъ плательщиковъ, на *часть населенія*, *обладающую наибольшею покупною способностью,* и *распредѣляются въ соотвѣтствіи съ платежными силами.* Но развѣ косвенный налогъ—питейный, составляющій почти треть государственныхъ доходовъ, уплачивается не наиболѣе обдѣленною частію населенія? Развѣ увеличеніе такихъ же косвенныхъ налоговъ, какъ акцизы сахарный или нефтяной, судебныя пошлины, гербовый сборъ и т. п., не упадаетъ въ главной массѣ на то же недостаточное населеніе? Наконецъ, гдѣ найти у насъ эту состоятельную часть населенія,—въ какихъ его классахъ? Въ этомъ отношеніи нечего и говорить ни о сельскомъ населеніи, о такъ называемыхъ крестьянахъ, ни о городскомъ—мѣщанахъ, живущихъ хлѣбопашествомъ, ремеслами и мелкою торговлей. Но развѣ состоятельны сами помѣщики, обремененные долгами и постоянно бѣдствующіе то отъ неурожая, то отъ низкихъ цѣнъ на продукты, или чиновники, съ трудомъ перебивающіеся отъ одного „двадцатаго" числа до другого, или люди такъ называемыхъ свободныхъ профессій? Правда, есть классъ, для котораго не особенно страшны новые налоги, это—классъ крупныхъ торговцевъ и промышленниковъ, банкировъ, дѣльцовъ высшей школы. Но и тутъ—безпрестанныя банкротства, ликвидаціи, крахи банковъ, влекущіе за собою разореніе тысячи семей, показываютъ, какъ непрочно и это благосостояніе!

---

[1]) Сверхъ мнѣнія по этому предмету, которое высказывалось нами неоднократно при обозрѣніи государственныхъ росписей и ихъ исполненія, въ августовской книгѣ „Вѣстн. Европы" 1892 г. была помѣщена статья: „Двадцатипятилѣтіе нашихъ бюджетовъ". Въ ней рядомъ цифръ и сопоставленій доказывалось, что увеличеніе государственныхъ доходовъ даже въ самое благополучное въ экономическомъ отношеніи время было результатомъ не естественнаго экономическаго роста страны, даже не роста населенія, а исключительно возвышенія налоговъ, при *несомнѣнной наклонности доходовъ къ пониженію*, которая и служила для насъ несомнѣннымъ признакомъ истощенія платежныхъ силъ населенія.

Въ объясненіе невызываемаго необходимостью возвышенія налоговъ указывается еще на усмотрѣнную особенность государственнаго хозяйства Россіи, требующую скопленія въ государственномъ казначействѣ лишнихъ, противъ текущихъ потребностей, средствъ для помощи населенію въ случаѣ непредвидѣнныхъ бѣдствій, и при этомъ приравнивается внесеніе для этой цѣли излишка налоговъ уплатѣ страховой преміи! На это можно бы замѣтить, что такое страхованіе было бы вовсе не равномѣрнымъ, особенно при преобладаніи косвенныхъ налоговъ: взносы дѣлались бы одними, а помощь получалась бы другими; это было бы не страхованіемъ, а просто налогомъ въ пользу бѣдствующихъ,—только безъ всякой его организаціи и по его сбору, и по его употребленію. Во-вторыхъ, подобные запасные на случай бѣдствій сборы уже существуютъ въ видѣ спеціальныхъ средствъ, какъ, напр., продовольственный, страхованія отъ огня, отъ эпизоотій и т. п. Что касается выходящихъ изъ ряда бѣдствій, какое было въ 1891 г., то правительство оказало помощь бѣдствующему населенію независимо отъ того,—находились ли въ это время въ государственномъ казначействѣ 219 м. р. свободной наличности, или нужную для помощи сумму предстояло бы получить чрезвычайнымъ путемъ.

Рѣчь о налогахъ окончимъ ссылкой на общія раціональныя положенія политической экономіи. По ея ученію, усиленные налоги возвышаютъ цѣну произведеній промышленности и этимъ, съ одной стороны, уменьшаютъ потребленіе, т.-е. создаютъ лишеніе для потребителей, съ другой—сокращаютъ производство, что̀ въ свою очередь ведетъ къ пониженію заработной платы, изъ которой при томъ приходится оплачивать вздорожавшіе продукты.

Все это, разумѣется, старыя истины; но если, какъ кто-то уже замѣтилъ, мы ничему новому не выучились, то не забыли ли мы и то, что̀ знали когда-то хорошо?

Итакъ, по нашимъ разсчетамъ, цифра обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ по росписи нынѣшняго года могла быть опредѣлена, при среднемъ экономическомъ и санитарномъ состояніи страны и при отсутствіи политическихъ столкновеній, не въ 961 м. р., а по крайней мѣрѣ приблизительно въ *986 милліоновъ рублей*.

Переходимъ къ обыкновеннымъ расходамъ. Ихъ исчислено 947.690.385 р.,—болѣе росписи 1892 года на 36 мил. рублей, изъ которыхъ, однако, собственно увеличеніемъ могутъ считаться, какъ замѣчено выше, только 21 м. р. Эта сумма и распредѣляется между всѣми вѣдомствами. Наибольшее увеличеніе упадаетъ на смѣты: 1) си-

стемы государственнаго кредита (сверхъ 7 милл., происшедшихъ отъ измѣненія курсовой разности золотого рубля) на 4 м. р., вслѣдствіе вновь сдѣланныхъ въ 1892 г. займовъ, при нѣкоторыхъ другихъ кредитныхъ операціяхъ, отчасти увеличившихъ, отчасти уменьшившихъ платежи; 2) военнаго министерства на 4 м. р.; изъ нихъ 1 м. р. на постройку казармъ и около 3 м. р. на разные расходы, входящіе въ составъ нормальнаго военнаго бюджета; 3) морского министерства на 2 м. р. на увеличеніе флота новыми судами; 4) министерства финансовъ (сверхъ милліона курсовой разницы) на 7 м. р., изъ которыхъ около 2 м. р. обществамъ желѣзныхъ дорогъ по гарантіи чистаго дохода; $1^{1}/_{2}$ м. р. въ возмѣщеніе министерствамъ—внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ ихъ расходовъ на разработку казеннаго лѣса; 512.000 р. на участіе Россіи въ выставкѣ въ Чикаго, и пр.

По сравненію съ дѣйствительнымъ обыкновеннымъ расходомъ 1891 года (875 м. р.), предполагаемый расходъ 1893 года (947 м. р.) представляетъ увеличеніе на 72 м. р., изъ которыхъ, однако, слѣдуетъ исключить курсовой разницы золотого рубля 8 м. р. и расходовъ по эксплуатаціи вновь перешедшихъ въ казенное управленіе въ теченіе двухъ лѣтъ желѣзныхъ дорогъ: курско-харьково-азовской, либаво-роменской, орлово-грязской и варшаво-тереспольской и др.—15 м. р.; всего 23 мил. р., безъ которыхъ увеличеніе составитъ 49 м. р. Но и такое превышеніе все-таки будетъ еще преувеличено. Не по одной росписи кредиты не расходуются сполна; болѣе или менѣе значительная часть ихъ въ концѣ года закрывается, т.-е. безвозвратно возращается въ средства государственнаго казначейства. Такихъ закрытыхъ кредитовъ было: въ 1889 г. около 13 м. р.; въ 1890 г. около $16^{1}/_{2}$ м. р., и въ 1891 г. около 18 м. р. Если для 1893 г. принять среднюю цифру, т.-е. 16 мил. р., то это уменьшитъ разницу между расходами 1891 и 1893 г. до 33 м. р., а самый расходъ 1893 года опредѣлится въ *931 милліонъ рублей.*

Въ сопоставленіи этой цифры съ исчисленной нами вѣроятной цифрой обыкновенныхъ доходовъ 986 м. р., получается избытокъ доходовъ въ *56 мил. рублей.* Въ виду стѣсненнаго экономическаго положенія, въ какомъ все еще находятся многія части имперіи, такой выводъ можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ. Но мы считаемъ его скорѣе грѣшащимъ недостаточною цифрою избытка доходовъ, нежели преувеличеннымъ. Намъ неоднократно приходилось указывать на весьма слабую связь между экономическимъ положеніемъ страны и успѣшнымъ исполненіемъ росписей, результатъ которыхъ опредѣляется главнымъ образомъ размѣромъ существующихъ налоговъ. Налоги же эти уже два года назадъ были доведены до такой высоты, что даже бѣдствіе 1891 года не могло помѣшать исполненію обыкновенной госу-

дарственной росписи этого года съ превышеніемъ въ обыкновенныхъ доходахъ на 20 м. р. Еще болѣе успѣшнымъ, несмотря на продолжавшееся бѣдствіе, на холеру, на сокращеніе заграничной торговли, —должно оказаться исполненіе государственной росписи прошлаго года. Иной вопросъ—а какою цѣною достигнутъ этотъ успѣхъ? но вѣрно одно, что онъ есть и обезпеченъ еще на многіе годы, хотя, повторяемъ, удовлетворительное исполненіе государственныхъ росписей не указывало и не будетъ указывать на народное благоденствіе и не служитъ его отраженіемъ.

Если разсчетъ нашъ окажется вѣренъ,—а приблизительно онъ долженъ быть вѣренъ,—то избытокъ доходовъ обыкновеннаго бюджета дастъ возможность покрыть даже часть чрезвычайныхъ расходовъ.

По чрезвычайному бюджету поступленія, имѣющія характеръ доходовъ, слѣдующія: военное вознагражденіе отъ Турціи и Хивы 3.536.335 р. [1]), вклады въ государственный банкъ на вѣчное время 1.200.000 р., и спеціальные капиталы, обращаемые въ общія государственныя средства, 5.937.574 р. и 10.673.909 р. Чрезвычайныхъ расходовъ исчислено: на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ 62.161.000 р., на расходы по перевооруженію 29.607.000 р., и на заготовленіе спеціальныхъ резервовъ продовольствія 1 м. р.,—а всего 92.768.000 р.,—болѣе дохода на 82.094.105 р. Эту сумму предполагается покрыть отчасти избыткомъ обыкновенныхъ доходовъ, а затѣмъ суммами, вырученными путемъ кредитныхъ операцій.

На сооруженіе портовъ обыкновенно тратится ежегодно 5—6 м. р.; слѣдовательно, изъ суммы въ 62 м. р., около 56 м. р. назначено на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ главною представляется сибирская желѣзная дорога. Въ 1893 г. предполагается постройка челябинско-иркутскаго участка ея съ вѣтвью къ Екатеринбургу и уссурійскаго участка съ расходомъ на эти участки и на приготовленіе подвижного состава 38.500.000 рублей.

Собственно на сибирскую дорогу—стоимость участковъ первой ея очереди простирается до 150 м. р.—указанъ особый источникъ: предположено обратить на это 92.700.000 р., переданныхъ государственному банку изъ средствъ государственнаго казначейства, во исполненіе Высочайшаго указа 1-го января 1881 г., для уничтоженія,—но банкомъ до настоящаго времени не уничтоженныхъ. Впрочемъ, въ 1893 году министръ финансовъ не предполагаетъ воспользоваться этимъ источникомъ, а разсчитываетъ покрыть излишекъ расходовъ путемъ кредитныхъ операцій, въ успѣхѣ которыхъ не сомнѣвается, но какихъ именно операцій—въ докладѣ не объясняется.

---

[1]) Существуетъ еще вознагражденіе отъ Болгаріи, но какихъ-либо счетовъ по этому вознагражденію мы не находимъ ни въ росписи, ни въ отчетахъ.

Въ этихъ операціяхъ, однако, можетъ быть и не будетъ предстоять надобности, если по обыкновенной росписи дѣйствительно окажется излишка доходовъ болѣе 50 м. р., такъ какъ, по удостовѣренію министерства финансовъ, къ 1-му января 1893 г. въ кассахъ государственнаго казначейства должно было оказаться свободной наличности не менѣе 30 м. р. Съ присоединеніемъ ихъ къ 50 м. р., получается сумма, достаточная для удовлетворенія излишка чрезвычайныхъ расходовъ.

Такимъ образомъ, бездефицитное исполненіе государственной росписи, со включеніемъ чрезвычайнаго бюджета, является, повидимому, обезпеченнымъ въ большей степени, нежели предполагалось при ея составленіи; а потому, если отказались отъ соляного налога,—„такъ какъ положеніе государственнаго казначейства не вызываетъ необходимости немедленнаго осуществленія означенной мѣры",—то и повышеніе другихъ налоговъ, т.-е. присоединеніе новаго обремененія платежныхъ силъ къ предъидущимъ, также не можетъ быть разсматриваемо какъ результатъ финансовой необходимости. О послѣдствіяхъ же повышенія налога безъ финансовой необходимости для экономическаго положенія страны мы имѣли случай указать выше. Во всякомъ случаѣ, новому министерству финансовъ, какъ вполнѣ свободному, въ виду бездефицитной росписи, отъ заботъ изыскивать средства для удовлетворенія текущихъ государственныхъ потребностей, предстоитъ другая забота, а именно, забота о развитіи, при помощи другихъ вѣдомствъ, народной производительности и подъемѣ народнаго благосостоянія, чтобы ослабить невыгодныя послѣдствія тѣхъ финансовыхъ мѣропріятій, которыя, какъ, напримѣръ, повышеніе налоговъ, ослабляютъ производительность, угнетая потребленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и народное благосостояніе.

О.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го февраля 1893.

Положеніе дѣлъ во Франціи.—Представители русской печати въ парламентской коммиссіи по панамскому дѣлу.—Заявленія г. Татищева.—Сообщеніе о строгомъ внушеніи редактору газеты „Гражданинъ“. — Французское правосудіе и французскіе финансы.—Внутреннія дѣла въ Пруссіи.—Разоблаченія газеты „Vorwärts“, и ихъ дѣйствительный, весьма скромный смыслъ.

Французскія дѣла продолжаютъ служить предметомъ оживленныхъ толковъ въ европейской печати. Самыя интересныя и неожиданныя извѣстія приходятъ теперь изъ Парижа; каждый день приноситъ какія-нибудь новыя „пикантныя“ исторіи, въ связи съ запутаннымъ ходомъ двойного разслѣдованія—судебнаго и парламентскаго—по панамскому дѣлу.

Министерство Рибò подверглось коренному преобразованію. Фрейсинэ, бывшій столь долго украшеніемъ республиканской партіи, поплатился за свою странную дружбу съ аферистомъ Корнеліемъ Герцомъ и долженъ былъ отказаться не только отъ должности военнаго министра, но и отъ всякихъ надеждъ на дальнѣйшую политическую карьеру. Военнымъ министромъ назначенъ на его мѣсто старый кавалерійскій генералъ, Луазильонъ. Рибо оставилъ за собою министерство внутреннихъ дѣлъ, а руководство иностранною политикою передалъ своему другу Девеллю. Рувье, одинъ изъ способнѣйшихъ финансовыхъ дѣятелей, какихъ имѣла республика, считается также человѣкомъ „отпѣтымъ“: судьбу его раздѣляетъ и Флокѐ, отвергнутый при выборѣ президента палаты на текущій годъ и замѣненный въ этомъ высокомъ званіи Казиміромъ Перье. Положеніе самого Карнò значительно поколебалось, и многія парижскія газеты настойчиво требуютъ его отставки, въ виду обнаруженной имъ слабости въ бытность министромъ финансовъ въ 1886 году, когда подкупленный министръ публичныхъ работъ Байò представилъ проектъ панамскаго займа съ выигрышами. При своей безусловной личной честности, Карнò недостаточно энергиченъ для роли правителя, и шансы его на вторичное избраніе въ президенты замѣтно уменьшились. Восходящимъ свѣтиломъ является Казиміръ Перье, внукъ знаменитаго министра Луи-Филиппа, человѣкъ сравнительно еще молодой, очень богатый и свѣтскій, пользующійся большимъ авторитетомъ въ странѣ и въ пар-

ламентѣ, благодаря своему громкому имени, достоинству своего характера и политическому такту. Ему приписываютъ честолюбивое желаніе сдѣлаться преемникомъ Карно̀; этимъ объясняютъ его прежніе упорные отказы отъ министерскаго портфеля и его кандидатуру на постъ президента палаты, такъ какъ послѣдняя должность есть наиболѣе удобная переходная ступень къ занятію перваго мѣста въ республикѣ.

Съ устраненіемъ Фрейсинэ и Флокѐ, поддерживавшихъ связи съ радикалами, государственная власть перешла цѣликомъ въ руки умѣренныхъ республиканцевъ. Радикальная партія, съ Клемансо̀ во главѣ, сильно пострадала отъ панамскихъ разоблаченій, бросившихъ замѣтную тѣнь на нѣкоторыхъ выдающихся ея дѣятелей, начиная съ самого вождя, знаменитаго „разрушителя министерствъ". Воплощеніемъ этого торжества умѣренности, соединенной съ энергіею, служитъ Рибо, типъ французскаго парламентскаго министра и оратора, внушающій довѣріе своимъ важнымъ декламаторскимъ тономъ и имѣющій всегда въ своемъ распоряженіи блестящія, хорошо отчеканенныя фразы о чести и славѣ Франціи, о долгѣ и достоинствѣ правительства. Краснорѣчіе Рибо можетъ всегда разсчитывать на сочувствіе и одобреніе французской публики, хотя для посторонняго наблюдателя оно кажется иногда банальнымъ и поверхностнымъ. Главная заслуга кабинета въ нынѣшнемъ составѣ—твердая рѣшимость его довести до конца дѣло „нравственнаго оздоровленія", начатое панамскимъ процессомъ; въ этомъ же можно было бы видѣть залогъ его популярности и долговѣчности, еслибы французскій темпераментъ допускалъ какія-либо предсказанія относительно ближайшаго будущаго. Ни въ министерствѣ, ни въ палатѣ, нѣтъ крупныхъ талантовъ, нѣтъ людей, способныхъ взять на себя роль руководителей общественнаго мнѣнія. Тьеръ и Гамбетта не оставили послѣ себя равносильныхъ преемниковъ. Это отсутствіе яркихъ общественно-политическихъ талантовъ составляетъ главный источникъ слабости и неустойчивости современной Франціи.

Само собою разумѣется, что временныя внутреннія затрудненія французскаго правительства не могли отразиться на внѣшней политикѣ республики. Попытки примѣшать къ панамскому дѣлу дипломатическихъ представителей нѣкоторыхъ иностранныхъ державъ были своевременно и энергически остановлены министерствомъ, которое прибѣгло въ этомъ случаѣ къ необычайной мѣрѣ—къ высылкѣ трехъ корреспондентовъ изъ предѣловъ Франціи. Разоблаченія коснулись также двухъ русскихъ газетъ, безъ достаточнаго къ тому основанія; по этому поводу затронутые журналисты ѣздили даже въ Парижъ и давали объясненія въ парламентской слѣдственной коммиссіи, чтобы

опровергнуть клевету и снять съ себя и съ своихъ редакцій незаслуженное пятно. Странно только, что эти газетные дѣятели, хлопотавшіе будто бы о достоинствѣ русской печати вообще, готовы были свалить подозрѣніе другъ на друга: одинъ допускалъ, что, быть можетъ, парижскіе обличители напали на вѣрный слѣдъ, назвавъ одного извѣстнаго публициста, служившаго прежде въ дипломатическомъ вѣдомствѣ; другой откровенно ставилъ въ своей газетѣ вопросъ: взялъ ли такой-то или не взялъ?—и заранѣе высказывалъ свое порицаніе виновному, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта. Такой способъ защиты едва ли могъ убѣдить французовъ въ полной чистотѣ побужденій и въ искренности негодованія нашихъ газетныхъ патріотовъ по поводу распущенныхъ въ Парижѣ слуховъ. Еще болѣе странно поведеніе этихъ публицистовъ передъ французской парламентской коммиссіей: они прямо выставляли себя какими-то довѣренными лицами, уполномоченными говорить отъ имени всего русскаго общественнаго мнѣнія, и смѣло приписывали нашему отечеству свои личные чувства и взгляды, не стѣсняясь даже элементарными предписаніями политическаго такта и простого здраваго смысла.

Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь любопытное показаніе г. Татищева, которое по своему удивительному тону превосходитъ все, что́ мы привыкли встрѣчать въ извѣстной части нашей журналистики. Упомянувъ о бездоказательности обвиненія, которое до сихъ поръ не могло быть отнесено къ какому-нибудь опредѣленному лицу, г. Татищевъ намекнулъ о вѣроятномъ участіи въ этомъ дѣлѣ „иностранной интриги“ и затѣмъ продолжалъ: „Если это такъ, то я считаю своимъ долгомъ заявить, что нужно покончить съ *положеніемъ, невыносимымъ для нашей страны* (qu'il importe de mettre fin à une situation intolérable pour notre pays). Мы понимаемъ ваше желаніе разъяснить дѣло и присоединяемся къ этому желанію. Всякій журналистъ откликнется на вашъ призывъ. Тѣмъ не менѣе очевидно, что если тутъ замѣшана иностранная интрига, то пора прекратить *это положеніе, невыносимое для страны*, которая одна въ Европѣ доказала вамъ свою дружбу и преданность. Затронуты были двѣ главнѣйшія русскія газеты, примѣшано было уважаемое имя нашего знаменосца (de notre porte-drapeau); задѣли также меня. Это честь—быть задѣтымъ нашими общими врагами. Мои убѣжденія относительно васъ установились давно. Я вступилъ въ дипломатію въ 1864 году. Служебная тайна мѣшаетъ мнѣ объяснить вамъ мою личную дѣятельность и мотивы, побудившіе меня выйти въ отставку. Красная лента (почетнаго легіона), которую я ношу, относится къ 1875 году, памятному во Франціи. Но я могу сказать, что́ я сдѣлалъ какъ писатель. Я хотѣлъ доставить преобладаніе идеямъ, которыя я вы-

работалъ въ себѣ, какъ дипломатъ. Я сознавалъ, что интересъ моего отечества требовалъ отдѣленія отъ тройственнаго союза и сближенія съ Франціею. Я дѣлалъ эту пропаганду, какъ публицистъ и историкъ. Соглашеніе благополучно состоялось. Оно еще существуетъ. Я желаю, чтобы оно всегда существовало. Оно вызвано движеніемъ общественнаго мнѣнія. Я считаю за честь для себя, что я участвовалъ въ этомъ движеніи. Франція не обязана быть намъ благодарною и признательною; мы имѣли въ виду только интересы нашей страны. Мы дѣйствовали какъ добрые русскіе, и Франція, которая изъ этого извлекла пользу, должна быть къ намъ справедливою. Она должна очистить насъ отъ самаго кроваваго упрека, какой намъ могъ быть сдѣланъ. Притомъ это въ ея же интересѣ. Она имѣетъ только одного друга между государствами Европы. Допустить, чтобы на этомъ другѣ оставалось подозрѣніе,—это значитъ нанести вредъ себѣ же и глубоко оскорбить самую душу Россіи, которая ревниво заботится о своей чести (blesser au vif l'âme même de la Russie, qui est jalouse de son honneur). Энергическая мѣра, принятая правительствомъ (т.-е. высылка трехъ иностранныхъ корреспондентовъ) будетъ вполнѣ одобрена въ Россіи. Общественное мнѣніе будетъ глубоко тронуто ею. Но я обращаюсь къ вамъ съ просьбою: если въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ не собрано противъ насъ никакихъ доказательствъ, то не дѣлайте изъ этого тайны. Скажите это предъ лицомъ Франціи и Европы. Мы полагаемъ, что вы защитите насъ отъ поднимающейся волны клеветъ, которая разстроиваетъ отношенія между народами, ибо она не останавливается даже предъ носителемъ русской чести. Вы разстроите планъ противниковъ нашихъ, направляющихъ свои удары противъ двухъ великихъ державъ и противъ дружбы двухъ великихъ странъ" („Journal des Debats" отъ 17-го января, „Temps" отъ 18-го ч. и др.,—стенографическій отчетъ о засѣданіи парламентской слѣдственной коммиссіи 16-го января, нов. ст.).

Это обращеніе г. С. Татищева къ членамъ французской парламентской коммиссіи, чтобы они избавили Россію отъ „невыносимаго положенія", въ какое она будто бы поставлена высказаннымъ противъ одной изъ нашихъ газетъ подозрѣніемъ въ продажности,—остается для насъ совершенно непонятнымъ. Откуда это взялъ г. Татищевъ, что непріятное положеніе отдѣльныхъ заподозрѣнныхъ публицистовъ есть въ то же время „невыносимое положеніе" для всей Россіи? Неужели каждый газетный патріотъ настолько воплощаетъ въ себѣ цѣлое государство и народъ, что затрогивающіе его личные вопросы не могутъ быть отдѣлены отъ вопросовъ государственныхъ и международныхъ? Если дѣло идетъ о г. Татищевѣ или о какомъ-

нибудь другомъ русскомъ публицистѣ, то неужели это значитъ, что затронута сама Россія, какъ великая держава? Вѣдь Россія не такъ ужъ мала и ничтожна, чтобы позволительно было отождествлять ее съ отдѣльными ея патріотами, какъ бы громко они ни шумѣли о своихъ личныхъ заслугахъ. Еслибы даже, паче чаянія, оказалось, что нашелся у насъ журналистъ, соблазнившійся суммою въ 500 тысячъ франковъ панамскихъ денегъ, то этотъ частный фактъ столь же мало затрогивалъ бы честь и достоинство Россіи, какъ и всякій другой безнравственный поступокъ, совершонный кѣмъ-либо въ предѣлахъ русскаго государства. Въ каждой странѣ найдутся люди, готовые торговать своими убѣжденіями; но изъ этого не слѣдуетъ, что страна солидарна съ этими людьми и отвѣтственна за ихъ личные грѣхи. Особенно комично было говорить о „невыносимомъ положеніи" Россіи изъ-за вопроса о подкупѣ какого-то русскаго публициста—передъ той самой парламентскою коммиссіею, которая занята разслѣдованіемъ цѣлой системы подкуповъ во Франціи. Французы не думаютъ, что отечество ихъ погибаетъ вслѣдствіе обнаруженной продажности многихъ французскихъ газетъ, и они всего менѣе могли повѣрить, что Россія очутилась „въ невыносимомъ положеніи" подъ вліяніемъ одного частнаго случая подкупности ея печати.

Было также крайне бестактно со стороны г. Татищева примѣшивать къ дѣлу дипломатію, упоминать о своей прежней дипломатической службѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ намекать на иностранную интригу, исходящую, будто бы, отъ общихъ враговъ Франціи и Россіи, т.-е. отъ державъ тройственнаго союза. Ссылка на старыя дипломатическія связи должна была неизбѣжно возбудить въ публикѣ мысль, что указаніе на иностранную интригу сдѣлано не спроста, что оно основывается на какихъ-нибудь фактическихъ свѣденіяхъ, которыми, вѣроятно, располагаетъ бывшій русскій дипломатъ, и дѣйствительно, нѣкоторыя французскія газеты приняли намекъ г. Татищева за нѣчто серьезное и назвали даже иностраннаго посла, который будто бы руководилъ „интригой". Понятно, что виновниками интриги могли быть только австрійцы и англичане; ибо пресловутая польская интрига давно вышла изъ моды, а берлинскія козни имѣли значеніе только при Бисмаркѣ. Такъ какъ Англія при Гладстонѣ мало занимается закулисными политическими комбинаціями, то остаются лишь австрійцы, которымъ наши патріоты издавна приписываютъ всякія международныя хитрости. Представитель Австро-Венгріи въ Парижѣ, графъ Гойошъ, обвинялся въ томъ, что онъ способствовалъ распространенію извѣстнаго рода слуховъ въ заграничной печати, съ цѣлью испортить отношенія между Франціею и другой великою державой. Это предположеніе, воспроизведенное газетами на основаніи наме-

ковъ г. Татищева, вызвало понятное неудовольствіе австрійскаго дипломата, и французскому министру иностранныхъ дѣлъ пришлось извиниться предъ нимъ за неумѣстныя выходки прессы.

Зачѣмъ понадобилось г. Татищеву заявлять о какихъ-то небывалыхъ интригахъ и возбуждать крайне щекотливые политическіе вопросы передъ коммиссіею, занятою совершенно постороннимъ спеціальнымъ дѣломъ,—намъ неизвѣстно. Предсѣдатель коммиссіи, Бриссонъ, дважды давалъ понять г. Татищеву, что коммиссія имѣетъ свои спеціальныя задачи, не позволяющія ей выслушивать разсужденія о внѣшней политикѣ. Выслушавъ фантастическую и напыщенную декларацію нашего „патріота" о великихъ державахъ, объ Европѣ, Франціи и Россіи, Бриссонъ ограничился сухимъ дѣловымъ замѣчаніемъ о спорномъ чекѣ Герца и объ отсутствіи какихъ-либо подозрѣній противъ г. Татищева. Повидимому, нашъ соотечественникъ не понималъ или не желалъ понимать яснаго смысла этихъ прозаическихъ напоминаній о дѣлѣ; онъ, очевидно, имѣлъ въ виду другую, болѣе обширную публику, такъ какъ отчеты о засѣданіяхъ коммиссіи печатаются подробно во всѣхъ газетахъ. Быть можетъ, онъ произвелъ желанный эффектъ своими громкими фразами и внушилъ французамъ преувеличенныя представленія о своей политической роли и дѣятельности; но онъ напрасно позволилъ себѣ взвести на насъ такую небылицу, что мы находимся будто бы въ „невыносимомъ положеніи", которому можетъ помочь только французская парламентская коммиссія. Напрасно онъ также ставилъ себя рядомъ съ „носителемъ нашего (?) знамени и достоинства"; онъ не долженъ былъ къ обвиненіямъ противъ журналистовъ припутывать нелѣпыя газетныя выдумки, оскорбительныя для дипломатіи, и не имѣлъ никакого повода говорить о сочувствіи нашего общественнаго мнѣнія къ принятой въ Парижѣ мѣрѣ противъ трехъ заграничныхъ корреспондентовъ. Мы вѣдь недовольны, когда изъ Австріи или Германіи высылаютъ какого-нибудь русскаго журналиста, относящагося враждебно къ австрійскимъ и нѣмецкимъ интересамъ; наши бывшія „Славянскія Извѣстія", постоянно воевавшія противъ Австро-Венгріи, находили несправедливымъ противодѣйствіе распространенію этого изданія въ австрійскихъ предѣлахъ, ссылаясь на австрійскую конституцію, которая, будто бы, обязываетъ правительство допускать въ странѣ свободное обращеніе непріязненныхъ иностранныхъ газетъ. Высылка одного русскаго корреспондента изъ Берлина была еще недавно предметомъ полемики и вызывала у насъ рѣзкія нареканія и протесты. Самъ г. Татищевъ, чувствующій столь сильную вражду къ Австріи, аккуратно отмѣчаетъ подъ своими журнальными обозрѣніями (въ „Русскомъ Вѣстникѣ"), что пишетъ онъ свои патріотическія статьи въ

Штиріи, въ австрійскихъ предѣлахъ; и онъ, вѣроятно, возмутился бы, еслибы австрійское правительство предложило ему перенести свою писательскую дѣятельность въ другую страну. Если же, по мнѣнію г. Татищева, принятая въ Парижѣ мѣра достойна похвалы только потому, что примѣнена не къ намъ, а къ представителямъ чужихъ и даже враждебныхъ намъ національностей, то этотъ свой личный взглядъ онъ не могъ, конечно, приписать всей нашей печати и нашему общественному мнѣнію.

Замѣтимъ кстати, что наши публицисты-патріоты, проявляющіе наибольшую строгость при оцѣнкѣ чужихъ политическихъ дѣлъ, возбуждающіе повсюду вопросъ о полномочіяхъ и сомнѣвающіеся даже въ законномъ существованіи чужого патріотизма, напр. болгарскаго, — нерѣдко сами обнаруживаютъ наклонность къ самозванству и къ хлестаковщинѣ предъ иностранной публикой. Они охотно выдаютъ себя за представителей всей Россіи, говорятъ безцеремонно отъ имени русскаго общества и народа, пользуются недоразумѣніями, зываемыми за границей нашими чиновничьими званіями, и приписываютъ себѣ свѣденія и полномочія, которыхъ они вовсе не имѣютъ и имѣть не могутъ. Сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей", имѣющій чинъ статскаго совѣтника, принимается во Франціи за „члена государственнаго совѣта", произноситъ гдѣ-то французскую патріотическую рѣчь и категорически обѣщаетъ французамъ безусловную помощь Россіи; другой, пользующійся у себя дома скромнымъ титуломъ губернскаго секретаря, попадаетъ за границей въ положеніе весьма значительной особы — секретаря правительства (secrétaire de gouvernement), и невольно даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Отдѣльные публицисты, разсчитывая на незнаніе и довѣрчивость французской публики, пускаютъ ей пыль въ глаза небывалыми исторіями, раздуваютъ свое личное значеніе и заслуги, толкуютъ о рѣшеніяхъ и мнѣніяхъ Россіи, какъ о своихъ собственныхъ рѣшеніяхъ и мнѣніяхъ. Эти попытки ввести иностранцевъ въ заблужденіе могутъ принести весьма существенный вредъ общимъ интересамъ государства; легкость незамѣтнаго, какъ бы невольнаго самозванства соблазняетъ, повидимому, даже такихъ серьезныхъ и опытныхъ людей, какъ г. Татищевъ. Иностранная печать лучше знала бы, какъ относиться къ подобному фантазированію, если бы послѣднее встрѣчало своевременный отпоръ и надлежащую оцѣнку въ нашей собственной средѣ, въ нашей журналистикѣ и въ обществѣ. Съ этой точки зрѣнія намъ казалось не безполезнымъ остановиться на объясненіяхъ г. Татищева съ гораздо большею подробностью, чѣмъ они заслуживали сами по себѣ по существу. Можно было бы просто указать на невѣрность и странность этихъ объясне-

ній, не подвергая ихъ особенно придирчивой критикѣ; но въ томъ-то и дѣло, что въ этихъ странностяхъ есть система, и что одни и тѣ же пріемы пускаются въ ходъ различными представителями нашихъ „откровенныхъ“ и „патріотическихъ“ газетъ, съ большею или меньшею ловкостью.

Между прочимъ, парижскія сплетни относительно нѣкоторыхъ членовъ дипломатическаго корпуса нашли отголосокъ и въ одной изъ нашихъ газетъ, какъ видно изъ оффиціальнаго сообщенія, напечатаннаго въ № 9 „Правительственнаго Вѣстника“ Въ этомъ сообщеніи сказано слѣдующее: „Перепечатывая изъ иностранныхъ изданій разныя извѣстія по панамскому дѣлу, газета „Гражданинъ“ позволила себѣ прибѣгать къ произвольнымъ и неумѣстнымъ намекамъ, которые могутъ быть истолкованы въ смыслѣ оскорбительномъ для лицъ, занимающихъ высокое положеніе въ дипломатической сферѣ. Вслѣдствіе сего г. министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлалъ редактору „Гражданина“, князю Мещерскому, строгое внушеніе, о чемъ другія изданія, въ предотвращеніе чего-либо подобнаго, поставляются въ извѣстность“. Такъ какъ въ этомъ сообщеніи говорится о лицахъ, занимающихъ высокое положеніе вообще въ дипломатіи, а не только въ одной русской, то сдѣланное имъ внушеніе свидѣтельствуетъ, очевидно, о желаніи оградить дипломатическихъ представителей, какъ нашихъ, такъ и заграничныхъ, отъ неумѣстныхъ толковъ и намековъ печати; но это огражденіе, конечно, распространяется только на тѣхъ иностранныхъ дипломатовъ, которые состоятъ при нашемъ правительствѣ, и не можетъ относиться къ чужимъ посланникамъ при чужихъ державахъ, какъ, напр., къ австро-венгерскому послу въ Парижѣ. Но это не значитъ, однако, что всякій желающій имѣетъ право въ чужой странѣ заявлять публично о враждебныхъ интригахъ иностранныхъ дипломатическихъ представителей, какъ это позволилъ себѣ сдѣлать г. Татищевъ въ Парижѣ; ибо въ данномъ случаѣ, напримѣръ, дружественное намъ правительство Франціи поставлено было въ неловкое положеніе относительно аккредитованныхъ при немъ дипломатовъ, а сознательно причинять непріятности чужому и тѣмъ болѣе союзному государству, подъ прикрытіемъ неодолимой патріотической дружбы,—по меньшей мѣрѣ не умно. Въ подобныхъ случаяхъ „строгое внушеніе“, не влекущее за собою никакихъ формальныхъ послѣдствій,—мѣра вполнѣ цѣлесообразная и дѣйствительная, и мы не можемъ не выразить надежды и пожеланія, чтобы эта чисто нравственная мѣра постепенно замѣнила собою другіе способы предупрежденій и взысканій за проступки печати, какимъ подвергаются другія изданія. Кромѣ авторитетнаго оффиціальнаго „внушенія“, возможно еще внушеніе общественное, выражаемое голосомъ

журналистики и лучшей части общества,—и намъ кажется, что не можетъ быть двухъ мнѣній о характерѣ показанія г. Татищева въ парламентской слѣдственной коммиссіи по панамскому дѣлу.

Внутреннія затрудненія, съ которыми приходится имѣть дѣло нынѣшнему французскому правительству, очень мало вліяютъ на общій ходъ жизни во Франціи; они большею частью скользятъ лишь по поверхности, хотя издали представляются опасными для самаго существованія республики. Многія нѣмецкія газеты стараются заранѣе опровергнуть и устранить предположенія о политической слабости Франціи; напротивъ, онѣ даже видятъ признакъ здоровья и нравственной силы въ этой безпощадной готовности преслѣдовать всѣхъ, причастныхъ къ раскрытымъ злоупотребленіямъ, не исключая и бывшихъ министровъ—и даже президентовъ совѣта, какъ Рувье. Судебная власть дѣйствуетъ съ образцовою твердостью; какой-нибудь скромный слѣдователь, Принэ или Франкевилль, даетъ суровые приказы, заставляющіе трепетать самыхъ вліятельныхъ и богатѣйшихъ политическихъ дѣятелей страны. Милліонеръ Герцъ, располагавшій могущественными связями въ парламентскомъ мірѣ, близкій другъ министровъ и кандидатовъ въ министры, убѣжалъ въ Англію при одной мысли о томъ, что его можетъ вызвать къ себѣ для допроса скромный судебный чиновникъ; баронъ Рейнакъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ финансовыхъ дѣльцовъ Парижа, предпочелъ лучше умереть, чѣмъ показаться на глаза мелкому и ничтожному въ свѣтѣ представителю правосудія. Наравнѣ съ простыми смертными, вызываются къ Франкевиллю и должны давать показанія въ его камерѣ такія личности, какъ Фрейсинэ, недавно еще считавшійся кандидатомъ въ президенты республики. Это общее благоговѣніе къ суду и къ его самымъ незначительнымъ органамъ показываетъ наглядно, что распущенность нравовъ въ извѣстной части общества совсѣмъ не коснулась тѣхъ элементовъ, на которыхъ держатся существенныя основы законности въ государствѣ.

Экономическіе интересы несомнѣнно пострадали отъ понятнаго безпокойства, овладѣвшаго крупными и мелкими капиталистами подъ вліяніемъ шумныхъ разоблаченій и тревожныхъ слуховъ; говорятъ, что на одномъ курсѣ цѣнныхъ бумагъ, обращающихся на парижской биржѣ, потеряно около полутора милліарда франковъ, за послѣдніе мѣсяцы. Тѣмъ не менѣе въ области государственнаго и общественнаго кредита мы видимъ во Франціи нѣчто такое, что̀ едва ли мыслимо въ какой-либо другой европейской странѣ: французскій банкъ заставлялъ публику принимать платежи звонкой монетой, а

не банковыми билетами, вслѣдствіе чего публика выражала свое неудовольствіе, и на бумажки появился лажъ, т.-е. приплачивалась премія за банковые билеты. Бумажки цѣнились дороже золота,—вотъ фактъ, который намъ трудно даже представить себѣ. Дѣло объясняется тѣмъ, что сумма выпущенныхъ уже въ обращеніе банковыхъ билетовъ дошла почти до законной нормы—до $3^1/_2$ милліардовъ, а банкъ не имѣлъ права превысить эту сумму. Между тѣмъ металлическій запасъ значительно превосходитъ сокровища, которыми располагаютъ англійскій банкъ и германскій имперскій банкъ въ совокупности: въ подвалахъ французскаго банка хранилось въ началѣ января $1.704^1/_2$ милл. золотомъ и $1.264^1/_4$ милл. серебромъ,—всего почти три милліарда франковъ. Чтобы удовлетворить увеличившуюся потребность въ денежныхъ знакахъ, безъ ущерба для этого колоссальнаго металлическаго фонда, правительство вынуждено было внести въ палату спеціальный проектъ закона о разрѣшеніи банку довести количество билетовъ до четырехъ милліардовъ. Эти цифры лучше всего свидѣтельствуютъ объ огромныхъ накопившихся богатствахъ Франціи, о необычайномъ ростѣ ея промышленности и торговли. Столь же колоссальны и цифры французскаго государственнаго бюджета: на нынѣшній годъ предположено расходовъ почти 3.400 милліоновъ,—около полутора милліарда рублей на наши деньги. Одно военное вѣдомство поглощаетъ около 650 милліоновъ франковъ въ годъ. Изъ доклада, представленнаго депутатомъ Кошри, можно видѣть, что съ 1871 года по настоящее время Франція истратила на вооруженія, не считая флота, 18 милліардовъ. Если устранить расходы на пенсіи и на устройство стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, то собственно военныя издержки поглотили болѣе 15 милліардовъ; изъ нихъ почти три милліарда употреблено на возстановленіе военнаго матеріала, а 11 милліардовъ 770 милліоновъ ушло на содержаніе и обученіе войскъ. И эти грандіозные расходы, повидимому, не особенно обременяютъ населеніе; никто не жалуется на тягость налоговъ, и недовольство трудящихся массъ почти не направляется въ эту сторону; никто не поднимаетъ вопроса о реформѣ податной системы, тогда какъ въ другихъ могущественныхъ государствахъ этотъ вопросъ отчасти до сихъ поръ считается самымъ жгучимъ и настоятельнымъ.

Наиболѣе разумное и разсчетливое финансовое управленіе въ Европѣ существуетъ несомнѣнно въ Пруссіи; но по богатству нѣмцы далеко отстаютъ отъ французовъ и потому не могутъ себѣ позволять той щедрости въ расходахъ, которую свободно допускаютъ французскія палаты и министерства. Бюджетные споры рѣдко занимаютъ такъ общественное мнѣніе во Франціи, какъ въ Пруссіи. Дополни-

тельныя требованія по военному вѣдомству, какъ бы значительны они ни были, обыкновенно утверждаются французскимъ парламентомъ почти безъ всякихъ возраженій, а въ Германіи военные кредиты служатъ главнѣйшимъ предметомъ разногласій между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Прусскіе финансы, при всей аккуратности и добросовѣстности нѣмецкаго государственнаго хозяйства, стали опять грѣшить дефицитами, вслѣдствіе недоборовъ по государственнымъ желѣзнымъ дорогамъ. Въ бюджетѣ на финансовый 1893-94 г. сумма обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ опредѣлена въ 1.894 милліоновъ, а доходы—въ 1.845 милліоновъ, такъ что дефицитъ составитъ свыше 58½ милліоновъ. Въ прежніе годы получались крупные излишки отъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, и эти излишки употреблялись на общія надобности казначейства, въ разсчетѣ на неизмѣнный уровень или даже повышеніе доходности дорогъ въ будущемъ; между тѣмъ желѣзно-дорожное движеніе замѣтно сократилось, вслѣдствіе уменьшенія торговыхъ оборотовъ съ Россіею, особенно по хлѣбной торговлѣ, во время нашихъ неурожаевъ, а также вслѣдствіе сокращенія вывоза товаровъ за границу подъ вліяніемъ повсемѣстнаго торжества протекціонной системы. Теперь приходится зато покрывать недочеты по желѣзнымъ дорогамъ изъ общихъ государственныхъ средствъ.

Трудное экономическое положеніе Германіи, въ связи съ промышленнымъ застоемъ, составляетъ важнѣйшій доводъ оппозиціи противъ принятія военнаго закона. Судьба этого закона до сихъ поръ подлежитъ большому сомнѣнію, несмотря на всѣ энергическія рѣчи Вильгельма II и на разнообразные политическіе и военные аргументы канцлера Каприви. Значительная часть національно-либеральной партіи готова пойти на компромиссъ; но правительственный проектъ крайне непопуляренъ въ странѣ, а настойчивыя заявленія канцлера о безусловной его необходимости не встрѣчаютъ довѣрія въ обществѣ и народѣ, тѣмъ болѣе, что князь Бисмаркъ категорически отрицаетъ эту необходимость. Не только прогрессисты и національ-демократы, но и многіе консерваторы и умѣренные либералы недовольны политикою правительства, въ виду ея неопредѣленности и частыхъ внутреннихъ противорѣчій. Въ газетахъ высказывалось предположеніе, что имперскій сеймъ будетъ распущенъ раньше срока и что назначены будутъ новые выборы, для пріобрѣтенія болѣе надежнаго правительственнаго большинства; но сами министры не надѣются на успѣхъ этой рискованной мѣры, при господствующемъ нынѣ настроеніи.

Нѣкоторые органы оппозиціи пытались доказать, что зло продажности существуетъ и въ правительственныхъ и парламентскихъ сфе-

рахъ Германіи, не менѣе чѣмъ во Франціи; источникомъ злоупотребленій былъ гвельфскій фондъ (конфискованные въ 1866 году капиталы покойнаго ганноверскаго короля Георга), доходами котораго правительство распоряжалось въ теченіе многихъ лѣтъ. Соціалистическая газета „Vorwärts“ заявила, что ей доставлены документы, свидѣтельствующіе о раздачѣ крупныхъ суммъ министрамъ, чиновникамъ, парламентскимъ дѣятелямъ и публицистамъ; это увѣреніе, подкрѣпленное весьма правдоподобнымъ и обстоятельнымъ спискомъ, съ прозрачными характеристиками лицъ (безъ обозначенія именъ), не было опровергнуто правительствомъ съ достаточною убѣдительностью. Но если допустить основательность этого разоблаченія, то оно въ сущности ничего не прибавляетъ къ тому, что было извѣстно и раньше, и самые факты не имѣютъ ничего общаго съ тою формою продажности, которая обнаружена въ панамскомъ дѣлѣ. Параллель, проводимая между выдачами изъ гвельфскаго фонда и распредѣленіемъ панамскихъ денегъ, не выдерживаетъ, очевидно, ни малѣйшей критики. Проценты гвельфскихъ капиталовъ расходовались на тѣхъ же основаніяхъ, какъ расходуются суммы секретнаго фонда во всѣхъ другихъ государствахъ, въ томъ числѣ и во Франціи,—т.-е. по свободному усмотрѣнію правительства, безъ всякаго общественнаго или парламентскаго контроля, безъ обычныхъ формальныхъ отчетовъ объ употребленіи издержанныхъ суммъ. Въ частности доходы гвельфскаго фонда должны были по закону идти на разныя секретныя затраты, необходимыя для противодѣйствія политическимъ попыткамъ реставраціи ганноверской династіи; и эта цѣль вполнѣ оправдывала выдачу денегъ лицамъ, поддерживавшимъ правительство въ этомъ направленіи или оказавшимъ какія-либо услуги государству. Притомъ награды и субсидіи, выдаваемыя государственною властью, не могли считаться постыдными для частныхъ и общественныхъ дѣятелей, сознательно и открыто служившихъ правительству. О преступной и преслѣдуемой законами продажности, какъ въ панамскомъ дѣлѣ, тутъ не могло быть и рѣчи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го февраля 1893.

— *Историческое Обозрѣніе.* Сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей *Н. И. Карѣева* (1892 г.). Томы четвертый и пятый. Спб. 1892.

Въ „Литературномъ Обозрѣніи“ были въ свое время отмѣчены первые томы этого изданія. Историческое Общество работаетъ очень усердно, какъ можно видѣть изъ новыхъ томовъ его изданія. Какъ и прежде, интересы этихъ трудовъ направлены, съ одной стороны, на теоретическія основы исторіографіи и на отдѣльные вопросы положительной исторіи, европейской и русской, и съ другой — на вопросы преподаванія, на состояніе нашей исторической науки. Мы высказывали уже наше полное сочувствіе этой дѣятельности и можемъ только сказать, что дальнѣйшіе томы „Сборника“ еще возростаютъ въ интересѣ; между прочимъ, увеличивается число работъ, посвящаемыхъ русской исторіи.

Въ новыхъ томахъ „Сборника“ находимъ слѣдующіе труды по всеобщей исторіи: П. Г. Виноградова—Развитіе демократіи въ трактатѣ Аристотеля о государствѣ аѳинскомъ; С. В. Лурье — Секта ессеевъ; А. С. Вязигина — Личность и значеніе Григорія VII въ исторической литературѣ; М. М. Ковалевскаго—Зарожденіе республиканской партіи во Франціи и Учредительное Собраніе, и Борьба венеціанскаго правительства съ его политическими принципами (по неизданнымъ депешамъ венеціанскихъ резидентовъ и по тайному архиву государственныхъ инквизиторовъ); Н. П. Любовича — Новый французскій трудъ по исторіи Пруссіи; Н. П. Ардашева—Новое пособіе по исторіи французской революціи; А. П. Сапожникова—Изъ швейцарской юбилейной литературы 1891 года.

Вопросу историческаго преподаванія въ европейской школѣ посвящены работы И. М. Гревса и П. Д. Погодина: Очерки современнаго

историческаго преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Парижа; Е. Н. Щепкина — Преподаваніе исторіи въ Англіи въ связи съ судьбами средняго образованія вообще.

По русской исторіи находимъ изслѣдованія: Н. Н. Дебольскаго— Древнерусскія междукняжескія отношенія по договорамъ; С. В. Рождественскаго — Царь В. И. Шуйскій и боярство; Е. Ф. Шмурло — Русская исторія на московской географической выставкѣ 1892 года.

По польской литературѣ отмѣтимъ статью С. Л. Пташицкаго: Новѣйшія польскія сочиненія по польской исторіи конца XVIII вѣка, и Библіографическій обзоръ историческихъ трудовъ 1891-92 годовъ.

Обширная „Историческая хроника" (въ 4-мъ томѣ) представляетъ, какъ и прежде, свѣденія о ходѣ историческаго преподаванія въ нашихъ университетахъ и духовныхъ академіяхъ; объ ученыхъ обществахъ и т. п. Въ началѣ находимъ свѣденія объ ученыхъ юбилеяхъ: тридцатилѣтіе ученой дѣятельности А. Г. Брикнера (бывшаго профессора въ Дерптѣ) и В. И. Герье, и пятидесятилѣтіе трудовъ Н. М. Благовѣщенскаго. Послѣднему посвящена также рѣчь въ засѣданіи Общества, В. И. Модестова. Однѣми изъ особенно любопытныхъ подробностей этой хроники являются отчеты объ университетскихъ диспутахъ. Обыкновенно, свѣденія о нихъ ограничиваются короткими, и всего чаще поверхностными отчетами въ газетахъ; между тѣмъ нерѣдко диспуты представляютъ не лишенную интереса и важности полемику, которая не оставляетъ слѣда въ литературѣ. Таково въ настоящемъ случаѣ, напр., изложеніе диспута г. Середонина, по поводу его диссертаціи о Флетчерѣ.

Самому редактору „Историческаго Обозрѣнія", г. Карѣеву, принадлежатъ двѣ статьи: „Замѣтки объ экономическомъ направленіи въ исторіи", и „По поводу новой формулировки матеріальной исторіи". Еще ранѣе, во второмъ томѣ „Обозрѣнія", г. Карѣевъ останавливался на вопросѣ объ отношеніяхъ политической экономіи и теоріи историческаго процесса и возвращается къ нему снова по тому поводу, что у насъ, кажется, увеличивается число послѣдователей такъ называемаго „экономическаго матеріализма", по которому вся жизнь человѣческихъ обществъ, а слѣдовательно и исторія, основаны на отношеніяхъ чисто экономическаго характера и что къ нимъ должны быть возводимы явленія, до сихъ поръ объясняемыя только съ точки зрѣнія исторіи культурной. Вопросъ чрезвычайно интересенъ, но пока и чрезвычайно неясенъ. Въ первой изъ названныхъ выше статей г. Карѣевъ дѣлаетъ указанія о происхожденіи „экономическаго матеріализма" въ европейской литературѣ и характеризуетъ нѣкоторыя сочиненія, излагающія эту точку зрѣнія, находящую адептовъ и у насъ. Заключеніе его состоитъ въ слѣдующемъ: „Экономическое

направленіе въ исторіи, какъ направленіе, кладущее въ основу исторической жизни явленія народнаго хозяйства, пока не имѣетъ прочныхъ основъ, и хотя въ извѣстномъ смыслѣ встрѣтились другъ съ другомъ „экономическій матеріализмъ", исходящій изъ отвлеченной идеи, и „историческій экономизмъ", строящій свое зданіе на фактической почвѣ, ни тотъ, ни другой не имѣютъ прочной теоретической основы: первый при малѣйшей критикѣ даже вполнѣ къ нему благосклонныхъ писателей оказывается одностороннимъ, второй какъ будто самъ не рѣшается формулировать свою основную мысль",—хотя, конечно, г. Карѣевъ нимало не отрицаетъ значенія экономическаго элемента въ развитіи человѣческихъ обществъ и, слѣдовательно, необходимости введенія его въ историческое изслѣдованіе. Въ другой разъ г. Карѣевъ говоритъ объ этомъ предметѣ по поводу статьи молодого историка Д. М. Петрушевскаго о трудѣ проф. П. Г. Виноградова—Villainage in England (въ „Журналѣ мин. просвѣщ." 1892): первыя шесть страницъ этой статьи, по словамъ г. Карѣева, имѣютъ совершенно самостоятельное значеніе и являются какъ бы изложеніемъ научной profession de foi; „это—попытка формулировать основныя положенія матеріальнаго направленія, противопоставивъ его культурному, какъ научное—отсталому". Защитникъ экономическаго матеріализма утверждаетъ, что только послѣдователи этого новаго метода предъявляютъ настоящія научныя требованія, о которыхъ не имѣютъ понятія такъ называемые культурные историки. „Конечно,—говоритъ онъ, — многія изъ тѣхъ рѣшеній культурныхъ вопросовъ, которыя казались и кажутся какъ культурнымъ историкамъ, такъ и массѣ читающей публики безспорными и являются твердо установленными принципами для сужденій о практической дѣятельности, на взглядъ матеріальной исторіи оказываются даже и вовсе не рѣшеніями, а лишь апріорными утвержденіями, часто болѣе свидѣтельствующими о нравственной и художественной, чѣмъ о научной высотѣ ихъ авторовъ". Разногласіе между „матеріальными" и культурными историками заключается между прочимъ въ томъ, что первые „не могутъ признать плодотворными широкія обобщенія культурныхъ историковъ, сознательно или безсознательно превышающихъ свою научную компетенцію"; строго научно можетъ разработываться только матеріальная исторія, и такому научному историку „приходится устранить изъ научнаго оборота цѣлую массу метафоръ и другихъ чисто стилистическихъ украшеній", и т. п. Г. Карѣевъ находитъ все это крайне преувеличеннымъ. Такъ называемая культурная исторія далеко не такъ самоувѣренна и не такъ поверхностна, какъ полагаетъ ея противникъ, а что касается стилистическихъ украшеній, то г. Карѣевъ у самого адвоката научной матеріальной исторіи тутъ же на-

шелъ цѣлый ихъ запасъ. „...Когда авторъ (замѣчаетъ г. Карѣевъ) говоритъ о „матеріальной средѣ“ культурныхъ идей, прежде всего подлежащей изученію, когда онъ рекомендуетъ начинать послѣднее не съ „высшихъ отправленій общественнаго организма“, а съ „структуры, генезиса и развитія самого общественнаго организма и его элементарныхъ отправленій“, когда совѣтуетъ предварительно „запастись вполнѣ отчетливымъ представленіемъ о матеріальной почвѣ, выращивающей культурные плоды“,—во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло уже съ метафорической терминологіей, замѣняющей собою доказательство. „Общественный организмъ“ есть метафора; „отправленія“ этого организма — другая метафора; „матеріальная почва“, взятая не въ буквальномъ смыслѣ,—третья; выращиваніе ею культурныхъ плодовъ—четвертая. Между тѣмъ тутъ заключается цѣлая аргументація, сама по себѣ не убѣдительная, ибо физіологическія или агрономическія понятія могутъ фигурировать въ соціологическомъ разсужденіи развѣ только въ качествѣ стилистическихъ украшеній, которыя, дѣйствительно, нужно устранять, если ихъ заставляютъ играть роль доводовъ“.

Намъ кажется, что споръ между методами матеріальной и культурной исторіи всего лучше могъ бы быть разрѣшенъ не теоретическими разсужденіями, а самымъ дѣломъ. Партизаны матеріальной исторіи должны бы дать болѣе или менѣе широкое примѣненіе этого метода, — не на какой-либо частности, а именно на цѣломъ рядѣ историческихъ явленій, которыя „культурная“ исторія худо ли, хорошо ли объясняетъ. Только этимъ матеріальная исторія и могла бы оправдать свои притязанія, пока еще вовсе не доказанныя. И конечно она никогда не можетъ ихъ доказать; если бы она могла настоящимъ „научнымъ“ образомъ объяснить матеріальную основу обществъ, на этой основѣ выростаетъ такое разнообразіе явленій, которое никакимъ образомъ не можетъ быть сведено къ явленіямъ экономическимъ: остаются факты расы, религіи, умственной силы, культурнаго взаимодѣйствія и т. д., съ ихъ особою ролью, и „матеріальный“ историкъ по необходимости вернется на ту дорогу, на которой работаетъ не-матеріальная историографія. Но въ извѣстныхъ предѣлахъ разъясненіе экономическихъ процессовъ въ жизни народовъ, безъ сомнѣнія, можетъ быть весьма цѣннымъ и желательнымъ вкладомъ въ историческую науку.

———

— *А. Сорель. Европа и французская революція.* Сочиненіе, удостоенное французской академіей большой премія Gobert'a. Переводъ съ французскаго съ предисловіемъ профессора Спб. университета Н. И. *Карѣева.* Томъ третій. Война съ монархами. Томъ четвертый. Естественныя границы. Спб. 1892.

Въ Литературномъ Обозрѣніи было упомянуто о первыхъ двухъ томахъ сочиненія Сореля, въ русскомъ переводѣ. Третій томъ распадается на двѣ книги. Въ первой, подъ заглавіемъ: „Нашествіе и республика", излагаются военныя событія 1792—1793 года, именно война за національную независимость 1792 года, война съ цѣлью распространенія республиканскихъ идей, война революціонная и завоевательная 1793 года. Во второй книгѣ, подъ заглавіемъ: „Коалиція и Терроръ", излагаются въ нѣсколькихъ главахъ—измѣна Дюмурье 1793 года, первый комитетъ общественнаго спасенія, террористическая война, революціонное правительство. Четвертый томъ представляетъ три книги: „Раздоры въ средѣ коалиціи", „Базельскій миръ", „Замыслы республики", и разсказъ доведенъ до конца 1795 года. Мы говорили уже о достоинствахъ книги Сореля: обширное изученіе источниковъ, внимательное изслѣдованіе разнообразныхъ элементовъ, участвовавшихъ въ событіяхъ, большое безпристрастіе, тонкія опредѣленія характеровъ дѣлаютъ книгу Сореля однимъ изъ лучшихъ изложеній того грандіознаго и сложнаго періода, который въ концѣ концовъ измѣнилъ видъ Европы и послужилъ исходнымъ пунктомъ современной европейской исторіи, внѣшней и внутренней. Для русскаго читателя можно сдѣлать одно замѣчаніе. Основныя событія, составляющія предметъ книги Сореля, его собственнымъ читателямъ извѣстны, конечно, гораздо болѣе, чѣмъ можно это предположить для обыкновеннаго читателя русскаго; поэтому для послѣдняго книга Сореля требовала бы нѣкоторой подготовки: прежде чѣмъ приступить къ ней, читателю было бы полезно обновить въ своей памяти, по какимъ-нибудь общимъ книгамъ, главныя событія европейской исторіи конца прошлаго столѣтія, которыя французскій писатель полагаетъ извѣстными.

— *Эстетика и Поэзія.* Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности.— „О поэзіи", Аристотеля.—„Пѣсни разныхъ народовъ".—Критическія статьи о русской поэзіи: Огаревъ, Бенедиктовъ, Щербина, Плещеевъ.—Лессингъ, его время, жизнь и дѣятельность („Современникъ" 1854—1861 гг.). Изданіе М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1893.

Это уже третій сборникъ сочиненій извѣстнаго критика пятидесятыхъ и первыхъ шестидесятыхъ годовъ: раньше вышли „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы", затѣмъ „Критическія

статьи". По поводу двухъ послѣднихъ книгъ, въ Литературномъ Обозрѣніи было уже сказано о томъ историко-литературномъ интересѣ, какой представляютъ и въ настоящую минуту эти давнишніе очерки и критическія статьи. Въ изученіи нашей литературной исторіи съ тѣхъ поръ сдѣлано было очень много, но мы видѣли, что историческія указанія критика „Современника" до сихъ поръ не утратили своего значенія; не менѣе, если не больше значенія могутъ имѣть общія теоретическія мысли о достоинствѣ и задачахъ литературы. Съ тѣхъ поръ, когда эти труды появились въ первый разъ, въ нашей литературѣ произошло не мало событій, пережито много настроеній и, повидимому, должно бы быть пріобрѣтено не мало новаго опыта. И дѣйствительно, въ цѣломъ содержаніи литературы пріобрѣтено было за этотъ періодъ много любопытнѣйшихъ изученій старой и новой русской жизни, общественной и народной; но вслѣдствіе той неустойчивости, которая господствуетъ въ судьбахъ нашего просвѣщенія и общественности, нельзя сказать, чтобы содержаніе, собранное нѣсколькими десятилѣтіями трудовъ литературы, было должнымъ образомъ воспринято въ массѣ общества; нельзя сказать, чтобы вошло въ сознаніе то, чтó вырабатывалось лучшими умами и дарованіями этой литературы за тотъ періодъ. Въ послѣдніе годы мы не однажды бывали свидѣтелями того, какъ не только въ средѣ людей, „беззаботныхъ насчетъ литературы", но и въ средѣ самихъ ея дѣятелей обнаруживалось полное забвеніе ея лучшихъ преданій и уроковъ. Съ одной стороны распространяется мода на „чистое искусство"; въ школѣ писателей, которыхъ называютъ уже нашими декадентами, мнимое поклоненіе чистому искусству, равняется самому грубому индифферентизму къ дѣйствительнымъ задачамъ поэзіи и литературы, достойныхъ этого имени. Съ другой, совсѣмъ противоположной стороны, теоріи, которыя стремятся поставить во главѣ всѣхъ помышленій и трудовъ образованнаго общества народъ съ его потребностями и „устоями", и проповѣдники которыхъ должны были бы, повидимому, твердо знать то, чтó было нѣкогда сдѣлано литературой для развитія этихъ интересовъ къ народу,—на дѣлѣ нерѣдко оказываются очень далеки отъ ея старыхъ традицій и, конечно, только теряютъ отъ этого, не пользуясь уже пріобрѣтеннымъ опытомъ или впадая въ ошибки, которыхъ можно было бы миновать. Были, конечно, и внѣшнія обстоятельства, которыя способствовали этому забвенію, но можно бы думать, что тѣмъ, кто болѣе сознательно относится къ своему дѣлу, слѣдовало бы болѣе внимательно относиться къ тому прошедшему, которое дало бы имъ не мало поученій. Мы склонны дѣлать открытія, рѣшать по своему; это льститъ нашему самолюбію, но самое дѣло можетъ быть

только болѣе прочно, когда оно примыкаетъ къ старому началу, къ прежнему преданію. Въ этомъ смыслѣ изученіе прежней литературы, гдѣ новыя стремленія должны находить свое ближайшее прошедшее, можетъ быть глубоко плодотворно не только чувствомъ нравственной солидарности съ трудами лучшихъ людей прежнихъ поколѣній, но и расширеніемъ историческаго и теоретическаго горизонта.

Такова въ особенности литература первыхъ годовъ прошлаго царствованія. Возникши въ то время, когда послѣ періода тяжелыхъ стѣсненій открылся для общества гораздо бо̀льшій просторъ печати, тогдашняя литература была въ особенности исполнена идеалистическихъ ожиданій: оглядываясь на нихъ теперь, мы найдемъ въ нихъ иной разъ ожиданія слишкомъ преувеличенныя, недостаточную оцѣнку настоящихъ реальныхъ условій жизни, но при всемъ томъ много самыхъ искреннихъ желаній общаго блага, вѣрную передачу того, въ чемъ заключались истинныя нужды общества; мы найдемъ здѣсь и тѣ стремленія, какія иногда считаются теперь новѣйшимъ изобрѣтеніемъ, какъ, напр., тотъ интересъ къ народу, который народничество считаетъ своей спеціальной собственностью; въ этой старой литературѣ нашлось бы также и предостереженіе отъ нѣкоторыхъ ошибокъ, въ какія впадало новѣйшее народолюбіе. Въ настоящемъ сборникѣ помѣщены почти исключительно статьи по вопросамъ теоріи искусства и критики поэтическихъ произведеній. Книжка объ „эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности" составляла университетскую диссертацію (1855); статья „О поэзіи, Аристотеля", была разборомъ перевода и комментарія, изданнаго тогда Ордынскимъ, и помѣщена была въ „Отечественныхъ Запискахъ" (1854); остальныя статьи помѣщены были въ „Современникѣ", 1854—1861.

— *Литературныя сочиненія,* С. В. *Ковалевской.* Съ портретомъ автора. Спб. 1893.

Давно было замѣчено, что на русской литературѣ лежитъ какой-то мрачный фатумъ, который губилъ многія ея силы, когда онѣ не только не успѣли совершить всего, на что были способны по своему богатому содержанію, но иногда едва успѣли начать свое поприще. Софья Васильевна Ковалевская давно была извѣстна въ кругу своихъ знакомыхъ, хотя и довольно многочисленныхъ, и въ небольшомъ кругу спеціалистовъ математики, какъ очень талантливая и разносторонне образованная молодая женщина и какъ талантливый математикъ, но ея литературная извѣстность началась всего года три тому назадъ, съ тѣхъ поръ, какъ въ „Вѣстникѣ Европы" напеча-

таны были ея „Воспоминанія дѣтства". Передъ тѣмъ русское общество знало о ней только, что она имѣетъ большую ученую репутацію, что въ 1888 году она получила премію французской академіи, что она была профессоромъ математики въ Стокгольмѣ; теперь открывалась новая черта ея внутренняго міра: она являлась писательницей съ несомнѣннымъ дарованіемъ и съ той особой привлекательностью, которая встрѣчается не часто и можетъ быть свойствомъ только избранной и оригинальной натуры... И эта едва начавшаяся дѣятельность прервалась вдругъ, когда Ковалевская была въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, съ горячимъ стремленіемъ работать на томъ новомъ поприщѣ, гдѣ она съ первыхъ шаговъ встрѣтила живѣйшія сочувствія. Такимъ образомъ въ томъ, что̀ осталось послѣ нея въ этомъ отношеніи, мы, конечно, имѣемъ только начало, за которымъ можно было ожидать гораздо болѣе широкаго продолженія. Ея воспоминанія были доведены только до конца ея дѣтства, именно до той поры, когда началась ея опредѣленная сознательная дѣятельность, сказалось это стремленіе къ наукѣ, которое опредѣлило ея судьбу, когда вмѣстѣ съ тѣмъ передъ ней раскрывалось то броженіе нашей общественной жизни, изображенія котораго стали появляться потомъ въ ея литературныхъ произведеніяхъ и среди котораго сложились ея собственные взгляды и идеалы. Она имѣла въ виду разсказать нѣкогда о своихъ Lehrjahre въ той же формѣ мемуаровъ,— и это была бы, безъ сомнѣнія, въ высшей степени интересная исторія личной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени интересный эпизодъ изъ нашей жизни общественной, съ конца шестидесятыхъ годовъ, гдѣ, между прочимъ, такую важную роль игралъ именно женскій вопросъ и вопросъ женскаго образованія. Но если ей самой не суждено было разсказать этой исторіи съ тою прямотой, наблюдательностью и привлекательностью, какія были чертою ея дарованія, и, прибавимъ, съ тою разносторонностью образованія и живого общественнаго чувства, какими она отличалась, то надо бы желать, чтобы, по крайней мѣрѣ, разсказали объ этой порѣ ея жизни люди ей близкіе, которые были свидѣтелями и очевидцами,—какъ о жизни ея въ Стокгольмѣ разсказала г-жа Леффлеръ. Послѣдующіе труды Ковалевской заставляли ожидать отъ нея еще многаго и, между прочимъ, такого, что̀ мало затрогивалось въ нашей литературѣ... Но если не должно было исполниться то, чего можно было ожидать отъ Ковалевской, остается судить объ ея литературной личности по тому, что̀ существуетъ изъ ея работъ.

Настоящее изданіе „литературныхъ сочиненій" Ковалевской является очень кстати. Безъ сомнѣнія, многіе пожелаютъ имѣть собранными ея немногіе труды, которые уже теперь было бы неудобно со-

бирать по книжкамъ журналовъ. Въ предисловіи мы читаемъ: „Въ предлагаемомъ изданіи собраны литературныя произведенія Софьи Васильевны Ковалевской, изъ которыхъ одни были уже напечатаны въ журналахъ: „Вѣстникъ Европы“, „Русская Мысль“ и „Сѣверный Вѣстникъ“, другія—найдены въ бумагахъ покойной неоконченными, но и въ этомъ видѣ представляющія несомнѣнно литературный интересъ“.

Отрывки, найденные въ бумагахъ Ковалевской, конечно, имѣютъ свой интересъ, но нельзя не пожалѣть, что вѣроятно по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ издателей, сборникъ ея сочиненій остается далеко не полнымъ. На шведскомъ языкѣ, а также, кажется, и на другихъ языкахъ, явились еще два произведенія нашей соотечественницы: „Воспоминанія о польскомъ возстаніи“ и „Вѣра Воронцова“, которыя, кажется намъ, могли бы въ русскомъ переводѣ явиться въ настоящемъ сборникѣ, хотя бы съ нѣкоторыми сокращеніями. „Воспоминанія о польскомъ возстаніи“ составляютъ опять эпизодъ изъ воспоминаній дѣтства: Ковалевской (род. въ 1850) было всего тринадцать лѣтъ, когда происходили событія, о которыхъ она вспоминаетъ,—и она разсказываетъ свои тогдашнія впечатлѣнія отъ событій, отголоски которыхъ долетали въ ея дѣтскій міръ. Другой разсказъ принадлежитъ по сюжету болѣе позднему времени и относится именно къ той порѣ политическаго броженія въ средѣ молодыхъ поколѣній, изъ которой почерпнута была „Новь“ Тургенева. Авторъ, стоявшій въ сторонѣ, могъ, однако, наблюдать факты нравственнаго возбужденія, и разсказъ одной дѣвушки, испытавшей эту экзальтацію съ ея тяжкими реальными послѣдствіями, послужилъ главнымъ содержаніемъ повѣсти: самому автору пришлось досказать лишь немногое о дальнѣйшей судьбѣ героини... Если бы нѣкоторыя подробности могли быть неудобны для нашей нынѣшней печати, то, намъ кажется, наибольшая часть разсказа была бы возможна и для настоящихъ условій нашей литературы. По объему воспоминанія представляютъ небольшой эпизодъ; но „Вѣра Воронцова“ наполнила цѣлую отдѣльную книжку, немногимъ меньше томика „Литературныхъ сочиненій“. Нельзя не пожалѣть, что судьба не дозволила даже трудамъ нашей знаменитой соотечественницы явиться въ полномъ составѣ на почвѣ ея родного языка.

По тому немногому, что̀ Ковалевская успѣла сдѣлать въ области беллетристики, собственно говоря, было бы трудно сдѣлать окончательный выводъ о свойствахъ и размѣрахъ ея дарованія. Если судить только по тому, что́ было ею сдѣлано, у нея было не столько настоящаго творчества, способности создавать типы, сколько тонкой наблюдательности, съ которою она умѣла живо воспроизводить реаль-

ную дѣйствительность, но не въ сухой копіи, а именно въ глубоко характерныхъ чертахъ, причемъ созданныя ею лица становились почти типами. Прибавимъ еще, что эта наблюдательность не была только наблюдательность глаза, но наблюдательность широко развитого ума; первая есть свойство, очень нерѣдкое у нашихъ беллетристовъ и безъ соединенія со второю не составляетъ достоинства, которымъ они могли бы особенно гордиться. Наблюдательность Ковалевской, кромѣ ея врожденнаго дарованія, была воспитана широкимъ образованіемъ, которое все еще остается у насъ довольно рѣдкимъ явленіемъ, и въ немъ имѣли свою долю интересы не только литературные, но и общественные. Мысль, воспитанная на спеціальной наукѣ, свободнѣе вращалась и въ области искусства. Таковы воспоминанія С. В. Ковалевской, и таковы ея повѣсти. Была еще черта, отличавшая ее отъ нашихъ обычныхъ беллетристовъ: какъ ни ограниченно число ея произведеній, въ нихъ постоянно отражаются тѣми или другими чертами мотивы общественной жизни.

Почти половина „Литературныхъ сочиненій" занята „Воспоминаніями дѣтства"; затѣмъ мы находимъ здѣсь: Воспоминанія о Джоржѣ Элліотѣ; Стихотвореніе; Три дня въ крестьянскомъ университетѣ въ Швеціи; Vae Victis; Письмо въ неизвѣстную редакцію; Отрывокъ изъ романа, происходящаго на Ривьерѣ.

Приведемъ въ заключеніе небольшой эпизодъ, имѣющій автобіографическое значеніе — отрывокъ изъ „Письма въ неизвѣстную редакцію", гдѣ Ковалевская разсказываетъ о впечатлѣніяхъ шведской жизни при первомъ знакомствѣ. Когда она уѣзжала въ Стокгольмъ, ее просили разсказать о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія сдѣлаетъ на нее шведская жизнь. Письмо служитъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ, и эти немногія страницы представляютъ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній, въ которыхъ рисуются особенности страны.

„Во внѣшнемъ строѣ шведской жизни нѣтъ тѣхъ яркихъ особенностей, которыя съ перваго раза бросались бы въ глаза и которыя легко было бы ухватить всякому поверхностному наблюдателю, какъ, напр., въ жизни Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Однако, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ жизнью Швеціи, тотчасъ становится замѣтнымъ, что во всемъ складѣ здѣшняго общества есть нѣкоторыя индивидуальныя отличительныя черты, кладущія свой отпечатокъ, въ болѣе или менѣе рѣзкой степени, на всѣхъ и каждаго. Такъ напр., я думаю, можно смѣло сказать, что, за исключеніемъ развѣ Англіи, нѣтъ страны, гдѣ бы такъ называемое „общественное мнѣніе" играло такую всесильную роль, какъ въ Швеціи. Только съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Стокгольмѣ, существованіе этого, до сихъ поръ миѳическаго, божества стало вполнѣ ощутительно

для меня. — Здѣсь чувствуешь дѣйствительно, что въ жизни существуетъ извѣстная связь между убѣжденіемъ и дѣломъ. Вообще говоря, увѣрить шведа въ чемъ-нибудь—дѣло не легкое; но разъ это удалось, онъ на полъ-дорогѣ не останавливается и тотчасъ, какъ само собою понятное послѣдствіе, прилагаетъ свое убѣжденіе къ практикѣ, облекаетъ его въ вещественную форму.—Въ этомъ сказывается, очевидно, родственная черта, присущая всей англо-саксонской расѣ, но весьма чуждая намъ, славянамъ, у которыхъ я часто замѣчала обратное свойство; истина, однажды доказанная, считается якобы всѣми признанной, о ней нечего болѣе хлопотать. Осуществляется ли она на дѣлѣ—это уже менѣе интересная подробность; ее часто упускаютъ изъ виду. Разумѣется, разница эта выработалась въ значительной степени различіемъ во внѣшнихъ условіяхъ. Въ политическомъ и соціальномъ отношеніи Швеція принадлежитъ, безспорно, къ числу наиболѣе свободныхъ государствъ Европы. Отсутствіе внѣшнихъ гнетущихъ вліяній и вмѣшательствъ поражаетъ во всей исторіи Швеціи. Швеція никогда не была подъ игомъ чуждаго государства; въ ней никогда не существовало крѣпостного права; въ числѣ ея королей не было ни одного тирана, въ родѣ Іоанна Грознаго или Людовика XI, имя котораго было бы неразрывно связано съ воспоминаніемъ о рядѣ кровавыхъ пытокъ; даже религіозныя гоненія никогда не имѣли въ ней того характера жестокости и неумолимости, какъ въ другихъ государствахъ западной Европы. — Понятно поэтому, что подъ вліяніемъ столь мягкаго, малоугнетающаго прошлаго, у шведовъ выработался разумный, логическій темпераментъ, который не переноситъ разлада между словомъ и дѣломъ и не останавливается на одной фразѣ. Съ другой стороны, и экономическія условія въ Швеціи можно назвать очень благопріятными.

„Очень крупныхъ по емельныхъ собственниковъ нѣтъ въ Швеціи. Въ торговыхъ городахъ много зажиточныхъ купеческихъ семействъ, и типъ богатаго коммерсанта, „gross-handlare“, весьма характеристиченъ для шведской жизни, но о такихъ громадныхъ состояніяхъ, какъ въ Англіи, какъ у насъ, бывало, въ Россіи и какъ, преимущественно, теперь въ Америкѣ, совсѣмъ не слыхать здѣсь. Вообще можно сказать, что ни погоня за наживою, ни борьба изъ-за насущнаго хлѣба не пріобрѣли еще въ Швеціи того остраго, всепоглощающаго характера, какъ въ Западной Европѣ. Конкурренція на различныхъ поприщахъ еще не настолько велика, чтобы давать ходъ лишь однимъ блестящимъ исключеніямъ на счетъ массы загубленныхъ посредственностей.

„Съ другой стороны, внѣшнія формы жизни сравнительно скромныя; семьи даже съ большимъ состояніемъ ведутъ, обыкновенно,

очень простой образъ жизни; нѣтъ той постоянной выставки роскоши, того вѣчнаго соблазна и искушенія, которые въ такой сильной степени поддерживаются и развиваются всѣми внѣшними сторонами столичной жизни въ Парижѣ, Лондонѣ и Берлинѣ, и вслѣдствіе которыхъ всѣ усилія, всѣ помыслы у большинства людей сосредоточиваются на одномъ: разбогатѣть во что бы то ни стало, чтобы потомъ полною мѣрою насладиться жизнью. Въ Швеціи, наоборотъ, существуетъ еще очень многочисленный классъ людей, которые хотя и заработываютъ жизнь личнымъ трудомъ, но имѣютъ еще достаточнаго досуга, чтобы жить не торопясь и наслаждаться самымъ процессомъ жизни. У людей такого сорта развивается, обыкновенно, въ высокой степени вѣра въ святость жизни и ея задачъ. Такъ называемые идеальные вопросы, вопросы о нравственной правдѣ и отвѣтственности, сохраняютъ въ ихъ глазахъ реальное жизненное значеніе.

„Богатство внутренней жизни и сильно развитая фантазія въ соединеніи со спокойнымъ, скрытнымъ, можно даже сказать холоднымъ и разсчетливымъ темпераментомъ, составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей въ характерѣ шведовъ и норвежцевъ. Потребность создать себѣ разъ навсегда идеалъ и затѣмъ всю жизнь поклоняться ему—это наша національная болѣзнь,—говоритъ одинъ изъ героевъ Ибсена.

„Какъ всѣ люди со счастливымъ прошлымъ, шведы консервативны по самой природѣ своей. Всякое новое предложеніе встрѣчается обыкновенно съ нѣкоторымъ предвзятымъ недовѣріемъ; всякая мысль о перемѣнѣ вызываетъ почти инстинктивное сопротивленіе и недоброжелательство“.

Въ этой характеристикѣ мы находимъ вмѣстѣ объясненіе того, почему Ковалевская такъ быстро освоилась въ шведскомъ обществѣ и пріобрѣла въ немъ вѣрныхъ друзей.—А. В.

Въ теченіе января мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Альбицкій, В. И. — Болтовое скрѣпленіе, разсчетъ его и вычерчиваніе. Харьк. 92. Стр. 55. Ц. 50 к.

——— Опредѣленіе чиселъ зубьевъ въ круглыхъ цилиндрическихъ зубчатыхъ колесахъ. Харьк. 92. Стр. 47. Ц. 40 к.

——— Цилиндрическія зубчатыя колеса, ихъ теорія, разсчетъ и вычерчиванье. Харьк. 92. Стр. 158. Ц. 1 р.

Безобразовъ, П. В.—О назначеніи женщины. Публ. лекція. М. 93. Стр. 35. Ц. 20 к.

Брикнеръ, А. — Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина. 1770—1837. Т. VII. Спб. 92. Стр. 314 и 112. Ц. 3 р.

Брокъ-де, виконтъ.—Французская революція въ показаніяхъ современниковъ и мемуарахъ. Перев. п. р. Ѳ. И. Булгакова. Спб. 93. Стр. 616. Ц. 2 р.

Гарейсъ, Карлъ.—Германское торговое право. Краткій учебникъ. Съ 4-го изд. перев. Н. И. Ржондковскій, п. р. проф. Н. О. Нерсесова. Вып. 1. М. 93. Стр. 324 и Прилож. 51 стр. Ц. 2 р.

Гейка, д-ръ К.—Святая Земля и Библія. Съ оригинал. рис. Пересказъ съ англ., п. р. Ф. С. Комарскаго. Вып. 1. Спб. Стр. 96. Ц. 1 р.

Елпатьевскій, С. Я.—Очерки Сибири. М. 93. Стр. 206. Ц. 1 р.

Зотовъ, подполк. Р.—Стратегическіе уроки морской исторіи. Спб. 92. Стр. 190.

Карѣевъ, Н.—Исторія западной Европы въ новое время. Развитіе культурныхъ и соціальныхъ отношеній. Т. II: Реформація и политическая жизнь въ XVI и XVII вв. Спб. 93. Стр. 618. Ц. 3 р. 50 к.

Квикъ.—Реформаторы воспитанія. Перев. съ англ. З. Перцовой М. 93. Стр. 294. Ц. 2 р.

Кингслей, Ч.—Ипатія, или новые враги подъ старой личиной, ром. Перев. съ англ. Н. Бѣлозерской. Т. I и II. 93. Стр. 301 и 273. Ц. по 60 к.

Ковалевская, С. В.—Литературныя сочиненія, съ портретомъ автора. Спб. 93. Стр. 320. Ц. 1. 50 к.

Козицкій-Фидлеръ, А.—Этюды Парижа. Вып. 1. Спб. 92. Стр. 175. Ц. 75 к.

Кольцовъ, А. В.—Стихотворенія. Первое полное собраніе, п. р. П. В. Быкова. Съ біографическимъ очеркомъ, критическими статьями, примѣчаніями, портретомъ, снимкомъ почерка и 39 виньетками и рисунками. Спб. 92. Стр. 140.

Короленко, Владиміръ.—Очерки и разсказы. Кн. 2. М. 93. Стр. 411. Ц. 1 р. 50 к.

Мѣшаевъ, В.—Ботаническая акклиматизаціонная выставка 1892 г. въ Москвѣ. М. 92. Стр. 40. Ц. 35 к.

Незеленовъ, А. И.—Шесть статей о Пушкинѣ. Спб. 92. Стр. 118. Ц. 60 к.

Нестеровъ, В. Г.—Къ вопросамъ о физическомъ развитіи учащихся и о физическихъ упражненіяхъ въ школахъ. М. 92. Стр. 11.

Остроумовъ, И. Г.—Неурожай въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, Пермской губ., въ 1891 г., его причины и послѣдствія. Пермь. 92. Стр. 15.

Папельясъ, Хосе.—Краткое практическое руководство для самообученія испанскому языку съ указаніемъ произношенія и приложеніемъ діалоговъ. Од. 93. Стр. 176. Ц. 1 р.

Петрушевскій, Д. М.—Новое изслѣдованіе о происхожденіи феодальнаго строя. Спб. 92. Стр. 72.

Покровская, ж.-врачъ М. И.—Популярная гигіена. Спб. 93. Стр. 360. Ц. 2 руб.

Полетаевъ, Н. И.—Разработка русской исторической науки въ первой половинѣ XIX ст. Спб. 92. Стр. 25.

Рейнботъ, Е.—Чай и его польза. Изъ народныхъ чтеній. Спб. 93. Ц. 10 к.

——— Что такое соль и гдѣ ее берутъ. Изъ народн. чтеній. Спб. 93. Ц. 10 к.

Сидоровъ, Вас.—Драматическія сочиненія. Т. III. Спб. 92. Стр. 250. Ц. 1 р. 50 к.

——— За Пиринеями. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по Испаніи. Спб. 92. Стр. 331. Ц. 1 р. 25 к.

Скворцовъ, Ир. П.—Въ чемъ сила жизни и всей природы? Рѣчь. Харьк. 92. Стр 37.

Скибинскій, М. А. — Крестьянское мірское хозяйство. Мірскіе капиталы. Денежные сборы и взысканія. Продовольственные запасы. Кіевъ, 92. Стр. 177. Ц. 1 р. 70 к.

Слоущъ, Н. Д.—Мнемотехника, или искусство укрѣплять память. Од. 93. Стр. 36. Ц. 35 к.

Соколова, М. М. — Берегите здоровье! Общедоступныя бесѣды о строеніи человѣческаго тѣла и сохраненіи здоровья. Посвящ. сельскому духов. и народн. учителямъ. П. р. женщ.-вр. Е. Н. Залѣсовой. М. 93. Стр. 272. Ц. 50 к.

Сорель, А.—Европа и французская революція. Перев. съ франц., съ предисл. проф. Н. И. Карѣева. Т. III: Война съ монархами. Спб. 92. Стр. 430. Т. IV: Естественныя границы, 1794-95. Спб. 92. Стр. 365. Ц. за 2 т.—5 р. 50 коп.

Ставровскій, Л. — Жизнь и солнце. Новый взглядъ на развитіе органическаго міра, какъ на слѣдствіе дѣятельности солнечныхъ лучей. Харьковъ, 92. Стр. 188. Ц. 1 р.

Тимченко.—Русско-Украинскій Словарь. Вып. 1. А.—Б. Кіевъ, 92.

Тихоміровъ, Д. И. — Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I: Древняя Россія. Ч. II: Новая Россія. М. 93. Стр. 258 и 176. Ц. 50 и 40 к.

Филипповъ, Сергѣй. — Константинополь. Его окрестности и Принцевы острова. М. 93. Стр. 250. Ц. 1 р. 25 к.

Харузинъ, Алексѣй.—Къ вопросу о корпоративномъ строѣ студентовъ въ Дерптѣ. По поводу анонимной брошюры: „Двѣ статьи о студенческой жизни въ Дерптѣ“. Рев. 93. Стр. 115.

Чёрчъ, проф. А.—Двѣ тысячи лѣтъ назадъ, или приключенія молодого римлянина. Перев. съ англ. Спб. 93. Стр. 335.

Шараповъ, Сергѣй Ѳ.—По русскимъ хозяйствамъ. М. 93. Стр. 230. Ц. 2 р.

Шмидтъ, О. И. — Первое горе. Разсказъ для дѣтей. Съ 10 рис. бар. М. Клодта.

Ясенскій, П. П.—Учебникъ зоологіи. Ч. I: Позвоночныя. Изд. 5-е. Спб. 93. Стр. 213. Ц. 1 р. 25 к.

Энгельгардтъ, А. П.—Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Казанской и другихъ средне-волжскихъ губерніяхъ. Каз. 92. Стр. 126.

Ѳеоктистовъ, Ив.— Моя мама. Картинки изъ жизни маленькаго ребенка. Съ 14 рис. М. Клодта. Спб. 92. Стр. 61. Ц. 50.

Ѳирсовъ, Н. Н. — Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Изъ вступительной лекціи. Каз. 92. Стр. 17.

— Адресная Книга г. С.-Петербурга на 1893 г. Составлена при содѣйствіи городского общественнаго управленія, п. р. П. О. Яблонскаго. Спб. 93. Стр. 326 и столбц. 1182, съ объявленіями. Ц. въ перепл. 3 р.

— Волкъ. Эпизодъ изъ варѳоломеевской ночи. Повѣсть для юношества. Съ англійскаго. Съ рис. въ текстѣ. Спб. 93. Стр. 155.

— Движение на населението въ Българското княжество прѣзъ 1889 година. Издава Статистическото Бюро. София. 92. Стр. 471 in- 4°.

— Дешевая Библіотека: № 169. Плутархъ, т. IV, в. 3, Лизандръ и Сулла. № 239. А. В. Кольцовъ, Стихотворенія. Спб. 92. Ц. 15 к. и 10 к.

— Моя Библіотека, № 11—14. И. П. Якобсенъ, Марія Груббе, ром. изъ жизни датскаго общества XVIII в. Съ предисл. Г. Брандеса. Перев. съ дат. П. Г. Ганзена. Спб. 93. Стр. 269. Ц. 80 к.

— Настольный Энциклопедическій Словарь. М. 92. Вып. 57 и 58 (Ленстеръ-Лифляндская губернія). Изд. б. Товар. А. Гарбель и К°. М. 92. Стр. 2685—2780. Ц. по 40 к.

— Общій очеркъ состоянія народныхъ училищъ Таврической губерніи за 1891 г. Бердянскъ, 92. Стр. 167.

— Отчетъ Харьковской Общественной Библіотеки за 6-й годъ. Харьк., 92. Стр. 42.

— Сборникъ статистическихъ свѣденій по Московской губерніи. Т. X. Продовольственное дѣло. Вып. 3. М. 92. Стр. 393—662.

— Сборникъ статистическихъ свѣденій по Рязанской губерніи. Т. XI. Сводъ данныхъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ Рязан. губерніи. Ряз. 92.

— Словарь Русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Имп. Академіи наукъ. Вып. 2: Втас—Да. Спб. 92. Стр. 577—948. Ц. 75 к.

— Статистическій Ежегодникъ московской губерніи за 1892 г. М. 92.

— Урожай хлѣбовъ и травъ въ Полтавской губ. въ 1892 г. Полт. 92.

— Энциклопедическій Словарь. Т. VIII: Гальбергъ-Германій. Изд. Брокгауза и Ефронъ. Спб. 92. Стр. 478.

— Vlček, Jaroslav.—Dejīny ceské literatury. V Praze. 93. Стр. 64.

— *Le Braz*, Anatole.—La Chanson de la Bretagne. Rennes. 92. Стр. 214. Ц. 3 фр. 50 сант.

— *Maarten Maartens.*—God's fool, in two volumes. Tauchnitz Edition. Leipzig. 92. Стр. 272 и 270.

— *Mechelin*, L.—La Question finlandaise. Lettre ouverte à M-r le Redacteur responsable du Journal de St.-Pétersbourg. Helsingfors, 93. Стр. 44.

— *Morokhowetz*, Léon. — La Physiologie de nos jours et la base de tout être vivant Discours. Moscou, 92. Стр. 12.

ЗАМѢТКА.

Неудачный метафизикъ.

— О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. Новый психо-физіологическій законъ, въ связи съ вопросомъ о возможности метафизики. А. И. Введенскаго. Спб. 1892.

Четыре лица, занимавшія каѳедру философіи въ петербургскомъ университетѣ, со времени его основанія, были одарены весьма разнообразными качествами и служили представителями весьма различныхъ философскихъ направленій: первый изъ нихъ, Галичъ, представитель умѣреннаго шеллингіанства, былъ человѣкомъ образованнымъ и даровитымъ; преподавалъ онъ, однако, не долго и долженъ былъ покинуть университетъ вслѣдствіе извѣстнаго столкновенія съ Руничемъ. Галичъ сдѣлался интендантскимъ чиновникомъ и предался служенію Вакху. Преемникъ Галича, А. А. Фишеръ, уступалъ ему въ философскомъ дарованіи, и, кромѣ того, какъ иностранецъ, научившійся по-русски уже въ Россіи и притомъ въ зрѣломъ возрастѣ, не могъ свободно владѣть русскимъ языкомъ. Затѣмъ, философія не преподавалась въ теченіе 15 лѣтъ, и только въ 1864 году былъ избранъ на каѳедру философіи протоіерей Сидонскій, авторъ „Введенія въ философію“ (Спб., 1833), въ которомъ хотя и нѣтъ особой глубины, но есть зато не малыя достоинства и въ формѣ, и въ содержаніи. Все сочиненіе проникнуто вѣрой въ прогрессъ человѣческаго знанія („умъ человѣческій хотя непримѣтно, зато постоянно ростетъ въ уразумѣніи жизни вселенной“, стр. 63), а главнымъ средствомъ этого прогресса Сидонскій считалъ здравую эмпирію, представляемую англійской философіей. Съ 1874 года каѳедру философіи въ Петербургѣ занималъ М. И. Владиславлевъ, ученикъ Лоце, убѣжденія котораго онъ почти всецѣло и раздѣлялъ.

Итакъ, въ петербургскомъ университетѣ сначала господствовало шеллингіанство, потомъ кантіанство (ибо Фишеръ считалъ себя представителемъ философіи Канта), затѣмъ эмпиризмъ, наконецъ спиритуалистическое направленіе Лоце, родственное философіи Лейбница. Нужно замѣтить, что преподаваніе философіи было всегда сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами. Дѣло въ томъ, что направляющія и наблюдающія лица eo ipso думали, что они разумѣютъ философію лучше всякаго философа, а потому находили необходимымъ давать

направленіе философіи; но такъ какъ эти лица мѣнялись, то вмѣстѣ съ ними должны были мѣняться и направленія философіи; случалось, что различныхъ лицъ одинаково карали за противоположныя ученія: такъ, Фесслеръ былъ удаленъ изъ здѣшней духовной академіи за то, что признавалъ врожденныя идеи, а позднѣе былъ устраненъ другой почтенный ученый за то, что отрицалъ врожденныя идеи.

По смерти Владиславлева (1890 г.) каѳедра философіи поручена А. И. Введенскому, обратившему на себя вниманіе ученыхъ интересной книгой: „Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи". I ч. Спб. 1888. Итакъ, въ петербургскомъ университетѣ, повидимому, привьется критическая философія, признающая своимъ родоначальникомъ Канта. Этому, конечно, въ извѣстномъ отношеніи можно только порадоваться. Однако положительныя воззрѣнія А. И. Введенскаго въ вышеозначенной книгѣ не обнаружились вполнѣ, и только изъ новой его книжки („О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. Новый психо-физіологическій законъ въ связи съ вопросомъ о возможности метафизики. Спб. 1892 г.") можно почерпнуть болѣе опредѣленное представленіе о философскихъ убѣжденіяхъ автора. Весьма понятно любопытство, съ которымъ мы прочли этотъ трудъ: во-первыхъ, воззрѣнія профессора философіи, въ духѣ которыхъ онъ, безъ сомнѣнія, ведетъ своихъ слушателей, не могутъ не интересовать каждаго, ибо „философія не есть платье, которое можно надѣть, и какую философію считать истинной, это зависитъ отъ того, каковъ самъ человѣкъ"; во-вторыхъ, самъ авторъ придаетъ большое значеніе своей книгѣ и смотритъ на нее какъ на непосредственное продолженіе „Критики чистаго разума" Канта („самъ Кантъ, по указанному имъ методу, не нашелъ еще ни одного метафизическаго положенія, неоспоримость котораго была бы внѣ сомнѣній, и которое служило бы нагляднымъ примѣромъ, сколь достовѣрны (?) могутъ быть положенія критической метафизики. Теперь же найдена такая истина—это одушевленіе другихъ людей", стр. 110—111); въ-третьихъ, авторъ высказываетъ въ своемъ сочиненіи надежду на возможное построеніе философской системы и указываетъ путь къ осуществленію этой надежды. Надѣемся, что этого достаточно, чтобы привлечь вниманіе любителей философіи къ вышеозначенному сочиненію.

I.

Книга распадается на двѣ части: въ первой—говорится о томъ, что „ни одно объективно наблюдаемое явленіе не можетъ служить признакомъ одушевленія [1]), такъ что душевная жизнь не имѣетъ никакихъ объективныхъ признаковъ; поэтому, если мы будемъ ограничиваться одними данными внутренняго и внѣшняго опыта, воздерживаясь при ихъ обсужденіи отъ всякихъ метафизическихъ предпосылокъ, то нельзя будетъ съ достовѣрностью рѣшить вопроса о предѣлахъ одушевленія; послѣднее позволительно всюду и допускать, и отрицать". Вопросъ, разсматриваемый авторомъ, принадлежитъ къ разряду гносеологическихъ и касается только степени достовѣрности утвержденія душевной жизни; нужно найти основаніе, которымъ подтверждалась бы наша увѣренность въ существованіи душевной жизни въ нашихъ ближнихъ. Это основаніе авторъ находитъ въ метафизическомъ чувствѣ. Таково главное содержаніе книги; кромѣ того въ книгѣ „попутно обнаруживается ошибочность общепринятаго мнѣнія, будто бы убѣжденіе въ существованіи чужой душевной жизни возникаетъ путемъ простого умозаключенія по аналогіи", и высказывается нѣсколько общихъ мыслей о связи вопроса о чужой душевной жизни съ другими теоретически неразрѣшимыми вопросами; всѣ эти вопросы находятъ свое рѣшеніе, благодаря метафизическому и нравственному чувству, и такимъ образомъ можетъ въ будущемъ создаться твердая система метафизики. Таково содержаніе книги.

Вопросъ о чужой душевной жизни соблазнилъ г. Введенскаго, повидимому, по той причинѣ, что онъ связанъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ: „если я вѣрю требованіямъ нравственнаго чувства, и если я поэтому вѣрю, что тѣ существа, которыя я одушевляю подъ его вліяніемъ, дѣйствительно одушевлены, а тѣ, которыя я ничѣмъ не вынужденъ одушевлять, дѣйствительно неодушевлены, то этимъ самымъ я вѣрю и тому, что меня не обманываетъ внѣшнее строеніе тѣлъ, что оно, дѣйствуя на меня въ связи съ законами теоретической дѣятельности моего ума, не навязываетъ мнѣ нравственныхъ обязанностей тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и не избавляетъ отъ нихъ тамъ, гдѣ я имъ подчиненъ. Такимъ образомъ, если я вѣрю въ одушевленіе дру-

[1]) Авторъ, говоря объ одушевленіи, разумѣетъ душевную жизнь. Одушевленіе, собственно, обозначаетъ процессъ, путемъ котораго мертвое становится живымъ; иногда же слово „одушевленіе" употребляется вмѣсто „воодушевленія" (напр., „онъ говорилъ съ одушевленіемъ"); въ смыслѣ же душевной жизни, какъ кажется, это слово впервые встрѣчается въ литературѣ. Не лучше ли было бы сказать: „одушевленность"?

гихъ существъ и дѣлаю это именно подъ вліяніемъ нравственнаго чувства, то я долженъ вѣрить, что внѣшній строй вселенной приспособленъ къ тѣмъ же самымъ цѣлямъ, къ осуществленію которыхъ приближаетъ насъ и нравственное чувство. Эти цѣли могутъ быть мнѣ совершенно неизвѣстны; но я долженъ вѣрить такому приспособленію цѣлей природы къ цѣлямъ нравственности. Я къ этому нравственно обязанъ, ибо эта вѣра подразумѣвается въ вѣрѣ въ существованіе чужого одушевленія; а послѣдняя, въ свою очередь, подразумѣвается въ признаніи обязательности нравственнаго долга. Кто считаетъ послѣднюю истиной, тотъ долженъ считать истиной и указанную нами теологическую точку зрѣнія на міръ и на наше мѣсто въ немъ" ст. 107 — 108. Итакъ, поддерживая другъ друга, всѣ понятія догматической метафизики появляются вновь. Metaphysicam expellas furca, tamenusque recurret. Старанія новокантіанской школы приподнести подъ новымъ соусомъ догматическую успокоительную метафизику напоминаютъ намъ слова одного австрійскаго политика, который говорилъ, что его правительство отлично поняло всѣ выгоды конституціоннаго правленія: пользуясь борьбой партій, правительство всегда можетъ провести все, что ему угодно,—

Willkür wechselt nur die Hände,
Und die Herrschaft hat kein Ende!

Точно такъ же поступаютъ и новокантіанцы: критическій методъ, повидимому, радикальное средство; всѣ трансцендентные вопросы признаны неразрѣшимыми; на счастье новокантіанцевъ, на сцену появляется метафизическое чувство, и подъ этимъ флагомъ всѣ изгнанники мирно водворяются на насиженныхъ мѣстахъ. Авторъ потратилъ весьма много остроумія и показалъ большія діалектическія способности въ доказательствѣ, что душевная жизнь не имѣетъ никакихъ объективныхъ признаковъ. Скептикъ, который сталъ бы отрицать во внѣшнемъ для него мірѣ душевную жизнь, оказался бы въ весьма выгодномъ для себя положеніи. Логика и факты не давали бы никакихъ средствъ къ его опроверженію, ибо оказывается, что нѣтъ такихъ фактовъ, „при объясненіи которыхъ необходимо или неизбѣжно предположить обнаруженіе въ нихъ душевной жизни", и скептикъ можетъ объяснить всѣ факты изъ законовъ чисто матеріальныхъ явленій, не прибѣгая къ предположенію о существованіи чужого душевнаго міра. Мы съ интересомъ прочли такія разсужденія г. Введенскаго, которыя онъ заканчиваетъ закономъ (?), формулируемымъ имъ слѣдующимъ образомъ: „всякая душевная жизнь подчинена закону отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленія" (стр. 51).

Мы не станемъ говорить здѣсь о томъ странномъ значеніи, которое придаетъ г. Введенскій слову „законъ“. Обыкновенно словомъ законъ обозначаютъ постоянную связь между извѣстными явленіями; между тѣмъ въ его „законѣ“ нѣтъ никакой связи явленій, а выражается просто фактъ; во-вторыхъ, законъ выражаетъ всегда положительную, реальную связь явленій, а не отсутствіе какой-либо связи или какого-либо признака; отрицательныхъ законовъ можно сочинять сколько угодно, и отъ этого наше познаніе нисколько не увеличится. Но оставимъ эту внѣшнюю сторону дѣла. Опасаясь, чтобы его выводъ не показался читателю страннымъ, черезъ-чуръ новымъ и неожиданнымъ, г. Введенскій ссылается на А. Ланге, Клиффорда, Льюса и др., какъ на своихъ предшественниковъ, а за собой признаетъ лишь „способъ подробнаго доказательства и разныя связанныя съ нимъ детали“. Намъ кажется, что г. Введенскому слѣдовало опасаться совершенно иного, а именно упрека въ томъ, что онъ подробно говоритъ о положеніи, противъ котораго никто спорить не станетъ. Давно извѣстно, что положеніе скептика—самое выгодное и завидное; ежели бы онъ вздумалъ отрицать объективное существованіе внѣшняго міра, матеріальнаго и духовнаго, то его никто бы не въ силахъ былъ опровергнуть. Г-нъ Введенскій поднялъ частный вопросъ, въ то время какъ общій давно уже служитъ предметомъ споровъ. Декартъ въ своемъ знаменитомъ положеніи: cogito, ergo sum,—нашелъ несомнѣнную истину, но въ то же время онъ ввелъ въ философію субъективизмъ, отъ котораго самъ избавился лишь совершенно неожиданнымъ прыжкомъ въ область, ничего общаго съ гносеологіей не имѣющую. Основываясь на почвѣ принципа: „я мыслю—слѣдовательно существую“,—должно утверждать реальность собственныхъ психическихъ состояній, а за внѣшнимъ міромъ признавать лишь одно феноменальное бытіе, бытіе въ представленіи, въ сознаніи представляющаго существа. И еслибы кто-либо вздумалъ отыскивать признаки и предѣлы реальнаго существованія объективнаго міра, то онъ таковыхъ не нашелъ бы, ибо о внѣшнемъ мірѣ каждый человѣкъ узнаетъ лишь путемъ ощущеній, воспріятій и мышленія, т. е. путемъ субъективныхъ состояній, и еслибы кто-либо, настаивая на вышесказанномъ, сталъ бы вмѣстѣ съ Протагоромъ говорить, что „человѣкъ есть мѣра всего существующаго, поскольку оно существуетъ, и несуществующаго, поскольку его нѣтъ“, то такой скептикъ занялъ бы, по нашему мнѣнію, неприступную позицію. Основное же утвержденіе подобнаго скептицизма заключало бы въ себѣ и законъ г. Введенскаго объ отсутствіи объективныхъ признаковъ одушевленія. Но г. Введенскій не становится на эту, хотя и твердую, но, очевидно, безплодную позицію; для него объективное существованіе внѣшняго міра вовсе не есть вопросъ, и

его скептикъ, за разсужденіями коего онъ слѣдитъ, въ сущности говоря, вовсе не скептикъ, а матеріалистъ, который, притомъ, не отрицаетъ вообще душевной жизни, а лишь отрицаетъ ее въ другихъ людяхъ, объясняя ее изъ явленій міра механическаго. Г-нъ Введенскій очень остроумно показываетъ, что всѣ проявленія душевной жизни *можно* объяснить чисто матеріальными процессами. Однако, для того, чтобы признать истинность такого объясненія, необходимо признать истинными принципы матеріализма, атомы и движеніе; между тѣмъ для критической философіи, которая не можетъ отрицать своего происхожденія отъ Декартовскаго cogito, ergo sum, ложность или, по крайней мѣрѣ, недоказанность матеріалистическихъ принциповъ должна быть вполнѣ очевидна; хотя и съ точки зрѣнія критической философіи нельзя доказать чужой одушевленности, но она должна быть все же гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ матеріалистическое объясненіе. Теоретическая недоказуемость извѣстнаго положенія не исключаетъ большей или меньшей степени вѣроятности соображеній въ пользу его; вотъ почему намъ кажется, что въ пользу недоказуемой чужой одушевленности есть уже теоретическое предрасположеніе; она болѣе вѣроятна, чѣмъ ея отрицаніе, и нравственное или метафизическое чувство, въ которомъ авторъ видитъ единственную гарантію положенія, могло бы явиться лишь пополненіемъ указаннаго предрасположенія. Автору же можно сдѣлать упрекъ, что онъ дѣлаетъ слишкомъ большія уступки своему противнику — матеріалисту, такія уступки, на которыя, вѣроятно, не согласился бы ни одинъ серьезный ученый. Но, въ сущности и исходя изъ другихъ соображеній, я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ результатомъ, къ которому приходитъ г. Введенскій, и нахожу его размышленія довольно тонкими и мѣткими; такъ, изъ своего закона онъ дѣлаетъ нѣсколько интересныхъ выводовъ, напр.: 1) безъ всякаго противорѣчія съ данными опыта и безъ всякаго опасенія быть теоретически опровергнутымъ, я могу не только повсюду отрицать душевную жизнь, но и всюду ее доказать; другими словами, вопросъ о предѣлахъ одушевленія принадлежитъ къ числу теоретически неразрѣшимыхъ; 2) для теоретическаго изученія, не выходящаго за предѣлы опыта, вопросъ о времени возникновенія душевной жизни неразрѣшимъ; онъ долженъ быть отнесенъ къ числу трансцендентно-метафизическихъ задачъ; съ чисто эмпирической точки зрѣнія первый моментъ душевной жизни можно помѣщать куда угодно (?), и даже возможно считать ее безначальной и предшествующей тѣлесному возникновенію человѣка. Г-нъ Введенскій весьма удачно указываетъ на нѣсколько примѣровъ скрытаго матеріализма въ психологическихъ ученіяхъ, который легко устранить, если встать на его точку зрѣнія; особенно много такихъ

матеріалистическихъ допущеній въ ученіи о памяти, и открытіе этихъ ни на чемъ не основанныхъ допущеній, конечно,—дѣло, заслуживающее уваженія.

II.

Установивъ на примѣрѣ одушевленія принципъ неразрѣшимости нѣкоторыхъ вопросовъ съ точки зрѣнія теоретической, г. Введенскій, слѣдуя за своимъ учителемъ, Кантомъ, прибѣгаетъ къ категорическому императиву. Что̀ не можетъ быть рѣшено теоретически, то̀ можетъ быть „постулировано" — требуемо. Нравственное чувство является источникомъ познанія. Но прежде чѣмъ обратиться къ самому способу доказательствъ г. Введенскаго, сдѣлаемъ одно историческое замѣчаніе. Противоположеніе теоріи практикѣ, утвержденіе принципіальнаго ихъ различія принадлежитъ Аристотелю. Платонъ дѣлилъ всѣ науки на три группы: физику, этику и діалектику, и, слѣдовательно, признавалъ теоретическій характеръ всѣхъ наукъ, не противополагалъ практику теоріи. Такое противоположеніе получило ходъ со времени Аристотеля. Какъ извѣстно, Кантъ нѣкоторыя стороны своего ученія взялъ у Аристотеля; напр., дѣленіе наукъ, разсматриваемыхъ имъ въ „Критикѣ чистаго разума" (математика, физика и метафизика), соотвѣтствуетъ теоретическимъ наукамъ, указываемымъ Аристотелемъ; противоположеніе теоріи практикѣ есть точно также идея, которую Кантъ нашелъ уже у Аристотеля. Самый терминъ практическаго разума, какъ кажется, получилъ ходъ лишь со времени Альберта Великаго. У Аристотеля хотя и встрѣчается названіе: νοῦς πρακτικός, практическій разумъ въ противуположеніи теоретическому, но онъ обозначаетъ собой лишь разумъ, поскольку онъ создаетъ цѣли и этимъ вліяетъ на хотѣніе; слѣдовательно, у него нѣтъ еще ученія о практическомъ разумѣ, какъ объ особомъ источникѣ познанія; это ученіе приписано ему лишь позднѣе. У Канта практическій разумъ является несомнѣнно источникомъ познанія, хотя это и есть познаніе иного порядка, не могущее быть доказаннымъ, а требующее вѣры. Современники Канта въ этомъ его изобрѣтеніи видѣли его величайшую заслугу, такъ какъ можно было такимъ путемъ избѣжать субъективизма, который вытекалъ изъ „Критики чистаго разума". Чувство являлось гарантіей свободы воли, Бога и безсмертія; все это съ точки зрѣнія теоретической недоказуемо. Не отрицая нисколько разницы между теоріей и практикой, позволительно, однако, спросить: какимъ образомъ практика можетъ быть принципомъ познанія? Вѣдь нравственное чувство и вообще источники человѣческой дѣятельности суть явленія сознанія, слѣдовательно извѣстны намъ, поскольку они

становятся образами и понятіями, т.-е. состояніями же сознанія, и никакой особой привилегіи быть основой истины они не имѣютъ.

Говоря о категорическомъ императивѣ, Кантъ хотѣлъ этимъ лишь сказать, что обязательность нравственности есть нѣчто недоказуемое и самоочевидное. Различеніе теоретическаго и практическаго разума напоминаетъ ученіе о двоякой истинѣ [1]), которое было въ ходу въ средніе вѣка; вѣроятно даже, что вышеуказанное раздѣленіе имѣетъ нѣкоторую связь съ ученіемъ о двоякой истинѣ: теологической и философской. У грековъ, конечно, не было представленія о двоякой истинѣ, ибо ихъ религія, лишенная характера догматическаго ученія, не оказывала никакого вліянія на развитіе науки; въ первые вѣка христіанства, когда вся наука была чисто формальной, религія обладала всей истиной, но съ XIII-го вѣка, подъ вліяніемъ Аверроэса, возникло ученіе о двоякой истинѣ, и подъ покровомъ этого ложнаго ученія могла рости и развиваться какъ наука, такъ и философія. Безъ сомнѣнія, истина только одна, но она можетъ быть выражена въ болѣе или менѣе адекватныхъ формахъ. Аверроэсъ полагалъ, что истина религіи и философіи одна, но религія выражаетъ ее въ неадекватной образной формѣ, доступной пониманію и простолюдина, въ то время какъ философія стремится облечь истину сколько возможно въ совершенную форму. Такимъ образомъ утверждалось первенство философской истины. Альбертъ Великій хотя и полемизировалъ противъ ученія о двоякой истинѣ, господствовавшаго въ парижскомъ университетѣ и неоднократно навлекавшаго на себя порицаніе папы и епископа парижскаго, однако признаетъ разницу между философіей и теологіей, видя въ философіи теорію, а въ теологіи—практику. Въ дѣлахъ вѣры и нравственности Альбертъ довѣряетъ болѣе Августину, чѣмъ философамъ; „но ежели рѣчь идетъ о медицинѣ, то я болѣе повѣрилъ бы Галену или Гиппократу, а ежели дѣло касается природы, то я болѣе вѣрю Аристотелю". Но ни у кого рознь между философіей и религіей и признаніе двоякой истины не было выражено съ такой рѣзкостью, какъ у Помпоната (начало XVI-го вѣка), который говорилъ, что онъ, какъ христіанинъ и человѣкъ, вѣритъ тому, чему онъ, какъ философъ и мудрецъ, вѣрить не можетъ. Странное ученіе о двоякой истинѣ держалось до тѣхъ поръ, пока наука не перестала быть ancilla theologiae; но когда наука и философія завоевали себѣ самостоятельное положеніе, то, казалось бы, не зачѣмъ прибѣгать къ различенію, которое могло имѣть лишь временное значеніе; тѣмъ не менѣе это различеніе удержалось и впослѣдствіи даже пріобрѣло, правда, въ иной формѣ, первенствую-

[1]) См. Maywald, Die Lehre v. der zweifachen Wahrheit. B. 1871.

щее значеніе въ философіи Канта. Очевидно, что истиной обладаетъ или религія, или философія, или и та и другая вмѣстѣ, если онѣ по существу тождественны. Рознь между религіей и философіей, между умомъ и сердцемъ [1]) чувствуется теперь такъ же ясно, какъ и прежде; но тотъ способъ, которымъ думаютъ примирить или прикрыть эту рознь, врядъ ли кого-либо можетъ удовлетворить, ибо хотя у Канта и нѣтъ ученія о двоякой истинѣ, но есть зато равносильное ему положеніе о двоякомъ источникѣ истины, разумѣ и чувствѣ, благодаря чему недоказанное и недоказуемое является все же въ формѣ истины.

III.

Г-нъ Введенскій говоритъ, что Кантъ не нашелъ по своему методу ни одного неоспоримаго положенія. Это не совсѣмъ вѣрно; ибо Богъ, свобода и безсмертіе постулируются его „категорическимъ императивомъ", т.-е. истинность ихъ доказывается совершенно одинаковымъ образомъ, какъ и одушевленность въ книгѣ г. Введенскаго. Мы не видимъ разницы въ способѣ доказательства, потому нѣтъ его и въ результатахъ. Г-нъ Введенскій можетъ точно также „постулировать" одушевленность, но это не будетъ и, какъ онъ самъ сказалъ, не можетъ быть теоретически доказаннымъ положеніемъ; поэтому онъ напрасно ссылается на принципъ одушевленности, какъ на примѣръ того, „сколь достовѣрны могутъ быть положенія критической метафизики"; можно подумать, что авторъ говоритъ здѣсь съ ироніей, ибо положенія критической философіи, какъ показалъ и г. Введенскій, не могутъ быть доказаны, а слѣдовательно, вполнѣ недостовѣрны. Многіе историки философіи находили, что между критикой чистаго разума и критикой практическаго разума нѣтъ противорѣчія, что во второмъ сочиненіи Кантъ изложилъ свои истинныя воззрѣнія, которыя не исключаютъ критику чистаго разума. Возможно, что Кантъ вѣрилъ въ Бога, безсмертіе и свободу, но онъ же вполнѣ убѣдительно доказалъ невозможность теоретическаго обоснованія этихъ понятій. Казалось бы, что только двѣ точки зрѣнія, повидимому, и возможны; между тѣмъ Кантъ выбралъ третью—посредствующую; можно согласиться съ критикой чистаго разума и стать скептикомъ, т.-е. утверждать пригодность человѣческаго познанія только въ границахъ эмпиріи—и невозможность рѣшенія трансцендентныхъ вопросовъ; или же можно стать на точку зрѣнія откровеннаго мистицизма. при-

[1]) Я сердцемъ христіанинъ, а умомъ язычникъ", говорилъ Якоби.

знать, что истина заключается лишь въ откровеніи, а научное, доказательное знаніе касается лишь міра конечнаго и относительнаго, поэтому и не имѣетъ истинности. Можетъ быть, что сердце влекло Канта къ этой точкѣ зрѣнія; но онъ выбралъ средній путь, т.-е. призналъ теоретическую недоказуемость трансцендентныхъ идей, и въ то же время постарался ихъ обосновать инымъ способомъ, практическими „постулатами"; получилось обоснованіе, которое не есть доказательство, хотя оно яко бы столь же твердо, какъ и всякое доказательство. Само собой разумѣется, что всего доказать нельзя, ибо доказательство есть только нить, посредствомъ коей мы связываемъ самоочевидное, не нуждающееся въ доказательствѣ, съ тѣмъ, что́ самоочевидностью не обладаетъ. Возможность доказать что-либо покоится, слѣдовательно, на допущеніи самоочевидныхъ истинъ, при чемъ безразлично, будутъ ли онѣ имѣть только субъективное значеніе для человѣка и въ силу этого уже и для объективнаго міра, или же ихъ значеніе съ самаго начала объективное. Я нисколько не сомнѣваюсь, что и въ нравственномъ мірѣ должны быть положенія аксіоматическаго характера, благодаря коимъ изъ этики можно создать стройную и твердо обоснованную систему, но до сихъ поръ эти аксіомы не формулированы; нравственное же чувство само по себѣ, какъ мнѣ кажется, не можетъ служить основаніемъ этики, а еще менѣе — метафизики. По мнѣнію г. Введенскаго, напротивъ, нравственное чувство должно служить основою метафизики: „Существованіе особаго органа познанія и притомъ такого познанія, которое отличается метафизическимъ характеромъ—вотъ выводъ, который логически неизбѣженъ для всякаго, кто призналъ законъ отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленія и въ то же время считаетъ неоспоримою истиной одушевленіе другихъ людей" (стр. 83). Этотъ особый органъ познанія онъ и видитъ въ нравственномъ чувствѣ. Г-нъ Введенскій держится довольно близко своего оригинала, Канта, но въ отношеніи нравственнаго чувства высказываетъ нѣкоторое колебаніе: не нравственное чувство заставляетъ насъ признать одушевленіе ближнихъ, но „въ нашемъ существѣ дѣйствуетъ еще что-то такое", и оно открываетъ просвѣтъ въ такую область, которая остается скрытой для эмпирическихъ чувствъ (т.-е. ощущеній) и ума, именно заставляетъ насъ признавать существованіе чужого одушевленія. Назовемъ это „что-то такое" метафизическимъ чувствомъ", etc. (стр. 83).

Итакъ, „метафизическое чувство" есть источникъ чужого одушевленія; однако, авторъ весьма скоро беретъ назадъ свое утвержденіе и говоритъ, что „приговоры метафизическаго чувства, взятые сами по себѣ, оказываются недостаточными для того, чтобы

придать неоспоримость убѣжденію въ существованіи чужого одушевленія" (стр. 100), и что „метафизическаго чувства, обособленнаго отъ нравственнаго, у насъ навѣрное нѣтъ". Далѣе (стр. 94 и слѣд.) говорится о метафизическомъ чувствѣ, объ этомъ „чемъ-то такомъ", что мы его обособленности не сознаемъ; что нравственнаго чувства вполнѣ достаточно, чтобы навязать намъ требуемое убѣжденіе; что поэтому вѣрнѣе всего разсматривать метафизическое чувство какъ одну изъ сторонъ нравственнаго. Но это, очевидно, не только не вѣрнѣе всего, а совсѣмъ невѣрно, ибо нравственное чувство развивается гораздо позднѣе, чѣмъ метафизическое, т.-е. признаніе чужого одушевленія, и въ то время, какъ у ребенка и помину нѣтъ ни о какихъ нравственныхъ чувствахъ, онъ совершенно такъ же, какъ и всякій взрослый человѣкъ, признаетъ чужое одушевленіе. Далѣе, доказывая зависимость убѣжденія въ одушевленности отъ нравственнаго и метафизическаго чувства, г. Введенскій говоритъ: „Подобно тому, какъ мы должны признавать одушевленными всѣ тѣ существа, относительно которыхъ мы имѣемъ нравственныя обязанности, такъ точно и наоборотъ наши нравственныя обязанности существуютъ и относительно всѣхъ тѣхъ существъ, которыя мы считаемъ одушевленными" (стр. 96). Эта обоюдная зависимость должна бы дѣйствительно существовать для того, чтобы разсужденіе г. Введенскаго было вѣрно, но такой обоюдности не существуетъ, и поэтому способъ доказательства г. Введенскаго невѣренъ. Никто вѣдь не сомнѣвается, что клопъ „одушевленъ." между тѣмъ никто по отношенію клопа не чувствуетъ никакихъ нравственныхъ обязательствъ, а слѣдуетъ предписаніямъ гигіены, прямо противоположнымъ нравственному чувству кантіанцевъ. Тутъ несогласіе факта съ требованіемъ настолько очевидно, что авторъ вынужденъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: „Разсуждая о неотдѣлимости метафизическаго чувства отъ нравственнаго, мы имѣемъ и должны имѣть въ виду не то, что̀ дѣлается людьми, а то, что́ они обязаны дѣлать, хотя бы это часто и не исполнялось, потому ли, что они еще не поняли этой обязанности, или же умышленно заглушаютъ въ себѣ ея сознаніе, и т. п." (стр. 96). Отъ этого замѣчанія доказательство г. Введенскаго становится весьма рискованнымъ: пока онъ слѣдовалъ за фактами и указаніями нравственнаго чувства, до тѣхъ поръ можно было лишь спорить о степени пригодности приводимыхъ фактовъ для той цѣли, которую имѣютъ въ виду; но факты нужно брать во всемъ ихъ объемѣ; если же мы станемъ говорить о нравственномъ чувствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ предпишемъ ему заранѣе, какимъ оно должно быть, то все построеніе покажется фантастичнымъ и потому неубѣдительнымъ. Отступленіе г. Введенскаго отъ Канта состоитъ въ томъ, что онъ привлекъ къ доказательству метафизическое чув-

ство, отъ котораго, впрочемъ, весьма скоро самъ если не вполнѣ отказался, то во всякомъ случаѣ весьма ограничилъ сферу его дѣйствія. Напротивъ, вполнѣ въ духѣ Канта—ссылка на нравственное чувство, какъ на источникъ постулатовъ, хотя Кантъ врядъ ли полагалъ, „что этотъ органъ метафизическаго познанія способенъ доставлять намъ такія идеи, степень неоспоримости которыхъ превосходитъ неоспоримость всякаго научнаго положенія“ (стр. 105). Самаго же вопроса о томъ, можетъ ли нравственное чувство—и какимъ образомъ—оказаться источникомъ познанія, г. Введенскій не касается, а указываетъ лишь на фактъ, что исторія развитія мышленія представляетъ явленіе прямо обратное исторіи развитія нравственности; въ то время какъ строгость въ оцѣнкѣ теоретическихъ доводовъ все возростаетъ, нравственная область обособляется все болѣе и болѣе, и никакихъ сомнѣній въ ея обязательности не возникаетъ. „Напротивъ, обязательности нравственнаго долга довѣряютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ тщательнѣе отличаютъ нравственное отъ всего того, что похоже на него, но еще не тожественно съ нимъ“. Эта остроумная историческая справка, однако, ничего не доказываетъ и не даетъ никакого обоснованія доказательству путемъ нравственнаго чувства, ибо въ генезисѣ идей не замѣчается никакихъ указаній относительно ихъ значенія: истинное и ложное, хорошее и дурное—одинаково ростутъ и развиваются, хотя въ этомъ ростѣ несомнѣнно и можно подмѣтить закономѣрность. Къ тому же фактически невѣрно, что обязательность нравственныхъ законовъ никто не отвергалъ. Положимъ, я согласенъ съ поэтомъ, сказавшимъ:

Summum crede nefas animam praeferre pudori
Et propter vitam vivendi perdere causam,

однако нельзя отрицать того, что въ жизни многіе держатся противоположнаго правила, и девизомъ ихъ дѣйствій служитъ:

Scio meliora proboque, deteriora tamen sequor.

Дѣйствія весьма многихъ людей показываютъ, что они считаютъ себя выше обязательной нравственности, и что ихъ воля есть единственное мѣрило добра и зла; эту точку зрѣнія защищали не только софисты, но и современные писатели. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажу на двухъ писателей: на гегеліанца Штирнера и на парадоксальнаго Фр. Нитша; въ книгѣ перваго: „Einzige und sein Eigenthum“, даже слово „обязанность“ встрѣчается всего одинъ разъ, и этотъ одинъ разъ заключаетъ въ себѣ рекомендацію не признавать никакихъ обязанностей, чтобы не быть вынужденнымъ признавать законы [1]); го-

---

[1]) Стр. 258.

ворится лишь о правахъ: „Тигръ, нападающій на меня, пользуется своимъ правомъ, какъ и я, когда его убиваю“ [1]). Весьма любопытныя замѣчанія о нравственности находимъ также у Ф. Нитша [2]). Г-нъ Введенскій отлично знаетъ и весьма ясно говоритъ, что необходимость признавать обязательность нравственнаго долга никоимъ образомъ не можетъ быть доказана, и что кто рѣшился отвергать обязательность нравственнаго долга, тому уже нельзя доказать, что должно что-либо считать нравственно обязательнымъ. Авторъ думаетъ, что „превратить нравственную обязательность въ логическую необходимость, которая вытекала бы изъ нашего знанія о томъ, что̀ есть, и о томъ, что̀ по законамъ бытія необходимо будетъ,—нѣтъ никакой возможности“ (стр. 85). Такимъ образомъ, доказательство автора не безусловное, а гипотетическое; оно удовлетворитъ лишь тѣхъ, кто принимаетъ обязательность нравственнаго долга. Но отвергать обязательность нравственнаго долга могутъ только душевно-больные, какъ думаетъ г. Введенскій [3]), хотя это мнѣніе онъ доказать не можетъ. Все это кажется ему яснымъ и простымъ, а въ дѣйствительности вызываетъ недоумѣнія. Г-нъ Введенскій говоритъ, что нравственную обязательность въ логическую необходимость превратить нельзя; но, требуя особаго органа познанія и находя его въ нравственномъ чувствѣ, онъ развѣ не дѣлаетъ подобнаго превращенія? Развѣ это не превращеніе—говорить, что обязанность нравственнаго долга есть истина? Очевидно, что нравственное чувство онъ превращаетъ въ логическую аксіому, изъ которой выводитъ необходимыя слѣдствія. Или же „неэмпирическій органъ познанія“ не придерживается логическихъ правилъ, а есть нѣчто превыше разума стоящее,—тогда зачѣмъ же это называть познаніемъ? Тогда это мистицизмъ въ дурномъ значеніи этого слова. Далѣе, развѣ нельзя признавать нравственнаго чувства и обязательности нравственности, но не считать ее источникомъ познанія? Вѣдь обязательность нравственности, которую г. Введенскій столь красноречиво доказываетъ (на стр. 86), нужна ему именно для того, чтобы изъ нея вывести логическія слѣдствія; слѣдовательно, онъ опять-таки превращаетъ нравственность въ логику, между тѣмъ какъ самъ это запретилъ.

Факту развитія идеи нравственности, указываемой г. Введенскимъ, достаточно противоположить фактъ различія воззрѣній на нравственность различныхъ людей и народовъ,—различія, на которое нельзя не обратить вниманія, ибо оно несомнѣнно ослабляетъ силу нрав-

[1]) Стр. 251.

[2]) О немъ смотри интересную статью г. Преображенскаго въ „Вопросахъ философіи“, № 15, стр. 121 и слѣд.

[3]) См. второе примѣчаніе г. Введенскаго на стр. 84.

ственнаго чувства, какъ принципа доказательства. Если бы нравственная оцѣнка во всѣ времена и вездѣ была одна и та же, то это указывало бы на присутствіе нѣкоторыхъ апріорныхъ элементовъ, подобныхъ тѣмъ, которые проявляются въ математикѣ или логикѣ; но этого нѣтъ, — въ то время, какъ логика и математика у всѣхъ одна, нравственныя воззрѣнія существенно различны (напр., воззрѣнія на полигамію). Не отрицаю того, что идеальная нравственность одна, и что нравственныя различія зависятъ отъ недоразвитія людей; но характеръ математической очевидности нравственныя положенія получатъ лишь тогда, когда будутъ открыты нравственныя аксіомы, т.-е. самоочевидныя положенія. И этого еще недостаточно; ибо стоитъ только взглянуть на различіе путей, коими обосновывается нравственность, чтобы убѣдиться, что мы еще далеки отъ цѣли: одни ссылаются на эстетику [1]), какъ на основу морали; другіе—на логику [2]); третьи—на теологію; четвертые—на нравственное чувство; пятые – на онтологію etc. etc. Нравственное чувство есть, слѣдовательно, лишь одинъ изъ практикуемыхъ путей, притомъ путь шаткій, ибо показанія самого чувства оказываются неоднородными у всѣхъ людей, хотя нужно сказать, что и однородность показаній еще не была бы достаточной гарантіей состоятельности самыхъ идей. Поэтому можно, полагаю, усомниться въ томъ, чтобы нравственное чувство, недостаточное для обоснованія нравственности, могло служить обоснованіемъ метафизики, и дѣло останется въ томъ же положеніи, если призвать на помощь сомнительное метафизическое чувство. Какъ ни пріятно было бы каждому получить полную достовѣрность въ чужой одушевленности (въ которой никто не сомнѣвается, хотя доказать ея не можетъ) и этимъ путемъ обосновать и безсмертіе, и бытіе Бога и многое другое, какъ на это надѣется г. Введенскій, но думаемъ, что это такъ надеждой и останется. Кантъ въ „Критикѣ практическаго разума" и г. Введенскій въ своей книгѣ, идя по его стопамъ, исповѣдуютъ мистицизмъ, но не откровенный, признающій прямо, что мы ничего помимо вѣры знать не можемъ, и что всѣ принципы намъ даны, а не нами созданы,—а скрытый мистицизмъ, прикрывающійся оболочкой строгой логики.

Г-нъ Введенскій указываетъ на то, что на западѣ давно уже раздается приглашеніе обратиться „назадъ, къ Канту". Это вполнѣ понятно: стоитъ бросить лишь бѣглый взглядъ на нынѣшнюю разрозненность философскихъ направленій и на отсутствіе общепризнаннаго авторитета, чтобы понять чувство сожалѣнія и зависти къ тому вре-

---

[1]) Гербартъ.

[2]) F. Brentano.

мени, когда нѣмецкій идеализмъ почти нераздѣльно господствовалъ на философскомъ горизонтѣ. Нынѣ же философскія школы связаны лишь однимъ общимъ сознаніемъ несостоятельности матеріализма; никто, однако, не имѣетъ ни смѣлости, ни силы вступиться за крайній идеализмъ. Лишь авторитетъ одного Канта кажется непоколебленнымъ окончательно, и лишь его философія даетъ возможность примирить требованія идеализма съ указаніями точной науки. Однако за Кантомъ слѣдовалъ Фихте, а за нимъ—Шеллингъ и Гегель, и это вѣдь не случайная смѣна именъ, а необходимое развитіе принциповъ Кантовской философіи; поэтому если мы вернемся къ Канту, то нужно продѣлать тотъ же кругъ, который приведетъ опять къ Гегелю, къ панлогизму. Если признать апріорный элементъ въ познаніи, то „предметъ самъ по себѣ" окажется излишнимъ, и все познаніе придется объяснить изъ самодѣятельности нашего *я*; а если это такъ, то мы вернемся къ системѣ категорій, саморазвивающагося мышленія, тожественнаго съ бытіемъ. Вотъ почему я не могу видѣть большой пользы отъ этого возвращенія назадъ; сверхъ того, не вижу причины, почему въ этомъ ретроградномъ движеніи останавливаться на Кантѣ, а не идти ужъ прямо къ Ѳалесу. Задача философіи, по моему, заключается въ томъ, чтобы искать выхода изъ того субъективизма, въ который попала философія, отчасти благодаря Канту, а этого можно достигнуть критикою психологическаго субъективизма Милля и логическаго—Гегеля.

Э. Радловъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Mélanges inédits de Montesquieu, publiés par le baron de Montesquieu. Bordeaux et Paris, 1892. Стр. LVIII+302.

Монтескьё занимаетъ въ исторіи европейской культуры столь высокое положеніе, что появленіе его *неизданныхъ* произведеній не можетъ не привлечь къ себѣ большого вниманія. Степень интереса, вызываемаго ими, можетъ лишь увеличиваться странностью того факта, что произведенія, оставленныя писателемъ, пользующимся міровою славою, издаются впервые по прошествіи слишкомъ 137 лѣтъ со времени его смерти (10-го февраля 1755 г.).

Чтó побуждало владѣльцевъ рукописей Монтескьё держать ихъ подъ спудомъ въ теченіе столь продолжительнаго времени? Вопросъ этотъ сильно интриговалъ многихъ ученыхъ и писателей. Въ концѣ XVIII в. думали, что многочисленныя рукописи великаго писателя были уничтожены сыномъ Монтескьё, въ эпоху террора, изъ предосторожности. Но это оказалось невѣрнымъ: французскій ученый Валькенеръ имѣлъ случай лично убѣдиться въ томъ, что манускрипты сохранились. Но доступъ къ ихъ коллекціи былъ чрезвычайно затруднительнымъ, такъ что до самаго послѣдняго времени никому, кромѣ ближайшихъ потомковъ Монтескьё, неизвѣстно было даже, чтó заключаютъ въ себѣ оставленныя имъ рукописи, и въ какой мѣрѣ значителенъ представляемый ими интересъ. Съ другой стороны, потомки Монтескьё оставались глухи къ появлявшимся въ печати пожеланіямъ о томъ, чтобы литературное наслѣдіе ихъ великаго предка было опубликовано. Тщетно писалъ въ 1852 г. Сентъ-Бёвъ въ своихъ „Causeries du Lundi": „надѣемся, что это фамильное наслѣдіе сохраняется, и что имъ въ концѣ концовъ воспользуются въ интересахъ всѣхъ, въ интересахъ самой славы знаменитаго предка. Монтескьё— не изъ тѣхъ людей, которымъ приходилось бы опасаться болѣе близкаго съ ними знакомства: какъ издали, такъ и вблизи, это—великій умъ, ему нечего прятать какіе-либо изгибы своего сердца"... Напраснымъ оказалось и сдѣланное позднѣе воззваніе Эдуарда Лабулэ, которому принадлежитъ лучшее изданіе сочиненій Монтескьё съ комментаріями: „Монтескьё,—говорилъ Лабулэ,—принадлежитъ Франціи, и всѣ

тѣ, которые питаются его мыслью, имѣютъ нѣкоторое право требовать раскрытія оставленнаго имъ наслѣдства". Разочарованіе ожидало и тѣхъ, которые думали, что потомки Монтескьё воспользуются чествованіемъ двухсотлѣтней годовщины его рожденія (18-го января 1889) и издадутъ къ этому дню оставленныя имъ рукописи.

Однако, именно это торжество дало толчекъ къ начатому теперь изданію рукописей Монтескьё. „18-го января 1889 г. потомки Монтескьё чествовали, въ зàмкѣ Ла-Бредъ, двухсотлѣтіе рожденія своего великаго предка. Въ этотъ день обсуждено и принято въ принципѣ предположеніе объ изданіи его рукописей". Такъ говорится въ очеркѣ: „Histoire des manuscrits inédits de Montesquieu", напечатанномъ въ качествѣ введенія къ вышедшему недавно тому „Mélanges inédits". Въ этомъ очеркѣ, однако, тщетно было бы искать вполнѣ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ, почему же собственно не были изданы до сихъ поръ рукописи Монтескьё. Изъ него видно, что мысль объ ихъ изданіи возникала нѣсколько разъ, но осуществленію ея всегда мѣшали какія-нибудь обстоятельства, по большей части далеко не важныя. Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что истинною причиною было тутъ слишкомъ индифферентное отношеніе потомковъ къ литературному наслѣдію Монтескьё. Думать такъ позволяютъ слѣдующія данныя. Въ 1795 г. какой-то книгопродавецъ, готовившій изданіе сочиненій Монтескьё, намѣревался напечатать и неизданныя рукописи. Онъ принялъ мѣры, чтобы навести справки о судьбѣ этихъ рукописей, и вотъ чтò между прочимъ сообщилъ объ этомъ Франсуа Латапи, которому приходилось ранѣе познакомиться съ рукописями. „Увы!—писалъ онъ,—смерть г. де-Секондà (сына Монтескьё), я опасаюсь, надолго обставитъ сообщеніе этихъ рукописей преградами почти неустранимыми. Вдова его, къ которой я сильно приставалъ по этому поводу, отвѣчаетъ, что въ эпоху террора мужъ ея распорядился убрать изъ дому рукописи своего отца вмѣстѣ со многими другими бумагами, и что она не знаетъ, куда именно. Вотъ что она сообщила мнѣ, а главное—она всѣмъ этимъ очень мало интересуется. Ея племянникъ, Монтескьё д'Аженъ, которому довѣрены всѣ дѣла по этому наслѣдству, далъ мнѣ такой же отвѣтъ... Я безконечно сожалѣю, что эти рукописи испытываютъ теперь такія приключенія: ибо ихъ много, и въ числѣ ихъ есть драгоцѣнныя. Въ настоящее время—я, кажется, единственный человѣкъ, знакомый съ ними въ подробностяхъ, ибо внукъ Монтескьё, нынѣ находящійся въ отсутствіи, никогда ихъ не читалъ". Такъ относились къ рукописямъ автора „Esprit des Lois" ближайшіе его потомки. Не лучше относились къ нимъ и потомки отдаленные: въ послѣдній разъ рѣчь объ изданіи ихъ велась въ 1836 г., но съ тѣхъ поръ уже никто изъ носителей

имени Монтескьё даже и не помышлялъ о напечатаніи его рукописей.

Какъ бы то ни было, теперь, наконецъ, положено начало этому изданію. Спѣшимъ оговориться: тѣхъ, кто принялся бы за эту книгу съ надеждою найти въ ней нѣчто такое, чтó увеличило бы репутацію автора „Персидскихъ писемъ" и „Духа Законовъ", ожидаетъ сильное разочарованіе. Двѣнадцать небольшихъ произведеній (всего 258 стр.), вошедшихъ въ „Mélanges inédits", не вплетутъ новыхъ лавровъ въ вѣнокъ славы Монтескьё, и только нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ значительный интересъ и могутъ быть прочтены съ немалымъ удовольствіемъ.

По содержанію своему, эти произведенія весьма разнообразны и относятся къ различнымъ областямъ. Такъ, къ области исторіи можетъ быть отнесена небольшая рѣчь о Цицеронѣ („Discours sur Cicéron"), которую авторъ, какъ видно изъ его подстрочнаго примѣчанія, составилъ въ молодости; „изъ нея,—говоритъ онъ,—можно бы сдѣлать хорошую рѣчь, если устранить характеръ панегирика". Начинается она слѣдующими словами: „Изъ всѣхъ древнихъ Цицеронъ въ наибольшей степени обладаетъ личными доблестями; на него я болѣе всего желалъ бы походить". Въ литературномъ отношеніи рѣчь эта отличается безспорными достоинствами. Къ той же категоріи можно отнести—„Réflexions sur le caractère de quelques princes et sur quelques événements de leur vie" (размышленія и бѣглыя замѣтки о Карлѣ XII шведскомъ, Тиберіѣ, Людовикѣ XI, Филиппѣ II и др.), а также—„Remarques sur certaines objections que m'a faites un homme qui m'a traduit mes „Romains" en Angleterre". Далѣе слѣдуютъ два очерка, относящіеся къ области философіи политики и исторіи. Въ первомъ изъ нихъ: „Essai sur les causes qui peuvent affecter les esprits et les caractères", можно найти не мало мыслей и замѣчаній, включенныхъ въ различныя главы „Esprit des Lois". Онъ распадается на двѣ части — о физическихъ и нравственныхъ причинахъ, могущихъ вліять на умы и характеры. Изложенныя здѣсь остроумныя мысли и сближенія могутъ представить не малый интересъ съ точки зрѣнія дальнѣйшаго развитія нѣкоторыхъ положеній „Духа Законовъ". Во второмъ очеркѣ, „De la politique", находимъ рядъ болѣе или менѣе отрывочныхъ замѣчаній о политикѣ и пріемахъ политическихъ дѣятелей. Въ связи съ этими этюдами можно отмѣтить очерки, написанные по поводу нѣкоторыхъ практическихъ вопросовъ современной Монтескьё политики: „Mémoire sur la constitution" (записка на имя короля по вопросу о мѣрахъ религіозной терпимости); „Mémoire sur les dettes de l'Etat" (записки на имя регента по финансовымъ вопросамъ) и „Mémoire contre l'arrêt du con-

seil du 27 février". Эта послѣдняя записка составлена была съ цѣлью протеста противъ распоряженія о запрещеніи разводить новые виноградники въ округѣ Гіеннъ, въ которомъ Монтескьё не задолго передъ тѣмъ пріобрѣлъ участокъ земли именно съ цѣлью завести тамъ виноградники. „Хотя представившій эту записку,—говоритъ онъ въ заключеніе, — и является не болѣе какъ частнымъ человѣкомъ, онъ однако счелъ себя обязаннымъ сдѣлать это въ его же собственныхъ интересахъ. Онъ пріобрѣлъ пустошь въ мѣстности, въ которой можно разсчитывать на разведеніе виноградниковъ очень высокаго качества. Эта земля обошлась ему всего въ шестьдесятъ ливровъ, какъ это видно изъ прилагаемаго контракта, но онъ надѣется, съ помощью своего труда и затратъ, сдѣлать изъ нея земельный участокъ, который будетъ стоить четыреста или пятьсотъ тысячъ ливровъ. Подобное намѣреніе, казалось бы, не должно встрѣчать препятствія со стороны государства". Генеральный контролеръ, которому была представлена записка Монтескьё, переслалъ ее мѣстному интенданту и поручилъ ему выяснить, заслуживаетъ ли удовлетворенія ходатайство Монтескьё о разведеніи виноградниковъ на купленной имъ землѣ. Приведенное въ примѣчаніяхъ отвѣтное донесеніе интенданта, Клода Бушэ, любопытно тою рѣзкостью, съ какою интендантъ отзывается о Монтескьё, очевидно, въ отместку за ядовитое замѣчаніе записки о некомпетентности интендантовъ въ вопросѣ о наилучшихъ способахъ землепользованія. „У г. де-Монтескьё,—говоритъ онъ,—много ума, и потому онъ не затрудняется высказывать парадоксы, и льститъ себя надеждою, что при помощи кое-какихъ бойкихъ соображеній ему легко доказать самыя абсурдныя вещи. Прошу васъ уволить меня отъ необходимости отвѣчать на его записку и вступать съ нимъ въ пренія. У него нѣтъ другихъ занятій, кромѣ отысканія поводовъ проявить свое остроуміе. У меня же есть вещи болѣе серьезныя, которыми я долженъ заниматься"...

Въ особую группу слѣдуетъ выдѣлить—„Dialogue de Xantippe et de Xénocrate", „Lettres de Xénocrate à Phéres" и „Histoire véritable". Въ первыхъ двухъ, подъ вымышленными именами, дѣлаются прозрачные намеки на современныя автору лица и событія; третье же, самое значительное по объему, произведеніе представляетъ собою фантастическій разсказъ на тему о переселеніи душъ—разсказъ, въ которомъ мѣстами встрѣчаются довольно любопытныя замѣчанія моралистическаго свойства.

Къ области морали въ собственномъ смыслѣ слѣдуетъ отнести небольшой очеркъ подъ заглавіемъ: „Похвала правдивости" („Eloge de la sincérité", стр. 15—27). Изъ всего напечатаннаго въ „Mélanges inédits" этотъ очеркъ представляется, можетъ быть, наиболѣе любопыт-

нымъ. Издатели полагаютъ, что онъ составленъ въ 1717 г. на тему, предложенную академіей въ Бордо. Онъ написанъ очень горячо и составленъ подъ очевиднымъ вліяніемъ того негодованія, какое въ Монтескьё вызывало господство лести и неискренности во французскомъ обществѣ, и особенно въ придворныхъ сферахъ того времени. Воздавая хвалу искренности и правдивости, онъ разсматриваетъ ея значеніе какъ въ частной, такъ и въ государственной жизни. „Богу было угодно,—говоритъ онъ,—чтобы люди жили въ обществѣ для того, чтобы служить руководителями другъ другу, чтобы они могли глазами ближняго усматривать въ себѣ то, чтό ихъ самолюбіе скрываетъ отъ нихъ, и чтобы, наконецъ, на священной почвѣ взаимнаго довѣрія они могли говорить другъ другу правду. Люди всѣ обязаны ею другъ передъ другомъ. Тѣ, которые пренебрегаютъ говорить ее, похищаютъ у насъ благо, намъ принадлежащее". Но вмѣсто этой правдивости царитъ „низкая угодливость". Она—„добродѣтель вѣка",—къ ней сводится все. А тѣ, которые еще сохраняютъ въ своемъ сердцѣ нѣкоторое благородство, дѣлаютъ все возможное для того, чтобы утратить ее. Они превращаются въ пошлыхъ куртизановъ, чтобы не прослыть людьми странными, сотворенными не на подобіе другихъ людей. Правда погребена подъ велѣніями фальшивой учтивости. Умѣньемъ жить называютъ искусство жить въ низости... Человѣкъ простой, говорящій одну правду, считается какъ бы возмутителемъ общественныхъ радостей. Его бѣгутъ, потому что онъ не нравится; бѣгутъ правды, которую онъ возвѣщаетъ, потому что она горька; бѣгутъ правдивости, ему присущей, потому что она даетъ лишь дикіе плоды (parce qu'elle ne porte que des fruits sauvages); ея страшатся, потому что она уничижаетъ и возмущаетъ гордость, потому что она изображаетъ насъ во всей нашей уродливости. Нѣчего поэтому удивляться, что она такъ рѣдка: ее гонятъ отовсюду". Первую часть своего очерка Монтескьё заканчиваетъ слѣдующею тирадою въ хвалу правдивости: „великія добродѣтели, такъ сказать, рождающіяся въ самой возвышенной и божественной части души, тѣсно переплетаются одна съ другою. Съумѣетъ человѣкъ быть правдивымъ, и вы увидите во всемъ его характерѣ извѣстное мужество, независимость, самообладаніе, вмѣстѣ съ способностью влiять на другихъ, душу свободную отъ мрака боязни и ужаса, любовь къ добродѣтели, ненависть къ пороку, презрѣніе къ тѣмъ, которые предаются ему. Отъ ствола столь благороднаго и прекраснаго могутъ идти лишь золотыя развѣтвленія". И если въ частной жизни,—продолжаетъ Монтескьё,—такъ велико значеніе правдивости, то каково же должно быть значеніе ея въ жизни государственной (dans la cour des grands)? „Человѣкъ правдивый при дворѣ—тоже, что свободный среди рабовъ.

Какъ бы ни почиталъ онъ своего суверена, правда въ его устахъ всегда выше всего, и тогда какъ толпа куртизановъ представляетъ собою игрушку вѣяній и бурь, бушующихъ около трона, онъ твердъ и непреклоненъ, потому что онъ опирается на правду, а она по природѣ своей безсмертна и по существу своему неподкупна. Онъ является передъ народомъ порукою въ дѣйствіяхъ суверена. Своими мудрыми совѣтами онъ старается разрушить порокъ при дворѣ... Когда Богъ въ своемъ гнѣвѣ желаетъ наказать народы, онъ попускаетъ, чтобы льстецы овладѣвали довѣріемъ государей, которые и повергаютъ свои государства въ пучину бѣдствій. Но когда онъ желаетъ пролить свое благословеніе на нихъ, онъ допускаетъ, чтобы люди правдивые овладѣвали сердцемъ своихъ королей и раскрывали передъ ними правду, въ которой они нуждаются въ такой же мѣрѣ, какъ находящіеся въ бурѣ нуждаются въ благопріятной звѣздѣ, которая свѣтила бы имъ"... „Историки Китая объясняютъ долгое существованіе и, если можно такъ выразиться, безсмертіе этой имперіи тѣмъ правомъ, которое имѣютъ приближенные императора и особенно главное должностное лицо Kotaou—ставить ему на видъ всякую неправильность въ его образѣ дѣйствій. Императоръ Ткіу, котораго можно было бы назвать китайскимъ Нерономъ, однажды приказалъ привязать къ раскаленной мѣдной колоннѣ двадцать-двухъ мандариновъ, которые поочередно одинъ за другимъ выполняли эту опасную должность Kotaou. Тирану, однако, наскучило слышать постоянные упреки, и онъ уступилъ передъ людьми, все снова и снова появлявшимися. Онъ былъ изумленъ твердостью этихъ благородныхъ душъ и недѣйствительностью каръ; такимъ образомъ, въ концѣ концовъ насталъ предѣлъ жестокости, и это потому, что добродѣтель была безпредѣльна"... „Хотите вы, съ другой стороны, видѣть отвратительное дѣйствіе подлой и низкой угодливости? Какъ она отравляетъ сердца государей и отъучаетъ ихъ различать добродѣтель отъ пороковъ? Вы увидите это у Лампридія, который говоритъ, что императоръ Коммодъ, послѣ назначенія консуломъ любовника своей матери, получилъ титулъ благочестиваго, а умертвивъ Переннія—прозванъ былъ счастливымъ: cum adulterum matris consulem designasset, Commodus vocatus est pius; cum occidisset Perennem, vocatus est felix. И что же! Неужели не нашлось никого, кто бы сорвалъ эти пышные титулы, кто бы сказалъ этому императору, что онъ—чудовище, и водворилъ бы добродѣтель на узурпированное порокомъ мѣсто? Нѣтъ! Къ стыду людей того вѣка, никто не вступился за правду"... „Счастливъ монархъ, живущій среди людей правдивыхъ, дорожащихъ его репутаціей и его добродѣтельностью! Но сколь несчастенъ тотъ, кто живетъ среди льстецовъ, и кому, слѣдовательно, приходится проводить

свою жизнь среди враговъ своихъ! Да, среди своихъ враговъ! Мы должны смотрѣть какъ на таковыхъ—на всѣхъ тѣхъ, кто не говоритъ намъ съ открытымъ сердцемъ, кто, подобно миѳическому Янусу, показывается намъ съ двумя лицами, кто заставляетъ насъ жить среди вѣчной ночи и окутываетъ насъ густымъ облакомъ для того, чтобы помѣшать намъ видѣть истину. Возненавидимъ же лесть! Да царитъ взамѣнъ ея правдивость!"...

Таково вообще содержаніе „Mélanges inédits de Montesquieu". Общее впечатлѣніе отъ знакомства съ ними можно выразить слѣдующимъ образомъ: несмотря на ограниченность интереса бо̀льшей части произведеній, вошедшихъ въ эту книгу, въ ней есть страницы прекрасныя, вполнѣ поддерживающія репутацію Монтескьё какъ великаго писателя. „Mélanges inédits" являются лишь первымъ шагомъ на пути опубликованія оставленныхъ имъ рукописей. За нимъ, какъ видно изъ предисловія, послѣдуетъ изданіе очерковъ путешествій Монтескьё въ Венгрію, Италію, Германію и Голландію. По словамъ упомянутаго нами Франсуа Латапи, эти очерки занимаютъ два тома in-folio; „авторъ обращаетъ въ нихъ особое вниманіе на управленіе и на особенности законодательства; въ нихъ встрѣчаются интересные анекдоты, имѣющіе отношеніе къ путешественнику". Далѣе будутъ изданы три сборника „Pensées", въ которыхъ между прочимъ двѣсти страницъ посвящены исторіи Франціи. У Латапи находимъ о нихъ слѣдующія замѣчанія: „Эти мысли касаются всевозможныхъ предметовъ. То въ нихъ какая-нибудь либо оригинальная, либо глубокая идея, которою авторъ подчасъ пользовался для „Esprit des Lois"; то это какой-нибудь анекдотъ, который онъ не хотѣлъ забыть; то это какой-нибудь забавный или сатирическій слухъ о комъ-либо изъ куртизановъ, знаменитыхъ женщинъ, авторовъ, которыхъ онъ зналъ—а кого Монтескьё не зналъ! Этотъ сборникъ, начатый около 1740 г., оканчивается лишь за шесть мѣсяцевъ до его смерти". Наконецъ, будетъ издана „Переписка" Монтескьё, заключающая большое число его писемъ и еще большее количество писемъ, адресованныхъ къ нему. По словамъ Латапи, „его письма, менѣе многочисленныя, сохранились лишь въ черновыхъ спискахъ. Что же касается отвѣтныхъ писемъ, то среди нихъ есть письма отъ короля прусскаго, короля польскаго, кардиналовъ, министровъ, ученыхъ, юристовъ, писателей, женщинъ и т. д.". Можно надѣяться, что эти ожидаемые томы неизданныхъ произведеній Монтескьё дадутъ не мало интереснаго.—

В. Д—ій.

II.

Stendhal (*Henri Beyle*). Souvenirs d'Egotisme. Autobiographie et lettres inédites publiées par Casimir Stryienski. Paris. 1893. Стр. XXIII и 320.

Судьба Генри Бейля, писавшаго подъ псевдонимомъ Стендаля, крайне любопытна. Родившись въ концѣ прошлаго вѣка, онъ раздѣлялъ съ своими современниками лишь одно увлеченіе—культъ Наполеона: онъ принималъ участіе во многихъ походахъ великой арміи, посвятилъ герою Ватерлоо лучшія страницы своего романа „Chartreuse de Parme"; имя Наполеона вызывало въ скептикѣ-философѣ моменты лиризма. Но послѣ трагическаго финала Наполеоновской эпопеи Бейль сразу отшатнулся отъ французскаго общества и долгіе годы прожилъ въ Италіи, которую считалъ „родиной своей души"; онъ завѣщалъ даже вырѣзать на своемъ могильномъ камнѣ: „Arigo Beyle-Milanese. Когда же, изгнанный изъ Милана по подозрѣнію въ симпатіяхъ къ карбонаріямъ, Бейль въ 20-хъ годахъ поселился въ Парижѣ, сталъ играть видную роль въ салонахъ эпохи реставраціи и обращать на себя вниманіе своими писаніями,—произошло то, что и должно было быть результатомъ полнаго отсутствія общности Бейля съ современной ему французской жизнью: онъ былъ совершенно непонятъ и неоцѣненъ, какъ писатель. Не понятъ онъ былъ уже потому, что внесъ чуждый тогдашней Франціи, да и вообще французскому уму элементъ космополитизма. Онъ самъ въ своихъ многократныхъ путешествіяхъ пріобщился культурѣ другихъ странъ, и постоянно темой его сочиненій было сравненіе ума и характера французовъ съ національными чертами другихъ народовъ. Сравненія выходили не всегда въ пользу французовъ; Стендаль нападалъ на основу характера своихъ согражданъ—тщеславіе, и этимъ возбуждалъ всеобщее негодованіе. Что же касается литературнаго значенія произведеній Стендаля, то онъ самъ отлично сознавалъ, что пишетъ для будущаго, что его холодный анализъ страстей, научный методъ психологическаго изслѣдованія и философскій скептицизмъ идутъ въ разрѣзъ съ романтической восторженностью, только-что начинавшей тогда охватывать умы—и съ лихорадочной жаждой громкихъ дѣлъ находившей исходъ въ революціяхъ и въ увлеченіи освободительными идеями. Стендаль поэтому и писалъ для немногихъ, обращаясь „to the happy few", какъ гласитъ посвященіе въ концѣ „Chartreuse de Parme". Онъ самъ говоритъ въ своемъ дневникѣ, что его книги находятъ—много-много — сто читателей, изъ которыхъ онъ лично знаетъ двухъ, и добродушно разсказываетъ, какъ издатель „De

l'Amour" сравнивалъ залежавшуюся у него книгу Стендаля — съ священными псалмами M. de Pompignan'a: „Sacrés ils sont, car personne n'y touche". „Мое честолюбіе,—прибавляетъ Стендаль,— утѣшается тѣмъ, что меня будутъ усиленно читать въ 80-хъ годахъ, и что книги мои будутъ перепечатываться въ 1900 г." И въ самомъ дѣлѣ, Стендаль удивительно вѣрно предсказалъ свою судьбу. При жизни онъ пользовался исключительно славой блестящаго свѣтскаго собесѣдника, льва великосвѣтскихъ гостиныхъ, въ которомъ всѣ заискивали, и котораго всѣ боялись за его насмѣшливый умъ; въ книгахъ же его усмотрѣлъ нѣчто выходящее изъ ряда обыкновеннаго только одинъ Бальзакъ. Но едва прошло десять лѣтъ послѣ его смерти, въ 1842 г., какъ критика стала болѣе серьезно вникать въ оригинальную идейную подкладку его сочиненій; Сенъ-Бёвъ далъ если не восторженную, то во всякомъ случаѣ безпристрастную и полную оцѣнку его литературной дѣятельности. Громкимъ, однако, имя Стендаля сдѣлалось лишь тогда, когда народилась въ литературѣ школа, оказавшаяся прямой преемницей его идей—школа Флобера и его послѣдователей „натуралистовъ".

Тэнъ впервые указалъ на Стендаля, какъ на родоначальника современной школы психологовъ, объясняющихъ душевную жизнь людей условіями ихъ физическаго существованія и окружающей ихъ среды, наслѣдственностью и т. д. „Современники Стендаля,—говоритъ Тэнъ въ предисловіи къ „Исторіи англійской литературы", не видѣли, что, прикрываясь внѣшностью блестящаго собесѣдника и свѣтскаго человѣка, онъ объяснялъ самые сложные психологическіе механизмы, наглядно показывалъ пружины, приводящія его въ движеніе; что онъ вносилъ въ исторію человѣческой души научные пріемы, искусство анализировать и дѣлать выводы;—его просто считали сухимъ и эксцентричнымъ". За Тэномъ—Флоберъ, Зола̀, Бурже (особенно послѣдній) стали называть себя учениками „великаго психолога" начала вѣка. Пророчество Стендаля, такимъ образомъ, сбылось,—къ 80-мъ годамъ имя его, покоривъ равнодушіе предъидущаго поколѣнія, сдѣлалось знаменитымъ, почти классическимъ. Несмотря на это, однако, книги его такъ же мало читаются, какъ и при жизни автора. Со словъ французскихъ „натуралистовъ", за нимъ установилась репутація скептическаго, эксцентричнаго и остроумнаго толкователя любви, но, за исключеніемъ прямыхъ послѣдователей и почитателей Стендаля, очень немногіе, задавались трудомъ прочесть съ начала до конца „Rouge et Noir", или „Chartreuse de Parme", или же своеобразный, полуфилософскій, полуанекдотическій трактатъ „De l'Amour", на которомъ главнымъ образомъ основана репутація Стендаля, какъ психолога-натуралиста.

Причина, по которой Стендаль сдѣлался знаменитымъ, но вмѣстѣ мало извѣстнымъ писателемъ, становится ясной, если ближе вглядѣться во все, что онъ писалъ: Стендаль прежде всего не художникъ, не писатель для публики. Обладая весьма небольшой дозой воображенія, онъ не умѣетъ воплощать свои идеи въ образы, и говоритъ не душѣ, а исключительно уму читателя. Онъ пришелъ къ роману черезъ критику, изложилъ сначала философски свою теорію любви, а затѣмъ только написалъ нѣсколько романовъ, чтобы показать—насколько его идеи примѣнимы къ анализу жизни. Въ статьяхъ же своихъ и книгахъ о музыкѣ, объ искусствѣ, объ Италіи, которыми Стендаль дебютировалъ („Lettres sur Haydn", „Histoire de la Peinture en Italie, Naples et Florence"), онъ совершенно не умѣетъ заинтересовать читателя. Весь поглощенный постройкой своей философской системы, исканіемъ истины, онъ, напротивъ, совершенно забываетъ о читателѣ, совершенно не заботится о томъ, чтобы придать закругленную, художественную форму своему произведенію. Ему важно лишь высказать вѣрную, по его мнѣнію, мысль, а формулировка ея, связь съ предметомъ изложенія для него совершенно второстепенны. Отсюда разбросанность мыслей въ его произведеніяхъ. Въ „Histoire de la peinture" Стендаль первый высказываетъ разработанную впослѣдствіи Тэномъ теорію о вліяніи климата и условій среды на талантъ художника; но развитіе этой важной истины теряется среди безчисленныхъ анекдотовъ изъ итальянскаго быта и описаній случайныхъ встрѣчъ автора. Тѣ же трудности, зависящія, главнымъ образомъ, отъ недостатковъ изложенія, представляетъ небольшая книжка „De l'Amour"—сводъ цѣлой сокровищницы психологическихъ наблюденій, философскихъ обобщеній и опять-таки всякихъ анекдотовъ изъ личной жизни автора и его пріятелей. Въ ней Стендаль излагаетъ дѣленіе любви на „amour-passion" и „amour-vanité", и развиваетъ свое ученіе о „кристаллизаціи", т.-е. объ идеализированіи любимаго человѣка, уподобленномъ имъ превращенію сухой вѣтки, брошенной въ соляной рудникъ, гдѣ покрывающія ее частички соли придаютъ ей видъ чуднаго алмазнаго украшенія. Тамъ же онъ ведетъ войну противъ характера французовъ и ихъ основныхъ недостатковъ: тщеславія и легкомыслія. Въ вопросѣ о любви онъ считаетъ ихъ способными только къ amour-vanité, въ то время какъ настоящая любовь amour-passion, по его мнѣнію, удѣлъ итальянцевъ съ ихъ непосредственностью и полнымъ отсутствіемъ лицемѣрія въ характерѣ. Эти мысли, оригинальныя и интересныя, дѣлаютъ книгу Стендаля о любви очень любопытной, тѣмъ болѣе, что авторъ входитъ въ тонкій анализъ каждой подмѣченной имъ стадіи развивающагося или умирающаго чувства любви. Но въ цѣломъ книга, съ ея безпрестан-

ными уклоненіями отъ главной темы, съ повтореніями одной и той же мысли въ различныхъ освѣщеніяхъ, производитъ впечатлѣніе скорѣе какихъ-то предварительныхъ набросковъ, чѣмъ законченнаго литературнаго произведенія. Что же касается двухъ главныхъ романовъ Стендаля, изъ которыхъ въ одномъ (Rouge et Noir) рисуется французская amour-vanité, а въ другомъ (Chartreuse de Parme)—итальянская amour-passion, то хотя въ нихъ нѣтъ той разбросанности мыслей, которая утомляетъ читателя въ теоретическихъ писаніяхъ Стендаля, но взамѣнъ этого является утомительное обиліе деталей и бѣдность дѣйствія. Занятый только тѣмъ, чтобы отмѣчать малѣйшіе оттѣнки душевныхъ настроеній своихъ героевъ, авторъ пренебрегаетъ всѣмъ остальнымъ и превращаетъ романы въ своего рода дневники, веденные въ третьемъ лицѣ.

Но всѣ эти недостатки, отталкивающіе отъ произведеній Стендаля массу читающей публики, придаютъ имъ особую прелесть въ глазахъ небольшого, но избраннаго круга читателей, тѣхъ „happy few", мнѣніемъ которыхъ Стендаль единственно дорожилъ. Онъ въ истинномъ смыслѣ слова писатель для писателей, преподавшій новое пониманіе задачъ романиста, создавшій новую манеру. Пусть его книги—дневники, гдѣ въ каждой строчкѣ сквозитъ міросозерцаніе самого автора, но авторъ—личность настолько психологически любопытная, мысли его настолько оригинальны, что отраженіе его душевной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ лишь увеличиваетъ интересъ къ его произведеніямъ. Герои его не выдуманы; страсти и чувства, которыя онъ описываетъ, онъ подглядѣлъ въ самомъ себѣ, но вмѣсто того, чтобы воспѣвать свои страданія, рисоваться своими минутными разочарованіями, или скрывать ихъ подъ искусственной маской равнодушія, какъ это было въ модѣ въ эпоху Стендаля, онъ съ спокойнымъ видомъ натуралиста въ своей лабораторіи расчленяетъ, классифицируетъ и формулируетъ то, что̀ волнуетъ его въ самые тяжелые моменты его бурной жизни. Искренность, правдивость—единственные стимулы его анализа; sine ira et studio пишетъ онъ исторію своей собственной души. Julien Sorel, герой „Rouge et Noir", съ его жаждой преуспѣть, завоевать себѣ положеніе въ свѣтѣ, съ рѣшеніемъ воспользоваться своимъ умственнымъ превосходствомъ для того, чтобы эксплуатировать близорукость другихъ въ свою пользу — это самъ Генри Бейль, создавшій себѣ карьеру умѣніемъ читать въ сердцахъ людей и противоставлять тонкую дипломатическую систему лицемѣрію окружавшихъ его людей. Осторожная тактика Julien'а въ любовныхъ интригахъ— та же, которой руководился самъ авторъ въ своихъ безчисленныхъ галантныхъ похожденіяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ герой „Chartreuse de Parme", Fabrice,—тотъ же Генри Бейль, но Бейль молодой, увлекаю-

щійся Наполеономъ и военной славой и способный на настоящую amour-passion, каковую авторъ переживалъ два раза въ жизни: къ измѣнившей ему Матильдѣ, его миланской пріятельницѣ, и къ красавицѣ m-me C., о которой онъ съ умиленіемъ говорилъ до самой смерти.

Понятно, насколько цѣнными для пониманія такого субъективнаго писателя являются автобіографическіе матеріалы, самый лучшій комментарій ко всему неясному въ его произведеніяхъ. Высказанная вскользь парадоксальная мысль, горькое замѣчаніе обще-человѣческаго характера,—нерѣдко у нервнаго впечатлительнаго Стендаля—отраженіе минутной неудачи, грустнаго настроенія... Читая его дневникъ, ясно можно видѣть постепенный ростъ холоднаго скептицизма въ душѣ Стендаля, переходъ отъ восторженности первой молодости къ рѣзкимъ, холоднымъ сужденіямъ о людяхъ, къ добытой личнымъ опытомъ философіи жизни. Очень интересна въ этомъ отношеніи недавно вышедшая 3-я серія автобіографическихъ набросковъ Стендаля, изданная C. Stryienski въ дополненіе къ вышедшимъ уже „Journal de Stendhal" и „Vie de Henri Brulard". Этотъ томъ, носящій заглавіе „Souvenirs d'Egotisme", написанъ Стендалемъ въ началѣ 30-хъ годовъ и охватываетъ воспоминанія за годы отъ 1821—30, т.-е. то время, когда авторъ, изгнанный изъ Милана и всецѣло поглощенный своей несчастной любовью къ Матильдѣ, поселился въ Парижѣ, искалъ развлеченія въ свѣтской жизни и, какъ онъ самъ выражается, „se mit à avoir de l'esprit", чтобы скрыть отъ другихъ свою любовную неудачу. Основной чертой его душевной жизни за этотъ періодъ времени, судя по „Souvenirs d'Egotisme", была тоска, не „титаническая" тоска Байроновскаго пошиба, ведущая къ громкимъ подвигамъ и къ еще болѣе громкимъ словамъ, а тоска скептика, холодная, безотрадная, парализующая всякую дѣятельность, находящая себѣ утѣшеніе лишь въ постоянныхъ мысляхъ о смерти.

„Въ 1821 г.,—говоритъ Стендаль, — я съ трудомъ могъ устоять противъ желанія пустить себѣ пулю въ лобъ. Мнѣ кажется, что только любопытство къ политическимъ событіямъ помѣшало мнѣ покончить съ собой; быть можетъ, безсознательно къ этому примѣшивался страхъ физической боли". Чтобы избавиться отъ чувства тоски, Стендаль бросается въ водоворотъ общественной жизни. „Удовольствіе не чувствовать на мигъ душевныхъ мукъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нежеланіе разсѣяться отъ нихъ управляло всѣми моими поступками", пишетъ онъ. Но сквозь разсказы о легкомысленномъ образѣ жизни, которую онъ велъ, сквозь блестящія описанія салоновъ, прославленіе французскаго культа causerie, однимъ изъ самыхъ блестящихъ служителей котораго былъ самъ авторъ, чувствуется, что жизнь на лю-

дяхъ, наблюденія за проявленіями мелкихъ человѣческихъ страстей, далеко не успокаивали больной души Стендаля, а напротивъ, усиливали его скептическое настроеніе. Онъ жаждалъ одиночества: „я бы хотѣлъ превратиться въ долговязаго бѣлокураго нѣмца,—мечтаетъ онъ,—и ходить по Парижу никѣмъ не узнанный... Я хотѣлъ бы носить маску, перемѣнить свое имя". „Нѣжная мечтательность въ 1821 г., а позже меланхолическая, философская грусть, — пишетъ Стендаль въ другомъ мѣстѣ, — сдѣлались для меня такимъ удовольствіемъ, что, встрѣчая знакомаго, я бы Богъ знаетъ что далъ, чтобы онъ со мной не заговорилъ". Единственная отрада Стендаля въ этотъ періодъ жизни—искренній самоанализъ, безъ всякаго оттѣнка фатовства и позированія. „Хватитъ ли у меня мужества,—спрашиваетъ онъ самого себя,—разсказывать унизительныя про себя вещи безъ длинныхъ оправдательныхъ предисловій? Надѣюсь, что хватитъ". И въ самомъ дѣлѣ, разсказывая эти унизительныя вещи, т.-е. свои любовныя неудачи, свои свѣтскія интриги и т. д., Стендаль совершенно простъ и откровененъ.

То же настроеніе тоски и скептицизма господствуетъ и въ приложенныхъ къ „Souvenirs d'Egotisme" письмахъ Стендаля къ его любимой сестрѣ Паулинѣ, къ Эдуарду Мунье и др. Это—то настроеніе, которое, начавшись еще въ Миланѣ, породило книгу „De l'Amour" и отразилось на самыхъ мрачныхъ страницахъ „Rouge et Noir", гдѣ Julien Sorel приходитъ къ своимъ человѣконенавистническимъ заключеніямъ и къ своему ученію лицемѣрія и обмана. Отмѣченное въ дневникѣ Стендаля въ своемъ постепенномъ ростѣ au jour le jour, оно представляетъ въ высшей степени интересный и поучительный document humain.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что „Souvenirs d'Egotisme", помимо своего психологическаго интереса, представляютъ не мало любопытнаго въ историческомъ отношеніи: описаніе салоновъ времени реставраціи, общества собиравшагося у Destut de Tracy, извѣстнаго автора „Идеологіи", у m-me Cabanis, портреты замѣчательныхъ личностей той эпохи, генерала Лафайета и др.—дѣлаютъ изъ дневника Стендаля цѣнный вкладъ въ литературу интимной исторіи французскаго общества 20-хъ годовъ нашего вѣка.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1893 г.

Дѣло проф. Іегера и вызванные имъ толки.—Иностранцы и „судебные скорпіоны".—Прекратившіяся юридическія изданія.—А. Е. Тимашевъ и Ад. Ант. Арцимовичъ †. — Post-scriptum.

Процессы, какъ и книги, имѣютъ „свою судьбу". Незамѣченными или едва замѣченными проходятъ иногда дѣла, въ высокой степени поучительныя или характерныя въ бытовомъ отношеніи; много шуму, наоборотъ, возбуждаютъ другія,—менѣе важныя. Къ послѣдней категоріи принадлежитъ, между прочимъ, дѣло по обвиненію редактора газеты „Врачъ", В. А. Манасеина, въ оскорбленіи штутгартскаго профессора Іегера—до сихъ поръ, черезъ два мѣсяца послѣ слушанія его въ сенатѣ, не перестающее быть предметомъ толковъ не только въ спеціально-юридической, но и въ общей прессѣ. Судебный слѣдователь, получивъ жалобу повѣреннаго проф. Іегера, нашелъ, что она не составляетъ законнаго повода къ начатію дѣла и возвратилъ ее жалобщику. Распоряженіе это было утверждено окружнымъ судомъ и судебной палатой; но уголовный кассаціонный департаментъ прав. сената, выслушавъ заключеніе оберъ-прокурора А. Ѳ. Кони, отмѣнилъ опредѣленіе палаты и предписалъ дать дѣлу дальнѣйшій ходъ. Въ рѣшеніи сената „Новости" усмотрѣли „предоставленіе иностранцамъ *судебныхъ скорпіоновъ*". Русскіе редакторы и авторы, по мнѣнію этой газеты, не обязаны отвѣчать передъ иностранцемъ, не живущимъ въ Россіи, за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ нашимъ уголовнымъ закономъ или спеціальными конвенціями съ иностранными государствами. Спеціально-юридическіе органы обратили особое вниманіе на формальную сторону дѣла: одинъ изъ нихъ утверждалъ, что сенатъ вовсе не въ правѣ отмѣнять *частныя опредѣленія* судебной палаты; другой—что нельзя было давать ходъ жалобѣ, поданной не лично, а черезъ посредство повѣреннаго. Обсужденіе этихъ вопросовъ съ чисто-юридической точки зрѣнія не представляло бы интереса для нашихъ читателей; замѣтимъ только, что способъ разрѣшенія ихъ, принятый сенатомъ, несомнѣнно соотвѣтствуетъ житейской правдѣ. Безусловно изъять изъ вѣденія сената *всѣ* частныя опредѣленія—значило бы лишить его возможности исправлять существенно важныя, непоправимыя инымъ путемъ ошибки—а это, въ свою очередь, сплошь и рядомъ было бы равносильно отказу въ правосудіи. Закрытіе

для цѣлой категоріи дѣлъ доступа къ судебному разбирательству, ускользающему отъ повѣрки кассаціонной инстанціи—это такое вопіющее противорѣчіе, съ которымъ не могутъ примирить никакія діалектическія тонкости. Допустимъ, что расширеніе компетенціи сената не согласно съ *буквою* закона; но оно оправдывается внутреннимъ смысломъ судебныхъ уставовъ, явнымъ извращеніемъ котораго было бы обреченіе верховнаго суда на роль безмолвнаго свидѣтеля систематическихъ правонарушеній. Вполнѣ понятно, поэтому, что сенатъ, вслѣдъ за введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, нашелъ возможнымъ входить въ разсмотрѣніе частныхъ опредѣленій, имѣющихъ *окончательный характеръ*, и остался вѣрнымъ такой практикѣ и при разсмотрѣніи дѣла проф. Іегера. Столь же безспорнымъ, если отрѣшиться отъ узко-формальныхъ соображеній, представляется и вопросъ о личной явкѣ жалующагося. Въ заключеніи оберъ-прокурора какъ нельзя лучше выставлены на видъ неудобства, съ которыми было бы сопряжено требованіе личной явки и личнаго,—не черезъ посредство повѣреннаго,—веденія дѣла со стороны обвинителя. Потерпѣвшій, по справедливому замѣчанію А. Ѳ. Кони, „можетъ жить очень далеко отъ мѣста совершенія преступленія [1]); его матеріальное, его служебное положеніе можетъ лишать его возможности прибыть въ мѣсто производства слѣдствія; чуткій къ вопросамъ о своей чести и добромъ имени, онъ можетъ не имѣть надлежащихъ спеціальныхъ знаній, какія необходимы для успѣшнаго обличенія обвиняемаго". Подача и поддержка жалобы черезъ повѣреннаго не представляетъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, рѣшительно ничего несправедливаго или ненормальнаго, тѣмъ болѣе, что по дѣламъ менѣе важнымъ (а сюда относятся почти всѣ дѣла, производимыя въ порядкѣ частнаго обвиненія) личная явка въ судъ не обязательна, по закону, и для самихъ обвиняемыхъ.

Переходимъ къ главному вопросу—о правѣ иностранцевъ являться передъ русскимъ судомъ, обвинителями русскихъ подданныхъ. И здѣсь насъ интересуетъ не столько формальная правильность, сколько справедливость и практическая цѣлесообразность сенатскаго рѣшенія. Судебный слѣдователь и согласившіяся съ нимъ судебныя мѣста, признавая жалобу проф. Іегера неподлежащею разсмотрѣнію, исходили, между прочимъ, изъ такихъ соображеній: „законы создаются для удовлетворенія потребностей страны; преступленіемъ называется нарушеніе закона, установленнаго для огражденія безопасности и благосостоянія гражданъ въ предѣлахъ даннаго государства; поэтому Іегеръ, какъ

---

[1]) Припомнимъ, что дѣла о проступкахъ печати возникаютъ, бóльшею частью, въ Петербургѣ и Москвѣ, по мѣсту изданія главныхъ газетъ.

живущій внѣ Россіи, не можетъ пользоваться охраною россійскихъ законовъ въ той мѣрѣ, какъ живущіе въ Россіи, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой являются отвѣтственными иностранцы, по ст. 172 улож. о наказ., за преступленія, совершонныя ими за границей противъ русскихъ подданныхъ". Ссылка на ст. 172 побѣдоносно отклонена, въ заключеніи оберъ-прокурора, указаніемъ на ст. 174, по которой русскій подданный, совершившій за границей преступленіе противъ правъ иностранца и затѣмъ возвратившійся въ Россію, судится, въ случаѣ предъявленія къ нему обвиненія, русскимъ судомъ. Совершеніе проступка во время пребыванія за границей—обстоятельство, очевидно, чисто случайное; *гдѣ* нарушены права иностранца—это все равно, разъ что такое нарушеніе признается возможнымъ поводомъ къ уголовной отвѣтственности. „Развѣ честь и доброе имя,—восклицаетъ А. Ѳ. Кони,—имѣютъ территоріальный характеръ и за пограничною заставою утрачиваютъ для человѣка свой смыслъ и значеніе? Развѣ иностранецъ имѣетъ право на защиту противъ клеветы лишь до Вержболова или Волочиска, а въ Эйдкуненѣ или Подволочискѣ становится уже беззащитнымъ?.. Законы пишутся не только для удовлетворенія потребностей страны; многіе изъ нихъ имѣютъ цѣлью общія потребности человѣка, вытекающія изъ присущихъ его духу свойствъ и изъ тѣхъ предписаній, которыя, среди грома и молній, даны на Синаѣ и безъ которыхъ немыслимо человѣческое общежитіе".

Вопросъ поставленъ здѣсь именно на ту высоту, съ которой открывается несостоятельность теоріи: chacun chez soi, chacun pour soi, примѣненной къ области международныхъ отношеній. Замѣчательно, что это чувствуютъ сами противники сенатскаго рѣшенія. Юридическія положенія, вызвавшія непринятіе жалобы проф. Іегера низшими судебными инстанціями, признаются, въ статьѣ „Новостей", „довольно рискованными и мало согласными съ дѣйствительными интересами народовъ и идеальными стремленіями" — но въ то же самое время, по странному противорѣчію, они провозглашаются болѣе близкими къ *внутренней правдѣ*, чѣмъ „строго выдержанное" рѣшеніе кассаціоннаго суда. Что это за „внутренняя правда", несовмѣстная съ „дѣйствительными интересами народовъ и съ идеальными стремленіями" —понять довольно трудно; несомнѣнно только одно—что она невысокаго качества, и что содержаніе ея вовсе не соотвѣтствуетъ ея громкому имени. И въ самомъ дѣлѣ, изъ дальнѣйшей аргументаціи газеты видно, что защищаемая ею „внутренняя правда" — не что иное, какъ односторонне и узко понятый интересъ русской печати. Кассаціонное рѣшеніе по дѣлу проф. Іегера осуждается потому, что оно „возвѣщаетъ новый наплывъ обидчивости и сутяжества на русскую печать, которая и безъ того не знаетъ, какъ отдѣлаться отъ судимости по волѣ и усмо-

тренію туземцевъ". Отклоняя жалобу Iегера, судебный следователь и судьи стремились, „более или менее сознательно", къ предупрежденію новаго вида ябеды—и это стремленіе вполне одобряется газетой. Ему придается, вдобавокъ, патріотическая окраска. Русской печати, по мненію „Новостей", „приходится вдаваться въ область явленій иностранной жизни для огражденія интересовъ и достоинства русскаго государства отъ всякихъ интригъ, подвоховъ и клеветъ". Германскія власти и германскіе суды не обуздываютъ „травли", которой подвергается Россія со стороны немецкой печати. „При такихъ неравноправныхъ и неравномерныхъ условіяхъ было бы черезъ-чуръ великодушно подвергать русскую журналистику карательному воздействію судовъ по требованіямъ обидчивыхъ германскихъ ученыхъ, въ роде Iегера".

Въ этой аргументаціи все кажется намъ одинаково ошибочнымъ. Закрывать доступъ къ суду, чтобы предупредить ябеду,—значило бы поступать по известной немецкой поговорке: das Kind mit dem Bade ausschütteln. Ябеда въ среде судебныхъ процессовъ—это плевелы въ среде пшеницы. Мешать возникновенію процессовъ, чтобы между ними не попалось ябедническихъ—это все равно, что сжигать пшеницу вместе съ плевелами. Благоразумный хозяинъ поступаетъ иначе: онъ отделяетъ плевелы отъ пшеницы. Такъ же точно долженъ действовать и судъ; но для того, чтобы отличить ябедническую жалобу отъ основательной, онъ долженъ, очевидно, обсудить ихъ *по существу*. Допустимъ, что жалоба Iегера представляется вся одной сплошною кляузой; но ведь вследъ за нею, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, могла быть подана другая, въ высшей степени правильная—а въ виду определенія палаты по делу Iегера (еслибы оно осталось неотмененнымъ), ее пришлось бы оставить безъ разсмотренія. Нельзя же держать въ запасе два противоположныя толкованія закона и пускать въ ходъ то одно, то другое, смотря по большей или меньшей симпатичности жалобы. Въ постановленіяхъ судебнаго следователя, окружного суда и судебной палаты мы видимъ отнюдь не „более или менее сознательное стремленіе" отклонить, во что бы то ни стало, жалобу Iегера, а просто известное пониманіе закона, не соответствующее настоящему его смыслу, но вполне искреннее и добросовестное. Кто предполагаетъ со стороны судей какой-то „иной умыселъ", хотя бы и самый благонамеренный, тотъ оказываетъ имъ весьма плохую услугу... Чтобы раскрыть еще яснее значеніе ошибки, въ которую впали низшія судебныя инстанціи по делу Iегера, забудемъ, на минуту, что Iегеръ жаловался на *оскорбленіе*, и что обвиняемымъ являлся столь уважаемый всеми научный и общественный

дѣятель, какъ В. А. Манасеинъ [1]); представимъ себѣ, что предметомъ жалобы была бы *клевета*, а обвиняемымъ—редакторъ какого-нибудь листка, неразборчиваго въ своихъ отзывахъ и сообщеніяхъ. Многіе ли рѣшились бы тогда одобрить déni de justice, данный русскимъ судомъ? А между тѣмъ юридической разницы между обидой и клеветой, съ занимающей насъ точки зрѣнія, нѣтъ вовсе: всѣ соображенія, послужившія, съ формальной стороны, къ отклоненію жалобы Іегера, сохранили бы полную силу и для обвиненія въ клеветѣ. Или, быть можетъ, клевета, взведенная русскимъ журналомъ или газетой на иностранца, не живущаго въ Россіи, безразлична и безвредна для послѣдняго? Конечно — нѣтъ. Она можетъ опорочить его доброе имя, если рѣчь идетъ, напримѣръ, о фактахъ, совершившихся въ Россіи и только въ Россіи подлежащихъ повѣркѣ; она можетъ причинить ему нравственный и даже матеріальный ущербъ, если, напримѣръ, онъ намѣревался пріѣхать въ Россію, завязать здѣсь какія-нибудь сношенія, устроить какое-нибудь предпріятіе. Если оклеветаніе иностранца соединяетъ въ себѣ, такимъ образомъ всѣ признаки преступленія, то оно, очевидно, должно быть наказуемо—а для того, чтобы оно могло быть наказуемымъ, необходимо держаться тѣхъ принциповъ, которые установлены сенатомъ по дѣлу Іегера.

Положеніе русской печати мы всегда признавали и продолжаемъ признавать весьма тяжелымъ; но „обидчивостью и сутяжествомъ" частныхъ лицъ обусловливается только весьма малая доля этой тяжести. Обвиненія въ диффамаціи, клеветѣ или оскорбленіи путемъ печати возникаютъ сравнительно рѣдко и еще рѣже оканчиваются осужденіемъ обвиняемыхъ. Судъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, готовъ принять сторону газеты, лишь бы только не было сомнѣнія въ томъ, что она дѣйствовала bona fide, подъ вліяніемъ честныхъ побужденій. Когда полному оправданію препятствуютъ стѣснительныя для обвиняемыхъ требованія закона (напр. въ дѣлахъ о диффамаціи), судъ всегда старается довести наказаніе до минимума, едва чувствительнаго (нѣсколько рублей штрафа). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ редакторы и авторы, привлеченные къ суду хотя бы по явно неосновательному обвиненію, должны были лично являться въ судъ, и эта обязанность была для нихъ, безспорно, обременительна и непріятна; но теперь она болѣе не существуетъ. Ничто не мѣшаетъ обвиняемому прислать за себя повѣреннаго, пріисканіе котораго, въ большихъ центрахъ, никакого затрудненія не представляетъ. По дѣламъ объ обидѣ или клеветѣ, возбужденнымъ иностранцами, обвинительные приговоры бу-

[1]) Наше личное отношеніе къ В. А. Манасеину мы имѣли случай выразить еще недавно, говоря объ оставленіи имъ каѳедры въ военно-медицинской академіи (см. Обществ. Хронику въ № 1 „В. Е". за 1892 г.).

дутъ встрѣчаться, безъ сомнѣнія, еще рѣже, чѣмъ по другимъ дѣламъ того же рода—не потому, конечно, чтобы судъ сталъ потворствовать русскимъ подданнымъ въ ущербъ иностраннымъ, а потому, что послѣднимъ труднѣе будетъ доказать наличность всѣхъ условій, входящихъ въ составъ преступленія. „Судебные скорпіоны“ уязвятъ русскаго изъ-за иностранца только тогда, когда виновность перваго будетъ совершенно очевидна. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что жалобщиками явятся именно тѣ нѣмецкіе журналисты, спеціальность которыхъ—враждебныя выходки противъ Россіи, и что поводомъ къ жалобамъ будутъ служить именно статьи, написанныя въ опроверженіе этихъ выходокъ. Такая полемика рѣдко переносится *частными лицами* въ судебную область; но еслибы, паче чаянія, что-нибудь подобное и случилось, то судъ съумѣлъ бы принять въ разсчетъ взаимность оскорбленій. Вымещать вину однихъ на другихъ, отстаивать, въ виду прегрѣшеній германскихъ *публицистовъ*, безнаказанность обидъ, наносимыхъ германскимъ *ученымъ* (или хотя бы псевдо-ученымъ)—значитъ идти въ разрѣзъ съ самыми элементарными требованіями справедливости. Понятно, что на такую точку зрѣнія не могъ и не хотѣлъ стать верховный судъ, высшій охранитель законности и закона. Рѣшеніе по дѣлу Іегера, не имѣя большого практическаго значенія, цѣнно какъ напоминаніе объ истинахъ, все чаще и чаще забываемыхъ въ наше время, объ идеалахъ правосудія, не имѣющихъ ничего общаго съ узкимъ націонализмомъ.

„Судебные скорпіоны“—выраженіе, пущенное въ ходъ Салтыковымъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Обстоятельства были тогда совершенно другія, чѣмъ теперь. Русская печать, въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ вздохнувъ до извѣстной степени свободно, ожидала коренной перемѣны въ условіяхъ своего существованія. Она имѣла основаніе надѣяться, что отвѣтственность ея передъ административною властью уступитъ мѣсто отвѣтственности передъ судомъ, болѣе тяжкой, быть можетъ, для отдѣльныхъ лицъ, но несравненно болѣе льготной для всей печати. Въ это именно время Салтыковъ выразилъ желаніе знать, какого рода *скорпіонами* будетъ вооруженъ судъ по отношенію къ печати. „Отъ суда мы не прочь, — говорилъ онъ, — но только нельзя ли постараться, чтобы оный вмѣстить было можно?“ Условіями такой „вмѣстимости“ онъ выставилъ слѣдующія три „иллюзіи“: 1) „чтобы процедура преданія суду сопровождалась не сверхъестественнымъ, а обыкновеннымъ порядкомъ; 2) чтобы суды были тоже не сверхъестественные, а обыкновенные, такіе же, какъ для татей, и 3) чтобы кутузки ни подъ какимъ видомъ по дѣламъ книгопечатанія не полагалось“. Какъ ни симпатичны эти *иллюзіи*, онѣ, очевидно, были неосуществимы, и Салтыкову указыва-

лось уже тогда, что лучше „кутузка" для литераторовъ, чѣмъ „кутузка" для литературы. Истекшія съ тѣхъ поръ десять лѣтъ принесли съ собой много, слишкомъ много доказательствъ этого тезиса. Меньше, чѣмъ когда-либо, печать можетъ относиться иронически къ „судебнымъ скорпіонамъ". Предоставленіе имъ, и имъ однимъ, власти надъ печатью было бы для нея громаднымъ шагомъ впередъ, признаніемъ совершеннолѣтія, на самомъ дѣлѣ уже давно ею достигнутаго.

Русская печать лишилась недавно одного изъ самыхъ полезныхъ своихъ органовъ—„Юридическаго Вѣстника", издававшагося въ Москвѣ почти четверть вѣка (въ томъ числѣ четырнадцать лѣтъ подъ редакціей С. А. Муромцева). Не замыкаясь въ тѣсныя рамки практической юриспруденціи, онъ служилъ наукѣ права въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ она представлена на юридическихъ факультетахъ, т.-е. наукѣ о государствѣ и обществѣ. Статьямъ по гражданскому и уголовному праву отводилось въ немъ не больше мѣста, чѣмъ статьямъ по политической экономіи и статистикѣ, по государственному и международному праву, по исторіи юридическихъ институтовъ и отношеній. Строго научный характеръ журнала не исключалъ вниманія къ требованіямъ текущей жизни, къ интересамъ народной массы. Съ этой точки зрѣнія, какъ и со многихъ другихъ, „Юридическій Вѣстникъ" стоялъ внѣ всякаго сравненія съ „Журналомъ гражданскаго и уголовнаго права" и съ „Юридическою Лѣтописью", прекратившеюся въ одно время съ „Юридическимъ Вѣстникомъ", но по совершенно другимъ причинамъ. Широкимъ распространеніемъ „Юридическій Вѣстникъ", какъ и другія спеціальныя наши изданія, не пользовался, но самая продолжительность его существованія свидѣтельствуетъ о томъ, что у него была своя публика, цѣнившая его по заслугамъ. Для нея, да и для всѣхъ тѣхъ, кто интересуется общественными науками, коллекція „Юридическаго Вѣстника" за прежніе годы надолго сохранитъ свое воспитательное значеніе. Еще важнѣе она будетъ для тѣхъ, кто захочетъ изучить умственныя теченія двухъ послѣднихъ десятилѣтій.

Въ одномъ изъ газетныхъ некрологовъ скончавшагося на дняхъ А. Е. Тимашева, бывшаго съ 1868 по 1878 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, мы нашли слѣдующую характеристику покойнаго, заимствованную изъ книги, которую признавали мало почтенной и мало авторитетной („Наши государственные и общественные дѣятели"): „Печати никогда не было такъ тяжело, какъ при Тимашевѣ; при немъ къ предо-

стереженіямъ прибавились запрещенія розничной продажи, пріостановка изданій, исключеніе изъ предметовъ обсужденія печатью нѣкоторыхъ вопросовъ и проч. Земство было стѣснено, ходатайствамъ его не давалось хода, и земскія учрежденія, недавно превозносимыя, какъ бы только терпѣлись. Циркуляры и такъ называемыя *разъясненія* къ реформамъ были въ большомъ ходу и продолжали измѣнять вещество реформъ". Факты, сами по себѣ достовѣрные, представлены здѣсь, однако, въ совершенно невѣрномъ освѣщеніи. Безспорно, печати въ министерство А. Е. Тимашева жилось не легко, арсеналъ административныхъ каръ обогатился при немъ весьма существенно; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы положеніе печати *никогда* не было столь тяжелымъ. Тогда еще не существовало временныхъ правилъ 1882 г.; порядокъ превращенія періодическихъ изданій представлялъ, сравнительно, гораздо больше гарантій для печати; безцензурныя изданія ни въ какомъ случаѣ не подлежали превращенію въ цензурныя. Совершенно запрещено было при А. Е. Тимашевѣ, если не измѣняетъ намъ память, только одно крупное періодическое изданіе—„Москва" И. С. Аксакова, но гибель ея была, въ сущности, предрѣшена предшественникомъ А. Е. Тимашева, П. А. Валуевымъ. Журналы и газеты самыхъ различныхъ направленій—кромѣ славянофильскаго, страдавшаго отъ какихъ-то непонятныхъ недоразумѣній—выходили при А. Е. Тимашевѣ если и не безъ затрудненій, то по крайней мѣрѣ безъ непреодолимыхъ препятствій: „Дѣло"—рядомъ съ „Молвой"; „Отечественныя Записки"—рядомъ съ „Голосомъ". Иниціатива многихъ стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ печати принадлежала не министерству внутреннихъ дѣлъ; такъ, напримѣръ, въ дѣлѣ изъятія „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" изъ рукъ В. Ѳ. Корша главную роль играло министерство народнаго просвѣщенія. Аналогичную оговорку мы должны сдѣлать и къ тому, что сказано, въ вышеприведенной цитатѣ, о земствѣ. Положимъ, что оно только „терпѣлось"—но терпѣлось почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было создано Положеніемъ 1864 г. Существенному ограниченію свобода дѣйствій земства подверглась не при А. Е. Тимашевѣ, а еще при П. А. Валуевѣ (законы 1866 и 1867 г.); временное закрытіе земскихъ учрежденій, допущенное при П. А. Валуевѣ по отношенію къ с.-петербургской губерніи (1867), при А. Е. Тимашевѣ не повторялось. Что касается до системы *разъясненій*, становящихся на мѣсто закона, то и она не при А. Е. Тимашевѣ достигла своего апогея. Если припомнить вдобавокъ, что при А. Е. Тимашевѣ издано было Городовое Положеніе 1870 г. и произведено, въ 1874 г., преобразованіе крестьянскихъ учрежденій, во многомъ неудовлетворительное, но ни въ чемъ не шедшее въ разрѣзъ съ духомъ и смысломъ Положеній 19-го

февраля,—то нельзя будетъ не признать, что дѣятельность А. Е. Тимашева, разсматриваемая въ связи съ предшествовавшимъ и послѣдовавшимъ, представляетъ не мало сторонъ сравнительно симпатичныхъ.

Имя скончавшагося почти одновременно съ А. Е. Тимашевымъ, въ Одессѣ, Адама Антоновича Арцимовича было, въ послѣднее время, мало извѣстно новымъ поколѣніямъ, потому что онъ уже давно (въ 1866 г.) сошелъ съ общественнаго поприща; но оно останется связаннымъ съ лучшей эпохой нашей государственной жизни. Во время освобожденія крестьянъ А. А. былъ самарскимъ губернаторомъ и дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, какъ и его старшій братъ, Викторъ Антоновичъ, бывшій тогда же губернаторомъ въ Калугѣ [1]). Нѣсколько позже А. А. былъ назначенъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа и явился тамъ достойнымъ продолжателемъ дѣла, начатаго Н. И. Пироговымъ. При немъ было подготовлено и совершено открытіе новороссійскаго университета. Въ административныхъ сферахъ, какъ и въ литературныхъ, были и есть свои „люди сороковыхъ годовъ“; къ быстро уменьшающемуся ихъ числу принадлежалъ и А. А. Арцимовичъ.

Post-scriptum.—Въ статьѣ, посвященной, между прочимъ, богородицкому уѣзду тульской губерніи (см. выше, стр. 829: „Въ неурожайныхъ мѣстностяхъ“), упоминается, мимоходомъ, о крайне тяжеломъ положеніи другихъ юго-восточныхъ уѣздовъ той же губерніи—епифанскаго, ефремовскаго, чернскаго, новосильскаго. Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ этого печальнаго факта можетъ служить письмо госпожи Бобрищевой-Пушкиной, появившееся недавно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 20). Мѣстность, къ которой относится это письмо, находится, повидимому, въ новосильскомъ уѣздѣ, на границѣ съ ефремовскимъ [2]). Нужда была здѣсь велика и въ прошломъ году, но тогда были средства для борьбы съ нею: госпожа Бобрищева-Пушкина получила всего 7.119 рублей, 9 вагоновъ хлѣба и 6 вагоновъ дровъ, и это позволило ей открыть 34 безплатныхъ столовыхъ, поддержать кормомъ 500 крестьянскихъ лошадей, раздавать

[1]) Здоровье вынудило В. А. Арцимовича отказаться, съ нынѣшняго года, отъ предсѣдательствованія въ первомъ департаментѣ сената. Какъ тяжело и трудно замѣнима эта потеря для сената—объ этомъ можно судить по сказанному нами полтора года тому назадъ, когда исполнилось пятидесятилѣтіе службы В. А. Арцимовича (см. Внутр. Обозр. въ „В. Е.“ 1891 г., № 7).

[2]) Мѣстожительство госпожи Бобрищевой-Пушкиной — орловско-грязская жел. дорога, станція Хомутово.

бѣднѣйшимъ дѣтямъ крупу и пшено, снабжать больныхъ улучшенною пищей и т. п. Кое-какую помощь госпожа Бобрищева-Пушкина продолжала, изъ имѣвшихся у нея остатковъ и вновь поступившихъ небольшихъ пожертвованій, оказывать населенію и осенью, постепенно уменьшая ея размѣры. „Въ настоящее время,—говорится въ письмѣ,—всѣ мои запасы истощились, а между тѣмъ никогда еще нужда не была такъ велика, какъ въ нынѣшнюю суровую зиму, при повторившемся второй годъ полномъ неурожаѣ: нѣтъ ни хлѣба, ни топлива, ни корма. Ссуда еще не выдается; Красный Крестъ не открывалъ своихъ дѣйствій. Сотни людей побираются въ плохой, ветхой одеждѣ, при жестокихъ морозахъ и метеляхъ. Множество несчастныхъ обращаются ко мнѣ за помощью, а я не имѣю болѣе никакихъ средствъ, чтобъ помогать имъ“. Не можетъ быть, чтобы такое письмо прошло безслѣдно. Къ несчастію, далеко не вездѣ есть люди, не только поддерживающіе нуждающихся своими собственными средствами, но и умѣющіе организовать помощь, расширить ея источники, увеличить, сообразно съ этимъ, ея размѣры. Дѣло можетъ пойти на ладъ только тогда, когда въ каждомъ небольшомъ районѣ неурожайной полосы будутъ дѣйствовать добровольцы въ родѣ г-жи Бобрищевой-Пушкиной или, по меньшей мѣрѣ, въ каждомъ уѣздѣ—организаторы помощи въ родѣ гр. Бобринскаго [1]). Намъ кажется, что если равнодушіе общества — равнодушіе, конечно, далеко не абсолютное, но все-таки рѣзко бросающееся въ глаза при сравненіи нынѣшняго года съ минувшимъ,—парализуетъ, до извѣстной степени, энергію мѣстныхъ дѣятелей и уменьшаетъ число обращеній къ общественной помощи, то недостаткомъ такихъ обращеній поддерживается, въ свою очередь, равнодушіе общества. Этотъ волшебный кругъ можетъ быть разорванъ только давленіемъ извнѣ, т.-е. настойчивыми, съ мѣста идущими напоминаніями о потребностяхъ народа. Каждому изъ насъ случалось, вѣроятно, слышать разсужденія такого рода: частная помощь голодающимъ—это жалкій палліативъ, ни къ чему, въ сущности, не приводящій; мечтать объ облегченіи, этимъ путемъ, народной нужды—все равно что пытаться осушить океанъ, черпая изъ него воду; все дѣло—въ общихъ государственныхъ мѣрахъ, которыя однѣ только могутъ поднять благосостояніе народа и предупредить повтореніе пережитыхъ и переживаемыхъ имъ бѣдствій, и т. п. Мы признаемъ вполнѣ необходимость такихъ мѣръ—но вѣдь онѣ, въ лучшемъ случаѣ, могутъ осуществиться лишь черезъ нѣсколько мѣся-

[1]) Какъ много можетъ сдѣлать хорошо устроенная частная помощь—объ этомъ, помимо фактовъ, уже извѣстныхъ нашимъ читателямъ, даетъ наглядное понятіе глубоко-интересная статья А. И. Эртеля, напечатанная въ послѣдней (январьской) книжкѣ „Русской Мысли“.

цевъ, или черезъ нѣсколько лѣтъ, а ихъ плоды сдѣлаются замѣтными еще позже. Для населенія, которому едва хватаетъ хлѣба, которому нечѣмъ топить дома и содержать послѣднюю лошадь, которому грозятъ повальныя болѣзни, недостаточно одной надежды на болѣе счастливую будущность. Оно получаетъ помощь отъ государства, но размѣры и формы этой помощи таковы, что привести къ желанной цѣли она можетъ только при дружномъ содѣйствіи общества и частныхъ лицъ—содѣйствіи неотложномъ, потому что девизъ настоящей минуты: periculum in mora!

Наша хроника была уже сдана въ печать, когда мы узнали о смерти столь извѣстнаго сельскаго хозяина А. Н. Энгельгардта. Значеніе этой потери для русской науки и русскаго общества нельзя выразить въ нѣсколькихъ словахъ; мы возвратимся къ почтенной памяти покойнаго въ другой книжкѣ журнала.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Россійскаго Общества Краснаго Креста.

При открытіи V-ой международной конференціи Обществъ Краснаго Креста въ Римѣ, 21-го апрѣля 1892 года, предсѣдателемъ собранія было заявлено о пожертвованіи Ихъ Величествами Королемъ и Королевою Италіи 10 т. лиръ (франковъ) на устройство конкурса для разрѣшенія задачи объ усовершенствованіи способовъ быстрой переноски раненыхъ съ поля битвы на перевязочные пункты, а затѣмъ во временные военные госпитали. Пожертвованіе это было принято собраніемъ съ чувствомъ единодушной, глубокой признательности и тогда же назначена коммиссія для выработки основныхъ правилъ программы конкурса. Окончательная разработка программы была затѣмъ поручена итальянскому центральному комитету и на него же возложено назначеніе международнаго жюри для разсмотрѣнія представленныхъ на конкурсъ работъ и назначенія премій.

Предметы конкурса на соисканіе преміи Ихъ Величествъ Короля и Королевы Италіи: 1) Конкурсу подлежатъ исключительно предметы, которые могутъ служить для облегченія и ускоренія поднятія раненыхъ съ поля сраженія и, въ то же время, способствовать быстрому, безопасному и легкому перенесенію раненыхъ съ поля битвы до перваго перевязочнаго пункта или же до того мѣста, откуда дальнѣйшій транспортъ раненыхъ можетъ быть произведенъ вошедшими уже въ употребленіе обыкновенными способами эвакуаціи. 2) Предметомъ конкурса могутъ быть всѣ тѣ приборы, аппараты, приспособленія и проч., которые прямымъ или косвеннымъ способомъ будутъ служить основной цѣли конкурса, слѣдовательно должны имѣться въ виду всѣ средства, необходимыя для примѣненія къ разнымъ дорогамъ и мѣстностямъ. Сообразно этому подлежатъ конкурсу: а) Носилки, усовершенствованныя въ смыслѣ ихъ прочности, легкости и приспособленности для продолжительныхъ и дальнихъ транспортовъ, такъ какъ перевязочные пункты приходится въ наше время помѣщать гораздо дальше отъ мѣста битвы, чѣмъ это дѣлалось раньше, благодаря всеобщему употребленію дальнобойныхъ орудій. Этимъ выигрывалось бы не только во времени, но и въ сбереженіи силъ носильщиковъ, которые при такихъ условіяхъ могутъ дольше работать и

тѣмъ увеличить число транспортовъ. b) Экипажи для перевозки раненыхъ въ полевые лазареты. Они должны быть легки и способны вмѣщать большее число раненыхъ и выполнять большее число переѣздовъ и имѣть устройство для передвиженія по неудобнымъ дорогамъ и разнообразнымъ мѣстностямъ. c) Способы освѣщенія поля битвы установкою ли на самомъ полѣ битвы маяковъ или какими-либо иными способами, приспособленными главнымъ образомъ къ освѣщенію дороги носильщикамъ и облегченію имъ поисковъ раненыхъ на полѣ битвы. Для послѣдней задачи должны быть предложены простѣйшіе и наиболѣе практичные освѣтительные аппараты для снабженія имъ лицъ, отыскивающихъ раненыхъ на полѣ битвы.

Выставка будетъ вполнѣ устроена и открыта 15-го августа 1893 г., если только не помѣшаютъ тому какія-нибудь непредвидѣнныя обстоятельства. Для публики она будетъ открыта съ 16-го августа по 16-е сентября включительно. Отправка предметовъ должна быть сдѣлана заблаговременно, такъ, чтобы всѣ предметы могли быть доставлены до 30-го іюня 1893 г.

Соискатели, желающіе получить болѣе подробныя разъясненія до открытія выставки, могутъ обращаться въ Главное Управленіе Краснаго Креста своей страны, или же къ предсѣдателю Итальянскаго Общества Краснаго Креста въ Римъ, франкированнымъ письмомъ или телеграммой съ оплаченнымъ отвѣтомъ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ, 1893.

Книга первая. — Январь.

Книга вторая. — Февраль.

